ИСТОРИЯ ВОСТОКА

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

в шести томах

Главная редколлегия

Р.Б.Рыбаков (председатель),
Л.Б.Алаев, К.З.Ашрафян (заместители председателя),
В.Я.Белокреницкий, Д.Д.Васильев, Г.Г.Котовский,
Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин, О.Е.Непомнин,
Ю.А.Петросян, К.О.Саркисов, И.М.Смилянская,
Г.К.Широков, В.А.Якобсон

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2009

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток в древности

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2009

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
И90

Ответственный редактор
В.А. Якобсон

Редактор издательства
Л.В. Негря

История Востока : в 6 т. / Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 1995–. — ISBN 5-02-018102-1

Т. 1 : Восток в древности / отв. ред. В.А. Якобсон. — 5-е изд. — 2009. — 688 с. : карты. — ISBN 978-5-02-036402-8 (в пер.)

В первом томе многотомного труда «История Востока» показаны причины и пути возникновения первых цивилизаций, их взаимодействие между собой, а также с периферийными обществами. Серьезное внимание уделено проблемам этногенеза, взаимоотношений между языками и культурами. Изложение истории конкретных стран и регионов дано с учетом разделения древности на два подпериода: раннюю и позднюю древность. Верхней хронологической границей первого тома является рубеж христианской эры. Том снабжен картами и указателями.

Научное издание

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

I

Восток в древности

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Художник *Э.Л. Эрман.* Художественный редактор *Б.Л. Резников*
Технический редактор *О.В. Волкова.* Корректор *Н.Н. Щигорева*

Подписано к печати 18.08.09. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 55,9. Усл. кр.-отт. 55,9. Уч.-изд. л. 56,6
Тираж 1500 экз. Изд. № 8410. Зак. № 1509

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Институт востоковедения РАН, 1997
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1997

ISBN 978-5-02-036402-8 (т. 1)
ISBN 5-02-018102-1

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ СЕРИИ

В последние десятилетия XX в. принципиально по-новому встали глобальные проблемы человечества. Явственно обнаружилась планетарная взаимосвязь самых различных аспектов и проявлений культуры. Вместе с тем локальные цивилизации самоидентифицируются и противостояние между ними по видимости усиливается. Новое заключается в том, что столкновение этих двух тенденций сейчас опасно обострилось. Однако указанные противоречивые тенденции своими корнями уходят в далекое прошлое народов. Это повышает актуальность исторических исследований, особенно обобщающих и компаративистских.

Различные исторические школы Востока и Запада, радикальной или консервативной ориентации, продолжают дискутировать по поводу национальных «приоритетов» заселения тех или иных регионов, маршрутов исторических миграций, хронологии этногенеза больших и малых народов, этнической принадлежности деятелей древней и средневековой культуры и т.д. При этом историки (включая нашу отечественную школу востоковедения) часто «уходят» от сравнительно-исторических исследований, позволяющих раскрывать совершенно новые, не изведанные ранее грани мировой системы цивилизаций. Между тем только с позиций компаративистики можно уяснить, что историко-хронологический «разрыв» в становлении различных локальных цивилизаций или даже «параллельность» их отнюдь не свидетельствует об их изолированности друг от друга или о том, что каждая из них подчиняется лишь своим собственным, уникальным закономерностям. В локальных цивилизациях обнаруживаются фундаментальные закономерности общественного прогресса. Показать, как проявляют себя эти закономерности в необычайно богатой и несомненно индивидуальной истории восточных народов от Японских островов и Индонезии до Средиземноморья, — главная исследовательская задача большого авторского коллектива данного издания.

Всемирность истории — понятие внутренне противоречивое. Хотя мы считаем, что история развивается по объективным законам, общим для всего человечества, но законы эти на региональном и страновом уровне проявляются по-разному. Идея прогресса, или последовательного движения по ступеням общественно-экономического развития, применима без оговорок лишь при изучении развития человечества в целом, а не каждого из составляющих его этносов. В этом смысле история отдельной страны или группы стран, региона, если она искусственно вырывается из общечеловеческого контекста, что-то теряет в своей целостности. Всеобщая связь и взаимодействие этносов, рас и локальных цивилизаций являются важными факторами исторического процесса. «Эксперименты», поставленные самой историей, например территориальная изоляция американских индейцев, австралийских аборигенов и т.п., убеждают, что без непрерывных взаимовлияний ослабевает, вплоть до полного затухания, импульс к прогрессу. История как бы «останавливается», подобно не заведенному вовремя часовому механизму.

Вместе с тем конкретные пути развития исторических общностей многовариантны, а локальные формы могут совершенно не вписываться в логи-

ческий ряд. Поэтому не может быть полной идентичности закономерностей развития на локальном, региональном и глобальном уровнях. Скажем, как бы глубоко наука ни изучила историю Западной Европы, нет основания считать, что она познала всемирно-исторические закономерности. Еще меньше оснований заключать, что Западная Европа дает нам ключ к пониманию закономерностей истории отдельных цивилизаций Востока. Приходится об этом говорить, потому что прямолинейный перенос локальных европейских терминов, категорий, определений на историю других регионов и всего мира был до недавнего времени характерен для отечественной, да и для мировой науки. Дальнейшее развитие теории истории должно заключаться в совершенствовании историософского инструментария не только на глобальном уровне, но и на уровне регионов.

Выбор «Востока» в качестве самостоятельного объекта региональной истории может вызвать сомнения. В данной работе «Востоком» называется территория азиатских и североафриканских стран. Таково традиционное определение «Востока» в классической западноевропейской науке, которое постепенно закрепилось также в нашей стране и выразилось в существовании комплекса наук «востоковедение».

Понятие «Восток» появилось впервые в Европе еще в античную эпоху. Именно древние греки мысленно разделили человечество на «Запад» и «Восток», причем «Запад» ассоциировался с полисом, демократией, свободой личности, а «Восток» — с Персидской империей, жестоким подавлением человека, деспотизмом. Граница между Востоком и Западом была подвижна, менялось также осознание существа их противопоставления. В средние века оно осмыслялось как противостояние христианского (прежде всего католического) и нехристианского мира. Нередко к «Востоку» относили также Восточную Европу, ареал православия.

Прогресс европейской науки и техники, появление «человека Возрождения» сделали возможными великие географические открытия XV—XVI вв., положившие начало колониальной экспансии сначала иберийских государств — Португалии, Испании, затем Голландии, Англии, Франции. С этого времени контакты между Европой, с одной стороны, Азией и Северной Африкой — с другой, становятся более тесными. Опережающее социально-экономическое развитие Европы, обнаружившее себя со всей очевидностью уже в XVI—XVII вв., и органически связанное с ним разложение феодализма внесли новое смысловое содержание в понятие «Восток». Цивилизационное отличие все более четко осознавалось как противостояние развитости и отсталости.

В период новой истории выявилось, что Европа противостоит всему неевропейскому миру. Дихотомия развитость—отсталость поделила мир уже не на Запад—Восток, а на Север—Юг. Вновь был поставлен вопрос о том, насколько правомерно размышлять о Востоке как о регионе. С одной стороны, можно ли говорить о единстве Востока, состоящего из трех столь различных цивилизаций, как Ближневосточная, Дальневосточная и Южноазиатская? С другой стороны, если все эти три цивилизации имеют что-то общее в своей судьбе и в этом смысле противостояли и противостоят Западу, то остальное человечество — Тропическая Африка, доколумбова Америка — разделило печальную судьбу трех цивилизаций (в том смысле, что пережило колониализм) и противостоит Западу не в меньшей мере. Многие считают, что именно такое членение человеческой истории: Запад, с одной стороны, и весь незападный мир — с другой, — является наиболее значимым.

К обсуждению вопроса о членении человечества на исторические регионы следует вернуться после того, как история Европы, Северной Америки, Востока, Тропической Африки и Латинской Америки будет изучена в одинаковой степени. Что же касается относительной целостности Востока как исторического региона, то эта проблема — одна из самых главных в предлагаемом труде. Как понимает наш читатель, данное предисловие пишется тогда, когда большинство томов пока еще находится в стадии разработки. Стало быть, предисловие не может предвосхитить основные выводы, особенно обновленные, к которым авторы придут в процессе работы над данным трудом. Сейчас можно лишь сказать, что задача, как ее видят авторы, заключается не в механическом сведении различных глав по истории отдельных стран, а в уяснении исторического процесса в целом, как он развертывался на просторах Азии и Северной Африки, охватывая временами значительные сопредельные территории Европы (Испанию, Балканский полуостров). Мы будем настойчиво искать, что связывало этот огромный регион помимо торговых (Великий Шелковый путь) и военных (держава Чингис-хана) отношений, что было сходного и сопоставимого в облике исламских, индуистских, буддийских и конфуцианских обществ, несмотря на все их несомненные и яркие отличия. Разумеется, пути развития отдельных восточных субрегионов (стран) также должны быть прослежены. В противном случае читатель получит не «Историю Востока», а лишь абстрактно-социологическую схему истории.

Востоковедение по существу с момента своего возникновения пытается отыскать объективное, действенное, отвечающее исторической правде и здравому смыслу соотношение между общечеловеческим и специфическим в истории народов и стран Востока. Был испробован (и, к сожалению, до сих пор не отброшен) весь спектр суждений по этому вопросу — от утверждения, что «Запад и Восток не имеют ничего общего», до полного отрицания восточной специфики. В историографии последних десятилетий советского периода поиски общего, поиски европейских аналогий и настороженное отношение к специфичному, пожалуй, преобладали. Это было вызвано как догматическими методами переноса схемы формаций на восточный материал, так и необходимостью, как она понималась, борьбы с различными колониалистскими искажениями истории.

Примерно с середины 80-х годов, особенно в условиях отхода от марксистской догматики, в историографии развернулся процесс более полного и глубокого осознания роли национальной, расовой, культурной специфики в истории народов — каждого в отдельности и всех вместе. «История Востока» представляет коллективную попытку отразить эту в целом благотворную эволюцию взглядов, прежде всего путем выявления особенностей социально-экономического, политического и культурного развития восточных обществ.

Принято выделять следующие периоды мирового исторического процесса: а) архаичный, или эпоху первобытнообщинных отношений; б) древний, или время возникновения, расцвета и разложения первых очаговых цивилизаций; иногда общества этого периода называют «рабовладельческими»; в) средние века, или эпоху господства феодальных отношений; г) новое время, характеризуемое развитием капитализма, и, наконец, д) новейший период, характеристика которого еще неопределеннее, чем всех предыдущих, но который тем не менее, по наиболее распространенному мнению, начинается после первой мировой войны.

Авторы «Истории Востока» придерживаются в целом этой универсаль-

ной периодизации, однако считают, что теория формаций, на которой она базируется, нуждается в совершенствовании — и как теория всемирного исторического процесса, и особенно как инструмент анализа истории отдельной страны или региона. Внутри исторического потока каждый регион имеет свое лицо, переходы от одного этапа к другому в разных регионах или странах не только асинхронны, но и разнокачественны — с разным соотношением внутренних и внешних факторов.

Подчиняясь общим закономерностям перехода со ступени на ступень (название этих ступеней, обычно объект жарких дискуссий, — дело совершенно второстепенное), Восток отличается особой вялостью темпа и плавностью ритма. Некоторые его подрегионы тысячелетиями сохраняли этнический, социальный и культурный континуум, который резко противостоит взрывообразному и разрушительному процессу перехода Запада от одной формации к другой.

Разница в ходе истории и в облике восточных и западных обществ заключает в себе не только стадиальные, но и типологические различия. Иногда стадиальную и типологическую разницу понимают как дихотомию формационного и цивилизационного. Но следует учитывать, что специфика типологическая (различный характер государства, права, собственности и т.п.) не возникает на пустом месте, а формируется в ходе длительной исторической эволюции и является равнодействующей как неких генетически заложенных цивилизационных черт, так и темпа, ритма и стадии социального развития. Цивилизационный и стадиальный подходы можно понимать как синхронный и диахронный методы описания действительности. Содержательно эти два подхода отличаются тем, что один из них (стадиальный) фиксирует свое внимание на изменчивости, а другой (цивилизационный) — на «наследственности», на стабильном, сохраняющемся в данной популяции через все ее стадиальные изменения. Попросту говоря, нельзя противопоставлять цивилизационный и формационный подходы, как нельзя противопоставлять длину ширине. Это разные измерения относительно целостного исторического процесса, причем одно из них ничуть не умаляется от того, что существует другое.

Первые классовые (стратифицированные, государственные, городские) общества в человеческой истории возникли именно на Востоке — в Месопотамии и долине Нила. «Древнее общество» просуществовало, по нынешним воззрениям, по крайней мере около четырех тысяч лет. Ни по охвату территории и населения, ни по древности возникновения, ни по длительности существования античное рабовладельческое общество не может выдержать сопоставления с древневосточной цивилизацией. Уже только поэтому вряд ли плодотворно изучать древний Восток сквозь призму античности — считать его «неразвитым рабовладельческим» обществом и, следовательно, брать античность за всеобщий образец первой классовой формации.

В данной работе во многом учтены наиболее содержательные труды последних лет по древнему Востоку, в которых показано, что рабовладельческий уклад, при всей его значимости, не выполнял структурообразующих функций. В связи с этим представляется логически и исторически обоснованным обозначать общественный строй, существовавший на древнем Востоке до первых веков христианской эры, несколько расплывчатым термином «древнее общество», оставив задачу его более содержательного терминологического определения будущим исследователям-востоковедам. Соотношение различных укладов, характерных для «древнего общества», этапы его развития уже достаточно выяснены. В этой теоретической модели опре-

деленное место принадлежит и античности как этапу и локальному варианту становления мировой системы цивилизаций.

Средневековый Восток авторы считают феодальным, но при этом также стремятся не переносить излишне прямолинейно на Восток европейские категории, связанные с понятием «феодализм». Сочетание «восточный феодализм» давно используется отечественными историками, однако оно все еще не обрело терминологической определенности. Что именно неевропейского и в то же время одинаково индийского и китайского в том обществе, которое существовало на Востоке в средние века? Ясно, что понимание «восточного феодализма» должно быть достаточно широким, чтобы охватить все основные цивилизации Востока, но в то же время сохранять известную определенность. Главное здесь заключается в том, что строй, наблюдавшийся в основных странах Востока к началу колониальных захватов, типологически имел весьма значительные отличия от строя предбуржуазной эпохи в Европе, но стадиально соответствовал последнему. В противном случае невозможно объяснить достигнутый народами Востока социально-культурный уровень.

Именно эти соображения побудили авторов данного издания отказаться от концепции «азиатского способа производства». Данное понятие и сейчас, как известно, используется некоторыми учеными (иногда в несколько измененных вариантах — «государственного», «политарного» способа производства), но в весьма противоречивых значениях.

Для одних это основа первой классовой формации, стоящей между первобытностью и рабовладением. При таком подходе нам пришлось бы утверждать, что Восток к XVII—XVIII вв. еще не достиг уровня древних Афин и Спарты. Думается, что подавляющее большинство ученых, в том числе востоковедов, сочтет такое суждение противоречащим общеизвестным историческим фактам.

Для других «азиатский способ производства» — обозначение специфики Востока вообще, основа противопоставления восточных обществ, базирующихся на государственной собственности, всем западноевропейским, основанным на частнособственнической эксплуатации. При такой трактовке Восток как бы вообще выпадает из процесса смены формаций, а региональные истории Востока и Запада предстают как два не связанных друг с другом процесса, подчиняющихся совершенно разным закономерностям. Разрушается целостность человечества, которая, как было отмечено ранее, для авторского коллектива является незыблемым постулатом, предпосылкой существования истории как науки.

Отрицая «восточную формацию», авторы издания в то же время отмечают для древних и средневековых обществ Востока такие специфические черты, как отсутствие или слабое развитие частной собственности и, следовательно, невысокий уровень индивидуализации личности, медленный эволюционный процесс изменений, растянувшийся на столетия и тысячелетия при отсутствии резких скачков между историческими эпохами, длительное и устойчивое сохранение архаических форм социальной организации. Именно в такой ситуации деспотическое государство берет на себя ключевые хозяйственные, социальные, культурные и иные функции, обеспечиваемые с помощью громадного аппарата власти и принуждения. И тем не менее восточнодеспотические государства не могли остановить процесс собственной эрозии и, рано или поздно, разрушались. Парадоксальность ситуации состояла в том, что и в условиях распада деспотии отнюдь не происходило быстрого интеллектуального или экономического подъема, а наблю-

далось нечто противоположное — деградация и упадок, члены традиционного восточного общества вновь становились объектами очередного деспотического властвования, не менее всепроникающего и жестокого. Невыраженность индивидуализации личности — это, пожалуй, одно из наиболее заметных отличий восточных традиционных обществ от западных. Но эта черта не является причиной всех остальных особенностей Востока. Это лишь проявление всей системы общественных отношений, включавшей особую роль общин, кланов, каст, конфессиональных общностей и др., эмбриональное развитие правовых гарантий жизни и имущества и т.п. Комплекс данных общественных отношений, сложившийся в обществах (цивилизациях) Востока к началу нового времени, и стал причиной отсталости этого региона от Западной Европы, колониального и полуколониального его порабощения.

История неумолимо сталкивает общества разных уровней развития и никому не позволяет бесконечно лелеять свою специфичность. Любое общество, задержавшееся в своем развитии, начинает испытывать неудержимый натиск более передового общества — военный, культурный, политический и т.п. Развитие отставшего при этом несколько убыстряется, но, как правило, и деформируется. В результате подобного «толчка» создаются «вторичные» и «третичные» формы, которые заставляют по-новому ставить вопрос о типологических особенностях региона, в данном случае Востока.

Капитализм был первой формацией, к которой Восток переходил при огромном внешнем воздействии Европы. До этого можно говорить об обратном — мощном воздействии восточных экономик на западные. В новое время Восток познакомился не столько с предпосылками, сколько с результатами капиталистической цивилизации, и прежде всего с колониальным поработителем (личностью, сформированной Возрождением, Реформацией, Просвещением), оснащенным новейшим оружием, созданным на базе технических достижений европейского городского свободного ремесла и мануфактуры. Буржуазные идеи свободы, равенства и братства, принципы национализма стали проникать на Восток раньше, чем здесь сформировались капиталистический уклад и буржуазная социальная структура. Наметился целый ряд других «нарушений» естественноисторической модели становления капиталистической формации, осмысление которых служит ныне ареной актуальных научных споров.

В ранние периоды истории тот или иной региональный вариант цивилизационного развития на Востоке если не в решающей степени, то во многом был обусловлен эндогенными факторами; особо важную роль играли экологические условия, определившие не только род хозяйственной деятельности «морских», «континентальных» и иных обществ, но и многие черты традиционной социально-экономической структуры. Экзогенные факторы приобрели особую значимость лишь в новое время, когда на волне резкого усиления колониального натиска развернулся интенсивный процесс включения стран Востока в мировой рынок и позднее — в мировое хозяйство. Немаловажным фактором локальных конкретно-страновых вариантов развития в новое и новейшее время стали политический статус той или иной страны в мировом сообществе — колониальный или полуколониальный, а также серьезные различия «колониализмов» (более гибкого и маневренного британского, более консервативных голландского и французского и пр.).

Освободившись от колониальной и полуколониальной зависимости,

страны Востока встали перед необходимостью модернизации. И вновь выбор пути, модели развития, определился в ходе взаимодействия внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов. Одни страны избрали импортзамещающую модель индустриализации, другие — экспорториентированную. С этими двумя моделями связаны разные взаимоотношения с мировым рынком и с центрами мировой экономики. Не только разные экономические стратегии, но и политико-идеологические предпочтения элиты вызвали к жизни различные типы государственного вмешательства в экономику — от сравнительно поверхностного регулирования («капиталистическая модель») до огосударствления большей части экономики (режимы «социалистической ориентации» или «некапиталистического развития»). Любой из путей развития не приводил к всеобщему подъему благосостояния, почти всегда вызывал обострение социальных противоречий и усиление идеологического противостояния. В каждой из стран «третьего мира» боролись и борются свои «коммунисты» и «капиталисты», «западники» и «почвенники». Последние часто используют религиозные традиции («фундаментализм»), идеи исключительности своей цивилизации, ее особой роли в мире. Все эти процессы в зарубежных странах интересны сейчас российскому читателю не только сами по себе, но и потому, что в них просматриваются параллели с тем, что происходит в нашей стране. Страны «третьего мира» накопили громадный позитивный опыт борьбы с бедностью, неразвитостью, экономической стагнацией, политической апатией — опыт, который востоковеды обязаны донести до российской общественности. Впрочем, накоплено также много негативного опыта, может быть, еще более поучительного.

Не все новые подходы сейчас уже устоялись. Но абрис некоторых из них вырисовывается.

Самое, пожалуй, важное — в конце XX в. изменилось наше отношение к насилию в истории. Ранее мы не видели в насильственных действиях, приводивших к большому количеству жертв, ничего особенно одиозного. В лучшем случае отмечали происшедшее в результате этого «разрушение производительных сил». Если же насильственные акты совершались против «угнетателей» (феодалов, правителей, колонизаторов, империалистов), то пользовались нашим устойчивым сочувствием. Народные движения, восстания, революции, так же как и верхушечные перевороты, оценивались в основном по «решительности», т.е. по количеству жертв — чем их больше, тем быстрее прогресс. Но к исходу XX столетия стало очевидным: человеческие жизни не являются больше донором прогресса. Исторический прогресс через насилие себя исчерпал. Вопрос для историка звучит так: не произошло ли это значительно раньше, чем было осознано? Не следует ли по-другому оценить благотворность восстаний и революций прошлого? Каждый раз, когда мы имеем дело с «прогрессом», достигнутым через насильственные действия, мы должны ставить вопрос о цене, заплаченной за это. Сплошь и рядом цена оказывается непомерно высокой, и тогда вместо прогресса мы имеем дело с его оборотнями.

К.Маркс как-то сказал, что насилие — повивальная бабка истории. Сегодня мы понимаем: это неверно. Профессия повивальной бабки — одна из самых гуманных. Акушерка не убивает мать, чтобы освободить ребенка. Ее задача — чтобы оба выжили. Так что, отвергая историотворческую функцию насилия в современную нам эпоху, миссию «повивальной бабки» мы мысленно передаем не революциям, а реформам. Реформа есть преобразование, совершаемое существующей в настоящее время властью,

которая в процессе преобразований свои властные функции стремится сохранить. Таким образом, в любой реформе присутствует и консервирующее, или даже консервативное, начало, и это вполне естественно. Но лишь медленные изменения оказываются прочными. Революции же, разрушая то, что еще не успело отмереть, вызывают регенерацию старых форм.

Часть проблемы насилия в истории — вопрос о роли классовой борьбы. Классы существуют, имеют разные интересы, и потому борьба между ними так или иначе идет, иногда очень остро. Однако, будучи функционально связаны друг с другом, классы не только борются, но и сотрудничают друг с другом. Их отношения, таким образом, вполне укладываются в диалектическую формулу «единство и борьба противоположностей». Случаи совпадения интересов и совместных действий, скажем, крупных землевладельцев и крестьян или капиталистов и их рабочих известны, и остается лишь объективно их показать.

Более взвешенной оценки заслуживает и такое явление, как колониализм, а также национально-освободительная борьба против него. Колониализм — великое столкновение формаций и цивилизаций, в котором пострадали многие, в том числе и метрополии, но из которого родилось человечество нового и новейшего времени. В то время «диалог цивилизаций» мог идти только под аккомпанемент пушек. Народы Азии, Африки и Америки, конечно, пострадали в первую очередь и в большей мере, чем народы Западной Европы, но расхожее мнение о постоянном перекачивании средств из колоний в метрополии, о том, что Европа убыстрила свое развитие и обогнала страны Азии благодаря их ограблению, в ходе исследований не подтвердилось. Величина «колониальной дани» в разные периоды и различных ситуациях — это еще один вопрос, который требует конкретного анализа.

Теория «империализма», выдвинутая В.И.Лениным в начале века, не подтвердилась. Не произошло ни замены конкуренции монополией, ни создания «финансового капитала», ни полного колониального раздела мира. Самое главное — тот этап капитализма, который наблюдал В.И.Ленин, оказался не последним. Колониализм сошел со сцены в результате действия ряда политэкономических, политических и психологических факторов, среди которых национально-освободительная борьба была не единственным, а может быть, и не главным. Настало время на базе фактического материала еще раз пересмотреть события антиколониальной борьбы: какие из них оказались благотворными для развития колоний или для становления нации, а какие отбрасывали страну и народ назад, вели к замене одной формы деспотизма (колониальной) другой формой, еще более жестокой и антинародной, хотя и «самостоятельной».

И последняя из тех проблем, новый подход к которым напрашивается уже сейчас. В свое время через марксизм отечественные историки усвоили мысль, что история должна интересоваться не только великими личностями, войнами и завоеваниями, но в первую очередь жизнью и деятельностью широких народных масс. Но понимался этот тезис все же несколько односторонне — как преимущественное внимание к социально-экономическим процессам и к проявлениям классовой борьбы. Сейчас нам стало яснее, что важную роль в детерминации исторических событий играют также идущие в глубине массового сознания социально-психологические и духовные процессы. Этим процессам в последующих томах будет уделено особое внимание.

В завершающем томе найдет отражение также формирование в последние десятилетия XX в. новых центров общественно-экономического развития в Азиатско-Тихоокеанском и других регионах Востока — процесс, заставивший многих ученых говорить о том, что XXI век будет веком Азии.

Предполагаемый труд — первая в истории отечественного востоковедения попытка исследования в рамках многотомного сочинения основных особенностей и этапов исторического процесса на Востоке с древности до наших дней. Характер издания, равно как и современный уровень наших знаний, обусловил то, что не все вопросы истории восточных народов получат в нем одинаково подробное освещение. Целый ряд проблем все еще ждет своих исследователей. Это определило гипотетичность некоторых обобщающих суждений. Единая позиция авторов по ряду основополагающих проблем не исключает различий во взглядах между ними по ряду конкретных вопросов истории той или иной страны. Редколлегия не считала себя вправе сглаживать те противоречия, которые реально существуют между различными исследователями — авторами глав.

«История Востока» — итог многолетнего труда большого коллектива отечественных востоковедов. В его создании принимали участие научные сотрудники Института востоковедения РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, Института отечественной истории РАН, Института Африки РАН, профессора и преподаватели МГУ им. М.В.Ломоносова и ряда других высших учебных заведений и научных центров.

Деление на тома в основном соответствует этапам мировой истории, выделенным выше, но с учетом специфики исторического пути Востока:

Том I. Восток в древности (с древнейших времен до первых веков христианской эры).

Том II. Восток в средние века (с первых веков христианской эры до XV в. включительно).

Том III. Восток на рубеже нового времени (XVI—XVIII вв.).

Том IV. Восток в новое время (с конца XVIII до первых десятилетий XX в.).

Тома V и VI. Новейшая история Востока, части первая и вторая (от первой мировой войны до наших дней).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

1

История древнего Востока есть история древнейших цивилизаций, чьи достижения, а также и бедствия прямо или косвенно определяют все дальнейшее развитие человечества.

В этом томе мы предполагаем показать причины и пути возникновения первых цивилизаций и их взаимодействие между собой, а также с периферийными обществами. Нам предстоит охарактеризовать основные пути социально-исторического развития обществ древнего Востока, сопоставляя их по возможности с древними обществами других регионов. Особое внимание должно быть уделено соотношению общего и особенного в развитии древних обществ, т.е. показу основных и, по нашему мнению, всеобщих движущих сил исторического развития и их конкретных проявлений соответственно времени и месту. В этой связи необходимо будет специально остановиться на роли культурных институтов, этических ценностей и социальной психологии. При изложении политической истории авторы постараются уделять должное внимание анализу форм государства, идеологическим представлениям о власти, формированию структуры общества и форм зависимости.

Этот том создан на основе третьего (исправленного и дополненного) издания трехтомной «Истории древнего мира» (М., 1989), в свою очередь исправленного и дополненного; ряд глав был написан или отредактирован заново.

Необходимость почти непрерывных исправлений и особенно дополнений вытекает из бурного развития востоковедения в последние десятилетия. Это развитие безостановочно продолжается, принося новые, подчас сенсационные материалы (например, открытие Эблы и ее архивов). Одновременно идут постоянные и горячие теоретические дискуссии, лишь накал их то усиливается, то ослабевает. Разумеется, почти все советские историки стояли на позициях экономического детерминизма. Если историк хочет быть ученым, он не может не исходить из предположения, что существуют законы истории и что эти законы познаваемы. Все иные подходы сводятся в конечном счете либо к взгляду на историю как на некий конгломерат случайных или, во всяком случае, не имеющих единого объяснения процессов и событий, либо к различного рода телеологическим взглядам, предполагающим те или иные «конечные цели» исторического процесса, заданные человечеству или народу (расе) извне. Следует также отметить, что и сам детерминистский подход отнюдь не ведет к полному единообразию взглядов.

Итак, мы все в той или иной мере придерживаемся материалистического понимания истории, но не в той его плоско-догматической форме, которая еще недавно была у нас официальной идеологией. Мы исходим из того, что крупные изменения в области материального производства влекут за собой очень серьезные изменения в обществе. Однако не обязательно одни и те же, а в зависимости от того, на какой социально-культурный фон накладывается данное техническое нововведение. Так, распростране-

ние железа привело к тому, что полное вооружение воина стало доступно среднему общиннику античного города-государства, а это, в свою очередь, обеспечило становление и укрепление полисной демократии, создание «общины равных». Напротив, на Востоке та же самая технология и порожденное ею удешевление оружия привели к созданию массовых армий, находящихся на царском иждивении. С помощью этих армий были созданы крупные территориальные государства, а затем и империи.

Не менее важно рассмотреть те проблемы, которые являются предметом дискуссий, упомянутых выше. Никто не обладает монополией на истину, но к любой из соперничающих моделей следует предъявлять одинаковые требования: она должна быть внутренне непротиворечивой и соответствовать известным фактам. Как и во всякой другой науке, особенно ценным было бы наличие у модели не только объясняющей, но и предсказывающей способности, т.е. возможности на ее основе предполагать некие неизвестные доселе факты и даже указывать конкретные способы их обнаружения с последующим подтверждением этих предположений. К сожалению, эти теоретические требования трудно осуществимы (если вообще осуществимы в полном объеме) на практике. Невозможность построения полной и совершенно непротиворечивой теории в какой бы то ни было области науки доказана математически, а количество известных фактов в одних областях востоковедения стремительно растет, в других же остается практически без изменений. Поэтому сосуществование альтернативных моделей следует признать неизбежным на более или менее длительный период, с тем чтобы каждый автор был свободен в выборе модели, но последователен в ее применении. Этим правом мы и намерены воспользоваться, и теперь необходимо изложить, в чем состоит избранная нами модель. Но следует предупредить, что теоретические воззрения автора настоящего Предисловия не всегда полностью совпадают с воззрениями других авторов этого тома. Каждый из них писал свой раздел отдельно и независимо от других. Автор настоящего Предисловия (являющийся также и составителем тома) не считал возможным пытаться как-либо влиять на их теоретические позиции. Поэтому те или иные несовпадения или «непоследовательности» внутри этого тома (да и по отношению к другим томам) не должны удивлять. Таково состояние науки на нынешний день, она имеет не только бесспорные и крупные достижения, но и не решенные пока проблемы.

2

История древнего Востока — это, как уже сказано, история древнейших на земле классовых обществ, цивилизаций. Именно первичным цивилизациям принадлежат те важнейшие культурные достижения человечества, которые и сделали возможным его дальнейший прогресс и в значительной степени предопределили направление и характер этого прогресса. Главными из них являются:

1. Изобретение письменности, благодаря чему человечество получило бессмертную и способную хранить неограниченный объем информации коллективную память. Так стало возможно бесконечное накопление знаний и возникла новая профессия открывателей, накопителей и хранителей знания, как бы они ни назывались в том или ином обществе. Возникли также и системы отбора и подготовки людей для этой профессии, а в

дальнейшем сама она начала подразделяться на подгруппы конкретных специалистов. Характерной чертой любой ранней цивилизации является глубокое уважение к знанию, появление мифологической фигуры «культурного героя», а также и превращение реальных исторических лиц в легендарных мудрецов.

2. Опыт организованного совместного труда значительных человеческих коллективов. Конечно, нам известны крупные сооружения, относящиеся и к эпохе первобытнообщинного строя: курганы, мегалитические постройки. Но только цивилизации ставят организованный труд в основу своего существования: именно он создает крупные ирригационные системы, храмы, дворцы и городские стены. С этим тоже увязано появление новых профессий — планировщиков, организаторов, управителей. Этот же принцип организации совершил переворот и в военном деле. Беспорядочная массовая драка или серия поединков была заменена схваткой построенных в четкие боевые порядки воинов. Оказалось, что воинский строй увеличивает силу отряда по меньшей мере на порядок. И здесь появились новые профессии — воина и полководца.

3. Наконец, именно на древнем Востоке возникли те формы политической жизни (гражданская община, различные типы государства, царская власть) и общественного сознания (религиозные и философские движения, ставящие во главу угла этику, индивидуальную ответственность человека за свои поступки), которые в дальнейшем распространились по всему земному шару.

Классовое общество («цивилизация», в одном из значений этого слова) возникает лишь после того, как становится возможным производство прибавочного продукта, за счет которого общество и содержит аппарат управления, войско и «интеллигенцию», т.е. жрецов, писцов, ученых, художников и т.д. Ниже этот процесс будет рассмотрен более подробно, пока же отметим, что раньше всего такая возможность появляется в долинах великих рек субтропической зоны, а также примыкавшей к ней южной части зоны умеренного климата. Именно здесь обилие влаги для орошения, легкие аллювиальные и лёссовые почвы и достаточное (без орошения даже чрезмерное) количество солнечного тепла позволили при помощи сравнительно простых орудий обеспечить резкий подъем производительности труда. Следовательно, чрезвычайно существенную роль на заре цивилизации играет географический фактор. Им определяется характер хозяйства, а в некоторых случаях даже и форма государственного устройства. Например, специфические географические условия Египта (узкая полоса пригодной для обитания и для возделывания земли, вытянутая вдоль громадной реки — естественного пути через всю страну) очень рано привели к созданию здесь единого государства с мощной центральной властью, во главе которой стоял обожествленный царь. Альтернативой этому было бы лишь взаимное истребление враждующих номов. Вместе с тем не следует и преувеличивать роль географического фактора. Так, вопреки широко распространенной в нашей науке точке зрения, необходимость искусственного орошения не была побудительным мотивом к созданию крупных территориальных государств. В указанных речных долинах (как и в долинах Инда и Хуанхэ) не было и не могло быть в древности единой оросительной системы, управляемой из одного центра, а были многочисленные, независимые друг от друга местные системы. Исследования последних десятилетий, проведенные с помощью аэрофотосъемки, показывают, что, например, в Шумере главные оросительные системы на основе магистральных каналов

и естественных ответвлений русла Евфрата были созданы еще в раннединастический период (т.е. в эпоху «номовых государств» — см. гл. II). В дальнейшем они лишь поддерживались и расширялись. Реки были чрезвычайно многоводны, так что не возникала конкуренция между местными оросительными системами из-за воды, хотя, конечно, случались раздоры между общинами, расположенными на одном канале. Кроме того, если бы объединение мелких государств в большие действительно вызывалось хозяйственными причинами, было полезно для общества, оно было бы быстрым и прочным. В действительности же, например в Месопотамии, объединительные попытки значительное время встречали ожесточенное и упорное сопротивление, так что для III—II тысячелетий до х.э. более типично не единство, а политическая раздробленность, характерная в течение значительного времени также для Индии и Китая. Египет, по указанным уже причинам, был исключением.

На самом же деле создание больших централизованных государств на месте первоначальной системы «номовых государств» есть результат завоеваний и стремления к увеличению возможностей эксплуатации населения. Иначе говоря, происходит экстенсивный рост абсолютного объема прибавочного продукта, что достигается сначала просто путем ограбления соседей, а в дальнейшем — путем увеличения своей территории и числа эксплуатируемого населения (подробно см. гл. XIII).

3

Поскольку в последнее время идут оживленные дискуссии о преимуществах и недостатках «стадиального» и «цивилизационного» подхода к изучению истории, представляется целесообразным очень кратко рассмотреть основные или по крайней мере наиболее модные ныне теории, а заодно попытаться уточнить и применяемую при этом терминологию.

Термин «цивилизация» впервые появляется, видимо, в XVIII в. (в трудах французского экономиста В.Мирабо и шотландского философа А.Фергюсона) для обозначения «зрелого» состояния человеческого общества. В современной научной литературе термины «цивилизация» и «культура» нередко употребляются как синонимы, но второй из них имеет длительную историю, восходящую еще к античности. Его содержание изменялось в сторону все большего абстрагирования, и в настоящее время под ним обычно понимается некий достигнутый уровень в общественном состоянии человечества или, в более узком смысле, данного общества или даже данной группы людей. Иными словами, культура есть органическая совокупность общественных условий и способов создания, распространения и сохранения материальных и духовных ценностей, а также и самих этих ценностей. Короче всего было бы сказать, что культура — это все, что не есть природа, но, как известно, наука логики запрещает отрицательные определения.

О культуре, следовательно, можно говорить уже для самых ранних стадий развития человеческого общества (палеолитические культуры, неолитические культуры). Для избежания путаницы термином «цивилизация» следовало бы обозначить лишь определенный уровень в развитии человеческого общества — классовое или стратифицированное общество, в котором родовые связи оттесняются в сознании людей на второй план, а на

первый план выходят связи политические и идеологические, за которыми (в течение тысячелетий — невидимо) стоят связи экономические. Термин «культура» здесь должен употребляться как характеристика составных частей данной цивилизации — составляющих ее конкретных государств и общественных групп (сословий, классов, стран и т.п.).

Термин «цивилизация» первоначально употреблялся лишь в единственном числе и в самом широком смысле, но затем, под влиянием накопленных сведений о различных обществах вне Европы, речь идет уже о множестве различных цивилизаций. Существование локальных различий между цивилизациями (и культурами) во времени и пространстве — эмпирический факт. В связи с этим уже в XIX в. возникают две проблемы: проблема научной классификации и проблема взаимоотношений между цивилизациями. Следует сразу же сказать, что первая проблема остается не решенной по сей день. Единственное, что здесь более или менее достоверно, — это стадиальная классификация. В современной историографии она соответствует разделению цивилизаций на рабовладельческие (древние), феодальные (средневековые) и т.д., учитывая, разумеется, все проблемы, связанные с самой характеристикой стадий. Но на простой вопрос, чем различаются между собой, скажем, стадиально одинаковые древнемесопотамская и древнекитайская цивилизации, дать ясный и краткий ответ пока невозможно: для этого необходимо последовательно сопоставить между собой все сколько-нибудь значительные составляющие этих цивилизаций. Существующие определения либо имеют этнографический характер (египетская, месопотамская, индийская и т.д.), либо традиционны (античная), либо, наконец, основываются на какой-то характерной (по мнению исследователя!) черте данной цивилизации («клинописная»). Все определения такого рода не содержательны и не операциональны, т.е. не могут быть положены в основу какой-либо классификации или сами по себе служить основанием для каких-либо логических построений. Тем не менее такие попытки продолжаются. Начало им положил, видимо, О.Шпенглер, утверждавший, что в каждой культуре (слово «цивилизация» он употреблял в особом смысле, об этом см. ниже) может быть обнаружен некий «первофеномен», из которого выводятся все остальные. Что и Шпенглеру не удалось решить задачу, видно из составленного им перечня культур: египетская, индийская, китайская, вавилонская, майя (т.е. здесь принцип определения — этногеографический), аполлоновская (античная), магическая (византийско-арабская), фаустовская (западноевропейская). Крайний субъективизм этих характеристик очевиден. Шпенглер полагал, что различие культур лежит в их «пластике», «инстинкте», т.е. находится в области художественно-психологической. По Шпенглеру, цивилизация — это последняя стадия умирающей культуры, когда творчество сменяется бесплодием, становление — косностью, деяние (как акт самовыражения) — работой, творчество — спортом и политикой. Каждая культура, полагает Шпенглер, есть живой организм, биологически несовместимый (как мы сформулировали бы теперь) с другими, не допускающий никаких заимствований, а культурного прогресса не существует.

Мы уделяем теории О.Шпенглера так много места не только потому, что она была в свое время весьма популярна, но и потому, что она и в наше время нередко в той или иной форме напоминает о себе (как правило, без упоминания первоначального автора). Хотя сам Шпенглер считал свою теорию «коперниковским переворотом» в изучении истории, в действительности и она, и эпигонские построения нашего времени представ-

ляют собой не столько науку, сколько литературу — неоромантизм весьма реакционного свойства (не случайно эта теория была очень популярна среди немецких фашистов). Из современных «теорий» этого рода стоит упомянуть лишь так называемую теорию «химерных культур». Согласно этой теории, смешение культур и появление на этой основе новых возможно, но иногда при этом возникают вредоносные «химерные» культуры. Поскольку заранее знать, что получится при смешении культур, невозможно, концепция «химерности» представляет собой теоретическое обоснование ксенофобии, культурной замкнутости. Однако ни малейших реальных оснований она под собой не имеет. История не знает ни одного случая возникновения «вредоносных» культур, но зато хорошо знает немало случаев, когда культурная замкнутость повергает культуру и общество в целом в своего рода летаргию, пробуждение от которой бывает тяжелым. Такое общество обнаруживает себя в состоянии культурной, политической и экономической отсталости, а нередко и зависимости. И напротив, как легко увидит внимательный читатель этой книги, самые блестящие культуры возникают при максимально большом числе образующих компонентов (на первый взгляд даже решительно несовместимых), при максимальной открытости и готовности к заимствованиям.

Из теоретиков нашего времени наиболее часто можно встретить в литературе имя А.Тойнби. В разных своих работах он насчитывает разное количество цивилизаций, рассматриваемых им как «ветви единого древа». Развитие же, как он полагает, идет в направлении единства человечества. Каждая цивилизация обязательно проходит такие стадии: возникновение, рост, надлом, разложение. Заимствования, по А.Тойнби, возможны, но заимствуются только «положительные знания», т.е. наука и техника. Движущей силой развития каждой цивилизации является творческое меньшинство, «отвечающее» на исторические «вызовы». Характер «вызовов» и «ответов» и определяет характер данной цивилизации.

Более подробный разбор большого числа теорий читатель найдет в специальных работах по культурологии. Здесь же упомянуты две наиболее, по нашему мнению, типичные. По тому, как решается вопрос о взаимоотношении цивилизаций (культур), все существующие теории можно в основном поделить на две группы: 1) эволюционистские теории; 2) теории «локальных» («эквивалентных») культур.

Эволюционизм сложился в XIX в., но его корни уходят еще в эпоху Просвещения, когда впервые была выдвинута идея исторического прогресса. Наиболее видные представители эволюционизма — Л.Г.Морган, Э.Б.Тэйлор, Д.Д.Фрэзер — исходили из представления о единстве человеческой истории и о развитии ее в одном, общем для всех направлении. Ими были сформулированы понятия стадий в развитии человечества — дикости, варварства, цивилизации. Огромное количество эмпирических наблюдений позволило выявить множество удивительно схожих явлений в обществах, географически и исторически весьма отдаленных друг от друга, отнести эти общества к одинаковым стадиям развития. Высшей же стадией развития эволюционисты полагали современную им капиталистическую Европу, в которой они и видели будущее всех других народов. Взгляды эволюционистов содержали много справедливого. Так, они исходили из идеи о единстве человечества — биологическом и психологическом (в основных проявлениях). Будущее человечества они видели в его культурном и политическом единстве. Но в неудержимом стремлении отыскивать «общее» в разных цивилизациях эволюционисты нередко забывали

об «особенном», из-за своего позитивистского подхода допускали натяжки. Вопрос о том, почему все-таки существуют различия между цивилизациями, оставался без ответа или даже не ставился.

Теории «локальных», или «эквивалентных», цивилизаций весьма многочисленны. Они исходят из того, что исторически существовало множество цивилизаций, независимых друг от друга. Большинство последователей таких теорий отрицают наличие какого-либо культурного прогресса, отвергают аксиологический (ценностный) подход к цивилизациям и считают их все равноправными («эквивалентными»).

Среди сторонников «теории локальных цивилизаций» есть и такие, которые не считают все цивилизации эквивалентными, но при этом исходят не из идеи исторического прогресса: его они либо отвергают, либо считают, что к прогрессу способны не все цивилизации и не все народы. Это — различного рода расистские теории, получившие в последние десятилетия значительное распространение. Первой из «теорий» такого рода был «европейский» расизм, служивший теоретическим оправданием колониального угнетения азиатских и африканских народов. Его апологеты утверждали, что только белая раса способна к прогрессу и является исторической, прочие же народы истории не имеют и иметь не будут. Историческая и биологическая необоснованность подобных взглядов давно и неопровержимо доказана. Достаточно очевидна и их этическая неприемлемость. Тем не менее расистские предрассудки чрезвычайно живучи и опасны.

В последние десятилетия расистские и националистические теории возникли и у других народов. Понимая, что все эти явления вызваны к жизни определенными историческими причинами и, как правило, являются ответной реакцией на «европейский» расизм, необходимо столь же недвусмысленно отвергнуть и их, показывая, что эта реакция — ошибочная и делу национального освобождения может только вредить. Поддерживая национально-освободительные движения, мы должны в то же время решительно и безоговорочно отвергать любые проявления национализма. Различие же между ними состоит в том, что в основе национально-освободительных движений лежит справедливое требование равноправия и взаимного уважения всех народов и культур, а в основе национализма — безнравственный и антинаучный догмат исключительности и превосходства.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что отсутствие единого критерия, по которому можно было бы классифицировать культуры и цивилизации, по всей вероятности, не случайно и, более того, не зависит от уровня наших знаний или способностей к обобщению: такой критерий (повторим: содержательный и операциональный) скорее всего вообще не существует. Ведь давно уже все сошлись на том, что подобный критерий принципиально невозможен для классификации людей; все человеческие личности неповторимы и «суверенны», вследствие чего возможны лишь формальные критерии различения по полу, возрасту, роду занятий, имени, фамилии и т.п. Все эти критерии именно формальны, ибо ничего не говорят нам о сущности данного человека.

Цивилизация же (культура) каждого народа является конкретным способом его существования, определяемым всей предшествующей его историей. Поэтому и для классификации цивилизаций (культур) возможны, видимо, лишь формальные критерии — стадиальные и этногеографические. Различия же между цивилизациями, относящимися к одной стадии, в каждом конкретном случае должны быть объяснены отдельно, исходя из исто-

рии их развития. Западная литература (особенно не научная, а художественная), а иной раз и наша (тоже главным образом ненаучная) сводит все к особенностям национального характера. Но это объяснение является в лучшем случае банальным и тавтологическим, а в худшем — расистским. Ведь если отбросить очевидно расистский и научно несостоятельный тезис о том, что национальный характер обусловлен генетически, то все честные ученые неизбежно приходят к выводу об исторической обусловленности национального характера. Это, разумеется, единственно правильная точка зрения, но, к сожалению, на этом обычно и останавливаются. Иными словами, справедливо отбросив взгляды на национальный характер как на некую данность (в лучшем случае способную к саморазвитию), иной раз впадают в другую крайность, рассматривая его лишь как результат. А следовало бы учитывать, что национальный характер не только формируется историей, но сам в немалой степени формирует историю данной этнической или политической общности. Но формирует он, конечно, лишь те стороны исторического процесса, которые не относятся к стадиально-типологическим, но составляют специфику данного общества. Таким образом, история и национальный характер активно влияют друг на друга, или, если выразить это в терминах кибернетики, находятся в обратной связи друг с другом.

Чтобы покончить с этим вопросом, отметим, что не следует забывать и о роли фактора случайности в истории. Даже К.Маркс говорил, что история была бы слишком уж мистической вещью, если не признавать значение случайности. Таким образом, характер любой цивилизации определяется тремя факторами: 1) экономическим развитием, определяющим ее формационную принадлежность; 2) случайными факторами, среди которых особо важную роль играют географическое положение и культурные контакты; 3) национальным характером, который может существенно изменяться в короткие исторические сроки.

4

Итак, цивилизации — это особые типы культуры значительных человеческих масс в эпоху классовых обществ. Необходимо помнить, что цивилизации, как правило, не совпадают с этническими границами, чаще всего они бывают межэтническими. Для древности можно говорить, например, о ближневосточной, индийской и дальневосточной цивилизациях, объединивших многочисленные и разнообразные этнически общности. В Европе такой цивилизацией была античность, а в дальнейшем возникла европейско-азиатская цивилизация эллинизма. Египет (до эпохи эллинизма) и в этом смысле — единственное исключение.

Такие межэтнические цивилизации возникают благодаря мощному культурному влиянию определенных центров — Месопотамии, Северной Индии, Китая, Греции — на окружающие их страны и народы. Особенно важную роль в этом играет распространение определенных типов письменности. Древнейшие системы письма были очень сложными и по этой причине заимствовались вместе с целым культурным комплексом в виде канона текстов, на которых основывалось школьное обучение. А эти тексты и составляли квинтэссенцию данной цивилизации (культуры ранней древности — это культуры текстов). Но, разумеется, следует помнить, что общ-

ность цивилизации не только не исключает, но подразумевает значительное разнообразие локальных культур.

Характерной чертой периода цивилизаций является возникновение новой формы общественного устройства — государства, пришедшего на смену первобытным родо-племенным структурам. Основная функция государства ничем не отличается от основной функции первобытной общины и состоит в сохранении гомеостаза данного общества. Для достижения этой цели необходим социальный контроль, направленный на поддержание всего, что способствует укреплению гомеостаза, и на пресечение всего, что ему препятствует (разумеется, в пределах возможного понимания и, следовательно, с неизбежными ошибками). В связи с резким усложнением производственных процессов и внутриобщественных отношений (прежде всего производственных) на передний план выступают организаторские функции государства, а охранительные функции социального контроля, опиравшиеся ранее в первую очередь на силу обычая и общественного мнения, теперь, как и организаторские функции, опираются на специальный аппарат и на силу принуждения. Вместе с тем необходимо отметить, что распространенные даже в наше время руссоистские представления о «свободном человеке» догосударственных времен являются мифом. Жизнь первобытного человека была чрезвычайно жестко и подробно регламентирована обычаями и бесчисленными табу. Эпоха цивилизаций постоянно увеличивает количество «степеней свободы» отдельного человека и общества в целом (невзирая на отклонения в виде возникающих время от времени тоталитарных режимов). Но вместе с тем непрерывно возрастает «цена ошибки» — вплоть до возможности гибели всего человечества из-за ошибки одного человека, — в связи с чем возрастает и мера индивидуальной ответственности.

Первую формацию классового общества мы предлагаем именовать «древним обществом» или даже «древним общинно-гражданским обществом». Такое название представляется более точно выражающим суть дела, чем принятое и в наши дни «рабовладельческое». До сих пор идут дискуссии о правомерности этого названия, в частности в связи с вопросом о том, сколько рабов было в обществах древнего Востока и какую роль они играли в общественном производстве. Мнения здесь резко расходятся, и окончательное решение этого вопроса пока невозможно. Однако дело не в количестве рабов. Название той или иной формации дается по тому классу, который является в ней господствующим, который определяет собой экономику и идеологию данного общества. Было бы не совсем точно говорить, что в древности господствующим классом являлись рабовладельцы. Ведь рабовладельцами могли быть и полноправные члены данного общества (граждане), и неполноправные (зависимые) его члены, и живущие здесь же чужеземцы, и даже сами рабы. Поэтому правильнее было бы сказать, что именно полноправные граждане являются господствующим классом древнего общества (класс здесь совпадает с сословием; несовпадение сословной и классовой принадлежности возникает лишь в период, когда данная формация уже находится в упадке). Конец этой формации выражается не в исчезновении рабовладения (оно сохраняется и в последующих формациях, вплоть до нашего времени), а в исчезновении древнего гражданства. Это исчезновение может подчас происходить весьма своеобразным путем — через предоставление «гражданского полноправия» всем подданным державы, вследствие чего гражданство лишается всякого смысла. В восточных провинциях Римской

империи, например, это произошло вследствие известного Декрета Каракаллы (212 г.). Разумеется, реальный процесс был достаточно длительным.

Таким образом, мы исходим из реального существования двух докапиталистических формаций — древнего (гражданского) общества и общества феодального. Для второй из этих формаций характерно исчезновение различий между гражданином и подданным, превращение всех в подданных государства, где сословное деление сохраняется, но уже на совершенно иной основе. Господствующим классом здесь является военно-бюрократическая элита, прямо или косвенно получающая от правителя земельные и денежные пожалования в различных формах. Структура такого общества представляет собой либо пирамиду вассальных отношений, где каждый, кроме самых верхних и самых нижних, является одновременно и сеньором, и вассалом, либо бюрократическую структуру, связанную табелью о рангах. Понятно, что в реальной действительности чистых типов не существует, можно говорить лишь о том, какие структуры преобладают.

Период древности, в свою очередь, должен быть разделен на два подпериода: раннюю и позднюю древность. Характерными чертами ранней древности являются:

1. Соседская община, сохраняющая в той или иной мере самоуправление и право собственности на землю, выражающееся в различных формах — от периодических переделов земли до контроля над ее отчуждением.

2. Общинная социальная психология взаимной помощи и коллективной ответственности.

3. Общинные политеистические ритуалистические религии, в которых этика не играет существенной роли. Эти религии можно также назвать «естественными»: они являются прямым продолжением верований и представлений эпохи первобытности.

4. «Номовое», или территориальное, государство.

Для поздней древности характерны:

1. Распад общинной земельной собственности и распространение или полное господство частной собственности на землю.

2. Утрата общинами (кроме храмовых городов) самоуправления и превращение их в чисто фискальные единицы.

3. Соответствующие изменения в социальной психологии, рост индивидуализма, новые представления о человеческой личности, находящие выражение, в частности, в праве (концепция индивидуальной ответственности).

4. Возникновение и распространение догматических этических религий, переходящих общинные и этнические границы («мировые» религии). Эти новые религии могут также быть названы «религиями спасения» и «религиями откровения». Первое определение связано с тем, что они ставят во главу угла философскую в сущности проблему личного взаимоотношения человека с миром и божеством, спасение от мирового зла. Второе указывает на то, что новые религиозно-философские движения имеют определенных индивидуальных основоположников, чьи высказывания (более или менее подлинные) превращаются в религиозный канон.

5. Возникновение нового типа государства — мировых держав, империй.

Основным общественным противоречием древнего общества на его первой стадии является противоречие между крупным и мелким землевладением, т.е. между общинной и частной собственностью на землю. Крайним

выражением такого противоречия является обезземеливание рядовых общинников, влекущее за собой, в отличие от древнего Рима, утрату гражданских прав и переход в разряд «царских людей», низшие слои которых на практике мало отличались от рабов, а средние и высшие слои образовали впоследствии господствующий класс-сословие второй стадии древнего общества. Эта борьба определяет собой всю социальную психологию, представления о государстве и власти, мораль и иногда даже политическую структуру общества.

Хронологически эти стадии в разных древних обществах не всегда совпадают. Лишь очень приблизительно можно сказать, что первая стадия древности падает на III—II тысячелетия до х.э., а вторая — на I тысячелетие до х.э., хотя не исключено, что, например, в Китае древность закончилась раньше, чем принято считать.

Признавая единство мирового исторического процесса, нельзя вместе с тем игнорировать и важные особенности его хода на Востоке. В общем и целом, существование таких особенностей признается всеми, но имеются большие расхождения в оценке их роли и определении их причин. В предельных случаях постулируется существование на Востоке некой особой докапиталистической формации либо существование такой формации во всем мире, причем античность рассматривается как некое «уклонение» от магистрального пути, боковая и притом тупиковая ветвь. Все эти концепции, как бы они ни именовались, сводятся к концепции «азиатского способа производства» и, как явствует из сказанного выше, не могут считаться достаточно обоснованными. Противоположной крайностью является концепция, согласно которой какие-либо серьезные различия между Востоком и Западом вообще отсутствуют. Сторонников этой концепции в наше время практически нет.

Большинство исследователей сводят указанные различия к различиям в характере и роли общины на Востоке и Западе. Это, по-видимому, справедливо, однако конкретные оценки и определения представляются спорными. Так, практически общепринятой является точка зрения, согласно которой главное отличие Востока от Запада — длительное сохранение на Востоке общины. В действительности дело, видимо, обстоит наоборот: именно античный полис является общиной в «химически чистом» виде, своеобразным «возрождением» первобытнообщинной структуры на новом уровне развития производительных сил, уровне, который, в отличие от первобытнообщинного, допускал и требовал эксплуатации человека человеком. Полис является государством совершенно особого рода, ибо здесь нет власти и войска, отдельных от народа: народ сам есть и власть, и войско. Это община равноправных граждан, и эксплуатировать здесь можно только чужаков — в качестве рабов или илотов. Отсюда четкое противопоставление свободы и несвободы, нашедшее свое многообразное выражение в различных явлениях культуры и даже в лексике. На Востоке же, напротив, произошло «наложение» на общину политических суперструктур в виде централизованного государства, значительно деформировавшее структуры общинные. Степень этой деформации была различной. В Египте, например, следов общины почти не удается отыскать, в Китае она значительно более заметна, в Индии заметна вполне, а в Месопотамии нередко является противовесом царской власти. Так или иначе, наличие надобщинной политической структуры привело к возникновению и стойкому сохранению сложной иерархической структуры общества с возможностью эксплуатации однообщинников и со множеством переходных ступеней от

свободы к несвободе, что, в свою очередь, также нашло многообразное выражение в культуре. Такая структура является значительно более инерционной, а ее чрезвычайно длительное существование создает высокоавторитетную традицию, которая, в свою очередь, дополнительно ее укрепляет.

Наш том не претендует на исчерпывающую полноту и составлен таким образом, чтобы читатель получил в доступном для неспециалиста виде все важнейшие сведения по истории древнего Востока. Изложение истории конкретных стран и регионов дано с учетом указанного выше разделения древности на два подпериода. Серьезное внимание уделено проблемам этногенеза, взаимоотношений между языками и культурами. Теоретические проблемы во всех случаях занимают центральное место, что и определяет отличие данной работы от предшествующих. Верхней хронологической границей первого тома является рубеж христианской эры — с некоторыми частными отклонениями в ту или иную сторону.

Над первым томом «Истории Востока» работали ученые Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Института востоковедения РАН (Москва), Государственного Эрмитажа, Московского государственного университета и других научных учреждений. Главы тома написаны: В.К.Афанасьевой (гл. IV «Шумерская культура»), И.П.Вейнбергом (гл. XX «Палестина в первой половине I тысячелетия до х.э.», гл. XXVI «Предэллинизм на Востоке», разд. 1—2 в гл. XXXII «Восточные провинции Римской империи» — с использованием материалов И.Д.Амусина, разд. 5 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении»), А.А.Вигасиным (гл. XXII «Древняя Индия»), И.В.Виноградовым (гл. IX «Раннее и Древнее царства Египта», гл. X «Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов», гл. XXI «Новое царство в Египте и поздний Египет» — главы отредактированы А.О.Большаковым), С.В.Волковым (гл. XXV «Корея в древности»), Г.Г.Гиоргадзе (гл. VII «Ранняя Малая Азия и Хеттское царство»), Э.А.Грантовским (гл. XVI «Страны Иранского нагорья и юга Средней Азии в первой половине I тысячелетия до х.э. Мидийское царство. Авеста. Зороастризм»), М.А.Дандамаевым (гл. XV «Нововавилонская держава», гл. XVII «Ахеменидская держава»), И.М.Дьяконовым (гл. I «Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития», гл. II «Города-государства Шумера», гл. III «Переход к территориальному государству в Месопотамии», гл. VIII «Сирия, Финикия и Палестина в III—II тысячелетиях до х.э.», гл. XIII «Общие черты второго периода древней истории» — в соавторстве с В.А.Якобсоном и Н.Б.Янковской, гл. XVIII «Урарту, Фригия, Лидия», гл. XXIX «Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма»), М.М.Дьяконовым (гл. XXVII «Александр и его преемники на Востоке»), Е.В.Зеймалем (гл. XXX «Парфия и Греко-бактрийское царство»), Н.В.Козыревой (разд. 1—3 в гл. V «Старовавилонский период истории Месопотамии»), И.А.Лапис (гл. XI «Культура древнего Египта»), А.В.Парибком (разд. 6 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении»), И.С.Свенцицкой (гл. XXVIII «Эллинистические государства в Передней Азии», гл. XXXI «Эллинистический Египет», разд. 3 в гл. XXXII «Восточные провинции Римской империи», разд. 8 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении»), И.М.Стеблин-Каменским (разд. 4 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении»), Т.В.Степугиной (гл. XII «Древнейший Китай», гл. XXIII «Китай во второй половине I тысячелетия до х.э. — первые века христианской эры», гл. XXIV «Культура древнего Китая»), Е.А.Тор-

чиновым (разд. 7 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении»), Ю.Б.Циркиным (гл. XIX «Финикия и финикийцы в конце II — I тысячелетии до х.э.), В.А.Якобсоном (Предисловие к первому тому, разд. 4 в гл. V «Старовавилонский период истории Месопотамии», гл. VI «Месопотамия в XVI—XI вв. до х.э.», гл. XIII «Общие черты второго периода древней истории» — в соавторстве с И.М.Дьяконовым и Н.Б.Янковской, гл. XIV «Новоассирийская держава», разд. 1—3 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении», Заключение), Н.Б.Янковской (гл. XIII «Общие черты второго периода древней истории» — в соавторстве с И.М.Дьяконовым и В.А.Якобсоном). Библиография составлена авторами глав и разделов, указатели — Г.М.Кузнецовой.

Глава I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, СКОТОВОДСТВА И РЕМЕСЛА. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И ПРОБЛЕМА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВОГО КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Род «Человек» (Homo) выделился из царства животных свыше двух миллионов лет назад, с конца древнекаменного века — сорок тысяч лет — существует вид «Человек разумный» (Homo sapiens sapiens). От своих предков, принадлежавших к более древним человеческим видам, Человек разумный унаследовал умение трудиться и производить для этого простейшие орудия. Однако от конца древнекаменного века — тридцать тысяч лет своей истории — он все еще, так же как и эти его предки, только извлекал для себя дары природы с помощью произведенных им орудий, но не воспроизводил ее плоды снова. Его способы добывания пищи — собирательство дикорастущих растений, охота и рыболовство, — конечно, были трудом; мало того, для поддержания своего существования человеку и тогда уже нужно было не только производство, но и воспроизводство орудий труда; но сами добываемые им продукты природы он воспроизводить не умел. Поэтому жизнь человеческих коллективов (общин, обычно объединявшихся по родству) в огромной степени зависела от внешних природных, даже климатических условий, от обилия или скудости добычи, от случайной удачи; удача же сменялась периодами голода, смертность была очень высока, особенно среди детей и пожилых. На огромных пространствах Земного шара людей было очень мало, и число их почти не увеличивалось или увеличивалось крайне медленно.

Положение изменилось, когда 10—12 тыс. лет назад в экологически благоприятных регионах некоторые из человеческих общин научились сеять хлеб, обеспечивавший их пищей круглый год, и разводить скот, что позволило им регулярно питаться мясом, а также молоком и сыром (творогом); скот обеспечивал их шкурами и кожей лучше, чем охотничья добыча, и, кроме того, давал еще и шерсть, которую люди научились прясть и ткать. Вскоре после этого люди смогли сменить пещерное жилище, шалаши из веток и землянки на постоянные дома из глины или обмазанного глиной камня, а затем и из сырцового кирпича. Оседлая жизнь, как полагают, способствовала увеличению рождаемости. Жизнь общины стала более обеспеченной, смертность несколько снизилась, рост населения от поколения к поколению становился заметным, и первые земледельцы-скотоводы начали расселяться все шире по поверхности Земли.

Впервые люди достигли этих успехов в теплой зоне Восточного полушария. Это была эпоха, когда на севере Европы и Азии еще не полностью исчезли следы Великого оледенения. Значительная часть Европы и Азии была занята тайгой, отделенной от ледяной зоны полосой тундры. Полуострова Италии, Греции, Малой Азии, Южный Китай и Индокитай покрывали обширные лиственные леса, пространства Северной Африки, Аравии

и других районов Ближнего и Среднего Востока вплоть до Северного Китая — где сейчас сухая степь или выжженная пустыня, — были заняты лесостепью. Южнее, в Африке, росли густые тропические леса.

Наиболее благоприятными для жизни человечества были лесостепи, но и здесь не везде условия были достаточно подходящими для перехода к земледелию и скотоводству. Требовалось, чтобы в той местности росли дикие злаки, годные в пищу и для посева, и жили дикие животные, пригодные для одомашнивания. Первым злаком, который люди стали сначала сжинать в диком виде (с помощью деревянных или костяных серпов со вставленными кремневыми зубьями), а затем и сеять, был ячмень, росший на нагорьях Малой Азии, Палестины, Ирана и Южной Туркмении, а также в Северной Африке. Позже были окультурены и другие злаки. Где это произошло раньше всего, сказать трудно, во всяком случае в Палестине, Малой Азии и на западных склонах Иранского нагорья хлеб сеяли уже между X и VIII тысячелетиями до х.э., а в Египте, на Дунае и Балканах и в Южной Туркмении его стали сеять не позже VI тысячелетия до х.э. Примерно в ту же эпоху и в тех же местах приручили козу, овцу, осла (собаку приручили гораздо раньше еще охотники древнекаменного века); позже был одомашнен крупный рогатый скот и кое-где — свинья. С VIII—VI тысячелетий до х.э., когда люди научились делать более совершенные шлифованные каменные орудия, плетеные корзины, ткани и обожженную на огне глиняную посуду, что позволило лучше готовить и хранить пищу, жизненный уровень людей еще несколько повысился.

Климат в теплой зоне Северного полушария с исчезновением ледников становился все суше; предгорное земледелие все более основывалось не на дождевом орошении, а на запруживании ручьев и отведении канав на поля. Люди же северной и южной лесных зон, по-прежнему немногочисленные, еще долго не могли перенять достижения людей лесостепи и степных нагорий: тогдашними орудиями сводить леса, чтобы обрабатывать землю, было невозможно.

Археологи прослеживают значительный технический прогресс от позднего этапа древнекаменного века, когда впервые стал господствовать Homo sapiens sapiens, через промежуточный период мезолита, на который в теплой зоне падает, между прочим, изобретение земледелия и скотоводства, до новокаменного века (неолита) — времени шлифованных каменных орудий и изобретения тканей и глиняной посуды. Но даже наиболее развитые неолитические общины Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока не могли достичь уровня цивилизации. Целью их производства и воспроизводства было по-прежнему простое поддержание существования общины и ее членов, запасы же удавалось накапливать лишь на самые крайние случаи — для спасения от неожиданных природных бедствий и т.п. Обработка земли роговыми и каменными мотыгами даже на самых мягких почвах была тяжелейшим трудом, дававшим хотя и надежное, но очень скудное пропитание. Приручение дикие козы и овцы давали еще очень мало шерсти, мало молока; молочные продукты и мясо надо было быстро потреблять, потому что долго хранить их не умели. Лишь в Малой Азии, Сирии и Палестине уже в VIII—VI тысячелетиях до х.э. возникали развитые и богатые поселки, иногда даже окруженные стеной (значит, было что похищать и что защищать!), однако это были исключения, и эти древнейшие культуры (Иерихон в Палестине, Чатал-Хююк в Малой Азии) в цивилизации не развились.

С ростом земледельческого населения в предгорьях часть его стала ухо-

дить все далее в глубь степей. По мере того как подобные родо-племенные группы удалялись от районов более или менее обеспеченного дождевого или ручьевого орошения, в их хозяйстве все большее значение приобретал выпас скота, а посев ячменя и полбы, как экономически менее надежный, играл все более подсобную роль. Однако, не одомашнив еще ни коня, ни верблюда, скотоводы не могли совершать далеких сезонных перекочевок, необходимых для восстановления травяного покрова на пастбищах, и вообще они не могли еще слишком далеко отходить от воды. Да и земледелие они обычно не совсем забрасывали. Когда же в результате хищнического скармливания овцам и козам скудных южных степных пастбищ или после какого-либо периода катастрофических засух выпас скота в данном районе становился невозможным, скотоводы массами переселялись в другие места. Так в течение VI—III тысячелетий до х.э. совершалось расселение афразийских племен по Северной Африке, а также по степным районам Ближнего Востока (Аравии, Сирии, Месопотамии, где расселялась семитоязычная часть племен афразийской языковой семьи)[1], а начиная с IV тысячелетия до х.э. из своей прародины (которую мы склонны помещать между Балканами и Дунаем, хотя предложены и другие локализации) расселялись на юго-восток, на юг, на восток и на запад племена индоевропейской языковой семьи. При этом надлежит помнить, что население Земли тогда было очень редким, а передвижение племен приводило, по данным исторической лингвистики, не столько к уничтожению или вытеснению коренных племен, сколько к ассимиляции пришлого населения с коренным, так что в этническом (но не в языковом) отношении волна дальнейшего передвижения могла совершенно отличаться от первоначальной. Люди, принесшие в VI—V тысячелетиях до х.э. афразийские (семито-хамитские) языки в глубь Африки, и люди, с которыми во II—I тысячелетиях до х.э. индоевропейские языки пришли к берегам Бенгальского залива (совр. Бангладеш), нисколько не походили по внешнему облику и культуре на тех, которые дали первый толчок распространению земледельческо-скотоводческих племен — и вместе с тем их языков — в Африке и Западной Азии (вероятно, в VII—VI тысячелетиях до х.э.) и в Европе (вероятно, в IV—III тысячелетиях до х.э.).

Хотя эти относительно подвижные скотоводческо-земледельческие племена еще не были истинными кочевниками, мы вправе все же говорить об отделении земледельцев, сидевших на орошенных землях, от скотоводов-полуземледельцев степей как о первом великом разделении труда. Между земледельцами и скотоводами уже тогда установился обмен; впрочем, он был необходим и раньше — ведь уже в позднекаменном веке ни одна группа людей не могла обеспечить себя всем необходимым ей без обмена, предметом которого был, например, камень, годный для изготовления орудий (кремень, обсидиан). Такой камень на земле относительно редок. С открытием первых металлов (золота, меди, серебра) начался также и обмен металлов на различные ремесленные изделия, например ткани, причем обмен шел из рук в руки на незначительные расстояния.

2. ПЕРВЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

В процессе расселения общин от первоначальных центров земледелия в предгорных районах Ближнего и Среднего Востока незаметно произошли и

[1] Вопрос о прародине афразийских языков остается пока дискуссионным.

другие события, имевшие, быть может, еще большее значение для истории всего человечества.

Между VI и III тысячелетиями до х.э. земледельцами-скотоводами были освоены долины трех великих рек Африки и Азии: Нила, нижнего Евфрата и Инда, а также рек Карун и Керхе восточнее нынешнего Ирака. По мере того как часть населения земледельческих общин в предгорьях вытеснялась или сама уходила все дальше в степь, некоторые группы были вынуждены отойти на равнины, периодически заливавшиеся водами этих трех рек. Здесь они встретили весьма неблагоприятные условия. Все три реки текут через зону пустыни или очень жарких сухих степей, где хлеб не может расти без искусственного орошения; в то же время все три реки периодически сильно разливаются, надолго наводняя и заболачивая большие пространства. Поэтому посевы либо не вовремя затоплялись разливом, либо сгорали от солнца, когда вода спадала. Вследствие этого земледелие здесь долгое время удавалось много хуже, чем в предгорьях, питание было менее надежно обеспечено. К тому же, например, в долине нижнего Евфрата не было ни строительного леса (а только гигантский тростник), ни такого камня, который был бы годен для изготовления орудий. Не было здесь и металлов, поэтому жители этой долины должны были обходиться тростниковыми и глиняными орудиями или выменивать камень у ближних племен, в то время как их соседи уже давно освоили медь. Конечно, медь была вчуже известна и этим племенам, но выменивать ее им было гораздо труднее. Прошло много десятков поколений, пока обитатели великих речных долин справились с задачей рационального использования разливов для целей земледелия. Это была первая в истории человечества победа над природной стихией, подчинение ее человеку.

Достигнуто это было разными путями. В долине Нила разлив начинается в июне и держится до октября. Люди научились разгораживать заливаемые поля земляными валами; отстаиваясь между ними, нильская вода отлагала плодородный ил, затем воду спускали, а ил между валов сохранял такое количество влаги, что ее хватало не только на период посева, но и на период выращивания злаков; к тому же ил был прекрасным удобрением. В долине нижнего Евфрата река довольно нерегулярно разливалась весной; воды ее отводили в специальные водохранилища, откуда их можно было несколько раз в течение вегетационного периода подавать на поля. Собственные методы укрощения рек были найдены и для Керхе, Каруна и Инда (для последнего — позже всего, лишь в середине III тысячелетия до х.э.).

Не следует думать, что создавалась система ирригации и мелиорации для всей реки: на самом деле возникали только местные системы, какие были под силу объединению немногих общин, но и это было огромным достижением, которым жители долин были обязаны своей организованности и кооперации. Применение в широких масштабах организованного труда многих работников, действующих по единому плану, — одно из важнейших достижений, которые были подарены человечеству первыми цивилизациями. Как именно организовывалась работа, мы не знаем, потому что в то время еще не было письменности и никаких записей до нас не дошло. Но замечено, что там, где для создания продуктивного земледелия требовалась кооперация общин, уже в самые ранние периоды цивилизации выделялись своим могуществом и богатством храмы и культовые вожди, в гораздо большей мере, чем там, где земледелие основывалось на дождевом

или ручьевом орошении и больших общих работ не требовалось. Поэтому предполагают, что организация мелиоративно-ирригационных работ поручалась жрецам. Не случайно на древнейших изобразительных памятниках Египта и Шумера вождь-жрец — предшественник царя — нередко изображался исполняющим земледельческий обряд.

Освоение речной ирригации на том уровне развития производительных сил (медно-каменный век) было возможно только там, где почва была достаточно мягкой, берега рек не слишком круты и каменисты, течение не слишком быстрое. Поэтому даже в пределах субтропической, пустынно-степной, степной и лесостепной зон многие реки, в том числе соседний с Евфратом Тигр, Аракс и Кура, Сырдарья и Амударья и др., для создания на их базе ирригационных цивилизаций еще не годились; их воды стали использоваться человеком гораздо позже.

Но там, где организованная речная ирригация оказалась возможна и где почва была образована из плодородного наносного ила, урожаи стали быстро расти, чему способствовало также введение плужной вспашки, наряду с мотыжной (сначала на ослах, а потом и на волах), и общее усовершенствование техники обработки земли. Эта техника сохранялась потом почти без изменений тысячелетиями. В Египте и в Шумере уже к концу IV тысячелетия до х.э. посевы легко давали, по-видимому, десятикратные, двадцатикратные и большие урожаи. А это значит, что каждый человек стал производить значительно больше, чем было нужно для его собственного пропитания. Рост урожаев был исключительно благоприятен и для развития скотоводства, а развитое скотоводство способствует еще большему повышению жизненного уровня людей. Община оказалась в состоянии не только прокормить помимо работников нетрудоспособных, т.е. детей и стариков, не только создать надежный продовольственный резерв, но и освободить часть своих работоспособных людей от сельскохозяйственного труда. Это способствовало быстрому росту специализированного ремесла: гончарного, ткацкого, плетельного, кораблестроительного, камнерезного, медницкого и др. Особое значение имело освоение меди, сначала использовавшейся просто как один из видов камня, но вскоре ставшей применяться для ковки, а затем и для литья. Из меди можно было изготовлять множество орудий и оружия, которые нельзя было сделать из камня, дерева или кости и которые к тому же даже в случае поломки могли быть переплавлены и вновь использованы. Отделение ремесла от земледелия было вторым великим разделением труда.

Дальнейший рост прибавочного земледельческо-скотоводческого продукта позволил освободить часть членов общины от всякого производительного труда. Кто же были те, кто мог освободиться от такого труда и содержать себя за счет труда других? Образование господствующего класса, без сомнения, представляло собой сложный, далеко не прямолинейный процесс. Уже в недрах первобытного общества структура коллектива людей не была однородной. Конечно, там не существовало антагонистических социально-экономических классов, т.е. исторически сложившихся групп людей, противостоящих друг другу в процессе производства и различающихся друг от друга по их отношению к собственности на средства производства и по своим противоположным общественным интересам. Но община могла включать различные возрастные группы, союзы — мужские и культовые; военные вожди могли среди массы общинников иметь группы своих личных вооруженных приверженцев; вероятно, в отдельных случаях оставляли жизнь пленным, захваченным в стычках с соседями, — таких пленных

иногда усыновляли, включая в состав домашней общины на общих основаниях, иногда же держали их в общине в рабском состоянии.

Домашняя община состояла из ее главы — мужчины-патриарха и его сыновей с их женами и детьми; пока патриарх был жив, все члены общины и зависимые от них лица подчинялись его полной, практически неограниченной власти. Если домашняя община после смерти патриарха не разделялась, то могла постепенно включить в себя целый род вместе с женами его членов-мужчин (браки внутри рода чаще всего запрещались во избежание внутренних распрей, и жены, как правило, принадлежали к другим родам). В первобытном обществе род был обыкновенно частью племени, т.е. большого объединения людей, связанных между собой реальным или предполагаемым родством по мужской или по женской линии. Но в условиях земледельческого общества и с усилением роли обмена между общинами стало трудно сохранять тесное организационное и хозяйственное единство очень больших групп исключительно по признаку их родства, и племенные связи стали уступать место связям чисто соседским. Соседи же могли быть родичами и одноплеменниками, но могли ими и не быть. К моменту сложения первого классового общества место племенного объединения заняла территориальная (сельская или городская) община, т.е. группа господствующих и более или менее совместно распоряжающихся землей и водой «домов» (домашних общин). Территориальная община решала свои дела на общей сходке равных между собой воинов. Но столь многочисленное собрание не могло входить в детальное рассмотрение повседневных дел, которое поручалось поэтому совету старейшин — наиболее опытных представителей отдельных «домов», в принципе считавшихся равными между собой (хотя могли различаться общины «старшие» и «младшие» и т.п.). Народная сходка по большей части только одобряла принятое советом решение. Она же — а чаще совет — выбирала вождя (или двух вождей) в качестве командующего на войне и в качестве представителя общины перед непознанными силами мира, персонифицировавшимися в виде богов. Такое устройство общественного управления носит название военной демократии.

Естественно, что при возникновении прибавочного продукта размер его был недостаточен для того, чтобы можно было распределить на всех; в то же время не все в территориальной общине имели одинаковые возможности обеспечить себя за счет других. В наиболее благоприятном положении оказывались, с одной стороны, военный вождь и его приближенные, а с другой — главный жрец (он же, предполагают, был в странах речной ирригации и организатором орошения). Военный вождь и жрец могли совпадать в одном лице. Не в равных условиях по сравнению с массой общинников были, конечно, и члены совета старейшин, да и разные домашние общины могли иметь неодинаковые авторитет и силу.

Процесс образования классового общества подчинен строго логическим законам. Для наилучшего и наибольшего развития производительных сил и культурно-идеологического роста общества необходимо наличие лиц, освобожденных от производительного труда. Это не значит, что общество сознательно освобождает от производительного труда именно наилучших организаторов, наиболее глубоких мыслителей, самых замечательных художников, — отнюдь нет; излишек продукта, освобождающий от производительного труда, захватывают не те, которые способны его использовать наиболее рациональным образом, а те, кто смог. Те, в чьих руках кулачная, вооруженная или идеологическая сила, берут на себя также и органи-

зационные задачи. Большинство из них эксплуатирует чужой труд без пользы для общества; но какой-то процент выдвинувшихся составляют люди, которые действительно могут способствовать обществу в его техническом и культурном прогрессе.

Именно этот убыстрявшийся теперь прогресс позволяет нам называть уже самое первое классовое общество цивилизацией (от лат. cives — «гражданин», civilis — «гражданский», civitas — «гражданская община, город»). Ускорившимся прогрессом раннее классовое общество отличается от варварства, на уровне которого остается даже самое развитое первобытное общество.

Когда лишь некоторая часть общества извлекает пользу из прибавочного продукта, неизбежно возникает экономическое и социальное неравенство. Однако без такого неравенства, без развития тех возможностей для роста производительных сил, которые заложены в эксплуатации труда одних для выгоды других, при тогдашнем уровне развития производства прогресс был вообще невозможен. Но никто не согласится по доброй воле на уступку лишней доли общественного продукта кому-то другому. Вследствие этого необходим был аппарат насилия, который принуждал бы эксплуатируемый класс и все общество в целом к соблюдению установившихся новых порядков. Этим аппаратом является возникающее одновременно с классовым обществом государство с его административным персоналом, территориальным (вместо родо-племенного) принципом деления управляемой области, специальными вооруженными силами, отделенными от народа в целом (даже от его ополчения), и с налогами, собираемыми с населения на содержание государственного аппарата и вооруженных сил. Налоги могли иметь разную форму, иной раз совершенно отличную от современных.

В Шумере (о других «речных цивилизациях» мы меньше осведомлены) обеспечение общинной верхушки в III тысячелетии до х.э. происходило еще не столько путем взимания каких-либо поборов с массы населения (хотя были и поборы), сколько путем выделения из общинной территории больших пространств земли в пользу храмов и важнейших должностных лиц (а площадь орошаемой земли была сравнительно ограниченной). На этих землях работало немалое число людей. Они-то и составляли основную массу возникающего эксплуатируемого класса. Храмы имели особо важное значение для общины потому, что создаваемый в их хозяйствах продукт первоначально являлся общественным страховым фондом, а участие в храмовых жертвоприношениях предоставляло населению практически единственную возможность получать мясную пищу. При этом на больших пространствах храмовых земель легче было применять передовую сельскохозяйственную технику (плуги и т.п.), и здесь создавалась основная доля прибавочного продукта. Для массы же свободного населения, не входившего в состав образующегося государственного аппарата (куда мы должны включить и жречество[2]), выделение в пользу этого аппарата значительной части наиболее плодородной общинной земли и являлось формой налога. Кроме того, формами налога были ирригационные и строительные повинности и повинность воинского ополчения.

---

[2] Храмовые земли выделялись первоначально, надо полагать, на обслуживание культа богов, а не для обеспечения жрецов. Вообще, понятие «жречество», по крайней мере в Месопотамии, принадлежит позднейшему времени: древние не сразу стали отличать обрядовое, магическое обслуживание богов, которым занимались собственно жрецы, от других государственных и общественных служб.

Важно отметить, что если на поздней ступени развития первобытного строя иногда создаются обширные племенные объединения (союзы племен, конфедерации), то первые государства всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько тесно связанных между собой общин. Такое государство, чтобы быть устойчивым, должно было по возможности иметь некоторые естественные границы: горы, окаймляющие долину, море, омывающее остров или полуостров, пустыню, окружающую орошенное одним магистральным каналом пространство, и т.п. Такой четко различимый район сложения государственности мы будем условно называть номом. Ном обычно имел центр в виде храма главного местного божества; вокруг селилась администрация, сооружались продовольственные и материальные склады, склады оружия; тут же были сосредоточены важнейшие мастерские ремесленников; все это для безопасности обносилось стеной, и образовывался город как центр маленького первичного государства. Назначением этого центра, его основной функцией (как и вообще города в классовом обществе) является сосредоточение, перераспределение и реализация прибавочного продукта. Все остальные функции города (военная, политическая, культурная и т.д.) — производные от основной. Естественно, что процесс образования городов хронологически более или менее совпадает с возникновением классового общества и государства, вследствие чего в западной науке момент перехода от первобытнообщинного строя к классовому нередко именуют «городской революцией». Термин этот неприемлем, так как основан лишь на признаке развития ремесленно-промышленных центров и не отмечает самого главного, что отличает последний этап первобытного общества (варварства) от цивилизации, т.е. общества граждан. Именно оно дает ключ к пониманию дальнейшей истории древнего общества.

Классовое расслоение общества впервые в мире произошло в Египте и на юге Месопотамии, т.е. в Шумере. В обоих регионах этот процесс имел свои особенности, которые определили всю дальнейшую историю египетской и шумерской цивилизаций — их специфические пути развития в пределах одного и того же способа производства. Первый из различных путей развития древнего общества на его ранних этапах лучше всего изучен именно на материале Шумера. В экономическом отношении общество Шумера разделялось на сектора. В один входили крупные хозяйства, которыми владели храмы и верхушка должностных лиц нарождающегося государства; эти хозяйства в течение первых столетий письменной истории постепенно вышли из ведения общинных органов самоуправления. В другой же сектор входили земли, свободное население которых участвовало в органах общинного самоуправления; этими землями в пределах территориальных общин владели домашние большесемейные общины во главе со своими патриархами. На третьем-четвертом поколении домашняя община обыкновенно разделялась, но вновь возникающие домашние общины продолжали считаться родственными, могли иметь общий культ предков, обычаи взаимопомощи и т.п.

В дальнейшем хозяйства первого сектора стали собственностью государства, хозяйства же второго сектора остались в верховной собственности территориальных общин и во владении глав семей; практически владения последних отличались от полной собственности лишь тем, что пользоваться и распоряжаться землей могли только члены территориальных общин под контролем этих общин.

Общинники, т.е. свободные члены хозяйства второго (общинно-част-

ного) сектора, как правило, работали на земле сами и с помощью только членов своей семьи. Однако в пределах домашних общин и в особенности между родственными домашними общинами существовало имущественное неравенство. Оно зависело от социального положения глав отдельных семей (так, некоторые общинники были жрецами, старейшинами и т.п.), от случайной удачи или неудачи, от умения отдельных членов распорядиться своими средствами, так как движимое имущество в отличие от дома, поля или финиковой плантации принадлежало лично каждому члену семьи в отдельности. Некоторые семьи общинников — на основе обычаев взаимопомощи или же давая продукты в долг менее удачливым однообщинникам — могли пользоваться и чужим трудом; иногда имелись и рабы, о которых речь пойдет ниже.

Люди, расселенные на землях, составивших впоследствии государственный сектор, владели землей условно — она выдавалась им для пропитания и как плата за службу или работу на храм или вождя-правителя и т.п.; при этом земля выдавалась за службу или работу индивидуально, на малую, а не на большую семью, т.е. сыновья и внуки несли службу отдельно и снабжались земельными наделами отдельно от своих отцов и дедов. Размер же прибавочного продукта был, вероятно, примерно равен арендной плате с данного участка земли. У каждого из них земля могла быть отобрана или заменена на другую по усмотрению администрации. Многие работники государственного сектора земли вообще не получали, а получали только паек. Однако и среди занятых в государственном секторе людей были состоятельные по тем временам лица, пользовавшиеся чужим трудом и имевшие рабынь и рабов. Это были чиновники, верхушка воинов, квалифицированные ремесленники. Им выделялась также некоторая часть продукта, созданного земледельческими работниками храмового или правительского хозяйства. Они могли иной раз подняться очень высоко по служебной лестнице, именно из их числа в основном пополнялся административный аппарат; некоторые из них хотя и не имели государственной земли в формальной собственности, зато фактически управляли хозяйством государственного сектора. Но среди людей государственного сектора были и собственно рабы и особенно рабыни, которых можно было покупать и продавать.

Таким образом, общество, сложившееся в III тысячелетии до х.э. на территории вдоль нижнего течения Евфрата, разделялось на сословия. К высшему принадлежали члены свободных общин, участвовавшие в общинной собственности на землю и обладавшие правами общинного самоуправления, а первоначально и правом избрания вождя-правителя. К более низкому принадлежали члены персонала храмового или правительского хозяйства, владевшие землей только с условием служить и работать или вовсе ею не владевшие, а получавшие лишь паек. Кроме того, были рабы, которые стояли как бы вне сословий, поскольку с ними можно было в принципе обращаться как со скотом. Но, по существу, и они составляли особое, бесправное сословие.

Такое деление общества было вполне очевидно и осознавалось самими древними. Однако существовало и другое, более глубинное, объективное социально-экономическое деление общества — на общественные классы, различавшиеся по месту в процессе производства и по отношению к собственности на средства производства, по отношению к эксплуатации. Это деление не совпадало с сословным.

Высшим классом был класс лиц, не занимавшихся производительным

трудом и эксплуатировавших чужой труд. В нашей науке этот класс обозначается как рабовладельцы, хотя эксплуатировали они не только рабов в собственном смысле слова. Члены этого класса либо участвовали в собственности на средства производства (если они были общинниками), либо владели ими на условии службы, а фактически управляли хозяйствами государственного сектора в интересах господствующего класса в целом.

Средним классом был класс крестьян и ремесленников, занимавшихся производительным трудом, но, как правило, не эксплуатировавших чужой труд или пользовавшихся им как подсобным. К этому классу относились в первую очередь менее состоятельные общинники-собственники, но к нему могли примыкать и условные владельцы земли — члены персонала хозяйств государственного сектора, а также арендаторы и наемные работники (как правило, имевшие и свою или арендованную землю). Последние категории едва ли не чаще всего подвергались эксплуатации, поэтому в государственном секторе провести грань между средним и низшим классом иной раз очень трудно.

Низший класс составляли подневольные люди рабского типа, лишенные собственности на средства производства в хозяйстве, где они подвергались внеэкономической эксплуатации. Внеэкономическая эксплуатация — это эксплуатация, осуществляемая прямым физическим или идеологическим насилием, в отличие от экономической эксплуатации, возникающей там, где трудящийся в силу исторически сложившейся экономической структуры общества не может прокормиться иначе, как сам заключив сделку с собственником средств производства о продаже ему своей рабочей силы. Экономическая эксплуатация была в древности исключением, а не правилом.

В состав этого эксплуатируемого класса входили и рабы, не только лишенные собственности на средства производства, но и сами являвшиеся собственностью эксплуатирующих, бывшие как бы живым орудием труда. Производительность рабского труда при постоянном наблюдении за ним и при тогдашних крайне примитивных орудиях труда существенно не отличалась от производительности труда крестьянина-общинника, но раб не мог иметь семью, а те члены внеэкономически эксплуатируемого класса, которые не являлись собственно рабами, должны были содержать и семью на свой паек или на урожай с надела. Сосуществование различных форм зависимости приводило к тому, что, с одной стороны, формы рабства смягчались, а с другой стороны, прочие формы зависимости все более сближались с рабством.

Однако в ранней древности максимальная «классическая» эксплуатация рабов была, как правило, неосуществимой по ряду причин. Обратить члена своей общины в полного раба было нельзя, потому что он был связан родственными и культовыми узами с другими общинниками и они приходили ему на помощь. Общинники добивались периодически освобождения всех своих сообщинников, попавших в рабство за долги, а также выкупа пленных сообщинников. Чужеземные же рабы поначалу находились как бы на положении младших (несовершеннолетних) членов семьи. Но в IV—III тысячелетиях до х.э. обычно пленных воинов сразу же убивали, а угоняли в рабство женщин и тех детей, которые были способны перенести угон; остальных тоже убивали. Если же угоняли мужчин, то сажали их только на государственную землю как подневольных работников на пайке или на наделе и давали им возможность иметь свое жилье и семью.

В частных хозяйствах общинников не было возможности выделять пленным особое хозяйство, не было и возможности держать пленных рабов

под охраной на полевой работе. Поэтому здесь могло существовать только патриархальное рабство. Это значит, что из пригнанного полона в дом брали либо девушек и молодых женщин (с которыми рабовладельцы приживали детей), либо мальчиков, которые были в таком возрасте, что могли привыкнуть к дому и почувствовать себя принадлежащими к нему. Рабыням и рабам поручали преимущественно тяжелую работу в самом доме (лепить горшки, ухаживать за скотом, прясть и ткать, варить пищу, молоть зерно между двух камней — это был особенно тяжелый труд — и т.п.). В поле мальчикам-рабам поручалась подсобная работа вместе с членами семьи — погонять волов, полоть, жать, вязать снопы, но пахота и сев им не доверялись. Труд рабов в доме спорился не только потому, что они были под постоянным наблюдением хозяев, но и потому, что они участвовали с хозяевами в общем производственном процессе; немаловажным было и фактическое родство многих рабов со своими хозяевами, а также отсутствие большой разницы в бытовых условиях между хозяевами (кроме, разумеется, верхушки общества) и рабами: сами хозяева тоже питались скудно, одевались более чем скромно. То же верно в отношении хозяйств отдельных лиц на надельной земле в государственном секторе; мелким хозяйствам много рабов и не требовалось.

Мы уже упоминали, что иное положение складывалось в собственно государственном секторе, например на храмовой земле. Здесь работников требовалось много; держать на полевых работах отряды рабов было невозможно — не хватило бы надзирателей, не было и хозяйской семьи, которая могла бы сама пахать и сеять. Поэтому в рабском положении тут держали обычно только женщин, а мужчин-пленных и детей рабынь приравнивали к остальному трудящемуся персоналу больших хозяйств; те могли происходить из числа младших братьев в обедневших домашних общинах, из беглецов, искавших убежища под защитой храма или соседнего вождя — либо при разгроме их родного города, либо в случае катастрофической засухи или наводнения у них на родине и т.п. Не исключена возможность, что когда-то община, выделяя земли храмам и вождям, одновременно обязывала часть своих членов работать в храмовых и государственных хозяйствах. Таким образом, получали ли работники государственного сектора только паек или еще и земельный надел, они (хотя и подвергались эксплуатации путем внеэкономического принуждения и были лишены собственности на средства производства) все же были не совсем в рабском положении.

Они не обязательно происходили из пленных, даже чаще из местных жителей. Им разрешалось иметь движимое имущество, а нередко свой дом и семью и даже скот. Так как им не разрешалось покидать имение, в котором они работали, то их нередко обозначают как крепостных. Но поскольку они не имели собственности на средства производства, они отличались от средневековых зависимых крестьян, так как подвергались все-таки фактически рабовладельческой эксплуатации; поэтому во избежание путаницы мы будем здесь и далее называть их тем термином, которым в Греции называли государственных рабов, посаженных на землю и своим трудом кормивших членов господствующего класса, но имевших в собственности хозяйства: илоты. Илоты — эквивалент патриархальных рабов в пределах государственного сектора.

Опираясь на персонал постепенно захваченных ими в свои руки мощных государственных хозяйств, правители номов, или городов-государств, создавали многочисленные дружины, независимые от совета, народного собрания и других общинных органов самоуправления. Это позволило прави-

телям, поддержанным группировкой бюрократии, созданной из их личных приверженцев, встать выше отдельных номов и создать единую царскую власть в пределах всей ирригационной сети Нижней Месопотамии — страны между реками Тигр и Евфрат.

Существенно, однако, что в государственном секторе создается к тому времени единое царское рабовладельческое хозяйство. Частные хозяйства внутри общинного сектора при описываемом пути развития рабовладельческого общества все же сохраняются.

В ходе дальнейшей истории выяснилось, что содержание государства за счет ведения им собственного хозяйства с помощью больших масс эксплуатируемых рабского типа в конечном счете оказывается нерентабельным: оно требует слишком больших непроизводительных затрат на надзор и управление. Государство переходит на систему взимания прямых налогов и даней со всего населения. Различие между государственным и частно-общинным сектором тем не менее остается, хотя и на государственной, и на общинной земле ведутся частные рабовладельческие хозяйства; разница заключается в характере собственности и владения, а именно: владение государственной землей не связано с собственностью на нее.

Таким был на ранней ступени древнейшего классового общества его первый путь развития, характеризуемый сосуществованием двух экономических секторов — государственного и общинно-частного при преобладании первого. Этот путь развития был характерен для нижней долины Евфрата, а также для долин рек Карун и Керхе (Средний Элам).

3. ВТОРОЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

Другим вариантом развития раннерабовладельческого общества можно считать тот, который сложился в долине Нила — в Египте. К сожалению, ранние хозяйственные и правовые документы из Египта крайне немногочисленны, и многое нам неясно.

Если Шумер пересечен многочисленными рукавами Евфрата, от которых можно было отводить многочисленные независимые магистральные каналы, и тут не только создавались, но долго сохранялись и после кратковременных объединений вновь возрождались мелкие «номовые» государства, то весь Верхний Египет вытянут узкой лентой вдоль единой водной магистрали — Нила; лишь в Нижнем Египте Нил расходится веером русел — Дельтой. По-видимому, из-за того что номы Верхнего Египта примыкали цепочкой друг к другу вдоль Нила, стиснутые с двух сторон пустыней, политические группировки, которые давали бы возможность, используя многостороннюю борьбу и соперничество соседей, обеспечивать отдельным номам с их самоуправлением достаточную независимость, здесь были невозможны. Столкновения между номами неизбежно приводили к их объединению, конечно под властью сильнейшего, а то и к полному уничтожению строптивого соседа. Поэтому уже в самую раннюю эпоху в Верхнем Египте появляются единые цари, властвующие над отдельными номами и всей страной, которые позже завоевывают и Нижний Египет. И хотя, по всей вероятности, в Египте раннего периода тоже существовали параллельно государственный сектор (храмовые и царские, может быть, также и вельможные «дома») и общинно-частный сектор, в дальнейшем, как кажется, общинно-частный сектор был без остатка поглощен государ-

ственным; по крайней мере египтологи не могут на основании наличного у них в настоящее время материала для эпохи от 2000 г. до х.э. и позже обнаружить ясные свидетельства существования общин свободных и полноправных граждан, административно независимых от государственных хозяйств. Но и в пределах государственного сектора возникают экономически автономные хозяйства и даже «вторичные» общины царских людей с некоторыми зачатками самоуправления.

Все это, однако, не создает принципиального различия между обществами Египта и Нижней Месопотамии. Как тут, так и там непосредственное ведение огромных рабовладельческих хозяйств царской властью в конце концов оказывается нерентабельным, с той разницей, что в Египте развитие частных рабовладельческих хозяйств происходит на формально государственной земле и эти частные хозяйства черпают рабочую силу из государственных фондов, помимо того что они имеют и собственных рабов. Работникам вменялось в обязанность выполнение определенного урока на хозяйство, которому они были подчинены; произведенное сверх урока могло поступать в их пользу с правом распоряжаться этой долей продукта.

4. ТРЕТИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

На землях, не обладавших благодатным плодородием наносного ила великих речных долин, классовое общество складывается по точно тем же законам, какие были нами описаны выше для первого пути развития обществ речной ирригации. Но, во-первых, для достижения того более высокого технологического уровня, при котором и здесь в сельском хозяйстве стал возможен прибавочный продукт, на таких землях понадобилось значительно больше времени. При этом наряду с освоением зерновых культур здесь обычно играли роль и другие факторы: так, скотоводство, культура винограда, оливок, добыча металлов позволяли через обмен принять участие в извлечении прибавочного продукта в собственно земледельческих странах. Во-вторых, здесь не было необходимости в создании и поддержании трудоемких и обширных ирригационно-мелиорационных систем. Соответственно храмы и вождь-жрец играли несравненно меньшую роль и общинно-частный сектор был гораздо важнее государственного. Правда, из-за того что эти общества достигали уровня классового общества и цивилизации позже, Египет и Нижняя Месопотамия успели оказать на них могучее культурное влияние, направленное, между прочим, как раз на усиление авторитета храмов и царской власти. Поэтому древнейшие общества третьего пути развития дают разнообразную картину соотношений между государственным и общинно-частным секторами: где сильнее один, а где — другой. Здешние «державы» (Ахейская, Хеттская, Митаннийская, Среднеассирийская, египетская «империя» в Сирии времени Нового царства) имели характер скорее военных союзов, в которых более слабые городские или «номовые» государства обязаны были данью и военной помощью более сильному, центральному государству. К третьему пути развития древнейшего классового общества относились в III и главным образом во II тысячелетии до х.э. все общества Малой и Передней Азии (за исключением Нижней Месопотамии и долин Керхе и Каруна), а также общества вокруг Эгейского моря в Восточном Средиземноморье. В начале I тысячелетия до х.э. к тому же типу, видимо, все еще принадлежали различ-

ные общества переднеазиатских и малоазиатских нагорий, Греции и, возможно, Италии (Этрурия?).

В I тысячелетии до х.э. этот путь развития разделяется на два резко различных варианта, главным образом в связи с уровнем развития товарно-денежного хозяйства и международного обмена. Один из вариантов превращается в особый, античный путь развития; здесь возникает особый вид общинно-частного экономического сектора — полисная собственность и экономика, в то время как государственный сектор отходит надолго на задний план. Так было в Греции, Италии. Но в огромном большинстве остальных стран общинно-частный сектор сохраняется только в городах, а почти все оседлое население оказывается в результате завоеваний в пределах царского земельного фонда. Это полностью меняет весь характер экономики большинства стран Азии и отчасти Африки. Однако все это уже относится к позднейшим периодам развития древнего общества.

Перечисленными тремя или четырьмя, возможно, не ограничивается действительный перечень различных путей развития древнейших классовых обществ. Так, на п-ове Индостан в I тысячелетии до х.э. возникает, видимо, особый путь развития, характеризуемый несколько иной и более жесткой сословной системой, чем при первом, втором и третьем путях развития; не совсем ясно, как следует характеризовать путь развития Китая.

Во всемирном масштабе первая стадия древности (в пределах круга классовых обществ) охватывает III и II тысячелетия до х.э.; об обществах же Индии и Китая в эту эпоху нам известно еще недостаточно для того, чтобы дать им характеристику с точки зрения исторических путей их развития на столь раннем этапе. Поэтому при современном уровне знаний мы можем считать ранний период древнего общества периодом господства первого, второго и третьего путей.

5. МИРОПОНИМАНИЕ НА ГРАНИ ПЕРВОБЫТНОГО И ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВ

События эпохи ранней древности трудно понять, если хотя бы приблизительно не представить себе, как мыслили и чувствовали древние, что они думали о мире и о самих себе.

К сожалению, проникнуть в духовный мир этой глубокой древности очень трудно, почти невозможно. Очень медленно, по крохам становятся нам известны памятники древней литературы и искусства; откопанные храмы немы; изображения неясны. Но даже если бы древние литература и искусство были поняты полностью, то ведь памятники их — лишь то, что случайно сохранили нам грамотеи и искусники того времени; это далеко не все, что думали и чувствовали тогдашние люди. Памятниками глубокой древности являются также и устные мифы, сказки, песни, поговорки. Но они дошли до нас через тысячелетия, быть может сильно искаженные позднейшими переделками. Во всяком случае, современные сказители, с которыми имеют дело этнографы, сами не знают и не могут нам рассказать, что именно хотели выразить своим творчеством древние люди. Гипотезы же, сложенные по этому поводу учеными, как правило, отвергаются носителями еще живых древних мифов — людьми племен Африки, Австралии, Полинезии и т.д.

Есть, пожалуй, одно объективное средство, с помощью которого можно

проникнуть в механизм мышления людей первобытности в ранней древности, — это изучение языка. Язык выражает категории мышления, и, исследуя, как построены наиболее архаичные языки, какие приемы они используют для того, чтобы выразить отношения человека к миру и его явлениям, можно обнаружить некоторые механизмы самого тогдашнего мышления.

Исходя из сопоставления структуры древнейших слоев дошедших до нас языков со структурой древнейших мифов представляется наиболее правдоподобной следующая гипотеза о мышлении и миропонимании первобытных людей.

Самым трудным для них было воспринимать и выражать абстрактные понятия. Но так как никакое суждение невозможно без известного обобщения, то это обобщение достигалось путем создания чувственно-наглядных ассоциаций (сопоставлений). Например, дабы выразить мысль, будто небо представляет собой свод или кровлю, опирающуюся на четыре точки горизонта, и одновременно оно — нечто такое, что каждый день рождает солнце, а также звезды и луну, и в то же время и нечто такое, по чему солнце ежедневно движется из конца в конец, можно было сказать, что небо — корова на четырех ногах; женщина, рожающая солнце, и река, по которой плывет солнце. Это достаточно выражало мысль, которую надо было передать, и никто не задавался вопросом, каким образом небо может быть одновременно коровой, женщиной и рекой, ибо все ясно чувствовали, что это — аллегория, а на самом деле небо — не корова, не женщина и не река. Но в силу той же неразвитости абстрактных понятий не существовало также и понятий «сравнение», «метафора», «аллегория» и всего необходимого для того, чтобы выразить, что небо — не корова, не женщина и не река. Сравнение, иносказание, само наименование предмета или явления воспринимались как нечто вещественное, например имя — как вещественная часть именуемого. Поэтому не нужно удивляться, что, даже не отождествляя небо с реальной коровой или реальной женщиной, древний человек мог приносить небу жертвоприношения и как божественной корове, и как женщине (богине).

Ибо всякие касающиеся человека закономерные и целенаправленные (либо мнимоцеленаправленные) явления мира, всякие явления, имеющие неизвестную и несомненную причину, мыслились и чувствовались как вызванные разумной волей. На опыте наблюдать связь между причиной и следствием человек мог, в сущности, почти исключительно в пределах своей собственной деятельности, а поэтому причину чувственно представлял себе как акт воли. Тем самым за всяким явлением мира мыслилось разумное движущее им существо, которое следует умилостивлять в свою пользу. Это существо, или божество, мыслилось не духовным (ибо нематериальный дух — это тоже абстракция, для словесного выражения которой, а следовательно, и для воображения которой не было средств), а материальным. Оно могло отличаться от человека могуществом, злобностью — чем угодно, но не духовностью.

Божество не отличалось от человека также и бессмертностью, потому что человек не имел средств чувственно или словесно представлять себе смерть как небытие. Умерший был для него перешедшим из жизни здесь в жизнь где-то в другом месте; точно так же и родившийся был перешедшим из жизни где-то в другом месте в жизнь здесь. Еще одним переходом из одного бытия в другое был переход из детства: мальчика — в полноправные воины, девочки — в девушки брачного возраста; такой переход часто

сопровождался обрядом инициации (посвящения), включавшим испытания стойкости юноши или девушки против боли (например, путем обрезания крайней плоти, нанесения ран или ожогов), против страха и т.п., а также передачу новому поколению опыта предков, запечатленного не только в приемах труда разного рода, но и в мифах как чувственно-образном постижении предполагаемых причин и связей явлений.

Миф нельзя отделить от обряда (ритуала). Свои действия первобытный человек осмысляет так же чувственно-ассоциативно, а не абстрактно-логически, как и явления мира. Некоторые практические действия (например, технические трудовые приемы) он при этом осмысляет вполне правильно, так как действие здесь очевидно зависит от зримо проявляемой человеческой воли. Другие, ритуальные действия человека были обусловлены предположительными причинами явлений мира, заключающимися в воле божеств; божества же и их деяния воссоздавались в мифах (как мы уже видели) по ассоциациям, не имеющим строго логического характера, ассоциациям образно-эмоциональным. Неудивительно, что и воздействие на (божественные!) причины явлений оказывалось тоже ассоциативно-эмоциональным, а не логическим. Например, если имя — материальная часть божества, то называющий это имя разве не овладевает в какой-то мере самим богом? Не способствует ли половой акт с женщиной, воплощающей (как «актриса») богиню, оплодотворению самой богини, а также плодородию земли, которою эта богиня не только ведает, но которой сама и является? Обряд тем более действен, что для первобытного человека как бы нет абстрактного физического времени. Современные люди, конечно, знают, что физическое время разворачивается равномерно, всегда в одном направлении; но в ощущении мы воспринимаем не время, а только наполняющие его события или их ожидание. Если того и другого много, кажется, что прошло много времени; если ничего не происходит, время кажется протекшим быстро. Так же ощущал время и первобытный человек — в той мере, в какой он мог соотносить его с событиями собственной жизни[3]. Трудно было определить такую точку во времени, которая не соотносилась бы ни с его жизнью, ни даже с жизнью близких предков, о которых ему еще было известно. А мифологические события, скажем рождение солнца богиней или рождение другой богиней хлебов на земле, и вовсе не имеют определенной точки во времени, к которой можно было бы их привязать, потому что солнце ведь восходит каждый день и хлеба всходят ежегодно; поэтому обряд, совершаемый сегодня, вполне может считаться воздействующим на мифологические события, происходившие некогда, во всяком случае содействующим их регулярному повторению.

В этом мифологическом мироощущении, которое нельзя еще назвать философией и неизвестно, можно ли назвать религией, присутствует и своя протоэтика: из сюжета мифа видно, что хорошо и что плохо. Однако эта протоэтика носит несколько автоматический характер: она не строится в виде логической системы; просто то, что полезно для своей общины, сотоварищей, детей, — хорошо, а так как за гранью своей общины все люди враги, то перехитрить или убить их — безусловно хорошо. А то, что плохо, большей частью магически заворожено, табуировано; сделаешь запретное — умрешь, даже не потому, что за это убьют, а от страха перед самим

[3] Напомним, что в древности не было ни постоянной эры для отсчета лет, ни постоянных подразделений суток; дневное время просто делилось на утро, полдень и вечер, а ночь — на несколько «страж» (дежурств воинов) в зависимости от гарнизонных обычаев.

табу. Здесь этика неотделима от первобытной магии. Так, пролитие крови (помимо поля брани) оскверняет в силу магических свойств крови, независимо от того, благо или зло убийство; а съесть запретную пищу, или присутствовать при запретном ритуале, или сожительствовать с женщиной запретной степени родства может оказаться гораздо большим грехом, чем грех убийства, который можно снять — с помощью выкупа и очистительного обряда.

Вот с каким идейным наследием подошло человечество к грани цивилизации. Если к этому прибавить ненадежность урожаев, беззащитность против болезней и стихийных бедствий, несовершенство жилья, одежды и утвари, отсутствие гигиенических представлений, то станет ясно, насколько трудно было жить в тогдашнем мире. Не нужно при этом думать, что какой-нибудь гений-одиночка был способен объяснить людям ошибочность тех или иных их воззрений и увлечь за собою: в эпоху развития, которое, с нашей точки зрения, было необычайно постепенным и медленным, вес имел только коллективный опыт предков, как раз и воплощенный в мифах и ритуалах. Успех одиночки, не последовавшего учениям предков, представлялся бы случайным или обусловленным какой-либо неучтенной магией, а потому, быть может, зловещим.

Однако едва ли следует смотреть свысока на древних людей с их мифотворчеством: в жизни сегодняшнего человечества также есть множество живучих, ни на какой логике не основанных заблуждений, предрассудков, например в оценке чужих наций, в приметах и т.п., которые являются самыми настоящими мифами, тоже сложившимися не логическим, а эмоционально-ассоциативным путем. Многие ошибочные научные гипотезы также мало отличаются от мифов. Кроме того, мифологический в целом характер мышления первобытного человека допускал возможность вполне здравых обобщений там, где его коллективного опыта хватало для усмотрения действительных причин явлений и проверки истинности умозаключений.

Рассматривая основные черты раннего периода древней истории, мы остановились на своеобразном типе мышления людей того времени, так как иначе трудно было бы объяснить, почему в эту эпоху развития человечества такую огромную роль играли религия, храм, обряд, миф, жречество. Почему именно жречеству доставалась львиная доля впервые создавшегося прибавочного продукта? Конечно, наивно объяснение рационалистов XVIII в., да и многих антирелигиозников XX в., которые видели причину прежде всего в сознательном обмане народа жрецами. Нет сомнения, что жрецы ни в какие времена не забывали о собственных интересах и по большей части ставили их впереди интересов других верующих. Но следует учитывать, что верующими в те времена были все без малейшего исключения, и, конечно, жрецы в том числе.

Особо важная общественная роль, которую с самого начала стали играть профессиональные исполнители религиозных обрядов, объясняется прежде всего тем, что сами эти обряды рассматривались всем населением как важнейшее средство обеспечения благополучия общины. Богатства храмов первоначально были страховым фондом общины: тысячелетиями большинство земледельческого населения ело мясо только во время жертвоприношения богам.

Вспомним также о том, что складывающееся классовое общество было тогда явлением прогрессивным, способствовавшим ускоренному развитию производительных сил и повышению жизненного уровня наибольшего воз-

можного в ту эпоху числа людей, а первобытное общество, несмотря на господствующее в нем равенство людей, превращалось в отсталый строй. Между тем именно о возвращении первобытного прошлого мечтало тогда угнетенное человечество. Народные массы все еще жили мифами и обрядами, унаследованными от первобытности. Коллективный опыт предков, выраженный в этих мифах и обрядах, все еще во многом определял мировоззрение и социальную психологию людей. Это мировоззрение, независимо от политического строя каждого отдельного общества, имело авторитарный характер. Лишь во второй период древности — в Греции и в некоторых передовых обществах Востока — авторитарное мышление стало терять власть над умами; ничто не принималось на веру, каждое положение надо было доказывать. Но и тогда, когда по истечении 2500 лет истории древнего классового общества наряду с религиозным мировоззрением начали появляться научное мировоззрение и философия, философия эта была идеологией господствующего класса; широким народным массам она оставалась чужда.

Глава II

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ШУМЕРА

1. СОЗДАНИЕ УПОРЯДОЧЕННОЙ ИРРИГАЦИИ В НИЗОВЬЕ ЕВФРАТА

Мы уже знаем, что эта страна, отделенная от всей остальной Передней Азии едва проходимыми пустынями, начала заселяться еще примерно в VI тысячелетии до х.э. В течение VI—IV тысячелетий поселившиеся здесь племена жили крайне бедно: ячмень, высеваемый на узкой полосе земли между болотами и выжженной пустыней и орошаемый нерегулируемыми и неравномерными разливами, приносил небольшие и неустойчивые урожаи. Лучше удавались посевы на землях, которые орошались каналами, отведенными от небольшой реки Диялы, притока Тигра. Лишь в середине IV тысячелетия до х.э. отдельные группы общин справились с созданием рациональных осушительно-оросительных систем в бассейне Евфрата.

Бассейн нижнего Евфрата — обширная плоская равнина, ограниченная с востока р. Тигр, за которой тянутся отроги Иранских гор, а с запада — обрывами Сирийско-Аравийской полупустыни. Без надлежащих ирригационных и мелиорационных работ эта равнина местами представляет собой пустыню, местами — болотистые мелководные озера, окаймленные зарослями огромных тростников, кишащих насекомыми. В настоящее время пустынная часть равнины пересечена валами выбросов от копки каналов, и если канал — действующий, то вдоль этих валов растут финиковые пальмы. Кое-где над плоской поверхностью возвышаются глинистые холмы — телли и зольные — ишаны. Это развалины городов, точнее, сотен сосуществовавших последовательно на одном и том же месте сырцовых кирпичных домов и храмовых башен, тростниковых хижин и глинобитных стен. Однако в древности здесь еще не было ни холмов, ни валов. Болотистые лагуны занимали гораздо больше пространства, чем ныне, протянувшись поперек всего нынешнего Южного Ирака, и лишь на крайнем юге попадались низменные безлюдные острова. Постепенно ил Евфрата, Тигра и бегущих с северо-востока эламских рек (впадавших тоже в Персидский залив, как и Тигр с Евфратом, но под углом к ним в 90°) создал наносный барьер, расширивший к югу территорию равнины километров на 120. Там, где раньше болотистые лиманы свободно сообщались с Персидским заливом (это место называлось в древности «Горьким морем»), теперь протекает река Шатт-эль-Араб, в которой ныне сливаются Евфрат и Тигр, ранее имевшие каждый свое устье и свои лагуны.

Евфрат в пределах Нижней Месопотамии разделялся на несколько русел; из них важнейшими были западное, или собственно Евфрат, и более восточное — Итурунгаль; от последнего к лагуне на юго-востоке отходил еще канал И-Нина-гена. Еще восточнее протекала река Тигр, но берега ее были пустынны, кроме того места, где в нее впадал приток Дияла.

От каждого из главных русел в IV тысячелетии до х.э. было отведено несколько меньших каналов, причем с помощью системы плотин и водохранилищ удавалось на каждом задерживать воду для регулярного ороше-

ния полей в течение всего вегетационного периода. Благодаря этому сразу возросли урожаи и стало возможно накопление продуктов. Это, в свою очередь, привело ко второму великому разделению труда, т.е. к выделению специализированных ремесел, а затем и к возможности классового расслоения, а именно к выделению класса рабовладельцев, с одной стороны, и к широкой эксплуатации подневольных людей рабского типа и рабов — с другой.

При этом надо заметить, что чрезвычайно тяжелый труд по строительству и расчистке каналов (как и другие земляные работы) выполнялся в основном не рабами, а общинниками в порядке повинности[1]; каждый взрослый свободный тратил на это в среднем месяц-два в год, и так было в течение всей истории древней Месопотамии. Основные земледельческие работы — пахоту и сев — также вели свободные общинники. Лишь знатные люди, облеченные властью и исполнявшие должности, считавшиеся общественно важными, лично в повинностях не участвовали, да и землю не пахали.

Массовое обследование археологами следов древнейших поселений Нижней Месопотамии показывает, что процесс улучшения местных мелиоративно-ирригационных систем сопровождался сселением жителей из разрозненных мельчайших поселков большесемейных общин к центру номов, где находились главные храмы с их богатыми зернохранилищами и мастерскими. Храмы являлись центрами сбора номовых запасных фондов; отсюда же по поручению управления храмов в далекие страны отправлялись торговые агенты — тамкары — обменивать хлеб и ткани Нижней Месопотамии на лес, металлы, рабынь и рабов. В начале второй четверти III тысячелетия до х.э. плотно заселенные пространства вокруг главных храмов обносят городскими стенами. Около 3000—2900 гг. до х.э. храмовые хозяйства становятся настолько сложными и обширными, что понадобился учет их хозяйственной деятельности. В связи с этим зарождается письменность.

2. ИЗОБРЕТЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ. ПРОТОПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД

Сначала письмо в Нижней Месопотамии возникало как система объемных фишек или рисунков. Рисовали на пластичных плитках из глины концом тростниковой палочки. Каждый знак-рисунок обозначал либо сам изображенный предмет, либо любое понятие, связывавшееся с этим предметом. Например, небосвод, зачерченный штрихами, означал «ночь» и тем самым также «черный», «темный», «больной», «болезнь», «темнота» и т.д. Знак ноги означал «идти», «ходить», «стоять», «приносить» и т.д. Грамматические формы слов не выражались, да это было и не нужно, так как обыкновенно в документ заносились только цифры и знаки исчисляемых объектов. Правда, сложнее было передавать имена получателей предметов, но и тут на первых порах можно было обойтись наименованием их профессий: горн обозначал медника, гора (как знак чужой страны) — раба, тераса (?) (может быть, род трибуны) — вождя-жреца и т.п. Но скоро стали

[1] Работы эти были необходимы для самого существования людей; тем не менее они являлись повинностью, т.е. формой налога, так же как воинская повинность или поборы на содержание войска.

прибегать к ребусу: если *на* означало «камень», «гиря», то знак гири рядом со знаком ноги подсказывал чтение *гена* — «идущий», а знак кучи — *ба* — рядом с тем же знаком подсказывал чтение *губа* — «стоящий» и т.п. Иногда ребусным способом писали и целые слова, если соответствующее понятие трудно было передать рисунком; так, *ги* («возвращать, добавлять») обозначалось знаком «тростника» *ги*. Миновало не менее 400 лет, пока письмо из системы чисто напоминательных знаков превратилось в упорядоченную систему передачи информации во времени и на расстоянии. Это произошло около 2400 г. до х.э.

К этому времени из-за невозможности быстро проводить по глине криволинейные фигуры без заусенцев и т.п. знаки превратились уже просто в комбинации прямых черточек, в которых трудно было узнать первоначальный рисунок. При этом каждая черточка из-за нажима на глину углом прямоугольной палочки получала клиновидный характер; вследствие этого такое письмо называется клинописью. Каждый знак в клинописи может иметь несколько словесных значений и несколько чисто звуковых (обычно говорят о слоговых значениях знаков, но это неверно: звуковые значения могут обозначать и полслога, например, слог *баб* можно написать двумя «слоговыми» знаками: *ба-аб*; значение будет то же, что и при одном знаке *баб*, разница — в удобстве заучивания и в экономии места при написании знаков, но не в чтении). Некоторые знаки могли быть также и «детерминативами», т.е. нечитаемыми знаками, которые только указывают, к какой категории понятий относится соседний знак (деревянные или металлические предметы, рыбы, птицы, профессии и т.д.); таким образом облегчался правильный выбор чтения из нескольких возможных.

Прежде всего перед нами встает вопрос о том, какой же народ создал цивилизацию Нижней Месопотамии. На каком языке он говорил? Изучение языка некоторых более поздних клинописных надписей (примерно с 2500 г. до х.э.) и упоминающихся в надписях (примерно с 2700 г. до х.э.) собственных имен показало ученым, что уже в то время в Нижней Месопотамии жило население, говорившее (а позже и писавшее) на двух совершенно разных языках — шумерском и восточносемитском. Шумерский язык с его причудливой грамматикой не родствен ни одному из сохранившихся до наших дней языков. Восточносемитский язык, который позже назывался аккадским или вавилоно-ассирийским, относится к семитской ветви афразийской семьи языков. Как и ряд других семитских языков, он вымер еще до начала христианской эры. К афразийской семье (но не к семитской ее ветви) принадлежал также древнеегипетский язык, в нее и поныне входит ряд языков Северной Африки, вплоть до Танганьики, Нигерии и Атлантического океана.

Есть основания думать, что в IV тысячелетии до х.э., а может быть, и позже в долине Тигра и Евфрата еще жило население, говорившее и на других, давно вымерших языках.

Что касается наиболее древних месопотамских письменных текстов (примерно с 2900 до 2500 г. до х.э.), то они, несомненно, написаны исключительно на шумерском языке. Это видно из характера ребусного употребления знаков: очевидно, что если слово «тростник» — *ги* совпадает со словом «возвращать, добавлять» — *ги*, то перед нами именно тот язык, в котором существует такое звуковое совпадение, т.е. шумерский. Однако это не значит, что восточные семиты, а может быть, и носители другого, неизвестного нам языка не жили в Нижней Месопотамии вместе с шумерами уже и в то время, и даже раньше. Нет достоверных данных, ни

археологических, ни лингвистических, которые заставили бы думать, что восточные семиты были кочевниками и что они не участвовали вместе с шумерами в великом деле освоения р. Евфрат. Нет также оснований считать, что восточные семиты вторглись в Месопотамию около 2750 г. до х.э., как предполагали многие ученые; напротив, лингвистические данные скорее заставляют думать, что они осели между Евфратом и Тигром уже в эпоху неолита. Все же, по-видимому, население южной части Месопотамии примерно до 2350 г. говорило в основном по-шумерски, в то время как в центральной и северной части Нижней Месопотамии наряду с шумерским звучал также и восточносемитский язык; он же преобладал в Верхней Месопотамии.

Между людьми, говорившими на этих столь различных между собой языках, судя по наличным данным, этнической вражды не было. Очевидно, в то время люди еще не мыслили такими большими категориями, как одноязычные этнические массивы: и дружили между собой, и враждовали более мелкие единицы — племена, номы, территориальные общины. Все жители Нижней Месопотамии называли себя одинаково — «черноголовыми» (по-шумерски *санг-нгига*, по-аккадски *цальмат-каккади*), независимо от языка, на котором каждый говорил.

Поскольку исторические события столь древнего времени нам неизвестны, историки пользуются для подразделения древнейшей истории Нижней Месопотамии археологической периодизацией. Археологи различают Протописьменный период (2900—2750 гг. до х.э., с двумя подпериодами) и Раннединастический период (2750—2310 гг. до х.э., с тремя подпериодами).

От Протописьменного периода, если не считать отдельных случайных документов, до нас дошли три архива: два (один старше, другой моложе) — из г. Урук (ныне Варка) на юге Нижней Месопотамии и один, современный более позднему из урукских, — с городища Джемдет-Наср на севере (древнее название города неизвестно).

Заметим, что письменная система, применявшаяся в Протописьменный период, была, несмотря на свою громоздкость, совершенно тождественной на юге и на севере Нижней Месопотамии. Это говорит в пользу того, что она была создана в одном центре, достаточно авторитетном, чтобы тамошнее изобретение было заимствовано разными номовыми общинами Нижней Месопотамии, хотя между ними не было ни экономического, ни политического единства и их магистральные каналы были отделены друг от друга полосами пустыни. Этим центром, по-видимому, был город Ниппур, расположенный между югом и севером нижнеевфратской равнины. Здесь находился храм бога Энлиля, которому поклонялись все «черноголовые», хотя каждый ном имел и собственную мифологию и пантеон. Вероятно, здесь был когда-то ритуальный центр шумерского племенного союза еще в догосударственный период. Политическим центром Ниппур не был никогда, но важным культовым центром он оставался долго.

Все документы происходят из хозяйственного архива храма Эанна, принадлежавшего богине Инане, вокруг которого консолидировался город Урук, и из аналогичного храмового архива, найденного на городище Джемдет-Наср. Из документов видно, что в храмовом хозяйстве было множество специализированных ремесленников и немало пленных рабов и рабынь, однако рабы-мужчины, вероятно, сливались с общей массой зависимых от храма людей — во всяком случае, так, бесспорно, обстояло дело двумя столетиями позже. Выясняется также, что община выделяла большие участки

земли своим главным должностным лицам — жрецу-прорицателю, главному судье, старшей жрице, старшине торговых агентов. Но львиная доля доставалась жрецу, носившему звание *эн*.

Эн был верховным жрецом в тех общинах, где верховным божеством почиталась богиня; он представлял общину перед внешним миром и возглавлял ее совет; он же участвовал в обряде «священного брака», например с богиней Инаной Урукской — обряде, по-видимому считавшемся необходимым для плодородия всей урукской земли. В общинах, где верховным божеством был бог, существовала жрица-эн (иногда известная и под другими титулами), также участвовавшая в обряде священного брака с соответствующим божеством.

Земля, выделенная эну, — *ашаг-эн*, или *ниг-эн*, — постепенно стала специально храмовой землей; урожай с нее шел в запасный страховой фонд общины, на обмен с другими общинами и странами, на жертвы богам и на содержание персонала храма — его ремесленников, воинов, земледельцев, рыбаков и др. (жрецы обычно имели свою личную землю в общинах помимо храмовой). Кто обрабатывал землю ниг-эна в Протописьменный период, нам пока не совсем ясно; позже ее возделывали илоты разного рода. Об этом нам рассказывает архив из соседнего с Уруком города — архаического Ура, а также некоторые другие; они относятся уже к началу следующего, Раннединастического периода.

3. РАННЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В конце III тысячелетия до х.э. шумеры создали род примитивной истории — «Царский список», перечень царей, якобы поочередно и последовательно от начала мира правивших в разных городах Месопотамии. Цари, правившие подряд в одном и том же городе, условно составляли одну «династию». В действительности в этот список попали как исторические, так и мифические персонажи, причем династии отдельных городов нередко на самом деле правили не последовательно, а параллельно. Кроме того, большинство из перечисленных правителей не были еще царями: они носили звания верховных жрецов (*эн*), «больших людей» (т.е. вождей-военачальников, *лугаль*) или жрецов-строителей (? — *энси*). Принятие правителем того или иного титула зависело от обстоятельств, от местных общинных традиций и т.п. Цифры, указывающие в списке продолжительность отдельных правлений, лишь в редких случаях достоверны, чаще же являются плодом позднейших произвольных манипуляций с числами; в основе «Царского списка» лежит, по существу, счет поколений, причем по двум главным, первоначально независимым линиям, связанным с городами Урук и Ур на юге Нижней Месопотамии и с городом Киш — на севере. Если отбросить вовсе фантастические династии «Царского списка», правившие «до потопа», то начало правления I Кишской династии — первой «после потопа» — приблизительно будет соответствовать началу Раннединастического периода по археологической периодизации (эта часть Раннединастического периода условно называется РД I).

Предпоследний из правителей I династии Киша — Эн-Менбарагеси, первый шумерский государственный деятель, о котором нам сообщает не только «Царский список», но и его собственные надписи, так что в его историчности не приходится сомневаться. Он воевал с Эламом, т.е. с горо-

дами в долине рек Карун и Керхе, соседними с Шумером и проходившими тот же путь развития. Пожалуй, также не вызывает сомнений историчность сына Эн-Менбарагеси — Агги, который пытался подчинить своему родному Кишу южный Урук. Совет старейшин Урука готов был на это согласиться, но народное собрание общины, провозгласив вождя-жреца (эна) по имени Гильгамеш вождем-военачальником (лугалем), решило оказать сопротивление. Осада Аггой Урука была неудачна, и в результате сам Киш вынужден был подчиниться Гильгамешу урукскому, принадлежавшему, согласно «Царскому списку», к I династии Урука.

Гильгамеш явился впоследствии героем целого ряда шумерских эпических песен, а затем и величайшей эпической поэмы, составленной на аккадском (восточносемитском) языке. Здесь лишь заметим, что привязка эпического сюжета к историческому лицу — весьма обычное явление в истории древних литератур; тем не менее мифы, составляющие сюжет эпических песен о Гильгамеше, гораздо старше Гильгамеша исторического. Но он, во всяком случае, был, очевидно, достаточно замечательной личностью, чтобы запомниться так крепко позднейшим поколениям (уже вскоре после его смерти он был обожествлен, и имя его было известно на Ближнем Востоке еще в XI в. х.э.). Эпосы представляют в качестве его важнейших подвигов постройку городской стены Урука и поход в горы за кедровым лесом; был ли действительно такой поход, неизвестно.

С Гильгамеша начинается второй этап Раннединастического периода (РД II). О социально-экономических условиях этого времени известно еще из одного архива, найденного в древнем городе Шуруппак и содержащего хозяйственные и юридические документы, а также учебные тексты XXVI в. до х.э.[2]. Одна часть этого архива происходит из храмового хозяйства, другая же — из частных домов отдельных общинников.

Из этих документов мы узнаем, что территориальная община (ном) Шуруппак входила в военный союз общин, возглавлявшихся Уруком. Здесь, по-видимому, правили тогда прямые потомки Гильгамеша — I династия Урука. Часть шуруппакских воинов была размещена по различным городам союза, в основном же урукские лугали, видимо, не вмешивались во внутренние общинные дела. Хозяйство храма уже довольно четко отделялось от земли территориальной общины и находившихся на ней частных хозяйств большесемейных общин, но связь храма с общиной оставалась при всем том достаточно ощутимой. Так, территориальная община помогала храмовому хозяйству в критические моменты тягловой силой (ослами), а может быть, и трудом своих членов, а храмовое хозяйство поставляло пищу для традиционного пира, которым сопровождалось народное собрание. Правителем нома Шуруппак был энси — малозначительная фигура; ему выделялся сравнительно небольшой надел, и, видимо, совет старейшин и некоторые жрецы были важнее его. Счет лет велся не по годам правления энси, а по годичным циклам, в течение которых, по-видимому, какая-то ритуальная должность по очереди выполнялась представителями разных храмов и территориальных общин низшего порядка, составлявших ном Шуруппак.

Работали в храмовом хозяйстве ремесленники, скотоводы и земледельцы самого различного социального положения, преимущественно, по-видимому, за паек, однако некоторым из них при условии службы вы-

[2] Такие тексты, а также первые записи литературных произведений найдены и на другом городище того же времени, сейчас называющемся Абу-Салабих.

давали и земельные наделы. Все они были лишены собственности на средства производства и эксплуатировались внеэкономическим путем. Некоторые из них были беглецами из других общин, некоторые — потомками пленных. Женщины-работницы прямо обозначались как рабыни. Но многие, возможно, были людьми местного происхождения.

Вне храмового хозяйства большесемейные общины иной раз продавали свою землю; плату за нее получал патриарх семейной общины или, если он умер, его неразделившиеся (т.е. пока не создавшие новых общин) сыновья. Другие взрослые члены общины получали подарки или символическое угощение за свое согласие на сделку. Плата за землю (в продуктах или меди) была очень низкой, и, возможно, после определенного периода времени «покупатель» должен был возвращать участок домашней общине первоначальных хозяев.

К середине III тысячелетия до х.э. наряду с военными и культовыми вождями (лугалями, энами и энси), находившимися в полной политической зависимости от советов старейшин своих номов, четко наметилась новая фигура — лугаль-гегемон. Такой лугаль опирался на своих личных приверженцев и дружину, которых он мог содержать, не спрашиваясь у совета старейшин; с помощью такой дружины он мог завоевать другие номы и таким образом стать выше отдельных советов, которые оставались чисто номовыми организациями. Лугаль-гегемон обычно принимал на севере страны звание лугаля Киша (по созвучию это одновременно означало «лугаль сил», «лугаль воинств»[3]), а на юге страны — звание лугаля всей страны; чтобы получить это звание, нужно было быть признанным в храме г. Ниппур.

Для того чтобы приобрести независимость от номовых общинных органов самоуправления, лугалям нужны были самостоятельные средства, и прежде всего земля, потому что вознаграждать своих сторонников земельными наделами, с которых те кормились бы сами, было гораздо удобнее, чем полностью содержать их на хлебные и иные пайки. И средства и земля были у храмов. Поэтому лугали стали стремиться прибрать храмы к рукам — либо женясь на верховных жрицах, либо заставляя совет избрать себя сразу и военачальником, и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям.

Наиболее богатыми лугалями были правители I династии Ура, сменившей I династию соседнего Урука, — Месанепада и его преемники (позднейшие из них переселились из Ура в Урук и образовали II династию Урука). Богатство их было основано не только на захвате ими храмовой земли (о чем мы можем догадываться по некоторым косвенным данным[4]), но и на торговле.

При раскопках в Уре археологи наткнулись на удивительное погребение. К нему вел пологий ход, в котором стояли повозки, запряженные волами; вход в склеп охранялся воинами в шлемах и с копьями. И волы и воины были умерщвлены при устройстве погребения. Сам склеп представлял собой довольно большое, выкопанное в земле помещение; у стен его сидели (вернее, когда-то сидели — археологи нашли их скелеты упавшими

---

[3] Часто переводят также «царь вселенной», но это, по-видимому, неточно.

[4] Так, Месанепада титуловал себя «мужем (небесной?) блудницы» — то ли «небесной блудницы, богини Инаны Урукской», то ли «жрицы богини Инаны». В любом случае это означает, что он претендовал на власть над храмом Инаны.

на пол) десятки женщин, некоторые с музыкальными инструментами. Их волосы были некогда отброшены на спину и придерживались надо лбом серебряной полоской. Одна из женщин, как видно, не успела надеть свой серебряный обруч, он остался в складках ее одежды, и на металле сохранились отпечатки дорогой ткани. В одном углу склепа была маленькая кирпичная опочивальня под сводом. В ней оказалось не обычное шумерское погребение, как можно было бы ожидать, а остатки ложа, на котором навзничь лежала женщина в плаще, расшитом синим бисером, сделанным из привозного камня — лазурита, в богатых бусах из сердолика и золота, с большими золотыми серьгами и в своеобразном головном уборе из золотых цветов. Судя по надписи на ее печати, женщину звали Пуаби[5]. Было найдено много золотой и серебряной утвари Пуаби, а также две необыкновенной работы арфы со скульптурными изображениями быка и коровы из золота и лазурита на резонаторе.

Археологи нашли поблизости еще несколько погребений такого же рода, но сохранившихся хуже; ни в одном из них останки центрального персонажа не сохранились.

Это погребение вызвало у исследователей большие споры, которые не прекратились и до сих пор. Оно не похоже на другие погребения этой эпохи, в том числе и на обнаруженное также в Уре шахтное погребение царя того времени, где покойник был найден в золотом головном уборе (шлеме) необычайно тонкой работы.

Ни на одной из жертв в погребении Пуаби не было найдено следов насилия. Вероятно, все они были отравлены (усыплены). Вполне возможно, что они подчинились своей судьбе добровольно, чтобы продолжать в ином мире привычную службу своей госпоже. Во всяком случае, невероятно, чтобы воины охраны Пуаби и ее придворные женщины в их дорогом убранстве были простыми рабами. Необычность этого и других сходных погребений, растительные символы на уборе Пуаби, то, что она лежала как бы на брачном ложе, тот факт, что на ее золотых арфах были изображены бородатый дикий бык — олицетворение урского бога Нанны (бога Луны) и дикая корова — олицетворение жены Нанны, богини Нингаль, — все это привело некоторых исследователей к мысли, что Пуаби была не простой женой урукского лугаля, а жрицей-эн, участницей обрядов священного брака с богом Луны.

Как бы то ни было, погребение Пуаби и другие погребения времени I династии Ура (около XXV в. до х.э.) свидетельствуют об исключительном богатстве правящей верхушки урского государства, возглавлявшего, видимо, южный союз нижнемесопотамских шумерских номов. Можно довольно уверенно указать и источник этого богатства: золото и сердоликовые бусы Пуаби происходят с п-ова Индостан, лазурит — из копей Бадахшана в Северном Афганистане; надо думать, что он тоже прибыл в Ур морским путем через Индию. Не случайно, что погребения лугалей Киша того же времени значительно беднее: именно Ур был портом морской торговли с Индией. Высоконосые шумерские корабли, связанные из длинных тростниковых стволов и промазанные естественным асфальтом, с парусом из циновок на мачте из толстого тростника, плавали вдоль берегов Персидского залива до о-ва Дильмун (ныне Бахрейн) и далее в Индийский океан

[5] Чтение имени, как часто случается в древнемесопотамских надписях, ненадежно, но, во всяком случае, оно не может читаться Шуб-ад, как предлагается в популярных и части специальных работ.

и, возможно, доходили до портов Мелахи[6] — страны древнеиндийской цивилизации — недалеко от устья р. Инд.

С I династии Ура начинается последняя стадия Раннединастического периода (РД III). Помимо г. Ур в Нижней Месопотамии в это время были и другие независимые номовые общины, и некоторые из них возглавлялись лугалями, не менее лугалей Ура стремившимися к гегемонии. Все они жили в постоянных стычках друг с другом — это характерная черта периода; воевали из-за плодородных полос земли, из-за каналов, из-за накопленных богатств. В числе государств, правители которых претендовали на гегемонию, самыми важными были ном Киш на севере Нижней Месопотамии и ном Лагаш на юге. Лагаш был расположен на рукаве Евфрата — И-Нина-гене и выходил на лагуну р. Тигр. Столицей Лагаша был город Гирсу.

Из Лагаша до нас дошло гораздо больше документов и надписей этого периода, чем из других городов Нижней Месопотамии. Особенно важен дошедший архив храмового хозяйства богини Бабы. Из этого архива мы узнаем, что храмовая земля делилась на три категории: 1) собственно храмовая земля *ниг-эна*, которая обрабатывалась зависимыми земледельцами храма, а доход с нее шел отчасти на содержание персонала хозяйства, но главным образом составлял жертвенный, резервный и обменный фонд; 2) надельная земля, состоявшая из участков, которые выдавались части персонала храма — мелким администраторам, ремесленникам и земледельцам; нередко надел выдавался на группу, и тогда часть работников считалась зависимыми людьми своего начальника; наделы не принадлежали держателям на праве собственности, а были лишь формой кормления персонала; если администрации почему-либо было удобнее, она могла отобрать надел или вовсе не выдавать его, а довольствовать работника пайком; только пайком обеспечивались рабыни, занятые ткачеством, прядением, уходом за скотом и т.п., а также их дети и все мужчины-чернорабочие; они фактически были на рабском положении и нередко приобретались путем покупки, но дети рабынь впоследствии переводились в другую категорию работников; 3) издольная земля, которая выдавалась храмами, по-видимому, всем желающим на довольно льготных условиях; некоторая доля урожая должна была держателем участка такой земли уступаться храму.

Помимо этого, вне храма по-прежнему существовали земли большесемейных общин; на этих землях рабский труд, насколько мы можем судить, применялся лишь изредка.

Крупные должностные лица номового государства, включая жрецов и самого правителя, получали весьма значительные имения по своей должности. На них работали их зависимые люди, точно такие же как и на храмовой земле. Не совсем ясно, считались ли такие земли принадлежащими к государственному фонду и находящимися лишь в пользовании должностных лиц или же их собственностью. По всей видимости, это было недостаточно ясно и самим лагашцам. Дело в том, что собственность в отличие от владения заключается прежде всего в возможности распоряжаться ее объектом по своему усмотрению, в частности отчуждать его, т.е. продавать, дарить, завещать. Но понятие о возможности полного отчуждения земли противоречило самым коренным представлениям, унаследованным древними месопотамцами от первобытности, а у богатых и знатных людей не

[6] В литературе называется также Мелуххой; оба чтения допустимы.

могла возникать и потребность в отчуждении земли; напротив, отчуждать землю иногда приходилось бедным семьям общинников, для того чтобы расплатиться с долгами, однако такие сделки, видимо, не считались полностью необратимыми. Иногда правители могли принудить кого-либо к отчуждению земли в свою пользу. Отношения собственности, полностью отражающие классово антагонистическую структуру общества, в Нижней Месопотамии III тысячелетия до х.э., видимо, еще не вылились в достаточно отчетливые формы. Для нас важно, что уже существовало расслоение общества на класс имущих, обладавших возможностью эксплуатировать чужой труд; класс трудящихся, не эксплуатируемых еще, но и не эксплуатирующих чужой труд; и класс лиц, лишенных собственности на средства производства и подвергавшихся внеэкономической эксплуатации; в его состав входили эксплуатируемые работники, закрепленные за большими хозяйствами (илоты), а также патриархальные рабы.

Хотя эти сведения дошли до нас преимущественно из Лагаша (XXV—XXIV вв. до х.э.), но есть основания полагать, что аналогичное положение существовало и во всех других номах Нижней Месопотамии, независимо от того, говорило ли их население по-шумерски или по-восточносемитски. Однако ном Лагаш был во многом на особом положении. По богатству лагашское государство уступало разве только Уру—Уруку; лагашский порт Гуаба соперничал с Уром в морской торговле с соседним Эламом и с Индией. Торговые агенты (тамкары) были членами персонала храмовых хозяйств, хотя принимали и частные заказы на покупку заморских товаров, в том числе рабов.

Лагашские правители не менее прочих мечтали о гегемонии в Нижней Месопотамии, но путь к центру страны преграждал им соседний город Умма около того места, где рукав И-Нина-гены отходил от рукава Итурунгаль; с Уммой к тому же в течение многих поколений шли кровавые споры из-за пограничного между нею и Лагашем плодородного района. Лагашские правители носили титул энси и получали от совета или народного собрания звание лугаля только временно, вместе с особыми полномочиями — на время важного военного похода или проведения каких-либо других важнейших мероприятий.

Войско правителя шумерского нома того времени состояло из сравнительно небольших отрядов тяжеловооруженных воинов. Помимо медного конусообразного шлема они были защищены тяжелыми войлочными бурками с большими медными бляхами или же огромными меднокованными щитами; сражались они сомкнутым строем, причем задние ряды, защищенные щитами переднего ряда, выставляли вперед, как щетину, длинные копья. Существовали и примитивные колесницы на сплошных колесах, запряженные, по-видимому, онаграми[7] или крупными полудикими ослами, с укрепленными на передке колесницы колчанами для метательных дротиков.

В стычках между такими отрядами потери были относительно невелики — убитые исчислялись не более чем десятками. Воины этих отрядов получали наделы на земле храма или на земле правителя и в последнем случае были преданы лично ему. Но лугаль мог поднять и народное ополчение как из зависимых людей храма, так и из свободных общинников. Ополченцы составляли легкую пехоту и были вооружены короткими копьями.

[7] Лошадь еще не была одомашнена, но возможно, что в горных районах Передней Азии уже отлавливались кобылы для скрещивания с ослами.

Во главе как тяжеловооруженных, так и ополченских отрядов правитель Лагаша Эанатум, временно избранный лугалем, разбил вскоре после 2400 г. до х.э. соседнюю Умму и нанес ей огромные по тем временам потери в людях. Хотя в своем родном Лагаше Эанатум должен был в дальнейшем довольствоваться только титулом энси, он успешно продолжал войны с другими номами, в том числе с Уром и Кишем, и в конце концов присвоил себе звание лугаля Киша. Однако его преемники не смогли надолго удержать гегемонию над прочими номами.

Через некоторое время власть в Лагаше перешла к некоему Энентарзи. Он был сыном верховного жреца местного номового бога Нингирсу, а потому стал и сам его верховным жрецом. Сделавшись энси Лагаша, он соединил государственные земли с землями храма бога Нингирсу, а также храмов богини Бабы (его жены) и их детей; таким образом, в фактической собственности правителя и его семьи оказалось более половины всей земли Лагаша. Многие жрецы были смещены, и управление храмовыми землями перешло в руки слуг правителя, зависимых от него. Люди правителя стали взимать различные поборы с мелких жрецов и зависимых от храма лиц. Одновременно, надо полагать, ухудшилось и положение общинников — есть смутные известия о том, что они были в долгах у знати: имеются документы о продаже родителями своих детей из-за обнищания. Причины его в частностях неясны: тут должны были играть роль возросшие поборы, связанные с ростом государственного аппарата, неравное распределение земельных и прочих ресурсов в результате социального и экономического расслоения общества, а в связи с этим необходимость в кредите для приобретения посевного зерна, орудий и др. — ведь металла (серебра, меди) в обращении было крайне мало.

Все это вызывало недовольство самых разных слоев населения в Лагаше. Преемник Энентарзи, Лугальанда, был низложен, хотя, может быть, и продолжал жить в Лагаше как частное лицо, а на его место был избран (по-видимому, народным собранием) Уруинимгина [2318—2310 (?) гг. до х.э.][8]. Во втором году его правления он получил полномочия лугаля и провел реформу, о которой по его приказанию были составлены надписи. По-видимому, он не первый в Шумере осуществил подобные реформы — периодически они проводились и ранее, но только о реформе Уруинимгины мы знаем благодаря его надписям несколько подробнее. Она сводилась формально к тому, что земли божеств Нингирсу, Бабы и др. были вновь изъяты из собственности семьи правителя, прекращены противоречащие обычаю поборы и некоторые другие произвольные действия людей правителя, улучшено положение младшего жречества и более состоятельной части зависимых людей в храмовых хозяйствах, отменены долговые сделки и т.п. Однако по существу положение изменилось мало: изъятие храмовых хозяйств из собственности правителя было чисто номинальным, вся администрация правителя осталась на своих местах. Причины обеднения общинников, заставлявшие их брать в долг, также не были устранены. Между тем Уруинимгина ввязался в войну с соседней Уммой; эта война имела для Лагаша тяжелые последствия.

В Умме в это время правил Лугальзагеси, унаследовавший от I династии Ура — II династии Урука власть над всем югом Нижней Месопотамии, кроме Лагаша. Война его с Уруинимгиной длилась несколько лет и окончилась захватом доброй половины территории Уруинимгины и упад-

[8] Раньше его имя неправильно читали «Урукагина».

ком остальной части его государства. Разбив Лагаш в 2312 г. до х.э. (дата условная)[9], Лугальзагеси нанес поражение затем и Кишу, добившись того, что северные правители стали пропускать его торговцев, для которых уже до этого был открыт путь по Персидскому заливу в Индию, также и на север — к Средиземному морю, к Сирии и Малой Азии, откуда доставлялись ценные сорта леса, медь и серебро. Но вскоре Лугальзагеси сам потерпел сокрушительное поражение, о котором будет рассказано далее (см. гл. III).

[9] Все приводившиеся в настоящей главе даты могут содержать ошибку порядка ста лет в ту или другую сторону, но по отношению друг к другу расстояния между двумя датами не расходятся более чем на одно поколение. Например, дата начала Протописьменного периода (2900 г. в этой главе) может на самом деле колебаться между 3000 и 2800 гг. до х.э., дата начала правления Эанатума (2400 г. в этой главе) — от 2500 до 2300 г. Но расстояние от начала правления Эанатума до конца правления Уруинимгины (90 лет, или три поколения, по принятым в этой главе хронологическим подсчетам) не может быть менее двух или более четырех поколений.

Глава III

ПЕРЕХОД К ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ В МЕСОПОТАМИИ

1. ГОСУДАРСТВО САРГОНИДОВ

Лугальзагеси, покорив почти всю южную часть Нижней Месопотамии (Шумер), не попытался создать единое государство. Опираясь на традиционную верхушку храмовой и общинной знати шумерских номов, он довольствовался тем, что в каждом принимал из рук местных старейшин местные жреческие или правительские титулы. Борьбу со своими противниками он не довел до конца: победив Киш, не уничтожил лугалей Киша, победив Лагаш, не сумел отстранить от власти Уруинимгину. Шумер при Лугальзагеси представлял собой нечто похожее на военные союзы номов времен Гильгамеша и Агги.

Между тем Лугальзагеси пришлось столкнуться с новым и совершенно неожиданным противником. Это был человек, который в исторической науке условно обозначается как Саргон Древний; он происходил из жителей северной части Нижней Месопотамии, говоривших на восточносемитском языке; на этом языке он называл себя Шаррум-кен, что означает «царь — истинен». Как полагают историки, такое прозвание не было его первоначальным именем: он присвоил его, когда объявил себя царем.

Позднейшие древневосточные легенды единодушно считали Саргона Древнего человеком очень незнатного происхождения, и нет основания сомневаться в достоверности этой традиции. Считали, что он был садовником и приемным сыном водоноса, потом стал личным слугой лугаля Киша, а после поражения, которое нанес Кишу Лугальзагеси, выкроил себе собственное царство.

Саргон не связал свою судьбу с какими бы то ни было вековыми общинными или номовыми традициями; он возвысил почти неизвестный городок Аккаде (где-то, по-видимому, на орошаемых землях, ранее принадлежавших Кишу). До сих пор археологи не могут обнаружить городища, под которым скрывались бы его развалины, но он сыграл в истории Месопотамии большую роль, и значительно позже Саргона Древнего (2316—2261 гг. до х.э.) вся область северной части Нижней Месопотамии (между Евфратом и Тигром, включая нижнюю часть долины р. Диялы) стала называться Аккадом, а восточносемитский язык с тех пор и в течение последующих двух тысячелетий тоже назывался аккадским.

Не имея корней в традиционных номах, не будучи связан с их храмами и знатью, Саргон, по-видимому, опирался на более или менее добровольное народное ополчение. Традиционной тактике боя между небольшими тяжеловооруженными отрядами, которые сражались в сомкнутом строю, Саргон и его преемники противопоставили тактику больших масс легковооруженных подвижных воинов, действовавших цепью или врассыпную. Шумерские лугали из-за отсутствия в Шумере достаточно гибких и упру-

гих сортов дерева для луков совершенно отказались от стрелкового оружия; Саргон и Саргониды, напротив, придавали большое значение лучникам, которые были способны издалека осыпать неповоротливые отряды щитоносцев и копьеносцев дождем стрел и расстраивать их, не доходя до рукопашной. Очевидно, либо Саргон имел доступ к зарослям тисса (или лещины) в предгорьях Малой Азии или Ирана, либо в его время был изобретен составной, или клееный, лук из рога, дерева и жил. Хороший лук — это грозное оружие, которое бьет прицельно на 200 м и более, из него можно делать 5—6 выстрелов в минуту при запасе стрел в колчане от 30 до 50; на близком расстоянии стрела пробивает толстую доску.

События, которые в Лагаше привели к перевороту Уруинимгины, показывают, что в обществе накопилось много недовольства существовавшими порядками, и Саргон, видимо, повсеместно находил поддержку. Беднейшая часть общинников была заинтересована в укрощении непомерно усиливавшейся номовой знати, а служба в войске Саргона давала многим надежду на социальное и имущественное продвижение, какое в предшествующие времена было таким людям недоступно; да и внутри персонала храмовых и государственных хозяйств существовало достаточно сильное расслоение для того, чтобы и тут нашлись люди, готовые поддержать разрушение номовых порядков. Именно из таких людей происходил и сам Саргон. Объединение страны в единое государство оказалось полезным для развития ее производительных сил: могли бы прекратиться бесконечные кровавые распри из-за каналов и перестройки ирригационных сетей; могла бы упроститься торговля.

Саргон начал, по-видимому, с того, что распространил свою власть на Верхнюю Месопотамию, возможно дойдя до Средиземного моря; затем он предложил Лугальзагеси породниться с ним путем дипломатического брака; Лугальзагеси отказал. Саргон перешел к военным действиям и быстро разгромил своего противника; Лугальзагеси был взят в плен и в медных оковах проведен в торжественной процессии через «ворота бога Энлиля» в Ниппуре. Затем его, вероятно, казнили, а Саргон в короткий срок завоевал все важнейшие города Нижней Месопотамии, в том числе целиком был завоеван и Лагаш; воины Саргона, уже побывавшие у Средиземного моря, теперь омыли оружие в Персидском заливе. Позже его войска совершали и другие походы — в Малую Азию («Серебряные горы») и в Элам.

Номы при Саргоне сохранили каждый свою внутреннюю структуру. Но отдельные энси превратились теперь фактически в чиновников, ответственных перед царем. Они же объединили в своих руках управление храмовыми хозяйствами, которые также были подчинены царю. Представителей сохранившихся знатных номовых родов, особенно правящих, Саргон и его преемники держали при своем дворе на положении не то вельмож, не то заложников.

Саргон имел свое постоянное войско (причем воины были поселены вокруг г. Аккаде), а также опирался на ополчение. Поэтому он не нуждался в дружинах воинов, сидевших на наделах, которые выдавались из храмовых земель, и они были распущены. Вообще, Саргониды предпочитали выдавать работникам пайки и уменьшили число наделов, выдававшихся персоналу государственных хозяйств. Это позволяло повысить норму его эксплуатации.

Саргон ввел единообразные меры площади, веса и т.п. по всей стране,

заботился о поддержании сухопутных и водных путей; по преданию, корабли из Мелахи (Индия) поднимались при нем вверх по реке до пристани г. Аккаде, и среди диковинных товаров здесь можно было видеть слонов и обезьян. Однако этот расцвет торговли продолжался недолго.

Саргон всячески подчеркивал свое уважение к богам, особенно к богу-покровителю Аккаде (он назывался Аба) и к Энлилю ниппурскому, делал храмам большие подарки, стараясь привлечь на свою сторону жречество. Свою дочь он посвятил в жрицы-эн, по-аккадски энту, богу Луны Нанне в Ур; с тех пор стало традицией, чтобы старшая дочь царя была энту Нанны. Тем не менее отношения между жречеством и царями, особенно при потомках Саргона, видимо, были холодными. Саргониды во всем — в титулатуре, в обычаях, в художественных вкусах — порвали с традициями раннединастической поры; в искусстве место надчеловеческого и потому безликого образа божества — или жреца, предстоящего перед божеством, — заступает образ сильной индивидуальности, каким был сам Саргон и близкие ему люди, своими способностями пробившиеся к могуществу; в устной словесности центральное положение занимает героический эпос. Но только единицы смогли действительно пробиться из низов к власти, да и то лишь в начальный период правления Саргона — потом создалась новая служилая знать, ряды которой не пополнялись; и хотя при Саргоне созывалось, по преданию, собрание его войска, но собственно народные собрания, а также и советы старейшин потеряли всякое значение как органы чисто номовые, а не общегосударственные. В общегосударственном масштабе царь обладал теперь деспотической властью, т.е. не только его собственная власть не вручалась ему никаким другим органом — советом или народным собранием, но и рядом с ним и в помощь ему не существовало никакой законной власти.

Народ это очень скоро ощутил и понял. По преданию, старейшины городов поднимали мятеж еще при самом Саргоне, причем он на старости лет должен был бежать и прятаться в канаве, хотя потом и одолел мятежников. А сыновья Саргона Римуш и Маништушу, правившие друг за другом после него, встретились с единодушным и упорным сопротивлением по всей Нижней Месопотамии. Восставали энси городов и знать, причем теперь их поддержало множество людей разного социального положения; подавляя восстания, Римуш вырезал целые города своей страны, казнил многие тысячи пленников.

Заметим, что и тут, как и в Раннединастический период, мы не обнаружим этнической вражды. Часто называют династию Аккаде семитской в противоположность более ранним и более поздним, которые якобы были шумерскими. Правда, Саргон и его потомки принадлежали к той части жителей севера Нижней Месопотамии, которая говорила по-восточносемитски (по-аккадски), и естественно, что он в первую очередь возвышал своих земляков, среди которых тоже многие или даже большинство говорили по-аккадски. Однако семитоязычными были уже и некоторые гораздо более ранние династии. Не только в Кише, но и в Уре восточносемитская речь была распространена по крайней мере с начала периода РД III, если не ранее; пожалуй, один лишь Лагаш оставался почти целиком шумероязычным. Но и при Саргоне, и при его потомках шумерский язык оставался официальным языком надписей и делопроизводства, и лишь на втором месте рядом с ним употреблялся аккадский.

По преданию, Римуша убила тяжелыми каменными печатями знать; как видно, в присутствии царя не полагалось находиться с оружи-

ем[1]. Однако брат его Маништушу продолжал ту же политику. Ему тоже пришлось жестоко подавлять мятежи в собственном государстве. Воспользовавшись тяжелым положением городов, опустошенных резней при его брате Римуше и при нем самом, и желая увеличить государственный сектор хозяйства, Маништушу принудительно скупал землю у граждан за номинальную цену. Существенно, однако, что он не считал возможным просто отобрать эту землю, а проделывал все формальности, существовавшие для покупки земли частным лицом, и совершал сделку при свидетелях как со своей стороны, так и со стороны вынужденных продавцов, а в случае приобретения особо крупных массивов земли Маништушу испрашивал согласие на сделку у местного народного собрания. Из этого видно, что древние цари не являлись собственниками всей земли государства и для приобретения земельных угодий должны были ее покупать на общих основаниях.

Сделки Маништушу по скупке земли были по его приказу записаны на большом каменном обелиске, который дошел до нашего времени. Поскольку в эти сделки вовлекалось большое число людей, текст надписи на обелиске Маништушу дает нам возможность установить структуру нижнемесопотамского общества XXIII в. до х.э. вне государственного сектора.

Выясняется, что и в это время, как и в Раннединастический период, общинники жили большесемейными общинами — «домами», включавшими от одного до четырех поколений и возглавлявшимися патриархами; каждая домашняя община владела своей землей, причем внутри ее индивидуальные семейные ячейки получали каждая свою долю. Продавать такую долю, всю или частично, можно было только с разрешения большесемейной общины в целом; продавец получал «плату», а его родичи — разные приплаты («подарки») в личную собственность. Продавать землю большесемейной общины, всю или частично, можно было соответственно лишь с разрешения всех родственных большесемейных общин, патриархи которых происходили от общего предка по мужской линии, причем «плату» получал патриарх определенной общины, а приплаты и угощения — прочие родичи из всех заинтересованных «домов». Наконец, если продавалась земля сразу нескольких «домов», особенно если их мужчины принадлежали более чем к одному роду, требовалось согласие народного собрания территориальной общины или всего нома. Пир народному собранию устраивал покупатель — царь.

Походы, которые еще Саргон совершал в соседние страны (Сирию, Малую Азию, Элам), продолжали и его сыновья. Маништушу совершал походы далеко на восток, он дошел до эламского города Аншан в глубине Ирана, около современного Шираза.

В Эламе в это время процветала цивилизация, весьма сходная с шумеро-аккадской раннединастической. Эламский язык был родствен дравидским языкам современной Южной Индии. Для него под известным влиянием шумерского письма еще в первой четверти III тысячелетия до х.э. было создано особое, пока не дешифрованное иероглифическое письмо, употреблявшееся для хозяйственного учета, по-видимому тоже в храмовых хозяйствах, как и в Шумере.

В целом Элам шел по тому же пути развития, что и Нижняя Месопо-

[1] Печать знатного человека представляла собой увесистый каменный цилиндр, носимый на шее на шнурке, т.е. могла использоваться как кистень

тамия. Однако область эламской цивилизации охватывала не только наносную иловую равнину рек Карун и Керхе, но и горные местности вплоть до границ нынешних Афганистана и Пакистана, через Элам шел один из путей в страну древнеиндийской цивилизации.

Царям Аккаде, несмотря на ряд походов, вероятно, не удалось по-настоящему покорить Элам, и племянник Маништушу, царь Нарам-Суэн, в конечном счете заключил с эламитами письменный договор, по которому Элам обязался согласовывать свою внешнюю политику с Аккадским царством, но сохранил внутреннюю независимость. Это первый известный нам в мировой истории международный договор. Он написан по-эламски, но аккадской клинописью, которая с этого времени начала распространяться и в Эламе.

Нарам-Суэн (2236—2200 гг. до х.э.) был наиболее могущественным из потомков Саргона, но и его царствование началось с мятежа: граждане древнего Киша избрали правителя из своей среды, и к их восстанию присоединилось множество городов в разных частях обширного государства. Быстрые и решительные действия молодого царя привели его, однако, к победе над восставшими.

Мы относительно мало знаем о других военных событиях времени Нарам-Суэна; по-видимому, он воевал в Сирии, Верхней Месопотамии и в предгорьях Ирана. В Сирии он разрушил мощный ном-государство Эблу, населенную западными семитами и осуществлявшую в здешних местах гегемонию (подробнее см. гл. VIII).

При Нарам-Суэне были доведены до конца перемены в государственном устройстве, начатые еще его дедом Саргоном. Он окончательно отбросил все старые традиционные титулы и стал называть себя «царем четырех стран света»; и в самом деле, столь обширного государства древность до него не знала. Нарам-Суэн сохранил управление номами — и государственными хозяйствами в них — через энси, но на должности энси он назначал либо своих сыновей, либо чиновников; так, в Лагаше в качестве энси он поставил простого писца.

Серьезные последствия имело то, что Нарам-Суэн поссорился с жречеством Ниппура; вероятно, это было связано, помимо прочего, с вопросами титулатуры: отказавшись от всех титулов, он отказался от жреческого утверждения этих титулов; мало того, Нарам-Суэн впервые был объявлен богом (формально — по решению жителей Аккаде) и потребовал прижизненного культа (раньше цари почитались лишь посмертно — это было частью культа предков). Любой энси должен был теперь на своей печати именовать себя так: «Бог Нарам-Суэн, царь четырех стран света, бог Аккаде, я — такой-то, энси такого-то города, твой раб».

Социальная опора Аккадской династии к концу правления Нарам-Суэна максимально сузилась. Общинники были разорены войнами, карательными походами против городов собственной страны, принудительной скупкой земли; старая знать, видимо, была в большинстве своем фактически истреблена; средний слой государственных работников лишен значительной части наделов и переведен на илотские пайки; жречество испытывало недовольство, очевидно по идеологическим соображениям. На стороне царя осталась только созданная Саргонидами служилая бюрократическая знать. Тут началось вторжение с Иранского нагорья племени *кутиев*[2] (видимо, родственного современным дагестанцам).

[2] Их неправильно называют также «гутиями».

2. ГУДЕА

С этого момента началось постепенное падение династии Аккаде. Вначале борьба с горцами шла с переменным успехом, но уже сын Нарам-Суэна должен был, по-видимому, уступить свой титул «царя четырех стран света» царю Элама (который в тот момент был объединен) в обмен на помощь против кутиев. Однако вскоре власть в Месопотамии целиком переходит в руки кутийских вождей. Они называли себя «царями», но, по-видимому, избирались племенным собранием воинов лишь на срок (от двух до семи лет). Кутии разорили своими нападениями почти всю страну, за исключением Лагаша, лежавшего несколько в стороне от главного пути их набегов, и, может быть, Урука и Ура, защищенных полосою болот.

Конечно, кутии не создали своего общегосударственного управления для Нижней Месопотамии; когда они прекратили военный грабеж, то продолжали ограбление в форме даней, которые для них и за них собирали аккадские и шумерские правители.

Гудеа, живший во второй половине XXII в. до х.э. в Лагаше, был сыном жрицы, представлявшей богиню в «священном браке» со жрецом. Поэтому официально он не имел «человеческих» родителей. Однако такое рождение было почетным, и Гудеа был женат первым браком на дочери лагашского энси, а потом унаследовал должность своего тестя.

Политика Гудеа соединяла черты политики традиционных номовых энси с принципами, созданными при династии Аккаде. Он решительно отказался от права собственности правителя государства на храмовые земли, следуя в этом традиции Уруинимгины, а не Саргона и Нарам-Суэна. Но он не вернулся к системе множества храмовых хозяйств отдельных богов, а слил их все в одно общегосударственное (общелагашское) храмовое хозяйство бога Нингирсу. Работников этого хозяйства Гудеа держал в положении илотов на пайке, как при Саргонидах. На строительство нового грандиозного храма Нингирсу он не жалел средств и ради этого ввел новые налоги на все население и новые повинности; к строительным повинностям при нем привлекались иногда даже женщины. В то же время есть косвенные данные в пользу того, что совет старейшин всего Лагаша имел при Гудеа столь большое значение, что за ним признавалось право избирать правителя.

От кутиев Гудеа откупался богатой данью, зато Нижняя Месопотамия — не только ном Лагаш — почти целиком была в его фактическом распоряжении. Он имел возможность воевать с Эламом и вести торговлю со странами Передней Азии и даже с Мелахой (Индией); ввозил он, по-видимому, исключительно материалы для строительства и богатого убранства храма Нингирсу. От правления Гудеа осталось много памятников. Сын и внук не сумели сохранить его политического положения, и могущество Лагаша уменьшилось.

3. III ДИНАСТИЯ УРА

Вскоре после Гудеа Утухенгаль — по преданию, сын вялильщика рыбы — поднял всеобщее восстание против кутиев, чья вымогательская власть давно стала ненавистна в Месопотамии. Кутии были успешно

изгнаны навсегда, но блестяще начавшееся царствование Утухенгаля вскоре оборвалось: когда он осматривал новый строившийся канал, под ним обрушилась глыба земли, и он утонул. Царство перешло к его соратнику Ур-Намму, сделавшему своей столицей г. Ур; Лагаш впал теперь в немилость, и индийская торговля перешла опять к Уру.

Новое государство получило официальное название «Царство Шумера и Аккаде»; хотя почти все надписи и канцелярские тексты составлялись по-шумерски, шумерский разговорный язык в это время уже вымирал, повсюду уступая место аккадскому. Династия, основанная Ур-Намму, в науке обозначается как «III династия Ура»[3].

Ур-Намму (2111—2094 гг. до х.э.) и в особенности его сын Шульги (2093—2046 гг. до х.э.) создали классическое, наиболее типичное древневосточное бюрократическое государство. В различных музеях мира хранится, вероятно, около ста тысяч документов учета из государственных хозяйств царей III династии Ура — это, пожалуй, не менее трети всех сохранившихся глиняных плиток с клинописью.

На начальном этапе правления III династии Ура много внимания было уделено восстановлению ирригационной сети, сильно запущенной в годы хозяйничанья кутиев и их ставленников. Но не в этом заключалась суть политической деятельности царей Ура.

Все храмовые и государственные хозяйства в пределах «Царства Шумера и Аккаде» — а оно вскоре объединило не только Нижнюю, но и значительную часть Верхней Месопотамии, а также земли за Тигром и в Эламе, — были слиты в одно унифицированное государственное хозяйство. Все работники (илоты) назывались в нем *гурушами* — «молодцами», а работницы — *нгеме*, т.е. просто рабынями. Все они — земледельцы, носильщики, пастухи, рыбаки — были сведены в отряды (а ремесленники — в обширные мастерские) и работали от зари до зари без свободных дней (только рабыни не могли работать в свои магические «нечистые» дни — по всей вероятности, в эти дни их держали взаперти), и все они получали стандартный паек — 1,5 л ячменя на мужчину, 0,75 л на женщину в день; выдавалось также немного растительного масла и шерсти. Любой отряд или часть его могли быть переброшены на другую работу и даже в другой город совершенно произвольно, причем, скажем, ткачихи — на бурлаченье, медники — на разгрузку барж и т.п. Работали также и подростки. Смертность была высокой. Ведомостей на постоянные выдачи пайка детям нет — женщины должны были, очевидно, содержать их за счет своего пайка. Рабочая сила пополнялась, видимо, за счет захвата пленных; они доставлялись в Ур, а оттуда уже распределялись по местным государственным хозяйствам. Однако иной раз угнанных людей, особенно женщин и детей, подолгу содержали в лагерях, где множество из них погибало.

Квалифицированные ремесленники, административные служащие и воины тоже по большей части содержались на пайке, хотя и большем, чем рядовые гуруши, — с учетом необходимости кормить семью; администрация государственного хозяйства очень неохотно выдавала служебные наделы в пользование.

Такая система организации труда требовала огромных сил на надзор и учет. Учет был чрезвычайно строгим; все фиксировалось письменно; на каждом документе, будь это хотя бы выдача двух голубей на кухню, сто-

[3] Об эфемерной II династии Ура, включенной в шумерский «Царский список», по существу ничего не известно, кроме того, что она относилась к периоду РД III.

яли печати лица, ответственного за операцию, и контролера; кроме того, отдельно велся учет рабочей силы и отдельно — выполненных ею норм; каждое поле делилось на полосы вдоль и поперек, и один человек отвечал за контроль работы по поперечным полосам, другой — по продольным; таким образом осуществлялся их взаимный контроль крест-накрест. Разовые документы сводились в годовые отчеты по отрядам, по городам и т.д.

Урожай и продукция мастерских шли на содержание двора и войска, на жертвы в храме, на прокорм персонала и на международный обмен через государственных торговых агентов — тамкаров. Однако торговля не процветала: видимо, слишком большую часть прибыли тамкары должны были отдавать администрации.

Централизовано было не только государственное земледелие, но и скотоводство. Скот выращивался главным образом для жертв богам, а отчасти для кожевенного и сыроваренного производства. Снабжение храмов жертвенными животными было разверстано по округам; каждый округ поочередно должен был обеспечивать храмы в течение определенного срока. В центр государства со всех его концов сгонялись тысячи голов скота для храма Энлиля в Ниппуре. Это было своего рода налогом.

Вся страна была разделена на округа, которые могли совпадать, а могли и не совпадать с прежними номами; во главе их стояли энси, но теперь это были просто чиновники, которых по произволу царской администрации перебрасывали с места на место. Лишь кое-где в пограничных районах были сохранены традиционные власти. Положение энси было тем не менее очень доходным, и они имели, например, много рабов; но во время жатвы или при срочных ирригационных работах эти рабы должны были помогать в государственном хозяйстве.

Бюрократической власти энси, вероятно, подчинялись и те из общинников, которые не были поглощены царским хозяйством. Об этих общинниках мы знаем только, что они существовали и во время жатвы часть из них нанималась жнецами в государственное хозяйство, что свидетельствует об их бедности. Важнейшего источника сведений о жизни общины, каким в Раннединастический и аккадский периоды были сделки о купле-продаже земли, мы для III династии Ура лишены, потому, видимо, что купля земли, как и вообще всякая частная нажива, была запрещена. В пределах номов народные собрания, как видно, бездействовали, хотя сохранялся как пережиток совета старейшин общинный суд.

На какой же социальный слой опиралось деспотическое государство? Дело в том, что организация единого царского хозяйства в масштабах всей страны, как уже упоминалось, потребовала огромного количества административного персонала — надсмотрщиков, писцов, начальников отрядов, начальников мастерских, управляющих, а также много квалифицированных ремесленников. Разоренные в течение аккадского и кутийского периодов, общинники охотно шли на эти должности, где пропитание было уже навсегда установленным и обеспеченным, не зависевшим от удачи, урожая или кредита. Дошедшие до нас от III династии Ура судебные дела показывают, что резко возросло число частных патриархальных рабов в хозяйствах даже лиц низшего персонала и, стало быть, участие этих лиц в получении прибавочного продукта, создававшегося илотами-гурушами и нгеме, было для них весьма доходным, значительно повышало уровень их благосостояния. Поэтому вошедшие в состав господствовавшего рабовладельческого класса мелкие надзиратели, чиновники, квалифицированные

ремесленники и составляли вместе с войском, жречеством и администрацией политическую опору династии.

Надо заметить, что положение частных рабов — неполноправных членов семьи рабовладельца — было легче положения илотов-гурушей. За ними еще признавались некоторые права (например, право выступать в суде, даже против рабовладельца; сохранилось довольно много протоколов судебных дел, в которых рабы пытались оспорить свое рабское состояние — правда, во всех известных нам случаях неудачно). Эксплуатировались они менее жестоко, чем илоты, хотя их, конечно, подвергали побоям.

Около ста лет просуществовало царство III династии Ура, и казалось, ничто не могло быть прочнее и устойчивее. Упорядочены были даже культы богов: разнообразные и взаимно противоречившие системы номовых божеств были сведены в единую общую систему во главе с покровителем государственности — царем-богом Энлилем ниппурским; второе место занимал урский бог Луны — Нанна, или Зуэн (по-аккадски Суэн). Было создано — или, во всяком случае, систематизировано и всячески внедрялось в сознание людей — учение о том, что люди были сотворены богами для того, чтобы они кормили их жертвами и освободили от труда. Все цари, начиная с Шульги, обожествлялись и поэтому причислялись к прочим богам в смысле обязанностей людей по отношению к ним. Тогда же был создан «Царский список», о котором речь шла выше, а с ним — учение о божественном происхождении «царственности», которая в первоначальные времена спустилась якобы с неба и с тех пор в неизменной последовательности вечно пребывала на земле, переходя от города к городу, от династии к династии, пока не дошла до III династии Ура. Наконец, при царе Шульги был опубликован первый кодекс законов.

4. ПАДЕНИЕ УРА И ВОЗВЫШЕНИЕ ИССИНА

Конец был для всех неожиданным. Пастушеские племена западных семитов, так называемых *амореев*, гонимые засухами из вытоптанной овцами Сирийской степи, стали переходить Евфрат, угрожая оседлым поселениям Месопотамии. Цари Ура построили стену, защищавшую Нижнюю Месопотамию с севера, вдоль края «гипсовой» пустыни, тянувшейся здесь от Евфрата до Тигра. Но аморейские пастухи, не пытаясь прорваться на юг через эту раскаленную пустыню и построенную царскими работниками стену, около 2025 г. до х.э. пересекли Верхнюю Месопотамию поперек с запада на восток, переправились через Тигр, затем через Диялу и начали вторгаться на поля Нижней Месопотамии с востока на запад.

Царь Ура Ибби-Суэн (2027—2003 гг. до х.э.) в это время был, по-видимому, в Эламе, города которого то подчинялись урским царям, то отлагались, то вступали с ними в союзы и заключали дипломатические браки, то воевали с ними. Увлеченный собственными военными успехами, он, вероятно, недооценил опасность. Однако амореи гнали свой скот на шумеро-аккадские хлебные поля, окружали города, отрезая пути от них к центру государства; и, не получая оттуда помощи, местные энси стали отлагаться от Ура. Отряды гурушей всюду разбегались, грабя казенное добро вместе с амореями, чтобы прокормиться.

Ибби-Суэн, вернувшись в Ур, застал здесь начинавшийся голод. Ведь своих хозяйств у большинства работников столь разросшегося в это время

государственного сектора не было, и они жили на пайки из урожая царских хозяйств, а этот урожай перестал поступать с доброй половины округов. Царь послал своего чиновника Ишби-Эрру в еще не затронутые завоеванием западные районы страны с поручением закупить хлеб для государственного хозяйства у общинников. Ишби-Эрра поручение выполнил и хлеб свез в маленькое селение Иссин на рукаве Евфрата, недалеко от древнего Ниппура. Отсюда он потребовал у Ибби-Суэна ладьи для перевозки хлеба; ладей у царя не было. Тогда Ишби-Эрра, почувствовав свою силу, отложился от Ура и сам объявил себя царем — сначала осторожно «царем своей страны», а затем уже и прямо «царем Шумера и Аккада». Уцелевшие энси, еще подчинявшиеся Уру, признали теперь царем Ишби-Эрру. Ибби-Суэн несколько лет продержался в жестоко голодавшем Уре, но в 2003 г. амореи пропустили через занятые ими земли войско эламского царя, решившего воспользоваться разрухой в Шумере; он занял Ур, а Ибби-Суэн в цепях был уведен в Аншан. Несколько лет эламиты держали в опустевшем и разоренном Уре гарнизон, но потом ушли. Ишби-Эрра стал единственным царем Нижней Месопотамии. Кроме того, возникло несколько мелких царств в Верхней Месопотамии.

Новое царство I династии Иссина старалось во всем подражать III династии Ура: канцелярии оставались шумерскими, хотя уже мало кто говорил на этом языке; цари принимали обожествление в Ниппуре; мастерские, где работали гуруши, оставались прежними. Но многое и изменилось: уже не было возможности сохранять громадные царские рабовладельческие земледельческие хозяйства; оставшаяся земля раздавалась отдельным лицам, которые вели на ней частные хозяйства, не глядя на то, что эта земля была в данном случае собственностью государства; случалось, что такую «царскую» землю даже перепродавали. На общинной земле частные хозяйства оправились, в то время как государственные еще долго не удавалось наладить. Снова получили экономическое самоуправление храмы. Поскольку централизованное распределение продукта стало невозможным, начали развиваться обмен и торговля. Амореи, захватившие поля, не поддерживали ирригацию, в результате пашни стали сохнуть и скоро не годились даже как овечьи пастбища. Чтобы прокормиться, амореи стали наниматься в воины к иссинскому и другим царям и к наместникам городов.

К середине XX в. до х.э. стало ясно, что назревают дальнейшие исторические перемены. От попыток возродить порядки III династии Ура пришлось окончательно отказаться.

Глава IV

ШУМЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

1. РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИСКУССТВО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Сознание человека раннего энеолита (медно-каменного века) уже далеко продвинулось в эмоциональном и мыслительном восприятии мира. При этом, однако, основным способом обобщения оставалось эмоционально окрашенное сопоставление явлений по принципу метафоры, т.е. путем совмещения и условного отождествления двух или более явлений с каким-либо общим типичным признаком (солнце — птица, поскольку и оно, и птица парят над нами; земля — мать). Так возникали мифы, которые были не только метафорическим истолкованием явлений, но и эмоциональным переживанием. В обстоятельствах, где проверка общественно признанным опытом была невозможна или недостаточна (например, за пределами технических приемов производства), действовала, очевидно, и «симпатическая магия», под которой здесь понимается неразличение (в суждении или в практическом действии) степени важности логических связей.

В то же время люди стали уже осознавать существование некоторых закономерностей, касавшихся их жизни и труда и определявших «поведение» природы, животных и предметов. Но они не искали этим закономерностям иного объяснения, кроме того, что те поддерживаются разумными действиями каких-то могущественных существ, в которых метафорически обобщалось существование миропорядка. Сами эти могущественные живые начала представлялись не как идеальное «нечто», не как дух, а как материально действующие, а следовательно, вещественно существующие; поэтому предполагалось возможным воздействовать на их волю, например задобрить. Важно отметить, что действия логически обоснованные и действия магически обоснованные тогда воспринимались как одинаково разумные и полезные для жизни человека, в том числе и для производства. Разница заключалась в том, что логическое действие имело практическое эмпирически-наглядное объяснение, а магическое (ритуальное, культовое) — объяснение мифическое; оно представляло собой в глазах древнего человека повторение некоего действия, совершенного божеством или предком в начале мира и совершаемого в тех же обстоятельствах и поныне, потому что исторические изменения в те времена медленного развития реально не ощущались и стабильность мира определялась правилом: делать так, как делали боги или предки в начале времени. К таким действиям и понятиям критерий практической логики был неприменим.

Магическая деятельность — попытки воздействовать на олицетворенные закономерности природы эмоциональным, ритмическим «божественным» словом, жертвоприношениями, обрядовыми телодвижениями — ощущалась столь же нужной для жизни общины, как и любой общественно полезный труд.

В эпоху неолита (новокаменного века), видимо, уже появилось ощущение наличия неких абстрактных связей и закономерностей в окружающей действительности. Возможно, это отражалось, например, в преобладании геометрических абстракций в изобразительной передаче мира — человека, животных, растений, движений. Место беспорядочного нагромождения магических рисунков животных и людей (пусть даже очень точно и наблюдательно воспроизведенных) занял абстрактный орнамент. Изображение при этом еще не теряло своего магического назначения и в то время не обособлялось от повседневной деятельности человека: художественное творчество сопутствовало домашнему изготовлению нужных в каждом хозяйстве вещей, будь то посуда или цветные бусы, фигурки божеств либо предков, но особенно, конечно, изготовлению предметов, предназначавшихся, например, для культово-магических праздников или для погребения (чтобы покойник мог ими пользоваться в загробном мире).

Создание предметов как домашнего, так и культового назначения было творческим процессом, в котором древним мастером руководило художественное чутье (вне зависимости от того, осознавал он это или нет), в свою очередь развивавшееся во время работы.

Керамические изделия неолита и раннего энеолита демонстрируют нам одну из важных ступеней художественного обобщения, главным показателем которого является ритм. Чувство ритма, вероятно, органично присуще человеку, но, видимо, открыл его в себе человек не сразу и далеко не сразу сумел образно воплотить. В палеолитических изображениях мы мало ощущаем ритм. Он появляется только в неолите как стремление упорядочить, организовать пространство. По расписной посуде разных эпох можно наблюдать, как человек учился обобщать свои впечатления от природы, так группируя и стилизуя открывавшиеся его глазам предметы и явления, что они превращались в стройный геометризованный растительный, животный или абстрактный орнамент, строго подчиненный ритму. Начиная от простейших точечных и штриховых узоров на ранней керамике и кончая сложными симметричными, как бы движущимися изображениями на сосудах V тысячелетия до х.э., все композиции органично ритмичны. Кажется, что ритм красок, линий и форм воплотил в себе двигательный ритм — ритм руки, медленно вращающей сосуд во время лепки (до гончарного круга), а возможно, и ритм сопровождающего работу напева. Искусство керамики создавало также возможность зафиксировать в условных образах мысль, ибо даже самый абстрактный узор нес в себе информацию, поддерживаемую устной традицией.

С еще более сложной формой обобщения (но уже не только художественного порядка) мы сталкиваемся при изучении неолитической и раннеэнеолитической скульптуры. Статуэтки, вылепленные из глины, смешанной с зерном, найденные в местах хранения зерна и в очагах, с подчеркнутыми женскими и специально материнскими формами, фаллосы и фигурки бычков, очень часто попадающиеся рядом с человеческими фигурками, синкретически воплощали понятие земного плодородия. Наиболее сложной формой выражения этого понятия кажутся нам нижнемесопотамские мужские и женские статуэтки начала IV тысячелетия до х.э. со зверообразной мордой и налепами-вкладышами для вещественных образцов растительности (зерен, косточек) на плечах и на глазах. Эти фигурки еще нельзя назвать божествами плодородия — скорее это ступень, предшествующая созданию образа божества-покровителя общины, существование которого мы можем предполагать в несколько более позднее время, исследуя развитие

архитектурных сооружений, где эволюция идет по линии: алтарь под открытым небом — храм.

В IV тысячелетии до х.э. на смену расписной керамике приходит нерасписная красная, серая или желтовато-серая посуда, покрытая стекловидным поливом. В отличие от керамики предыдущего времени, сделанной исключительно вручную или на медленно вращающемся гончарном круге, она выполнена на круге быстро вращающемся и очень скоро полностью вытесняет посуду, вылепленную от руки.

Культуру Протописьменного периода уже можно уверенно назвать в своей основе шумерской или по крайней мере протошумерской. Памятники ее распространены по всей Нижней Месопотамии, захватывают Верхнюю Месопотамию и район по р. Тигр. К наивысшим достижениям этого периода следует отнести расцвет храмостроительства, расцвет искусства глиптики (резьбы на печатях), новые формы пластики, новые принципы изобразительности и изобретение письменности.

Все искусство того времени, как и мировоззрение, было окрашено культом. Заметим, однако, что, говоря об общинных культах древней Месопотамии, трудно делать заключения о шумерской религии как о системе. Правда, всюду почитались общие космические божества: «Небо» Ан (аккад. Ану); «Владыка земли», божество Мирового океана, на котором плавает земля, Энки (аккад. Эйя); «Владыка-Дуновение», божество наземных сил Энлиль (аккад. Эллиль), он же бог шумерского племенного союза с центром в Ниппуре; многочисленные «богини-матери», богини Солнца и Луны. Но большее значение имели местные боги — покровители каждой общины, каждый со своими супругой и сыном, с множеством приближенных. Бесчисленны были мелкие добрые и злые божества, связанные с зерном и скотом, с домашним очагом и хлебным амбаром, с болезнями и напастями. Они по большей части были различными в каждой из общин, о них рассказывали разные, часто противоречащие друг другу мифы.

Храмы строились не всем богам, а лишь главнейшим, преимущественно же богу или богине — покровителям данной общины. Наружные стены храма и платформы были украшены равномерно отстоящими друг от друга выступами (этот прием повторяется и при каждой последовательной перестройке). Сам же храм состоял из трех частей: центральной в виде длинного двора, в глубине которого помещалось изображение божества, и симметричных боковых приделов по обеим сторонам двора. На одном конце двора располагался алтарь, на другом конце — стол для жертвоприношений. Примерно такую же планировку имели храмы этого времени и в Верхней Месопотамии.

Так на севере и на юге Месопотамии формируется определенный тип культового строения, где закрепляются и становятся традиционными почти для всей позднейшей месопотамской архитектуры некоторые строительные принципы. Главные из них таковы: 1) постройка святилища на одном месте (все более поздние перестройки включают в себя предшествующие, и здание, таким образом, никогда не переносится); 2) высокая искусственная платформа, на которой стоит центральный храм и к которой с двух сторон ведут лестницы (впоследствии, может быть, именно в результате обычая строить храм на одном месте вместо одной платформы мы уже встречаем три, пять и, наконец, семь платформ, одну над другой, с храмом на самом верху — так называемый зиккурат). Стремление строить высокие храмы подчеркивало древность и исконность происхождения общины, а также связь святилища с небесным обиталищем бога; 3) трехчастный храм с цен-

тральным помещением, представляющим собой открытый сверху внутренний дворик, вокруг которого группируются боковые пристройки (на севере Нижней Месопотамии такой двор мог быть крытым); 4) членение наружных стен храма, а также платформы (или платформ) чередующимися выступами и нишами.

Из древнейшего Урука всем известно особое сооружение, так называемое «Красное здание», с эстрадой и столбами, украшенными мозаичным орнаментом, — предположительно двор для народной сходки и совета.

С началом городской культуры (даже самой примитивной) открывается новый этап и в развитии изобразительного искусства Нижней Месопотамии. Культура нового периода становится богаче и разнообразнее. Вместо печатей-штампов появляется новая форма печатей — цилиндрические.

Пластическое искусство раннего Шумера тесно связано с глиптикой. Печати-амулеты в форме животных или головок животных, которые так распространены в Протописьменный период, можно считать формой, соединяющей глиптику, рельеф и круглую скульптуру. Функционально все эти предметы — печати. Но если это фигурка животного, то одна ее сторона будет плоско срезана и на ней в глубоком рельефе будут вырезаны дополнительные изображения, предназначенные для отпечатывания на глине, как правило связанные с главной фигурой; так, на обратной стороне печати с головой льва, исполненной в довольно высоком рельефе, вырезаны маленькие львы, на обороте печати с фигурой барана — рогатые животные или человек (видимо, пастух).

Стремление как можно точнее передать изображаемую натуру, особенно когда дело касается представителей животного мира, характерно для искусства Нижней Месопотамии этого периода. Маленькие фигурки домашних животных — бычков, баранов, коз, — выполненные в мягком камне, разнообразные сцены из жизни домашних и диких животных на рельефах, культовых сосудах, печатях поражают прежде всего точным воспроизведением строения тела, так что легко определяются не только вид, но и порода животного, а также позы, движения, переданные живо и выразительно, а часто и удивительно лаконично. Однако настоящей круглой скульптуры все же еще нет.

Другой характерной чертой раннешумерского искусства является его повествовательность. Каждый фриз на цилиндрической печати, каждое рельефное изображение — рассказ, который можно прочесть по порядку. Рассказ о природе, о животном мире, но главное — рассказ уже о себе самом, о человеке. Ибо только в Протописьменный период в искусстве появляется человек, его тема.

Изображения человека встречаются даже в палеолите, но их нельзя считать образом человека в искусстве; человек присутствует в неолитическом и энеолитическом искусстве как часть природы, он еще не выделил себя из нее в своем сознании. Для раннего искусства нередко характерен синкретический образ — человеческо-животно-растительный (как, скажем, напоминающие лягушку фигурки с ямочками для зерен и косточек на плечах или изображение женщины, кормящей звереныша) или человеческо-фаллический (т.е. человек-фаллос, или просто фаллос как символ размножения).

В шумерском искусстве Протописьменного периода мы уже наблюдаем, как человек начал отделять себя от природы. Искусство Нижней Месопотамии этого периода предстает перед нами, таким образом, как каче-

ственно новый этап в отношении человека к окружающему его миру. Не случайно памятники культуры Протописьменного периода оставляют впечатление пробуждения человеческой энергии, осознания человеком своих новых возможностей, попытки выразить себя в окружающем мире, который он осваивает все больше и больше.

Памятники Раннединастического периода представлены значительным числом археологических находок, которые позволяют смелее говорить о некоторых общих тенденциях в искусстве.

В архитектуре окончательно складывается тип храма на высокой платформе, который иногда (а весь храмовой участок даже обычно) был обнесен высокой стеной. Храм к этому времени принимает более лаконичные формы — подсобные помещения четко отделены от центральных культовых, число их уменьшается. Исчезают колонны и полуколонны, а с ними и мозаичная облицовка. Основным приемом художественного оформления памятника храмовой архитектуры остается членение наружных стен выступами. Не исключено, что в этот период утверждается многоступенчатость зиккурата главного городского божества, который постепенно вытеснит храм на платформе. Одновременно существовали и храмы второстепенных божеств, которые имели меньшие размеры, строились без платформы, но обычно тоже в пределах храмового участка.

Своеобразный памятник архитектуры обнаружен в Кише — светское здание, представляющее собой первый образец соединения дворца и крепости в шумерском строительстве.

Памятники скульптуры в большинстве своем представляют собой небольшие (25—40 см) фигурки из местного алебастра и более мягких пород камня (известняка, песчаника и т.д.). Помещались они обычно в культовых нишах храмов. Для северных городов Нижней Месопотамии характерны преувеличенно вытянутые, для южных, напротив, преувеличенно укороченные пропорции статуэток. Всем им свойственно сильное искажение пропорций человеческого тела и черт лица, с резким подчеркиванием одной-двух черт, особенно часто — носа и ушей. Такие фигурки ставились в храмах для того, чтобы они представительствовали там, молились за того, кто их поставил. Для них не требовалось конкретного сходства с оригиналом, как, скажем, в Египте, где раннее блистательное развитие портретной скульптуры было обусловлено требованиями магии: иначе душа-двойник могла бы перепутать хозяина; здесь же было вполне достаточно короткой надписи на фигурке. Магические цели, видимо, нашли отражение в подчеркнутых чертах лица: большие уши (для шумеров — вместилища мудрости), широко раскрытые глаза, в которых просительное выражение сочетается с удивлением магического прозрения, руки, сложенные в молитвенном жесте. Все это часто превращает нескладные и угловатые фигурки в живые и выразительные. Передача внутреннего состояния оказывается гораздо важнее передачи внешней телесной формы; последняя разрабатывается лишь в той мере, в какой она отвечает внутренней задаче скульптуры — создать образ, наделенный сверхъестественными свойствами («всевидящий», «всеслышащий»). Поэтому в официальном искусстве Раннединастического периода мы уже не встречаем той своеобразной, порой свободной трактовки, которая отмечала лучшие произведения искусства Протописьменного периода. Скульптурные фигуры Раннединастического периода, даже если они изображали божеств плодородия, полностью лишены чувственности; их идеал — стремление к сверхчеловеческому и даже нечеловеческому.

В постоянно воевавших между собой номах-государствах были разные пантеоны, различные ритуалы, не было единообразия в мифологии (если не считать сохранения общей главной функции всех божеств III тысячелетия до х.э.: это прежде всего общинные боги плодородия). Соответственно при единстве общего характера скульптуры изображения очень различны в деталях. В глиптике начинают преобладать цилиндрические печати с изображением героев и вздыбленных животных.

Ювелирные изделия Раннединастического периода, известные главным образом по материалам раскопок урских гробниц, по праву могут быть отнесены к шедеврам ювелирного творчества.

Искусство аккадского времени, пожалуй, более всего характеризуется центральной идеей обожествляемого царя, который появляется сначала в исторической действительности, а затем в идеологии и в искусстве. Если в истории и в легендах он предстает человеком не из царского рода, который сумел достичь власти, собрал огромную армию и впервые за все время существования государств-номов в Нижней Месопотамии подчинил себе весь Шумер и Аккаде, то в искусстве это мужественный человек с подчеркнуто энергичными чертами сухощавого лица: правильные, четко очерченные губы, небольшой нос с горбинкой — портрет идеализированный, возможно обобщенный, но достаточно точно передающий этнический тип; этот портрет вполне соответствует сложившемуся из исторических и легендарных данных представлению о герое-победителе Саргоне Аккадском (такова, например, медная портретная голова из Ниневии — предполагаемое изображение Саргона). В других случаях обожествленный царь изображен совершающим победоносный поход во главе своего войска. Он карабкается по кручам впереди воинов, фигура его дана крупнее, чем фигуры остальных, над его головой сияют символы-знаки его божественности — Солнце и Луна (стела Нарам-Суэна в честь его победы над горцами). Он выступает также в виде могучего героя в локонах и с кудрявой бородой. Герой сражается со львом, его мускулы напряжены, одной рукой он сдерживает вздыбившегося льва, чьи когти в бессильной ярости царапают воздух, а другой вонзает кинжал хищнику в загривок (излюбленный мотив аккадской глиптики). В какой-то мере изменения в искусстве аккадского периода связаны с традициями северных центров страны. Иногда говорят о «реализме» в искусстве аккадского периода. Конечно, о реализме в том смысле, как мы сейчас понимаем этот термин, не может быть и речи: фиксируются не действительно видимые (хотя бы и типичные), а существенные для понимания данного образа черты. Все же впечатление жизнеподобия изображаемого очень остро. Особенно это относится к бронзовой скульптуре, дошедшей до нас в очень малом числе, ибо почти все статуи из-за ценности материала пошли в переплавку еще в древности.

События времени Аккадской династии расшатали сложившиеся жреческие шумерские традиции; соответственно процессы, происходившие в искусстве, впервые отразили интерес к отдельной личности. Влияние аккадского искусства сказывалось в течение столетий. Его можно обнаружить и в памятниках последнего периода шумерской истории — III династии Ура и I династии Иссина. Но в целом памятники этого позднейшего времени оставляют впечатление однообразия и стереотипности. Это соответствует действительности: например, над печатями трудились мастера-гуруши огромных царских ремесленных мастерских III династии Ура, набившие руку на четком воспроизведении одной и той же предписанной темы — поклонения божеству.

2. ШУМЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Всего в настоящее время нам известно более ста пятидесяти памятников шумерской литературы (многие из них сохранились в виде фрагментов, и список этот пополняется). В их числе стихотворные записи мифов, эпические сказания, псалмы, свадебно-любовные песни, связанные со священным браком обожествленного царя со жрицей, погребальные плачи, плачи о социальных бедствиях, псалмы в честь царей (начиная с III династии Ура), литературные имитации царских надписей; очень широко представлена дидактика — поучения, назидания, споры-диалоги, сборники басен, анекдоты, поговорки и пословицы.

Из всех жанров шумерской литературы наиболее полно представлены гимны. Самые ранние записи их восходят к середине Раннединастического периода. Безусловно, гимн — один из наиболее древних способов коллективного обращения к божеству. Запись такого произведения должна была производиться с особой педантичностью и пунктуальностью, ни одного слова нельзя было изменить произвольно, поскольку ни один образ гимна не был случайным, за каждым стояло мифологическое содержание. Гимны рассчитаны на чтение вслух — отдельным жрецом или хором[1], и эмоции, которые возникали при исполнении такого произведения, — это коллективные эмоции. Огромное значение ритмической речи, воспринимающейся эмоционально-магически, выступает в таких произведениях на первый план. Обычно в гимне восхваляется божество и перечисляются деяния, имена и эпитеты бога. Большинство гимнов, которые дошли до нас, сохранилось в школьном каноне г. Ниппур[2] и чаще всего посвящено Энлилю, богу-покровителю этого города, и другим божествам его круга. Но есть также гимны царям и храмам. Однако гимны можно было посвящать лишь обожествленным царям, а обожествлялись в Шумере не все цари.

Наравне с гимнами, богослужебными текстами являются плачи, очень распространенные в шумерской литературе (особенно плачи о народных бедствиях). Но самый древний памятник подобного рода, известный нам, не богослужебный. Это «плач» о разрушении Лагаша царем Уммы Лугальзагеси. В нем перечисляются разрушения, произведенные в Лагаше, и проклинается их виновник. Остальные же дошедшие до нас плачи — плач о гибели Шумера и Аккаде, плач «Проклятие городу Аккаде», плач о гибели Ура, Урука и др., — безусловно, ритуального характера: они обращены к богам и близки к заклинаниям.

К числу культовых текстов относится замечательная серия поэм (или песнопений), начиная с «Хождения Инаны в преисподнюю» и кончая «Смертью Думузи», отражающая миф об умирающих и воскресающих божествах и связанная с соответствующими обрядами. Богиня плотской любви и животного плодородия Иннин (Инана, аккад. Иштар) полюбила

---

[1] Конечно, текст не читали вслух с глиняной таблички, а предварительно заучивали «из уст» какого-либо писца. Жрецы III—II тысячелетий до х.э., как правило, были неграмотны и свои знания передавали в устной форме, по памяти.

[2] Это произведения, записанные, а чаще всего и составленные в г. Ниппур, входившие в круг чтения обучавшихся и зрелых писцов. Ниппурская библиотека была обнаружена в школе, так называемой *э-дубе* («дом табличек»). Хотя школа эта была светской (она готовила писцов для гражданской администрации), однако естественно (особенно для такого культового центра, как Ниппур), что жрецы оказывали на нее огромное влияние.

бога- (или героя-) пастуха Думузи и взяла его в мужья. Однако затем она низошла в подземный мир, по-видимому, чтобы оспорить власть царицы преисподней. Умерщвленная, но хитростью богов возвращенная к жизни, Инана может вернуться на землю (где тем временем все живое перестало размножаться), лишь отдав за себя живой выкуп. Инана почитается в разных городах Шумера и в каждом имеет супруга или сына; все эти божества преклоняются перед ней и молят о пощаде; лишь один Думузи гордо отказывается. Думузи предан злым гонцам подземного мира и пытается спастись бегством; тщетно бог Солнца Уту трижды превращает его в животное и прячет у себя; Думузи убит и уведен в подземный мир. Однако сестра его Гештинана, жертвуя собой, добивается, чтобы Думузи на полгода отпускали к живым, на это время она сама взамен него уходит в мир мертвых. Пока бог-пастух царит на земле, богиня-растение умирает. Структура мифа оказывается много сложнее, чем упрощенный мифологический сюжет умирания и воскрешения божества плодородия, как он обычно излагается в популярной литературе.

К ниппурскому канону относятся также девять сказаний о подвигах героев, отнесенных «Царским списком» к полулегендарной I династии Урука, — Энмеркара, Лугальбанды и Гильгамеша. Ниппурский канон, видимо, начал создаваться в период III династии Ура, а цари этой династии были тесно связаны с Уруком; ее основатель возводил свой род к Гильгамешу. Включение в канон урукских легенд произошло скорее всего потому, что Ниппур являлся культовым центром, который был всегда связан с господствующим в данное время городом. При III династии Ура и I династии Иссина единообразный ниппурский канон был введен в *э-дубах* (школах) других городов державы.

Все дошедшие до нас героические сказания находятся на стадии образования циклов, что обычно характерно для эпоса (группирование героев по месту их рождения — одна из ступеней этой циклизации). Но памятники эти настолько разнородны, что их с трудом можно объединить общим понятием «эпос». Это разновременные композиции, одни из которых более совершенны и законченны (как замечательная поэма о герое Лугальбанде и чудовищном орле), другие — менее. Однако составить даже примерное представление о времени их создания невозможно — различные мотивы могли включаться в них на разных этапах их развития, сказания могли видоизменяться на протяжении веков. Ясно одно: перед нами ранний жанр, из которого эпос разовьется впоследствии. Поэтому герой такого произведения — еще не эпический герой-богатырь, монументальная и часто трагическая личность; это скорее удачливый молодец из волшебной сказки, родственник богов (но не бог), могучий царь с чертами бога; он имеет сказочных помощников — орла, дикого человека Энкиду.

Сказаний, где героем является бог, а не смертный, дошло меньше. Так, известно сказание о борьбе богини Иннин (Инаны) с олицетворением подземного мира, названным в тексте «гора Эбех». Сохранились также два больших эпоса о подвигах бога Нинурты. Нинурта сражается со злым демоном Асаком, также обитателем подземного царства. Нинурта одновременно выступает и как герой-первопредок: он сооружает плотину-насыпь из груды камней, чтобы отгородить Шумер от вод первозданного океана, которые разлились в результате смерти Асака, а затопившие поля воды отводит в Тигр.

Более распространены в шумерской литературе произведения, посвященные описаниям созидательных деяний божеств, так называемым этио-

логическим (т.е. объясняющим) мифам; одновременно они дают представление и о создании мира, как оно виделось шумерам. Возможно, что цельных космогонических сказаний в раннем Шумере не было (или они не записывались). Трудно сказать, почему это так; вряд ли возможно, чтобы представление о борьбе титанических сил природы (богов и титанов, старших и младших богов и т.д.) не отразилось в мировоззрении шумеров, тем более что тема умирания и воскрешения природы (с уходом божества в подземное царство) в шумерской мифографии разработана подробно — в рассказах не только об Иннин/Инане и Думузи, но и о других богах, например об Энлиле.

Устройство жизни на земле, установление на ней порядка и благоденствия — едва ли не любимая тема шумерской литературы: она наполнена рассказами о сотворении божеств, которые должны следить за земным порядком, заботиться о распределении божественных обязанностей, об установлении божественной иерархии, о заселении земли живыми существами и даже о создании отдельных сельскохозяйственных орудий. Главными действующими богами-творцами обычно выступают Энки и Энлиль.

Многие этиологические мифы составлены в форме прений: спор ведут либо представители той или иной области хозяйства, либо сами хозяйственные предметы, которые пытаются доказать друг другу свое превосходство. В распространении этого жанра, типичного для многих литератур древнего Востока, большую роль сыграла шумерская э-дуба. О том, что представляла собой эта школа на ранних этапах, известно очень мало, однако в каком-то виде она существовала (о чем свидетельствует наличие учебных пособий уже с самого начала письменности). Видимо, как особое учреждение э-дуба складывается не позже середины III тысячелетия до х.э. Первоначально цели обучения были чисто практическими — школа готовила писцов, землемеров и т.д. По мере развития школы обучение становилось все более универсальным, и в конце III — начале II тысячелетия до х.э. э-дуба становится чем-то вроде «академического центра» того времени — в ней преподают все отрасли знаний, тогда существовавшие: математику, грамматику, пение, музыку, право, — изучают перечни правовых, медицинских, ботанических, географических и фармакологических терминов, списки литературных сочинений и т.д.

Большинство рассмотренных выше произведений сохранилось именно в виде школьных или учительских записей, через школьный канон. Но есть и специальные группы памятников, которые принято называть «текстами э-дубы»: это произведения, рассказывающие об устройстве школы и школьной жизни, дидактические сочинения (поучения, нравоучения, наставления), специально адресованные школярам, очень часто составленные в форме диалогов-споров, и, наконец, басни и поговорки. Через э-дубу до нас дошла единственная пока сказка на шумерском языке.

Даже по этому неполному обзору можно судить о том, насколько богаты и разнообразны памятники шумерской литературы. Этот разнородный и разновременный материал, большая часть которого была записана только в конце III (если не в начале II) тысячелетия до х.э., по-видимому, во многом сохранил приемы, свойственные устному словесному творчеству. Основной стилистический прием большинства мифологических и праэпических рассказов — многократные повторения, например повторение в одних и тех же выражениях одних и тех же диалогов (но между разными последовательными собеседниками). Это не только художественный прием троекратности, столь характерный для эпоса и сказки (в шумерских па-

мятниках он всегда достигает девятикратности), но еще и мнемонический прием, способствующий лучшему запоминанию произведения, — наследие устной передачи мифа, эпоса, специфическая черта ритмической, магической речи, по форме напоминающей шаманское камлание. Композиции, составленные в основном из таких монологов и диалогов-повторов, среди которых неразвернутое действие почти теряется, могут иногда показаться нам рыхлыми, необработанными и оттого незавершенными (хотя в древности они вряд ли могли так восприниматься), рассказ на табличке выглядит просто конспектом, где записи отдельных строк служили как бы памятными вехами для сказителя. Однако зачем тогда было педантично, до девяти раз выписывать одни и те же фразы? Это тем более странно, что запись производилась на тяжелой глине и, казалось бы, сам материал должен был подсказать необходимость лаконичности и экономности фразы, более сжатой композиции (это происходит только к середине II тысячелетия до х.э. уже в аккадской литературе). Приведенные факты наводят на мысль, что шумерская литература в значительной мере представляет собой письменную запись устной словесности. Не умея, да и не стремясь оторваться от живого слова, она фиксировала его на глине, сохраняя все стилистические приемы и особенности устной поэтической речи.

Важно, однако, заметить, что шумерские писцы-«литераторы» не ставили себе задачей фиксировать в с е устное творчество или все его жанры. Отбор определялся интересами школы и отчасти культа. Но наряду с этой письменной протолитературой продолжалась жизнь устных произведений, оставшихся незафиксированными, — быть может, гораздо более богатая.

Неправильно было бы представлять эту делающую свои первые шаги шумерскую письменную литературу как малохудожественную или почти лишенную художественного эмоционального воздействия. Сам метафорический образ мышления способствовал образности языка и развитию такого характернейшего для древневосточной поэзии приема, как параллелизм. Шумерские стихи — ритмическая речь, но в строгий размер они не укладываются, так как не удается обнаружить ни счета ударений, ни счета долгот, ни счета слогов. Поэтому важнейшим средством подчеркнуть ритм являются здесь повторы, ритмические перечисления, эпитеты богов, повторение начальных слов в последовательных строках подряд и т.д. Все это, собственно говоря, атрибуты устной поэзии, но сохраняющие тем не менее свое эмоциональное воздействие и в литературе письменной.

Письменная шумерская литература отразила и процесс столкновения первобытной идеологии с новой идеологией классового общества. При знакомстве с древними шумерскими памятниками, особенно мифологическими, бросается в глаза отсутствие поэтизации образов. Шумерские боги — не просто земные существа, мир их чувств — не просто мир чувств и поступков человеческих; постоянно подчеркиваются низменность и грубость натуры богов, непривлекательность их облика. Первобытному мышлению, подавленному неограниченной властью стихий и ощущением собственной беспомощности, по-видимому, были близки образы богов, творящих живое существо из грязи из-под ногтей, в пьяном состоянии, способных из одного каприза погубить созданное ими человечество, устроив Потоп. А шумерский подземный мир? По сохранившимся описаниям он представляется хаотичным и безнадежным: там нет ни судьи мертвых, ни весов, на которых взвешиваются поступки людей. Постепенно, однако, по мере того как в государствах Нижней Месопотамии укрепляется и становится господствующей идеология классового общества, меняется и содержа-

ние литературы, которая начинает развиваться в новых формах и жанрах. Процесс отрыва письменной литературы от устной убыстряется и делается очевидным. Возникновение на поздних ступенях развития шумерского общества дидактических жанров литературы, циклизация мифологических сюжетов и т.п. знаменуют все большую самостоятельность, приобретаемую письменным словом, иную его идейно-эмоциональную направленность. Однако этот новый этап развития переднеазиатской литературы, по существу, продолжали уже не шумеры, а их культурные наследники — вавилоняне, или аккадцы.

Глава V

СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

1. СТАРОВАВИЛОНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Период от падения III династии Ура до завоевания Месопотамии касситами (XX—XVII вв. до х.э.) мы условно называем старовавилонским. В это время Вавилон впервые возвысился над всеми другими городами Двуречья и стал столицей государства, объединившего всю Нижнюю и часть Верхней Месопотамии. Несмотря на то что это объединение продержалось в полном объеме лишь на протяжении жизни одного поколения, оно надолго сохранилось в памяти людей. Вавилон остался традиционным центром страны до конца существования аккадского языка и клинописной культуры.

И в это время, как и в предыдущий период, Месопотамия могла по праву называться «страной множества городов». Они были разбросаны по берегам Тигра и Евфрата, на местах слияния крупных каналов. Некоторые из них насчитывали уже не одну сотню лет истории — такие, как Ниппур, Киш, Сиппар, Ур, Урук; были и более новые — Иссин, Ларса, и такие, чья история была еще впереди, как у Вавилона. Города эти занимали площадь 2—4 кв. км и насчитывали не один десяток тысяч жителей. В центре города обычно помещался храмовой комплекс, обнесенный стеной, с зиккуратом, храмами бога-покровителя нома и других важнейших божеств, здесь же располагались дворец царя или правителя и основные хозяйственные строения государственного хозяйства. Остальная часть города была занята домами горожан и другими постройками, между которыми располагались храмики мелких божеств. Дома стояли вплотную друг к другу, образуя извилистые улицы шириной 1,5—3 м. На берегу реки или канала, около которых вырос город, находилась гавань, где стояли купеческие ладьи и барки; здесь же, на площади, примыкавшей к гавани, происходила, видимо, и торговля. Жизнь горожан была сосредоточена вокруг многочисленных храмов и дворца, где многие из них служили как чиновники, воины, жрецы, ремесленники и торговцы. Имущественное положение и жизненный уровень большинства горожан были примерно одинаковы.

Городская усадьба чаще всего состояла из жилого дома и участка незастроенной земли. Размеры отдельных домов колебались в пределах 35—70 кв. м. За сохранностью стены, разделявшей соседей, они следили совместно. Другим видом имущества многих горожан были финиковые сады: располагались они или в окрестностях городов, или в сельских поселениях, находившихся неподалеку. Площадь садов не превышала чаще всего одного гектара. Горожане, основным занятием которых были служба или ремесло, часто не занимались сами садовыми работами, а сдавали свои участки в аренду. За месяц-два до сбора фиников производился осмотр пальм, с тем чтобы определить ожидаемый урожай. На основании предварительной оценки составлялся письменный договор, согласно которому садовник должен был предоставить хозяину сада определенное количество фиников.

Основным продуктом питания горожан, как и сельских жителей, был ячмень. Поля, по выражению, употребленному в одном из писем того времени из Южной Месопотамии, были «жизнью страны». От их урожайности зависело снабжение городов зерном и в конечном счете благосостояние всех горожан. Жизнь городов во многом была подчинена ритму сельскохозяйственных работ. Горожане, связанные с государственным хозяйством, получали за свою службу земельные наделы в 2—4 га. Некоторые горожане кроме служебных могли иметь наделы земли в сельских общинах на правах членства в них. Кроме полей этих двух типов — надельных и общинных — некоторым горожанам принадлежали крупные земельные владения, о происхождении которых у нас нет достаточно точных сведений. Возможно, что это были пожалования крупным чиновникам или лицам, близким к царю. Поля, так же как и сады, горожане редко обрабатывали сами, чаще они сдавали их в аренду земледельцам, жителям сельских поселений, на территории которых рядом с общинными землями располагались обычно служебные наделы. Участки сдавались в аренду либо за твердую плату, либо из доли урожая, чаще всего из $^1/_3$.

Скота большинство горожан не держали, рабов имели немного. Большинство рабов были чужеземцами, либо пригнанными в плен местными воинами, либо приведенными торговцами из других городов, где они попали в рабство также, вероятно, в результате пленения. Раб стоил примерно 150—175 г серебра, рабыня — несколько меньше. В большинстве случаев рабы выполняли работу, в том числе производственную, наравне с другими членами семьи и по своему правовому положению были близки к малолетним, находящимся под патриархальной властью главы дома.

Таким образом, имущество, позволявшее горожанину прокормить себя и свою семью, сводилось к небольшому дому с самой необходимой мебелью и хозяйственной утварью и небольшому полевому участку, принадлежавшему ему как члену какой-либо сельской общины либо данному ему храмом или государством в пользование (кормление) за службу, иногда к нему добавлялась маленькая финиковая роща.

Другим источником доходов горожан были натуральные выдачи: храм и дворец снабжали некоторых своих служащих не земельными наделами, а продуктами — зерном, шерстью, растительным маслом, иногда небольшим количеством серебра. Кроме того, выдачи продуктов, часто в значительных размерах, производились во время храмовых праздников.

Кроме крупных и мелких городов на территории Месопотамии в старовавилонский период существовало много небольших сельских поселений, расположенных по берегам рек и каналов, соединявших города друг с другом. Сами постройки в таких поселениях занимали площадь в несколько гектаров и состояли из домов, построенных из кирпича-сырца, а часто и из тростниковых плетенок, обмазанных глиной. Население их составляло от пятидесяти до нескольких сот человек, основным занятием которых было земледелие. Жители образовывали территориальные общины, объединявшие один или несколько поселков с их земельными угодьями. Главной сельскохозяйственной культурой был ячмень, средний урожай которого в этот период составлял примерно 12,5 ц с гектара. Пшеницу сеяли редко, так как она не выдерживала все усиливавшегося засоления почвы. Выращивали также финики, лук, бобовые. Всей жизнью таких поселений управлял совет старейшин, избиравшийся жителями из числа наиболее уважаемых и богатых семейств; во главе совета стоял староста, назначаемый обычно царем. Одни общины платили налог государству натурой, в других — часть

орошаемой земли отводилась под государственное хозяйство. Эти земли царь мог раздать своим чиновникам в качестве вознаграждения за службу, а мог поселить здесь работников из прибегавших к его покровительству бедняков, которые за это отдавали ему значительную часть своего урожая.

Главной задачей большинства мелких хозяйств было воспроизводство, товарность их была низкой, тем не менее каждому хозяйству приходилось, хотя и редко, приобретать необходимые орудия и предметы, которые оно не могло изготовить само. Основным средством платежа в это время служило серебро, которое значительно потеснило зерно, употреблявшееся ранее для этой цели. Все имело свою оценку в серебре — любые виды движимого и недвижимого имущества, доходы от жреческой должности, плата наемному работнику, расходы, связанные с несением определенных повинностей. Однако у большинства горожан, а тем более жителей мелких сельских поселений серебра в наличии не было совсем, им располагали в основном только лица, занимавшиеся торговлей. Некоторым количеством серебра владели в виде украшений наиболее обеспеченные семьи. Это ручные и ножные браслеты, серьги, кольца, имевшие стандартный вес, которые могли в случае необходимости употребляться при денежных расчетах. Но основная масса наличного серебра была сосредоточена в руках государства (во дворце и храмах), которое распределяло часть своих запасов среди высших дворцовых и храмовых служащих посредством выдач или подарков.

Наличие в обращении малого количества серебра, особенно за пределами больших городов, вдали от центральных учреждений и торговых компаний, и низкая товарность хозяйства приводили к тому, что не только не всегда и не везде можно было продать за серебро продукты сельского хозяйства, но и купить их за серебро также бывало зачастую затруднительно. Купля-продажа за серебро при отсутствии чеканной монеты необходимо требовала взвешивания, расчетов, т.е. определенных знаний и квалификации, которыми большинство населения, конечно, не обладало. Это еще более затрудняло обращение серебра, особенно в сельской местности. В крупных городах, где были меняльные лавки и жило много торговцев, такого рода затруднений не возникало. Серебро здесь могло обращаться свободнее, и его, вероятно, всегда можно было реализовать, так как потребность в серебре в связи с развитием хозяйства все возрастала.

Естественным следствием потребности в серебре в условиях недостаточного количества этого металла в обращении и концентрации его в руках узкой группы лиц, связанных с торговлей и занимавших высшие должности в храмовом и дворцовом хозяйстве, было развитие кредита. Однако поскольку серебра было мало, то дать его в долг, рассчитывая на возвращение долга с процентами серебром же, можно было только в том случае, если должник имел торговый капитал или занимал значительное положение в государственном хозяйстве, т.е. принадлежал к той небольшой группе лиц, в руках которых сосредоточивались основные доходы от сбора налогов и торговли. Большинство семей стояло вне этого круга и не могло рассчитывать на получение займа, если кредитору не предоставлялась достаточно твердая гарантия; такой гарантией могла служить личность должника или его недвижимость; в этих случаях должник, нуждаясь в серебре, шел на заклад или на продажу в рабство членов своей семьи и даже себя самого либо на продажу своей недвижимости. Продажи такого рода, которые скрывали за собой долговые сделки, носили временный характер и по истечении определенного срока или выполнении определенных условий должны были аннулироваться.

Таково было имущественное положение большинства жителей Месопотамии, дававшее им ограниченный, но более или менее стабильный доход. Над этой массой стояла небольшая группа богатых семей, представители которых занимали высшие должности в государственном или храмовом хозяйстве (и в общинах) либо входили в число приближенных или родственников царя. Эти семейства владели многочисленными земельными имениями, доход с которых исчислялся десятками тысяч литров зерна[1], значительными по тем масштабам стадами овец. Все работы в таких имениях велись с помощью арендаторов (в полеводстве и садоводстве), наемных работников (в скотоводстве) и рабов, труд которых мог применяться во всех отраслях большого хозяйства.

Низший слой общества составляли бедняки — из числа крестьян и горожан, разорившихся вследствие каких-либо природных или социальных катастроф, либо из пришлых людей, которые ничего не имели и жили только выдачами из дворца или храма, к покровительству которых они обратились. В количественном отношении бедняков и богачей в мирное время было немного по сравнению с основной средней массой населения, но их существование оказывало огромное влияние на социальную жизнь и общественное развитие.

Скромное имущественное положение и доходы большинства населения определяли и скромные потребности. В старовавилонский период в Месопотамии были известны и находились в употреблении — как в частном, так и в государственном хозяйстве — нормы, определявшие необходимый для существования человека уровень потребления. Считалось, что взрослому мужчине-работнику необходимо для пропитания 1,5 л ячменя в день (или 550 л в год), кроме того, в течение года он употреблял 2,5—3 л растительного масла на умащения и снашивал одно платье, на которое шло около 1,5 кг шерсти. Для пропитания женщины достаточной считалась половинная норма ячменя; масла и шерсти ей требовалось примерно столько же, сколько и мужчине. Мяса большинство населения в пищу не употребляло, исключая участие в мясных жертвенных трапезах во время храмовых праздников.

В сословном отношении общество того времени делилось на полноправных свободных граждан (*авилум*), владевших недвижимой собственностью на правах членства в какой-либо (городской или сельской) общине, на лиц с ограниченными юридическими и политическими правами (*мушкенум*), не имевших недвижимой собственности, но получивших от государства за службу или работу в условное владение землю, и на рабов (*вардум*), которые были собственностью своих хозяев. Высшая дворцовая и храмовая знать относилась к авилумам. Собственность на землю не носила сословного характера, и в той мере, в какой земельные участки продавались (главным образом дома, сады, весьма редко поля), их могли покупать и мушкенумы.

Города и сельские поселения со всей их обрабатываемой площадью занимали сравнительно узкую территорию месопотамской аллювиальной равнины, к которой с обеих сторон примыкали пастушеские угодья, населенные подвижными западносемитскими племенами овцеводов-амореев, нередко враждовавшими между собой. Ежегодно в определенный сезон скотоводы вторгались прямо в зоны оседлого обитания или на границы этих

[1] В древности зерно и другие сыпучие продукты измеряли в единицах емкости, а не по весу.

зон. В зависимости от того, где они пасли свой скот другую половину года, они появлялись здесь либо летом, когда в степях выгорала трава и пересыхали источники, либо зимой, когда в горах не было корма для скота и его негде было укрыть от холодных ветров. В принципе каждое племя имело свою автономную территорию, но границы этих территорий были весьма расплывчаты. Оседлые жители и скотоводы были связаны между собой множеством разнообразных экономических, социальных и политических факторов. Важную роль в экономической жизни играл обмен продуктов овцеводства на продукты земледелия; вероятно, через пастушеские племена в Месопотамию проникали и некоторые иноземные товары.

Неоседлое скотоводство оказывало значительное влияние и на социальное развитие общества Месопотамии. Одним из постоянных факторов являлся постепенный переход части скотоводческих племен к оседлости. Самые богатые предпочитали оседлость, когда размеры их стад превышали возможности пастбищной земли, и становились землевладельцами, военачальниками, пополняли собой городскую элиту. Самые бедные оседали на земле, когда потери скота уменьшали их стада ниже минимума, необходимого, чтобы прокормить семью, и поступали на службу в государственное или храмовое хозяйство, получая за свой труд земельный надел или натуральное довольствие и пополняя собой число беднейшего и наиболее зависимого населения Месопотамии. Все это усиливало социальное расслоение.

Влияние скотоводческих племен на политическую жизнь Месопотамии было еще более значительным. На протяжении всей ее истории ежегодные мирные миграции скотоводов легко превращались в агрессивные, стоило только немного ослабеть власти централизованного государства; этот процесс происходил и в рассматриваемый нами период.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

После падения III династии Ура огромное централизованное государство, объединявшее почти все Двуречье, распалось, его административный аппарат развалился. Ур перестал быть центром страны, и на эту роль претендовал целый ряд древних и новых городов.

Самой характерной чертой политического развития Месопотамии в старовавилонский период была, несомненно, борьба между племенами и племенными объединениями. Западносемитские племена проникали в Двуречье еще издревле. Они селились в Месопотамии рядом с шумерами, постоянно поглощая и ассимилируя местное население. Этот процесс шел медленно и в большинстве случаев, вероятно, достаточно мирным путем. На археологических уровнях, соответствующих времени наиболее массовых и известных вторжений племен в Двуречье, в ходе раскопок не было обнаружено следов значительных массовых разрушений. Характерно и то, как мало эти вторжения влияли на вавилонскую цивилизацию. В то же время пришельцы не только подпадали под влияние сильнейшей шумерской культурной традиции, но со временем начинали воспринимать эту традицию как свою и старались ее развить и продолжить. К старовавилонскому периоду процент собственно шумерского (чисто этнически) населения в Месопотамии был, по-видимому, невелик, в то время как шумерский язык, шумерские хозяйственные, политические и культурные традиции в значи-

тельной мере сознательно охранялись и поддерживались. Шумерский язык в повседневной жизни в это время практически не употреблялся, его полностью вытеснил один из языков восточносемитской группы, который мы условно называем аккадским (от названия столицы Саргона Великого города Аккада/Аккаде, ставшего впоследствии и обозначением всей северной части Нижней Месопотамии). Однако значительная часть деловых записей, особенно на юге, все еще составлялась на шумерском или на смеси шумерского и аккадского языков. Тысячи клинописных документов, дошедших до нас от старовавилонского периода, позволяют историкам восстановить картину социально-экономической и политической жизни Месопотамии того времени.

Основную массу населения Месопотамии составляли представители различных семитоязычных племен. Необходимо, видимо, отказаться от существовавшего длительное время в исторической науке жесткого типологического разделения населения Месопотамии на оседлое и кочевое. На практике эти два образа жизни не были резко противопоставлены друг другу в чистом виде. Существовало множество переходных ступеней от одного состояния к другому, и в каждом племени были представлены все или многие варианты такого рода. Те резкие противопоставления городской и кочевой жизни, которые изредка встречаются в старовавилонских литературных памятниках, имеют в виду, вероятно, горные племена, совершавшие иногда опустошительные, но кратковременные набеги на равнину.

Характерным политическим образованием старовавилонского периода было племя или племенное объединение с городом в качестве племенного центра. Политическое образование такого рода имело нечто общее с городом-государством и получало возможности для дальнейшего развития. Племенными центрами при этом обычно становились небольшие города, не имевшие традиций политической жизни. Целый ряд таких городов, ставших центрами местных династий, вышел на арену политической жизни Месопотамии именно в старовавилонский период, в то время как старые города, бывшие некогда центрами шумерских городов-государств, не играли в это время никакой политической роли, хотя некоторые из них продолжали сохранять важное значение как традиционные центры культуры и торговли.

В 1900—1850 гг. до х.э. в Месопотамии образовался ряд государств во главе с аморейскими династиями, каждая из которых поддерживалась отдельным племенем или союзом племен. Политическим идеалом таких династий было государство III династии Ура, и они старались показать себя законными преемниками его власти, присваивая себе пышную титулатуру урских царей. На деле власть большинства таких правителей была эфемерной, и независимость они сохраняли до тех пор, пока кто-либо из соседей, опирающихся на более сильные и богатые племена, не изыскивал возможности с этой независимостью покончить. Заключались бесчисленные союзы, общими усилиями два соединившихся правителя разбивали третьего, а потом вступали в борьбу и между собой. В такой борьбе больше сил сохранял тот, кто в ней меньше всего участвовал; меньше страдали города, расположенные либо на окраинах охваченной борьбой территории, либо в центре территорий самых могущественных племен. В ходе таких многолетних войн одни аморейские династии приходили в упадок и цари их вновь опускались до роли племенных вождей, зависящих от более сильных соперников, тогда как другие возвышались, объединяя под своей властью все большую часть территории Месопотамии, и из племенных вождей превраща-

лись в правителей независимых государств. Центрами наиболее значительных государственных образований в старовавилонской Месопотамии были города Иссин, Урук, Эшнунна, Мари, Ларса, Вавилон. В Северной Месопотамии Шамши-Адад I (1813—1781 гг. до х.э.), сын аморейского вождя Илахкабкабуху, подчинил себе огромную территорию, включавшую Ашшур на севере и Мари на среднем Евфрате на юге. Он попытался (с помощью своих сыновей) создать централизованное государство, ликвидировав старинные номовые институты и заменив их системой своего рода военных округов. Серьезно ослабела ашшурская торговля с Малой Азией, добитая позднее усилением Хеттского царства и Митанни. Шамши-Адад I опирался лишь на грубую силу, пренебрегая дипломатией и пропагандой (ошибка, которую позднее учел Хаммурапи). Поэтому держава Шамши-Адада не пережила своего основателя. Ашшур вновь обрел независимость, а Мари, после недолговечного союза с Вавилонией, было ею же и захвачено.

Иссин

В главе III уже рассказывалось о том, как возникла царская династия в Иссине. Основателем нового царства стал некий Ишби-Эрра, один из военачальников последнего урского царя Ибби-Суэна. Своей столицей он избрал небольшое селение на одном из рукавов, ответвлявшихся от Евфрата ниже Ниппура. Окончательное крушение государства III династии Ура, отсутствие на первых порах сильных соперников позволили царям Иссина провозгласить себя прямыми преемниками урского государства. Территориальные владения первых царей Иссина, простиравшиеся далеко на север и охватывавшие почти весь юг Месопотамии, как будто соответствовали их политическим претензиям. Первые цари иссинской династии не называли себя царями Иссина, а именовались царями Ура, в составленных здесь царских списках цари Иссина идут непосредственно вслед за царями Ура.

Годы правления первых царей династии Иссина были временем относительного расцвета и усиления нового государства. Его цари много занимались строительными работами, вели успешные военные действия в направлении Элама и долины р. Диялы. Тем не менее полностью достичь границ государства III династии Ура царям Иссина, именовавшим свое государство «царством Шумера и Аккада», так и не удалось, а по мере того как на территории Месопотамии постепенно преодолевались последствия, вызванные разрушением урского государства и возникали новые государственные образования, соперничавшие с Иссином, территориальные границы и границы влияния Иссина все больше сужались.

Третий преемник основателя иссинской династии Ишби-Эрры, Ишме-Даган, сохранив титул «царь Ура», стал уже именовать себя и «царем Иссина», а при следующем царе, Липит-Иштаре, Иссин окончательно потерял Ур. Его завоевал Гунгунум, царь Ларсы, государства, ставшего главным и все усиливающимся соперником Иссина. Потеря Ура означала и потерю важнейшего титула «царь Ура», который теперь окончательно перешел к Ларсе; тем не менее цари Иссина еще долго питали так и не осуществившуюся надежду восстановить свою власть над всем югом. От времени Липит-Иштара (1934—1924 гг. до х.э.) до нас дошел составленный в Иссине от имени царя свод законов (подробнее о нем см. ниже). Потеряв значительную часть своих владений на юге, цари Иссина обратили взоры

на север и некоторое время даже контролировали Вавилон (вероятно, в правление третьего преемника Сумуабума, Апиль-Сина). Однако по мере усиления Вавилонского царства и царей Ларсы на юге власть Иссина ослабевала. Важнейшей политической задачей последних царей Иссина стало сохранение контроля над священным городом Ниппур, власть над которым высоко поднимала обладателя ее в глазах жителей Двуречья. Ниппур никогда не был столицей какого-либо царства и стоял в стороне от политической борьбы. Однако с древнейших времен он был важнейшим религиозным центром всего Двуречья. Сюда в многочисленные храмы постоянно стекались богатейшие дары со всех концов Месопотамии. Контроль над Ниппуром давал право его обладателю претендовать на господство над всем Шумером и Аккадом. Цари Ларсы несколько раз захватывали Ниппур, но иссинцам удавалось его вернуть. Окончательно Ниппур перешел к Ларсе в 1826 г., в правление Варад-Сина. При брате Варад-Сина, Рим-Сине I, последний царь Иссина, Дамикилишу, вновь ненадолго захватил Ниппур. Но вскоре и Ниппур, а несколько позднее и сам Иссин были окончательно покорены своим южным соперником и вошли в состав государства Ларса.

Эшнунна

Примерно в то же время, что и Иссин, от государства III династии Ура отделилась Эшнунна. Город Эшнунна располагался на основном пути, ведшем по долине р. Диялы в Элам и металлопроизводящие районы Ирана. Это был богатый и довольно высокоразвитый район. Правитель Эшнунны Итурия, воспользовавшись ослаблением урского государства, перестал подчиняться царю Ура, а сын Итурии, Ильшуилия, уже объявил себя царем. Особенно усилилось политическое значение Эшнунны после падения государства III династии Ура. Первые цари Эшнунны, соперничая с Иссином, также претендовали на роль преемников великого шумерского государства и присваивали себе соответствующие титулы. Особенно усилилась Эшнунна в последний период своей истории, когда в Ларсе правили сыновья Кудурмабуга, а в Вавилоне — Синмубалит и Хаммурапи. Это процветание было вызвано, вероятно, расширением торговых связей Месопотамии с Востоком, в которых Эшнунна выполняла важную роль посредника. Правители Эшнунны носили царский титул и принимали прижизненное обожествление. По-видимому, при предпоследнем царе Эшнунны, Дадуше, здесь был записан свод законов, во многом перекликающийся с законами Хаммурапи (см. ниже). Усиление Эшнунны беспокоило царей Вавилона. Хаммурапи неоднократно посылал против нее военные силы, и в 1756 г. Эшнунна была окончательно разгромлена, а ее территория вошла в состав Вавилонского царства.

Ларса

Город Ларса располагался на юге Месопотамии, недалеко от Ура — столицы шумерского государства. В конце III тысячелетия до х.э., когда распалось государство III династии Ура, из провинциального города, не игравшего заметной роли в политике, Ларса превратилась в политический центр одного из сильнейших аморейских племен — племени Амнанум. Под

контролем этого племени, вождем которого тогда был некий Напланум, находилась значительная территория, включавшая кроме Ларсы такие города, как Лагаш и Умма. Ни Напланум, ни его ближайшие преемники не претендовали, видимо, на царский титул. Тем не менее сам факт выбора города в качестве места постоянной резиденции вождя имел большое значение. Опираясь на городские центры, племя Амнанум постепенно усиливалось, подчиняя или привлекая к союзу соседние племена, и третий преемник Напланума, Забайя, носил титул «отца амореев», объединив под своей властью, видимо, целый ряд аморейских племен.

Собственно царская династия в Ларсе начинается с четвертого преемника Напланума, его правнука Гунгунума (1932—1906). Деятельность как царя и правителя города окончательно выдвигается у него на первый план, и в своих надписях он уже с полным основанием называет себя царем. Первым из правителей Ларсы Гунгунум стал датировать годы своего правления по важнейшим событиям собственного царствования, тогда как его предшественники пользовались в случае необходимости датировочными формулами иссинской династии. Именно при Гунгунуме начал, вероятно, налаживаться аппарат государственного хозяйства, распавшийся после крушения государства III династии Ура, в состав которого входила и территория Ларсы. Преемники Гунгунума активно занимаются строительством, проведением новых каналов, расширением и укреплением границ, постепенно превращая Ларсу в сильнейшее государство на юге Двуречья.

Стратегическое расположение Ларсы, занимавшей территорию по нижнему течению Евфрата, было весьма уязвимым с точки зрения контроля над водными ресурсами. Захват контроля над ними издавна практиковался в Месопотамии как один из наиболее эффективных методов борьбы за политическое господство. Особенно страдали при этом, естественно, государства, лежавшие в нижнем течении важнейших рек или магистральных каналов. Этот метод неоднократно применялся и против Ларсы. Во время правления второго преемника Гунгунума, Сумуэля, неизвестный нам враг вторгся на территорию государства Ларса и отвел или перекрыл главный канал, снабжавший город Ларсу водой. Народ, недовольный, по-видимому, бездействием царя и страшась голода, восстал и перешел на сторону пришельцев. Что случилось с Сумуэлем в этой тяжелой ситуации, мы не знаем. Известно, что царем Ларсы провозгласил себя некий Нур-Адад, которому при поддержке соседних городов удалось разгромить силы врагов. Нур-Адад освободил Ларсу, захватил укрепления, возведенные для перекрытия воды, и разрушил их. Было восстановлено регулярное снабжение водой, а виновные в смуте были наказаны. Впоследствии эта же стратегия — перекрытие магистральных каналов — неоднократно использовалась против Ларсы царями Вавилона и в конце концов помогла Хаммурапи окончательно захватить Ларсу.

Нур-Адад вел большие строительные работы, восстанавливая разрушенные и воздвигая новые здания в городах Уре и Ларсе. При нем в Ларсе был построен новый царский дворец из кирпича. При сыновьях Нур-Адада начинается, по-видимому, некоторое ослабление Ларсы, она теряет ряд ранее завоеванных территорий. Примерно в это время между Ларсой и Иссином образовалось государство Урук, основателем которого был Синкашид, происходивший, так же как и цари Ларсы и Вавилона, из племени Амнанум. Внук Нур-Адада, Цилли-Адад, правил только один год. Вероятно, он вел неудачные военные действия, и город Ларса был захвачен войсками царства Казаллу и союзного в этим царством племени Мути-

ябаль. На помощь Ларсе пришло другое аморейское племя, с которым она давно поддерживала союзнические отношения, — племя Ямутбала. Вождь Ямутбала, Кудурмабуг, в союзе с Сабиумом вавилонским, прадедом Хаммурапи, разгромил войска Казаллу, освободил Ларсу и посадил здесь на трон своего сына Варад-Сина. Цилли-Адад, по-видимому, еще до этого отрекся от трона. Произошло ли это добровольно или Кудурмабуг поставил такое условие, прежде чем оказывать помощь Ларсе, неизвестно. Во всяком случае, мы знаем, что при Варад-Сине Цилли-Адад был жив и занимал высокое положение при дворе. В списке выдач дворцового хозяйства его имя стоит перед именем самого Кудурмабуга.

Правление Варад-Сина (1834—1823) было отмечено большими строительными работами и заботами по украшению храмов. После смерти Варад-Сина на престол вступил его брат Рим-Син I (1822—1763). Он вел более активную военную политику, приумножая владения Ларсы, и постепенно сумел освободить для Ларсы все течение Евфрата от устья до Ниппура, захватив и территорию царства Урук. По примеру царей III династии Ура Рим-Син был обожествлен и носил титул «царя Шумера и Аккада». Как и его отец, он носил также титул «отца амореев», т.е. был вождем большого союза аморейских племен. Вершиной военных побед Рим-Сина стал разгром давнего соперника Ларсы — Иссина. Присоединение Иссина было сочтено важнейшим политическим достижением царствования Рим-Сина. Именно это событие послужило отправным моментом установления постоянной эры, т.е. с этого года начали вести отсчет лет. Вместо прежних датировочных формул, каждая из которых сообщала о важнейшем событии предшествующего года, все документы стали датировать по формуле «год такой-то со времени взятия Иссина», что, несомненно, облегчило работу писцов и бухгалтерию, но лишило нас единственного источника по политической истории Ларсы в последние 30 лет существования этого государства. После взятия Иссина все Нижнее Двуречье оказалось объединенным под властью Ларсы. Единственным соперником Ларсы в Нижней Месопотамии, если не считать Эшнунну и Малгиум, территории которых располагались, по существу, за пределами Двуречья, оставался Вавилон, по площади значительно уступавший Ларсе. Счел ли Рим-Син этого соперника незначительным для себя или понадеялся на заключение с ним союза, неизвестно. Возможно, он переоценил свои силы, а долгие годы мирного царствования окончательно притупили его бдительность. Он был, по-видимому, уже в очень преклонном возрасте, когда в 1764 г. до х.э. Хаммурапи, одержав ряд значительных военных побед, двинул свои войска против Ларсы. Ларса, вероятно, не ожидала нападения и оказалась совершенно не подготовленной к войне. Хаммурапи применил известную тактику, перекрыв главные источники воды. В 1763 г. до х.э. город Ларса был взят. О судьбе Рим-Сина нам ничего не известно.

При сыновьях Кудурмабуга, правивших более 70 лет, Ларса пережила самый длительный в своей истории период относительного спокойствия и стабильности. Восприняв и использовав все высшие достижения шумеро-аккадской цивилизации, Ларса достигла высокого экономического подъема и превратилась в сильнейшее государство Южного Двуречья. Войдя в состав Вавилонского государства, Ларса из важнейшего центра политической и экономической жизни всего Нижнего Двуречья превратилась в простого поставщика натуральных податей и рабочей силы для Вавилона. Смириться с таким положением жителям Ларсы и других южных городов было трудно.

Около 1742 г., когда преемнику Хаммурапи, Самсуилуне, пришлось

отражать врагов на севере, южные города, входившие некогда в состав государства Ларса, восстали против Вавилона. Их поддержали племена Идамарац и Ямутбала. Восстание возглавил некий Рим-Син, которого мы условно называем Рим-Син II. Возможно, это был внук Рим-Сина, сына Кудурмабуга. Рим-Син II пользовался, видимо, широкой поддержкой населения, недовольного политикой вавилонских властей; несколько лет потребовалось Самсуилуне для разгрома этого восстания. Южные города были сильно разрушены, значительная часть их населения уничтожена. Однако в 1722 г. крайний юг страны все-таки сумел отделиться от Вавилона. Здесь была основана новая династия, которую мы условно называем Приморской. Она просуществовала до середины XV в. до х.э., почти не оставив письменных документов.

Вавилон

Цари I Вавилонской династии, как и первые правители Ларсы и Урука, вели свое происхождение от вождей могущественного аморейского племени Амнанум. В одной из ранних датировочных формул царей Иссина как важное событие упоминается смерть Дадбанайи, прапрапрадеда Хаммурапи. В это время предки Хаммурапи еще не были царями в Вавилоне, но уже тогда эта семья играла, видимо, большую политическую роль в Месопотамии. Основателем I Вавилонской династии стал сын Дадбанайи — Сумуабум (1894—1881). Хаммурапи был шестым и самым знаменитым царем этой династии (1792—1750). Он вступил на престол в очень молодом возрасте после смерти своего отца Синмубаллита. Будучи еще наследником престола, Хаммурапи принимал активное участие в государственных делах и выполнял важные административные обязанности. Размеры, местоположение, военная сила государства, унаследованного Хаммурапи, делали его одним из сильнейших царей в Вавилонии.

Важнейшим направлением политической деятельности Хаммурапи, которое он также унаследовал от своих предков, было стремление добиться контроля над распределением вод Евфрата. Такая политика неизбежно вела к столкновению с царством Ларса, располагавшимся в менее выгодном положении вниз по течению Евфрата. Первые попытки в этом направлении Хаммурапи предпринял в самом начале своего царствования. В тот самый год, когда Хаммурапи вступил на престол, Рим-Син, царь Ларсы, завоевал Иссин, служивший буфером между Вавилонией на севере и Ларсой на юге. Хаммурапи сразу же попытался отвоевать Ур и Иссин, но, по-видимому, не смог там укрепиться и перенес направление своей военной деятельности на север и на восток. В последующие 20 лет между важнейшими царствами Месопотамии — Мари, Ашшуром, Эшнунной, Вавилоном и Ларсой — почти не происходило прямых военных столкновений, однако подспудно велась активнейшая политическая деятельность по привлечению союзников, составлению коалиций, укреплению приграничных крепостей. Зато последние 14 лет правления Хаммурапи были заполнены беспрерывными войнами. В 1764 г. Хаммурапи разгромил коалицию, включавшую Ашшур, Эшнунну и Элам — главные силы на восток от Тигра, грозившие закрыть ему доступ к металлопроизводящим территориям Ирана. В 1763 г. Хаммурапи начал давно подготавливавшиеся исподволь военные действия против Ларсы. В этой войне он, по-видимому, успешно использовал стратегию, когда-то

примененную его отцом. Хаммурапи сумел перегородить плотиной воды главного канала, снабжавшего Ларсу водой, а затем внезапно открыл дамбу, чтобы вызвать опустошительное наводнение, либо просто задержал воду — главный источник жизни. Осада г. Ларса — последнего укрепления Рим-Сина, — длившаяся несколько месяцев, закончилась полной победой Хаммурапи. После разгрома Ларсы Хаммурапи был вовлечен в военные действия на восточных окраинах своего государства, а в 1761 г. он выступил против своего долговременного союзника Зимрилима, царя Мари. Причины этой войны против города, располагавшегося почти в 500 км от Вавилона, которым правил верный союзник Вавилона, нам неизвестны. Либо это опять была война за контроль над водными ресурсами, либо попытка перехватить у Мари контроль над пересечением важных торговых путей. Двумя годами позже Хаммурапи снова, в третий раз, направил свои войска к востоку и во время этого военного похода окончательно разгромил Эшнунну. Эта победа, по-видимому, была достигнута тем же способом, что и победа над Ларсой, — перекрытием водных источников. Разгром Эшнунны был последней крупной победой Хаммурапи. Однако в результате этой победы Хаммурапи разрушил последнюю преграду, отделявшую от Вавилонии народы Востока, среди которых были, вероятно, и касситы, завоевавшие Вавилонию 160 лет спустя.

Таким образом, общий ход политического развития Месопотамии в старовавилонский период после распада государства III династии Ура можно представить себе следующим образом: 1) образование на территории распавшегося шумерского государства множества мелких царств с местными (аккадскими) или, чаще, с аморейскими династиями; 2) соперничество и борьба между отдельными царствами, закончившаяся тем, что большинство мелких царств было завоевано более сильными соседями и на территории Месопотамии возникло несколько крупных территориальных образований, достигших в относительно короткий срок значительной экономической стабильности; 3) объединение всей Месопотамии под властью Хаммурапи.

3. НОВЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. КОНЕЦ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ПЕРИОДА

Десятилетия войн пагубно отразились на хозяйственной жизни страны. Основа месопотамской цивилизации — ирригационная система, требовавшая неусыпного внимания и постоянных работ по поддержанию ее в порядке, — приходила в упадок. Земля, когда-то дававшая хорошие урожаи, засолялась или истощалась и становилась непригодной для посевов. Все это болезненно отозвалось и на государственном, и на частных хозяйствах, но последние, будучи примитивно организованными, возрождались легко; что же касается сложного механизма государственно-хозяйственного управления, распавшегося после падения III династии Ура, то новые правители не хотели, да и не имели возможности его восстановить. Им проще было раздать захваченную государственную землю, ремесленные мастерские, торговые учреждения, до этого почти полностью находившиеся в ведении государства, отдельным лицам, которые начинали вести почти частное хозяйство, хотя и не являлись собственниками. Значительная часть торговли, ремесла перешла под контроль частных лиц, даже распределение жреческих должностей превратилось из функции государственной власти в пред-

мет торговли, частных соглашений и завещаний. Многие виды платежей также, вероятно, отдавались на откуп частным лицам. Даже международная торговля, несмотря на беспокойную обстановку в стране, развивалась в это время более успешно, чем ранее, так как частному купцу легче было откупиться или обойти местного царька-вождя, чем уклониться от действовавших в государстве III династии Ура на всей территории Месопотамии строжайшей регламентации и ограничений в торговле, которые почти не оставляли возможностей для личного обогащения.

Рост частного хозяйственного сектора в условиях, когда возможности развития товарного производства были еще весьма ограниченны, свободных наличных денег (серебра) в обращении было очень мало, а поступление доходов от сельского хозяйства, составлявшего основу существования большинства населения, носило сезонный характер, приводил к тому, что мелкие хозяйства очень быстро попали в зависимость от кредиторов. Поэтому в рассматриваемый период широко распространилось ростовщичество; кредитные сделки стали одним из наиболее выгодных способов вложения капитала, а рост составлял $^1/_5$ или даже $^1/_3$ суммы займа. Кабальные формы кредита вели к разорению мелких хозяйств. Повсюду начинается купля-продажа финиковых плантаций, а потом и полей. Продажа земли была равносильна отказу продавца от гражданских прав в общине, и на такую сделку решались в последнюю очередь, зато в случае нужды продавали во временное рабство членов семьи или отдавали их кредитору в залог как гарантию уплаты долга. В этот период впервые в Месопотамии массовый характер приобретает и наемный труд.

Однако сильная централизованная власть не была заинтересована в чрезмерном увеличении самостоятельности отдельных лиц, а тем более в обезземеливании и потере средств к существованию значительной части населения, что лишало государство налоговых поступлений и ослабляло его военную мощь. Поэтому, как только стремление к объединению и созданию стабильного государства приближается к реальному осуществлению, государство начинает ограничивать самостоятельность отдельных граждан и делает попытки с помощью специальных указов воспрепятствовать продаже земли и закабалению беднейшей части населения. Указы такого рода, носившие название «указов царя» или «указов о справедливости», издававшиеся каждые пять-семь лет, должны были аннулировать кабальные сделки, освобождать от временного рабства, возвращать недвижимость первоначальному владельцу. Однако кредиторы изыскивали всевозможные пути, стараясь избежать выполнения этих указов, и им это часто удавалось, если только должник не имел достаточно средств, чтобы возбудить судебный процесс.

Такая политика ограничения «частного сектора» проводилась в Ларсе, когда в конце XIX в. Кудурмабуг превратил ее в сильное государство, объединившее все Нижнее Двуречье. Рим-Син, второй сын Кудурмабуга, став царем в Ларсе, провел ряд реформ, направленных на ограничение частнособственнической деятельности и развития товарно-денежных отношений, что привело к резкому упадку в Ларсе частной торговли и ростовщичества. Еще больше тенденция к усилению государственного управления хозяйственной жизнью страны и ограничению частной хозяйственной деятельности проявилась в реформах, проведенных царем Вавилона Хаммурапи.

Административная система государства была упорядочена и строго централизована, так что нити управления всеми сторонами хозяйственной жизни в конечном счете сходились в руках царя, который вникал во все

вопросы. Придавая большое значение личному участию в делах, Хаммурапи вел интенсивную переписку с чиновниками на местах; нередко и частные лица со своими жалобами или проблемами обращались прямо к нему. Была проведена важная судебная реформа, которая внедряла единообразие в судопроизводстве; роль царя в нем усилилась. Во все большие города, где раньше действовали только храмовые и общинные суды, были назначены царские судьи из числа чиновников, подчиненных непосредственно царю. Храмы с их обширными хозяйствами, занимавшими значительную часть территории Месопотамии, которые после падения III династии Ура пользовались большой самостоятельностью, были вновь в административном и хозяйственном отношении полностью подчинены царю. На большей части территории государства была совершенно запрещена продажа земли, кроме городских участков. Этими мерами, как и «указами о справедливости», о которых говорилось выше, государство стремилось предотвратить разорение и обезземеливание населения. Важнейшим деянием царствования Хаммурапи кроме проведения отдельных реформ было составление свода законов (далее сокращенно ЗХ).

Реформаторская и законодательная деятельность Хаммурапи, грандиозная по своим масштабам и целенаправленности, произвела большое впечатление на современников и надолго осталась в памяти потомков. Однако все эти меры, часто новаторские по форме и способу проведения, по сути своей были направлены не на обновление общества, а на поддержание традиционных общественных институтов, таких, как натуральное хозяйство, общинная собственность на землю и т.п., и не затрагивали экономической основы общества: характер производства и уровень развития производительных сил в старовавилонской Месопотамии оставались в принципе теми же, что и в Шумере.

Экономике Месопотамии в старовавилонский период были присущи многие черты, характерные для экономики обществ ранней древности. Основной социально-экономической задачей такого рода обществ было не расширение производства, а неизменное воспроизводство всей системы в целом. На достижение этой главной задачи было направлено взаимодействие всех общественных сил: экономических, социальных, религиозных. Типологическое сходство такого рода обществ не исключало специфики каждого отдельного варианта. Характерной чертой экономики старовавилонской Месопотамии, унаследованной ею от Шумера, являлось существование широко развитой распределительной системы, которая не ограничивалась распределением отдельных видов продуктов или товаров (особенно импортных) между отдельными группами населения, а охватывала также распределение всех материальных благ (в том числе служебных должностей и недвижимости), имевшихся в обществе, между членами данного общества в зависимости от занимаемого каждым индивидуумом положения в общей иерархической структуре государства. Товарно-денежные отношения в этом обществе были развиты слабо и обращены главным образом вовне. Внутри себя большинство хозяйств были автаркичны.

Хаммурапи был, несомненно, одним из самых выдающихся деятелей в истории древней Месопотамии. Его личные качества сыграли немалую роль в возвышении Вавилона и сохранении им долгое время своей власти над значительной частью Двуречья. Однако те же силы, которые подточили государство III династии Ура и привели его к упадку, продолжали действовать в Месопотамии и после образования Вавилонского государства. Экономические интересы разных частей Вавилонии были различны, и только

ценой больших усилий Хаммурапи и его преемникам удавалось некоторое время удерживать всю завоеванную территорию в своих руках. Выше уже говорилось о деятельности Хаммурапи по созданию единой экономической системы, эффективного административного аппарата. Все эти меры, однако, не имели долговременного успеха. В историческом плане главным итогом правления Хаммурапи было то, что основная сцена действия месопотамской истории, располагавшаяся с начала III тысячелетия до х.э. на юге, была перенесена на север, где она и оставалась затем более 1000 лет.

После смерти Хаммурапи основанное им государство продолжало существовать при его потомках еще более 150 лет, постепенно ослабевая под ударами внутренних и внешних врагов. Место амореев заняли пастушеские племена касситов, которые уже с XVII в. постоянно вторгались в Месопотамию с востока — с центральной части горных хребтов Загроса. Удары касситов, трудности охраны протяженных границ, экономические затруднения, вызванные неспособностью государства преградить путь ростовщичеству и остановить обезземеливание общинников, — все это ослабляло Вавилон и усиливало сепаратистские стремления подчиненных ему областей.

Первым от Вавилона отпал город Терка в долине р. Хабур, где кочевали племена ханеев; здесь же осела и большая группа касситов. Затем восстали города на юге страны, поддержанные племенами Идамарац и Ямутбала. Восстание было подавлено (1739 г. до х.э.), многие города юга страны — Ларса и древнейшие центры шумерской цивилизации, хранители тысячелетних традиций клинописной культуры Урук и Ур — были полностью разрушены и надолго опустели. Однако Вавилону не удалось окончательно вернуть себе юг. Образовавшееся у берегов Персидского залива государство Приморской династии просуществовало почти 300 лет.

К середине XVII в. у Вавилонского государства, которое оставалось крупнейшим на территории Месопотамии, появились еще более сильные соперники и размеры его значительно уменьшились. На юге Лагаш и Ур с примыкающими к ним территориями прочно вошли в состав Приморского царства. На севере границы Вавилона пролегли южнее Мари и Ашшура. Из областей за Тигром за ним сохранялись территории, занятые племенами Идамарац и Ямутбала. В Верхней Месопотамии прочно держалось ханейское царство с центром в Терке, где аккадско-аморейскую династию сменила касситская. К власти здесь пришел царь с касситским именем Каштилиаш. Отсюда касситы небольшими группами постепенно проникали во все области Месопотамии. Многие из них нанимались на сезонные работы, поступали на службу в войско. В 1595 г. до х.э., после того как хетты во главе с Мурсили I вторглись в Месопотамию и низложили последнего царя Вавилонской династии — Самсудитану, касситы захватили царскую власть в Вавилонии. Их правление продолжалось более 400 лет.

4. ЗАКОНЫ

Законы Хаммурапи — не первый в истории Месопотамии памятник законодательства. О законодательных мероприятиях рассказывают так называемая «Овальная пластинка» Энметены и надписи Уруинимгины (см. гл. II). Однако эти тексты лишь излагают содержание законодательства, не приводя его текстуально. Первый дошедший до нас текст законов — Законы Шульги (прежнее название — Законы Ур-Намму; недавно

было установлено, что их действительным автором является сын и преемник Ур-Намму — Шульги; см. гл. III). Этот сильно поврежденный текст состоял из «Пролога», за которым следовали конкретные правовые нормы. Имелся ли «Эпилог», сказать пока невозможно. В «Прологе» содержатся слова о защите сироты и вдовы, слабого против сильного, бедного против богатого — слова, которые мы впервые встречаем еще в тексте Уруинимгины. Было бы ошибкой видеть в этих словах всего лишь социальную демагогию. Царь в Месопотамии очень долго сохранял многие черты вождя племени, обязанного заботиться о сирых и убогих. Таким его воспринимало массовое сознание, так понимал свой долг и он сам. Была тут, разумеется, и политическая необходимость: общество не может существовать без некоего минимума справедливости.

Из правовых норм, входивших в Законы Шульги, сохранилось (иногда не полностью) менее трех десятков. Среди них: наказание за прелюбодеяние (§ 4), правила о разводе (§ 6—8), наказания за ложный донос (§ 9—11) и за лжесвидетельство (§ 26—27), узаконения касательно брака (§ 12—13), о телесных повреждениях (§ 15—19). Особый интерес представляют нормы, касающиеся рабов: о возвращении беглых (§ 14) и о рабыне, которая «сочла себя равной своей госпоже» (§ 22—23). Важно отметить, что такая рабыня наказывается не по произволу господина или госпожи, но по закону. Иначе говоря, рабы в этот период еще рассматриваются как личности, а не как вещи. Из юридических документов той эпохи видно, что рабы даже могли оспаривать свое рабское состояние в суде, впрочем, как правило, процесс они проигрывали. Параграфы 27—29 посвящены защите землевладельцев от противоправных действий других лиц, а также от недобросовестного арендатора. Основной вид наказания по Законам Шульги — денежная компенсация, которую виновный уплачивает потерпевшему. Заметим еще, что и в этих законах, и во всех последующих законах древней Месопотамии разбивка их на нумерованные параграфы введена современными исследователями, в оригинале ее нет.

Следующий из дошедших до нас законодательных памятников принадлежит царю I династии Иссина Липит-Иштару. Дошедший до нас со значительными повреждениями текст на шумерском языке (возможно, существовал аккадский оригинал) состоит из «Пролога», примерно 43 статей и «Эпилога». В кратком «Прологе» Липит-Иштар сообщает, что он установил «освобождение» от повинностей и, возможно, от долгов для «сыновей и дочерей» Ниппура, Ура и Иссина, а также для (всех?) «сыновей и дочерей» Шумера и Аккада. Из дальнейшего текста видно, что «освобождение» было лишь частичным и состояло в сокращении сроков несения повинностей. Сами узаконения касаются отношений собственности (? § 1—3, сильно повреждены); платы за наём повозки с волом и погонщиком (§ 4); наказания за кражу со взломом (§ 6: взломавший дверь подлежит смерти; § 7: проломивший стену подлежит смерти и должен быть зарыт перед проломом); правила найма кораблей (§ 8—9); правила аренды садов (§ 11—13) и наказания за вторжение в чужой сад (§ 14 — уплата 10 сиклей серебра) и за порубку дерева (§ 15 — уплата 0,5 мины серебра). Параграф 16 устанавливает ответственность соседей за возможное проникновение воров через их дом в соседний (тот, кто, несмотря на предупреждение, не принял должных мер для предотвращения такого вторжения, обязан возместить все украденное). Ряд узаконений касается рабов и зависимых людей. Укрывательство чужого раба карается заменой его рабом укрывателя (§ 17) либо уплатой потерпевшему 15 сиклей серебра (§ 18). Если рабыня родила сво-

ему господину детей и он отпустил ее вместе с детьми на свободу, они при наличии законных детей не являются его наследниками (§ 30). Но если он, после смерти своей жены, женился на такой рабыне, их дети становятся наследниками наравне с детьми от законной жены. Плохо понятный § 19 говорит, вероятно, о каких-то условиях, при которых раб должен быть освобожден. Большие разногласия у исследователей вызывает истолкование термина *миктум* в § 20—21. Согласно мнению И.М.Дьяконова, речь идет о некой категории зависимых людей, работающих в частном хозяйстве. Если такой человек пришел по доброй воле, он по своей же воле может и уйти. Если он дан царем, «его нельзя отобрать». Параграф 23 устанавливает, что тот, кто занял чужой заброшенный земельный участок и возделывал его в течение трех лет, уплачивал причитающийся с этого участка «доход», сохраняет участок за собой. Скорее всего речь здесь идет о служебном наделе, но нельзя исключить и вероятность того, что речь идет об общинной земле. Параграфы 25—38 посвящены семейному праву, а § 39—43 устанавливают размер компенсации за порчу чужого упряжного вола. Отметим, наконец, § 22, который устанавливает, что за ложное обвинение обвинитель подвергается тому же самому наказанию, которое грозило обвиненному. Здесь мы впервые (после Законов Шульги) встречаемся с наказанием по принципу талиона, нашедшему столь широкое применение в Законах Хаммурапи (см. ниже).

Наконец, непосредственным предшественником Законов Хаммурапи являются законы, происходящие из царства Эшнунны в долине р. Диялы (ок. 1790 г. до х.э.). Они дошли до нас в виде двух поврежденных списков на аккадском языке, имеющих незначительные различия. Текст состоит из «Пролога» (почти не сохранился) и 60 статей. Имелся ли «Эпилог», неизвестно. Законы Эшнунны открываются своего рода «Тарифом», или, вернее, указателем эквивалентных соотношений между основными товарами и серебром (§ 1), а также зерном (§ 2). Тарифы соответствуют средним для этой эпохи ценам. Параграфы 3—4 устанавливают тарифы за наём повозки и корабля. Параграфы 5—11 содержат тарифы заработной платы наемникам, а также наказания за различные правонарушения, связанные с наймом имущества или людей. Кража имущества, принадлежащего мушкенуму, с его поля или из его дома влечет за собой уплату компенсации в 10 сиклей серебра. Такая же кража, совершенная в ночное время, карается смертью (§ 12—13). Согласно § 15, раб или рабыня не могут ничего продавать, а согласно § 16, несовершеннолетний «сын человека» или раб не может ничего брать в долг (см. ниже, пояснения к § 7 Законов Хаммурапи). Семейное право изложено в § 17—18, а также в § 25—35. В общем они совпадают с соответствующими положениями Законов Хаммурапи. Отметим лишь § 33—35, предусматривающие попытку рабыни частного лица или дворцовой рабыни передать своего ребенка на воспитание свободному человеку, очевидно, с целью таким образом сделать его свободным. Закон устанавливает, что такой ребенок должен быть возвращен в рабство, а за кражу чужого раба или рабыни виновный обязан отдать двух рабов (§ 49). Положения, касающиеся долгового права (§ 19—24), также совпадают с Законами Хаммурапи, где, однако, они разработаны значительно более подробно. Отметим лишь § 20, который запрещает при даче в долг зерна требовать уплаты долга серебром, а также § 24, который предоставляет мушкенуму особую защиту против недобросовестного кредитора. Законодатель пытается препятствовать разорению общинников. Так, устанавливается преимущественное право брата на покупку собственности другого брата,

если этот последний ее продает (§ 38). Такое же право устанавливается и для прежнего собственника проданного «дома» (возможно, следует понимать «хозяйства») в случае, если новый собственник вновь его продает (§ 39; закон специально отмечает, что «дом» продан по причине «слабости», т.е. разорения). За телесные повреждения различного рода устанавливается денежная компенсация (§ 42—48 и 54—57). Законы Эшнунны знают лишь один случай причинения смерти (когда по недосмотру хозяина рухнула стена — § 58). Решение по этому делу должен принимать царь — в соответствии с общим правилом о делах, касающихся «жизни» (§ 48). Отметим, наконец, что, согласно Законам Эшнунны, человек, разводящийся с женой, родившей ему детей, теряет все свое имущество в пользу этой разведенной жены (надо полагать, в том случае, если жена ни в чем не провинилась; § 59).

В упомянутых выше текстах следует видеть последовательные стадии развития единой традиции месопотамского клинописного права, что, однако, не исключает сохранения местных, большей частью несущественных, различий. Постепенно вырабатываются методы систематизации правовых норм, проявляется стремление к максимальной полноте, охвату всех возможных случаев. Конечно, они не являются «кодексами» в современном смысле этого слова. Перед нами дотеоретическая стадия развития права, когда не сформулированы еще его основные принципы и важнейшие понятия, и в частности такой важнейший принцип права, как nullum crimen sine lege, т.е. «нет преступления без указания об этом в законе». Поэтому месопотамские юристы и не стремились к исчерпывающей полноте своих компиляций, точнее говоря, они не представляли себе ее необходимость. С другой стороны, их убежденность в том, что справедливость вечна и неизменна, что она есть установленный навсегда порядок вещей и не зависит от злобы дня, побуждает их включать в законы даже тарифы цен и заработной платы, хотя из деловых документов известно, что и те и другие испытывали значительные колебания под воздействием экономической конъюнктуры. Древнейшие в истории человечества правовые памятники сохранили для нас первые и, подчеркнем, самые трудные шаги юриспруденции. В этом — их непреходящая ценность. Кульминацией же в развитии клинописного права явились Законы Хаммурапи.

Законы Хаммурапи (принятое сокращение — ЗХ) — крупнейший и важнейший памятник права древней Месопотамии. Хотя никаких теоретических сочинений по праву из Месопотамии до нас не дошло (их, как и в других науках, видимо, не было), ЗХ представляют собой плод огромной работы по сбору, обобщению и систематизации правовых норм. Эта работа основывалась на принципах, существенно отличных от применяемых ныне, но проводившихся в общем довольно строго и последовательно. Нормы группируются по предмету регулирования, а переход от одной нормы к другой осуществляется по принципу ассоциации. Таким образом, один и тот же предмет рассматривается в смежных нормах в различных правовых аспектах. Случаи, которые считались очевидными и не вызывавшими сомнений, в ЗХ вообще не упоминаются, например наказание за умышленное убийство или за чародейство. Такие дела решались по обычаю. Вместе с тем вавилонские юристы еще испытывали затруднения при формулировке важнейших общих принципов и понятий права, хотя определенное представление о них имели. Поэтому они выражали их казуистически: принцип «по одному делу решение два раза не выносится» выражен, видимо, в § 5, который карает судью за «изменение решения» после того, как решение

уже принято и выдан соответствующий документ; представление о недееспособности малолетних и несвободных выражено, видимо, в § 7, карающем за принятие какого-либо имущества из рук «малолетнего сына человека или раба человека» «без свидетелей и договора» (а при свидетелях, которым известны участники сделки, она не могла бы иметь место).

ЗХ начинаются с «Пролога», в котором Вавилон объявляется вечным обиталищем «царственности» в отличие от принятого ранее принципа, согласно которому «царственность» перемещалась из одного города в другой, перечисляются заслуги Хаммурапи перед каждым важнейшим городом Месопотамии и их божествами-покровителями (в «Эпилоге» провозглашается цель создания Законов: «Дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове оказываема была справедливость...»). Далее следуют собственно Законы. В тексте Законов можно выделить следующие разделы: 1) основные принципы правосудия (§ 1—5); 2) охрана собственности царя, храмов, общинников и царских людей (§ 6—25); 3) нормы, касающиеся служебного имущества (§ 26—41); 4) операции с недвижимостью и связанные с нею деликты (§ 42—88); 5) торговые и коммерческие операции (§ 89—126); 6) семейное право (§ 127—195); 7) телесные повреждения (§ 196—214); 8) операции с движимым имуществом и личный наём (§ 215—282). Далее следует «Эпилог», содержащий проклятия тем, кто отступит от установлений, содержащихся в ЗХ. «Пролог» и «Эпилог» написаны торжественным и архаичным языком и во многих отношениях напоминают литературные произведения, сами же узаконения изложены сухим и ясным деловым языком.

Вавилонское право, как и любое древнее право, не делилось на уголовное, гражданское, процессуальное, государственное и т.п. Текст ЗХ носит «синтетический» характер, устанавливая одновременно и правила, и ответственность за их нарушение.

Общество, каким оно обрисовано в ЗХ, состоит из свободных общинников (авилум), царских людей (мушкенум) и рабов (вардум). Положение царских людей могло быть на практике весьма различным: их высшие слои были одновременно и общинниками, а низшие имели крохотные служебные наделы или даже только натуральные пайки и мало чем отличались от рабов. Иначе говоря, между свободой и рабством существовали многочисленные промежуточные ступени. Жизнь, честь и личную неприкосновенность мушкенума ЗХ оценивают «дешевле», чем авилума (§ 196 и сл.), но зато имущество мушкенума охраняется более строго: ведь оно фактически есть составная часть царского имущества (§ 8). Некоторые остатки правоспособности в этот период еще сохраняют и рабы: раб дворца или мушкенума может вступать в брак со свободной женщиной, а дети от такого брака считались свободными (§ 175—176). Своих детей от рабыни ее господин мог признать своими законными детьми, со всеми вытекающими отсюда для них правами, но если даже он их таковыми и не признал, после смерти господина они и их мать получают свободу (§ 170—171). Раб, купленный в чужой стране, в Вавилонии должен был быть отпущен на свободу без выкупа, если выяснялось, что он вавилонянин. За оскорбление действием, нанесенное свободному, и за оспаривание своего рабского состояния раб подлежал не внесудебной расправе, а наказанию по суду (отрезанием уха; § 205 и 282). Наконец, долговое рабство было ограничено сроком в три года (долговым рабом мог стать сам должник, или его раб, или член семьи), и даже продажа свободнорожденного человека в рабство была ограничена тем же

сроком (§ 117). В связи с долгами существовал и другой вид временной утраты свободы — заложничество (§ 114—116). Заложника кредитор, видимо, брал насильно и держал его в своего рода частной долговой тюрьме, чтобы принудить к выплате долга.

Кредиторами чаще всего были торговые агенты (тамкары), которые были государственными чиновниками, но одновременно вели разного рода коммерческие дела также и на свои собственные средства. В каждом крупном городе существовало объединение таких купцов (*карум* — «пристань»), осуществлявшее административный надзор за тамкарами и ведавшее их взаимными расчетами и расчетами с государством. Тамкары вели международную торговлю как лично, так и через помощников-*шамаллу*, т.е. странствующих торговцев, не располагавших собственными средствами. Другим важным видом деятельности торговых агентов было, как уже отмечено, ростовщичество[2]. Займы натурой предоставлялись под условием роста в одну треть, а займы серебром — в одну пятую основной суммы, как правило на короткий срок — до урожая. Из деловых документов видно, что существовали и другие виды роста, вплоть до сложных процентов. ЗХ пытаются до известной степени оградить должников от злоупотреблений со стороны кредиторов: разрешается в некоторых случаях отсрочка уплаты долга (§ 48); допускается замена серебра другими материальными ценностями (§ 51 и 96); запрещается забирать в покрытие долга урожай поля или сада (§ 49, 66); устанавливается наказание за обмер и обвес при выдаче и возвращении ссуды (§ 94).

Сельское хозяйство было основой всей жизни в Месопотамии, неудивительно поэтому, что ЗХ уделяют ему очень большое внимание. Основным типом хозяйства было мелкое, крупные землевладельцы либо обрабатывали свои земли посредством предоставленных в их распоряжение низших категорий царских людей, либо сдавали их мелкими участками в аренду из доли урожая ($^1/_3$ или $^1/_2$ урожая – § 46) или за твердую плату вперед (§ 45). На арендаторе лежала обязанность вести хозяйство добросовестно, обеспечивая надлежащий доход (§ 42—44). Срок аренды мог быть продлен, если арендатор из-за стихийных бедствий потерпел убыток (§ 47). Земледелец был обязан содержать в исправности оросительные сооружения и нес ответственность за убыток, который причиняла соседям его нерадивость (§ 53—56). Крупный и мелкий скот передавался для пастьбы специальным пастухам (наемным или царским людям), которые несли ответственность за потраву (§ 57—58), а также за любой ущерб в стаде, происшедший по вине пастуха (§ 263—267). Работа по найму была, видимо, распространена довольно широко, наемниками могли быть и свободные люди, и рабы. ЗХ подробно регулируют тарифы заработной платы для очень многих видов труда, от самого квалифицированного (врач, ветеринар, строитель, корабельщик) до труда ремесленника (кирпичник, кузнец, плотник, сапожник, ткач и т.п.), а также и неквалифицированных видов труда (§ 215—224, 253—274). Работников нанимали, как правило, на короткий срок — на время сева или, особенно, жатвы — либо поденно на время, необходимое для выполнения конкретной работы. Поэтому и тарифы наемной платы в основном поденные. Наемник несет материальную и «уголовную» ответственность за причиненные хозяину убытки. Плата наемному работнику была рассчитана на возможность прокорма им семьи в течение периода найма.

Большое внимание ЗХ уделяют семье — основной ячейке вавилонского

[2] А также, хотя об этом не упомянуто в ЗХ, сбор налогов.

общества (§ 12 и сл.). Брак считался законным лишь при соблюдении определенных юридических формальностей (§ 128): требовалось заключить при свидетелях брачный контракт, который обычно был устным, но при наличии особых обстоятельств (см. ниже) мог быть и письменным. Семья была моногамной, и супружеская неверность со стороны жены каралась смертью (§ 129). ЗХ устанавливают подробные правила для разбора обвинений такого рода (§ 130—136). Однако муж мог сожительствовать с рабынями и прижитых с ними детей признать своими законными детьми (§ 170). При определенных обстоятельствах (болезнь жены — § 148; женитьба на жрице, которой не полагалось иметь детей, — § 145; дурное поведение жены — § 141) муж мог взять вторую жену. В случае женитьбы на богатой жрице или вообще на богатой женщине, а также для урегулирования вопроса о детях и о возможной второй жене составлялся письменный брачный договор. Целью брака было рождение детей, которые унаследуют семейное имущество и будут поддерживать культ предков, без чего эти последние обречены на муки голода в загробном мире. Поэтому ЗХ подробно рассматривают вопрос об имущественных отношениях между супругами: о приданом и брачном выкупе (§ 159—164); о раздельной ответственности по долгам, возникшим до брака (§ 151—152); об имуществе жены (§ 150). Вавилонский брак не был, вопреки тому, что об этом часто пишут, «браком-куплей»: размер приданого был больше, чем размер выкупа (§ 162—164). Если же брак и сохранял формальное сходство с покупкой, то объясняется это тем, что древнее право просто не знает иного способа передачи патриархальной власти над человеком, чем купля-продажа (ведь даже и в римском праве освобождение сына из-под отцовской власти оформлялось как фиктивная продажа). Столь же много внимания ЗХ уделяют вопросам наследования (§ 165 и сл.). Лишение наследства допускалось только в случае двукратной тяжкой провинности со стороны сына (§ 167—168). В случае бездетного брака выход искали в усыновлении чужих детей по соглашению с их кровными родителями, а также найденышей (§ 185 и сл.). Наконец, подробно рассматривается в ЗХ вопрос об имуществе жриц. В Вавилонии было принято посвящение девочек в храмы для службы богам, и эти девочки становились затем жрицами разных рангов, в том числе и весьма высоких. Они получали определенную долю в родительском имуществе (§ 178 и сл.), а после их смерти наследниками становились, как правило, их братья.

Как уже отмечалось, вавилонское право не знало деления на гражданское и уголовное. ЗХ уделяют много внимания наказаниям за различные проступки и преступления — от нарушения обязанностей, связанных со службой, до посягательств на имущество и преступлений против личности. Для ЗХ характерно очень широкое применение смертной казни за самые различные виды преступлений — от присвоения чужого имущества до прелюбодеяния. За некоторые особо тяжкие, с точки зрения законодателя, преступления ЗХ назначают квалифицированные виды смертной казни: сожжение за инцест с матерью (§ 158), сажание на кол жены за соучастие в убийстве мужа (§ 153). В остальных случаях ЗХ устанавливают либо наказание по принципу талиона — «зеркального», т.е. наказания равным за равное, или «символического», когда, например, отсекают «согрешившую» руку, — либо денежную компенсацию. Принцип талиона известен из более ранних месопотамских законодательных источников, но только в ЗХ он проводится столь широко и последовательно. Широко распространено ошибочное представление о талионе как о «пережитке кровной мести». В дей-

ствительности же кровная месть исходит из принципа коллективной вины и коллективной ответственности, унаследованного от первобытнообщинного строя. В связи с развитием представлений о личности возникает и представление об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности. Кроме того, возникшее гражданское общество заинтересовано в том, чтобы распри не длились бесконечно, что практически неизбежно при кровной мести. Поэтому вводится принцип обязательной денежной композиции, а затем и принцип талиона, представлявшийся наиболее справедливым для правосознания той эпохи. Иначе говоря, развитие ответственности идет по пути индивидуализации, наказание же приобретает все более публичный характер.

Судебный процесс в Вавилонии был устным и состязательным. Это означает, что дела возбуждались лишь по жалобе заинтересованной стороны, а в ходе процесса каждая из сторон должна была доказывать свои утверждения. Протоколы процессов не велись, хотя некоторые наиболее важные моменты могли фиксироваться письменно. Решения и приговоры тоже, как правило, были устными. Основными доказательствами были свидетельские показания (см., например, § 9—11) и документы. В некоторых случаях, при отсутствии иных способов установления истины, прибегали к «божьему суду». «Божий суд» мог иметь две формы: 1) водная ордалия и 2) клятва во имя богов. Водная ордалия осуществлялась путем погружения допрашиваемого в воду реки (подробности этой процедуры неизвестны), и если он тонул, считалось, что река, т.е. бог реки, покарала виновного. Если ему удавалось выйти из воды благополучно, он считался оправданным (§ 2)[3]. Клятва богами, по тогдашним представлениям, неминуемо навлекала на ложно поклявшегося кару богов. Поэтому принесение такой клятвы считалось достаточным основанием для оправдания, а отказ принести клятву — доказательством справедливости обвинения. Ложное обвинение, как и лжесвидетельство, каралось по принципу талиона, т.е. тем же самым наказанием, которое понес бы обвиненный, будь его вина доказана.

ЗХ считались образцом законодательства на протяжении всей дальнейшей истории «клинописной» культуры Месопотамии. Их продолжали переписывать и изучать вплоть до эллинистического и даже парфянского периода истории Вавилонии. До нас дошло около 40 списков текста ЗХ, что намного превышает количество списков подавляющего большинства древних текстов.

В заключение необходимо отметить, что мнения специалистов о месопотамских законах значительно расходятся. Некоторые считают, что перед нами не законы в собственном смысле слова, а самовосхваления царей, долженствующие показать их мудрость и справедливость, либо некие теоретические упражнения месопотамских ученых, не имеющие практического значения. Среди тех, кто считает их настоящими законами, существуют разногласия по вопросу о том, какую часть населения охватывают их установления (всех жителей страны или только царских людей). В российской науке утвердилась точка зрения, согласно которой эти тексты являются настоящими законами, хотя и весьма архаичными, и охватывают все население царства.

[3] В средневековой Европе, наоборот, всплывший считался виновным.

Глава VI

МЕСОПОТАМИЯ в XVI—XI вв. до х.э.

1. СРЕДНЕВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД В НИЖНЕЙ МЕСОПОТАМИИ. КАССИТСКОЕ ЦАРСТВО И ЭЛАМ

Как мы видели, Старовавилонский период истории Месопотамии завершился вскоре после 1600 г. до х.э. касситским завоеванием. Коренным местом обитания касситских племен были горные местности Западного Ирана — в верховьях р. Диялы и ее притоков у северо-западных пределов Элама. Были ли они здесь автохтонами или пришельцами, неизвестно. Ничего нельзя сказать также и о возможных родственных связях касситов с другими народами древности, ясно только, что они не были индоевропейцами. По долине Диялы касситы совершали набеги на Месопотамию в конце I Вавилонской династии. Одна из групп касситских племен еще в XVIII в. до х.э. продвинулась даже в Северную Месопотамию и обосновалась здесь в Ханейском царстве (на среднем Евфрате у устья р. Хабур). По-видимому, вожди касситских племен сначала служили местным правителям, но затем сами захватили власть и сделались царями. В этом качестве они и вошли в позднейшие списки касситских царей Вавилонии, хотя до воцарения в Вавилоне им было еще далеко. Лишь после разгрома его хеттами в 1595 г. до х.э. Вавилон достался касситам.

От XVI—XV вв. из Месопотамии до нас дошло очень мало документов. Первым известным нам касситским царем Вавилона был Агум II (XVI в. до х.э., второй по счету в династии, которая первоначально правила в Хане). Он правил уже обширной территорией, куда входила Южная Месопотамия, кроме Приморья, а также горные области за Тигром, хотя «царем Шумера и Аккада» он себя не титуловал.

Около этого же времени народ хурритов создал на территории Верхней Месопотамии новое царство — Митанни, о котором речь будет ниже.

От первой четверти I тысячелетия до х.э. до нас дошел любопытный документ — перечень войн и мирных договоров между Ассирией и Вавилонией (так называемая «Синхроническая история»). Из этого документа видно, что преемник Агума II, Бурна-Бурариаш I, около 1510 г. заключил на среднем течении р. Тигр мирный договор с правителем Ашшура. Следовательно, касситская Вавилония имела с этим городом-государством общую границу. Еще через два поколения, около 1450 г., Улам-Бурариаш, брат касситского царя, покорил Приморье и убил его последнего правителя. После смерти брата он, видимо, стал царем Вавилонии и, таким образом, вновь объединил всю Нижнюю Месопотамию в единое государство. Теперь касситские цари уже именуют себя «царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь касситов и царь Кар-Дуниаша» (Кар-Дуниаш — касситское название Нижней Месопотамии, употреблявшееся затем в течение нескольких веков). Они завязывают дружественные отношения с Египтом, впрочем, держатся по отношению к нему несколько заискивающе. Отношения с Ашшуром складываются весьма сложно: правители Ашшура

были то данниками касситов, то врагами, то союзниками и даже родичами.

Касситский царь Куригальзу Старший (начало XIV в. до х.э.) создал царскую резиденцию, отдельную от Вавилона, построив себе г. Дур-Куригальзу («Крепость Куригальзу»). Вавилон при этом получил освобождение от общегосударственных налогов и стал привилегированным самоуправляющимся городом. Еще раньше, видимо при I Вавилонской династии, подобную привилегию получил Сиппар, около 1250 г. — Ниппур, а позднее и другие важнейшие города[1].

С середины XIV в. до х.э. в Вавилонии, видимо, происходит оживление экономики, о чем свидетельствует увеличение числа деловых и хозяйственных документов. Но затем ашшурский правитель вмешивается в династические распри в Вавилонии и дважды сажает на вавилонский престол своих ставленников. Попытка Вавилонии в дальнейшем вести войну против Ассирии оказалась неудачной, и касситские цари вынуждены были согласиться на ассирийский контроль над вавилонско-митаннийской торговлей. Но зато с Ассирией был установлен прочный мир, и вавилонский царь Куригальзу Младший (1333—1312 гг. до х.э.) сумел провести успешную войну с Эламом, захватив Сузы и другие города. Однако это был лишь временный успех, и вскоре в Эламе вновь создается независимое и могущественное государство. Вообще, политическое положение в дальнейшем стало складываться не в пользу Вавилонии. На севере теперь уже существовало мощное Ассирийское царство, все время расширявшее свою территорию и угрожавшее отрезать Вавилонию от торговых путей. С востока, как уже отмечалось, угрожал Элам. Наконец, с запада, где касситам удалось было избавиться от скотоводческих племен амореев, стали надвигаться из степей новые кочевые племена — арамеи. Эта последняя угроза оказалась особенно серьезной. Поэтому предпринимаются попытки установить между тремя «традиционными» великими державами — Египтом, Хеттским царством в Малой Азии и Вавилонией — союз, направленный прежде всего против Ассирии и кочевников. Союз этот, однако, не удался. Около 1225 г. эламский царь совершил опустошительный набег на Вавилонию, и почти сразу же вслед за ним явился ассирийский царь Тукульти-Нинурта. Ассирийцы наголову разбили касситско-вавилонское войско, а царя Каштилиаша захватили в плен и в цепях увели в Ашшур. Затем пал Вавилон, его храмы и дворцы были разграблены, а статую бога Мардука увезли в Ассирию.

Семь лет спустя вавилоняне вновь обрели независимость, а новый касситский царь, Адад-шум-уцур (ок. 1187 г. до х.э.), сумел, в свою очередь, вмешаться в дела Ассирии и посадить там на престол своего ставленника. В середине XII в., напротив, Вавилония подверглась новому нашествию сначала ассирийцев, а затем эламитов. Особенно тяжким было второе. Около 1158 г. эламский царь Шутрук-Наххунте вторгся в долину Диялы. Затем он переправился через Тигр и захватил ряд городов, разрезав Нижнюю Месопотамию пополам. Касситский царь был низложен, а Вавилония отдана под власть эламского наместника. Города Месопотамии подверглись

[1] Недавно в Армении, на городище Мецамор, в коллективном погребении XI (?) в. до х.э. были найдены касситские вещи: художественно исполненная весовая (вероятно, эталонная) гирька с надписью от имени Улам-Бурариаша (еще без царского титула) и цилиндрическая печать с надписью по-египетски (!): «Куригальзу, царь Сенаара». Сенаар — одно из древних названий Вавилонии, видимо западносемитского происхождения, употребляемое, между прочим, в Библии.

ужасающему разгрому и грабежу[2], а сверх того, еще и обложены данью. Вавилоняне пытались оказать сопротивление, которое было беспощадно подавлено. Лишь позднее, воспользовавшись внутренними смутами в Эламе, новый предводитель вавилонян провозгласил себя царем, но столицей своей сделал Иссин (II династия Иссина). При этой династии, наиболее выдающимся представителем которой был Навуходоносор I (1126—1105 гг. до х.э.), начался новый, хотя и кратковременный подъем Вавилонии. Ей даже удалось подчинить Ассирию и, в свою очередь, разгромить Элам, надолго выведя его из политической игры. Но всем этим успехам положили конец сначала поражение от ассирийцев, а затем массовое вторжение южноарамейских кочевых племен (халдеев). На этом и заканчивается первый этап древности в Южной Месопотамии.

2. СРЕДНЕВАВИЛОНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Наиболее типичным документом, дошедшим до нас от касситского и послекасситского периодов, является *кудурру* — акт о пожаловании тому или иному лицу более или менее значительного участка земли из царского фонда, иногда вместе с освобождением от тех или иных поборов и повинностей. Такое пожалование, строго говоря, было не дарением, а лишь выдачей земли во временное пользование. Передача ее в дальнейшем по наследству вместе с должностью подлежала утверждению царем. Однако постепенно эта земля стала рассматриваться как частная собственность, тем более что сами цари, которым надоели бесконечные споры о наследственных правах, стали передавать землю «на вечные времена». Таким образом, наряду с общинными землями появились земли, находившиеся в частной собственности, но вне юрисдикции общинных властей. Впрочем, ведение самостоятельного мелкого хозяйства было еще невозможно, и новые собственники стремились объединиться в новые общинные структуры — «дома», или «братства». Значительные земли, а также целые селения (вернее, причитающиеся с них поборы и повинности) отдавались также храмам. Все эти новые явления связаны с распадом государственного хозяйства с его громоздким и дорогим административным аппаратом. На смену ему пришло взимание налогов и повинностей со всего (или с большей части) населения. Разница же между общинниками и держателями царских земель постепенно стерлась — и те и другие фактически превратились в частных хозяев, в одинаковой степени облагаемых налогами и повинностями. Этот процесс ускорялся еще и тем, что из-за засоления старых орошенных земель их приходилось покидать и осваивать новые, которые царь считал своими и где новые каналы прокладывались за счет царских налогов и повинностей. Вместе с тем города, как уже отмечалось, получали привилегии, превращаясь в автономные единицы. Теперь возникает новое деление общества: с одной стороны, привилегированные, освобожденные от общегосударственных налогов и повинностей граждане городских общин, а также крупные землевладельцы, получившие такое же освобождение, с другой — неполноправное, обложенное налогами и повинностями, жившее в большинстве случаев на царской земле сельское население. Форми-

[2] Дошедшая до нас стела с Законами Хаммурапи также была увезена эламитами в Сузы, где впоследствии и была найдена археологами.

рование этой новой структуры общества еще только началось, а полное свое завершение оно получило в I тысячелетии до х.э.

Царское хозяйство в средневавилонский период по перечисленным причинам практически сходит на нет. До нас дошло довольно значительное количество документов из храмовых хозяйств (к сожалению, они еще плохо изучены). Из этих документов видно, что и храмы собственного хозяйства практически не вели. Храмовые архивы состоят из приходных и расходных ведомостей. В первых записываются доходы от приписанного к храмам подневольного «люда» (*амелуту*). Поступления эти называются «урок», но храмовые работники все же вели свое самостоятельное хозяйство, хотя, по всей видимости, не были его собственниками. В расходных ведомостях фиксировались натуральные выплаты жрецам и ремесленникам храма.

К концу рассматриваемого периода начинают вновь возрождаться товарно-денежные отношения, причем весьма интересно, что всеобщим мерилом цен теперь служит не серебро, а золото. Причины этого изменения пока неясны, да и на практике золотом почти никогда не платили. Расплачивались зерном или другими товарами, иногда серебром или медью, лишь указывая их стоимость в золоте.

Вновь – и теперь, видимо, уже беспрепятственно – развивается ростовщичество с его неизбежным последствием – долговой кабалой. Но теперь это не временное рабство, а постоянное, даже для свободнорожденных граждан.

Таким образом, положение беднейших слоев населения резко ухудшилось. Неудивительно поэтому, что не только рабы или храмовые илоты, но даже полноправные общинники бежали из своих мест, превращаясь в изгоев — *хапиру*. Эти разноплеменные группы, объединенные общим несчастьем, бродили в предгорьях Загроса и в степи, промышляя мелким скотоводством, случайной работой по найму, а то и разбоем. Хапиру довольно скоро стали известны по всей Передней Азии: это был весьма взрывчатый социальный материал, внушающий немалое беспокойство мелким царькам Сирии и Финикии, но не слишком опасный для Касситского царства.

Еще одной важной общественной группой в Вавилонии были воины. Основу касситского войска составляли колесничные отряды — новый, впервые появившийся род войск (ранее колесница была лишь выездом знатного человека). Касситы существенно улучшили конструкцию переднеазиатской боевой колесницы. При изготовлении этих колесниц использовалась кооперация ремесленников нескольких профессий и самой высокой квалификации: столяров, медников, кожевников, оружейников. Усовершенствованию подверглось и другое вооружение: появились чешуйчатые панцири для пехоты, а также броня для лошадей, мощные луки и т.п. Однако неправильно видеть в касситских колесничих некую «феодальную» аристократию. Действительно составляя привилегированную часть войска, они тем не менее находились на полном содержании у царя, получая от него коней, колесницы и вооружение.

3. МИТАННИ И АРРАПХА[3]

В XVII—XVI вв. до х.э. в Верхней Месопотамии создается сильное государство Митанни (аккадцы называли его Ханигальбат, а египтяне — На-

[3] В этом разделе использованы материалы Н.Б.Янковской.

харина, Нахрайна). Создателем этого государства, по всей вероятности, явилось одно из хурритских племен — маиттанне (матианы или матиены позднейших греческих источников). Хурриты происходили с Армянского нагорья (в нынешней Восточной Турции), а возможно, изначально из Закавказья[4], но уже с середины III тысячелетия до х.э. распространились и к востоку от р. Тигр, и в Северной Месопотамии, и в областях, расположенных к западу от Евфрата, в частности в Северной Сирии, куда они с древнейших времен проникали мирным путем. Собственно племя маиттанне, по-видимому, обитало первоначально на холмистой низменности близ оз. Урмия в Иранском Азербайджане. Сюда же к XVIII—XVII вв. до х.э. проникли индоиранские племена, уже ранее хорошо освоившие коневодство, а в Передней Азии познакомившиеся с местным изобретением — легкой боевой колесницей и усовершенствовавшие ее. Они же выработали новую тактику массового применения боевых колесниц, перенятую у них впоследствии хурритами и касситами. Вероятно даже, что во главе племени маиттанне стояла династия вождей индоиранского происхождения. Но ко времени своего вторжения в Верхнюю Месопотамию маиттанне сохранили от индоиранского языка (в сильно искаженном виде) лишь царские имена, несколько имен второстепенных божеств и некоторые коневодческие термины. Таким образом, нет оснований говорить, как это иногда еще случается, об особой, «культуртрегерской» роли индоевропейцев в Передней Азии. До сих пор неизвестно, кто был основателем царства Митанни. Шуттарна I (конец XVII в. до х.э.?) — лишь первый митаннийский царь, пока засвидетельствованный источниками. Неизвестно и точное местонахождение митаннийской столицы, а также пределы митаннийского влияния на севере. Митаннийский царь Парраттарна, носивший титул «царь воинов хурри», установил митаннийскую гегемонию в Северной Сирии вплоть до долины р. Оронт, а царь Сауссадаттар (середина XVI в. до х.э.) подчинил Ашшур и вывез оттуда ворота, окованные золотом. В Ашшуре он держал постоянного «посла», а фактически — наместника. Влияние Митанни распространилось вплоть до Палестины, где в XV—XIV вв. мы встречаем правителей с митаннийскими именами (возможно, родичей митаннийской династии). Но чаще всего в покоренных областях митаннийцы оставляли у власти местных правителей, лишь контролируя их через своих «посланцев». После ряда серьезных столкновений с Египтом из-за Сирии митаннийские цари вступают с Египтом в дружбу, скрепленную династическими браками (конец XV — начало XIV в.). До нас дошла обширная и интересная переписка митаннийского царя Душратты с фараоном на аккадском и хурритском языках. Но во время развернувшейся после смерти Душратты борьбы за престол Митаннийское царство получило страшный удар от Суппилулиумы I, царя Хеттской державы, утратило политическое влияние и в середине XIII в. было завоевано Ассирией.

От Митанни почти не осталось письменных памятников, характеризующих его социально-экономическую историю. Но такие документы в изобилии дошли до нас из «периферийного», тоже хурритского царства Арапха, находившегося к востоку от Тигра, южнее Ассирии. Здесь искали убежища от политических потрясений многие вавилонские писцы, и благо-

[4] Язык хурритов (и близких им урартов) входил в число восточнокавказских, как и ряд современных нахско-дагестанских языков (чечено-ингушский, аварский, лакский, лезгинский, удинский и др.). Степень его изученности пока еще недостаточна.

даря этому в довольно архаическом обществе Аррапхи велась подробная документация, дошедшая до нас.

В Аррапхе было неплохо развито сельское хозяйство (овцеводство, земледелие). Население страны объединялось в большесемейные общины, называвшиеся *димту* — «башня», так как первоначально такая семья жила в большой башне-крепости, а несколько димту, иногда родственных, составляли «поселение» — *алу*. Некоторые из общин были специализированы на определенном виде производства (ткачи, кузнецы, гончары и т.п.). Угодья домашней общины состояли из нераспределенного фонда, включающего в себя примерно треть земель (видимо, пастбище), и фонда, распределяемого между индивидуальными семьями «по их силам». Во главе каждой крупной домашней общины стоял ее патриарх — «господин» (хурр. *эври*). Он был жрецом культа домашних богов и предков. Кроме того, он отвечал перед государством и кредиторами общины по ее обязательствам и, видимо, в связи с этим получал дополнительную долю земли, которую сам выбирал до распределения по жребию между всеми остальными членами общины. Значительные домашние общины располагали укреплениями, которые рассматривались царем как центры воинских подразделений. Окружающие их мелкие поселения могли по добровольной присяге главе такой общины нести службу под его командой. Присягу принимали в присутствии главы общинного самоуправления округи и в письменном виде подавали царю. Главы или наиболее авторитетные представители домашних общин составляли совет поселения. Аналогичные советы во главе с военным комендантом имелись в окружных центрах. Цари в Аррапхе пользовались довольно ограниченной властью, сводившейся главным образом к военному командованию. Даже дворцовое хозяйство было не столько лично царским, сколько общегосударственным. В Аррапхе довольно быстро происходило имущественное расслоение и обезземеливание беднейших общинников. Хотя формально общинная и семейная земля была неотчуждаемой, этот запрет обходили различными путями. Одним из таких путей был «выдел» земли кредитору под ссуду обедневшему общиннику. Другим было «усыновление» покупателя продавцом. Покупатель, таким образом, становился наследником, родичем продавца и не только получал право на его землю, но и мог рассчитывать на его трудовую помощь как «однообщинник». Аналогичным целям служило принятие в «братство». При этом цена земли обычно обозначалась в документах как личный «подарок» индивидуальному продавцу (а не его общине). Некоторые состоятельные люди «усыновлялись» таким образом десятки и даже сотни раз, сосредоточивая в своих руках громадные земельные владения. После разгрома Митанни Аррапха утратила самостоятельность, попав в конце XIV в. до х.э. под власть Ассирии.

Культура хурритов была весьма своеобразна и интересна. Этот вывод можно сделать даже несмотря на сравнительно небольшое число дошедших до нас памятников хурритского искусства, среди которых основное место занимают керамика и глиптика, а также изделия из цветного стекла (сосуды, бусы). Для хурритских росписей на сосудах и резьбы на печатях характерны богатство фантазии, причудливость форм, свобода композиции. Они оказали большое влияние на ассирийское искусство.

Образцы хурритской литературы дошли до нас в небольшом числе и из-за уже отмеченной недостаточной изученности языка не всегда понятны. Известен отрывок из хурритской версии знаменитой Поэмы о Гильгамеше, отличающийся от аккадской версии. Гимны и заклинания (иногда понятные лишь благодаря надстрочным хеттским или аккадским переводам) до-

несли до нас мифологические представления хурритов. В этих мифах фигурирует предок богов — злой Кумарве, свергнутый своим сыном — богом грозы Тешубом — и другими богами. Тешуб стал главой пантеона. Среди прочих богов важнейшую роль играли супруга Тешуба, Хебат (богиня-мать), и его сестра Шавушка (аналогичная месопотамской Иштар). Обожествлялись также Солнце (Шимике) и Луна (Кушук). Многие особенности хурритской мифологии и культа, а также гадание по полету птиц позднее вошли в религию греков (ср. «Теогонию» Гесиода).

4. ГОРОД-ГОСУДАРСТВО АШШУР И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АССИРИЙСКОГО ЦАРСТВА

Города, впоследствии составившие ядро ассирийского государства (Ниневия, Ашшур, Арбела и др.), до XV в. до х.э., по-видимому, не представляли собой единого политического или даже этнического целого. Более того, в XV в. не существовало даже и самого понятия «Ассирия». Поэтому встречающееся иногда применительно к державе Шамши-Адада I (1813—1783 гг. до х.э., см. ниже) обозначение «староассирийская» ошибочно: Шамши-Адад I никогда и не считал себя царем Ашшура, хотя позднейшие ассирийские царские списки (I тысячелетие до х.э.) действительно включают его в число ассирийских царей.

Ниневия первоначально, по-видимому, была хурритским городом. Что же касается г. Ашшур, то его название, очевидно, семитское, и население этого города было в основном аккадским. В XVI—XV вв. до х.э. эти города-государства зависели (иногда лишь формально) от царей Митанни и касситской Вавилонии, но уже с конца XV в. правители Ашшура считали себя независимыми. Они, как и вообще верхушка горожан, были весьма богаты. Источником их богатств служила посредническая торговля между югом Месопотамии и странами Загроса, Армянского нагорья, Малой Азии и Сирии. Одним из важнейших предметов посреднической торговли во II тысячелетии до х.э. были ткани и руды, а ее центральными пунктами — Ашшур, Ниневия и Арбела. Здесь же, возможно, происходило очищение серебряно-свинцовых руд. Из Афганистана через те же центры шло и олово.

Ашшур был центром сравнительно небольшого номового государства. В XX—XIX вв. до х.э. он был исходным пунктом одного из путей международной торговли, тесно связанным с другим торговым центром — Канишем в Малой Азии, откуда Ашшур ввозил серебро. После завоевания Верхней Месопотамии Шамши-Ададом I, а восточной части Малой Азии — хеттскими царями торговые колонии в Малой Азии прекратили свое существование, но Ашшур продолжал сохранять большое хозяйственное и политическое значение. Правитель его носил титул *ишшиакку* (аккадизация шумерского слова *энси*); его власть практически была наследственной. Ишшиакку был жрецом, администратором и военным вождем. Обычно он же занимал и должность *укуллу*, т.е., видимо, верховного землеустроителя и председателя общинного совета. Из состава совета выдвигались ежегодно сменяемые *лимму* — эпонимы года и, возможно, казначеи. Постепенно места в совете все больше замещались людьми, близкими к правителю. Сведений о народном собрании в Ашшуре нет. С усилением власти правителя значение органов общинного самоуправления падало.

Территория ашшурского нома состояла из мелких поселений — сельских общин; во главе каждой стоял совет старейшин и администратор — *хазанну*. Земля была собственностью общины и подлежала периодически переделам между семейными общинами. Центром такой семейной общины являлась укрепленная усадьба — *дунну*. Член территориальной и семейной общины мог продать свой надел, который вследствие такой продажи выбывал из состава семейно-общинной земли и становился личной собственностью покупателя. Но сельская община контролировала подобные сделки и могла заменить продаваемый участок другим, из запасного фонда. Сделка также должна была утверждаться царем. Все это показывает, что товарно-денежные отношения в Ашшуре развивались быстрее и зашли дальше, чем, например, в соседней Вавилонии. Отчуждение земли здесь уже стало необратимым. Следует отметить, что покупаются иногда целые хозяйственные комплексы — усадьба с полем, домом, гумном, садом и колодцем, всего от 3 до 30 га. Скупщиками земли были обычно ростовщики, занимавшиеся также и торговлей. Это последнее обстоятельство подтверждается тем фактом, что «деньгами» служит, как правило, не серебро, а свинец, причем в очень больших количествах (сотни килограммов). Рабочую силу для своих новоприобретенных земель богачи добывали посредством долговой кабалы: заём выдавался под залог личности должника или члена его семьи, причем в случае просрочки платежа эти люди считались «купленными за полную цену», т.е. рабами, хотя бы до этого они являлись полноправными общинниками. Существовали и другие средства закабаления, такие, как «оживление в беде», т.е. помощь во время голода, за которую «оживленный» попадал под патриархальную власть «благодетеля», а также «усыновление» вместе с полем и домом и, наконец, «добровольная» отдача себя под покровительство богатого и знатного лица. Поэтому в руках немногих богатых семей концентрировалось все больше земли, а общинные земельные фонды таяли. Но общинные повинности по-прежнему лежали на сильно обедневших домашних общинах. Владельцы новообразованных имений жили в городах, а общинные повинности за них несли зависимые жители селений. Ашшур теперь именуется «город среди общин» или «община среди общин», а привилегированное положение его жителей позже официально закрепляется освобождением от поборов и повинностей (точная дата этого события неизвестна). Жители сельских общин продолжают платить многочисленные поборы и несут повинности, среди которых первое место занимает воинская.

Итак, Ашшур был небольшим, но весьма богатым государством. Богатство создавало ему возможности для усиления, но для этого необходимо было ослабление главных соперников, которые могли бы в зародыше подавить попытки Ашшура к экспансии. Правящие круги Ашшура уже начали исподволь готовиться к ней, укрепляя центральную власть. Между 1419 и 1411 гг. до х.э. была восстановлена разрушенная митаннийцами стена «Нового города» в Ашшуре. Воспрепятствовать этому Митанни не смогло. Хотя митаннийские и касситские цари продолжают считать ашшурских правителей своими данниками, эти последние завязывают прямые дипломатические отношения с Египтом. С начала XIV в. ашшурский правитель называл себя «царем», хотя пока лишь в частных документах, но уже Ашшур-убаллит I (1365—1330 гг. до х.э.) впервые именовал себя «царем страны Ассирии» в официальной переписке и на печатях (хотя все еще не в надписях), а египетского фараона называл своим «братом», подобно царям Вавилонии, Митанни или Хеттской державы. Он принял участие в во-

енно-политических событиях, приведших к разгрому Митанни, и в дележе большей части митаннийских владений. Ашшур-убаллит I неоднократно вмешивался также и в дела Вавилонии, участвуя в династийных распрях. В дальнейшем в отношениях с Вавилонией периоды мира сменялись более или менее серьезными военными столкновениями, в которых Ассирия далеко не всегда имела успех. Зато ассирийская территория неуклонно расширялась на запад (верхний Тигр) и на восток (горы Загрос). Рост влияния царя сопровождался падением роли городского совета. Царь превращается фактически в самодержца. Адад-нерари I (1307—1275 гг. до х.э.) к своим прежним должностям, положенным ему как ашшурскому правителю, добавляет еще и должность лимму — казначея-эпонима первого года своего правления. Он же впервые присваивает себе титул «царь обитаемого мира» и, таким образом, является подлинным основателем Ассирийской (Среднеассирийской) державы. В его распоряжении имелось сильное войско, основу которого составляли царские люди, получавшие за службу либо специальные земельные наделы, либо только паек. В случае необходимости к этому войску присоединялось ополчение общин. Адад-нерари I успешно воевал с касситской Вавилонией и отодвинул границу Ассирии довольно далеко на юг. О его деяниях была даже сложена поэма, но в действительности успехи на «южном фронте» оказались непрочными. Адад-нерари I совершил также два успешных похода против Митанни. Второй из них завершился низложением митаннийского царя и присоединением всей территории Митанни (вплоть до большой излучины Евфрата и г. Каркемиш) к Ассирии. Однако сыну и преемнику Адад-нерари, Салманасару I (1274—1245 гг. до х.э.), пришлось вновь воевать здесь с митаннийцами и их союзниками — хеттами и арамеями. Ассирийская армия попала в окружение и была отрезана от водных источников, но сумела вырваться и разбить врага. Вся Верхняя Месопотамия была вновь присоединена к Ассирии, а Митанни прекратило существование. Салманасар сообщает в своей надписи, что он взял в плен 14 400[5] вражеских воинов и всех их ослепил. Здесь мы впервые встречаем описание тех свирепых расправ, которые с ужасающей монотонностью повторяются в последующие века в надписях ассирийских царей (начало им, впрочем, положили хетты). Салманасар воевал также против горных племен «уруатри» (первое упоминание о родственных хурритам урартах). Во всех случаях ассирийцы разрушали города, жестоко расправлялись с населением (убивали или калечили, грабили и налагали «знатную дань»). Угон пленных в Ассирию практиковался еще редко, и, как правило, угоняли лишь квалифицированных ремесленников. Иногда пленных ослепляли. Очевидно, потребность в рабочей силе для сельского хозяйства ассирийская знать удовлетворяла за счет «внутренних ресурсов». Главная же цель ассирийских завоеваний в этот период состояла в овладении международными торговыми путями и собственном обогащении за счет доходов от этой торговли путем взимания пошлин, но главным образом за счет прямого грабежа.

При следующем ассирийском царе, Тукульти-Нинурте I (1244—1208 гг. до х.э.), Ассирия уже была великой державой, охватывавшей всю Верхнюю Месопотамию. Новый царь дерзнул даже вторгнуться на территорию Хеттского царства, откуда увел «8 саросов» (т.е. 28 800) пленных хеттских воинов. Тукульти-Нинурта I воевал также против степных кочевников и

[5] 14 400, или «четыре сароса», — круглое число по шумеро-вавилонской шестидесятеричной системе счета (4×60×60).

горцев севера и востока, в частности с «43 царями (т.е. племенными вождями) Наири» — Армянского нагорья. Походы теперь происходят регулярно, каждый год, но не столько с целью расширения территории, сколько просто ради грабежа. Зато на юге Тукульти-Нинурта осуществил грандиозное деяние — завоевал касситское Вавилонское царство (ок. 1223 г. до х.э.) и владел им более семи лет. Об этом его подвиге была сложена эпическая поэма, а новый титул Тукульти-Нинурты теперь гласил: «могучий царь, царь Ассирии, царь Кар-Дуниаша (т.е. Вавилонии), царь Шумера и Аккада, царь Сиппара и Вавилона, царь Дильмуна и Мелахи (т.е. Бахрейна и Индии), царь Верхнего и Нижнего моря[6], царь гор и широких степей, царь шубарейцев (т.е. хурритов), кутиев (т.е. восточных горцев) и всех стран Наири, царь, слушающий своих богов и принимающий знатную дань четырех стран света в городе Ашшуре». Титул, как видно, не совсем точно отражает реальное положение вещей, но содержит целую политическую программу. Во-первых, Тукульти-Нинурта отказывается от традиционного титула «ишшиакку Ашшура», но зато именует себя древним титулом «царь Шумера и Аккада» и ссылается на «знатную дань четырех стран света», подобно Нарам-Суэну или Шульги. Он претендует также на территории, не входившие еще в состав его державы, а также особо упоминает главные торговые центры — Сиппар и Вавилон и торговые пути в Бахрейн и Индию. Дабы полностью освободиться от всякого влияния со стороны общинного совета Ашшура, Тукульти-Нинурта I переносит свою резиденцию в специально построенный неподалеку от Ашшура город Кар-Тукульти-Нинурта, т.е. «Торговая пристань Тукульти-Нинурты», явно намереваясь перенести сюда центр торговли. Здесь же был сооружен грандиозный дворец — парадная резиденция царя, где он даже принимал в качестве гостей самих богов, т.е., разумеется, их статуи. Специальные указы во всех тонкостях определяли сложнейший дворцовый церемониал. Личный доступ к царю имели теперь лишь немногие особо высокопоставленные придворные (обычно евнухи). Чрезвычайно суровый регламент определял распорядок в дворцовых покоях, правила совершения специальных магических ритуалов для предотвращения зла и т.п.

Однако время осуществления «имперских» притязаний еще не настало. Традиционная ашшурская знать оказалась достаточно могущественной, чтобы объявить Тукульти-Нинурту I безумным, низложить его, а затем убить. Новая царская резиденция была заброшена.

Вавилония умело воспользовалась внутренними смутами в Ассирии, и все последующие ассирийские цари (кроме одного) были, видимо, простонапросто вавилонскими ставленниками. Один из них вынужден был вернуть в Вавилон увезенную Тукульти-Нинуртой статую Мардука.

Впрочем, Ассирия сохранила под своей властью всю Верхнюю Месопотамию, а к моменту вступления на престол Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до х.э.) в Передней Азии сложилась исключительно благоприятная для Ассирии политическая обстановка. Хеттское царство пало, Египет переживал упадок. Вавилония подверглась нашествию южноарамейских кочевников— халдеев. В этой политической обстановке Ассирия фактически оставалась единственной великой державой. Нужно было лишь выстоять среди общего хаоса, а затем вновь приступить к завоеваниям. И то и другое, однако, оказалось куда более трудным, чем можно было предполагать. Племена, появившиеся в Передней Азии в результате этнических

[6] Верхнее море — Средиземное море, Нижнее море — Персидский залив.

передвижений конца II тысячелетия до х.э., — протоармянские племена, абешлайцы (возможно, абхазы), арамеи, халдеи и др. — были многочисленны и воинственны. Они вторгались даже в пределы Ассирии, так что для начала пришлось думать об обороне. Но Тиглатпаласар I был, по-видимому, хорошим полководцем. Он очень быстро сумел перейти к наступательным действиям, двигаясь все дальше на север. Ряд племен ему удалось склонить на свою сторону без боя, и они были «причислены к людям Ассирии». В 1112 г. Тиглатпаласар отправился в поход из Месопотамии вверх по левому берегу Евфрата. Точный маршрут этого похода неизвестен, но, по-видимому, он проходил по древнему торговому пути. В анналах сообщается о победе над десятками «царей», т.е. в действительности вождей. В частности, можно предполагать, что, преследуя «60 царей Наири», ассирийское войско вышло к Черному морю — примерно в районе нынешнего Батуми. Побежденные подвергались ограблению, сверх того, на них налагали дань, а для обеспечения ее регулярной уплаты брали заложников. Походы на север продолжались и в дальнейшем. Об одном из них напоминает надпись на скале к северу от оз. Ван.

Дважды Тиглатпаласар совершал походы на Вавилонию. Во втором походе ассирийцы захватили и разорили ряд важных городов, в том числе Дур-Куригальзу и Вавилон. Но около 1089 г. ассирийцы были вновь отброшены вавилонянами на свою коренную территорию. Однако главное внимание еще с 1111 г. пришлось уделять арамеям, ставшим чрезвычайно серьезной угрозой. Медленно, но неуклонно они просачивались в Северную Месопотамию. Тиглатпаласар не раз предпринимал походы против них даже к западу от Евфрата. Он громил кочевников в оазисе Тадмор (Пальмира), перевалил через горы Ливана и прошел Финикию до самого Сидона. Он даже совершил здесь прогулку на корабле и охотился на дельфинов. Все эти деяния принесли ему громкую славу, но их практические результаты были ничтожны. Ассирийцам не только не удалось закрепиться к западу от Евфрата, но они не смогли и отстоять территории к востоку от него.

Хотя ассирийские гарнизоны все еще сидели в городах и крепостях Верхней Месопотамии, степь была наводнена кочевниками, перерезавшими все коммуникации с коренной Ассирией. Попытки последующих ассирийских царей заключить против вездесущих арамеев союз с царями Вавилонии тоже не принесли пользы. Ассирия оказалась отброшенной на свои коренные земли, а ее экономическая и политическая жизнь пришла в полный упадок. С конца XI по конец X в. до х.э. до нас не дошло из Ассирии почти никаких документов или надписей. Новый период в истории Ассирии начался лишь после того, как она сумела оправиться от арамейского вторжения.

5. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО АССИРИИ

В области литературы, науки и искусства ассирийцы во II тысячелетии до х.э. не создали почти ничего оригинального, полностью переняв вавилонские и частично хуррито-хеттские достижения. В ассирийском пантеоне в отличие от вавилонского место верховного бога занимал Ашшур («отец богов» и «Эллиль богов»). Но Мардук и другие боги общемесопотамского пантеона тоже весьма почитались в Ассирии. Особо важное место среди

них занимала грозная богиня войны, плотской любви и плодородия Иштар в двух своих ипостасях — Иштар Ниневийской и Иштар Арбельской. В Ассирии Иштар играла еще и специфическую роль покровительницы царя. У хеттов и, вероятно, митаннийцев был позаимствован литературный жанр царских анналов, но наибольшее развитие он получил в I тысячелетии до х.э.

Весьма интересным культурно-историческим и бытовым памятником эпохи являются так называемые «Среднеассирийские законы» (сокращенно САЗ), которые представляют собой, скорее всего, не законы государства, а своего рода «научную» компиляцию — свод различных законодательных актов и норм обычного права Ашшурской общины, составленный для обучения и для практических нужд. Всего сохранилось 14 табличек и фрагментов, которые принято обозначать прописными латинскими буквами от A до O. Сохранность их различна — от почти полной до очень плохой. Некоторые фрагменты были первоначально частями одной таблички (B + O + G). Они датируются XIV—XIII вв. до х.э., хотя сам текст, видимо, несколько старше.

Своеобразие САЗ проявляется в том, что они соединяют в себе как черты весьма архаичные, так и серьезные нововведения.

К последним относится, например, метод систематизации норм. Они группируются в соответствии с предметом регулирования в очень крупные «блоки», каждому из которых посвящена особая табличка (в ЗХ группировка значительно более дробная), ибо «предмет» понимается в САЗ чрезвычайно широко. Так, Табл. A (пятьдесят девять параграфов) посвящена различным аспектам правового положения свободной женщины — «дочери человека», «жены человека», вдовы и т.п., а также блудницы и рабыни. Сюда же входят различные правонарушения, совершенные женщиной или против нее, брак, имущественные отношения супругов, права на детей и т.п. Иными словами, женщина выступает здесь и как субъект права, и как его объект, и как преступница, и как потерпевшая. «Заодно» сюда же отнесены действия, совершаемые «женщиной или мужчиной» (убийство в чужом доме — § 10; чародейство — § 47), а также дела о мужеложстве (§ 19—20). Такая группировка, разумеется, значительно удобнее, чем в ЗХ, но и ее недостатки очевидны: воровство, например, оказывается в двух разных табличках (A, § 1, 3—6 и C + G, § 8), ложные обвинения и ложные доносы тоже попадают в разные таблички (A и N); такая же участь постигает и нормы, касающиеся наследования (A, § 25—26 и O, § 1—3). Впрочем, эти недостатки очевидны лишь с нашей, современной точки зрения. Новым, по сравнению с Законами Хаммурапи, является также чрезвычайно широкое применение публичных наказаний — порки и «царской работы», т.е. своего рода каторжных работ (помимо денежной компенсации потерпевшему). Такое явление для столь ранней древности уникально и может объясняться как необычайно высоким развитием правовой мысли, так и сохранением общинной солидарности, рассматривавшей многие правонарушения, особенно в области земельных отношений или против чести и достоинства свободных граждан, как затрагивающие интересы всей общины. С другой стороны, САЗ, как уже отмечалось, содержат и черты архаические. К ним можно отнести § 10 Табл. A и § 2 Табл. B + O, согласно которым убийца выдается «хозяину дома», т.е. главе семьи убитого. «Хозяин дома» может поступить с ним по своему усмотрению: убить или отпустить, взяв с него выкуп (в более развитых правовых системах выкуп за убийство не допускается). Такое смешение архаичных черт с чертами сравнительно высокого разви-

тия характерно и для самого среднеассирийского общества, как оно отражено в САЗ.

Ашшур был богатым торговым городом. Значительное развитие товарно-денежных отношений позволило законодателям широко применять денежные компенсации в виде десятков килограммов металла (неясно, свинца или олова). Однако при этом существовала долговая кабала на весьма жестких условиях: по истечении определенного срока заложники считались «купленными за полную цену». С ними можно было обращаться как с рабами, подвергать телесным наказаниям и даже продавать «в другую страну» (Табл. A, § 44, Табл. C + G, § 3). Земля служит объектом купли-продажи (Табл. B + O, § 6), хотя и под контролем властей. Из деловых документов видно, что община может заменить продаваемый участок земли другим, т.е. частная собственность на землю сочетается с сохранением определенных прав общины.

Патриархальность семейных отношений, очевидная уже из приведенного выше порядка наказания убийц, становится еще яснее при взгляде на те законоположения, которые регулируют семейное право. Существует еще «большая семья», и власть домовладыки чрезвычайно широка. Он может отдавать своих детей и жену в залог, подвергать жену телесным наказаниям и даже наносить ей увечья. «Как ему угодно» он может поступить и со своей «согрешившей» незамужней дочерью (Табл. A, § 56). Прелюбодеяние карается смертью для обоих его участников: застав их на месте преступления, оскорбленный муж может убить их обоих. По суду же на прелюбодея накладывалось такое же наказание, какому муж пожелает подвергнуть свою жену (Табл. A, § 15). Женщина могла стать юридически самостоятельной лишь в том случае, если она овдовела и не имеет ни сыновей (хотя бы малолетних), ни свекра, ни других родичей мужа — мужчин. В противном случае она остается под их патриархальной властью. САЗ устанавливают весьма несложную процедуру превращения наложницы-рабыни в законную жену и узаконения рожденных ею детей (Табл. A, § 41), но во всех остальных случаях отношение к рабам и рабыням чрезвычайно сурово. Рабыням и блудницам под страхом тяжелого наказания запрещалось носить покрывало — обязательную принадлежность костюма свободной женщины[7]. Однако тяжелые наказания накладываются на рабыню по закону, а не по произволу господ.

САЗ упоминают также некие категории зависимых людей, однако точный смысл соответствующих терминов пока не вполне ясен (из деловых документов видно, что практиковалось и «добровольное» поступление свободных людей под покровительство знатных лиц, т.е. превращение свободных в клиентов). В ассирийском судопроизводстве широко применялись ордалия (испытание водой) и клятва. Отказ от ордалии и клятвы был равносилен признанию вины. Наказания, налагаемые по САЗ, как правило, чрезвычайно суровы и исходят, хотя и не столь последовательно, как Законы Хаммурапи, из принципа талиона (воздаяние равным за равное), что выражается в широком применении членовредительных наказаний.

[7] В Южной Месопотамии женщины лицо не закрывали. В Ассирию этот обычай был занесен, видимо, кочевниками.

Глава VII

РАННЯЯ МАЛАЯ АЗИЯ И ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

1. ДОХЕТТСКИЙ ПЕРИОД В МАЛОЙ АЗИИ

Азиатская часть современной Турции — полуостров Анатолия, издревле называемая и Малой Азией, — была связующим звеном, своеобразным мостом, с незапамятных времен соединявшим Ближний Восток с эгейским миром и Балканским полуостровом, т.е. Азию с Европой. Однако не только благоприятным географическим положением, хорошим климатом и плодородием почв отличалась Малая Азия в древности. Решающую роль в экономическом и культурном развитии Анатолии сыграли ее природные богатства, нужда в которых по мере развития цивилизации становилась все более ощутимой. В недрах Анатолии таились богатейшие залежи металлов, что сыграло огромную роль в политической и экономической истории обществ, образовавшихся с начала бронзового века в различных районах Малой Азии.

В периоды энеолита и ранней бронзы значительных успехов в экономическом и культурном развитии добилась Центральная Малая Азия, на что указывают датируемые IV—III тысячелетиями до х.э. археологические материалы, добытые на городищах Аладжа-Хююка, Алишар-Хююка, Кюльтепе, Хороз-тепе. Именно в Центральной Анатолии позднее было создано Хеттское царство, просуществовавшее на протяжении почти всего II тысячелетия до х.э.

А уже к III тысячелетию до х.э. укрепленные пункты, расположенные на холмах восточной части Малой Азии, являлись центрами экономической, политической и культурной жизни восточномалоазийских племен. В указанный период, известный как «ранний бронзовый век», Восточная Анатолия обладала не только ресурсами, необходимыми для экономики бронзового века, но и технологией их использования, благодаря чему Восточная Анатолия играла важную роль во всей Малой Азии.

Природные богатства приводили в Анатолию купцов разных стран древнего Ближнего Востока. Согласно одной поздней хеттской легенде, например, аккадские купцы появились в Малой Азии, в Бурушхатуме, располагавшемся, по-видимому, южнее Соленого озера (в Центральной Анатолии), якобы в период правления Саргона Древнего, царя Аккада, т.е. еще в XXIV в. до х.э. Своеобразные подтверждения подобных торговых связей обнаружены в Телль-Браке, на караванном пути из Северной Месопотамии в Анатолию, где Нарам-Суэн построил дворец, в развалинах которого найдены предметы анатолийского происхождения.

К началу II тысячелетия до х.э. в Малой Азии среди местного населения проживали торговцы из разных стран, в основном из Ашшура и Северной Сирии. Это мы узнаем из так называемых «каппадокийских» (по более позднему названию восточной части Малой Азии) клинописных табличек, обнаруженных на городище Кюль-тепе (близ современного города Кайсери), на месте которого в древности был расположен г. Каниш (он же

Неса), в Богазкёе (Хаттусе) и Алишар-Хююке (возможно, древнем городе Амкува). Согласно данным этих источников, иностранными купцами с целью лучшей организации торговли в Малой Азии были созданы торговые поселения двух типов — *карум* (букв. «гавань» — колония иноземных торговцев, имевшая при местном городе-государстве права самоуправления) и *вабартум* — торговый стан. Организационный центр всех иноземных торговых общин располагался в каруме Каниша. Торговые поселения были расположены почти во всех главных городах-государствах Центральной Малой Азии.

Среди купцов торговых колоний при городах-государствах были местные уроженцы, но особенно много было граждан г. Ашшур. Через них Ашшур оказывал большое влияние на деятельность торговых общин. Но карум Каниша мог самостоятельно заключать договоры с местными правителями. Задачей торговых колоний была организация вывоза из Малой Азии металлов — золота, серебра, бронзы и, что самое главное, меди, огромные запасы которой имелись в Анатолии, где в то же время было сравнительно мало олова — явно недостаточно для нужд экономики бронзового века. Велась также оживленная торговля металлами внутри самой Анатолии, где было известно и железо (не только метеоритное, но и земное), хотя вывоз его, вернее, железной руды был категорически запрещен местными властями, ввиду чего иноземные купцы пытались заниматься его контрабандой.

В обмен на медь и другие металлы купцы ввозили в Малую Азию месопотамские шерстяные и льняные ткани, а также в большом количестве олово, необходимое для изготовления бронзы. Олова было очень много в г. Ашшур, а происходило оно, видимо, с востока (из Афганистана).

Перевозка товаров осуществлялась с помощью караванов ослов. Путь шел через множество мелких городов-государств, и от каждого правителя приходилось откупаться пошлиной в виде доли товара. Тем не менее по прибытии на место купцы получали громадные барыши, так как в производстве бронзы, технологические свойства которого гораздо выше, чем меди, были жизненно заинтересованы во всей Малой Азии на протяжении всего бронзового века.

В эти торговые операции быстро втянулись и местные жители. Накопленные средства они использовали для кредитования местного свободного населения на кабальных условиях, когда неурожай или другие природные и социальные обстоятельства ставили земледельца в трудное положение.

Значительные сдвиги, имевшие место в хозяйстве и технике восточной части Малой Азии с начала II тысячелетия до х.э., вызвали соответствующие изменения в сфере общественных отношений. Процесс социальной и имущественной дифференциации среди местного населения зашел далеко. На территории указанной части Малой Азии было, видимо, еще в III тысячелетии до х.э. создано несколько политических образований типа городов-государств: Каниш (Неса), Хаттуса, Бурушхатум, Куссар, Цальпа, Турхумит, Амкува, Вашхания, Вахшушана, Шалахшува и др. Во главе городов-государств стояли «цари» (акк. *рубау*) или «царицы» (акк. *рубату*), проживавшие в «дворцах». При царском дворе имелось множество «великих», занимавших разные государственные должности («начальника лестницы» — им являлся царевич, «начальника кузнецов», «главного виночерпия», «главного над садовниками» и др.). В городах-государствах Анатолии пользовались письменным аккадским языком, заимствованным у ашшурских купцов, которые занесли в Малую Азию и первую письменность —

староаккадскую клинопись, местный вариант которой распространился в Анатолии.

Между городами-государствами шла борьба за политическую гегемонию. На первых порах верх взял Бурушхатум, правитель которого сделался «великим царем». Позднее же ситуация изменилась в пользу городов-государств Каниша (Несы), Хаттусы, в особенности Куссара, расположенного где-то по соседству с Канишем. Из первых правителей Куссара нам известны Питхана и его сын Анитта (ок. 1790—1750 гг. до х.э.). Из текста, составленного Аниттой и дошедшего до нас на хеттском (неситском) языке лишь в поздней редакции, мы узнаем, что царь Куссара захватил Несу (Каниш), страну Хатти, Пурусханду (Бурушхатум), Цальпу и другие города-государства Центральной Малой Азии. Царь Пурусханды без боя покорился Анитте, передав ему знаки царской власти (железный трон и скипетр). Анитта сделал своей царской резиденцией Несу, где построил крепости и храмы, и уже величал себя «великим царем». Созданное при Анитте Куссарское царство было самым мощным политическим объединением, существовавшим в Анатолии до образования Хеттского государства.

С завоеваниями Анитты начинают исчезать иноземные торговые колонии (фактории) по всей Анатолии. Причина этого явления не выяснена. Можно предположить, что оно связано больше всего с политическими и этническими изменениями не только в Анатолии, но также в Северной Месопотамии: после усиления политической мощи хурритов Ассирия оказалась отрезанной от своих торговых колоний в Анатолии. Потеря источника олова чуть не оказалась катастрофой для Анатолии: города-государства, процветавшие в период торговых колоний, пришли в упадок и долго не могли оправиться. Однако без олова было невозможно развитие бронзовой металлургии, и позднее началась борьба за овладение районами, контролирующими дороги на восток и юго-восток.

В «каппадокийских» табличках сохранилось немало собственных имен и отдельных слов индоевропейского происхождения, но появление в Малой Азии индоевропейских племен следует отнести к более раннему периоду. Пока еще не решен вопрос о точном времени и пути продвижения индоевропейских племен в Малую Азию. Существуют гипотезы об их переселении в Анатолию в III тысячелетии до х.э. через Балканы или, через восточные районы, из Передней Азии, в частности из региона на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии. Бесспорным в настоящее время является то, что к началу II тысячелетия до х.э. индоевропейские племена, проживавшие в Анатолии, уже разделились на неситов, занявших территорию около Каниша (Несы) и Куссара «каппадокийских» табличек, откуда они постепенно распространялись на север, где обитали хатты («протохетты», чей язык был неиндоевропейским[1]), палайцев, живших в стране Пала на севере или северо-востоке Малой Азии, где они также находились в контакте с хаттами, и, наконец, лувийцев, страна которых — Лувия — простиралась на юге и юго-западе Малой Азии. Лувийцы распространились и на юго-восток Анатолии, с которой с древних времен имели контакты семитские и хурритские племена.

Предполагается, что со времени правления Анитты, а возможно, и ранее происходило постепенное распространение индоевропейских неситских

[1] Имеются основания предполагать родство этого языка с современными западнокавказскими (абхазо-адыгскими) языками.

племен по всей центральной части Анатолии, где до сих пор проживали хатты. В период этого хаттско-хеттского соприкосновения, длившегося несколько столетий, в течение которых пришлые индоевропейцы сливались с аборигенным населением, хаттский язык был вытеснен хеттско-неситским, который одновременно и сам претерпел определенные изменения (в фонетике, лексике, морфологии). В результате слияния индоевропейцев с коренными хаттскими племенами в Центральной Малой Азии образовался хеттский этнос, создавший приблизительно к середине XVII в. до х.э. могущественное Хеттское государство, целиком воспринявшее богатые культурные традиции хаттов.

2. ДРЕВНЕХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО (ок. 1650—1500 гг. до х.э.)

Хеттская историческая традиция связывала древнейший период истории хеттов с Куссаром, который был столицей в начале существования Хеттского государства. Однако после Анитты произошли какие-то общественные и культурные изменения, которые выразились, между прочим, в том, что хеттская канцелярия сменила официальный староассирийский аккадский диалект и письменность на народный язык и другой вариант клинописи, заимствованный из Северной Сирии через жившие там племена хурритов. Основателем собственно Хеттского государства его историческая традиция считала не первых известных нам правителей Куссара, т.е. Питхану или Анитту, а Лабарну, тоже царя Куссара, но более позднего времени. В начале царствования, когда «страна была мала», Лабарна силой оружия покорил соседние области. Затем он двинулся на юг и север Малой Азии, распространив власть хеттов на территории «от моря до моря» (т.е. от Средиземного до Черного моря).

В Куссаре воцарился и следующий правитель хеттов — Хаттусили I (он же Лабарна II); Хаттусили («Хаттуским») он назван был потому, что из стратегических соображений перенес центр своего царства из Куссара на север, в Хаттусу. С этого времени Хаттуса, которая, видимо, после покорения ее Аниттой подчинялась Куссару, становится столицей хеттов и остается ею вплоть до падения Хеттского государства. Название «Хатти» стало употребляться для обозначения Хеттского государства в целом.

После завоевания ряда областей в Малой Азии Хаттусили отправился в поход в Северную Сирию. Подчинив Алалах (современное городище Телль-Атшана), одно из сильных хуррито-семитских государств Северной Сирии, Хаттусили победил два крупных города этой же области — Уршу (Варсува) и Хашшу (Хассува) — и начал длительную борьбу против третьего — Халеба, однако из-за болезни не смог довести дело до конца; это выпало на долю его преемника Мурсили I.

Покорив Халеб, Мурсили пошел на далекий Вавилон, которым правил Самсудитана из династии Хаммурапи, захватил город и в 1595 г. до х.э. разрушил его, взяв большую добычу. Во время походов в Халеб и Вавилон Мурсили победил также хурритов, живших по левому берегу Евфрата в Северной Месопотамии.

Военные операции Хаттусили I и Мурсили I в Северной Сирии и Месопотамии имели известное влияние на ход событий на всем Ближнем Востоке. Победы хеттов над Алалахом, Халебом и другими царствами заложили основы хеттского господства в Северной Сирии. С этих пор вопрос о

Сирии всегда стоял как один из главнейших во внешней политике Хатти. Победой же над Вавилоном был положен конец правлению I Вавилонской династии. Эти крупные победы имели огромное значение для хеттов: с этого времени их государство стало в ряд крупных государств Ближнего Востока, превратилось в могущественную в военном отношении державу, с которой не смогли справиться ни «великое царство» Ямхад, ни Вавилон.

В период правления Хаттусили I и Мурсили I начались военные столкновения между хеттами и хурритами. Хурриты с Армянского нагорья и из Северной Сирии начали набеги на Хатти, опустошая восточные провинции хеттов. В самом начале царствования Хаттусили I хурриты из Митанни (Северная Месопотамия) вторглись в страну хеттов, в результате чего временно отложились многие подвластные хеттам восточные области. Лишь город Хаттуса остался невредимым. Порой хурриты атаковали владения хеттов и со стороны Северной Сирии, как это случилось, например, во время правления следующего царя хеттов — Хантили, который, видимо, отразил нашествие хурритов, но борьба с ними продолжалась и в последующие времена.

К концу Древнего царства хетты добились успехов в Киццуватне — важной стратегической области, расположенной у северо-восточного угла Средиземного моря. С царем Киццуватны установил дружественные отношения последний правитель Древнехеттского царства — Телепину. Отныне Киццуватна взяла политическую ориентацию на Хатти, постепенно освобождаясь от влияния Халеба и Митанни.

На всем протяжении Древнехеттского царства происходила ожесточенная борьба правителей за усиление царской власти, которую сильно ограничивало народное собрание — *панку*. Вначале оно объединяло всех мужчин, способных носить оружие, позднее же круг лиц, входивших в панку, значительно сократился, ограничившись представителями высших слоев знати. Собрание имело право определения наследника престола, ведения судебных дел и т.д. Царь, носивший высокий титул хаттского происхождения — *табарна*, мог лишь выдвигать кандидатуру будущего повелителя страны, которого панку утверждало или отклоняло. Круг кандидатов на царский престол был широк, так как царем мог стать не только царевич, но при его отсутствии и внук правителя Хатти, сын или муж сестры царя и т.д. Начиная с Хантили часты были случаи узурпации трона.

Вопрос о наследовании царской власти был окончательно решен Телепину, издавшим «законодательство о престолонаследии», согласно которому право вступления на престол отныне получали только сыновья царя по старшинству. В случае отсутствия таковых взойти на престол мог лишь муж дочери царя. Все остальные были исключены из числа возможных претендентов на престол, и панку должно было следить за соблюдением закона. Этот порядок наследования, сильно укрепивший царскую власть, действовал затем до конца существования Хеттского государства.

Однако царь не стал единоличным «абсолютным» монархом страны и во времена Телепину, при котором, по-видимому, впервые были отредактированы также другие хеттские законы. Царская власть была ограничена собранием, хотя теперь оно стояло выше царя только в том случае, если тот самовольно нарушал закон о престолонаследии или произвольно казнил царских родичей. В другие государственные дела панку не вмешивалось. В период Новохеттского царства собрание вообще перестало функционировать.

3. НОВОХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО (ок. 1400—1200 гг. до х.э.)

Ввиду недостаточной изученности истории Среднехеттского государства, охватывавшего приблизительно 1500—1400 гг. до х.э.[2], мы далее коснемся главных моментов истории хеттов периода Нового царства, когда Хатти рассматривалось как равная с Египтом, Вавилонией и Ассирией держава.

Завоевательная политика была начата Тутхалией III в конце XV в. до х.э. и успешно продолжалась до середины XIII в. до х.э. Почти на всем протяжении Нового царства хетты предпринимали походы в юго-западные районы Малой Азии, где располагались страны, объединявшиеся под общим названием Арцава, а также на юг. Вся южная территория была населена близкородственными хеттам лувийцами и называлась в целом Лувией. В состав стран Арцавы входила и Вилуса (многие ученые полагают, что так называлась область г. Трои, или Илиона). В более раннюю эпоху Арцава поддерживала связь с далеким Египтом, что хорошо видно из одного письма фараона Аменхетепа III, составленного на хеттско-неситском языке и адресованного царю Арцавы (фараон обращается к царю с просьбой прислать в его гарем дочь).

После военных операций сына Тутхалии, Суппилулиумы I, и сына последнего, Мурсили II, страны Арцавы были завоеваны и почти с каждой были заключены мирные договоры. Правители арцавских стран обязались регулярно отправлять в Хатти военные вспомогательные отряды вместе с боевыми колесницами, систематически посылать дань хеттскому правителю, своевременно выдавать беглецов из Хатти и т.д. Хетты же обещали помогать Арцаве в случае появления врага. Мирные договоры скреплялись клятвой верности, однако она была ненадежной, ибо правители стран Арцавы при любой возможности отлагались от хеттов.

Хеттские исторические документы периода Нового царства полны описаний борьбы хеттов с племенами касков, обитавшими на севере и северо-востоке от Хатти, в горах вдоль южного побережья Черного моря. Особенно многочисленны сведения о касках в «Анналах Суппилулиумы I» и «Анналах Мурсили II». Хеттские тексты сообщают нам, что в стране касков «правление одного [человека] не было принято», т.е. у них не было царя и они все еще находились на первобытнообщинной ступени общественного развития. Однако со времени царствования Мурсили II некоторые правители каскской страны (например, Пиххуния из каскской области Типия) начинают править своей страной «не по-каскски», а «по-царски».

Борьба с касками носила систематический характер еще со времени царствования Тутхалии III, что было вызвано как частыми набегами касков на территорию хеттов, так и захватническими стремлениями хеттских правителей. Каски не только разоряли пограничные с Хатти области, но иногда вторгались в глубь страны, угрожая самой столице хеттов. Каскский вопрос не смог окончательно урегулировать никто из хеттских правителей, хотя иногда с касками и заключались мирные договоры. Военные походы хеттов против касков лишь временно приостанавливали их разорительные набеги.

На восточной периферии Малой Азии хетты подчинили Ацци-Хайасу, с

[2] Некоторые исследователи вообще отрицают существование Среднехеттского царства. — *Примеч. ред.*

народом и с правителем которой Хукканой Суппилулиума заключил мирный договор, по которому Хуккана получал в жены хеттскую царевну, но который запрещал ему, между прочим, претендовать на других женщин хеттского царского дома, что показывает наличие в Хайасе пережитков весьма древних брачных отношений (право на сожительство с сестрами и кузинами жены).

Крупных результатов добились хетты в это время в борьбе за Северную Сирию. Воспользовавшись временным ослаблением Хатти после падения Древнего царства, а также г. Ашшур, господствовавшего до тех пор в Северной Месопотамии, митаннийцы добились крупных успехов к западу от Евфрата, в особенности в Северной Сирии: Халеб, Алалах, Каркемиш и другие царства находились в сфере их политической гегемонии.

Суппилулиума I положил конец могуществу Митанни. Переправившись через верхний Евфрат, хеттские войска вторглись в мелкие хурритские царства в долине этой реки и вышли с севера к Вашшукканне — столице Митанни. Хетты разгромили столицу, но претендент на трон Митанни отступил, не приняв боя. На престол Митанни Суппилулиума посадил своего сторонника Шаттиваззу, выдав за него замуж свою дочь. После успешных походов Суппилулиумы в Северную Сирию царство Митанни потеряло все свои владения к западу от Евфрата. Затем Митанни не смогло отразить удары ассирийцев и к концу XIII в. до х.э. превратилось в составную часть Ассирийской державы. Суппилулиума I не только разгромил Митанни, но и сумел свергнуть почти всех правителей зависевших от него сирийских княжеств, простиравшихся до Ливанских гор. С этого периода начинается длительное господство хеттов в Северной Сирии. После завоевания Халеба, а также Каркемиша, важного города у переправы через Евфрат, Суппилулиума посадил на трон в этих городах своих сыновей — Пияссили и Телепину, заложив этим основу хеттских династий в Каркемише и Халебе, просуществовавших очень долго. Суппилулиума вновь завоевал и Алалах, которым в то время владели хурриты. И здесь хетты удерживали господство до конца существования их царства. В период Новохеттского государства под сильным влиянием хеттов находились и другие княжества Сирии. Господство грозного северного соседа укреплялось в Сирии периодическим появлением здесь хеттского войска.

При Суппилулиуме отношения между Хатти и Египтом были поначалу дружественными. Доказательство этому — поздравительное письмо Суппилулиумы фараону Эхнатону в связи с его вступлением на трон. Но политика хеттов в Сирии привела их к столкновению с Египтом (о ходе этой борьбы, завершившейся мирным договором и разделом «сфер влияния», см. гл. XXI).

Хеттские клинописные тексты периода Нового царства содержат немало сведений о контактах хеттов с государством Аххиява (видимо, то же, что «Акайваша» египетских текстов). Аххиява упоминается в связи с районами, расположенными на западе и юго-западе Малой Азии. Само название некоторыми учеными отождествляется с термином «ахейцы», обозначавшим у Гомера союз древнегреческих племен, хотя другие ученые по лингвистическим соображениям решительно отвергают это отождествление. Аххиява все еще не локализована окончательно; исследователи допускали возможность искать ее на Родосе или Кипре, на Крите или где-то в Анатолии (на юго-западе, западе или северо-западе).

Между Аххиявой и Хатти существовали дружественные отношения со времен царствования Суппилулиумы I. Однако впоследствии эти отноше-

ния ухудшились, так как Аххиява стремилась укрепиться на юге и юго-западе Малой Азии, в особенности в г. Милаванда (возможно, позднейший Милет), а также в Аласии (о-в Кипр), где сталкивались интересы обеих держав. Ко второй половине XIII в. до х.э. «человек [из] Аххия[вы]», т.е. правитель этой страны, все чаще опустошал территории стран, зависевших от хеттов и расположенных на далеком западе Анатолии.

С этого времени и начинается постепенный упадок могущества Хеттской державы. Каскские племена по-прежнему атаковали северные пограничные районы ослабевшего соседа. На востоке же Малой Азии активизировались различные политические объединения долины верхнего Евфрата (Паххува, Цухма и др.). Неблагоприятное положение создалось для хеттов и в странах Арцавы, стремившихся получить политическую независимость, чему способствовало усиление в самом Хатти культурно-религиозного влияния лувийского мира.

К концу XIII в. до х.э. Хеттское царство переживало внутригосударственный кризис. Непрерывные военные походы сильно ослабили экономику страны, разорив различные отрасли хозяйства. Из одного письма, адресованного хеттским царем правителю Угарита, выясняется, что в это время Хатти испытывало большую нехватку продовольствия. Ко всему прибавилось вторжение в Малую Азию племен эгейского мира, названных в египетских источниках «народами моря»[3]. «Ни одна страна, начиная с Хатти, не устояла перед их войсками», — отмечается в одной из египетских надписей. В хеттских же источниках не сохранилось сведений об этой катастрофе, разразившейся, видимо, при последнем царе хеттов — Суппилулиуме II.

Приблизительно к 1200 г. до х.э. или несколько позже некогда грозное царство Хатти навсегда пало вместе со своей столицей Хаттусой. Восточная Малая Азия запустела на триста-четыреста лет. В те же годы в войне с ахейцами погибла и знаменитая Троя, связывавшая цивилизации Малой Азии и Балканского полуострова.

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ХАТТИ

Сельскохозяйственное производство в Хатти, непосредственно зависевшее от географических и климатических факторов, определивших специфические черты хеттского общества, как известно, не было основано на ирригационной системе, хотя хетты не игнорировали искусственного орошения. Маловодность рек, узость речных долин и горный рельеф Центральной Малой Азии не позволяли развить широкую оросительную систему, как это было в обществах, основанных на ирригации (в Двуречье, Египте, Индии, Китае).

Однако территория расселения племен, проживавших в Центральной Малой Азии, была неплохой базой для развития земледелия и скотоводства (континентальный климат с холодной и снежной зимой и знойным летом,

[3] Египетские источники называют целый ряд «народов моря», но с уверенностью отождествлять их нельзя. Возможно, в числе их были ахейцы ('кйвш, условно читается акайваша), ликийцы с юго-запада Малой Азии (рк, условно рукка, лукка), сикулы (шкрш, шикулаи), филистимляне (прст), этруски (? — трш, условно турша) и др. Напомним, что в египетском письме гласные не обозначались. — *Примеч. ред.*

степные просторы), а также ремесла. Сельскохозяйственное производство почти всецело поглощало труд хеттского населения и являлось основой существования всего общества Центральной Анатолии.

Земледелие в Хатти достигло значительного для того времени развития и превратилось в многоотраслевое хозяйство, в состав которого помимо хлебопашества входили также садоводство, виноградарство, выращивание масличных культур и т.д. Существовали самые различные земельные участки в зависимости от их назначения: поля, сады, виноградники, луга, пастбища, леса, горные участки, огороды, поля для бахчевых культур и овощей и др. Обращалось внимание на месторасположение земельных участков, характер почвы, близость воды, наличие орошения, виды культивируемых растений. Строили небольшие плотины, каналы, резервуары для хранения дождевой воды. Государственная власть заботилась о строительстве, эксплуатации, очистке и охране подобных сооружений и сурово карала за их нарушение. Обработка земли производилась при помощи мотыги, лопаты и сохи (иногда с металлическим лемехом). В плуг впрягали волов.

Основной сельскохозяйственной культурой являлись хлебные злаки (ячмень, который рассматривался как мерило стоимости, пшеница, эммер). Большое внимание уделялось садовым культурам (плодовые деревья, фрукты, оливковое дерево) и виноградникам. Бóльшая часть хеттских законов имеет непосредственное отношение к сельскохозяйственным культурам и содержит наказания за их повреждение.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства у хеттов являлось скотоводство. Животных часто делили на крупный (бык, мул, осел и др.) и мелкий скот (овца, коза, свинья и т.д.); особо выделялись лошади, которые играли важную роль в военном деле: появление и широкое применение военной колесницы было связано именно с развитием коневодства. Хетты учились наиболее совершенным методам тренировки боевых коней по хурритским пособиям, переведенным на хеттский язык из учебника хурритского коневода Киккули. Хеттские законы сохранили нам сведения о ценах на различный скот.

Хетты классифицировали скот по возрасту, породистости и назначению, в основе же подсчета численности скота лежали «единицы измерения»: бык и овца. Эта последняя являлась мерилом стоимости и приравнивалась к денежной единице — 1 сиклю серебра. Большую ценность представлял пахотный бык (вол), как и племенной бык и племенная лошадь, за кражу которых устанавливалась огромная компенсация (10—15-кратное возмещение). Вообще, скот был поставлен под защиту закона. Наказания за воровство скота, а также за другие преступления в связи со скотом были довольно суровы.

В Хатти были развиты птицеводство и пчеловодство. Занимались и рыболовством и охотой.

Развитие разных отраслей сельского хозяйства имело важнейшее значение для общего экономического благосостояния населения и удовлетворения его потребностей. Производимые продукты земледелия и скотоводства использовались не только для внутренних потребностей жителей Хатти (в том числе в религиозной сфере для различных ритуалов и жертвоприношений), но и для товарного производства, обслуживавшего внутренний и внешний рынок.

Значительного развития достигли различные ремесленные производства, в особенности гончарное дело и металлургия. В письменных источни-

ках хорошо отражена деятельность плотников, каменщиков, ювелиров, гончаров, пекарей, сапожников, прядильщиков, портных, ткачей, рыбаков, поваров, медников, «делателей» разных металлов и др. Иногда встречаются кварталы, которые можно определить как профессиональные мастерские. Поблизости от Аладжа-Хююка был раскопан квартал горшечников с двумя печами для обжига гончарных изделий. В Богазкёе обнаружен квартал, в доме-мастерской которого осталось большое количество металлургического шлака. Прядением и ткачеством занимались на дому: большое количество веретен и грузиков от ткацких «станков» обнаружено во многих поселениях Центральной Анатолии.

Добыча и обработка металлов (меди, бронзы, золота, серебра, железа) и поделочных камней (ляпис-лазури, мрамора, яшмы, диорита) издавна занимали значительное место в хозяйственной жизни населения Малой Азии, территория которой была богата полезными ископаемыми. Наиболее распространенными металлами у хеттов были медь и бронза, из которых производили основные виды орудий производства, оружия, различной утвари, культового инвентаря, украшений и т.п. Золото и серебро имели меньшее практическое применение, если не считать их важное значение (в особенности серебра) в качестве мерила стоимости. Из них изготовлялись посуда, различные украшения, предметы культово-ритуального значения и т.д.

Производство и применение железа занимали особое место в хозяйственной жизни хеттов, что подтверждается и новейшими данными хеттских клинописных текстов, датируемых XV—XIII вв. до х.э. Существовали разные виды метеоритного и земного, рудничного железа («железо» и «небесное железо», «черное железо», «хорошее железо», «железо очага»). По обработке «хорошего железа» (видимо, стали) Центральная Малая Азия занимала исключительное положение среди современных хеттам стран Ближнего Востока, которым также была известна железная металлургия. В хеттских текстах сохранились сведения о весе (от 1 сикля, т.е. ок. 8,4 г, до 90 мин, т.е. ок. 45 кг) и размерах (от 3 пядей до миниатюрных, не считая размеров трона, скипетра, копья, кинжала, многих сосудов и т.д.) железных изделий. В большом количестве изготовлялись из железа ларцы, какие-то «длинные сосуды», кинжалы и ножи и их лезвия (клинки), постаменты для статуэток божеств, сами статуэтки, булавы, гвозди (колышки), молотки, топоры, разные предметы культово-ритуального назначения, предметы роскоши и т.д. В хеттских текстах упоминаются кузнецы по железу («железоделатели»), сопоставляемые с кузнецами по золоту, серебру и меди. Железо производили в разных местах Хеттского государства, в особенности в северных и северо-восточных районах.

Торговые отношения развивались в Хатти, правда, не так интенсивно, как это было в Анатолии во время «каппадокийских» табличек (XX—XVIII вв. до х.э.), однако торговля в Хеттском государстве была высоко развита. Если в период ассирийских торговых колоний в Малой Азии ведущую роль в торговле играли иностранные купцы, то в хеттскую эпоху положение изменилось: основные торговые операции в Хатти вели хеттские купцы. Объектами купли-продажи были скот, металлы, поделочные камни, рабы (в основном из числа депортированных), земельные участки, мясо, кожа, разные сельскохозяйственные продукты, ткани, одежда и многие другие товары. Хеттские купцы активно участвовали во внешнеторговых операциях, охватывавших многие страны Ближнего Востока. Функцию денег выполняло серебро, эквивалентом которого часто выступала овца

(стоимость могла оцениваться и в зерне). Значительно реже в качестве денег выступали золото и медь. Были установлены цены на различные товары.

Формы землевладения и землепользования были разными. В Хеттском государстве существовали царские (дворцовые), храмовые и частные (общинные) земли. Царские и храмовые земли находились в непосредственном распоряжении верховной государственной власти, ибо царь уже считался не только верховным правителем страны, но и верховным жрецом, следовательно, главным собственником дворцовых и храмовых земель. Однако он не был собственником всех земель страны. Определенная часть земли находилась вне государственного хозяйства (сектора). Такие земли свободно отчуждались (куплей-продажей, дарением и т.д.).

Государственные земли могли быть переданы — обычно в виде целых поселений — разным царским (дворцовым) и храмовым хозяйствам. Царское хозяйство охватывало разные «дома»-хозяйства: «дом царя» (иногда называвшийся «домом Солнца»), «дом царицы», «дом дворца» и т.д., в которых трудились различные категории непосредственных производителей. Определенная часть их была прикреплена к «дому». В числе храмовых хозяйств были «дома бога» (т.е. храмы), так называемые каменные дома, дома печати, дома таблички и т.п. Они имели собственные контингенты непосредственных производителей, часто также прикрепленных к землям этих храмовых (а также вообще культовых, например заупокойных) хозяйств. «Дома» передавались в эксплуатацию различным царским или храмовым служащим, как правило вместе с рабочим персоналом, прикрепленным к земле того или иного поселения. Выдавались участки и без персонала.

Крупные «дома» государственного сектора распадались в конечном счете на мелкие хозяйства — индивидуальные «дома», которые и служили основными производственными ячейками в хеттском обществе. Владение и пользование государственной землей были связаны с выполнением государственных повинностей двух типов — *саххан* и *луцци*. Саххан — это натуральная повинность, она обязывала отдельных непосредственных производителей или крупные хозяйства поставлять в готовом виде всякого вида производственную продукцию (молочные или другие продукты питания, шерсть, изделия ремесла и т.д.), а также скот в пользу царя и крупных государственных служащих («господина страны», начальника округа, градоначальника и т.д.). Луцци — трудовая повинность, она состояла в выполнении работ на полях или виноградниках, вспашке земли, ремонте крепостей, строительных или других государственных и общественных работах в пользу правителя страны (дворца) или государственных сановников. Эти повинности включали в себя и обязанности царского служащего или крупного государственного хозяйства поставлять государству вспомогательные отряды, которые включались в хеттское войско.

От выполнения саххана и луцци освобождались только по специальному указу царя. Обычно от государственных повинностей освобождались храмы, непосредственные производители которых трудились только в пользу «бога». Однако бывали случаи и двойной эксплуатации, когда непосредственного производителя заставляли работать как на царя или его сановников, так и на храм.

Хеттские законы делят хеттское общество на свободных людей и на противопоставленных им несвободных («рабов»). С самого начала «свободными» назывались лица, освобожденные царем (дворцом) от государствен-

ных повинностей саххан и луцци не только в пользу царя (дворца) или крупных государственных служащих, но и в пользу храма, а также других культовых учреждений. Свободные от всех повинностей люди постепенно становились «знатными, почетными, благородными», т.е. социально свободными. Из них образовался верхний, господствующий слой общества (царские служащие, военачальники, разные представители администрации, храмовые служащие и др., владевшие крупными земельными участками), для которого трудовая деятельность становилась уже позорным занятием или одной из форм наказания. Впоследствии же — с периода Новохеттского царства — выражение «свободный человек» обозначало все категории социально свободных людей — от высших слоев общества до низших его групп.

«Несвободными» же были лица, лишенные социальной свободы, находившиеся в определенной зависимости (самым бесправным существом был раб в прямом значении слова, так как он был собственностью хозяина). Существовали разные категории «несвободных». Такими были как совершенно бесправные рабы, всегда являвшиеся объектами права и стоявшие вне гражданской общины, так и те, которые имели определенные права — были субъектами права, членами гражданской общины. Они имели свои «дома» (хозяйства), включавшие в себя семью, земельный участок (как правило, только на правах владения), определенное количество собственного скота и рабочий персонал — своих рабов. При всем этом создавалась экономическая возможность для известной материальной заинтересованности и хозяйственной инициативы мелких производителей материальных благ. С правовой точки зрения все категории непосредственных производителей составляли единый эксплуатируемый класс-сословие «зависимых, несвободных, подневольных людей» хеттского общества.

Война обеспечивала хеттское общество подсобной рабочей силой и материальными благами. В походах хетты захватывали много пленных. Только Мурсили II привел из арцавских стран 66 тыс. пленных, названных в «Анналах Мурсили II» шумерским термином *нам-ра* (по-хеттски читался как *арнувала*), т.е. «депортированные» (уведенное в плен население покоренной территории). Часть из этих депортированных обращали в рабов различных категорий, других поселяли на землю в качестве обязанных повинностью подданных хеттского царя (иногда их зачисляли и в войско). По истечении определенного времени они оказывались приравненными к трудовому населению самой страны Хатти.

В хеттских источниках довольно четко отражены формы эксплуатации: рабская и нерабская.

Рабскую эксплуатацию в хеттском обществе не следует рассматривать как главный фактор, определяющий характер хеттского социального организма. Этот последний определялся общественным слоем социально свободных, но экономически зависимых хеттских общинников как основных производителей материальных благ в Хеттском государстве. И в количественном отношении свободный общинник был основной фигурой хеттского общества. Правда, иногда происходил процесс вытеснения труда общинников рабским трудом, который временно даже приобретал преобладающее значение. Наибольшее применение рабского труда имело место в эпоху Новохеттского царства, когда хетты с успехом вели завоевательные войны. В мирное же время (в особенности с периода царствования Хаттусили III) приток депортированных людей прекращался, что сказывалось на социальном составе населения, число рабов резко уменьшалось, а сельская община

приобретала прочное положение. В таких случаях рабство принимало патриархальный характер и значительно уменьшалась его роль в экономике страны.

Нерабская эксплуатация была выражена в формах отработочной повинности, а также наемного труда. Способы рабской эксплуатации сочетались с формами нерабской эксплуатации.

Государство у хеттов имело рыхлую структуру. В этом отношении оно не отличалось от Митанни и других сравнительно недолговечных государственных образований Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии. Кроме городов и областей, подчинявшихся непосредственно царю или царице, существовали мелкие полузависимые царства (для царевичей), а также области, выделенные в управление крупным сановникам. Во главе всего государства стояли царь (*хассу*), носивший (в отличие от менее значительных царей) также титул *табарна*, и царица, которая могла носить титул *тавананна*. Царь выполнял важные военные, культово-религиозные, правовые, дипломатические и экономические функции. Царица-тавананна наряду с царем занимала высокое положение в хеттской социальной организации: она была верховной жрицей с широким кругом культовых и политических прав и обязанностей, получала самостоятельные доходы.

При царском дворе находилось множество должностных лиц и служителей: «сыновья дворца», «оруженосцы золотого копья», «люди жезла», «надсмотрщики над тысячей», «виночерпии», «стольники», «повара», «чашники», «брадобреи», «хлебопеки», «доильщики» и др. Царя обслуживали «кожевники», «сапожники», «изготовители царских боевых колесниц» и т.д. Они назывались «рабами (слугами) царя», хотя не были рабами в прямом смысле слова. Все они получали за службу участок земли на прокорм.

Храмы представляли собой крупные хозяйства, аналогичные по структуре царскому. Служителями храма были «великие жрецы», «малые жрецы», «помазанники», «музыканты», «певчие», служители «кухни» («кравчие», «стольники», «повара», «хлебопеки», «виноделы»), непосредственные производители (пахари, пастухи, овцеводы, садовники). Все они обозначены как «божьи рабы и рабыни». В действительности же и они не были собственно рабами.

5. ПРАВО И ЗАКОН

Законам у хеттов приписывалось божественное происхождение, хотя в их текстах это и не отражено. Дошедший до нас сборник законов состоит из двух основных таблиц, которые были составлены еще в начале древнехеттского периода (существует и позднейший вариант законов, датируемый XIII в. до х.э.). Хеттские законы уделяли большое внимание защите собственности, в особенности собственности «свободного» человека. Они устанавливали твердый тариф цен — доказательство известного развития товарно-денежной системы (приводятся и цены на рабов-ремесленников: гончаров, кузнецов, плотников, кожевников, портных, ткачей, птицеловов — от 10 до 25 сиклей серебра). Целый ряд параграфов посвящен семейному праву, а также праву наследования. Семья у хеттов носила патриархальный характер: во главе ее стоял отец. Его власть распространялась не только на семейную собственность, но и на жену и детей, хотя права

главы семьи по отношению к ее членам не были безграничны. Существовали различные формы брака: брак, подразумевавший уплату определенной суммы со стороны семьи жениха; брак эрребу, при котором зять входил в семью невесты, уплатившую выкуп; брак-похищение. Разрешались браки между различными категориями свободных и несвободных.

6. ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

Если в результате слияния хаттских и индоевропейских племен образовался хеттский этнос, то в процессе слияния культурных достижений этих двух этнических групп была создана хеттская культура, которая с самого начала характеризовалась обилием местных, хаттских традиций. В образовании хеттской культуры значительную роль сыграли также хурритский и лувийский культурные элементы. На нее оказали влияние также северосирийский и шумеро-аккадский культурные миры.

Богазкёйский архив сохранил нам богатую хеттскую литературу, содержащую тексты официального характера (указы царей, анналы), а также мифы, легенды. Благодаря этому архиву мы познакомились с одной из самых ранних автобиографий — «Автобиографией Хаттусили III». В новохеттский период было переведено на хеттский язык значительное число произведений литературы народов Ближнего Востока («Эпос о Гильгамеше», хурритские мифы). Наибольшее значение имеют хурритское эпическое повествование о царстве на небесах, в котором рассказывается о переходе власти от одной династии богов к другой, и хурритская эпическая поэма о боге Кумарби — «Песнь об Улликумми». Эти произведения служат звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой мифологической и поэтической традицией, в частности с «Теогонией» Гесиода. Сюжет поэмы о смене четырех поколений богов на небесах аналогичен рассказу Гесиода о переходе власти от Урана к Кроносу и от Кроноса к Зевсу[4]. Сюжет «Песни об Улликумми» очень похож на гесиодовский миф о Тифоне.

Довольно богата хеттская мифологическая литература, включившая в себя и мифы хаттского происхождения. Один из них — «Миф об Иллуянке», легший в основу протохеттского новогоднего ритуала. Ритуал передавал битву между божественным героем и его противником — драконом Иллуянкой, происходившую в связи с приближением Нового года. Эту схватку сравнивают с ритуальными сражениями, которые отмечены во время новогодних праздников у разных народов мира. К хаттской традиции восходит миф о временно исчезающем и вновь появляющемся божестве — «Миф о Телепину». Одним из атрибутов культа этого божества было вечнозеленое дерево, что очень напоминает использование елки в рождественских и новогодних празднествах.

Памятники хеттского искусства обращают на себя внимание многообразием и оригинальностью форм и типов (серебряные и бронзовые фигурки животных, чаши и кувшины из золота, золотые орнаменты, так называемые штандарты, иногда с изображением оленя). Уникальны каменные идолы из Кюль-тепе, образцы керамики (посуда, ритоны, вазы). С периода

[4] Вероятно, «Теогония» через посредство хурритского эпоса восходит к недавно опубликованной вавилонской поэме о смене поколений богов. — *Примеч. ред.*

Новохеттского царства в Центральной Малой Азии появляется монументальный стиль в разных областях искусства (рельефы на камне, изображения животных — сфинксы, львы), а также в архитектуре. Высокого уровня достигла в Хатти обработка камня, прекрасным примером которой является высеченная в скале скульптурная галерея в Язылыкая. Сохранились оригинальные образцы хеттской глиптики: на царских печатях помещены надписи, выполненные «хеттской» (на самом деле лувийской) иероглификой и хеттской клинописью.

Хеттская религия играла колоссальную роль в идеологической и хозяйственной жизни общества. Как считали сами хетты, существовала «тысяча богов Хатти», включавшая божества хаттского, индоевропейского (неситского, лувийского, палайского, арийского), хурритского, ассиро-вавилонского и другого происхождения. Главным божеством был бог грозы, именуемый «царем неба, господином страны Хатти», супругой которого считалась богиня Солнца из Аринны — «госпожа страны Хатти, неба и земли, госпожа царей и цариц Хатти».

Традиции хеттской культуры не исчезли и после падения Хеттской державы. Многие из них продолжались в позднюю эпоху в Северной Сирии и на восточной периферии Анатолии, где в I тысячелетии до х.э. образовалось несколько «новохеттских» (на самом деле лувийских) княжеств, общим названием которых было также «Хатти». Видимо, какие-то группы хетто-лувийцев сохранялись и далее к югу, что легло в основу библейских преданий относительно существования хеттов в Палестине и Сирии с древнейших времен[5].

[5] Что касается хеттских традиций в Центральной и Западной Анатолии, то об этом известно очень мало. Но, по-видимому, византийский геральдический символ — двуглавый орел, позаимствованный позднее Русью, восходит к хеттской культуре. — *Примеч. ред.*

Глава VIII

СИРИЯ, ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА в III—II тысячелетиях до х.э.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Здесь и в дальнейшем названия «Сирия, Финикия и Палестина» будут употребляться исключительно в их древнем значении, когда Сирия включала в себя лишь западную часть современного государства (от р. Евфрат до Средиземного моря) и отчасти прилежащие области Турции к югу от гор Тавра; древняя Финикия примерно соответствовала современному государству Ливан; древняя Палестина занимала не только территорию, выделенную по решению Организации Объединенных Наций государству Израиль, а также территорию палестинских арабов, но и современную Иорданию (эта часть древней Палестины называлась также «Заиорданьем»).

В природном отношении эти области весьма разнообразны. От Египта древняя Палестина была отделена пустыней; сама Палестина — страна природных контрастов: к западу от р. Иордан она занята нагорьем и отчасти оазисами и плодородными долинами; плодородная низменность тянется и вдоль Средиземного моря. А на севере поднимаются нередко покрытые снегом вершины. Заиорданье было отделено от остальной Палестины глубокой, заросшей влажным лесом и чащами папируса впадиной р. Иордан и соленым Мертвым морем с его выжженными солнцем, почти безжизненными берегами; горное или холмистое Заиорданье, покрытое степной растительностью, постепенно переходило в Сирийско-Аравийскую полупустыню.

Финикия отгорожена от остальной Передней Азии высоким горным хребтом Ливана с кедровыми и смешанными лесами, альпийскими лугами и снежными вершинами. Склоны Ливана, обращенные к морю, покрывала вечнозеленая средиземноморская растительность, и влажные морские ветры, приносившие дожди, делали ненужным искусственное орошение.

К востоку от Ливана расположена Сирия. Ее с юга на север прорезает долина между Ливаном и Антиливаном; в южной части она называется Бека'а или Келесирия; здесь на юг течет речка Литани, прорывающаяся к морю, а на север — река Оронт (ныне аль-Аси); за Антиливаном, в сторону Сирийской полупустыни, находился большой оазис Дамаска, а за ним шли бесплодные лавовые поля; караванный путь, которому обычно угрожали скотоводческие племена, проходил через маленький оазис Пальмиру в сторону среднего течения Евфрата. Излучина этой реки составляла в древности северо-восточную границу Сирии. Северная Сирия простиралась от Средиземного моря (куда, пройдя через ныне уже почти не существующие озера и болота, впадала, сворачивая к западу, р. Оронт) до гор Малоазийского Тавра и переправ через Евфрат. Устье Оронта широко открывало доступ ветрам со Средиземного моря в эту холмистую страну, и поэтому она была достаточно плодородна.

Уже из этого описания ясно, что Восточное Средиземноморье (под этим названием можно объединить все эти три исторические области) не пред-

ставляло собой в природном отношении ничего целостного и единообразного; здесь встречались и пустыни, и плодородные низменности, и нагорья, и вечнозеленая растительность, и болота, и снежные горы. Но не существовало полноводных разливающихся рек, на основе которых могла бы возникнуть обширная ирригационная система. Страна была в древности богата ценными породами леса, но полезных ископаемых здесь тогда открыли сравнительно мало. Если через Сирию и Палестину провозили медь, то она шла либо с юга, с Синайского полуострова, либо с севера, от верховьев р. Тигр, либо с запада — с о-ва Кипр. Лишь позже на юге Палестины стали добывать медь, железо и естественный асфальт. Зато здесь всегда проходили важнейшие караванные пути — из Египта в Малую Азию и Месопотамию и обратно. Заметим, что если в нашем представлении слово «караван» связывается с вереницей верблюдов, то древние караваны перевозили грузы на ослах; самых выносливых разводили на продажу в дамасском оазисе.

В пещерах Восточного Средиземноморья найдены едва ли не самые архаические останки «Человека разумного». Палестина, Сирия, Малая Азия, горы Верхней Месопотамии и области за Тигром были самой первой родиной скотоводства и особенно земледелия. К XI—X тысячелетиям до х.э. относится натуфийская культура (названная так по сухому руслу Натуф в Палестине), по мнению некоторых исследователей, созданная первыми носителями афразийских языков. Натуфийцы жили в полуземлянках из глины, песка и камня, жали дикие злаки специальными деревянными серпами с кремневыми зубьями, возможно, начали приручать дикий мелкий скот. В Палестине (в Иерихоне), так же как в Чатал-Хююке (в Малой Азии) и в некоторых пунктах Сирии, уже в VIII тысячелетии до х.э. существовали процветающие земледельческие поселки, иногда (как в Иерихоне) обнесенные мощными каменными стенами еще в раннем неолите. Есть основание полагать, что именно Палестина—Сирия была центром расселения одной из групп племен, говоривших на афразийских языках, — семитов; отсюда они распространились по всему Аравийскому полуострову (южноаравийцы и арабы), Восточному Средиземноморью (западные семиты) и Месопотамии (аккадцы). Ни одно из этих племен первоначально не было вполне кочевым, зато чем дальше в глубь степей и полупустынь, занимавших в IV—III тысячелетиях до х.э. Аравию, тем большую роль играло скотоводство и тем меньшую — земледелие.

Однако в дальнейшем — может быть, в связи с постоянным движением племен и войск по сиро-палестинским тропам или в связи с недостатком сырья, необходимого для техники медно-каменного и затем бронзового века, — развитие общества здесь определенно замедлилось по сравнению с Южной Месопотамией и Египтом; во второй половине III тысячелетия до х.э. подлинные города-государства типа шумеро-аккадских возникли здесь лишь в Северной Сирии (где процветал, в числе прочих, важный город Эбла, связанный со Средней и Южной Месопотамией), а также в одном пункте на финикийском побережье — в г. Библ, центре вывоза драгоценного кедра в Египет.

Изучение древнейших географических названий на этой территории и отчасти непосредственные данные египетских и месопотамских текстов заставляют считать, что Восточное Средиземноморье по крайней мере с III тысячелетия до х.э. было заселено различными группами западных семитов. Они могут быть классифицированы по некоторым особенностям их говоров. Условно эти говоры можно разделить так: эблаитский говор осед-

лого населения Северной Сирии и Северо-Западной Месопотамии; аморейские говоры преимущественно скотоводческого населения этих же или несколько более широких территорий; ханаанейские говоры Палестины и Финикии; арамейские говоры племен, выступивших на историческую арену несколько позже, а пока обитавших в глубине Аравийского полуострова в контакте с племенами арабов.

Помимо этого с III тысячелетия до х.э. с гор вокруг озер Ван и Урмия (на территории совр. Турции и Ирана), а в конечном счете из Закавказья отдельными волнами через Верхнюю Месопотамию и Сирию шло продвижение хурритских племен, о которых речь шла в предыдущих главах; первая волна во второй половине III тысячелетия до х.э. достигла Северной Палестины. При династии Аккаде (XXIII в. до х.э.) в Северную Сирию проникали месопотамские войска, а позже, при III династии Ура (XXI в. до х.э.), на Северную Сирию и Библ временно распространило свою власть царство Шумера и Аккада. Несколько позднее начали свои набеги на Палестину фараоны египетского Среднего царства; Библ на некоторое время становится изолированным центром египетской культуры среди семитского населения (древние египтяне, как известно, говорили на афразийском языке другой, не семитской ветви). Однако к концу III тысячелетия до х.э. Библ и его египетский храм были сожжены; возможно, именно тогда, как гласит предание, на берегах Средиземного моря обосновалась та группа племен, вышедших из Северной Аравии и говоривших на западносемитском наречии ханаанейской группы, которая позже носила имя финикийцев. Севернее Библа сохранился говор аморейского типа, в частности в г. Угарит, впоследствии удачно соперничавшем с Библом.

К концу III тысячелетия до х.э. уже все Восточное Средиземноморье покрывается сетью раннеклассовых городов-государств; города были укреплены стенами, в центре их находились святилища и резиденции местных правителей, окруженные лепившимися друг к другу глинобитными и кирпичными домами, обычно двухэтажными, с открытой или зарешеченной галереей на верхнем этаже, где обитали хозяева. В нижнем, часто каменном, хранились запасы и ютились рабы. Города располагались почти исключительно по долинам; нагорья были мало населены, а по окраинам — в дамасском оазисе, Заиорданье и в других областях по краю пустыни — люди жили в шатрах и весной, когда степи цвели, откочевывали со стадами от засеянных в оазисе полей. Жизнь этих племен красочно описана в древнеегипетской «Повести о Синухете», а позже — в повествованиях Библии о племенных патриархах.

Основной ячейкой общества пастухов-амореев этого времени была родовая община, составлявшая часть племени, а иногда и племенного союза. Власть главы патриархальной большой семьи распространялась помимо его жен и детей также на семьи сыновей, на чужаков, присоединившихся к роду или усыновленных им, на рабов и рабынь. Патриарх распоряжался жизнью и смертью и всем имуществом этих лиц. Делами племенной общинной группы ведали совет «старцев» и вождь, которого выкликали на сходке всех взрослых мужчин-воинов. Время от времени вокруг того или иного предводителя складывались боевые дружины, которые могли явиться ядром родо-племенного ополчения. Иной раз споры между соседями решались единоборством силачей с той и другой стороны.

Оседлое земледельческое население, однако, преобладало. Крупнейший город Северной Палестины — Хацор занял к этому времени площадь в 50 га, очень большую по тогдашним временам. Хацор вел торговлю да-

леко — даже с Мари на Евфрате. В Финикии и приморской Сирии не только Библ, но и Угарит и ряд других поселков превратились хотя и в гораздо меньшие, чем Хацор (обычно раз в десять), но процветающие городки. Причиной расцвета было раннее развитие торговли в Финикии, и прежде всего с Египтом: финикийцы возили туда на кораблях строительный лес, и египтяне стремились держать в Библе своих царских чиновников. В то же время, как показывают торговая переписка из Каниша в Малой Азии и известия о постоянном следовании египетских царских людей через пастушеские районы, сухопутная торговля через Сирию как с Египтом, так и с Месопотамией и Малой Азией тоже имела серьезное значение. Важнее всего была, конечно, торговля транзитная, но и сама Сирия торговала лесом, вьючными ослами и слоновой костью (в Сирии тогда еще водились слоны). В соответствии с направлениями торговли, если на побережье ощущалось египетское влияние (в Библе найдено много египетских надписей), то во внутренних частях страны — также и аккадское: здесь не только много людей умели говорить по-египетски, но встречались и такие, кто мог писать клинописью.

Еще недавно считалось, что в III тысячелетии до х.э. Внутренняя Сирия не достигла уровня цивилизации; эта точка зрения изменилась после находок итальянской экспедиции на городище Телль-Мардих, под которым скрывался древний город Эбла. Теперь, таким образом, установлено существование в Сирии уже в III тысячелетии до х.э. цивилизации, не связанной с речной ирригацией.

Тексты из Эблы писаны шумерским письмом, сохраняющим архаические особенности времен РД II, хотя они современны периоду РД III в Нижней Месопотамии (XXVI—XXIII вв. до х.э.), но предназначены эти тексты для чтения по семитским правилам, однако не по-аккадски, а на ранее неизвестном семитском языке, который условно назван «эблаитским». Большинство текстов — хозяйственные документы, хотя имеются также шумеро-эблаитские словари и небольшое число религиозных текстов.

Эбла представляла собой город-государство, вероятно наиболее сильное в пределах земель по Евфрату, вплоть до долины р. Оронт: от Мари на среднем Евфрате до Катны в Южной Сирии; именно эти земли, возможно, соответствуют ареалу распространения «эблаитского» языка, но государственные пределы самой Эблы были значительно меньше. Вокруг городов здесь обитали уже тогда аморейские скотоводческие племена.

Территория собственно Эблы делилась на центральную (название не поддается прочтению) и периферийную (шум. *уру-бар*). Обе части земли были подчинены дворцу (или дворцу-храму), но первая входила в дворцовое хозяйство, а люди земли уру-бар были лишь обязаны поставками дворцу; многие из них были оседлыми скотоводами. Существовала ли еще земля, вовсе дворцу не подчиненная, — из документов не видно. Положение лиц, работавших на дворец, видимо, походило на илотское, но это подлежит еще уточнению.

Правитель Эблы носил титул *маликум*, буквально «тот, кому советуют»; в большинстве позднейших семитских языков, кроме аккадского, этот термин означает «царь», в отрезках текстов, писанных по-шумерски, он называется *эн*. При маликуме Эблы состояли два советника (в других городах — несколько) и ряд начальников — *шаррум* (шум. *лугаль*).

Дворец Эблы выходил на небольшую площадь, обнесенную лоджиями,

под одной из них был постамент, возможно для кресла правителя: здесь принимали послов и купцов из-за рубежа и, вероятно, поставщиков дани из владений самой Эблы. Сам дворец имел усложненную планировку «нанизываемой» структуры — к нему постоянно пристраивались новые помещения, и в конце концов он стал «сползать» с холма-цитадели на плоскость (в пределах городских стен).

Эбла была крупным центром международной торговли; в документах часто упоминаются странствующие торговцы, *лу-кар* — «люди пристани (рынка)». Во дворце были найдены большие запасы необработанного бадахшанского лазурита (из Афганистана) и обломки алебастровых сосудов из Египта, в том числе с надписями фараонов Хефрена и Пиопи I.

Однако такие товары привозили иноземцы, а не эблаитские купцы: просмотр документов показывает тесные связи Эблы только с городами Северной (сирийской) Месопотамии (Абарсаль, Мари), а также с областью за Тигром (Гасур) и с северным Шумером (Киш). Даже Угарит, всего в сотне километров к западу от Эблы на побережье Средиземного моря, упоминается только в словарном списке названий местностей, но не в деловых документах. Ни разу не упомянуты ни Библ, ни другие города Палестины и Сирии, не говоря уже о Египте, Малой Азии или Иранском нагорье. Египетские и подобные изделия попадали в Эблу, очевидно, через многих посредников.

Из сообщений царей династии Аккада (Саргона Древнего и Нарам-Суэна) следует, что они совершали походы против Эблы, и есть все основания считать, что Эбла была разрушена в правление ее последнего царя, Ибби-Зикира, Нарам-Суэном аккадским в конце XXIII в. до х.э. После этого Эбла вновь возродилась в начале II тысячелетия до х.э., но уже никогда не имела прежнего значения. Население ее к этому времени слилось с окружающими амореями.

В начале II тысячелетия до х.э. в Северной Сирии выдающуюся роль играло могущественное государство Ямхад со столицей в г. Халеб — аморейское по составу населения, аккадское по культуре. А в Южную Сирию (Катна) и даже вплоть до финикийского побережья проникает политическое влияние верхнемесопотамского царя Шамши-Адада I.

В городах-государствах Сирии, о которых мы имеем мало письменных данных (исключение составляют недостаточно изученные архивы XVIII в. до х.э. из г. Алалах к северу от нижнего Оронта), социальное устройство было, по-видимому, очень сходным с описанным ранее (гл. VI) для хурритского общества Аррапхи. Это объясняется не только тем, что в Алалахе жило много хурритов, но прежде всего одинаковым характером экономики и уровнем ее развития. Любопытно, что здесь царь города иногда жаловал или продавал своим имущественным агентам или просто приближенным целые общины; документы сформулированы именно как сделки дарения или купли-продажи, хотя полагают, что на самом деле речь идет лишь о передаче права получать с этих селений налоги и повинности. По-видимому, существовали как обратимые, так и необратимые сделки об отчуждении земли, иногда скрывавшие изъятие имущества за долги. Ростовщичество было сильно развито. Давали в долг и отдельные хозяева, и целые сельские общины. Очевидно, происходило интенсивное имущественное расслоение общества с обнищанием рядовых общинников, многие из них бежали и становились хапиру[1], скрываясь в пустынных районах Сирии.

[1] От высказывавшегося ранее предположения о том, что в термине «хапиру» следует ви-

Между концом XVIII и началом XVI в. до х.э. произошло просачивание в дельту Нила воинственных скотоводческих племенных групп — так называемых *гиксосов* — из Палестины или с Синая. Боевые отряды пришельцев постепенно захватили власть в северных номах Египта, и их вожди стали присваивать себе фараонские титулы. В Египте гиксосы потеряли свою этническую обособленность и слились с местным населением. Остается неясным, в какой мере они сохраняли господство в местах своего первоначального обитания. Но именно в это время наблюдаются признаки роста благосостояния в городах и сельских местностях Палестины; однако богатые, обширные и комфортабельные дома знати контрастировали с жалкими хижинами бедноты: процесс резкого имущественного расслоения шел и здесь. Палестина не была в это время политически едина. На частые междоусобные войны указывают мощные укрепления городов и археологические следы их разновременного разрушения неприятелями. Возможно, тем не менее, что палестинские города номинально признавали верховную власть гиксосского царя в г. Аварис; вторым гиксосским центром могла быть Газа в южной части палестинского побережья.

2. МИТАННИ И ФАРАОНОВСКИЙ ЕГИПЕТ

Во второй половине XVII в. до х.э. царство (или царства) гиксосов в Египте начинает клониться к упадку. С начала XVI в. в Восточном Средиземноморье появляется сразу несколько новых важных политических факторов.

На севере хурритская держава Митанни поглотила мелкие аккадские, хурритские и аморейские царства, не исключая могущественного некогда царства Ямхад на Евфрате, державшего ключи от Сирии. Идри-Ми, один из царей Алалаха того времени, рассказывает в своей надписи, как в его городе произошел переворот, как он вынужден был бежать на колеснице с одним верным колесничим к горным хапиру и провел там несколько лет, прежде чем снова смог овладеть городом, но уже, по-видимому, на условиях признания верховенства Парраттарны, царя Митанни.

Непосредственно государственная власть Митанни к западу от Евфрата вряд ли была когда-нибудь прочной, но распространение митаннийского влияния было значительным. Индоиранские и хурритские имена династов встречаются вплоть до конца XV в. до х.э. в самых разных городах обеих этих стран, притом что языками населения Сирии и Палестины оставались ханаанейские (на юге) и аморейские (на севере) западносемитские говоры (лишь отчасти также хурритские). Такое положение объясняется скорее всего тем, что династы были родичами митаннийских царей, потому что живого индоиранского языка за пределами Иранского нагорья в Передней Азии тогда не существовало.

Возвышение Митанни совпало со временем, когда были сделаны два важных изобретения, способных обогатить Сирию и Финикию. Около XVIII—XVII вв. до х.э. хурриты Верхней Месопотамии изобрели способ

деть древнейшую форму этнического названия «еврей», большинство современных исследователей решительно отказались, оно поддерживается лишь немногими.

изготовления мелкой посуды из непрозрачного цветного стекла. Эта техника распространилась впоследствии также в Финикии, Нижней Месопотамии и Египте, но в течение некоторого времени хурриты и финикийцы были монополистами в международной торговле стеклянными изделиями. Не позже конца XVI в. до х.э. в Финикии открыли способ окраски шерсти в лилово-красный и лилово-синий цвета пурпуром — краской, добываемой из морского моллюска. В связи с этим большое хозяйственное значение приобретает ввоз дешевой некрашеной шерсти (сама краска была нетранспортабельна). В маленьких городках ханаанейской Финикии стали скапливаться большие запасы хлеба и металлических изделий, поступавших в изобилии в обмен на пурпурную шерсть. Начинается оживленная торговля (а также и разбой) финикийцев в более отдаленных частях Средиземноморья. Примерно с 1400 г. до х.э. в Сирии и Палестине как свидетельство происходившей торговли появляется микенская и кипрская керамика; весьма вероятно, что финикийцы стали ввозить морем также испанское олово, что удешевило изготовление бронзы в Передней Азии (но это, может быть, происходило уже позже).

Возросшая роль купцов замедлила развитие в Финикии монархического строя месопотамского или египетского типа: хотя почти в каждом городке были цари, но в целом управление в них носило олигархический характер с известными пережитками первобытной демократии.

Расцвет ханаанейских городов Палестины и Финикии, аморейских и хурритских городов Сирии, которого можно было ожидать в этих условиях, не состоялся из-за начавшегося вскоре после 1600 г. до х.э. египетского завоевания. Гиксосская власть в Египте была уничтожена, а фараоны новой, XVIII династии перешли от отдельных набегов к планомерному наступлению на Палестину—Финикию—Сирию. Фараон Яхмес I занял последний оплот гиксосов в Южной Палестине; в последней четверти XVI в. фараон Тутмос I совершил поход до самого Евфрата; после мирного правления женщины-фараона Хатшепсут со времени ее преемника Тутмоса III начинается длительное кровавое и систематическое разорение ханаанейских городов. Каждый египетский поход завершался не включением пройденной территории в состав Египта, а лишь грабежом сел и городов (особенно дворцов), угоном скота и людей. Административные мероприятия фараонов были весьма примитивны. Было создано несколько египетских крепостей, контролировавших основные дороги и перевалы. Наличие гарнизонов побуждало местных правителей в течение возможно более длительного времени умиротворять завоевателя дарами и данью; в виде гарантии к египетскому двору забирали в качестве заложников их детей: сыновей воспитывали в духе преданности фараону, дочерей отдавали в его гарем. Но фараоны никогда не пытались распространить внутреннюю административную систему египетского государства на Палестину и Сирию в целом. Небольшие отряды, которые они держали при дворах отдельных царьков, имели значение скорее наблюдательное. Взимание налогов, например, не входило в их задачи: и ценности, и рабочая сила выкачивались из Палестины, Финикии и Сирии не регулярным обложением, а более или менее постоянными военными походами, сопровождавшимися грабежом и погромами на уже покоренной территории. Списки добычи, высеченные на стенах египетских каменных храмов (хотя, вероятно, не вполне достоверные по приводимым в них цифрам), перечисляют цветные ткани, лес, колесницы, слоновую кость и поделки из нее, золотые и серебряные изделия во множестве, большие количества зерна, масла, десятки и сотни тысяч угнанных

людей, сотни тысяч голов скота. Царьки и их знать, несомненно, старались наверстать потерянное усиленной эксплуатацией и закабалением своих же граждан, попавших в неоплатные долги. Значительная часть населения городов и окрестных сел, как видно, бежала из них, пополняя ряды хапиру. Потери сиро-палестинских государств от египетских нашествий к концу XV в. до х.э. составили уже, видимо, огромный процент населения.

Хотя фараонам удалось оттеснить митаннийские силы за Евфрат, сломить Митанни они не сумели. Митаннийские цари поддерживали постоянную связь с силами неорганизованного, но непрекращающегося сопротивления фараонам в их собственном сиро-палестинском тылу. Однажды египетским воинам удалось, например, схватить агентов митаннийского царя, несших на шейных шнурках глиняные таблички с клинописным текстом обращения к местным царькам. Главное же заключалось в том, что, чем роскошнее и богаче была добыча фараона, тем более замирала торговля по сиро-палестинскому пути, а без нее страна была недостаточно богата, чтобы непрерывно снабжать Египет всеми видами ценностей. В конце концов фараон Тутмос IV был вынужден договориться о мире и разделе сфер влияния с митаннийским царем Артадамой I. Северная Сирия с выходом к Средиземному морю осталась в зоне Митанни, а в своей зоне египетские фараоны сделали попытку наладить выкачивание средств без ежегодных военных погромов.

Конец XV — начало XIV в. до х.э. выделяются обычно в истории Палестины—Финикии—Сирии в качестве «Амарнского периода» по тому формальному признаку, что это время довольно подробно освещено дипломатическими клинописными документами, сохранившимися частью на городище Телль-Амарна в Египте (древняя столица фараона Аменхетепа IV — Эхнатона), частью на городище Богазкёй (древняя столица царей Хеттской державы). Участники дипломатической переписки пользовались клинописью и разными языками: касситские и митаннийские цари — аккадским (митаннийские — также и хурритским), хеттские — аккадским же и хеттским, царьки Восточного Средиземноморья — странным, искусственным полуаккадским, полуханаанейским языком.

В это время фараон держал своих резидентов в трех пунктах — на юге Палестины, на юге Сирии и на севере Финикии. В остальном порядок управления оставался прежним. Любопытно, что любого местного сиро-палестинского правителя могли именовать тремя разными обозначениями: для фараона он был «человек такого-то города», в дипломатических документах — «градоначальник», а для собственных подданных — «царь». Только правитель Хацора решался называть себя «царем» даже в письмах к фараону. Власть градоправителя, во всяком случае, всегда была ограничена советом старейшин, а в ряде случаев совет или даже «сыны города» (т.е. народное собрание) преспокойно правили городом и без царя, даже непосредственно сносились с другими правителями и с великими державами. Из палестинских городов-государств важнее других были Газру (Гезер), Лахиш, Иерусалим, Мегиддо, Хацор, в Финикии — Библ; важный торговый пункт Угарит на Средиземноморском побережье Сирии принадлежал скорее к митаннийской зоне влияния; в Южной Сирии особое значение имел город Кинза с ханаанейским прозвищем «Священная» (Кудшу; более известен под условным египтологическим обозначением Кадеш), Кинза-Кадеш закрывала доступ с юга в долину р. Оронт.

3. НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ХАПИРУ

В самом начале XIV в. до х.э. в горах между Финикией и Сирией возникло новое, весьма любопытное государство. Основное его население составляли хапиру, а так как они не имели определенного единого племенного или территориального происхождения, то и название новое государство получило весьма неопределенное — Амурру; до конца XV в. это поаккадски означало просто «запад, место обитания пастушеских племен» (которые поэтому назывались «амореями», т.е. «западными»; их самоназванием, видимо, было сутии). Хапиру уже и раньше, где могли, образовывали собственные самоуправляющиеся общины; часть из них шла на военную службу к местным царям (преимущественно подальше от фараоновского Египта), и все они были враждебны царской власти вообще и фараоновской в особенности.

Этими-то хапиру решил воспользоваться как орудием честолюбивый создатель царства Амурру — Абди-Аширта. По донесению, полученному фараоном Аменхетепом III, он произнес перед своими сторонниками такую речь: «Соберитесь, и нападем на Библ. И если там не будет человека, который освободил бы его из рук врага, то выгоним градоначальников из их областей, и тогда все области присоединятся к хапиру; и пусть настанет „справедливость“ для всех областей, и пусть будут в безопасности [от порабощения] юноши и девушки навеки. А если фараон пойдет против нас, то все области будут ему враждебны — что же он тогда сможет нам сделать?» Под термином «справедливость» в древней Передней Азии, как уже было сказано, понималось прежде всего освобождение от долгов и возвращение заложников, а по возможности также отнятых или скупленных земель. Итак, подданным всех мелких государств предлагалось прогнать своих «градоначальников» (царьков) и стать вольными хапиру, долговая кабала должна была быть отменена, а военной силе противопоставлено единодушие восставших. Неудивительно, что фараоновское правительство издавна преследовало, ловило и отправляло хапиру на рабский каторжный труд, например в каменоломни.

Абди-Аширта и после него его сын Азиру в своих письмах фараону из осторожности прикидывались его верными слугами, но одновременно через своих агентов систематически призывали население убивать своих «градоначальников», что и происходило там и сям по всей Финикии и Палестине; кое-где дело доходило до выступлений отдельных вооруженных групп рабов.

Между тем в 60-х годах XIV в. до х.э. хеттский царь Суппилулиума I начал разгром союзника фараонов — царства Митанни. Амурру оказалось в позиции буфера между Хеттской и Египетской державами, однако царь его Абди-Аширта занял прохеттскую позицию. С самого начала хеттского наступления на Сирию всем стало ясно, что хеттская власть легче египетской. Хеттский царь определял свои отношения с подчиненными письменными договорами, скрепленными страшной клятвой именами всех богов, которым поклонялись договаривающиеся стороны, и в общем соблюдал договоры. Дань, которую взимали хетты, и воинские контингенты, которых они требовали, — все это было гораздо менее тяжко, чем тот грабеж, который учиняли фараоновские войска и чиновники. Поистине дорогой ценой обошлось Восточному Средиземноморью высокохудожественное, роскошное убранство фараоновских дворцов и гробниц! Хетты пока еще не привыкли

к подобной роскоши, и их держава представляла собой такой же конгломерат союзных, хотя и неравноправных, государств, как до нее держава Митанни. Азиру, второй из царей Амурру, к тому времени крупнейшего государства Сирии, платил хеттскому царю 2,5 кг золота в год, цену около сотни рабов; это много, но фараону он должен был бы заплатить гораздо больше. Понятно, что почти все слои населения Восточного Средиземноморья, за вычетом фараоновских приверженцев из знати, предпочитали владычество хеттов.

Аменхетеп IV, занятый своей утопической религиозной реформой (см. гл. XXI), не хотел или не мог послать достаточно войск, чтобы удержать азиатские владения Египта. Но Суппилулиума I их пока не захватывал: нужно было покончить с Митанни. Азиатская империя фараонов разваливалась под ударами Азиру и дамасского владетеля, тоже окружившего себя отрядами хапиру. В Финикии на сторону хапиру перешел царь Сидона (не с тех ли пор значение Сидона превзошло значение Библа на Средиземном море?). Несмотря на бездействие фараоновских властей, большинство царьков, слишком скомпрометировавших себя сотрудничеством с захватчиками, сохраняли верность Египту, но земля горела у них под ногами.

По следам хапиру хеттские войска начали наступление на юг. Около середины XIV в. они продвинулись до Северной Палестины. О хапиру мы с тех пор более почти не слышим: очевидно, они слились с остальным ханаанейским населением; возможно, им удалось несколько улучшить условия своего существования или даже частично вернуться по домам; но, конечно, коренного изменения общественного строя не могло произойти. Царство Амурру стало обычным небольшим сирийским государством и просуществовало, сохраняя выход к Средиземному морю, до конца XII в. до х.э.

4. ХЕТТЫ И ФАРАОНОВСКИЙ ЕГИПЕТ

После падения XVIII династии Египта фараоны следующей, XIX династии — Сети I и Рамсес II — должны были начинать завоевание Палестины, Финикии и Сирии заново. Положение хеттов в Сирии тоже было далеко не просто, и хеттским царям приходилось вести сложную политическую игру. После уничтожения Митанни переправам через Евфрат в Северную Сирию стала угрожать новообразованная Ассирийская держава, а сирийские государства усвоили, что, хотя хеттское господство мягче египетского, оно жестче митаннийского: все договоры с Хеттской державой содержали условие, лишавшее подчиненное государство права на самостоятельную внешнюю и тем более военную политику, а также другие пункты, сильно ограничивавшие его самостоятельность. В результате ряд сирийских царств отложился от хеттов, и их приходилось силой приводить к покорности; царство Амурру лавировало между Хеттской и Египетской державами.

Главной опорой хеттов в Сирии стал город Каркемиш на Евфрате, где царями сидели хеттские царевичи; другой такой опорой для себя хетты хотели бы видеть приморский город Угарит. Государственный архив Угарита дал нам ценные сведения о сирийском обществе XIV—XIII вв. до х.э.

В самых общих чертах устройство угаритского общества видно из дипломатического послания хеттского царя Хаттусили III к царю Угарита. Из

условий соглашения, которое предлагает Угариту хеттский царь, явствует, что, с его точки зрения, угаритское общество состояло из: 1) «рабов (т.е. служащих) царя»; 2) «сынов (т.е. свободных граждан) Угарита»; 3) «рабов рабов царя» (т.е. рабов царских служащих; возможно, сюда включалась и вообще низшая категория работников царского хозяйства, состоявшая под надзором и властью царских служащих); 4) купленных частных рабов. Оговорены случаи бегства людей каждой из этих категорий в общины хапиру, состоявшие под покровительством хеттского царя, причем последний обязуется таких беглецов выдавать.

По документам нам хорошо известно о сборе коллективных налогов (натурой и отчасти серебром) с угаритских общин и вызове их членов на общегосударственные повинности («хождение», по-аккадски *ильку*[2], по-хурритски *унушше*). Важнейшими повинностями были воинская, гребцовая и трудовая на государственных работах; отбывавшие их содержались казной. На повинность выделялись представители отдельных большесемейных общин, по-видимому по их выбору. Управлялись общины старейшинами и особым посредником между общиной и царской властью — *сакину*; таково же было управление Угаритского государства в целом, но здесь рядом с сакину стоял царь, что не мешало иногда вести внешние сношения непосредственно совету старейшин или сакину.

В число «царских людей» (в отличие от хеттского царя сами угаритяне не называли их «царскими рабами») входили пахари, пастухи, виноградари, солевары, различного рода ремесленники, но также воины, в том числе колесничие, называвшиеся хурритским термином *марианна*; колесницы, коней и все снаряжение они получали из казны. Судя по именам, они были амореями и хурритами; они, несомненно, не были «индоарийской конной феодальной аристократией», как их изображали в науке раньше. Каждая профессиональная группа имела своего «старшего». Все «царские люди», не исключая и марианна, несли не «повинность» (*ильку*), а «службу» (*пильку*)[3] и, кроме того, платили государству серебром, в то же время они могли получать условные земельные наделы; человек, не выполнявший своей службы, объявлялся «лежебокой» (*найяалу*), и его надел царь передавал другим лицам. «Царские люди» могли иногда быть переданы в «пользование» крупным сановникам двора, которые и сами, впрочем, были «царскими людьми». Некоторые сановники, особенно имевшие отношение к морской международной торговле, за большие деньги скупали земли, в том числе и царские, т.е. связанные с определенной службой (скупали у служащих, но за мзду царю). Однако правовое положение таких земель оставалось, по-видимому, неясным самим угаритянам, и иногда требовалось новое оформление таких сделок при вступлении на престол нового царя.

Воинской повинности подлежали как общинники, так и «царские люди», за исключением освобожденных от нее особой привилегией. В результате усиления Каркемиша, в сферу гегемонии которого попал и Угарит, влияние последнего в дальнейшем упало.

Между тем наступление, начатое около 1300 г. фараоном Сети I, получило дальнейшее развитие при Рамсесе II. Таким образом, положение ханаанейских городов Палестины оказалось хуже, чем положение аморейско-хурритских городов Сирии; снова начались безудержный фараоновский

---

[2] В старовавилонское время ильку называлась не повинность населения, а служба в качестве рядового воина за надел из царской земли.

[3] Ряд исследователей отождествляют ильку и пильку, как нам кажется, неоправданно.

грабеж, резня и угон людей. После того как в битве при Кинзе-Кадеше Рамсес, едва не попав в расставленную ему ловушку, сумел все же разбить хеттов и их союзников, он еще около полутора десятка лет ежегодными походами разорял местное население не только в Палестине, но и в Сирии. В конце концов Хаттусили II, царь хеттов, побужденный к тому ассирийской угрозой с фланга (из-за Евфрата), договорился с Рамсесом II о мире (1296 или 1270 г. до х.э.).

5. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ «ЗАРЕЧНЫХ ПЛЕМЕН» И «НАРОДОВ МОРЯ»

Вскоре после правления Рамсеса II (конец XIV — начало XIII в. до х.э.) начинается вторжение в Палестину большой группы скотоводческих племен, двигавшихся из заиорданских степей. Об этом вторжении имеются как достаточно подробные археологические данные, так и исторические предания, записанные на 400—500 лет позже по изустным сказаниям и сохранившиеся до нашего времени в составе Библии.

Отношение к библейским историческим преданиям и в наши дни колеблется от безоговорочного признания их достоверности до полного отрицания всякой их ценности для историка. В действительности именно потому, что это предания, и притом использованные позднее в острой идеологической борьбе, каждое из них может быть привлечено историком в той мере, в какой его возможно проконтролировать, хотя бы частично, независимыми источниками — археологическими памятниками или же иноязычными письменными свидетельствами современников событий.

Еще в середине XIX в. было ясно, что библейские повествования о патриархах, предках различных еврейских, арамейских и арабских племен, являются отражением общесемитских сказаний. Такие сказания основаны на запоминании родословий, что у кочевников входило в обязательный круг знаний каждого. Подобные генеалогии дошли до нас не только из Библии, но и от династий Хаммурапи и Шамши-Адада I в Месопотамии, возводивших себя к аморейским (сутийским) предкам, а также известны и по сей день у арабов-бедуинов. Анализ библейских родословий, содержащихся в «Книге Бытия» (она открывает собой первую часть Ветхого завета, чтимого как иудеями, так и христианами, — «Пятикнижие», или «Тору»), показывает, что и эти родословия в своей основе принадлежат сутийским племенам, ибо их первопредок, сын первочеловека Адама, Сиф (др.-евр. Шет) — не кто иной, как Суту, или Шуту, мифический предок-эпоним сутиев, т.е. амореев.

Исходя из этого, а также из наличия в Библии ряда преданий о происхождении племен-предков из Месопотамии, некоторых мифов несомненно месопотамского происхождения (миф о Потопе) и других данных можно предположить, что племена, во второй половине XIII в. появившиеся в Заиорданье, а затем вторгшиеся в Палестину, в конечном счете должны быть отождествлены с племенами амореев-сутиев Верхней Месопотамии, вытесненными оттуда в XVI—XIV вв. митаннийскими хурритами и касситами. В самом деле, вавилонские документы этого времени свидетельствуют об исчезновении аморейских пастушеских племен из Месопотамии, а сменившие их арамейские пастушеские племена из более южных аравийских оазисов появляются тут отдельными группами с XIV в., а в массовом масштабе — лишь с конца XII в. до х.э.

Сутийские племена, находившиеся в XIII—XII вв. в Заиорданье, обозначались как ибри. Это буквально значит «перешедший (через реку)» (под рекой понимается, конечно, не Иордан, которого они тогда не переходили, а Евфрат), т.е., по существу, «пришедшие из Месопотамии». Но понятие «ибри» здесь отнюдь не равнозначно еврейскому народу позднейших времен (др.-евр. *ибри*, совр. *иври*) — под этим обозначением имеются в виду все потомки легендарного патриарха Авраама и даже его отдаленного, еще более легендарного предка Эбера (это имя значит «Переход [через реку]»), а по библейскому, как и по позднейшему кораническому преданию, Авраам считался предком не только израильских, но также и арамейских и арабских племен. Однако часть бывших верхнемесопотамских племен (например, диданы, известные в Месопотамии со времен III династии Ура) ушла в пустыню, смешалась с арамеями и арабами, часть осела в Заиорданье (моавитяне и аммонитяне) и к югу от Мертвого моря (эдомитяне, или идумеи); все они утеряли обозначение «перешедших реку», и оно в конце концов осталось только за евреями — одной определенной группой племен (или «колен»), той, что возводила себя к легендарному патриарху Иакову, или Израилю, внуку Авраама, и дольше многих странствовала, прежде чем окончательно осесть.

Согласно позднейшему преданию, ставшему твердым убеждением всех израильтян, их предки поселились было в области Гошен, или Гесем[4], принадлежавшей Египту, на восточной окраине Дельты, и там, баснословно размножившись (от 12 мужчин за четыре поколения произошло якобы 643 550 воинов!), попали в «рабство» в качестве «царских людей», использовавшихся египтянами на повинностных работах (в Библии в этой связи упоминается строительство двух городов, в действительности основанных при Рамсесе II). Затем они были чудесным образом выведены оттуда пророком Моисеем, израильтянином, воспитанником египетской царевны и мужем мидианитянки (мидианитяне были, по-видимому, североарабским племенем). Моисей, как рассказано в книге «Исход», возобновил «завет» (договор) израильских племен с богом Яхве, заключенный первоначально с Авраамом; согласно этому договору, бог Яхве обещал отдать израильтянам Палестину, а они за это обязывались не поклоняться никакому иному богу. Так как израильтяне не соблюли своего обязательства, то Моисей объявил, что они сорок лет — пока не вымрут все согрешившие — должны будут скитаться по синайским и заиорданским пустыням и лишь новое поколение войдет в Палестину. Моисей также получил от Яхве различные этические и юридические наставления относительно оседлой будущей жизни в Палестине.

Приведенный рассказ — миф, притом изложенный лет на триста-четыреста позже предполагаемых событий; пока никакие объективные свидетельства и внешние данные не смогли его подтвердить, и доискиваться в нем рационального зерна бесполезно (как и во всяком мифе): если оно и существует, то мы не располагаем критерием, при помощи которого могли бы определить, в чем оно заключается. Но дальше начинаются предания, которые уже можно контролировать с помощью археологических данных. Конечно, в библейском тексте события с конца XIII по X в. до х.э. изложены со смещением, искажением исторической перспективы (что обычно для преданий), многие события забыты, многие однородные факты соеди-

[4] Эти формы названия употреблены в еврейской и греческой версиях Библии, и обе обнаружены в египетских текстах.

нены в один, реальное перемешано с явными легендами. Тем не менее канву повествований, относящихся к событиям этого времени, как они описаны в библейских «Книге Иисуса Навина» и (в меньшей мере) в «Книге Судей», все-таки составляют воспоминания о действительных событиях, а не сказочные мотивы.

Очевидно, племенному вторжению в Заиорданье, а затем в собственно Палестину должны были предшествовать консолидация племен и образование самого израильского племенного союза, признававшего общее божество — Яхве. Районом консолидации был, вероятно, скотоводческий оазис Кадеш-Барнеа на севере Синайского полуострова (в этом предание, вероятно, отражает историческую действительность), но первоначальный состав племенного союза подлежит большому сомнению. Действительная картина вторжения, как она рисуется по археологическим данным, сильно отличалась от изображаемого Библией согласного одновременного движения двенадцати племен, возглавляемых преемником Моисея — Иисусом Навином. Племена первой волны вторжения перешли через Иордан у Иерихона; стены его обрушились, видимо, не от библейского трубного гласа, а в результате подкопа; одновременно был разрушен город Бетэл, и вторгшиеся продвинулись в центр Палестины. Одна группа племен (Ефрем, Манассия, Вениамин) впоследствии производила себя от Иакова и его любимой младшей жены Рахили. Затем, видимо, последовало второе вторжение из Синая в Заиорданье; если первая группа прошла Заиорданье беспрепятственно, то вторая проходила его с боями. Только часть племен этой группы перешла затем Иордан; из них два племени разместились в районах к западу от Иордана и к востоку и северу от племени Манассия. Третье племя — Иуда — повернуло на юг, разрушая по дороге города, и заняло все южнопалестинское нагорье к юго-западу от Мертвого моря. Не совсем ясна судьба еще двух племен, впоследствии, видимо, утративших самостоятельное существование. Кроме того, в состав племени Иуда, по-видимому, влилась первоначально эдомитская группа калебитов (кеназитов), пришедшая на нагорье не через Иордан, а с юга. Вся эта группа племен возводила свое происхождение к Иакову и его старшей жене Лие. Четырем племенам[5] приписывалось происхождение от наложниц Иакова; все четыре жили на окраинах племенного союза и, возможно, были местными аморейскими племенами, присоединившимися к союзу лишь после его внедрения в Палестину[6].

В Палестине израильтяне (видимо, часть аморейско-сутийских племен) встретили главным образом ханаанейское и аморейское население, жившее здесь и раньше[7]. Разница между говорами ханаанеев и амореев была невелика. Многие боги были общими. Позднейшая традиция уверяет, что вторгшиеся израильтяне по повелению Яхве якобы вырезали все ханаанейское население. И в самом деле, разрушения в ханаанейских поселениях были произведены громадные. Однако до истребления всего населения и даже до уничтожения всех городов дело в действительности не дошло. Легкость за-

[5] Три из них проживали в Финикии (где, видимо, вовсе не поклонялись богу Яхве), на юге Палестины и в Заиорданье; четвертое племя жило сначала на юго-западе, потом на севере Палестины.

[6] Некоторые из них не имели предания о пребывании в Египте.

[7] Библия упоминает среди доизраильского населения Палестины также хеттов, хурритов и еще какие-то неизвестные племена, но объединяет их всех под общим названием ханаанейских.

воевания ханаанейских городов-государств с их давними культурными и военными традициями объясняется, очевидно, полным их разорением и уменьшением численности самих ханаанеев в результате непрерывных военных погромов в течение предшествовавших трех с половиной столетий. Но наиболее важные ханаанейские города не были завоеваны «заречными» племенами; некоторые из городов откупились данью или обязательством нести повинности, а некоторые, как расположенный на неприступной скале Иерусалим, город племени иевуситов, остались независимыми. Племя Манассия фактически не овладело почти ни одним значительным населенным пунктом, и половина его вынуждена была уйти обратно за Иордан.

Можно сказать, что завоеватели освоили ранее слабо заселенное нагорье; долины остались в значительной мере в руках ханаанеев, и те не без успеха переходили в контрнаступление. Их поддержал в последней четверти XIII в. до х.э. египетский фараон Мер-не-Птах, вторгшийся в Палестину. Именно его надпись — первый в истории письменный памятник, упоминающий Израиль: «Ханаан разорен всяческой бедой... Израиль уничтожен, и семени его больше нет. Хурри (так египтяне называли тогда Палестину) стала вдовой из-за Египта». Об этом эпизоде библейские предания никакой памяти не сохранили, а он имел немаловажное значение. Лишенные первоначального импульса и к тому же теснимые из-за Иордана новыми, теперь уже подлинно кочевыми племенами (одомашнившими верблюда-дромадера), все племена Палестины в XII в. до х.э. оказались в трудном положении. Для этого века еще имеются археологические следы египетского влияния в Палестине. Именно к этому времени следует отнести окончательное сплочение израильского племенного союза, сплочение, память о котором сохранилась навсегда, даже когда большинство (притом самых коренных) племен в конце VIII в. до х.э. перестали существовать (см. гл. XIV и XX). Но тогда еще состав союза отличался от позднейших классических «12 колен» — это показывает сохранившийся в Библии отрывок древнеизраильского эпоса конца XII в. до х.э. «Песнь Деборы», где только семь племен во главе с Бараком и Деборой участвуют в войне против Ябина, царя Хацора, и его военачальника Сисары:

> Во дни Шамгара, сына Анат, в дни Иаили[8], пути были пусты,
> А идущие тропою проходили окольными путями,
> Пусты были села в Израиле, пусты —
> Пока не восстала я, Дебора, не восстала матерью народа.

Хацор, самый большой и важный город ханаанеев, был разрушен до основания, что подтверждается археологическими данными. На его развалинах возникло несколько жалких хибарок завоевателей. Но это был последний эпизод войны между израильтянами и ханаанеями. Пришло другое время, когда надо было обороняться против общих врагов. В одном народе теперь слились вместе завоеватели и завоеванные. Литературный язык Библии сложился на смешанной диалектной основе, сами же древние евреи называли этот язык не «иврит» (как впоследствии), а «кена'анит», т.е. «ханаанейский»[9].

События, изменившие эту картину, были связаны с другим племенным вторжением — «народов моря». «Народами моря» египтяне называли груп-

---

[8] Анат — богиня; Иаиль — одна из героинь эпоса.

[9] Термин «еврей» означал с этого времени общую этническую принадлежность, более узкий термин «израильтянин» — принадлежность к племенному союзу, а позже к государству.

пу разнообразных по происхождению племен, одни из которых двигались на ладьях, другие на колесных повозках посуху. К ним, несомненно, принадлежали греки-ахейцы, разрушившие Трою, другие племена (может быть, протоармяне), положившие конец Хеттскому царству, и еще какие-то племена, известные только по именам, да и то в неточной египетской передаче, «разбившие лагерь посреди Амурру»[10]; они выступали в союзе с ливийцами[11], нападая вместе с ними на Египет с суши (с востока и запада) и с моря (с севера). Нашествие развернулось с конца XIII в. (с «народами моря» столкнулся еще фараон Мер-не-Птах); кульминационного пункта оно достигло в начале XII в. с разрушением Хеттского царства; продвижение их на Египет было остановлено фараоном Рамсесом III в какой-то момент после середины XII в. до х.э. Два племени из числа «народов моря», известные в дальнейшем под названием филистимлян[12] (от их имени происходит само слово «Палестина»), осели на плодородном палестинском побережье, на полосе длиной 60 км и шириной 20 км, и создали здесь союз пяти самоуправляющихся городов: Газы, Аскалона, Аккарона, Гата и Ашдода. Они принесли с собой позднемикенскую материальную культуру, технику железа и железное оружие и вскоре установили свою гегемонию почти над всей Палестиной. Одновременно с этим с Синая и из-за Иордана сюда совершали набеги и, видимо, частично оседали по окраинам кочевые семитские (арамейские или арабские) племена.

Кроме отдельных временных военных вождей израильские племена не имели никакой общей политической власти и управлялись старейшинами, прислушиваясь также к изречениям «пророков» (*наби*), которые тогда еще не превратились в политических проповедников, а были чем-то вроде шаманов. В особо трудных обстоятельствах отдельные племена или весь союз добровольно подчинялись выбранному или просто самозваному вождю-избавителю («судье», по-древнееврейски *шофет*), которому приписывалась магическая сила, ниспосланная божеством. Имена их, упоминаемые в библейской «Книге Судей» (Самсон, Иеффай и др.), по крайней мере отчасти, недостоверны. Начатки государства стали слагаться лишь при последних вождях периода «судей» (XI в. до х.э.).

Израильский племенной союз по традиции считался состоящим из 12 племен («колен»); на самом деле число племен в составе союза колебалось. Это было прежде всего культовое объединение, скрепляемое общим почитанием союзного бога Яхве. Поддержание культа было поручено межплеменной организации левитов (по традиции одно из «колен», а именно двенадцатое). Левитам были выделены населенные пункты на территории остальных 11 «колен». Поклоняться Яхве и другим богам можно было где угодно — преимущественно на холмах и высотах гор, но считалось, что на земле он обитал незримо в «Ковчеге Завета», хранившемся в шатре, как во времена бродячей жизни племен. Яхве в то время легко отождествлялся с местными ханаанейскими богами, тем более что и имя Яхве, и собственные

---

[10] Угарит погиб от другой причины: когда «народы моря» были на подходе и против них был выслан угаритский флот, город разрушило катастрофическое землетрясение. Сохранился и стал центром позднехеттской (лувийской) культуры в Сирии город Каркемиш.

[11] Ливийцы, по-видимому, достаточно долго пробыли в Палестине, чтобы познакомиться с семитским алфавитным письмом (см. ниже): к очень ранней его форме восходит ливийское письмо Северной Африки, дожившее в Сахаре до наших дней.

[12] Не исключено, что филистимляне — другое название пеласгов.

имена ханаанейских богов верующие избегали произносить «всуе» (без надобности) и заменяли их именами нарицательными: «бог» (*эль*) или даже «боги» (*элохим*), «господин» (*ба'ал*), «господь мой» (*адонай*). Яхве ни тогда, ни много позже не считался единственным в мироздании божеством; он был лишь ревнивым богом, заключившим договор со своим племенным союзом о том, что его не будут ставить наравне с другими богами; символом этого договора считалось обрезание — обряд, первоначально бывший одним из испытаний отрока при вступлении его в общину полноправных воинов (инициация), но у многих семитских племен со временем отмерший (например, у ханаанеев, но не у арабов; израильтяне стали его совершать вскоре же после рождения мальчика). Однако, несмотря на «договор» и символические обряды, еще столетия спустя кое-где придавали Яхве в жены аморейско-ханаанейскую богиню Анат, а в каждом роду поклонялись фигуркам-идолам то ли божеств, то ли предков (*терафим*), и в принципе была не исключена возможность молиться и другим богам, и уж подавно не отрицалась власть иных богов на территории иных племен и народов.

6. КУЛЬТУРА. АЛФАВИТ

Древнейшие израильтяне не имели ни своего строительного, ни изобразительного искусства, от эпоса сохранились лишь отрывки, а письменной литературе, заслуживающей интереса во многих отношениях, еще предстояло возникнуть. Но от ханаанеев осталось немаловажное наследие, однако были у них распространены и архаические обычаи.

Каждая ханаанейско-аморейская община имела своих божеств-покровителей, чаще всего бога с супругой и сыном; они нередко, как уже упоминалось, обозначались именами нарицательными, а различались между собой названиями места поклонения им, например Ба'лат Губли — «Госпожа города Библ». Некоторое число главным образом космических божеств (Солнца, Луны, растительности, грозы, моря) почиталось и за пределами какой-либо одной общины. Таков и «культурный герой», изобретатель ремесла Кушар-ва-Хусас. В ряде случаев почитались и чужеземные боги (египетские, шумерские, хурритские и др.). Путем отождествления разных элей (богов) сложился образ всеобщего верховного бога, но в различных общинах он имел разных супруг. Многие из божеств либо отождествлялись с животными, растениями или предметами, либо имели их своими постоянными атрибутами (это могли быть бык, телица, львица, змея, дерево и т.п.); каменные столбы, бывшие часто объектом культа, имели, быть может, фаллическое происхождение. При почитании божеств плодородия были распространены оргиастические культы с участием священных блудниц; известны были такие архаические обрядовые установления, как инициация девушек и юношей огнем[13] (может быть, еще применялось и обрезание) и мужские культовые союзы. В особо бедственных или важных для общины случаях (осада, основание новой крепости) приносились в жертву дети-первенцы. Во всех отношениях религиозное мировоззрение амореев и ханаанеев было очень примитивным.

---

[13] Этот обряд назывался по-финикийски *молк* или *молх*; позднейшие читатели Библии, где он упоминается, истолковывали его как имя бога Молоха; такого бога в действительности древность не знала.

В области искусств ханаанеи тоже несколько отставали от прочих цивилизаций Ближнего Востока. Но если в III — начале II тысячелетия до х.э. ханаанейско-аморейская архитектура повторяет на севере месопотамскую, а на юге и в Финикии египетскую, то во II тысячелетии до х.э. развивается большое и оригинальное крепостное и храмовое строительство по всему Восточному Средиземноморью. Наибольшие из храмов имели размеры 30×20 м; внутри их было два ряда круглых столбов; либо в самом святилище, перед статуей божества, либо перед входом ставили каменные стелы или воздвигали по египетскому образцу мачты. Скульптура (изображения богов, редко — царей) находилась в доизраильский период на той стадии, когда изображенному пытаются придать грозный, сверхчеловеческий, страшный вид. Это по большей части мелкая бронзовая пластика, редко — каменные фигуры. Израильского бога изображать было нельзя, и запрет, приписывавшийся Яхве: «Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия», — привел почти к полному исчезновению изобразительного искусства, хотя домашние терракотовые идольчики продолжали существовать. Правда, фигурки нагой богини рождения и плодородия, жестом подчеркивавшей свою наготу или беременность, сменяются у израильтян фигурками богини одетой[14].

От ханаанейско-аморейской литературы II тысячелетия до х.э. дошло очень мало. Из храмовой библиотеки в Угарите сохранились религиозные стихотворные тексты на местном семитском языке, из которых наиболее интересны эпические культовые песни, например о боге Алиян-Ба'ле, погибающем в борьбе с богом увядания и смерти, но затем благодаря вмешательству других богов побеждающем смерть, после чего наступает обилие пищи: «небеса сочатся маслом, реки медом текут». Был в Угарите и героический эпос. Особняком стоит интересная надпись — «автобиография» Идри-Ми, царя Алалаха; здесь возможно влияние египетского «автобиографического» жанра (см. гл. X и XXI). В целом, однако, самым важным достижением ханаанейско-аморейской цивилизации явилось алфавитное письмо. В Восточном Средиземноморье долгое время пользовались либо египетским языком и письмом, либо ломаным аккадским языком и клинописью. Но в течение II тысячелетия до х.э. появляется в Библе особое слоговое линейное письмо, условно называемое «протобиблским». В нем около ста знаков, каждый знак, видимо, передавал слог из согласного и одного из трех древнесемитских гласных (*а*, *и* или *у*; одна из комбинаций употреблялась и для согласного без всяких гласных). Такое письмо годилось для передачи текста почти любой сложности и было много легче для заучивания, чем аккадская клинопись или египетское письмо, и выучить его можно было за несколько недель вместо многих лет; для чтения, однако, оно было трудно, так как не имело словоразделов (в египетском письме словоразделами служили детерминативы, т.е. показатели категорий понятий, к которым относится слово; в клинописи тоже были свои правила определения границ слов). Знаки «протобиблского» письма не имеют прототипов в других письменностях и, видимо, были придуманы специально при одноразовом изобретении всей письменной системы, в подражание египетской или крито-микенской письменности либо обеим.

Однако, по-видимому, для финикийских купцов и мореходов обучение «протобиблскому» письму казалось еще недостаточно легким. Они были со-

[14] В быту израильские женщины, в том числе даже блудницы, в отличие от ханаанейских, закрывали лицо.

гласны ускорить обучение даже за счет усложнения понимания текстов (древневосточные международные торговцы никогда не гнались за понятностью своих писем и документов для непосвященных). Поэтому от Синая до Сирии появляются разные виды упрощенного письма того же типа; упрощалось оно за счет сокращения числа знаков таким образом, что каждый знак (буква) обозначал согласный с любым гласным или без гласного; к тому же похожие согласные обозначались одной и той же буквой. Так удалось создать консонантный (согласный) алфавит с числом букв от 30 до 22. Форма букв могла быть различной: в Угарите писали на глиняных плитках, как в Вавилонии, и буквы «собирались» из клинообразных черточек, в ханаанейской Финикии разработали линейные формы 22 согласных букв (вероятно, в XIII в. до х.э.). Был еще вариант, воспринятый в Южной Аравии. Письмо, не обозначающее гласных, вовсе не было (как почему-то часто утверждается) «удобно для семитских языков»; скорее это был род купеческой тайнописи. Но это письмо, особенно когда финикийцы стали употреблять знаки *'*, *в*, *й* также для долгих гласных (*а:*, *о:*, *у:*, *э:*, *и:*) и ввели словоразделы, сделалось значительно легче для усвоения. Поэтому, хотя несовершенство (неоднозначность) передачи текста финикийским письмом долго давало себя знать и еще сотни лет клинопись и иероглифика успешно с ним конкурировали, будущее оказалось все же за ним, и оно явилось (после усовершенствований, внесенных в него греками и другими народами) предком всех алфавитов как Запада, так и Востока.

Глава IX

РАННЕЕ И ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВА ЕГИПТА

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Неизвестно, Шумер или Египет был колыбелью древнейшей цивилизации мира; возможно, что цивилизация, возникшая на северо-востоке Африки, на берегах великого Нила, была более древней. Во всяком случае несомненно, что централизованное государство возникло здесь впервые в мировой истории.

Границы собственно древнего Египта резко очерчены самой природой; южным его пределом были труднопроходимые первые нильские пороги, находившиеся близ современного Асуана, в 1300 км от Средиземноморского побережья; с запада к реке теснились песчаные уступы Ливийского плоскогорья, с востока подступали безжизненные каменистые горные отроги. Ниже первых порогов Нил нес свои воды строго на север по узкой длинной долине (Верхний Египет), ширина которой колебалась от 1 до 20 км; лишь в двухстах километрах от устья, там, где река в древности разветвлялась на несколько рукавов, долина расширялась, образуя знаменитую нильскую Дельту (Нижний Египет). Истоки Нила, расположенные за тысячи километров от Египта, не были известны египтянам, а именно там следует искать причины своеобразного водного режима реки, тех ее особенностей, которые на протяжении тысячелетий оказывали огромное влияние на многие стороны жизни древних жителей страны. В двух тысячах километров к югу от первых нильских порогов, у нынешней столицы Судана, Хартума, соединяются две реки — Белый и Голубой Нил. Стремительный Голубой Нил берет свое начало из высокогорного эфиопского озера Тана, навстречу ему, через цепь великих озер и заболоченные равнины Центральной Африки, течет спокойный полноводный Белый Нил. Весной, когда в горах Эфиопии интенсивно тает снег, а в Тропической Африке в разгаре дождливый сезон, реки, питающие Нил, одновременно вбирают в себя громадное количество избыточной воды, несущей мельчайшие частицы размытых горных пород и органические остатки буйной тропической растительности. В середине июля паводок достигает южных границ Египта. Поток воды, порой в десять раз превосходящий обычную норму, пробившись через горловину первых нильских порогов, постепенно затопляет весь Египет. Наводнение достигает своей высшей точки в августе—сентябре, когда уровень воды на юге страны повышается на 14 м, а на севере — на 8—10 м выше ординара. В середине ноября начинается быстрый спад воды, а река снова входит в свои берега. За эти четыре месяца принесенные Нилом органические и минеральные частицы тонким слоем оседают на залитое в период паводка пространство.

Этот осадок постепенно и создавал египетскую почву. Вся почва страны — наносного происхождения, результат многотысячелетней деятельности реки в период ее ежегодных наводнений. И узкое каменное ложе верхнеегипетской долины, и бывший когда-то морским заливом Нижний

Египет сплошь покрыты глубоким слоем речных отложений — мягким пористым нильским илом. Именно эта очень плодородная, легкая для обработки почва и есть основное богатство страны, источник ее стабильных высоких урожаев. Увлажненная, готовая к посеву земля Нильской долины блестит как черный лак. Кемет, что значит Черная, называли свою страну ее древние жители, отмечая весьма существенный признак: в суровых природных условиях Северной Африки с ее жарким и сухим климатом, в окружении безводных пространств каменисто-песчаных пустынь, только на почве, созданной и обводненной Нилом, только на этой наносной черной земле появилась и сама возможность поселения людей, основным источником существования которых стало ирригационное земледелие.

Неприветливо должна была встретить первых людей пойма Нила: непроходимые заросли нильского тростника — папируса — и акаций вдоль берегов, обширные болота низменной Дельты, тучи насекомых, хищные звери и ядовитые змеи окрестных пустынь, множество крокодилов и бегемотов в реке и, наконец, сама необузданная река, в период паводка могучим потоком сметающая все на своем пути. Неудивительно поэтому, что впервые люди поселились в самой долине только на стадии неолита, имея уже довольно совершенные каменные орудия и разнообразные производственные навыки, да и пришли они сюда под давлением внешних условий.

Климат Северной Африки 10—12 тыс. лет тому назад был менее засушлив, чем теперь. Еще недавно завершилось таяние льдов, покрывавших часть Европы в конце Ледникового периода; над Северной Африкой проносились влажные ветры, выпадали обильные дожди, и на месте теперешних пустынь была саванна с высоким травяным покровом, с богатым животным миром. Охотничьи племена, находившиеся на стадии мезолита и раннего неолита, жили на просторах теперешней Сахары. Это они оставили нам наскальные рисунки, изображающие слонов, страусов, жирафов, антилоп, буйволов, динамичные сцены охоты на них. Все эти животные — не обитатели пустынь. Свидетелями более мягкого климата в прошлом служат и многочисленные вади — сухие русла рек, некогда с запада и с востока впадавших в Нил.

К V тысячелетию до х.э. ослабляется влияние влажных ветров, в Северной Африке наступает засушливая пора, понижается уровень грунтовых вод, саванна постепенно превращается в пустыню. Тем временем некоторые охотничьи племена, приручая животных, успели стать пастушескими. Наступавшая сушь все более заставляла эти племена тянуться к иссякающим притокам Нила. Именно вдоль вади и были обнаружены многочисленные стоянки племен, находившихся на стадии позднего палеолита.

Наступление пустыни продолжалось, высыхали последние нильские притоки, люди вынуждены были все ближе и ближе подступать к самому Нилу. Эпоха неолита (вплоть до IV тысячелетия до х.э.) связана с появлением пастушеских племен у предела самой Нильской долины, с приобретением ими первых навыков земледелия.

Археологические раскопки поселений эпохи позднего неолита, относящихся к VI—IV тысячелетиям до х.э., показывают, что жители их вели уже вполне оседлый образ жизни, занимались земледелием (до нас дошли каменные зернотерки, деревянные серпы с кремневыми зубцами-вкладышами, зерна ячменя и пшеницы-двузернянки), скотоводством (обнаружены кости быков, баранов, свиней), охотой, рыболовством, собирательством. Жители этих поселений, расположенных, как правило, по краю

долины, еще робели перед Нилом и не предпринимали попыток обуздания реки.

С появлением медных орудий, со вступлением в эпоху энеолита (медно-каменный век), люди начинают решительное наступление на Нильскую долину. В течение тысячелетий Нил создал своими наносами более высокие по сравнению с уровнем самой долины берега, поэтому существовал естественный уклон от берега к краям долины, и вода после паводка не спадала сразу и распространялась по ней самотеком. Чтобы обуздать реку, сделать поток воды в период наводнения управляемым, люди укрепляли берега, возводили береговые дамбы, насыпали поперечные плотины от берегов реки до предгорий, чтобы задержать воду на полях до тех пор, пока достаточно не насытится влагой почва, а находящийся в воде во взвешенном состоянии ил не осядет на поля. Много сил потребовало и прорытие водоотводных каналов, через которые сбрасывалась в Нил перед посевом оставшаяся на полях вода.

Так в первой половине IV тысячелетия до х.э. в древнем Египте создается бассейновая система орошения, ставшая основой ирригационного хозяйства страны на многие тысячелетия, вплоть до первой половины нашего века. Древняя система орошения была тесно связана с водным режимом Нила и обеспечивала выращивание одного урожая в год, который в тамошних условиях созревал зимой (посев начинался только в ноябре, после паводка) и собирался ранней весной. Обильные и устойчивые урожаи обеспечивались тем, что во время разлива египетская почва ежегодно восстанавливала свое плодородие, обогащаясь новыми отложениями ила, который под воздействием солнечного тепла имел способность выделять соединения азота и фосфора, столь необходимые для будущего урожая. Следовательно, египтянам не надо было заботиться об искусственном поддержании плодородия почвы, которая не нуждалась в дополнительных минеральных или органических удобрениях. Еще важнее то, что ежегодные разливы Нила препятствовали засолению почв, которое было бедствием для Месопотамии. Поэтому в Египте плодородие земли не падало на протяжении тысячелетий. Процесс обуздания реки, приспособления ее к нуждам людей был длительным и охватил, по-видимому, целиком все IV тысячелетие до х.э.

Каждый коллектив людей, каждое племя, осмелившиеся спуститься в долину Нила и поселиться в ней на немногих возвышенных и недоступных наводнению местах, немедленно вступали в героическое единоборство с природой. Приобретенный опыт и навыки, целенаправленная организация, упорный труд всего племени в конце концов приносили успех — осваивалась малая часть долины, создавалась небольшая автономная ирригационная система, основа хозяйственной жизни коллектива, соорудившего ее.

Вероятно, уже в процессе борьбы за создание ирригационной системы происходили серьезные изменения в общественной жизни родо-племенной общины, связанные с резким изменением условий жизни, труда и организации производства в специфических условиях Нильской долины. О происходивших событиях мы не имеем почти никаких данных и вынуждены реконструировать их совершенно гипотетически. По всей вероятности, в это время существовала соседская земельная община[1]. Претерпевали изменения и традиционные функции племенных вождей и жрецов — на них воз-

[1] В исторический период фараоновского Египта явственных следов существования сельской общины не обнаружено.

лагалась ответственность за организацию сложного ирригационного хозяйства и управление им; таким образом, в руках вождей и их ближайшего окружения концентрировались экономические рычаги управления. Это с неизбежностью должно было повлечь за собой начало имущественного расслоения. Экономически господствовавшая группа нуждалась в создании средств для сохранения сложившегося в ее пользу положения в обществе, и такие средства политического господства над подавляющим большинством членов общины, видимо, создавались уже в это время, что, естественно, с самого начала должно было налагать определенный отпечаток на характер самой общины. Так в условиях создания ирригационных систем возникает своеобразная общность людей в рамках локального ирригационного хозяйства, которой присущи как черты соседской земельной общины, так и черты первичного государственного образования. По традиции мы называем такие общественные организации греческим термином *ном*[2].

Каждый самостоятельный ном располагал территорией, которая была ограничена местной ирригационной системой, и представлял собой единое хозяйственное целое, имея свой административный центр — окруженный стенами город, место пребывания правителя нома и его приближенных; там же находился и храм местного божества[3].

К моменту образования единого египетского государства таких номов было около сорока. В условиях узкой верхнеегипетской долины каждый ном, находившийся на левом или правом берегу Нила, соприкасался со своими южными и северными соседями; номы же Нижнего Египта часто были еще изолированы друг от друга болотами. Дошедшие до нас источники не дают возможности в достаточной степени проследить историю номов до возникновения объединенного Египта, в состав которого они вошли в качестве местных административно-хозяйственных единиц, однако сохранив свою самобытность и склонность к обособлению на протяжении веков. От тех отдаленных времен сохранились плоские сланцевые таблички, покрытые символическими рельефными изображениями междоусобных войн. Мы видим кровавые битвы на суше и реке, процессии связанных веревками пленных, угон многочисленных стад крупного рогатого скота, овец, коз. В этой длительной упорной борьбе сильные номы покоряли своих более слабых соседей. В результате этой борьбы и в Верхнем, и в Нижнем Египте появляются крупные объединения номов, возглавляемые правителем сильнейшего нома-победителя. Конечно, не исключено и мирное присоединение отдельных номов к своим более сильным соседям. В конце концов где-то во второй половине IV тысячелетия до х.э. номы Юга и Севера страны объединились в Верхнеегипетское и Нижнеегипетское царства. Один из самых южных номов Верхнего (Южного) Египта с центром в г. Иераконполь[4] объединил верхнеегипетские номы. Объединителем

---

[2] Термин «ном» для обозначения областей египетского государства используется в историческое время. Что же касается истории возникновения номов и связи их с ранними локальными ирригационными хозяйствами, то эта проблема гораздо сложнее, чем излагаемая здесь традиционная схема. — *Примеч. ред.*

[3] Следует отметить, что это реконструкция, сделанная на основании более поздних данных. Археологически додинастические города нам практически неизвестны.

[4] Из-за того что древнеегипетское письмо (в отличие от месопотамской клинописи) не передает гласных, ученым приходится реконструировать истинное древнее звучание египетских слов и собственных имен косвенными способами, главным образом по дошедшим через другие системы письма данным о более позднем звучании египетских собственных имен (II—I тысячелетия до х.э.). Эти реконструкции до сих пор остаются очень ненадежными, и

Севера становится один из номов запада Дельты с центром в г. Буто. Цари Верхнеегипетского царства носили на голове убор белого цвета, цари Нижнеегипетского царства — корону красного цвета. С созданием единого Египта двойная красно-белая корона этих царств стала символом царской власти до конца древнеегипетской истории.

История этих царств практически неизвестна, до нас дошло лишь несколько десятков имен, в основном верхнеегипетских. Мало мы знаем и о многовековой ожесточенной борьбе этих царств за гегемонию в Египте, победу в которой одержал сплоченный и экономически сильный Верхний Египет. Считается, что это произошло в конце IV тысячелетия до х.э., но древнейшая египетская хронология все еще очень ненадежна.

Силами отдельных номов, да и более крупных объединений было чрезвычайно трудно поддерживать на должном уровне все ирригационное хозяйство страны, состоявшее из небольших, не связанных или слабо связанных друг с другом оросительных систем. Слияние нескольких номов, а затем и всего Египта в единое целое (достигнутое в результате длительных, кровопролитных войн) позволяло совершенствовать оросительные системы, постоянно и организованно их ремонтировать, расширять каналы и укреплять дамбы, совместно бороться за освоение заболоченной Дельты и в целом рационально использовать воды Нила. Совершенно необходимые для дальнейшего развития Египта, эти мероприятия было возможно осуществить только общими усилиями всей страны после создания единого централизованного административного управления.

Сама природа как бы позаботилась о том, чтобы Верхний и Нижний Египет экономически дополняли друг друга. В то время как узкая верхнеегипетская долина почти сплошь использовалась под пашню, а угодья для выгона скота здесь были весьма ограниченны, в просторной Дельте большие пространства земли, отвоеванные у болот, можно было использовать также и как пастбища. Недаром существовала засвидетельствованная позже практика доставки в определенное время года верхнеегипетского скота на пастбища Нижнего Египта, ставшего центром египетского скотоводства. Здесь же, на Севере, была расположена бóльшая часть египетских садов и виноградников.

Так к концу IV тысячелетия до х.э. завершился наконец продолжительный так называемый додинастический период египетской истории, длившийся от времени появления первых земледельческих культур близ Нильской долины вплоть до достижения страной государственного единства. Именно в додинастический период был заложен фундамент государства, экономической основой которого стала ирригационная система земледелия в масштабах всей долины. К концу додинастического периода относится и возникновение египетской письменности, по-видимому первоначально вызванной к жизни хозяйственными потребностями нарождавшегося государства. С этого времени начинается история династического Египта.

Народ, освоивший Нильскую долину и создавший в столь глубокой древности великую самобытную цивилизацию, говорил на египетском язы-

---

большинство египтологов продолжают пользоваться условными, заведомо неточными чтениями. В этих условных чтениях дано большинство египетских собственных имен и в настоящей книге. Некоторые имена даны в дошедших до нас древнегреческих транскрипциях, а некоторым городам оставлены названия, которые им давали греки в эпоху поздней древности, например Мемфис (в условном египтологическом чтении Мен-нефер), Фивы (в условном египтологическом чтении Уасет), Буто, Иераконполь, Гелиополь.

ке, ныне мертвом. Первые письменные памятники на этом языке восходят еще к концу додинастической эпохи, последняя иероглифическая надпись датируется IV в. х.э.[5]. Египетский язык относился к одной из африканских групп афразийских, или семито-хамитских, языков. Однако много косвенных данных говорит о том, что племена, осевшие в долине Нила, не были этнически едины и отличались по своим говорам. Естественно, что в течение многотысячелетнего существования этническая разнородность постепенно сглаживалась.

Мы хорошо знаем, как выглядели египтяне династического периода. Множество раскрашенных плоских рельефов представляют их нам людьми среднего роста, широкоплечими, стройными, с черными прямыми волосами (часто это парик); в соответствии с традицией изображения египтян-мужчин всегда окрашены в кирпичный цвет, женщин — в желтоватый. Многочисленны и изображения представителей племен и народов, с которыми жителям долины Нила чаще всего приходилось сталкиваться. Мы видим западных соседей египтян — светлокожих голубоглазых ливийцев; восточных их соседей, выходцев из Передней Азии, — высоких, с желтоватой смуглой кожей, выпуклым носом и обильной растительностью на лице, с неизменными характерными бородками; южане, обитатели Нильской Эфиопии[6], или Нубии, выглядят темно-фиолетовыми. Встречаются на рельефах черные курчавоголовые представители негроидных племен Южного Судана.

Периодизация истории династического Египта от полулегендарного царя Менеса до Александра Македонского, примерно с XXX в. до х.э. вплоть до конца IV в. до х.э., тесно связана с манефоновской традицией. Манефон, жрец, живший в Египте вскоре после походов Александра Македонского, написал на греческом языке двухтомную «Историю Египта». К сожалению, сохранились только выдержки из его сочинения, самые ранние из которых встречаются в трудах историков I в. х.э. Но и то, что дошло до нас, часто в искаженном виде, чрезвычайно важно, так как это отрывки из книги человека, описавшего великую историю своей страны, основываясь на хорошо доступных ему и уже безвозвратно утраченных подлинных египетских документах.

Манефон делит всю историю династического Египта на три больших периода — Древнее, Среднее и Новое царства; каждое из названных царств делится на династии, по десять на каждое царство, — всего тридцать династий. И если манефоновское деление египетской истории на три больших периода на самом деле отражает определенные качественные этапы в развитии страны, то такая равномерная раскладка династий по царствам представляется условной, да и сами эти династии, как можно убедиться, — образования весьма условные. В основном манефоновская династия охватывает представителей одного царствующего дома, но нередко, по-видимому, может вмещать в себя несколько неродственных правящих домов, а однажды два царственных брата отнесены к двум разным династиям. Несмотря на это, наука до сих пор для удобства придерживается манефоновской династийной традиции. Внесены коррективы в этапную периодизацию истории древнего Египта; первые две манефоновские

[5] Поздний египетский (коптский) язык существовал в Египте наряду с арабским и в средние века, а в отдельных местностях дожил до начала нового времени.

[6] В древности Эфиопией (Куш) называлась не современная Эфиопия (Абиссиния), а нынешний Северный Судан.

династии выделены в Раннее царство, а последние, начиная с XXI династии, — в Позднее царство.

2. РАННЕЕ ЦАРСТВО

Раннее царство — это время правления в Египте I и II манефоновских династий, охватывающих более чем двухсотлетний период истории династического Египта (ок. 3000—2800 гг. до х.э.).

Манефон считает объединителем Египта царя по имени Менес (Мина), основателя I династии. Его, вероятно, можно отождествить с царем, носящим в древнейшей египетской летописи тронное имя Хор-Аха («Хор[7] Боец»). Однако он не был первым верхнеегипетским правителем, претендовавшим на власть во всем Египте. Так называемая палетка Нармера, одного из додинастических правителей Верхнего Египта, найденная при раскопках Иераконполя, повествует в символической форме о победе этого царя над жителями Нижнего Египта. Нармер представлен на этой рельефной табличке во время своего триумфа увенчанным объединенной короной Верхнего и Нижнего Египта. По-видимому, некоторые предшественники Нармера также претендовали на господство над всем Египтом, Менес же возглавил список египетских царей, дошедший до нас благодаря сочинению Манефона, вероятно, потому, что именно с него началась в Египте прочная летописная традиция. Но и при Менесе, так же как и при его предшественниках, да и последователях, достигнутое единство страны не было еще окончательным. Покоренный Нижний Египет долго еще не желал признать свое поражение, и там в течение почти всего Раннего царства происходили кровавые военные столкновения.

Цари первых двух династий были родом, по-видимому, из верхнеегипетского нома Тиниса, находившегося в средней части Верхнего Египта. В Тинисском же номе, в окрестностях г. Абидос, в будущем прославившегося как центр почитания бога мертвых Осириса, были обнаружены при раскопках гробницы царей Раннего царства — Джера, Семерхета, Каа и др. В составе имен этих царей, как и в составе имени царя Хор-Аха, упоминался бог в виде сокола — Хор, покровитель большинства царей Раннего царства.

Об уровне развития производительных сил тогдашнего общества можно судить по орудиям производства, в изобилии дошедшим до нас из раннединастических погребений. Это прежде всего изделия из меди — плоские рабочие топоры, ножи, тесла, гарпуны, рыболовные крючки, вилы, наконечники деревянных мотыг; кроме того, боевые топоры с закругленными лезвиями, кинжалы, чаши и сосуды различных форм. Но наряду с медными найдено много и каменных, особенно кремневых орудий и предметов обихода различного назначения. В погребениях найдены также деревянные орудия труда, изделия из слоновой кости, украшения из египетского фаянса[8], разнообразная керамическая посуда, изготовленная еще без применения гончарного круга. В строительстве применялись в основном

---

[7] Хор, или Гор, — имя одного из главных египетских божеств, солнечного бога, изображавшегося в виде сокола. Царь считался воплощением Хора и носил кроме личного особое «хорово» имя.

[8] Египетским фаянсом называется особая пластичная масса, при обжиге затвердевавшая и обретавшая стекловидную поверхность обычно голубого цвета.

необожженный кирпич, дерево; использование камня в строительстве было еще очень ограниченно и носило вспомогательный характер (притолоки и т.п.).

Итак, Египет периода Раннего царства жил в эпоху медно-каменного века. Но уже была создана и постоянно совершенствовалась и расширялась ирригационная система страны, что давало возможность использовать преимущества природных условий Нильской долины. Все это способствовало тому, что при низком еще техническом уровне был достигнут огромный рост производительности труда, прежде всего в земледелии, появился прибавочный продукт, следовательно, возникла и возможность его присвоения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Быстрому прогрессу страны способствовало также то, что почти все необходимое для себя египтяне находили или в самой долине, или же в непосредственной близости от нее. Повсюду встречались разнообразные породы камня, в том числе мягкого, легкого в обработке известняка. Рощи акаций, в это время еще обширные, давали строительный лес; некоторые сорта древесины доставлялись из Ливана морем, другие получали из Центральной Африки. Заросли папируса, который широко применялся египтянами как для производства своеобразной «бумаги», так и для плетения папирусных судов, использовавшихся при рыбной ловле и охоте на водоплавающую птицу в тихих заводях Дельты, также были неисчерпаемым источником сырья. Молодые побеги папируса шли в пищу. Нил славился изобилием рыбы, основного нерастительного продукта питания простых египтян.

Медь, как и в додинастические времена, египтяне добывали в копях Синайского полуострова, золото — к востоку от долины, в пустыне, а позже — на юге, в Нильской Эфиопии.

Из злаковых культур, выращивавшихся в Египте в период Раннего, а также Древнего царства, основной культурой был ячмень, который со временем стал отчасти вытесняться пшеницей-двузернянкой[9]. Широко было развито скотоводство. Памятники свидетельствуют о существовании различных пород крупного рогатого скота, овец, коз, ослов, свиней. Развиваются (особенно интенсивно в Дельте) садоводство, огородничество, виноградарство. Дошедшие до нас из погребений того времени полотна свидетельствуют о развитии льноводства и ткачества. Египтяне занимались также рыболовством, разведением водоплавающей птицы, охотой.

Создание и упрочение единого государства — процесс сложный и длительный, растянувшийся практически на весь период Раннего царства. Объединение Египта не могло конечно, не внести существенных изменений в структуру управления страной, руководства огромной ирригационной системой Египта, забота о расширении, усовершенствовании, нормальном функционировании которой лежала на царской администрации.

Период Раннего царства — это время становления общеегипетского государственного аппарата. Надписи I и II династий изобилуют названиями многих ведомств и должностей, существовавших ранее или впервые возникавших в связи с усложнением хозяйственного и административного управления, как в центре, так и в номах, на протяжении всего Раннего царства. Эти изменения связаны, по-видимому, с поисками оптимальных форм управления, а также учета и распределения производимых материальных ценностей.

---

[9] Двузернянка, иначе эммер или полба, — один из древнейших культурных злаков, вид пшеницы, почти вытесненный впоследствии более урожайными видами.

Очень скудны и фрагментарны наши знания об общественных отношениях египтян во времена Раннего царства. Известно, что существовало большое многоотраслевое царское хозяйство, включавшее в себя пашни и пастбища, виноградники и сады, пищевое ведомство, ремесленные мастерские и судостроительные верфи. Оттиски печатей царского хозяйства I и II династий дошли до нас не только из царских гробниц, но и из погребений тогдашних вельмож и многочисленных мелких чиновников, которые, по-видимому, получали довольствие из царского хозяйства. Естественно предположить, что кроме царского хозяйства — «дома царя» и «дома царицы» — должны были существовать и нецарские хозяйства. Однако сведения о них практически отсутствуют. Но если судить по роскошным для того времени погребениям знати, немногим отличающимся от царских погребений, знать эта, происходившая из номов и тесно с ними связанная, сохраняла большую экономическую самостоятельность и, вероятно, располагала еще значительными наследственными хозяйствами. О людях, работавших в царском хозяйстве и в хозяйствах знати, и методах эксплуатации людей, вовлеченных в эти хозяйства, мы сведений не имеем, они появятся в более поздний период, уже в эпоху Древнего царства. Анализ погребений периода I и II династий позволяет только сделать вывод о резком имущественном неравенстве в Египте уже в эту раннюю пору его общественного развития: наряду с богатыми погребениями знати известны более скромные погребения людей, занимавших, вероятно, определенное положение в египетском административном и хозяйственном аппарате, в хозяйствах царя и вельмож; обнаружены и совсем бедные погребения (просто неглубокие ямки на краю пустыни) низших слоев египетского общества.

Мало что мы знаем и об исторических событиях тех далеких веков. Цари первых двух династий вели постоянные войны с ливийскими скотоводческими племенами, захватывая много скота, приводя в Египет пленных. Появлялось египетское войско и в горах Синая, защищая медные копи от набегов переднеазиатских пастушеских племен; египтяне проникают также за первые нильские пороги, в Нубию. Но больше всего сведений дошло до нас о военных столкновениях в Нижнем Египте: борьба с непокорным и бунтующим Севером продолжается до конца II династии. Еще Менесу приписывается основание «Белых стен» (Мемфиса) — города, возникшего на левом берегу Нила в преддверии Нижнего Египта на стыке его с Верхним Египтом, — крепости и опорного пункта господства южан над Дельтой. Междоусобные войны на Севере завершились окончательной победой Юга при царе II династии Хасехемуи, который жестоко подавил последнее восстание в Дельте. Символически изображая свою победу над Нижним Египтом на подножиях двух своих статуй, он приводит на них и цифры павших в этой последней битве врагов — около 50 тыс. северян.

В период Раннего царства происходит и какая-то внутридинастийная борьба, внешним выражением которой стала замена в тронном имени царя бога Хора, божественного покровителя царей Раннего царства, богом Сетхом — вечным противником Хора. Затем был достигнут временный компромисс, и имена Хора и Сетха соседствуют в тронном имени одного из царей II династии; впоследствии же Хор одерживает полную победу над своим противником, и Сетх изгоняется из тронного царского имени.

Поражение Севера и прекращение династических распрей привели к концу II династии к окончательному объединению страны, открывшему новую эпоху в истории Египта — эпоху Древнего царства. Мемфис стано-

вится столицей единого государства. Согласно наиболее распространенному мнению, к одному из названий этого города — Хет-ка-Птах, что значит «Усадьба двойника[10] Птаха» — главного бога столицы, — и восходит греческое Айгюптос и наше наименование страны — Египет.

3. ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

Эпоха Древнего царства (начало XXVIII — середина XXIII в. до х.э.) — это более чем пятисотлетний период египетской истории, время правления III, IV, V и VI манефоновских династий, эпоха, генетически связанная с Ранним царством, но представляющая собой качественно новый этап развития Египта. Новые явления определялись в первую очередь окончательным, прочным объединением страны, сплочением ее в одно политическое и экономическое целое. Это становится особенно ясным, если учесть, что существенных изменений в орудиях производства по сравнению с Ранним царством не произошло; изменения были, по-видимому, в основном количественные. Только резкое увеличение производства медных орудий труда могло привести, например, к большим изменениям в строительном деле — началу невиданного доселе строительства из мягкого известняка. Известно, что блоки из этого камня выпиливались медными пилами, которые изготовлялись из слитков, подвергавшихся для прочности специальной проковке. Из гробниц Древнего царства до нас дошло большое количество различных медных орудий и их маленьких моделей, но попрежнему широко применялись разнообразные каменные орудия, деревянные мотыги, серпы с кремневыми зубьями, первобытный деревянный плуг. Медное орудие было в эту пору большой ценностью.

Полное объединение Египта и более целенаправленная организация производства в пределах объединенной страны в огромной степени способствовали общему подъему всех отраслей египетского хозяйства.

Памятники Древнего царства впервые позволяют осветить некоторые важные стороны производственных отношений египетского общества. Многочисленные документы показывают существование царского хозяйства и особенно хозяйств частных лиц — вельмож, занимавших высокие должности при дворе, в административном аппарате, как в центре, так и на местах — в номах. Многочисленные раскрашенные рельефы сплошь покрывают внутренние стены заупокойных вельможеских гробниц и снабжены краткими пояснительными надписями. Они дают возможность представить жизнь большого хозяйства — «собственного дома» (*пер джет*) вельможи. Эти гробничные изображения были тесно связаны с египетским культом, отражавшим представления египтян о потустороннем мире как вечной копии земной реальной жизни, и являлись, в сущности, подробным наглядным описанием этой жизни, поэтому они и имеют самое прямое отношение к действительному хозяйству вельможи.

Гробничные рельефы рассказывают нам о самом вельможе и о его непосредственном окружении. Обычно он показан главой большой семьи, в со-

[10] Двойник (*ка*) — по представлениям египтян, точная копия человека и бога, тесно связанная с изображениями и живущая практически вечно. Идея двойника породила огромное количество настенных и статуарных изображений в храмах и гробницах, являющихся важнейшим источником для изучения различных сторон жизни древнего Египта.

став которой входят его жена и дети, родные братья и сестры, иногда мать и отец, родственники, домочадцы. Здесь же многочисленные личные слуги, музыканты, певцы и певицы, танцовщицы, кравчие, парикмахеры, опахалоносцы, телохранители. Интересно, что младшие члены семьи наряду с домашними слугами обслуживают хозяина усадьбы или же участвуют в управлении его хозяйством.

Большое вельможеское хозяйство состояло из главной усадьбы и многочисленных владений (дворов и селений), находящихся в различных концах страны, как в Верхнем, так и в Нижнем Египте. Обширный штат различного рода служащих — писцов, надсмотрщиков, учетчиков, хранителей документов, управляющих, возглавляемых «домоправителем», который осуществлял общее руководство всей хозяйственной жизнью «собственного дома», — организовывал и контролировал труд земледельцев и пастухов, рыболовов и птичников, огородников и садовников, пекарей и пивоваров, медников и ювелиров, гончаров и каменотесов, ткачей и сандальщиков, плотников, столяров, судостроителей, художников и скульпторов — всех тех, кто так ярко представлен на гробничных рельефах за своей повседневной работой в поле и на пастбище, в ремесленной мастерской и в доме самого вельможи. Крупное вельможеское хозяйство Древнего царства обеспечивало своего владельца практически всем ему необходимым в повседневной жизни.

Характерной формой организации труда в полеводстве в период Древнего царства были рабочие отряды, трудившиеся при посеве и сборе урожая. Насколько можно судить по сценам сельскохозяйственных работ и надписям к ним, посевное зерно доставлялось земледельцам из житницы вельможеского хозяйства, тягловый скот (обычно это две длиннорогие коровы) приводился из вельможеского стада, собранный урожай, свозимый на тока ослами, принадлежал вельможе и после обработки на гумне поступал в его же закрома.

Рабочие отряды трудились и при перевозке тяжестей, погрузке судов (основное транспортное средство в Египте) и на многих других работах, причем они по мере надобности могли перебрасываться то на одну, то на другую работу.

Ремесленное производство вельможеского хозяйства было сконцентрировано в общих ремесленных мастерских — «палате мастеров», в которой трудились ремесленники разных специальностей. Здесь работали только мужчины. Женщины трудились в отдельных ткацких мастерских. В хозяйстве существовало специальное пищевое подразделение, занятое изготовлением различных продуктов. Во всех ремесленных работах существовало дробное разделение труда, над одним и тем же изделием на разных этапах его изготовления часто трудились несколько человек. И в ремесленной мастерской все средства производства принадлежали владельцу всего хозяйства; изделия, изготовленные мастерами, поступали в вельможеские склады. Так обстояло дело и в других отраслях хозяйства. Следовательно, все виды тружеников, вовлеченных в вельможеское хозяйство, были лишены собственности на орудия и средства производства.

Судя по рельефным гробничным изображениям, работники вельможеского хозяйства получали довольствие из вельможеских складов и производств — с огородов, пастбищ, рыбных угодий, из житниц, пищевого ведомства (зерно, рыбу, хлеб, овощи, пиво). Мы видим, как земледельцам выдают одежду — короткий передник — и специальное масло для умащения, так как, работая под безоблачным египетским небом при жарком

солнце, почти обнаженный земледелец вынужден был смазывать тело каким-либо жировым составом. Были ли у работника помимо хозяйского довольствия какие-то дополнительные средства к существованию, нам неизвестно.

Но на тех же гробничных рельефах изредка изображается рынок для мелкого обмена, участниками которого были, по-видимому, также труженики вельможеского хозяйства. Здесь шла бойкая торговля: зерно, хлеб, овощи, рыбу обменивали на рыболовные крючки, обувь, зеркала, бусы, другие ремесленные изделия. Мерилом стоимости было зерно или полотно. Наличие такого рынка можно объяснить существованием определенного избытка пищевых продуктов у части тружеников, а также, вероятно, и существованием в ремесленном производстве урочной системы. Норма выработки была, видимо, близка к полной производительной возможности работника, но, выполнив свой урок, он, наверное, мог изготовить дополнительные изделия, которые уже считались принадлежащими лично ему и могли быть обменены на рынке. Если это действительно было так, то работники вельможеского хозяйства могли обладать определенной личной движимостью и распоряжаться ею по своему усмотрению. Царское и храмовое хозяйства эпохи Древнего царства, от которых до нас дошли значительно более скудные сведения, судя по всему, были организованы по тому же принципу. Сейчас наши представления об организации храмового хозяйства становятся более определенными благодаря сенсационному открытию чехословацкой экспедицией архива припирамидного храма Неффиркара в Абу-Сире. Сведений о средних и мелких хозяйствах этой эпохи у нас почти нет.

Учитывая несомненно большую роль вельможеских хозяйств в экономике страны эпохи Древнего царства, необходимо выявить их связь с царским (государственным) хозяйством. Известно, что в египетских памятниках «собственный дом» вельможи выступает как нечто «внешнее» по отношению к «внутреннему», государственному (царскому) хозяйству. В состав «собственного дома» вельможи входили земли и имущество, унаследованные от родителей. Владельцами такого наследия становились по преимуществу старшие сыновья покойного главы семейства. Вот почему, в частности, младшие братья вельможи вынуждены были служить в его доме, кормиться за счет его хозяйства. Вельможа мог располагать имуществом, полученным по завещанию от других лиц, а также доставшимся ему «за вознаграждение», т.е. купленным. Складывается впечатление, что унаследованным, завещанным, купленным имуществом и землей вельможа имел право распоряжаться по своему усмотрению, как своей полной собственностью, своим достоянием «по истине» (именно из этого достояния вельможа, вероятно, выделял землю и средства на обеспечение своего заупокойного культа, предусматривавшего содержание большого штата заупокойных жрецов при его гробнице). Наряду с достоянием «по истине» вельможа располагал достоянием «по службе», которым он, по-видимому, полностью распоряжаться не мог, так как оно принадлежало не ему лично, а его должности и могло быть отобрано вместе с должностью, поэтому свое достояние «по истине» и «по должности» вельможа четко разграничивал. Вместе с тем памятники свидетельствуют, что благополучие вельможи зависело прежде всего от его должностного достояния, и вне служебной карьеры мы не можем представить себе вельможу Древнего царства. Необходимо иметь в виду, что должности в Египте, как правило, были потомственными, передавались от отца к сыну, но при этом такая передача должности всякий

раз утверждалась царем. Таким образом, личное и должностное в «собственном доме» вельможи тесно переплетается. Не случайно само египетское понятие «собственность» (*джет*) является более широким по сравнению с нашим — оно может служить и для обозначения полной собственности (в нашем ее понимании), и для обозначения только владения, пользования (за службу).

Естественно, что многочисленный штат организаторов производства в царском, храмовых и вельможеских хозяйствах — различные чиновники, писцы, учетчики и контролеры — отличался по своему положению в обществе от лиц, непосредственно трудившихся в этих хозяйствах. Многие из них занимали определенные государственные должности и сами имели в своем распоряжении земельные угодья и людей, обрабатывающих их. К этой категории лиц следует отнести также мелкий и средний персонал храмов, многочисленных жрецов, связанных с заупокойным культом (верховные жреческие должности сосредоточивались в руках высшей придворной и местной провинциальной администрации). В эту же группу лиц, составлявших среднюю прослойку египетского общества, могли входить скульпторы, архитекторы, живописцы, врачи, талантливые разбогатевшие ремесленники царских, храмовых и вельможеских хозяйств. От второй половины Древнего царства до нас дошли многочисленные погребения, порой весьма богатые, принадлежавшие представителям именно этих средних слоев населения.

Термин, обозначающий раба (*бак*, мн.ч. *баку*), известен еще со времен Раннего царства. Немногочисленные документы Древнего царства свидетельствуют о том, что рабов можно было покупать и продавать (сохранился, например, документ от VI династии, упоминающий куплю рабов), следовательно, в Египте времени Древнего царства существовал рабский рынок. Среди рабов были чужеземцы, но преимущественно это были египтяне по происхождению. Правда, механизм порабощения соплеменников в условиях Древнего царства трудно сейчас восстановить. Преобладание огромных, более или менее замкнутых хозяйственных комплексов, в которых производилось все необходимое, от орудий производства до продуктов потребления, тормозило, естественно, развитие товарно-денежных отношений в стране, поэтому возможность появления в эту эпоху известного по несколько более поздним переднеазиатским древним обществам долгового рабства почти исключается. Возможно, что большинство домашних рабов у египтян по происхождению являлись потомками тех жителей Нильской долины, которых в период раздробленности и войн между номами, а затем и между обоими ранними египетскими государствами захватывали и порабощали соседи. Но, безусловно, существовали и какие-то другие пути порабощения соплеменников. Так, высокие должностные лица второй половины Древнего царства, выставляя напоказ свою добродетель, хвастаются в своих автобиографических надписях тем, что не поработили за всю свою жизнь ни одного египтянина. Следовательно, сама возможность порабощения соплеменников — жителей Нильской долины — не была исключена и имела место, но, очевидно, порабощать их считалось предосудительным, а возможно, и запрещалось царской властью. Недаром косвенные сведения о порабощении египтян восходят в основном к концу Древнего царства, когда ощущался уже резкий упадок центральной власти.

Несомненно, что царские, храмовые и вельможеские хозяйства были преобладающими в экономической структуре Древнего царства. Однако были ли эти крупные хозяйства единственной формой организации произ-

водства в стране, или же за их пределами мог существовать пусть незначительный, но автономный общинно-частный сектор экономики? Ответить на этот вопрос исходя из египетских источников той эпохи трудно, так как все они имеют отношение только к царскому и вельможескому хозяйствам. Лишь на основании немногих косвенных данных можно предполагать, что такой сектор, вероятно, существовал. Так, например, один вельможа, живший в конце III династии, покупает землю у коллектива неких *нисутиу* («царских»), которые, следовательно, имели какие-то индивидуальные или коллективные права на землю и могли распоряжаться ею по собственному усмотрению. Возможно, о существовании мелких индивидуальных хозяйств свидетельствуют надписи вельмож конца Древнего царства, которые, по их словам, помогали каким-то, по-видимому мелким, производителям посевным зерном и тягловым скотом в период пахоты. Трудно предположить, что такая помощь могла осуществляться в рамках царского и вельможеского хозяйств, основанных, как мы видели, на совершенно других принципах. Наконец, не разорившиеся ли мелкие собственники, попадая в зависимость от владельцев крупных вельможеских хозяйств, превращались в рабов-баку? Не они ли являлись источником пополнения столь многочисленной категории заупокойных жрецов, обеспечивавших заупокойный культ вельмож? Возможно также, что среди участников обменного рынка, известного нам по гробничным изображениям, были не только труженики, вовлеченные в крупные вельможеские хозяйства, но и мелкие индивидуальные производители. Однако все это только предположения. Материал слишком незначителен и противоречив, чтобы можно было сделать какие-либо твердые, однозначные выводы.

Во главе сложившегося египетского государства стоял царь, часто называемый в литературе *фараоном* — термин, пришедший из греческого языка, но восходящий к древнеегипетскому иносказательному наименованию царя эпохи Нового царства — *пер-'о*, что значило «Большой дом» (т.е. дворец); само же имя царя считалось священным, и произносить его всуе возбранялось.

Египетский царь обладал неограниченной экономической, политической и верховной жреческой властью. Все значительные мероприятия в стране и за ее пределами производились от имени фараона — большие ирригационные и строительные работы, разработка ископаемых и камня в окрестных пустынях, войны и торговые экспедиции, большие религиозные и династийные праздники. Царь почитался как бог и был, по египетским представлениям, во всем равен богам и даже превосходил их могуществом. Так, в период расцвета Древнего царства усыпальницы царей — пирамиды — затмевали своим великолепием храмы богов, в то время еще очень незначительные, настолько, что до наших дней от последних почти ничего не сохранилось. Длинная, со временем все более расцвечивающаяся эпитетами титулатура египетского царя содержала в себе пять имен, в том числе личное и тронное. До конца египетской истории фараон выступал как царь Верхнего и Нижнего Египта, что фиксировалось в его титулатуре как воспоминание о некогда существовавших самостоятельных царствах Севера и Юга. Пережитком времен двух додинастических царств была и дублированная система некоторых государственных ведомств страны.

Важнейшим помощником царя был верховный сановник — *чати* (в литературе часто называемый визирем), осуществлявший от имени царя общее руководство хозяйственной жизнью страны и главной судебной палатой. В разные времена чати мог занимать и некоторые другие крупней-

шие должности, в частности должность главы столичного управления; известно, однако, что ему в течение почти всей истории Египта не доверялось руководство военным ведомством, во главе которого стоял другой крупнейший сановник — начальник войска.

Некогда независимые номы, войдя в состав единого государства, превратились в его местные административно-хозяйственные округа, причем во время наивысшего расцвета Древнего царства, при IV династии, отмечается полное подчинение номов центральной власти: царь мог по своей воле перемещать номархов (правителей номов) из одного нома в другой, из Верхнего Египта в Нижний и наоборот, существовал жесткий контроль центра над всеми действиями местной администрации. В период III и IV династий высшая столичная знать состояла из узкого круга лиц, находившихся в кровном родстве с царем. Важнейшие лица в государстве — чати, военачальники, руководители различных ведомств и работ, верховные жрецы важнейших египетских храмов — были близкими или более дальними родичами царского дома, правящей династии. Централизованное управление осуществлялось при помощи огромного, разветвленного и специализированного бюрократического аппарата.

Единственным родом постоянного египетского войска, начавшего складываться еще в период Раннего царства, была пехота. Воины были вооружены луками, стрелами и короткими мечами. Часто во время походов воинов перебрасывали к месту битвы из мест постоянного расположения на грузовых речных судах. Границы Египта на Севере и Юге были защищены цепью оборонительных крепостей, в которых размещались военные гарнизоны. Интересно, что полицейские функции в Египте с древнейших времен осуществлялись выходцами из рано покоренной египтянами Северной Нубии — *маджаями*.

Египет часто образно называют «Страной пирамид». В непосредственной близости от Каира и к югу от него разбросаны эти грандиозные погребальные сооружения царей Древнего царства, немые свидетели невиданного доселе могущества египетских правителей, призванные навеки прославить имена фараонов, погребенных в подземных камерах этих своеобразных надгробий. Первая, еще ступенчатая, 60-метровая пирамида была воздвигнута близ современного местечка Саккара к югу от Каира для фараона III династии, основателя Древнего царства Джесера талантливым архитектором, врачом и чати, знаменитым Имхетепом, впоследствии обожествленным. Незыблемо стоит в пригороде Каира, Гизе, первое и единственное сохранившееся из семи чудес света древнего мира — великая пирамида второго царя IV династии Хеопса (Хуфу) — 146-метровая, сложенная из 2 млн. 300 тыс. великолепно пригнанных огромных каменных глыб. Здесь же высятся пирамиды его преемников — младшего сына по имени Хефрен (Хафра), которая всего на три метра ниже пирамиды отца, и значительно уступающая им 66-метровая пирамида еще одного фараона этой же династии, которого звали Микерин (Менкаура). Каждый царь Древнего царства начинал строить себе усыпальницу сразу же по восшествии на престол, и возводилась она порой в течение нескольких десятилетий. Геродот, путешествовавший по Египту в V в. до х.э., оставил нам яркое, но не совсем точное описание строительства пирамиды Хеопса, как оно сохранилось в памяти далеких потомков.

Хеопс, по рассказам Геродота, вверг страну в пучину бедствий, заставив всех египтян работать на него. Одни перетаскивали к Нилу огромные глыбы камня из каменоломен в восточной пустыне, другие грузили их на

корабли и доставляли на левый берег Нила, третьи тащили их до подножия Ливийского плоскогорья к месту строительства. Сто тысяч человек трудились там изо дня в день, сменяя друг друга каждые три месяца. Десять лет строили только дорогу, по которой тащили камни, и погребальный склеп, двадцать лет возводилась над ними сама пирамида.

На самом же деле строительным материалом для сооружения пирамиды служил местный известняк, добываемый тут же, у ее подножия, а с противоположного берега привозили только высококачественный белый известняк для облицовки внутренних помещений пирамиды и ее внешних граней. Непосредственно пирамиду возводило ограниченное количество рабочих отрядов, состоявших из постоянных, квалифицированных, специально обученных работников. Специальные рабочие бригадами трудились и на соседних каменоломнях. Несомненно, однако, что на строительстве пирамид в большом объеме использовался неквалифицированный труд вспомогательных работников, но происходило это главным образом во время разливов Нила, когда сельскохозяйственные работы невозможны, и потому не наносило ущерба экономике.

Рядом с пирамидами IV династии возвышается высеченный в скале 20-метровый Большой Сфинкс; его обезображенное временем лицо, как полагают, имеет портретное сходство с царем Хефреном, во времена которого, по-видимому, сфинкс и был изваян. А рядом, возле пирамид, раскинулся большой город мертвых — погребения знати времен расцвета Древнего царства. Возводили себе пирамиды, правда менее грандиозные, и цари последующих, V и VI династий. Пирамиды V династии расположены в районе Абу-Сира и Саккары. Возле последнего селения находятся и пирамиды царей VI династии. Саккарский некрополь знати — самый обширный и важный в Древнем царстве.

Время Древнего царства оставило нам не столько надписи царей, сколько автобиографические надписи вельмож и номархов, повествующие о военных походах, торговых экспедициях, разработке полезных ископаемых за пределами Египта.

Основатель IV династии царь Снефру совершил большой поход в Эфиопию, полонив 7 тыс. нубийцев и уведя 200 тыс. голов скота; после похода в Ливию он привел в Египет 1100 пленных ливийцев и новые стада. На Синае с азиатскими племенами боролись цари V династии Сахура и Унис. Они же предпринимали походы и в Ливию. В поминальном храме Сахура, например, изображены суда, доставляющие в Египет пленных азиатов и ливийцев. От него же до нас дошли первые сведения о путешествии египтян в далекий загадочный Пунт, находившийся, возможно, на территории современного Сомали. Тогда еще не был прорыт канал между восточным рукавом Нила и Красным морем, поэтому путешествие должно было начинаться в г. Коптос в Верхнем Египте, откуда по руслу высохшей реки Вади-Хаммамат египтяне пешком доходили до побережья, а затем на судах отправлялись в Пунт, привозя оттуда благовония, мирру, ладан, золото.

Военные походы организовывали и цари VI династии. Пиопи I, второй царь VI династии, воевал с азиатскими племенами уже за пределами Синайского полуострова, причем египетские войска двигались и сушей и морем. Сын Пиопи I, Меренра, ходил в Эфиопию. Организовывались также и «хозяйственные» экспедиции, основной целью которых была добыча полезных ископаемых и других видов сырья (особенно для изготовления предметов роскоши).

Многочисленные надписи, оставленные на месте их деятельности должностными лицами, которых царь направлял в рудники и каменоломни, повествуют об организации этих «мирных» походов, о борьбе со степными скотоводами в пути, о победах над ними, о разработках ископаемых. Медь египтяне по-прежнему добывали в горах Синая, там же добывалась и бирюза. Камень был повсюду, но редкие его породы доставляли иногда издалека. Лазурит, например, путем многоступенчатого обмена попадал в Египет с территории современного Афганистана. Многочисленные экспедиции снаряжались на восточный берег Средиземного моря за ливанским кедром. Из Нубии привозили черное дерево, слоновую кость, шкуры львов и леопардов, но о нубийском золоте, россыпи которого впоследствии интенсивно разрабатывались египтянами, сведений еще нет. В период Древнего царства египтяне добывали золото в пустыне к востоку от Нильской долины, привозили его и по Красному морю из страны Пунт.

Внутреннее положение государства периода Древнего царства, несмотря на его бесспорную мощь, было, однако, небезмятежным. Почему-то глубоким мраком окутано время правления III династии — нам хорошо известен только ее родоначальник Джесер. Недостроенная пирамида и разбитые изваяния сына Хеопса, Джедефра, возможно, свидетельствуют о междоусобной борьбе двух братьев, закончившейся победой Хефрена. Скрыт от нас, по-видимому, драматический конец могущественной IV династии и приход на ее место V династии в лице ее основателя Усеркафа.

Восшествие на престол этой династии привело к серьезным идеологическим изменениям, связанным с началом общегосударственного почитания солнечного бога Ра — главного бога Гелиопольского нома, из которого, возможно, и происходила V династия. Теперь в титулатуре царь не только отождествляется с богом Хором, традиционным покровителем раннединастических египетских царей, но и выступает как сын бога Ра. Пятеро первых царей новой династии возводят в честь бога Ра солнечные храмы с огромным обелиском внутри обнесенного оградой двора. При V династии происходят также большие внутриполитические сдвиги, внешним выражением которых стало появление среди высших должностных лиц государства выходцев из знати, не связанной с царем родственными отношениями (что было так типично при предшествующей династии).

Наконец, вся вторая половина Древнего царства — это время незримой, но длительной и упорной борьбы усилившейся номовой администрации против чрезмерного засилья центральной власти, за свою политическую и экономическую автономию. Прямых письменных свидетельств этой борьбы нет, да, возможно, и не было, но многое можно понять, если взглянуть хотя бы на погребения верхнеегипетских номархов (глав администраций номов) периода VI династии. Наследственные некрополи номархов той поры обнаружены по всему Верхнему Египту. И мы видим, что гробницы номархов от поколения к поколению становятся все более роскошными, особенно гробницы номархов богатейших областей, а гробницы царей — пирамиды — уже не идут ни в какое сравнение с величественными сооружениями могущественных фараонов IV династии.

Постепенно номы подрывают могущество центральной власти, и царской администрации со временем все более и более приходится идти на уступки их правителям. Происходит перераспределение материальных и людских ресурсов страны в пользу номов, в ущерб центру. Подрывается экономическое могущество мемфисских царей, ослабевает их политическое влияние. Вскоре после смерти царя VI династии Пиопи II, который цар-

ствовал в Египте почти 100 лет, власть Мемфиса над Египтом становится номинальной. VII—VIII династии еще поддерживают традиции Древнего царства, но эпоха былого величия прошла безвозвратно. Около 2200 г. до х.э. страна распадается на множество независимых номов. Эпоха Древнего царства завершается.

Глава X

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО В ЕГИПТЕ И НАШЕСТВИЕ ГИКСОСОВ

1. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Собственно Средним царством принято считать эпоху единого египетского государства, воссозданного на развалинах Древнего царства в самом конце III тысячелетия до х.э. выходцами из южного верхнеегипетского Фиванского нома — последними царями XI династии, а затем упроченного фараонами следующей, XII династии, двухсотлетнее правление которых явилось временем расцвета и быстрого упадка.

Но между концом Древнего и началом Среднего царства лежит длительный, охватывающий предположительно почти четверть тысячелетия так называемый I Переходный период — период раздробленности и больших социальных потрясений, время ожесточенной внутренней борьбы за новое объединение страны. Именно здесь, по-видимому, нужно искать истоки существенных отличий среднеегипетского государства от минувшей эпохи Древнего царства.

Распад единого государства, стремление номов к экономической и политической обособленности, их соперничество и борьба друг с другом пагубно отразились на всей экономической структуре страны, на единой ирригационной системе — основе хозяйственного благополучия Египта. Внутренняя борьба усугубляет и без того тяжелое положение Египта — гибель и разорение несут с собой непрекращающиеся раздоры между враждующими номами. И не случайно памятники времени эфемерных VII—X династий полны сведений о годах страшного голода, о пашнях, превратившихся в болота и непроходимые заросли, о пустующих полях, которые некому обрабатывать, так как обезлюдели богатые и процветающие области страны. Естественно, что в такой обстановке нельзя исключить и серьезных социальных выступлений трудящегося населения страны, испытывавшего, без сомнения, наибольшие тяготы и лишения. Смутные намеки на волнения низов египетского общества зафиксированы во многих документальных и литературных источниках той поры.

По-видимому, эти грозные для власть имущих социальные выступления народных масс нашли прямое отражение в дошедших до нас двух политических манифестах периода усиливавшейся борьбы за новое политическое и экономическое объединение страны, необходимость которого становилась все более явной.

Большой, сильно поврежденный папирус, находящийся сейчас в Лейдене, сохранил страстный призыв некоего Ипувера — возможно, близкого к правящим кругам северной части страны, — к восстановлению прежних порядков в Египте, к воссозданию единого египетского государства. В поэтической форме Ипувер взволнованно и ярко рисует, пожалуй, преднамеренно преувеличенную картину бедствий разъединенной страны, где господствуют всеобщая вражда и озлобление, грабежи и убийства, где царят запустение и голод, где люди едят траву и запивают ее водой, питаются тем,

чем раньше кормили свиней (имели место даже случаи людоедства). Рассказчик-поэт скорбит о разрушенных городах и разоренных номах, поверженных дворцах и осквернённых гробницах, печалится о прекращении исконных торговых связей с Восточным Средиземноморьем (уже нет кедра даже для саркофагов благородных людей!) и о нарушенных внутренних отношениях: охваченный смутой Юг не шлет на Север, как обычно, зерно и изделия ремесленников, плоды и благовонные масла, и жители окрестных оазисов не спускаются больше в Египет со своими дарами. Негодует Ипувер, видя, как варвары — азиаты и ливийцы, — воспользовавшись слабостью Египта, вторгаются в незащищенную Дельту и опустошают ее. Но больше всего беспокоит его широкое восстание народа, современником которого был он сам или воспоминания о котором были еще живы. Страна перевернулась, подобно гончарному кругу, вещает Ипувер. Бедняки стали богатыми, а имущие — бедняками, тот, кто не имел хлеба, стал собственником закромов, кто не имел упряжки, стал владельцем стада, у кого не было даже лодки, стал владельцем судов, у кого не было хижины, стал владельцем дома, тот, кто ткал не для себя, одет в тонкие полотна, знатные же люди — в лохмотьях, кто не был в состоянии сделать себе гроб, стал владельцем усыпальницы, тела же прежних владельцев гробниц выброшены в пустыню. Только восстановление старых порядков избавит Египет от всех этих потрясений и бедствий, ибо будет хорошо, вещает Ипувер, когда вновь будут восстановлены должности, когда люди вновь будут строить пирамиды, рыть каналы и взращивать сады, когда будет восстановлено положение знати; прекратятся грабежи и волнения, дороги станут безопасными, возрастет мощь Египта, и варвары, как и прежде, будут трепетать перед ним.

В Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже, хранится папирус, содержание которого перекликается с лейденским папирусом. Облеченный в форму пророчества, произнесенного перед царем Снефру, основателем могущественной IV династии, в его дворце ученым жрецом Неферти, текст этого документа повествует о тех же печальных событиях, о которых так ярко рассказал Ипувер: перед нами снова встают знакомые картины упадка и разорения, убийств и грабежей, голода и несчастий, смут и вторжений иноземцев. Цель пророчеств Неферти та же, что и у Ипувера, — призыв к восстановлению в стране единой власти, к возврату к старым порядкам в Египте. Но если призыв Ипувера звучит просто как благое пожелание и не имеет конкретного адреса, то пророчества, вложенные в уста жреца Неферти, предрекают приход царя-южанина, уроженца Верхнего Египта, царя, который возложит на свою голову двойную корону египетских властителей, объединит Египет, усмирит внутренние распри, восстановит правду и устранит ложь, сокрушит ливийцев и азиатов, восстановит разрушенные пограничные укрепления. Называет Неферти и имя такого объединителя Египта — Амени, т.е. сокращенное имя основателя XII династии Аменемхета I.

Естественно предположить, что пророчества Неферти были составлены уже на завершающем этапе борьбы за воссоединение страны под единым руководством и исходили из кругов, непосредственно связанных с основателем новой династии; призывы же Ипувера прозвучали, вероятно, раньше[1].

[1] Точная дата создания этих двух сочинений остается еще предметом дискуссий. Скорее всего «Речение Ипувера» описывает события конца VIII династии по горячим следам, тогда как «Пророчество Неферти» написано уже после воцарения XII династии. Но важно отметить,

Следует иметь в виду, что оба документа дошли до нас в поздних копиях Нового царства — лейденский папирус записан во времена XIX династии, санкт-петербургский — в середине правления XVIII династии, однако нет сомнения в том, что оба папируса содержат тексты более ранней эпохи. Одно время существовали разные мнения по поводу датировки событий, отраженных в этих источниках. Сейчас несомненно, что они относятся к I Переходному периоду. Это подтверждается и существованием целого ряда произведений так называемой «пессимистической литературы», имеющих текстуальную близость к «Речению Ипувера» и «Пророчеству Неферти».

Памятники позволяют проследить основные моменты борьбы за единство страны задолго до воцарения Аменемхета I. В середине XXII в. до х.э. провозгласил себя фараоном Ахтой (Хети), правитель Гераклеопольского нома, расположенного в 120 км южнее Мемфиса (IX династия). Ахтою I и особенно царям следующей, X династии удалось объединить часть верхнеегипетской долины. Затем на юге страны усилился Фиванский ном. В Египте стали одновременно править цари X гераклеопольской и XI фиванской династий. В поучении одного из гераклеопольских царей своему сыну Мерикара рекомендуется жить в мире с Южным царством. Однако столкновение было неизбежным. Гераклеопольские цари в борьбе с Фивами опирались на некоторых их номархов. Наконец, около 2040 г. до х.э. фиванский царь Ментухетеп I становится фараоном всего Египта. Начинается история Среднего царства.

2. СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО

За время Переходного периода в условиях крушения единого управления ирригационными системами наблюдается значительное повышение местной инициативы. Именно в это время появляется более удобный плуг, позволяющий облегчить пахоту и улучшить качество обработки почвы; и в земледелии, и в ремесленном производстве возникает много новых орудий труда. Их изобретают порой в очень отдаленных друг от друга номах; постепенно они распространяются по всей стране в результате расширения внутреннего обмена; усовершенствуются старые орудия. К концу периода египтяне впервые начинают применять бронзу (сплав меди и олова); правда, и позже основным металлом в производстве по-прежнему остается чистая медь. В животноводстве появляется новая, более продуктивная порода крупного рогатого скота, со временем полностью заменившая прежнюю длиннорогую породу. Прогресс стимулировался попытками номов высвободить возможно больше свободных рук, призванных возместить в какой-то степени урон, вызванный нарушением единой для всей страны хозяйственной организации. Все новое в производстве затем закрепляется и развивается в рамках единого среднеегипетского государства.

Внутренний обмен в Египте I Переходного периода возрос, хотя, казалось бы, условия были неблагоприятными. Это произошло в связи с упад-

что мотив резкого социального переворота, перемены социальных статусов встречается едва ли не во всех литературах ранней древности. Он отражает какие-то не совсем еще понятные кризисные явления в древних обществах. — *Примеч. ред.*

ком самодовлеющих хозяйств столичной знати эпохи Древнего царства и возрастанием роли в жизни страны небольших хозяйств. Владельцы этих хозяйств в свое время, возможно, стали опорой номархов в их борьбе с мемфисскими царями, а затем выдвинулись на службе у многочисленных независимых правителей областей в I Переходный период. Круг лиц, получавших за свою службу в административном аппарате, при дворе, в войске соответствующее их должностному положению материальное обеспечение, значительно возрос. Естественно, что многочисленные мелкие и средние хозяйства новых должностных лиц местной и центральной администрации не обладали производственными возможностями прежних больших вельможеских хозяйств, способных производить все необходимые орудия, изделия и продукты своими силами. Восполнить этот недостаток можно было только определенной специализацией производства в мелких и средних хозяйствах, что и способствовало возникновению интенсивного обмена между ними, который остался характерным для всей эпохи Среднего царства.

В наследство от I Переходного периода Среднему царству остается и возросшее влияние местной номовой администрации в экономической и политической жизни страны. Настолько велика самостоятельность номархов даже в самом конце эпохи, что они иногда ведут летосчисление по годам собственного правления, выдвигают на передний план культ местного божества, в своей титулатуре называют себя, подобно царям, сыновьями этого божества. Номархи возглавляют местные воинские силы, нередко весьма значительные, окружают себя многочисленной пышной свитой приближенных, телохранителей, слуг. Даже при сильных царях XII династии позиции местных правителей не были подорваны. Пожалуй, мощь их еще более возросла; их гробницы при первых царях XII династии стали еще богаче. В период Среднего царства номархи уже не простые исполнители воли центральной администрации на местах, как это было при могущественных царях Древнего царства; в рамках нового единого египетского государства они сами обладают значительной самостоятельностью, их власть в номах является наследственной, и царь только формально утверждает назначение нового номарха.

Естественно, в таких условиях у царей Среднего царства, вынужденных делить власть в стране с местными правителями, положение было менее прочное и устойчивое, чем у фараонов Древнего царства, и неудивительно, что подспудная борьба местных правителей и центральной власти, внутренние беспорядки и волнения, заговоры и дворцовые интриги происходят в Египте в течение всего периода XII династии.

При дворе и в административном аппарате Среднего царства наряду с представителями столичной потомственной знати, связанной с новой династией родственными узами, наряду с выходцами из местной номовой администрации многие важнейшие государственные должности занимают и люди незнатного происхождения, всем своим благосостоянием обязанные фараону. «Царь — это пища» — так выразил свое отношение к центральной власти один из крупных чиновников середины периода XII династии, человек незнатного рода. Очевидно, именно эти лица, заинтересованные в силу своего положения в усилении центральной власти, служили основной опорой царей Среднего царства. Возможно, что стремление новой центральной власти материально обеспечить большой круг этих людей и явилось одной из побудительных причин грандиозного ирригационного строительства в районе Файюмского оазиса, предпринятого царями XII ди:!ас-

тии, что привело к значительному увеличению фонда пахотной земли в стране. Характерно, что освоенные тогда земли находились в непосредственной близости от новой египетской столицы, местопребывания царского двора.

Восстановление единства страны и укрепление центральной власти приводит к активизации широкого строительства, возобновлению экспедиций в каменоломни и рудники, освоению новых месторождений металлов. По-прежнему получают египтяне медь и бирюзу в горах Синая, но со времени Среднего царства известны также медные копи между Нилом и Красным морем в Нубии. Золото теперь добывают не только к востоку от Верхнего Египта, в пустыне, но и на севере Нильской Эфиопии. Возобновляются прерванные внешние связи Египта: египтяне вновь ведут интенсивную торговлю с Восточным Средиземноморьем; основные поставки ливанского кедра в Египет осуществляются через г. Библ в Финикии. Путем обмена египтяне приобретают олово. Найденная в Египте критская посуда и египетские ремесленные изделия на Крите свидетельствуют о существовании в период Среднего царства египетско-критских торговых связей. Известно, что египетские суда по-прежнему плавали в далекий Пунт.

Всестороннее комплексное исследование памятников Среднего царства позволило выявить социальный слой основных производителей материальных благ, обозначаемых самими египтянами обобщающим термином *хемуу нисут* — «царские хемуу». Этим термином охватывалось практически все трудящееся население страны. Царские хемуу, основной обязанностью которых была работа в рамках определенной профессии, эксплуатировались как в царском и храмовых хозяйствах, так и в хозяйствах частных лиц — людей, занимавших различные должности в центральной, номовой и храмовой администрации. Связь каждого царского хемуу с определенной профессией была характерной особенностью всего данного социального слоя, поэтому в памятниках царские хемуу выступают, как правило, в своем профессиональной обличье: это земледельцы и пастухи, садоводы и огородники, рыбаки и птицеловы — все те, кто трудится в поле, на пастбищах, в разных промыслах; это и многочисленные слуги, кравчие, танцоры, певцы, музыканты, брадобреи, учителя, т.е. люди, непосредственно обслуживающие хозяина, его родственников и приближенных в его доме, дворце. На полевых работах использовались исключительно мужчины, к домашним ремеслам привлекались и мужчины и женщины. Царские хемуу работали также в специализированном пищевом производстве — *шнау* и в ремесленных мастерских царского, храмовых и вельможеских хозяйств.

Царские хемуу назначались на работы в юности, причем права выбора профессии они были лишены. Каждый год от имени царской администрации в номах проводились специальные смотры, основное назначение которых состояло в распределении юношей из трудового населения страны, достигших совершеннолетия (по египетским представлениям). На эти смотры привлекались все дети царских хемуу, независимо от принадлежности их родителей к тому или иному виду хозяйств. Прежде всего на смотрах происходил отбор наиболее сильных и выносливых юношей в войско; назначались дети царских хемуу и в низшее жречество. При определении в ремесленное производство, естественно, учитывались профессиональные навыки, передаваемые по наследству, поэтому сын ремесленника обычно становился тоже ремесленником. Бóльшая часть юношей становилась земледельцами

или распределялась на другие основные профессии в зависимости от производственной потребности египетского хозяйства. Назначенная принудительно, профессия являлась для большинства участников смотра пожизненной, хотя имели место и случаи перераспределения, осуществлявшегося на смотрах же: старый, немощный земледелец, например, мог быть назначен на более легкую работу привратника.

Документы Среднего царства дают возможность выявить социальное положение царских хемуу. Люди из этого слоя, составлявшего основное трудящееся население страны, были лишены собственности на орудия и средства производства, трудились в хозяйствах, которые им не принадлежали, и сами наряду с орудиями и средствами производства либо находились во владении («собственности» — *джет*) отдельного должностного лица, либо принадлежали храмам или государственным (царским) учреждениям. Методы эксплуатации и материального обеспечения лиц разных профессий в царском, храмовом или частном хозяйстве были одинаковыми, поэтому сами египетские труженики не ощущали особой разницы в своем положении, работая в любом из этих хозяйств. Однако для уяснения экономической и социальной структуры египетского общества чрезвычайно существенным является то, что в личном хозяйстве связь работающих в нем царских хемуу с их непосредственным хозяином была непрочной, поскольку они наряду с землей и другим имуществом придавались своему хозяину в качестве его должностного обеспечения и, по сути дела, принадлежали не данному лицу, а его должности, поэтому в личном хозяйстве хозяин не мог распоряжаться царскими хемуу по собственному усмотрению. Известно, что и дети царских хемуу привлекались на общих основаниях на смотры, распределялись по профессиям не в то хозяйство, из которого вышли, а на сторону — в хозяйства других должностных лиц или учреждений. Следовательно, должностные лица не имели права и на потомство царских хемуу, работавших в их хозяйствах.

Другой социальной категорией зависимых людей, количественно незначительной по сравнению с царскими хемуу, были известные нам с Древнего царства *баку* — рабы в полном смысле этого слова. Эксплуатировались они исключительно в хозяйствах отдельных лиц. Баку являлись полной собственностью своих владельцев и поэтому исключались из общегосударственной сферы учета и распределения рабочей силы, не поступали на смотры и не распределялись на профессии от имени царской администрации. Естественно, что они не имели строго фиксированных специальных профессиональных обозначений.

В хозяйствах частных лиц, где в основных отраслях производства трудились назначенные на определенные профессии царские хемуу, баку находились при дворе своих хозяев в штате их личных слуг или же использовались на различных, часто случайных работах. Владелец баку имел право распоряжаться их судьбой по собственному усмотрению, дети баку также являлись полной собственностью хозяина. Существовал рабский рынок, где баку свободно продавались и покупались. Интересно, что вельможа, имевший в своем распоряжении часто сотни царских хемуу, считал необходимым специально отметить приобретение им одного бак. Здесь, пожалуй, наиболее ярко проявляется различие царских хемуу и баку в хозяйстве частных лиц — первыми их хозяева только владели при условии службы, вторые были их полной, безраздельной собственностью.

Порабощение какой-то части соплеменников, особенно молодежи из основного трудящегося населения, превращение их в баку, по-видимому,

имело широкое распространение в период ослабления центральной власти в конце Древнего царства и в особенности в тяжелые времена I Переходного периода. При достижении нового политического единства страны с укреплением центральной власти при XII династии попытки такого порабощения пресекались ею, однако полностью ликвидировать произвол вряд ли удалось.

Об эксплуатации пленников-иноземцев в I Переходный период говорить не приходится за отсутствием таковых в Египте в ту пору; немного их было и в начальный период истории Среднего царства, но с середины правления XII династии приток чужеземцев в страну значительно возрос, и с этого времени мы встречаем их и в штате знатного, богатого сановника, и у египтянина, весьма скромного по своему служебному положению. Среди зависимого египетского населения иноземцы (почти исключительно азиаты — западные семиты), которых египетские войска захватывали вблизи северо-восточных границ Египта, занимали довольно своеобразное положение. Так же как и царские хемуу, иноземцы состояли на учете в центральном ведомстве по распределению рабочей силы; так же как и основное трудящееся население страны, азиаты могли использоваться на работах в царском, храмовом и хозяйствах отдельных лиц, но в частных хозяйствах они часто не имели определенной профессии и использовались, как и баку, на случайных работах в зависимости от воли своего хозяина. Документы, к сожалению немногочисленные, все же дают возможность сделать вывод, что труд иноземцев использовался в основном на дому, в сфере личного обслуживания, а также в дворцовом и вельможеском пищевом производстве — *шнау*, в ремесле, в специальных ткацких мастерских, где работали только женщины, в том числе и пленные. На полевые работы иноземцы, как правило, не привлекались — на полях, пастбищах, в садах и огородах, на промыслах в царском, храмовых и частных хозяйствах основной производительной силой были царские хемуу.

Огромное влияние на жизнь всего египетского общества оказывали так называемые царские работы, основное назначение и организацию которых удалось раскрыть также на материалах Среднего царства. Царские работы — это повинность в пользу царя, государства, ложившаяся в основном на плечи тех же царских хемуу. Участников царских работ отвлекали от повседневных занятий в рамках определенных профессий, в каком бы хозяйстве они ни работали. Отрыв от профессиональных занятий был временным и мог продолжаться, возможно, в течение нескольких месяцев. Призванные на царскую повинность люди из египетского трудящегося населения принудительно помещались в специальные охраняемые лагеря и здесь уже получали конкретные задания. На царских работах господствовали жестокая эксплуатация и тяжелый труд, поэтому от них всячески стремились уклониться, но повинность в пользу царя была неизбежной для царских хемуу.

Среди видов царских работ основное место занимали тяжелые строительные и землекопные, в том числе ирригационные, изнуряющий труд в копях и каменоломнях. Царской повинностью являлась работа гребцов, обеспечивавшая рабочей силой многочисленный гребной флот; царской же работой был полив вручную государственных садов и огородов, расположенных выше естественного обводняемого основного массива пашни и поэтому постоянно нуждавшихся в поливе, — в период Среднего царства никаких водоподъемных сооружений египтяне еще не применяли. На царские работы привлекались только мужчины. Админи-

стративное руководство царскими работами находилось в руках чати, который координировал действия различных государственных ведомств, обеспечивавших своевременную поставку квалифицированной и вспомогательной рабочей силы, орудий труда, продовольствия. Люди, привлеченные на царские работы, в случае необходимости могли быть временно использованы и в частных хозяйствах, например на сельскохозяйственных работах в период сбора урожая.

Из сказанного выше вырисовывается ведущая роль царских хемуу в хозяйственной жизни Египта Среднего царства во всей его социально-экономической структуре. Несомненно, что такой широкий социальный слой трудящегося населения страны, особенно ярко представший сейчас перед нами по материалам Среднего царства, не мог возникнуть внезапно только в этот относительно краткий период; без сомнения, он существовал и прежде и продолжал существовать на последующих этапах египетской истории. Так, по своему общественному положению царские хемуу Среднего царства очень близки к труженикам, вовлеченным в вельможеские, храмовые и царское хозяйства Древнего царства. Правда, возможно, что в Древнем царстве эти труженики были теснее связаны с определенными крупными хозяйствами, возможно также, что тогда еще не существовало такой всеобъемлющей системы централизованного распределения рабочей силы. Источники Нового царства заставляют предполагать, что этот слой трудящегося населения страны со всеми его основными отличительными чертами продолжал существовать и на протяжении всего новоегипетского этапа истории страны, правда, под новым обобщающим наименованием — *семдет*, что значит «профессии», т.е. люди, распределенные на профессии. Естественно, что на протяжении столетий в положении основного трудящегося населения страны могли происходить определенные изменения, требующие конкретного изучения на материале соответствующих эпох; и все же впервые показанный во всех своих связях и отношениях слой царских хемуу дает нам возможность уяснить некоторые до сих пор неясные вопросы социально-экономических отношений и предыдущего, Древнего, да и последующего, Нового царства.

В частности, теперь можно ответить на вопрос о том, кто же в ранние эпохи египетской истории закладывал и расширял ирригационную систему, кто в период расцвета Древнего царства сооружал величественные гробницы царей, пирамиды: все, чего достиг Египет в глубокой древности, было добыто усилиями египетского трудового населения, эксплуатировавшегося в основном теми же методами, что и в Среднем царстве. В организации труда, однако, в Среднем царстве произошли существенные изменения. Египетский земледелец Среднего царства, например, так же как и его предшественник в Древнем царстве (вспомним земледельцев вельможеского хозяйства), не владел средствами производства (землей и тягловым скотом), не имел прав на собранный урожай и получал довольствие из житницы и складов хозяйства лица или учреждения, которому принадлежал; но в отличие от Древнего царства, где земледельцы трудились на полях во время пахоты и жатвы рабочими отрядами, теперь за каждым земледельцем закреплялся индивидуальный участок земли, за урожай с которого он нес личную ответственность. «Отрядная» организация производства, характерная для Древнего царства, изжила себя не только в земледелии, но и во многих других отраслях египетского хозяйства.

Между трудящимся египетским населением и правящими кругами еги-

петского общества, в руках которого фактически находились средства производства, простиралась глубокая пропасть, преодолеть которую удавалось лишь немногим выходцам из слоя царских хемуу. И не случайно в египетских школах, где обучались дети чиновников, которым была обеспечена служебная карьера в государственном административном аппарате, ученикам с назидательной целью давали переписывать тексты, повествующие о тяжкой участи людей, распределенных по профессиям, а согласно царским указам должностные лица, совершившие преступления, отдавались, например, в храмовые земледельцы, т.е. низводились до положения царских хемуу.

Остановимся кратко и на политической истории Среднего царства. Последние три царя XI династии, носившие одинаковое личное имя — Ментухетеп, в течение примерно 40 лет правили уже объединенной страной; при них была достигнута определенная внутренняя консолидация от Элефантины на юге до Дельты на севере страны, возобновились прерванные внешние связи. При Ментухетепе I египтяне вновь начинают разрабатывать медные рудники на Синае, войска египтян успешно борются с азиатами на северо-восточных границах Египта. Ментухетеп I совершает также экспедицию в область Ват — пограничную с Египтом часть Северной Нубии. Стремясь укрепить свое положение в стране, новый царь единого государства возводит в разных частях его храмы местным египетским богам. О значительной мощи царской власти свидетельствует интенсивное каменное строительство, ярким примером которого является грандиозный заупокойный храм Ментухетепа I в Дейр-эль-Бахри на западном берегу Нила, возле Фив. Это целый архитектурный комплекс, основу которого составляет окруженное колоннадой двухступенчатое прямоугольное здание, возможно увенчанное небольшой пирамидой.

Однако вершины своего могущества государство Среднего царства достигло при правлении следующей, XII династии. Начиная примерно с 2000 г. до х.э. в течение более 200 лет в Египте правят только восемь царей. Основание новой династии Аменемхетом I было ознаменовано перенесением столицы страны из Фив, резиденции царей XI династии, на север. Новая столица Египта, носившая характерное название Ит-Тауи («Овладевшая обеими землями», т.е. всем Египтом), находилась на западном берегу Нила, возле Файюмского оазиса, на стыке Верхнего и Нижнего Египта. Как и в начальный период египетской истории, перенесение царской резиденции на север было связано со стремлением царей, южан по происхождению, укрепить свою власть также и в Дельте, упрочив тем самым единство страны.

Достигнув значительного прогресса в утверждении своей власти по всей территории Египта, цари XII династии ведут весьма успешные боевые действия к западу и востоку от Дельты, борясь с ливийскими и переднеазиатскими племенами, которые в период раздробленности не раз вторгались в Нижний Египет и разоряли его. С именем Аменемхета I связано сооружение оборонительной крепости на западной границе страны. Но особое внимание было обращено сейчас к Нубии, которую стремились завоевать еще цари Древнего царства. Золото и медь Нубии, слоновая кость и редкие породы дерева не дают покоя египетским владыкам. Наиболее воинственным правителем XII династии был Сенусерт III, совершивший несколько больших походов на юг от первого нильского порога и надолго тесно связавший северную Нильскую Эфиопию с Египтом. По его приказу для облегчения прохода египетских военных судов через пороги был выбит в скале обвод-

ной канал. На восьмом году своего царствования Сенусерт III достиг второго нильского порога и южнее его на обоих берегах Нила воздвиг крепости, завещав в своей надписи потомкам прочно стоять на этих границах. Временем Сенусерта III датируется и надпись, рассказывающая о большом, но, возможно, единственном переднеазиатском походе египтян в страну Ретену, располагавшуюся где-то на территории теперешней Палестины или Южной Сирии. В памяти потомков образ этого могущественного царя XII династии, вобрав в себя воспоминания о еще более воинственных фараонах Нового царства, воплотился в имени Сесостриса — легендарного покорителя полумира.

Расцвет государства Среднего царства приходится на почти пятидесятилетнее правление сына Сенусерта III, Аменемхета III, падающее на рубеж XIX и XVIII вв. до х.э. Именно при нем завершились начатые раньше грандиозные ирригационные работы в Файюмском оазисе, им же в преддверии Файюма было возведено величественное каменное здание, которым восхищались еще греки, прозвавшие это огромное сооружение с бесчисленными залами и переходами Лабиринтом. Вероятно, это был заупокойный храм Аменемхета III. Возможно также, что строительство этого храма, каждое отдельное помещение которого предназначалось, по-видимому, для изваяний многочисленных местных номовых и общеегипетских божеств, служило целям более прочного объединения страны под руководством правящей династии. Аменемхет III был последним крупным фараоном XII династии; после его смерти государство Среднего царства стало быстро клониться к упадку.

Цари Среднего царства так и не смогли до конца справиться с сепаратистскими стремлениями потомственной номовой администрации, имевшей сильные позиции и при дворе. Даже во времена XII династии в Египте идет напряженная внутренняя борьба, которая распространяется и на столичные круги. Было совершено покушение на Аменемхета I, возможно стоившее ему жизни. Согласно Манефону, Аменемхет II был убит придворным евнухом. Герой египетской приключенческой повести этого времени, сановник при дворе Аменемхета I, Синухет, находясь в Ливии в войсках наследника, будущего царя Сенусерта I, и узнав о смерти фараона, счел за лучшее бежать из Египта — вероятность лишиться головы в чужой борьбе за власть была велика. Чтобы хоть как-то уменьшить риск переворотов, цари XII династии, начиная с Аменемхета I, еще при жизни назначали себе соправителей. Неспокойно было и на местах: могущественные номархи, располагавшие большими военными силами, могли выйти из повиновения и поспорить с самим царем — недаром столица страны Ит-Тауи была мощной для того времени крепостью. Сильнейшему царю XII династии, Аменемхету III, при помощи крутых мер и при опоре на незнатных служилых людей, составлявших костяк армии, правда, удалось в конце концов значительно ограничить могущество номархов, но это был последний успех правящей династии. Пройдет лишь несколько лет после смерти Аменемхета III, и XII династия после краткого правления его сестры Нефрусебек прекратит свое существование. Первые цари XIII династии, связанные, вероятно, родственными отношениями с предыдущей, XII династией, сохраняли еще власть в долине Нила до второго порога, поддерживали отношения с Восточным Средиземноморьем. Но скоро страна распалась, по-видимому, на две части (XIII и XIV династии). Египет вступает в новый этап своей истории, который принято называть II Переходным периодом.

3. II ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И ГИКСОССКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Более чем двухсотлетний II Переходный период — темное время внутренней нестабильности, борьбы династий и иноземного завоевания. Весьма красноречивы дошедшие до нас царские списки, сохранившие имена фараонов того времени — их более двух сотен. Такое обилие царствующих особ свидетельствует о том, что трон стал игрушкой в руках враждующих придворных клик. Временами царями оказываются и люди нецарского происхождения — прежде всего это выдвинувшиеся во время смут военачальники.

В этих тяжелых для страны условиях на рубеже XVIII и XVII вв. до х.э. с востока, через Синайский полуостров, на Египет обрушились захватчики-гиксосы, составлявшие племенной союз обитателей Южной Сирии и Северной Аравии, по своему этническому составу, возможно, неоднородный. Ослабленный Египет не смог тогда оказать серьезное сопротивление пришельцам. Не виданные доселе египтянами боевые колесницы гиксосов заполонили Восточную Дельту, где и обосновались захватчики, сделав своим центром г. Аварис, стоявший на одном из восточных рукавов Нила. Отсюда гиксосы совершали набеги и на более южные районы страны, сжигая города, разрушая храмы, убивая и уводя в рабство многих египтян.

Около 110 лет находились гиксосы в Египте. Цари их, по традиции причисляемые к XV, а возможно, и XVI манефоновским династиям, не смогли, однако, полностью подчинить страну. Лишь при двух царях, Хиане и Апепи, власть гиксосов распространилась достаточно глубоко на юг Египта, в основном сохранивший свою независимость. Вероятно, и Западная Дельта не совсем подчинилась гиксосам. Инициатором освободительной борьбы египтян против гиксосов стал Фиванский ном, расположенный на расстоянии почти 800 км к югу от Дельты. Слабые вначале, но самостоятельные цари фиванской XVII династии постепенно сплачивают вокруг себя большинство номов Верхнего Египта и, опираясь уже на значительные материальные и военные силы, возглавляют борьбу за изгнание гиксосских завоевателей.

Египетская легенда, частично сохранившаяся в поздней новоегипетской записи, связывает начало освободительной борьбы с именем предпоследнего царя XVII династии, Секененра, по-видимому погибшего в этой борьбе, о чем свидетельствует его мумия, найденная со следами смертельных ранений, которые были нанесены боевыми топорами. Более успешными оказались действия его сына, царя Камеса, снарядившего большой флот, отряды лучников и маджаев и с боями продвинувшегося от Гермопольского нома, находившегося на полпути между Фивами и Дельтой, к стенам самого Авариса. Однако захватить столицу гиксосов Камесу было не суждено. Этому помешали позиция вельмож (см. ниже), волнения на крайнем юге страны и, возможно, выступление против Камеса независимых нубийских правителей, что заставило фиванского царя срочно прекратить осаду Авариса и перебросить свои войска на юг.

Окончательную победу над гиксосами одержал брат Камеса, основатель XVIII династии Яхмес (Амасис I), вступивший на египетский престол около 1600 г. до х.э. С этого времени начинается история Нового царства.

Глава XI

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

1. РЕЛИГИЯ

В течение многовекового развития египетского государства значение и характер различных культов менялись. Смешивались верования древнейших охотников, скотоводов, земледельцев, на них наслаивались отзвуки борьбы и политического роста или упадка разных центров страны.

В то же время для египетской религии характерно длительное существование первобытных представлений, и многие древнейшие культы сохранили свое значение на протяжении всей истории древнего Египта.

Многочисленные божества, почитавшиеся в различных местностях, олицетворяли различные природные силы и общественные явления. Небо представлялось женщиной или коровой, земля и воздух — мужскими божествами. Ибисоголовый Тот был покровителем письменности и колдовства, а богиня Маат олицетворяла миропорядок. Явления природы воспринимались как отношения различных божеств.

Некоторые боги в древности почитались египтянами в виде животных или птиц. Сокола Хора еще с древнейших времен связывали с представлениями о могучем небесном божестве. После образования государства Хор выступает неизменным покровителем фараонов, которые сами назывались теперь Хорами. Слиянию культа Хора с царским способствовало и то, что с развитием поклонения Осирису как умершему царю Хор входит в круг осирических мифов. В то же время соколы, объекты поклонения в различных местностях, сливались с возникавшими тут местными культами солнечных божеств.

Пережитки первоначального поклонения богам-животным прослеживаются в сохранении звериных или птичьих голов у божеств с человеческими телами, в деталях головных уборов (рога коровы у Хатхор, газели у Сатит, барана у Амона и проч.). Позднее звери и птицы считались «душами» богов и жили при храмах. Чтобы быть признанным воплощением того или иного божества, животное должно было обладать особым цветом, формой пятен, рогов и т.д.

Одним из наиболее почитавшихся животных в Египте был бык. Он издревле воспринимался как олицетворение производящей силы и плодородия. Культ быков существовал в ряде мест и слился с культами тех богов, которые получали в данной местности господствующее положение. Так, в Мемфисе «душой» местного бога Птаха стал бык Апис, культ которого был связан с культом Осириса, в Гелиополе бык Мневис считался воплощением солнечного бога Ра, в Гермонтисе «живым образом» местного бога Менту стал бык Бухис.

Животным Амона был баран, подобно быку издавна почитавшийся в Египте как олицетворение плодородия. Священные бараны жили при храмах ряда богов. Например, в Эсне, Элефантине и 21-м номе барана считали воплощением бога Хнума, в Гераклеополе — бога Херишафа. В Мен-

десе, важнейшем месте почитания барана, священный баран назывался Банебджед — «Душа Владыки Джед» (т.е. Мендеса).

Большое распространение получил культ навозного жука, которого античные писатели называют скарабеем. В процессе осмысления явлений природы возник образ жука, толкающего перед собой солнечный диск. Он изображается также летящим и несущим солнце. Скарабей стал считаться воплощением восходящего солнца Хепри, с ним связывали надежды на жизнь и воскресение. Жукам поклонялись в храмах солнечных божеств.

Культ богини Хатхор связан с почитанием коровы. Обычно Хатхор изображали женщиной, иногда с ушами и рогами коровы, иногда с коровьей головой. Обоготворяемые коровы жили при храмах. Поскольку небо, по некоторым сказаниям, мыслилось в виде коровы, Хатхор стала считаться небесной коровой. Ей поклонялись как богине, связанной с солярным культом, подательнице плодородия. С этим же связано представление о Хатхор как о божестве дерева.

С различными богами были связаны священные кошки, обезьяны, змеи, ихневмоны. После смерти трупы священных животных и птиц мумифицировали, затем укутывали в пелены и помещали в гробы с изображением погребенного животного на крышке. Во многих местах Египта найдены обширные кладбища животных. Наиболее известны гробницы крокодилов в Файюме, быков-Аписов в Мемфисе и быков-Бухисов в Гермонтисе.

Издревле во многих центрах сложились культы солнечных богов. Эти боги представлялись в различном облике: в одной местности это был крылатый диск, летящий по небу, в другой — огромный жук, катящий по небу солнечный диск; иногда солнечный бог мыслился в виде сокола, иногда в виде человека с соколиной головой. Имена этих божеств были различны, но независимо от того, назывался ли тот или иной бог Ра, Атум, Хепри или Хор, в основе их культа лежало поклонение великому светилу. Постепенно многие солнечные божества сливались. Иногда эти слияния пытались объяснить, трактуя, например, Хепри как утреннее солнце, Ра — как дневное, а Атум — как вечернее.

Очень рано особое значение приобретает солнечное божество Ра. Ежевечернее исчезновение солнца и утренний его восход объяснялись как проглатывание и рождение его небом-коровой или небом-женщиной Нут. Наряду с этим существовали и другие представления — о том, например, что Ра днем плывет по небу в ладье до западных гор, где, по верованиям египтян, начиналось ночное подземное плавание Ра в другой ладье. В конце ночного плавания Ра опять переходит на дневную ладью и через ход в восточных горах вновь появляется в небе. Однако, чтобы взойти, солнцу приходится выдержать битву со своим врагом — змеем Апепом. Выйдя из нее победителем, Ра появляется в небе. Очень рано культ этого всеоживляющего и всеохраняющего бога вышел за пределы значения местного божества, и его связь с царским культом мертвых сделала Ра всеегипетским государственным богом.

Древнейшим центром почитания солнца был Гелиополь. До конца истории Египта культ солнца в том или ином образе оставался официальным государственным культом, причем если в какой-либо период тот или иной бог получал общеегипетское значение, его немедленно объединяли с главным солнечным божеством Ра (Амон-Ра, Себек-Ра, Менту-Ра).

Со времени Среднего царства, когда Египет вновь объединился под властью не игравшего до тех пор видной роли Фиванского нома, огромное значение получил культ Амона. Истоки этого культа не совсем ясны: с одной

стороны, Амон, несомненно, близок с коптосским богом производительных сил природы Мином, с другой стороны, Амон встречается среди древнейших божеств г. Шмуну, столицы 15-го верхнеегипетского нома. Культ Амона был перенесен оттуда в Фивы для укрепления новой династии и новой столицы. Его женой и сыном провозглашаются фиванские божества Мут и Хенсу. Поскольку Фивы на протяжении многих веков оставались столицей, культ Амона приобрел общеегипетский характер. Чтобы усилить авторитет этого божества, Амона отождествили с Ра, и под именем Амона-Ра он прочно связывается с царским культом и даже получает черты богатворца. Своеобразным откликом на политическую обстановку и настроения в обществе времен Среднего и начала Нового царства стало наделение Амона свойствами защитника и покровителя простых людей. Но основные его черты — это черты завоевателя и грозного владыки, «царя богов». Те или иные действия царя иногда объяснялись повелением Амона, и даже суд часто творился его именем.

Особое место занимали культ правящего царя и официальное обожествление царской власти — одна из важнейших черт египетской религии. С древнейших времен фараон считался богом во плоти, ипостасью царского бога Хора на земле. Хоровы имена входят в его титулатуру. Уже в Древнем царстве фараона начинают считать сыном Ра, а его имя в надписях и на папирусах окружать защитным кольцом. Когда Фивы стали играть большую политическую роль и местное божество Амон получил общеегипетское значение, царя объявляют его сыном. Чудесное зачатие его Амоном и рождение изображают на стенах храмов. Власть фараона распространяли не только на страну и подданных, но и на явления природы; существовали специальные обряды, изображавшие фараона распорядителем природных сил. Фараон играл главную роль в общегосударственных земледельческих празднествах: при наступлении времени разлива Нила он бросал в реку папирус с приказом водам подняться, он также начинал пахоту, он же срезал первый сноп нового урожая.

С культом умершего царя теснейшим образом был связан культ всеегипетского бога Осириса, представляющего ежегодно умирающую растительность. Миф об Осирисе, восстановленный по различным источникам, рассказывает, что некогда он царствовал в Египте и научил людей земледелию и садоводству. Его брат, бог Сетх, желая править сам, убил его. Жена Осириса, богиня Исида, рождает сына Хора, который вступает в борьбу за наследство отца. После длительных споров боги признают Хора правомочным наследником, Осирис же становится царем загробного мира. Осирис олицетворял воды Нила и был связан с растениями — ячменем, полбой, виноградом. Так же как связь живого царя с Хором, связь Осириса с мертвым царем прослеживается с древнейших времен.

Основными местами поклонения Осирису были Бусирис и Абидос, где его культ целиком впитал культы местных божеств. Тут проходили в конце периода разлива пышные празднества, в которых представлялась судьба Осириса: его гибель, поиски Исидой его тела, оплакивание и погребение.

После смерти фараон уподоблялся Осирису, даже отождествлялся с ним и получал вечную жизнь. Эти верования отражены в текстах, вырезанных внутри пирамид, — записях царского заупокойного ритуала. То же видно и в коронационном обряде, где живой царь выступает как Хор, а Осирис представлен мумией умершего царя. Очень долго Осирис сохранял черты царского божества, и лишь с конца Древнего, а особенно со времени Сред-

него царства культ Осириса распространяется на культ мертвых вообще. Не только царь, но и рядовой человек при помощи заклинаний становился Осирисом и получал вечную жизнь. Вера в загробное существование не менее прочно переплеталась с представлениями солярного культа, также вначале связанного только с царем. Ра, как и Осирис, олицетворял источник вечной жизни, и умерший, попавший путем колдовства в число спутников Ра в его ладью, разделял с ним его судьбу.

Представления, касающиеся загробного бытия, являлись сложной смесью древнейших и более новых верований — часто противоречивых и даже исключающих друг друга. Считали, что человек обладал несколькими «душами». Одна из них — двойник человека, *ка*, — обитала в гробнице. *Ба*, которую изображали птицей с человеческой головой, должна была при свершении специальных обрядов соединиться с телом, чтобы умерший ожил. Для этого надо было сохранить тело, что привело к мумификации трупов и стремлению построить прочную гробницу. Египтяне строили гробницы из камня или высекали в скалах. Однако недостаточно было совершить заупокойные обряды во время похорон и снабдить покойника необходимыми для загробной жизни вещами и провизией. Вечная жизнь предполагала постоянные жертвоприношения; затраты на них, на содержание жрецов и гробницы падали на наследников, в первую очередь на старшего сына. Поэтому царем и частными лицами выделялись специальные земли, доход с которых шел на поддержание заупокойного культа.

Огромную роль в верованиях египтян играло имя — уничтожение его наносило непоправимый вред загробному бытию, и египтяне всегда придавали большое значение его сохранению. Именно с этими верованиями связан миф о Ра и змее, в котором рассказывается, как Исида хитростью выведала истинное имя Ра и тем приобрела над ним власть.

Ко времени Нового царства окончательно формируется идея загробного суда, смутные представления о котором существовали и ранее. Идея суда характерным для египтян образом тесно связывает этический и магический элементы. Так, письменная фиксация отказа от своих прегрешений как бы уничтожает их, а находящиеся в равновесии весы, на которые при загробном суде Осириса бросают сердце, свидетельствуют о его праведности.

Смерть и состояние после нее считали продолжением земного существования, причем толковали это настолько буквально, что существовали специальные заклинания, которые должны были отвратить в загробном мире смерть от человека, уже умершего на земле. Общение живых с покойными происходило не только во время жертвоприношений и молитв, но и в виде письменных обращений к умершим с различными жалобами и просьбами. Возможность вмешательства мертвых в дела живых считалась делом обыденным. Существовала твердая вера в то, что умерший может помочь в несчастье или навлечь бедствия. Покойных просили выиграть судебное дело, исцелить больного, даровать потомство. Последнее было особенно важно для поддержания заупокойного культа. Человек желал после смерти сохранить возможность бывать на земле и находиться среди людей. Специальные тексты должны были способствовать ему в этом и обеспечить «выход днем» из гробницы.

В гимнах, записях ритуалов и т.п. часто встречаются мысли о мироздании. Существовавшие идеи о сотворении мира очень противоречивы, что можно объяснить различиями во времени их возникновения и месте происхождения. Хотя одно учение и получало преобладание перед другими, не было канонизированной концепции создания мира, и наряду с

гелиопольским мифом о творце Атуме и мемфисским сказанием, приписывающим ту же роль Птаху, существовали верования о том, что на поднявшемся из первобытного океана холме вырос лотос, который дал жизнь солнечному богу, или что солнце появилось из яйца, снесенного «Великим Гоготуном» на этом холме, и т.п.

Все же наибольшее распространение получило гелиопольское сказание из-за особого положения этого города как древнейшего политического и религиозного центра. Согласно ему, Атум, отождествленный с солнцем под именем Атум-Ра, возникнув из первобытного хаоса, оплодотворяет самого себя и выплевывает первую пару божеств: Шу — воздух и Тефнут — влагу. Тем самым Атум-Ра становится прародителем мира, так как Шу и Тефнут порождают Геба — землю и Нут — небо, а те, в свою очередь, Осириса, Исиду, Сетха и Нефтис. Эти боги образуют гелиопольскую «Великую Девятку», которая занимает важное место в пантеоне.

Более поздним, возникшим уже в Египте эпохи государственности, является мемфисское сказание. Оно приписывает местному богу Птаху сотворение мира сердцем (т.е. разумом) и словом. Называя вещи, Птах тем самым их создает.

2. АРХИТЕКТУРА

О древней гражданской архитектуре мы осведомлены очень мало. По некоторым изображениям и описаниям можно представить жилище как дом из кирпича-сырца внутри ограды. Со двора вход в дом был оформлен в виде колонного портика с навесом, из которого две-три двери вели в расположенные рядом комнаты. Опорами для перекрытий служили легкие деревянные колонны с растительными капителями. Крыша могла быть плоской или сводчатой. На плоской крыше часто располагали крытую беседку, которая затем развивается во второй этаж, а с течением времени появляется и третий. Лестницы размещали снаружи дома. Во дворе мог иметься небольшой пруд с навесом над ним. Вентилировались дома через окна или специальные отверстия в крыше, перекрытые купольными навесами. Дом более сложного плана состоял из зала с одной-четырьмя колоннами, куда входили через портик, и расположенных вокруг зала жилых комнат. Оштукатуренные стены домов, колонны, капители, деревянные двери были ярко раскрашены, окна забраны прямоугольными, а позже орнаментальными решетками.

Некоторое представление об архитектурной и социальной планировке города можно получить по остаткам поселения у пирамиды Сенусерта II близ современного города Эль-Лахун. Поселение окружено стеной. Вторая стена разделяет его внутри на две неравные части. В меньшей части один к другому лепятся домишки бедноты. В большей части были расположены царский дворец, жилища вельмож и дома средних размеров. Самые большие дома имели до 70 помещений различного назначения и занимали площадь 60×40 м, что равнялось площади 14 средних или 25 маленьких домов. Поселок был разделен пересекавшимися под прямым углом улицами и переулками, на которые выходили глухие стены домов и дворов. План большого дома можно в общем разделить на четыре части: хозяйские покои, женская половина, жилища слуг и хозяйственная часть. Каждая часть группируется вокруг своего двора, часто с колоннадой. Спальные и жилые

комнаты выходят на север. Главный двор располагался в глубине дома. Из него через веранду с колоннами попадали в приемный зал. По сторонам помещались жилые комнаты — столовая, хозяйские спальни с умывальными и уборными, комнаты для детей. Большие комнаты имели колонны. Основные черты планировки богатого дома-усадьбы сохраняются и в Новом царстве, что видно по раскопкам Ахет-Атона (Эль-Амарны). Изнутри стены расписывали геометрическим и растительным орнаментом, раскрашивали полы, потолки, колонны, иногда увенчанные растительными капителями.

Важный материал для суждения об архитектурной планировке города дали также раскопки недолговечного Ахет-Атона с его основными магистралями, вытянутыми вдоль Нила и пересекавшимися поперечными улицами. Но большие города, существовавшие веками, разрастались, включая постепенно дворцы царей, дома знати, простого населения, различные храмы, и не могли сохранить четкую планировку.

Представление о царских дворцах мы можем получить начиная с XVIII династии. Фиванский дворец Аменхетепа III, расположившийся на западном берегу Нила, занимал огромную площадь и состоял из просторных одноэтажных помещений, построенных в разное время. Личные покои царя включали приемный зал, пиршественный зал с троном, спальню, ванную и туалетную комнаты. Аналогичные покои были построены для царицы. В дворцовый комплекс входили и дома придворных, мастерские и дома ремесленников, а также большой зал, где справляли праздник *хеб-сед*[1]. Дворец был богато украшен росписями.

Более детально мы можем судить об амарнских дворцах. Прежде всего поражают их размеры. Достаточно сказать, что длина восточного фасада официальной части Главного дворца, выходившего на дорогу, равнялась почти 700 м. Комплекс зданий этого огромного дворца-усадьбы был вытянут по оси вдоль Нила. За главным входом на северной стороне находился огромный двор, за которым располагались другие дворы и залы со статуями, колоннами и стелами с изображением сцен почитания Атона царской семьей. Один из дворов был вымощен плитами с изображением пленных врагов. За этим двором был глубокий колонный зал. Этот комплекс соединялся с жилым дворцом мостом, проходившим над дорогой. В центре моста было «окно явлений», в котором царь показывался своим подданным в определенных официальных случаях. В отличие от дворца Аменхетепа III, сложенного из кирпича-сырца, дворец в Эль-Амарне частично построен из камня. В Эль-Амарне существовало несколько дворцов, и все они отличались необычайной пышностью отделки. Стены были покрыты сюжетными и орнаментальными росписями, отделаны цветными поливными изразцами, полы, потолки и лестницы красочно расписаны, колонны со сложными капителями раскрашены и инкрустированы цветным фаянсом.

Рамсес II и Рамсес III построили свои фиванские дворцы на территории заупокойных храмов. Храм и дворец планировались вместе, и портик храмового двора стал портиком дворца. Оба дворца в основном повторяют традиционный план жилого дома.

Гораздо лучше сохранились сооружения, посвященные заупокойному культу, особенно царскому. Именно здесь прежде всего начал применяться

---

[1] *Хеб-сед* — праздник, посвященный тридцатилетнему и последующим (через каждые три года) юбилеям фараона. Предполагается, что главным содержанием его было магическое обновление жизненных сил фараона, необходимых, по верованиям древних, для плодородия земли и общего благоденствия страны.

камень, который уже в Древнем царстве стал употребляться в строительстве частных гробниц.

Первым погребальным сооружением, для которого камень явился основным материалом, была гробница-пирамида царя III династии Джесера, построенная смелым архитектором Имхетепом. Традиция представляет его не только строителем, но и мудрецом. Слава и память о нем дожили до греков, которые отождествили его с богом врачевания Асклепием. Ему были посвящены многочисленные молельни в различных храмах страны. Пирамиду Джесера окружает большая группа культовых строений, назначение которых не всегда ясно. Саму пирамиду начали строить как *мастабу*[2], однако потом план изменили и гробницу стали наращивать по вертикали, так что в результате получилась ступенчатая пирамида с шестью уступами. Каменное строительство в то время только начинали осваивать, и формы, присущие этому материалу, еще не были найдены. Многие детали зданий комплекса Джесера воспроизводят в камне деревянные прототипы: каменные перекрытия сделаны в виде деревянных балок, пилястры повторяют пропорции деревянных колонн. Кое-где стены отделаны поливными изразцами, подражающими плетению тростниковых циновок, которые висели в домах. Величественные каннелированные стволы колонн связаны со стеной переборками, а в помещении, где колонны стояли свободно, они были попарно соединены стенками. От ступенчатых пирамид перешли к строительству геометрически правильных пирамид, ставших на многие века основной формой царского погребения. Таковы пирамиды Снефру и наиболее известные пирамиды IV династии — Хеопса, Хефрена и Микерина. Ансамбли этих пирамид демонстрируют овладение архитекторами и строителями камнем и полное понимание его конструктивных и декоративных возможностей. Припирамидные храмы с периода V династии стали богато украшаться рельефами и колоннами с растительными капителями. Планировка помещений определялась требованиями заупокойного культа. Стандартным типом частных гробниц, которые располагались вокруг царской пирамиды, ко времени IV династии становятся прямоугольные мастабы. Если до этого они строились из кирпича-сырца, то теперь известняковые плиты становятся обычным материалом для частных гробниц. Кирпичные культовые помещения, которые сначала пристраивались снаружи, постепенно превращаются в довольно сложную систему комнат и коридоров. На их планировку и оформление оказывают влияние царские погребения, и постепенно частные лица начинают перенимать некоторые черты заупокойного царского культа. То же прослеживается и в скальных гробницах, высеченных в Гизе на местах больших каменоломен, и в горах Верхнего Египта.

Позднее скальные гробницы начинают использоваться и для царских погребений. Таково захоронение Ментухетепа III, перед гробницей которого, высеченной в скале, строят большой заупокойный храм. Этот храм отличается широким применением колонн. Двухъярусные портики украшали здание, в центре которого, возможно, стояла пирамида. Колоннада окружала внутренний двор, в глубоком зале за ним колонны размещались в восемь рядов. Большую роль в оформлении храма играли деревья разных пород, специально привезенные и посаженные внутри ограды. До нас дошел план этого сада, сделанный рукой древнего архитектора.

---

[2] *Мастаба* (араб. «скамья») — обозначение каменных гробниц вельмож Древнего царства, прямоугольных, со скошенными стенами.

Прежняя форма царского погребения возрождается со времени XII династии. Но теперь пирамиды строят из кирпича-сырца и лишь облицовывают известняковыми плитами. Основное внимание переносится на отделку заупокойных храмов. Прямоугольные гробницы вельмож продолжают окружать царскую пирамиду, но независимая знать, особенно номархи Среднего Египта, предпочитают устраивать погребения в своих областях. Скальные гробницы этих номархов имеют по нескольку помещений, многие из них расчленены колоннами (причем боковые проходы делаются ниже среднего), потолок часто вырубается в виде свода. Вход в эти гробницы обычно оформляется портиками, и именно здесь впервые возникли колонны, легшие затем в основу греческого дорического ордера. Особый интерес представляют гробницы номархов 10-го нома, которые, повторяя в основных чертах древнюю планировку, имеют уже новый элемент архитектурного оформления — пилон, столь широко вошедший в архитектуру Нового царства: двойное башневидное сооружение со слегка скошенными поверхностями.

Со времени XVIII династии храм строился отдельно от гробницы, которая высекалась скрытно в удаленных скалах. Главную роль в заупокойном царском комплексе начинают играть поминальные храмы. Они, видимо, представляли собой прямоугольные сооружения, вытянутые по оси, со входами в виде пилонов.

Особое место занимает храм Хатшепсут, созданием которого руководил сановник Сенмут, занимавший чрезвычайно высокие посты при ее дворе. Храм был построен в виде двух террас с портиками, украшенными статуями и рельефами. На террасы вели нарядные лестницы, а в середине второй террасы возвышалась крытая колоннада, образовывавшая небольшой двор. Яркие росписи и пестрые орнаменты, различные сорта дерева, примененные для внутренней отделки, инкрустации бронзой, сердоликом и золотом, обилие колонн и статуй, деревья и пруды делали этот храм очень нарядным.

Традиции самостоятельных заупокойных храмов продолжает и XIX династия. Храм Рамсеса II (Рамессеум), построенный архитектором Пенра, окружен кирпичной стеной, внутри которой располагались кладовые, другие хозяйственные постройки и жилища для целой армии жрецов и слуг. Вход был оформлен в виде двойного пилона с рельефом, изображающим битву с хеттами. Из первого двора открывался вход во дворец и во второй храмовой колонный двор, из которого три двери вели в колонный зал с верхним освещением. За ним шли меньшей величины колонный зал, культовые и хозяйственные помещения и святилища. План храма кажется сложным из-за многочисленности залов и комнат, но, в сущности, это каменная версия царского дворца с его прямоугольной планировкой и последовательностью колонных приемного и тронного залов и личных покоев, где «обитал» умерший фараон. Гораздо лучше сохранился храм Рамсеса III в Мединет-Абу. Храм и окружающие его постройки спланированы в виде прямоугольника, ограниченного толстой стеной крепостного типа со сложными укрепленными воротами. От Нила к храму был прорыт канал, подходивший к набережной с пристанью. Гробницы саисских царей Позднего царства располагались в городском храме.

Частные гробницы саисского времени порой отличаются большой величиной и своеобразием планировки. На земле обычно располагались один-два двора, окруженные стеной со входом-пилоном. Сами же погребальные помещения вырубали в скале. Тут на разной глубине рас-

полагались колонные залы, молельни, коридоры — иногда больше 20 помещений.

Древнейшие городские святилища строили из дерева и тростника и окружали оградой. Храмы Среднего царства частично разрушились, частично были перестроены, а многие были разобраны на более поздние сооружения. Храмы возводились из кирпича и камня. Симметрия в планировке, входы-пилоны, сады с прудами, граненые колонны, стелы с рельефами, часто террасы, иногда обелиски перед входом — важнейшие элементы их облика.

К Новому царству ведущая роль в художественной жизни окончательно закрепляется за Фивами. Постепенно складывается тип городского храма: вытянутый в плане прямоугольник, обычно обращенный фасадом к Нилу, со входом в виде двойного пилона, ведущим в колонный двор, за которым следовали колонный зал с более высокой средней частью и верхним светом, ряд комнат-молелен, библиотека и проч. Рядом располагались и хозяйственные постройки. Весь комплекс окружали стеной. Как видим, основные элементы храма повторяют основные элементы жилых строений. Это и понятно, поскольку храм мыслился как жилище бога, которому он был посвящен и который был представлен в нем культовой статуей. Статуи, пестро раскрашенные рельефы, золоченые обелиски, мачты с флагами делали облик храма нарядным и богатым. Дороги к ним часто окаймляли ряды сфинксов. Подобным сооружением был главный фиванский храм бога Амона, так называемый Карнакский, который строился и перестраивался веками на месте находившегося тут небольшого святилища Среднего царства. Многие фараоны реконструировали и расширяли этот храм, прибавляя к нему залы и пилоны. С Карнакским комплексом, в который входили храмы ряда божеств, дорогами сфинксов был соединен Луксорский храм, посвященный культу фиванской триады богов и выстроенный по описанному выше плану, с центральным залом, с изящными колоннами в виде пучков папируса. В возведении этих храмов принимали участие жившие в разное время и строившие не только в Фивах архитекторы Инени, Хапусенеб, Аменхетеп, сын Хапу, братья Гори и Сути, строитель Луксора Аменхетеп и многие другие.

В период Нового царства получает распространение тип храма-перитера: небольшое прямоугольное здание на каменном цоколе, окруженное колоннами.

Еще со Среднего царства появляются, а в Новом царстве получают распространение пещерные храмы — вначале небольшие, похожие на скальную гробницу с портиком перед ней. При Рамсесе II это уже храмы грандиозных размеров, со сложным планом, с гипостилями, молельнями, колоннами и статуями, вырубленными внутри скалы. Вход в пещерный храм в Абу-Симбеле, высеченный в виде пилона, украшали четыре двадцатиметровые статуи Рамсеса II, воплощавшие идею прославления мощи фараона.

3. СКУЛЬПТУРА

Скульптура в Египте появилась в связи с религиозными требованиями и развивалась в зависимости от них. Культовые требования обусловили появление того или иного типа статуй, их иконографию и место установки. Основные правила для скульптуры окончательно складываются во времена

Раннего царства: симметрия и фронтальность в построении фигур, четкость и спокойствие поз наилучшим образом соответствовали культовому назначению статуй. Эти черты облика статуй были обусловлены и расположением их у стены или в нише. Преобладающие позы — сидячая с положенными на колени руками и стоячая с выдвинутой вперед левой ногой — складываются очень рано. Немного позже появляется «поза писца» — сидящего на скрещенных ногах человека. Сначала в позе писца изображали только царских сыновей. Рано появляются и семейные группы. Ряд правил был обязателен для всей скульптуры: прямая постановка головы, некоторые атрибуты власти или профессии, определенная раскраска (мужские тела была кирпичного цвета, женские — желтого, волосы — черного). Глаза часто инкрустировали бронзой и камнями.

Тела статуй делали преувеличенно мощными и развитыми, сообщая статуе торжественную приподнятость. Лица в некоторых случаях, напротив, должны были передавать индивидуальные черты умершего. Отсюда раннее появление в Египте скульптурного портрета. Самые замечательные, ставшие теперь прославленными портреты были скрыты в гробницах, некоторые из них — в замурованных помещениях, где их никто не мог видеть. Напротив, сами статуи могли, по верованиям египтян, наблюдать за жизнью через небольшие отверстия на уровне глаз.

Овладению скульптором портретным искусством, вероятно, способствовало одно из средств, при помощи которого пытались спасти труп от тления: иногда его покрывали гипсом. При этом на лице получалось подобие гипсовой маски. Однако, поскольку глаза должны были быть открытыми, чтобы изображать лицо живого человека, такая маска требовала дополнительной обработки. По-видимому, этот прием снятия маски и отливки с нее использовали скульпторы при работе над портретами. В некоторых гробницах находят два типа статуй: одну — передающую индивидуальные черты человека, изображающую его без парика и одетым по моде своего времени; другую — с лицом, трактованным значительно более идеализированно, одетым в короткое официальное опоясание и в пышном парике. Такое же явление наблюдается и в рельефе. Пока еще нельзя с достоверностью объяснить это, несомненно лишь, что эти статуи отображали различные аспекты заупокойного культа. В ряде гробниц были обнаружены деревянные статуи, которые, возможно, были связаны с одним из моментов заупокойного ритуала, когда статую несколько раз поднимали и опускали. Над статуей совершали обряд «отверзания уст и очей», после чего она считалась ожившей и получала возможность есть и говорить.

Помимо статуй умерших в гробницу, особенно в Среднем царстве, помещали также фигурки работников, которые, как верили, должны были обеспечить загробное существование умершего. Отсюда проистекают и другие требования к скульпторам — изобразить людей, занятых самой разнообразной работой. В полном соответствии с общим требованием египетского искусства для каждого занятия выбирается характерный момент, который становится каноничным для этого типа. Общие же правила, например фронтальность и принятая раскраска, сохраняются и здесь.

Статуи играли большую роль в архитектурном оформлении храмов: окаймляли дороги, ведущие в храм, стояли у пилонов, во дворах и внутренних помещениях. Статуи, имевшие большую архитектурно-декоративную нагрузку, отличались от чисто культовых. Их делали крупных размеров, трактовали обобщенно, без большой детализации.

Задачи скульпторов, работавших над культовыми изображениями бо-

гов, царей и частных лиц, были иными. Большую группу составляли царские статуи, посвященные фараонами в храм для того, чтобы навеки поставить себя под защиту божества. Молитвы на таких статуях обычно содержат просьбы о здоровье, благополучии, иногда просьбы политического характера. Изменения в области идеологии, происшедшие после падения Древнего царства, привели к изменениям в сфере искусства: фараон, стремясь прославить свое могущество, ставил свои статуи не только в заупокойных святилищах, но и в храмах различных божеств; такие фигуры должны были прославлять живущего правителя и максимально конкретно передавать портретное сходство.

В знак особой милости фараона в храм посвящались и статуи вельмож, в частности архитекторов, строивших данный храм. Посвятить свою статую в храм можно было сначала лишь с позволения фараона, но с изменением религиозных представлений и распространением некоторых царских обрядов на знать, а затем и на средние слои общества привилегия посвящать свои статуи в храм перешла к частным лицам.

Еще к концу Древнего царства выделяются области, памятники которых отличаются своеобразием. В Среднем царстве определяются центры (в частности, мастерские Среднего Египта) со своими особенностями и традициями. Легкие фигуры с удлиненными пропорциями, происходящие из Сиута (совр. Асьют), отличаются от меирских с их короткими головами и подчеркнутой мускулатурой груди; мягко трактованные формы тел, отсутствие резких линий характерны для абидосской скульптуры.

Период XVIII династии — время расцвета египетского искусства, в частности и в области скульптуры. Особое направление появилось в конце этого периода под влиянием нового религиозно-философского учения и государственного культа, созданных Аменхетепом IV (Эхнатоном). Порвав со старым каноном, царские скульпторы этого времени вырабатывали новые художественные принципы. При этом, стремясь к передаче характерных черт модели, они чрезмерно заостряли и подчеркивали их. Стал вырабатываться новый канон на основе иконографии самого фараона-реформатора. Однако более поздние статуи амарнского периода отличаются большей отработанностью образа, отсутствием преувеличений. Всемирно известны скульптурные портреты Эхнатона и царицы Нефертити из мастерской скульптора Джехутимесу.

В период XIX династии происходит возврат к прежним традициям, особенно в Фивах. Политическая ситуация, сложившаяся во второй половине Нового царства, привела к выделению северных мастерских. Статуи с могучими торсами, толстыми руками и ногами, широкими плоскими лицами противопоставлялись внешней нарядности и изяществу скульптуры с удлиненными пропорциями.

4. РЕЛЬЕФ

От Древнего царства дошло большое число гробничных изображений. В это время окончательно складываются тематика, схемы расположения сцен, основные композиции. Происхождение главных сюжетов связано с культовыми потребностями. Изображение мертвого перед жертвенным столом и перечисление жертв как бы подкрепляло и увеличивало те действительные дары, которые приносились в гробницу. Со временем рельефы за-

нимают все больше места, расширяется тематика. Постоянны сцены принесения даров, заклания жертвенных животных; как расширение этих сюжетов появляются сцены земледелия, рыболовства, охоты на Ниле и в пустыне. Со времени V династии, когда в связи с повышением политического значения знати некоторые обряды из царского культа переходят в частный, усложняется планировка гробниц и прежний круг сюжетов развивается в многофигурные композиции, основная идея которых — обессмертить то, что представляло ценность для вечной жизни. Однако появляются и детали, как будто не имеющие прямой связи с этой исконной тематикой: например, наказание земледельцев, не внесших причитавшихся с них продуктов заупокойного культа, и др. Со Среднего царства в круг сюжетов включаются воинские сцены, сцены прихода иноземцев, а также новые культовые сюжеты, обусловленные широким распространением осирического культа.

Рельефы царских и городских храмов помимо обеспечения посмертного благополучия имели еще и задачу прославления фараона, увековечения его деяний и в связи с этим отображения конкретных событий данного царства. Это особенно показательно для Нового царства (анналы Тутмоса III, сцены кадешской битвы или битвы с «народами моря»).

Рельефы и росписи, как и скульптура, были тесно связаны с архитектурой гробниц и храмов. Изобразительный декор подчеркивал назначение помещения. Даже стереотипные на первый взгляд сцены жертвоприношений существенно варьируются в зависимости от богов, получающих жертву, их культовых имен и рода жертв.

Древние египтяне знали два вида рельефа: выпуклый и врезанный, углубленный внутри контура. Все фигуры и фон обычно раскрашивались, так что стены превращались в ковры цветных изображений. Используя декоративные возможности египетской письменности, художники заполняли надписями пустые места внутри композиции или между различными сценами. Господствующее положение занимал владелец гробницы. Композиция скорее читалась, нежели смотрелась. Основные правила для плоских изображений и росписей формируются, как и для скульптуры, в период Раннего царства. Передача трехмерного пространства в двухмерном изображении не просто техническая задача — ее решение зависит от определенного отношения к действительности. Египтяне передавали действительность такой, какой знали, а не такой, какой она кажется, — отсюда и все существенные особенности. Тело или предмет изображали не таким, как его видят в целом, с определенной точки зрения, в какой-то случайный момент, а соединяя отдельные его части в наиболее характерном для каждой из них виде. Так, лицо человека, локти и ноги показывали в профиль, а глаза и плечи — в фас. Тот же принцип можно наблюдать и в больших композициях, отдельные сцены которых нельзя сводить к одному временно́му пункту. Большие сцены передаются при помощи суммирования отдельных частностей, с целью дать наиболее полное представление об изображаемом сюжете. Например, в сцену охоты включаются отдельные сюжеты, относящиеся к жизни животных в пустыне, в военные композиции — жизнь лагеря, марширующие солдаты, собственно битва и т.д.

Все изображаемые люди и предметы мыслились живущими и требовали телесной полноты. Поэтому, как правило, мастера заботились о том, чтобы избегать пересечений хотя бы у главных фигур, а отдельные сцены располагали поясами, одну над другой. Со Среднего царства художники стали широко использовать художественные возможности росписи, а со временем

в некоторых случаях даже отказывались от контуров, добиваясь этим особой живописности.

Существование определенных правил было исключительно важно для поддержания ремесленной традиции, без которой немыслимо древнеегипетское искусство. Со временем менялись вкусы, представления об идеале. Соответственно с этим изменялись пропорции фигур, насыщенность композиции деталями и т.д. И хотя общая схема оставалась прежней, внутри ее всегда было достаточно простора для проявления знаний, наблюдательности, творческих исканий и фантазии художника.

5. ПИСЬМЕННОСТЬ

В Египте благодаря хозяйственным требованиям система письменности сложилась уже к Раннему царству. Состав знаков показывает этапы развития древнего письма. Знаки египетского письма были рисуночными и звуковыми, выражавшими один или более согласных. Звуковыми знаки становились, когда рисунок перестал передавать лишь смысл слова, но начал использоваться, как в ребусе, и для передачи самих входивших в это слово звуков. Хотя для каждого отдельного звука (согласного, так как гласные не выписывались) был выработан знак, на алфавитное письмо египтяне не перешли никогда. Как правило, пользовались смешанной изобразительно-звуковой системой, т.е. к рисуночному знаку приписывали знаки-«буквы», которые содержались в слове. В конце слова ставили знак, который не читался, но пояснял его смысл. Так, слово *вн* («открывать») передавали рисунком зайца *вн*, знаком воды *н* и изображением двери. Как определитель абстрактных понятий египтяне использовали знак свитка папируса. Иероглифическое письмо (как его назвали греки, от слов «священный» и «резать») чаще всего использовалось для монументальных, резанных на камне надписей, хотя иероглифы постоянно встречаются и на других материалах. Для хозяйственных целей применялось скорописное — иератическое («жреческое»; так его называли греки) письмо; этим же шрифтом писали литературные произведения и научные книги. Внешний облик знаков со временем изменялся. В Позднем периоде распространилось демотическое письмо, возникшее из беглой поздней иератики. Оно использовалось для бюрократических нужд, но перешло и в литературные и религиозные папирусы и даже на камень.

6. ЛИТЕРАТУРА

От времени Древнего царства до нас не дошло литературных произведений в собственном смысле, если не считать «автобиографических» надписей в гробницах конца Древнего царства. Надписи «биографического» характера со временем становятся все более пространными, включают описания заслуг автора не только перед фараоном, но и перед населением своего города.

С этим видом литературы связана «Повесть о Синухете», которая известна нам от времени Среднего царства. Благодаря своим литературным достоинствам она пользовалась большой любовью в свое время и дошла во

многих списках. Герой повести — знатный вельможа Синухет, живший во времена Аменемхета I и Сенусерта I. Повествование ведется от первого лица человеком очень образованным, прекрасно знавшим придворный и военный быт своего времени. После смерти Аменемхета I Синухет, боясь смуты, бежит в Сирию, обретает там богатство и высокое положение. Впоследствии по приглашению Сенусерта I он возвращается в Египет, где его ждет ласковый прием при дворе. Сходство композиции повести с построением «автобиографий», включение в нее копий документов, живость изложения заставили некоторых ученых считать Синухета подлинным историческим лицом.

Египетская художественная литература, получившая особое развитие со времени Среднего царства, оставила нам множество сказок самого разного содержания и происхождения. В «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» повествуется о человеке, который был выброшен бурей на неизвестный остров. Там он встретился со змеем, богато одарившим его и предсказавшим возвращение домой, где царь произвел его в телохранители. В этом произведении нашли отклик многочисленные путешествия египтян. Исторические лица и факты также могли послужить основой сказки. Таково сказание времени Нового царства о ссоре между фиванским фараоном Секененра и гиксосским царем Апепи, о полководце Джехутии, взявшем обманом палестинский город Яффу. К этому же жанру можно отнести восходящий в Древнему царству цикл сказок о фараоне Хеопсе и чародеях, деяния которых описывают сыновья царя. Многие сказки связаны с религиозными представлениями. В сказке о двух братьях прослеживают отклик мифа о боге умирающей и воскресающей растительности. В «Сказке о Правде и Кривде» видят отзвуки мифа об Осирисе.

Широко распространен был жанр поучений, которые использовали как школьный материал. Очень часто они составлялись от имени известного вельможи или мудреца. Наставления эти не только преподают правила хорошего тона или личного поведения, но и объясняют выгоды и преимущества положения писцов-чиновников. Часто даются советы начинающим чиновничью карьеру — советы, вытекающие из служебной практики и житейского опыта старых сановников.

Иногда поучения составлялись от имени царя. Таковы поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара и поучение Аменемхета I. В первом отец сообщает наследнику свои мысли о царской власти, дает советы, касающиеся внешней политики и управления государством. Второе написано по поводу дворцового заговора против царя и пронизано разочарованием и горечью. Появление подобных произведений было результатом исторических событий конца Древнего — начала Среднего царства и изменения миропонимания людей. Ощущением тщеты традиционного мировосприятия проникнута «Песнь арфиста», исполнявшаяся на пирах. Автор песни призывает наслаждаться жизнью и не думать о смерти, о своем заупокойном культе, так как древние гробницы пусты и развалились и никто еще не приходил с того света, чтобы поведать об их владельцах, судьба которых остается неизвестной. С этим произведением перекликается и «Беседа разочарованного со своей душой». Разочаровавшийся в жизни человек желает смерти, но душа его отговаривает — в духе «Песни арфиста». Однако в конце «Беседы» автор заставляет «душу» согласиться с желанием человека умереть.

О крупном восстании, имевшем кратковременный успех, рассказывают два текста: «Речение Ипувера» и «Пророчество Неферти», о которых шла

речь в главе X. Авторами обоих произведений являются представители знати, естественные противники восставших.

Социальные противоречия неспокойной поры Среднего царства проявились в «Повести о красноречивом поселянине», в которой наибольший интерес представляют обличительные речи в защиту правды, произносимые несправедливо обиженным героем повести.

Художественная историческая литература, получившая особый расцвет в эпоху Нового царства, представлена царскими летописями и «автобиографиями» вельмож, написанными часто ярким, образным языком.

Древнему Египту уже было знакомо драматическое искусство: оно было представлено драматизированными заупокойными или храмовыми обрядами либо религиозными драмами с мифологическими сюжетами. Иногда такие «спектакли» не ограничивались культовым назначением, но имели острую пропагандистскую или политическую направленность.

Среди богатой поэтической литературы — гимны богам и царям, любовная лирика, хвалебные песни. Ритм стиха строился на ударных слогах, количество же неударных, видимо, не имело значения.

Излюбленные литературные приемы — параллелизм (каждый стих состоит из двух параллельных фраз) и аллитерация, свойственная и прозаическим произведениям. Литературные произведения различных жанров часто вкладывались в уста повествователей, вводились в «рамке», составлявшей пролог и заключение. Египтяне очень любили изощренную игру слов, но при оценке этого приема надо помнить об особом значении слова для египтян. По преданию, Атум-Ра создавал людей из своих слез, однако в этом заключалась не только игра слов («слезы» и «люди» звучат по-египетски сходно), но и проявление веры в то, что слово и предмет находятся в тесной взаимосвязи.

7. НАУКА

Древние египтяне внесли существенный вклад в астрономию, создав солнечный календарь, столь совершенный, что мы с некоторыми изменениями пользуемся им и сейчас. Год делили на три сезона по четыре месяца. Тридцатидневный месяц делился на декады. В году было 36 декад, посвященных особым божествам — созвездиям. В конце года добавлялось пять дней. Такой календарь возник из сельскохозяйственных нужд, к нему привела необходимость вычислять периоды разлива Нила. Разлив Нила совпадал с появлением на рассвете, после долгого перерыва, яркой звезды Сириус. Это было замечено египетскими наблюдателями, однако египтяне не привели в соответствие календарный и астрономический год, так как не ввели високосных лет. Поэтому каждые четыре года утренний восход Сириуса расходился с новым годом на один день. Через 120 лет ошибка вырастала до месяца. Хотя и существовали проекты устранить это неудобство, они не были осуществлены.

Другой большой вклад в астрономию — это деление суток на 24 часа. Уже во время Нового царства были известны водяные и солнечные часы. Египтяне создавали карты неба, группируя звезды в созвездия. Велись наблюдения и за планетами.

Египетская математика возникла из потребностей делопроизводства и хозяйственной жизни. Египтяне пользовались десятеричной непозиционной

системой счета, в которой употребляли специальные знаки для обозначения чисел 1, 10, 100 и т.д. Оперировали простыми дробями только с числителем 1. Со Среднего царства засвидетельствованы задачники, в которых приводились также решения. Большинство задач возникло из практических потребностей. Египетские математики умели вычислить длину окружности и объем усеченной пирамиды. Способ, которым египтяне вычислили площадь круга, приводил к такому результату, как если бы число π равнялось 3,16, хотя понятия числа π не существовало. Для расчетов, связанных с дробями, пользовались специальными таблицами. Знали египтяне и арифметическую прогрессию. Для обозначения неизвестного пользовались словом «куча».

Уже в Древнем царстве (не без связи с практикой мумификации) накопилось много знаний в области анатомии и медицины — достаточно для появления врачей различных специализаций: глазных, зубных, хирургов и т.д. Позже засвидетельствованы практические руководства для врачей, в которых, правда, часто наука переплетается с магией. Но не это определяет достижения египетской медицины: древние лечебники показывают, что египетские медики прекрасно знали анатомию, возможно, открыли кровообращение, знали кое-что о роли мозга (паралич ног ставили в связь с повреждением головы). Существовало и руководство для ветеринаров. Как мумификация, так и особенно рецепты показывают значительные познания в области химии.

Из общественных наук наиболее важными были достижения в области исторических знаний: сохранились записи последовательности царствований и главнейших событий. Существовали специальные словники, а также пособия, по которым египетские писцы учились аккадскому языку.

В Египте были созданы специальные учебные заведения, так называемые «дома жизни», по мнению некоторых ученых — нечто вроде скриптория, где составлялись священные книги и, по-видимому, велись изыскания в области медицины.

Глава XII

ДРЕВНЕЙШИЙ КИТАЙ

История Китая насчитывает по крайней мере семь тысячелетий, начиная с периода развитого неолита. Почти треть ее занимает эпоха древнекитайской цивилизации. Ее начало относят к рубежу III—II тысячелетий до х.э. Концом ее считают крушение империи Хань (220 г. х.э.).

При той изученности древнейшего прошлого Китая, какую мы имеем на сегодняшний день, о процессе перехода от каменного века к веку металла и возникновении на его территории первичных раннегосударственных образований — начальных шагах на длительном и сложном пути становления древнекитайской цивилизации — мы можем преимущественно судить по памятникам материальной культуры Северного Китая.

Как полагает большинство ученых, металлургия бронзы в бассейне Хуанхэ возникла на основе достижений позднеолитической культуры Луншань. Причем высокий уровень развития гончарного процесса у луншаньских общин явился важной предпосылкой ускоренного развития бронзолитейного производства.

Самой ранней бронзовой культурой на территории Северного Китая считают культуру Эрлитоу. Она датируется XXIV—XV вв. до х.э., локализуется в основном в Хэнани, но частично захватывает и соседние территории Хэбэя и Шаньси.

Судя по всей совокупности археологических материалов, относящихся к культуре Эрлитоу — с характерной для нее техникой бронзового литья, — это был не самый ранний этап металлургии бронзы. И хотя пока не выявлено раннебронзовой культуры, предшествующей Эрлитоу, единичные находки меди и бронзы на луншаньских стоянках в бассейне Хуанхэ являются важным подтверждением ее автохтонности в Северном Китае.

В Эрлитоу (в районе г. Лоян) было вскрыто крупномасштабное поселение протогородского типа площадью 3,75 кв.км, где впервые археологи обнаружили основание монументального сооружения дворцового типа, со следами колонн, площадью 100 кв.м (его радиоуглеродная дата 1700 г. до х.э.). Археологи установили, что при возведении фундамента использовалась техника утрамбованных слоев земли, известная по луншаньским поселениям. Находки рядом с этим архитектурным комплексом керамических форм для отливки бронзы и тиглей говорят о развитии в Эрлитоу местного бронзолитейного производства. Из бронзовых изделий Эрлитоу, связанных с «престижным богатством», вызывает особый интерес винный сосуд типа *цзюэ*, поскольку он оказывается пока самым древним из традиционного комплекта ритуальных сосудов, принадлежащих к классическим образцам древнекитайской бронзы. В Эрлитоу найдены древнейшие из раскопанных в Китае захоронения с насильственно умерщвленными людьми. Некоторые китайские историки видят в них рабов, принесенных в жертву, и считают эрлитоуский комплекс сформировавшимся государством. Однако далеко не всем ученым такое построение представляется научно обоснованным.

Есть основания полагать, что в эрлитоуский период имущественная дифференциация протогородских обществ среднего течения Хуанхэ зашла уже довольно далеко, однако нет достаточных данных, говорящих за то, что она достигла стадии классового расслоения.

Если в позднеолитическую луншаньскую эпоху обнесенные глинобитными стенами укрепленные поселения носили спорадический характер, то с наступлением бронзового века поселения протогородского типа становятся своего рода знамением времени, оказываясь фактором, способствовавшим этнической консолидации и формированию государственности. Один из таких наиболее типичных протогородских центров, датируемый серединой II тысячелетия до х.э., открыт в районе Чжэнчжоу (в Хэнани). Он представлял собой прямоугольное в плане поселение площадью 3,2 кв.км (320 га), обнесенное мощной стеной из спрессованных слоев земли; высота сохранившейся ее части достигала 9 м, а толщина стен у основания — 20—30 м. Здесь были обнаружены фундаменты крупных строений типа дворцов или общественных зданий, остатки жилых построек (при возведении которых использовалась та же техника утрамбованной земли, как и при сооружении городских стен), а также ремесленные кварталы. Среди разнообразной бронзовой утвари обращают на себя внимание два ритуальных трипода типа *дин* в связи с особой культовой значимостью бронзовых котлов-треножников в общественно-политической традиции древнего Китая как сакральных символов наследования царской власти. Чжэнчжоу предстает как крупный центр с монументальной архитектурой и специализированным ремеслом. По сравнению с Эрлитоу чжэнчжоуский комплекс являет собой более высокую стадию исторического развития как в области материального производства, так и в сфере общественных отношений. У его носителей очевидно шел активный процесс государствообразования.

В связи с археологическими открытиями последнего десятилетия ученые вновь и вновь поднимают вопрос о реальности существования в истории древнего Китая культуры и династии Ся, которая в официальной китайской историографии предстает родоначальницей четырехтысячелетнего цикла 25 китайских династий, якобы правившей в Китае с 2205 по 1766 г. до х.э. Археологические материалы сопоставляются ими при этом с данными древнекитайских письменных памятников и мифологической традицией. Среди серьезных аргументов выдвигается и то обстоятельство, что самоназвание древнекитайского этноса *хуася* в его сокращенной форме — *ся* зафиксировано источниками I тысячелетия до х.э. и буквально совпадает с иероглифическим названием династии Ся. Делались попытки соотнести с культурой и династией Ся поселение Эрлитоу. Отождествляют с сяской культурой и чжэнчжоуский комплекс. Выдвигаются и иные версии. Теоретически допустима каждая из них, поскольку формально радиоуглеродные датировки и локализация сопоставляемых культур не выпадают из традиционно приписываемых династии Ся хронологических и территориальных пределов. Однако ни одно из предложенных отождествлений конкретных археологических комплексов с культурой Ся нельзя пока считать научно доказанным.

Данные новейших раскопок и исторические исследования позволяют, как кажется, со значительной долей вероятности предположить, что во второй половине III — первой половине II тысячелетия до х.э. на Центральной равнине, там, где создались условия для перехода луншаньских позднепервобытных общин к металлургии бронзы, сложилась крупная этническая общность (ся или какая-то иная, а может быть, и не одна), с ко-

торой было связано появление здесь протогородских центров, где уже просматривались некоторые компоненты, вошедшие в дальнейшем в основной фонд материальной культуры древнекитайской цивилизации. Судя по всему, в этих протогородских обществах, основанных на сельскохозяйственной экономике, наметился переход к раннегосударственным структурам, чему способствовало быстрое развитие бронзолитейного производства в бассейне Хуанхэ. Однако бассейн Хуанхэ не был единственным ареалом раннебронзовой металлургии на территории древнего Китая. По крайней мере с конца III тысячелетия до х.э. ряд культур ранней бронзы появляется в бассейнах рек Янцзы и Сицзяна независимо от северокитайского очага производства бронзовых изделий. Южнокитайские центры бронзовой индустрии, связанные с богатыми месторождениями меди и олова в Юго-Восточной Азии, возникли раньше, чем в бассейне Хуанхэ, самостоятельно или под воздействием мощного первичного очага древнейшей металлургии в Центральном Индокитае, восходящего к IV тысячелетию до х.э.[1]. В связи с этим встает проблема непосредственных этнических связей и взаимодействия культур ранней бронзы Северного и Южного Китая, которая решается учеными по-разному. В этом отношении представляют интерес недавние раскопки в Сычуани, лежащей на стыке древних культурных зон Восточной и Юго-Восточной Азии. Очень древняя неолитическая культура Даси в Сычуани была открыта сравнительно давно: ее возраст определяется серединой VI — началом III тысячелетия до х.э. В результате раскопок последних лет, особенно интересных в сезон 1986 г., в районе Чэнду была обнаружена культура Саньсиндуй с последовательным залеганием слоев позднего неолита и ранней бронзы, датируемых первой половиной III — началом I тысячелетия до х.э. Среди уникальных вещей Саньсиндуя — золотые и бронзовые маски-личины и золотой жезл с изображением человеческих голов, представляющий собой, очевидно, регалию власти. Сенсационный характер имеют находки многих сотен образцов литых бронзовых изделий, в том числе статуй людей в натуральную величину и даже большего размера, а также крупномасштабных скульптурных изображений человеческих голов с разнообразными головными уборами (что свидетельствует об устойчивой социальной стратификации). Ничего подобного этим находкам, в особенности монументальной скульптуре, не обнаружено ни для одной из культур бронзового века Китая. Некоторые историки полагают, что в культуре Саньсиндуй очевидны признаки древнейшей погибшей цивилизации.

В настоящее время сложнейшая проблема происхождения и генезиса бронзовой индустрии в древнем Китае далека от окончательного разрешения, но, как бы то ни было, остается непреложным, что на территории Китая во второй половине III — первой половине II тысячелетия до х.э. существовало несколько независимых центров ранней бронзы. Некоторые из них вплотную подошли к эпохе классообразования и зарождения государственности. Однако тот факт, что ни один из них не обладал письменностью, является серьезным доводом против отнесения их к классовым обществам и сложившимся государствам.

Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, как археологическим, так и письменным памятникам, на рубеже III—II тысячелетий до х.э. цивилизация, говоря образным языком, стояла на пороге древнего

[1] В последнее время высказываются предположения о еще большей древности первичного очага бронзовой металлургии (V или даже VI тысячелетие до х.э.). — *Примеч. ред.*

Китая. Об этом могут, в частности, свидетельствовать и находки, пусть единичные, протописьменных знаков у носителей ряда позднеолитических культур, в том числе на луншаньской стоянке около Сиани (середина III тысячелетия до х.э.) и на давэнькоуской керамике. О реальном государственном образовании можно говорить лишь по отношению к развитым бронзовым культурам второй половины II тысячелетия до х.э., среди которых первое место по праву принадлежит письменной городской культуре Шан-Инь, обнаруженной в Северном Китае еще в конце XIX в. и активно изучаемой с того времени вплоть до сегодняшнего дня.

1. ПЕРИОД ШАН-ИНЬ

Во второй половине II тысячелетия до х.э. в Китае на обширной территории — от Ганьсу до Шаньдуна и от Хэбэя до Хунани и Цзянси — по берегам рек[2] возникают разрозненные раннегородские поселения — носители бронзовой индустрии, в которых создаются предпосылки для образования протогосударственных структур. Такие обнесенные стенами «города» (размером примерно до 6 кв.км) строились по определенному плану, с комплексом монументальных строений дворцового типа, с ремесленными кварталами, бронзолитейными мастерскими. Они найдены в пределах Центральной равнины (в Хэнани и на юге Хэбэя — вплоть до р. Хуайхэ и Шаньдуна). Граница их распространения на юге выходит за пределы бассейна Янцзы, где в районе южнее оз. Дунтинху (Хунань) и оз. Поянху (Цзянси) обнаружены города такого рода. Особый интерес представляют недавние раскопки обнесенного мощной стеной поселения с дворцовым комплексом в Паньлунчэне под Хуанпи (около Ухани, Хубэй), в 100 км к северу от р. Янцзы, — одного из самых ранних городов подобного типа. Различие в погребальном инвентаре свидетельствует о социальном и имущественном неравенстве в этих обществах, что подтверждает, в частности, недавно обнаруженная в одной из так называемых больших могил, принадлежавшей, по всей вероятности, верховной жрице, уникальная пластика — заупокойные нефритовые фигурки, изображающие людей разного общественного положения и этнической принадлежности. Массовые умерщвления и жертвоприношения военнопленных составляют характерную особенность этих обществ.

В масштабе одной или нескольких территориальных общин («городов») складывались первичные очаги зарождающейся цивилизации[3]. Объединение общин диктовалось и хозяйственными нуждами (например, необходимостью коллективных усилий для борьбы с наводнениями)[4], и военными (войнами с соседними племенами, осложнявшимися междоусобной борьбой городов-государств). Однако наиважнейшей причиной возникновения этих первичных раннеклассовых образований было все усиливающееся имущест-

---

[2] В специфических экологических условиях Северного Китая земледелие было возможно лишь по речным поймам.

[3] По-видимому, и применительно к древнему Китаю можно говорить о «номовом государстве». — *Примеч. ред.*

[4] Профиль долины Хуанхэ почти плоский, поэтому особенно в низинах, где русло реки постоянно изменялось, затоплялись огромные пространства. Во время половодий объем воды возрастал более чем в полтора десятка раз, что в четыре раза больше, чем возрастание объема воды в долинах Нила и Инда, и в два раза больше, чем в долине Тигра и Евфрата.

венное расслоение. На первый план в таких раннегородских обществах под внешней оболочкой борьбы родов за престиж выступали имущественные и возникающие классовые антагонизмы. Эти территориальные общины становились полем образования государственного устройства, что принципиально отличало их от окружающего множества родо-племенных организаций. В Северном Китае Шанское «городское общество», очевидно выделившееся из Иньского союза племен как наиболее устойчивая его часть, в последние века II тысячелетия до х.э. встало во главе довольно крупного, этнически неоднородного и нестабильного объединения. Его правитель назывался «ваном»; он обладал высшей военной властью и выполнял функции верховного жреца.

Об общине и «городе Шан» мы узнаем прежде всего из древнейших на территории Китая письменных эпиграфических памятников, обнаруженных при раскопках около деревни Сяотунь в районе г. Аньян (в Хэнани)[5]. Это надписи на гадательных костях жертвенных животных и черепашьих панцирях, выполненные архаическим пиктографическим письмом, в котором ученые видят прообраз китайской иероглифической письменности. Из ритуально-магических текстов, каковыми они являются, можно извлечь очень немногое для характеристики общественного строя. Данные эти спорные, что приводит к большим разногласиям среди историков в оценке социально-экономических отношений шанского общества. Исследование этих надписей затруднено тем, что фонетические реконструкции древнекитайского языка не идут далее середины I тысячелетия до х.э., но даже и они сомнительны.

Язык иньских надписей являлся языком южноазиатского типа, испытавшим влияние североазиатских языков, что говорит об интенсивных контактах в долине Хуанхэ предков современных языков юга Восточной Азии (ученым не удается установить, каких именно, из-за невозможности реконструировать произношение иньских знаков) и древних сино-тибетских языков, а следовательно, носителей этих языков. В середине I тысячелетия до х.э. североазиатский и южноазиатский порядки значимых элементов слились в единую грамматическую систему древнекитайского языка.

Гадательные надписи датируются XIII—XI вв. до х.э. — тем же самым временем, к которому относится и вскрытое в районе Аньяна большое городское поселение (занимающее вместе с прилегающими к нему территориями его округи площадь более 20 кв.км) с остатками тесных полуземлянок и землянок и фундаментами средних и крупных строений с бронзовыми основаниями колонн. В пределах этого комплекса поселений обнаружены крепостные валы, ремесленные кварталы с литейными мастерскими. Под Аньяном было открыто множество могил, резко различающихся по размеру и инвентарю погребений — от неглубоких ям, лишенных оружия и бронзовой утвари, до огромных крестообразных подземных усыпальниц более чем десятиметровой глубины. Последние (их немногим более десятка, площадь самой крупной из них — 380 кв.м) представляли собой монументальные конструкции, напоминающие усеченные пирамиды, обращенные основанием вверх, с широкими подъездными дорогами, спускающимися посредине каждой из четырех сторон этих гробниц к погребальной камере, заполненной драгоценной утварью, оружием из бронзы, украше-

[5] Река Хуанхэ в те далекие времена в нижнем ее течении текла не в том направлении, как сейчас, поворачивая около Чжэнчжоу круто на север и впадая в залив Бохайвань в районе Пекина, т.е. протекая сравнительно недалеко от Аньяна.

ниями из нефрита и золота. Для сооружения каждой из них требовалось, по подсчетам ученых, не менее 7000 человеко-дней. В больших могилах — захоронениях почивших ванов, как можно полагать, — найдены сотни скелетов сопогребенных людей, а рядом — целые поля захоронений обезглавленных военнопленных со связанными за спиной руками и ямы с их отрубленными головами, исчисляющимися тысячами. Отдельно были погребены военные колесницы с лошадьми и возничими. Надписей о жертвоприношении людей (до 1500 человек одновременно) в настоящее время на гадательных костях обнаружено около двух тысяч, в них общее число таких жертв достигает 14 197. Пленных приносили в жертву богам и предкам; с обрядом массовых человеческих жертвоприношений был связан широко распространенный у шанцев культ гор и рек (в гадательных надписях упоминаются десятки имен их богов), а также, очевидно, и ритуал «священного брака», входивший в культ плодородия. Сотни захоронений людей, в том числе и заживо погребенных, обнаружены археологами в фундаментах и других частях строений дворцового и храмового типа.

Аньянские мелкие и средние могилы, принадлежащие собственно шанцам (со специфическим трупоположением, инвентарем и бронзовым оружием), отличаются антропологической однородностью — в противоположность расовой неоднородности черепов обезглавленных скелетов из шанских больших могил, где представлены и восточные монголоиды, и континентальные монголоиды, и переходные к австралоидам южномонголоидные популяции; эти жертвы предназначались для кровавого ритуала человеческих жертвоприношений, ради чего шанцы предпринимали походы (своего рода «охоту за головами») на расстояние нескольких сотен километров. В шанском обществе, где регулярно совершались обряды, требовавшие массовых жертвоприношений, война являлась общественной нормой. Главной целью военных походов был захват добычи: помимо пленных — зерна и скота, также требовавшихся для принесения в жертву богам и предкам.

Судя по содержанию гадательных надписей, под г. Аньян находился культовый центр, где происходили гадания шанского и других коллективов и хранился архив так называемого «иньского оракула». Название «иньский оракул» идет от позднейшей древнекитайской письменной традиции, в гадательных текстах знак *инь* отсутствует. Это может быть объяснено тем, что обращающиеся к оракулу, естественно, не вопрошали о нем самом. Тот факт, что надпись, содержащая этноним инь (единственная пока), найдена в бассейне р. Вэйхэ — далеко за пределами Аньянского культового центра, может служить подкреплением высказанной гипотезы. Инь как название оракульного центра, вероятно, совпадало с самоназванием союза племен, располагавшегося в позднеолитическое время в бассейне Хуанхэ.

При всей разобщенности протогородских центров и разноязычии этнических общностей, входивших в шанскую конфедерацию (не являвшуюся объединенным государством), письменность в «обществе гадательных костей», первоначально использовавшаяся исключительно в ритуальных целях, была, по-видимому, одна. Скорее всего ее распространял культовый иньский союз (рудимент стадиально предшествующего типа объединения), хотя, возможно, изобретена она была не в одном месте и не только и не обязательно именно шанцами. Вопросы к оракулу касаются многих городов (*и*), общинных объединений и племен (*фан*). Но особо выделяются шанские поселения: «город (или города) Шан» (*Шан и*), «Главный (или Великий) город Шан (*Да и Шан*)», «центральный Шан» (*Чжун Шан*), а

также просто *Шан*[6] как топоним и этноним. Это наводит на мысль, что местоположение оракула, почитаемого как священный культовый центр, именуемый Инь, не являлось ни резиденцией вана Шан, ни политическим центром того союзного объединения, во главе которого стоял шанский ван как главный военный предводитель. Название Шан встречается и в гадательных надписях, и в позднейших нарративных древнекитайских памятниках как наименование политического объединения и городского центра, а также как топоним и этноним, отождествляясь традицией с «династией Инь» и являясь как бы ее вторым равноценным наименованием; поэтому и период этот часто называется историками Шан-Инь. Традиционная историография датирует его 1766—1122 гг. до х.э., гадательные надписи, как уже говорилось, относятся к последним двум векам этого периода.

Шанское общество жило в условиях развивающегося бронзового века (прочная оседлость, города, отделение ремесла от земледелия). Природные условия Среднекитайской равнины — района расселения шанцев — в III—II тысячелетиях до х.э. были исключительно благоприятными для земледелия, чему способствовали лёссово-илистые почвы речных пойм, регулярные дожди и субтропический климат. Из зерновых культур шанцы возделывали сорго, ячмень, различные виды пшеницы, два сорта проса (черное и желтое), род конопли со съедобными зернами. Помимо злаков шанцы знали садово-огородные культуры, выращивали тутовые деревья для разведения шелкопряда. Нет полной ясности, была ли шанцами освоена культура риса, но если и была, то только суходольного, ибо ирригация им не была известна. Урожай целиком зависел от дождей, о чем имеются прямые свидетельства гадательных надписей. Кроме небольших канав, известных еще по раскопкам городища под Чжэнчжоу (Хэнань), никаких следов искусственного орошения ни археологические раскопки, ни надписи не выявляют — ни у шанцев, ни у других насельников «городов-общин» и племен, располагавшихся во второй половине II тысячелетия до х.э. в поясе плодородных долин бассейна Хуанхэ. Основной принцип практиковавшихся гидротехнических мероприятий заключался в регулировании стока рек с помощью водоотводных протоков. При раскопках шанского городища под Аньяном была обнаружена система меридиональных дренажных каналов 40—70 см шириной, около 120 см глубиной при максимальной длине 60 м.

Таким образом, теория возникновения китайской цивилизации как земледельческой речной цивилизации, основанной на искусственном орошении, не подтверждается источниками. Более того, некоторые ученые даже полагают, что не земледелие, а скотоводство составляло основу хозяйственной жизни шанского общества. Скотоводство действительно играло немалую роль в жизни «общества гадательных костей». Единовременные жертвоприношения крупного рогатого скота достигали нескольких сотен голов. Распри из-за пастбищ были одной из причин войн шанцев с соседями.

О важном значении не только скотоводства, но и охоты можно судить уже только по преобладанию анималистических орнаментальных мотивов и сюжетных композиций на шанской бронзе — ритуальных сосудах и оружии. Охоты такого рода носили коллективный характер, в них должно было участвовать все взрослое население шанских общин. На каждой из охот добывали десятки и сотни диких животных.

---

[6] Читателю следует иметь в виду, что это — условные чтения, передающие современное произношение соответствующих иероглифов. Их произношение в иньское время остается пока неизвестным. — *Примеч. ред.*

Иньцы селились в городах, окруженных мощными оборонительными стенами, как о том свидетельствуют раскопки целого ряда городищ и знаки на гадательных костях, выражающие понятия «город», «городские укрепления», «внешние стены поселения», «строить город» и т.п.

Техника бронзового литья шанцев достигла весьма высокого уровня. Из бронзы изготовлялись ритуальная утварь (вес отдельных крупных изделий, в частности котла Сымуудин, достигал 875 кг), оружие, детали колесниц, но орудия труда в подавляющем большинстве своем были каменными и костяными, впрочем, и оружие еще в значительной мере оставалось неолитическим (каменные топоры, наконечники копий, стрел).

В таких городских поселениях отдельно располагались ремесленные кварталы, где были сосредоточены довольно крупные мастерские медников, косторезов, каменотесов, керамические, деревообрабатывающие и др. Их археологи обнаружили как под Аньяном, так и в других протогородских поселениях шанской эпохи, в частности под Лояном, Чжэнчжоу (Хэнань) и Цинцзяном (Цзянси). Получило развитие монументальное зодчество, и в частности градостроительство; руководство последним было одной из важных функций вана, который должен был для этого соответственно располагать достаточно большими материальными и людскими ресурсами. Из надписей известно о существовании специальной категории *вангунов* («ремесленников вана»), а также *гунчэней*, *дичэней*, *догунов* (храмовых и общинных ремесленников). Видимо, первоначально шанцы были хранителями секретов бронзолитейного искусства. Знак *шан* означает «торговля, торговать», хотя, вероятно, это не первоначальное значение данного знака, а производное от изображения каких-то изделий шанцев, скорее всего бронзовых (в знаке *шан* один из элементов является изображением треножного сосуда), и, возможно, связано с особыми функциями шанцев в «обществе гадательных костей» как посредников в межобщинном и межплеменном обмене; эти функции могли способствовать их возвышению среди других раннегородских обществ Великой Китайской равнины.

В целом торговля была развита слабо и носила меновой характер, но все же имелись товаро-деньги — раковины каури. Хождение имели как естественные каури, так и их бронзовые имитации, что для шанцев как монополистов в области бронзового литья могло служить особым источником обогащения. Не только в эту эпоху, но и позднее, в чжоуском Китае, специфика товарно-денежных отношений заключалась в том, что государственная распределительная система товарообмена сочеталась с отдельными элементами рыночной системы.

Существовал и международный обмен, о чем говорят хотя бы каури, прибывавшие с морского побережья; из бассейна Янцзы поступали олово и медь, из Синьцзяна — золото и яшма, а в обмен шли изделия шаниньского мира, прежде всего бронзовые, на севере они доходили до Сибири. Основной формой международного обмена был захват — самый примитивный, хищнический способ международных связей.

Основу шанского общества составляли свободные территориальные большесемейные общины.

В ритуальных трапезах с закланием 300—400 быков и более, вплоть до тысячи голов, участвовало все взрослое население, исчислявшееся тысячами человек. Ван, как верховный жрец, выступал подателем мясной пищи народа, компенсировавшей в определенные периоды белковое голодание земледельческого коллектива. В массовых жертвоприношениях на первый взгляд, казалось бы, безрассудно расточались важнейшие материальные

блага общества (домашние животные, бронзовая утварь и оружие, колесницы с лошадьми, раковины каури, золото и нефрит, продукты земледелия, охотничья добыча и военнопленные), однако они были не только ритуально значимы, считались жизненно важными, но и, видимо, должны были как-то сдерживать имущественное расслоение и обогащение отдельных шанских родов и знатных семей.

Ван выступал организатором производства. Он, в частности, возглавлял крупные земледельческие работы в правительском хозяйстве; участие в них «братского коллектива» (*чжунжэнь*) общинников считалось не повинностью, а общественно полезным трудом, частью ритуально-магического обряда, обеспечивавшего плодородие почвы на всех полях страны. Запасы продовольствия, которыми ван располагал, все еще, видимо, представлялись важным страховым, обменным, семенным и жертвенным фондом шанской общины. Из него же, очевидно, обеспечивался и управленческий персонал. Помимо общинников в ванском хозяйстве использовались и подневольные работники из военнопленных. Надписи свидетельствуют об использовании этого контингента в земледелии и скотоводстве. Работы на полях вана производились по велению оракула и в назначаемые оракулом сроки под наблюдением вана или лично подвластных ему доверенных лиц и надзирателей — *сяочэней*, *я* и др. Сяочэни, по мнению ряда историков, являлись «рабами — потомками пленных», «отроками, рожденными в рабстве» или «потомками рабов категории *чэнь*». Работы на полях вана выполнялись, по-видимому, казенными орудиями, о чем могут свидетельствовать находки под Аньяном складов нескольких тысяч каменных серпов и других земледельческих орудий рядом с храмом предков вана, где, вероятнее всего, и находились ванские храмовые поля.

Среди ученых ведутся споры о социальном значении терминов для групп людей, занимавшихся полевыми работами под главенством вана. Одни считают упоминавшихся выше чжунов рабами, другие — свободными. Возможно, однако, что знак *чжун* не был однозначен и мог использоваться не только как социальный термин, но и как обозначение всех мужчин возрастной группы «производственников»[7]. Вместе с тем, очевидно, чжуны имели отношение не только к хозяйству вана, а *чэни*, сяочэни, *дочэни* и другие категории чэней были рабочим персоналом только или главным образом хозяйства вана. Среди чэней, видимо, были лица разных статусов: и подневольные работники типа рабов, и надзиратели (сяочэни), которые при известных обстоятельствах могли быть поставлены и над общинниками (чжунами) как их начальники (например, на период выполнения ими полевых работ на дом вана), и личная стража вана (дочэни). Как подчиненные непосредственно вану и представителям шанской администрации, чэни, в отличие от чжунов, находились вне общинного сектора. К тому же чэни скорее всего были преимущественно нешанцы по происхождению. Есть данные, свидетельствующие о том, что их «усыновляли», причем иногда целыми семьями. Наиболее вероятно, что чжуны представали в двояком качестве: они принадлежали прежде всего к коллективу своей общины, но имели известное отношение и к хозяйству вана, т.е. выступали как непосредственные производители одновременно и на своем общинном поле, и на поле вана, однако едва ли будет правильно определять эти два вида работ чжунжэнь как соответственно необходимый труд и труд прибавочный. Надписи фиксируют случаи, когда пахота

[7] Т.е. этот термин, возможно, был подобен шумерскому термину *гуруш*. — *Примеч. ред.*

производилась одновременно сотнями и тысячами людей. «Три тысячи людей привлечь ли к полевым работам?» — задается вопрос оракулу. Обработка земли осуществлялась несложными орудиями: примитивной землеройной палкой, сажальным колом, двузубой мотыгой. Вошел в употребление так называемый способ *оугэн* (или способ «спаренной вспашки», получивший развитие в дальнейшей земледельческой культуре древнего Китая). При этом крюкообразная бороздовая палка (ее изображения встречаются в гадательных надписях) использовалась как пахотное тягловое орудие, приводимое в действие физической силой двух людей, один из которых толкал его перед собой, а другой волоком тянул его за веревку, пятясь задом или впрягаясь в эту примитивную соху.

Ван предводительствовал на войне и на охоте. Важный вид войска, видимо дружину вана, представляли воины на боевых колесницах. Но основную силу шанского войска все еще составляла масса общинного населения. Обращает на себя внимание тот разительный факт, что во всех раскопанных под Аньяном могилах собственно шанцев (со специфическим трупоположением лицом вниз), как средних по размеру, так и совсем небольших (конечно, без человеческих сопогребений), оружие было обязательной принадлежностью сопроводительного инвентаря. Так сквозь призму археологических данных предстает перед нами вооруженный народ шанской общины.

Войны усиливали власть вана и других военачальников, в руках которых скапливались большие богатства. Выделились богатые и знатные роды, в которых внутри поколения, а затем по генеалогическому родству стали наследоваться высшие должности — прежде всего вана, определились роды, наследовавшие жреческие обязанности. Показательно, что помимо огромных мавзолеев в раннегородских поселениях шанского времени обнаружены сравнительно небольшие гробницы, где вместе с хозяином захоронено несколько людей, — это может служить свидетельством возникновения частного рабства.

Анализ надписей дает возможность предполагать, что власть вана была ограничена советом. Эпическая традиция, зафиксированная в древнейшем чжоуском памятнике «Шуцзине» («Книге исторических преданий») и позднечжоуском сочинении «Люйши чуньцю», сохранила воспоминание о шанском совете старейшин и народном собрании; большие общественные здания, открытые археологами на территории «города Шан», косвенно могут говорить за это. Утверждение выборных военных предводителей и глав совета старейшин (*хоу* и *бо*) нешанских общин и племен (*фанов*), находившихся в сфере гегемонии Шан, очевидно, совершалось с санкции вана.

Массовые жертвоприношения и захоронения пленных, конечно, указывают на то, что их труд не находил еще большого применения в хозяйстве. Однако есть данные об использовании пленных из племени цянов в охоте, скотоводстве и земледелии (на расчистке поля). Военнопленные, очевидно, спорадически все же использовались на сооружении огромных гробниц, ликвидации последствий наводнений, строительстве городов и на других работах, которые при крайней примитивности транспортных и технических средств требовали колоссальных усилий. Известно из надписей, что пленных не всегда сразу же приносили в жертву. В таких случаях их могли использовать на единовременных экстренных трудоемких работах. Если согласиться с трактовкой знака *чэнь* как «рабов из военнопленных», то термин *гунчэнь*, обозначающий ремесленников, может свидетельствовать о применении труда рабов в каких-то отраслях ремесла. Цянов, как

искусных коневодов, шанцы использовали для ухода за лошадьми. Есть данные, намекающие на использование пленных на весенних земледельческих работах. Можно полагать, что они участвовали в коллективных обрядах плодородия и затем умерщвлялись в соответствии с ритуалом «священного брака». Среди надписей есть, например, такая: «Ван повелел многим цянам совершить обряд плодородия на полях».

О характере шан-иньского общества ученые высказывают разные мнения: считают его и протогосударством (на разных стадиях развития), и первичным государствообразованием типа города-государства, и зрелым государственным организмом с рабовладением как системообразующим фактором общественной структуры. Судя по последним данным, есть основания полагать, что на территории Китая в так называемую эпоху Шан-Инь складывались разрозненные очаги городской раннеклассовой цивилизации, принадлежавшие разным этносам, из которых шанский, обладавший собственной письменностью, оказался наиболее развитым. Ее, очевидно, могли заимствовать другие общества. Однако своей письменностью владел в это время не только «Великий город Шан». Сравнительно недавно под Учэном в провинции Цзянси, в 200 км к югу от р. Янцзы, был обнаружен городской комплекс, представляющий собой независимый очаг древнейшей цивилизации, обладавший самостоятельным бронзолитейным производством и таким высоким показателем культуры, как изобретение протофарфора, — до этого открытия начало производства фарфора в Китае относили к рубежу христианской эры. Еще одной сенсацией раскопок в Учэне было обнаружение на керамике и каменных литейных формах 60 графических письменных знаков, отличных от иньского письма, говорящих о наличии в обнаруженном под Учэном городе-государстве местной оригинальной письменности[8]. Датируется учэнский памятник серединой II — самым началом I тысячелетия до х.э.

Однако о шан-иньской цивилизации мы знаем на сегодняшний день несравненно больше, чем обо всех остальных центрах раннегородской культуры на территории Китая II тысячелетия до х.э., безусловно стадиально с ней сопоставимых. Поэтому представление о ней помогает восстановить общую картину возникновения и первых шагов развития в древнем Китае классового общества и государства.

«Город Шан» возглавлял коалицию «городских обществ». С них он время от времени взыскивал дань (форма международного принудительного обмена), а в случае неподчинения шел на них походом; но бывало, что соседние «города» сами нападали на шанцев.

2. ПЕРИОД ЗАПАДНОГО ЧЖОУ

Союз «городов» Шан был окружен враждебными племенами, с которыми он вел постоянные войны. Агрессивность шанцев вызывала ответные действия племен. Затяжные войны с ними ослабили шанцев и стали в конечном счете одной из причин их гибели. Согласно ортодоксальной письменной традиции, в конце XII в. до х.э. (1122 г. до х.э.) шанцы были покорены уже давно угрожавшими им с запада, вероятно родственными им,

[8] В науке существует и другая точка зрения на эти знаки: в них видят «тамги», т.е. знаки собственности. — *Примеч. ред.*

чжоусцами, у которых интенсивно шел процесс государствообразования — очевидно, не без воздействия со стороны иньской цивилизации.

Ранняя история чжоусцев, по традиции, связана с землями в бассейне р. Вэйхэ (приток Хуанхэ), хотя, по-видимому, чжоуские племена пришли сюда из более западных районов. Здесь они в первой половине II тысячелетия до х.э. занимались скотоводством и ранними формами земледелия. По некоторым данным можно полагать, что во второй половине II тысячелетия до х.э. чжоусцы были знакомы с литьем бронзы, а возможно, и с письменностью местного происхождения.

Процесс формирования этнического состава чжоусцев был весьма сложным. Хотя впоследствии они влились в общекитайский этнос, некоторые полагают, что они первоначально относились по языку к тибето-бирманцам.

По-видимому, с середины II тысячелетия до х.э. имело место медленное просачивание чжоусцев на восток, в частности на территорию, подвластную шанцам.

Чжоусцы находились то в дружественных, то во враждебных отношениях с шанцами, от которых откупались «данью» людьми. Возглавив антишанский военный союз, чжоусцы наголову разбили в знаменитой битве при Муе (в Хэнани) войска иньской коалиции и вскоре подчинили своей власти обширную территорию в бассейне верхнего и среднего течения Хуанхэ. Столицей завоевателей стал город Хао в нижнем течении р. Вэйхэ (в Шэньси).

Период с 1122 по 770 г. до х.э. китайская историческая традиция относит ко времени древнекитайского государства Западное Чжоу. В отличие от войн Шан-Иньской эпохи, носивших характер вооруженных набегов, походы чжоусцев с самого начала имели целью захват новых территорий, перекачивание из них рабочей силы. Показательно обращение к войскам перед битвой в Муе чжоуского предводителя, ставшего затем первым западночжоуским монархом под именем У-вана («Воинственного царя»): «Вперед, бравые воины! Не убивайте тех, кто сдастся, пусть потрудятся на наших западных полях!» («Шуцзин»). Пафос великодержавности звучит в строфах раннечжоуской оды из «Книги песен» («Шицзина»): «Широко кругом простирается небо вдали, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всем берегу, что кругом омывают моря, повсюду на этой земле только слуги царя!» После разгрома шан-иньского объединения[9] чжоусцы отправили часть «строптивых иньцев» на сооружение своей второй столицы г. Чэнчжоу (около Лояна, в Хэнани), где потом, видимо, использовали в качестве подневольных работников на городском строительстве и в царском хозяйстве. Тринадцать самых знатных иньских родов были порабощены и пожалованы ближайшим родичам У-вана.

Западное Чжоу по структуре представляло собой весьма рыхлое и этнически пестрое государственное образование, в котором местные владетели были обязаны данью и военной помощью верховному чжоускому правителю, но автономно управляли выделенными им областями. Территории, захваченные чжоусцами, либо отдавались в управление (*го*) членам правящего чжоуского дома, либо оставлялись в подчинении прежних правителей, поставленных под надзор «наблюдателей» чжоуского вана. Титул *ван* был унаследован верховными царями Чжоу от шанцев.

---

[9] Точная дата чжоуского завоевания не установлена. Ученые датируют это событие в диапазоне от 1137 до 911 г. до х.э. Столь же условна и хронология дальнейших событий государства Западное Чжоу до 841 г. до х.э.

Подвластных западному дому Чжоу местных владетелей (чжухоу) традиция исчисляет десятками и сотнями (есть даже версия Ван Чуна о 1973), 71 из их владений (*го*) было закреплено за членами Чжоуского царского рода. Участие каждого из хоу в завоевательных походах против шанцев документировалось специальной записью на отлитом в честь этого события ритуальном сосуде.

Чжухоу обладали собственным аппаратом власти, осуществляли административное управление подвластным населением, но на их владения распространялась ванская юрисдикция и уполномоченные вана следили за изъятием части их доходов (особенно зерна) в пользу казны. Судя по эпиграфическим данным, чжоуский ван нередко сменял чжухоу, очевидно рассматривая их как представителей царской административной власти. Для разбора их дел и тяжб и применения к ним карательных мер назначалось специальное должностное лицо. Такое поручение также оформлялось надписью на бронзовом сосуде. Однако постепенно, с переходом владения по наследству, чжухоу превратились в фактических обладателей высшей территориальной власти на местах.

Земельные пожалования чжоуского вана не были связаны с правом верховной собственности правителя на землю, но являлись реализацией им права государственного суверенитета на территории страны.

Вместе с тем из собственно царского земельного фонда ван раздавал частным лицам, относившимся к управленческому аппарату, земли, считавшиеся принадлежностью их должностей. Акты о передаче им земельных угодий оформлялись как «дарения». Это не означало, что пожалованная территория становилась их собственностью. Она не считалась выбывшей из царского (государственного, правительского) фонда. Передавались лишь права на доходы с этих земель, а при вступлении на трон нового правителя эти акты должны были возобновляться.

Должностные земли постепенно становились наследственными, но в любом случае их передача требовала формального утверждения ваном. Юридическим документом служили бронзовые сосуды с отлитым на них текстом жалованных грамот. Причем земельные дарения одному лицу могли быть территориально разбросанными.

И с землей (одновременно, но не совместно с ней), и без земли могли дариться «царские люди». Надписи на бронзовых сосудах свидетельствуют о «пожалованиях» людей ваном и его супругой, как сотнями семей, так и по одиночке — до тысячи и более человек одновременно. Эти подневольные люди, несомненно, использовались в производстве, так как дарственные перечисляют различные категории рабочего персонала. Так, в надписи на сосуде Даюйдин заявляется о пожаловании ваном 569 работников: «от конюхов до земледельцев». Все они являлись принадлежностью дома вана и не обладали собственными средствами производства. Однако далеко не все «царские люди» являлись рабами. В частности, в их числе могли быть и высокопоставленные должностные лица, но все они в глазах современников находились по отношению к вану в одинаково подчиненном положении, а потому не являлись людьми, распоряжавшимися собой по своей воле. Известны факты дарения рабов из осужденных. «Двести босоногих семей в рыжих рубищах (символ позорного наказания)» упоминаются в дарственной на одном из сосудов. Этот вид государственного рабства появляется впервые, но сразу получает распространение. Однако основным источником рабства оставался захват военнопленных. Подневольными людьми из воен-

нопленных распоряжался сам ван, распределяя их между участниками военных походов.

В пределах земель государственно-царского фонда (вне собственно общинных земель) получали распространение крупные комплексные царские хозяйства — полеводческие, скотоводческие, ремесленные, управлявшиеся особыми должностными лицами: «надзирателями земель», «надзирателями ремесленников» и др. Существовали и царско-храмовые хозяйства, где ван возглавлял культ Хоуцзи[10] и совершал священный обряд проведения «первой борозды». Хотя к работе в этих хозяйствах привлекалось и свободное общинное население в порядке несения повинности *цзу* в пользу храма, но постоянный контингент рабочей силы этих хозяйств составляли партии подневольного люда[11]. Среди них были осужденные на рабство за преступления. Косвенно об этом могут говорить данные «Шуцзина», отраженные в речи, приписываемой мифическому правителю Ци, но, по всей вероятности, относящиеся к раннечжоускому времени: «Кто выполнит [мои] приказы, будет вознагражден [в храме] предков, кто не выполнит, будет казнен у алтаря духа Земли, жен и детей ваших я обращу в рабство...» Но особенно много было рабов из военнопленных. Их захватывали тысячами, учитывали с точностью до одного человека. Ужасом порабощения проникнуты раннечжоуские песни «Шицзина»: «О весь народ наш! Без вины в рабов он будет превращен». Военнопленными ведали *ши* («воинские начальники», «командиры»). Вообще армия, как орудие насилия государства, выполняла еще и функцию принуждения к труду порабощенных военнопленных. Поэтому «военные чины» имели и особые производственные обязанности, связанные с организацией труда подневольных работников огромных царских хозяйств; они же ведали и поставкой — военным захватом — этой рабочей силы. Ван имел собственное колесничное и вспомогательное пешее войско, которое снаряжалось и содержалось за счет комплексного царского хозяйства.

В это время климат в Северном Китае становится значительно холоднее и суше. Для расширения пашни вместо дренажных работ по осушке болот стало требоваться искусственное орошение. Сократилось значение скотоводства. Важным показателем развития производительных сил является усовершенствование в первой половине I тысячелетия до х.э. технологии бронзового литья. Вырубка и корчевка лесов и кустарников с целью поднятия новины стала менее трудоемким процессом благодаря более широкому применению в производственной сфере бронзовых орудий, прежде всего такого универсального инструмента, как кельт, служивший и топором и землеройным орудием. Если в эпоху Шан-Инь бронза использовалась в основном в непроизводственной сфере (даже при присущей тому времени высокой технологии бронзового литья), то начиная с эпохи Западного Чжоу бронза начинает все шире применяться для изготовления орудий труда довольно широкого профиля, так что о действительно развитом бронзовом веке на территории Китая мы можем говорить именно применительно к эпохе Чжоу. Поселения городского типа распространились по

---

[10] Общинно-племенной культ Хоуцзи (Владыки Просо), прародителя чжоусцев, стал превращаться с образованием Западно-Чжоуского царства в общегосударственный.

[11] В этих крупных хозяйствах частноправовые функции западночжоуского вана, как собственника, выступали еще в неразрывной связи с его публично-правовыми функциями, как правителя государства, — черта, характерная для начальной стадии становления государственности и в других цивилизациях древнего Востока.

широкой зоне Восточного Китая — от северных степей до бассейна Янцзы. Они создавались вдоль рек и обносились стенами из утрамбованной земли (традиционная техника древнекитайского крепостного строительства со времени неолита), защищавшими от набегов окружающих племен и от наводнений. Периметр стен не превышал 1000 м, обычно в плане они представляли квадрат или прямоугольник, ориентированный по сторонам света, с воротами посреди каждой из четырех крепостных стен.

Судя по «Книге песен», сохранялась территориальная большесемейная община, согласно позднейшим данным — с коллективными органами самоуправления, земли которой разделялись на обрабатывавшиеся в пользу государства (*гунтянь*) и частные (*сытянь*), т.е., видимо, обрабатывавшиеся общинами в свою пользу. Термин *сытянь* здесь нельзя понимать как индивидуальные земли. Свободные члены территориальных общин составляли основную массу населения, обязанную натуральными поставками и физическим трудом в пользу государства. Собственно чжоуское население *бай-син* («сто родов») находилось в привилегированном положении по сравнению с остальными свободными, обладая, в частности, правом на даровые раздачи продуктов питания, в частности регулярные выдачи свинины, и на сокращение повинностей и поставок[12]. Длительному сохранению обычая внутриобщинных переделов земли в известной мере способствовало то, что постоянная ирригационная система, при которой эти переделы затруднены, не получила еще распространения в полеводстве. Община продолжала оставаться коллективным собственником земли, представляя общинно-частный сектор, существовавший параллельно с государственным. С бытованием в раннечжоуском Китае общинного землевладения и практикой земельных переделов связывают так называемую систему «колодезных полей» (*цзинтянь*), зафиксированную в трактате философа Мэнцзы (372—289 гг. до х.э.). По идеальной схеме Мэнцзы, в каждой общине (нормативно состоящей из восьми семей) вся пахотная земля делилась на девять равновеликих квадратов (один — в центре, восемь — по краям); их внутренние межевые границы как бы образовывали рельефный рисунок, сходный с иероглифом «цзин» («колодец»). Внутренний квадрат этого комплекса обрабатывался общинниками сообща, восемь крайних — отдельно каждой из восьмерки семей. При несомненной заданности и утопичности схемы Мэнцзы в ней, по мнению ученых, нашли отражение пережитки представлений об общинной земельной собственности и равновеликости семейных наделов в общине, что могло быть достижимо только при периодическом переделе полей.

К концу периода, по-видимому, начинают появляться земельные хозяйства, не входящие в общины. Среди единичных сведений о сделках с землей — купчая, зафиксированная на сосуде рубежа X—IX вв., об обмене конной упряжки на 30 полей. Основную рабочую силу в таких хозяйствах могли составлять работники различных категорий и наименований, находившиеся в рабском положении или близком к нему и не во всех случаях полностью лишенные личностных прав, что было отражением ранней стадии развития рабовладения. О частном рабстве свидетельствуют раскопки могильников этого периода с сопутствующим захоронением нескольких рабов в каждом из них. Государство заботилось о возвращении

[12] Так, с них, очевидно, не взимали повинность *цзичжу* — людьми, каури и шелком, каковой было обязано завоеванное чжоусцами население (в частности, хуай-и на востоке страны).

беглых рабов их хозяевам, обладая необходимым для этого аппаратом принуждения в виде войска вана. Такой случай отражен в надписи на сосуде Юйгуй начала IX в. Постепенно укреплялось право частной собственности на рабов. Уполномоченные вана разбирали по суду имущественные тяжбы между частными лицами, в том числе и по поводу рабов. Так, например, на сосуде Худин излагается как подведомственное юрисдикции вана дело об обмене-продаже пяти рабов на лошадь и моток шелка. Рабы становятся немаловажным объектом меновой торговли в условиях господства в западночжоуском обществе домонетной формы обращения. Обычно раб оценивался в 20 мотков шелка. Учитывая ежемесячные выдачи шелком царским служащим (от 5 до 30 мотков-рулонов), можно предположить, что кто-то из них мог владеть рабами. Сделки с рабами, как и с другим имуществом, оформлялись отливкой соответствующего документа на ритуальном бронзовом сосуде; это придавало юридическому акту одновременно и сакральный смысл, что свидетельствует об относительной неразвитости института частной собственности в западночжоуском обществе.

В Западном Чжоу прекращаются регулярные массовые жертвоприношения и ритуальные погребения рабов, столь характерные для шанской эпохи. Борьба против человеческих жертвоприношений еще долго и с переменным успехом будет вестись в древнем Китае, но показательно, что первый протест против этого кровавого обычая история связывает с покорителем шанцев и основателем чжоуской государственности Чжоу-гуном, дух которого — как передает традиция — «не принимал человеческих жертвоприношений».

Действительно аутентичными письменными источниками по эпохе Западного Чжоу являются эпиграфические памятники, прежде всего надписи на бронзе. Только ко времени Чэн-вана относят 30 таких текстов. Среди них есть касающиеся непосредственно завоевания шанцев: «[Чэн-ван] овладел [страной] Шан и укрепился в Чэнчжоу»; «Чэн-ван покарал город Шан и пожаловал Кан-хоу [брату У-вана по имени] Фэн шанцев и земли в Вэй». Что касается последнего пожалования, то из летописи «Цзочжуань» известно, что одновременно Чэн-ван передал Кан-хоу «семь знатных иньских родов». Но подобного рода памятники, содержащие фактические данные, — исключение; как правило, они не дают сведений по политической истории Западного Чжоу, так что она (так же как и политическая история предшествующего, шан-иньского периода) пока не может быть прослежена по надежным источникам. Некоторые исследователи даже считают, что единственный достоверно датируемый исторический факт периода Западного Чжоу относится к его падению в 771 г. до х.э.

3. ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО ЧЖОУ

С самого начала своего существования Западно-Чжоуское государство было поставлено перед необходимостью отражать набеги окружающих племен, особенно на северо-западе и юго-востоке, и до поры справлялось с этой задачей. С ростом сепаратизма чжухоу ослаблялась военная мощь ванов, падал авторитет царской власти. Чжоуские правители все с большим трудом сдерживали натиск племен, ставший особенно сильным на северо-западе и юго-востоке страны. В VIII в. до х.э. под напором непрекращающихся вторжений западных кочевых племен из глубин Центральной Азии

чжоусцы стали покидать свои исконные земли в бассейне р. Вэйхэ. В 771 г. войско Ю-вана было разбито кочевниками, сам он попал в плен, после чего его сын Пин-ван перенес столицу на восток. Этим событием традиционная китайская историография начинает эпоху Восточного Чжоу (770—256 гг. до х.э.). Его начальный этап, охватывающий период с VII до V в. до х.э., по летописной традиции называют периодом «Чуньцю» («Вёсен и осеней»)[13].

Закрепившись на востоке страны, Пин-ван образовал здесь небольшое государство со столицей в г. Лои. К этому времени, согласно традиционной историографии, на территории Китая существовало около 200 царств, которые ряд исследователей, не без основания, относят к категории городов-государств. И вообще, представление о раннегосударственных образованиях в древнем Китае как о деспотиях восточного типа давно требует пересмотра и подвергается основательной критике. Раннечжоуские царства древнего Китая (которые огульно нельзя относить к числу протодревнекитайских, ибо в них консолидировались различные этнические общности, а не только протоханьцы) располагались с запада на восток от долины р. Вэйхэ до п-ова Шаньдун, включая Великую Китайскую равнину, на юге и юго-востоке они захватывали долину нижнего и среднего течения р. Янцзы, а на севере достигали района современного Пекина. Их окружали враждебные племена, известные под обобщающими названиями: *ди* (северные племена), *и* (восточные племена), *мань* (южные племена), *жун* (западные племена).

Об эпохе «Чуньцю» наряду с археологическим материалом повествуют многие нарративные памятники. Среди них упомянутая выше лапидарная летопись царства Лу (в Шаньдуне) «Чуньцю» с комментариями на нее: «Гунъянчжуань», «Гулянчжуань» и самым известным из всех — «Цзочжуань», так называемым «Левым комментарием», а также «Гоюй» («Речи царств»), восходящим к традиции IX в. до х.э. и представляющим особенно большой интерес для изучения этого этапа древней истории Китая.

Среди царств, рассеянных в это время в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ на Великой Китайской равнине, одни относили себя к потомкам чжоусцев, другие — шанцев. Но все они признавали над собой верховную власть чжоуского вана, провозглашаемого Сыном Неба, и считали себя «срединными царствами» (*чжунго*) мира — средоточием Вселенной. Распространившаяся в это время ритуально-магическая концепция чжоуского вана как Сына Неба была связана с культом Неба — верховного божества, — зародившимся в Китае вместе с чжоуской государственностью. По сравнению с шанскими культами предков и сил природы культ Неба и Сына Неба, как его земного воплощения, был надплеменным, межэтническим, совместимым с местными общинными культами, но возвышающимся над ними. Вместе с учением о Воле (Мандате) Неба (*Тяньмин* — «Божественной инвеституре») он служил идее харизмы власти вана и легитимации права династии Чжоу на господство в Поднебесной (*Тяньця* — Страна под Небом). Хотя Восточно-Чжоуское царство в это время было отнюдь не самым крупным и далеко не самым сильным в военном отношении, но именно оно являлось своего рода связующим единством «чжоу-

13 «Чуньцю» — название летописи царства Лу, единственной дошедшей до нас от этого периода, содержащей погодные записи 722—481 гг. до х.э. В научной литературе для периода «Чуньцю» даются разные даты в пределах VIII—V вв. до х.э., но не позже 403 г. до х.э.; соответственно по-разному датируется и начало следующего периода — «Чжуаньго».

ского мира» в силу освященного традицией представления о сакральном характере власти его правителей. Оно играло большую роль в установлении дипломатических отношений между «срединными царствами» на всем протяжении периода «Чуньцю».

Кроме «срединных царств» на территории «чжоуского мира» находились и другие государства, нисколько не уступавшие им ни по размерам, ни по уровню культурного развития. Среди них выделялись южные царства Чу (в среднем течении Янцзы), У (в дельте Янцзы) и южнее их — Юэ. Их население было родственно предкам вьетнамцев, чжуан, мяо, яо, таи и других народов Юго-Восточной Азии. К VII в. до х.э. Чу оказалось в числе самых сильных царств, его правители присвоили себе титул ванов и, возглавив коалицию южных царств, активно включились в борьбу древнекитайских царств за гегемонию в Поднебесной.

Чжоуская цивилизация восприняла и развила важные достижения шаниньской культуры (прежде всего иероглифическое письмо и технику бронзолитейного производства). «Чуньцю» было периодом развитого бронзового века в Китае. В это время прогрессирует технология изготовления бронзовых сплавов. Расширяется производство бронзовых орудий труда. Появляются новые типы наступательного оружия, прежде всего стрелкового. Так, в Чу изобретается мощный арбалет с бронзовым спусковым механизмом, конструкция которого требовала использования для его изготовления бронзы высшего качества. Эпоха «Чуньцю» была апогеем мощи колесничного войска, вождение колесницы входит в число шести высших видов искусства чжоуской аристократии. В это время наблюдается рост городов как культурно-политических центров; они, как правило, остаются небольшими, но возникают и города с населением 5—15 тыс. человек.

Правители царств широко практикуют раздачу земли за службу, что, в частности, означало переуступку прав на получение поступлений от общин. В связи с разложением общинной собственности во многих царствах прекратились общинные переделы земли, которая наследственно закреплялась за отдельными семьями. Это вызвало изменение всей системы изъятия государством прибавочного продукта у основной массы производителей. По имеющимся данным, сначала в царстве Лу (в 594 г. до х.э.), потом в Чу (в 548 г. до х.э.), а затем и в других государствах система коллективной обработки общиной части ее полей в пользу царя была заменена зерновым налогом (обычно в одну десятую урожая) с поля каждой семьи. По сути это и было началом регулярного налогообложения земледельцев, что повлияло на характер общинных органов самоуправления.

Из представителей общинных органов самоуправления нам известны: старейшины *фулао*, избираемые простым народом (*шужэнь*) в общинах (*ли*), коллегия трех главных старейшин (*саньлао*) и староста, или городской голова (*личжэн*). Органы самоуправления, по-видимому, активно функционировали в городах и общинных объединениях (*и*). Представители общинных органов самоуправления отвечали за выполнение трудовых повинностей, за сбор налогов, за поддержание порядка в общине, исполнение межобщинного культа (в частности, саньлао). Они могли созывать местное ополчение, организовывать городскую оборону, вершить суд над людьми общины и даже приговаривать их к смерти. В ряде царств они могли самостоятельно сноситься с внешним миром, с помощью местного ополчения могли оказывать влияние на исход междоусобной борьбы претендентов на царский трон. В общественно-политической жизни периода «Чуньцю» активную роль играл слой *гожэнь* — «свободных людей», «полноправных

граждан города-государства», обязанных военной службой, уплатой податей и несением ряда повинностей. Иногда они выступают на стороне правителя в его борьбе с могущественной знатью, их активное вмешательство в дела внутренней и внешней политики царств заставляет предположить наличие там пережитков института народного собрания. Сведения о гожэнь в царствах Чжэн, Вэй, Цзинь, Ци, Сун, Чэнь, Лу, Цзюй могут быть свидетельством того, что эти государства сохраняли известные черты демократического устройства. В ряде случаев правители царств даже заключали с гожэнь договоры о взаимной поддержке. Однако роль гожэнь в политической жизни царств к середине I тысячелетия до х.э. повсюду сходила на нет.

В этот период появляются факты отчуждения частных усадеб и огородов, но сколько-нибудь заметного распространения сделки с землей все еще не получают. С углублением процесса расслоения общины развивается долговое рабство, сначала под видом «усыновления», «залога» детей. Заложников-*чжуйцзы* с целью сохранить в хозяйстве работника нередко женили на дочери хозяина. В частных хозяйствах общинников было распространено патриархальное рабство. Для домашней работы использовались *нучаньцзы* — рабы, прижитые в доме от рабынь. Рабский труд находил применение и в земледелии. В отдельных случаях у частных лиц скапливалось множество рабов. Так, например, по данным нарративных памятников, в 593 г. до х.э. цзиньский полководец получил тысячу семей из числа захваченных в плен «варваров» из племени «красных ди». Даже если это число значительно преувеличено источником, все же оно очень велико. Столь большое число работников едва ли могло единовременно быть использовано в частном хозяйстве. Видимо, расчет был на их реализацию, что заставляет предполагать развитие работорговли. Однако в целом частное рабство в этот период еще не получило заметного развития. Источниками государственного рабства оставались захват военнопленных и порабощение по суду. Рабов часто называли по профессиям (конюх, дровосек, носильщик, пастух, уборщик, ремесленник) или применяли по отношению к ним общие наименования, например «слуга», «отрок». Подневольные работники, используемые в производстве, обозначались также собирательными терминами — *ли* и *пу*, — относившимися к лицам, утратившим статус, гарантирующий личную свободу. Показательно, что в этот период утверждается «классический» термин для обозначения раба — *ну*, ставший затем стандартным для всех дальнейших периодов истории Китая. Характерной чертой рабовладения восточночжоуского общества было сохранение многими категориями рабов признаков субъекта права.

На территории «срединных царств» шел процесс формирования этнокультурной общности *хуася*, в ходе которого возникает представление об исключительности и культурном превосходстве хуася над всей остальной мировой периферией — «варварами четырех сторон света» (*сы и*). Причем в этой восточночжоуской этноцентрической модели ойкумены на первый план выдвигаются не этноразличительные, а культурно-различительные признаки. Идея абсолютного культурного приоритета *чжунго жэнь* («людей срединных царств») становится с этого времени важнейшим компонентом этнического самосознания древних китайцев. Однако уже тогда она решительно оспаривалась теми древнекитайскими мыслителями, которые осознавали ее полное несоответствие современной им действительности. Как уже говорилось, кроме «срединных царств» на территории Китая находились и другие крупные государства, в чем-то даже опережавшие их

в общественном развитии. О высокой культуре нехуасяских царств Чу, У и Юэ уже сравнительно давно стало известно из материалов раскопок, и археологи получают все новые данные, подтверждающие это. В последние годы благодаря их усилиям были открыты памятники до этого почти неизвестного по письменным источникам восточночжоуского царства Чжуншань, основанного племенами «белые ди» в Северном Китае (в Хэбэе), обладавшего высокой оригинальной культурой; чжуншаньские изделия относятся к лучшим художественным образцам бронзолитейного искусства древнего Китая середины I тысячелетия до х.э. Однако в летописных памятниках о царстве Чжуншань упоминается лишь вскользь, поскольку оно не выдержало натиска «срединных царств». Известно также, что кроме Чжуншань «белыми ди» в том же регионе в эпоху «Чуньцю» были созданы еще два царства — Фэй и Гу.

Противостояние хуасяских царств всем «варварам четырех сторон света» ярко проявляется во взаимоотношениях царств в период «Чуньцю»: взаимоуважительных — «братских, родственных» между хуася, связанных особыми правилами ведения междоусобных войн, — с одной стороны, и исполненных презрительного отношения хуасяских царств к «ничтожным варварам» — с другой. Между тем с конца VII — начала VI в. до х.э. окраинные нехуасяские царства выдвигаются на первый план политической конъюнктуры в качестве «гегемонов» (*ба*), фактически диктующих свою волю Поднебесной в период «Чуньцю». Среди них древнекитайская историческая традиция называет по крайней мере четырех правителей «варварских» царств: северо-западного жунского царства Цинь, уже упомянутых южных маньских царств Чу и У и самого южного из всех, этнически неоднородного царства Юэ. Из них только Цинь номинально признавало власть восточночжоуского вана.

На протяжении веков «срединные царства» находились в постоянных и интенсивных контактах с этими и другими соседними иноэтническими народами и племенными группами Восточной Азии, в ходе которых происходил сложный процесс ассимиляции и взаимовлияний. На формирование общности хуася существенное воздействие оказало оседание на Среднекитайской равнине в VII—VI вв. до х.э. северных племен ди, принадлежавших к так называемому «скифскому миру». Заимствование культурных достижений «чужих» этносов имело немаловажное значение для социально-политического, хозяйственно-экономического и идеологического развития «срединных царств». С конца периода «Чуньцю» заметно расширяется территория хуася, хотя и в пределах бассейна р. Хуанхэ и среднего течения р. Янцзы. Становятся все более тесными взаимоотношения «срединных царств» с периферийными царствами Цинь, Янь и Чу, которые, со своей стороны, непосредственно вовлекаются в сферу культурного влияния хуася. Все эти процессы происходят на фоне ожесточенных войн между царствами, приобретавших исключительно напряженный характер в начале второй половины I тысячелетия до х.э. В междоусобную борьбу «срединных царств» активно вмешиваются сильные в военном отношении нехуасяские царства, и именно их участие в той или иной военной коалиции зачастую решает исход конфликтов. «Государства с десятью тысячами боевых колесниц» («Вань чэн го») представлялись современникам могучей силой, определявшей судьбы Поднебесной. Возраставшее напряжение междоусобной борьбы «срединных царств» дополнялось столкновениями политических сил внутри их. Господствующее положение в древнекитайских царствах периода «Чуньцю» принадлежало наследственной аристократии,

связанной обычно родством с царскими домами. Она занимала высшие посты в государственном управлении, владела боевыми бронзовыми колесницами, составлявшими основную ударную силу войска. В противовес ей правители стали формировать армии из пехотных подразделений. Начиная с VI в. до х.э. повсеместно отмечается яростная борьба знатных родов за власть в своих царствах. Стремясь ослабить мощь этой клановой иерархической аристократии, правители царств пытаются опереться на лично им преданных людей из незнатных семей, вводят новую систему служебного вознаграждения — «жалованье», которое стало выплачиваться зерном, служившим важнейшим эквивалентом стоимости. Эти нововведения в сфере политического управления вели к изменению характера государственного устройства. В крупных царствах постепенно устанавливается централизованная политико-административная система управления.

В середине I тысячелетия до х.э. политическая карта древнего Китая по сравнению с началом периода «Чуньцю» кардинальным образом меняется: от двухсот государственных образований остается менее тридцати, среди которых выделяются «семь сильнейших» — Цинь, Янь и Чу, относящиеся к числу «периферийных», а также Вэй, Чжао, Хань и Ци — крупнейшие из «срединных царств». Непримиримая борьба между ними за преобладание и господство в Поднебесной становится определяющим фактором политической истории древнего Китая в последующий период — V—III вв. до х.э., — вошедший в традицию под названием «Чжаньго» («Борющихся царств»), который завершается 221 г. до х.э.

Глава XIII

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ВТОРОГО ПЕРИОДА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И СРЕДСТВА НАСИЛИЯ

В области производительных сил определяющим моментом для второго периода древней истории явился переход к производству стали.

Железо труднее выплавлять из руды, чем медь, его труднее обрабатывать, чем бронзу, температура его плавления выше, а литейные качества ниже. Кроме того, железо на воздухе быстро ржавеет. (Во всех музеях мира хранится множество изделий из древней бронзы, но изделий из железа сохранилось гораздо меньше, а те, что сохранились, представляют собой бесформенные комки корродированного металла.) По всем этим причинам технология железа в период ранней древности не разрабатывалась и была мало развита; известны лишь отдельные случайные образцы железных изделий IV—II тысячелетий до х.э., главным образом украшения из метеоритного железа. Во II тысячелетии до х.э. для Европы, Ближнего и Среднего Востока монополистами производства железа были племена северо-восточной Малой Азии, и хеттские цари, подобно их предшественникам, правителям хаттских (протохеттских) городов-государств, ревниво оберегали эту монополию, приносившую им доход.

Однако с падением Хеттской державы монополия эта прекратилась. Хотя и в I тысячелетии до х.э. железорудные месторождения сохранялись в тайне обитавшим близ них племенем, которое греки называли халибами (возможно, западнопротогрузинским), но препятствовать вывозу железа теперь уже было некому; начался усиленный экспорт его через верхнеевфратскую долину и города-государства Северосирийского союза на юг (с IX в. до х.э.) и на север через ионийские колонии на Черноморском побережье и затем оттуда на запад (с VIII—VII вв. до х.э.). Значительная часть военных походов великих держав этого времени — Ассирии, Урарту, Фригии, Мидии — объясняется попытками захватить этот «железный путь» и обеспечить себя новым важным стратегическим сырьем.

Но секрет добычи железа из руд скоро был раскрыт и в ряде других стран, особенно с тех пор, как выяснилось, что железные руды имеют на поверхности земли очень широкое распространение. Начали разрабатываться такие руды в Сирии, Закавказье, в ряде пунктов Европы. Так, филистимляне, один из «народов моря», поселившийся на палестинском побережье еще в самом конце II тысячелетия до х.э., уже имели железное оружие. В VIII—VII вв. до х.э. железные орудия стали преобладать во всей Передней Азии, во многих частях Европы, в Иране и, возможно, в Индии. Несколько позже устанавливается железный век в Средней Азии (VII—VI вв. до х.э.), в Египте, в Китае (VI—V вв. до х.э.).

Первоначально железо получали с помощью так называемого сыродутного процесса, т.е. раскаляя руду до 900—1350° в плавильных печах-горнах и вдувая в нее воздух мехами через сопло. На дне печи образовывалась раскаленная пористая металлическая крица, которую нужно было

извлекать из печи, пока она горяча, проковывать для удаления частиц шлака и для уплотнения. Кричное железо получалось мягким и по своим механическим качествам уступало меди; преимущество его было только в гораздо большей доступности и дешевизне, а также в возможности легче чинить железные изделия в силу лучшей ковкости. Однако уже в IX—VII вв. в Европе и на Ближнем Востоке было открыто углеродистое железо, которое можно было подвергать закалке[1], — сталь. Для изготовления стали бруски кованого кричного железа укладывались вместе с древесным углем в глиняные емкости и длительно нагревались.

Только с массовым введением производства стали можно говорить о победе железного века над бронзовым. Стальные инструменты сделали возможной успешную обработку земель, ранее для нее непригодных, вырубку лесов, в частности под пашню, прокладку оросительных каналов в твердом грунте; они революционизировали ряд ремесел, в частности кузнечное, оружейное, столярное, кораблестроительное. В странах речной ирригации применение стали позволило ввести достаточно сложные водоподъемные сооружения: не только использовавшийся ранее в садоводстве *шадуф* (устройство типа колодезного журавля для подъема воды из нижележащего водоема на вышележащий грунт с помощью кожаного ведра), но и *черд* (соединенный в кольцо канат с навешенными на нем кожаными ведрами, который с помощью ворота приводят в движение волы, а иногда и рабы) и *сакию* (водоподъемное колесо). Стальная ось была желательна в обоих случаях.

Сталь позволила создавать прибавочный продукт на обширных новых территориях и тем самым значительно расширить область классового цивилизованного общества.

Введение стали революционизировало также военное дело. Вместо кинжалов, топориков и легких копий пехотное войско было теперь вооружено мощными стальными мечами. Если ассирийские и урартские войска в значительной мере пользовались еще бронзовым оборонительным оружием — шлемами-шишаками, щитами, панцирями, то с середины I тысячелетия до х.э. начинает преобладать стальное оборонительное оружие — шлемы, закрывающие щеки, шею и подбородок, латы, поножи, щиты со стальной обшивкой.

Другое нововведение, революционизировавшее военное дело, принадлежало кочевникам степей нынешней Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Казахстана — скифам. Это были маленькие двухперые и трехперые наконечники стрел, обладавшие баллистическими качествами, намного превосходившими качества стрел ранней древности. Значение их связано с историей конного войска.

В III тысячелетии до х.э. неуклюжие шумерские повозки, запряженные онаграми, служили скорее средством передвижения аристократической части войска; как ударная сила, направленная против сплошного строя тяжеловооруженных пехотинцев, они были малоэффективны, а после того как Саргон Древний ввел рассыпной строй, они и вовсе вышли из боевого употребления. Положение изменилось, когда индоиранцы, хетты и митаннийцы, а также ахейцы, опираясь на сделанные уже на Ближнем Востоке изобретения (введение легкой колесницы на двух колесах со спицами), смогли создать легкое конно-колесничное войско; оно придало ударной ча-

[1] Закалка стального оружия впервые упоминается в «Одиссее», созданной в VIII в. до х.э. Разумеется, полученный тогда металл значительно отличался от стали нового времени.

сти армии бóльшую подвижность (при условии достаточно ровной местности) и возможность с налета расстраивать недостаточно стойкие пехотные формирования. Тогда же стала применяться и верховая езда — ранее всего для сопровождения стад при перекочевке (например, с зимних низинных на летние горные пастбища), затем уже в военном деле, главным образом для разведки и для посылки донесений; всадник сидел на лошади не только без стремян, но и без седла, на чепраке. Лишь в IX—VIII вв. до х.э. ассирийцы ввели у себя постоянные конные отряды.

Слабостью колесниц была их непрочность, лишь отчасти устраненная в I тысячелетии до х.э. тем, что колеса были снабжены стальными ободьями; кроме того, несколько убитых или раненых коней могли расстроить весь боевой порядок колесничих. Слабостью конницы была уязвимость всадника. Основным оружием конника великих держав I тысячелетия до х.э. было метательное копье (дротик). Поскольку конник не мог опираться на стремена (их еще не существовало), он не мог колоть пикой; стрельба из лука была очень затруднена необходимостью одной рукой держать поводья лошади; конникам удавалось стрелять только в определенные моменты, когда можно было отпустить поводья; если скорострельность лучника-пехотинца была 5—6 выстрелов в минуту и стрелять он мог до исчерпания своего колчана непрерывно 5—10 минут, а с перерывами — и до часа, то коннику это было недоступно. Не мог он по тем же причинам и защищать себя надежным щитом, поэтому в ассирийской армии конники обычно ездили по двое: щитоносец и дротикометатель, но число дротиков на одного воина было гораздо меньшим, чем число стрел в колчане. В других случаях конник носил постоянно на левой руке выше локтя маленький круглый щит, который был совершенно недостаточен для предохранения от стрел и копий противника.

Изобретение скифами нового вида стрел в VIII в. до х.э. и достижение ими высокой выучки лошадей совершенно изменили положение вещей. Скифская тактика основывалась на создании массового легкого конного войска, практически без обоза: все снабжение — очевидно, включая и запасы бронзы для отливки наконечников стрел — обеспечивалось за счет грабежа, новые наконечники стрел вместо израсходованных отливались кузнецами в маленьких переносных формах, а сами кузнецы, видимо, входили в состав конного отряда. Такое войско было необычайно подвижно, а при большой дальнобойности и пробивной силе стрел могло постоянно держаться на безопасном расстоянии от противника. Стрельба велась в основном не через голову коней, а назад по ходу скачки; кони, идущие табуном в сторону от опасности, почти не нуждались в поводьях и могли управляться одними шенкелями; таким образом, обстрел велся на скаку — когда конный отряд мчался мимо противника и в сторону от него, — но при всем том был убийственным.

Скифские стрелы внедрились в вооружение всех армий Ближнего и Среднего Востока в течение VII—V вв. до х.э. Конечно, в условиях оседлых государств скифская исключительно конная тактика была неприменима, однако улучшение баллистических качеств стрелкового оружия еще более усилило мощь войска древних государств. Постоянно совершенствовались и луки.

Третьим военным нововведением было создание инженерной и осадной техники (понтонные мосты, укрепленные постоянные лагеря в полевых условиях, подкопы-*сапы*, осадные насыпи, различные виды таранов, устройства для метания камней и просмоленной горящей пакли).

В этот же период создается регулярный военно-морской флот. Мореходными ладьями обладали уже в III и II тысячелетиях до х.э. индийцы, шумеры, египтяне, финикийцы, критяне, греки и др., однако парусное вооружение их судов состояло из одного прямого грота, и поэтому маневренность, особенно при встречном ветре, была плоха; гребцы либо совсем отсутствовали, либо размещались в один ряд, одновременно они исполняли обязанности воинов. После периода морских боев, которыми ознаменовалось движение «народов моря» в конце II тысячелетия до х.э., получило сильное развитие гребное судоходство (в том числе с привлечением рабской силы), были введены палубы, подводный таран, более совершенные укрытия для кормчего и воинов на палубе; грузоподъемность судов увеличилась в несколько раз. С этим связано не только широкое развитие морского транспорта и колонизации берегов Средиземного моря, но и развитие пиратства и морской войны.

2. ВОПРОСЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Возникновение цивилизаций, как было показано в предыдущих главах, связано с резким скачком в развитии производительных сил; производство достигло такого уровня, когда стал создаваться прибавочный продукт, необходимый для содержания и обслуживания господствующего класса, а также всей соответствующей надстройки общества, т.е. его государственной организации и культурных установлений. Однажды возникнув, эти надстроечные институты стремятся к расширению и развитию, для чего необходимо все большее количество прибавочного продукта. Однако внутри каждого отдельного общества рост прибавочного продукта после первых блестящих успехов цивилизации сильно замедляется или даже останавливается. Происходит это потому, что производительность труда, прежде всего в важнейшей отрасли экономики — сельском хозяйстве, многократно возросшая с освоением земледелия и основных технических средств ремесла (гончарный круг, ткацкий станок, выплавка меди и железа, изготовление бронзы и стали, водоподъемные машины, алмазное сверло и многое другое), в дальнейшем почти не растет, а иногда даже и снижается. Так, в месопотамском сельском хозяйстве из-за истощения и засоления почвы в результате нерационального орошения (при котором естественные соли из воды с каждым туром орошения во все возрастающем количестве выпадают в почву) более ценные культуры (пшеница) вытесняются менее ценными (ячмень). Рост нормы эксплуатации также упирается в свои естественные пределы: для беспрерывного ее увеличения при данном уровне развития производительных сил производительность труда повышается недостаточно сильно; даже известное усовершенствование ручных орудий, о котором выше шла речь, не могло привести к решительному (скажем, на порядок) увеличению производительности все того же ручного труда. Между тем, к сожалению для хозяина, и производителю приходилось оставлять некий минимум абсолютно необходимых средств существования, и тем больший, чем дальше форма эксплуатации работника отстояла от формы полного, классического рабства. Наконец, и последний резерв увеличения абсолютной величины прибавочного продукта — естественный прирост населения — тоже иссякает. В начале эпохи цивилизации этот прирост действи-

тельно был велик по сравнению с первобытной эпохой, и мы наблюдали процесс экстенсивного расселения людей, увеличения числа населенных пунктов. Однако выживаемость детей, по-видимому, остановилась где-то около средней цифры 2—3 ребенка на одну женщину, т.е. примерно соответствовала норме, едва достаточной для поддержания данной численности населения. Такому положению способствовала, во-первых, так называемая «городская революция», приведшая к крайней скученности населения городов, что при полном отсутствии общественной гигиены приводило к частым опустошающим эпидемиям и к эндемической высокой детской смертности; но эпидемии и детская смертность не могли не затрагивать также и сельское население. Фактором, стабилизирующим уровень народонаселения, были, во-вторых, периодические неурожаи и сопровождающий их голод (следует заметить, что на II тысячелетие до х.э., по-видимому, выпал длительный засушливый период в истории климата Земли).

Государствам приходилось искать дополнительные источники прибавочного продукта вовне.

До начала I тысячелетия до х.э. существовали государства только трех типов; это были либо мелкие «номовые» государства, или города-государства (как, например, в Шумере, в Верхней Месопотамии, в Сирии и Финикии, в Греции), либо неустойчивые конгломераты таких государств, где более слабые платили центральному, наиболее сильному, определенную дань и оказывали ему по требованию военную помощь (таковы были Хеттская, Митаннийская, Среднеассирийская державы, азиатские владения Египта Нового царства), либо, наконец, это были относительно крупные царства, объединявшие территории значительной речной долины (Египет и лишь временами Нижняя Месопотамия и Элам). Такого рода государства продолжали существовать и в I тысячелетии до х.э. на периферии древнего мира. Однако более характерным для этого времени, которое мы назовем вторым этапом древности или периодом подъема древней (так называемой рабовладельческой) формации, были новые государственные образования — «мировые державы», или империи. Именно их создание было обусловлено поисками новых источников прибавочного продукта вне собственной страны за счет ограбления других стран.

Военное ограбление соседей путем вооруженных набегов со взиманием даней и угоном пленных для обращения их в рабов или илотов не являлось новостью; этим занимались все государства с тех пор, как возникло классовое общество; однако исход такого рода войн слишком зависел от переменчивой военной удачи, а длительные успехи набегов в одном направлении приводили лишь к опустошению соседних стран и к иссяканию источников добычи (таким образом была, например, практически уничтожена хананейская цивилизация Палестины — не только нашествием новых племен, но еще до того опустошительным владычеством фараоновского Египта и данями ему).

Увеличение прибавочного продукта за счет внешних ресурсов было в принципе достижимо и другим путем — за счет увеличения численности рабочей силы. Добиться этого можно было, либо захватив новую территорию для эксплуатации (с тем чтобы ликвидировать господствующий класс на этой территории, если он был: при необходимости делиться с ним захват новой территории не привел бы к увеличению прибавочного продукта), либо захватив и угнав на свою территорию рабочую силу (этот способ был широко распространен во II тысячелетии до х.э.; особенно ясно это мы могли видеть на примере хеттов). Но и депортации населения ставили пе-

ред господствующим классом очень трудные проблемы. С одной стороны, средства насилия до конца II тысячелетия до х.э. не были достаточно мощными, чтобы обеспечить наиболее высокую — т.е. рабскую в прямом смысле — норму эксплуатации, а увеличение количества рабочей силы без увеличения нормы эксплуатации не решало проблемы, стоявшей перед господствующим классом, сколько-нибудь радикальным образом. С другой стороны, использование труда депортированных в условиях хищнической эксплуатации земли не решало и проблемы производительности сельскохозяйственного труда.

Был, наконец, третий способ ограбления соседних стран — с помощью неэквивалентной торговли. В торговле, правда, прибавочный продукт, как известно, не создается, но зато через торговлю он перераспределяется. В ранней же древности, как правило, постоянно и равномерно функционировавшего международного рынка не существовало, и купцы, привозившие в страну товары, в которых она крайне нуждалась, но самостоятельно не производила, могли получать совершенно баснословные монопольные прибыли. Речь здесь идет как о предметах роскоши (малоазиатском серебре, мидийском и индийском золоте, афганском лазурите, ливанском, т.е. финикийском, кедре, финикийских тканях, крашенных пурпуром), так и о предметах необходимости (медь, олово, железо, текстильные изделия — часть последних, впрочем, также относилась к предметам роскоши[2]). Торговая прибыль имела еще и то преимущество, что усиливала имущественное расслоение и могла превращаться в ростовщический капитал. Вместе с тем при все возрастающей степени разделения труда между ремесленниками и сельскими хозяевами, а также между сельскими хозяевами, специализировавшимися на разных культурах, эти хозяева все же слабо вовлекались в товарное производство (т.е. в производство на продажу) из-за отсутствия денежных средств, но ведь не всегда было возможно вести только прямой, непосредственный обмен: сандалии на рыбу, рыбу на финики и т.п. А при низкой степени вовлеченности большинства отдельных хозяйств в товарный обмен и при сезонном характере сельскохозяйственного производства без кредита многие хозяйства никак не могли бы приобретать необходимые им и не производимые их хозяйством инструменты, утварь, продукты, а в плохой год — и семена. Кредит же в этих условиях «естественно» превращался в ростовщичество, а ростовщичество разоряло все народное хозяйство в целом.

Помимо того, что частная международная торговля содействовала развитию ростовщичества, а стало быть, в конечном счете упадку экономики, она сама по себе еще не решала вопроса об использовании прибавочного продукта извне для нужд государственной, культовой и тому подобных надстроек. Поэтому государство издревле стремилось прибрать международную торговлю к рукам. Осуществить это можно было разными способами.

Во-первых, делались попытки вести торговлю через государственный аппарат; так поступали государства первого и, вероятно, второго пути развития (в частности, нижнемесопотамские государства) в III и нередко во II тысячелетиях до х.э. Подобно тому как государство стремилось внутри страны — или, во всяком случае, внутри государственного сектора — заменить торговый обмен централизованным распределением, так и междуна-

[2] Например, так называемый виссон — тончайшая прозрачная льняная ткань, изготовлявшаяся главным образом в Египте.

родный обмен предполагалось превратить в часть той же системы централизованного распределения. Этот способ оказался в конце концов невыгодным: за пределами страны контроль за торговыми агентами был практически невозможен, и дело сводилось к их частной наживе, а контроль внутри страны был неэффективен ввиду крайней бюрократичности аппарата.

Во-вторых, можно было предоставить международную торговлю частным лицам или большесемейным объединениям (как это делали в Ашшуре и в Малой Азии), а роль государства свести к сбору пошлины в пользу царей. Это значило, что успех или неуспех международной торговли всецело зависел от благоразумия или жадности царьков, через чьи земли проходили купеческие караваны. Но так как кризис в том и состоял, что государства рассматривали получаемый ими прибавочный продукт как недостаточный, то ясно, что рано или поздно побеждала жадность. Когда купцов начинали чересчур грабить, они попросту прекращали торговлю (тем самым приводя экономику торгующих государств к серьезному упадку) или же меняли направление торговых путей — в обход наиболее сильных царств; так, например, вместе с ростом масштаба государственных сухопутных объединений растет значение морской торговли в Средиземноморье.

Наиболее сильные и хорошо вооруженные царства не снисходили до взимания пошлин с торговцев. Они предпочитали захватывать и громить города — центры развитого ремесла и перевалочные пункты торговли с богатыми складами товаров. Царские сокровищницы мгновенно пополнялись, зато на будущее замирали целые отрасли производства, зарастали колючками торговые тропы.

Других способов увеличения массы прибавочного продукта за счет внешних ресурсов придумано не было: либо прямое военное ограбление соседних стран, либо перекачивание из них рабочей силы, либо паразитирование на международной торговле. Разумеется, в мировом масштабе никакого увеличения прибавочного продукта это не давало и прогресса производительных сил так и не получалось; в лучшем случае речь шла о перераспределении тех же самых благ.

Создание империй было неосознанной попыткой совместить все эти три способа выкачивания прибавочного продукта с периферии. Однако при их возникновении вступили в действие и некоторые другие экономические и социально-психологические процессы, поэтому существование империй оказалось неотделимым от дальнейшего существования древнего общества.

Следует учесть характер регионального разделения труда в древности и соответственно некоторые существенные черты международного обмена. Если с точки зрения древнего господствующего класса речь шла об увеличении прибавочного продукта, то с точки зрения общества в целом речь должна была идти об обеспечении расширенного воспроизводства, без которого никакой прогресс производительных сил невозможен. Расширенное же воспроизводство требует определенного соотношения между подразделениями общественного производства — первым (производство средств производства) и вторым (производство предметов потребления). Все области, охваченные древними цивилизациями, и смежные с ними можно рассматривать с точки зрения их роли в общественном разделении труда и принадлежности к первому или второму подразделению. А именно: основные земледельческие страны (они же чаще всего производители текстиля) с точки зрения общественного разделения труда принадлежали ко второму подразделению (предметы потребления), в то время как области, произво-

дящие сырье, особенно рудное, а также скотоводческие районы принадлежали к первому подразделению (средства производства). На первый взгляд кажется странным, что скотоводческие районы мы считаем районами производства средств производства, а не предметов потребления; и действительно, с точки зрения самих скотоводов, скот есть прежде всего средство пропитания. Но нужно подходить к этому вопросу не с точки зрения скотоводов, а с точки зрения хозяйства всего древнего общества в целом, общества в основном земледельческого. И тогда оказывается, что поставки в земледельческие области мяса и других предметов потребления, изготовленных из животной продукции, не являются жизненно необходимыми для расширенного воспроизводства, не говоря уже о том, что в оседлых странах древнего мира животные продукты никогда не относились к необходимым средствам существования. Во всех некочевых центрах того времени основное питание трудящегося населения — как рабов, так и не рабов — составляли зерновые продукты — хлеб и пиво с небольшим добавлением растительного масла, лука и чеснока. Потребности этой части населения в шерсти, а также льне и хлопке (например, в Индии) вполне могли удовлетворяться за счет внутренних ресурсов каждой страны. Скотоводческие же районы снабжали древнее общество в целом в основном тягловым и вьючным скотом и ремесленным сырьем — кожами, т.е. действительно продукцией первого подразделения (средства производства).

В горных областях условия для развития сельского хозяйства были хуже, чем в областях цивилизаций речных долин. Но их специализация в области рудной промышленности имела, между прочим, то преимущество, что в ней расширенное воспроизводство (в противоположность скотоводству и земледелию) не зависит ни от необходимости периодических дополнительных капиталовложений (например, в посевное зерно), ни от доступности или недоступности тяглового скота и пастбищ или фуража для него. В то время как любое сельскохозяйственное производство сопровождается сезонными перерывами в производственном цикле, а неблагоприятные климатические условия могут даже вовсе прервать или значительно нарушить ряд циклов, в горной промышленности сезонность не играет никакой роли, и единственные необходимые затраты заключаются в периодической смене рабочей силы и самых примитивных орудий труда.

Для правильного функционирования общественного расширенного воспроизводства в масштабе целых регионов древних цивилизаций области первого и области второго подразделений должны быть надежно объединены. В наше время естественно было бы искать объединения в налаженном международном обмене. Но на рубеже II и I тысячелетий до х.э. этому мешали непреодолимые препятствия. Источники сырья в горных районах перестали к этому времени быть легкодоступными по той причине, что вся территория между ними и основными потребляющими районами (такими, как Египет и Нижняя Месопотамия) была освоена достаточно могущественными государственными образованиями, а это, как мы указывали, служило существенным препятствием для нормального развития международной торговли. В то же время развитие районов производства минерального сырья и леса и отчасти скотоводства (например, горного коневодства) привело к тому, что они не представляли более такого контраста по сравнению с Египтом и Месопотамией, как это было раньше, и вполне могли обеспечивать самих себя большей частью пищевой и текстильной продукции; по-видимому, сырье, ранее задешево вывозившееся, могло теперь перерабатываться на месте собственной ремесленной промышленностью. Та-

кое положение подрывало основы производства в высокоразвитых странах второго подразделения, и действительно мы наблюдаем глубокий экономический и культурный упадок в Египте и Нижней Месопотамии XII—X вв. до х.э.

Выходом из положения могло быть не просто объединение трех способов ограбления соседей (путем простого разорения, путем захвата рабочей силы и путем захвата торговых центров и контроля над торговлей), но обязательное насильственное объединение в надлежащем соотношении областей первого и второго подразделений общественного производства (средств производства и предметов потребления). Империи, которые, начиная с Новоассирийской (IX—VII вв. до х.э.), сменяют одна другую на территории древнего мира, должны были решать именно эту задачу. Таким образом, войны, которые раньше велись только ради грабежа и престижа, обретают новый смысл. «Вселенские» же притязания появились в идеологии древних государств задолго до того, как они стали реально осуществимы. Однако теперь эти притязания получили новый импульс.

3. ДРЕВНИЕ «МИРОВЫЕ» ДЕРЖАВЫ

Империи, или так называемые мировые державы, принципиально отличались от крупных государственных объединений, размеры которых определялись лишь размерами данного этнокультурного и географического региона (Египет, Нижняя Месопотамия) или которые представляли собой конгломерат автономных политических единиц (азиатские владения Египта времени Нового царства, Хеттская, Митаннийская, Среднеассирийская, возможно, Ахейская державы). Разница заключалась, во-первых, в том, что протяженность имперской территории была гораздо больше и не ограничивалась какой-либо одной, хотя бы и крупной, областью, части которой естественно тяготели друг к другу в силу тесных экономических, географических или племенных связей. Напротив, империи обязательно объединяли территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам, по географическим условиям, этническому составу населения и культурным традициям. Эти неоднородные территории объединялись насильственно с целью обеспечить для более развитых стран второго подразделения принудительный обмен со странами первого подразделения, которые в этом обмене либо вовсе не нуждались, либо нуждались в нем не в такой мере и, уж во всяком случае, не в таких формах. Во-вторых, разница заключалась в том, что прежние крупные государственные объединения хотя и стремились сажать в подчиненных областях своих ставленников — царских родичей и т.п., но в основном не нарушали традиционной структуры управления подчиненных стран; напротив, империи подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции), все государство в целом управлялось из единого центра, а автономные единицы если и сохранялись в пределах империи, то имели совершенно второстепенное значение; империя стремилась низвести их на уровень своих обычных территориальных и административных подразделений. При этом нередко граждане государства-завоевателя имели больше прав и экономических возможностей, чем подданные империи в завоеванных областях.

Само собой разумеется, что попытки завоевать соседние страны, расши-

рить свои владения, увеличить количество рабочей силы в стране, извлечь выгоду из международной торговли так или иначе делали все государства интересующего нас периода. Однако не всякое государство могло создать империю. Поскольку создание империй было прежде всего в интересах высокоразвитых сельскохозяйственных цивилизаций (второго подразделения), можно было бы думать, что именно они и окажутся создателями империй. Но это не так. Создателями империй каждый раз становились государства, обладавшие наилучшими армиями (скорее с точки зрения их вооружения и обученности, чем численности, потому что первые успехи всегда давали необходимое новое пополнение в армию победителей); немаловажным было и стратегическое положение государства и его армии. Так, Ассирия, создавшая первую «мировую» империю, была чрезвычайно выгодно расположена в стратегическом отношении: многие наиболее важные транспортные пути Передней Азии (по Евфрату, по Тигру, поперек Верхней Месопотамии, через перевалы в сторону Иранского и Армянского нагорий) проходили либо прямо через Ассирию, либо настолько близко, что при прочих равных условиях их легче было захватить Ассирии, чем любому другому государству, равному ей по численности населения и размерам первоначальной территории.

Империя как огромная машина для ограбления множества соседних народов не могла быть устойчивым образованием, ибо, что бы ни думали на эту тему цари и их идеологи и какую бы пользу ни приносил «имперский мир», дело, как мы уже видели, было не в том, чтобы увеличить массу прибавочного продукта в завоевывающем государстве за счет перераспределения его между бывшим господствующим классом завоеванных стран и господствующим классом завоевывающей страны, — это не обеспечивало расширенного воспроизводства и развития производительных сил. По мере роста государственного механизма и потребностей господствующего класса завоевывающего государства увеличивались общие потери, которые завоеватели наносили древнему обществу в целом. Грабительская политика империи вступала в противоречие с потребностями нормального разделения труда между охваченными ею областями; торговые пути вскоре же переносились за пределы империи (так, центром средиземноморской торговли вместо прибрежных Библа и Сидона стал сначала островной Тир, а затем греческие города и Карфаген, отрезанные громадным морским пространством от пределов восточных империй).

Чем больше вырастала империя, тем менее она оказывалась стабильной, но вслед за падением одной империи сейчас же возникала другая. Это объясняется тем, что принудительная организация обмена между областями первого и второго подразделений общественного производства оставалась для древнего общества жизненной необходимостью до самого конца его существования.

Относительно скоро выяснилось, что для империи — помимо армии и общеимперской администрации, способных организовать принудительный обмен в пределах огромного государства, но игравших в смысле развития производства если не совершенно негативную, то по крайней мере двусмысленную роль, — необходим был еще иной механизм. Этот механизм должен был обеспечивать реальное функционирование расширенного воспроизводства и при этом быть гарантированным от произвольного царского вмешательства. Механизм этот вырабатывался весьма постепенно и возник еще в доимперский период, встречая на первых порах решительное противодействие со стороны царской армии и администрации, которые видели в

его возникновении подрыв монопольного единства империи; тем не менее он возникал и развивался, при этом во вполне определенном направлении во всех империях древнего мира. Этим механизмом явилась система внутренне независимых, самоуправляющихся городов. Если земледельческая территория за пределами городов в результате имперских завоеваний вся целиком входила, как правило, в состав государственного сектора, а ее население постепенно низводилось до уровня класса подневольных людей рабского типа, то самоуправляющиеся города, существование которых, как выяснилось, было жизненно необходимо для самих империй, представляли теперь общинно-частный сектор, получивший в странах всех путей развития древнего общества большее экономическое и политическое значение, чем когда-либо раньше. Эти города тем более расцветали, что в обширных пределах империи, как правило, ничто не мешало торговому обмену между областями обоих подразделений общественного производства.

Правители империй проводили целенаправленную политику создания городов не просто как торгово-ремесленных или военных центров, но и как коллективов граждан, обладавших известным самоуправлением, хотя и под контролем центральной власти. Только граждане таких городов были полноправными, свободными людьми в рамках данного государства. Союз царской власти и городов был в целом выгоден обеим сторонам, во всяком случае до тех пор, пока это самоуправление обеспечивало реальные привилегии гражданам, и в частности возможность присваивать долю прибавочного продукта, производимого сельскими жителями.

Параллельно с увеличением числа самоуправляющихся коллективов в мировых державах шел процесс роста центрального аппарата управления. Существование такого аппарата было необходимо, однако чрезмерное его усиление, увеличение числа чиновников могли привести и приводили (например, в Китае в конце империи Цинь, в Египте во II—I вв. до х.э.) к тому, что он превращался в самодовлеющую силу, поглощал основной прибавочный продукт, производимый трудящимися, что, в свою очередь, приводило к хозяйственному упадку и обострению социальной борьбы.

Таким образом, в самой структуре управления мировых держав были заключены противоречивые тенденции, что также порождало их неустойчивость (наиболее устойчивой мировой державой оказалась Римская империя, которой удавалось на протяжении ряда веков успешно сочетать ограниченное местное самоуправление с централизованным бюрократическим аппаратом).

4. ПУТИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА. ПОЛИС И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТИЧНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

Описанный процесс постепенно охватил все цивилизации древнего мира, независимо от пути развития; в нем сыграли свою роль и общества первого пути (сосуществование двух секторов при преобладании государственного — Вавилония и Элам), и общества второго пути (полное преобладание государственного сектора — Египет); аналогичный процесс — правда, несколько позже, уже за пределами рассматриваемого сейчас периода, — происходил в Индии и Китае, обществах, классификация которых по их характерным путям развития еще не произведена, а также в странах третьего пути развития. Разница между отдельными путями развития в

этот момент в значительной мере теряет свою резкость, так как отдельные государственные хозяйства как таковые почти повсюду прекратили существование, и типичными везде оказываются сравнительно небольшие частные, в том числе частные рабовладельческие, хозяйства как на государственной, так и на общинно-частной земле. Различие между секторами сказывается лишь в том, что государство гораздо легче могло вмешиваться в экономическую деятельность хозяйственных единиц, расположенных на царской земле, вплоть до полного их подчинения и низведения владельцев земли до уровня лиц, лишенных всякой собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономическим путем, т.е. государство могло обратить их из представителей среднего в представителей низшего, эксплуатируемого класса. И это несмотря даже на то обстоятельство, что сельские хозяева и на государственной земле с исчезновением собственно государственных хозяйств непременно рано или поздно организуются в общины, потому что сельское хозяйство не может в древности существовать без той или иной формы кооперации. Но сами эти общины, возникавшие на государственной земле, становились средством эксплуатации «царских» людей.

Однако если в описанный выше процесс вовлекаются общества всех трех (или более) путей развития древнего общества, то центральную роль обычно играют общества третьего пути развития, т.е. те, где издревле установилось некоторое равновесие между государственным и общинно-частным секторами. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что в таких обществах был большой контингент полноправных граждан-общинников, которые по понятным причинам всегда давали самых лучших солдат.

Существенные различия между первоначальными тремя путями развития на втором этапе истории древнего общества в пределах империй в значительной мере стираются еще и по следующим причинам. Сам ход имперских завоеваний, при которых неизбежно уничтожаются местные традиционные органы управления, как государственные, так и общинные, и заменяются единообразной имперской администрацией, приводит к тому, что большинство земель в пределах империи переходит в собственность государства. Люди же, сидевшие на этих землях, независимо от того, были ли они общинниками или «царскими» людьми, становятся людьми государственными и подневольными. Тем не менее в той или иной форме, в той или иной степени повсюду сохраняются очаги самоуправляющихся общинных организаций — в виде городов, храмов, автономных племен и т.п. Таким образом, все общества в пределах империй становятся похожими на ранние общества первого пути (например, нижнемесопотамские), с тем отличием, что ранее город был центром государственного сектора, а в деревне сохранялся и общинно-частный сектор, а теперь, напротив, общинно-частный сектор чаще всего существует в городах, а в деревне почти безраздельно господствует государственный сектор. Сами формы государственности — монархии во главе с обожествленным царем — нередко ведут свое происхождение из Вавилонии, из Египта и т.п.

Из этого процесса создания империй (который нельзя назвать специфически «восточным», потому что в нем в конце концов принял участие и европейский Запад) на некоторое время выпадает один регион древнего мира, а именно побережье Средиземного моря, и прежде всего греческие города, как на Европейском материке, так и на берегах Малой Азии и на островах. Здесь — и притом впервые только на втором этапе развития древнего общества — возникает особый, античный путь развития. Обще-

ства, пошедшие по этому пути, на ранней стадии древнего общества принадлежали первоначально к числу обществ третьего пути развития, при котором общинно-частный сектор сосуществовал с государственным. Однако в результате ряда исторических событий и явлений здесь, при падении микенской цивилизации и в ходе последующих разрушительных войн и миграций, в большинстве случаев был вообще сметен и уничтожен государственный сектор хозяйства[3]. Произошло нечто сходное с тем, что было в Нижней Месопотамии при падении III династии Ура или в долине Инда при гибели протоиндийской цивилизации. Что касается долины Инда, то мы не знаем в точности, что там случилось; когда на нее вновь падает свет истории во второй половине I тысячелетия до х.э., она уже подверглась воздействию совсем особой и шедшей своей собственной дорогой ведической цивилизации долины Ганга. Что же касается Нижней Месопотамии, то и там, как в Греции, гибель государственных хозяйств привела к бурному развитию частного сектора и частного рабовладения, но в масштабе всего бассейна нижнего Евфрата государственный сектор и связанная с ним царская власть в конце концов при Рим-Сине и Хаммурапи вновь возобладали.

В Греции обстоятельства сложились по-иному. Здесь новые государства стали возникать именно как города-государства, и только. Государственному хозяйству тут было возрождаться незачем: в эпоху развитого бронзового и железного века оно не могло иметь никакой общественно полезной функции, и этим греческий город-государство отличался от «номового» государства Передней Азии. Новые города-государства складывались практически в рамках только общинно-частного сектора, и ими вполне успешно управляли общинные органы самоуправления — народное собрание, совет и некоторые выборные должностные лица. Нельзя сказать, чтобы государственного сектора совсем не существовало — в него входили рудники, неразделенные пастбища и запасный земельный фонд, но не было никаких причин, препятствовавших управлению этими имуществами теми же органами городского общинного самоуправления. Такие города-государства обозначаются греческим словом «полис». Здесь возник особый тип древней собственности — полисная собственность; суть ее заключалась в том, что осуществлять право собственности на землю могли только полноправные члены города-общины; помимо права на свою частную землю, рабов и другие средства производства граждане полиса имели также право участвовать в самоуправлении и во всех доходах полиса. В социально-психологическом плане чрезвычайно важно, что ни в одной прежней общине других типов чувство солидарности ее членов не было так сильно, как в полисе; полисная солидарность была одновременно и правом и обязанностью граждан, вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют дошедшие до нас исторические известия) ставили интересы полиса выше личных или узкосемейных; повинность зажиточных граждан в пользу полиса (литургия) выступала как почетная обязанность, которую знатные и богатые люди могли принимать на свой счет. В то же время нуждающиеся члены полиса имели право рас-

[3] Однако в некоторых отсталых государствах, например в Спарте, наоборот, образовался, как в Египте, только государственный сектор — правда, без государственного хозяйства и с частным пользованием государственными илотами, но это, как мы видели, характерно и для Египта начиная со Среднего царства, и отчасти для Хеттской и других переднеазиатских держав II тысячелетия до х.э.

считывать на помощь со стороны коллектива своих сограждан. В «восточных» общинах (или общинах ранней древности) обедневшие их члены могли рассчитывать на некоторую, чаще всего небескорыстную помощь своих однообщинников; если они разорялись вовсе, то шли в долговое рабство, в бродячие шайки изгоев-хапиру, а чаще всего в «царские» люди, так как царское хозяйство при своей обширности способно было поглотить почти неограниченное число рабочей силы. В полисах же так называемый античный пролетариат, или люмпен-пролетариат, мог жить за счет полиса. Мощь полисной солидарности и взаимопомощи была столь велика, что греческим полисам в отличие от царя Хаммурапи удалось сломить ростовщический капитал и полностью уничтожить долговое рабство.

В условиях полиса вырабатывались и совершенно своеобразные государственные формы. И в ранней древности известны были кое-где республиканские формы управления, в которых главы государств (или группы лиц, игравшие эту роль) были подотчетны коллективным органам управления и могли быть ими назначены или низложены. Но там — отчасти под влиянием объективных условий, отчасти под прямым идеологическим воздействием, шедшим из экономически передовых стран, имевших тогда монархическую форму государственного устройства, — республики редко выживали достаточно долго, чтобы оказать существенное воздействие на историю человечества. Напротив, в мире полисов — в древних обществах античного пути развития — республиканские формы государственного управления были явлением типичным. Различие полисных «конституций» заключалось лишь в том, все ли граждане полиса допускались к той или иной степени участия в государственном управлении или право участия в нем было ограничено. Вначале в новообразующихся полисах задавали тон главы наиболее почитаемых знатных родов — аристократия; но вскоре после падения господства ростовщичества ведущая роль переходит к народному собранию, где были представлены все граждане полиса; нередко такого характера демократии временно выдвигали единоличных, неограниченных правителей, как правило из рядов того или иного знатного рода, к которому почему-либо народ благоволил. Но чаще всего подлинно активное участие в политических делах было в республике ограничено имущественным цензом, что естественно для общества, в котором деньги начали играть столь большую роль.

Подобно тому как в странах, лежащих к востоку от Греции, государственное устройство экономически передовых стран перенималось остальными, так и в регионе Средиземноморья республиканские формы государственного управления перенимались и там, где не было той предыстории, которая обусловила создание ведущих греческих полисов. Они распространились даже на государства с совсем иным политико-экономическим строем, например на Спарту, экономически значительно более напоминавшую Египет, чем соседний Коринф или Афины.

Как ни важен был полис для всего дальнейшего развития человечества, однако в описанном нами виде он просуществовал недолго: возможности развития в замкнутых пределах городов-государств были ограничены, как и возможности частного международного обмена; к тому же в случае самостоятельных полисов их самостоятельно хозяйствующие граждане не могли быть достаточно защищены теми незначительными военными силами, какими располагало полисное государство. Так же как в империях дальнейшее развитие оказалось невозможным без совмещения их с системой зависимых, но самостоятельно управляющихся городов, способных обеспечить

расширенное воспроизводство, так и самоуправляющиеся, но независимые полисы не могли далее развиваться без помощи такой империи, которая, охватив их, создавала бы для них надежность международного торгового обмена.

5. РАБСТВО И СВОБОДА. РАБЫ И «ЦАРСКИЕ» ЛЮДИ

Подневольные люди рабского типа, не являвшиеся собственно рабами, встречались в полисах редко, и только в самых отсталых общинах. Например, в Спарте илоты были собственностью государства, хотя распределялись между отдельными спартиатами для их обслуживания и прокормления, как это делалось и в Египте Среднего и Нового царства; но Спарта долгое время преднамеренно отстранялась от участия в товарном обмене. В большинстве же полисов частные хозяева вполне могли иметь значительное количество собственно рабов. Ничто здесь в принципе не мешало созданию частного и в то же время крупного рабовладельческого хозяйства. Рабы в нем были уже не патриархальными рабами, а рабами классическими: они не всегда участвовали вместе с хозяевами в едином производственном процессе и не входили с ними в одну семью. Для хозяев они были предметами, живыми орудиями труда, и хозяева имели право ими пользоваться и распоряжаться или даже их уничтожить, т.е. поступать с ними так же, как со скотом, утварью или орудиями производства.

Именно в античном обществе раб был наиболее рабом, а свободный — наиболее свободным. В ранней древности (например, у хеттов) иногда встречалось понятие «свободный от чего-нибудь» (например, от повинности), «освобожденный от чего-нибудь» (например, от долгового рабства), но не было общего понятия «свободы»; рабу в собственном смысле фактически противостояла длинная лестница подневольных рабского типа, «царских» людей, общинников, вельмож и т.д.; существовали отношения господства и подчиненности — состоявшие в этих отношениях в любом случае называли друг друга «господином» и «рабом»; с нашей точки зрения, это мог быть государь и подданный, или царь и придворный служащий, или владелец и его раб — терминология оставалась той же. Далее, почти повсюду (кроме Египта) существовало противопоставление «сына общины» и «царского раба» (или «царского человека»); все эти социально-психологические противопоставления маскировали действительное классовое деление общества, о котором говорилось в главе I.

Лишь в греческих полисах появляется понятие «свобода» (элевтерия) как состояние отсутствия господства кого бы то ни было над данным человеком — понятие, завещанное греческим полисом всему человечеству. Всякое наличие над человеком господства было *дулосюнэ* — рабством. Греческий полисный «свободный» — прямой преемник «сына общины» ранней древности; но тот еще не чувствовал, что над ним нет никакого господства, и не называл себя свободным. Гражданин полиса не только чувствовал себя свободным, но и считал всякого, кто имеет над собой какое бы то ни было господство, рабом — *дулос*. Поэтому вне греческого мира, в восточных империях, с его точки зрения, царило поголовное рабство, а подпасть под царскую власть было для свободного равносильно обращению в рабство. Всякий, кто живет под царской властью, — раб по своей природе; всякий

варвар (т.е. по-гречески попросту чужеземец) — раб по своей природе, говорит даже Аристотель, и с точки зрения полисного определения свободы он прав. Разумеется, и в греческих полисах не всякий был свободен: сама свобода граждан полиса была основана на эксплуатации рабов, но ведь при отсутствии долговой кабалы единственным источником рабства были покупка или вооруженный захват человека за рубежом, а чужестранец для полисного гражданина именно и был «рабом по природе», так что не о чем было беспокоиться.

И в восточных империях (пока только восточных — империи на Западе возникнут в конце второго периода) число рабов в это время значительно умножилось и место патриархальных заняли «классические» рабы. Однако здесь состав эксплуатируемого класса был не столь однозначно рабским, как в греческих полисах. В результате завоеваний царский земельный фонд стал необъятным, и даже при новых, более эффективных средствах насилия не было никакого смысла выделять большую часть армии на то, чтобы держать все население в собственно рабском состоянии. Оно оставалось «царскими» людьми, т.е. подневольными людьми рабского типа, и не более того. (С точки зрения свободных греков, это, конечно, все равно было рабство.) Существование огромного множества «царских» людей не могло не влиять и на характер отношений между рабовладельцами и собственно рабами: ясно, что земледельческое хозяйство, обрабатываемое классическими рабами, в данных условиях было бы менее производительно, чем обрабатываемое «царскими» людьми, например на земле, арендованной у государства частным хозяином: в большом хозяйстве «царские» люди требовали меньшего надзора и работали с большей охотой. При этом если в ранней древности царского или храмового работника в отличие от раба нужно было снабжать пайком (или наделом) на него самого и на его семью, то теперь об этом никто не заботился: крестьянин имел то, что имел, платил собственнику земли и средств производства — царю и работал на своего непосредственного хозяина, а сколько сверх того оставалось на него с семьей — это уже была его собственная забота.

Рабы здесь находили поэтому иное применение, чем в античном мире того же времени: основная фигура здесь — раб на оброке, занимающийся ремеслом, мелкой, а иногда и не мелкой торговлей, арендующий землю и т.п.; чем больше он зарабатывал, тем выгоднее хозяину: весь пекулий (имущество) раба — собственность рабовладельца; чем больше пекулий, тем больше доход рабовладельца; чем больше доход с раба, тем дороже можно продать самого раба[4]. Поэтому товарное производство, каким становится городское ремесло, — а отчасти и сельское хозяйство на территориях, принадлежащих городам, — это рабское производство в полном смысле слова.

Если для античного полиса характерна идеализация свободы, то для восточной империи характерна идеализация своего господина; обожествление государя, начало которому было положено в Египте, в Шумере и Аккаде, пронизывает теперь всю идеологию: традиционные мифологические персонажи общинных культов сводятся в сложный пантеон, но этот пантеон — не более как проекция земной деспотии на небо; в искусстве единственным героем остается царь. Так люди обожествляют собственное унижение, и лишь кое-где — в предгорьях Гималаев, на границе между оседлыми зем-

[4] К концу второго периода эксплуатация оброчных рабов распространилась и в странах античного пути развития.

лями Ирана и полупустынями Средней Азии, в Палестине — идет борьба за внесение этики в общепринятую идеологию.

При всем отличии между «Востоком» и «Западом», отличии, которое возникает только теперь, только на втором этапе древности, нельзя забывать основополагающих фактов: во-первых, восточные и западные общества этого времени были одинаково построены на принципе существования рабства, и, во-вторых, античный путь развития со всем его своеобразием по сравнению с остальным миром и важностью для истории человечества — это лишь одно из позднейших ответвлений от тех путей развития раннеклассового общества в целом, которые сложились уже на первом, раннем этапе древности.

Глава XIV

НОВОАССИРИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ряд событий, происшедших в Передней Азии в конце II тысячелетия до х.э., привел к гибели или ослаблению почти всех «великих держав». Теперь Ассирия не имела серьезных соперников и могла приступить к осуществлению своих великодержавных притязаний. Но в это время из степей Аравии двинулись новые западносемитские кочевые племена — арамеи. Это было медленное и неуклонное просачивание больших и малых племен, групп отдельных семей, и остановить это движение было практически невозможно. Кочевники далеко не всегда прибегали к силе, а брать укрепленные города они вообще не умели. Но города рано или поздно обнаруживали, что находятся в арамейском окружении. Арамейские наемники (подобно амореям в начале II тысячелетия до х.э.) служили теперь в войсках местных правителей. Постепенно, как ранее амореи, арамейские вожди прибирали к рукам власть в десятках мелких государств Сирии и Верхней Месопотамии. Арамеи переняли местную культуру и в большинстве своем перешли к оседлому образу жизни; их язык вытеснил все местные. Лишь кое-где сохранились, как островки, позднехеттские (лувийские) и позднехурритские царства. Коренная Ассирия избежала этой участи только потому, что в Месопотамии основное движение арамеев шло вдоль Евфрата, а до Тигра и за Тигр они добрались там, где Тигр и Евфрат сближаются, т.е. ниже коренной Ассирии. Но Ассирия потеряла почти все свои владения к западу от Тигра и была отрезана от важнейших источников сырья. Вместе с тем она сохранила и ряд существенных преимуществ, которые должны были сказаться при первом удобном случае. Так, Ассирия оставалась основным узлом торговых путей, идущих по Тигру и от Тигра на восток, север и запад. Поддержание и расширение контроля над торговыми путями сулило громадные выгоды и было традиционной политикой Ассирии. Этому способствовало и ее выгодное стратегическое положение. К востоку и северу от Ассирии в начале I тысячелетия до х.э. обитали разрозненные горные племена, способные самое большее на разбойничий набег, чему нетрудно было воспрепятствовать сравнительно небольшими силами. Противники же Ассирии на западе погрязли в междоусобицах, а ее южный сосед — Вавилония — сама тяжко пострадала от нашествия халдеев. Наконец, Ассирия сохранила свою превосходную военную организацию, которую в дальнейшем сумела еще усовершенствовать. Когда Ассирия вновь получила возможность перейти в наступление, перед ней открывались два пути: либо организация «принудительного обмена», т.е. просто грабеж (за применение этого «метода» стояла военно-бюрократическая знать), либо налаживание «правильной» эксплуатации покоренных земель, поддержание «имперского мира», способствующего нормальным экономическим связям (таково было желание верхушки горожан и жречества). С течением времени образовались две соответствующие «партии», а цари

либо принимали сторону одной из них, либо пытались лавировать между ними.

Но пока в течение почти всего X века Ассирии пришлось уделять основное внимание обороне, лишь изредка позволяя себе небольшие рейды в горы, на северо-восток и восток. Внутри же страны происходит процесс укрепления царской власти. Эпонимы-*лимму* теперь назначаются не по жребию, а в иерархическом порядке, начиная с самого царя во второй год его правления. Политическое же значение должности эпонима было сведено к нулю. Окончательно устанавливается царская титулатура: «великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии» (в дальнейшем еще и «царь четырех стран света»). Для укрепления своей независимости от городского совета Ашшура цари переносят свою резиденцию в другие города. Ашшур остается лишь культовым центром и местом погребения умерших царей.

Первое серьезное наступление на запад Ассирия предприняла в царствование Адад-нерари II (912—891 гг. до х.э.). В результате нескольких походов и длительных осад городов вся область р. Хабур и ее притоков перешла под контроль Ассирии. Открылся путь для дальнейшего продвижения к переправам через Евфрат, т.е. в Сирию. Еще до этого Адад-нерари, придравшись к какому-то пустяку, обвинил вавилонского царя в нарушении мира и двинул свои войска на юг. Вавилония потерпела поражение, в результате которого к Ассирии была присоединена область Аррапхи, а южная граница Ассирии почти достигла Дур-Куригальзу и Сиппара.

Но, пожалуй, самым главным достижением Ассирии было восстановление ее престижа и боевого духа. Хотя не все походы Адад-нерари II и его преемников были одинаково успешными, Ассирия в течение нескольких последующих десятилетий практически не знала поражений. Стратегическая цель, которую поставили перед собой на будущее цари этой династии, заключалась в том, чтобы, держа в страхе горцев на севере и востоке при помощи периодических вторжений и не допуская ответных рейдов, неуклонно продвигаться на юг и на запад, дабы взять под свой контроль основные источники сырья, центры производства и торговые пути от Персидского залива до Армянского нагорья и от Ирана до Средиземного моря и Малой Азии.

Первым из ассирийских царей, кому после двухсотлетнего перерыва удалось совершить успешный поход к Средиземному морю, был внук Адад-нерари II — Ашшур-нацир-апал II (884—858 гг. до х.э.). Он был выдающимся полководцем и дипломатом, чрезвычайно методичным и абсолютно безжалостным в достижении поставленной цели. В начале своего царствования он совершил несколько успешных походов на север и восток, принесших очень богатую добычу. В Верхней Месопотамии были подавлены антиассирийские мятежи, а граница Ассирии была отодвинута на запад до самого Каркемиша. В 876 г. Ашшур-нацир-апал перешел Евфрат у этого города и двинул свои войска на запад, к Средиземному морю. Никто, видимо, даже не пытался оказать ему сопротивление. Принимая по дороге дани и дары от местных царьков, ассирийский царь прошел через долину Оронта и Ливан. На берегу Средиземного моря он, по древнему обычаю, омыл свое оружие в его водах. Учредив ассирийскую колонию на Оронте, Ашшур-нацир-апал вернулся в Ассирию с огромной добычей и кедрами, нарубленными в горах Ливана. Он построил себе новую великолепную столицу — г. Кальху, заселил ее пленными и жил здесь оставшиеся годы своего царствования. Стратегия Ашшур-нацир-апала заключалась в

нанесении молниеносных ударов и в создании опорных пунктов на присоединенных территориях. В покоренных царствах он сажал или поддерживал в качестве правителей своих сторонников. Любая попытка мятежа или сопротивления подавлялась беспощадно: население истребляли, а территория подвергалась полному опустошению. И в этом случае пленных ассирийцы, как правило, не брали. Лишь изредка небольшое число воинов или ремесленников переселяли в Ассирию. Обычай истреблять всех захваченных «с боем» (не только воинов, но также женщин, детей и стариков) был, по-видимому, распространен в древней Передней Азии повсюду. Так поступали все победители. Сдавшиеся же без боя лишь облагались данью и оставлялись под властью либо прежних правителей (если ассирийцы им доверяли), либо ставленников Ассирии или же передавались непосредственно под власть ассирийских чиновников. Но такая сдача была сравнительно редкой, поэтому большинство завоеванных ассирийцами территорий за несколько дней обращалось в пустыню: население истребляли от мала до велика, города разрушали до основания, сады вырубали, каналы засыпали. При этом ассирийцы применяли самые устрашающие способы умерщвления людей: сожжение живьем, сажание на кол, сооружение пирамид из связанных пленников, обреченных таким образом на медленную смерть. Очевидно, ассирийцы рассчитывали, что внушаемый этими расправами ужас облегчит им дальнейшую экспансию. Что же касается материальных ресурсов побежденных стран, то все они перекачивались в Ассирию, особенно лошади, рогатый скот, металлы, готовые товары, сырье и т.п.

Преемники Ашшур-нацир-апала II действовали в том же духе, но все менее успешно. Политическая ситуация стала изменяться не в пользу Ассирии: вновь присоединенные провинции в значительной части были опустошены. Они не давали более дохода, а лишь требовали новых и новых расходов на их удержание. Менее пострадавшие провинции и области коренной Ассирии тоже сильно обезлюдели из-за военных потерь и эпидемий. Мелкие сирийские государства перед лицом общего врага образовали две довольно мощные коалиции — Северный союз и Южный союз. На месте разрозненных племен Армянского нагорья образовалось сильное государство Урарту. Торговля стала постепенно направляться по новым путям, в обход ассирийских владений и районов возможных военных действий. Из-за экономического упадка значительная часть мелких производителей попадала в долговую кабалу, теряла свои земли. Это ослабляло и военную мощь Ассирии. Огромная военная добыча расходовалась на новые военные экспедиции или оседала в руках военно-бюрократической верхушки, приобретавшей все большее влияние. Наместники провинций обладали чрезмерной властью, они были почти царями, и некоторые из них не прочь были стать царями вполне. Однако все это обнаружилось лишь постепенно. Салманасар III (858—824 гг. до х.э.) смог повторить поход своего отца к Средиземному морю, но теперь ему пришлось иметь дело с двумя сирийскими союзами. Несколько походов в Сирию были неудачными, несмотря на то что Салманасар собрал огромное войско (до 120 тыс. человек). Лишь в 841 г., воспользовавшись распадом Южносирийского союза, Салманасар добился успеха, хотя взять г. Дамаск, стоявший во главе коалиции, так и не смог. На побережье Финикии Салманасар повелел вытесать на скале свое изображение рядом с изображением Тиглатпаласара I. Однако для поддержания ассирийской власти в Сирии понадобились затем новые походы. Более удачными были походы в Урарту (на Армянском нагорье) и в Киликию (юго-восточная

Малая Азия). Вавилонский царь получил от Салманасара поддержку против другого претендента на престол, но за это вынужден был уступить значительные территории и стать фактически вассалом Ассирии. В своих надписях Салманасар подчеркивает уважение, с которым он отнесся к привилегиям священных городов Аккада и их храмам, куда он принес богатые жертвы. Возможно, он уже тогда думал о перспективе нового объединения всей Месопотамии — на сей раз под властью Ассирии. Но Ассирия была истощена беспрерывными войнами, и в ней росло недовольство. В последние годы царствования Салманасара III вспыхнул мятеж, во главе которого стоял сын самого царя (обойденный при назначении его отцом наследника); мятеж был поддержан всей коренной Ассирией. Верными царю и назначенному им наследнику Шамши-Ададу V (824—811 гг. до х.э.) остались лишь царская резиденция, Кальху и действующая армия. Ему потребовалось целых два года для подавления мятежа. Ради этого ему пришлось, в свою очередь, признать верховенство вавилонского царя и возвратить захваченные у Вавилонии земли. В дальнейшем ему удалось отомстить Вавилонии за это унижение, но он даже и не пытался вновь двинуться за Евфрат. Сирия, таким образом, была потеряна.

Наследник Шамши-Ададa V, Адад-нерари III (811—781 гг. до х.э.), вступил на престол еще малолетним. Регентшей, как предполагают некоторые ученые, была его мать — царица Шаммурамат, Семирамида позднейших легенд. В правление Адад-нерари III предпринимались походы на восток и северо-восток против живших у оз. Урмия маннейцев и мидян. Ассирийское войско доходило до «моря, где восходит солнце», т.е. до Каспия. Территория Ассирии на востоке была расширена до верховьев Малого Заба, Диялы и Керхе. В 805 г., воспользовавшись распрями в Южносирийском союзе, Адад-нерари двинулся в Сирию. Он собрал дань с сирийских царств, но закрепиться здесь не смог. Не смог он также предпринять сколько-нибудь успешных действий против Урарту. Лишь в Вавилонии Адад-нерари добился успеха. Он заключил с ней договор, на основании которого ассирийский царь стал «покровителем» Вавилонии. Богатые дары были посланы в главные вавилонские святилища, ассирийцы стали всячески подчеркивать культурное и религиозное единство двух народов. Действительно, в Ассирии все больше распространялась вавилонская культура. Обогатившаяся военной добычей верхушка ассирийского общества могла теперь уделить больше внимания искусству, литературе, науке. За всем этим приходилось обращаться к Вавилонии — главной хранительнице общемесопотамских культурных традиций.

Конец правления Адад-нерари III ознаменовался новыми мятежами и мощным наступлением Урарту на северо-востоке и северо-западе. Государства верхнего Евфрата и Северной Сирии подпали теперь под урартское влияние. Царствовавшие один за другим три сына Адад-нерари III сорок лет вели тяжелые войны с Урарту, шаг за шагом теряя свои позиции. Новые мятежи и эпидемии довершили крах политики, начало которой положил еще Адад-нерари II.

Теперь стала ясной необходимость коренных перемен. Предстояло решить сразу множество задач: заселить опустошенные завоеваниями земли; реорганизовать управление провинциями, чтобы пресечь попытки к отделению; удовлетворить экономические запросы различных группировок верхушки ассирийского общества; реорганизовать и укрепить армию. Все это понял и сумел осуществить новый царь Ассирии — Тиглатпаласар III (745—727 гг. до х.э.), которого привела к власти очередная гражданская

война. Именно с его царствования начинаются новые, небывалые доселе в Ассирии порядки.

Жители завоеванных территорий теперь массами насильственно переселяются в коренную Ассирию и в другие провинции. Такие депортации совершаются организованно и по плану. Людей переселяют вместе с их семьями, имуществом и даже «вместе с их богами». Угон людей практиковался и раньше, но лишь изредка и в ограниченных масштабах. Теперь же число невольных переселенцев (до гибели Ассирийской державы) измеряется сотнями тысяч. Угоняемых старались селить как можно дальше от их родины и вперемежку с другими племенами. Переселенцы быстро ассимилировались и усваивали арамейский язык в качестве общего разговорного языка. Скоро арамейский язык распространился на территории Ассирийской державы повсеместно и сильно потеснил аккадский, хотя на аккадском языке продолжали писать официальные документы.

Прежние большие области были разделены на множество мелких, во главе их стояли уже не наместники, а «областеначальники», по большей части из евнухов (поэтому царь мог не опасаться, что создастся новая династия). Чиновники военной и государственной администрации «по совместительству» могли быть также и областеначальниками.

Была реорганизована и армия. Теперь она состояла не из военных колонистов и ополчения, а из постоянного профессионального войска, находившегося (за счет награбленной ранее добычи) на полном содержании у царя. Этот шаг помимо повышения боеспособности армии увеличивал также независимость царя от общин, прежде выставлявших ополчение. Армия была единообразно экипирована и превосходно обучена. Ассирийцы первыми начали широко применять стальное оружие. Они же впервые ввели два новых рода войск — регулярную кавалерию и саперов. Кавалерия, заменившая традиционные отряды колесниц[1], позволяла наносить внезапные стремительные удары, застигая противника врасплох и нередко добиваясь успеха малыми силами, а также преследовать разбитого противника вплоть до его полного уничтожения. Отряды саперов прокладывали дороги и наводили переправы, позволяя ассирийскому войску преодолевать местности, считавшиеся непроходимыми. Они же впервые дали возможность вести правильную осаду крепостей с применением осадного вала, насыпей, стенобитных машин и т.п. либо полной блокады, позволяющей взять город измором. Наконец, новая ассирийская армия имела превосходно налаженную службу разведки и связи. Это ведомство считалось столь важным, что во главе его обычно стоял наследник престола.

Тиглатпаласар III был не только выдающимся администратором, но и блестящим полководцем и реалистичным политиком. Первые два года своего царствования он посвятил обеспечению безопасности южных и восточных границ. В Вавилонии он прошел до самого Персидского залива, громя халдейские племена и выселяя в Ассирию множество пленных. Но он не причинил никакого ущерба городам и всячески подчеркивал свою роль их защитника и покровителя. На востоке были разгромлены горные племена Загроса и созданы две новые области. Отсюда также было переселено множество людей. Теперь можно было приступить к борьбе с Урарту за Сирию. Поход начался в 743 г. На верхнем Евфрате ассирийцев встретило урартское войско — и было разбито в ожесточенном сражении. Тиглатпа-

[1] Колесницы сохранялись лишь как парадный выезд для царя и его ближайших приближенных.

ласар двинулся дальше на запад и после длительной осады взял Арпад, в это время центр Северосирийского союза. Поход был повторен в 738 г. Многие страны Сирии, а также юго-востока Малой Азии (Табал) и арабские племена Сирийской полупустыни были вынуждены изъявить покорность и принести дань. В Сирии были созданы новые провинции, а значительная часть населения угнана в плен. Затем был предпринят далекий поход на восток — в «страну могучих мидян». Ассирийское войско дошло до горы Демавенд и вернулось с огромной добычей и 65 тыс. пленных. В 735 г. ассирийское войско вторглось в пределы Урарту и осадило его столицу Тушпу. Но взять ее с налета не удалось, а вести длительную осаду Тиглатпаласар счел, видимо, излишним. Вместо этого его войско прошло огнем и мечом всю страну, нанеся урартам страшный ущерб. Последующие годы Тиглатпаласар III провел в Сирии и Палестине, где дошел со своим войском до самой Газы на границе Египта. В 732 г. был взят Дамаск, стоявший во главе почти всех антиассирийских движений. Ассирийская гегемония в Сирии была, таким образом, вновь подтверждена и закреплена.

Тем временем Вавилония из-за ряда внутренних событий оказалась ввергнутой в полную анархию. Настал момент для осуществления того, к чему давно уже стремились ассирийские цари. Тиглатпаласар явился в Вавилонию как восстановитель порядка и спокойствия. Халдейские племена подверглись жестокому разгрому, 120 тыс. человек были угнаны в плен. Но завоеванную страну не разделили, как обычно, на области. Престиж Вавилонии был столь велик, что Тиглатпаласар предпочел короноваться в качестве вавилонского царя (под именем Пулу), объединив таким образом всю Месопотамию личной унией.

Наследнику Тиглатпаласара III, Салманасару V (726—722 гг. до х.э.), досталась империя, простиравшаяся от Персидского залива до Средиземного моря. Возможно, переоценив свое могущество, Салманасар V попытался отменить привилегии священных храмовых городов. Поэтому его царствование оказалось недолгим. Он умер (или, скорее, был убит) во время осады Самарии, столицы Израильского царства.

Новый царь, Саргон II (722—705 гг. до х.э.), в своих надписях вопреки обычаю ничего не пишет о своем отце. Из этого следует, что его права на престол были весьма проблематичны. Но по своим способностям он мало в чем уступал Тиглатпаласару III. Между тем перед ним стояли трудные проблемы. В Вавилонии захватил власть халдейский вождь Мардук-апла-иддин II, на севере Урарту оправилось от разгрома и вновь готовилось к активным действиям. В Сирии возникла новая антиассирийская коалиция. Саргон начал с внутренних дел. Он торжественно подтвердил и умножил древние привилегии городов и храмов, чем привлек на свою сторону горожан и жречество (в том числе и в Вавилонии). Но Мардук-апла-иддин заключил союз с Эламом. Поход на Вавилонию, предпринятый а 720 г., оказался неудачным: ассирийцы потерпели поражение. Зато в Сирии они разбили силы коалиции и вернули отпавшие было провинции, пройдя затем всю Палестину до египетской границы. Между тем и на севере обстановка была серьезной. Кроме Урарту там появился новый страшный враг — отряды киммерийцев, пришедшие из-за Кавказа. Впрочем, они представляли более непосредственную угрозу для самого Урарту. Видимо, Саргон воспользовался тем, что киммерийцы нанесли урартам поражение, и немедленно выступил в поход (714 г. до х.э.). Ассирийцы двинулись, однако, не на Урарту, а на восток. Когда же урартский царь Руса попытался зайти в тыл ассирийскому войску, Саргон, знавший от своих разведчиков обо всех

передвижениях урартской армии, мгновенно повернул на запад, ей навстречу. Для более быстрого продвижения он взял с собой лишь конницу и колесницы. В коротком и чрезвычайно кровопролитном бою урартское войско, застигнутое врасплох, было рассеяно, а сам Руса едва сумел спастись бегством. Затем ассирийское войско, почти не встречая сопротивления, разорило и разграбило Урарту и подчиненные ему мелкие царства, особенно Муцацир, где находились одно из главных святилищ урартских племен и урартская казна. В руки ассирийцев попали несметные богатства, а Урарту никогда уже не смогло оправиться от этого погрома и утратило свое значение «великой державы». В последующие годы полководцы Саргона и пограничные областеначальники подавляли мятежи на востоке и на западе, создавая при этом новые провинции. Саргон же готовился к решению главной задачи — новому завоеванию Вавилонии. В 710 г. он двинул свои войска на юг. Города Вавилонии приняли его сторону, и Мардук-апла-иддину пришлось поспешно отступить в Приморье. Саргон «при кликах ликования» вступил в Вавилон и короновался здесь в качестве царя. Своего наследника Синаххериба он женил на знатной вавилонянке. В 707 г. Саргон с огромной добычей вернулся в новую столицу Дур-Шаррукин («Крепость Саргона») к северу от Ниневии, где и прожил свои последние годы.

Синаххериб (705—681 гг. до х.э.) в отличие от своего отца был сторонником военной партии, а со жрецами и горожанами не ладил. В своей политике он опирался исключительно на грубую силу. Он пренебрег совершением коронационных обрядов в Вавилоне, вследствие чего там вновь захватил власть Мардук-апла-иддин, немедленно возобновивший союз с Эламом и получивший от него военную помощь. Синаххериб выступил в поход и в сражении у Киша в 702 г. наголову разбил вавилоно-эламские войска. Но Мардук-апла-иддин снова избежал плена. 200 тыс. халдеев были угнаны ассирийцами в другие области державы, а на вавилонский трон был посажен в качестве ассирийской марионетки некий Белибни (Синаххериб упорно пренебрегал вавилонской короной). Попытки сбросить ассирийское иго имели место также в Сирии и на востоке. В Сирии Синаххериб разбил войско филистимского города Экрона, поддержанное египетскими отрядами, а затем осадил Иерусалим. Большинство других государств Сирии и Палестины поспешили изъявить покорность и уплатить дань. С осадой Иерусалима связана первая зафиксированная в истории попытка вести пропаганду среди вражеских войск. Библия повествует о том, как ассирийский военачальник обратился к стоявшим на стене иудейским военачальникам на их родном языке. Красочно описав предстоящие осажденным ужасы голода и жажды, он предложил им капитулировать. Иудейские военачальники были не прочь вести переговоры, но, дабы они были непонятны воинам гарнизона, предложили перейти на арамейский язык, игравший в Иудее того времени примерно такую же роль, как французский язык в Европе XIX в. х.э. Ассириец, однако, отклонил это предложение, поскольку, напротив, хотел быть понятым всеми. Впрочем, осада не имела успеха (видимо, из-за вспыхнувшей в ассирийской армии эпидемии), и Синаххериб удовольствовался получением с иудейского царя огромной дани и заложников. Ассирийские провинции в Сирии были расширены, а в важнейших городах финикийского и филистимского побережья посажены проассирийски настроенные правители.

Чтобы раз и навсегда покончить с Мардук-апла-иддином, Синаххериб двинул армию в Приморье, подвергнув эту страну жесточайшему разгрому. Но Мардук-апла-иддин погрузил на корабли семью, часть войска, статуи

богов и даже кости своих предков, пересек Персидский залив и высадился в Эламе. Правителем Вавилонии вместо недостаточно усердного Белибни Синаххериб сделал своего сына и наследника Ашшур-надин-шуми. Мардук-апла-иддина же он считал настолько опасным, что решился преследовать его даже за морем, снарядив для этого целый флот (с помощью финикийских и, возможно, греческих мастеров и мореходов; однако Мардук-апла-иддин умер до прибытия ассирийской карательной экспедиции). Но Синаххериб своим высокомерным отношением к городам вообще, а к городам Вавилонии особенно восстановил их против себя, поэтому очередное вторжение эламитов в Северную Вавилонию почти не встретило сопротивления. Ашшур-надин-шуми был уведен пленником в Элам, где вскоре умер или был убит. В Вавилоне же эламиты посадили царем своего ставленника. Синаххериб едва спас свою армию. Последовавший вавилонский поход 693 г. имел лишь частичный успех. Новый поход 691 г. завершился грандиозным сражением при Халуле, около устья Диялы, с халдеями, вавилонянами, эламитами и даже персами. Надписи Синаххериба сообщают об одержанной ассирийцами блестящей победе, вавилонская же хроника повествует о поражении ассирийцев. В действительности, видимо, битва закончилась «вничью», но огромные потери вынудили обе стороны временно прекратить военные действия.

По примеру своих предшественников Синаххериб решил обзавестись новой столицей. Для этой цели он избрал Ниневию, отстроив ее с величайшей пышностью. Территория города была значительно увеличена и обнесена мощными укреплениями, был построен новый дворец, обновлены храмы. Для снабжения города и разбитых вокруг него садов хорошей водой соорудили акведук.

В 689 г., воспользовавшись смутами в Эламе, Синаххериб снова двинулся на Вавилон. Этот город был одним из наиболее чтимых (в том числе и самими ассирийцами) культовых центров Месопотамии, а его бог-покровитель Мардук (Бел) почитался наравне с богом Ашшуром. Но Синаххериб не слишком благоговел перед городами и храмами, даже и ассирийскими. Поэтому он учинил над Вавилоном беспримерную расправу: взяв город штурмом, разрушил его до основания, а уцелевших обитателей увел в плен. Синаххериб утверждал, что обломки храмов и городских строений были сброшены в Евфрат, а затем по специально проведенному каналу речные воды устремились на то место, где прежде стоял великий город. Статуи богов увезли в Ассирию. Эта кощунственная жестокость ужаснула всю Переднюю Азию, но вместе с тем вызвала серьезное недовольство даже в самой Ассирии. Синаххериб был вынужден сделать некоторые шаги, направленные на примирение со жрецами. Так, было объявлено, что великие боги сами прогневались на Вавилон за грехи его обитателей и решили его покинуть. Наследником престола Синаххерибу пришлось назначить сторонника жреческой партии, своего младшего сына Асархаддона, сына вавилонянки. Все ассирийцы «от мала до велика» присягнули новому наследнику, но это, естественно, вызвало недовольство его старших братьев. На границах империи тоже начинались смуты, некоторые государства вернули себе независимость (Табал в горах на юго-востоке Малой Азии), а Урарту снова отвоевало Муцацир.

Синаххериб не любил своего наследника и не доверял ему. Асархаддона отослали в западные провинции, но вскоре Синаххериб был убит. Согласно Библии, его убили в храме собственные сыновья. Ассирийский источник сообщает, что Синаххериб пал мертвым между изображениями божеств-

хранителей и, следовательно, в их присутствии. Похоже, что оба источника видят в смерти Синаххериба кару богов. В действительности же он нажил множество недоброжелателей среди людей, и не исключено даже, что вдохновителем убийства был сам Асархаддон.

Впрочем, Асархаддону (681—669 гг. до х.э.) пришлось предпринять поход на Ниневию, чтобы отстоять свои права на престол. Братья-отцеубийцы бежали в горы. Новый царь немедленно принял меры к восстановлению Вавилона, объявив, что Мардук сжалился над своим городом и пожелал вернуться туда. Одновременно с восстановлением Эсагилы, главного храма Вавилона (при этом был построен знаменитый зиккурат, вошедший в позднейшие легенды под именем «Вавилонской башни»), начались работы по обновлению одного из главных храмов г. Ашшур. Привилегии ассирийских и вавилонских городов были вновь подтверждены и расширены, а подати в пользу храмов увеличены.

Для возвращения гражданам Вавилона ранее принадлежавших им земель начались военные действия против халдейских племен и царя Приморья. Походы оказались нелегкими, но закончились успешно. Удалось также отразить угрозу нового вторжения киммерийцев. Наконец, были подавлены антиассирийские выступления в Финикии и Мелитене (на верхнем Евфрате). Ассирийцы взяли и до основания разрушили Сидон, а цари Сидона и Мелитены в цепях были приведены в Ниневию и казнены. На месте разрушенного Сидона ассирийцы построили свою колонию — опорный пункт для подготовки вторжения в Египет. Тем временем велись трудные войны на востоке — в Манне и Мидии. Формально здесь имелось около десятка ассирийских провинций, но фактически в большинстве из них власть ассирийцев не выходила за пределы крепостных стен, за которыми сидели их гарнизоны. Реальная власть принадлежала вождям мидийских племен, пока еще разрозненных и враждовавших между собой, но уже склонявшихся к объединению. Неожиданные, хотя и не слишком серьезные вылазки предпринимали Элам и Урарту.

Все эти события очень беспокоили Асархаддона. Правда, его официальные надписи сообщают лишь о победах, рисуя нам образ могучего и грозного царя, каким он описан в знаменитом стихотворении В.Брюсова. Но до нас дошли также и документы, не предназначавшиеся для постороннего глаза, — письма и запросы к оракулам. Из них видно, что Асархаддон был человеком суеверным, неуравновешенным и даже трусоватым, а победы, которые еще продолжала одерживать Ассирия, доставались ей со все большим трудом. Но все-таки Ассирия была очень сильна. Хотя первый поход в Египет в 674 г. окончился неудачей, Асархаддон предпринял в 671 г. новый поход, разгромил армию фараона Тахарки и захватил Мемфис. Он принял титул «царь царей Египта, Верхнего Египта и Эфиопии», т.е. проявил намерение продолжать захват долины Нила. Но как только Асархаддон вернулся в Ассирию, в Египте начались волнения. Ассирийские гарнизоны оказались в осаде. В 669 г. Асархаддон снова повел войска на Египет, но дорогою умер.

За несколько лет до этого Асархаддон решил вопрос о престолонаследии. Его старший сын умер молодым, но оставались еще два сына (видимо, от разных жен, хотя высказывалось также предположение, что они были близнецами) — Шамаш-шум-укин и Ашшур-бан-апли (Ашшурбанапал). Ашшурбанапал был, видимо, любимцем отца и бабки — энергичной и властной Наки'и, жены Синаххериба и матери Асархаддона. Поэтому он и был назначен наследником ассирийского престола, а его

брат — вавилонским царем, однако верховная власть над обоими царствами вручалась Ашшурбанапалу. Такое решение таило в себе семена будущего конфликта между братьями, но на первое время все обошлось благополучно. Еще при жизни Асархаддона все население Ассирии было приведено к присяге на верность Ашшурбанапалу. Он смог беспрепятственно занять ассирийский престол (669—631 или 629 гг. до х.э.). Через несколько месяцев его старший брат короновался в качестве вавилонского царя.

В своих надписях Ашшурбанапал изображает себя заботливым государем, доблестным воителем, бесстрашным охотником, мудрецом, постигшим все науки, искусства и ремесла. По-видимому, этот «автопортрет» верен лишь отчасти. Из царской переписки известно, что Ашшурбанапал был слаб здоровьем или по крайней мере чрезвычайно мнителен. Вопреки утверждениям его анналов он почти никогда не принимал личного участия в военных походах. Так что, повествуя о своих физических доблестях, Ашшурбанапал скорее всего выдает желаемое за действительное. Но он в самом деле был довольно образован. В своем ниневийском дворце он собрал огромную библиотеку — более 20 тыс. превосходно выполненных клинописных табличек, своего рода энциклопедию тогдашних знаний и литературы. Этой библиотеке мы обязаны большей частью наших знаний о культуре древней Месопотамии. Ашшурбанапал все время заботился о пополнении своей библиотеки, сам отбирал для нее тексты. Не исключено даже, что некоторые компиляции составлены им самим. Он был также автором ряда стихотворных молитв и, возможно, принимал участие в составлении или редактировании анналов.

Еще до своего вступления на престол Ашшурбанапал, согласно обычаю, руководил ведомством разведки и строительными работами и приобрел значительный административный опыт. Он был также ловким дипломатом, не брезгуя для достижения политических целей любыми интригами и даже убийствами. Характеру Ашшурбанапала были присущи злобная жестокость, стремление не только победить противника, но и максимально его унизить. Наконец, Ашшурбанапал отличался редкой даже по тем временам суеверностью и жил в постоянном страхе перед происками враждебных духов или немилостью богов. Впрочем, ход событий показал, что для его опасений имелись и реальные основания. Ассирия пока благополучно преодолевала опасности, но каждый раз все с большим трудом.

Так, после нескольких лет войны, шедшей с переменным успехом, удалось усмирить Египет, вернувший было себе независимость. С главным врагом — Эламом — Ашшурбанапал попытался установить мирные отношения (возможно, лишь с целью выиграть время). Элам пренебрег этими попытками и поддержал антиассирийское восстание в Южной Месопотамии. Ассирийский поход на юг в 663 г. оказался не особенно удачным, но в том же году эламский царь и предводители восставших «внезапно» умерли. (Последние эламские цари вообще были удивительно недолговечны. Некоторые исследователи объясняют это «вырождением династии», но возможно, что причину следует искать в Ассирии...) После смерти царя в Эламе начались династические распри, и Ашшурбанапал не преминул предоставить убежище некоторым претендентам, справедливо полагая, что они пригодятся в будущем. Но в 655 г. Ассирию постиг тяжелый удар: Египет вернул себе независимость. Ашшурбанапал не решился послать против него войска — из-за угрозы со стороны Элама. В 653 г. эламский царь Те-Умман вторгся в Южную Месопотамию, был разбит, собрал новое войско и снова потерпел поражение, погибнув в этом бою вместе с сыном. Элам

был отдан под власть царевичей, нашедших в свое время приют в Ассирии.

Тем временем на нее надвинулась еще более грозная опасность — мятеж Шамаш-шум-укина, брата Ашшурбанапала и номинального царя Вавилона. Ему удалось привлечь на свою сторону Египет, сирийских и палестинских царей, шейхов арабских племен, мидян, Элам и Приморье. Всех их объединяла ненависть к Ассирии и надежда сбросить ее тяжелое ярмо. Впрочем, многие племена и города Южной Месопотамии сочли более выгодным сохранить верность Ассирии.

Военные действия начались в 652 г. Ашшурбанапал по обыкновению действовал силой и хитростью. Вавилон очутился в блокаде. Эламское войско, шедшее на помощь, было разбито по дороге; в тылу у него вспыхнули инспирированные ассирийцами мятежи и династические распри. Элам, таким образом, был нейтрализован, а Приморье подверглось жестокому разгрому. Все прочие участники коалиции, кроме арабов, не смогли оказать Вавилону существенной помощи. Вавилон после трехлетней осады и ужасающего голода пал в 648 г. Шамаш-шум-укин велел поджечь свой дворец и бросился в пламя. «Царем» Вавилона был назначен некий Кандалану — ассирийская марионетка. Затем настал черед Элама. В 647 и 646 гг. Элам подвергся нашествиям ассирийских войск.

Последним походом Ашшурбанапал руководил лично и победителем вступил в Сузы. Город был разрушен до основания. Ашшурбанапал вывез в Ниневию неисчислимые сокровища, статуи богов и даже кости эламских царей, а также огромное число пленных. Элам после этого разгрома утратил свое прежнее значение «великой державы».

Таким образом, спокойствие в империи было восстановлено, став во многих ее частях спокойствием кладбища. Но годы Ассирии были уже сочтены.

О последних годах жизни Ашшурбанапала мы почти ничего не знаем (его анналы заканчиваются 636 г.). Существует даже предположение, что около 635 г. он был отстранен или отказался от власти и остаток своих дней провел в г. Харран, в Северной Месопотамии. Ассирия оказалась ввергнутой в гражданские войны, пока наконец один из сыновей Ашшурбанапала с помощью некоего полководца не захватил власть. Осыпанный похвалами и милостями, полководец, по-видимому, вскоре сверг своего ставленника и воцарился сам. В свою очередь, он был свергнут вторым сыном Ашшурбанапала — Син-шарри-ишкуном. Точные даты всех этих событий установить пока не удается. Возможно, что они частично совпадали по времени, т.е. одновременно три или четыре царя признавались в разных частях империи.

Между тем вокруг Ассирии сгущались тучи. В 626 г. халдей Набопаласар захватил царскую власть в Вавилонии. Еще раньше к востоку от Ассирии разрозненные племена мидян объединились в Мидийское царство. Опасность с этой стороны была особенно велика: Мидия могла нанести удар в самое сердце Ассирии. Уже в 615 г. мидийцы появились у стен Ниневии. Их удалось прогнать, однако в том же году Набопаласар осадил Ашшур. Его тоже удалось отбросить, но в 614 г. в Ассирию вновь вторглись мидяне и тоже подступили к Ашшуру. Набопаласар немедленно двинул свои войска на соединение с ними. Ашшур пал до прихода вавилонян, и у его развалин цари Мидии и Вавилона заключили союз, скрепленный династическим браком. В 612 г. союзные войска осадили Ниневию и взяли ее всего через три месяца. Город был разрушен и разграблен, мидяне со своей

долей добычи ушли восвояси, а вавилоняне двинулись к Харрану, куда прорвалась часть ассирийского войска во главе с неким Ашшур-убаллитом. В Харране Ашшур-убаллит II был провозглашен «царем Ассирии» и получил помощь от Египта. Вавилоняне, со своей стороны, вновь призвали на помощь мидян. В 610 г. войско Ашшур-убаллита, усиленное египетскими подкреплениями, было разбито и отброшено на западный берег Евфрата. Харран пал, а когда в следующем году Ашшур-убаллит, получив из Египта новые подкрепления, попытался отвоевать город, он был вновь отбит вавилонским гарнизоном. В 605 г. под Каркемишем потерпели поражение главная египетская армия и остатки отрядов Ашшур-убаллита.

Так закончила свое существование первая в истории человечества «мировая» держава. При этом не произошло сколько-нибудь значительных этнических перемен: погибла лишь верхушка ассирийского общества — знать и частично горожане. Сельское население осталось на своих местах, и потомки его населяют Северный Ирак до сих пор (давно утеряв аккадский язык). Культурные, административные и военные традиции Ассирии были во многом усвоены ее преемниками.

2. СТРУКТУРА АССИРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В поздней Ассирии общинная и большесемейная собственность на землю исчезает. Возникает частное землевладение, а «большая семья» превращается в индивидуальную. Широкое распространение товарно-денежных отношений — характерная черта этого периода, определившая многие другие его особенности.

Во главе ассирийского общества стоял царь, власть которого теоретически была ограничена лишь волей богов. Однако реальное содержание этой «воли» определялось соотношением сил между различными группировками знати. Следует подчеркнуть, что ассирийский царь не был ни верховным собственником всей земли, ни верховным судьей. Царем становились не столько по праву рождения, сколько в силу «божественного избрания», т.е. решения оракула, и, следовательно, по желанию наиболее влиятельной в этот момент группировки. Царь находился как бы на вершине пирамиды, состоящей из крупных и мелких чиновников, т.е. сложного и разветвленного аппарата управления. Общинная знать к этому времени уже исчезла, и потому знать Ассирии — служилая. Цари старались не допускать возникновения чересчур могущественных родов. Для предотвращения этого на важнейшие посты назначались, как мы видели, евнухи. Кроме того, хотя крупные чиновники получали огромные земельные владения и множество подневольных людей, эти владения не составляли единого массива, а были преднамеренно разбросаны едва ли не по всей стране. Свои земли вельможа либо сдавал в аренду, либо заставлял их обрабатывать принадлежащих ему подневольных людей. Доход поступал к нему в денежной форме. Кроме того, крупным чиновникам доставались еще и выплаты из казны — за счет податей, даней и военной добычи. Наконец, некоторые из них пользовались доходами от провинций, «приписанных» к их должностям.

Что же касается мелких чиновников, то источником их существования было либо крошечное жалованье, похожее скорее на паек, либо очень маленький служебный земельный надел. Наследование чиновничьих должно-

стей происходило лишь по утверждению царем. При восшествии нового царя на престол все чиновники приносили «присягу» или «клятву», в которой центральное место отведено обязательству немедленно доносить царю о всяком заговоре, мятеже или злоупотреблении.

В Ассирийской державе значительная часть земель принадлежала царю по праву завоевания. Сельские общины превратились в чисто административные и фискальные единицы. Земли из царского фонда раздавались крупным и мелким чиновникам в условное владение или в собственность. Личное (дворцовое) хозяйство царя и членов царской семьи было не так велико, поскольку основные доходы поступали в виде налогов. Крупными землевладельцами были храмы. Однако землепользование было повсеместно только мелким. Крупные землевладельцы (царь, храмы, вельможи) располагали сотнями, тысячами, иногда многими тысячами подчиненных им мелких хозяйств. Все земли, находившиеся в собственности или в пользовании частных лиц, облагались государственными податями и поборами в пользу храмов. И те и другие были натуральными: «зерно изъятия» ($^1/_{10}$ урожая); «солома» (подать фуражом в размере $^1/_4$ сбора); «взятие крупного и мелкого скота» (по 1 голове скота с каждых 20) и др. Главный побор в пользу храмов назывался «пятиной». С владением землей были связаны также и повинности. Повинности были общие (военная и строительная) и специальные (несение какой-либо службы, за которую и выдавался надел). В ряде случаев цари предоставляли землевладельцам так называемый иммунитет, т.е. полное или частичное освобождение от податей и повинностей. Такое освобождение представляло собой уступку государством податей и повинностей в пользу землевладельца, что, естественно, увеличивало его доходы. Лица, пользовавшиеся той или иной степенью иммунитета от царских налогов и повинностей, назывались «свободными» (*заку*) или «освобожденными» (*закку*), но, по существу, это понятие могло включать и вельмож, и подневольных людей.

Основную часть непосредственных производителей в сельском хозяйстве Ассирийской державы составляли люди, насильственно угнанные из родных мест. На новых местах их сажали на земли, принадлежащие царю, храмам или частным лицам. Существовали также и другие категории подневольных людей. Все они были фактически прикреплены к земле, т.е. продавались, как правило, только вместе с землей и всей семьей, в составе целостного хозяйства. С правовой точки зрения все они считались рабами. Но вместе с тем эти люди могли иметь собственность (в том числе землю и рабов), заключать сделки от своего имени, вступать в брак, выступать в суде и т.п. С другой стороны, мелкое свободное крестьянство постепенно сливается с этими людьми в единое сословие подневольных земледельцев. Происходило это путем «приписывания» земель, заселенных свободными крестьянами, к крупным чиновникам в виде «кормления», сначала как бы во временное пользование. Постепенно, однако, эти земли (вместе с людьми) оказывались закрепленными за вельможами навечно. Свободное население в этот период сосредоточивается в городах — центрах ремесла и торговли. В Ассирии были пущены в обращение слитки серебра со специальным клеймом, удостоверяющим вес и качество серебра, — непосредственные предшественники монеты. Важнейшие города пользовались особыми привилегиями, освобождавшими их от повинностей и податей, т.е. их население входило в категорию «свободных». Города имели органы самоуправления в виде народного собрания и совета старейшин. Но вопросы о степени автономии и объеме привилегий того или иного города

нередко по-разному толковались горожанами и царской администрацией, что приводило к серьезным конфликтам и даже гражданским войнам.

3. КУЛЬТУРА АССИРИИ

О повседневной жизни ассирийцев, особенно рядовых, мы знаем довольно мало. Дома ассирийцев были одноэтажными, с двумя внутренними двориками (второй служил «семейным кладбищем»). Стены домов сооружались из сырцовых кирпичей или были глинобитными. В Ассирии климат менее жаркий, чем в Нижней Месопотамии. Поэтому одежда ассирийцев была более основательной, чем у вавилонян. Она состояла из длинной шерстяной рубахи, поверх которой в случае надобности оборачивали еще шерстяную ткань. Ткани были белыми или окрашенными в яркие цвета с помощью растительных красок. Богатые одежды изготовлялись из тонких льняных или шерстяных тканей, отделывались бахромой и вышивкой. Из Финикии доставляли шерсть, окрашенную пурпуром, но ткань из нее была баснословно дорогой. Обувью служили сандалии из кожаных ремней, а у воинов — сапоги.

Изделия ассирийских ремесленников (резная кость, каменные и металлические сосуды) нередко были весьма изысканными, но не самостоятельными по стилю: в них ощущается сильное финикийское и египетское влияние. Ведь ремесленников из этих стран массами угоняли в Ассирию. Сюда же в огромном количестве привозили и награбленные произведения искусства. Поэтому изделия местных мастерских трудно, а подчас и невозможно отличить от «импортных».

Ассирийская архитектура тоже не отличалась самобытностью. Как отмечали сами ассирийские цари, их дворцы строились «на хеттский манер», заимствованный из Сирии, но дворцы эти были грандиозных размеров. Однако главное украшение этих дворцов — многофигурные композиции с изображением мифологических, жанровых и батальных сцен, выполненные в очень низком рельефе на плитах из мраморовидного известняка и частично раскрашенные минеральными красками, — представляет собой одну из ярчайших страниц в истории мирового искусства. В стиле и технике этих рельефов можно проследить такие традиционные черты месопотамского искусства, как «мультипликационная» передача последовательных моментов той или иной сцены: на одном и том же рельефе царь изображен приближающимся к алтарю и склоненным перед ним. Местные, ассирийские традиции проявляются в очень свободном расположении фигур на плоскости, в замене изображения божества его символом. Наконец, здесь можно обнаружить и следы хурритского, сирийского, египетского, эгейского стилей. В общем же из всех этих разнородных элементов образовалось удивительно органичное и самобытное целое. Основной (почти единственный) сюжет рельефов — царь и его деятельность. Поэтому на них можно увидеть пиры и битвы, охоту и торжественные процессии, религиозные обряды, осады и штурмы крепостей, военные лагеря и войска, жестокие расправы над побежденными и принесение даней покоренными народами. Хотя все эти сцены скомпонованы из повторяющихся канонических деталей, заметить это для обычного зрителя почти невозможно: прихотливость и смелость композиции придают им бесконечное разнообразие. Варьируется и техника исполнения — от тщательной проработки деталей, изобилия по-

дробностей (прически, локоны, бороды, вышивки на одежде, украшения, сбруя лошадей и т.п.) до графической скупости, изысканной стилизации, когда дается почти один только контур (знаменитое изображение раненой львицы). Сильное, стремительное движение (скачущие лошади, бегущие звери) сочетается с тяжеловесной, подчеркнутой статуарностью царя и его спутников (величественные позы, подчеркнутая мускулатура, преувеличенные размеры фигур). Цвет в этих изображениях, как и в более редких композициях из глазурованного кирпича и в росписях, имеет чисто декоративную функцию. Поэтому на них можно увидеть синих лошадей, желтые фигуры на голубом фоне и т.п. Царей изображают и немногие дошедшие до нас образцы круглой скульптуры. Среди них особенно интересна статуэтка из янтаря и золота, изображающая Ашшур-нацир-апала II. Несмотря на миниатюрные размеры, она создает ощущение мощи и величия. Изображения ассирийских рельефов сюжетны, повествовательны, и в этом их отличие от искусства соседних народов, где преобладает декоративное начало. Но технические приемы, выработанные ассирийскими скульпторами, оказали влияние на персидскую (видимо, через мидийское посредство) и, возможно, даже на греческую скульптуру. И в наше время ассирийские рельефы, разрозненные, нередко разбитые, почти утратившие краски, производят очень сильное впечатление. Огромное количество и великолепное качество дошедших до нас рельефов позволяют заключить, что они изготовлялись в специальных мастерских с большим количеством первоклассных мастеров. То же самое можно сказать и о недавно обнаруженных в царском погребении великолепных ювелирных изделиях из золота, цветных камней и эмали. Что же касается повседневного «ширпотреба» (печати, амулеты и другие мелкие ремесленные изделия), то класс их исполнения, как правило, неизмеримо ниже.

Другим важнейшим вкладом ассирийцев в историю мировой культуры является разработка литературно-исторического жанра. Царские надписи, повествующие о событиях того или иного царствования, имели в Месопотамии многовековую традицию, но только ассирийцы превратили их в настоящую литературу. Хотя эти надписи принято называть «анналами», т.е. летописями, в действительности они ими не являются. Это литературные композиции, в которых исторические события определенным образом «аранжированы», чтобы повествование выглядело более красочным, а его главный герой — царь — более мудрым, доблестным и могучим. Поэтому «анналы» содержат нередко сильные преувеличения (числа убитых врагов, размеров добычи и т.п.) и вместе с тем о многом умалчивают (преимущественно, разумеется, о неудачах). Сюда же относятся и так называемые «письма богу Ашшуру» — своеобразные «рапорты» царя богу и жителям города Ашшура о военных походах, их причинах, течении и результатах. Эти тексты в литературном отношении еще интереснее «анналов». Так, в «Письме Саргона II богу Ашшуру» мы впервые в мировой литературе встречаем описания пейзажей. Там же встречаются цитаты из «классической» литературы, например из «Эпоса о Гильгамеше». Хотя и «анналы», и «письма», подобно рельефам, нередко компонуются из стандартных деталей (особенно в описании повторяющихся событий), их энергичный и красочный стиль, яркая, хотя подчас и грубоватая, образность делают их захватывающим чтением. Ассирийские историки всячески старались показать свою ученость: обильно цитировали старинные тексты, старались писать на «хорошем» аккадском языке, т.е. на литературном вавилонском диалекте. Особенности ассирийских анналов, конечно, сильно затрудняют

их использование в качестве исторического источника, но зато повышают их литературную ценность (хотя и историческая ценность их огромна).

Что же касается других литературных жанров, то произведения на аккадском языке с начала I тысячелетия до х.э., в отличие от II тысячелетия до х.э., почти не создаются, а только переписываются и комментируются — как в Ассирии, так и в Вавилонии. За исключением уже упоминавшихся «анналов», «писем» и хроник, известные нам новые литературные произведения этого времени немногочисленны. Но среди них есть очень интересные псалмы, гимны богам и даже лирика. Особо следует отметить рассказ о путешествии некоего царевича в Царство мертвых и о том, что он там увидел. Это — самое раннее известное нам в мировой литературе сочинение того своеобразного жанра, вершиной которого стал через два тысячелетия «Ад» Данте. Упадок аккадской поэзии, однако, сильно заметен. Видимо, это связано с быстро развивавшимся процессом вытеснения из разговорной практики аккадского языка арамейским и с появлением новой литературы на арамейском языке. Об этой литературе на ее начальной стадии мы знаем пока очень мало, так как по-арамейски писали обычно на папирусе и других недолговечных в условиях Месопотамии материалах (хотя и известны немногочисленные тексты, написанные клинописью по-арамейски). Арамейская литература, видимо, и послужила своего рода «мостом» от литератур ранней древности к более поздним. Примером здесь может служить так называемый «Роман об Ахикаре», как предполагается, ассирийского происхождения, дошедший до нас на арамейском языке (древнейший список из египетской Элефантины, V в. до х.э.). «Роман об Ахикаре» был очень популярен в древности и в средние века: известны его греческая, сирийская, эфиопская, арабская, армянская и славянская версии. На Руси он был известен под названием «Сказание об Акире Премудром». Это занимательное и одновременно назидательное повествование о мудром советнике царя Синаххериба Ахикаре и его неблагодарном приемном сыне, оклеветавшем и едва не погубившем своего благодетеля. В конце концов, однако, справедливость торжествует. Благие советы и укоризны Ахикара, адресуемые им своему воспитаннику, выражают этические взгляды, господствовавшие на Ближнем Востоке в I тысячелетии до х.э. Недавно было установлено, что Ахикар — историческое лицо. Из Египта же происходит и другой, недавно опубликованный очень интересный текст — так называемый «Роман об Ашшурбанапале и Шамаш-шум-укине», своеобразная художественная интерпретация известных исторических событий. Текст написан на арамейском языке египетским демотическим письмом (такие тексты чрезвычайно редки) и повествует о споре двух братьев за верховную власть и о безуспешных попытках их сестры помирить их. Видимо, и это произведение восходит к ассирийскому времени либо очень близко к нему. Надо надеяться, что новые находки позволят существенно расширить наши знания об арамейской литературе на раннем этапе ее существования.

Глава XV

НОВОВАВИЛОНСКАЯ ДЕРЖАВА

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

При последнем царе касситской династии, Эллиль-надин-аххе (правил прибл. до 1155 г.), Вавилония в течение трех лет вела войну в Эламом, которая окончилась ее полным поражением. Страна была завоевана чужеземцами, города ее разграблены, а Эллиль-надин-аххе вместе со знатными вавилонянами уведен в плен. Так завершилось многовековое царствование касситской династии, и наместником Вавилонии был назначен эламский ставленник.

Но довольно скоро, при Навуходоносоре I (1126—1105), наступил кратковременный расцвет Вавилонии. Около г. Дер произошла ожесточенная битва между вавилонянами и эламитами; победителями оказались вавилоняне, которые затем вторглись в Элам. Эламу был нанесен такой удар, что после этой битвы в течение трех веков (до 821 г.) он вообще не упоминается в месопотамских текстах. Освободив страну от чужеземного порабощения, Навуходоносор стал претендовать на гегемонию над всей Вавилонией. Он, а за ним и его преемники носили титул «царь Вавилонии, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света». Благодаря своей победе над эламитами Навуходоносор последующими поколениями вавилонян считался народным героем.

При Эллиль-надин-апли (1104—1101), сыне и преемнике Навуходоносора I, вавилонянам удалось сохранить свою независимость. Но когда царем стал Мардук-надин-аххе (1100—1083), ассирийская армия во главе с Тиглатпаласаром I захватила Вавилон и сожгла царский дворец. Вскоре полукочевые племена арамеев и сутиев, жившие к западу от Евфрата, начали вторгаться в Ассирию и Вавилонию, грабить и разорять месопотамские города и селения. Теперь обе эти страны перед лицом общей опасности стали союзниками и в течение целого столетия (с середины XI до середины X в.) были заняты борьбой с непрерывно вторгавшимися волнами арамейских племен, гонимых в Месопотамию голодом. Наступил упадок и Вавилонии, и Ассирии.

В последующей истории Вавилонии большую роль играли племена халдеев, которые жили в районе болот и озер вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата, между берегами Персидского залива и южными городами Двуречья. Халдеи вели полукочевой образ жизни и занимались скотоводством и земледелием. В IX в. до х.э. они прочно заняли южную часть Вавилонии и начали постепенно продвигаться на север. Халдеи стали воспринимать древнюю вавилонскую культуру и поклонялись верховному богу Вавилонии Мардуку.

В 729 г. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, и с тех пор Вавилония на целое столетие потеряла свою независимость (о Вавилонии в составе Ассирийской державы см. гл. XIV).

В 626 г. Вавилония снова была охвачена восстанием. Во главе восставших стоял халдейский вождь Набопаласар. Вначале он воздерживался от

попыток захватить большие города и смог укрепить свою власть лишь на севере Вавилонии, а центр и юг страны сохраняли верность ассирийцам. Набопаласару долго не удавалось захватить крупные вавилонские города Урук и Ниппур, где были сильны проассирийские настроения. В Ниппуре во время многомесячной осады этого города армией Набопаласара жители продавали в рабство своих детей, чтобы спасти их от голодной смерти. В 616 г. ассирийцам пришлось оставить Урук, а через год пал и Ниппур, который более десяти лет ценой больших лишений и страданий сохранял верность ассирийскому царю. Теперь почти вся территория Вавилонии была в руках Набопаласара.

Вскоре на Ассирию обрушился новый сокрушительный удар. В 615 г. мидийцы во главе со своим царем Киаксаром захватили ассирийскую провинцию Аррапха и потом двинулись по направлению к Ниневии и окружили этот город. Ниневию взять не удалось, но мидийцы осадили и захватили Ашшур, древнюю столицу Ассирии, и истребили его жителей. Затем вавилоняне и мидийцы заключили военный союз против Ассирии.

Вскоре объединенные силы мидийцев и вавилонян осадили Ниневию и через три месяца, в августе 612 г., город пал и подвергся разграблению и полному разрушению. Лишь части ассирийского войска удалось пробиться в область Харран в Верхней Месопотамии, и там оно под руководством Ашшур-убаллита II продолжало войну. Тем временем мидийцы с львиной долей добычи вернулись к себе домой, предоставив вавилонянам завершение войны с ассирийцами. Вскоре после этого (ок. 608 г.) ассирийцы прекратили сопротивление, и многовековая борьба халдейских племен за освобождение Вавилонии наконец увенчалась победой.

В результате разгрома Ассирийской державы мидийцы захватили коренную территорию Ассирии и область Харран. Вавилоняне же захватили Месопотамию и готовились установить свой контроль над всеми областями к западу от Евфрата. Но фараон Египта Нехо также претендовал на территории Сирии и Палестины. Таким образом, на всем Ближнем Востоке остались только три могущественных государства: Мидия, Вавилония и Египет.

Весной 607 г. Набопаласар передал командование вавилонской армией своему сыну Навуходоносору, взяв на себя управление внутренними делами государства. Перед Навуходоносором стояла задача захватить Сирию и Палестину. Но сначала необходимо было овладеть городом Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон, часть которого составляли греческие наемники. Весной 605 г. вавилонское войско перешло Евфрат и одновременно с юга и севера напало на Каркемиш. Еще за городскими стенами началась жестокая битва, и скоро город превратился в пылающие руины, а египетский гарнизон был уничтожен до последнего человека. После этого большая часть Сирии и Палестины, т.е. почти все области между Евфратом и Египтом, без сопротивления подчинилась вавилонянам.

Будучи в Сирии, Навуходоносор в августе 605 г. получил известие о смерти своего отца в Вавилоне и через месяц стал царем. Вскоре царь Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами египетского фараона Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил столицу Иудеи Иерусалим и 16 марта 597 г. взял его. Более 3000 иудеев было уведено в плен в Вавилонию, а царем Навуходоносор назначил Седекию.

В декабре 595 — январе 594 г. в Вавилонии происходили волнения, исходившие от армии. Руководители мятежа были казнены, и в стране вос-

становлен порядок. До нас дошел протокол судебного процесса над одним из заговорщиков, дело которого было рассмотрено военным судом под председательством самого царя. Подсудимый был обвинен в государственной измене, нарушении присяги, данной царю, и казнен, а все его имущество конфисковано.

Вскоре новый египетский фараон, Априй, решил попытаться установить свою власть в Финикии и захватил города Газа, Тир и Сидон, а также уговорил иудейского царя Седекию поднять восстание против вавилонян. Навуходоносор решительными действиями оттеснил египетское войско обратно к прежней границе и в 587 г. после долгой осады захватил Иерусалим. Тысячи жителей Иерусалима (главным образом знать и ремесленники) были уведены в плен в Вавилонию, а страна превращена в рядовую провинцию.

При Навуходоносоре Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было временем подлинного возрождения, экономического расцвета и культурного развития. Вавилон стал центром международной торговли. Много внимания уделялось искусственному орошению. В частности, около Сиппара был создан большой бассейн, откуда шло много каналов, с помощью которых регулировалось распределение воды во время засухи. В Вавилоне был выстроен новый дворец царя и сооружены знаменитые висячие сады. Кроме того, вокруг Вавилона были воздвигнуты мощные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить государство от вражеских нападений в будущем.

Однако после смерти Навуходоносора II в 562 г. в течение пяти лет на троне сменилось три царя, жречество стало активно вмешиваться в политику, устраняя неугодных царей.

В 556 г. царем стал Набонид, сын одного из вождей арамейских племен. Большое влияние на Набонида оказывала его мать Адда-гуппи, которая ранее жила в Харране и после захвата этого города мидийцами бежала со своим сыном в Вавилон.

Хотя Набонид поклонялся традиционным вавилонским богам Мардуку, Набу, Нергалу, Шамашу и т.д., постепенно он на первое место стал выдвигать культ бога Луны Сина. Бог Луны Набонида в действительности не являлся традиционным вавилонским богом Сином, а был по своей символике и формам поклонения арамейским богом. Проводя такую религиозную политику, Набонид стремился создать могущественную державу, объединив вокруг себя многочисленные арамейские племена Передней Азии, среди которых культ Сина был особенно популярен. Однако религиозные реформы Набонида привели его к конфликту со жречеством древних вавилонских храмов в Вавилоне, Борсиппе, Уруке и других городах[1].

В 553 г. началась война между Мидией и Персией. Воспользовавшись тем, что мидийский царь Астиаг отозвал из Харрана свой гарнизон, в том же году Набонид захватил этот город и распорядился о восстановлении разрушенного во время войны с ассирийцами в 609 г. храма бога Сина Эхульхуль.

Набонид завоевал также область Тейма в северной части Центральной Аравии и захватил караванный путь по пустыне через оазис Тейма в Египет. Этот путь имел большое экономическое значение для Вавилонии, поскольку к середине VI в. до х.э. Евфрат изменил свое течение, и

[1] Одной из важнейших целей Набонида была, видимо, ликвидация привилегий древних храмовых городов путем подрыва соответствующих культов. — *Примеч. ред.*

морская торговля через Персидский залив из гаваней в г. Ур стала невозможной.

Набонид перенес в Тейму свою резиденцию, поручив правление в Вавилоне своему сыну Бел-шар-уцуру (библейский Валтасар).

Пока Набонид был занят активной политикой на западе своей державы, у восточных границ Вавилонии появился могущественный и решительный противник. Персидский царь Кир II, который уже завоевал Мидию, Лидию и многие другие страны и имел огромную и хорошо вооруженную армию, готовился к походу против Вавилонии.

К 546 г. Вавилония и Египет отказались от многолетней враждебной политики по отношению друг к другу, ибо правители обеих стран хорошо осознавали необходимость подготовки к войне с Персией. Когда стало совершенно очевидным, что война уже близко, Набонид вернулся в Вавилон и приступил к организации обороны своей страны.

Однако положение Вавилонии стало безнадежно трудным. Весной 539 г. персидская армия выступила в поход, а осенью того же года вся Месопотамия была уже в руках персов.

2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И ПРАВО

К тому времени, когда образовалось Нововавилонское государство, жители крупных вавилонских городов пользовались особыми привилегиями. В частности, они были освобождены от царских строительной и военной повинностей. Для этих городов было характерно самоуправление свободных и юридически равноправных членов общества, объединенных в народное собрание при главном храме того или иного города.

Однако после образования Нововавилонского царства многовековая борьба между царской властью и народным собранием постепенно привела к поражению последнего, и в это время его юрисдикции подлежали только конфликты между отдельными гражданами и преступления местного характера. Тем не менее примечательно, что в многочисленных надписях нововавилонских царей говорится лишь о сооружении новых храмов и ремонте старых и о благочестивых дарах в различные святилища, а неоднократные успешные военные походы почти не упоминаются. Это свидетельствует о том, что правители вынуждены были больше всего считаться со жречеством и представлять его интересы.

Часть решений народного собрания касалась хищений храмового скота и другого имущества, сбора храмовой десятины и арендной платы с храмовых полей и т.д. Другие решения имели отношение к имущественным тяжбам и семейным спорам отдельных граждан. Остановимся на некоторых решениях народного собрания.

В 545 г. в Уруке одна женщина заявила в собрании, что ее муж умер, в стране царит голод и ей нечем кормить двух своих малолетних сыновей и поэтому она передает их в храм Эанна в качестве храмовых рабов. В 540 г. в Уруке некий Ибни-Иштар в присутствии нескольких лиц набросился у ворот храма Эанна на царского представителя в этом храме с кинжалом в руке. Собрание рассмотрело это дело, «связало и опечатало железный кинжал, который он извлек из-за своего пояса». В документе решение собрания не указано, поскольку в данном случае вынесение приговора находилось в юрисдикции царского суда, а собрание играло роль

лишь предварительной инстанции расследования. В том же городе Уруке царский представитель в храме Эанна заявил в собрании о недостаче 10 136 кур (ок. 1,82 млн. л) ячменя в качестве арендной платы за 553 г. Собранию предстояло установить, кто был виновен в этом недоборе.

В 591 г. «собрание старейшин» Сиппара рассмотрело дело о хищении имущества храма Эбаббарра одним лицом и вынесло решение, что, если будет доказано обвинение против него, он должен возместить ущерб, нанесенный храму, в 30-кратном размере.

Когда в 555 г. в Вавилоне возникла тяжба относительно наследования тремя братьями поля, являвшегося приданым их матери, решение было вынесено «старейшинами города». Подобным же образом в 590 г. «старейшины Ниппура» занимались рассмотрением тяжбы двух лиц из-за рабыни.

Таким образом, собрание функционировало как орган местного самоуправления и суда. Часто его заседания возглавлял наместник соответствующего города или управляющий храмом.

Членами народного собрания являлись граждане, которые были свободными и в юридическом отношении считались равноправными между собой. Но они заметно отличались друг от друга по своему экономическому и общественному положению. Среди них были наместники городов, судьи, высокопоставленные государственные и храмовые чиновники, купцы, дельцы, писцы, чиновники низших рангов, пастухи, арендаторы полей, ремесленники, включая беднейшие слои свободного населения. Статус граждан был наследственным и переходил от отца к сыновьям. Естественно, в работе собрания активную роль могли играть в основном лишь состоятельные люди.

Нередко вместо всех граждан для решения тех или иных дел собирались лишь старейшины, т.е. наиболее влиятельная часть граждан. В ряде случаев они выносили свои решения совместно с высшими храмовыми чиновниками и наместниками городов. Иногда в присутствии старейшин составлялись документы, содержащие распоряжения высокопоставленных государственных чиновников. Кроме того, старейшины представляли граждан своего города перед царем.

Граждане принимали участие в культе при местном храме, а также в храмовых праздниках и трапезах и имели право на получение определенной доли из храмовых доходов. Все эти люди жили в городах и владели землей в городе или прилегающей к нему сельской округе, на территорию которой распространялась власть народного собрания.

В рассматриваемое время население Вавилонии в этническом отношении было довольно пестрым. Страна была наводнена халдейскими и арамейскими племенами, жившими бок о бок со старым местным населением. Кроме того, в Вавилонии жило много чужеземцев. Часто чужеземцы размещались значительными группами в определенных районах. Например, в окрестностях Ниппура и в самом городе каждой этнической группе была выделена особая территория. Среди чужеземцев были также царские наемники, добровольные эмигранты и лица, по различным причинам постоянно или временно жившие в Вавилонии (купцы, политические беженцы, сезонные наемные работники из Элама и т.д.). Так, в вавилонских текстах упоминается много чужеземцев, живших при дворе Навуходоносора II. Среди них были эламиты, персы, киликийцы, иудеи, различные выходцы из Малой Азии («ионийцы»), «беглецы из Мидии» и др.

Особенно много было в стране лиц египетского происхождения. Значительное их число упоминается в качестве контрагентов и свидетелей при заключении различных сделок, составленных в Вавилоне, Уре, Уруке, Сиппаре, Борсиппе и других городах. Таким образом, египтяне были разбросаны по всей стране. Большинство египетских поселенцев в результате смешанных браков, а также стремясь приспособиться к окружающей их этнической среде, постепенно стали давать своим детям вавилонские имена и ассимилироваться местным населением.

Из частноправовых документов видно, что представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения и заключали смешанные браки. Необходимо иметь в виду, что в древности не было конфликтов на этнической почве, расовой неприязни и чувства превосходства одного народа над другим и никто не был заинтересован в том, чтобы навязать другим народам свой язык и культуру. Поэтому со стороны местного населения не было пренебрежения к верованиям чужеземцев. Последние, в свою очередь, поклонялись не только своим богам, но и богам того народа, среди которого они жили, ибо верили в силу этих богов. Чужеземцы включались в экономическую и общественную жизнь страны, становились собственниками домов, земельных владений, а часть их служила и в административном аппарате. Они постепенно ассимилировались местным населением и говорили на аккадском и арамейском языках, поскольку последний быстро распространился в качестве разговорного языка в Месопотамии, и, в свою очередь, оказывали определенное культурное влияние на вавилонян.

Однако чужеземцы были лишены гражданских прав, поскольку они не владели землей в пределах городского общинного фонда, и поэтому не могли стать членами народного собрания. Но в тех случаях, когда они размещались компактно в определенных районах, такие люди могли создать собственную организацию местного самоуправления.

Наконец, кроме граждан и свободных без гражданских прав существовали различные группы зависимого населения, особую прослойку которого составляли рабы. Естественно, все эти люди не имели никаких гражданских прав.

Кроме народного собрания судебная власть принадлежала также царским судьям. Царский суд обычно представлял собой коллегию из пятишести профессиональных судей. Иногда состав суда был смешанным, и в него входили царские судьи и старейшины из числа граждан. В Сиппаре представителем царского суда был верховный жрец храма Эбаббарра, обладавший широкими юридическими полномочиями.

В решении важных дел народное собрание подчинялось царским судьям, получало от них различные предписания и обязано было снабжать последних необходимой информацией. Царские суды выносили решения по наиболее важным делам. В частности, их ведению подлежали дела об убийстве, не говоря уже о заговорах и мятежах.

Высшей судебной инстанцией считался царь. Но он не имел абсолютной власти и не мог произвольно захватить имущество своих подданных или лишить их жизни. Индивидуум в частной жизни был предоставлен самому себе, и центральная власть не вмешивалась в его семейную жизнь. Он мог свободно передвигаться в пределах государства, совершая деловые и торговые поездки, а также ездить на заработки.

Семья в основном оставалась моногамной, и мужчина, который брал вторую жену, обычно должен был уплатить довольно высокий штраф в пользу первой, если только она не была бездетной.

Женщина пользовалась сравнительно большой независимостью, могла иметь свое имущество, распоряжаться им свободно (дарить, продавать, обменивать, отдавать в аренду и т.д.).

Нововавилонское право, по-видимому, требовало письменной фиксации заключаемых сделок, кроме продажи скоропортящихся продуктов. Контракты составлялись профессиональными писцами в присутствии свидетелей (обычно от трех до десяти и более человек) в двух экземплярах по определенным формулярам, и каждая из сторон получала по одному экземпляру.

Начиная с нововавилонского времени в документах подчеркивается, что контрагенты вступают в сделку добровольно. В контракте указываются условия сделки, место и дата, где и когда документ был составлен, и определяется наказание (обычно штраф) за нарушение условий сделки. К документам прилагаются печати свидетелей и контрагентов (последние обычно оставляют оттиски своих ногтей).

В рассматриваемую эпоху объектами заклада служили поля, дома, рабы, дети свободных, скот, деньги и прочее движимое имущество. Существовало два вида залога. Либо то или иное имущество объявлялось залогом в обеспечение ссуды, либо залог поступал в *антихрезу*, т.е. кредитор получал право пользоваться залогом для извлечения доходов. Второй вид залога был более распространен.

Очень часто рабов и дома (реже поля и другое имущество) отдавали в антихрезу за долги. В таких случаях доходы с заложенного имущества или доходы с труда рабов или других лиц, отданных в заклад, шли на покрытие процентов по ссуде. В документах отмечается, что кредитор не будет платить наемной платы за труд рабов или членов семьи должника (а также арендной платы за дома и т.д.), а должник освобождается от уплаты процентов, пока кредитор распоряжается отданным в антихрезу заложником или недвижимым имуществом. Должник мог взять обратно своего раба, члена семьи или же другое отданное в антихрезу имущество только после того, как кредитору полностью возмещалась сумма ссуды. Если же заложник бежал, болел или по какой-нибудь другой причине не выполнял порученную ему работу, то должник обязан был возместить кредитору эквивалент трудовой повинности отданного в антихрезу лица за каждый день, пока последний уклонялся от работы, — обычно в размере 6 литров ячменя, что в денежном выражении составляло 12 сиклей серебра в год. Кроме того, как правило, должник кормил и одевал отданного в антихрезу работника, пока последний находился у кредитора.

Обычно при антихрезе не указывается срок погашения ссуды, и нередко заложники работали на кредитора по нескольку лет, пока должник не расплатится полностью. При выдаче же ссуды под залог имущества, но без права пользования им всегда указывается срок погашения долга. Если к оговоренному сроку должник не рассчитывался с кредитором, а последний не давал ему отсрочки, то заложенные рабы или другое имущество переходили в собственность заимодавца. Но когда стоимость заложенного имущества превышала сумму ссуды, то по решению суда кредитор получал только часть залога. И наоборот, если залог был оценен на меньшую, чем ссуда, сумму, должник обязан был полностью рассчитаться.

В нововавилонское время, как и в старовавилонское, денежную ссуду обычно давали под 20% годовых (т.е. 1 сикль серебра на 1 мину в месяц), хотя теперь закон и не регулировал величину процента. Ссуда

выдавалась в большинстве случаев деньгами, реже — зерном или финиками.

К нововавилонскому времени долговое рабство претерпело значительные изменения. Кредитор мог арестовать несостоятельного должника и заключить его в долговую тюрьму. Однако кредитор не мог продать должника в рабство, и последний погашал ссуду бесплатной работой на своего заимодавца. В отличие от более ранних периодов муж не мог отдавать жену в долговой залог. Но свободные имели право отдавать в залог своих детей, а в случае неплатежеспособности должника их можно было обратить в рабов. При этом ограничение долгового рабства определенным сроком, установленное Законами Хаммурапи, в I тысячелетии до х.э. уже не являлось действительным. Это можно объяснить тем, что в этот период ввиду сравнительно высокого жизненного уровня уже не было угрозы массового закабаления свободных.

Практика самозаклада и самопродажи в рассматриваемое время совершенно исчезла. К продаже своих детей свободные прибегали чрезвычайно редко, лишь в случаях катастрофического голода, опустошительных войн и длительных осад. Например, в 626 г., когда войско вавилонского царя Набопаласара осаждало Ниппур, сохранявший верность ассирийцам, и когда ячмень стоил приблизительно в тридцать раз дороже обычного, некоторые люди продавали своих детей ростовщикам. В контрактах отмечается, что дети были проданы с целью спасти их от голодной смерти.

В нововавилонское время продолжали переписывать и изучать Законы Хаммурапи, о чем свидетельствуют их многочисленные копии, составленные в I тысячелетии до х.э. По крайней мере одна из статей этих законов, предписывающая тридцатикратное возмещение украденного храмового и дворцового имущества, продолжала действовать и в это время.

Сохранились три столбца законов, которые по письму, грамматическим формам, лексике и реалиям относятся к нововавилонскому времени. В дошедшем до нас тексте начало и конец разрушены. В сохранившихся статьях речь идет главным образом о брачном и имущественном праве. В этих законах, в частности, говорится, что если кто-нибудь соорудит цистерну для хранения воды, но не укрепит хорошо ее стены и вода затопит вследствие этого поле соседа, то виновный должен отдать пострадавшему столько урожая, сколько будет получено на соседних полях.

Согласно другой статье, если кто-нибудь продаст рабыню, а она окажется чужой и ее законный хозяин возьмет ее себе, то продавец обязан вернуть покупателю ее цену и $^1/_2$ сикля серебра за ребенка, которого она тем временем родила, чтобы возместить владельцу ущерб за ее временную нетрудоспособность.

Если мужчина женился второй раз и имеет сыновей от обеих жен, после смерти отца сыновья его первой жены должны получить $^2/_3$ и сыновья второй жены — $^1/_3$ имущества покойного. Если отец выделил приданое для дочери, а она умерла бездетной, это имущество должно быть возвращено в дом ее отца. После смерти мужа его вдова, если у нее не было детей, должна получить свое приданое и подарок мужа. Если вдова, которая имеет детей, решает снова выйти замуж, она может взять с собой свое приданое и подарок, который дал ей первый муж при вступлении в брак. Если она родит детей от нового брака, то ее приданое должно быть разделено между сыновьями от обоих браков поровну, в то время как подарки, сделанные ей обоими мужьями, необходимо отдать соответственно их детям.

3. ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ХРАМОВ

В нововавилонское время царское хозяйство не имело большого удельного веса в экономике страны и ведущая роль принадлежала храмовым и частновладельческим хозяйствам. Однако, по-видимому, не существовало четкого разграничения государственной и дворцовой собственности. Поэтому все государственные доходы, так же как и доходы с царских владений в узком смысле, считались царской собственностью. В фактической собственности царя находился лишь сравнительно незначительный земельный фонд, управление которым было основано на принципах частновладельческого хозяйства. Царское имущество упоминается в документах довольно редко. Например, согласно контракту времени Навуходоносора II, царское поле было сдано в аренду «навечно» для насаждения финиковых пальм Шуле, главе делового дома Эгиби в Вавилоне.

Мы не располагаем никакими сведениями о ремесленных мастерских, принадлежавших халдейским царям. В текстах неоднократно упоминаются плотники, каменщики, рыбаки и пастухи царя, которые, по всей вероятности, были свободными и работали на дворец за плату постоянно.

Что же касается сооружения и ремонта каналов, дворцов и храмов, строительства дорог и т.д., эти работы в основном выполнялись свободными как общинные и государственные повинности.

Наиболее существенную часть государственных доходов составляли налоги, характер и размеры которых, однако, нам совершенно неизвестны. По-видимому, все свободные должны были отдавать десятую часть своих доходов в качестве государственных податей. Обычно эти налоги уплачивались натурой (скотом, зерном, шерстью и т.д.), но официальные эксперты устанавливали их стоимость в серебре. Кроме того, некоторые группы населения (например, купцы, занимавшиеся международной торговлей) уплачивали свои налоги серебром. Помимо налогов царь получал также различные пошлины (портовые, пошлины за прохождение через городские ворота, за проход судов и лодок по каналам, за пользование некоторыми мостами и т.д.) серебром или натурой.

За счет этих налогов царь содержал государственный аппарат и армию. Страна была разделена на административные округа во главе с наместниками. Во главе городов также находились особые наместники. Были также надзиратели над царскими каналами и причалами и другие мелкие чиновники.

Естественно, государственный аппарат, разветвленный на территории огромной державы, не мог функционировать без большого числа писцов. По-видимому, уже в это время государственная канцелярия по крайней мере частично вела делопроизводство на арамейском языке, и именно в этом следует искать причину того, что архивы нововавилонских царей не сохранились, поскольку документы писали на коже и папирусе, которые в условиях месопотамского климата легко разрушались. Но большую роль в аппарате управления продолжали играть и клинописные писцы, а также переводчики, поскольку на строительных работах и в армии использовались, в частности, ремесленники и воины из чужеземных стран. Все чиновники государственного аппарата получали от царя жалованье натурой, а самые высокопоставленные из них частично также и серебром.

Особой опорой царской власти была армия, о принципах комплектования которой, однако, мы почти ничего не знаем. Кроме вавилонян в ней

служили и чужеземные наемники. Например, в войске Навуходоносора II находился брат греческого поэта Алкея Антименид. Воины были вооружены копьями, железными кинжалами, щитами, луками и стрелами. Как видно из документов времени Навуходоносора II и Набонида, скифское стрелковое дело оказало значительное влияние на вооружение вавилонских воинов, которые предпочитали скифские луки и стрелы аккадским из-за их высоких баллистических качеств.

Между дворцом и храмом существовали тесные связи. Храмы владели обширными землями, большим числом рабов и скота, а также занимались ростовщическими операциями и торговлей. Например, храм Эанна в Уруке имел около 5—7 тыс. голов крупного рогатого скота и 100—150 тыс. овец. По свидетельству одного только документа, этот храм получил в течение года более 5000 кг шерсти со своих овец.

Крупным источником храмовых доходов была десятина. Ею облагались все представители свободного населения: земледельцы, пастухи, садовники, ремесленники, жрецы и чиновники всех рангов, включая наместников. Десятину платил также царь. Каждый платил ее тому храму, близ которого он имел землю и другие источники доходов. Ее платили с садов и полей, с приплода скота, с овечьей шерсти и т.д. В большинстве случаев ее вносили ячменем и финиками, но нередко также серебром, сезамом, шерстью, одеждой, скотом, рыбой, ремесленными изделиями. Царь вносил десятину частично и золотом. Десятина составляла приблизительно десятую часть доходов налогоплательщиков, если не считать царскую десятину, которая была гораздо меньше соответствующей части доходов правителей страны. Сбором десятины занимались специальные чиновники. Для ее уплаты приходилось закладывать поля и дома, обращаясь к услугам кредиторов. Не имея возможности уплатить десятину, некоторые люди вынуждены были отдавать в храм своих детей в качестве рабов.

При Набониде влияние государства на храм усиливается. В частности, в 553 г. Набонид установил в храме Эанна должность царского представителя. Это был независимый от храма чиновник, и одна из его главных задач заключалась в передаче дворцу части храмовых доходов. Кроме того, храмы должны были выполнять государственные повинности, посылая своих рабов (земледельцев, пастухов, садовников, плотников и др.) для работы в дворцовом хозяйстве.

Царь и его чиновники стали активно вмешиваться в храмовые дела, устанавливая рационы для храмовых рабов, размеры храмовой пребенды для различных групп населения, ставки арендной платы с храмовых полей и т.д.

4. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Вся обрабатываемая земля была точно измерена, и значительная часть ее принадлежала храмам, членам царской семьи, крупным деловым домам, чиновникам царской и храмовой администрации. Мелкие земледельцы (особенно в больших городах) владели небольшими участками земли — от $^1/_2$ до нескольких гектаров. Земля стоила дорого, и поэтому выгоднее было использовать ее для садоводства (главным образом под финиковые рощи).

Наиболее распространенной зерновой культурой был ячмень, но кроме

него сеяли также полбу, пшеницу, сезам, горох, лен и т.д. Плотность посева ячменя равнялась в среднем 112,5 литра, или 67,5 кг, на 1 гектар. Урожай ячменя колебался от 785,5 до 3375 литров с гектара, но в среднем был равен 1575 литрам. Наряду с ячменем главным продуктом питания были финики. Средняя урожайность с 1 гектара сада составляла около 8000 литров фиников. Молодые пальмы начинали плодоносить на шестой год после посадки.

Осадков выпадало мало. Поэтому в экономике страны большую роль продолжало играть искусственное орошение: сооружались новые каналы, старые содержались в образцовом порядке. Эти каналы принадлежали государству, храмам, а в некоторых случаях и частным лицам, но за особую плату водой из таких каналов могли пользоваться все земледельцы и арендаторы. Благодаря отложениям от искусственного орошения не было также надобности регулярно удобрять землю.

Мелкие землевладельцы обрабатывали свои поля сами вместе с членами семей, а иногда и с помощью наемников, которые обычно нанимались на время уборки урожая.

Крупные землевладельцы сдавали землю в аренду. Арендная плата была двух видов: размер ее либо устанавливался заранее, уже при заключении контракта, и зависел от плодородия земли, а плата вносилась натурой или — гораздо реже — деньгами, либо же владелец земли получал $^1/_3$ урожая, а арендатор — $^2/_3$. Контракт обычно заключался на один год, а если земля была пришедшей в негодность, — на три года. С такой земли в первый год арендатор ничего не платил владельцу, в следующий год — только часть обычной платы, а в третий год — нормальную для данной области долю урожая. Нередко землю отдавали в аренду большими массивами крупным арендаторам, которые, в свою очередь, распределяли ее мелкими участками между субарендаторами. Иногда два или несколько человек брали землю в аренду совместно.

Наряду с сельским хозяйством наиболее важной отраслью производства было ремесло. В нововавилонских текстах упоминаются ткачи, кузнецы, ювелиры, строители домов, медники, плотники, прачечники, пекари, пивовары и другие ремесленники. Обычно ремесло наследовалось в семье от отца к сыну. Однако не существовало никаких законов, требовавших наследования какой-либо профессии. Это скорее была традиция, которую в рассматриваемый период стали нередко нарушать.

Некоторые люди отдавали своих рабов для обучения ремеслам, так как квалифицированный ремесленник давал своему хозяину гораздо больше дохода, чем простой раб. Сохранились контракты об обучении рабов обработке кожи, сапожному делу, ткачеству, красильному и столярному делу, домостроительству и т.д. Во всех этих случаях речь идет о рабах-мужчинах, отданных в обучение. Нередко мастера также были рабами. Обучение в зависимости от сложности ремесла продолжалось от 15 месяцев до 6—8 лет, и в течение всего этого времени ученик находился у мастера. Хозяин должен был содержать своего раба, выдавая для него около 1 литра ячменя в день и снабжая его одеждой, пока он находился у мастера. Последнему платой служил труд раба, и, кроме того, после успешного завершения обучения он получал от рабовладельца также подарок. Однако если мастер не выполнит своего обязательства и не научит ученика ремеслу в полной мере, он должен был возместить хозяину раба стоимость трудовой повинности последнего за все время обучения, обычно около 6 литров ячменя за один день, что в год составляло в денежном исчислении 12 сиклей

серебра. Нарушитель контракта должен был платить штраф обычно в размере 20—30 сиклей серебра.

После завершения обучения раб работал у своего хозяина или оставался у мастера, который выдавал за него наемную плату. Иногда такой раб открывал и собственную мастерскую, уплачивая хозяину оброк.

Труд рабов использовался главным образом для выполнения тех видов работы, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора, т.е. там, где их можно было использовать в течение круглого года, а не сезонно. Поэтому наиболее сложные процессы производства выполнялись свободными. Например, документы не содержат почти никаких данных о применении труда частновладельческих рабов в сельском хозяйстве, за исключением тех случаев, когда рабы выступают в качестве арендаторов. Крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов, сдавая им землю по частям небольшими парцеллами, так как применение рабского труда требовало постоянного надзора и соответственно вызывало большие расходы. Поэтому в Вавилонии не было настоящих латифундий, кроме храмовых, и наличие крупного землевладения сочеталось с мелким землепользованием. В тех случаях, когда крупные землевладельцы прибегали к помощи своих рабов, они либо выделяли землю для самостоятельного ведения хозяйства на правах пекулия, либо же еще чаще сдавали ее им в аренду.

Правда, на храмовых полях трудилось сравнительно большое число рабов. Но этих рабов было явно недостаточно для ведения хозяйства, поэтому они могли обработать лишь часть храмовых земель. К тому же храмовые рабы причиняли много хлопот своими частыми побегами и нежеланием работать. Например, в храмовых хозяйствах рабы, в частности, пасли скот. Однако эти пастухи совершали побеги, угоняя при этом с собой овец. Поэтому храмовое правление стремилось главным образом прибегать к услугам пастухов, принадлежавших к сословию свободных. Преимущество такого ведения хозяйства заключалось в том, что при расхищении, падеже скота и других видах недостачи пастухи обязаны были возместить храму ущерб из своего имущества.

Поэтому, хотя храмы и некоторые крупные деловые дома владели десятками, а иногда и сотнями рабов, а состоятельные граждане имели от трех до пяти рабов, в целом рабов по отношению к общему числу свободных было в несколько раз меньше.

В это время в Вавилонии было сравнительно много рабов, которые жили семьями и владели значительным имуществом. Этим имуществом рабы могли распоряжаться довольно свободно, т.е. закладывать, сдавать в аренду и продавать. Такие рабы даже могли купить для работы в своих хозяйствах других рабов, а также нанимать рабов и свободных. Тем не менее богатые рабы не могли выкупиться на свободу, так как право отпуска раба на свободу во всех случаях принадлежало исключительно хозяину. И чем богаче был раб, тем более невыгодно было хозяину отпускать его на свободу.

Хотя с юридической точки зрения разрешался отпуск рабов на свободу, данные о манумиссиях крайне немногочисленны. Отпуск рабов на свободу ограничивался теми случаями, когда рабовладелец в преклонном возрасте, не имея детей или не желая попасть в зависимость от них, стремился заинтересовать раба перспективой свободы в будущем и заручиться его верной службой до конца своих дней. В таких случаях отпущенный на свободу раб обязан был снабжать своего бывшего господина пищей и одеждой и лишь

после его смерти приобретал полную независимость. Что же касается храмовых рабов, то для них был закрыт всякий путь к получению свободы.

Как выше отмечалось, в нововавилонское время долговое рабство не имело большого значения. И чем менее развито долговое рабство, тем большую роль играет свободный наемный труд в общей структуре экономики.

Величина поденной наемной платы свободных людей составляла в пересчете на год от 3 до 12 сиклей серебра, а в некоторых случаях доходила до 30 сиклей и более, но в среднем составляла 12 сиклей[2]. Особенно высокую плату получали корабельщики и люди, занятые на земляных работах. Так, большое количество текстов свидетельствует о выдаче денежной платы наемникам, которые копали или очищали оросительные каналы, принадлежавшие храмам. В ряде документов говорится о выдаче денег и продовольствия наемникам, которые были заняты в хозяйстве храма Эанна изготовлением, обжигом, хранением и доставкой к месту строительства кирпичей. Кроме того, в Эанне в качестве наемников работали корабельные плотники и корабельщики. Другие наемники были заняты волочением лодок, охраной храмовых владений и т.д.

Храмовой администрации приходилось также прибегать к услугам наемников для обработки земли и уборки урожая, привлекая их даже из соседней страны Элам. И частные лица вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию труда свободных наемников. При этом иногда нелегко было найти необходимое число работников, и в таких случаях приходилось нанимать их по чрезвычайно высоким ставкам. В этом отношении характерны письма храмовых чиновников своим начальникам, в которых они, во-первых, просят прислать деньги для уплаты наемникам, ибо иначе они бросят работу; во-вторых, отправители писем просят прислать кандалы для храмовых рабов, которые совершают побеги. Наемники были заинтересованы в работе, когда они своевременно получали плату, а рабы (особенно когда они были заняты на тяжелых видах работ, например на возведении оросительных сооружений) делали все возможное, чтобы уклониться от труда.

Нередко встречались партии наемных работников численностью до нескольких сот человек. Они отказывались работать в знак протеста против несвоевременной оплаты их труда, перебоев в снабжении пищей и не соглашались работать за низкую плату. Из переписки храмовых чиновников видно, что храмовая администрация понимала необходимость удовлетворить требования наемных работников, так как в случае отказа последних от работы их невозможно было заменить храмовыми рабами.

5. ТОРГОВЛЯ

При халдейских царях Вавилония переживала экономический расцвет. Внутри страны велась оживленная торговля между различными городами, которая осуществлялась главным образом по рекам на лодках.

Велико было значение во внутренней и внешней торговле могущественных деловых домов. Наиболее древним из них был дом Эгиби,

[2] Необходимо учитывать, что реальная заработная плата за год была намного меньше, ибо наемный работник был занят по найму лишь часть (обычно небольшую) года. — *Примеч. ред.*

который функционировал еще с конца VIII в. и продолжал свою деятельность до начала V в. до х.э., продавая, покупая поля, дома, рабов и т.д. Эгиби занимались также банковскими операциями, выступая заимодавцами, принимая на хранение вклады, давая и получая векселя, уплачивая долги своих клиентов, финансируя и основывая коммерческие предприятия.

О значительной специализации торговли свидетельствует тот факт, что в текстах упоминаются не только просто тамкары (купцы), но и тамкары царя и наместников, а также тамкары, занимавшиеся куплей-продажей скота и фиников. Часто к услугам тамкаров прибегали и храмы. Царские тамкары занимались продажей товаров, принадлежавших царю, и ростовщичеством в интересах царя. Примечательно, что «главным тамкаром» при дворе Навуходоносора II был Хануну, который, судя по его имени, являлся финикийцем.

Однако в нововавилонское время торговлей могли заниматься не только профессиональные купцы и их агенты, но также и любые частные лица. Кроме того, в текстах неоднократно упоминаются городские уличные торговцы солью, импортным вином, пивом, кондитерскими изделиями, посудой и т.д. Эти лица занимались розничной торговлей на улицах и разносили свои товары по домам состоятельных людей. Что же касается регулярно функционировавших городских рынков, то о них мы не располагаем пока сколько-нибудь определенной информацией[3].

Часть профессиональных купцов специализировалась на международной торговле. Вавилония продолжала играть роль посредствующего звена в торговле между финикийско-палестинским миром и странами к югу и востоку от Месопотамии. Особенно оживленной стала торговля с Египтом, Эламом, Сирией и Малой Азией. Из Египта в Вавилонию доставляли в большом количестве квасцы, которые употреблялись для отбелки шерсти и одежды и для медицинских целей, а также льняное полотно, пользовавшееся большим спросом из-за его высоких качеств. Из Сирии привозили мед, благовония, пурпурную шерсть, строительный лес, олово, которые приобретались там у купцов, занимавшихся международной торговлей. Эти товары доставлялись до Евфрата, затем их везли на лодках в Вавилон, крупнейший центр тогдашней международной торговли, откуда они распределялись по различным городам страны. Импортом таких товаров занимались коммерческие товарищества, специально созданные для финансирования торговли. При этом каждый из пайщиков получал свою долю товаров для последующей реализации. В Сирии приобретались также некоторые красители для ткацких изделий, производство которых в это время процветало в вавилонских городах, ставших крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды. Эту одежду вывозили в соседние страны, в частности в Элам. Кроме того, из Вавилонии вывозили зерно и другие продукты земледелия.

О торговле с греками свидетельствуют многочисленные эллинские (почти все они афинские) керамические изделия VI в., найденные в Вавилоне. В страну в большом количестве ввозили железо с греческого побережья Малой Азии и медь с Кипра. Сохранились документы, датированные 551—550 гг., в которых фиксируется доставка нескольких сотен килограммов железа и меди из Явана («Иония», т.е. западное побережье Малой

[3] Существование таких рынков на древнем Востоке некоторыми учеными вообще отрицается. — *Примеч. ред.*

Азии). В этих же текстах говорится о ввозе из Сирии и Ливана различных импортных красителей, пурпурной шерсти, специй, меда, белого вина, египетских квасцов. Железо привозили также и из Киликии. Так, в одном хозяйственном документе времени Набонида говорится о приобретении там более 900 кг этого металла. В тексте, относящемся к 601 г., отмечается выдача ткачам немногим более 2 кг «ионийской» пурпурной шерсти для изготовления одежды на статуи богинь храма Эанна.

Цены на основные предметы потребления находились на следующем уровне: 1 кур (ок. 180 л) ячменя или фиников стоил 1 сикль (8,42 г) серебра, 1 кур сезамного зерна — 10 сиклей, 4 литра меда — 1 сикль, 1 талант (30 кг) соли — 1 сикль, 1 мина (505 г) шерсти — $^1/_2$ сикля. Однако такое же количество импортной пурпурной шерсти стоило около 15 сиклей. Вол и корова стоили около 30 сиклей, а овца — 2 сикля. Кувшин ячменного или финикового пива стоил менее 1 сикля, а виноградного вина, которое обычно было импортным, — до 8 сиклей. Лодка стоила 1 мину и больше, дом — от 2 до 5 мин. Средняя арендная плата за дом в течение года составляла 12 сиклей. Обожженные кирпичи стоили от 50 до 100 штук за 1 сикль. За такую же сумму серебра можно было купить 25 кг асфальта, которым пользовались как строительным раствором.

Металл, хотя и был исключительно импортным, ценился сравнительно дешево. Так, 303 кг меди из «Ионии» было продано в Уруке за 3 мины 20 сиклей серебра, 18,5 кг олова — за 55,5 сикля, около 65,5 кг железа из Ливана — за 42 $^2/_3$ сикля. За 217,5 кг египетских квасцов было уплачено 1 мина 17 $^2/_3$ сикля, за 28 кг ляпис-лазури — 36 $^2/_3$ сикля серебра.

Во внутренней торговле уплата производилась слитками серебра в виде брусочков, стержней, кружочков, звездочек и т.д. Чеканная монета в стране не употреблялась, а когда она попадала в обращение из внешнего мира, ее принимали по весу как нечеканенный металл. Существовала разработанная техническая терминология для определения чистоты серебра, ходившего по рукам, чтобы оградить торговцев и покупателей от обмана. Слитки серебра содержали различные доли примеси (чаще всего $^1/_8$, реже $^1/_5$, $^1/_{10}$, $^1/_{12}$ и т.д.) и сопровождались штампами с указанием пробы.

Золото было товаром и не употреблялось в качестве денег. Соотношение золота к серебру было приблизительно 1 к 13 $^1/_3$.

Глава XVI

СТРАНЫ ИРАНСКОГО НАГОРЬЯ И ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э. МИДИЙСКОЕ ЦАРСТВО. АВЕСТА. ЗОРОАСТРИЗМ

1. ОБЛАСТИ ИРАНСКОГО ПЛАТО К НАЧАЛУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. МЕСТО ИРАНА В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА. «ИРАН» И «ИРАНЦЫ»

Рассматриваемая эпоха — между концом II и серединой I тысячелетия до х.э. — была временем возникновения первых государственных образований в ряде областей Ирана и примыкающих к нему на востоке территорий. С этого же времени появляются данные об этих областях в дошедших письменных источниках, в том числе в Авесте — своде священных книг зороастрийской религии. Этот памятник древнеиранской словесности складывался и оформлялся в течение многих столетий; время сложения различных разделов Авесты определенно не установлено, но основные древние ее части (сохранявшиеся первоначально в устной передаче) относятся примерно к первым векам — середине I тысячелетия до х.э.; в них отражены процессы перехода к классовому обществу на востоке Иранского нагорья и в соседних районах Средней Азии; однако определенно датированные сведения источников об этих территориях появляются лишь с 40—30-х годов VI в., когда они вошли в державу Ахеменидов.

О характере исторических процессов на обширных территориях Иранского плато до конца II тысячелетия до х.э. можно судить в основном лишь по археологическим данным. Исключение составляет Элам, к началу I тысячелетия до х.э. насчитывавший уже около двух тысячелетий письменной истории. Занимавший области на юго-западе современного Ирана, преимущественно низменные районы по соседству с Южной Месопотамией, Элам по географическим условиям и характеру экономики значительно отличался от остальной части Ирана и имел много общего с Двуречьем.

Как показывают материалы археологии, Иран принадлежал к числу стран, где возникли и распространялись древнейшие земледельческие культуры (см. гл. I).

Сложение классового общества и возникновение первых государств в странах Иранского нагорья в основном происходили на новом этапе развития производительных сил, примерно совпадающем с наступлением железного века (на западе Ирана с последних веков — конца II тысячелетия до х.э., на востоке, видимо, несколько позже; по разработанной археологами для Западного Ирана хронологии к раннему этапу железного века — ЖВ-I — относятся памятники последней трети II тысячелетия, но железные орудия и вооружение встречаются тогда еще очень редко; они стали широко применяться с эпохи ЖВ-II (между XI/X — началом VIII в. до х.э.).

С конца II — первых веков I тысячелетия до х.э. наблюдается постоянный в целом, при сравнении сменявших друг друга основных историко-

культурных эпох (от предахеменидской до сасанидской), рост обрабатываемых площадей и числа земледельческих поселений. Они достигают максимума, судя по археологическим обследованиям некоторых западноиранских областей, к концу эпохи древности — началу средневековья, в парфянский и особенно в сасанидский период. Это касается и тех горных районов Загроса, включая Луристан, где позже на много веков стали целиком преобладать номады и их племенные объединения; и в других областях страны роль кочевого элемента сильно возросла после арабских завоеваний в VII—VIII вв. и вторжений тюркских племен с X—XI вв. Но в целом на территориях Иранского нагорья и юга Средней Азии ирригационное строительство и площади искусственно орошаемых и иных обрабатываемых земель продолжали расширяться и в раннем средневековье вплоть до XI—XIII вв. (затем, как и в ряде других областей экономики и культуры Ирана, сказались катастрофические последствия монгольского нашествия и повторявшихся длительных периодов разрушительных походов, вторжений и хозяйственного упадка; и много позже, уже в новое время, а в ряде районов и до новейшего времени площадь орошенных земель была меньше, чем к XIII в. или даже в поздней древности).

С упомянутыми достижениями в земледелии и иных отраслях хозяйства связан прогресс в социальном, политическом и культурном развитии. В начале I тысячелетия до х.э. на северо-западе Ирана существовал ряд упоминаемых ассирийскими источниками территориально небольших политических единиц типа городов-государств. Затем выросли более крупные объединения, включая наиболее значительное из них — Маннейское царство, активно участвовавшее в борьбе Ассирии и Урарту, а позже на некоторое время ставшее серьезным соперником Ассирии на ее восточных границах. Во второй четверти VII в. возникло Мидийское государство с центром в Экбатанах (совр. Хамадан); со временем оно подчинило почти все области Ирана и ряд стран на севере Передней Азии, включая Урарту и часть территории Ассирии, и вместе с Нововавилонским царством стало одной из двух великих держав Передней Азии того времени. Эти процессы отражали характерную в целом для истории древнего Востока тенденцию к постепенному возникновению все более крупных государств, или империй. Иран за несколько веков прошел путь от «номовых» государств начала I тысячелетия до х.э. до объединения обширных территорий под властью мидян к концу VII — началу VI в. до х.э.

Таким образом, на протяжении длительного периода древневосточной истории Иран являлся центром крупных государств, включавших большую часть областей раннего «классового» ареала Востока, а с парфянской эпохи — основного государства, противостоящего политическим и социальным силам эллинистического и римского «Запада».

История иранских государств в мидийско-ахеменидскую и парфяно-сасанидскую эпохи явно противоречит мнению об эфемерности великих держав Востока периода поздней древности. Напротив, можно говорить об их большой стабильности. Так, при Аршакидах и Сасанидах государство примерно в одних границах просуществовало около 800 лет. За это время, как и в эпоху мидийско-ахеменидской державы, осуществлялся и успешный отпор вторжениям кочевников (что составляет одно из существенных отличий в истории древнего и средневекового Востока), в целом успешно подавлялись и силы внутренней «племенной периферии» (тоже бывшей мощным и длительным фактором политической нестабильности в средние

века, когда, однако, она намного расширилась за счет завоеваний и вторжений извне).

Указанные факторы способствовали прогрессу производительных сил, подготовившему расцвет экономики и культуры в раннем средневековье, когда области Иранского плато и сопредельных районов Средней Азии входили в число передовых стран Востока и всего цивилизованного мира в целом. Все это явилось результатом социально-экономического и политического развития упомянутых областей в предшествующие периоды их истории; для большей части Ирана данные процессы могут быть прослежены, с учетом сведений письменных источников, с первых веков I тысячелетия до х.э.

В растущем с того времени значении возникавших в Иране государственных образований проявился и более общий, характерный для истории древнего Востока процесс постепенной утраты политической гегемонии ранними классовыми центрами аллювиальных долин Египта, Двуречья и проч. (в самом Иране представленных Эламом). Ведущая роль со временем переходит к иным районам старого земледельческо-скотоводческого ареала Востока, где в эпоху сложения первых классовых обществ аллювиальных долин наблюдается замедленный в сравнении с ними темп экономического развития и лишь позже — большой хозяйственный, социальный и политический прогресс. Уяснение этих процессов имеет важное значение для понимания особенностей общего культурно-исторического развития стран древнего Востока. Общества же упомянутых аллювиальных долин представляют отнюдь не единственный путь этого развития, а с точки зрения исторической перспективы не главный его вариант: к концу древности — началу средневековья они давно утратили свое преобладание, и получившие тогда распространение экономические, социальные и идеологические процессы осуществлялись на широком историко-географическом фоне при политической гегемонии иных областей. Но между теми и другими поддерживались экономические и культурные связи на протяжении всей истории древнего Востока, а в поздней древности они входили в состав одних и тех же больших государств.

Важное место в истории древневосточной государственности занимает эпоха Мидийской и Ахеменидской держав. Само их сложение, отражая общие закономерности экономического и социально-политического развития стран древнего Востока, имело и свои конкретно-исторические причины, в том числе этнического порядка. Первые образования государственного типа в Иране были созданы старым местным населением страны, принадлежавшим к разным этноязычным группам. Вместе с тем с конца II — начала I тысячелетия до х.э. в Западном Иране распространялись племена, говорившие на «иранских» языках (относящихся к числу индоевропейских). В ходе их расселения и ассимиляции ими автохтонных групп сложились ираноязычные народности, в основном уже преобладавшие в Иране с мидийско-ахеменидской эпохи. Особенности их культуры, социального и политического строя во многом определялись развитием соответствующих черт, свойственных ранее иранским племенам, их этническим наследием. Вместе с тем старое местное население, влившееся в состав сформировавшихся ираноязычных народностей, передало им ряд особенностей своей культуры, многие хозяйственные достижения — в ирригационном земледелии, строительстве, керамическом производстве и т.д., а созданные им ранее государственные образования способствовали более быстрому общественному развитию иранских племен. Предпосылки воз-

никновения и конкретные формы классового общества и государства у ираноязычных народностей Ирана определялись, таким образом, с одной стороны, процессами экономического и социального развития старого местного населения страны до распространения там иранских племен и, с другой — особенностями общественного строя последних ко времени их расселения на этих территориях. Само же сложение иранских народностей явилось важным фактором не только этнической, но и социально-политической истории стран Иранского нагорья.

Со времени распространения на его территории в первой половине I тысячелетия до х.э. ираноязычное население сохранило свою этническую самобытность до настоящего времени, несмотря на бурную средневековую историю, неоднократные вторжения и политическое господство арабов, тюркских, а также монгольских племен. К современным ираноязычным народам Иранского плато принадлежат персы, афганцы, курды, гилянцы, мазандеранцы, луры, бахтиары, белуджи и др. Часть названных этнонимов упоминается со средних веков, другие уже с эпохи древности: персы, курды (ранее: курты, киртии), гилянцы (гелы) и др.; «афганцы» под этим именем известны у соседних народов с раннего средневековья, но их самоназвание — *паштуны* — восходит к др.-иран. *парсу*; этноним этот засвидетельствован с середины — второй половины I тысячелетия до х.э. для областей раннего расселения афганцев — на юго-востоке современного Афганистана.

В древности существовали и другие иранские народности: мидяне, парфяне, бактрийцы, кармании (керманцы) и др. Позже они влились в состав персоязычного населения (персидский язык с сасанидской эпохи широко распространился во многих иранских областях: в Мидии, Парфии-Хорасане и др.) и некоторых других иранских народностей (например, курдов на западе и афганцев на востоке нагорья), а частично — иных этнических групп, в средние века прежде всего тюркских (как мидяне-атропатенцы, вошедшие в состав предков азербайджанцев, или некоторые ираноязычные номады, ассимилированные тюркскими племенами — кашкайцами, туркменами и др.). Но на большей части Иранского нагорья преобладающими остались ираноязычные народности. Можно подчеркнуть, что Иран является одной из немногих стран Ближнего и Среднего Востока, где по данным источников представляется возможным проследить линию этноязыковой преемственности начиная уже с первой половины I тысячелетия до х.э.

Как и родственные племена Индии, древние иранцы, включая мидян и персов, называли себя «ариями»[1]. От этого слова происходит и само название «Иран», ранее Эран, от древнеиранского Арьяна — «[страна и царство] ариев» (ср. также название государства Сасанидов: Эраншахр — «царство иранцев»).

2. ЗАПАДНЫЙ ИРАН В НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э.

О положении в Западном Иране в этот период помимо археологических материалов можно судить по сведениям ассирийских и урартских надписей

[1] Слово это, помимо индоиранских, в других индоевропейских языках определенно не засвидетельствовано, и употребление данного термина в отношении других индоевропейцев, в частности германцев, не имеет под собой научных оснований.

об упоминаемых в них западноиранских областях. Основные из них могут быть следующим образом размещены на карте. Вблизи Ассирии находилась Замуа — в районе современной Сулеймании в Ираке и непосредственно примыкающих местностях Ирана, а за ней — «Внутренняя Замуа» у верховьев Малого Заба, видимо до южных берегов Урмии. Далее к востоку лежали Аллабрия и Манна (ядро будущего Маннейского царства с главными центрами по среднему течению Джагату), а южнее их, у современного Сенендеджа или в соседних районах, Парсуа, или Парсу[м]аш (в урартских текстах так иногда называются и местности близ юго-восточного угла Урмии, а ассирийцы знали еще одну область того же имени, Парсу[м]аш, Парсамаш, — на эламских границах; бытование этого имени в разных районах может объясняться расселением племен с таким названием, являющимся клинописной передачей местного Парсава — древнего этнонима персов).

Важное место на дороге из Вавилонии в Иран у р. Дияла занимал Бит-Хамбан. К востоку и юго-востоку, близ Керманшаха и Северного Луристана, находилась страна Эллипи, а севернее ее — Хархар, Кишессу и ряд других «стран», лежавших между Парсуа и Бит-Хамбаном на западе и Мидией на востоке. Мидия занимала тогда значительно меньшую территорию, чем после мидийских завоеваний VII в., и не распространялась далее к западу от местностей у Хамадана.

Источники IX—VIII вв. называют и ряд других областей и «стран» на западе Ирана. Более обширные из них не были политически едины и состояли обычно из отдельных владений. Имелось и множество совсем мелких «стран», как упоминаемые около 820 г. 28 владений со своими правителями из районов близ Урмии — к западу от озера и к югу от него вплоть до Парсуа; в самой Парсуа в 834 г. до х.э. ассирийцы получили дань от 27 ее «царей». Подобные владения состояли большей частью из одной или двух-трех округ с укрепленным центром, или «сильной крепостью», и группой окружающих простых поселений (в среднем около 10 на один центр).

Судя по археологическим данным, разложение первобытнообщинных отношений в части районов на северо-западе Ирана происходило уже в конце IV — начале II тысячелетия. Правда, во II тысячелетии до х.э. и тут отмечается определенный разрыв в преемственности культуры и типов поселений, но многие экономические и социальные традиции были сохранены и развиты, в том числе в ремесле, явно отделенном от сельского хозяйства. Археологические памятники конца II — начала I тысячелетия свидетельствуют уже об оформленной социальной дифференциации, дальнейших успехах ремесла (включая металлургию железа, входящего в широкое употребление с конца II тысячелетия) и иных видов хозяйства, в том числе земледелия — оно давно было плужным, а в первых веках I тысячелетия широко употреблялись железные земледельческие орудия: серпы, мотыги и проч. (вместе с тем уже входили в употребление подземные сооружения для водоснабжения, в том числе и именно, по имеющимся данным, на северо-западе Ирана и Армянском нагорье). Существовали и обширные поселения, в большинстве, однако, пока не раскопанные. Тем важнее результаты многолетних работ на холме Хасанлу в районе Султуз (южнее Урмии по р. Кадар), где исследован город XI—VIII вв. с мощными стенами и монументальными зданиями дворцового и храмового типа; на Хасанлу найден каменный сосуд с надписью, указывающей на его принадлежность «дворцу» Баури, правителя страны Иды. По ассирийским текстам, это одна из «стран» во «Внутренней Замуа».

Археологические материалы с Хасанлу удостоверяют, что по крайней мере часть упоминаемых текстами IX в. до х.э. «сильных городов» и «крепостей» в районах к югу от Урмии были настоящими городами-крепостями. Судя по сведениям IX в. до х.э. о других областях — их крепостях, богатых «дворцах», храмах и т.п., — небольшими образованиями государственного типа были Аллабрия, Манна, Эллипи, Гильзан (западнее Урмии) и др. Более подробные данные VIII в. до х.э. показывают, что укрепленные города и крепости существовали тогда в различных районах Западного Ирана — и в более крупных центрах (Хархар, Кишессу и др.), и в мелких владениях, в том числе на западной окраине Мидии.

Относящиеся к Ирану материалы ассирийских текстов IX в. до х.э. и урартских первой половины VIII в. до х.э., в том числе встречающиеся цифровые данные о полоне и добыче, указывают на значительную численность населения отдельных округ и владений с центральной крепостью и на большие материальные ресурсы таких мелких владений и тем самым ряда областей Ирана в целом. Часто сообщается об огромном количестве крупного и мелкого скота, захваченного или полученного как дань в тех или иных «странах». Так, урарты в середине VIII в. до х.э. в одном из походов до «страны» Баруата (по-ассирийски Бит-Баруа, между Парсуа, Бит-Хамбаном и Эллипи) угнали 12 300 голов крупного рогатого скота, 32 100 — мелкого и 2500 лошадей, а также около 40 000 пленных, из них 6000 уцелевших мужчин-воинов и 25 000 женщин, — все они, по анналам, были захвачены после взятия трех крепостей и 23 окружающих их поселений.

Главным видом дани с ряда областей, около оз. Урмия, в Мидии и др., были лошади — упряжные и верховые. Наряду с отдельными районами Армянского нагорья Западный Иран был тогда основной областью коневодства в Передней Азии, и жители некоторых его областей славились особым умением разводить и готовить лошадей для конницы.

Данные IX в. до х.э., например о дани вином, и более обстоятельные сведения VIII в. до х.э. указывают на интенсивное развитие земледелия, садоводства и виноградарства в ряде районов Северо-Западного Ирана. Уже тексты IX в. до х.э. свидетельствуют о существовании центральных поселений, или городов, с развитым земледелием в окрестностях. А на Хасанлу, одном из таких центров, найдены многочисленные земледельческие орудия, остатки злаков, включая шестирядный ячмень и несколько сортов пшеницы, помещения с объемными сосудами для вина и т.д.; и сам тип застройки крепости и «внешнего города» за стеной характеризуют Хасанлу как важный оседлый земледельческо-скотоводческий центр.

В большом количестве ассирийцы получали из иранских областей металлы (бронзу, медь, золото, серебро и др.) — обычно в виде готовых изделий, часто особо искусно сделанных и дорогостоящих (что иногда отражено и в очень кратких версиях анналов), иную ремесленную продукцию, например льняные и шерстяные ткани (об этом сообщается лишь в подробных отчетах), а также ценные минералы. После похода 744 г. Тиглатпаласар III наложил на страны между Парсуа и Мидией регулярную дань в 9 тонн лазурита и 15 тонн изделий из бронзы.

Один из интереснейших иранских археологических комплексов — «луристанские бронзы». Это происходящие в основном из хищнических раскопок многочисленные изделия своеобразного, иногда вычурного, «роскошного» стиля, характеризующегося особой выразительностью, смесью реализма и фантастики в изображении людей или божеств, животных, сверхъестест-

венных существ. Так, с большим разнообразием приемов металлургического и ювелирного производства изготовлялись ритуальные и бытовые предметы, вооружение, художественно выполненные удила с псалиями и т.д.

«Луристанские бронзы» ранее датировали от III тысячелетия до середины I тысячелетия до х.э., различна и их этническая атрибуция. Лишь недавно в результате научных исследований могильников Луристана установлено, что, хотя металлургия в Луристане достигла большого совершенства уже в III тысячелетии до х.э., своеобразный комплекс собственно «луристанских бронз» относится к концу II — первым векам I тысячелетия до х.э., а преимущественно к VIII—VII вв. до х.э.

«Луристанские бронзы» обычно считали оставленными кочевниками, а Луристан того времени — населенным главным образом номадами. Но это мнение основано прежде всего на аналогии с положением в Луристане в более поздние эпохи (до новейшего времени), а не на характере самих этих изделий, отнюдь не указывающих на кочевой быт. А недавние археологические разведки и раскопки мест поселений показали, что в конце II — первых веках I тысячелетия до х.э. в Луристане существовали многочисленные оседлые поселения.

Из «стран» и владений Западного Ирана начала I тысячелетия до х.э. многие были уже образованиями государственного типа. Часть их можно определять как города-государства, состоящие из сельскохозяйственной округи с главным центром. В возникавших с того времени более значительных объединениях основную роль играли не племенные, а территориальные связи (или усиление отдельных правителей за счет соседей).

Возникновению крупных политических единиц во многом, очевидно, препятствовала большая этническая и языковая пестрота, характерная тогда для Ирана в целом и ряда его отдельных областей. Можно конкретно говорить не менее чем о 6—8 различных языковых группах, представленных тогда в Западном Иране; на самом же деле их было, очевидно, еще больше. На территории Курдистана и у Урмии еще обитали потомки лулубеев (известных в горных районах на северо-западе Ирана и соседних областей в последних веках III — начале I тысячелетия до х.э.), еще сохранились этнические группы, происходившие от кутиев (тоже упоминаемых с III тысячелетия до х.э.), а кое-где также хурритоязычное население (к нему нередко причисляют и маннеев, но в основном относящийся к ним ономастический материал, видимо, не может быть объяснен из хурритоурартских языков). В отдельных районах Иранского Азербайджана бытовали языки, вероятно, родственные восточнокавказским (нахско-дагестанским). На западе Луристана ассирийцы сталкивались с касситами; касситский языковой элемент отмечен также на северо-западных окраинах Ирана (в Аллабрии и др.) и в областях близ дороги из Вавилонии в Мидию — он засвидетельствован там вместе с вавилонским: эти районы были объектом колонизации из Вавилонии в касситский период, и группы населения, вавилонские по языку и культуре, сохранялись тут и в IX—VIII вв. до х.э., а некоторые местные «города» были центрами культа вавилонских божеств. У северных границ Луристана имелись группы населения, видимо отдаленно родственные по языку эламитам. Кроме этих древних этнических и языковых групп Передней Азии с конца II тысячелетия до х.э. в Западном Иране распространялось ираноязычное население; но и оно еще не занимало в Иране в начале I тысячелетия сплошных обширных территорий, и районы его расселения чередовались с областями, где преобладали старые автохтонные группы.

3. АССИРИЙСКИЕ И УРАРТСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В ИРАНЕ

В районы на западных окраинах Ирана ассирийцы совершали походы еще во II тысячелетии до х.э., но сведения о них крайне ограниченны. Более подробные сведения появляются при Ашшурнасирапале II (883—859), когда ассирийцы воевали в 881—880 гг. в Замуа с целью более прочно подчинить эту страну; при том же царе, перейдя Диялу, они вошли в столкновение с Эллипи. Позже они все глубже проникали на территорию Ирана и ходили туда походами до нового ослабления Ассирии в первой половине VIII в.

За исключением собственно Замуа, ставшей ассирийской провинцией в IX в., ассирийцы тогда не стремились присоединить области далее к востоку. Их главная цель там состояла в захвате добычи и пленных, а в странах, изъявивших покорность, — в получении дани. В оказывавших сопротивление областях они разрушали крепости, сжигали поселения, учиняли массовые зверские расправы над жителями. Несмотря на эту умышленную политику устрашения, население многих «стран» пыталось отстоять свою независимость, но неравная борьба один на один против армии могучей державы, обладавшей передовой военной техникой и специальным осадным снаряжением, кончалась, как правило, победой ассирийцев. И при их приближении население часто покидало свои крепости и скрывалось в горах.

При Салманасаре III (859—824) ассирийцы предприняли серию восточных походов: в 859 (еще недалеко от границ Ассирии), 855 (против Иды во «Внутренней Замуа»), 843 (когда в первый раз упоминаются Манна, Аллабрия, Парсуа), 834 (судя по дошедшим текстам, впервые до Мидии), в 828 и 827 гг. В последующие десятилетия они еще часто ходили на восток — до Мидии (ок. 820 г., шесть раз с 809 по 788 г. и в 766 г.) и до Манны — в 807 и 806 гг. Позже с Манной они уже не воевали, и она стала их союзником в борьбе с Урарту. Постепенное усиление Манны и некоторых других «стран» на западе Ирана было во многом обусловлено противодействием чужеземной агрессии.

С конца IX в. Ассирия терпит неудачи в борьбе с Урарту на территориях от Сирии до Северо-Западного Ирана, где начинается эпоха урартского преобладания. Между 825—790/785 гг. урарты завоевали области к западу от Урмии (в том числе Гильзан) и к югу от озера (включая район Иды—Хасанлу), а в низовьях Джагату у границ Манны возвели крепость (Таш-тепе у Миандоаба).

До середины VIII в. урартские цари, согласно их надписям, много раз совершали походы на Манну, захватывали там богатую добычу, скот, большой полон, отторгали некоторые маннейские районы, но в целом, вопреки распространенному мнению, Манна никогда не была подчинена урартами. На это указывает сама многократность повторяющихся походов на Манну, а при их описании в урартских текстах ни разу не говорится об изъявлении Манной покорности или выплате ею дани. Более того, после этих войн Маннейское царство значительно окрепло и выросло территориально (см. ниже).

Основные центры Манны лежали восточнее, в стороне от обычных урартских и ассирийских маршрутов между районами у Диялы и местностями к югу и западу от Урмии. Захватив южную часть Приурмийского района, урарты ходили оттуда походами на Парсуа и далее к югу до облас-

тей у современного Керманшаха. Помимо ослабления позиций Ассирии на ее восточном фланге целью этих походов были грабеж, захват пленных и добычи (что мало чем отличалось от действий ассирийцев в IX в. до х.э.). Но в приурмийских областях уже с начала проникновения туда урарты стремились закрепиться прочнее, и их большая часть к середине VIII в. до х.э. была включена в состав Урарту. Вскоре была захвачена также страна Пулуади на северо-востоке Иранского Азербайджана.

В 714 г. после тяжелого поражения Урарту местности у юго-восточных берегов Урмии были присоединены к Манне (или возвращены ей). Многие области были, однако, в основном удержаны урартами, а их царь Аргишти II (ок. 714—685) даже распространил власть Урарту между Урмией и Каспием, о чем известно по его надписям близ Сераба (у дороги Тебриз—Ардебиль); Руса II (ок. 685/680—645) возвел ряд крепостей севернее Урмии, но, видимо, около середины VII в. до х.э. они были разрушены неизвестным врагом.

В подробном описании ассирийского похода 714 г. урартские владения к северо-востоку, северо-западу и западу от Урмии характеризуются как исключительно богатые области с процветающим сельским хозяйством. В многочисленных крепостях хранились огромные запасы зерна и душистого вина, которое ассирийские воины пили «точно речную воду». Значительные земельные площади были орошены. Хотя само искусственное орошение на северо-западе Ирана и Армянском нагорье применялось и ранее, большие ирригационные работы могли осуществляться лишь в условиях централизации с использованием обширных материальных и людских ресурсов. Особенно интересны сведения о г. Улху (видимо, близ совр. Меренда): большой канал с плотинами подводил воду к городу и урартскому царскому дворцу; арыками орошалась цветущая округа с тенистыми платанами, обширными садами, нивами, прекрасными пастбищами для коней; имелись также подземные сооружения типа кяризов (ассирийцы разрывали их и «показывали солнцу»).

Владения Урарту подразделялись на административные единицы, частично соответствовавшие старым местным «странам». В урартских крепостях находились урартская знать и администрация, гарнизон, обслуживающий их персонал, ремесленники и т.д. Часть прилегающих земель считалась царской и обрабатывалась рабами или зависимыми, включая посаженных на землю пленников из других стран; в свою очередь, часть местных жителей при завоевании обычно выводилась из страны. Оставшееся местное население, видимо, сохраняло какие-то формы прежней социальной организации, несло повинности — строительную и др., платило подати (в ряде областей восточнее Урмии — лошадьми).

С середины VIII в. начинается новый этап экспансии Ассирии и во многом меняются методы эксплуатации ею покоренных земель. Эти перемены сопровождали проведенные, возможно, не без влияния урартского образца административные реформы Тиглатпаласара III (745—727). Уже при нем Ассирия добилась больших успехов во внешней политике, нанесла тяжелые поражения урартам и их союзникам, намного расширила свои границы. На востоке были созданы две новые провинции на основе завоеванных в 744 г. Парсуа и Бит-Хамбана с некоторыми присоединенными к ним мелкими «странами». В кампании 744 г. многие пленные мужчины-воины, как это делалось обычно, были казнены, но часть их была отпущена по домам, однако, чтобы они не могли более воевать, им отрубали пальцы. Жители новых наместничеств, как и иных провинций, должны были платить по-

дати и нести повинности. Страны далее к востоку, также охваченные походом 744 г., были обложены тяжелой регулярной данью.

Из завоеванных в 744 г. и позже восточных областей ассирийцы не раз выводили группы населения (например, в 738 г. в Сирию и Финикию) и переселяли на их место жителей других, в основном семитоязычных стран Передней Азии. В новых районах переселенцы обычно переходили на арамейский язык, становившийся разговорным языком Ассирийской державы. Так на северо-востоке Ирака и в соседних областях Ирана появилось население, говорившее на арамейском, а позже на его восточном диалекте — «сирийском», или «ассирийском».

При Тиглатпаласаре III ассирийцы еще дважды ходили на восток, укрепив свое влияние на более близких территориях и проникнув на этот раз и в Мидию, где разграбили несколько «стран» и получили от других дань. После походов Саргона II (722—705) в Иран там сначала были созданы еще две провинции — Кишессу и Хархар, к которым были приписаны для уплаты дани области на западе Мидии, где затем были образованы провинции Кар-Кашши, Сапарда и собственно «Мадай» (Мидия). В этих провинциях население еще имело значительную самостоятельность, сохранялись многие отдельные «страны», их правители нередко боролись между собой или вступали в сговор против ассирийцев. Те иногда смещали неугодных правителей и назначали на их место других, но случалось и так, что ассирийского ставленника отказывались признать в его «стране». Местные правители оставались, правда, и в некоторых других восточных провинциях (и даже в Замуа еще в VII в.), но там было больше ассирийских крепостей и пригнанного из других стран населения, не имевшего местных связей и целиком зависевшего от ассирийской администрации, так что власть ассирийцев в таких областях была прочнее, чем далее на востоке.

При Асархаддоне (680—669) ассирийцы совершили поход до горы Бикни (очевидно, Демавенд) и страны Патуш'ары (иран. Патишхвар, северо-восточнее Демавенда) — самой дальней страны, достигнутой ими в Иране. Но данный поход (ок. 677 г.) был и их последним значительным успехом на востоке. Вскоре ситуация там становится все более напряженной, а экспедиции по сбору дани иногда оканчивались нападением на ассирийские отряды. В этих условиях ассирийский царь попытался прочнее привязать к себе ряд правителей из областей от Замуа до Мидии и в 672 г. заключил с ними официальные договоры (частично сохранились их тексты, наиболее полно — договор с Раматейей из Ураказабарны в Мидии): ассирийцы получали гарантии верности этих правителей, а те — покровительство Ассирии. Однако в том же или следующем году в восточных провинциях началось открытое восстание, приведшее к созданию независимой Мидии (см. ниже). Но ассирийцам все же удалось еще на несколько десятилетий удержать власть над другими провинциями в Иране, включая Кишессу и Хархар.

4. МАННЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

Пока продолжалась борьба ассирийцев и урартов в VIII в., Манна оставалась младшим партнером Ассирии. Из войн с Урарту Маннейское царство вышло значительно усилившимся и при царе Иранзу (до 737—718/17) включало ряд «стран», еще выступавших в конце IX — начале VIII в. как отдельные самостоятельные географические и политические

единицы. В некоторых из них сохранялись, однако, наследственные правители; они иногда именовались «великими наместниками» Манны. Так назывались правители Андии, Миси, Уишдиша и Зикирту — значительных областей, которые сами подразделялись на округи с многими поселениями (так, в Зикирту их было около ста, включая 13 крепостей и столицу). Население Маннейского царства было этнически разнородным. Помимо самих маннеев и, видимо, еще некоторых старых местных этноязыковых групп в пределах царства обитало ираноязычное население, в том числе в Миси на юге, Уишдише на северо-западе и Зикирту — на северо-востоке от центров Манны.

Тенденция к упрочению центральной власти встречала противодействие со стороны правителей зависимых областей и части самой маннейской знати. Эти круги и противники ассирийцев в еще уцелевших владениях между Манной и Ассирией (Аллабрия и др.) поддерживались Русой I Урартским, а Саргон II с 719 г. не раз вмешивался в дела Манны, карая мятежников, восставших против ее царей. Ожесточенная борьба завершилась в 714 г. решающей битвой у горы Уауш (вероятно, Сехенд): Руса и его главный союзник Митатти Зикиртский были разбиты наголову, а войска Саргона, еще до битвы разорившие Зикирту, совершили глубокий рейд по территории Урарту. К Манне отошли некоторые урартские владения и бывшие маннейские районы у Урмии. События этих лет в конечном счете привели к укреплению власти царей Манны, а в зависимых областях местные правители были уничтожены или ослаблены.

Хозяйство основных областей Маннейского царства, уровень развития земледелия с высокопродуктивными отраслями, садоводством и виноградарством, и скотоводства с большой ролью коневодства в отдельных районах был примерно таким же, как и в соседних областях Урарту. О специализированном ремесле приблизительно того же характера, что в других государствах на севере Передней Азии, говорят, в частности, предметы VIII—VII вв. из «Саккызского клада» (вероятно, инвентаря богатого погребения), случайно раскрытого у сел. Зивие (в 42 км к востоку от Секкеза), а также находки на холме Зивие на месте крепости того же времени — очевидно, известной по ассирийским текстам VIII—VII вв. маннейской крепости Зибии.

Характер экономики подразумевает соответствующие черты социального строя, в частности наличие значительных групп зависимых и рабов. Но как и в ряде других государств древнего Востока, в Манне большую роль играло рядовое свободное население. Вместе с тем для маннейского общества уже были характерны глубокие социальные противоречия и далеко зашедшая дифференциация среди свободных. Существовал слой знати — родовой (с особым значением членов царского рода), военной и служилой (военачальники, правители наместничеств и крепостей и проч.). При царе имелся совет из ближайшего окружения и родственников царя, вельмож и старейшин знатных родов. Царская власть была наследственной, и старший сын царя при жизни отца назначался его преемником.

В 713 г. в анналах Саргона II в последний раз упоминается о дани маннейского царя (причем и он получил ответные дары от Саргона, чем демонстрировались скорее союзнические, а не даннические отношения). К началу VII в. Манна уже не признавала главенства Ассирии и вскоре повела против нее наступательную войну. Между 680—677 гг. Асархаддону удалось временно отбить натиск «неусмиренных маннеев» и разбить их союзника скифа Ишпакая. Это наиболее раннее свидетельство о скифах в Пе-

редней Азии. Они вторгались туда с севера, через Кавказ, как несколько ранее и киммерийцы, упоминаемые с конца VIII в., когда они воевали с Урарту на его северных границах. Позже, в конце 670-х годов, при описании событий в Иране ассирийские тексты упоминают и киммерийцев и скифов; иногда полагают, что при этом под «киммерийцами» подразумеваются собственно скифы, но это маловероятно (тем более что те и другие называются вместе и в одном и том же тексте).

В первые века I тысячелетия до х.э. в евразийских степях на базе развития скотоводческо-земледельческого и пастушеского хозяйства сформировалось кочевое скотоводство и распространились кочевые племена, в большинстве говорившие на языках «иранской» группы, ее «восточной», или северной, ветви. Из них племена киммерийцев и скифов проникали и в Переднюю Азию (а часть вторгавшихся туда скифов позже вернулась — или не раз возвращалась — обратно в степи Европы). Обе группы племен были близки по бытовому и социальному облику, применяли неизвестные ранее в Передней Азии методы конно-стрелкового боя, «скифские» (или, как их называли в Месопотамии, «киммерийские») стрелы и луки. Киммерийцы и скифы сыграли большую роль в истории Ближнего Востока конца VIII — начала VI в. до х.э., воевали или входили в союз с Урарту, Ассирией, Лидией и другими странами, а также друг с другом (видимо, именно скифы между серединой 630-х и 620-х годов положили конец преобладанию на севере Передней Азии киммерийцев, в конце VII или начале VI в. окончательно разбитых лидянами). Они совершали дальние грабительские походы по территории многих стран Передней Азии — вплоть до Эгейского побережья (киммерийцы) и границ Египта (скифы), но имели и более постоянные места обитания, где закреплялись прочнее, в том числе в Центральном Закавказье и в Северо-Восточной Малой Азии (часть ее и позже у некоторых восточных народов называлась по имени киммерийцев; а племена скифского происхождения сохранялись в обеих названных областях до ахеменидской эпохи либо даже позже; в Малой Азии, очевидно, находилось и Скифское царство, известное по библейским данным начала VI в. до х.э.). Вместе с тем их группы или отряды часто находились также в союзных странах; известно о длительном пребывании скифов в Манне (а затем и в Мидии); очевидно, проникали туда и киммерийцы.

Во второй половине правления Асархаддона войска маннейского царя Ахшери вновь угрожали ассирийским пределам и затем вместе с мидянами, «киммерийцами» и «скифами» воевали против Ассирии в ее восточных провинциях. В результате Манна захватила некоторые пограничные ассирийские округа и еще сохранявшиеся буферные владения (Аллабрию и др.) и теперь граничила с Ассирией на всем протяжении от Мидии до Урарту (видимо, потеснив и его в районах к югу от Урмии).

При Ашшурбанапале ассирийцам в начале 650-х годов удалось взять частичный реванш: их войска дошли до маннейской столицы Изирту, взять ее не смогли и, ограничившись полоном и добычей, повернули назад, но возвратили захваченные ранее маннеями ассирийские крепости. В Манне после поражения «люди страны» (судя по ассирийскому термину, рядовые свободные) восстали против царя Ахшери, убили его, «выбросили его труп на улицу и волочили по ней тело; его братьев, его семью, его род они побили оружием». Редкий для древнего Востока факт восстания народа против царя оценивается обычно как свидетельство активной роли масс свободных и остроты социальных противоречий в маннейском обществе.

После этих событий царем стал уцелевший сын Ахшери Уалли, обра-

тившийся за помощью к Ашшурбанапалу и вновь признавший верховенство Ассирии. Союз Манны и Ассирии упрочился еще более, видимо, после усиления Мидии и во время войн Ассирии с Мидией и Вавилонией. В 616 г. ассирийские и маннейские войска были разбиты вавилонянами у Каблина (на Евфрате), и Манна, очевидно, вскоре была подчинена мидянами. В последний раз она упоминается около 593 г. в библейской книге Иеремии как одна из стран, зависимых от Мидии, вместе с Урартским и Скифским царствами.

Манна сыграла большую роль в развитии государственности на северо-западе Ирана и на территории Азербайджана, в истории культуры и искусства этих областей. По ассирийским текстам известно, что в Манне существовали письменность и профессиональные писцы. Находки у Зивие свидетельствуют о самобытности маннейского искусства и одновременно о его связях с искусством Ассирии, Урарту и ряда других стран на севере Передней Азии и в Иране; оно оказало сильное влияние на формирование искусства мидян и персов, а также искусства скифов евразийских степей.

5. ЭЛАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э.

История Элама после его поражения в конце XII в. от вавилонян известна плохо, особенно до середины VIII в., когда появляются регулярные сведения о нем в вавилонских и ассирийских источниках. Эламские тексты той эпохи дошли в очень небольшом числе и не вполне понятны. Мало исследованы и эламские археологические комплексы этого времени, хотя имеющиеся материалы все же показывают, что культура и ремесленное производство Элама стояли на высоком уровне и продолжали оказывать большое влияние на соседние области, в том числе Луристан. Элам оставался обширным, но почти всю эту эпоху рыхлым, слабоцентрализованным объединением. В VIII в. царская власть, однако, несколько усилилась, и Элам постепенно расширил сферу своего влияния. Его традиционной политикой стало противодействие Ассирии и ее стремлению утвердиться в слабеющей Вавилонии, где эламиты обычно поддерживали халдейские племена, жившие на юге Двуречья. Сходная расстановка сил наметилась уже в конце IX в.

Около 815 г. ассирийцы в одном из походов против Вавилонии взяли Дер (совр. Бадра, восточнее Багдада, у предгорий Загроса), откуда шел путь в Элам. При описании последовавших событий впервые упоминается лежавшая на эламских окраинах «страна» Парсамаш, или Парсу[м]аш (лучше известная по текстам VII в.). Варианты названия этой страны и одноименной области (а затем ассирийской провинции) на северо-западе Ирана, как уже говорилось, являются иноязычными передачами иранского Парсава, соответствующего раннему этнониму персидских племен (позже Парса, откуда греческое и общеевропейское «персы», «Персия»). Южная страна Парсава определенно получила имя от расселившихся на границах Элама племен, создавших позже Ахеменидское царство.

Эламский царь Хумпанникаш (742—717) в 720 г. разбил ассирийцев у Дера, после чего в Вавилонии до 710 г. правил халдейский царь, союзник эламитов. Усилились и позиции Элама в Загросе. От Шутрук-Наххунте II (717—699) дошли эламские надписи, свидетельствующие о его завоеваниях в районах до Диялы. Эллипи, тогда уже значительное царство на северных

границах Луристана, бывшее несколько десятилетий союзником и данником Ассирии, с конца VIII в. стало выступать против нее, опираясь на помощь Элама.

Между тем в Вавилонии Синаххериб одержал победу над эламо-халдейской коалицией, а затем ассирийский флот разграбил побережье Элама. В свою очередь, эламиты вторглись в центр Вавилонии; объявленный до этого ее царем сын Синаххериба был захвачен ими и погиб в плену. Затем успех вновь склонился на сторону Ассирии. Но царь Элама Хумпаннимена (692—688) перешел в наступление, возглавив противников Ассирии в Вавилонии и иных своих союзников и вассалов — Эллипи, Аншан, персов и др. При Халуле (у совр. Самарры) на Тигре произошла одна из крупнейших битв той эпохи; ни одному из противников не удалось одержать решительной победы. Но затем Хумпаннимену разбил паралич, и в Эламе началась смута. Вавилон, оставшийся один против Ассирии, был взят и разрушен Синаххерибом.

Между тем в Эламе участились междоусобицы; порой в стране было два или несколько правителей из эламского царского рода, а некоторые области вообще вышли из-под их прямой власти. Один из древних эламских центров, Аншан (на месте тепе Мальян, в Фарсе, в 46 км севернее Шираза), в VIII в. входивший в Эламское царство, ко времени битвы при Халуле уже выделился из него, хотя и оставался его вассалом, как и область персов. Они возглавлялись тогда, очевидно, Ахеменом, основателем знаменитой династии. Его сын Чишпиш (ок. 680/670—645) уже носил титул царя Аншана, распространив, таким образом, свою власть на долины в центре Фарса (где на западе лежал город Аншан, а на востоке позже находились главные ахеменидские центры — Пасаргады и Персеполь). Но персы еще считались зависимыми от Элама, и их помощи искали некоторые претенденты на его престол или правители его отдельных областей. Эламские царевичи теперь нередко обращались за помощью и к ассирийцам либо бежали к ним от соперников.

Эламиты, однако, еще вмешивались в дела Двуречья, а в начавшейся в 652 г. борьбе Ашшурбанапала и его брата, правителя Вавилонии, поддерживали последнего. Войска Ашшурбанапала вторглись в Элам, который был разделен между находившимися в Ассирии эламскими принцами; вскоре появились и новые уделы. Враждуя между собой, эламские правители не прекращали тем не менее борьбы с ассирийцами, и те в 640-х годах несколько раз опустошали Элам, пока Сузы и центры ряда уделов не оказались совершенно разгромленными.

Из Суз были вывезены статуи богов, что считалось символом полного поражения и утраты независимости. Но эламское государство все же не перестало окончательно существовать; вероятно, сохранялись некоторые эламские «княжества», теплилась жизнь и в Сузах, а когда основатель Нововавилонского царства халдей Набопаласар отложился от Ассирии (626 г.), он вернул эламских «богов» в Сузы, где, очевидно, уже был местный правитель, видимо принявший участие в разгроме старого врага Элама — Ассирии.

Но позже царство, которое, и по библейским данным конца VII в., вновь существовало в Эламе, было завоевано самими вавилонянами: в 596/95 г. Навуходоносор II взял Сузы, а многих эламитов, согласно своей обычной практике в отношении покоренных стран, выселил в другие области Нововавилонского царства. Об этих изгнанниках и сокрушении Эламского царства пророчествовал Иеремия в 590-х годах, а в следующее деся-

тилетие другой библейский пророк, Иезекииль, называл Элам среди окончательно погибших государств и народов.

В дальнейшем Сузиана принадлежала, очевидно, одной из великих держав, как иногда полагают — мидийской, а затем сменившей ее персидской. Но если значительная часть бывших эламских территорий уже давно была захвачена персами, то Сузиана скорее всего входила в Нововавилонское царство и лишь после его завоевания Киром Великим в 539 г. была включена в державу Ахеменидов (хотя, по иному мнению, Кир присоединил ее еще в начале 540-х годов). После покорения Киром Вавилонии выселенные туда эламиты вместе с идолами их богов были возвращены на родину, в Сузиану (как об этом сообщается в «цилиндре Кира»).

Старое местное население эламских областей было постепенно ассимилировано ираноязычными народностями, в основном персами, хотя есть данные, позволяющие полагать, что особый, отличный от персидского язык сохранялся у части населения Хузистана еще в начале средневековья. В ахеменидскую эпоху эламский язык был одним из трех (наряду с вавилонским и древнеперсидским), на которых составлялись официальные надписи Ахеменидов, а в самой Персиде долго был языком местной администрации и хозяйственной отчетности. Персы восприняли и многие другие достижения эламской цивилизации, искусства, материальной культуры.

После разгрома Элама ассирийцами его бывшие вассалы и младшие союзники поспешили признать сюзеренитет Ассирии. Так около 640 г. поступил и Ахеменид Кир I (сын Чишпиша и дед Кира II Великого), пославший в Ниневию дань и старшего сына как заложника. Но уже в 630-х годах персы были подчинены Мидией и оставались под ее властью до их восстания против мидян при Кире II, основавшем Ахеменидскую державу (550 г.).

6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПО ТЕРРИТОРИИ ИРАНА

С мидийско-ахеменидской эпохи ираноязычное население уже преобладало в Иране. Само его название происходит от слова *арии*, как называли себя ираноязычные племена (мидяне, персы и др. в Иране, скифы и сарматы, древние народности Средней Азии и т.д.). Ариями назывались также племена, распространявшиеся во второй половине II тысячелетия до х.э. в Индии и именуемые в науке индоарийскими. Древнеиранские и индоарийские языки очень близки друг к другу, а говорившие на них племена, как показывают древнейшие памятники словесности индийцев (Ригведа) и иранцев (Авеста), имели много общего в хозяйстве, быте, социальном строе, культуре, религии. Эти общие черты — наследие эпохи индоиранского, или арийского, племенного единства.

Арийские языки составляют восточную ветвь индоевропейской языковой семьи. Сложение индоевропейской языковой общности проходило в умеренной, преимущественно лесной зоне Центрально-Юго-Восточной Европы[2]. Позже, в период распада этой общности, когда формировались будущие исторические группы индоевропейских языков и племен, они распро-

[2] Предлагались и предлагаются также и другие локализации индоевропейской прародины. Одна из последних — Ближний Восток (Армянское нагорье). — *Примеч. ред.*

странились по более обширным территориям, но еще долго находились в тесных контактах, продолжавшихся до середины III — начала II тысячелетия до х.э.

Арии в то время обитали на востоке ареала расселения индоевропейцев, а на севере соседями ариев были финно-угорские племена лесов Северо-Восточной Европы и Урала. После распада индоиранского единства иранские племена еще жили примерно на тех же территориях (предположительно от Днепра до уральских степей); различные иранские языки имеют многие собственные, уже не общеарийские, соответствия с индоевропейскими языками Европы, в том числе и особенно со славянскими, а также финно-угорскими языками. Постепенно расселяясь, иранские племена к первым векам I тысячелетия до х.э. распространились от Северного Причерноморья до Средней Азии, в Иране и Афганистане.

В Иран они могли попасть из европейских степей через Кавказ либо продвинувшись в Среднюю Азию и уже оттуда в Иран. Пока нет конкретных данных о том, что предки мидян, персов и других «западноиранских» племен пришли из Средней Азии, а в I тысячелетии до х.э. ее населяли «восточноиранские» по языку народности (кроме парфян, обитавших на юге современной Туркмении и в Иранском Хорасане). Некоторые археологические и лингвистические материалы могут указывать на путь «западноиранских» племен или их части через Кавказ. Возможно, что они двигались в Иран и по обе стороны Каспия, расселяясь с близких территорий и примерно в одно время, в пределах второй половины II тысячелетия до х.э.

На северо-западе Ирана ираноязычное население обитало еще до начала ассирийских и урартских походов; в IX в. оно засвидетельствовано от районов близ Урмии и верховьев Диялы до запада Мидии и в ее более восточных областях с появлением сведений о них в VIII—VII вв. У границ Элама уже в конце IX в. находилась группа персидских племен, широко расселившихся затем в Фарсе и Кермане (от имени персидского племени карманиев).

В первые века I тысячелетия до х.э. в Иране еще были широко распространены древние этнические группы, часто упоминающиеся рядом с ираноязычными. Их длительное сосуществование сопровождалось ассимиляцией местного населения ираноязычным. В некоторых районах она осуществилась весьма рано, но в целом процессы ассимиляции старых этнических групп и этногенеза иранских народностей были длительными и сложными.

На первых этапах расселения по Ирану иранские племена занимали отдельные районы и долины или распространялись по более обширным областям, где могли обосноваться в существовавшей политической ситуации; в таких районах они, вероятно, частично подчиняли местное население и ассимилировали его. Но в других областях автохтонное население долго не утрачивало своего этнического лица и оставалось политически ведущим. Им были созданы и первые на этих территориях государственные образования: Гильзан, Аллабрия, Манна и проч. А в IX—VIII вв. ираноязычное население в различных районах Ирана оказалось в зависимости от местных государств (Элам, Манна, Эллипи и др.) или от Ассирии и Урарту. Возникавшие затем значительные объединения во главе с представителями ираноязычного населения создавались лишь в областях, где иранский этнический и языковой элемент уже был преобладающим (как в VIII в. в районах, где позже возникло Мидийское царство). В дальнейшем распространении иранской речи и культуры в Иране большую роль сыграли Мидийская и Ахеменидская державы.

Сложившиеся в эту эпоху иранские народности в большей части состояли из потомков автохтонного населения (и частично унаследовали его антропологические типы), усвоили его материальную культуру и хозяйственные достижения; контакты с местными государственными образованиями ускорили общественное развитие иранских племен. Но формирование новых этноязыковых общностей сопровождалось коренными изменениями многих этнических особенностей населения Ирана на основе соответствующих черт, свойственных ранее иранским племенам. Это касается характерных для персов, мидян и других западноиранских народов социально-политических институтов, имущественного и семейного права, культуры, религии и т.д. Такие черты находят глубокие соответствия в социальном строе и культуре ираноязычных народностей других стран — индоариев, а часто и иных индоевропейцев — древних греков, римлян, кельтов, славян и др.

7. АВЕСТА И РАННИЙ ЗОРОАСТРИЗМ

Основным источником для изучения иранской древности, социального строя и культуры древнеиранских племен является Авеста, свод священных книг зороастрийской религии, распространенной до раннего средневековья в Иране, Афганистане, Средней Азии, а также в некоторых областях Закавказья и Передней Азии. В ближайшие столетия после падения (в VII в. х.э.) державы Сасанидов, государственной религией которой был зороастризм, и распространения в Иране и соседних странах ислама группы зороастрийцев переселялись в Индию, где стали называться парсами. В настоящее время члены их религиозно-этнической общины, насчитывающей около 130 000 человек, живут главным образом в Индии (с основными центрами в Гуджарате и Бомбее) и незначительными группами в ряде других стран мира; в самом Иране зороастрийцы в течение многих веков подвергались гонениям и удерживались в небольшом числе преимущественно лишь на юго-востоке страны, в районах Йезда и Кермана.

Именно парсами Индии в основном и сохранена уцелевшая часть Авесты, а также остатки некогда обширной зороастрийской литературы на среднеперсидском языке, включая переводы Авесты и комментарий к ней (*занд*, или *зенд*, откуда долго употреблявшееся в Европе неточное название «Зенд-Авеста» для самой Авесты; имя же ее происходит от среднеперсидского *апастак*, позже *абаста*[*г*], — «основа» или «установление», «предписание» и т.п.).

Дошедшая Авеста включает разные по значению и размерам разделы. Основные из них — книги: Ясна («Жертвоприношение», «Молитва»), Яшты («Почитания» — гимны божествам), Видевдат («Закон против дэвов»). Эти книги содержат многие важные, особо почитаемые зороастрийцами древние разделы, в том числе входящие в Ясну 17 Гат («Песен») пророка Заратуштры (Зороастра). Но в целом сохранившаяся Авеста в 3—4 раза меньше той, которая еще существовала после ее последней кодификации при Сасанидах (резюме этого свода из 21 книги — одной из которых соответствует Видевдат — дошло в среднеперсидском сочинении Денкарт). Тогда же, очевидно в VI в. х.э., Авеста была записана специально созданным для нее алфавитом из 49 букв (включая 14 для гласных). Возможно, что уже в парфянское время существовали записи частей Авес-

ты арамейским шрифтом (не отражающим многих особенностей иранской фонетики), но основное значение сохраняла устная традиция. Так с древнейших времен с большой точностью передавались и другие обширные памятники индийской и иранской словесности. Дошедшая до нас запись Авесты тоже была сделана по устной передаче, но весьма точно воспроизводит особенности вышедшего из обыденного употребления за много веков до VI в. языка и его еще более древнего диалекта, на котором пророчествовал Заратуштра. Помимо его Гат и примыкающей к ним по времени и языку «Ясны семи глав», остальную часть свода (включая большую часть Ясны) в науке называют «Младшей Авестой». Ее язык близок к западноиранским, но имеет и восточноиранские особенности, больше выраженные в Гатах.

Из упомянутых в Авесте географических названий некоторые в более поздней традиции локализовались в Западном Иране и соседних областях, в том числе в Азербайджане. Но надежно идентифицируемые относятся к восточным частям Иранского плато и к Средней Азии. Помимо областей с земледельческо-скотоводческим населением в Авесте упоминаются и районы с кочевыми или вообще «степными» племенами. Отдельные названия связаны, очевидно, с древней историко-мифологической традицией. Так, по сообщению о стране Арйанам вайджа («Арийский простор»), зима там длится 10 месяцев, а лето — лишь два, что, видимо, отражает воспоминание об областях далеко к северу от Ирана и Средней Азии; суровая зима приписывается и местностям на р. Раха, иногда отождествляемой с Сырдарьей (Яксарт античных авторов, иран. Ахшарта), но, по более вероятному истолкованию, это Волга, носившая некогда то же имя: Ра(х) у Птолемея.

Из основных известных в историческую эпоху областей в Авесте упоминаются: Хваризам (Хорезм, Хорасмия античных авторов) в южном Приаралье; Сугда (Согдиана) в среднеазиатском междуречье, с центрами в долине Зеравшана; Маргу (Маргиана) — по Мургабу, область Мерва; Харайва (Арейа) — по Герируду, в основном в современном Афганистане, область Герата (имя которого восходит к приведенной древнеиранской форме); Бахтри (Бактрия, в Авесте Бахди) — с главными центрами (включая район Балха, ранее Бахл — от того же имени страны) между Гиндукушем и Амударьей, а частично и к северу от нее; Хайтумант (страна и река — совр. Гильменд) примерно соответствует Дрангиане античных авторов и современному Систану (от «Сакастан» — по имени проникших туда в конце I тысячелетия до х.э. ираноязычных кочевников — саков) на юго-западе Афганистана и в примыкающих местностях Ирана; Харахвати (Арахосия) — на юго-востоке Афганистана, включая районы Кандагара и Газни; некоторые другие области в Афганистане и соседних районах Индостана; отдельные упоминаемые в Авесте местности находились, видимо, на территории Парфии, хотя само ее имя (древнеиран. Партава) по Авесте неизвестно, зато называется лежавшая западнее, в Юго-Восточном Прикаспии, Вркана (Гиркания, совр. Горган); Рага Авесты, видимо, соответствует одноименной местности западноиранских и античных текстов (Рага, Раги, позднее Рей близ совр. Тегерана) — на северо-востоке исторической Мидии.

Согласно Гатам, Заратуштра, выступив со своим учением, не нашел признания на родине и бежал в страну правителя Виштаспы, принявшего его веру. Названия обеих стран в Гатах не упомянуты: их не было необходимости называть ни Заратуштре, ни тем, к кому обращались его проповеди. По поздней иранской традиции, пророк происходил из Раг (Рея) или

Атурпаткана (Азербайджана). Но судя по географическому горизонту Младшей Авесты и характеру авестийских диалектов, родину зороастризма надо искать на северо-востоке Ирана, в соседних областях Афганистана и Средней Азии. Различные исследователи помещали ее в Систане, Маргиане или Арейе, Парфии-Хорасане, Хорезме, районах у низовьев Сырдарьи или даже севернее — в степях к востоку от Волги, в Бактрии. Последнее мнение опирается на позднюю неавестийскую традицию, связывающую Заратуштру с Балхом. Но и она не является, очевидно, исторической, как и иные предания, относящие деятельность пророка к Западному Ирану, Иранскому Хорасану и т.п.

В настоящее время известны памятники бактрийского, парфянского, хорезмийского, согдийского языков. Они явно не могут быть непосредственно сопоставлены с авестийским (в частности, по той же причине нельзя помещать родину зороастризма и в ряде областей распространения скифско-сакских племен). Более вероятны или по крайней мере не встречают прямых возражений мнения о возникновении зороастризма в таких областях, как Арейа, Маргиана, Дрангиана. Данных для определения принадлежности ранних иранских языков этих областей пока нет (а уже с сасанидской эпохи там широко распространился персидский), но они находились между зонами распространения восточно- и западноиранских языков, что может соответствовать диалектной «позиции» авестийского.

Судя по некоторым отрывкам из Яштов, страна Виштаспы лежала у р. Хайтумант и оз. Кансуйа (соответствует оз. Хамун), т.е. на территории Дрангианы-Систана. Часть ученых, правда, полагает, что и это уже вторичная локализация, но и тогда Систан должен быть областью если не первоначального, то весьма раннего распространения зороастризма и местом, где составлялась часть текстов Младшей Авесты.

По существовавшей уже при Сасанидах традиции, Заратуштра жил «за 258 лет до Александра [Македонского]», что указывало бы на конец VII — первую половину VI в. Но эта дата, очевидно, связана с неисторической традицией иранского эпоса, создатели которой не знали, в частности, о первых царях Ахеменидской династии, а саму ее отождествляли с полулегендарными Кеянидами Восточного Ирана, к которым относили и Виштаспу, покровителя пророка.

Вместе с тем уже для позднеахеменидского времени античными источниками засвидетельствована версия, относившая Зороастра к гораздо более седой древности. Из сопоставления же материалов самой Авесты и иных исторических данных следует, что Заратуштра и Виштаспа жили задолго до ахеменидской эпохи. Ученые, не придающие значения «традиционной» дате, полагают, что можно говорить о времени между X/IX — началом VI в. (а иногда время жизни пророка уводят даже во II тысячелетие до х.э.).

Заратуштра проповедовал учение, возвещенное ему, по его словам, Ахура-Маздой. Иранские религии с высшим божеством этого имени называют маздеизмом. Этим верованиям свойствен также дуализм, состоящий в противопоставлении двух исконных антагонистических начал — добра и зла, которые проявляются как в духовной сфере, так и в материальных вещах и явлениях этого мира, относимых к тому или иному началу. В лагерь зла при этом попали и *дайвы* (позже *дэвы*, *дивы* — демоны) — древние натуралистические божества ариев, оставшиеся богами в Индии (*дэва*) и у части иранских племен. Другая группа арийских богов с особой властью, в частности морального порядка, называлась «владыками» — *асу-*

ра (что в Индии сначала тоже обозначало класс добрых божеств, но затем чаще выступало как обозначение демонов), в иранском: *ахура*. Высший Ахура, всезнающий бог небесного свода, получил прозвище Мазда, откуда Ахура-Мазда — «Владыка Мудрость», «Мудрый Господь».

Дуалистические представления и культ Мазды существовали и развивались у части иранских племен, очевидно, задолго до Заратуштры. Но на их основе им была создана религиозная система, важное место в развитии мирового процесса отведено человеку, и вместе с социально-этическими положениями большую роль играли абстрактные понятия и образы.

В Гатах Ахура-Мазда — практически единый бог, которому принадлежат функции ряда арийских божеств, превратившиеся в абстрактные выражения его сущности. Они обычно называются Амарта Спанта (в традиционном авестийском произношении Амеша Спента) — «Бессмертными Святыми». Их шесть: Ваху Манах — «Благая Мысль» (по функциям близко соответствует индоиранскому богу Митре); Арта Вахишта — «Лучшая Арта» (Арта «Правда» — одно из основных арийских религиозных понятий, олицетворение высшей справедливости, космического и земного правопорядка); Хшатра Варйа — «Избранная Власть» (функция божества, у индоариев представленного Индрой) и др.

Силы добра возглавляют Ахура-Мазда (позже Охрмазд, Ормузд и проч.) и «святой дух»: Спанта-Манйу; силы зла — враждебный дух: Ахра-Манйу (Ахриман, Ариман). Позже он как злой бог прямо противопоставлялся Ахура-Мазде. Это было следствием дальнейшего развития дуализма, рассматривавшего мировой процесс как борьбу извечных добра и зла, или Правды (Арты) и ее антипода — Лжи (Драуга, Друдж). В Гатах Ахура-Мазда хотя и ассоциируется с Артой, стоит, по сути, выше борьбы сил добра и зла, возглавляемых его порождениями, духами-близнецами Спанта-Манйу и Ахра-Манйу. В Младшей Авесте Спанта-Манйу абсорбируется Ахура-Маздой, но при противопоставлениях с Ахра-Манйу упоминается лишь Спанта-Манйу. Обычная позже для зороастризма формула «Ахура-Мазда против Ахра-Манйу» известна и по сочинениям греческих авторов с начала IV в. до х.э.; она прослеживается также и в самых поздних отрывках Младшей Авесты (что дает и некоторую хронологическую опору: Младшая Авеста в основном старше IV в. до х.э.).

Земной мир в своей благой части был сотворен добрым началом; на это злой дух ответил контртворением, создав смерть, зиму, зной, вредных животных и т.п.; постоянная борьба двух начал определяет и все существование мира. Но еще до его творения два духа-близнеца совершили выбор между добром и злом (что и обусловило их бытие одного как святого, другого как враждебного духа). Затем подобный выбор был сделан Амарта Спантами, вставшими на сторону добра, и избравшими зло дайвами, скотом («Душой быка»), выбравшим добро, и т.д. Такой же выбор предоставлен и человеку. Эта концепция свободного выбора (*вар*), выраженная уже в Гатах, возвышает роль человека в судьбе мира и решительно отличает зороастризм от религиозно-философских учений, развивавших фаталистические тенденции.

Хотя человек свободен встать в борьбе добра и зла на любую сторону, после возвещения Заратуштрой праведной веры действия ее сторонников будут способствовать победе доброго начала, что и является целью самого мирового процесса. Заратуштра предвещал приход нового мира, знаменовавшего собой триумф сил добра над силами зла. После дня страшного суда и испытания огнем те, кто избрал добро, окажутся в царстве справедливо-

сти, созданном Ахура-Маздой. Окончательная победа добра ожидалась в недалеком будущем. Но, как и в истории ряда других религий, обещанное сначала скорое наступление царства добра постепенно отодвигалось в более отдаленное будущее (учение о ходе мирового процесса и эсхатология претерпели в позднейшем зороастризме большие изменения).

Основными орудиями человека в борьбе со злом в зороастризме уже со времени Гат считались «добрая мысль» (*манах*), «доброе слово» (*вачах*), «доброе деяние» (*шйаотна*). В практической деятельности особое значение придается умножению благого материального бытия, созданного добрым началом для человека, — в Гатах главным образом разведению скота и произрастанию трав на лугах, в Младшей Авесте преимущественно земледелию — возделыванию «хлеба, травы, плодоносящих растений» и ирригационным работам — «обводнению безводного места», «осушению места с избытком воды» и т.п. (у современных же парсов соответственно поощряются различные виды деятельности, включая промышленную, финансовую и проч., — ведущие к увеличению собственности и изобилия). Большое значение всегда придавалось и продолжению рода, ибо многочисленное потомство считалось умножающим воинство доброго начала. Зороастризм всегда был чужд аскетизму (и позже постоянно выступал против него в полемике с христианством, буддизмом, манихейством и проч.). По одному из текстов Младшей Авесты, «ни один из тех, кто не ест, не способен ни к усердному занятию земледелием, ни к усердному занятию произведением сыновей. Ведь посредством еды живет весь телесный мир, от воздержания он теряет жизнь».

Праведный образ жизни признавался главным долгом человека перед добрым началом, как и основным средством в достижении индивидуального спасения в будущей жизни. Жертвоприношениям, молитвам и т.п. в раннем зороастризме отводилась меньшая роль. По словам Видевдата, возделывающий хлеб наносит ущерб злому началу и продвигает вперед дело Мазды, а следовательно, приближает победу добра, в такой же мере, как произносящий 10 000 молитв Ясны. Заратуштра отвергал ряд древних иранских обрядов, включая массовые жертвоприношения скота, что находилось в связи и с социальным содержанием учения пророка (позднее такие жертвоприношения вновь стали обычной практикой, в частности при Сасанидах, а также в некоторых общинах парсов, у которых затем были заменены возлиянием масла). Основным в ритуале остался культ огня, издревле чтимого ариями, но в зороастризме выступающего прежде всего как воплощение или символ мировой справедливости, «Правды» — Арты (тесно ассоциировавшейся с Ахура-Маздой).

На протяжении своей долгой истории зороастризм претерпел значительные изменения. Видимо, уже вскоре после Заратуштры его последователи вместе с сохранением и развитием ряда основных догматических и этических положений пророка приняли многие старые верования и обряды, не признававшиеся Заратуштрой. Уже «Ясна семи глав», близкая по диалекту и, вероятно, по времени к Гатам, содержит многие уступки древнеиранским «дозаратуштровским» верованиям. Позднее вновь стали широко почитаться многие древние божества, вовсе не упоминаемые в Гатах (хотя, возможно, и не отвергавшиеся прямо пророком), — Митра, Анахита и др. Абстрактные «сущности» Ахурамазды, Амарта Спанты, со временем персонифицировались, и в Авесте появились и составленные в их честь гимны. Так образовался в сущности новый пантеон во главе с Ахура-Маздой, а древний политеизм и старая обрядность частично восстановили

свои позиции. Гимны дозороастрийским божествам и изложение или отрывки древних мифов и сказаний о героях вошли в Авесту отредактированными в зороастрийском духе или лишь снабженными фиктивными ссылками на авторитет пророка. Часть таких отрывков в Видевдате, Ясне и особенно в Яштах по содержанию, а иногда и текстуально древнее Гат.

На одном из этапов этого развития зороастризм был воспринят в Западном Иране, где уже ранее бытовали сходные верования, почитание тех же богов (Митры и др.), дуализм, культ огня и т.п. Часто считают, что зороастризм был введен на западе кем-то из первых царей Ахеменидской державы (между серединой VI — первой половиной V в., по различным мнениям). Но иногда полагают, что он еще до середины VI в. стал известен в Рагах на востоке Мидии или уже и в ее центрах, а затем от мидян был заимствован Ахеменидами. Эти теории основаны прежде всего на предположении, что сходные черты религии первых Ахеменидов, по данным их надписей, и зороастризма являются результатом его влияния в Западном Иране. Но такие сходства, включая культ Ахура-Мазды, дуалистические представления и проч., вполне могли определяться общим наследием от более ранних форм маздеизма, который существовал уже до Заратуштры, а в Западном Иране засвидетельствован ономастическими данными ассирийских текстов уже в до мидийскую эпоху, в VIII в. до х.э. (когда ни мидяне, ни персы, очевидно, еще не могли быть зороастрийцами).

Вместе с тем между религией мидийских и персидских жрецов — магов и персов при первых Ахеменидах, как она известна по надписям того времени, а также по сообщениям античных авторов, с одной стороны, и положениями Авесты (как Гат, так и более поздних разделов) — с другой, существуют многие принципиальные различия. На этом основано мнение, что религия первых Ахеменидов и верования западных иранцев в предшествующие эпохи независимы от зороастризма. Этому выводу соответствует и то обстоятельство, что греческие авторы V — начала IV в. при описании религиозных верований и обычаев царей — Ахеменидов, персов, мидийцев и магов не упоминают Зороастра. Зато позже, в IV в., он у греков уже часто считался основателем учения магов.

К первым десятилетиям IV в. учение Заратуштры уже в сильно реформированном младоавестийском виде широко распространилось в Западном Иране (сначала, возможно, среди части магов) и получило там официальное признание (быть может, в рамках религиозных реформ Артаксеркса II или после них). Это должно было иметь свои причины, связанные с более законченным характером религиозно-философского и морально-этического учения Заратуштры. К его отличиям от иных течений маздеизма можно отнести своеобразные формы культа Ахура-Мазды с его «сущностями» Амарта Спантами (видимо, неизвестными ранее в Западном Иране), последовательное проведение дуалистических представлений о борьбе добра и зла, тесно увязанных с концепцией мирового процесса и роли человека в его развитии, идею свободного выбора — возможности каждого встать на любую сторону в этой борьбе, что делало человека хозяином своей судьбы и арбитром в извечном конфликте добра и зла.

Вместе с зороастрийским учением на западе были восприняты излагавшие его авестийские «тексты» (очевидно, все еще в устной форме), которые после этого продолжали редактироваться либо частично дополнялись на ставшем священным авестийском языке. В нем, однако, появились или усилились западноиранские диалектные черты, что касается именно языка

Младшей Авесты. Возможно также, что некоторые гимны главным божествам дополнены или оформлены уже в позднеахеменидское время. Так, в Яште, посвященном богине Анахите, несколько строф, как полагают, отражают существование статуй этой богини. В ахеменидских надписях имя Анахиты появляется (как и имя Митры) при Артаксеркс II (404—358), и к его же правлению источники относят начало почитания антропоморфных изображений иранских божеств, а именно установление статуй Анахиты в храмах больших городов (в том числе на Востоке, в Бактрии).

Таким образом, Авеста стала священным сводом персидско-мидийских и затем парфянских жрецов, сохранялась ими, редактировалась и кодифицировалась в последующие столетия (когда могли быть составлены и некоторые наиболее поздние разделы Авесты). Этот процесс продолжался до сасанидской эпохи, когда, как говорилось, она была записана «современным» авестийским алфавитом.

К тому времени официальный зороастризм во многом превратился в догматическую религию, являвшуюся оплотом консервативных сил общества. Ранний маздеизм развивался в эпоху сложения первых государственных образований и противостоял культу дайвов, обычно тесно связанному со старым жречеством и местной родовой знатью. В Гатах содержится призыв к мирной жизни и процветанию под властью сильного «благого» правителя, к борьбе с усобицами и набегами, разоряющими праведные селения и несущими гибель скоту, против жертвоприношений скота, совершавших их жрецов и враждебных царьков, последователей «Лжи». Также в Западном Иране верования с развитыми дуалистическими представлениями явились идеологией, способствовавшей становлению государства и затем упрочению государственной и царской власти в выросших иранских державах; при этом царь и его централизаторская деятельность отождествлялись с «Правдой» — Артой, а его противники и мятежники — с «Ложью», рассматривавшейся в древнеиранском дуализме как воплощение несправедливости, противодействия космическому правопорядку, а также всего дурного, морально нечистого, противоречащего истинной вере.

8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕИРАНСКИХ ПЛЕМЕН

Предки западноиранских племен покинули свою прародину еще до становления в евразийских степях кочевого скотоводства и разделения племен на кочевников и земледельцев. Ранее хозяйство этих областей, по данным археологии, было скотоводческо-земледельческим. Судя по лингвистическим материалам, земледелие продолжало развиваться как в арийскую, так и в общеиранскую эпоху, когда применялся и плуг (соха). Авеста и Ригведа говорят об оседлой жизни в постоянных поселениях иранских и индоарийских скотоводов-земледельцев. Скот, однако, был главным мерилом богатства и основной добычей в межплеменных войнах.

Важную роль играло коневодство; в арийскую эпоху использовалась боевая колесница, а в период расселения иранских племен они обладали и развитыми навыками верховой езды, всадническим снаряжением и оружием. Уже в арийскую эпоху существовало профессиональное ремесло, в частности металлургия.

Арийские племенные общины делились на три наследственные группы: воинов, жрецов, простых общинников; затем оформилась четвертая груп-

па — зависимых. Одно из арийских обозначений воинов — «колесничие» (в Авесте *ратайштар*, позже в среднеперсидском *артештаран* — знатные воины); из этой группы происходили и вожди, или «цари», обладавшие большой властью и имущественным превосходством над соплеменниками. С арийской эпохи «воины» были частично свободны от производительного труда и имели другие источники дохода, как в значительной части и жречество. Оно включало служителей культа и представителей иных «интеллектуальных» профессий того времени: хранителей религиозно-эпической традиции и правовых норм, советников правителей, воспитателей юношей из трех первых социальных групп и др. В Авесте члены жреческой касты называются *атраван* (среднеперс. *асраван*). У мидян и персов они именовались также магами.

Название третьей группы, *вастрьо-фшуйант*, в Младшей Авесте означает «земледельцев» (как и среднеперс. *вастрьошан*), но раннее значение термина примерно «крестьяне-скотоводы». Вместе с «воинами» и «жрецами» они участвовали в культовой организации общины, а экономически считались самостоятельными хозяевами. После образования больших иранских государств эта группа становилась объектом прямой эксплуатации; внутри ее шел процесс дифференциации. Но в начале исторического периода это был обширный круг еще сохранявших свои права свободных производителей и рядовых рабовладельцев.

Члены четвертой группы (в Авесте *хути*, среднеперс. *хутухшан*) были неполноправны в культовом и юридическом отношении и считались работающими для других. Сюда входили ремесленники, работники в иных отраслях хозяйства, слуги и т.п. Ремесленный труд считался «неблагородным» не сам по себе, а как работа за содержание или плату, т.е. как профессиональное ремесло. В целом этот слой обслуживал всю общину и ее вождей. Отдельные его группы по положению были близки к рабам, но он все же представлял отдельную от рабов часть населения. Что касается самого рабства, то оно существовало уже в арийскую эпоху и даже ранее (в ряде индоевропейских языков, включая авестийский, сохранилось единое по происхождению понятие, означающее собственность на «скот и людей»). Позже рабов становилось уже больше, но по характеру рабство у иранских племен долго оставалось неразвитым, в основном патриархальным, домашним.

Семья, находившаяся вместе с ее рабами под властью «домовладыки», имела значительную хозяйственную самостоятельность или разделяла собственность на землю, а также на скот и рабов с другими семьями рода, возглавлявшегося «владыкой рода». Группа родов составляла сельскую общину. Представление о племени в предахеменидскую эпоху еще существовало, но само племя уже не было основой политической организации ни у создателей Авесты, ни у мидян и персов. Главную роль играли территориальные единицы: «округа» и более крупная — «страна», *дахью*; «владыка страны» был также ее религиозным главой и судьей.

«Странами»-дахью часто назывались совсем небольшие по размерам политические единицы. Такими были и многие из тех владений со своими правителями, о которых для районов с ираноязычным населением сообщают ассирийские тексты IX—VIII вв. Тогда в этих районах на северо-западе Ирана начинали возникать и более крупные образования государственного типа, однако они были ослаблены и поглощены Урарту, Ассирией и Манной. Так, область Парсуа, где в IX в. имелось до 30 «царей», к середине VIII в. оказалась под властью одного правителя, но в 744 г. была

завоевана и стала провинцией Ассирии. И наконец, в Мидии после свержения ассирийского ига создалось самостоятельное царство.

9. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ МИДИИ. МИДИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

История мидийского восстания известна по ассирийским гадательным надписям, не датированным по годам. Вероятно, в 671 г. восстание охватило ряд восточных провинций Ассирии. Главную роль играли мятежные местные правители из мидийских областей: Каштарити из Кар-Кашши, Дусани из Сапарды и Мамитиарши из Мадай. В союзе с ними были скифы, киммерийцы и маннеи. Под угрозой уже находились ассирийские крепости в Кишессу и даже в Бит-Хамбане. Ассирийцы пытались договориться с мятежниками и вождем скифов Партатуа. На этом наши сведения обрываются. Но часто предполагают, что Партатуа все же пошел на союз с Ассирией, и это помогло ей сохранить часть восточных провинций.

Мидия же к 669 г. считалась ассирийцами отдельной «страной». Но она еще не была единым царством. В ходе восстания, вероятно, возникло объединение типа военного союза, но каждый из трех руководителей правил в своей «стране», а их в Мидии было много больше. И по рассказу Геродота, являющемуся основным источником по истории Мидийского царства, после завоевания независимости Мидия оставалась разобщенной и в ней продолжались междоусобицы, пока она не была объединена Дейоком (иран. Дахьюка). Сначала он был правителем и «судьей» своей «страны» (*дахью*), а затем возглавил мидийское объединение, еще состоявшее из различных «стран» и округ со своими правителями, и власть Дейока была ограничена определенными функциями, в частности «судьи» всей Мидии. Очевидно, в борьбе с местными правителями он добился того, что на специально собранном совете «всех мидян» был провозглашен царем.

После этого Дейок построил большой царский город с дворцом и сокровищницей внутри цитадели, окруженной мощными стенами, за которыми был поселен «прочий» народ; так были основаны Экбатаны (иран. Хагматана, совр. Хамадан). Была создана царская стража, установлены строгие дворцовые порядки, к царю обращались через вестников или подавая письменные прошения. Эти меры имели целью оградить и возвысить царя перед членами знатных родов, ранее равными ему по положению. Была учреждена полицейская служба, по всей стране имелись соглядатаи и подслушивающие.

Многое в этом рассказе Геродота скорее отражает порядки позднего периода существования Мидийской державы. Но ко времени Дейока относятся само утверждение царской власти, основание столицы, возвышение царя над правителями других «стран» и реальное объединение Мидии. Сын Дейока, Фраорт (ок. 646—624), начал завоевания за ее пределами. Первыми, по Геродоту, были покорены персы, а затем ряд других народов. Тогда Фраорт решился на войну с Ассирией, но в этом походе погиб с большой частью войска.

При его сыне Киаксаре (624/23—585/84) Мидия достигла наивысшего могущества, став великой державой. Однако в начале правления он потерпел неудачу в борьбе со скифами, и мидяне должны были платить им дань, как ее платили скифам многие народы Передней Азии. Позже Киаксар положил конец скифскому «владычеству» над Азией (по Геродоту, изменни-

чески перебив часть скифов), но когда это произошло, неясно. Очевидно, до завершающего этапа войны с Ассирией Киаксар провел военную реформу: вместо ополчения, набираемого по народам и «странам», было создано регулярное войско из соединений копьеносцев, лучников и конницы.

Мидия вновь вступила в войну с Ассирией, которая в союзе с Манной, Урарту и Египтом вела борьбу с Нововавилонским царством и другими противниками. После поражения в 616 г. ассирийских и маннейских войск от вавилонян мидяне вторглись во владения Ассирии (и, вероятно, тогда же подчинили Манну); вскоре они были уже в провинции Аррапха (у совр. Киркука в Ираке), а затем прошли по коренным землям Ассирии до Ашшура и взяли этот ее древнейший центр (614 г. до х.э.).

В 612 г. мидяне и вавилоняне опять вторглись в Ассирию и двинулись на ее столицу. В августе 612 г. Ниневия пала после штурма и ожесточенных уличных боев.

В Мидийскую державу теперь входили Урартское, Маннейское и Скифское царства, к 593 г. сохранявшие автономию. Но она вскоре, видимо, была уничтожена, и в 590 г. началась война мидян с Лидией — к тому времени основным государством на западе Малой Азии. Война эта закончилась после битвы, во время которой произошло полное солнечное затмение 28 мая 585 г. По миру, закрепленному женитьбой сына Киаксара, Астиага, на дочери лидийского царя, граница обоих государств устанавливалась по р. Галис (Кызылырмак), — за Мидией была закреплена северо-восточная часть Малой Азии.

О владениях Мидии на востоке достоверных данных не имеется. Сфера ее влияния охватывала, возможно, запад Средней Азии и Афганистана, но не распространялась на Маргиану (область Мерва) и области далее к востоку, впервые покоренные Ахеменидами.

Во многих, особенно периферийных, областях Мидийской державы сохранялись зависимые царства (как и персидское, управлявшееся Ахеменидами). Другие районы входили в провинции во главе в наместниками, назначаемыми из Экбатан. Но конкретных сведений о размерах наместничеств, полномочиях их правителей и иных особенностях внутреннего строя Мидийской державы почти нет. Бесспорно, однако, что она сыграла очень важную роль в развитии иранских государственных институтов, и многие из них были унаследованы и развиты при Ахеменидах.

Создание большого государства и завоевания, сопровождавшиеся захватом огромной добычи и дани, способствовали экономическому и социальному развитию мидийского общества, росту богатств определенных кругов знати. Есть данные о существовании в Мидии крупных хозяйств с эксплуатацией рабов и зависимых, а также свободных, лишившихся своего хозяйства. Укрепление царской власти, борьба с местными владетелями и знатью нашли идеологическое обоснование в учении магов, последователей дуализма маздеитского типа (сам культ Мазды засвидетельствован на западе Ирана и в Мидии с VIII в.). Противодействие централизации, местное «беззаконие» и усобицы объявлялись проявлением «Лжи» и противоположностью «Правде», «справедливому» миропорядку, осуществляемому на земле царем и его «благим законом». Эта идеология использовалась, по рассказу Геродота, уже при объединении Мидии Дейоком, а позже, очевидно, широко пропагандировалась в стране. Сами же маги играли видную роль в политической жизни и при царском дворе наряду с родовой, военной и вельможной знатью.

До начала VI в. внутренние противоречия скрадывались внешнеполитическими успехами. Но эпоха мидийской истории, связанная с борьбой за независимость, сокрушением Ассирии и последовавшими завоеваниями, закончилась с правлением Киаксара. Его сын Астиаг за 35 лет царствования не вел, во всяком случае на западе, значительных военных действий. Но именно при нем происходило упорядочение институтов Мидийской державы (и, вероятно, установление многих из ее порядков, о которых писал Геродот). Астиаг стремился ограничить могущество высшей знати и был «жесток» с ней. Одновременно возросло влияние магов. В Мидии сложилась напряженная обстановка.

В этих условиях часть знати во главе с членом царского рода и начальником войск Гарпагом вошла в сношения с персидским царем Киром II, готовившим восстание против Мидии. После начала восстания, в 550 г., во время похода Астиага на персов «его войско восстало против него, он был схвачен и отдан Киру», пишет вавилонская хроника. А по Геродоту, в решающей битве сражалась лишь часть мидийского войска, непричастная к заговору, а другая открыто перешла на сторону персов. Кир одержал победу, и Ахеменидская держава сменила Мидийскую.

10. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН В ГОРНЫХ РАЙОНАХ ИРАНА

С середины I тысячелетия до х.э. в горных районах Ирана и севера Передней Азии известны племена, которых античные авторы называют «номадами», противопоставляя земледельцам, именуют «бродячими», «разбойничьими» и т.п. Нередко они обладали значительной силой и, укрываясь в горах, не признавали власти правителей великих держав. Правда, не все «разбойничьи» горные племена были кочевыми; во многих районах, где в средние века преобладали кочевники, в древности сохранялись многочисленные оседло-земледельческие поселения (как это было и в Луристане до сасанидской эпохи включительно). Но уже во второй половине I тысячелетия до х.э. существовали и собственно скотоводческие племена номадов, рассеянные в различных районах на Армянском нагорье, в горах на севере Ирана, в Загросе и т.д. Сведения о части таких племен восходят к началу ахеменидской эпохи. А распространение их в упомянутых районах может быть отнесено ко второй четверти I тысячелетия до х.э.

Западноиранские племена при продвижении в Иран были в целом однородны в хозяйственном отношении, но затем из среды этих скотоводческо-земледельческих племен выделились группы, переходившие к кочевому хозяйству и быту, при дальнейшем развитии земледелия у другой, большей части племен. Так, Геродот из 10 перечисленных им персидских племен 6 называет земледельческими, а 4 — кочевыми. Мидяне же были целиком «земледельцами». Оседло-земледельческими группами были созданы и первые государственные образования ираноязычного населения, в том числе Мидия и Ахеменидское царство, возникшее на основе связей именно «земледельческих» персидских племен.

Кочевые иранские племена в Иране и Передней Азии были распространены лишь в горных районах, где в соответствующих экологических условиях возникновение кочевого и полукочевого скотоводства было во многом подготовлено хозяйственными процессами, проходившими уже с IV/III ты-

сячелетия. Но определенный вклад в хозяйственные предпосылки формирования кочевого скотоводства, очевидно, внесли и скотоводческие навыки иранских племен. Существенную роль в развитии кочевого хозяйства и быта обычно отводят также верховой езде. Распространение же ее в указанных районах примерно совпадает по времени с появлением иранских племен, и известно о большом влиянии, которое они оказывали на распространение у местного населения всадничества и новых методов коневодства.

Помимо экономических предпосылок в становлении кочевого и полукочевого хозяйства, как и позже в его развитии и консервации, большую роль играли социальные и политические факторы. Они же во многом обусловили происходившие в горных районах Ирана в некоторые эпохи (например, после падения державы Сасанидов) сокращение числа поселений, переход части оседлого населения к кочевому хозяйству и ее включение в состав кочевых племен.

Распространение племен номадов около VIII—VI вв. в горах Ирана и на Армянском нагорье совпадает с эпохой огромных политических и социальных потрясений, приведших и к значительным передвижениям ранее в основном оседлого населения. Во время ассиро-урартских завоеваний, соперничества и войн Ассирии, Урарту, Манны, Элама многие мелкие «страны» неоднократно разорялись и опустошались, их население подвергалось жесточайшей эксплуатации (а частично и выселялось) либо укрывалось в горах и соседних странах, часто вынужденное менять привычные формы хозяйства и быта.

Новый этап опустошительных войн, когда бывшие агрессоры были защищающейся стороной, завершился мидийскими походами, в которые были вовлечены жители различных областей Ирана. Теперь оказались разгромленными многие центры и земледельческие округи во владениях Ассирии и Урарту, а часть этих районов была заселена завоевателями. Среди них тогда уже определенно были группы, переходившие или перешедшие к кочевому образу жизни. Так, на северо-востоке Ассирии, в пределах будущего Курдистана, поселилась часть сагартиев. Ранее не отличавшиеся по типу хозяйства от других иранских племен, сагартии характеризуются античными авторами уже как одно из иранских племен-номадов.

В войнах и племенных передвижениях конца VIII — начала VI в. большую роль играли киммерийцы и скифы. В Переднюю Азию они пришли с выработанными (хотя в иных географических условиях) формами кочевого быта, и их пребывание в областях от востока Малой Азии до Иранского Азербайджана и Курдистана, где позже находились традиционные районы горного кочевого скотоводства, также могло оказать влияние на его развитие.

В отдельных районах Ирана и севера Передней Азии к кочевничеству, видимо, переходили и группы старого местного населения. Но со временем эти разноязычные группы в основном влились в состав иранских племен, которые расселились по упомянутому горному ареалу, а иранские языки стали играть там особую роль с эпохи мидийского (а также скифского) преобладания.

Из иранских племен-номадов в античных источниках наиболее часто упоминаются марды и киртии («кюртии»), засвидетельствованные в горах Иранского Азербайджана и Прикаспия, на Армянском нагорье, в Курдистане на юге Загроса. Оба термина не были собственно этнонимами, а обозначали ираноязычные племена определенного хозяйственно-бытового об-

лика. Но нередко они закреплялись и как самоназвания; второй из них соответствует иранскому «курты» (среднеперс. *курт* — скотовод, кочевник; позже — курд). Он стал впоследствии этнонимом курдов. Как сложившаяся народность курды известны в Центральном Курдистане с конца античной эпохи, в районах, где ранее обитали киртии и марды.

В древности мардами и киртиями (а иногда еще и в средние века курдами) именовались также иранские кочевые племена Фарса и будущего Луристана. Названия «луры», «бахтиары» и др. известны лишь со средних веков, когда, видимо, в основном и проходило оформление этих этнических общностей. Но начальные этапы этногенеза ираноязычных кочевых и полукочевых племен этих областей относятся уже к концу мидийской — началу ахеменидской эпохи.

Глава XVII

АХЕМЕНИДСКАЯ ДЕРЖАВА

Персы впервые упоминаются в ассирийских источниках начиная с IX в. до х.э. В надписи ассирийского царя Салманасара III, составленной около 843 г., говорится об области Парсуа. В 834 г. ассирийцы получили подать с 27 царьков этой области, находившейся в горах Центрального Загроса. Территория эта примерно совпадала с современной иранской провинцией Фарс. Последнее название является арабизированной формой от Парса, обозначавшей как страну и народ персов, так и их древнюю столицу Персеполь.

В IX в. до х.э. персы еще не были объединены и находились под предводительством своих многочисленных, независимых друг от друга вождей. До начала 40-х годов VII в. до х.э. персы находились в зависимости от эламских царей и затем на короткое время стали данниками ассирийцев. По-видимому, в VII в. до х.э. персы составляли племенной союз, который возглавлялся вождями из рода Ахеменидов. Основателем династии традиция считала Ахемена. Около 646 г. до х.э. царем персов стал Кир I, потомок Ахемена. Постепенно при Кире I и последующих царях персидские племена заняли большую часть Иранского плато. Часть персов вела оседлый образ жизни, а другая часть занималась кочевым скотоводством.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРОВОЙ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Приблизительно с 600 по 559 г. в Персии правил Камбиз I, который находился в вассальной зависимости от мидийских царей.

В 558 г. до х.э. Кир II, сын Камбиза I, стал царем оседлых персидских племен, среди которых главенствующую роль играли пасаргады. Центр Персидского государства был расположен вокруг г. Пасаргады, интенсивное строительство которого относится еще к начальному периоду правления Кира. Об общественной организации Персии того времени можно судить лишь в самых общих чертах. Основной социальной ячейкой была большая партиархальная семья, глава которой имел неограниченную власть над всеми своими родственниками. Родовая (а позднее и сельская) община, объединявшая ряд семей, в течение многих веков оставалась могущественной силой. Роды были объединены в племена.

Когда Кир II стал царем Персии, на всем Ближнем Востоке оставались четыре крупные державы, а именно Египет, Вавилония, Мидия и Лидия.

В 553 г. Кир поднял восстание против мидийского царя Астиага, в вассальной зависимости от которого находились до того времени персы. Война длилась три года и окончилась в 550 г. полной победой персов. Экбатаны, столица бывшей Мидийской державы, теперь стала одной из царских резиденций Кира. Покорив Мидию, Кир формально сохранил Мидийское царст-

во и принял официальные титулы мидийских царей: «великий царь, царь царей, царь стран».

Начиная со времени захвата Мидии Персия выступает на широкую арену мировой истории, чтобы в течение следующих двух столетий играть в ней ведущую в политическом отношении роль.

Около 549 г. вся территория Элама была захвачена персами. В 549—548 гг. персы подчинили своей власти страны, входившие в состав бывшей Мидийской державы, а именно Парфию, Гирканию и, вероятно, Армению.

Тем временем Крез, правитель могущественного Лидийского царства в Малой Азии, с беспокойством следил за стремительными успехами Кира и начал готовиться к предстоявшей войне. По инициативе египетского фараона Амасиса около 549 г. был заключен союз между Египтом и Лидией. Вскоре Крез заключил договор о помощи и со Спартой, самым сильным государством в Греции. Однако союзники не осознавали, что необходимо действовать немедленно и решительно, а тем временем Персия с каждым днем становилась все могущественнее.

В конце октября 547 г. у р. Галис, в Малой Азии, произошла кровопролитная битва между персами и лидийцами, но она окончилась безрезультатно, и ни одна из сторон не рискнула немедленно вступить в новый бой.

Крез отступил в свою столицу Сарды и, решив более основательно подготовиться к войне, обратился с предложением заключить военный союз к царю Вавилонии Набониду. Одновременно Крез послал вестников в Спарту с просьбой прислать войско к весне (т.е. примерно через пять месяцев), чтобы дать персам решающий бой. С такой же просьбой Крез обратился и к другим союзникам и до весны распустил наемников, служивших в его войске.

Однако Кир, который был в курсе действий и намерений Креза, решил застигнуть противника врасплох и, стремительно пройдя несколько сот километров, оказался у ворот Сард, жители которых вовсе не ожидали такого нападения.

Крез вывел свою считавшуюся непобедимой конницу на равнину перед Сардами. По совету одного из своих полководцев Кир поставил всех следовавших в обозе верблюдов впереди своего войска, предварительно посадив на них воинов. Лидийские кони, увидев незнакомых им животных и почуяв их запах, бежали. Однако лидийские всадники не растерялись, соскочили с коней и стали сражаться пешими. Произошла жестокая битва, в которой, однако, силы были неравны. Под напором превосходящих сил противника лидийцам пришлось отступить и бежать в Сарды, где они были осаждены в неприступной крепости.

Полагая, что осада будет долгой, Крез послал вестников в Спарту, Вавилон и Египет с просьбой о немедленной помощи. Из союзников лишь спартанцы более или менее охотно откликнулись на мольбу лидийского царя и подготовили войско для отправки на кораблях, но вскоре получили известие, что Сарды уже пали.

Осада Сард продолжалась лишь 14 дней. Попытка взять город штурмом окончилась неудачно. Но один наблюдательный воин из войска Кира, принадлежавший к горному племени мардов, заметил, как по обрывистой и неприступной скале спустился из крепости за упавшим шлемом воин, а затем поднялся обратно. Эта часть крепости считалась совершенно неприступной и поэтому не охранялась лидийцами. Мард поднялся вверх по

скале, и за ним последовали другие воины. Город был взят, и Крез попал в плен (546 г.).

После захвата Лидии настала очередь греческих городов Малой Азии. Жители этих городов послали вестников в Спарту с просьбой о помощи. Опасность грозила всем малоазийским грекам, кроме жителей Милета, заблаговременно подчинившегося Киру, и островных эллинов, поскольку у персов пока еще не было флота.

Когда вестники малоазийских городов прибыли в Спарту и изложили свою просьбу, спартанцы отказали им в помощи. Покорение греков и остальных народов Малой Азии Кир решил поручить кому-либо из своих полководцев. Наместником Лидии был назначен перс Табал, а сам Кир направился в Экбатаны, чтобы обдумать планы походов против Вавилонии, Бактрии, саков и Египта.

Воспользовавшись отъездом Кира в Экбатаны, жители Сард во главе с лидийцем Пактием, которому была поручена охрана царской казны, подняли восстание. Они осадили персидский гарнизон во главе с Табалом в крепости Сард и уговорили приморские греческие города прислать свои военные отряды на помощь восставшим.

Для подавления восстания Кир послал войско во главе с мидийцем Мазаром, которому было приказано также разоружить лидийцев и обратить в рабство жителей греческих городов, которые оказали помощь восставшим.

Пактий, узнав о приближении персидского войска, бежал со своими приверженцами, и на этом восстание окончилось. Мазар начал покорение греческих городов Малой Азии. Вскоре Мазар умер от болезни, и на его место был назначен мидиец Гарпаг. Он стал возводить высокие насыпи у обнесенных стенами греческих городов и затем штурмом брать их. Таким образом вскоре Гарпаг подчинил всю Малую Азию, и греки потеряли свое военное господство в Эгейском море. Теперь Кир в случае надобности в военном флоте мог пользоваться греческими кораблями.

Между 545 и 539 гг. до х.э. Кир подчинил Дрангиану, Маргиану, Хорезм, Согдиану, Бактрию, Арейю, Гедросию, среднеазиатских саков, Саттагидию, Арахосию и Гандхару. Таким образом, персидское господство достигло северо-западных границ Индии, южных отрогов Гиндукуша и бассейна р. Яксарт (Сырдарья). Только после того, как ему удалось достигнуть самых дальних пределов своих завоеваний в северо-восточном направлении, Кир выступил против Вавилонии.

Весной 539 г. до х.э. персидская армия двинулась в поход и начала наступать вниз по долине р. Дияла. В августе 539 г. у г. Опис близ Тигра персы разгромили вавилонское войско, которым командовал сын Набонида Бел-шар-уцур. Затем персы переправились через Тигр к югу от Описа и окружили Сиппар. Оборону Сиппара возглавил сам Набонид. Персы встретили лишь ничтожное сопротивление со стороны гарнизона города, а сам Набонид бежал из него. 10 октября 539 г. Сиппар оказался в руках персов, а через два дня войско персов без боя вступило в Вавилон. Чтобы организовать оборону столицы, туда поспешил Набонид, но город был уже во вражеских руках, и вавилонский царь попал в плен. 20 октября 539 г. в Вавилон вступил и сам Кир, которому была устроена торжественная встреча.

После захвата Вавилонии все страны к западу от нее и до границ Египта добровольно подчинились персам.

В 530 г. Кир предпринял поход против массагетов, кочевых племен, обитавших на равнинах к северу от Гиркании и к востоку от Каспийского

моря. Эти племена неоднократно совершали грабительские набеги на территорию Персидской державы. Чтобы ликвидировать опасность таких вторжений, Кир сначала создал на крайнем северо-востоке своего государства ряд пограничных укреплений. Однако затем во время битвы к востоку от Амударьи он потерпел полное поражение от массагетов и погиб. Эта битва, по всей вероятности, произошла в самом начале августа. Во всяком случае, к концу августа 530 г. весть о гибели Кира дошла до далекого Вавилона.

Геродот рассказывает, что Кир сначала хитростью овладел лагерем массагетов и перебил их. Но затем основные силы массагетов под руководством царицы Томирис нанесли персам тяжелое поражение, а отрубленная голова Кира была брошена в мешок, наполненный кровью. Геродот пишет также, что это сражение было самым жестоким из всех битв, в которых участвовали «варвары», т.е. негреки. По его утверждению, персы потеряли в этой войне 200 000 человек убитыми (разумеется, цифра эта сильно преувеличена).

После гибели Кира в 530 г. царем Персидской державы стал его старший сын Камбиз II. Вскоре после восшествия на престол он начал готовиться к нападению на Египет.

После долгой военной и дипломатической подготовки, в результате которой Египет оказался в полной изоляции, Камбиз выступил в поход. Сухопутная армия получила поддержку со стороны флота финикийских городов, которые еще в 538 г. подчинились персам. Персидская армия благополучно добралась до пограничного египетского города Пелусий (в 40 км от совр. Порт-Саида). Весной 525 г. там же произошла единственная крупная битва. В ней обе стороны понесли тяжелые потери, а победа досталась персам. Остатки египетского войска и наемников в беспорядке бежали в столицу страны Мемфис.

Победители двинулись в глубь Египта по морю и суше, не встречая сопротивления. Командир египетского флота Уджагорресент не дал распоряжения об оказании сопротивления противнику и сдал без боя г. Саис и свой флот. Камбиз послал в Мемфис корабль с вестником, требуя сдачи города. Но египтяне напали на корабль и вырезали весь его экипаж вместе с царским вестником. После этого началась осада города, и египтянам пришлось сдаться. 2000 жителей было казнено в отместку за убийство царского вестника. Теперь весь Египет был в руках персов. Жившие к западу от Египта ливийские племена, а также греки Киренаики и город Барка добровольно подчинились Камбизу и прислали дары.

К концу августа 525 г. Камбиз был официально признан царем Египта. Он основал новую, XXVII династию фараонов Египта. Как свидетельствуют официальные египетские источники, Камбиз придал своему захвату характер личной унии с египтянами, короновался по египетским обычаям, пользовался традиционной египетской системой датировки, принял титул «царь Египта, царь стран» и традиционные титулы фараонов «потомок [богов] Ра, Осириса» и т.д. Он участвовал в религиозных церемониях в храме богини Нейт в Саисе, приносил жертвы египетским богам и оказывал им другие знаки внимания. На рельефах из Египта Камбиз изображен в египетском костюме. Чтобы придать захвату Египта законный характер, создавались легенды о рождении Камбиза от брака Кира с египетской царевной Нитетидой, дочерью фараона.

Вскоре после завоевания персами Египет снова начал жить нормальной жизнью. Юридические и административные документы времени Камбиза

свидетельствуют о том, что первые годы персидского господства не нанесли значительного ущерба экономической жизни страны. Правда, сразу после захвата Египта персидская армия совершила грабежи, но Камбиз приказал своим воинам прекратить грабежи, покинуть храмовые территории и возместил причиненный ущерб. Следуя политике Кира, Камбиз предоставил египтянам свободу в религиозной и частной жизни. Египтяне, как и представители других народов, продолжали занимать свои должности в государственном аппарате и передавали их по наследству.

Захватив Египет, Камбиз начал готовиться к походу против Страны эфиопов (Нубии). С этой целью он основал в Верхнем Египте несколько укрепленных городов. Согласно Геродоту, Камбиз вторгся в Эфиопию без достаточной подготовки, без запасов продовольствия, в его армии началось людоедство, и он был вынужден отступить.

Пока Камбиз находился в Нубии, египтяне, зная о его неудачах, подняли восстание против персидского господства. В конце 524 г. Камбиз вернулся в административную столицу Египта Мемфис и начал суровую расправу с восставшими. Зачинщик восстания бывший фараон Псамметих III был казнен, страна усмирена.

Пока Камбиз в течение трех лет безвыездно находился в Египте, на его родине начались волнения. В марте 522 г., будучи в Мемфисе, он получил известие о том, что его младший брат Бардия поднял восстание в Персии и стал царем. Камбиз направился в Персию, но умер в пути при загадочных обстоятельствах, не успев вернуть себе власть.

Если верить Бехистунской надписи Дария I, на самом деле Бардия был убит по приказанию Камбиза еще до завоевания Египта и некий маг Гаумата захватил престол в Персии, выдавая себя за младшего сына Кира. Вряд ли мы когда-нибудь точно узнаем, был ли этот царь Бардией или же узурпатором, принявшим чужое имя.

29 сентября 522 г., после семи месяцев царствования, Гаумата был убит заговорщиками в результате внезапного нападения представителей семи наиболее знатных родов персов. Дарий, один из этих заговорщиков, стал царем Ахеменидской державы.

Сразу после захвата престола Дарием I против него восстала Вавилония, где, если верить Бехистунской надписи, некий Нидинту-Бел объявил себя сыном последнего вавилонского царя Набонида и стал царствовать под именем Навуходоносора III. Дарий лично возглавил поход против восставших. 13 декабря 522 г. у р. Тигр вавилоняне потерпели поражение, а через пять дней Дарий одержал новую победу в местности Зазана у Евфрата. После этого персы вступили в Вавилон, а руководители восставших были преданы казни.

Пока Дарий был занят карательными действиями в Вавилонии, против него восстали Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия, сакские племена Средней Азии и Египет. Началась долгая, жестокая и кровопролитная борьба за восстановление державы.

Против восставших в Маргиане двинулся сатрап Бактрии Дадаршиш, и 10 декабря 522 г. маргианцы потерпели поражение. За этим последовала резня, во время которой каратели убили более 55 тыс. человек.

В самой Персии некий Вахьяздата выступил соперником Дария под именем сына Кира, Бардии, и нашел среди народа большую поддержку. Ему удалось также захватить восточноиранские области вплоть до Арахосии. 29 декабря 522 г. у крепости Капишаканиш и 21 февраля 521 г. в области Гандутава в Арахосии войска Вахьяздаты вступили в бой с армией Дария.

По-видимому, эти битвы не принесли решающей победы ни одной из сторон, и армия Дария нанесла поражение противнику лишь в марте того же года. Но в самой Персии Вахьяздата все еще оставался хозяином положения, и сторонники Дария одержали над ним решающую победу у горы Парга в Персии лишь 16 июля 521 г. Вахьяздата был взят в плен и вместе с ближайшими своими сторонниками посажен на кол.

Но в остальных странах продолжались восстания. Первое восстание в Эламе было подавлено довольно легко, и вождь восставших Ассина был пленен и казнен. Однако вскоре некий Мартия поднял новое восстание в Эламе. Когда Дарию удалось восстановить свою власть в этой стране, почти вся Мидия оказалась в руках Фравартиша, который утверждал, что он Хшатрита из рода древнего мидийского царя Киаксара. Это восстание было одним из наиболее опасных для Дария, и он сам выступил против мятежников. 7 мая 521 г. произошел крупный бой у г. Кундуруш в Мидии. Мидийцы потерпели поражение, и Фравартиш с частью своих приверженцев бежал в область Рага в Мидии. Но вскоре он был схвачен и приведен к Дарию, который жестоко расправился с ним. Он отрезал Фравартишу нос, уши и язык и выколол ему глаза. После этого его отвезли в Экбатаны и посадили там на кол. В Экбатаны были доставлены также ближайшие помощники Фравартиша и заключены в крепость, а затем с них содрали кожу.

В других странах борьба с восставшими все еще продолжалась. В различных областях Армении полководцы Дария долго, но безуспешно пытались усмирить мятежников. Первое крупное сражение произошло еще 31 декабря 522 г. в местности Изала. Потом войска Дария уклонялись от активных действий до 21 мая 521 г., когда они приняли бой в местности Зузахия. Через шесть дней произошла у р. Тигр новая битва. Но сломить упорство восставших армян все еще не удавалось, и в дополнение к войскам Дария, который действовал в Армении, была направлена новая армия. После этого удалось одержать победу над восставшими в бою в местности Аутиара, а 21 июня 521 г. армяне около горы Уяма потерпели новое поражение.

Тем временем Виштаспа, отец Дария, который являлся сатрапом Парфии и Гиркании, в течение многих месяцев уклонялся от сражений с восставшими. В марте 521 г. битва у г. Вишпаузатиш в Парфии не принесла ему победы. Только летом Дарий оказался в состоянии послать на помощь Виштаспе достаточно многочисленное войско, и после этого 12 июля 521 г. у г. Патиграбана в Парфии восставшие были разгромлены.

Но через месяц вавилоняне сделали новую попытку добиться независимости. Теперь во главе восстания стоял урарт Араха, который выдавал себя за Навуходоносора, сына Набонида (Навуходоносора IV). Против вавилонян Дарий послал армию во главе с одним из своих ближайших сподвижников, и 27 ноября 521 г. войско Арахи было разгромлено, а он сам и его соратники казнены.

Это было последним крупным восстанием, хотя в государстве все еще продолжались волнения. Теперь, через год с небольшим после захвата власти, Дарий смог упрочить свое положение и вскоре после этого восстановил державу Кира и Камбиза в ее старых границах.

Между 519—512 гг. персы покорили своей власти Фракию, Македонию и северо-западную часть Индии. Это было временем наивысшего могущества Персидской державы, границы которой стали простираться от

р. Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до Эфиопии на юге. Таким образом возникла мировая держава, объединившая под властью персидских царей десятки стран и народов.

2. ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

По своему социально-экономическому укладу держава Ахеменидов отличалась большим разнообразием. В нее входили области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, которые задолго до возникновения Персидской империи имели свои государственные институты. Наряду с перечисленными экономически развитыми странами персы покорили также отсталые кочевые арабские, скифские и другие племена, которые находились на стадии разложения родового строя.

Восстания 522—521 гг. показали слабость Персидской державы и неэффективность управления завоеванными странами. Поэтому около 519 г. Дарий I провел важные административно-финансовые реформы, которые позволили создать устойчивую систему государственного управления и контроля над покоренными народами, упорядочили сбор податей с них и увеличили контингенты войска. В результате проведения этих реформ в жизнь в Вавилонии, Египте и других странах была создана по существу новая административная система, которая до конца господства Ахеменидов не претерпела существенных изменений.

Дарий I разделил государство на административно-податные округа, которые назывались сатрапиями. Как правило, сатрапии по своим размерам превосходили провинции более ранних империй, и в ряде случаев границы сатрапий совпадали со старыми государственными и этнографическими границами стран, входивших в состав Ахеменидской державы (например, Египет).

Во главе новых административных округов стояли сатрапы. Должность сатрапа существовала с возникновения Ахеменидской державы, но при Кире, Камбизе и в первые годы царствования Дария наместниками во многих странах являлись местные чиновники, как это было еще в Ассирийской и Мидийской империях. Реформы же Дария, в частности, были направлены на то, чтобы сосредоточить руководящие должности в руках персов, и на должность сатрапов теперь, как правило, назначались персы.

Далее, при Кире и Камбизе гражданские и военные функции были объединены в руках одного и того же лица, а именно сатрапа. Дарий же ограничил власть сатрапа, установив четкое разделение функций сатрапов и военных властей. Теперь сатрапы стали только гражданскими наместниками и стояли во главе администрации своей области, осуществляли судебную власть, следили за хозяйственной жизнью страны и поступлением податей, обеспечивали безопасность в пределах границ своей сатрапии, контролировали местных чиновников и имели право чеканить серебряную монету. В мирное время в распоряжении сатрапов находилась только небольшая личная охрана. Что же касается армии, она подчинялась военачальникам, которые были независимы от сатрапов и подчинялись непосредственно царю. Однако после смерти Дария I это требование о разделе военных и гражданских функций не соблюдалось строго.

В связи с осуществлением новых реформ был создан большой центральный аппарат во главе с царской канцелярией. Центральное государственное

управление находилось в административной столице Ахеменидской державы — Сузах. По государственным делам в Сузы приезжали многие высокопоставленные лица и мелкие чиновники из различных концов государства, начиная от Египта и кончая Индией. Не только в Сузах, но также в Вавилоне, Экбатанах, Мемфисе и других городах были крупные государственные канцелярии с большим штатом писцов.

Сатрапы и военачальники были тесно связаны с центральным управлением и находились под постоянным контролем царя и его чиновников, особенно тайной полиции («уши и око царя»). Верховный контроль над всем государством и надзор над всеми чиновниками были доверены *хазарапату* («тысяченачальник»), который одновременно являлся начальником личной гвардии царя.

Сатрапская канцелярия точно копировала царскую канцелярию в Сузах. Под начальством сатрапа находилось множество чиновников и писцов, в том числе начальник канцелярии, начальник сокровищницы, принимавший государственные подати, глашатаи, которые сообщали государственые распоряжения, счетоводы, судебные следователи и т.д.

Уже при Кире II государственные канцелярии в западной части Ахеменидской державы пользовались арамейским языком, а позже, когда Дарий провел свои административные реформы, этот язык стал официальным и в восточных сатрапиях и применялся для общения между государственными канцеляриями всей империи. Из центра по всему государству рассылались официальные документы на арамейском языке. Получив эти документы на местах, писцы, которые знали два или несколько языков, переводили их на родной язык тех начальников областей, которые не владели арамейским.

Кроме общего для всего государства арамейского языка в различных странах для составления официальных документов писцы пользовались и местными языками. Например, в Египте администрация была двуязычна и наряду с арамейским применялся также позднеегипетский язык (язык демотических документов) для общения с местным населением.

Особое положение в державе занимала персидская знать. Ей принадлежали крупные земельные владения в Египте, Сирии, Вавилонии, Малой Азии и в других странах. Яркое представление о хозяйствах такого типа дают письма сатрапа Египта в V в. до х.э. Аршамы и других знатных персидских вельмож своим управляющим. Эти письма большей частью являются инструкциями об управлении имениями. Аршама имел крупные земельные владения не только в Нижнем и Верхнем Египте, но также в шести различных странах на пути из Элама в Египет.

Огромные земельные владения (иногда целые области) с правом наследственной передачи и с освобождением от податей получили и так называемые «благодетели» царя, оказавшие последнему большие услуги. Они имели даже право суда над людьми, жившими в принадлежавших ему областях.

Владельцы крупных имений располагали собственным войском и судебно-административным аппаратом с целым штатом управляющих, начальников сокровищниц, писцов, счетоводов и т.д. Эти крупные землевладельцы обычно жили в больших городах — Вавилоне, Сузах и т.д. вдали от сельской местности на доходы с земельных владений, которые находились в ведении их управляющих.

Наконец, часть земель находилась в фактической собственности царя,

по сравнению с предшествующим периодом при Ахеменидах размеры царской земли резко увеличились. Эти земли обычно сдавались в аренду. Так, например, согласно контракту, составленному в 420 г. близ Ниппура, представитель делового дома Мурашу обратился к управляющему посевными полями царя, расположенными по берегам нескольких каналов, с просьбой сдать ему в аренду сроком на три года одно поле. Арендатор обязался платить ежегодно в качестве арендной платы 220 кур ячменя (1 кур = 180 л), 20 кур пшеницы, 10 кур эммера, а также одного быка и 10 баранов.

Кроме того, царю принадлежали многие крупные каналы. Управляющие царя обычно сдавали эти каналы в аренду. В окрестностях Ниппура царские каналы арендовал дом Мурашу, который отдавал их, в свою очередь, в субаренду коллективам мелких землевладельцев. Например, в 439 г. семь землевладельцев заключили контракт с тремя арендаторами царского канала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту субарендаторы получили право орошать свои поля в течение трех дней ежемесячно водой из канала. За это они должны были платить $^1/_3$ часть урожая.

Персидским царям принадлежали канал Акес в Средней Азии, леса в Сирии, доходы от ловли рыбы в Меридовом озере в Египте, рудники, а также сады, парки и дворцы в различных частях государства. О размере царского хозяйства определенное представление может дать тот факт, что в Персеполе ежедневно за счет царя питалось около 15 000 человек.

При Ахеменидах широко применялась такая система землепользования, когда царь сажал на землю своих воинов, которые обрабатывали выделенные для них наделы коллективно, целыми группами, отбывали воинскую повинность и платили определенную денежную и натуральную подать. Эти наделы назывались наделами лука, лошади, колесницы и т.д., и их владельцы должны были выполнять военную повинность в качестве лучников, всадников и колесничих.

В наиболее развитых странах Персидской державы труд рабов довольно широко применялся в основных отраслях экономики. Кроме того, большое количество рабов использовалось для выполнения различных видов домашней работы.

Когда хозяева не могли использовать рабов в сельском хозяйстве или мастерской либо же считали такое использование невыгодным, рабы нередко предоставлялись самим себе с уплатой определенного нормированного оброка с пекулия, которым владел раб. Своим пекулием рабы могли распоряжаться как свободные люди, давать в ссуду, закладывать или сдавать имущество в аренду и т.д. Рабы могли не только участвовать в экономической жизни страны, но также иметь свои печати, выступать свидетелями при заключении свободными и рабами различных деловых сделок. В правовой жизни рабы могли выступать как полноправные люди и судиться между собой или со свободными (но, разумеется, не со своими хозяевами). При этом, по-видимому, не было каких-либо различий в подходе к защите интересов рабов и свободных. Далее, рабы, как и свободные, давали свидетельские показания о преступлениях, совершенных другими рабами и свободными, в том числе их собственными хозяевами.

Долговое рабство в ахеменидское время не имело большого распространения, по крайней мере в наиболее развитых странах. Случаи самозаклада, не говоря о продаже себя в рабство, были сравнительно редким явлением.

Но в Вавилонии, Иудее и Египте детей можно было отдавать в качестве залога. В случае неуплаты долга в установленный срок кредитор мог обратить в рабов детей должника. Однако муж не мог отдать в залог жену, во всяком случае в Эламе, Вавилонии и Египте. В указанных странах женщина пользовалась определенной свободой, имела свое имущество, которым она сама могла распоряжаться. В Египте женщина даже имела право на развод в отличие от Вавилонии, Иудеи и других стран, где такое право имел только мужчина.

В целом рабов по отношению к количеству свободных было сравнительно мало даже в наиболее развитых странах, и их труд не в состоянии был вытеснить труд свободных работников. Основой сельского хозяйства являлся труд свободных земледельцев и арендаторов, и в ремесле также доминировал труд свободного ремесленника, занятие которого обычно наследовалось в семье.

Храмы и частные лица вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию квалифицированного труда свободных работников в ремесле, сельском хозяйстве и особенно для выполнения трудных видов работы (оросительные сооружения, строительные работы и т.д.). Особенно много наемных работников было в Вавилонии, где они нередко работали на строительстве каналов или на полях партиями по нескольку десятков или нескольку сот человек. Часть наемников, работавших в храмовых хозяйствах Вавилонии, состояла из эламитов, которые приезжали в эту страну на время уборки урожая.

По сравнению с западными сатрапиями Ахеменидской державы рабство в Персии имело ряд своеобразных черт. Ко времени возникновения своего государства персы знали только патриархальное рабство, и рабский труд еще не имел серьезного экономического значения.

Документы на эламском языке, составленные в конце VI — первой половине V в. до х.э., содержат исключительно обильную информацию о работниках царского хозяйства в Иране, которые назывались *курташ*. Среди них были мужчины, женщины и подростки обоего пола. По крайней мере часть курташ жила семьями. В большинстве случаев курташ работали отрядами по нескольку сот человек, а некоторые документы говорят о партиях курташ численностью более тысячи человек.

Курташ работали в царском хозяйстве круглый год. Большинство их было занято на строительных работах в Персеполе. Среди них были рабочие всех специальностей (каменотесы, плотники, скульпторы, кузнецы, инкрустаторы и т.д.). Одновременно на строительных работах в Персеполе было занято не менее 4000 человек, строительство царской резиденции продолжалось в течение 50 лет. О масштабах этой работы может дать представление тот факт, что уже на подготовительном этапе нужно было превратить около 135 000 кв. м неровной скальной поверхности в платформу определенной архитектурной формы.

Многие курташ работали и вне Персеполя. Это в основном были пастухи овец, виноделы и пивовары, а также, по всей вероятности, и пахари.

Что же касается юридического положения и социального статуса курташ, значительная их часть состояла из военнопленных, насильственно угнанных в Иран. Среди курташ было и некоторое количество подданных персидского царя, которые отбывали трудовую повинность в течение целого года. По-видимому, курташ можно считать полусвободными людьми, посаженными на царскую землю.

Основным источником государственных доходов были подати.

При Кире и Камбизе еще не было твердо урегулированной системы податей, основанной на учете экономических возможностей стран, входивших в состав Персидской державы. Подвластные народы доставляли подарки или же платили подати, которые, по крайней мере частично, вносились натурой.

Около 519 г. Дарий I установил систему государственных податей. Все сатрапии обязаны были платить строго фиксированные для каждой области денежные подати, установленные с учетом размеров обрабатываемой земли и ее плодородности.

Что же касается самих персов, они, как господствующий народ, не платили денежных налогов, но не были освобождены от натуральных поставок. Остальные народы платили в год в общей сложности около 7740 вавилонских талантов серебра (1 талант равнялся 30 кг). Большая часть этой суммы уплачивалась народами экономически наиболее развитых стран: Малой Азии, Вавилонии, Сирии, Финикии и Египта. Лишь некоторые храмы получили освобождение от налогов.

Хотя система подарков тоже была сохранена, последние отнюдь не носили добровольного характера. Размер подарков тоже был установлен, но в отличие от податей они уплачивались натурой. При этом преобладающее большинство подданных платили подати, а подарки доставлялись только народами, жившими на границах империи (колхи, эфиопы, арабы и т.д.).

Суммы податей, установленные при Дарии I, оставались неизменными до конца существования Ахеменидской державы, несмотря на значительные экономические изменения в подвластных персам странах. На положении налогоплательщиков особенно отрицательно сказывалось то, что для уплаты денежных податей приходилось занимать деньги под залог недвижимого имущества или членов семьи.

После 517 г. до х.э. Дарий I ввел единую для всей империи монетную единицу, составлявшую основу ахеменидской денежной системы, а именно золотой дарик весом 8,4 г. Теоретически средством обмена служил серебряный сикль весом 5,6 г, равный по своей стоимости $^1/_{20}$ дарика и чеканившийся главным образом в малоазийских сатрапиях. Как на дарике, так и на сиклях помещалось изображение персидского царя.

Серебряные монеты чеканили также персидские сатрапы в своих резиденциях, и греческие города Малой Азии для расплаты с наемниками во время военных походов, и автономные города, и зависимые цари.

Однако монеты персидской чеканки мало использовались вне Малой Азии и даже в финикийско-палестинском мире IV в. до х.э. играли незначительную роль. До завоеваний Александра Македонского использование монет почти не распространялось на страны, далекие от берегов Средиземного моря. Например, чеканная монета при Ахеменидах еще не циркулировала в Вавилонии и употреблялась лишь для торговли с греческими городами. Приблизительно такое же положение было и в Египте ахеменидского времени, где серебро при уплате взвешивали «царским камнем», а также в самой Персии, где работники царского хозяйства получали плату нечеканенным серебром.

Соотношение золота к серебру в Ахеменидской державе составляло 1 к $13^1/_3$. Драгоценный металл, принадлежавший государству, подлежал чеканке только по усмотрению царя, и большая его часть хранилась в слитках. Таким образом, деньги, поступавшие в качестве государственных податей, в течение многих десятилетий откладывались в царских сокровищницах, были изъяты из обращения, и только небольшая часть этих денег

поступала обратно в качестве жалованья наемникам, а также для содержания двора и администрации. Поэтому для торговли не хватало чеканной монеты и даже драгоценных металлов в слитках. Это наносило большой вред развитию товарно-денежных отношений и принуждало к сохранению натурального хозяйства или заставляло прибегать к прямому обмену товарами.

В Ахеменидской державе было несколько крупных караванных дорог, которые соединяли области, удаленные друг от друга на многие сотни километров. Одна такая дорога начиналась в Лидии, пересекала Малую Азию и продолжалась до Вавилона. Другая дорога шла из Вавилона в Сузы и далее в Персеполь и Пасаргады. Большое значение имела также караванная дорога, которая соединила Вавилон с Экбатанами и продолжалась далее до Бактрии и индийских границ.

После 518 г. по распоряжению Дария I был восстановлен канал от Нила до Суэца, существовавший еще при Нехо, но ставший позднее несудоходным. Этот канал соединил Египет коротким путем через Красное море с Персией, и, таким образом, в Индию тоже была проложена дорога. Для развития торговых связей большое значение имела и экспедиция морехода Скилака в Индию в 518 г.

Для развития торговых связей большое значение имело и различие в природе и климатических условиях стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Особенно оживленной стала торговля Вавилонии с Египтом, Сирией, Эламом и Малой Азией, где вавилонские купцы покупали железо, медь, олово, строительный лес и полудрагоценные камни. Из Египта и Сирии вавилоняне вывозили квасцы для отбелки шерсти и одежды, а также для производства стекла и медицинских целей. Египет поставлял в греческие города зерно и полотно, покупая у них взамен вино и оливковое масло. Кроме того, Египет обеспечивал золотом и слоновой костью, а Ливан — кедровым деревом. Из Анатолии доставляли серебро, с Кипра — медь, а из районов верхнего Тигра вывозили медь и известняк. Из Индии импортировали золото, слоновую кость и благовонную древесину, из Аравии — золото, из Согдианы — лазурит и сердолик, а из Хорезма — бирюзу. Из Бактрии в страны Ахеменидской державы поступало сибирское золото. Из материковой Греции в страны Востока вывозили керамические изделия.

Существование Ахеменидской державы в значительной мере зависело от армии. Ядро армии составляли персы и мидийцы. Бóльшая часть взрослого мужского населения персов являлась воинами. Они начинали служить, по-видимому, с 20 лет. В войнах, которые вели Ахемениды, большую роль играли и восточные иранцы. В частности, сакские племена поставляли для Ахеменидов значительное количество привычных к постоянной военной жизни конных лучников. Высшие должности в гарнизонах, на основных стратегических пунктах, в крепостях и т.д. обычно находились в руках персов.

Армия состояла из конницы и пехоты. Кавалерия рекрутировалась из знати, а пехота — из земледельцев. Комбинированные действия кавалерии и лучников обеспечили персам победы во многих войнах. Лучники расстраивали ряды противника, а после этого кавалерия уничтожала его. Главным оружием персидской армии являлся лук.

Начиная с V в. до х.э., когда из-за классового расслоения начало ухудшаться положение земледельческого населения в Персии, персидская пехота стала отступать на задний план и ее постепенно заменяли греческими

наемниками, игравшими большую роль благодаря своему техническому превосходству, выучке и опыту.

Костяком армии являлись 10 тысяч «бессмертных» воинов, первая тысяча которых состояла исключительно из представителей персидской знати и являлась личной охраной царя. Они были вооружены копьями. Остальные полки «бессмертных» состояли из представителей различных иранских племен, а также эламитов.

В завоеванных странах были размещены войска для предотвращения восстаний покоренных народов. Состав этих войск был пестрым, но в них обычно отсутствовали жители данной области.

На границах государства Ахемениды сажали воинов, наделив их земельными участками. Из военных гарнизонов такого типа лучше всего нам известна элефантинская военная колония, созданная для несения сторожевой и военной службы на границах Египта с Нубией. В элефантинском гарнизоне находились персы, мидийцы, карийцы, хорезмийцы и т.д., но основную часть этого гарнизона составляли иудейские поселенцы, служившие там еще при египетских фараонах.

Военные колонии, подобные элефантинской, находились также в Фивах, Мемфисе и других городах Египта. В гарнизонах этих колоний служили арамеи, иудеи, финикийцы и другие семиты. Такие гарнизоны являлись прочной опорой персидского господства и во время восстаний покоренных народов оставались верными Ахеменидам.

Во время важнейших военных походов (например, война Ксеркса с греками) все народы Ахеменидской державы обязаны были выделить определенное количество воинов.

При Дарии I персы начинают играть господствующую роль и на море. Морские войны велись Ахеменидами с помощью кораблей финикийцев, киприотов, жителей островов Эгейского моря и других морских народов, а также египетского флота.

3. ИРАН в V в. до х.э.

В VI в. до х.э. в экономическом и культурном отношении среди греческих областей ведущая роль принадлежала не Балканскому полуострову, а греческим колониям на входившем в Персидскую империю побережье Малой Азии: Милету, Эфесу и т.д. Эти колонии располагали плодородными землями, в них расцветало ремесленное производство, им были доступны рынки обширной Персидской державы.

В 500 г. в Милете произошло восстание против персидского господства. Греческие города на юге и севере Малой Азии примкнули к восставшим. Руководитель восстания Аристагор в 499 г. обратился за помощью к материковым грекам. Спартанцы отказали в какой бы то ни было помощи, ссылаясь на дальность расстояния. Миссия Аристагора потерпела провал, так как лишь афиняне и эретрийцы на о-ве Эвбея откликнулись на призыв восставших, но и они послали лишь незначительное количество кораблей. Восставшие организовали поход против столицы Лидийской сатрапии Сард, захватили и сожгли город. Персидский сатрап Артафен вместе с гарнизоном укрылся в акрополе, который грекам не удалось захватить. Персы начали стягивать свои войска и летом 498 г. нанесли поражение грекам около г. Эфес. После этого афиняне и эретрийцы бежали, бросив малоазийских греков на произвол судьбы. Весной 494 г. персы осадили с моря и суши

Милет, являвшийся главным оплотом восстания. Город был захвачен и до основания разрушен, а население уведено в рабство. В 493 г. восстание было подавлено повсеместно.

После подавления восстания Дарий начал приготовления к походу против материковой Греции. Он понимал, что персидское господство в Малой Азии будет непрочным, пока греки Балканского полуострова сохраняют независимость. В это время Греция состояла из множества автономных городов-государств с различным политическим строем, находившихся друг с другом в постоянной вражде и войнах.

В 492 г. персидская армия выступила в поход и прошла в Македонию и Фракию, которые были завоеваны еще за два десятилетия до этого. Но около Афонского мыса на Халкидском полуострове персидский флот был разбит сильной бурей, и при этом погибло около 20 тыс. человек и было уничтожено 300 кораблей. После этого пришлось увести сухопутную армию обратно в Малую Азию и заново готовиться к походу.

В 491 г. в города материковой Греции были отправлены персидские послы с требованием «земли и воды», т.е. покорности власти Дария. Большинство греческих городов ответили согласием на требование послов, и лишь Спарта и Афины отказались подчиниться и даже убили самих послов. Персы начали готовиться к новому походу против Греции.

В начале августа персидская армия с помощью опытных греческих проводников направилась на кораблях в Аттику и высадилась на равнине Марафон в 40 км от Афин. Равнина эта тянется в длину на 9 км, а ширина ее составляет 3 км. Персидское войско вряд ли насчитывало более 15 тыс. человек.

В это время в афинском народном собрании происходили острые споры относительно предстоящей тактики войны с персами. После долгого обсуждения решено было направить афинское войско, которое состояло из 10 тыс. человек, на Марафонскую равнину. Спартанцы обещали помочь, но не спешили послать войско, ссылаясь на старинный обычай, согласно которому до полнолуния нельзя было выступать в поход.

На Марафоне обе стороны выжидали несколько дней, не решаясь вступить в бой. Персидская армия располагалась на открытой равнине, где можно было применить конницу. Афиняне, у которых совсем не было конницы, собрались в узкой части равнины, где персидские всадники не могли действовать. Между тем положение персидской армии становилось трудным, ибо надо было решить исход войны до прихода спартанского войска. В то же время персидская конница не могла двинуться в теснины, где располагались афинские воины. Поэтому персидское командование решило перебросить часть армии на захват Афин. После этого, 12 августа 590 г., афинское войско стремительным маршем двинулось на противника, чтобы дать генеральное сражение.

Персидские воины боролись мужественно, в центре смяли афинские ряды и стали преследовать их. Но на флангах у персов было меньше сил, и там они потерпели поражение. Затем афиняне стали биться с персами, прорвавшимися в центре. После этого персы начали отступать, неся большие потери. На поле боя осталось 6400 персов и их союзников и всего 192 афинянина.

Несмотря на понесенное поражение, Дарий не оставлял мысли о новом походе против Греции. Но подготовка такого похода требовала много времени, а между тем в октябре 486 г. в Египте вспыхнуло восстание против персидского господства.

Причинами восстания были тяжелый налоговый гнет и угон многих тысяч ремесленников для строительства дворцов в Сузах и Персеполе. Через месяц Дарий I, которому было 64 года, умер, не успев восстановить свою власть в Египте.

Преемником Дария I на персидском троне стал его сын Ксеркс. В январе 484 г. ему удалось подавить восстание в Египте. Египтяне подверглись безжалостной расправе, имущество многих храмов было конфисковано.

Но летом 484 г. вспыхнуло новое восстание, на этот раз в Вавилонии. Это восстание удалось вскоре подавить, и его зачинщики были сурово наказаны. Однако летом 482 г. вавилоняне восстали снова. Этот мятеж, охвативший большую часть страны, был особенно опасным, так как Ксеркс в это время уже находился в Малой Азии, готовясь к походу против греков. Осада Вавилона длилась долго и завершилась в марте 481 г. жестокой расправой. Городские стены и другие укрепления были срыты, многие жилые дома разрушены.

Весной 480 г. Ксеркс выступил в поход против Греции во главе огромной армии. Все сатрапии от Индии до Египта послали свои контингенты.

Греки решили оказать сопротивление в узком горном проходе под названием Фермопилы, который легко было защищать, так как персы не могли развернуть там свое войско. Однако Спарта послала туда лишь небольшой отряд в 300 воинов во главе с царем Леонидом. Общее количество греков, охранявших Фермопилы, равнялось 6500 человек. Они сопротивлялись стойко и три дня успешно отбивали лобовые атаки врага. Но затем Леонид, командовавший греческим войском, приказал главным силам отступить, а сам с 300 спартанцами остался прикрывать отступление. Они мужественно сражались до конца, пока все не погибли.

Греки придерживались такой тактики, что на море они должны наступать, а на суше обороняться. Объединенный греческий флот стоял в бухте между островом Саламином и побережьем Аттики, где большой персидский флот был лишен возможности маневрировать. Греческий флот состоял из 380 кораблей, из которых 147 принадлежали афинянам и были построены недавно с учетом всех требований военной техники. В руководстве флотом большую роль играл талантливый и решительный полководец Фемистокл. У персов было 650 кораблей, Ксеркс надеялся одним ударом уничтожить весь вражеский флот и тем самым победоносно закончить войну. Однако незадолго до битвы трое суток бушевала буря, многие персидские корабли были выброшены на скалистый берег, и флот понес большие потери. После этого, 28 сентября 480 г., произошла битва при Саламине, которая продолжалась целых двенадцать часов. Персидский флот оказался скованным в узком заливе, и его корабли мешали друг другу. Греки одержали в этой битве полную победу, и бóльшая часть персидского флота была уничтожена. Ксеркс с частью армии решил вернуться в Малую Азию, оставив своего полководца Мардония с войском в Греции.

Решающая битва произошла 26 сентября 479 г. близ г. Платеи. Персидские конные лучники начали обстрел греческих рядов, и противник стал отступать. Мардоний во главе тысячи отборных воинов ворвался в центр спартанского войска и нанес ему большой ущерб. Но у персов в отличие от греков не было тяжелого вооружения, и в военном искусстве они уступали противнику. Персы располагали первоклассной конницей, однако она по условиям местности не могла принять участия в битве. Вскоре Мардоний вместе со своими телохранителями погиб. Персидское войско оказалось расколотым на отдельные отряды, которые действовали несогласованно.

Персидская армия была разгромлена, и ее остатки переправились на кораблях в Малую Азию.

В конце осени того же, 479 г. произошло крупное морское сражение при мысе Микале у берегов Малой Азии. Во время битвы малоазийские греки изменили персам и перешли на сторону материковых греков; персы потерпели полное поражение. Это поражение послужило сигналом к повсеместным восстаниям греческих государств в Малой Азии против персидского господства.

Победы греков при Саламине, Платеях и Микале заставили персов отказаться от идеи захвата Греции. Теперь, наоборот, Спарта и Афины перенесли военные действия на территорию противника, в Малую Азию. Постепенно грекам удалось изгнать персидские гарнизоны из Фракии и Македонии. Война между греками и персами продолжалась до 449 г.

Летом 465 г. Ксеркс был убит в результате заговора, и царем стал его сын Артаксеркс I.

В 460 г. в Египте вспыхнуло восстание во главе с Инаром. Афиняне послали на помощь восставшим свой флот. Персы потерпели несколько поражений, и им пришлось оставить г. Мемфис.

В 455 г. Артаксеркс I направил против восставших в Египте и их союзников сатрапа Сирии Мегабиза с сильным сухопутным войском и финикийским флотом. Восставшие вместе с афинянами потерпели поражение. В следующем году восстание было полностью подавлено, и Египет снова стал персидской сатрапией.

Тем временем война Персии с греческими государствами продолжалась. Однако вскоре, в 449 г., в Сузах был заключен мирный договор, по условиям которого малоазийские греческие города формально оставались под верховной властью персидского царя, но афиняне получили фактическое право управлять ими. Кроме того, Персия обязалась не посылать свои войска к западу от р. Галис, по которой по этому договору должна была проходить пограничная линия. Со своей стороны, Афины покинули Кипр и обязались не оказывать в будущем помощи египтянам в их борьбе против персов.

Постоянные восстания покоренных народов и военные поражения заставили Артаксеркса I и его преемников радикально изменить свою дипломатию, а именно натравливать одни государства на другие, прибегая при этом к подкупу. Когда в Греции в 431 г. разразилась Пелопоннесская война между Спартой и Афинами, продолжавшаяся до 404 г., Персия помогала то одному, то другому из этих государств, будучи заинтересованной в их полном истощении.

В 424 г. Артаксеркс I умер. После дворцовых смут в феврале 423 г. царем стал сын Артаксеркса Ох, который принял тронное имя Дария II. Его царствование характеризуется дальнейшим ослаблением государства, усилением влияния придворной знати, дворцовыми интригами и заговорами, а также восстаниями покоренных народов.

В 408 г. в Малую Азию прибыли два энергичных военачальника, которые были полны решимости быстро и победоносно закончить войну. Один из них был Кир Младший, сын Дария II, являвшийся наместником нескольких малоазийских сатрапий. Кроме того, он стал командующим всеми персидскими войсками в Малой Азии. Кир Младший был способным полководцем и государственным деятелем и стремился к восстановлению былого величия Персидской державы. Одновременно руководство лакедемонским войском в Малой Азии перешло в руки опытного спартанского полководца Лисандра. Кир проводил дружественную Спарте политику и начал вся-

чески помогать ее армии. Он вместе с Лисандром очистил малоазийское побережье и многие острова Эгейского моря от афинского флота.

В марте 404 г. Дарий II умер, и его старший сын, Арсак, стал царем, приняв тронное имя Артаксеркс II.

В 405 г. в Египте вспыхнуло восстание под руководством Амиртея. Восставшие одерживали одну победу за другой, и скоро вся Дельта оказалась в их руках. Сатрап Сирии Аброком собрал большую армию, чтобы бросить ее против египтян, однако в это время в самом центре Персидской державы Кир Младший, сатрап в Малой Азии, поднял восстание против своего брата Артаксеркса II. Армия Аброкома была направлена против Кира, а египтяне получили передышку. Амиртей к началу IV в. установил свой контроль над всем Египтом. Восставшие перенесли военные действия даже на территорию Сирии.

Кир собрал большое войско, чтобы попытаться захватить престол. Спартанцы решили поддержать Кира и содействовали ему в наборе греческих наемников. В 401 г. Кир со своим войском двинулся из Сард в Малой Азии в Вавилонию и, не встретив никакого сопротивления, добрался до местности Кунакса на Евфрате в 90 км от Вавилона. Там же находилась армия персидского царя. Решающая битва произошла 3 сентября 401 г. Греческие наемники Кира расположились на обоих флангах, а остальное войско заняло центр.

Перед армией царя шли серпоносные колесницы, которые своими серпами разрезали все, что попадалось им на пути. Но правый фланг армии Артаксеркса был смят греческими наемниками. Кир, увидев Артаксеркса, бросился на него, оставив далеко позади своих воинов. Киру удалось нанести рану Артаксерксу, но тут же он сам был убит. После этого мятежная армия, лишившись своего вождя, потерпела поражение. 13 тыс. греческих наемников, служивших Киру Младшему, ценой больших усилий и потерь весной 400 г. удалось добраться до Черного моря, пройдя через Вавилонию и Армению (знаменитый «Поход десяти тысяч», описанный Ксенофонтом).

4. ПАДЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Около 360 г. от персов отпал Кипр. Одновременно происходили восстания в финикийских городах и начались волнения в сатрапиях Малой Азии. Вскоре от Персидской державы отпали Кария и Индия. В 358 г. кончилось царствование Артаксеркса II, и на престол вступил его сын Ох, который принял тронное имя Артаксеркс III. Прежде всего он истребил всех своих братьев, чтобы предотвратить дворцовый переворот.

Новый царь оказался человеком железной воли и крепко держал бразды правления в своих руках, отстранив влиятельных при дворе евнухов. Он энергично взялся за восстановление Персидской державы в ее прежних границах.

В 349 г. против Персии восстал финикийский город Сидон. Персидские чиновники, жившие в городе, были схвачены и убиты. Царь Сидона Теннес нанял греческих воинов на деньги, охотно предоставленные Египтом, и нанес два крупных поражения персидской армии. После этого Артаксеркс III принял командование на себя и в 345 г. во главе большой армии выступил против Сидона. После продолжительной осады город сдался и подвергся жестокой расправе. Сидон был сожжен и превращен в

руины. Никто из жителей не спасся, так как в самом начале осады они, боясь случаев дезертирства, сожгли все свои корабли. Персы бросали многих сидонян вместе с их семьями в огонь и убили около 40 тыс. человек. Уцелевшие жители были обращены в рабство.

Теперь необходимо было подавить восстание и в Египте. Зимой 343 г. Артаксеркс выступил в поход на эту страну, где в это время царствовал фараон Нектанеб II. Навстречу персам вышла армия фараона, в которой насчитывалось 60 тыс. египтян, 20 тыс. греческих наемников и столько же ливийцев. Египтяне располагали также сильным флотом. Когда персидское войско дошло до пограничного города Пелусия, военачальники Нектанеба II советовали ему немедленно напасть на противника, но фараон не решился на такой шаг. Персидское командование воспользовалось передышкой и сумело провести свои корабли вверх по течению Нила, и персидский флот оказался в тылу у египетской армии. К этому времени положение египетского войска, расположенного у Пелусия, стало безнадежным.

Нектанеб II отступил вместе со своим войском к Мемфису. Но в это время греческие наемники, служившие фараону, перешли на сторону противника. В 342 г. персы захватили весь Египет и разграбили его города.

В 337 г. Артаксеркс III был отравлен своим личным врачом по наущению одного придворного евнуха. В 336 г. престол занял сатрап Армении Кодоман, принявший тронное имя Дарий III.

Пока верхушка персидской знати была занята дворцовыми интригами и переворотами, на политическом горизонте появился опасный противник. Македонский царь Филипп захватил Фракию, а в 338 г. при Херонее в Беотии нанес поражение объединенным силам греческих государств. Македоняне стали вершителями судьбы Греции, а сам Филипп был выбран командиром объединенной греческой армии.

В 336 г. Филипп послал в Малую Азию 10 тыс. македонских воинов для захвата западного побережья Малой Азии. Но в июле 336 г. Филипп был убит заговорщиками, и царем стал Александр, которому было всего 20 лет. Греки Балканского полуострова готовы были поднять восстание против молодого царя. Решительными действиями Александр упрочил свою власть. Он понимал, что для предстоящей войны с Персией требуется большая подготовка, и отозвал из Малой Азии македонское войско, тем самым усыпив бдительность персов.

Таким образом, Персия получила передышку на два года. Однако персами ничего не было сделано для подготовки к отражению неизбежной македонской угрозы. В этот ответственный период персы даже не стремились улучшить свою армию и совершенно игнорировали военные достижения македонян, особенно в области осадного дела. Хотя персидское командование понимало все преимущество македонского оружия, оно не стало реформировать свою армию, ограничившись лишь увеличением контингента греческих наемников. Кроме неистощимых материальных ресурсов Персия имела превосходство над Македонией и в военном флоте. Зато македонские воины были оснащены лучшим для своего времени вооружением и их возглавляли опытные полководцы.

Весной 334 г. македонская армия выступила в поход. Она состояла из 30 тыс. пехотинцев и 5000 конницы. Ядром армии были тяжеловооруженная македонская пехота и конница. Кроме того, в армии были и греческие пехотинцы. Войско сопровождало 160 боевых кораблей. Поход был тщательно подготовлен. Для штурма городов везли осадные машины.

Хотя Дарий III располагал более многочисленным войском, по своим

боевым качествам оно сильно уступало македонскому (особенно тяжелой пехоте), и наиболее стойкой частью персидской армии являлись греческие наемники. Персидские сатрапы хвастливо заверяли своего царя, что враг будет разгромлен в первой же битве.

Первое столкновение произошло летом 334 г. на берегу Геллеспонта при р. Граник. Победителем оказался Александр. После этого он захватил греческие города в Малой Азии и двинулся в глубь страны. Из греческих городов Малой Азии Галикарнас долго оставался верным персидскому царю и упорно сопротивлялся македонянам. Летом 333 г. последние устремились в Сирию, где были сосредоточены главные силы персов. В ноябре 333 г. произошла новая битва, при Иссе, на границе Киликии с Сирией. Ядро персидской армии составляли 30 тыс. греческих наемников. Но Дарий III в своих планах решающую роль отводил персидской коннице, которая должна была смять левый фланг македонян. Александр, чтобы укрепить свой левый фланг, сосредоточил там всю фессалийскую конницу, а сам с остальным войском нанес удар по правому флангу противника и разгромил его.

Но в центр македонян прорвались греческие наемники, и Александр с частью войска поспешил туда. Ожесточенная битва продолжалась, однако Дарий III потерял самообладание и, не ожидая исхода сражения, бежал, бросив свою семью, которая попала в плен. Битва окончилась полной победой Александра, для него был открыт вход в Сирию и на финикийское побережье. Финикийские города Арад, Библ и Сидон сдались без сопротивления. Персидский флот лишился своего господствующего положения на море.

Но хорошо укрепленный Тир оказал захватчикам ожесточенное сопротивление, и осада города длилась семь месяцев. В июле 332 г. Тир был взят и разрушен, а население его обращено в рабство.

Отклонив просьбы Дария III о мире, Александр стал готовиться к продолжению войны. Осенью 332 г. он захватил Египет, а потом вернулся в Сирию и направился к местности Гавгамелы, недалеко от Арбелы, где находился персидский царь со своим войском. 1 октября 331 г. произошла битва. Центр армии Дария III занимали греческие наемники, а против них расположилась македонская пехота. Персы имели численный перевес на правом фланге и расстроили македонские ряды. Но решающая схватка происходила в центре, где Александр вместе со своей конницей проник в середину персидского войска. Персы ввели в бой колесницы и слонов, однако Дарий III, как и при Иссе, преждевременно счел продолжавшуюся битву проигранной и бежал. После этого противнику сопротивлялись лишь греческие наемники. Александр одержал полную победу и захватил Вавилонию, а в феврале 330 г. македоняне вступили в Сузы. Потом в руки македонян попали Персеполь и Пасаргады, где хранились главные сокровищницы персидских царей.

Дарий со своими приближенными бежал из Экбатан в Восточный Иран, где был убит бактрийским сатрапом Бессом, и Персидская держава перестала существовать.

5. ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ИРАНА

В первой половине I тысячелетия до х.э. в Средней Азии возник зороастризм — религиозное учение, основателем которого был Зороастр (Заратуштра). Об этом рассказано в предыдущей главе.

В Персии народные массы поклонялись древним божествам природы Митре (бог Солнца), Анахите (богиня воды и плодородия) и т.д., т.е. почитали свет, солнце, луну, ветер и т.д. Зороастризм начал распространяться в Персии лишь на рубеже VI—V вв., т.е. в период царствования Дария I. Персидские цари, оценив преимущества учения Зороастра как своей новой официальной религии, тем не менее не отказались от культов древних богов, олицетворявших стихийные силы природы, которым поклонялись иранские племена. В VI—IV вв. зороастризм еще не стал догматической религией с твердо зафиксированными нормами, и поэтому возникали различные модификации нового религиозного учения; и одной из таких форм раннего зороастризма была персидская религия, начиная со времени Дария I.

Именно отсутствием догматической религии объясняется исключительная веротерпимость персидских царей. Например, Кир II всячески покровительствовал возрождению древних культов в покоренных странах и велел восстановить разрушенные при его предшественниках храмы в Вавилонии, Эламе, Иудее и т.д. Захватив Вавилонию, он принес жертвы верховному богу вавилонян Мардуку и другим местным богам и поклонялся им. После захвата Египта Камбиз короновался по египетским обычаям, участвовал в религиозных церемониях в храме богини Нейт в г. Саис, поклонялся и другим египетским богам и приносил им жертвы. Дарий I объявил себя сыном богини Нейт, строил храмы Амону и другим египетским богам и жертвовал им ценные дары. Подобным же образом в Иерусалиме персидские цари почитали Яхве, в Малой Азии — греческих богов, и в других завоеванных странах они поклонялись местным богам. В храмах этих богов приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения со стороны местных богов.

Одним из замечательных достижений древнеиранской культуры является ахеменидское искусство. Оно известно преимущественно по памятникам Пасаргад, Персеполя, Суз, рельефам Бехистунской скалы и гробниц персидских царей в современном Накш-и Рустаме (недалеко от Персеполя), многочисленным памятникам торевтики и глиптики.

Величественными памятниками персидской архитектуры являются дворцовые комплексы в Пасаргадах, Персеполе и Сузах.

Пасаргады расположены на высоте 1900 м над уровнем моря на обширной равнине. Здания города — древнейшие памятники персидской материальной культуры — сооружены на высокой террасе. Они облицованы светлым песчаником, красиво гранулированным и напоминающим мрамор. Царские дворцы были расположены среди парков и садов. Пожалуй, самым замечательным памятником Пасаргад, поражающим своей благородной красотой, является сохранившаяся до сих пор гробница, в которой был погребен Кир II. Семь широких ступеней ведут в погребальную камеру шириной 2 м и длиной 3 м. К этой гробнице прямо или косвенно восходят многие аналогичные памятники, в том числе и галикарнасский мавзолей сатрапа Карии Мавсола, считавшийся в древности одним из семи чудес мира.

Площадь Персеполя составляет 135 000 кв. м. У подножия горы была сооружена искусственная платформа. Построенный на этой платформе город был окружен с трех сторон двойной стеной из сырцового кирпича, а с восточной стороны примыкал к неприступной скале. В Персеполь можно было пройти по широкой парадной лестнице из 110 ступеней. Парадный

дворец (*ападана*) Дария I состоял из большого переднего зала площадью 3600 кв. м. Этот зал был окружен портиками. Потолок зала и портиков поддерживали 72 тонкие и изящные колонны из камня. Высота этих колонн более 20 м. Ападана символизировала мощь и величие царя и державы и служила для больших государственных приемов. Она была связана с личными дворцами Дария I и Ксеркса. В ападану вели две лестницы, на которых до сих пор сохранились рельефы с изображениями придворных, личной гвардии царя, конницы и колесниц. На одной стороне лестницы тянется длинная процессия представителей 33 народов державы, несущих подарки и подать персидскому царю. Это настоящий этнологический музей с изображением всех характерных особенностей различных племен и народов, включая их одежду и черты лица. В Персеполе были расположены также и дворцы других персидских царей, помещения для прислуги и казармы для войска.

При Дарии I большое строительство велось и в Сузах. Материалы для сооружения дворцов были доставлены из 12 стран, и ремесленники из многих стран были заняты на строительных и декоративных работах.

Поскольку дворцы персидских царей сооружали и украшали ремесленники из многих стран, древнеперсидское искусство возникло в результате органического синтеза иранских художественных традиций и технических приемов с эламскими, ассирийскими, египетскими, греческими и другими чужеземными традициями. Но, несмотря на эклектизм, древнеперсидскому искусству присущи внутреннее единство и своеобразие, так как это искусство в целом — результат специфических исторических условий, самобытной идеологии и социальной жизни, давших заимствованным формам новые функции и значения.

Для древнеперсидского искусства характерна виртуозная отделка изолированного предмета. Чаще всего это металлические чаши и вазы, высеченные из камня кубки, ритоны из слоновой кости, предметы ювелирного искусства, скульптура из ляпис-лазури и т.д. Большой популярностью у персов пользовалось художественное ремесло, на памятниках которого реалистично изображены домашние и дикие животные (бараны, львы, кабаны и т.д.). Среди таких произведений значительный интерес представляют вырезанные из агата, халцедона, яшмы и т.д. цилиндрические печати. Эти печати, на которых изображены цари, герои, фантастические и реальные существа, до сих пор поражают зрителя совершенством форм и оригинальностью сюжета.

Крупным достижением культуры древнего Ирана является создание древнеперсидской клинописи, которая употреблялась для составления торжественных царских надписей. Самой знаменитой из них является Бехистунская наскальная надпись, вырезанная на высоте 105 м и рассказывающая об исторических событиях конца правления Камбиза и первых лет царствования Дария I. Как и почти все ахеменидские надписи, она составлена на древнеперсидском, аккадском и эламском языках.

Среди культурных достижений ахеменидского времени можно упомянуть также древнеперсидский лунный календарь, который состоял из 12 месяцев по 29 или 30 дней, составлявших 354 дня. Таким образом, по древнеперсидскому календарю год был на 11 дней короче солнечного года. Каждые три года разница между лунным и солнечным календарем достигала 30—33 дней, и, чтобы устранить эту разницу, к году добавляли дополнительный (високосный) тринадцатый месяц. Названия месяцев были связаны с сельскохозяйственными работами (например, месяц чистки оро-

сительных каналов, сбора чеснока, лютого мороза) или с религиозными праздниками (месяц поклонения огню и т.д.).

В Иране существовал также зороастрийский календарь, в котором названия месяцев и дней образованы от имен зороастрийских божеств (Ахура-Мазды, Митры, Анахиты и др.). Год этого календаря состоял из 12 месяцев по 30 дней в каждом, к которым добавляли еще 5 дней (всего 365 дней). По-видимому, зороастрийский календарь возник в Восточном Иране еще в ахеменидский период. В это время он употреблялся только в религиозных целях, однако позднее (во всяком случае при Сасанидах) был признан в качестве официального государственного календаря.

Персидские завоевания и объединение десятков народов в единую державу способствовали расширению интеллектуального и географического горизонта ее подданных. Иран, с незапамятных времен являвшийся посредником в передаче культурных ценностей с Востока на Запад и наоборот, не только продолжал эту свою историческую роль при Ахеменидах, но также создал самобытную и высокоразвитую цивилизацию.

Глава XVIII

УРАРТУ, ФРИГИЯ, ЛИДИЯ

1. МАЛАЯ АЗИЯ И СМЕЖНЫЕ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА

На основании новых исследований можно по-новому восстановить события после падения Хаттусы, столицы Хеттской державы. Она была, вероятно, разрушена балканскими по происхождению племенами *мушки* (так по-аккадски) или *муска* (так по-лувийски). Но сама держава не погибла и сохранила название «Великое Хатти», лишь центр ее был перенесен в Мелид (Мелитена) на верхнем Евфрате. Ее сирийские владения (центр — Каркемиш) образовали другое царство — «Хатти». Хеттский язык еще в XIII в. до х.э. был повсеместно вытеснен родственным лувийским, и надписи составлялись теперь лувийскими иероглифами. Между тем, по-видимому, мушки создали так называемую старофригийскую археологическую культуру, распространившуюся — вероятно, вместе с самими мушками — на восток до Мелида, где, возможно, только династия была лувийской. По ассирийским анналам мы знаем, что мушки дошли в XII в. с запада до верхнеевфратской долины, пересекли ее и здесь (не позже IX в. до х.э.) перешли к оседлости. Передвижения мушков могли содействовать распаду обоих царств «Хатти» на много мелких княжеств к началу того же, IX в.

Эти «восточные» мушки предположительно отождествляются с первыми носителями протоармянского индоевропейского языка (но есть и другие предположительные отождествления). Сходящиеся здесь к Евфрату долины, которые во II тысячелетии до х.э. были еще населены лувийцами и хурритами, позже, по местным преданиям, считались очагом сложения армянского народа; и не случайно как след былого долгого двуязычия в армянском языке ряд социально-бытовых терминов, связанных с горной оседлой жизнью в раннеклассовом обществе, а также названия местной флоры имеют хурритское или хуррито-урартское происхождение. Хотя армяне засвидетельствованы письменными источниками на нагорье, получившем от них свое название, лишь с VI в. до х.э., однако в промежутке между XII и VI вв. на границах этого нагорья нам больше не известно ни таких исторических ситуаций, чтобы они позволяли думать о значительных этнических перемещениях, ни появления совсем новых этнических групп, которое могло бы объяснить резкое отличие индоевропейского армянского языка от всех других известных индоевропейских и неиндоевропейских древних языков Малой Азии, Армянского нагорья и Закавказья, кроме, быть может, одного лишь фригийского языка. Однако нет также данных, которые заставляли бы думать о появлении носителей протоармянского языка на нагорье раньше, чем в XII в. до х.э.; в частности, нередко предполагаемая генетическая связь между армянами и союзом племен Ацци-Хайаса, существовавшим с XV по XIV в. до х.э. в долинах рек Чорох и верхний Евфрат, ничем по подтверждается.

Распространенный с недавних пор взгляд на протоармян как на автохтонов нагорья, основанный на большом архаизме их индоевропейского язы-

ка, почти сравнимого по архаизму с языками хетто-лувийской группы, нужно признать неосновательным по ряду причин. Назовем только две: во-первых, из индоевропейских языков армянский ближе всего греческому, фракийскому, отчасти фригийскому и, далее, индоиранским, но весьма далек от хетто-лувийского. Он вполне мог соседствовать первоначально (до II тысячелетия до х.э.) с носителями древнеанатолийских архаичных языков не с востока, а с запада, т.е. по ту сторону Босфора и Дарданелл, где он и контактировал с протогреческим, фригийским и т.п. Если же предположить, что протоармяне были автохтонами нагорья, то хетто-лувийцы должны были издавна быть их непосредственными соседями, а их языки — являть гораздо больше сходных черт, чего не наблюдается; есть только некоторая ограниченная группа слов, заимствованных в армянский из лувийского явно в позднейший период. Во-вторых, если бы протоармяне были автохтонами нагорья, а хуррито-урарты — позднейшими пришельцами, то наблюдались бы заимствования в хуррито-урартский из армянского терминов для местной флоры, горной и сельскохозяйственной техники, специфических для нагорья социальных условий. Этого также нет; наоборот, именно такие термины в армянском языке доказуемо заимствованы из хуррито-урартского, из чего следует, что носители протоармянского языка появились на нагорье значительно позже хурритоурартов.

«Восточные» мушки, по ассирийским данным, имели пятерых «царей» и, очевидно, состояли из пяти племен. Основным центром оседлости их было, по-видимому, царство Алзи (арм. Агдзник) у слияния рек Арацани (Мурад-су) и верхний Евфрат (Карасу); ассирийские источники называют Алзи также «Страной мушков». Вероятно, однако, что территория расселения «восточных» мушков в X—IX вв. до х.э. была шире, простираясь от гор севернее истоков р. Тигр до гор Тавра западнее верхнеевфратской долины. Следует заметить, что термин «мушки» применялся не только к племенам, появившимся на верхнем Евфрате в XII в. до х.э.; тот же термин («западные» мушки) впоследствии применялся ассирийцами, урартами и древними евреями также к фригийцам — народу, тоже пришедшему с Балкан, но осевшему не в долине верхнего Евфрата, а в центре малоазийского плато.

Есть несколько древнегреческих преданий о приходе фригийцев (тех, которых называли также «западными» мушками) в Малую Азию; более достоверной следует признать ту, согласно которой фригийцы пришли в Малую Азию с Балкан значительно позже Троянской войны[1].

По сохранившимся надписям видно, что фригийский язык занимал в индоевропейской языковой семье промежуточное место между древнегреческим и протоармянским и, по-видимому, был близок к языку балканских

[1] Вместе с племенем мисов, т.е., вероятно, в начале X в. до х.э. Заметим, что если ассирийцы называют «мушками» как «восточных» мушков (протоармян?), так и «западных» мушков (фригийцев), то в «хеттских иероглифических», т.е. лувийских, надписях, по-видимому, различались первые (муска) от вторых (называемых также муса). Этническое название мисов (точнее, в соответствии с более древним греческим произношением, мюсов, греч. Mysoi) сохранялось еще и тысячелетием позже в нынешней Болгарии, на Балканах; вероятно, именно оттуда одни за другими прибыли и протоармяне («восточные» мушки, муска), фригийцы («западные» мушки, муса) и мисы. Отличие терминов «муска» и «муса» зависит, возможно, от характерного армянского суффикса множественного числа *-к*, отсутствовавшего во фригийском и фракийском; к фракийским племенам, имевшим центр на Балканах, принадлежали и мисы Малой Азии I тысячелетия до х.э.

фригийцев (может быть, и пеласгов), а также к балто-славянскому праязыку.

В течение XI—IX вв. до х.э. Малая Азия очень медленно оправлялась после чудовищного потрясения, испытанного ею при разгроме Хеттской державы. Эта медленность объясняется не только разрушением большинства городов, сожжением сел и физическим истреблением немалой части населения; она объясняется также тем, что по опустошенной территории еще долго двигались разные племена. С конца XIII по середину XII в. до х.э. через полуостров с запада на восток двигались «народы моря» и «восточные» мушки, в тот же период совершали встречное передвижение, видимо, абхазские и, возможно, уже и западные протогрузинские племена. Когда же эти движения привели Хеттское царство к распаду, в образовавшийся вакуум устремились фригийцы, а затем и некоторые фракийские племена. Однако каждая новая волна продвигалась не столь далеко на восток, как предшествующая, и протоармяне осели в верхнеевфратской долине, фригийцы — в центре полуострова, а фракийцы (мисы и вифины) — на северо-западе (в X — VIII вв. до х.э.). Наконец, в VIII в. до х.э. в Малую Азию с запада через Босфор вторглись фракийские же конники-треры, но они, видимо, здесь вообще не осели. С востока передвижение западного протогрузинского населения в Южное Причерноморье продолжалось, видимо, до середины VIII в., а в конце VIII в. через западные перевалы Большого Кавказа хлынули конники-киммерийцы. Античные авторы считали нашествие треров, киммерийцев, а позже и скифов явлениями одного порядка; о скифах же известно и по греческому историку Геродоту, и по характеру археологических находок в Закавказье (разнотипность домашней утвари в могильниках при однотипности оружия и т.п.), что они переваливали через Кавказ без женщин, а потом либо уходили обратно, на север, в причерноморские степи, либо постепенно растворялись бесследно в переднеазиатском населении.

Кроме того, в эти же века шло интенсивное заселение западного побережья Малой Азии мореходами-греками.

В результате Малая Азия I тысячелетия до х.э. оказалась разделенной на следующие этнические области: участки северного (Черноморского) и южного (Средиземноморского) побережий, а также о-в Кипр занимали греческие города-государства; северо-западный угол полуострова занимали пришедшие с Балкан и слившиеся с местным населением фракийские племена, центр полуострова — фригийцы, еще раньше пришедшие с Балкан и также, вероятно, отчасти смешавшиеся с хеттами; на северо-востоке полуострова, в области Понт, жили абхазские и западные протогрузинские племена, в том числе халибы[2]; запад (кроме побережья), юго-запад и юго-восток полуострова населяли народности, являвшиеся потомками хетто-лувийцев II тысячелетия до х.э.; важнейшей была самая западная из них — лидяне; самая восточная, которую мы условно называем «иероглифическими хеттами» или, точнее, «иероглифическими лувийцами» (по письменности, которой они пользовались), вероятно, соприкасалась в верхней долине Евфрата с первыми пришельцами с Балкан еще в XII в. до х.э. — «восточными» мушками, или протоармянами; наконец, на Армянском нагорье жили хурриты (по окраинам) и родственные им урарты (в центре).

[2] Или халды (арм. хагтик, урарт. халиту), они же, вероятно, мосхи («мушкизированные» халибы).

От верхнеевфратской долины и перевалов Тавра на востоке и вплоть до стен греческих городов на западе — на всей этой этнически пестрой территории в XI—IX вв. до х.э. царило запустение. Поселения существовали на старых городищах, но на значительно уменьшившихся площадях; государства, которые существовали здесь с IX—VIII вв. до х.э., — мелкие, слабые и оставившие мало памятников письменности.

Но изменение условий жизни в Малой Азии определялось не только разорением страны при падении Хеттского царства и при последующих длительных племенных передвижениях; не меньшую роль сыграли и коренные экономические сдвиги, на которые, между прочим, указывает возникновение новых, приморских торговых центров: речь идет о перестройке всей системы международного обмена, что, в свою очередь, было связано с открытием новых сырьевых ресурсов и с иссяканием старых источников сырья.

Пожалуй, одним из важнейших факторов, вызвавших наступившие перемены, было открытие олова (не позже середины II тысячелетия до х.э.) в Северо-Западной Испании, а позже и британского олова. Возможно, именно это открытие обусловило возвышение в Южной Испании государства Тартесс (по-гречески), или Таршиш (по-семитски), обладавшего серебряной рудой. Посредничество в торговле металлом между Тартессом и Передней Азией, надо думать, немало способствовало росту влияния городов финикийского побережья, а затем и финикийских колоний. Между тем восточные месторождения олова, которыми пользовалась ассирийская сухопутная торговля, теперь либо иссякли, либо с ними были утеряны торговые связи. Открытие новых богатых месторождений олова позволило наладить свое производство бронзы не только в Малой Азии, но также и на Армянском нагорье и в Закавказье, где вплоть до последних веков II тысячелетия до х.э. довольствовались сплавом меди с мышьяком; но вскоре в Передней Азии началась эра железных орудий.

Очень важным оказалось то обстоятельство, что падение Хеттской державы положило конец хеттской монополии на добычу железа; его начинают широко вывозить с полуострова в различные страны Передней Азии и Эгейского моря. Впервые освоив технологию железа, многие народы смогли затем постепенно найти и использовать ранее лежавшие втуне собственные железные месторождения (в том числе на Армянском нагорье), и новый металл из редкости, из материала для ценных поделок стал превращаться в массовое сырье для ремесленной промышленности (в Малой Азии, видимо, с XIII в., в других местах Передней Азии — с XI в. до х.э.). Оказалось, что найти железную руду и применять ее для производства металла гораздо легче, чем найти годную для производства медь, и что новый металл, не требующий очень редко встречающегося в природе дорогого приплава — олова, несравненно доступнее и дешевле бронзы. Для ряда изделий бронза, однако, еще долго продолжала конкурировать с железом (так, для бритв, для оборонительного оружия, долгое время для наконечников стрел продолжали применять бронзу; как материал для орудий и оружия она уступала только ковкому железу). К тому же наконечники стрел можно быстрее и легче (и в любом количестве) отлить из бронзы в формах, чем выковать из железа каждый наконечник отдельно.

В течение XI—IX вв. до х.э. главным источником железа оставалась Северо-Восточная Малая Азия. Вывоза железа отсюда было достаточно для того, чтобы Передняя Азия перешла к железному веку; к концу VIII в.,

например, в царстве Урарту скопились огромные склады уже более не используемых бронзовых мечей, кинжалов и секир. Именно на торговле железом в это время расцвели главные наследники Хеттской державы — царство Мелитена в долине верхнего Евфрата с центром в г. Мелид (ныне Малатья), принявшее древнее название «Хатти», и царство Каркемиш с династией, ведшей свою генеалогию от хеттских царей, точно так же претендовавшее на обозначение «Хатти»[3], а позже и другие мелкие государства на пути из Малой Азии в Сирию и Финикию и из Малой Азии в Верхнюю и Нижнюю Месопотамию. Вступая из Финикии, Сирии или Месопотамии в верхнеевфратскую долину, этот торговый путь, проходя через царство Каркемиш и Мелитену и союзные им мелкие царства, разветвлялся: одна ветвь вела через перевалы гор на северо-запад — к серебряным копям Понтийского Тавра и к железным рудникам, ревниво охраняемым полусказочными халибами; на северном ответвлении этого же пути, в Южном Причерноморье, в конце VII в. до х.э. возникли греческие торговые колонии — города Синопа и Трапезунт, вокруг которых несколько позже образовалась федерация Понт, возглавлявшаяся Синопой и включавшая греческие колонии-порты Керасунт, Котиору, Трапезунт и, возможно, Фасис (в Колхиде, близ нынешнего Поти); другая ветвь вела прямо на север — в долину р. Чорох и далее в Колхиду (ныне Западная Грузия); третья — на северо-восток, в долину р. Аракс. По этим дорогам шли грузы железа, серебра, свинца, меди и бронзы, слюды, охры, полудрагоценных камней, а также золота, вероятно колхидского. Древняя Колхида, страна, куда, по преданию, еще в незапамятные времена плавали за «золотым руном» на своем корабле «Арго» греческие герои, находилась в долинах рек Чорох (совр. Турция) и Риони (Грузия), но о том, что не только в легенде существовало колхидское золото, теперь свидетельствуют лишь два-три ассирийских и урартских упоминания о захвате золота на верхнеевфратском пути и на р. Чорох. В I тысячелетии до х.э. — вероятно, позже, чем в Колхиде, — были найдены богатейшие золотые месторождения на р. Пактол на западе Малой Азии, в Лидии. Видимо, и с этой находкой связано оживление торговых связей материковой Греции с Малой Азией в первой четверти I тысячелетия до х.э., а также рост благосостояния ионийских приморских городов. Надо полагать, что от этих городов еще до VIII в. пролег торговый путь не только в Лидию, но и далее на восток — к рудным месторождениям северо-восточной Малой Азии.

Из всех государств Малой Азии XI—IX вв. до х.э. мы осведомлены только о тех, которые лежали в горах Тавра и вдоль чорохско-верхнеевфратского пути. Наши данные происходят отчасти из ассирийских, а позже и урартских военных реляций, отчасти из «хеттских» (лувийских) иероглифических надписей местных царей. Эти надписи отличаются довольно скудным содержанием; их рельефные рисуночные знаки высечены на скалах и каменных сооружениях — воротах, плитах, статуях. Но о Колхиде, например, кроме легенды об аргонавтах, мы до VIII в. до х.э. ничего не знаем из письменных источников; затем она дважды упомянута в урартских надписях — видимо, в связи с тем, что к тому времени она заняла бывшую территорию одного из хурритских царств — Страны таохов; по-

[3] В это же время у ассирийцев и у урартов обозначение «хетты» (Хатти, Хате), на которое претендовали эти и другие государства, стало в конце концов применяться ко всем народам к западу от Евфрата, включая евреев, финикийцев, арамеев, лувийцев и, видимо, также протоармян.

следнее, в свою очередь, по крайней мере с XIII—XII до VIII в. до х.э. занимало бывшие земли предгосударственного объединения XV—XIV вв. Хайаса (в долине р. Чорох и на севере верхнего Евфрата). По соседству, в горах Понта, господствовали еще совершенно первобытные порядки и нравы, красочно описанные в V в. до х.э. греческим философом Ксенофонтом, проходившим эти места с военным отрядом.

Цари Мелитены носили хурритские и лувийские имена, но в составе ее населения следует предполагать и протоармянский («восточномушкский») элемент; в удачные периоды она, возможно, имела владения и на левобережье верхнего Евфрата, где, по-видимому, располагались обычно самостоятельные мелкие государства со смешанным населением. Имена царей были почти повсеместно лувийскими, что, конечно, не исключает наличия в составе населения этих царств и различных других этнических компонентов.

2. ВОЗВЫШЕНИЕ УРАРТУ

Если для Малой Азии XI—IX века до х.э. были периодом бедствий и глубокого упадка, то для Армянского нагорья это был период дальнейшего трудного развития, выразившегося прежде всего в завершившемся классовом расслоении общества и повсеместном создании государственной власти. Одновременно здесь происходил технологический переворот, связанный с переходом от меди в сплаве с мышьяком к бронзе, а затем и железу.

С XI в. ассирийские набеги на нагорье были редкими и неглубокими, и данных в источниках о них немного; местные же тексты этого времени неизвестны. Поэтому мы знаем мало конкретного об этой области вплоть до середины IX в.; однако, судя по ряду косвенных данных, надо полагать, что кое-какие царства, пользовавшиеся в административной практике частью лувийской иероглификой, частью хурритской (и аккадской?), а позже урартской клинописью, существовали здесь и на протяжении XII—X вв. Здесь прежде всего надо отметить Алзи в долине р. Мурат (Арацани), со смешанным «восточномушкским» и хурритским населением. К этому же времени (но вне области непосредственного хеттско-хурритского влияния) следует отнести создание и местной урартской иероглифики.

Неясна этническая принадлежность мелких городов-государств, окружавших с конца II тысячелетия до х.э. оз. Урмия (на территории совр. Ирана), особенно расположенных на холмистой низменности к югу от него (в Стране маннеев); что это были именно города-государства, ясно видно по данным ассирийских анналов в сопоставлении с данными раскопок одного из этих городов; они показывают существование мощной цитадели, дворцовых и храмовых сооружений, каменных мостовых, типичной городской застройки, городских стен и т.п. Весьма возможно, что и этот район был в основном хурритским, хотя сюда еще с первой половины II тысячелетия до х.э. проникали индоиранцы, а к IX в. до х.э. процент ираноязычного населения в этих местах, по всей видимости, был значительным.

Между хурритами запада (таохами) и востока (матиенами, у оз. Урмия) были расположены места обитания близкородственных им по языку

урартов. Подобно своим соседям — горным хурритам, урарты с конца II тысячелетия до х.э. образовывали города-государства (или «номовые» государства; такие маленькие государственные единицы были в то время рассеяны на большом пространстве от верхнего Евфрата через весь Иран и вплоть до Южной Туркмении). Важнейшим из них был Муцацир. Этот город был центром культа бога Халди, который позже сделался общеурартским божеством. Еще одним урартским центром был город Тушпа (ныне Ван), известный нам из источников со второй половины IX в.; здесь был центр культа бога солнца Шивини.

«Номовые» государства Армянского нагорья были отграничены каждое естественными рубежами отрезка своей долины; и по мере того как от юго-запада к северо-востоку центральные крепости номов становились меньше и слабее, общество все более отдалялось от раннеклассового состояния, характерного для южных и юго-западных частей нагорья, и приближалось к состоянию позднего родо-племенного общества и военной демократии, характерному для большей части тогдашнего Закавказья. В XII в. ассирийские источники насчитывали в «странах» (или «стране») Наири (термин, объединивший в то время все земли от границ п-ова Малая Азия до центральной части окраинных гор Западного Ирана) многие десятки «царей» (и «цариц», т.е. жриц божества плодородия, выступавших в поход вместе с войсками); это, конечно, были еще племенные вожди, и недаром хетты здесь не раз вели переговоры не только с «царями», но и непосредственно с народом тех или иных «стран». Из описаний ассирийских походов XIII—X вв. до х.э. ясно вырисовывается существование здесь обширных, но непрочных объединений — племенных союзов; в надписях же урартских царей VIII в. племенные объединения прослеживаются уже только к северу от долины Аракса. Этническая принадлежность этих последних племен неясна.

Урарту как государственное объединение, доминирующее в некоторых частях Армянского нагорья, упоминается впервые, по-видимому, ассирийским царем Ашшур-нацир-апалом II (884—858 гг. до х.э.). После весьма длительного перерыва глубоко внутрь нагорья решился проникнуть его сын Салманасар III в 859 и 858 гг. События этих походов изображены на рельефах ассирийских бронзовых обшивок храмовых ворот. Эти рельефы позволяют судить о военном деле и вооружении урартов IX в. Урартские воины изображены здесь в подпоясанных рубахах, в шлемах с гребнями, с маленькими круглыми щитами и короткими, вероятно бронзовыми, прямыми мечами — вооружение, в общем сходное с лувийско-хурритским. Воины, обороняющие стены, вооружены также луками. Те же рельефы изображают вырубку деревьев, казни знатнейших жителей, увоз ассирийцами захваченного добра в больших глиняных сосудах, положенных на повозки, и угон нагих пленных в шейных колодках.

Во время похода 856 г. до х.э. ассирийцы прошли через левобережье верхнеевфратской долины — сквозь Страну мушков (Алзи) и другие области — и вторглись в Страну таохов. Разбив царя таохов, Салманасар повернул и ударил по Урарту с тыла — с северо-запада. Битва привела к поражению урартов и большим их потерям; ассирийцы заняли крепость и столицу одного из урартских округов; последовали обычное разорение местности и зверская расправа над населением. Пленных не брали (кроме колесничих и всадников), но угоняли лошадей и мулов и вывозили добычу. Обходя оз. Ван с севера, Салманасар, не спеша, велел соорудить в горах «огромное изображение своего величества» с надписью; затем, омыв ору-

жие в «море Наири» (оз. Ван), ассирийцы с боем прошли далее и через владения различных мелких царьков вышли в Ассирию.

Четверть века после этого ассирийцы не тревожили горцев. Урарты воспользовались передышкой для укрепления своего государства. Ко времени после 845 г. до х.э. относятся первые надписи царя Наири Сардури I на ассирийском диалекте аккадского. Эти надписи найдены в Тушпе, и полагают, что именно Сардури I сделал ее своей гражданской столицей, оставив полуразрушенный Муцацир культовым центром урартов. Сардури I именует себя не только «царем Биайнели (т.е. Вана, Урарту), правителем города Тушпы», но и «царем великим, царем сильным, царем обитаемого мира, царем Наири». Эта титулатура повторяла ассирийскую с заменой слова «Ассирия» на «Наири», что означало вызов Ассирии и претензию на соперничество с ней.

Претензия оказалась небезосновательной. Ассирийцы были в это время связаны тяжелой борьбой за «железный путь», которую им приходилось вести с Северосирийским союзом, возглавлявшимся тогда Мелитеной, и с Южносирийским союзом во главе с Дамаском. Лишь в 832 г. до х.э. стареющий Салманáсар послал против Сардури своего полководца, однако Сардури удалось не допустить ассирийцев в глубь государства ни в этот раз, ни позже.

Политику Сардури I продолжал его сын, но он рано отошел от активной деятельности, и фактическим правителем страны был Минуа, внук Сардури. Была укреплена урартская власть над Муцациром, которому вначале угрожала Ассирия (причем правителем, по-видимому, поставили брата Минуа), а также занята вся территория, вплоть до западного и южного берегов Урмии; урарты вышли во фланг Ассирии. Северная граница Урарту проходила, видимо, между оз. Ван и р. Аракс; здесь урарты вели упорную борьбу с вторгавшимися с севера, из-за Аракса, племенами, может быть протогрузинскими.

Ко времени Минуа в Урарту учреждается система наместничеств во главе с областеначальниками, упорядочиваются культы богов и вводится общегосударственная система жертвоприношений. В каждом завоеванном номе принудительно вводился культ государственного урартского бога Халди — мера, незнакомая другим «великим державам».

Незадолго до 800 г. начинается единоличное правление Минуа. Вскоре после этой даты ассирийцы потеряли свои верхнеевфратские провинции, и все левобережье верхнего Евфрата, включая Алзи (Страну мушков), вошло в состав Урарту; Минуа удалось вторгнуться на территорию царства «Хатти» (Мелитены) на правобережье Евфрата и, более того, перевалив через горы, совершить набег на ассирийскую Верхнюю Месопотамию. На севере Минуа проник в Страну таохов, а также возвел новый административный центр на правом берегу Аракса, у подножия горы Арарат, отсюда урарты начали рейды на Закавказье.

Во время правления Минуа по всему царству было построено много оборонительных и оросительных сооружений: один из его каналов до сих пор снабжает водой г. Ван. Урарты не останавливались перед тем, чтобы прорубать каналы в скале или облицовывать их глыбами камня. Это строительство стало возможным в результате введения «стальных» орудий и распространения обязательных повинностей на обширное новое население царства (случаев постройки больших оросительных сооружений руками рабов-пленных на древнем Ближнем Востоке неизвестно).

Около 780 г. (датировки, предложенные разными исследователями, рас-

ходятся в пределах до десятилетия) на престол Урарту вступает Аргишти I, сын Минуа. От его правления дошли одна из крупнейших древневосточных надписей — огромная летопись, высеченная на отвесных склонах Ванской скалы, — и другие подробные известия о его походах. В начале своего правления Аргишти повторил поход Минуа на Страну таохов, частично обратив ее в урартское наместничество, а частично обложив данью золотом, медью, камнями и рогатым скотом. Окончательно царство таохов было сокрушено Аргишти лет на 15—20 позже, причем значительная часть долины р. Чорох, видимо, тогда же перешла в руки Колхиды. Во время первого своего похода, пройдя вдоль юго-западной периферии области колхов, Аргишти вышел к верховьям р. Куры и вернулся через долину Аракса. На западе своего царства Аргишти снаряжал военные экспедиции в верхнеевфратскую долину, на правобережье, в царство Мелитену (оно же «Хатти»). Отсюда урартскому царю удалось установить свою гегемонию над верхнеевфратским участком «железного пути». Позже им были завоеваны районы верховьев Куры, верховьев Аракса, оз. Севан и севернее. В 4-м (?) году правления им была построена почти на месте позднейшего Еревана крепость Эребуни, заселенная 6600 воинами, взятыми в плен в Мелитене и на верхнем Евфрате, по всей вероятности, протоармянами по этнической принадлежности, а также и другими племенами. Все они были теперь определены на пограничную военную службу. Несколько позже Аргишти создает на левом берегу Аракса еще более крупную крепость — Аргиштихинели, которая, видимо, должна была явиться административным центром всего Закавказья. Зайдя через Мелитену во фланг Ассирии с запада и перерезав ее коммуникации с важнейшими источниками сырья, Аргишти посвятил много лет тому, чтобы обойти Ассирию также и с востока. Основным объектом завоевания были территории к югу от оз. Урмия и области, расположенные еще южнее; Аргишти, возможно, доходил даже до вавилонских пределов. Успехам Аргишти, который неоднократно вторгался на собственно ассирийскую территорию, содействовала господствовавшая в Ассирии разруха, вследствие чего он часто имел дело не с царскими войсками, а с войсками полусамостоятельных наместников.

Упорные набеги урартов к югу от Урмии привели к сплочению народа маннеев, так что, как только могущество урартов в следующее правление пошатнулось, на месте множества городов-государств урмийского района возникло большое царство под названием Страна маннеев (она же Манна). Оно имело олигархическое управление (рядом с царем стоял совет из царских родичей и местных правителей), но и народ тоже играл заметную политическую роль.

3. ОБЩЕСТВО УРАРТУ

Урарту было наименее доступной для врагов областью нагорья, а потому располагало наиболее благоприятными условиями для развития. Чтобы сохраниться рядом с могущественной и воинственной Ассирией, царство Урарту должно было быстро сравняться с ней по уровню развития военной техники, административного аппарата и по мощи завоеваний. И Урарту этого добилось. С царствования Аргишти I (если не ранее) в урартской армии были, по-видимому, введены ассирийская структура подразделений и система обучения. Снаряжение и вооружение (пластинчатые пан-

цири, остроконечные бронзовые шлемы, большие круглые бронзовые щиты, сравнительно длинные стальные мечи и лук с колчаном из 36 стрел, с железными, реже — бронзовыми наконечниками) были подобны ассирийским, хотя трудно сказать, откуда шло влияние — из Урарту на Ассирию или из Ассирии на Урарту. Что касается урартской административной системы, то со второй половины VIII в. ее стала копировать Ассирия. Целью как урартских войн, так и «мирной» администрации завоеванных областей был прежде всего захват материальных ценностей, без учета возможного при этом нарушения торговых путей; ценности скапливались на царских и храмовых складах ради престижа, обмена подарками с другими дворами и содержания придворного штата, чиновничества и армии, в значительно меньшей мере они поступали в оборот; товарное хозяйство в горных областях Передней Азии было развито слабо. В то же время скопление металла и пленных (в том числе ремесленников) в центрах Урарту способствовало высокому развитию литейного и вообще металлургического, а также ювелирного мастерства.

В Урарту не было крупных царских рабовладельческих земледельческих хозяйств. Принадлежавшие царю земли были сравнительно невелики, и продукты полеводства поступали в урартские «дворцы»-крепости главным образом в виде натурального налога с населения. В этих крепостях находились склады хлеба и фуража для войска, винные кладовые; здесь же были мастерские для первичной переработки поступающего сырья, для изготовления оружия и т.д., располагались гарнизоны и помещались наместники со своим штатом. Лучше всего такой «дворец»-крепость изучен на материале древнего города Тейшебаини, ныне городища Кармир-Блур в Ереване; однако за последнее время раскопаны некоторые подобные крепости и на территории Турции и Ирана.

В Тейшебаини, городе, заново построенном урартами в VII в., дома, по-видимому, строились сразу целыми кварталами, одновременно с основанием крепости. Каждая семья обитала в жилище, состоявшем из двух-трех помещений, из которых одно было только до половины крыто кровлей, покоившейся на деревянных столбах. Другая его половина служила двориком. Здесь находился врытый в землю очаг. Жители дома не имели собственных постоянных хранилищ для продуктов, не держали при доме скота; видимо, здесь жили люди, работавшие в мастерских цитадели или служившие в гарнизоне либо на низших административных должностях. Мебели почти не было; главную утварь составляла глиняная посуда: в ней варили пищу, хранили зерно, масло, пиво, мелкие вещи. Из кости и дерева изготовляли коробочки, ложки, совки, гребни и т.п. В пищу употребляли ячмень, просо, бобовые, кунжут (на масло), виноград и изюм, а также иногда выдававшееся из дворца мясо. Известны некоторые орудия урартского земледелия: железные серпы, вилы, лопаты, грубые зернотерки из двух камней, каменные ступки-крупорушки.

Образцом другого, более органично выросшего типа города на нагорьях может служить нынешнее городище Хасанлу к юго-западу от оз. Урмия. Здесь вместо прямых, одновременно проложенных улиц — лабиринт естественно складывавшихся переулков, свидетельства имущественного расслоения, выражающегося в различном богатстве и размерах отдельных строений. В Урарту были известны и многоэтажные городские дома, в которых, возможно, жили большими семьями общинники. Большесемейные поселки типа хурритских «общин» были распространены и в сельской местности.

Урартское общество не было этнически однородным. Помимо собственно урартов, жителей бассейна оз. Ван, здесь обитали «хетты» (т.е. лувийцы и протоармяне), хурриты, а также северные (протогрузиноязычные и др.) кавказские племена.

Разноплеменным и разноязычным, вероятно, было и войско, что должно было сказаться в периоды военных неудач (или хотя бы отсутствия побед).

Урартские надписи и титулатура царей объединяют основную массу населения под термином *шурели* (букв. «оружие», т.е. «воинство» или «вооруженные племена»). Они были обязаны воинской и другими повинностями и жили большими общинно-родовыми поселениями, сгруппированными вокруг обнесенных стенами самоуправляющихся и царских поселений-крепостей. Так, существовали целые поселения из родичей царя. Среди царских людей (*урурда*) выделялась высшая группа — *мари*. Военная и служилая знать, может быть, восходила к местным знатным родам различных племен.

Важнейшим культовым центром был муцацирский храм бога Халди; он служил местом коронации урартских царей и одновременно их сокровищницей.

Наряду с храмами (под двухскатной крышей с колонным залом и иногда с портиком) в культе Халди существовали святилища под открытым небом — перед нишей в скале или каменной стелой («вратами» бога Халди); как храмы, так и «врата» владели огромными стадами, образовавшимися из царских пожалований и обязательных даров на жертвы, которые приносили семьи общинников, но нет никаких данных о том, чтобы храмы обладали полевыми хозяйствами. Вообще на территории Урартского царства из непромышленных отраслей хозяйства более всего было развито отгонное скотоводство (разводились главным образом овцы, крупный рогатый скот и кони); но урартские цари уделяли исключительное внимание и развитию земледелия и виноградарства — видимо, страна с трудом обеспечивала себя хлебом и вином.

Из каждого похода урартские войска пригоняли наряду со множеством скота также очень много пленных — конечно, преимущественно из мирного населения.

Судя по данным надписей, в течение нескольких десятилетий перемещались сотни тысяч людей. Большинство пленных отдавали царю (так же как ему, очевидно, переходила и опустошенная и вновь заселенная пленниками земля), но многие доставались и воинам. Однако хозяйство страны было неспособно использовать такую массу несвободной рабочей силы, поэтому более половины взятых в плен умерщвляли, а из оставленных в живых (преимущественно мальчиков и молодых женщин) далеко не все переносили тяготы угона. Несомненно, что рабы использовались в скотоводстве и ремесле; в какой мере и как они использовались в земледелии, неясно. Есть основание полагать, что с ними поступали так же, как в Ассирии, т.е. главным образом сажали на землю в качестве «илотов» царя или его подданных, которые вели хозяйство индивидуально, отдавая значительную часть продукта своего труда. Многих мальчиков кастрировали, пополняя евнухами штат служителей не только царя, но, вероятно, и областеначальников, жриц и т.п. Важно отметить, что пленных воинов часто включали в урартские пограничные части, где простое чувство самосохранения вынуждало их сражаться против врагов Урарту.

4. УРАРТУ ВРЕМЕНИ РАСЦВЕТА

В середине VIII в. — около 760 г. до х.э. — на урартский престол взошел Сардури II, сын Аргишти. В это время благоприятная для урартов обстановка продолжала сохраняться. Однако Сардури II пришлось неоднократно воевать в Стране маннеев и дальше к югу, вплоть до границ Вавилонии, встречая все более ожесточенное сопротивление. К концу правления Сардури Страна маннеев и другие области этой окраины добились независимости. Целый ряд походов урартского царя был направлен и в Закавказье. Число пригоняемых пленных все увеличивается: так, за один лишь год Сардури II привел из трех походов 12 735 мальчиков и 46 600 женщин.

Наиболее важным направлением походов Урарту было юго-западное. Сардури дважды совершал поход вниз по Евфрату, где открывался путь в Сирию. Он вступил в сношения с Северосирийским союзом. При помощи союзов влияние Урарту распространилось до самого Дамаска, а сирийцы выступали вместе с Сардури против угрожавшей им всем Ассирии.

Начиная с 781 г. до х.э. периодически происходили войны между Урарту и Ассирией, и окраинные области то там, то здесь переходили за это время от ассирийцев к урартам. В середине века решительная схватка между державами стала неизбежной. В 745 г. в Ассирии воцарился Тиглатпаласар III, проведший ряд существенных реформ, используя, по-видимому, и достижения урартской государственной практики. В частности, военная реформа Тиглатпаласара имела прототип в проведенной незадолго до этого военной реформе Сардури: полагаясь на огромное скопление продуктов и ценностей в царских хранилищах, с помощью чего урартский царь мог содержать постоянное войско за свой счет, Сардури сократил более 350 тыс. воинских повинностных единиц в стране (разумеется, столько ополченцев и раньше никогда не призывалось одновременно). Однако Сардури, видимо, переоценил свои возможности и слишком ослабил реформой армию. Напротив, в Ассирии реформа Тиглатпаласара, проведенная после тяжелой полосы неурядиц, разрухи и междоусобных войн, привела к большому притоку боеспособных воинов в перестроенную, постоянную армию, и в схватке урартский царь оказался слабее. В битве, которая произошла в 743 г., ассирийцы нанесли Сардури и его союзникам поражение. Сардури отступил на восток от верхнего Евфрата, оставив победителям свой лагерь. Тиглатпаласар вернул Ассирии часть областей к северу от верховьев Тигра. Но, по-видимому, только в 735 г. ему удалось вторгнуться в глубь Урарту и даже осадить Тушпу, хотя взять ее цитадель он не смог.

Сардури II умер в конце 30-х годов VIII в., и на престол Урарту взошел Руса I. В это трудное для его царства время центробежные силы, сдерживаемые до сих пор оружием урартских царей, получили простор для действий. Местные царьки и даже наместники из высшей урартской знати отлагались от царя Урарту; об этом мы знаем из дошедших донесений ассирийских шпионов.

По сообщению одного ассирийского источника, Руса воздвиг впоследствии в Муцацирском храме статую, изображавшую его на колеснице, с надписью: «С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту». Хотя в этих словах содержится похвальба, они все же передают историческую обстановку: положение Русы было очень тяжелым. Ему, однако, удалось справиться с восстанием наместников и вновь подчинить своей власти маленькое, но политически важное царство

Муцацир. Как полагают, Руса реформировал и разукрупнил наместничества и построил соответственно новые крепости — административные центры (в том числе в Закавказье, например на берегу Севана). Не ограничившись этим, Руса I вышел и в области к востоку от оз. Севан; по-видимому, он достиг по крайней мере современного Нагорного Карабаха; оттуда он перешел Аракс и закрепился там. Но едва Русе удалось вновь собрать воедино Урартское государство, как он столкнулся с серьезной внешней опасностью — вторжением из степей Северного Причерноморья в Закавказье конных отрядов киммерийцев (вероятно, через перевалы Мамисон и Клухор). Они первоначально обосновались, по-видимому, в Западной Грузии и оттуда совершали набеги на Урартское царство. Опасность со стороны киммерийцев, а впоследствии скифов состояла, во-первых, в их новой тактике и, во-вторых, в их вооружении луками и стрелами с баллистически гораздо более эффективными, чем прежние, так называемыми скифскими наконечниками стрел. В течение последующих 100—150 лет все армии перевооружились этими стрелами; но пока меткость, дальнобойность и убойная сила киммерийско-скифских стрел должны были вносить панику в ряды противника и окрестного населения. Однако киммерийцы, как позже и скифы, далеко не сразу научились брать крепости, а крепости были костяком Урартского государства. Руса I в конце концов справился с киммерийцами, направив их поток преимущественно в Малую Азию. Но по мере нового роста сил Урарту назрела неизбежность нового столкновения с Ассирией, где тем временем воцарился еще один энергичный царь — Саргон II. Готовясь к борьбе с ним, Руса завязывает отношения с Фригией и с мелкими буферными царствами, расположенными в горах Малоазийского Тавра и на правобережье верхнего Евфрата.

5. УРАРТУ И ФРИГИЯ

Когда именно в центре Малой Азии возникло Фригийское царство, до сих пор не установлено; расцвет его, связанный с именем знаменитого царя Мидаса, относится ко второй половине VIII в. до х.э. Этому же времени принадлежат раскопанные здания и курганные погребения фригийской столицы Гордион в долине р. Сангарий (Сакарья). По преданию, Гордион был назван по имени Гордия, основателя если не Фригийского царства вообще, то, во всяком случае, Фригийской великой державы VIII в. до х.э.[4].

Первоначальная фригийская территория, если не считать Малой Фригии, выходившей к Мраморному морю, включала лесистый горный массив у истоков больших малоазийских рек; здесь находились важные, по-видимому автономные, храмовые города. Политический центр фригийской территории находился в долине р. Сангарий, а на восток она частично заходила за р. Галис (Кызылырмак), на древнюю хеттскую землю. Здесь, у южной точки изгиба р. Галис, т.е. уже далеко за пределами собственно фригийской территории, оставил свою надпись (иероглификой, на лувий-

[4] По преданию, Гордий (вышедший из крестьян) поместил в столичном храме телегу, ярмо которой было закреплено хитрым узлом; говорили, будто бы развязавший этот узел будет владеть Азией. Но Александр Македонский, побывавший в Гордионе в IV в. до х.э., его попросту разрубил.

ском языке) некий Куртис. В ней он титулует себя «царем Востока и Запада» (середина VIII в. до х.э.). Возможно, что Куртис был родичем фригийских царей.

Расцвет Фригии при Гордии и при Мидасе, сыне Гордия, был быстрым и блестящим; причины этого нам не совсем ясны, однако характерна легенда, утверждающая, будто Мидас мог превращать все в золото одним своим прикосновением. Мидас I, несомненно, помимо Фригии господствовал и над Лидией (долиной р. Гедиз), и над ее богатыми золотыми месторождениями на р. Пактол, открытыми в послехеттское время (может быть, как раз при фригийском владычестве). На востоке влияние еще Гордия I, а затем и Мидаса I доходило до гор Тавра, а на западе — до греческих (эолийских и ионийских) городов; дочь царя одного из них, по преданию, была женой Мидаса. Именно он был первым из негреческих царей, кто принес дар в общегреческое святилище в Дельфах (золотой трон). При Мидасе расцвела фригийская металлургическая, ткацкая, деревообделочная промышленность. Интересно, что во Фригии вплоть до середины VII в. до х.э. не наблюдается признаков ввоза товаров ремесленного производства из Греции и вообще с Запада, хотя заметно аттическое влияние на фригийскую художественную керамику; напротив, начиная с VIII в. до х.э. в Греции часто встречаются изделия фригийские и, по-видимому, либо прибывшие через Фригию урартские, либо имитированные во Фригии по урартским образцам. Не совсем ясно, что шло из Греции в обмен на фригийские товары. Олово? Некоторые сельскохозяйственные продукты, например оливковое масло? Рабы? Греческие мореходы могли быть естественными поставщиками рабов, точно так же как финикийские (сидонские) мореходы, о чьей пиратской деятельности красочно рассказывает греческая поэма VIII в. «Одиссея». По данным древнееврейского религиозно-политического проповедника VI в. до х.э. Иезекииля, Фригия и Табал[5] еще в его время (когда Фригия находилась в зависимости от Лидии и сама уже вряд ли захватывала много пленных на войне) продавали финикийцам наряду с бронзой также «души человеческие», скорее всего посредничая для работорговли Запада.

Известно немало культурных изобретений, перенятых, по преданию, греками, а позже римлянами у фригийцев: таковы цветные фризы (лат. phrygium) под двухскатной крышей храмовых и других зданий (подобные храмовые здания сооружались и в Урарту), настенные ковры, искусство вышивки золотыми нитками, фригийский музыкальный лад, двойная свирель и кифара (род гуслей), разведение «ангорских» коз с пушистой шерстью, декоративных роз и многое другое. О греческом влиянии на Фригию судить трудно; если не считать надгробных надписей римского времени, до нас дошло лишь немного кратких и обычно не поддающихся истолкованию надписей по-фригийски. Однако надлежит заметить, что с VIII в. и фригийцы, и греки пользовались практически одним и тем же алфавитом — алфавитом подлинным, т.е. передававшим не только согласные, но и гласные. Внешне он был близок к финикийскому письму начала I тысячелетия до х.э.; гораздо меньше похожи на него (и на греческий алфавит) другие малоазийские алфавиты (лидийский, карийский, ликийский и др.), хотя и они явно семитского происхождения.

Очень раннее влияние греков на фригийцев видно, однако, из надписи на культовой нише («вратах бога») в скале из «Города Мидаса», где этот

[5] Одна из лувийских областей в горах Тавра на юго-востоке Малой Азии.

царь носит ахейские (микенские) титулы *ванак* и *лавагет*. Итак, в греко-фригийских взаимоотношениях фригийская сторона, видимо, не была только дающей. Тем не менее в материальной культуре (скальные сооружения, бронзовая утварь и т.п.) Фригийское царство дает больше свидетельств контактов с царством Урарту, чем с Грецией; несомненно, что оно явилось связующим звеном между Передней Азией и греками; первые участки знаменитой персидской «Царской дороги», объединявшей с VI в. до х.э. страны Эгейского моря с Востоком, уже были проложены при Мидасе.

Главную роль во фригийской религии играл культ великой матери-богини Кибелы (Кубабы) — культ, восходящий еще к дохурритским временам, а также молодого бога Аттиса, умирающего и воскресающего к новой жизни. В этом культе — по крайней мере позднее — были распространены оргиастические обряды и самооскопление жрецов, посвящавших себя богу. Однако культ Аттиса не случайно просуществовал весьма долго и впоследствии распространился на запад вплоть до Рима. Бытовой его основой явилось наличие тысяч евнухов во всех древневосточных государствах той поры, особенно в царских, храмовых и больших частных хозяйствах. Они составляли численно немаловажную группу населения, и из них охотно вербовали высших чиновников, писцов, нередко военачальников. Таким образом, мальчик-раб, оскопленный в детстве, имел лучший шанс, чем его сверстники, «выйти в люди» и занять значительное положение в обществе, обучиться грамоте и книжной мудрости. Эта группа людей нуждалась в идеологическом оправдании своего положения как отнюдь не позорного, а в чем-то даже почетного. Такое оправдание они находили в том, что их состояние дарует освобождение от страстей, влиянию которых приписывались бедствия рода человеческого. Тем самым культ Аттиса включался в число тех мистических течений конца эпохи развитой древности и начала поздней древности, которые от чисто ритуалистических религий, оправдывавших традиционные порядки и лишенных этического содержания, шли к поискам высших нравственных основ человеческого существования. Из этих течений религия Аттиса была, конечно, наиболее грубой и примитивной, но все же она явно принадлежала не к традиции, восходившей к общинным порядкам, а к течениям, ломающим эти традиции. Приверженцы культа Аттиса были не только среди евнухов, были они и среди полноценных мужчин и особенно среди женщин.

Фригийские воины изображаются короткобородыми, с серьгами в ушах, одетыми в длинные полосатые рубахи с кисточками по подолу и высокие сапожки; шлемы они носили плетеные, копья короткие, щиты круглые, небольшие. Мода на знаменитые «фригийские колпаки», в будущем ставшие символом свободы, была, видимо, занесена во Фригию позже — киммерийцами или трерами.

Таково было государство, возникшее в VIII в. до х.э. как новый важный фактор в мировой политике, государство, на которое решил ориентироваться Руса I в предстоящей борьбе Урарту с Ассирией. Ассирийский царь Саргон II был в это время занят окончательным покорением Сирии и осаждал важнейший торговый город на Евфрате — Каркемиш, который после утери своего значения Мелитеной и Арпадом стал политическим центром Северосирийского союза. По-видимому, последний царь Каркемиша успел послать гонцов к Мидасу в 718—717 гг. и призвать его на помощь. Мидас откликнулся и, как можно думать, тогда же заключил свои союзы и со всеми государствами Тавра. Заключение союзов было подкреплено делом: фригийские войска перевалили Тавр, и их передовые отряды вышли к

Средиземному морю. Здесь, однако, они были отражены ассирийцами, и Мидас далее не двинулся, а Каркемиш был взят Саргоном. Но столкновение с ассирийцами было слишком незначительным для того, чтобы само по себе задержать фригийцев; можно догадываться, что более важной причиной прекращения их наступления были киммерийцы, около этого времени переставшие тревожить Урарту и через область Понт ударившие по Малой Азии. Таким образом, Руса, видимо, связался с Мидасом лишь после того, как тот справился с первым натиском киммерийцев, — во всяком случае, слишком поздно: фригийское наступление во фланг Ассирии сорвалось. Саргон предпринял ряд походов в область Тавра с целью одновременно и обеспечить свой фланг, и овладеть «железным путем». Сначала он старался создать себе союзников, сажая, где возможно, своих ставленников, и передавал города одних царей другим (он даже выдал свою дочь за одного из здешних царей), а затем уже громил непокорных. В конце концов, однако, Саргон присоединил к Ассирии все таврские царства, создав широкий клин между Фригией и Урарту (713—705 гг. до х.э.). При этом не обошлось без новых стычек с фригийцами. Но это было уже после того, как ассирийский царь расправился с самим царством Урарту.

Еще после поражения, нанесенного Ассирией Сардури II, Страна маннеев превратилась в большое независимое царство, пытавшееся лавировать между Ассирией и Урарту; Тиглатпаласар III и Саргон II не трогали его владений, расширяя власть Ассирии за счет более южных — мидийских областей Иранского нагорья. Руса I попытался поддержать в Стране маннеев антиассирийскую оппозицию; он к тому же владел большой полосой маннейских земель. В 714 г. Саргон направился на Иранское нагорье, делая вид, что намерен в союзе с маннейским царем углубиться в Мидию. Руса решил этим воспользоваться для того, чтобы зайти в тыл ассирийскому войску, но прекрасно поставленная ассирийская разведка вовремя предупредила Саргона; он повернул свою армию и нанес Русе сокрушительное поражение; тот бежал в Тушпу и вскоре покончил с собой. Саргон же совершил в высшей степени опустошительный поход через часть территории Урарту, минуя только урартскую столицу. Мало того, в конце похода, отпустив основную часть армии с огромной добычей в Ассирию, он неожиданно перевалил через горы и верховья Большого Заба и обрушился на Муцацир, без сопротивления перешедший в руки ассирийцев. Здесь были разграблены дворец и храм бога Халди и захвачено свыше 330 тыс. предметов искусства и ремесла: более тонны золотых, более пяти тонн серебряных и более сотни тонн бронзовых изделий, а также медных слитков. Вступивший в 714 г. на престол Урарту Аргишти II мало что мог сделать; его попытки опереться на Фригию и на таврские царства в борьбе против Ассирии оказались безуспешными. Вместе с тем и завоевания Саргона II в горах Тавра оказались непрочными.

При урартском царе Русе II, который правил примерно с 685 по 645 г. до х.э., Урарту переживает новый, но уже последний период подъема. Наиболее серьезной оказалась проблема кочевых отрядов конников. Киммерийцы к этому времени усилились в Малой Азии и громили владения Мидаса, но, безусловно, совершали набеги также на ассирийскую и урартскую территорию. В 680 г. новый ассирийский царь, Асархаддон, перешел через Тавр и разбил киммерийцев; вождь киммерийцев Теушпа погиб, а часть его конников пошла на ассирийскую службу. Другая часть вошла в союз с Мидасом, и совместно они совершили (или по крайней мере готовили) на-

бег на «железный путь» в районе Мелитены. Однако союзы с такой капризной силой, как необузданные конные отряды киммерийцев и скифов, были всегда ненадежны, и, видимо, Русе удалось перетянуть киммерийцев на свою сторону; тогда против Урарту образовался союз Фригии, Мелитены и халдов-халибов.

Для Русы II в этот момент существен был нейтралитет Ассирии. Асархаддон готовил поход против одной независимой хурритской области в горах севернее истоков р. Тигр. Наряду с Мелитеной и некоторыми другими стратегическими труднодоступными районами эта область (Шубрия) была убежищем для политических беженцев и для беглецов от тягот повинностей как из Ассирии, так и из Урарту. Асархаддон поэтому тоже нуждался в Русе и соглашался на ассирийский нейтралитет. Поход Русы против Фригии, Мелитены и халдов (675 г. до х.э.) имел успех; урарты захватили много добычи и пленных, а Фригия отдана была на поток и разграбление киммерийцам. Тогда же погиб престарелый Мидас, и ассирийцы, по-видимому принявшие участие в войне на ее последнем этапе, могли около 660 г. числить Фригию даже среди своих «провинций». Это вмешательство ассирийцев не позволило Русе II полностью развить свой успех, и, в частности, царство Мелитены благополучно пережило войну, а в 30-х годах VII в. до х.э. даже расширилось. Хотя ассирийские цари претендовали на власть над Фригией, настоящими хозяевами ее остались киммерийцы, которые вместе со вторгшимися с Балкан трерами опустошали несчастную страну более двадцати лет; после этого, однако, царство Фригия было восстановлено, но уже как зависимое от более западного государства — Лидии. От киммерийских набегов тяжело пострадали и некоторые греческие города Малой Азии. Поход ассирийцев на горную область к северу от истоков Тигра состоялся несколько позже урартского похода против Фригии, а именно в 673 г. до х.э., и также увенчался успехом. Скрывавшиеся беглецы после калечащих наказаний были выданы своим хозяевам; часть пленных была зачислена в ассирийскую армию.

6. СКИФЫ. УПАДОК УРАРТУ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЛИДИИ. ПЕРВОЕ АРМЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Окончательный уход основных сил киммерийцев в Малую Азию, упадок Фригии и серьезные войны, в которые одновременно вынуждена была ввязаться Ассирия на востоке, в Мидии, а также на юге, в Египте, позволили Русе II посвятить силы развитию земледелия в Урарту, строительству оросительных каналов и новых крепостей и развязали ему руки в Закавказье. Именно ко времени Русы II относится возведение нового города и крепости Тейшебаини около современного Еревана. Цитадель его почти целиком была занята гигантским административным зданием, расположенным ярусами-уступами в соответствии с рельефом скалы и включавшим в себя многочисленные склады продуктов и мастерские. Здесь же была храмовая площадка перед каменной стеной — «врата бога Халди». Усиление положения урартов в Закавказье было важно для них потому, что в 60—70-х годах VII в. до х.э. вдоль Каспийского моря из придонских степей продвинулась новая группа ираноязычных конников — скифов. Они образовали род кочевого «царства», скорее всего сначала на просторах современной Республики Азербайджан. Но возможно, что после народного вос-

стания в Стране маннеев, когда царь ее обратился за помощью к Ассирии (659 г.?), переднеазиатские скифы, выступив как союзники Ассирии, получили фактическую гегемонию и в Стране маннеев; к этому времени следует отнести перенесение их центра в район оз. Урмия, о чем свидетельствуют найденные здесь скифские «клады». В 672 г. до х.э. скифы вмешались было в ассиро-мидийскую войну, но потом вступили в союз с ассирийцами и тем самым превратились в важный, нередко решающий фактор ближневосточной политики. В 50-х годах VII до х.э. царь скифов Мадий во время серьезнейшей войны между Ассирией и Вавилоном подчинил себе мидян, а затем, то ли обойдя, то ли пересекши урартскую территорию, ворвался в Малую Азию, где истребил разложившиеся от долгих беспрепятственных грабежей толпы киммерийцев. Урартское царство было настолько деморализовано всеми этими событиями, что новый его царь, Сардури III, в 643 или 639 г. добровольно признал главенство Ассирии, назвав себя в дипломатическом письме «сыном» ассирийского царя Ашшурбанапала. Но вскоре уже в самой Ассирии начались фатальные события, быстро приведшие ее к гибели, и скифы, оставив Малую Азию, распространили свои набеги на ассирийские владения.

В Малой Азии Гигес, царь и основатель новой династии в Лидии, еще вынужден был вести с киммерийцами борьбу с переменным успехом, то тщетно пытаясь найти против них союзников в Ассирии, то сам вступая в союз против Ассирии с Псамметихом Египетским, и в конце концов погиб в борьбе с кочевниками, которые даже взяли лидийскую столицу Сарды. Но уже его сын Ардис (651? — 613? гг. до х.э.) смог воспользоваться уходом победителей над киммерийцами — скифов Мадия — в Ассирию и фактически занять большую часть Малой Азии. Изгнав остатки киммерийцев из своего государства, Ардис предпринял завоевание ионийских городов-государств на побережье. Он овладел Приеной, но не смог взять важнейший город — Милет, и война с ним продолжалась при его преемниках. В войне с Милетом и другими греческими городами лидийские цари использовали ожесточенную борьбу, которая уже с VIII в. до х.э. происходила там между знатью и остальной массой свободного населения (демосом). Лидяне опирались на аристократическую партию и не имели успеха в борьбе с городами, где держалось демократическое управление: под Клазоменами они потерпели жестокое поражение, а в отношении Милета были вынуждены довольствоваться заключением мира на условиях дружбы и союза.

Если не считать побережий с их независимыми греческими и ликийскими городами и независимыми же, но отсталыми племенами Понтийских гор, в Малой Азии теперь оставались три сильных государства: Лидия, унаследовавшая могущество Фригии, Киликия на юго-восточном побережье и «Дом Тогармы», т.е. бывшее царство Мелитены, сменившее, по-видимому, лувийскую династию на армянскую; мелкие царства гор Тавра, разгромленные ассирийцами, киммерийцами и снова ассирийцами и скифами, вошли в два последних царства.

В верхнеевфратской долине в это время, очевидно, начался процесс создания армянской народности. Этот уголок земли был издавна населен многими этническими группами, говорившими на совершенно различных языках: лувийском, хурритском, урартском, протоармянском, возможно, и на других. Теперь языком их общения стал протоармянский (переработанный в соответствии с языковыми навыками местного, более многочисленного населения, он стал в конце концов, через много столетий, древнеармянским — общим языком нагорья и центральной части Южного Закавказья,

однако слова, относящиеся к их родной природе и быту, армяне сохранили из своих прежних языков).

В конце VII — начале VI в. до х.э., поскольку Закавказье, видимо, оставалось еще базой могущества скифов, царства Урарту и Страны маннеев уже не могли более оправиться. Они не вовсе погибли — сказалась сила «костяка» из царских крепостей, — но уже не могли подняться до прежнего благосостояния и могущества. Последние урартские цари проходят перед нами как бледные тени. Решающие события наступили в связи с крушением Ассирийской державы под ударами Вавилона и Мидии. В ходе войны мидяне подчинили себе Страну маннеев (ок. 615—613 гг.), а затем и Урарту, а в 606 г., видимо, некую «область» в Урарту под названием «Дом Ханунии», ныне, вероятно, Хыныс, по дороге на современный Эрзурум. Целью похода было, по-видимому, предотвратить нападение «Дома Тогармы» и Урарту во фланг вавилонянам в разгар их борьбы с остатками ассирийской армии и Египтом. Однако вплоть до 593 г. Урарту, Страна маннеев и Скифское царство все еще продолжали существовать — как вассальные царства Мидии (в качестве таковых они под этим годом упомянуты в библейской «Книге Иеремии»)[6]. Скифы, видимо, принимали самое активное участие в событиях этого времени, хотя исследователи сильно расходятся в оценке характера и значения их действий. Во всяком случае, между 593 и 591 гг. все три вассальных царства были уничтожены мидянами; погибли и урартские крепости.

После разгрома скифов мидянами часть их ушла обратно за Большой Кавказ, другая, по сведениям греческого историка Геродота, бежала в Малую Азию, что послужило в 590 г. причиной большой войны между Мидией (царь Киаксар) и Лидией (царь Алиатт). О ходе ее можно заключить из сообщений «Книги Иезекииля» и некоторых других библейских источников. Лидия подчинила себе Фригию и другие территории Малой Азии; горные племена были объединены в царство Киликию (Табал, Пиринд). В союзе с Лидией выступали Фригия, Табал, Азиатская Фракия (Северо-Западная Малая Азия), треры и Понт[7], остаток киммерийцев в Каппадокии и «Дом Тогармы». Союзники, видимо, перешли верхний Евфрат и угрожали сирийским и бывшим урартским территориям. Однако Киаксару удалось оттеснить противников до р. Галис, и после битвы, совпавшей с затмением солнца 28 мая 585 г., был заключен мир; граница Мидии прошла по Галису; посредниками были царь Вавилонии и царь Киликии. «Дом Тогармы» (арм. Торгом), видимо, не погиб: по некоторым, хотя и не вполне достоверным, источникам, последний продолжал существовать в виде формально зависимого от Мидии Армянского царства, включавшего в себя значительные объекты на западе Армянского нагорья. Центром этого царства остался город Мелид (Мелитена), судя по тому, что в Греции до V в. до х.э. «армяне» назывались «мелитенянами», а вавилоняне в том же, V в. до х.э. именовали западную и восточную часть Армянского нагорья

[6] Обстоятельства и дата падения Урарту все еще остаются предметом дискуссии. Видимо, это событие произошло ранее, чем считалось до сих пор, а в тексте Иеремии Урарту упоминается не как государство, а как географический термин. — *Примеч. ред.*

[7] Раньше переводили: «Верхний Египет, Эфиопия и Ливия». Как наше, так и традиционное толкование основано на несколько субъективном «улучшении» (эмендации) дошедшего до нас явно неисправного библейского текста, но прежний перевод не подтверждается параллельными источниками. Под Понтом здесь имеется в виду союз греческих городов Южного Причерноморья.

«Мелидом и Урарту». Вероятно, и ряд бывших урартских областей отошел к Мелиду, т.е. к Западной (или собственно) Армении. Сохранила свое существование, вероятно, и Колхида. Восточная Армения (или собственно Урарту), как и Страна маннеев, была поглощена Мидией, которая перенесла свои границы и за Аракс, где, по поздним преданиям, еще долго существовало среди прочего и мидийское население.

Что касается Лидии, то последующее полустолетие, вплоть до ее завоевания в 547 г. до х.э. Киром II Персидским, было для нее периодом процветания и тесных торговых связей с греческим Западом. Именно в Лидии начали чеканить первые в мире золотые монеты, а имя ее последнего царя, Креза, стало символом богатства.

Глава XIX

ФИНИКИЯ И ФИНИКИЙЦЫ В КОНЦЕ II — I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до х.э.

1. ФИНИКИЯ

Кризис, охвативший Восточное Средиземноморье в XIII—XII вв. до х.э., отразился и на Финикии. Вторжения еврейских и арамейских племен сократили территорию ханаанеян, которые все более концентрировались в самой Финикии. Во время одного из набегов филистимлян был разрушен Сидон, жители которого переселились в Тир. Но все же Финикия оказалась меньше, чем многие другие страны этого региона, задета событиями. Они даже пошли ей на пользу. Гибель одних и упадок других великих держав привели к временному расцвету мелких государств, в том числе финикийских городов-государств, освободившихся от египетского господства.

К северу от Финикии погиб Угарит. Тир, который и до этого, вероятно, активно участвовал в западных связях Восточносредиземноморского побережья, теперь стал главным центром западной торговли и западных путешествий. К тому же именно в этом городе после временного разрушения Сидона собралось особенно много населения, и это демографическое напряжение надо было «снять» выселением части «лишних» людей за море. Это и вызвало начало активной колонизационной деятельности Тира. В результате первого этапа колонизации в разных местах Средиземного и Эгейского морей возникли тирские колонии. Золото и серебро, притекавшие в Тир из отдаленных районов Западного Средиземноморья и севера Эгеиды, обогатили этот город. Тир стал «Лондоном древности». Он сохранил положение крупного торгового центра и после того, как финикийцы были вытеснены из Эгейского моря. Это не помешало активной финикийской торговле с Грецией. Торговля же с западом в значительной степени обеспечивалась сохранившейся сетью факторий и колоний. Эти колонии стали частью Тирской державы, выплачивая дань тирскому царю.

В X в. до х.э. царь Тира Хирам заключил союз с царями Израильско-Иудейского царства Давидом и его сыном Соломоном. Тирский царь поставлял в Иерусалим лес для строительства дворцов и храма и ремесленников, строивших вместе с подданными Соломона Иерусалимский храм. За это он получал из Палестины хлеб, вино и масло, что было чрезвычайно важно в условиях постоянной нужды Финикии в пищевых продуктах. Не меньшее значение имело и создание торгового «сообщества» между монархами. Корабль Соломона был включен во флот Хирама, торгующий с далеким Таршишем в Южной Испании, и оттуда доставлялись и в Финикию, и в Палестину золото, серебро, ценимые при восточных дворах экзотические животные и птицы. Взамен тирский царь получил доступ к порту Эцион-Гебер на Красном море и тем самым возможность плавать в богатый золотом Офир, точное местонахождение которого неизвестно, но который располагался, вероятнее всего, где-то в районе выхода из Красного моря в Индийский океан.

После распада единого древнееврейского государства Тир продолжал контактировать с северным царством — Израилем, да и на юге тирские купцы еще пользовались караванной дорогой от Газы до берега Акабского залива, судя по находкам вдоль дороги надписей этих купцов.

Обширная торговля с Таршишем и Офиром, господство над далеко раскинувшейся колониальной державой давали тирским царям много средств и способствовали превращению Тира в сильнейший город южной Финикии. В результате возникает в той или иной степени господство этого города над другими городами-государствами зоны, включая восстановленный после филистимского набега Сидон. Традиционная точка зрения заключается в том, что в IX или даже еще в X в. до х.э. возникло объединенное Тиро-Сидонское царство. Его царь выступал в первую очередь как «царь сидонян» (так он именуется не только в одной из библейских книг и в анналах ассирийских царей, но и в посвятительной надписи царского наместника), но столицей его был Тир. Сравнительно недавно было высказано другое мнение: в южной части Финикии возникла федерация городов, возглавляемая Тиром.

Богатство и внешний блеск Тира скрывали острые внутренние противоречия. Там развернулась ожесточенная социальная и политическая борьба. Внук Хирама, Абдастарт, был убит сыновьями своей кормилицы, и старший из них, возведенный на престол, царствовал 12 лет. После этого он, в свою очередь, был устранен, и на трон, видимо, вернулась прежняя династия, представленная еще тремя монархами. Но последний из них, Фелет, также был свергнут и убит, а власть захватил жрец Астарты Итобаал, ставший основателем новой династии. Выступление Итобаала отражает борьбу между царской властью и, по-видимому, довольно могущественным жречеством. Другое же подобное столкновение, происшедшее при правнуке Итобаала, Пигмалионе, привело на этот раз к победе царя и казни жреца Мелькарта Ахерба. Вдова Ахерба и сестра царя Элисса с группой знати, поддерживавшей ее и ее покойного мужа, бежала из Тира и стала основательницей Карфагена в Африке.

Основание Карфагена вписывается в уже начавшийся второй этап финикийской колонизации. Сама же колонизация (на этом этапе) была вызвана как общеэкономическими причинами, так и конкретными социально-политическими, сложившимися именно в Тире. В первую очередь это та внутренняя борьба, о которой сейчас идет речь. Против царя выступала довольно значительная группа знати. Эти люди вовлекли в свою борьбу и «плебс», т.е. низшие слои общины. Возможно, к ним относились те тирские «земледельцы», которые, вероятнее всего при Итобаале, поднялись с оружием в руках. Их требованием были новые земли в колониях. Потерпевшие поражение в этой борьбе аристократы вместе с частью поддерживавшего их «плебса» выезжали за море и создавали там новые поселения. Это было, видимо, выгодно и царям Тира, которые таким образом избавлялись от внутренних врагов и потенциальных соперников. Недаром именно Итобаал, правивший в первой половине IX в. до х.э., приступил к основанию новых городов, создав Ботрис в самой Финикии и Аузу в Африке, рассчитывая, возможно, отправить туда своих врагов.

Явившись следствием острой политической ситуации в самом Тире, колонизация в то же время в целом отвечала интересам правящих кругов этого города, и не только его. Надо учитывать роль Тира в экономике тогдашнего Ближнего Востока. Со времени первого этапа колонизации Тир являлся главным пунктом связи Передней Азии с обширными и богатыми

районами Западного Средиземноморья. Между тем на Ближнем Востоке экономическое развитие достигло такого уровня, что потребовалось объединение в рамках единых империй различных экономических районов. Колонизация явилась средством подключения к ближневосточной экономике ресурсов тех стран, которые оказались вне непосредственной досягаемости имперских владык. Но это, обогащая финикийские города, особенно Тир, создавало и большую опасность для них. Не имея возможности захватить непосредственно Таршиш или Северо-Западную Африку, Сардинию или Сицилию, имперские владыки стремились установить свой контроль над той страной на Востоке, куда преимущественно приходили эти западные ресурсы, т.е. над Финикией.

Упадок Египта не позволил этой стране восстановить ту политическую роль, какую она играла в эпоху Нового царства. В это время Библ оставался главным пунктом финикийско-египетских контактов, но на этот раз независимым от фараонов. В первой половине XI в. до х.э. царь этого города Чекер-Баал, предшественники которого пресмыкались перед фараоном, гордо утверждал независимость не только свою, но и своего отца и деда. Первые фараоны XXII династии, может быть, попытались восстановить политический контроль над Библом, но неудачно: если такой контроль и существовал (об этом в науке спорят), то очень короткое время, едва ли дольше правления первых двух фараонов этой династии — Шешонка I и Осоркона. Гораздо большая опасность надвигалась на Финикию с востока. Это была Ассирия.

Еще на рубеже XII—XI вв. до х.э. Тиглатпаласар I получил дань от Библа, Сидона и Арвада и побывал сам в Арваде и Цумуре (Симире), бывшем не так давно центром египетской власти в этом регионе. Финикийские города были вынуждены платить дань Ашшур-нацир-апалу II и его преемникам Салманасару III и Адад-нерари III. Финикийцы не раз пытались бороться с ассирийскими царями. Некоторые города, в частности Арвад, участвовали в антиассирийской коалиции, возглавляемой дамасским царем в середине IX в. до х.э. Может быть, опасностью со стороны Ассирии был вызван союз тирского царя Итобаала и израильского царя Ахава, скрепленный браком Ахава с тирской царевной Иезавелью. Но все усилия оказались напрасными, и сын Итобаала, Балеазар, был вынужден уплатить дань Салманасару.

Положение еще более обострилось, когда ассирийцы перешли от эффектных, но все же спорадических походов к созданию империи. Походы Тиглатпаласара III (744—727 гг. до х.э.) привели к подчинению Финикии. Ее северная часть, кроме г. Арвад, расположенного на островке, была присоединена непосредственно к самой Ассирии, а остальные города сделались ее данниками. Эпизодическая дань превратилась в постоянный налог, уплачиваемый финикийцами ассирийскому царю. Местные династии в городах были сохранены, но рядом с царями Тира и других городов были поставлены специальные уполномоченные ассирийского царя, без ведома которых местные монархи не могли не только проявлять какую-либо инициативу, но даже и читать корреспонденцию. Тиро-Сидонское государство (или южнофиникийская федерация во главе с Тиром) распалось. Во всяком случае, в VII в. до х.э. перед лицом ассирийской власти эти города выступали уже отдельно.

Финикийцы не раз пытались освободиться от тяжелого ассирийского ига, но эти попытки кончались весьма плачевно. Восстание Сидона завершилось новым разрушением города и лишением его даже призрачной само-

стоятельности. Нелояльность Тира стоила тому потери всех владений на материке (сам Тир, как и Арвад, находился на острове). Часть финикийского населения была уведена с родины: так, полностью сменилось население южного города Ахзиба, одно время подчинявшегося Тиру. После разрушения Сидона его жители тоже были уведены из Финикии. Правда, несколько позже Сидон был восстановлен и населен финикийцами. Полного разорения Финикии ассирийцы не произвели, так как это противоречило и их интересам.

Подчинение Ассирии стало началом новой эры финикийской истории, когда города Финикии, за исключением короткого времени, так и не восстановили полной независимости. Падение Ассирии освободило их. Но наследство этой первой ближневосточной империи сразу же стало предметом схватки новых хищников. Претензии на него выдвинули саисский Египет и Нововавилонское царство. У финикийских городов, как и у других небольших государств этого региона, не было сил играть самостоятельную роль в развернувшейся драме, они могли только ставить на ту или иную карту. Тир поставил на Египет, и это привело к тринадцатилетней осаде города вавилонским царем Навуходоносором. Вавилоняне не смогли взять Тир, но город все же был вынужден признать власть вавилонского царя. При этом в Месопотамию была переселена часть тирского населения, как и жителей Библа. На какое-то время при дворе Навуходоносора оказались цари Тира, Сидона, Арвада. Может быть, именно тогда в Тире сложилось своеобразное положение, когда трон оказался пустым и власть на 7—8 лет перешла к суфетам, после чего на троне была восстановлена прежняя династия.

После захвата Вавилона персами финикийские города тотчас признали господство Кира. Позже они вошли в состав пятой сатрапии («Заречье»), которая охватывала все азиатские территории к югу от Малой Азии и к западу от Евфрата. По Геродоту, вся эта сатрапия платила персам подать в 350 талантов серебра. Это была сравнительно небольшая сумма, если учесть, что из одной Киликии Ахеменидам приходило 500 талантов, а всего из Малой Азии — 1760. К тому же неизвестно, какая доля из этих 350 талантов падала на Финикию. Автономия финикийских городов была сохранена, там продолжали править собственные цари, и в их внутренние дела персы не вмешивались. Ахеменидам было выгодно привлечь к себе финикийцев, поскольку их корабли составляли существенную часть персидского флота: недаром, когда финикийцы не подчинились приказу двинуться против Карфагена, Камбизу пришлось отказаться от своего намерения подчинить этот город. С другой стороны, сравнительно мягкое персидское господство было выгодно финикийцам, так как мощь Персии помогала им в конкурентной борьбе, особенно с греками. В греко-персидских войнах финикийцы активно поддерживали персов, и Геродот среди немногих упомянутых им местных военачальников, подчиняющихся персам в битве при Саламине, особо выделил сидонянина Тетрамнеста, тирийца Маттена и арвадца Мербала.

Во время господства Ахеменидов на первое место среди финикийских городов выдвинулся Сидон. Его корабли были лучшими в персидском флоте. За какие-то «важные» дела Ксеркс или Артаксеркс I передал сидонскому царю «навечно» (что не помешало потом сидонянам этого лишиться) города Дор и Яффу и всю плодородную Шаронскую долину на палестинском побережье. С появлением монеты только на сидонской чеканилось на реверсе имя царя Персии, что также говорит о несколько иных, чем у остальных финикийцев, связях Сидона с Ахеменидами.

Появление монеты в середине V в. до х.э. явилось признаком начинающихся изменений в жизни финикийцев. Финикийская экономика издавна имела товарный характер. Финикийцы торговали как своими товарами (ремесленные изделия, лес, вино, хотя его и для себя не всегда хватало), так и преимущественно чужими, будучи основными транзитными торговцами Средиземноморья. Сфера их торговли охватывала территорию от Ассирии до Испании, от Южной Аравии до Италии, от Египта до Малой Азии, включая Грецию, Этрурию, собственные колонии. Однако до середины V в. до х.э. это был по существу товарообмен, а при необходимости финикийцы использовали греческую монету. С середины же V в. до х.э. в Тире, Сидоне, Библе, Арваде появляется собственная серебряная и бронзовая монета. Финикийская экономика становится уже не только товарной, но и монетарной, как бы предвещая развитие денежного хозяйства в эпоху эллинизма. При этом финикийцы пользовались собственным стандартом, отличным от других, в том числе от весьма распространенного аттического.

Другим признаком намечающихся изменений явилась первая в истории Финикии попытка как-то согласовывать свою политику и создать подобие конфедерации внутри державы Ахеменидов. С этой целью сидоняне, арвадцы и тирийцы построили в северной части страны «тройной город» (Триполис, как его называли греки), где жили, однако, в отдельных кварталах на небольшом расстоянии друг от друга. Здесь, по-видимому, и собирались финикийские цари со своими советниками для рассмотрения общих для всех финикийцев дел. Насколько действенны были эти собрания, мы не знаем. Возможно, что на таком собрании в 349 г. до х.э. финикийцы решили восстать против персов.

С течением времени в державе Ахеменидов происходили необратимые процессы, ведущие к ее ослаблению. В этих условиях выгоды от персидского господства становились все более сомнительными. Персидские цари использовали Финикию как плацдарм для военных действий против Египта и Кипра, а эти войны нарушали свободное торговое судоходство в Восточном Средиземноморье. Военная мощь Ахеменидов приходила в упадок, и они уже не могли быть надежным щитом для финикийцев в борьбе с конкурентами, а дальнейшее развитие товарно-денежного хозяйства все более связывало финикийских купцов с эллинскими коллегами. Поэтому господство Ахеменидов становилось для финикийцев все более тягостным, и в 349 г. до х.э. они восстали; душой восстания стал Сидон, бывший до этого основной опорой персов в Финикии. В ходе восстания выявились различия интересов сидонского царя и граждан Сидона. Последние были заинтересованы в бескомпромиссной борьбе с персами, в то время как царь в решающий момент пошел на сговор с Артаксерксом III и предал город. В 345 г. персидские войска вошли в Сидон. Горожане оказали им мужественное сопротивление, но были сломлены. Город был снова разрушен и сожжен, и даже его пожарище Артаксеркс продал за несколько талантов. 40 тыс. человек погибло в пламени, а многих других царь увел в рабство. В следующем году подчинились Артаксерксу и остальные финикийские города. В третий раз за свою историю Сидон скоро был восстановлен, и в него, по-видимому, была возвращена какая-то часть жителей. После этого он на некоторое время был поставлен под «прямое» управление сатрапа Киликии Маздея, но затем вновь оказался под властью собственного царя Абдастарта. Таким образом, даже подавление восстания не привело к коренному изменению внутреннего положения Финикии.

Внутренняя история Финикии после вторжения «народов моря» в своих основных чертах явилась прямым продолжением предыдущего периода. Как и во II тысячелетии до х.э., политическим строем финикийских городов была наследственная монархия, причем в каждом городе трон, кажется, принадлежал представителям одного царского рода, хотя мог переходить (и не раз переходил) к разным ветвям этого рода. В руках царя сосредоточивалось решение всех внешнеполитических вопросов (а при подчинении царям Ассирии, Вавилона, Персии — и отношения с ними). Во время войн цари возглавляли армию и флот или посылали своих людей для командования. Внутри государства они осуществляли административно-судебные и военно-полицейские функции. С появлением монеты ее выпускал не город, а царь.

Царь был, по-видимому, особенным образом связан с божеством. Но это не означало, что фигура царя сама имела сакральный характер. Он оставался светским лицом. Рядом с царем стоял верховный жрец, который мог быть вторым лицом в государстве, каковым был жрец Мелькарта в Тире при царях Метене и Пигмалионе. Между этими двумя персонами могли возникнуть довольно острые противоречия. В результате трон мог оказаться в руках жреца, как это произошло в Тире при Итобаале и в Сидоне при Эшмуназаре. Но и при этом, как кажется, дуализм светской и духовной власти скоро восстанавливался.

В финикийских городах I тысячелетия до х.э., как и раньше, отмечается существование общины, с волей которой царь во многих случаях должен был считаться. Свою волю община выражала через собрание «у ворот» города и совет, который явно был органом общинной аристократии. Точное распределение полномочий царя и общины неизвестно. Но имеющиеся факты позволяют предполагать, что авторитет последней распространялся на сам столичный город, а за его пределами царь выступал совершенно самостоятельно.

Под властью царей кроме столицы находились и другие города. Колонии, основанные Тиром, за исключением Карфагена, в течение долгого времени входили в состав Тирской державы. В самой Финикии имелись более или менее обширные территории, подвластные тому или иному финикийскому царю. В подчиненных городах тоже, вероятно, существовали гражданские общины, но система отношений между общиной столицы и остальными не засвидетельствована.

Вероятно, в финикийских государствах существовал определенный политический дуализм, при котором сосуществовали царская власть и система общин, друг с другом, кажется, не связанные. Царь делил власть с общинными органами непосредственно в самих городах, но не за их пределами или вообще в государстве.

Такой политико-административный дуализм соответствовал двойственности в социально-экономическом плане. В Финикии ясно видно существование двух секторов социально-экономической жизни.

В царский сектор входил лес. И тирский, и библский цари рубили кедры, кипарисы, сосны и отправляли их в Египет или Палестину, никого не спрашивая и явно исходя из своего права собственности. Если царь и не имел монополии на лес (сведений о частных порубках нет, но их отсутствие не является доказательством), то он все же обеспечивал себе львиную долю в добыче и экспорте этого важнейшего товара Финикии. В царский сектор входили также корабли и ведущаяся на них морская торговля. Царю принадлежали и какие-то земли, продукты которых он мог

пускать в торговый оборот. Царь располагал и ремесленными мастерскими. Таким образом, царский сектор охватывал все отрасли хозяйства.

В царский сектор входили, естественно, и люди. Прежде всего это рабы. При всей неточности употребления на древнем Востоке слова «раб» можно быть уверенными, что часть тех, кого источники так называют, были настоящими рабами, например лесорубы библского царя Чекер-Баала, работавшие под надзором надсмотрщиков, и тирского царя Хирама, заработок которых, выплачиваемый Соломоном, шел самому царю как их хозяину.

Наряду с ними имелись в Финикии и люди, которые все же занимали несколько иное положение и были скорее «царскими людьми». Таковы гребцы, моряки и кормчие; некоторые из них были пришедшими в город чужаками, как в Тире, где гребцами выступают жители Сидона и Арвада. Среди «царских людей» были и ремесленники, как медник (а в действительности мастер «широкого профиля») Хирам, которого его царственный тезка послал строить Иерусалимский храм. К этому роду людей относились, видимо, и иноземные воины, служившие вместе с собственными гражданами. В VI в. до х.э. в Тире это были граждане Арвада, а в IV в. в Сидоне — греки.

Только отрывочные сведения приоткрывают путь формирования слоя «царских людей». Моряки, особенно гребцы, выполнявшие самую тяжелую работу на море, были чужеземцами, как и воины. Но выходили они из разных слоев чужого города. Иезекииль называет гребцов «жителями» Арвада, а воинов — «сыновьями» того же города; последнее же выражение обозначало именно граждан города. Что касается ремесленников, то они могли быть местными жителями, но социально неполноценными, как упомянутый медник Хирам, который был тирийцем только наполовину.

При всем своем значении царский сектор и в экономике не был единственным. Так, часть торговли, и морской и сухопутной, осуществляли частные торговцы. Имелись, несомненно, ремесленники и землевладельцы, не входившие в царский сектор, что доказывается надписями на различных изделиях и на сосудах, содержавших земледельческие продукты.

Нет сведений о взаимоотношениях этих секторов. Но косвенные указания позволяют предполагать, что царь не был верховным собственником всей земли. Если он хотел «округлить» свои владения за счет крестьян, то должен был прибегать к судебным процессам. Осуществление таких намерений не должно было проходить спокойно. И мы знаем о восстании земледельцев Тира, происходившем, вероятнее всего, при Итобаале.

Таким образом, и в социально-экономическом, и в политическом плане в финикийских городах наблюдается двойственность царских и общинных институтов. Сама община, разумеется, не была единым целым. В ней выделяются аристократия и «плебс», как называет его латинский автор (соответствующими финикийскими терминами были «могущественные» и «малые»). Но и те и другие были «сынами» города, т.е. его гражданами. Кроме них имелись еще «жители» города. Они, по-видимому, не входили в гражданский коллектив, но были свободными людьми, ибо в противном случае непонятно, как «жители» Арвада могли стать гребцами на кораблях Тира. Может быть, в состав «жителей» входили «царские люди», хотя они могли быть и третьей категорией населения государства.

Сложность социально-политической структуры финикийских городов отражалась в той острой внутренней борьбе, о которой уже частично говорилось. Сталкивались цари и жрецы, острые конфликты раздирали лагерь

«могущественных». Последние в свои междоусобия втягивали «малых», а порой те и сами поднимались на защиту своих интересов. Известно даже о восстании рабов в Тире, происшедшем во время войны тирийцев с персами, т.е., вероятно, во время восстания 348—344 гг. до х.э., в котором и Тир принимал участие. На какое-то время рабы даже овладели городом, но затем власть оказалась в руках некоего Стратона (Абдастарта), ставшего основателем новой династии.

Таким образом, финикийское общество, насколько нам позволяют судить скудные данные источников, «вписывается» в общую структуру обществ древней Западной Азии. Те изменения, которые стали намечаться в V—IV вв. до х.э. (появление монеты и попытка создания финикийской конфедерации), радикально не изменили характер Финикии. Более глубокие преобразования произошли в ней после завоевания ее Александром.

После разгрома в 333 г. до х.э. армии Дария III Александр Македонский двинулся в Финикию. Большинство финикийских городов без боя подчинилось ему. Правда, сидонский царь Абдастарт II предпочел бы остаться верным Дарию, но был вынужден последовать «народной воле». Тирская община в отсутствие царя, который находился в персидском флоте, взяла в свои руки судьбу города, тем более что вся материковая часть государства уже находилась в руках завоевателя. Тирийцы желали остаться нейтральными в войне, но Александр потребовал впустить его в город. Тирийцы отказались. Началась осада. После многомесячной осады и жестокого штурма город впервые в своей истории в 332 г. до х.э. был взят вражеской армией. С захватом Тира Александр установил свой контроль над всей Финикией. Македонское завоевание открыло в Финикии, как и в других странах Ближнего Востока, новую эпоху истории — эллинистическую.

2. ФИНИКИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Характерной чертой древней истории была вынужденная эмиграция, вызванная «ножницами» между ростом населения и низким уровнем развития производительных сил. Одной из форм вынужденной эмиграции была колонизация, т.е. основание новых поселений в чужих землях. В истории древнего Средиземноморья значительную роль играла финикийская колонизация.

Историю финикийской колонизации можно разделить на два этапа. Об основных причинах и условиях колонизации на ее первом этапе уже говорилось: это возникновение относительного перенаселения в Тире, крушение микенской морской мощи, давшее возможность плавать в западном направлении более интенсивно, использование правящими кругами Тира этой ситуации для избавления, с одной стороны, от «нежелательных» элементов населения, а с другой — для укрепления на важнейших торговых путях и в местах добычи драгоценных металлов.

Первый этап колонизации охватывает вторую половину XII — первую половину XI в. до х.э. Финикийцы двигались двумя путями. Один шел к Родосу, затем вдоль западного побережья Малой Азии к Фасосу, другой — от Родоса дволь южной кромки Эгейского архипелага к Сицилии, оттуда к северному выступу Африки и, наконец, вдоль африканского побе-

режья в Южную Испанию. Золотоносный Фасос и обильная серебром Испания были главными целями колонистов. По дороге же к ним финикийцы создавали промежуточные пункты. Такие пункты возникли на о-ве Мелос в Эгейском море, на Кифере к югу от Пелопоннеса, на восточном и южном берегах Сицилии, в Северной Африке (Утика). Античное предание рассказывает о трехкратной попытке тирийцев обосноваться в Южной Испании, и это, видимо, связано с сопротивлением местного населения. Лишь на третий раз на небольшом острове у самого побережья уже за Столпами Геракла (Гибралтарский пролив) финикийцы основали город, получивший характерное наименование Гадир — «крепость»; позже римляне этот город именовали Гадесом. Видимо, в промежутке между этими попытками с целью создания плацдарма для проникновения в Испанию на северо-западе Африки, тоже уже за Столпами Геракла, был основан Ликс.

На этом этапе финикийская колонизация носила преимущественно торговый характер. Важнейшей целью финикийцев были драгоценные металлы. В ответ они продавали масло, различные безделушки, всякий мелкий морской товар, ткани. Характер этих товаров привел к тому, что материальных следов финикийской торговли осталось мало. Да и был это, вероятнее всего, «немой» обмен, когда участники сделки выкладывали свои товары, пока обе стороны не соглашались их взять. В некоторых случаях финикийцы и сами эксплуатировали рудники, как это было на Фасосе.

В это время финикийцы основывали и простые опорные пункты для ведения торговли или обеспечения ее безопасности, и фактории без постоянного населения, и якорные стоянки. Важную роль играли храмы, зачастую предшествующие основанию городов, как это было в Гадесе и Ликсе: они давали торговцам ощущение божественного покровительства и безопасного рынка. Некоторые храмы, как на Фасосе, могли выступать и как организаторы производства. Создавались тогда и настоящие города с постоянным населением, как Гадир (Гадес) в Испании и Утика в Африке.

Промежуток приблизительно в два века отделяет первый этап колонизации от второго. Экономические и политические проблемы, возникшие на Востоке, о которых уже говорилось, обусловили возобновление колониальной экспансии. Начало второго этапа ее падает, видимо, на вторую четверть IX в. до х.э.

В Восточном Средиземноморье возможности финикийской экспансии были ограниченны. Здесь вновь набрали силу крупные централизованные государства, а в Эгейском бассейне передвижения греков и фракийцев привели к вытеснению финикийцев с уже занятых островов. В самой Греции в условиях начавшегося формирования полиса места для финикийской колонизации также не было. Поэтому там финикийцы если и селились, то не образовывали самостоятельных организаций и быстро эллинизировались. В других странах они могли создавать отдельные кварталы-фактории, как Тирский стан в Мемфисе в Египте. И только на Кипре финикийцы основали колонии в южной части острова. Кипр стал базой их дальнейшего продвижения на запад. Через этот остров финикийцы двигались в Западное Средиземноморье.

В Западном Средиземноморье сфера финикийской колонизации на ее втором этапе изменилась. Теперь в нее вошла Сардиния. Она привлекла колонистов и своими минеральными богатствами, и плодородием почвы, и

стратегическим положением, открывавшим путь к Италии, Корсике, Галлии, Испании. В IX—VII вв. до х.э. на южном и западном берегах Сардинии возник целый ряд финикийских городов — Нора, Сульх, Бития, Таррос, Каларис. Сравнительно рано финикийцы стали обосновываться и внутри острова.

Вторым новым районом колонизации стали небольшие, но очень важные острова между Сицилией и Африкой: Мелита (Мальта) и Гавлос (Гоцо). Там тирийцы обосновались в VIII в. до х.э. Эти острова были важнейшими пунктами связи между метрополией и самыми западными окраинами финикийского мира.

В Южной Испании к концу VIII в. до х.э. сформировалась Тартессийская держава, вступившая в разнообразные контакты с финикийцами. Усиление этих контактов потребовало создания новых пунктов на Пиренейском полуострове. И вот на его южном берегу, но уже восточнее Столпов Геракла, финикийцы создали в VIII—VII вв. до х.э. множество поселений различного размера и значения. Это были и относительно крупные города, как Малака или Секси, и сравнительно небольшие поселки, названия которых мы не знаем и которые сейчас называют по именам современных поселений, как Тосканос или Чоррера. Создание колоний на Средиземноморском, а не Атлантическом, как ранее, побережье Южной Испании было вызвано, видимо, политикой тартессийских монархов, которые не желали укрепления конкурентов в непосредственной близости от центра державы, который находился в устье р. Бетис (Гвадалквивир), впадающей в Атлантический океан непосредственно к западу от Столпов.

На Сицилии в VIII в. до х.э. с началом греческой колонизации финикийцы покинули восточное и южное побережье и сконцентрировались в западной части острова. Созданные там города Мотия, Солунт и Панорм обеспечивали связи с уже колонизированными районами Сардинии и Африки.

В центральной части Северной Африки, где еще ранее была основана Утика, теперь возникло несколько новых финикийских городов, в том числе Карфаген (Картхадашт — Новый город). На северо-западе этого материка южнее Ликса финикийцы обосновались вокруг залива, носившего по-гречески красноречивое название «Эмпорик» (Торговый).

Второй этап финикийской колонизации охватил IX—VII вв. до х.э., причем наибольший размах колонизация приобретает, вероятно, во второй половине IX в. до х.э., когда тирийцы начали выводить колонии в Сардинию и радикально расширять свое присутствие в Африке, основав Карфаген и, может быть, другие города. Изменилась территория колонизации, охватив теперь крайний запад Сицилии, юг и запад Сардинии, Средиземноморское побережье Южной Испании, острова Мелиту и Гавлос, центральную и крайне западную часть Северной Африки. По-прежнему основная цель финикийцев — металлы. Однако теперь речь идет уже не только о золоте и серебре, но и о необходимых для самого производства железе, свинце, олове. Другая цель колонизации на этом этапе — приобретение земель: недаром центр колонизационной активности во многом переместился из Испании, где тартессии не давали возможности обосноваться в плодородной долине Бетиса, в центр Средиземноморского бассейна — в плодородную Сардинию и славившийся своими земельными богатствами тунисский выступ Африки. Сама колонизация приобрела гораздо больший размах, и масса переселенцев увеличилась.

В колониях наряду с торговлей стали развиваться ремесло, земледелие

и, разумеется, рыболовство. Увеличилось количество городов. Наряду с ними возникли и небольшие поселки; одни из них развивали многоотраслевую экономику, а другие сосредоточивались на какой-либо одной отрасли. Финикийцы стали проникать и во внутренние районы тех или иных территорий.

Изменились отношения колонистов с местным населением. Последнее теперь уже настолько развилось, что не ограничивалось «немым» обменом и начало вступать в самые разнообразные контакты с пришельцами. Эти контакты охватили в конце концов всю экономичскую, политическую и культурную сферу. Там, где для этого имелись условия, возникли локальные варианты «ориентализирующей» цивилизации. Таковой была тартессийская, развивавшаяся на юге Пиренейского полуострова в VIII—VI вв. до х.э. Возникло и обратное влияние местного населения на колонистов, что привело к появлению местных ответвлений финикийской культуры. Окружающие жители выступили, таким образом, как важный компонент колонизационного процесса.

Выведение колоний, а в большой степени и торговля были обязаны поддержке и даже инициативе правительства. В этих условиях возникшие города и поселки стали частью Тирской державы, хотя сейчас трудно установить формы и степень зависимости от метрополии. Известно, что в кипрском Карфагене находился наместник царя, именовавший себя его рабом и носивший титул *сукин*. Видимо, в финикийских городах Кипра, близкого к Финикии, власть царя ощущалась довольно сильно. Осуществлять строгий контроль за более отдаленными колониями было труднее, и все же попытка Утики уклониться от уплаты дани вызвала карательную экспедицию из Тира. Позже карфагеняне отправляли в свои колонии специальных резидентов для контроля над жизнью этих городов. Не исключено, что эту практику они заимствовали из метрополии, и в таком случае можно полагать, что и в свои колонии тирские власти отправляли подобных резидентов.

В этом правиле было одно важное исключение — африканский Карфаген. Он был основан в 825—823 гг. до х.э., но не по инициативе тирского царя, а группой оппозиционной знати во главе с сестрой царя Элиссой. Она и стала царицей города. Здесь уже не могло быть речи о политическом подчинении Карфагена Тиру, хотя духовные связи с метрополией карфагеняне поддерживали на протяжении всей своей истории.

Политическое подчинение Финикии ассирийцам не могло не сказаться на судьбах Тирской державы. Еще в конце VIII — начале VII в. до х.э. финикийские города на Кипре подчинялись Тиру: его царь бежал на остров, явно в свои владения, от нападения Синаххериба. Но уже преемник Синаххериба, Асархаддон, обращался с финикийскими царями Кипра как с собственными подданными, независимо от Тира или Сидона. По-видимому, именно в первой половине VII в. финикийцы Кипра вышли из-под власти Тира. Окончательный удар державе нанесли события 80—70-х годов VI в. до х.э., когда после долгой осады в 574 г. Навуходоносор подчинил Тир, где даже на какой-то момент была ликвидирована царская власть. И вскоре после этого тартессии начали наступление на финикийские колонии в Испании, видимо использовав то, что те лишились поддержки метрополии. Некоторые финикийские поселения там погибли.

Колониальная держава, созданная Тиром, судя по всему, перестала существовать. Ее место в Западном Средиземноморье заняла другая финикийская держава, во главе которой встал Карфаген.

3. КАРФАГЕН

Карфаген, основанный беглецами во главе с Элиссой, был первоначально небольшим городом, мало чем отличавшимся от других финикийских колоний на берегах Средиземного моря, кроме того существенного факта, что он не входил в состав Тирской державы, хотя и сохранял духовные узы с метрополией. Экономика города была основана преимущественно на посреднической торговле; ремесло было мало развито и по своим основным техническим и эстетическим характеристикам не отличалось от восточного; земледелие отсутствовало. Владений за узким пространством самого города карфагеняне тогда не имели, да и за землю, на которой стоял город, должны были платить дань местному населению. Политическим строем Карфагена была первоначально монархия, а во главе государства стояла основательница города. С ее смертью исчез, вероятно, единственный член царского рода, находившийся в Карфагене. В результате в Карфагене была установлена республика, а власть перешла к тем десяти «принцепсам», которые до этого окружали царицу.

В первой половине VII в. до х.э. начинается новый этап истории Карфагена. Возможно, что туда переселяется из-за страха ассирийского вторжения много новых переселенцев из метрополии, и это привело к засвидетельствованному археологией расширению города. Это укрепило его и позволило перейти к более активной торговле; в частности, Карфаген заменяет собственно Финикию в торговле с Этрурией. Все это приводит к значительным изменениям в Карфагене, внешним выражением чего является изменение форм керамики, возрождение старых ханаанских традиций, уже оставленных на Востоке, появление новых, оригинальных форм художественных и ремесленных изделий.

Уже в начале второго этапа своей истории Карфаген становится столь значительным городом, что может приступить к собственной колонизации. Первая колония была выведена карфагенянами около середины VII в. до х.э. на о-в Эбес у восточного побережья Испании. Видимо, выступать против интересов метрополии в Южной Испании карфагеняне не хотели и искали обходных путей к испанскому серебру и олову. Однако карфагенская активность в этом районе скоро наткнулась на соперничество греков, обосновавшихся в начале VI в. до х.э. на юге Галлии и востоке Испании. Первый раунд карфагено-греческих войн остался за греками, которые, хотя и не вытеснили карфагенян с Эбеса, сумели парализовать этот важный пункт.

Неудача на крайнем западе Средиземноморья заставила карфагенян обратиться к его центру. Они основали ряд колоний к востоку и западу от своего города и подчинили старые финикийские колонии в Африке. Усилившись, карфагеняне уже не могли терпеть такое положение, что они платили дань ливийцам за собственную территорию. Попытка освободиться от дани связана с именем полководца Малха, который, одержав победы в Африке, освободил Карфаген от дани. Несколько позже, в 60—50-х годах VI в. до х.э., тот же Малх воевал в Сицилии, результатом чего было, по-видимому, подчинение финикийских колоний на острове. А после побед в Сицилии Малх переправился на Сардинию, но там потерпел поражение. Это поражение стало для карфагенских олигархов, испугавшихся слишком уж победоносного полководца, поводом приговорить его к изгнанию. В ответ Малх вернулся в Карфаген и захватил власть. Однако скоро

он был разбит и казнен. Первенствующее место в государстве занял Магон.

Магону и его преемникам пришлось решать сложные задачи. К западу от Италии утвердились греки, угрожавшие интересам как карфагенян, так и некоторых этрусских городов. С одним из этих городов — Цере — Карфаген находился в особенно тесных экономических и культурных контактах. В середине V в. до х.э. карфагеняне и церетане заключили союз, направленный против греков, обосновавшихся на Корсике. Около 535 г. до х.э. в битве при Алалии греки разбили объединенный карфагено-церетанский флот, но понесли столь тяжелые потери, что были вынуждены покинуть Корсику. Битва при Алалии способствовала более четкому распределению сфер влияния в центре Средиземноморья. Сардиния была включена в карфагенскую сферу, что было подтверждено договором Карфагена с Римом в 509 г. до х.э. Однако полностью захватить Сардинию карфагеняне так и не смогли; от территории свободных сардов их владения отделяла целая система крепостей, валов и рвов.

Карфагеняне, возглавляемые правителями и полководцами из семьи Магонидов, вели упорную борьбу на всех фронтах: в Африке, Испании и Сицилии. В Африке они подчинили все находившиеся там финикийские колонии, включая долго не желавшую войти в состав их державы старинную Утику, вели войну с греческой колонией Киреной, расположенной между Карфагеном и Египтом, отбили попытку спартанского царевича Дориэя утвердиться к востоку от Карфагена и вытеснили греков из возникших было их городов к западу от столицы. Развернули они наступление и на местные племена. В упорной борьбе Магониды сумели их подчинить. Часть завоеванной территории была непосредственно подчинена Карфагену, образовав его сельскохозяйственную территорию — *хору*. Другая часть была оставлена ливийцам, но подчинена жесткому контролю карфагенян, и ливийцы должны были платить своим господам тяжелые подати и служить в их армии. Тяжелое карфагенское иго не раз вызывало мощные восстания ливийцев.

В Испании в конце VI в. до х.э. карфагеняне воспользовались нападением тартессиев на Гадес, чтобы под предлогом защиты единокровного города вмешаться в дела Пиренейского полуострова. Они захватили Гадес, не желавший мирно подчиниться своему «спасителю», за чем последовал распад Тартессийской державы. Карфагеняне в начале V в. до х.э. установили контроль над ее остатками. Однако попытка распространить его на Юго-Восточную Испанию вызвала решительное сопротивление греков. В морской битве при Артемисии карфагеняне потерпели поражение и были вынуждены отказаться от своей попытки. Но пролив у Столпов Геракла остался под их властью.

В конце VI — начале V в. до х.э. ареной ожесточенной карфагено-греческой битвы стала Сицилия. Потерпевший неудачу в Африке Дориэй задумал утвердиться на западе Сицилии, но был разбит карфагенянами и убит.

Его гибель стала для сиракузского тирана Гелона поводом к войне с Карфагеном. В 480 г. до х.э. карфагеняне, вступив в союз с Ксерксом, наступавшим в это время на Балканскую Грецию, и воспользовавшись сложной политической ситуацией в Сицилии, где часть греческих городов выступала против Сиракуз и шла на союз с Карфагеном, предприняли наступление на греческую часть острова. Но в ожесточенной битве при Гимере они были наголову разбиты, и их полководец Гамилькар, сын Магона,

погиб. В результате карфагеняне с трудом удержались в захваченной ранее небольшой части Сицилии.

Магониды предприняли попытки утвердиться и на атлантических берегах Африки и Европы. С этой целью в первой половине V в. до х.э. были предприняты две экспедиции: одна — в южном направлении под руководством Ганнона, другая — в северном во главе с Гимильконом.

Так в середине V в. до х.э. сформировалась Карфагенская держава, ставшая в то время крупнейшим и одним из сильнейших государств Западного Средиземноморья. В ее состав входили северное побережье Африки к западу от греческой Киренаики и ряд внутренних территорий этого материка, как и небольшая часть Атлантического побережья непосредственно к югу от Столпов Геракла; юго-западная часть Испании и значительная часть Балеарских островов у восточного берега этой страны; Сардиния (на деле только часть ее), финикийские города на западе Сицилии, острова между Сицилией и Африкой.

Эта держава представляла собой сложное явление. Ее ядро составлял сам Карфаген с непосредственно подчиненной ему территорией — хорой. Хора располагалась непосредственно за стенами города и делилась на отдельные территориальные округа, управляемые специальным чиновником, в составе каждого округа было несколько общин. С расширением Карфагенской державы в хору иногда включались и внеафриканские владения, как захваченная карфагенянами часть Сардинии. Другой составной частью державы были карфагенские колонии, которые осуществляли надзор над окружающими землями, были в ряде случаев центрами торговли и ремесла, служили резервуаром для поглощения «излишков» населения. Они имели определенные права, но находились под контролем особого резидента, посылаемого из столицы.

В состав державы входили старые колонии Тира. Некоторые из них (Гадес, Утика, Коссура) официально считались равноправными со столицей, другие юридически занимали более низкое положение. Но официальное положение и подлинная роль в державе этих городов не всегда совпадали. Так, Утика практически находилась в полном подчинении у Карфагена (что и приводило позже не раз к тому, что этот город при благоприятных для него условиях занимал антикарфагенскую позицию), а юридически стоящие ниже города Сицилии, в лояльности которых карфагеняне были особенно заинтересованы, пользовались значительными привилегиями.

В состав державы входили племена и города, находившиеся в подданстве у Карфагена. Это были ливийцы вне хоры и подчиненные племена Сардинии и Испании. Они тоже находились в разном положении. В их внутренние дела карфагеняне без нужды не вмешивались, ограничиваясь взятием заложников, привлечением к военной службе и довольно тяжелым налогом. Властвовали карфагеняне и над «союзниками». Те управлялись самостоятельно, но были лишены внешнеполитической инициативы и должны были поставлять контингенты в карфагенскую армию. Их попытка уклониться от подчинения карфагенянам рассматривалась как мятеж. На некоторых из них тоже налагалась подать, их верность обеспечивалась заложниками. Но чем дальше от границ державы, тем самостоятельнее становились местные царьки, династы и племена.

На весь этот сложный конгломерат городов, народов и племен накладывалась сетка территориального деления.

Создание державы привело к значительным изменениям в экономиче-

ской и социальной структуре Карфагена. С появлением земельных владений, где располагались имения аристократов, в Карфагене стало развиваться разнообразное земледелие. Оно давало еще больше продуктов карфагенским купцам (впрочем, зачастую купцы сами были богатыми землевладельцами), и это стимулировало дальнейший рост карфагенской торговли. Карфаген становится одним из крупнейших торговых центров Средиземноморья. Появляется большое количество подчиненного населения, располагавшегося на разных ступенях социальной лестницы.

На самом верху этой лестницы стояла карфагенская рабовладельческая аристократия, составлявшая верхушку карфагенского гражданства — «народа Карфагена», а в самом низу — рабы и близкие к ним группы зависимого населения. Между этими крайностями располагалась целая гамма иностранцев, «метеков», так называемых «сидонских мужей» и других категорий неполноправного, полузависимого и зависимого населения, включая жителей подчиненных территорий. Возникло противопоставление карфагенского гражданства остальному населению державы, включая рабов. Сам гражданский коллектив состоял из двух групп — аристократов, или «могущественных», и «малых», т.е. плебса. Несмотря на деление на две группы, граждане выступали вместе как сплоченная естественная ассоциация угнетателей, заинтересованная в эксплуатации всех остальных жителей державы.

Материальной основой гражданского коллектива являлась общинная собственность, выступавшая в двух ипостасях: собственность всей общины (например, арсенал, верфи и т.п.) и собственность отдельных граждан (земли, мастерские, лавки, корабли, кроме государственных, особенно военных, и т.д.). Наряду с общинной собственностью другого сектора не существовало; даже собственность храмов была поставлена под контроль общины.

Гражданский коллектив в теории обладал и всей полнотой государственной власти. Мы не знаем точно, какие посты занимали захвативший власть Малх и пришедшие после него к управлению государством Магониды (источники в этом отношении очень противоречивы). На деле их положение, по-видимому, напоминало положение греческих тиранов. Под руководством Магонидов фактически была создана Карфагенская держава. Но затем карфагенским аристократам показалось, что эта семья стала «тяжела для свободы государства», и внуки Магона были изгнаны. Изгнание Магонидов в середине V в. до х.э. привело к утверждению республиканской формы управления государством.

Высшая власть в республике, по крайней мере официально, а в критические моменты и фактически, принадлежала народному собранию, воплощавшему суверенную волю гражданского коллектива. На деле руководство осуществляли олигархические советы и избираемые из числа богатых и знатных граждан магистраты, прежде всего два *суфета*, в руках которых в течение года находилась исполнительная власть. Народ мог вмешаться в дела управления только в случае разногласий среди правителей, какие возникали в периоды политических кризисов. Народу принадлежало и право выбора, хотя и очень ограниченное, советников и магистратов. К тому же «народ Карфагена» всячески приручался аристократами, которые давали ему долю выгод от существования державы: не только «могущественные», но и «малые» извлекали прибыли из морского и торгового могущества Карфагена, из «плебса» набирались люди, отправляемые для надзора над подчиненными общинами и племенами, определенную выгоду дава-

ло участие в войнах, ибо при наличии значительной наемной армии граждане все же не были полностью отделены от военной службы, они были представлены и на различных ступенях сухопутной армии, от рядовых до командующего, и особенно во флоте.

Таким образом, в Карфагене сформировался самодовлеющий гражданский коллектив, обладающий суверенной властью и опирающийся на общинную собственность, рядом с которым не существовало ни царской власти, стоящей над гражданством, ни внеобщинного сектора в социально-экономическом плане. Следовательно, можно говорить, что здесь возник полис, т.е. такая форма экономической, социальной и политической организации граждан, которая характерна для античного варианта древнего общества. Сравнивая положение в Карфагене с положением в метрополии, надо отметить, что города самой Финикии при всем развитии товарного хозяйства оставались в рамках восточного варианта развития древнего общества, а Карфаген стал античным государством.

Становление карфагенского полиса и образование державы явились главным содержанием второго этапа истории Карфагена. Карфагенская держава возникла в ходе ожесточенной борьбы карфагенян как с местным населением, так и с греками. Войны с последними носили ярко выраженный империалистический характер, ибо велись они за захват и эксплуатацию чужих территорий и народов.

Со второй половины V в. до х.э. начинается третий этап карфагенской истории. Держава была уже создана, и теперь речь шла о ее расширении и попытках установления гегемонии в Западном Средиземноморье. Основным препятствием к этому первоначально были все те же западные греки. В 409 г. до х.э. карфагенский полководец Ганнибал высадился в Мотии, и начался новый тур войн в Сицилии, продолжавшийся с перерывами более полутора веков.

Первоначально успех склонялся на сторону Карфагена. Карфагеняне подчинили живших на западе Сицилии элимов и сиканов и начали наступление на Сиракузы, самый могущественный греческий город на острове и наиболее непримиримый противник Карфагена. В 406 г. карфагеняне осадили Сиракузы, и только начавшаяся в карфагенском лагере чума спасла сиракузян. Мир 405 г. до х.э. закрепил за Карфагеном западную часть Сицилии. Правда, этот успех оказался непрочным, и граница между карфагенской и греческой Сицилией всегда оставалась пульсирующей, отодвигаясь то к востоку, то к западу по мере успехов той или иной стороны.

Неудачи карфагенской армии почти немедленно отзывались обострением внутренних противоречий в Карфагене, в том числе мощными восстаниями ливийцев и рабов. Конец V — первая половина IV в. до х.э. были временем острых столкновений внутри гражданства, как между отдельными группами аристократов, так и, видимо, между вовлеченным в эти столкновения «плебсом» и аристократическими группировками. Одновременно рабы поднимались против господ, а подчиненные народы против карфагенян. И лишь с успокоением внутри государства карфагенское правительство смогло в середине IV в. до х.э. возобновить внешнюю экспансию.

Тогда карфагеняне установили контроль над юго-востоком Испании, что они безуспешно пытались сделать полтора века назад. В Сицилии они начали новое наступление на греков и добились ряда успехов, вновь оказавшись под стенами Сиракуз и даже захватив их порт. Сиракузяне были вынуждены обратиться за помощью к своей метрополии Коринфу, и оттуда

прибыла армия во главе со способным полководцем Тимолеонтом. Командующий карфагенскими войсками в Сицилии Ганнон не сумел помешать высадке Тимолеонта и был отозван в Африку, а его преемник потерпел поражение и очистил сиракузскую гавань. Ганнон, вернувшись в Карфаген, решил использовать возникшую в связи с этим ситуацию и захватить власть. После неудачи переворота он бежал из города, вооружил 20 тыс. рабов и призвал к оружию ливийцев и мавров. Мятеж потерпел поражение, Ганнон вместе со всеми родственниками был казнен, и только один его сын Гисгон сумел избежать смерти и был изгнан из Карфагена.

Однако скоро поворот дел в Сицилии заставил карфагенское правительство обратиться с Гисгону. Карфагеняне потерпели жестокое поражение от Тимолеонта, и тогда туда была послана новая армия во главе с Гисгоном. Гисгон вступил в союз с некоторыми тиранами греческих городов острова и разбил отдельные отряды армии Тимолеонта. Это позволило в 339 г. до х.э. заключить сравнительно выгодный для Карфагена мир, по которому он сохранял свои владения в Сицилии.

После этих событий семья Ганнонидов надолго стала наиболее влиятельной в Карфагене, хотя ни о какой тирании, как это было у Магонидов, речи быть не могло. Войны с сиракузскими греками шли своим чередом и с переменным успехом. В конце IV в. до х.э. греки даже высадились в Африке, угрожая непосредственно Карфагену. Карфагенский полководец Бомилькар решил воспользоваться случаем и захватить власть. Но против него выступили граждане, подавив мятеж. А вскоре и греки были отбиты от карфагенских стен и вернулись в Сицилию. Неудачной оказалась и попытка эпирского царя Пирра вытеснить карфагенян из Сицилии в 70-х годах III в. до х.э. Все эти бесконечные и утомительные войны показали, что ни карфагеняне, ни греки не имели сил отобрать Сицилию друг у друга.

Положение изменилось в 60-х годах III в. до х.э., когда в эту борьбу вмешался новый хищник — Рим. В 264 г. началась первая война между Карфагеном и Римом. В 241 г. она закончилась полной потерей Сицилии.

Такой исход войны обострил противоречия в Карфагене и породил там острый внутренний кризис. Самым ярким его проявлением стало мощное восстание, в котором приняли участие наемные воины, недовольные неуплатой причитавшихся им денег, местное население, стремившееся сбросить тяжелый карфагенский гнет, рабы, ненавидевшие своих господ. Восстание разворачивалось в непосредственной близости от Карфагена, охватив, вероятно, также Сардинию и Испанию. Судьба Карфагена висела на волоске. С большим трудом и ценой невероятных жестокостей Гамилькару, до того прославившемуся в Сицилии, удалось подавить это восстание, а затем отправиться в Испанию, продолжая «умиротворение» карфагенских владений. С Сардинией же пришлось распроститься, уступив ее Риму, угрожавшему новой войной.

Вторым аспектом кризиса явилось возрастание роли гражданства. Рядовые массы, которым в теории принадлежала суверенная власть, теперь стремились превратить теорию в практику. Возникла демократическая «партия» во главе с Гасдрубалом. Раскол произошел и среди олигархии, в которой выделились две группировки. Одну возглавил Ганнон из влиятельной семьи Ганнонидов, а другую — Гамилькар, представлявший семью Баркидов (по прозвищу Гамилькара — Барка, букв. «молния»). Ганнониды стояли за осторожную и мирную политику, исключавшую новый конфликт с Римом, а Баркиды — за активную, имевшую целью взять у римлян

реванш. В реванше были заинтересованы и широкие круги гражданства, для которых был выгоден приток богатств из подчиненных земель и от монополии морской торговли. Поэтому возник союз между Баркидами и демократами, скрепленный браком Гасдрубала с дочерью Гамилькара.

Опираясь на поддержку демократии, Гамилькар сумел одолеть козни врагов и отправиться в Испанию. В Испании Гамилькар и его преемники из семьи Баркидов, в том числе зять Гасдрубал, намного расширили карфагенские владения. После свержения Магонидов правящие круги Карфагена не допускали объединения военных и гражданских функций в одних руках. Однако в период войны с Римом они стали практиковать по примеру эллинистических государств подобное, но не на общегосударственном, как это было при Магонидах, а на локальном уровне. Таковой была и власть Баркидов в Испании. Но осуществляли Баркиды свои полномочия на Пиренейском полуострове самостоятельно. Прочная опора на армию, тесные связи с демократическими кругами в самом Карфагене и особые отношения, установившиеся у Баркидов с местным населением, способствовали тому, что в Испании возникла полунезависимая держава Баркидов, по сути своей эллинистического типа.

Уже Гамилькар рассматривал Испанию как плацдарм для новой войны с Римом. Его сын Ганнибал в 218 г. до х.э. эту войну спровоцировал. Сам Ганнибал пошел в Италию, оставив в Испании брата. Военные действия развернулись на нескольких фронтах, и карфагенские полководцы (особенно Ганнибал) одержали ряд побед. Но победа в войне осталась за Римом. Мир 201 г. до х.э. лишил Карфаген военного флота, всех внеафриканских владений и заставил карфагенян признать в Африке независимость Нумидии, царю которой карфагеняне должны были вернуть все владения его предков (этой статьей подкладывалась «мина замедленного действия» под Карфаген), а сами карфагеняне не имели права вести войну без разрешения Рима. Эта война не только лишила Карфаген положения великой державы, но и существенно ограничила его суверенитет. Третий этап карфагенской истории, начавшийся при столь счастливых предзнаменованиях, завершился банкротством карфагенской аристократии, так долго правившей республикой.

На этом этапе радикальной трансформации экономической, социальной и политической жизни Карфагена не произошло. Но определенные изменения все же имели место. В IV в. до х.э. Карфаген начал чеканить собственную монету. Происходит определенная эллинизация части карфагенской аристократии, и в карфагенском обществе возникают две культуры, как это характерно для эллинистического мира. Как и в эллинистических государствах, в ряде случаев в одних руках сосредоточивается гражданская и военная власть. В Испании возникает полунезависимая держава Баркидов, главы которой ощущали свое родство с тогдашними властителями Ближнего Востока и где появляется система отношений между завоевателями и местным населением, подобная существующей в эллинистических государствах.

Поражение во второй войне с Римом открыло последний этап карфагенской истории. Карфаген лишился державы, и его владения были сведены к небольшой округе около самого города. Возможности эксплуатации некарфагенского населения исчезли. Большие группы зависимого и полузависимого населения вышли из-под контроля карфагенской аристократии. Земледельческая территория резко сократилась, и вновь преобладающее значение приобрела торговля. Если раньше не только знать, но и «плебс»

получали определенные выгоды от существования державы, то теперь они исчезли.

Это, естественно, вызвало острый социальный и политический кризис, который теперь вышел за рамки существующих установлений. В 195 г. до х.э. Ганнибал, став суфетом, провел реформу государственного устройства, нанесшую удар самим основам прежнего строя с его господством аристократии и открывшую путь к практической власти, с одной стороны, широким слоям гражданского населения, а с другой — демагогам, которые могли воспользоваться движением этих слоев. В этих условиях в Карфагене развернулась ожесточенная политическая борьба, отразившая острые противоречия внутри гражданского коллектива. Сначала карфагенской олигархии удалось взять реванш, с помощью римлян заставив Ганнибала бежать, не завершив начатого дела. Но сохранить свою власть в неприкосновенности олигархи не смогли.

К середине II в. до х.э. в Карфагене боролись три политические группировки. В ходе этой борьбы ведущим деятелем стал Гасдрубал, возглавлявший антиримскую группировку, и его положение вело к установлению режима типа греческой младшей тирании. Возвышение Гасдрубала испугало римлян. В 149 г. до х.э. Рим начал третью войну с Карфагеном. На этот раз для карфагенян речь шла уже не о господстве над теми или иными подданными и не о гегемонии, а о собственной жизни и смерти. Война практически свелась к осаде Карфагена. Несмотря на героическое сопротивление граждан, в 146 г. до х.э. город пал и был разрушен. Большая часть граждан погибла в войне, а остальных римляне увели в рабство. История финикийского Карфагена завершилась.

История Карфагена показывает процесс превращения восточного города в античное государство, формирования полиса. А став полисом, Карфаген пережил и кризис этой формы организации античного общества. При этом надо подчеркнуть, что, каков мог быть здесь выход из кризиса, мы не знаем, поскольку естественное течение событий было прервано Римом, нанесшим фатальный удар Карфагену. Финикийские же города метрополии, развивавшиеся в иных исторических условиях, оставались в рамках восточного варианта древнего мира и, войдя в состав эллинистических государств, уже в их составе перешли на новый исторический путь.

Глава XX

ПАЛЕСТИНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э. ЦАРСТВА ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ

Свойственные древневосточному обществу времени его расцвета — первой половины I тысячелетия до х.э. — основополагающие особенности и черты с большой выразительностью проявлялись в Палестине. Это обусловливалось расположением страны в середине «плодородного полумесяца», на перекрестке ближневосточных торговых, военных и миграционных путей, относительной открытостью страны и постоянной вовлеченностью ее населения во все перипетии хозяйственной и социальной, политической и идеологической жизни древнего Ближнего Востока.

Этим и объясняется постоянный интерес к этой стране, к образовавшимся там в первой половине I тысячелетия до х.э. государственным образованиям аммонитян, моавитян, эдомитян и других, но особенно — к Иудейскому и Израильскому государствам, занимавшим большую часть страны и оставившим глубокий след в общечеловеческой культуре, главным образом созданным древними евреями Ветхим заветом. Зародившийся уже в недрах древнееврейского общества интерес к собственному прошлому, нашедший свое выражение в ряде ветхозаветных сочинений (см. гл. VIII), получил дальнейшее развитие в античной историографии, в которой древнееврейская история излагается как самостоятельное событие, однако общечеловеческого, всемирного значения (Иосиф Флавий и др.), или как эпизод большей или меньшей значимости всемирной истории (Николай Дамасский и др.). Последний подход был воспринят и развит творцами христианской историографии (Евсевий, Августин и др.), он господствовал во всей средневековой историографии, вплоть до XVI—XVII вв., когда возродилось понимание значения древнееврейской истории как самостоятельного события, но лишь в качестве арены и фона образования Ветхого завета. Такое понимание древнееврейской гражданской и политической истории, ее полное отождествление с ветхозаветной историей, ее растворение в последней, было свойственно так называемой Новой документальной гипотезе, безраздельно доминировавшей в библеистике конца XIX — начала XX в. Наступивший затем кризис «Новой документальной гипотезы» и появление иных концепций о генезисе и структуре Ветхого завета, интенсивное изучение всего древнеближневосточного ареала и признание принадлежности древнееврейского общества к этому ареалу породили новый подход к древнееврейской истории. Для исследований, в которых он нашел свое выражение, показательны признание древнееврейской гражданской и политической истории особой и важной областью научных исследований, понимание теснейшей взаимосвязанности древнееврейского общества и государства со всем древним Ближним Востоком, восприятие Ветхого завета как важного, но отнюдь не единственного исторического источника, широкое привлечение богатого и беспрерывно пополняющегося археологического и эпиграфического материала из Палестины и сопредельных стран.

1. ПАЛЕСТИНА в XII—X вв. до х.э. И ОБРАЗОВАНИЕ ИУДЕЙСКО-ИЗРАИЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Проникновение древнееврейских племен в Палестину (см. гл. VIII) не было едино- или кратковременным актом и не сопровождалось полным уничтожением местного ханаанейского населения, его общества и культуры. Поэтому так называемая эпоха судей (XII—XI вв. до х.э.) характеризовалась длительным сосуществованием и взаимовлиянием двух различных структур — городского сословно-классового общества ханаанеев и родо-племенного общества древних евреев.

Основной единицей социальной организации древних евреев являлся отцовский род (*мишпаха*), в коллективной собственности которого была земля. Род имел общие празднества и общее место захоронения, его члены были связаны обязанностью кровной мести и взаимопомощи, имущество должно было оставаться в роду, непременным атрибутом которого была генеалогия. В состав каждого рода входили большие отцовские семьи (*бет'аб*), состоявшие из трех-четырех поколений потомков одного отца, владевшие наделом родовой земли, отвечавшие за преступления, совершаемые их членами, и т.д. Каждый индивид был неразрывно связан со своей большой семьей, родом и племенем, и поэтому полное обозначение свободного человека состояло из личного имени, отчества, названия большой отцовской семьи, названий рода и племени. Высшей, относительно стабильной единицей являлось племя, или «колено» (*матте, шебет*). Однако характерное для ветхозаветной традиции представление об исконности двенадцати «колен», потомков сыновей патриарха Иакова[1], зародилось в более позднее время, отражая растущее со временем ощущение межплеменной общности, что не устраняло обособленность племен и нередкие межплеменные противоречия и столкновения. Тем не менее ощущение межплеменной общности, но главным образом необходимость взаимодействия и взаимопомощи в покорении ханаанейских государств способствовали образованию не постоянного двенадцатиколенного союза (*амфиктионии*), как утверждает ветхозаветная традиция, а различных по своему составу, недолговечных и непрочных племенных союзов, имевших своими центрами почитаемые святилища в Вефиле (совр. Бетин), Гилгале (совр. Хирбет-Мефджир ?), Сихеме (совр. Телль-Балата), Силоме (совр. Телль-Сайлун) и др. Эти союзы, как правило, возглавлялись советом предводителей (*наси*), но в экстраординарных ситуациях выдвигались так называемые судьи (*шопет*)[2], выполнявшие функции временных военных и гражданских вождей. «Судьи» воспринимались и признавались «избранниками» бога, были отмечены печатью особой близости к божеству. Такая «богоизбранность» (харисма) могла стать и стала мощным импульсом для честолюбивых устремлений отдельных «судей», например Гидеона и его сына Авимелеха (= «Отец мой царь») в первой половине XI в. до х.э. Однако их попытка образования более прочного, чем союз «колен», объединения и присвоения более объемлющей, чем полномочия «судьи», власти оказалась преждевременной. Потребовались десятилетия социально-экономического развития древнееврейских «колен», чтобы осознание необходимости

[1] Здесь и далее указываются имена собственные, названия племен и народов и географические названия по Синодальному переводу Ветхого завета. — *Примеч. ред.*

[2] Это — то же самое слово, что и пунийское *суфет* (ср. гл. XIX). — *Примеч. ред.*

установления царской власти стало более отчетливым и более всеобщим.

Такая пора наступила в середине XI в. до х.э., когда усилился напор филистимлян, давление восточных соседей — родственных по языку и происхождению аммонитян, моавитян и эдомитян, продолжалось сопротивление еще независимых ханаанейских государств. В этих условиях среди части родовой знати и влиятельного жречества зародилось стремление к созданию прочной централизованной власти, нашедшее свое выражение в требовании-призыве: «...поставь над нами царя, чтобы он правил нами, как у прочих народов» (I Ц. 8, 5). Однако существовали также сильные антимонархические тенденции, столь отчетливо выраженные в яростной инвективе против царской власти: «...вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим... И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградников ваших десятину возьмет и отдаст своим сановникам и слугам...» (I Ц. 8, 11—18)[3].

Однако это предупреждение не воздействовало, и под давлением промонархических сил Саул, сын Киша, из малочисленного, но связанного с группой северных племен «колена» Вениамин около 1020 г. до х.э. был провозглашен царем. Он осуществил ряд действенных мер по объединению «колен» и созданию центральной власти: создал более или менее постоянную столицу в г. Гивеа (совр. Телль-эль-Фуль), упорядочил набор племенного ополчения, ядро которого составляли так называемые отборные левши — воины из «колена» Вениамин, в одинаковой мере владевшие обеими руками, ввел, может быть, помимо и наряду с племенной организацией территориально-административное деление страны на 5—6 округов и т.д.

Все эти мероприятия позволили Саулу одержать ряд побед над филистимлянами и другими соседями, но одновременно усилили оппозицию против него. Наибольшая опасность для Саула исходила от могущественного южного племени Иуда, к которому принадлежал один из приближенных царя и его зять Давид, сын Иессея. Честолюбивый и умный, жестокий и изворотливый, Давид вступил в открытую борьбу с Саулом, не брезгуя даже столь сомнительным средством, как поступление вместе со своей дружиной на службу к врагу древнееврейских племен — правителю филистимлянского государства Геф. Ослабленный борьбой с Давидом, утративший доверие к себе и доверие окружения к нему, Саул потерпел сокрушительное поражение в войне с филистимлянами, а гибель его и его сыновей открыла путь к власти удачливому сопернику — Давиду.

После гибели Саула «пришли мужи Иуды и помазали там (в Хевроне) Давида на царство над домом Иуды» (II Ц. 2, 4). Провозглашение Давида царем над Иудой и другими южными «коленами» не случайно имело место в Хевроне (совр. Эль-Халиль) — одном из наиболее почитаемых культовых центров Южной Палестины, ибо Давид нуждался в поддержке этого святилища в предстоящей борьбе с северными «коленами», не собиравшимися смириться с утратой своего преобладания в возникающем государстве. Семь лет длилась изнурительная борьба за власть, завершившаяся победой Дави-

[3] Ссылки на текст Ветхого завета даны в переводе автора главы. Названия ветхозаветных книг приведены по Синодальному переводу. — *Примеч. ред.*

да, и «пришли все старейшины Израиля к царю [Давиду] в Хеврон, и заключил с ними царь Давид завет (*берит*) перед Яхве, и помазали Давида царем над Израилем» (II Ц. 5, 3). Новейшие исследования доказали распространенность на всем древнем Ближнем Востоке института «договора» или «завета» как регулятора отношений между государствами, между богом/богами и людьми, между царем и его подчиненными и т.д. При всем многообразии этих заветов они все основывались на отношениях партнерства и/или зависимости, имели своей целью регулировать эти отношения и закреплять их в сакрально обязательном порядке. Заветом в Хевроне, установившим пределы власти Давида, обязанность и права «колен», выражены две противоречивые тенденции в политике государственного строительства этого царя: его стремление обеспечить себе поддержку «колен» признанием и сохранением родо-племенных институтов и традиций и его стремление укрепить государство, царскую власть путем усиления территориально-административной организации в ущерб родо-племенной. Все длительное царствование Давида (ок. 1004—965 гг. до х.э.) пронизано этим противоречием, обусловившим и силу, и слабость создаваемого государства.

В начале царствования Давида государство продолжало оставаться весьма непрочным союзом двух групп «колен» — северной, возглавляемой Эфраимом, и южной, с Иудой во главе. Непрочность этого союза была вызвана еще и тем, что между территориями обеих групп племен находилось независимое ханаанейское государство Иерусалим. Поэтому одним из первых начинаний Давида было взятие сильно укрепленного Иерусалима (в 995 г. до х.э.), объявленного им своей столицей. Поскольку Иерусалим находился вне территорий «колен», то перенос столицы в этот стратегически важный город способствовал усилению власти царя. На это же были направлены и другие мероприятия Давида. Он реорганизовал вооруженные силы, создав, наряду с племенным ополчением, зависимый от царя и верный лично ему отряд так называемых витязей (*гибборим*) и постоянное войско из чужеземных наемников. Вся страна была разделена на двенадцать округов, границы которых более или менее соответствовали племенным территориям, но включали также покоренные ханаанейские города, а назначение «начальников» (*сар*) над этими округами было явным нарушением племенной автономии. Был оформлен центральный государственный аппарат в Иерусалиме, включавший «начальников над имуществом царя Давида», т.е. чиновников создаваемого царского сектора экономики, «советников» царя и др. Более определенными стали также функции царя: он был верховным предводителем войска, обладал ограниченной судебной властью, участвовал в культе, однако ни Давид, ни его преемники не были царями-жрецами.

Создание дееспособного государственного аппарата позволяло Давиду вести активную и успешную внешнюю политику, чему содействовало также ослабление в XI в. до х.э. государств-гегемонов Передней Азии — Египта, Ассирии и иных. Давид оттеснил филистимлян, распространил свою власть на Заиорданье и, возможно, подчинил своему влиянию некоторые области к северу от Палестины.

По мере укрепления государства Давида все отчетливее сказывались последствия двойственности его политики. Упрочение государственных начал влекло за собой усиление оппозиции со стороны отстраненных от власти северных «колен» и священников ряда влиятельных местных святилищ, особенно святилища в Силоме, взбудораженных намерением царя построить храм Яхве в Иерусалиме, который должен был стать культовым цент-

ром всего государства. Своеобразным проявлением этой оппозиции был мятеж Авессалома, третьего по старшинству сына Давида, подавленный ценой больших усилий. Но племенные противоречия и интересы более отчетливо проявились в восстании вениаминита Савея, сына Вохора, провозгласившего: «...нет нам части в Давиде... все по шатрам своим, Израиль! И отделились все мужи Израиля от Давида и пошли за Савеем, сыном Вохора, а мужи Иуды остались на стороне царя своего [Давида]...» (II Ц. 20, 1—2).

В мятеже Авессалома и восстании Савея вопрос об «отмене» государства больше не ставился, спор шел о характере этого государства: сохранить ли родо-племенные традиции и институты за счет ослабления центральной государственной власти или укрепить последнюю за счет ослабления родо-племенных институтов и традиций? При дворе дряхлеющего Давида противоборство обеих тенденций сфокусировалось в вопросе престолонаследия. В острой борьбе победу одержала группа придворных, включавшая священника Садока, возможно выходца из местного ханаанейского жречества, командира иноземных наемников Ванею и других, оказавших поддержку младшему сыну Давида, Соломону, который и стал царем (965—926 гг. до х.э.).

Если в обрисовке облика и деятельности Давида ветхозаветная традиция старательно подчеркивает «народность», простоту поведения пастуха на троне, то Соломон предстает в ней как выразитель рафинированной атмосферы ближневосточного царского двора. Он начинает свое царствование вполне в духе этой атмосферы, с жестоких расправ над своими противниками, ознаменовавших разрыв с двойственной политикой Давида и однозначный выбор тенденции к укреплению центральной государственной власти в ущерб родо-племенным традициям.

В отличие от осторожной сдержанности Давида, не приобщившегося к «большой политике» Ближнего Востока, Соломон в нее вторгся. Он отодвинул границы своего государства в северном направлении, установил свой контроль над Акабским заливом, на северном побережье которого построил сильно укрепленный город Эцион-Гебер (совр. Телль-Халейфа), ставший центром металлургии меди и важной гаванью. Отсюда уходили в плавание в богатый золотом Офир (на побережье Индийского океана в районе Африканского рога или на побережье Аравийского полуострова) совместные экспедиции Соломона и Хирама, правителя могущественного финикийского государства Тир. Соломон установил также дружественные отношения с египетским фараоном, скрепленные династическим браком, что способствовало проникновению египетского влияния во многие сферы столичной придворной жизни: оно сказывалось в роскоши и пышности царского двора, во введении сложного придворного церемониала, в постоянном восхвалении мудрости царя и т.д., но особенно в мероприятиях государственного строительства.

Сооружение городов и крепостей, храмов и гробниц всегда являлось одной из важнейших обязанностей, одной из главных добродетелей древневосточных царей. Ветхозаветная традиция также видит в активной строительной деятельности Соломона проявление его мудрости и добродетели, а археологические раскопки последних десятилетий доказывают размах и грандиозность осуществленного царем строительства, включавшего дворцы и крепости в Мегиддо (совр. Телль-эль-Мутеселлим), Хацоре (совр. Телль-эль-Кеда) и других местах, но самым прославленным сооружением Соломона был храм Яхве в Иерусалиме. Этот храм повторял характерные особенности ханаанейско-финикийского храмового зодчества и представлял

собой четырехугольное продолговатое сооружение на возвышении, с портиком, ведущим в зал, в задней части которого находилось «Святое святых». Окруженный двором и хозяйственными строениями, храм образовывал единый ансамбль с царским дворцом, в чем наглядно проявлялось назначение столичного храма — быть одновременно царским и общегосударственным святилищем.

Соломон продолжил начатое его отцом оформление центрального государственного аппарата, включавшего первосвященника Иерусалимского храма, «писцов», ведавших царской корреспонденцией и составлением царских анналов, «глашатая», в ведении которого были связь между царем и страной, руководство сложным придворным церемониалом. Вслед за введенной уже Давидом должностью командующего войском названы «друг царя», выполнявший функцию царского советника, и «[который] над домом» — часто упоминаемый не только в Ветхом завете, но также в эпиграфическом материале управляющий царским хозяйством, царским «домом». В подчинении у этих высших сановников находились многочисленные рядовые писцы, которые обучались в школах и играли значительную роль в духовной жизни страны.

Грандиозное строительство и роскошный двор, многочисленное чиновничество и наемное войско требовали огромных расходов, и Соломон установил единую податную систему, в которой ощущается влияние фискальной организации Египта и других древнеближневосточных государств. Все государство, возможно исключая территорию «колена» Иуда, было разделено на 12 податно-административных округов: «И было у Соломона двенадцать приставников над всем Израилем, и они доставляли продовольствие царю и дому его: каждый должен был доставлять продовольствие на один месяц в году» (III Ц. 4, 7). С населения взималась натуральная подать — десятина с урожая и с годового приплода скота, что совместно с поступлениями из царских хозяйств обеспечивало потребности царского двора и администрации, составлявшие, согласно преданию, около 12 млн. л муки, 10 950 голов крупного рогатого скота и 36 500 голов мелкого скота. Деятельность «приставников» контролировало специальное должностное лицо — «[который] над приставниками». Помимо натуральной подати часть населения страны, главным образом покоренные хананеи, должна была выполнять также трудовые повинности. Однако нередко, для строительства крепостей, Иерусалимского храма и т.д., к трудовой повинности привлекался также «весь Израиль», что не могло не усиливать недовольство значительной части населения, особенно северных «колен», не укрепить их центробежные устремления, ставшие особенно интенсивными после смерти грозного царя и в связи с воцарением его сына Ровоама (926— 910 гг. до х.э.).

Собравшееся в Сихеме для провозглашения Ровоама царем «собрание Израиля» обратилось к нему с требованием уменьшить трудовые повинности и подати, обещав в случае удовлетворения этих требований сохранить верность Давидидам. Ровоам «совещался со старейшинами», и те советовали царю уступить, однако «юноши, которые выросли вместе с ним (царем)», посоветовали Ровоаму ответить: «...если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (III Ц. 12, 1—14)[4]. В этой связи инте-

[4] «Скорпион» — распространенное на древнем Востоке орудие наказания — плеть с металлическими шипами. — *Примеч. ред.*

ресен вопрос о трех институтах, сыгравших столь решающую роль в событиях в Сихеме: если появление там «собрания», бывшего в домонархическое время авторитетной сходкой членов племенного союза, и «старейшин», игравших столь значительную роль в эпоху «судей» и при воцарении Давида, равно как и даваемый ими совет, указывают на усиление после смерти Соломона родо-племенных институтов и традиций, то деятельность там «юношей», видимо из ровесников молодого царя, представителей придворной знати, образовавших неформальный совещательный орган, и содержание данного ими совета выражали Соломоновы принципы сильной централизованной царской власти.

В Сихеме, таким образом, столкнулись не только противоречивые интересы двух групп «колен», но и две ведущие тенденции в вопросе о сущности государства: тенденция к дальнейшему укреплению централизованной царской власти в ущерб родо-племенным институтам и тенденция к ограничению царской власти именно этими институтами и традициями. Ровоам внял совету «юношей», и над Сихемом раздался клич северных «колен»: «Какая нам часть в Давиде?.. по шатрам своим, Израиль!..» (III Ц. 12, 16), что означало разделение в 926 г. до х.э. государства Давида — Соломона на два небольших государства — южное, Иудейское, и северное, Израильское.

2. ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ПАЛЕСТИНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э.

Образовавшиеся после раскола в 926 г. до х.э. два небольших государства — Иудейское и Израильское — отличались друг от друга условиями эколого-географической среды, ибо в северном государстве было больше пригодных для интенсивного земледелия долин, в Иудее же преобладали холмистые и гористые местности с трудными почвами, а на юге — полупустыни и пустыни. Если Израильское царство пересекали важные торговые пути Ближнего Востока, то южное государство находилось в стороне от главных международных коммуникаций. Разнились оба царства также количеством жителей, ибо в северном проживало более полумиллиона человек, а в южном — вдвое-втрое меньше. Эти и другие различия воздействовали на происходившие в X—VIII/VI вв. до х.э. процессы социально-экономического развития, придавая общим тенденциям развития местные особенности.

Основой хозяйственной жизни Палестины первой половины I тысячелетия до х.э. являлось основанное на железных орудиях земледелие, и ветхозаветное представление о праведной жизни предполагает труд на земле: «Собирающий урожай во время лета — сын разумный; спящий же во время жатвы — сын беспутный» (Пр. 10, 5). Разнообразие ландшафта и климата обусловливало порайонную специализацию земледелия: если в центральных районах, например вокруг Гивеона (совр. Эль-Джиб), преобладало виноградарство, то в окрестностях Иерихона и Эйн-Геди (совр. Эль-Джурн) выращивали бальзам, а в долинах Северной Палестины простирались хлебные поля.

Повсюду земледелие сочеталось с животноводством, обладавшим особой престижностью не только из-за реминисценций о далеком пастушеском прошлом, но и в силу его особой значимости для обширных районов

страны. Основными районами интенсивного животноводства были прилегающие к пустыням окраины Заиорданья и юга Иудеи, где сложилась своеобразная форма хозяйства — *хацер* (= поселение, огороженное пространство), — сочетавшая полуоседлое животноводство с земледелием и, нередко, с караванной торговлей.

В сельском хозяйстве преобладало мелкое и среднее посемейное крестьянское производство. Тому подтверждение — не только раскопанные крестьянские дворы, но также часто упоминаемый в Ветхом завете идеал счастливой жизни, когда «каждый будет сидеть под своей виноградной лозой и под своей смоковницей» (Ми. 46 4). Сказанное отнюдь не исключает появления крупных хозяйств, какими, очевидно, были виноградарские хозяйства в Гивеоне начала VI в. до х.э., производившие вино для продажи, о чем свидетельствуют клейма на ручках амфор: «Гивеон<, [из] огороженного участка [виноградников]> Азарии» или других лиц.

В городах процветало специализированное ремесло — металлургия и ювелирное дело, ткачество и строительное дело, гончарное ремесло и резьба по камню и слоновой кости, изготовление парфюмерии и проч. В ремесленном производстве также имела место порайонная специализация: Эцион-Гебер был центром металлургии меди, Эйн-Геди — сосредоточением производства парфюмерии, в Дебире (совр. Телль-эд-Дувейр), где раскопаны 20—30 красильных мастерских, процветало ткацкое и красильное дело и т.д. Значительная часть ремесленного производства была сосредоточена в царском секторе экономики, но вне царских мастерских трудились многие ремесленники, объединявшиеся в ассоциации золотых дел мастеров, ткачей и др. Наряду со специализированным ремеслом, обслуживавшим сравнительно узкий круг потребителей — царский двор, храм и верхушку общества, существовало домашнее ремесленное производство горожан и селян, возводивших собственными руками свои незатейливые жилища и т.д.

Натуральное крестьянское хозяйство, сочетание сельскохозяйственной и ремесленной деятельности суживали сферу внутреннего обмена, существовавшего, однако, из-за многообразия эколого-географической среды и порайонной специализации производства. На базарах у городских ворот крестьяне обменивали скромные излишки своего производства на нужные им ремесленные изделия, главным образом на металлические. Внутренний обмен по объему и интенсивности уступал внешней торговле. Из Палестины вывозили масло, древесину, благовония, соль и другие товары, а ввозили сырье и предметы роскоши — золото, серебро, слоновую кость, драгоценные камни, ткани и др. Основными партнерами были Финикия, Египет, Двуречье, а также Южная Аравия, чему доказательство — не только красочный ветхозаветный рассказ о посещении царицей Савской Соломона, но и найденные в Палестине южноаравийские изделия. Начиная с VIII в. до х.э. в Палестине появляется также керамика из бассейна Эгейского моря, свидетельствующая о ввозе греческого вина и масла. Торговля, особенно внешняя, достигла такого уровня, что основным способом расчетов было взвешивание серебра с помощью весов и каменных гирь с царским клеймом и обозначением весовых мер — «шекель», «четверть шекеля» и т.д.

Развитие специализированного ремесла и торговли, интенсивное строительство крепостей способствовали новому расцвету городской жизни. В X—VI вв. до х.э. были восстановлены многие разрушенные ханаанейские города и возникли новые. Преобладали маленькие города, площадью 0,4—1 га и населением в несколько сот человек, и средние, площадью 2,5—4 га

и населением 2000—4000 человек. Столица Иудейского царства Иерусалим и столица Израильского царства (с IX в. до х.э.) Самария выделялись большей численностью населения (в Иерусалиме жило ок. 10—20 тыс. человек) и богатством, чему доказательство — царский дворец в Самарии, украшенный колоннами и пластинами из слоновой кости и названный поэтому «домом из слоновой кости». В городах Израильского царства среди многочисленных жилых зданий, состоявших из одного помещения и внутреннего дворика, выделялись немногие двухэтажные дома с 4—10 помещениями вокруг двора, но в городах Иудейского царства преобладали небольшие однотипные дома, что свидетельствует о неодинаковой степени имущественного и социального расслоения в обоих царствах.

Города имели самоуправление, и встречающиеся в Ветхом завете формулы — «входящие в ворота города» или «входящие в ворота [города] и выходящие» — служили, видимо, обозначением совокупности свободных, полноправных жителей города, собиравшихся у «ворот» для решения городских дел. Засвидетельствован также институт «старейшин города», по-видимому, из предводителей обитавших в городе родов. Институты городского самоуправления обладали определенной судебной властью и ведали другими аспектами городской жизни.

Ветхозаветные и эпиграфические данные доказывают наличие в Палестине первой половины I тысячелетия до х.э. обширной царской земельной собственности. Не повторяя сказанного выше об управляющих царским имуществом, приведем фрагмент «биографии» иудейского царя Озии (VIII в. до х.э.), который «построил башни в пустыне и иссек много водоемов, потому что имел много скота в Шефеле[5] и в Равнине[6] и земледельцев и виноградарей в горах и в Кармеле[7], ибо он любил землю» (II Пар. 26, 10). Одним из таких хозяйств могло быть Хацар Асам, упомянутое в интереснейшей надписи второй половины VII в. до х.э., в так называемой «Жалобе жнеца», в которой жалобщик, видимо человек, привлеченный к выполнению трудовой повинности в царском хозяйстве, пишет: «Пусть выслушает господин мой начальник [слово раба своего. Раб твой], жал раб твой в Ха[цар Асаме]. И пожал раб твой...», но подвергся произволу со стороны надсмотрщика.

Более спорным свидетельством наличия царских хозяйств в Иудейском государстве являются многочисленные (ок. 800) клейма VII—VI вв. до х.э. с надписью «[Принадлежащее] царю» и названиями четырех местностей. Назначение этих клейм интерпретируется по-разному, но, вероятнее всего, они свидетельствуют о наличии царских хозяйств, продукция которых — масло или вино — хранилась, перевозилась в этих сосудах. О наличии царской земельной собственности в Израильском государстве свидетельствуют многочисленные остракa IX—VIII вв. до х.э. из Самарии, содержащие следующие записи: «В год десятый из Хацером (название местности) для Гаддйо (имя) один сосуд масла [косметического]» или «В год десятый из Абиэ[зера] (название местности) для Шемарйо (имя) один сосуд со старым вином...» — и другие, позволяющие предположить, что лица-получатели были царскими чиновниками, а местности или лица-отправители входили в состав царских хозяйств, расположенных в сельской округе Самарии.

---

[5] Приморская равнина к западу от Иудейского нагорья.

[6] Возвышенность в Южном Заиорданье.

[7] Видимо, местность в Иудее.

Более спорен вопрос о существовании в Палестине первой половины I тысячелетия до х.э. храмовой собственности на землю. Однако ряд ветхозаветных данных, а также надпись VII—VI вв. до х.э. в погребальной камере в Хирбет Бейт-Леи, где сказано: «Яхве бог всей страны, го[ры] Йехуд принадлежат ему, богу Иерусалима», — позволяют предположить наличие у некоторых храмов своих земель.

Царские и храмовые земли в совокупности составляли царско-храмовой сектор экономики, который, однако, не охватывал всю площадь государств. Тому подтверждение — инцидент с виноградником Навуфея (III Ц. 21): житель северного царства Навуфей имел виноградник по соседству с дворцом царя Ахава (IX в. до х.э.) в Самарии; царь, пожелавший расширить свой сад, предложил Навуфею серебро за виноградник или обмен на другой; Навуфей, однако, отверг предложения царя, заявив: «Упаси меня Яхве, чтоб я отдал тебе наследство отцов моих». Этот пример, подкрепленный многими другими, доказывает, что значительная часть земли была в принципе неотчуждаемой собственностью родов. Родовая земля, именуемая *нахала* (= наследственная собственность) и *ахузза* (= собственность), согласно ветхозаветным законам должна оставаться в пределах рода, и поэтому в случае отсутствия у человека прямых наследников «отдайте нахала (в Синодальном переводе „удел") его ближайшему родственнику из рода его, чтоб он наследовал его» (Числа 27, 8—11). Наделы родовой земли, находившиеся во владении семей, могли перераспределяться внутри рода, что при наличии посемейного хозяйства неизбежно вело к концентрации земли у отдельных членов рода.

Такая система аграрных отношений определила сословную и классовую структуру древнееврейского общества первой половины I тысячелетия до х.э. Оно включало и рабов, и ветхозаветное законодательство признавало и различало два вида рабства: ограниченное шестилетним сроком рабство для соплеменников-единоверцев и вечное, бессрочное рабство для инородцев-иноверцев. Статус «вечного» раба в древнееврейском обществе был тот же, что и на всем древнем Ближнем Востоке, — он считался вещью, мог быть отчужден и т.д., однако ветхозаветное законодательство ограничивало, правда с оговорками, пределы физического насилия над рабом. Хотя некоторое количество рабов находилось в частной собственности знати, основная масса рабов, составлявших, судя по данным более позднего времени, около 18% населения страны, трудилась на полях и в рудниках, на виноградниках и в мастерских царско-храмового сектора, т.е. была государственной собственностью.

С этим сектором экономики была связана также значительная часть так называемых пришельцев (*гер*), по всей вероятности, коллективы или индивиды, обитавшие на территории обоих государств или переселившиеся туда, но не входившие в иудейско-израильскую родо-племенную структуру. «Пришельцы» были лично-свободными, но не имели права земельной собственности и гражданства. Многие из «пришельцев», составлявших в X в. до х.э. около 16—20% населения страны, находились в зависимости от царской власти, трудились в царских хозяйствах или администрации, где некоторые, например «хетт» Урия при Давиде, достигали высокого положения. Иные «пришельцы» работали поденщиками в больших хозяйствах знати или стали там «присельниками», т.е. обрабатывали землю за долю урожая у тех, при ком они селились. «Пришельцы» должны были служить в ополчении, платить подати и выполнять трудовые повинности, они допускались к некоторым религиозным обрядам, одна-

ко, как правило, не становились полноправными членами сообщества «мужей».

Рабам и «пришельцам» противостояли свободные, полноправные «мужи» (*'иш*), они же — «местные жители, граждане» (*'эзрах*), среди которых, однако, наличествовала имущественная и социальная дифференциация, отчетливо выраженная в формуле: «Предводители Иуды и предводители Иерусалима, сановники и священники и весь народ земли...» (Иер, 34, 19).

В этой трехчленной стратификации «мужей» третьим звеном назван «народ земли», т.е. основная масса свободных производителей, преимущественно средние и мелкие землевладельцы, имевшие наделы земли в рамках родовой собственности, являвшиеся полноправными гражданами, активно участвовавшими в политической жизни и составлявшими ядро гражданского ополчения. Однако происходивший в VII—VI вв. до х.э. процесс перераспределения и концентрации земли повлек за собой разорение и обезземеливание части крестьян, что неизбежно обострило противоречия между «народом земли» и знатью.

Знать, именуемая в Ветхом завете «могущественные», «знатные» и т.д., выделялась из массы «мужей» богатством и роскошью, влиянием и властью, что резко осуждалось пророками: «И за то, что вы попираете бедного и берете от него хлеб большим весом, вы построите дома из тесаных камней, но жить не будете в них, разведете прекрасные виноградники, но вино не будете пить» (Ам. 5, 11). Однако, невзирая на фактическую и формальную выделенность из массы «мужей», знать в первой половине I тысячелетия до х.э. через систему родо-племенных связей и институтов реально и действенно была связана с «народом земли». Ведь эта знать состояла из наиболее богатых и влиятельных больших отцовских семей данного рода, к которому принадлежали также многочисленные семьи «народа земли». Общность родовой земли и взаимное право наследования, обязанность взаимопомощи и наличие общей генеалогии, обозначение всех членов рода термином «брат» и выражение принадлежности к роду словом «сын» — эти и другие проявления родовой общности реально объединяли сородичей наряду и вопреки столь же реальным классовым различиям между ними. Но степень действенности и реальности родовых связей не была повсюду одинаковой: если у полуоседлых животноводов окраин родовые узы были сильнее классовых различий, а в Южной Иудее обе структуры находились в относительном равновесии, то в Северной Иудее и в Израильском царстве, т.е. в районах интенсивного сельского хозяйства, развитого ремесла и т.д., родовые связи ослабевали и уступали место общинно-территориальным. Однако в течение всей первой половины I тысячелетия до х.э. родо-племенные связи и институты практически нигде не исчезли полностью и особо стойко сохранялись среди влиятельного жречества.

Древнееврейское жречество, образовавшее замкнутое сообщество, организованное как одно из «колен» — «колено» Леви, состояло из священников и левитов, выполнявших различные культовые функции. Основными обязанностями священников были жертвоприношения, предсказание будущего, обучение народа религиозному закону, выполнение судебных функций и др.; левиты же были храмовыми певцами и привратниками, они нередко привлекались также на государственную службу. Между священниками и левитами имело место острое соперничество, осложненное не менее острыми противоречиями между священниками и левитами централь-

ных, столичных храмов и жречеством многочисленных периферийных святилищ, так называемых высот, как правило относившимся крайне отрицательно к чрезмерной централизации власти и культа.

Сложная и противоречивая структура древнееврейского общества во многом определила политическую историю Иудейского и Израильского царств, сосредоточенную вокруг трех центральных проблем: стабильность и преемственность созданной Давидом — Соломоном политической системы, взаимоотношения между обоими древнееврейскими государствами и их отношения с внешним миром.

В Иудейском и Израильском государствах сохранилась созданная Давидом — Соломоном форма государственного управления, т.е. наследственная монархия. Но если в Иудейском государстве за 340 лет (926—587 гг. до х.э.) существования правили 20 царей из династии Давидидов, то за 204 года (926—722 гг. до х.э.) существования Израильского царства там правили 19 царей из многочисленных, быстро сменявших друг друга династий. Причины тому — неодинаковая степень социальной дифференциации, различные по силе и действенности родо-племенные связи в обоих государствах, равно как и то обстоятельство, что в Иудейском государстве полностью доминировало «колено» Иуда, неизменно оказывавшее поддержку своей династии, а в Израильском государстве ни одно из соперничавших между собой «колен» не обладало достаточным превосходством, чтобы обеспечить стабильность «своей» династии.

Такое различие политической жизни не могло не повлиять на взаимоотношения между обоими государствами. Само существование их воспринималось современниками как трагический конфликт между признаваемой изначальной и незыблемой этнорелигиозной общностью избранного Яхве народа и реальностью раскола, осмысленного как божественное наказание за отступничество народа и его предводителей от Яхве, но как явление, как несчастье временное, преходящее, после чего: «В тот день Я (Яхве) восстановлю скинию Давида, заделаю трещины в ней и разрушенное восстановлю и устрою ее, как в дни древние» (Ам. 9, 11). Однако в реальной жизни редкие периоды мирного сотрудничества между обоими государствами сменялись длительными опустошительными военными конфликтами, ставшими особенно опасными, когда заметно изменилась военно-политическая обстановка вокруг. Суть этих изменений в том, что заиорданские соседи — эдомитяне, аммонитяне и моавитяне — создали свои государства, что позволило им не только освободиться от зависимости, но, как свидетельствует знаменитая надпись царя Моава Меши (IX в. до х.э.), также перейти в наступление на древнееврейские государства. Основная опасность, однако, исходила от возникавших «мировых держав», вначале Новоассирийской, а затем Нововавилонской.

В 722 г. до х.э. ассирийский царь Саргон II уничтожил Израильское государство, депортировал часть населения, образовал на его территории провинции Самерину и др., куда были переселены люди из Двуречья и других стран. Это содействовало распространению там своеобразного синкретического яхвизма, и жители Самерины: «И Яхве они чтили, и богам своим они служили...» (IV Ц. 17, 33), а в Бейт-Шеане (совр. Телль-эль-Хусн) ассирийского времени были построены храмы бога Дагона и богини Астарты.

В условиях гибели Израильского государства иудейскому царю Езекии ценой уступки ассирийцам части своей территории и уплаты огромной дани удалось сохранить призрачную независимость своего государства. Па-

дение Ниневии в 612 г. до х.э. вселило надежды на восстановление полной независимости Иудеи, даже на присоединение к ней территории бывшего северного царства. Осуществлению этой цели должна была содействовать религиозно-политическая реформа царя Иосии (639—609 гг. до х.э.). Согласно ветхозаветной традиции, на 18-м году царствования Иосии, т.е. в 622 г. до х.э., при строительных работах в Иерусалимском храме была «найдена» «Книга закона», видимо ветхозаветная книга «Второзаконие» или ее часть (см. ниже). Выполняя предписания этой книги, Иосия приказал искоренить культы всех богов, кроме Яхве, уничтожить все святилища и храмы (даже яхвистские), кроме Иерусалимского, умертвить всех жрецов «высот» и т.д. Реформа явилась попыткой внедрения полного и безусловного единобожия, всемерной централизации культа Яхве для укрепления царской власти и решения честолюбивых внешнеполитических амбиций Иосии.

Однако все эти планы и надежды царя были иллюзорными, ибо «наследники» Ассирийской державы — Египет и Нововавилонское государство не думали отказываться от Палестины. Иосия погиб в сражении с фараоном Нехо в 609 г. до х.э., и это было началом конца Иудейского государства, наступившего в 587 г. до х.э., когда вавилонский царь Навуходоносор II взял Иерусалим, разрушил город и храм и выселил в Вавилонию около 10% населения Иудеи, главным образом городских ремесленников, жрецов и знать.

События 722 и 587 гг. до х.э. — гибель обоих древнееврейских государств и выселение наиболее активной части населения — вызвали существенные сдвиги в судьбах народа. Если раньше жизнь древних евреев была неразрывно связана с одной страной — Палестиной, то теперь она развертывалась одновременно и параллельно на двух аренах — в Палестине, где под властью вавилонян проживало около 90% древнееврейского народа, и в Египте, Сирии и других странах, но главным образом в Вавилонии, где переселенная часть народа в течение двух поколений находилась в непосредственном и постоянном контакте с блистательной аккадской культурой. Жизнь в Палестине и жизнь в Двуречье имела свои особенности, свои специфические проблемы, но общей была мучительная и трагическая переоценка ценностей, обусловленная народными и личными бедствиями. В этом сложном процессе переосмысления казавшихся ранее незыблемыми устоев решающую роль сыграли так называемые пророки.

3. ПРОРОЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Во всем древнем мире крестьяне и сановники, рабы и цари верили, что боги предопределяют судьбу индивида и государства, и все жаждали узнать свое предначертанное богами будущее и исход своих начинаний. Поэтому во всем древнем мире имелись «избранные» богом (богами), которым в силу их «избранности», их «близости» к богу (богам) открывались тайны божьей воли и которые поэтому могли «пророчествовать», сообщать людям их судьбу, их будущее. Пророчествование было одной из важнейших функций определенных категорий жрецов, и на рубеже VII—VI вв. до х.э. персонал Иерусалимского храма включал как жрецов, так и пророков. Многие пророки действовали также при дворе царей, но особенность пророческого

движения в Палестине состояла в том, что там в VIII—VI вв. до х.э. имелись также пророки, независимые от государственно-храмовых институтов. Именно такие «неинституированные» пророки играли особо значительную роль. Они образовали «открытые» пророческие ассоциации из учеников и последователей известного пророка. Становление пророческих сочинений происходило в рамках этих ассоциаций: ветхозаветное пророчество, как правило, изначально выражалось в кратких, устных и ритмизированных речениях; ученики пророка в устной форме сохраняли и передавали речения учителя, дополняли их новыми речениями или рассказами о его жизни и деятельности, иногда составляли небольшие сборники, затем, нередко несколько десятилетий спустя, дополненные и расширенные пророчества записывались.

В Ветхом завете упоминаются многочисленные пророки, создававшие обширную литературу, из которой сохранились лишь осколки — несколько десятков цитат из утраченных речений и 15 пророческих книг в Ветхом завете. Среди ветхозаветных пророческих сочинений первой дается «Книга пророка Исаии», которая состоит из трех разновременных сборников: первый (гл. 1—39) создан в VIII в. до х.э. и связан с реальным пророком Исаией, сыном Амоса, предупреждавшим о неминуемом наказании отступников от Яхве и призывавшим к возвращению на «путь Яхве»; второй сборник (гл. 40—55), в котором высказывается надежда на разгром Вавилона и упоминается персидский царь Кир II, датируется около 540 г. до х.э., а в третьем сборнике (гл. 56—66) отражены проблемы послепленного времени, возникавшей тогда гражданско-храмовой общины (см. гл. XXVI). Общность стиля, родство идей и другое позволяют предположить, что все три сборника создавались в рамках одной пророческой ассоциации, которая хранила и развивала взгляды своего учителя Исаии, сына Амоса. Гибель храма и государства, неминуемое наказание отступивших от Яхве и спасение верных ему — эти мотивы пронизывают речения пророка Иеремии, сына Хилкии (рубеж VII—VI вв. до х.э.), дополненные его учениками данными из жизни учителя и описаниями исторических событий. Пророку «Езекии, сыну Бузи, священнику» (начало VI в. до х.э.) принадлежат лишь поэтические видения (гл. 1—4, 8—9 и др.) «Книги пророка Иезекииля», а прозаические отрывки и развернутая программа государственного устройства (в гл. 40—48) были, возможно, созданы его учениками в конце VI в. до х.э. Многослойными являются также книги так называемых двенадцати «малых» пророков: к VIII в. до х.э. относимы «основные ядра» книг пророков Амоса, Осии, Михея и, возможно, Авдия, многие речения в книгах Наума, Аввакума и Софонии датируются VII в. до х.э., а пророчества Иоиля, Аггея, Захарии и Малахии относимы к VI—V вв. до х.э., когда была создана также «Книга пророка Ионы», которая, однако, не принадлежит к жанру пророчеств.

Несмотря на разновременность ветхозаветных пророческих книг, в них можно выделить общий для всего пророческого движения круг идей. В отличие от жрецов остального древнего мира, чаще всего «пророчествовавших» в ответ на конкретный запрос, ветхозаветные пророки, как правило, выступали по собственной инициативе, без подобных запросов, что придавало их речениям большую всеобщность, сделало их глашатаями судьбы всего народа, всего государства. Пророки рассматривали себя, и слушатели их признавали, выразителями Божьей воли, что отчетливо выражено в формулах, которыми открываются пророческие книги: «Слово Яхве, которое было к Осии» и т.д. Таковыми пророки были в силу своей

«избранности» Богом Яхве, что, однако, не избавляло их от общих для всех людей страданий и невзгод, признававшихся даже необходимостью для истинного пророка Яхве.

Для ветхозаветных пророков особенно показательна острая критика социальной несправедливости. Резкое осуждение неправедного богатства и роскоши, насилия и произвола, угнетения и бесправия звучит, например, в речении пророка Амоса: «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих... Клялся Яхве: ...поистине вовеки не забуду ни одного из дел их» (8, 4—7) и др. Поскольку средоточием богатства и роскоши, местом обитания людей могущественных и несправедливых был в основном город, то для ветхозаветных пророков характерна отчетливая антигородская установка. Пророки противопоставляли «городу-блуднице» идеализированный и опоэтизированный родо-племенной уклад селян, что повлияло также на их отношение к царям и царской власти. В древневосточной литературе мало столь непримиримо резких высказываний о царях, как гневные проповеди ветхозаветных пророков против некоторых правителей обоих царств. Однако ошибочно считать пророков отрицателями государственности и царской власти как таковой, ибо, осуждая произвол и преступления отдельных царей, пророки всегда отстаивали необходимость основанной на справедливости и верности Яхве государственности, особенно царства Давидидов, многие из которых активно содействовали тому, что было главным во всех ветхозаветных пророчествах, — утверждению единобожия.

Древнееврейский пантеон на рубеже II—I тысячелетий до х.э. был весьма густо населен различными божествами: древние «боги отцов», явившиеся божествами-защитниками отдельных агнатических союзов, сосуществовали с хананейскими богами Элом, Баалом, Ашторет и др., локальные божества, типа «бог Бейт-эл», соседствовали с грозным богом южной пустыни Яхве. Культ этого бога был особенно популярен у «колена» Иуда, и, когда представители этого племени, Давид и Соломон, создали государство, их племенной бог Яхве стал главенствовать в пантеоне, вбирая в себя черты и атрибуты других божеств. В целях усиления царской власти и авторитета Иерусалимского храма Давидиды и столичное жречество стремились сделать Яхве единственным Богом, исключающим все другие божества и культы. Однако эта монотеистическая тенденция наталкивалась на упорное противодействие периферийного жречества, нередко поддерживаемого местной знатью и «народом земли».

В этой напряженной борьбе за и против единобожия огромную роль сыграл страстный призыв пророков к признанию Яхве единственным Богом, к полному отказу от поклонения другим богам. Монотеизм пророков носил, как правило, локально и этнически ограниченный характер, ибо Яхве признавался единственным Богом только одной страны и одного народа. Но иногда пророческая мысль поднималась до признания универсальности Бога, до признания его не только творцом всего существующего, но также защитником всех народов и всех стран. Поэтому в пророческих речениях Яхве предстает и демиургом одноразового и единовременного сотворения мира и людей, и в качестве такового Богом «далеким», и демиургом многоразового и постоянного воздействия на мир и людей, и в качестве такового Богом «близким». Пророки отрицали примитивный антропоморфизм, идольность Яхве, отстаивали более отвлеченное восприятие Бога, что, однако, не мешало им упоминать о руках, глазах, ушах и т.д. Яхве. Утверждая всемогущество Яхве и незначительность сотворенного им человека, установление Богом двух «путей» для человека — праведного, бла-

гого «пути Яхве» и неправедного, неблагого «пути сердца своего», пророки тем не менее подчеркивали необходимость для человека и способность человека сделать выбор между обоими «путями», между добром и злом: «Ищите добра, а не зла... возненавидьте зло и возлюбите добро» (Ам. 5, 14—15). Поэтому в пророческих речениях так часто ставился вопрос о значении выполнения религиозных обрядов и соблюдения этических норм в отношениях между человеком и Богом. «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших», — восклицал Амос (5, 21), а в речениях Исаии сказано: «Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного... тогда придите, и рассудим, говорит Яхве» (1, 17—18). Пророки отнюдь не отвергали важность выполнения религиозных обрядов, но считали, что только гармоническое сочетание обрядности с соблюдением этических норм является залогом «праведной жизни».

Провозглашение единобожия и признание относительной «автономности» человека, подчеркивание значимости этических норм и резкий протест против социальной несправедливости, антигородская установка и идеализация родо-племенного уклада, а также жесткая непримиримость и суровая нетерпимость пророков к инаковерующим оказывали огромное влияние на становление Ветхого завета. Но пророческое движение не было единственной социально-идеологической средой словесного творчества в Палестине первой половины I тысячелетия до х.э.

Другая весьма активная среда словесного творчества — жречество Иерусалимского храма и периферийных святилищ, которое помимо раздиравших его противоречий обладало такими важными общими свойствами, как корпоративность и замкнутость, преобладающий традиционализм, обращенность к вопросам культа и др., что сказывалось в создаваемых жречеством сочинениях. В этой среде созданы весьма древняя «Книга Завета» (Исх. 20—23), в которой особое внимание уделено праву собственности, узаконено бесправие «вечных рабов», подчеркнуты права мужа и отца в семье и т.д., обнаруживающие близость к законам царя Хаммурапи, ранний вариант «Десяти заповедей» (Исх. 20, 2—7) и «Кодекс святости» (Лев. 17—26), включающий главным образом предписания ритуально-этического содержания и созданный, видимо, в условиях вавилонского пленения VI в. до х.э. Тогда же был составлен так называемый «Жреческий кодекс», содержащий как сохранившиеся устно, так и уже ранее записанные древние мифы, легенды и песни, равно как и тексты более позднего времени, объединенные в обширное «историческое» повествование от сотворения мира до Исхода из Египта, характеризующееся особым вниманием к генеалогии и «хронологии», к «объяснению» и «обоснованию» важных обрядов (обрезания, субботнего дня и др.) и т.д. К этой среде восходит также значительная часть гимнов — псалмов, связанных с храмовыми обрядами, созданных и исполняемых левитами (храмовыми певцами). Названные выше произведения вошли в Ветхий завет и таким образом сохранились, но они, видимо, составляли лишь малую долю созданного жрецами в первой половине I тысячелетия до х.э.

Еще одной важной средой создания ряда вошедших потом в Ветхий завет сочинений были царские писцы, которых, как определенную социально-идеологическую среду, характеризуют теснейшая привязанность к царской администрации и царскому двору, непосредственное участие во внутри- и внешнеполитической деятельности, профессиональная школьная подготовка, включающая владение чужим языком или даже несколькими чу-

жими языками — древнеегипетским, аккадским, финикийским, арамейским или другими, и тем самым большая, чем у пророков и жрецов, открытость внешнему культурному воздействию, особый интерес к истории, к прошлому и настоящему своего народа, своего государства, живое внимание к человеку и другие свойства. Они проявляются в созданном, видимо, этой средой в VII в. до х.э. «Второзаконии» (включая второй, более поздний вариант «Десяти заповедей») — обширном своде религиозного и светского законодательства, пронизанном категорическим осуждением многобожия, признанием Яхве единственным Богом, а Иерусалимского храма — единственным местом поклонения Ему, содержащем многочисленные требования проявления заботы, оказания помощи обездоленным и угнетенным и т.д. Особенно показателен для этой среды жанр исторических сочинений: в X—IX вв. до х.э. в Иудее на основании мифов и легенд, племенных и храмовых преданий и т.д. создается обширное повествование о судьбе своего народа от сотворения мира до прихода древнееврейских «колен» в страну Ханаан, обозначаемое термином «яхвистское сочинение или слой» из-за преобладающего там названия бога Яхве; в IX в. до х.э. в Израильском царстве создается однотипное по своим источникам и параллельное по содержанию, но отличающееся в деталях повествование, называемое «элохистским сочинением или слоем» из-за преобладающего там названия бога Элохим. Но самое значительное творение писцов — это обширный цикл прозаических исторических сочинений, включающий книги «Иисуса Навина», «Судей» и I—IV книги «Царств» и излагающий историю древних евреев от прихода в Палестину в XIII—XII вв. до х.э. до гибели Иудейского государства в 587 г. до х.э. Все эти сочинения многослойны: в их основе лежат древние устные сказания о военных походах «колен» и их предводителях, о сооружении разных святилищ, отрывки из героического эпоса (древняя «Песнь Деборы» XII в. до х.э.) и др., а также летописи — «Слова — деяния царей Иудеи» и «Слова — деяния царей Израиля», списки должностных лиц и описи административно-территориального деления государства и проч., которые составлялись дворцовыми и храмовыми писцами. Весь этот огромный и разнородный материал был объединен сквозной концепцией, отчетливо выраженной в формулах, открывающих повествования об отдельных царях: «...[царь] Аса делал угодное (праведное) в очах Яхве» или «...[царь] Иоахаз... делал неугодное (неправедное) в очах Яхве». Если царь «делал угодное (праведное)», искореняя «высоты» и всех богов, признавал Яхве единственным Богом, то государство и народ процветали, но если царь «делал неугодное (неправедное)», пренебрегал Яхве и поклонялся чужим богам, то это оборачивалось несчастьем для государства и народа. Очевидная близость этой концепции к учению пророков и содержанию «Второзакония» позволяет предположить, что данный цикл исторических произведений был создан в VII — первой половине VI в. до х.э. в среде, близкой к создателям «Второзакония» (отсюда принятое общее название цикла — девтерономический, от греческого обозначения «Второзакония»). К среде писцов восходит также жанр так называемой литературы мудрости, в которой главный герой — человек, а главная задача — учить человека трудному умению праведно жить. К первой половине I тысячелетия до х.э. относимы два собрания, вошедшие позже в состав «Притчей Соломоновых», главы 22, 17 — 24, 22, может быть созданные при дворе царя Соломона, и главы 25—29, «которые собрали мужи Езекии, царя Иудеи» (Пр. 25, 1) и датируемые соответственно около 700 г. до х.э.

Можно говорить еще об одной среде словесного творчества — о «мужах», селянах и горожанах, земледельцах и ремесленниках, которые сохраняли и передавали древние мифы и легенды, сказания и предания. Ими же создавались, причем не только в устной форме, но, учитывая широкое распространение грамотности в Палестине первой половины I тысячелетия до х.э., также в письменной, различные притчи, трудовые и любовные, похоронные, свадебные и другие песни, например такая: «И вот веселье и радость, забивают волов и режут овец, едят мясо и пьют вино и [говорят]: „Будем есть и пить, ибо завтра умрем“» (Ис. 22, 13).

Названные сочинения, очевидно, составляли лишь небольшую часть обширного древнееврейского словесного творчества первой половины I тысячелетия до х.э., которое являлось весьма весомой составной частью литературы древнего Ближнего Востока. Поэтому вполне оправданна постановка вопроса о соотношении словесного творчества древних евреев со всей древнеближневосточной литературой.

На протяжении многих веков господствовала точка зрения об абсолютной уникальности и неповторимости ветхозаветных сочинений. Однако огромные успехи ближневосточной археологии в XIX—XX вв., открытие и прочтение клинописных и иероглифических текстов, в том числе касающихся тех же событий, о которых сообщается в Ветхом завете, или содержащих мифы и сказания, гимны, законы и поучения, близкие по содержанию к ветхозаветным, развеяли прежние взгляды и породили диаметрально противоположную точку зрения — признание Ветхого завета, древнееврейской литературы плодом сплошного подражания и заимствования из окружавших литератур.

Нет сомнения в том, что в ветхозаветных сочинениях встречаются многочисленные элементы сходства и близости с другими ближневосточными литературами — древнеегипетской, шумеро-вавилонской, ханаанейско-угаритской и др. Иногда, как, например, в случае с собранным в книге «Притчей Соломоновых», имело место прямое заимствование, однако чаще всего близость и сходство между ветхозаветным и шумеро-вавилонским мифом о потопе, между ветхозаветными и хеттскими представлениями о «завете» и т.д. обусловлены общностью социально-политического развития создававших их народов, принадлежностью к одному культурному кругу и укорененностью в одном общем источнике — фольклоре народов древнего Ближнего Востока.

Но именно в сопоставлении с литературами древнего Ближнего Востока зримее проявляются своеобразные черты литератры древнееврейской. Одно из проявлений этого своеобразия — начавшийся уже в первой половине I тысячелетия до х.э. под влиянием пророческого движения и борьбы за единобожие процесс отбора из многочисленных произведений древнееврейского словесного творчества лишь немногих, соответствовавших идеологическим, религиозным и политическим установкам и запросам времени, и собирание отобранных сочинений в циклы, с последующим признанием последних «священными», а остальных произведений — «несвященными». Это было начало процесса циклизации и канонизации, который уже в первой половине I тысячелетия до х.э. привел к составлению девтерономичского цикла, некоторых пророческих книг, собраний псалмов и т.д., открыв тем самым длительный процесс образования Ветхого завета.

Иное проявление своеобразия древнееврейской литературы состоит в

том, что именно она доминировала в духовной жизни древних евреев, хотя им были знакомы также другие формы духовного творчества — изобразительное искусство, музыка и т.д., — и это ее преобладание станет еще более подавляющим во второй половине I тысячелетия до х.э., когда и завершится оформление канона Ветхого завета.

Глава XXI

НОВОЕ ЦАРСТВО В ЕГИПТЕ И ПОЗДНИЙ ЕГИПЕТ

1. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДА

Эпоха Нового царства, освещаемая наибольшим числом древнеегипетских памятников, совпадает с правлением трех манефоновских династий — XVIII, XIX и XX (с XVI по XI в. до х.э.).

Уже в самом начале ее произошли значительные сдвиги во всех отраслях египетского хозяйства. С XVIII династии повсеместно отмечено широкое применение бронзы наряду с продолжающимся использованием орудий труда из чистой меди, камня и дерева. После изобретения ножных мехов в металлургии было покончено с тяжелым и опасным трудом — раздуванием горна легкими через длинные трубки; появляется более удобный и производительный ткацкий станок; усовершенствованный плуг с отвесной рукояткой, еще редкий в Среднем царстве, окончательно вытесняет старый, известный с глубокой древности. Использование водоподъемных сооружений — *шадуфов*, напоминающих всем известные колодезные «журавли», не могло не привести к резкому увеличению производительности труда в садоводстве и огородничестве, где до этого применялся только малопроизводительный ручной полив. Интенсивно развивается новая для страны отрасль ремесленного производства — стеклоделие. Именно от эпохи Нового царства дошли до нас разнообразные сосуды и многочисленные мелкие изделия из непрозрачного цветного стекла. Появление его свидетельствует об успехах прикладной химии, добившейся также особенно ощутимых достижений в области мумификации — недаром так хорошо сохранились мумии большинства фараонов Нового царства, однажды в смутные времена поздней египетской истории спрятанные от грабителей в укромном тайнике возле фиванского некрополя и обнаруженные только в самом конце XIX в. х.э.

В Новом царстве произошли качественные и количественные изменения в животноводстве, связанные с небывалым возрастанием притока в Египет многотысячных и разнопородных стад крупного рогатого скота, овец и других домашних животных из завоеванных Египтом стран. Впервые на памятниках Нового царства мы видим верблюда с кладью на спине. Начиная с гиксосского времени в Египте развивается коневодство, обеспечивающее новый вид египетского войска — боевые колесницы, имевшие большое значение в связи с завоевательными походами египетских царей в Переднюю Азию. В египетском хозяйстве лошадь не нашла применения; но колесные повозки, запряженные волами, постепенно начинают употребляться для перевозки тяжестей. Такие повозки использовались во время экспедиций в каменоломни. Но все же основным видом сухопутного транспорта для перевозки тяжестей были саниволокуши.

Вся экономика эпохи Нового царства теснейшим образом связана с завоевательной политикой фараонов XVIII—XIX династий, с ограблением за-

хваченных территорий и стран: достаточно сказать, что не синайские рудники теперь являются основными поставщиками меди в Египет — она в огромном количестве ввозится из Палестины и Сирии, прибывает в виде даров с Кипра; золото, так расточительно потребляемое египетским двором и храмами, служит основным видом дани покоренной Эфиопии, а также поступает в Египет и из завоеванных стран Передней Азии; оттуда же и, возможно, путем обмена из Малой Азии — из страны хеттов — получают египтяне серебро. Строевой лес по-прежнему рубят в горах Ливана и частично в Нубии. Шлют могущественным царям Египта дары и независимые правители Нижней Месопотамии. Крепнут связи с далеким Пунтом, сообщение с которым было облегчено сооружением канала, соединяющего восточный рукав Нила с Красным морем. Пунт для Египта — это по-прежнему мирра и ладан, золото и редкие породы деревьев, экзотические растения и животные. В большом количестве поставлялись в Египет награбленные во время войн или же полученные в виде постоянной дани зерно, скот, многие продовольственные припасы. Некоторые культурные растения, не встречавшиеся ранее в Египте, стали культивировать в нем в эпоху Нового царства.

Наряду с иноземными поставками интенсивно использовались и местные, уже и ранее широко разрабатывавшиеся источники сырья, причем здесь необходимо особо отметить небывалое увеличение добычи песчаника в соседних с Египтом пустынных каменоломнях — камня, требовавшегося для грандиозной строительной деятельности фараонов.

Не только полезные ископаемые, но и сырье, зерно и скот хлынули в Египет с начала Нового царства. Возвращаясь из иноземных походов, египтяне приводили с собой небывалое доселе количество военнопленных — охота за людьми стала одной из основных забот египетского войска во время его почти ежегодных рейдов за пределы страны. Несомненно, что погоня за пленными была вызвана возросшей потребностью египетского хозяйства периода Нового царства в дополнительной рабочей силе. До нас дошли многочисленные сведения о том, что цари дарили тысячи пленных египетским храмам после успешных иноземных походов; особенно большая добыча доставалась фиванскому богу Амону, ставшему главным божеством страны. Известно также об использовании этих людей в храмовом хозяйстве — там они работали в ремесленных и ткацких мастерских, привлекались на строительные работы, образовывали целые отряды пастухов. В отличие от эпохи Среднего царства многие иноземцы становились и храмовыми земледельцами.

Широко применялся труд пленных в частных хозяйствах должностных лиц, и прежде всего в небольших хозяйствах жрецов, мелких храмовых служителей, чиновников, воинов. С самого начала завоевательных походов египетские цари вместе с наделами земли дарили отличившимся в битвах воинам и пленных. Неудивительно, что воины, надеясь получить такое вознаграждение, шли в бой «как львы» и «с радостным сердцем».

Интересно, что в качестве дополнительной рабочей силы использовались далеко не все пленные, а почти исключительно азиаты, как и во времена Среднего царства. Пленные морские пираты—шерданы — возможно, выходцы из далекой Сардинии — часто становились царскими телохранителями. Ливийцы и эфиопы привлекались в египетское войско, вероятно, сначала лишь во вспомогательные отряды.

Естественно, что главными производителями всех материальных благ по-прежнему оставались египетские труженики — люди, принудительно

распределявшиеся, пребывавшие в основном в той же форме зависимости от своих владельцев и работавшие в разных отраслях египетского хозяйства на тех же условиях, что и в Среднем царстве.

2. ЕГИПЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ДЕРЖАВА ВРЕМЕНИ XVIII ДИНАСТИИ

Памятники Нового царства — летописи египетских царей, выбитые на стенах воздвигнутых ими храмов, биографии воинов, сохранившиеся на поминальных плитах, более поздние литературные тексты, в поэтической форме отразившие воспоминания о минувших днях, — запечатлели яркие эпизоды бесчисленных военных походов, столь характерных особенно для начального периода этой эпохи.

Каковы же были предпосылки завоевательной политики царей Нового царства, начало которой положили первые фараоны XVIII династии, политики, оказавшей огромное влияние на все стороны жизни страны? Чтобы понять это, необходимо возвратиться ко времени освободительной борьбы египтян против иноземных завоевателей — гиксосов. Борьба с сильным противником потребовала прежде всего создания небывалой ранее по численности и мощи армии. У нас нет сведений о ее численном составе, но известно, что в лучшие времена Нового царства из каждой сотни юношей, достигших совершеннолетия, десять становились воинами, в то время как в эпоху Среднего царства в войско вступал только один из ста. Начало резкому увеличению состава египетского войска, несомненно, было положено в период освободительной борьбы. Обстановка настоятельно требовала также упрочения подорванного единства страны, всемерного укрепления центральной власти, концентрации всех материальных и людских ресурсов страны на отпор врагу, и ко времени правления последнего фараона XVII династии, Камеса, в этом отношении были достигнуты определенные успехи. Однако оказалось, что в решающий момент борьбы фиванского царя с гиксосами влиятельные слои египетской знати не поддержали его стремления изгнать иноземцев и добиться объединения всей страны. Высшие сановники государства вдруг заявили своему царю на созванном им совете, что они вовсе не желают исполнить его волю «покарать азиатов», поскольку им и так неплохо в Египте, ибо они владеют лучшими пашнями, их скот беспрепятственно пасется на обширных пастбищах Дельты и, по мнению вельмож, власть гиксосов призрачна, так как не гиксосские правители владеют Египтом, а они, вельможи, — гиксосы же правят лишь «страной азиатов». Вельможи сказали царю, что выступят против гиксосов только в том случае, если те будут ущемлять их интересы. Разгневанный фараон вступил в борьбу с гиксосами вопреки желанию своих сановников и без их поддержки. Все это можно понять, если учесть, что тогдашняя придворная знать, вельможи только еще нарождавшегося Новоегипетского государства, теснейшим образом была связана с номами, многие из которых лишь совсем недавно подчинились новым фиванским царям. Потомки номархов Среднего царства, которые весьма вольготно чувствовали себя в своих номах до крутого царствования Аменемхета III, были не слишком заинтересованы в чрезмерном усилении центральной власти. Велика была еще и сила самой местной номовой администрации, укрепившей свои позиции в предшествующий смутный период. Как о том свидетельствуют памятники конца XVII и начала XVIII династии, местная

знать не только не помогала фиванским царям осуществить изгнание гиксосов и объединить страну под властью Фив, но и активно препятствовала им, поднимая мятежи то на юге, то на севере Египта. В этих условиях главной опорой египетских царей все более становится крепнущее в боях войско, большая часть которого состоит из новобранцев — выходцев из трудящегося слоя египетского общества. Наблюдается также стремление новых египетских царей укрепить свою власть в стране путем привлечения в различные сферы государственного управления преданных им людей незнатного происхождения в противовес оппозиционно настроенным представителям старой знати.

Таким образом, фиванские цари конца XVII — начала XVIII династии в проведении политики централизации опираются на обширный круг новых людей — воинов и администраторов, которые, естественно, должны были получать соответствующее их положению должностное обеспечение. Неизбежно происходит постепенное принудительное перераспределение материальных и людских ресурсов страны в пользу этих новых людей, в том числе и за счет местной и старой столичной знати. Не случайно владения новоегипетских вельмож не столь велики, как владения вельмож Древнего царства, и номархи Нового царства не располагают уже в своих номах той полнотой власти, что их среднеегипетские предшественники. Но внутреннего перераспределения земли, людей и имущества в условиях Нового царства оказалось недостаточно: оно не могло быть слишком радикальным, а богатства страны не были неисчерпаемыми, поэтому Египет стал нуждаться в постоянном притоке материальных и людских резервов извне в небывалых до тех пор размерах. Интересы упрочивших свое внутреннее положение египетских царей совпали с интересами нового слоя служилых людей, являвшихся их опорой, — с самого начала XVIII династии освободительные войны фиванских царей против иноземных захватчиков, завершившиеся изгнанием гиксосов из Египта, перерастают в захватнические. На протяжении долгих десятилетий они ведутся как на территории Передней Азии, так и глубоко на юге, в Нубии, и целью этих походов становится ограбление завоеванных стран.

В начальном периоде Нового царства следует искать и истоки упорной борьбы между новой служилой знатью, выдвинувшейся при поддержке египетских царей из многочисленного слоя людей, ставшего в то время опорой царской власти, и значительно потесненной, но все еще сохранившей сильные экономические и политические позиции старой местной и столичной знатью. Борьба эта в разных формах будет проявляться на протяжении всей истории Нового царства.

В связи с этим необходимо остановиться на позиции жречества. Еще эллинизированный египетский жрец Манефон в IV—III вв. до х.э. клеймил гиксосов за то, что, ворвавшись в страну, они осквернили многие египетские храмы. Естественно, что, начиная борьбу с гиксосами, фиванские цари могли рассчитывать на поддержку египетского жречества. Но его высший слой был нерасторжимо связан и со столичной, и с местной провинциальной знатью родственными узами. Высшие жреческие должности традиционно замещались выходцами из семей сановников и номархов, титул начальника жрецов местного культа был обычным для главы местной администрации. Естественно поэтому, что союз между фиванскими царями и многочисленным и влиятельным египетским жречеством, вероятно, был довольно прочным лишь в период освободительной борьбы с гиксосами. С нарастанием напряженности между потомственной знатью и новой служилой

прослойкой администрации он стал ослабевать. Цари XVIII династии пытались, очевидно, поддержать этот союз: возвращаясь из иноземных походов, значительную часть награбленной добычи и пленных они дарили египетским храмам. Прежде всего одарялось жречество главного фиванского бога — Амона, отождествленного со старым гелиопольским богом Ра и ставшего в образе Амона-Ра главным богом Египта эпохи Нового царства; но именно жрецы Амона-Ра в конце XVIII династии становятся основными противниками новой служилой знати в ее открытой борьбе со старой потомственной знатью за места у кормила власти.

Сейчас же, в самом начале XVI в. до х.э., Египет, возглавляемый новой фиванской династией, находился на подъеме. Яхмес (Амасис) I, первый царь Нового царства, успешно завершает начатую его предшественниками войну с гиксосами. Египетский военный флот по каналам подступил к самым стенам Авариса, и после нескольких сражений на суше и воде столица гиксосов пала. Преследуя отступающего противника, египтяне вторгаются в Южную Палестину, где в течение трех лет осаждают укрепленный город Шарухен, ставший, вероятно, последним оплотом гиксосов вблизи границ Египта. Наконец, взят и Шарухен, отбиты набеги соседних переднеазиатских племен. Затем через всю страну вверх по Нилу плывет Яхмес на юг, в Северную Эфиопию (Нубию), и там наносит поражение непокорным племенам Куша. Борется он и в самом Египте то против какого-то безымянного южноегипетского мятежника, то против некоего Тетиана с шайкой злоумышленников. Вероятно, это отголоски внутреннего сопротивления отдельных местных правителей, не желавших подчиниться центральной власти. Преемник Яхмеса, Аменхетеп (Аменофис) продолжает борьбу с упорно сопротивляющимися жителями Северной Эфиопии.

В результате военных походов первых двух царей Нового царства Египет достиг рубежей периода расцвета Среднего царства — от Синайского полуострова на севере до II нильского порога на юге.

Начало широких завоевательных походов далеко за пределы страны связано с именем Тутмосиса I[1]. Как и его предшественники, Тутмосис I вновь отправляется в неспокойную Эфиопию, чтобы «покарать мятежников в чужеземных странах и отразить вторжение из области пустыни». Добившись успеха, царь продвигается дальше на юг, и египетские войска впервые достигают района III нильского порога, где на о-ве Томбос воздвигается крепость и размещается сильный военный гарнизон. После южной экспедиции египетские войска устремляются на север, в Переднюю Азию, разоряя мелкие княжества в оазисах Палестины и Сирии, захватывая большие военные трофеи и уводя многочисленных пленных в Египет. Войска Тутмосиса I достигают Нахрайны (Митанни) на Евфрате, впервые увидев большую реку, текущую не в обычном для египтян направлении с юга на север, как Нил, а с севера на юг, что привело их в большое изумление и нашло отражение в египетском названии Евфрата — «Перевернутая вода».

Успешно начатые походы были неожиданно прерваны на 20 с лишним лет. Еще при жизни следующего египетского царя, болезненного и рано умершего Тутмосиса II, соправителем был провозглашен его юный сын от побочной жены — Тутмосис III. Но со смертью царя реальная власть оказалась в руках его вдовы Хатшепсут, которая вначале становится правительницей страны при малолетнем царе, а вскоре (вероятно, при активной

[1] Это греческая форма имени; в условном египтологическом чтении — «Джехутимесу».

поддержке фиванского жречества) восходит на египетский престол сама в качестве царя — полноправного фараона. При Хатшепсут в течение 20 лет войско не проявляет почти никакой активности. Мирное правление женщины-фараона ознаменовано интенсивной строительной деятельностью, в которой явственно ощущается особое расположение к жречеству бога Амона, проявившееся в возведении многочисленных храмовых сооружений в честь главного бога страны в Фивах, на юге и на севере Египта. С именем зодчего и временщика Хатшепсут — Сенмута связано строительство прекрасного архитектурного ансамбля ее заупокойного храма в Дейр-эль-Бахри. Из внешнеполитических действий Хатшепсут широко известна лишь знаменитая экспедиция в страну Пунт, ярко отраженная на раскрашенных плоских рельефах ее гробницы.

Около 1500 г. до х.э., после смерти Хатшепсут, Тутмосис III, ранее даже не упоминавшийся официально, стал наконец единовластным царем Египта на 22-м году своего формального царствования. Яростно преследует он память своей мачехи, уничтожая ее статуи, стесывая ее имена со стен храмов, замуровывая в стены новых сооружений возведенные ею величественные 30-метровые обелиски. Не было пощады и людям из окружения покойной царицы — и ранее умершим, как Сенмут, гробница которого была разрушена, и еще живым. Политическая жизнь страны резко меняется. Внутри правящей верхушки стали преобладать сторонники нового царя, опиравшегося, как и его воинственные предшественники, прежде всего на войско и новую служилую знать. Кончился необычный для истории Нового царства краткий мирный период, началась эпоха великих завоевательных походов Тутмосиса III.

На стенах храма Амона-Ра в Фивах сохранились выдержки из летописи, составленной египетским писцом, участником походов Тутмосиса III. Кожаные свитки летописи давно погибли, но то, что сохранилось на камне, в сочетании с другими документами, дошедшими до нас, дает возможность следить за ходом военных действий, продолжавшихся без малого 20 лет.

Уже в год смерти Хатшепсут египетское войско, возглавляемое Тутмосисом III, из пограничной египетской крепости Чару[2] выступает в свой первый за долгое время поход. Через 10 дней оно достигает г. Газы в Южной Палестине, где царь торжественно празднует 23-ю годовщину своего формального восшествия на престол, и на следующий же день устремляется в глубь Передней Азии. Здесь ему пришлось встретиться уже не с разрозненным сопротивлением отдельных князей, как это было при прежних египетских царях, а с большой коалицией, возглавляемой царьком г. Кадеш на Оронте. Решив дать бой у стен г. Мегиддо, Тутмосис III из трех возможных путей к нему, вопреки мнению военного совета, выбирает кратчайший, но наиболее трудный — через горный перевал по узкой тропе над пропастью. «И пошел он сам впереди войска своего, указывая путь каждому человеку. И лошадь шла за лошадью, и его величество был во главе войска своего», — гласит летопись. При выходе из ущелья в долину Мегиддо на глазах у врага был разбит лагерь для ночлега, и на следующее утро сам царь на золотой колеснице возглавил сражение. Противник не мог долго сопротивляться сплоченному египетскому войску; бросив на поле битвы колесницы, оружие и шатры, войско, возглавляемое царьком Кадеша, бежало в город, причем многих беглецов втаскивали на стены города за одежду. Египтяне, однако, не сумели воспользоваться выгодным момен-

[2] В клинописных источниках — «Цилу».

том и взять город с ходу, так как занялись грабежом брошенного противником лагеря у стен города и подсчетом своей добычи. Тем временем ворота города успели закрыть. Но овладеть Мегиддо было совершенно необходимо. «Все властители всех северных стран заперты в этом городе, — обращается царь к своему войску, — поэтому взятие Мегиддо подобно взятию тысячи городов». Началась длительная осада города — египтяне еще не умели брать крепости штурмом. Только через семь месяцев измученный голодом город сдался. Князьки пали ниц перед фараоном, умоляя его сохранить им жизнь. Пощаженные, но униженные «властители» были отправлены в свои города на ослах. Египтяне же вновь стали считать добычу. Скрупулезно перечисляет летописец военные трофеи, захваченные в Мегиддо и его окрестностях: «...пленных 340, лошадей 2041, жеребят 191, жеребцов 6...» Здесь же сотни колесниц, в том числе отделанная золотом боевая колесница самого царька Кадеша, медные и кожаные панцири, деревянные подпорки княжеских шатров, коровы, быки, козы, тысячи овец и огромное количество зерна, «доставленного его величеству с пахотных земель Мегиддо».

Так год за годом, с 22-го по 42-й год своего царствования, каждым летом, когда у соседей созревал урожай, ходил Тутмосис III походами в Переднюю Азию, захватывая все новые города и области Сирии. В одном из последних походов египтяне снова овладели Кадешем, ворвавшись в город через пролом в стене. Самым северным рубежом азиатских походов Тутмосиса III стал г. Каркемиш, занимавший выгодное стратегическое положение на стыке Месопотамии, Малой Азии и Сирии.

Воюя с сирийскими князьками, Тутмосис III должен был неизбежно столкнуться и с Митаннийским царством, расположенным в Северной Месопотамии. Оно являлось естественным оплотом переднеазиатских городов в их борьбе с египтянами. Однажды египетские военные ладьи, построенные на восточном побережье Средиземного моря, в Библе, были на запряженных волами повозках доставлены на Евфрат, и египтяне поплыли вниз по реке, захватывая и разоряя митаннийские города и селения. После нескольких столкновений с египетскими войсками митаннийцы вынуждены были уйти далеко за реку.

На юге, в Нубии, владения Тутмосиса III простирались вплоть до IV нильского порога. За достигнутые при нем рубежи, как на севере, так и на юге, не вышел ни один из его преемников. Египет превратился в могущественную мировую державу, вместе с подчиненными территориями протянувшуюся с севера на юг на 3500 км.

Степень зависимости от Египта покоренных стран и городов была различной. Наиболее прочно с Египтом была связана Эфиопия, непосредственно управлявшаяся египетской администрацией во главе с наместником, носившим титул «царского сына Куша», хотя бы он и не был царевичем по происхождению. Создать себе столь же сильные позиции в Передней Азии египетские цари не смогли из-за трудности перехода через пустыню и постоянного противодействия соседних держав. Однако в важных переднеазиатских городах стояли египетские гарнизоны, а наследники их правителей воспитывались как заложники при египетском дворе в угодном фараону духе. Египетский наместник в Азии носил титул «начальника северных стран».

Огромные богатства стекаются в Египет и в качестве ежегодной дани с уже покоренных стран, и в виде военной добычи — с еще покоряемых. Многое достается египетскому войску, щедро дарует ему царь боевые на-

грады, землю, пленных. Не забывает фараон и жречество, с которым необходимо ладить, поэтому большая часть военной добычи даруется храмам, прежде всего храму Амона-Ра в Фивах. В главном храме Амона-Ра ведется грандиозное строительство. Не оставлены без внимания и другие храмы.

Тутмосис III умер на 54-м году своего царствования. На престол восходит его сын Аменхетеп II. Он также проводит свое царствование в походах, подавляя возникающие то там, то тут мятежи. Более ста тысяч азиатов привел этот царь в Египет — возможно, только после одной большой карательной экспедиции в Переднюю Азию. Его сын Тутмосис IV также совершает несколько азиатских походов, подавляет восстание в Эфиопии.

Карательные экспедиции Аменхетепа II и Тутмосиса IV сломили сопротивление переднеазиатских князьков. Признали могущество Египта и независимые от него государства: касситская Вавилония, Хеттское царство и г. Ашшур. После военной конфронтации завязываются мирные отношения с царством Митанни, закрепленные браком Тутмосиса IV с митаннийской принцессой. Неудивительно поэтому, что тридцатилетнее правление преемника Тутмосиса IV, Аменхетепа III, было на редкость мирным. Новый царь лишь однажды, на 5-м году своего царствования, совершил поход в Эфиопию. Царствование Аменхетепа III отмечено грандиозным строительством. В Фивах сооружается новый величественный храм в честь Амона-Ра; на западном берегу Нила возле столицы возникла загородная царская резиденция — большой роскошный дворец, а несколько севернее его — заупокойный храм царя, перед пилонами которого были воздвигнуты две огромные статуи фараона, знаменитые «колоссы Мемнона»[3]. Возле развалин этого храма в прошлом веке была раскопана аллея из сфинксов, изваянных из розового асуанского гранита. Два из них стоят ныне на одной из невских набережных в Санкт-Петербурге. Источником столь обширной строительной деятельности Аменхетепа III были несметные богатства, поступавшие в Египет из покоренных и зависимых стран. Египет находился на вершине своего могущества. Но, оказывается, не все было благополучно в безмятежные времена Аменхетепа III. Внутренняя стабильность государства исподволь, постепенно расшатывалась постоянной, но пока еще незримой борьбой двух могущественных группировок внутри правящего класса. Интересы потомственной столичной и местной, номовой знати, с одной стороны, и новых социальных слоев и выдвинувшейся из их среды новой служилой знати — с другой, становились все более непримиримыми. Открытая борьба назревала и вылилась наконец в так называемую религиозную реформу Эхнатона.

3. РЕЛИГИОЗНАЯ РЕФОРМА АМЕНХЕТЕПА IV И КОНЕЦ XVIII ДИНАСТИИ

Еще юношей будущий знаменитый реформатор Аменхетеп IV стал соправителем отца, который в последние годы своей жизни был тяжело болен. В это время, как и в первые годы самостоятельного правления Аменхетепа IV, на ведение государственных дел большое влияние оказывала его мать, умная и энергичная царица Тии, женщина незнатного происхожде-

[3] Впоследствии, когда только эти два колосса и сохранились от дворца, древние греки считали их изображением Мемнона, сына Эос, богини зари, потому что при утреннем ветре в щелях обветшавших статуй возникали мелодические звуки. Щели были заделаны по приказу одного из римских императоров.

ния. Брак Аменхетепа III с дочерью безвестного заведующего скотом одного из провинциальных храмов, по-видимому, был в свое время неодобрительно встречен фиванским жречеством и столичной знатью. Личная неприязнь сыграла роль в разразившихся вскоре событиях, но сама была определенным проявлением давно назревавшего конфликта внутри верхов египетского общества

Аменхетеп IV стал египетским царем около 1400 или 1375 г. до х.э. Его семнадцатилетнее правление связано с наиболее резким столкновением обеих могущественных группировок правящего класса.

Инициаторами решительного противоборства были лично связанные с царской семьей выходцы из многочисленного служилого слоя, за которым в памятниках Нового царства утвердилось наименование *немху*[4]. Наиболее удачливые его представители, выдвинувшись на службе, упрочили свое положение во всех сферах египетского административного и хозяйственного аппарата, в армии, при царском дворе, и их основной целью стало возможно более радикальное оттеснение старой потомственной знати от источников власти и богатства. Царь, ставший во главе этой энергичной и преданной ему группировки, надеялся с ее помощью еще более укрепить свою самодержавную власть.

Задача, стоявшая перед новой служилой знатью, была не из легких, учитывая политическую и экономическую силу противоположной стороны, все еще занимавшей прочные позиции как на местах, так и в центре. Огромным было влияние и могущественного фиванского жречества, тесно связанного и со старой потомственной знатью, и со жречеством местных, провинциальных культов. Именно жречество Амона-Ра, главного египетского бога с начала XVIII династии, стало наиболее последовательным противником новой служилой знати и самого Аменхетепа IV. Неудивительно поэтому, что видимая сторона борьбы, принявшей в тогдашних условиях неизбежную религиозную окраску, выявилась в противоборстве провозглашенного царем нового общеегипетского божества, Атона, с фиванским богом Амоном-Ра и другими старыми богами страны.

Ожесточенная и непримиримая позиция фиванского жречества, возможно, станет более понятной, если учесть, что к тому времени уже, без сомнения, сложилась присущая всему Новому царству система взаимоотношений храмового хозяйства с царской администрацией. Для этой системы были характерны жесткий контроль центральной власти над всеми отраслями храмового хозяйства и значительные прямые отчисления зерна, собираемого с земель, числившихся за храмами, в пользу царской администрации для обеспечения возросшего государственного аппарата и воинов. По-видимому, такие отчисления взимались и с других отраслей храмового производства. Наконец, существовала практика отчисления зерна за пределы храмового хозяйства с целью непосредственного обеспечения многочисленных воинов различных рангов, а также царских чиновников и других представителей нехрамовой администрации.

Известно, какие богатства даровались египетскими фараонами XVIII династии многочисленным египетским храмам после каждого успеш-

[4] Первоначальное значение слова *немху* — «бедный, сирый, ничтожный», но начиная с середины XVIII династии оно все чаще появляется на памятниках людей, занимавших порой очень видное место в египетской иерархии, становясь социальным термином для обозначения (во всяком случае в период Нового царства) людей нового служилого слоя. Прежнее значение термина теперь лишь оттеняет происхождение этого слоя, противопоставляя его старой знати.

ного иноземного похода, но оказывается, что сами храмовые хозяйства становились немаловажным источником поступления материальных средств в пользу фараона, что в большой степени и позволяло обеспечивать агрессивную внешнюю политику страны и способствовало укреплению позиций нового служилого социального слоя и его верхушки. Возможно, что со временем контроль над храмами и отчисления в пользу центральной власти возросли, что, естественно, не могло не вызвать недовольство и сопротивление со стороны жречества, и прежде всего наиболее сильного — фиванского. Таким образом, отношения между противоборствующими сторонами ко времени восшествия на престол Аменхетепа IV накалились до предела; открытая борьба между ними стала неизбежной.

Вначале, однако, ход событий был несколько замедлен; нововведения, оказавшие вскоре огромное влияние на все сферы жизни страны, нарастали постепенно. Введение нового общегосударственного культа бога Атона[5], почитаемого в образе солнечного диска с отходящими от него лучами-руками, дарующими стране все блага жизни, ни в коей мере не означало упразднения древнего египетского многобожия, и первый храм, посвященный новому божеству, был возведен царем в Фивах, вблизи святилищ Амона-Ра.

Однако новый общеегипетский культ Атона, бога, который пользовался особым покровительством царя, провозгласившего себя единственным сыном нового божества, предполагал и огромные строительные работы по возведению его храмов, и дарение ему больших земельных массивов в разных частях Египта, многочисленных пастбищ, скота, охотничьих и рыбных угодий, и обеспечение вновь создаваемого храмового хозяйства рабочей силой, и, наконец, учреждение большого штата высокопоставленных и рядовых жрецов — служителей нового культа. Они, как это видно из памятников той поры, были в основном представителями новой служилой знати. На практике все это означало значительное перераспределение материальных и людских ресурсов в пользу нового божества и в ущерб жрецам старых традиционных египетских богов (и прежде всего Амона-Ра), основным противникам царя-реформатора и его сторонников.

По-видимому, на 6-м году царствования Аменхетепа IV борьба резко обостряется и вскоре достигает апогея. Царь вместе со своим двором покидает ненавистные и враждебные ему Фивы и в 300 км к северу от этого центра почитания Амона-Ра приказывает основать новую столицу — Ахет-Атон («Горизонт Атона», т.е. место, где восходит над миром солнечный диск; ныне городище Эль-Амарна). Несколько раньше, борясь теперь уже с самим именем бога Амона, входящим в состав его собственного личного имени (Аменхетеп значит «Амон доволен»), царь переименовывает себя в Эхнатона[6] («Полезный для Атона»). Новые личные имена получают члены его семьи, его сановники, если в состав их имен входило имя Амона или некоторых других старых египетских богов. Теперь имена божеств, противных Атону, безжалостно уничтожаются на всех памятниках.

Более десяти лет находился египетский двор во главе в Эхнатоном в новой столице, построенной в невероятно короткий срок и ставшей боль-

---

[5] Атон — традиционное в науке обозначение этого бога, но оно основано на созвучии с именем бога Амона. Условное египтологическое произношение имени должно быть «Итен», а древнее было, видимо, «Йати».

[6] Эхнатон также традиционное, но неправильное произношение имени. Условное египтологическое произношение — «Их-не-Итен».

шим городом с величественными царскими дворцами, огромным храмом в честь Атона, обширными садами и особняками царских сановников, похвалявшихся в надписях своих роскошных гробниц своим незнатным происхождением.

Казалось, что динамичные сторонники перемен, возглавляемые самим царем, решительно одерживают верх над своими соперниками. Однако культ Атона не имел корней в традициях и представлениях не только знати, но и всего египетского народа. Замена противоречивых архаичных культов прежних богов логично продуманным почитанием практически одного лишь Солнечного диска — Атона — не сулила никакого облегчения жизни кому-либо, кроме фараоновских ставленников, соперничавших со старым жречеством, не обещала ни реальных благ, ни даже воображаемых — в виде более справедливого загробного воздаяния. Между тем жречество Амона было сильно не только своими материальными богатствами, которые накапливались столетиями, не только давней традицией народных верований, которые оно выражало, но даже и тем, что еще со времен Среднего царства народные массы привыкли считать именно Амона заступником маленьких людей, прибежищем в их повседневных нуждах. В то же время между знатью, стоявшей за Амона, и знатью, стоявшей за Атона, — двумя прослойками господствующего класса — не было действительно непримиримого классового противоречия. Поэтому за периодом передела власти и богатств неизбежно должен был последовать период соглашения между враждовавшими силами. Итак, нет ничего удивительного в том, что смерть еще нестарого, но, по-видимому, с юных лет болезненного фараона резко изменила дальнейший ход событий. У непосредственных преемников царя-реформатора, Семнехка-Ра и Тутанхамена, юных и рано умерших супругов его старших дочерей, не было ни авторитета их предшественника, ни его фанатизма и воли, ни самого желания продолжить его дело. Краткая, но бурная борьба вокруг наследия Аменхетепа IV, начавшаяся во время правления Семнехка-Ра, царствовавшего менее трех лет, явилась периодом глубоких изменений в самом солнцепоклонническом культе, изменений, которые позволили сначала отказаться от исключительного почитания Атона, какое было свойственно Аменхетепу IV в последние годы его жизни, а затем и восстановить старую иерархию богов. Культ Амона как главного божества Египта был полностью восстановлен, вероятно, в самом начале царствования Тутанхамена, двор которого покидает Ахет-Атон и возвращается в Фивы.

Естественно, что не достигший еще и десятилетнего возраста мальчик — новый царь — не смог самостоятельно осуществить столь крутой поворот во внутренней жизни страны. За его спиной, несомненно, стояла влиятельная группа бывших приверженцев царя-реформатора, склонных, однако, в изменившейся обстановке к примирению со своими недавними противниками. И не случайно самым влиятельным человеком при дворе юного фараона был Эйе, старый вельможа Аменхетепа IV, начальник его колесничного войска, недавний ревностный почитатель Атона, преданность которому он запечатлел на стенах своей заблаговременно возведенной гробницы в Ахет-Атоне.

Умерший после десятилетнего царствования юный, девятнадцатилетний Тутанхамен был погребен на западном берегу Нила в традиционном месте захоронения египетских царей XVIII династии — «Долине царей» возле Фив. Его скальная гробница, открытая в 1922—1924 гг. английским археологом Говардом Картером, случайно оказалась почти не тронутой древ-

ними грабителями, и в ней среди погребальных принадлежностей и утвари было обнаружено множество замечательных произведений искусства той эпохи. Имя владельца этих сокровищ, ничем не примечательного юного египетского царя, стало сразу же широко известным. Тутанхаменом, не имевшим наследника, XVIII династия фактически пресеклась, и престол после неудавшейся попытки пригласить в фараоны хеттского царевича перешел к старому временщику Эйе, возможно родственнику главной жены Аменхетепа IV — Нефертити; а еще через четыре года, после смерти Эйе, в самой середине XIV в. до х.э., египетский трон захватывает могущественный начальник египетского войска Харемхеб, человек, вовсе не состоявший в родстве с правящей династией. Он был провозглашен царем Египта фиванским жречеством на одном из храмовых праздников в честь Амона.

Более чем тридцатилетнее царствование Харемхеба — важный пореформенный этап египетской истории, позволяющий в какой-то степени понять конечную судьбу деятельности Аменхетепа IV. С одной стороны, новый фараон ведет ожесточенную борьбу с самой памятью царя-реформатора, начатую еще его предшественниками. По приказу царя беспощадному уничтожению подвергся Ахет-Атон, город, уже давно покинутый двором и жителями. Храм Атона, царские дворцы, а также особняки царских приближенных, хозяйственные службы и скульптурные мастерские[7] — все было повергнуто в прах. Имя «отступника из Ахет-Атона» исчезло из официальных документов, а его годы правления в царских хрониках были причислены к годам царствования Харемхеба.

Заинтересованный в поддержке фиванского жречества и стоящих за ним кругов, царь воздвигает грандиозные святилища в честь Амона в Карнакском храме, раздает храмам обширные земельные угодья, людей, скот, различную утварь. Создается впечатление, что противники реформ Аменхетепа IV торжествуют полную победу; кажется, что новый царский двор круто изменил свою общественную ориентацию.

Однако памятники времени Харемхеба вскрывают и другую сторону его деятельности, позволяющую уяснить, что он не обделил своим вниманием и тот слой египетского общества, на который в недалеком прошлом опирался царь-реформатор. Свидетельством тому служит указ Харемхеба, выбитый на каменных плитах во многих городах Египта. Царь грозит суровым наказанием (отрезанием носа и ссылкой в пограничную пустынную крепость Чару) тем должностным лицам, которые совершат акты произвола по отношению к немху, провозглашаются меры по укреплению правосудия во всей стране, нарушение которого карается смертью. Защита среднего служилого слоя, и особенно воинов, объявляется постоянной заботой фараона, а их материальное обеспечение гарантируется всем достоянием дворца и его житницы.

Интересно, что при царском дворе по-прежнему многие высшие должности занимают выходцы из среды мелкого и среднего служилого люда, чиновники, не связанные со старой потомственной служилой знатью, сосредоточенной, как и раньше, в Фивах. Но египетские цари пореформенного времени не склонны подолгу задерживаться в Фивах. Уже двор Тутанхамена пребывает в основном на севере, в Мемфисе, а не в южных Фи-

[7] В одной из них — мастерской скульптора Джехутимесу — были найдены всемирно известные неоконченные скульптурные портреты царицы Нефертити и другие художественные шедевры «амарнского» искусства.

вах. Сразу же после коронации на север отправляется и Харемхеб, и эту традицию продолжают фараоны следующей, XIX династии.

Все это наводит на мысль, что длительное противоборство фиванского жречества и старой служилой знати, с одной стороны, и нового служилого слоя, возникшего на заре XVIII династии и постепенно усиливавшего свои позиции, — с другой, после открытого столкновения при Аменхетепе IV с его смертью завершилось некоторым временным компромиссом, проявившимся и в определенном территориальном размежевании. На юге страны все заметнее возрастает влияние фиванского жречества, на севере же, где теперь почти постоянно находится царский двор и располагается большая часть египетского войска, сильны позиции средних слоев служилого населения — немху. Именно с этих пор Нижний Египет, раньше занимавший второстепенное экономическое и политическое место в жизни страны, вступает в период бурного расцвета, причем значение его особенно возрастает в связи с возобновлением широких военных операций Египта в Передней Азии, которые после долгого перерыва, вызванного внутриполитической борьбой, были вновь начаты фараонами XIX династии, пришедшей к власти после смерти Харемхеба.

4. ЕГИПЕТ ПРИ XIX ДИНАСТИИ

Растянувшаяся на долгие годы внутренняя борьба в Египте не могла не отразиться на отношениях с его переднеазиатскими владениями. Покорные раньше, местные князьки один за другим отпадают от Египта, который, как об этом свидетельствуют данные царского дипломатического архива из Ахет-Атона (Эль-Амарны), был не в состоянии оказать своевременную военную помощь даже своим, теперь немногим, азиатским союзникам, подвергавшимся нападению соседей, больше не признававших власти египетского царя. Еще большей опасностью для позиций Египта в Передней Азии стало усилившееся в середине XV в. до х.э. в восточной части Малой Азии Хеттское государство, претендовавшее теперь на владения фараонов в Сирии и Палестине.

Сепаратистские стремления местных правителей, их междоусобная борьба, военное давление хеттов с севера, постоянное вторжение отрядов хапиру и полная пассивность египетского войска — все это привело к тому, что уже к концу царствования Аменхетепа IV огромное наследие Тутмосиса III в Передней Азии оказалось почти утраченным. Слабые преемники царя-реформатора, последние фараоны XVIII династии были еще не в состоянии упрочить внешнеполитические позиции Египта, хотя при Тутанхамене и был предпринят азиатский поход, возглавленный, возможно, Харемхебом. Став царем, энергичный Харемхеб основные свои усилия направил на внутреннюю консолидацию страны, в чем и достиг, по-видимому, значительного успеха. Именно прекращение внутренних распрей способствовало тому, что цари следующей, XIX династии смогли уже обратить свое внимание и на иноземные дела, возобновить широкие военные операции, целью которых было возвращение потерянных позиций в Передней Азии, где теперь прямое столкновение египтян и хеттов стало неизбежным.

Начало больших военных походов за пределы Египта было положено вторым царем новой династии, Сети I, возглавившим Египет после смерти

основателя династии, своего отца Рамсеса I, пробывшего на троне лишь два года.

Многие десятилетия, со времени грозного Аменхетепа II, не видела Передняя Азия египетского царя во главе войска, и вот в первый же год правления Сети I сам повел его в большой азиатский поход, приведший к восстановлению власти Египта вплоть до крепости Мегиддо, хорошо нам известной еще по походам Тутмосиса III. Совершив затем карательную экспедицию в глубь Нубии и разгромив к западу от Дельты ливийские племена, Сети I вновь отправляется за Синай. На этот раз египетские войска вторгаются в долину Оронта и продвигаются к г. Кадеш (Кинза), уже давно ставшему одним из опорных пунктов хеттов в Передней Азии. Впервые египетские и хеттские войска встали друг против друга, однако авангардные бои армий двух держав, претендовавших на власть в Передней Азии, при Сети I явились только пробой сил перед решительной схваткой.

К концу XIV или началу XIII в. до х.э., после смерти Сети I, во главе окрепшей египетской державы становится его 22-летний сын Рамсес II, мечтавший восстановить и расширить переднеазиатские владения Египта. Задача нанести поражение хеттам была не из легких, так как египетские войска впервые встретили здесь не разрозненных князьков Сирии и Палестины и даже не их неустойчивую коалицию, как при Тутмосисе III, — противником Египта было могущественное, находящееся в периоде расцвета Хеттское государство с его мощной армией, подчиненной лишь одному военачальнику — хеттскому царю Муваталли, который сам не прочь был сокрушить своих соперников в Передней Азии. Насколько ожесточенной и трудной была эта борьба, можно судить по дошедшим до нас разнообразным источникам, среди которых особое место занимает подробное красочное описание первой битвы Рамсеса II с хеттами у стен г. Кадеш.

Весной пятого года своего царствования (возможно, в 1312 г. до х.э.), собрав большое войско, Рамсес II выступил из пограничной крепости Чару. После 29-дневного похода передовой отряд, возглавляемый самим царем, разбил лагерь на расстоянии одного перехода от Кадеша, возле стен которого находилась армия хеттов и союзных сирийских и малоазийских царьков.

Введенный в заблуждение подосланными в египетский лагерь хеттскими лазутчиками, которые уверяли, что хетты, испугавшись египетского войска, спешно отступили далеко на север от Кадеша, Рамсес II, не дожидаясь подхода всей армии, только с передовым отрядом двинулся к Кадешу и вступил в битву с хеттами, в которой чуть не погиб вместе со всем передовым отрядом. Счастливая случайность — неожиданное появление на поле брани еще одного отряда египтян, новобранцев, посланных ранее царем вдоль морского побережья для последующего воссоединения с основными силами, — спасла положение. Контратаки хеттских колесниц не имели успеха — они лишь мешали друг другу, сцепляясь колесами в узком проходе, пехоту же Муваталли почему-то держал в резерве. Египтяне продержались до вечера, когда к Кадешу подошел наконец второй отряд их основных сил. Противники на этот раз так и не смогли одолеть друг друга.

Лишь после пятнадцатилетней тяжелой борьбы Рамсесу II удалось вытеснить хеттов из Южной Сирии, захватить Кадеш и многие другие города, которые к этому времени египтяне хорошо научились брать штурмом.

Северная же часть бывших владений Тутмосиса III осталась за хеттами. На 21-м году царствования Рамсеса II (ок. 1296 или 1270 г. до х.э.) между ним и хеттским царем Хаттусили III был заключен мирный договор, скрепленный позже женитьбой египетского царя на дочери царя хеттов.

После войны с хеттами Рамсес II правил Египтом еще более 45 лет (по долголетию у него не было соперников, за исключением Пиопи II — царя далекого Древнего царства). Следуя традиции предшественников, царь выбирает местом своего постоянного пребывания Нижний Египет; на востоке Дельты им возводится роскошная царская резиденция, город, носивший имя Пер-Рамсес («Дом Рамсеса»). Известна широкая строительная деятельность царя в Фивах, Абидосе, Нубии, где по его приказу был вырублен в отвесной скале огромный пещерный храм с гигантскими статуями самого фараона, изваянными в той же скале по обеим сторонам от входа в скальное святилище. И сейчас знаменитый Абу-Симбельский храм, распиленный на части и восстановленный затем над разлившимися водами большого асуанского водохранилища, поражает своим величием.

Рамсес II пережил многих своих сыновей[8], и после его смерти царем стал тринадцатый его сын, уже немолодой Мернептах, при котором (в последней четверти XIII в. до х.э.) на Египет с моря и через Палестину обрушилось нашествие «народов моря», совпавшее с крупным вторжением в Западную Дельту ливийских племен. Эта первая волна «народов моря», в состав которых, возможно, входили племена западной части Малой Азии и островов Восточного Средиземноморья, была отбита египетскими войсками, возглавляемыми Мернептахом. После его смерти в Египте произошли какие-то серьезные внутренние потрясения, что привело к смене династии.

5. ЕГИПЕТ В ПЕРИОД XX ДИНАСТИИ И КОНЕЦ НОВОГО ЦАРСТВА

Последние полтора века Нового царства — время правления XX династии, пришедшей к власти в стране после бурных событий, о которых глухо упоминается в повествовательной части одного из важнейших административно-хозяйственных источников древнего Египта — огромного, 45-метрового папируса Харрис[9], составленного при Рамсесе III (в XII в. до х.э.). По-видимому, возобновилась борьба общественных сил, противостоявших друг другу еще при Аменхетепе IV. Компромисс между ними, достигнутый после открытого столкновения при царе-реформаторе, очевидно, оказался непрочным. Подспудная борьба и в новых условиях продолжалась, постепенно подтачивая мощь и единство страны. Несомненно также, что после смерти Рамсеса II и нашествия «народов моря», победа над которыми далась нелегко, заметно ослабла власть центральной администрации.

[8] В конце жизни Рамсес II был женат на собственной дочери. В Египте (так же как в Эламе и некоторых других древневосточных царствах) был распространен обычай женитьбы царей на своих сестрах, чтобы не создавать свойственников среди знати, которые могли бы быть опасны, претендуя на престол по женской линии. Но к концу жизни Рамсеса II его сестер, видимо, уже не оставалось в живых.

[9] Крупные папирусы, по научной традиции, обозначаются именами прежнего владельца (как в данном случае) или именем первого публикатора.

Возможно, в столице происходила борьба за власть. И вот, брошенный на произвол судьбы, Египет и его люди, говорится в папирусе, оказались во власти «великих» и «властителей городов», что привело к междоусобице и разорению страны; начались убийства, жертвами которых стали как «великие», так и простолюдины. Вскоре на сцене появился некий сириец Ирсу, которому, возможно, удалось даже захватить временно власть в стране. На какие силы опирался сириец Ирсу, кто были его сторонники, каков был масштаб его действий, сказать трудно. Не исключена, однако, возможность того, что в тяжелых условиях внутренней борьбы и неизбежной хозяйственной разрухи произошло широкое выступление низов египетского общества, в котором приняли участие и иноземцы. В этой критической обстановке Сетхнехту удалось наконец подавить мятеж, восстановить авторитет центральной власти.

Сын Сетхнехта, основателя новой, XX династии, Рамсес III (середина XII в. до х.э.) унаследовал от отца уже замиренную страну, иначе вряд ли ему удалось бы справиться с двумя большими вторжениями в Западную Дельту ливийских племен и вторым нашествием «народов моря», которое было отбито в ряде кровопролитных морских и сухопутных битв. Воевал Рамсес III и в Передней Азии, вновь стремясь упрочить пошатнувшиеся позиции Египта за Синайским полуостровом. В состав его войска в неизмеримо большем масштабе, чем раньше, входили иноземные части — шердаы, ливийцы, филистимляне; дело в том, что, уступая давлению жречества, поддержка которого в трудное для страны время была необходимой, царь освободил храмы от рекрутской повинности их работников (призыва в армию каждого десятого).

Большие дары и привилегии храмам, которые все больше стали противопоставлять себя центральной власти, содержание уменьшившегося, но все еще большого войска, изнурительные войны, самоуправство местной администрации — все это привело к резкому ухудшению внутреннего положения страны, к оскудению государственной казны, однажды опустевшей настолько, что не было возможности в срок выдать довольствие ремесленникам и служащим царского некрополя, так что они забастовали. Не прекращается грызня различных придворных клик, жертвой которой стал и сам Рамсес III.

После смерти Рамсеса III при последних восьми царях XX династии, которые все носили личное имя Рамсес, внутренняя стабильность и внешнеполитические позиции Египта оказались окончательно подорванными. Уже при Рамсесе VI Египет полностью лишается своих иноземных владений, за исключением Эфиопии. Центральная администрация уже не в состоянии твердо держать бразды правления в своих руках. Наметившееся вскоре после реформ Аменхетепа IV политическое и экономическое размежевание Нижнего и Верхнего Египта, где фиванское жречество постепенно берет в свои руки всю полноту власти, усиливается. Попытки Рамсеса IX как-то урезать права верховного жреца Амона не увенчались успехом. Наконец, при Рамсесе XI верховный жрец Амона Херихор концентрирует в своих руках все высшие должности государства — он и верховный сановник (чати), и глава египетского войска. После смерти последнего царя XX династии власть на юге страны переходит к Херихору, однако Нижний Египет не признал верховной власти фиванского правителя. В Дельте возникла собственная династия со столицей в г. Танис. С этого времени (середина XI в. до х.э.) единое египетское государство Нового царства прекращает свое существование.

6. ПОЗДНИЙ ЕГИПЕТ

Египетское общество XI—VIII вв. до х.э. по своей экономической и социальной структуре во многом еще служило продолжением Нового царства. Но в VII—VI вв. намечаются изменения во всех сферах жизни страны. Египет наконец вступает в железный век. До нас дошли орудия труда (резцы, пилы, сверла), изготовленные из железа[10], железное оружие (кинжалы). У народов, с которыми судьба свела египтян в ту эпоху, железный век установился раньше: и у эфиопов[11], утвердивших свое господство в Верхнем Египте в VIII в. до х.э., и у ассирийцев, вторгшихся в страну в VII в., и у греческих и малоазийских поселенцев (воинов-наемников и купцов), обосновавшихся к VI в. до х.э. в Дельте. Теперь изменения, порой весьма существенные, происходят во всех отраслях египетского хозяйства — в ремесле, земледелии, скотоводстве. Примерно с VII в. до х.э. наблюдается небывалый ранее рост товарно-денежных отношений, причем объектом купли-продажи все чаще становится земля. Это свидетельствует, по-видимому, о развитии частного землевладения. Возможно, истоки такой формы земельной собственности следует искать еще в начальный период Нового царства, когда первые цари XVIII династии щедро дарили воинам земли (вряд ли речь шла только о служебных наделах). Вероятно также, что в период ослабления государственной централизации многочисленные мелкие служебные наделы воинов и чиновников нередко рассматривались владельцами как их полная собственность, и она ускользала из-под контроля центральной администрации.

Возможно, что именно в связи с появлением значительной, по-видимому, категории частных собственников на землю — людей, не столь тесно связанных с определенными служебными обязанностями и соответствующим служебным (государственным) обеспечением, в источниках той эпохи наконец становится достаточно ясным, что лица, обозначенные термином «немху», противопоставляются баку — рабам в полном смысле слова — в качестве свободных.

Расширение товарно-денежных отношений, продажа и скупка земли, ростовщичество (сведения о последнем, правда, крайне скудны) способствовали разорению многих мелких собственников — немху. Впервые на рабском рынке мы видим раба-должника. Появляются в большом количестве документы о самопродаже в рабство («на вечные времена вместе с детьми»), существует практика закабаления должника на срок до пяти лет, своеобразной формой рабской зависимости становится самопродажа в «сыновья». Все эти явления — как и в Передней Азии, характерные спутники развития частного рабовладения — наблюдаются в Египте на много столетий позже, поскольку «второй путь развития», по которому шло египетское общество, способствовал длительному сохранению государственного сектора в его архаичных формах.

Уже при последних Рамессидах (в самом конце II тысячелетия до х.э.) Египет теряет свое прежнее влияние в Передней Азии. Яркой иллюстраци-

---

[10] Характерно, что излюбленным материалом ваятелей того времени становятся твердые породы камня, с трудом поддающиеся обработке бронзовыми орудиями труда. Полагают, что изобилие литых бронзовых статуэток в ту эпоху также указывает на вытеснение из производственной сферы бронзы железом.

[11] Напомним, что речь идет не о современной Эфиопии, а о так называемой Нильской Эфиопии, или Куше (совр. Северный Судан).

ей этого могут служить злоключения Унуамона, героя египетской повести, посланного (вероятно, при Рамсесе XII) в Финикию за кедром для ремонта обветшалой священной барки бога Амона и испытавшего там многочисленные унижения со стороны местных князьков. Так, царек Библа стремился подчеркнуть свою полную независимость от Египта, перед которым недавно трепетал.

В повести об Унуамоне упоминаются имена жреца Херихора и Несубанебджеда, могущественного владетеля Таниса. Первый из них вскоре стал фактическим правителем Верхнего Египта, второй явился основателем новой, XXI династии, цари которой приблизительно сто лет правили Дельтой, поддерживая дружественные отношения с правителями и верховными жрецами Амона-Ра в Фивах.

Прошло столетие, и на политическую арену решительно выступили ливийцы, уже с давних пор проникавшие с запада и оседавшие в Дельте. Еще со второй половины Нового царства пленные ливийцы использовались фараонами в качестве воинов-наемников. Впоследствии ливийцы селились в Дельте целыми племенами. Шешонк, один из вождей-военачальников при последнем царе XXI династии, провозгласил себя царем в середине X в. до х.э.; началась XXII ливийская династия. Шешонк укрепил свою власть в Дельте и объявил своего сына верховным жрецом Амона-Ра в Фивах: страна была вновь объединена. Вскоре войска Шешонка вторглись в Палестину, в 930 г. до х.э. ими был взят и разграблен Иерусалим. Но успехи ливийской династии оказались призрачными, ее власть — непрочной. Среди ливийской верхушки разгорелась внутренняя борьба. Дельта распалась на ряд независимых областей, возглавляемых ливийскими князьками, хотя номинально продолжали существовать и ливийские цари, сделавшие своей столицей г. Бубастис в восточной части Дельты (XXII— XXIII династии). Север Верхнего Египта контролировался могущественным номархом Гераклеополя, на юге власть находилась у жречества Амона-Ра. Страна переживала время хозяйственного застоя, упадка ирригационной системы, нарушения торгового обмена. Объединение страны опять становится необходимым условием хозяйственного подъема. Инициатором борьбы за новое объединение выступает фиванское жречество, которое смогло в этой борьбе опереться на военную мощь уже отделившейся от Египта Нильской Эфиопии (Куша), желавшей установить свое господство в Египте.

Ослабление власти Египта над Эфиопией и консолидация местных племен привели к VIII в. до х.э. к возникновению на южных границах Египта эфиопского государства со столицей Напата у IV нильского порога. В середине VIII в. эфиопский царь Пианхи вступил в Фивы и при поддержке жречества Амона, которому по древней традиции поклонялись и в Эфиопии, начал поход на север. Нижний Египет оказал эфиопам упорное сопротивление. Войска правителя Саиса Тефнахта при поддержке жителей и жрецов Мемфиса встретили эфиопов в Среднем Египте, однако были разбиты в ряде сражений. После падения Мемфиса, оказавшего мужественное сопротивление эфиопам, Пианхи вступил в Дельту и взял в плен последнего царя XXIII ливийской династии — Осоркона III. Тефнахт был вынужден признать власть Пианхи над Нижним Египтом.

Из царей эфиопской (XXV)[12] династии наиболее значительными были

[12] XXIV династия правила не всем Египтом; она, однако, интересна тем, что один из ее царей, Бокхорис, попытался положить предел ростовщичеству и долговому рабству в Дельте. По преданию, он был взят в плен эфиопским царем Шабакой и сожжен.

Шабака и Тахарка, пытавшиеся играть политическую роль и в Передней Азии; однако внутренней раздробленности страны они не преодолели: вся страна, и особенно Дельта, фактически распадалась на мелкие ливийские и египетские княжества, и в 674—665 гг. до х.э. Египет не смог противостоять ассирийскому завоеванию.

В борьбе против захватчиков страну удалось наконец объединить правителям Саиса в Дельте — Псамметиху I и его сыну Нехо I, по происхождению ливийцам (XXVI династия). Нехо принял участие в бурных событиях, сопровождавших гибель Ассирии в конце VII в. до х.э.; он на короткое время завоевал Палестину и Сирию, однако был разбит вавилонскими войсками Навуходоносора II. Нехо пришлось отойти на собственную территорию. При нем и его преемниках все же начинается новый подъем египетской экономики и заметно возрастает политический вес и авторитет Египта. Но было уже поздно: надвигался час падения фараоновского Египта под ударами персов. В 525 г. до х.э. Египет был завоеван[13].

[13] Однако в течение правления Ахеменидов в Персидской державе (по египетскому счету это XXVII династия) Египет неоднократно снова добивался независимости (XXVIII—XXX династии).

Глава XXII

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Обширная территория Индийского субконтинента делится на несколько зон по климатическим условиям, рельефу местности и характеру почв. Различна была и значимость отдельных регионов в исторических судьбах древней Индии.

Полупустынные ныне области северо-запада в глубокой древности, возможно, были покрыты лесами. Почвы аллювиальных долин Инда и его притоков отличались особым плодородием. Здесь и возникли первые поселения земледельцев, а в III тысячелетии до х.э. — древнейшая в Южной Азии городская цивилизация. С севера и северо-востока Индия отделена от остальной части Азии хребтами Гималайских гор, поэтому именно северо-запад был той областью, через которую проникали переселенцы и завоеватели, шли торговые караваны, распространялись иноземные культурные влияния. Во II тысячелетии до х.э. здесь пролегал путь индоевропейских племен ариев, в I тысячелетии до х.э. отдельные районы подчинялись то персидским царям, то македонским наместникам, то греческим или скифским (сакским) правителям. Наконец, в начале христианской эры вся эта территория вошла в состав Кушанской державы.

Центральная часть Индо-Гангской равнины уже в древности считалась священной «землей ариев» (Арьяварта). Между бассейнами великих рек и в верховьях Ганга складывалась в первой половине I тысячелетия до х.э. древнеиндийская цивилизация. С различными районами этой обширной равнины связаны эпические предания, сохранившиеся в знаменитой поэме Махабхарата.

Северо-восток — средняя и нижняя часть бассейна Ганга — район повышенной влажности и буйной тропической растительности. В сезон дождей в долине Ганга нередки наводнения, дельта в древности была заболочена. Первоначальное население занималось преимущественно рыболовством, охотой, примитивным земледелием; лишь к середине I тысячелетия до х.э. в упорной борьбе с джунглями началось широкое хозяйственное освоение этого района. Во второй половине того же тысячелетия здесь располагались важнейшие политические и культурные центры древней Индии.

Невысокие горы Виндхья отделяют Индо-Гангскую равнину от п-ова Декан (древнеинд. Дакшина — «юг»). Декан представляет собой плоскогорье, сложный рельеф которого способствовал изоляции отдельных районов. Переход к цивилизации на юге произошел позднее, чем на севере. В труднодоступных горных и лесных областях до нового времени население продолжало жить в условиях племенного строя. Однако к концу эпохи древности на территории Декана сложились крупные государства, которые по уровню социального и политического развития не уступали странам, расположенным в долине Ганга.

Центральную часть о-ва Шри-Ланка (Цейлон) составляет лесистое нагорье, отделяющее северную равнину от южной низменности, покрытой густыми лесами. Соперничество между этими двумя основными областями

характеризует политическую историю страны. Географическое положение острова обусловливало тесные связи с южноиндийским побережьем, а с развитием мореплавания в начале христианской эры — также с Юго-Восточной Азией, Аравией и Египтом.

Основное население современной Южной Азии принадлежит к европеоидной расе, однако народности южной части п-ова Индостан и Шри-Ланки по некоторым расовым признакам (темный цвет кожи и волос и др.) близки к австралоидам. Встречаются и немногочисленные чисто австралоидные племена. Ряд племен северо-востока относится к южномонголоидной расе.

На севере ныне преобладают индоевропейские языки (хинди, бенгальский и др.), на юге — дравидийские (например, тамильский), ряд языков Декана и Северо-Восточной Индии находится в родстве с языками Юго-Восточной Азии, Тибета и Китая (языки тибето-бирманские и мунда). Большая часть антропологически однородного населения Шри-Ланки говорит на индоевропейском (сингальском) языке, меньшая — на дравидийском (тамильском).

Древняя этническая история Южной Азии может быть реконструирована лишь в самых общих чертах. Известно, что носители индоевропейских языков (арии) проникли в Индию во II тысячелетии до х.э. Возможно, в древности дравидоязычные племена занимали более обширные территории в центральной и северо-западной части Индостана, а племена тибето-бирманские и мунда — на северо-востоке. Сингалы переселились на Шри-Ланку с материка в середине I тысячелетия до х.э., появление на острове тамильского населения объясняется также неоднократными миграциями из Южной Индии (преимущественно в начале христианской эры).

В Южной Азии, как и повсюду на древнем Востоке, с древнейших времен шел интенсивный процесс смешения народов и рас, и расовые различия не совпадают с лингвистическими.

Древнюю историю Южной Азии можно условно разделить на следующие периоды:

I. Древнейшая цивилизация (Индская) датируется примерно XXIII—XVIII вв. до х.э. (возникновение первых городов, образование ранних государств).

II. Ко второй половине II тысячелетия до х.э. относится появление индоевропейских племен, так называемых ариев. Период с конца II тысячелетия до середины I тысячелетия до х.э. именуется «ведийским» — по созданной в это время священной литературе вед. Можно выделить два его основных этапа: ранний (XIII—X вв. до х.э.) характеризуется расселением племен ариев в Северной Индии, поздний — социальной и политической дифференциацией, приведшей к образованию первых государств (IX—VI вв. до х.э.), главным образом в долине Ганга.

III. «Буддийский период» (V—III вв. до х.э.) — время возникновения и распространения буддийской религии. Памятники, связанные с буддизмом, являются наиболее важными историческими источниками. С точки зрения социально-экономической и политической истории данный период отмечен началом урбанизации и появлением крупных государств — вплоть до создания общеиндийской державы Маурьев.

IV. II в. до х.э. — V в. х.э. можно рассматривать как «классическую эпоху» древнеиндийской цивилизации, время становления наиболее характерных особенностей социальной организации и культуры Южной Азии.

Южная Азия — одна из тех областей древнего мира, для которых особенно характерна преемственность развития. В древности и в средние века здесь не было резкой смены населения, устойчивостью отличались как социальные отношения (кастовый строй), так и культурные традиции. Многие произведения на литературных языках древней Индии (санскрите, пали) до сих пор почитаются как священные книги индуизма или буддизма. Их веками и даже тысячелетиями заботливо сохраняли, переписывали и комментировали.

Последствия этого двояки. В отличие от большинства стран Ближнего Востока памятники классической древнеиндийской литературы не были найдены археологами и не требовали для своего прочтения дешифровки забытой письменности и реконструкции мертвого языка. Фонд письменных источников, находящихся в распоряжении индолога, поистине необозрим, поскольку значительная часть древних текстов сохранилась. Изучение санскрита основывается на трудах самих древнеиндийских грамматиков, главным образом грамматики Панини IV в. до х.э.

Но, с другой стороны, современный ученый испытывает значительные сложности при исследовании этого обширного материала, уже отобранного многими поколениями в качестве священного наследия. Литература представлена главным образом религиозными гимнами (Ригведа и другие веды) и ритуальными комментариями, эпическими поэмами (Махабхарата и Рамаяна), сборниками назиданий и притч. Для изучения общественных отношений в качестве основных источников приходится использовать специальные трактаты о религиозно-моральном долге (так называемые Законы Ману), о политическом искусстве (Артхашастра) или о любви (Камасутра). Содержащиеся в них рассуждения нередко имеют отвлеченный, схоластический или тенденциозный характер. К тому же практически все эти произведения многослойны, время и место их составления не может быть определено с достаточной точностью. Колоссальная по объему комментаторская литература средневековья зачастую не столько помогает современному исследователю, сколько тяготеет над его сознанием, препятствуя непредвзятой интерпретации древнего текста.

Исторические события упоминаются в литературе довольно редко, и обычно в полулегендарных повествованиях. Хроники составлялись лишь в буддийских монастырях на Цейлоне в первые века христианской эры, и посвящены они были преимущественно распространению учения Будды и взаимоотношениям между монастырями. Не дошло до нашего времени ни государственных, ни частных архивов с политической или хозяйственной документацией. Документы, как правило, записывали на таком непрочном материале, как пальмовые листья, кусочки ткани или бересты, — в жарком и влажном тропическом климате они не могли сохраниться. Вместе с документами пропали, видимо, и многие литературные произведения, не вошедшие в число тех, которые в средние века особо почитали и хранили, постоянно переписывая.

Если не учитывать плохо еще читаемые короткие надписи на печатях Индской цивилизации (III—II тысячелетия до х.э.), то первые эпиграфические памятники относятся лишь к эпохе Маурьев (надписи Ашоки III в. до х.э.). Древнеиндийская эпиграфика не отличается ни богатством, ни разнообразием. Надписи на камне, высеченные по приказу правителей, в основном повествуют об их благочестивых деяниях — дарениях жрецам и монастырям, строительстве водоемов или совершении крупных жертвоприношений. Даже о военных походах и победах в них говорится редко.

Монеты в Северной Индии появились в середине I тысячелетия до х.э., но долгое время они оставались простыми клейменными кусочками меди или серебра. Значительную помощь в восстановлении хронологии политических событий, экономических связей и культуры нумизматика оказывает для классического периода древнеиндийской истории.

Длительное использование в качестве строительного материала дерева (а не кирпича или камня), немногочисленность погребений вследствие распространения обычая кремации и сравнительно позднее появление скульптуры из камня и бронзы существенно ограничивают количество археологических памятников. К тому же систематическое изучение индийских древностей началось сравнительно поздно, в основном лишь в XX столетии. До недавнего времени главной задачей индийской археологии являлось выяснение стратиграфии (последовательности археологических слоев на городищах). Лишь очень немногие городские центры, преимущественно древнейшие, такие, как Мохенджо-Даро и Хараппа, раскапывались большими площадями.

Таким образом, несмотря на обширность литературного наследия, изучение экономической и политической истории древних народов Южной Азии основывается пока еще на довольно узкой базе источников. За немногими исключениями, достоверные данные о политических событиях скудны, а социально-экономические отношения можно характеризовать лишь в общих чертах, рассматривая крупные исторические периоды и обширные регионы. Исследователь часто вынужден обращаться к методам исторической аналогии и реконструкциям, исходящим из материала значительно более поздних эпох. Основная масса сведений относится к области религии и культуры, но и они, по указанным особенностям источников, с трудом могут быть рассмотрены в исторической перспективе.

1. ИНДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ (XXIII—XVIII вв. до х.э.)

Древнейшая в Южной Азии цивилизация называется Индской, так как она возникла в районе р. Инд в Северо-Западной Индии (ныне в основном территория Пакистана). Она может считаться третьей по времени появления древневосточной цивилизацией. Как и первые две — в Месопотамии и Египте, — расположена она в бассейне великой реки, и, очевидно, становление ее было связано с организацией высокоурожайного поливного земледелия.

Открытие культуры долины Инда произошло сравнительно недавно (с 20-х годов нашего века), и по разным причинам известна она хуже, чем существовавшие одновременно Египетское и Аккадское государства. Однако можно утверждать, что для нее было характерно использование бронзы, строительство городов, а также изобретение письменности. Эти основные признаки и позволяют говорить о возникновении цивилизации, т.е. древнего гражданского общества и государственности.

Открытие городов III тысячелетия до х.э. в долине Инда было столь неожиданным, что в течение нескольких десятилетий в науке господствовало убеждение, будто культура принесена сюда в готовом виде извне (предположительно из Шумера). Лишь в последнее время в результате многолетних археологических раскопок начинает проясняться древнейшая история данного региона.

На территории к западу от р. Инд уже в эпоху неолита, в VI (а возможно, и в VII) тысячелетии до х.э., население стало заниматься земледелием. К концу IV тысячелетия до х.э. выделяется несколько типов энеолитических земледельческих культур. Небольшие поселки с домами из сырцового кирпича располагались в долинах, орошаемых разливами мелких рек. Глиняные фигурки и изображения на керамике свидетельствуют о типичных культах плодородия — богини-матери и быка. Отдельные черты материальной культуры (форма и орнаментация сосудов, строительные приемы) позволяют проследить черты сходства и преемственности между городами Индской цивилизации и теми энеолитическими поселениями, которые частично предшествовали им, а частично с ними сосуществовали.

Ранние земледельческие культуры Северо-Западной Индии не были изолированы от близлежащих областей, и есть основания говорить о связях их даже с территорией далекого Элама. Важно подчеркнуть, однако, что, несмотря на любые возможные миграции населения или заимствование каких-либо достижений, возникновение городской цивилизации в долине Инда было подготовлено многовековым развитием самого этого региона.

Первыми были исследованы два наиболее крупных городских центра — Мохенджо-Даро и Хараппа (по названию последнего и вся археологическая культура именуется иногда Хараппской). Затем были открыты менее значительные городища — Чанху-Даро, Калибанган. В последние годы раскопки ведутся преимущественно в периферийных районах. Особенно большой интерес представляет Лотхал — важный форпост южной зоны цивилизации, бывший, возможно, морским портом. Об этом свидетельствуют раскопки верфи, связанной каналами с рекой, впадающей в Камбейский залив.

К настоящему времени памятники Индской цивилизации найдены более чем в 200 пунктах Западной и Северной Индии, в Синде, Белуджистане и на побережье Аравийского моря — на огромной площади, простирающейся на тысячу километров с севера на юг и на полторы тысячи километров с запада на восток. Она сохраняет все же условное наименование Индской, ибо основные ее центры находились в бассейне этой великой реки.

Благодаря археологическим исследованиям последних десятилетий Индская цивилизация уже не кажется единой и совершенно неизменной, удается как установить последовательность периодов ее развития, так и выделить отдельные культурные зоны. От собственно долины Инда, составляющей центральную зону, отличаются области, расположенные к западу от Инда, северные области (Рупар, Калибанган, Аламгирпур) и южные (в основном п-ов Катхиявар). Хронологически Хараппская культура определяется в границах 2300—1700 гг. до х.э., но для разных зон и отдельных центров датировки могут совпадать не полностью.

Наиболее ранние хараппские памятники находят в западной и центральной зонах ее распространения. Южные области были колонизованы в эпоху расцвета городов долины Инда. Городским поселениям типа Хараппы здесь предшествовали примитивные охотничьи стоянки.

Такие города, как Мохенджо-Даро, Хараппа и Калибанган, имеют характерную двухчастную планировку. Часть города построена на искусственном возвышении и отделена зубчатой стеной от остального поселения. Это так называемая цитадель, которая была предназначена для общегородских построек — административных и религиозных. Крупное здание, обнаруженное в цитадели Мохенджо-Даро, исследователи считают храмом

или дворцом правителя. Неподалеку от него находится бассейн, предназначавшийся для ритуальных омовений (и в настоящее время бассейны составляют существенную часть индуистских храмовых комплексов). В крытой аркаде вокруг бассейна, вероятно, находились жрецы, совершавшие религиозные обряды. В цитадели Хараппы найдено огромное зернохранилище. Имеется аналогичное сооружение и в Мохенджо-Даро. Возле кирпичной площадки для помола зерна расположены параллельными рядами небольшие помещения, в которых могли жить работники.

Собственно городское поселение занимает в Мохенджо-Даро площадь около двух квадратных километров — здесь могло проживать несколько десятков тысяч человек. Прямые улицы, до десяти метров шириной, использовались для проезда колесных повозок и, возможно, для религиозных процессий. Пересекаясь под прямым углом, они делят город на большие кварталы. Внутри этих кварталов четкой планировки нет, и дома разделены лишь узкими, часто извилистыми переулками. Большая часть городских построек возведена из обожженного кирпича стандартных размеров. Дома были нередко высотой в два этажа и состояли из десятков помещений. В жаркое время жители, видимо, спали на плоских крышах. Окна выходили во внутренний двор, где на очаге готовилась пища.

Более всего поражает исследователей уровень городского благоустройства. Во многих домах находят специальные комнаты для омовения. Грязная вода по водостокам и выложенным кирпичом каналам выводилась в специальные отстойники. Система канализации в городах долины Инда кажется более совершенной, чем в других странах древнего мира.

Раскопки городских центров не дают сколько-нибудь полного представления о сельском хозяйстве (хотя, несомненно, значительная часть горожан также принимала участие в сельскохозяйственных работах). Найденные остатки злаков свидетельствуют о том, что выращивались пшеница, ячмень, просо. Остатки тканей доказывают, что в Индии раньше, чем в других странах Азии, начали возделывать хлопчатник (недавно установлено, что он был известен здесь даже до возникновения Хараппской культуры). В качестве тягловых животных использовали быков и буйволов. Разводили домашнюю птицу (например, кур).

Более полное представление можно составить о городском ремесле. В строительстве так широко применялся обожженный кирпич, что его изготовление должно было стать важной отраслью производства. Разнообразием форм отличается характерная хараппская керамика. Роспись сосудов в основном воспроизводит растительные орнаменты. Находки пряслиц свидетельствуют о развитии ткачества. Найдено некоторое количество изделий из бронзы, золота и серебра.

В отличие от Египта и Месопотамии для Индской цивилизации совсем не характерна монументальная скульптура (вряд ли она изготавливалась из непрочного материала, скажем дерева). Все сохранившиеся изображения небольшого размера. Наиболее известна статуэтка так называемого правителя-жреца, найденная в самом крупном здании цитадели Мохенджо-Даро. Небольшую бронзовую фигурку обнаженной женщины в ожерелье и со множеством браслетов на руках считают танцовщицей (типа тех, что и много позже жили при индуистских храмах).

Для каменной и бронзовой скульптуры долины Инда характерна пластичность, живость передачи движения. Напротив, многочисленные глиняные фигурки богини-матери в сложном головном уборе выполнены в условной манере и мало отличаются от аналогичных культовых статуэток

предшествующего времени. Видимо, рафинированная городская культура принадлежала лишь узкому верхнему слою народности, создавшей Индскую цивилизацию. Основная масса населения жила в условиях, близких к первобытности.

Наиболее примечательными произведениями художественного ремесла крупных городов являются небольшие каменные печати (в отличие от Месопотамии не цилиндрические, а прямоугольные). Найдено их уже более двух тысяч. Вероятно, печати иногда носили на теле, так как с обратной стороны бывает выступ с отверстием для шнурка. Предполагается их использование в качестве амулетов, но главным назначением, очевидно, было указание собственнических прав (или должности) владельца. Печати, происходящие из одного района, нередко содержат сходные сцены, связанные, видимо, с местным культом или святилищем. Изображения на печатях часто отражают мифологические сюжеты — такие, как борьба героя с тиграми (что вызывает в памяти искусство Месопотамии), женское божество в ветвях дерева, мужское рогатое божество в окружении зверей и т.п.

Несомненно, изображения животных — буйвола, «единорога» и т.д. — также имеют сакральный смысл. Одна из наиболее распространенных сцен — бык перед особого типа «кормушкой» — видимо, указывает на ритуальное кормление священного животного. Изображение сопровождается обычно краткой надписью. Знаки, восходящие к рисункам, воспроизводят растения и животных Северной Индии, что является свидетельством местного происхождения самой письменности.

О широких внешних связях (по морю и по суше) городов Индской цивилизации говорят находки изделий Хараппской культуры (в основном печатей) на городищах Месопотамии (Ур, Киш, Телль-Асмар), а также Ирана (Тепе-Яхья) и Южной Туркмении (Алтын-Тепе). Некоторые изображения на предметах, найденных в Месопотамии (печати из Телль-Асмара, ваза из Телль-Аграба), считают типично индийскими. Промежуточным звеном между Индией и Месопотамией могли служить острова Персидского залива. Подтверждением этого являются сходство печатей Бахрейнских островов с индийскими и находки предметов, изготовленных на Бахрейнских островах, в городах Индской цивилизации.

Все это говорит о том, что в период своего расцвета Мохенджо-Даро и Хараппа поддерживали широкие внешние связи и входили в систему ранних цивилизаций древнего Востока. Основная часть предметов индийского происхождения в Месопотамии датируется периодом царства Аккаде и династии Иссина, т.е. последней третью III и началом II тысячелетия до х.э. Отдельные предметы обнаружены в слоях вплоть до касситского времени (середина II тысячелетия до х.э.). Предполагают, что ряд географических названий в клинописных текстах относится к Северо-Западной Индии. Некоторые виды сырья (преимущественно для изготовления предметов роскоши) должны были поступать в индские города благодаря торговым операциям по суше и по морю. Широко использовалась посредническая торговля. Не исключена возможность и военных экспедиций, особенно в более отсталые районы, например южноиндийского побережья.

Доказательством развития внутренней торговли считают обычно находки каменных гирь, а одно из помещений рассматривают как крытый рынок. Можно предполагать и систему раздач продуктов из общественных складов. Трудно сказать, в какой мере ремесленное производство могло быть ориентировано на рынок.

На основе памятников материальной культуры и искусства могут быть сделаны некоторые выводы о характере религиозных представлений жителей долины Инда. Изображения на печатях свидетельствуют о культе деревьев (и богини дерева), животных, небесных светил. Фигурки богини-матери указывают на земледельческий характер религии. Мужское божество, сидящее в так называемой йогической позе в окружении четырех зверей, рассматривается как владыка четырех стран света. Есть основания говорить о том, что большое значение придавалось ритуальному омовению.

Работа по дешифровке письменности еще не завершена. Она затрудняется отсутствием двуязычных надписей — билингв, краткостью и однотипностью текстов (почти исключительно на печатях). Судя по общему количеству знаков (ок. 400), письмо должно иметь морфемно-слоговой характер. Статистический анализ сочетаний знаков, проведенный недавно отечественными учеными, позволяет сделать заключения о структуре языка. Язык протоиндийских надписей (т.е. Индской цивилизации) считают близким к дравидийским, точнее, к предполагаемому языку-предку дравидийских языков. Если данный вывод подтвердится, то при дальнейшей интерпретации текстов можно исходить из сравнительной грамматики этих языков (засвидетельствованных приблизительно с начала христианской эры). Дешифровка письменности помогает решать проблему этнического состава населения городов Индской цивилизации. Культура Хараппы также может интерпретироваться в свете данных этнографии дравидийских народов.

Примерно к концу XVIII в. до х.э. Хараппская культура перестала существовать. Можно утверждать с достаточной уверенностью, что она не погибла в результате внезапной катастрофы. Обширный материал, накопленный к настоящему времени археологами, показывает, как постепенно, в течение столетий, приходили в упадок некогда цветущие города. Ветшали величественные постройки цитадели, застраивались широкие улицы города, нарушалась его планировка. Все меньше появлялось привозных вещей, искусных ремесленных изделий и печатей. Происходила смена городов сельскими поселениями и варваризация культуры. В периферийных областях на севере и на юге — на п-ове Катхиявар, — позднее других колонизованных жителями долины Инда, дольше сохранялись характерные черты Хараппской культуры, постепенно сменявшейся позднехараппской и послехараппскими.

Выдвигалось множество гипотез для объяснения того, почему перестала существовать Индская цивилизация. Упадок городов сопровождался проникновением в долину Инда более отсталых племен с северо-запада, однако не эти набеги явились причиной гибели Хараппской культуры. Некоторые области Северо-Западной Индии к настоящему времени превратились в пустыни и полупустыни, и вполне возможно, что в результате нерационального ведения поливного земледелия и вырубки лесов природные условия района стали менее благоприятными. Огромный разрыв между немногочисленными развитыми центрами и обширной сельской периферией способствовал хрупкости цивилизации бронзового века. Но подлинные причины гибели хараппских городов должны быть прежде всего связаны с их историей, а ее-то мы пока и не знаем.

По поводу социального и политического строя Индской цивилизации могут быть сделаны лишь самые общие замечания. Наличие цитадели и городской планировки, по-видимому, говорит о существовании государственной власти. Находки зернохранилищ и помещений для работников вызывают ассоциации с храмово-государственным хозяйством древней Месопо-

тамии. Уровень развития производства, наличие городов и письменности заставляют думать о социальном неравенстве, что подтверждается различиями в размерах и типах жилых помещений. Но по имеющимся источникам мы пока не можем с уверенностью судить о степени социальной дифференциации, о формах эксплуатации или организации политической власти.

После гибели Хараппской культуры на месте опустевших городов возводят свои бедные лачуги племена, которым еще только суждено было вступить в эпоху цивилизации. Однако период расцвета городов долины Инда не прошел бесследно. Прямое влияние Хараппы чувствуется как в энеолитических культурах Центрального Индостана II тысячелетия до х.э., так и у племен бассейна Ганга. Культурное наследие Индской цивилизации сохраняется в религиозных верованиях и культах позднейшего индуизма.

2. «ВЕДИЙСКИЙ ПЕРИОД»

Период конца II — первой половины I тысячелетия до х.э. обычно именуется «ведийским», так как основными источниками для его изучения служат древнейшие памятники религиозной литературы Индии — веды. Само слово *веда*, родственное русскому «ведать», означает «священное знание». В понятие «веды» обычно включают четыре основных сборника — *самхиты* (Ригведа, Яджурведа, Самаведа и Атхарваведа), а также примыкающие к ним так называемые поздневедийские сочинения.

Самхиты содержат гимны, напевы, жертвенные формулы, заклинания. Наиболее ранняя из них — Ригведа («Веда гимнов»). Гимны Ригведы представляют собой поэтические тексты, созданные на особом сакральном языке во время озарений, связанных, очевидно, с экстатической практикой. Они вызывают ряд картин, соединенных не столько логическими, сколько ассоциативными связями, тексты их насыщены метафорами, символами, намеками на нечто хорошо известное исполнителям и слушателям. Ригведа — памятник высокой жреческой поэзии, связанный с великими жертвоприношениями, в частности с возлиянием священного напитка — *сомы*. Предполагают, что ее основой послужили тексты, читавшиеся во время празднования начала нового календарного цикла — Нового года. Гимны обычно обращены к тому или иному божеству и содержат его восхваление, а также просьбу (последняя не всегда выражена прямо, но иногда подразумевается в тех эпитетах, которыми наделяется божество). Встречаются также космогонические гимны, гимны-заговоры и заклинания, гимны-загадки.

Наряду с Ригведой наибольший интерес представляет Атхарваведа. Основную часть ее составляют заговоры против злых духов и болезней, молитвы о долгой жизни, обретении детей, власти или богатства. Религия Атхарваведы обнаруживает ряд черт, позволяющих говорить о сравнительно позднем оформлении памятника (например, почитание абстрактных божеств, таких, как Время). Атхарваведа в большей мере ориентирована не на крупные жертвоприношения общественного характера, а на домашний, неофициальный ритуал, она содержит тексты, созданные не только в жреческой, но и в народной среде, включает обширный материал по быту, обычаям и верованиям индийцев.

В состав поздневедийской литературы входят памятники так называемой брахманической прозы — *брахманы*, *араньяки*, *упанишады*. Брахманы посвящены преимущественно истолкованию символики жертвенного ритуала и объяснению связи между ритуальным действием и текстом жертвенных формул. В брахманах господствует представление об одушевленности всех вещей, о всеобщей взаимосвязанности, благодаря чему возможно магическое воздействие на Космос посредством особых церемоний и священных слов, произносимых при жертвоприношении. Знание сокровенной их сути составляет прерогативу жрецов-брахманов, которые приобретают таким образом власть над миром, над людьми и богами. Составители этих поздневедийских текстов центральное место отводят отождествлению явлений и понятий различных уровней: абстрактного и конкретного, природного и общественного, божественного и человеческого. Основой подобных сопоставлений могут служить магия чисел (например, совпадение количества частей или слогов в словах, обозначающих разные предметы), близость звучания слов (так называемая этимология, обычно не имеющая никакого отношения к действительному происхождению лексики), миф (иногда подлинный, но чаще — придуманный специально для данного случая).

С брахманами сходны араньяки, содержащие еще больше спекулятивных рассуждений. Завершением этого жанра ведийской литературы служат упанишады, нередко называемые в индийской традиции словом «веданта», т.е. «конец веды». Появление упанишад связывают с практикой обучения эзотерическим доктринам в обителях лесных отшельников. В то же время не подлежит сомнению, что эти тексты продолжают традиции умозрительного истолкования ритуала в брахманической прозе. Брахманы могут быть условно датированы первой третью I тысячелетия до х.э.

Наряду с поздневедийской литературой источниками по данному периоду являются произведения, именуемые в индийской традиции *итихаса* («былое»). Принадлежащие к этому жанру Махабхарату и Рамаяну обычно называют эпическими поэмами, хотя и форма их и содержание имеют известные отличия от эпоса других народов.

Основной сюжет Махабхараты — лишение власти потомков царя Панду (Пандавов) их двоюродными братьями из рода Куру — Кауравами и возвращение царства после кровопролитной братоубийственной битвы. Однако не более половины текста посвящено изложению непосредственно основного сюжета. Махабхарата изобилует вставными эпизодами как повествовательного, так и дидактического характера. Часто эти эпизоды являются вполне самостоятельными произведениями, вставленными в поэму посредством различных «рамочных» конструкций. Некоторые из них содержат мифы, древние легенды и предания. Дидактические части представляют собой философские трактаты в стихах и наставления (например, знаменитая Бхагавадгита).

Рамаяна почти в четыре раза короче Махабхараты и является более цельным произведением, содержащим меньше отступлений, вставных эпизодов и дидактики. Текст ее почти целиком посвящен изложению основного сюжета — похищения Ситы, жены царевича Рамы, демоном Раваной и последующего возвращения Ситы.

Время оформления обеих поэм условно определяется в границах середины I тысячелетия до х.э. — середины I тысячелетия х.э. По содержанию и форме они представляют собой конгломерат самых разных элементов: архаичных мифов и военных сказаний, легенд и притч, трактатов и басен,

обширных перечней имен богов, народов, городов, генеалогий, мест паломничества и т.п. Они не только принадлежат разному времени и разным народам Индии, но и создавались в разной социальной среде. Первоначальная героико-эпическая поэзия была связана с военной аристократией — кшатриями и развивалась параллельно с ведийской — жреческой литературой. Однако дошедшие до нас своды, несомненно, отражают позднейшую брахманскую редакцию эпоса.

Как во всяком эпическом произведении, отражение действительности в Махабхарате и Рамаяне весьма сложное, и следует постоянно учитывать, что история тесно сплетается с мифом. Ядро эпического повествования, видимо, относится к рубежу II—I тысячелетий до х.э. Сказания Махабхараты часто отражают социальную и политическую обстановку, очень близкую к той, которую можно восстановить по ведийским источникам. В ведийской литературе упоминаются и некоторые из персонажей эпоса, возможно имевшие исторические или полуисторические прототипы. Однако материальная культура и Махабхараты, и Рамаяны (цветущие города, пышные дворцы) должна быть отнесена к концу I тысячелетия до х.э. и началу христианской эры. Эпос изобилует анахронизмами (например, упоминания о Риме, Антиохии и «городе греков» — Александрии[1], якобы покоренных Пандавами, должны относиться к первым векам христианской эры). В области духовной культуры происходит такое же смешение разных напластований, и если на политической карте Махабхараты племена «героического века» Куру и Панчала соседствуют с греками и гуннами, то в религиозной ее картине культы ведийских богов уживаются с индуистской триадой, Скандой и Дургой.

Во многих отношениях с Махабхаратой и Рамаяной сходны так называемые *пураны* (букв. «древнее»). Согласно самой индийской традиции, ядро пуран составляют космогония, теогония и генеалогия царей. Для рассматриваемой нами эпохи особый интерес представляют многочисленные упоминания племенных наименований и генеалогии правителей, происхождение которых возводится к эпическим героям или персонажам мифологии. В этих преданиях о древности сохранилась информация о племенах и народах, вождях и правителях «героического века», примерно совпадающего с ведийским периодом. Однако пуранические генеалогии отнюдь не могут рассматриваться в качестве достоверного источника. Слишком часто они искажались придворными панегиристами в угоду своим царственным патронам из местных династий значительно более позднего времени.

Географические названия, упоминаемые в Ригведе, однозначно указывают на Северо-Западную Индию как район расселения ариев — племен, создавших этот памятник. Речь идет, например, о таких реках, как Кубха/Кабул, Синдху/Инд, Асикни/Чинаб (Акесин у античных авторов). Области, расположенные восточнее Пенджаба, были известны значительно хуже. Ганг упоминается лишь однажды, да и то в поздней части Ригведы.

Другие самхиты и памятники брахманической прозы не только отражают более позднюю эпоху, но и созданы на иной территории. В древнеиндийской литературе существовало понятие «Срединной области» (Мадхьядеша), отличающейся особой чистотой жертвенного ритуала и сакрального языка. В Шатапатха-брахмане говорится, что само Слово родилось именно

[1] Реальные города с таким названием существовали в разных областях Ближнего и Среднего Востока, и установить, какие именно города при этом имеются в виду, конечно, невозможно. — *Примеч. ред.*

здесь. Границы Мадхьядеши обычно определялись между горами Виндхья на юге и Гималаями на севере, р. Сарасвати/Гхаггар на западе и местом слияния вод Ямуны/Джамны и Ганга на востоке. Это довольно точно соответствует тому району, где оформлялась поздневедийская литература.

В ведийской литературе можно обнаружить недвусмысленные упоминания о переселениях ариев в восточном и юго-восточном направлениях. Результатом этих миграций явились распространение индоарийских языков, постепенное освоение долины Ганга и смещение основных центров формирования древнеиндийской культуры.

Процесс расселения индоарийских племен порой изображался в историографии как разрушительное завоевание, сопровождавшееся порабощением туземного населения. Основания для подобной концепции весьма шатки. Наиболее существенным служит то, что в гимнах Ригведы ариям и арийским богам противостоят враждебные *дасью*, или *даса*. Религии ведийских ариев — как и их иранских собратьев — свойствен дуализм. Борьба между главным богом — воителем Индрой и его противником — змеем, драконом (Даса, Вритра, Шамбара и т.п.) олицетворяет установление Мирового порядка. Победа Индры означает торжество света над тьмой и смену календарных сезонов. Битвы, изображаемые в гимнах, происходят главным образом в сфере мифологии, хотя и земные арии помогают уничтожению сил тьмы и зла, одолевая своих врагов.

Появление индоевропейцев в Южной Азии не было единовременным событием — так называемым арийским завоеванием. Речь идет о весьма длительном процессе. Создатели Ригведы представляли лишь одну из волн в этих этнических перемещениях, и вполне вероятно, что отношения между собой разных групп индоевропейцев — в том числе и ригведийских ариев — были не менее сложными, чем с местным населением. Нет никаких оснований полагать, будто сходство расовой принадлежности и близость языков сами по себе обеспечивали «арийскую» солидарность и в то же время провоцировали военные конфликты с аборигенами. Некоторая воинственность ранневедийской поэзии должна объясняться скорее характером социально-политического строя ариев в данный период, нежели противоборством рас или этносов.

В литературе брахман конкретные племенные наименования — иные, чем в самхитах. Из примерно сорока названий, встречающихся в самхитах, в брахманах сохраняется лишь пятнадцать. В то же время появляется три десятка новых, многие из которых не имеют индоевропейской этимологии. Уже это отчетливо характеризует происходившие в первой трети I тысячелетия до х.э. перемены, в частности процесс культурной ассимиляции. Центральным для поздневедийской литературы являлся район по верхнему течению Ганга, область, именуемая Куру-Панчала. Здесь формировались основы древнеиндийской цивилизации, и отсюда распространялись культурные влияния — не только на восток или юг, но и на северо-запад, откуда шла первоначальная миграция.

Освоение Мадхьядеши приводило к существенным переменам и в хозяйственном укладе, и в общественном строе, и в межплеменных отношениях — распаду прежних и созданию новых союзов и общностей. Каково бы ни было происхождение поздневедийских (и эпических) племен Куру и Панчала, они сильно отличались от тех индоариев, в среде которых создавалась Ригведа.

Археологические раскопки показывают, что те политические центры, в

которых происходит действие Махабхараты, в начале I тысячелетия до х.э. были связаны определенным единством — это область распространения культуры серой расписной керамики. Территориально и хронологически с культурой серой расписной керамики в основном совпадает и та древнеиндийская цивилизация, которая находит отражение в памятниках поздневедийской литературы.

Даже беглое знакомство с гимнами Ригведы показывают большое значение, которое в жизни ариев и в их представлениях о мире придавалось скотоводству. Молитвы к богам нередко завершались просьбами о приумножении стад. Крупный рогатый скот считался мерилом богатства. Нередко упоминаются пастбища и стойла. В состав священных книг включались заклинания против болезней домашних животных. В жертву богам приносили молоко, топленое масло, простоквашу и различные виды молочной каши — часто с маслом или творогом. Богато представлена в ведах фразеология, связанная с разведением скота. Вождя называли буквально «коровьим пастухом», состоятельного человека — «обладателем коров», войну — «поисками коров», род — «коровьим загоном» и т.д.

В качестве тягловых животных использовались преимущественно волы, ослы и мулы. В боевые колесницы впрягали коней. Эта их важнейшая роль в военном деле лежала в основе того культа коня, который является характерной чертой ведийской религии.

Традиционная терминология и образность, мифологические сюжеты Ригведы, очевидно, способствуют известной архаизации той картины жизни индоариев, которая складывается при чтении памятника. Видеть в ариях только кочевые пастушеские племена у нас нет оснований. Даже в ранних частях источника упоминается обрабатываемая земля, противопоставляемая пустоши. Возможно, даже использовалась примитивная система орошения полей посредством колодцев, искусственных протоков и прудов — соответствующие обозначения известны в языке Ригведы. Вспашка почвы производилась не только с помощью простой мотыги, но и плугом.

Чаще всего в гимнах упоминаются посев и сбор урожая злака, называемого *ява*. По всей видимости, речь должна идти о ячмене, но то же самое слово могло использоваться и для обозначения любой зерновой культуры. Выращивались и масличные, а именно сезам.

Для поздневедийского периода с еще большей уверенностью можно утверждать, что земледелие являлось основной отраслью хозяйства. Довольно много сведений о различных земледельческих культурах. Среди зерновых необходимо отметить помимо ячменя пшеницу (начиная с поздних самхит) и рис. Особенно важно то, что последний можно чередовать с ячменем, собирая таким образом два урожая в год. Об этом прямо говорится в ведийской литературе: «дважды в год поспевает зерно». Несмотря на то что рис, по всей видимости, не был особенно урожайным, это существенно увеличивало сборы зерновых, могло способствовать росту населения и накоплению излишков продовольствия.

Немалое место в хозяйстве сохраняло и скотоводство. Скот принадлежал отдельным семьям, хотя обычно его выгоняли на общие пастбища. Навоз сушили и широко использовали как топливо и удобрение, а также при священных церемониях домашнего ритуала. Молоко, простокваша, творог, масло шли и на жертвоприношения, и в пищу. Очевидно, поэтому в брахманах говорилось: «Корова — кормилица всего этого [мира]». По торжественным случаям — во время жертвенного ритуала, праздников, приема почетного гостя — питались и мясом. Несмотря на ряд табу, связанных с

употреблением мяса, прежде всего говядины, обычай вегетарианства еще не сложился.

Неопределенность терминологии Ригведы вызывает разноречивые суждения о том, было ли в то время уже известно железо. В гимнах неоднократно упоминается металл, называемый *аяс*. Зубами бога Агни, сделанными из аяс, называет поэт языки пламени жертвенного костра. Это заставляет предполагать, что аяс желтого или рыжего цвета, т.е. медь или бронза.

В Яджурведе уже проводится различие между двумя видами аяс — красным и черным. Если первый может означать медь или бронзу, то последний — явно железо. Слово «аяс», таким образом, становится общим наименованием любого металла. Черный аяс встречаем мы и в брахманах, где он отличается от просто аяс — очевидно, меди.

В поздневедийской литературе есть специальные термины для различных ремесел. Можно предполагать, в частности, наследственность занятий горшечника. Сведений о торговле в Ригведе совсем мало. Имела она меновой характер, причем обычной мерой стоимости служили коровы. Вероятно, в коровах давалась оценка при любых крупных платежах — от свадебных даров до виры — возмещения за убитого (древнеинд. *вайра*). Постепенно появляется и иной эквивалент — золотые шейные украшения.

Но в целом надо сказать, что богатство и в поздневедийское время редко могло быть накоплено в результате успешной коммерции. Сами термины купли-продажи довольно часто встречаются в источниках только в связи с ритуальным обменом. По-настоящему состоятельны, очевидно, были лишь те, кто обладал властью, правами распоряжаться имуществом и трудом своих соплеменников.

Самые ранние памятники древнеиндийской литературы содержат многочисленные упоминания терминов родства — таких, как мать (*матар*) и отец (*питар*), свекор (*швашура*) и свекровь (*швашру*), деверь (*девара*), золовка и многие другие. Большая часть их по происхождению восходит ко временам значительно более древним, чем эпоха появления ариев в Индии. Несомненно, основной ячейкой ведийского общества была семья, обычно семья большая, включавшая несколько поколений родственников по мужской линии вместе с их женами.

В брахманической прозе слово «семья» определяет всю совокупность лиц, живущих в одном доме и ведущих совместное хозяйство. Порой речь прямо идет об общем семейном имуществе. Так, в одной из брахман говорится: «Если кто из членов семьи что-либо приобретет, это принадлежит всей семье». Чаще всего принадлежность к семье определяется через общую трапезу: пищу варят отдельно в каждом доме — сотрапезники и составляют семью. Глава семьи иногда выглядит как суровый патриархальный домовладыка. Например, в брахмане говорится: «Когда после долгого отсутствия возвращается домохозяин, то все домочадцы трясутся: что он скажет, что сделает».

После смерти отца возможен был раздел наследства между сыновьями. Дочери, уходящие в другую семью, естественно, не имели никаких прав на семейное имущество. При разделе лучшая доля принадлежала старшему из братьев, ибо на нем лежала наибольшая ответственность — осуществление культа предков, обязанность продолжения рода. Младшим братьям надлежало почитать старшего как отца, и вообще в семье заметна строгая дифференциация по принципу старшинства. Жену и сына древние индийцы могли в каких-то контекстах поставить рядом с домашним рабом — и это

равным образом характеризует как положение домочадцев, так и степень развития рабовладельческих отношений.

Основным термином для обозначения раба со времен Ригведы было слово *даса*. А поскольку даса обозначало первоначально также чужака или противника, позволительно предположить, что рабы обычно не принадлежали к соплеменникам. Их число могло пополняться за счет военнопленных или покоренных, приобретенных на чужбине или вынужденных поступить на рабскую службу. Даса систематически противопоставлялся арию, как человек, лишенный свободы и уже поэтому не причислявшийся к людям, составлявшим «народ», т.е. к ариям. Слово «даса» не раз употреблялось и в расширительном, переносном смысле — как указание на службу, зависимость, покорность чужой воле. Рабство имело домашний характер. Помимо даса в источниках встречается множество и других слов, относящихся к домашним слугам и другим зависимым лицам.

В поздневедийскую эпоху индийцы жили поселениями деревенского типа. Все попытки найти в источниках свидетельства знакомства их с городской жизнью не увенчались успехом. В источниках нередко встречается противопоставление «деревни»-*грама* и *аранья*. Последнее слово означает лес, но в данном случае имеется в виду все, что находится за пределами деревни. Граница между грама и аранья — это черта, отделяющая освоенную человеком землю от мира естественной природы, цивилизацию от дикости. Такого рода восприятие мира могло сложиться только у вполне оседлых земледельцев.

Чему был обязан глава деревни своим положением: выбору общинников, правам наследования или назначению со стороны «царя» — нельзя определить твердо и однозначно для всей Индии и достаточно продолжительной эпохи. Деревенский староста в последуюшие периоды порой назначался государственными властями. Скорее всего такая практика в ведийскую эпоху еще не сложилась. Высказывание одной из самхит о том, что все общинники-домохозяева хотели бы стать главами деревни, свидетельствует как будто в пользу выборности. В то же время, очевидно, выборы могли кое-где превратиться в формальное утверждение наследственной власти или быть ограничены узким кругом претендентов из одного господствующего клана. «Предводители деревень» (*грамани*) принимали активное участие в коронации раджи, и при этом в качестве их помощников выступали сородичи-односельчане. Об этом свидетельствуют поздневедийские ритуальные тексты.

В ведийскую эпоху фиксируется наличие всевозможных собраний и сходок. Чаще всего употребляется слово *сабха*, означающее «собрание», «совет». Помещение, где собиралась сабха, стояло обособленно от жилищ и принадлежало общине в целом. В нем зажигали особый огонь, служивший символом единства сабхи. Собрания были чисто мужскими, кроме того, на них не допускали ни чужаков, ни рабов или зависимых лиц. Право на участие в сабхе всегда имело значительные ограничения — не случайно поэтому развиваются такие понятия, как «речь, достойная сабхи» или «человек, который может участвовать в сабхе». Здесь проводилось обсуждение общих дел, устраивались диспуты и состязания. Очень часто сабха ассоциируется с игрой в кости. Последняя не только служила развлечением, но и рассматривалась как испытание судьбы, способ решения споров по жребию.

Термин *сабха* сохранился в последующую эпоху для обозначения самых различных институтов — игорного дома, царского совета, суда и т.п. Но кажется вполне вероятным, что все эти значения являются производными

от древнего института, игравшего важную роль в общественной и религиозной жизни ведийской эпохи.

В среде деревенского населения резкого имущественного расслоения не чувствуется, хотя даже в Ригведе говорилось о долговой кабале (правда, возникшей в результате неудачной игры в кости). Имущество в ведийской литературе фигурирует не столько в коммерческих аспектах (хотя обогащение торговцев известно), сколько в качестве добычи, приза в игре, награды в соревновании, разнообразных даров и раздач. Существенное значение имеет то, что «благосостояние» (*шри*) отнюдь не сводится к накоплению материальных средств, оно всегда связано в большей мере с властью и социальным престижем — даже на уровне деревенского старосты. Пожалуй, лишь для конца поздневедийской эпохи мы вправе говорить как об углубляющихся различиях в бытовых условиях жизни тех или иных слоев населения, так и о том, что эти различия связаны с состоятельностью, независимой от социально-политического статуса.

В поздневедийской литературе основные общественные градации выражаются в характерных терминах *шреяс* и *папияс*. Первый происходит от *шри* — «благо», второй — от *папа* — «грех». Шреяс обычно относится к брахманам и «царям». И те и другие богаты, так как находятся под покровительством богов. Их благосостояние заключается не просто в имуществе — сам материальный достаток зависит от социального престижа и проявляется во власти над другими людьми. Перед тем, кто является «лучшим» (*шреяс*), другие склоняются, трепеща от страха, они сопровождают его и садятся ниже, чем он, — так говорится в брахманах.

Представители знати, ведийские «цари», имеют право на получение *бали*. *Бали* — это приношения, пища, то, что люди жертвуют духам и другим сверхъестественным существам. Иногда в историографии подчеркивается, что бали «царю» следует рассматривать не в качестве налогов, а в качестве добровольных подношений. Конечно, законом установленных ставок налогообложения в ведийскую эпоху не было, но есть все основания полагать, что неписаный обычай достаточно жестко регламентировал размеры подношений радже.

Когда в ведийских текстах делается попытка определить отношения между народом и «царями», прежде всего говорится о бали: «лучшие» (*шреяс*) получают бали, а «худшие» (*папияс*) его платят, «цари» собирают бали, народ его приносит. Собираемые с народа взносы шли на общие жертвоприношения с угощением участников, на вознаграждения жрецам, на разнообразные дарения. Они предназначались для раздач и перераспределения между приближенными ведийских «царей». Эти жертвы и раздачи должны были служить для целого коллектива залогом будущего урожая и всяческого благополучия.

Военная аристократия поздневедийской эпохи, так называемые цари, их родичи и приближенные составили особую сословную группу — варну кшатриев. Такую же варну образуют и жрецы-брахманы. Основная же часть трудового населения страны рассматривается как варна «народа» — вайшьев (или *виш*). В поздневедийских текстах последнюю иногда именуют и словом «арья». Для брахмана и кшатрия важнее их специфическая связь с магическими субстанциями — «духом» (*брахма*) или «властью» (*кшатра*), термин же «арья» мог остаться преимущественно за вайшьями. При этом речь вряд ли идет о тех, и только тех племенах, говоривших на индоевропейском языке, которые столетиями ранее появились в Пенджабе. В процессе расселения по территории Северной Индии складывалась новая

этническая общность, хотя и сохранявшая священный язык арийских пришельцев. Ариями считались все, кто придерживался ведийского культа и вел соответствующий образ жизни, имея свой дом и хозяйство. Количественно основную их массу составляли земледельцы-общинники, т.е. вайшьи.

Термин *виш* первоначально был в употреблении как обозначение свободного и полноправного народа. Однако в поздневедийскую эпоху речь идет о деревенских жителях, земледельцах, которые уже рассматривались главным образом как податное население. Понятие «народ» отходит на второй план, заменяясь «подданными». Последние именовались, правда, словом *праджа*, т.е. «потомством», «детьми» правителя, который должен относиться к ним по-отечески. Но и само такое покровительство еще более подчеркивает неравенство в положении рядовых общинников и носителей власти.

Брахманы, кшатрии и вайшьи считались «дваждырожденными», так как в детстве проходили церемонию посвящения с повязыванием священного шнура через плечо. Последнее и приравнивалось ко второму рождению, дававшему право на участие в ведийском культе. «Дваждырожденным» противопоставлялись шудры, лишенные права слушать веды. Шудра не мог пить сому, совершать ведийские жертвоприношения, входить в ритуальное помещение. Более того, «дваждырожденный» не должен был использовать в обрядовых целях молоко коровы, которую доил шудра, и разговаривать с шудрой в момент подготовки к священной церемонии. Ритуальная нечистота — самая главная черта, характеризующая шудру. Несомненно, она отражала то, что шудра стоял вне общества «ариев» и вне их общинной организации.

С точки зрения «дваждырожденных», шудры были варной чужаков, но их реальное положение в обществе, так же как и этническое происхождение, могло быть совершенно различным. Если речь идет о чужаках, живущих в той же деревне, они главным образом принадлежали к числу домашних слуг и рабов. Поэтому вполне естественно, что поздневедийские тексты обращают внимание именно на эту сторону дела. Обязанностью шудры называют обычно «омовение ног» господина, считают его тем, «для кого хозяин дома является богом». Идеал шудры рисуется таким образом: послушный, расторопный, трудолюбивый. Определяя шудру, одна из брахман говорит: «...когда угодно поднимаемый [на работу], как угодно наказываемый». Шудра и даса в древнеиндийской литературе нередко употребляются как взаимозаменяемые слова.

В то же время было бы крайним упрощением любого шудру считать домашним рабом и отождествлять варновую характеристику с принадлежностью к социально-экономическому классу. Порой речь идет об иных категориях неполноправных или зависимых лиц. Говорится, скажем, о том, что у шудры можно отобрать его скот. Значит, шудра вел свое хозяйство и в то же время принадлежал господину. Упоминаются и «очень состоятельные» шудры, «владеющие тучными стадами». Похоже, что эти богачи не принадлежали отдельным лицам. В крайнем случае можно предполагать, что «арии» распространяли свою власть на целые коллективы таких «чужаков». Статус последних оказывался противоречивым — состоятельность сочеталась с неполноправием.

Среди тех категорий населения, которые причислялись к шудрам, особого внимания заслуживают ремесленники. Ремесло обычно признавалось сословно-кастовой обязанностью шудр. И дело здесь, очевидно, прежде

всего не в том, что сам по себе ремесленный труд вызывал общественное презрение. Подобное предположение было бы неприемлемо уже потому, что в ведах поэтическое искусство певцов неоднократно сравнивается с мастерством ткача или плотника. Ассоциация ремесла с принадлежностью к категории шудр объясняется, видимо, иначе. Речь идет о ремесленниках-профессионалах, которые не вели собственного хозяйства и должны были, следовательно, работать на других. Они рассматривались как обслуживающий персонал, общественная прислуга — именно поэтому им и было уготовано низкое место в социальной иерархии. Впрочем, из общего правила бывали и исключения, о которых еще будет сказано. Особенно противоречиво отношение к статусу «царских» слуг, в том числе и ремесленников. С одной стороны, они связаны с фигурой самого «царя», не только носителя власти, но и сакральной персоны. С другой — общественным идеалом остается свободный и самостоятельный хозяин, а всякая зависимость от чужой воли рассматривается как нечто дурное и влекущее за собой ритуальную нечистоту.

Если мы вправе говорить о брахманах, кшатриях и даже о вайшьях как о замкнутых сословно-кастовых категориях — варнах, принадлежность к которым определяется рождением и совершенным в детстве обрядом посвящения, то шудры выглядят как аморфная масса с размытыми границами. Она может быть охарактеризована по преимуществу негативными определениями, подчеркивающими отличие шудр от «дваждырожденных» — ариев. К шудрам могли относить как низшие слои деревенского населения, зависимых работников, не принадлежащих к числу общинников, так и вполне независимых «чужаков», живших на периферии формирующейся древнеиндийской цивилизации.

С самого начала категории, причислявшиеся к шудрам, составляли значительную часть трудового населения. В связи с освоением новых территорий и ассимиляцией местных народов категория шудр умножалась и становилась все более пестрой. Так как одновременно шел процесс превращения вайшьев из свободного народа в подданных, обязанных платить налоги, происходило известное сближение этих двух варн. В ритуальных контекстах в соответствии со старинной традицией шудры решительно противопоставлялись ариям. Во время ритуала *махаврата*, например, устраивался поединок шудры и ария, олицетворявший борьбу света и тьмы и заканчивавшийся, естественно, победой ария. Но военного противоборства с шудрами в более реальных ситуациях мы не видим. Характерно и то, что шудре, хоть и в виде противника, уделяется роль в ведийской обрядности. Богом шудр объявляется Пушан — покровитель сельскохозяйственного труда. Исходя из этого можно считать, что их функции вряд ли ограничивались «омовением ног» хозяина даже в поздневедийскую эпоху. С шудрами ассоциируется наиболее распространенный стихотворный размер *ануштубх* — возможно, это связано с тем, что шудры составляли значительную часть населения. Не случайно и ведийский царь не рассматривал себя как владыку только ариев. Уже в Атхарваведе содержится заклинание, которое царь произносит с целью быть угодным и ариям, и шудрам. Тенденция сближения двух низших категорий-варн становится весьма распространенной в последующую эпоху.

Варновый строй, как основа древнеиндийской цивилизации, сформировался в процессе освоения Северной Индии в ведийский период. Низшую категорию тогда составили шудры. Но за пределами общества земледельцев и скотоводов остались так называемые племена джунглей. Постепенное

включение этих «дикарей» в орбиту влияния цивилизации требовало осмысления их места в социальной иерархии. Отсталые племена имели статус более низкий, чем обычные, «деревенские» шудры, будь то ремесленники, домашние слуги или зависимые земледельцы. Они рассматривались как особые касты, отличающиеся ритуальной нечистотой, т.е. неприкасаемые. Обычно они считались стоящими вне варновой системы. Хотя в некоторых древних текстах неприкасаемых причисляли к низшим слоям шудр (аморфность понятия «шудры» тому способствовала), все же отличие их от «чистых» шудр было обозначено достаточно определенно. Собственно шудры жили в деревне и были заняты в основных отраслях хозяйства (хотя обычно не имели политических прав, были отстранены от общинного культа и не владели собственной землей). Лица вневарновых категорий строили свои хижины за пределами населенных пунктов и приходили в деревню лишь для того, чтобы выполнять самые низкие и. оскверняющие работы по уборке мусора, падали, нечистот и т.п. Обязанные обслуживать всю общину, они до известной степени могут рассматриваться как принадлежащие ей в целом.

С точки зрения религиозных представлений индийцев, на противоположном конце иерархической лестницы находятся брахманы. Чистоте их происхождения придается особое значение, и брахманы стремятся сохранить кастовую замкнутость. Брахман с гордостью может назвать своего далекого предка — *риши*, мудреца и творца ведийских гимнов.

Основной функцией брахманов было исполнение жертвенного ритуала на благо всей общины. Они рассматривались как посредники между миром людей и богов. Только брахманы знали все детали обрядов и заклинания, которые необходимо произносить для того, чтобы боги услышали просьбы людей. Священные тексты они держали в тайне от непосвященных и передавали в устной форме, опасаясь их осквернения. Ведийские молитвы читали все «дваждырожденные», и каждый домохозяин сам совершал семейные обряды. Однако для более значительных ритуалов требовалось присутствие брахманов, и только они могли стать религиозными учителями.

Крайне трудно составить объективное представление о положении брахманов в ведийском обществе — слишком настойчиво источники, составленные в их среде, подчеркивают сословные привилегии. Брахман считался лицом, не подлежащим телесному наказанию, а тем более смертной казни. Это, конечно, вполне соответствует его роли в ритуале как особо сакральной персоны. Убийство брахмана рассматривалось как страшный грех, искупаемый такими дорогостоящими ритуалами, которые доступны лишь для великого правителя. Однако историческая традиция сохранила некоторые предания и о «царях», казнивших брахманов. Очевидно, сам грозный тон предупреждений на этот счет, содержащихся в поздневедийской литературе, объясняется тем, что брахманы обращались к «царям», защищая свою неприкосновенность.

Другой привилегией брахманов считалось то, что они были освобождены от уплаты податей. Полагалось оказывать брахману всевозможные знаки почтения. В ведийской литературе неоднократно упоминаются дары правителей брахманам. В качестве объекта дарения сначала выступают обычно коровы, затем золото, драгоценности, одежды, девушки-рабыни, наконец — земля для поселения и целые деревни, подати с которых шли на религиозные нужды и содержание брахмана.

Связи брахмана с его клиентами не рассматривались как отношения найма. В древнеиндийских источниках с негодованием отзываются о наем-

ных жрецах и учителях. Правда, в конце периода обучения наставник-гуру получал от семьи своего воспитанника дар, обычно корову, но размер этого «дара» с ним не обсуждался. Он регулировался неписаным обычаем, и считалось, что без подобного вознаграждения становилось бесплодным и само обучение. Точно так же и после совершения жертвоприношения брахманы получали вознаграждение — *дакшину*. Однако последнее не считалось платой за выполненную работу. Достаточно сказать, что дакшину получали не только брахманы, совершавшие обряды, но и те, которые только присутствовали при ритуальных действиях.

Особенно важное место среди брахманов уделялось пурохите. Последний считался домашним жрецом правителя, однако фактически его функции были значительно шире. Он не только следил за исполнением обрядов в царском доме, но и обеспечивал магическими средствами успех правителя и его личную безопасность в сражениях, выступал в качестве ближайшего доверенного лица и советника раджи. Особенно интересно, что в брахманической прозе говорится о нескольких царях, имевших общего пурохиту. Создавались, таким образом, объединения царей, не имевшие чисто политического характера. Значительную роль в них должны были играть общность культа и сам пурохита — брахман, пользовавшийся влиянием при дворе каждого из царей, входивших в союз.

В ведийский период сложилась система ученичества, при которой после посвящения мальчики из числа «дваждырожденных» должны были жить несколько лет в доме наставника-гуру. У него они получали знания ведийских текстов и ритуальных правил. Ученики помогали вести хозяйство — пасли скот, собирали сучья, сушили навоз и поддерживали огонь в очаге. Кроме того, их религиозной обязанностью было собирать милостыню и приносить ее гуру. Лишь по окончании ученичества юноши могли вернуться домой и вступить в брак. Трудно сказать, насколько широко и полно этот обычай соблюдался среди всех «дваждырожденных», но в брахманских семьях, несомненно, стремились следовать ему.

После ученичества начиналась вторая стадия жизни, заключавшаяся в обзаведении семейством, ведении хозяйства и совершении всех необходимых домашних обрядов. И, согласно сложившимся к концу ведийского периода представлениям, в старости «дваждырожденный», желавший достичь духовного освобождения, должен был стать лесным отшельником и предаваться аскетизму. Обычаи ученичества, с одной стороны, и аскетизма — с другой, сыграли важнейшую роль в истории индийской культуры. И то и другое не ограничивалось только определенными «стадиями жизни», на которых настаивают брахманские тексты.

Схема четырех варн — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры — в брахманической прозе стала основной моделью ведийского общества. Принадлежность к той или иной варне должна была определять весь внешний быт человека — от одежды и формы обращения до размеров погребального сооружения. В принципе варновый строй основан на неравенстве прав и обязанностей, ему присуща жесткая стабильность социальной стратификации. Принадлежность к той или иной варне зависела от рождения и считалась неизменной. Такие социальные категории, как варны, могли возникнуть лишь в том обществе, где все определялось происхождением, а частная собственность еще не получила достаточного развития.

Власть в ведийском обществе осуществляли так называемые цари — раджи. Раджой в Ригведе именуется бог Индра — воитель, который теснит своих врагов, стоя на колеснице. Для той эпохи вообще весьма показа-

тельно, что правителей ассоциировали с воинскими подвигами — главным образом с победами на боевых колесницах.

Состязания в езде на колесницах являлись не только любимым развлечением знати, но и ритуалом, которому уделялось важное место в ведийской литературе. Победители, получавшие призы и награды, очевидно, рассматривались как любимцы богов. Боевые колесницы составляли существенную часть войска. Различие между «царями» и «народом» наглядно проявлялось именно в военном деле: вожди и предводители сражались на колесницах, народ составлял пехоту. Судя по описаниям в эпосе, битвы в значительной мере сводились к единоборству колесничных воинов, осыпавших друг друга стрелами — лишь за их спинами угадываются ряды пеших бойцов. Не случайно колесница и колесо символизировали власть — в ведийскую эпоху колесницы имели важнейшее социально-политическое значение.

Власть вождя и правителя осмыслялась как сакральная. «Царь» олицетворял всю общину («народ», племя, складывающееся государство). Если осквернен был, к примеру, его домашний очаг, считалось, что и никто не может варить пищу в своем хозяйстве. Особо подчеркивалась физическая мощь и мужество раджи. Его часто сравнивали с быком, неустанно стремящимся покрывать коров. Та же символика прослеживается во многих царских обрядах, связанных с троном, покрытым тигровой шкурой, с поднятым жезлом и т.п. «Царь» ставился как бы в центр мироздания и уже поэтому должен был обладать землей «в ее четырех пределах», т.е. быть вселенским владыкой.

Характерным образом при знаменитом «жертвоприношении коня» — *ашвамедхе* — проявляется претензия царя не только на военное превосходство и вселенское могущество, но и на обеспечение урожая. Во время этого ритуала специально отобранного коня пускали пастись там, где он пожелает. В течение года его сопровождала вооруженная царская дружина, с которой должен был сражаться правитель любой территории, куда ступало конское копыто, если он не признавал верховной власти совершающего ашвамедху. После завершения года раджа провозглашался владыкой четырех стран света, а коня приносили в жертву. Умерщвлением коня царь искупал все грехи, которые были связаны с завоеваниями и покорением земли. В заключительной части церемонии принимала активное участие главная царица, и ее обращения к коню как воплощению мужской силы красноречиво указывают на смысл ритуала, связанного с культом плодородия.

Идеальный царь должен был проявлять щедрость. Можно предполагать, что первоначально широкие раздачи производились между всеми соплеменниками, но постепенно все более ограничивались брахманами. Уменьшая свое имущество, раджа таким образом распространял свою «славу», обеспечивал себе поддержку и в конечном счете, расширяя власть над все новыми подданными, имел возможность вновь пополнять казну.

В описаниях царских ритуалов встречаются наименования помощников царя, его окружения, двора. Эти так называемые носители драгоценности (*ратнины*) включают таких лиц, как пурохита, военачальник, царский возница и проч. Упоминание военачальника позволяет считать, что в поздневедийскую эпоху функции военного предводителя уже обычно не выполнял сам раджа. Важное место при дворе занимал брат царя, но он никогда не встречается в тех же списках, что и военачальник, — возможно, речь идет об одном и том же лице. Возница раджи не только правил его колес-

ницей — как ближайший сподвижник в бою, он воспевал воинские подвиги своего патрона. Героические предания эпоса и передачу кшатрийских родословий традиция приписывает именно этим придворным бардам.

Еще несколько персонажей принадлежат к царской дружине. Их титулы связаны с тем местом, которое они занимают на пиру, с выполняемыми при этом ритуальными функциями — «режущий мясо», «раздающий доли» и т.п. Пир как бы служит моделью иерархии двора. Наиболее низкое, но все же почетное место занимают ремесленники — «колесничный мастер» и «плотник». Их роль в окружении царя вполне понятна в свете того, что говорилось прежде о социальной значимости колесницы. Относящиеся к ним данные поздневедийских текстов позволяют считать, что в то время соответствующие наименования являлись уже придворными титулами, а не простыми обозначениями профессий. В список нередко включается и «тот, кто бросает игральные кости», — выше уже говорилось, что игра была не только излюбленным развлечением ведийской знати, но имела и ритуальное значение.

Принадлежность к тому или иному придворному рангу, очевидно, передавалась по наследству. Разнообразие терминов, используемых для обозначения ведийской знати, показывает, что слой этот был весьма пестрым. Огромное значение придавалось происхождению — с учетом его заключались браки и определялось место на пирах. Правитель рассматривался как «первый среди своих» или «лучший среди равных». О преобладании над родичами и людьми того же социального слоя молили богов ведийские раджи, устраивая пышные жертвоприношения и раздавая богатые дары брахманам.

Государства складывались первоначально на племенной основе. Создавались и довольно обширные альянсы во главе с правителем, именовавшим себя «великим» или «верховным» царем. Однако подобные образования не приводили к существенным изменениям внутренней структуры отдельного царства и распадались так же быстро, как возникали.

На окраинных землях, главным образом у подножия Гималаев, складывались и иные политические структуры, именуемые в источниках термином *сангха* — «объединение». Они известны преимущественно по источникам более позднего периода, но, вероятно, до некоторой степени демонстрируют архаические порядки, складывавшиеся в ведийскую эпоху. В сангхах существовал целый слой знати (раджей), сотни и тысячи человек. На своих собраниях они избирали представителей исполнительной власти и решали голосованием наиболее важные вопросы. Каждый такой союз назывался по господствующему клану знати, а трудовое население считалось работниками и рабами данного клана. Мощь объединения зависела от степени его единства. Некоторые из таких конфедераций играли важную роль в политической борьбе середины I тысячелетия до х.э.

3. «БУДДИЙСКИЙ ПЕРИОД». ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕИНДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Середина I тысячелетия до х.э. ознаменовалась крупными переменами в экономике и социальных отношениях, в политическом строе и культуре Северной Индии. Одной из характерных черт этой эпохи явилось возникновение и распространение новой религии — буддизма. Памятники буддий-

ской литературы служат наиболее ценными письменными источниками по истории данного периода, который можно условно именовать «буддийским» (V—III вв. до х.э.).

Обширный буддийский канон на языке пали Типитака («Три корзины») был записан на Шри-Ланке около 80 г. до х.э. Он принадлежит школе буддизма *тхеравада* (или *хинаяна* — «узкий путь спасения»). Первая часть канона — Виная-питака — содержит правила поведения буддийского монаха. Здесь же находятся легенды о поводах к установлению того или иного правила. Еще более важные источники входят во вторую часть канона — Сутта-питаку («Книгу поучений»). Она включает в себя множество преданий о жизни Будды, его ближайших учениках и сподвижниках, о ранней истории буддийской общины, а в связи с этим и о правителях государств Индии, бывших современниками Будды.

В качестве исторического источника особенно важен сборник *джатак* — рассказов о перерождениях Будды, дающих значительный материал о быте и нравах мирян и монахов. Некоторые вошедшие в джатаки рассказы явно не буддийского происхождения, часто это популярные фольклорные сюжеты, обработанные и приспособленные для буддийской аудитории. Третья книга палийского канона — Абхидхамма-питака — посвящена буддийской метафизике и психологии. Есть основания полагать, что важнейшие части канона сложились уже к III в. до х.э., когда при царе Ашоке буддизм получил широкое распространение в Индии и начал выходить за ее пределы.

Из неканонических палийских текстов необходимо отметить цейлонские хроники, повествующие о ранней истории буддизма в Индии и его появлении на Ланке. Династийные списки этих хроник могут быть сопоставлены с аналогичным материалом в индуистских пуранах.

Из санскритских источников большое значение для характеристики социальных отношений имеют описания домашних ритуалов и правила благочестивого поведения, содержащиеся в брахманских сутрах. Древнейшие из этих произведений могут датироваться VI—III вв. до х.э. В центре внимания авторов — по преимуществу брахманов-ритуалистов — стоит жертвоприношение, понимаемое как средство очищения. В качестве особого вида жертвоприношения расцениваются и битвы, которые ведет царь-кшатрий с целью охраны земли и своих «детей» — подданных. Брахманские сутры содержат запись обычаев — частично и правовых обычаев, они послужили одним из важнейших источников юридической литературы древней Индии.

«Буддийский» период — время урбанизации в Северной Индии. В середине I тысячелетия до х.э. происходит некоторая унификация материальной культуры в долине Ганга. Распространяется железная индустрия. Укрепленные поселения городского типа появились уже в конце «ведийского» периода, а к V—IV вв. до х.э. относится основание важнейших городских центров древней Индии. Особо надо отметить крупнейшие крепостные сооружения и остатки буддийских монастырей в Каушамби (столице государства Ватса в V в. до х.э.), цитадель и стены древней столицы Магадхи — Раджагрихи.

Основным строительным материалом почти до рубежа христианской эры оставалось дерево, и потому остатки построек плохо сохранились. Наиболее известные памятники искусства этого времени связаны с именем Ашоки. Скульптурные изображения на колоннах этого царя символизируют определенную религиозную и политическую доктрину. Десятки над-

писей Ашоки на среднеиндийских языках, а также на греческом и арамейском являются первоклассными источниками по общеиндийскому государству Маурьев. Они дают возможность представить его границы, состав населения, административную структуру и характер управления, внутреннюю политику и внешние связи.

Немаловажное значение для данного периода имеют источники иноземного происхождения — прежде всего античные. Народы Средиземноморья вступили в более или менее регулярные контакты со странами Южной Азии после создания державы Ахеменидов. Настоящее открытие Индии греками произошло во время похода Александра Македонского. После распада державы Александра между его преемниками, эллинистическими царями, и общеиндийской державой Маурьев установились довольно тесные и регулярные связи. При дворе Чандрагупты, основателя династии Маурьев, побывал селевкидский посланник Мегасфен, оставивший описание Индии. Ни записки участников похода Александра, ни сочинения греческих посланников ко дворам индийских царей не сохранились. Однако писатели более позднего времени активно использовали эти труды, и в известной мере можно представить характер содержавшейся в них информации.

Священные книги буддизма связаны с другими областями Индии, нежели ведийская литература. Сам Будда был родом из небольшого олигархического объединения шакьев, расположенного на территории современного Непала, а легенды о его странствиях и проповедях упоминают преимущественно Северо-Восточную Индию. В предшествующую эпоху составители ведийских текстов отзывались о населении этого района с пренебрежением, рассматривая его образ жизни как чуждый и варварский. Но постепенно именно северо-восток становится наиболее передовой частью страны и в экономическом, и в политическом отношении.

Развитие земледелия в центральной части долины Ганга и далее на восток — вплоть до низовьев реки — было сопряжено со значительными трудностями. Климат здесь жаркий и отличается повышенной влажностью, в древности долину Ганга покрывали густые заросли тропического леса. Не меньшие сложности, чем борьба с джунглями, представляла и распашка твердой, изобилующей корнями почвы. Лишь существенный прогресс в средствах производства мог обеспечить переход к широкому хозяйственному освоению данного региона. По всей видимости, условия для этого были созданы распространением железных орудий труда. Хотя археологические подтверждения такой гипотезы еще недостаточны, трудно представить, что тропические леса могли быть сведены без железного топора, твердые почвы распаханы без плуга с железным лемехом и каналы выкопаны без железной мотыги и лопаты. Упоминания этих орудий встречаются уже в древнейших буддийских книгах.

На большей части Индо-Гангской равнины осадки выпадают в достаточном количестве (порой даже с избытком), однако только создание искусственных ирригационных сооружений — прудов, колодцев, каналов и дамб — позволяло добиваться устойчивых урожаев, не зависевших от капризов погоды. В условиях поливного земледелия на северо-востоке Индии основной зерновой культурой стал рис, и само слово «пища» уже в древнеиндийских языках имело конкретное значение — «отварной рис».

К середине I тысячелетия до х.э. стали применяться совершенные методы рисоводства — использование рассады, отбор сортов и т.п. Почвы долины Ганга, отличавшиеся необычайным плодородием, обеспечивали высокие урожаи. Развитие сельскохозяйственного производства во всей Север-

ной Индии способствовало бурному росту населения. Недаром в античной литературе еще во времен Геродота (V в. до х.э.) установилось мнение о том, что индийцы — самый многочисленный народ на земле.

Отличительной чертой периода являлось интенсивное строительство городов. Излюбленные персонажи буддийских преданий — купцы и зажиточные горожане, которые слушают проповеди Будды и оказывают покровительство его ученикам и последователям. Археология свидетельствует о том, что крохотные поселки предшествующего времени в течение жизни нескольких поколений превращались в обширные и процветающие города. Для ведийской эпохи можно говорить лишь об укрепленных резиденциях правителей, господствовавших над сельской округой (при этом поскольку сами династии были племенного происхождения, то и каждая такая крепость представляла собой политический центр всей территории, занятой племенем). Напротив, в середине I тысячелетия до х.э. города строились не только в стратегически важных пунктах, но и на сухопутных и речных путях — в местах, выгодных для торговли. Главной причиной роста городов как торгово-ремесленных поселений стал прогресс в разделении труда.

Показателем развития товарно-денежных отношений служит появление в середине I тысячелетия до х.э. монетной чеканки. Монеты эти довольно примитивны, но сам факт денежного обращения свидетельствует о происходивших в обществе переменах. Активное строительство городских укреплений нельзя не связать с накоплением богатств горожанами и с процессом имущественного расслоения.

Площадь наиболее крупных поселений, подвергавшихся раскопкам, — таких, как Уджаяни и Каушамби, — составляет около 1,5—2,5 кв.км, что соответствует размерам знаменитых городов древней Греции той же эпохи. Мегасфен был поражен обширностью индийской столицы Паталипутры. Он определял длину городских стен примерно в 30 км, насчитав в них несколько сот башен и десятки ворот. Впрочем, эти цифры еще нуждаются в подтверждении со стороны археологов. До проведения специальных полевых изысканий трудно сказать что-либо определенное о городской планировке. Судя по раскопкам в г. Таксила, застройка происходила хаотично.

О социальной структуре и системе управления городом ценные сведения сохранились в буддийских легендах. В них нередко упоминаются купеческие объединения и цеховые организации ремесленников. Судя по всему, между ремесленниками или торговцами поддерживались не только экономические связи — их объединяли также общие культы, празднества и обычаи. Селились члены таких объединений обычно вместе, образуя внутригородские соседские общины — кварталы. Профессиональные навыки передавались по наследству, а браки заключались в пределах своего социального круга. Отмечены случаи специализации отдельных этнических групп. Таким образом, лица, входившие в объединение, состояли между собой в отношениях родства или свойства, образуя как бы огромные «семьи», или кланы. Главы подобных объединений пользовались значительным влиянием, будучи представителями городского самоуправления.

Когда в произведениях буддийской литературы действие происходит не в городе, а в сельской местности, то и тут непременными его участниками являются зажиточные домохозяева. Сходную картину рисуют и другие источники того времени. В центре их внимания также стоит образ домовладыки, сельского хозяина (обычно брахмана).

Описания многочисленных домашних обрядов и религиозно-моральные поучения позволяют представить основные черты деревенского быта. Хо-

зяйство велось силами отдельной семьи, которой принадлежали дом, поля, скот и всевозможный инвентарь. Всем этим имуществом от имени семьи распоряжался ее глава, как правило старший мужчина. Обычно тексты имеют в виду семью разросшуюся, большую, включающую несколько поколений. Женатые сыновья оставались под родительской властью. Сыновья должны были проявлять почтительность по отношению к матери, но полноправной хозяйкой она не становилась и после смерти мужа — домом должен был управлять мужчина. Даже прав на наследство, оставшееся после мужа или сына, женщина не имела и сохраняла лишь то имущество, что было получено из дома ее отца. Распространена была практика усыновления. Внутри самой семьи складывались отношения патриархальной зависимости.

Хозяин от имени всех домочадцев совершал заупокойные жертвоприношения, которые считались основой семейного благополучия. Культ предков объединял все семьи, связанные между собой родством по мужской линии. Строго соблюдались передававшиеся из поколения в поколение семейные обычаи. Наиболее важные вопросы ставились на собраниях родственников, где, видимо, решающее слово принадлежало семьям и отдельным лицам, пользовавшимся особым авторитетом. Между родственниками и соседями складывалась традиционная система отношений, которая лишь частично может найти отражение в письменных источниках. Терминология литературных текстов крайне неотчетлива, но есть основания говорить о том, что наиболее влиятельные семьи оказывали другим покровительство, а взамен широко пользовались их услугами.

Развитие частной собственности способствовало не только имущественному расслоению, но и прямой эксплуатации чужого труда. Настоящим бедствием становилась задолженность, приводившая к закабалению свободных, к продаже членов семьи или самопродаже. Лишь прочность общинных традиций взаимопомощи препятствовала повсеместному распространению долгового рабства.

Естественно, что особенно широкими возможностями приумножения богатств располагали верхи городского населения, в основном купцы, ростовщики и главы ремесленных корпораций. В буддийских текстах об их сокровищах рассказывается подробно и со множеством сказочных преувеличений. Проявляя вполне естественный скептицизм в отношении отдельных деталей, читатель этой литературы без труда представляет, однако, какое огромное впечатление производила на современников пышность быта отдельных богачей. Следует подчеркнуть, что в подобных описаниях речь идет не только о золоте, драгоценных камнях или одеждах, но и о толпах домашних слуг и рабов, которые повсюду сопровождают хозяев и исполняют всякие их прихоти. В буддийских рассказах неоднократно встречаются упоминания и рабов, принадлежавших крестьянским семьям, что свидетельствует о довольно широком распространении рабства. Типичной, впрочем, является ситуация, когда раб помогает женщинам по дому или относит обед хозяину, работающему в поле. Литературные памятники позволяют сделать вывод о том, что и в данный период рабство имело преимущественно домашний характер.

Социальные перемены сказались и на политическом строе. В отличие от племенных царьков предшествующего периода правители североиндийских государств середины I тысячелетия до х.э. опирались на служилую знать, на складывавшийся административный аппарат. Наследственной аристократии в отдельных областях пришлось потесниться, уступая место

тем, кто был ближе к правящей в центре династии. К власти порой приходили и бывшие сельские старейшины или другие выходцы из «народа» (вайшьев). Обеспечив себе и своим сородичам устойчивое влияние, они получают возможность фальсифицировать генеалогии и доказывать, что на самом деле происходят от древних кшатрийских царей и героев. Богатство человека и степень его влиятельности в государстве приобрели не меньшее значение, чем происхождение из высших варн. В то же время сохранение иерархии варн ограничивало возможности социальной мобильности, а изменение реального места человека в обществе требовало обоснования с точки зрения сословно-кастовой идеологии.

Важнейшей опорой правителей государств являлась армия. Иным стало ее оснащение: легкие колесницы сменились тяжелыми квадригами, шире применялись конница и особенно боевые слоны. Еще важнее было существенное изменение комплектования армии и ее характера в сравнении с поздневедийским периодом. Ядро армии теперь составляли отряды, находившиеся на постоянном царском довольствии, — профессиональное войско, таким образом, пришло на смену старинной дружине. Временные ополчения формировались обычно на основе городских ремесленных корпораций, а привычное для ведийской эпохи понятие народа-войска совершенно вышло из употребления. В середине I тысячелетия до х.э. сельское население было, как правило, безоружно и обязано лишь исправно платить налоги, которые и позволяли содержать государственный аппарат, включая постоянную наемную армию.

Многие государства середины I тысячелетия до х.э. занимали обширную территорию (часто далеко за пределами области расселения первоначального основного племени). В большей части из них правили царские династии, но были и олигархические объединения (как бы федерации отдельных княжеств).

Крупных государств в это время насчитывалось около двух десятков, но в отдельных регионах еще господствовала раздробленность. Особой пестротой отличался район Пенджаба. В конце VI в. до х.э. многочисленные племена и небольшие государственные образования по течению Инда подчинились Дарию I, и персидские цари приобрели таким образом две новые сатрапии, названные Гандхара и Хинду. Но наиболее значительные индийские государства располагались намного восточнее границ державы Ахеменидов. Это были Магадха и Кошала по среднему и нижнему течению Ганга, Ватса в междуречье Ганга и Ямуны, а также Аванти со столицей в Уджаяни. Борьба за гегемонию между этими четырьмя крупнейшими центрами и составляет главное содержание политической истории Северной Индии VI—V вв. до х.э.

К VI в. до х.э. наибольшее влияние приобрела Магадха, правителям которой и было суждено спустя столетия создать первую общеиндийскую державу. О магадхской династии Нандов, которой подчинялась большая часть Северной Индии, сохранились лишь смутные исторические предания. Несколько лучше известны события конца IV в. до х.э., когда на территории Пенджаба появились войска Александра Македонского, уже сокрушившего власть Ахеменидов. Некоторые местные племена и государства покорились греко-македонцам добровольно (например, Таксила) или были подчинены силой. Античные источники сообщают о знатном индийце Сандрокотте, который прибыл ко двору Александра, чтобы убедить его продолжать поход на восток и низвергнуть с престола царя из династии Нандов. Однако дальнейшие завоевания вызвали столь ожесточенное сопро-

тивление населения, что от р. Биас греко-македонским войскам пришлось пуститься в обратный путь.

Тогда тот же Сандрокотт стал во главе антимакедонского движения и после изгнания оставленных Александром гарнизонов повел успешную борьбу с царем Магадхи. Упоминаемое греческими писателями имя Сандрокотта полностью соответствует известному из индийской литературы имени Чандрагупты, который, победив Нандов, основал династию Маурьев (317—180 гг. до х.э.) — наиболее важную в древнеиндийской истории.

Северная Индия от Пенджаба до Бенгалии была подчинена уже Чандрагуптой, а его преемники распространили свою власть и на территорию Декана. Расцвета держава Маурьев достигла в середине III в. до х.э., при внуке Чандрагупты Ашоке. Важнейшим источником для изучения этого времени служат многочисленные надписи Ашоки (так называемые эдикты), высеченные на камне. Эдикты Ашоки посвящены рассказам о благочестии государя и содержат наставления ко всем подданным подражать в этом отношении своему владыке.

Уже самые места находок надписей Ашоки позволяют очертить примерные границы его державы — от устья Ганга и от Кабула до южной оконечности Декана (в нее не входили лишь области крайнего юга Индостана). Эдикты, составленные на местных языках и диалектах, позволяют оценить разнообразие населявших Индию народностей (включая ираноязычные и греческие колонии на северо-западе). Вошедшие в Маурийскую державу страны образовали несколько обширных провинций. Главные из них соответствовали прежним независимым государствам — Северо-Западная провинция с центром в Таксиле, Западная со столицей в Уджаяни. Восточная провинция представляла собой Калингу, завоеванную Ашокой в ходе жестокой войны (о своем раскаянии в этом кровопролитии царь сообщает в нескольких надписях).

Правитель общеиндийской державы скромно называет себя царем Магадхи и явно отделяет свои исконные владения от провинций — огромной периферии. Завоевания, как правило, не приводили к полной смене политической элиты и ликвидации прежней структуры управления. Лишь раз в три-пять лет царь Магадхи или стоявшие во главе провинций «царевичи» отправляли специальных вельмож для контроля положения на местах и демонстрации прав на подвластную им территорию. Структура державы в целом была крайне рыхлой, децентрализованной. В отдельных ее областях продолжали править местные династии или олигархические объединения. На обширных территориях (особенно в Декане) население продолжало жить в условиях племенного строя, и представителям государственной власти приходилось вступать в тесные контакты с племенными вождями, нередко приглашая их на службу. Политическое объединение способствовало известной унификации материальной и духовной культуры различных областей, но особое значение оно имело для ускорения процессов экономического развития и социального расслоения отставших прежде районов (главным образом Центральной и Южной Индии).

Власть правителя в столице была ограничена царским советом, состоявшим из его родственников и представителей наиболее знатных фамилий, занимавших высшие посты. О внутренней политике во времена Нандов и Маурьев можно судить на основе анализа сохранившихся о них преданий. Традиция крайне неодобрительно отзывается о Нандах. Им отказывают в знатности происхождения, подчеркивают их жадность и жестокость. Аналогичные оценки встречаются и в позднейших повествованиях о правителях

из династии Маурьев. Есть основания предполагать, что цари крупных держав ограничивали привилегии старинной аристократии — кшатриев, порой заменяя их своими ставленниками из менее славных родов. Видимо, они стремились сосредоточить в своих руках финансовое управление и увеличить доходы государственной казны, сурово подавляя всяческое недовольство.

Другой отличительной чертой политики Нандов и Маурьев (и многих других царей крупных древнеиндийских государств) было покровительство нетрадиционным религиям, главным образом буддизму. В своих надписях Ашока призывает население почитать не только наследственных жрецов-брахманов, но и бродячих проповедников новых учений. Сами эдикты являются проповедями, сложившимися под влиянием буддизма. Царь призывает народ к веротерпимости, говоря: «Кто из приверженности своей вере хулит чужую, на самом деле лишь вредит своей вере». Провозглашая себя отцом подданных, он обещает поддержку всем религиозным общинам. Носитель верховной власти выступает с истолкованием, что такое истинное благочестие, высказывает суждения по вопросам буддийского вероучения и настойчиво вмешивается в жизнь монашеской общины. Признание праведности царя становится как бы проявлением политической лояльности. Даже мотив раскаяния и демонстративного отказа от кровопролития выполняет ту же самую функцию, что искупительный обряд ашвамедхи у ведийских правителей. Царь, совершающий покаяние, тем самым не унижает себя — напротив, он обретает особое право на власть. Недаром эдикты высекали на общее обозрение именно в пограничных областях и в недавно покоренной, мятежной Калинге. Отсутствие экономического единства страны и рыхлость ее политического устройства способствовали особой роли идеологии — этическая проповедь Ашоки составляет основное содержание его эдиктов. Царь является не столько руководителем администрации, который вмешивается в ее повседневную деятельность, сколько неким добрым пастырем всех народов державы. Индийские представления о царе-мироде́ржце в эдиктах Ашоки сливаются с эллинистической идеей о правителе как «спасителе» и «благодетеле» подданных.

Общеиндийский правитель настойчиво провозглашал и свое стремление к «завоеванию праведностью» всего мира. Именно с этой целью Ашока рассылал специальные миссии, которые должны были проповедовать истинность учения Будды и рассказывать о благочестии царя Магадхи. В эдиктах говорится о том, что Ашока отправил гонцов даже в самые отдаленные известные ему страны запада — к греческим правителям государств Египта, Македонии, Коринфа и Киренаики (Северная Африка). Впрочем, античные источники о прибытии этих индийских посольств ничего не сообщают.

Значительно более успешной была миссионерская деятельность в областях, тесно связанных с Индией, прежде всего на Шри-Ланке. Цейлон уже раньше испытывал значительное влияние более развитой индийской цивилизации. Цейлонские хроники рассказывают, что брат (или сын) Ашоки, стоявший во главе специальной миссии, убедил местного правителя в преимуществах учения Будды, и уже вскоре здесь появились первые монастыри. Шри-Ланка со времен Ашоки и до настоящего времени остается страной, где господствует буддийская религия. Буддизм здесь сыграл важную роль, придя на смену примитивным общинным культам. Такое же значение имело впоследствии принятие этой мировой религии во многих других странах Азии.

4. «КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА» (II в. до х.э. — V в. х.э.)

В начале II в. до х.э. последний представитель династии Маурьев был убит собственным военачальником. С этого времени начался длительный период политической нестабильности и постепенного распада державы. В I в. до х.э. власть правителей Магадхи уже не распространялась за ее пределы.

Между тем Северо-Западная Индия испытывала мощный напор извне — вторжения иноземцев. Первыми появились греко-бактрийцы, прочно обосновавшиеся в Гандхаре. Подробности истории греко-бактрийских государств неизвестны — лишь в общих чертах удается восстановить последовательность правлений царей по выпускавшимся ими монетам. В индийской литературе о греках сохранилась память как о жестоких завоевателях, походы которых достигали бывшей маурийской столицы Паталипутры. В качестве свидетельства культурной ассимиляции можно рассматривать сведения об их поклонении индийским богам, покровительстве буддизму.

Вслед за греко-бактрийцами в I в. до х.э. в Индию проникли восточноиранские племена — саки (шаки). На северо-западе образовалось несколько мелких индо-сакских государств. Сакские правители, установившие гегемонию над небольшими соседними царствами, начинали именовать себя «великими» и «царями царей». В более крупных государственных образованиях вводилась система наместничеств — сатрапий. Сатрапы (*кшатрапы*) пользовались значительной самостоятельностью и довольно быстро добивались полной независимости. Анализ изображений и надписей на монетах сакских царей и кшатрапов показывает смешение собственно индийских черт с иранскими и греческими.

На рубеже христианской эры некоторые области Северо-Западной Индии покорились парфянам. Среди индо-парфянских царьков наибольшей известностью пользовался правивший в Таксиле Гондофар. Позднейшая легенда повествует о том, что он был обращен в христианство апостолом Фомой. Индийские христиане впоследствии относились с особым почтением к святому Фоме. В легенде о его миссионерской деятельности, очевидно, нашли отражение активные связи между Индией и Римской империей.

Первые века христианской эры характеризуются политическим преобладанием в Центральной Азии Кушанской державы. По-настоящему прочно Кушаны обосновались лишь в северо-западной части Индии, но в некоторые периоды, возможно, распространяли свою власть на значительные территории в долине Ганга (например, надпись с именем знаменитого кушанского царя Канишки обнаружена возле г. Варанаси). Находки кушанских монет вплоть до Ориссы свидетельствуют о широте экономических связей в Кушанский период. Существование этой огромной державы способствовало культурному взаимодействию Индии с восточноиранским и эллинистическо-римским миром, а также с Ханьской империей. По территории Кушанской державы проходил Великий Шелковый путь.

Для культуры Кушанского государства характерно смешение разнообразных языков, культур и религиозных культов. На монетах правителей, в произведениях искусства мы можем видеть изображения греческих богов и героев (Гелиоса, Геракла), иранских (Ахурамазды, Анахиты), индийских — Шиву с его спутником, быком Нандином, а также Будду и его символы.

Традиция связывает с именем Канишки — наиболее известного из ку-

шанских правителей — проведение IV буддийского собора, строительство многочисленных монастырей и ступ. Канишка — самый любимый герой буддийских легенд после Ашоки. Видимо, действительно при Кушанах буддизм начинает широко распространяться в Центральной и Восточной Азии, становится в полном смысле слова мировой религией.

Власть кушанских правителей в Западной Индии была в значительной мере номинальной. Сакские кшатрапы этого региона нередко именовали себя царями. К первым векам христианской эры далеко зашел процесс культурной ассимиляции саков — на монетах постепенно переставали помещать надписи на каких-либо иных языках, кроме индийских.

В послемаурийский период происходило становление независимых государств в областях к югу от Индо-Гангской равнины. Порой они даже опережали страны Севера в своем социальном и политическом развитии. Найденная в Калинге (совр. Орисса) большая наскальная надпись свидетельствует о расцвете этой области в I в. до х.э. Местный правитель сообщает о работах по строительству огромного канала, начатого еще при Нандах, а также о своих многочисленных победоносных походах. Слухи об огромной армии царя Калинги дошли даже до Рима — об этом говорится в «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. х.э.). Но судьба государства в последующую эпоху практически неизвестна — очевидно, оно распалось на несколько мелких княжеств.

Описание политической истории большинства древнеиндийских государств основано на случайно сохранившихся источниках, главным образом немногочисленных царских надписях. Запечатленные в них отдельные яркие эпизоды не всегда могут быть представлены в ряде последовательных событий. Да и сама политическая ситуация отличалась крайней нестабильностью. При удачном стечении обстоятельств внезапно возвышался тот или иной царь, обеспечивший себе поддержку. Но затем эти непрочные альянсы столь же быстро распадались, уступая место иным комбинациям политических сил, а потомки основателей обширных держав продолжали править лишь в своих крохотных исконных владениях.

В истории стран Декана центральное место принадлежало династии Сатаваханов. Основана она была, очевидно, вскоре после распада Маурийской державы, а затем какое-то время соперничала с царями Калинги. На основании средневековых индийских пуран можно отождествить Сатаваханов с династией Андхры (совр. штат Андхра-Прадеш), что указывает на их связь с районом Восточного Декана. Однако находки многочисленных надписей Сатаваханов позволяют говорить, что в период расцвета государства во II в. х.э. его основные центры находились в Западном Декане. Уже в III в. держава распалась. Местная ветвь династии сохраняла власть лишь на небольшой территории, а гегемония в регионе перешла к государствам Вакатаков и Паллавов.

Мало что известно о древних странах крайнего юга Индостана. Археологические данные свидетельствуют о том, что уже с середины I тысячелетия до х.э. здесь распространялось железо. Довольно рано были установлены связи этих областей по морю с эллинистическо-римским миром. Еще в эдиктах Ашоки упоминались три области крайнего юга, не входившие в состав его державы. О бесконечных войнах между правителями этих трех государств говорится в классической тамильской поэзии первых веков. Несколько раз предпринимали тамилы вторжения на Ланку. Цейлонские исторические хроники воспроизводят предания об изгнании чужеземцев, захвативших северную часть острова.

Рассматриваемый период был временем расцвета древнеиндийской экономики. Индийцы научились плавить высококачественную сталь, которая славилась не только в ближайших странах, но и в далеком Средиземноморье. Крепости строились уже не из дерева, а из кирпича и камня, для их штурма использовались стенобитные машины и другие военные механизмы. К послемаурийской эпохе относятся буддийские пещерные монастыри и храмы и другие монументальные сооружения. Огромное количество памятников скульптуры первых веков христианской эры позволяет судить не только о религиозных верованиях и художественных вкусах населения, но и о технике работы, высоком мастерстве ремесленников — резчиков и каменотесов.

Произведениями искусства являются и монеты, появившиеся под влиянием эллинистических образцов — с изображениями правителей и надписями на различных языках. Обилие монет — золотых, серебряных и медных — показывает довольно высокую степень развития денежного обращения. Оживленные торговые пути связывали между собой крупнейшие города, такие, как Таксила, Матхура, Уджаяни, Варанаси. Наметилась некоторая областная специализация: Варанаси и Матхура, например, славились хлопчатобумажными тканями, северо-западные районы — шерстяными тканями, вином и лошадьми, Уджаяни — изделиями из драгоценных камней и слоновой кости, Южная Индия — пряностями. Образование Кушанской державы способствовало оживлению контактов Индии с областями Центральной Азии.

Уже во II—I вв. до х.э. в Западной и Южной Индии появились торговцы из эллинистического Египта. Морское сообщение между этими странами значительно расширилось, когда стали использоваться муссоны для плавания через Индийский океан. На крайнем юге Индии возникла даже римская фактория Арикамеду. Плиний Старший жаловался на то, что товары, привозимые с Востока — из Индии, Китая и Аравии, ежегодно обходятся Римской империи в 100 миллионов сестерциев. Это показывает, что баланс торговли с Римом для Индии был активным. Развивались и собственное судостроение и морское судоходство. В первые века христианской эры индийцы не только поддерживали тесные связи по морю с Юго-Восточной Азией и островами Индонезии, но и начали в этом направлении широкую колонизацию.

О социальном строе Индии можно составить лишь самое общее представление, анализируя сохранившиеся литературные памятники. Основу социальной организации древнеиндийской деревни составляла соседская община. Вероятно, она имела те или иные особенности в различных районах страны, но источники позволяют представить лишь тот тип общинной организации наиболее развитых районов Северной Индии, который сложился к концу древности.

Пахотная земля была разделена между отдельными семьями, силами которых и велось каждое хозяйство. В нераздельной собственности находились лишь некоторые угодья, пустыри и пастбища. Если глава семьи продавал свой участок, то преимущественное право покупки принадлежало родственникам и соседям продавца. Все частные земельные владения входили в состав общинной территории, и, покупая дом и поле, новый хозяин приобретал также членство в общинной организации. Община обеспечивала коллективную помощь своим членам, но, в свою очередь, требовала от них участия в совместных работах по строительству дорог, рытью каналов, поддержанию деревенских святилищ, а также в празднествах и обрядах.

Полноправные члены общины принимали участие в сходах. Споры между жителями деревни решались, как правило, родственниками и соседями на основе обычного права. Во главе деревни стоял староста, представлявший общину перед государственной властью.

Внутри деревни не было равенства ни по имущественному положению, ни по сословно-кастовому статусу, ни по степени участия в решении деревенских дел. Ведущую, более или менее замкнутую, группу составляли общинники-землевладельцы. Далеко не всегда они сами занимались сельскохозяйственным трудом. Распространены были различные формы аренды, использование труда батраков, должников и других зависимых лиц. Безземельные работники принадлежали к более низкому слою населения деревни. Довольно значительный слой составлял и обслуживающий персонал — прачки, уборщики, сторожа, а также деревенские ремесленники — плотники, горшечники и т.п. Статус лиц каждой категории был в принципе наследственным и неизменным, а различные формы социального общения ограничивались главным образом кругом лиц того же положения. В пределах каждой местности семьи одного общественного статуса образовывали замкнутые сообщества — касты. Каждая каста была эндогамна, и потому все ее члены находились между собой в родстве или свойстве (или хотя бы могли рассматривать друг друга как потенциальных свойственников). Членов касты связывали как экономические интересы, так и религиозные обычаи и обряды.

Традиционные отношения между жителями деревни оформлялись в виде кастовой иерархии. Деревенские ремесленники, например, были обязаны обслуживать представителей земледельческих каст, но, в свою очередь, имели право на долю собранного последними урожая. Такая система разделения труда, взаимных прав и обязанностей не только придавала индийской деревне необычайную устойчивость, но и гарантировала господство высших каст. В экономическом отношении каждая деревенская община сама себя обеспечивала и потому не нуждалась в широких внешних контактах. Междеревенские связи имели частично административный характер (несколько крупных поселений составляли территориальное объединение), частично кастовый — члены каждой касты поддерживали тесные отношения друг с другом в пределах порой весьма обширных областей.

Сложившиеся и складывавшиеся к концу древности многочисленные местные касты получали оценку в свете старинных представлений об обществе, разделенном на четыре варны. Высшие касты землевладельцев, как правило, причисляли себя к брахманам или кшатриям. Вайшьями часто считались городские торгово-ростовщические касты. Основная масса трудящихся, не только ремесленников, но и крестьян, к концу древности рассматривалась как варна шудр. Еще ниже шудр находились касты неприкасаемых, занятые самыми тяжелыми и ритуально нечистыми работами. Жили они за пределами деревни или на окраине города, чтобы своим присутствием не осквернять представителей высших каст.

Городские свободные ремесленники составляли корпорации. Наследственность занятий и положения и здесь способствовала появлению замкнутых профессиональных каст. Ремесленные объединения осуществляли контроль не только за деятельностью, но и за образом жизни своих членов. Социальный престиж разных профессий, а также место, занимаемое в обществе той или иной кастой, были неодинаковы — например, золотых дел мастера, некоторые оружейники, изготовители благовоний находились

в более привилегированном положении, чем простые каменщики, кузнецы или ткачи.

Работали ремесленники, как правило, не на рынок, а на заказ. В качестве заказчика, впрочем, мог фигурировать и богатый торговец, скупавший изделия для продажи в далеких странах. В результате подобных операций купцы не только обогащались, но и приобретали значительное влияние на развитие городского ремесла. Трудно сказать, насколько широкими были экономические связи города с сельской округой. По-видимому, городское ремесло обслуживало прежде всего нужды политической элиты — царского двора, провинциальной знати, чиновников, а товарообмен города и деревни оставался ограниченным. Внешняя торговля была значительно более развитой, нежели внутренняя.

В деревне и особенно в городе широко применялся наемный и принудительный труд. Квалифицированные ремесленники пользовались трудом подмастерьев и учеников, а работы особо тяжелые и грязные были, видимо, уделом рабов. Состоятельные купцы нанимали приказчиков и розничных торговцев, выплачивая им постоянное жалованье или гарантируя долю прибыли, а в домашнем быту использовали рабов.

Рабов рассматривали как собственность хозяина и потому передавали по наследству, продавали, дарили, закладывали, проигрывали; освобождение рабы могли получить лишь по воле хозяина. Закон почти не вмешивался в отношения хозяина и раба, и если были ограничения произвола, то преимущественно неписаным обычаем. Теоретически рабы не должны были иметь никакой собственности, ибо сами принадлежали хозяевам, однако фактически они могли владеть имуществом, и потому в Артхашастре содержится предписание, чтобы хозяин не присваивал наследства своего раба, если у того оставались родственники.

Помимо полного рабства существовали и другие формы зависимости. К рабам в широком смысле слова часто причисляли лиц, отрабатывавших долг в течение определенного срока. В период пребывания в кабале должники работали на хозяина вместе с рабами, однако их юридическое положение отличалось от собственно рабского. Хозяин не мог их продать или заложить, не мог наказывать по своему произволу или заставить выполнять нечистые работы, если выполнение таковых было запрещено их кастой. Семейство такого должника оставалось свободным, а сам он не терял принадлежности к своей касте.

Некоторые наемники — поденщики, батраки — почти не отличались по своему социально-экономическому положению от кабальных должников и других лиц, выполнявших рабскую службу. Использование их представляло особые выгоды во время сезонных работ. Систематический труд по найму являлся уделом низших каст, не имевших собственных средств производства, и для них это стало не только экономической необходимостью, но и религиозным, кастовым долгом. По договору о найме они выполняли те грязные работы, которые нельзя было заставить выполнять кабальных должников, принадлежавших к более высокой касте.

Как и в других древних обществах, большинство населения составляли земледельцы-налогоплательщики. Традиционный размер налога составлял шестую часть урожая, однако разного рода дополнительные и экстраординарные сборы значительно повышали эту норму. Земли, принадлежавшие ученым брахманам, храмам и монастырям, как правило, освобождались от уплаты налогов.

В источниках встречаются упоминания о «хозяевах деревень», имевших

права на получение податей. Происхождение и оформление таких прав было различным. Порой речь идет о старинном господстве аристократической фамилии в той или иной местности. Известно, что в процессе образования классового общества и государственности племенные вожди и родовая знать сосредоточивали в своих руках распоряжение общественными богатствами. В крупных государствах подобное владение, иногда обширной территорией, требовало утверждения со стороны верховного правителя. Последний редко решался полностью уничтожить привилегии знатной семьи или династии — это грозило бы опасным возмущением наиболее влиятельного социального слоя. Однако центральная власть стремилась закрепить наследственные права за наиболее лояльными ее представителями, а порой проводила политику перемещения местных правителей, с тем чтобы ослабить их сложившиеся связи с населением определенной области. При таких перемещениях на самые видные места выдвигались родичи и сподвижники правителя-гегемона, а предоставленные им земли рассматривались как временное «кормление», которое всегда могло быть отобрано. В то же время действовала и противоположная тенденция — земли, полученные лишь на время, при условии несения службы, царские сановники стремились превратить в свои наследственные владения и в конечном счете укрепить свою власть вплоть до получения полной независимости. Распространенная практика «кормлений» способствовала, таким образом, политической нестабильности.

Конец эпохи характеризуется ростом крупного землевладения. Деревни — путем пожалований или покупки — переходили в собственность монастырей, храмов и отдельных брахманов. Владельцами селений могли стать и разбогатевшие купцы. Сосредоточившие в своих руках землю деревенские старосты из представителей самоуправления превращались в мелких помещиков, в деревне распространялись кабальное должничество и аренда. Эти процессы роста крупного землевладения и расширения крестьянской зависимости в конце периода древности в историографии рассматриваются как главные признаки перехода к новому периоду — средневековью.

5. РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Тысяча гимнов Ригведы, а также более поздние памятники ведийской литературы дают богатейший материал для суждений о характере религиозных верований ариев. Сравнение с мифологией других народов показывает иногда далекие индоевропейские истоки ведийской религии. Прослеживаются, между прочим, и славянские параллели: например, божество грозы Парджанья соответствует Перуну, бог огня именуется Агни (ср. рус. «огонь»), бог ветра — Ваю (ср. рус. «веять»). Особую близость обнаруживают веды с религией и культурой древнего Ирана, так как индийская группа арийских племен довольно поздно отделилась от своих иранских собратьев. И в Индии, и в Иране поклонялись, например, богу Митре, во время религиозных церемоний пили сому — священный напиток, обладавший, видимо, наркотическим действием. Даже некоторые мифы у древних индийцев и иранцев были общими.

Мифологические описания в гимнах Ригведы часто связаны с явлениями природы. Устойчивой иерархии богов не наблюдается (как не видно ее

и в обществе той эпохи), однако некоторые персонажи были излюбленными героями мифов. Так, многие гимны Ригведы повествуют о подвигах бога Индры, который во главе своей дружины на колеснице, с «молнией» в руке, сражался с бесформенным чудовищем. Когда дракон был побежден, потоки вод помчались, как стада коров, — это дождь пролился на поля. Большая часть гимнов Ригведы была связана с ритуалом, и повествование о сражении Индры с драконом, видимо, пели на празднестве Нового года.

Считалось, что боги обитают на небесах, и само их название — *дэвы* — ассоциируется со словами, означавшими небо, дневной свет. Отдельные черты в ведийских текстах указывают на их антропоморфный облик, но конкретного описания этого облика нет, и в науке принято считать, что арии не поклонялись изображениям богов. Большинство мифологических персонажей ведийской религии мужского пола, но есть и женские образы (Утренняя Заря, Ночь, Земля и др.). Обычное жертвоприношение состояло в том, что богов «приглашали» сесть на подстилку из священной травы у костра и «угощали» едой и питьем как почетных гостей. В огонь лили масло, бросали ячменные зерна, обращаясь при этом к богу Агни, как к посланцу богов. Полагали, что жертвы вместе с дымом уносятся на небеса, а насытившиеся боги посылают затем еду своим земным почитателям. Происходил, таким образом, некий «круговорот материи», а в центре этого космического процесса стоял жрец —посредник между миром богов и людей, от которого небожители принимали пищу.

Постоянных мест сосредоточения культа — храмов — первоначально не было, но ведийские арии для особо значимых ритуальных церемоний сооружали специальные алтари. В поздневедийских текстах даются подробные описания планов этих сложных построек, например в виде огромной птицы. Жертвоприношения на нескольких огнях такого алтаря совершались в течение многих дней, а некоторые циклы обрядов продолжались более года. В них принимали участие целые группы жрецов, каждый из которых выполнял особые функции. Всякое действие, имевшее магический характер, детально регламентировалось. Не меньшее значение имело и произнесение при этом обращений к богам. Иногда это простые просьбы, выражающие нехитрую мысль: «Я — тебе, ты — мне», или намеки на щедрость божества, которое, не скупясь, вознаграждает того, кто его восхваляет. Порой настойчиво повторяется имя бога, с тем чтобы получить над ним магическую власть и заставить выполнить просьбу. Само заклинание тогда приобретает характер требования.

В представлении участников ритуала, обряд не символизирует космические явления, а вызывает их: солнце не встанет, если жертвователь не зажжет в конце ночи огонь на алтаре. Жертва осмысляется как движущая пружина мировых процессов. Боги ничего не решают по произволу, они лишены свободы воли и в этом смысле даже не отличаются особым могуществом. Ритуалистика менее всего предполагает живые эмоции. Богов не умоляют, а скорее управляют ими. Иногда они выглядят как простые статисты в литургическом действе. Для брахманической прозы характерно представление о материальности всего мира (включая область духа и абстрактные понятия) и в то же время оживление этой материи в виде божеств — *дэвата*.

Все в мире взаимосвязано, и потому одно можно сделать орудием воздействия на другое. Необходимо лишь осознать, выразить и воспользоваться этим тождеством. Ритуалисты исходят из наличия всеобщих зако-

номерностей, которым подчиняются сами боги. В основе мировоззрения поздневедийской эпохи лежит магия.

Поздневедийская ритуалистика сыграла огромную роль в становлении древнеиндийской культуры. Форма брахманической прозы, перемежающей текст с комментарием, стала основой традиции индийского обучения и неизменно воспроизводилась в позднейших научных или философских трактатах. В брахманах формировалось сознательное отношение к ритуальной практике — следующим шагом должно было стать осмысление и других аспектов человеческой деятельности.

Непосредственно к брахманам примыкают — а отчасти и просто включаются в них — араньяки и упанишады. Упанишады опираются на те представления о «круговороте материи», которые явственно выражены в брахманах. Жертва от людей идет к богам и — в качестве возмещения — вновь возвращается к людям. Но и сам человек осмысляется как своего рода жертва: и он проходит круговорот существований, вращаясь между тем и этим миром. Складывается понятие *сансары* — круга перерождений.

Понятие жертвоприношения в упанишадах все чаще употребляется в переносном смысле, становясь метафорой. Говорится о жертве не только пищей, но и деянием, словом, мыслью. Вся жизнь человека рассматривается как цикл ритуальных процедур от зачатия до смерти. Сожжение покойника есть последнее жертвоприношение — тела на огне. Повседневное поведение представляется ритуализованным действием, а сам человек — совокупностью чистых и нечистых деяний. Формируется важнейшая для индийских религий доктрина *кармы* — представление о том, что деяния являются причиной последующего воздаяния.

Закон воздаяния обеспечивал тем, кто накопил религиозную заслугу, новое рождение в более высокой варне, а грешникам — в более низкой. За грехи человек мог родиться животным, червем, насекомым, а наградой за праведность служило рождение божеством. Таким образом, и сами боги не были свободны от круговорота перерождений и воздаяния — кармы.

Середина I тысячелетия до х.э. ознаменовалась появлением новых религиозных течений. Наиболее важным из них был буддизм, превратившийся в первую мировую религию. Традиционная формула называет «три драгоценности» буддизма: это сам Будда, дхарма — его учение и сангха — община его последователей.

Основателем буддизма считается царевич Сиддхартха. Мысль о страдании живых существ обратила его к подвижничеству. После долгих лет странствий в Магадхе в тени могучей смоковницы на него низошло просветление. Сиддхартха стал тогда Просветленным (Буддой). В Оленьем парке близ Паталипутры он произнес свою первую проповедь о дхарме, изложив основы учения. Слава о нем распространилась, и к моменту кончины Будда был окружен многочисленными учениками.

Характерной чертой буддийского учения является определение жизни как страдания. Страдание связывается не только с неизбежным приходом болезней и смерти, но и с желанием лучшего возрождения, с самой цепью перерождений. Причиной страдания Будда называет страстное желание жизни, богатства, наслаждений или лучшей судьбы в новом существовании. Путь освобождения от страданий ему представляется в виде полного контроля над своим духом и поведением, а конечной целью при этом является *нирвана* (букв. «угасание»), после которой человек разрывает цепь и уже не рождается вновь.

Явственно заметны существенные отличия между ведийской религией и

буддизмом. Если ведийский жертвенный культ был направлен главным образом на достижение благополучия семьи и общины, то целью буддийского вероучения являлось спасение личности. Речь, конечно, шла именно о религиозном спасении, и учение формулировалось во многом в традиционных понятиях кармы, цепи перерождений и т.д. В то же время не без оснований отмечалось в научной литературе, что буддизм — религия без Бога. Здесь действительно не было места для Бога-творца, хотя неоднократно в буддийских текстах упоминаются божества — сверхъестественные существа, которые способны оказывать помощь людям в их земном существовании. Они представляются даже восторженными слушателями проповедей Будды, но в самом основном для данной религии — достижении нирваны — эти боги не способны ни повредить, ни помочь. Если жрецы-брахманы выступали в роли посредников для людей в их общении с богами, то в деле спасения, согласно представлениям раннего буддизма, помощников быть не может. Внешняя обрядность оказывается бесполезной, а кровавые жертвоприношения даже греховны, ибо в буддизме распространяется идея непричинения вреда живым существам.

Не имеет существенного значения также соблюдение ритуальной чистоты, и, хотя существование сословно-кастовой иерархии в миру не подвергается сомнению, религиозное освобождение не ставится в зависимость от социального положения человека. Буддизм не придает большого значения различию между людьми по их племенной или кастовой принадлежности и не препятствует общению между ними. Для достижения спасения считалось необходимым отказаться от мирской жизни — от собственности и семьи, традиционных внешних уз и душевных привязанностей. Бритоголовые, в оранжевых одеждах, с горшком для милостыни в руке скитались по городам и селениям последователи Просветленного — Будды. Они именовались *бхикшу*, т.е. «нищие».

Нищенствующая братия четыре месяца в году — сезон дождей — проводила в пещерах, а впоследствии — и в специально построенных для них помещениях монастырей. Бхикшу составляли монашескую общину — сангху. Внутренняя организация монастыря отвечала общим принципам древнеиндийских объединений — будь то деревня или городская ремесленно-торговая корпорация. Наиболее важные вопросы решались общим голосованием, повседневную жизнь регулировал выборный совет. Мальчики с восьми лет считались послушниками, после двадцати они становились монахами. Обязанностью их являлось строгое исполнение монастырского устава и повторение многочисленных заповедей. Периодически устраивались коллективные покаяния, во время которых каждый монах признавался в своих прегрешениях и принимал назначенное ему искупление. Монахи могли работать по благоустройству своей обители, часто занимались врачеванием, обучением, но главным их делом были неустанные тренировки психики, которые должны были способствовать полному самоконтролю и в конечном счете вести к освобождению — нирване.

В первоначальном буддизме не было традиции изображения Учителя, поклонялись лишь символам Будды. Некоторые из этих символов и священных предметов значительно древнее самого буддизма. Почитание смоковницы, например (под которой Сиддхартха достиг просветления), очевидно, восходит к древнему культу деревьев. Колесо — старинный символ Солнца и царской власти — в буддизме стало олицетворением Учения (сама буддийская проповедь именовалась «поворот колеса дхармы»). Основным культовым сооружением являлась *ступа* — искусственный холм, как

правило увенчанный зонтом. Верующие поклонялись ступе и заключенной в ней реликвии (волос Будды, зуб Будды и т.п.), обходя ее слева направо (по солнцу).

Монахи жили, собирая подаяние с благочестивых мирян. Со временем появились и пожертвования, приносившие постоянные доходы. Запрет иметь собственность распространялся лишь на отдельных монахов, но не на целые общины. Монастырям не возбранялось получать в пожалование деревни, в которых они могли собирать подати. Отдельные монастыри играли значительную роль в политической жизни. Хроники Шри-Ланки, например, рассказывают об активном вмешательстве сангхи в государственные дела и порой кровопролитных столкновениях между наиболее влиятельными монастырями.

Бытовая обрядность для буддизма не имела большого значения, и миряне обращались по-прежнему к брахманам, приглашая их на свадьбы, похороны и другие церемонии. От них ожидали помощи в обычных мирских делах — для получения урожая, приплода скота и т.п., но одновременно светские почитатели Будды и его учения стремились улучшить свою участь в новом перерождении, исполняя заповеди и оказывая материальную поддержку монахам. Буддийские тексты, составленные на местных разговорных языках, были понятнее населению, чем тщательно скрываемая от непосвященных санскритская литература брахманов. Особым успехом буддизм пользовался среди горожан, так как само возникновение городов было связано с распадом традиционных социальных связей, развитием частной собственности, обособлением личности.

Буддизм, как правило, пользовался и покровительством царей крупных держав середины I тысячелетия до х.э. Вместе с тем и в буддийских текстах выдвигался идеал мирового владыки, от которого зависит основание царства праведности. Распространение праведности («поворот колеса дхармы») одновременно означало и усиление власти правителя, отвечающего этому религиозному идеалу. Стремление к обращению все большего количества людей в буддийскую веру принципиально отличает эту религию от ведийской — последняя, напротив, была предназначена лишь для тех, кто по происхождению принадлежал к какой-либо из варн «дваждырожденных».

Все большее распространение буддизма способствовало появлению новых его школ и направлений, эволюции всего религиозного учения. Первоначально считалось, что мирянин, исполняющий заповеди правдивости, трезвости, непричинения вреда живым существам, не скупящийся на подаяния монастырям, заслуживал таким образом для себя лучшее перерождение, однако спасение — нирвана — для него оставалось недоступным, являясь уделом только монахов. Но постепенно некоторые буддийские школы стали признавать возможность спасения и для мирян, не отрекшихся от земных уз — от семьи и собственности. Такой «широкий путь» спасения, естественно, казался более привлекательным для состоятельных мирян, которые могли себе позволить щедрые даяния монахам, но сами не проявляли склонности к суровому подвижничеству.

Более того, сторонники «широкого пути» спасения обвиняли своих оппонентов в эгоизме, говоря, что монах, стремящийся лишь к личному спасению, еще не отрешился от собственного «я». Новым религиозным идеалом становится сострадание к близким, и появляется представление о великодушном *бодхисаттве*, который, жертвуя собой и отказываясь от нирваны, способствует освобождению людей от мучений и цепи перерождений.

Таким образом, вопреки первоначальному учению складывается представление о святых как помощниках в деле спасения. Пышный культ бодхисаттв, к милосердию которых взывают верующие, сближает буддизм с более традиционными религиями и способствует ассимиляции местных верований в процессе распространения мировой религии. Меняется отношение и к самому Будде. Появляются его изображения, посвященные ему храмы, устанавливается культ его как божественного существа, развиваются идеи о конце света и пришествии будущего Будды-Спасителя.

Множество буддийских школ подразделяется на два основных направления: «малая колесница» (или «узкий путь спасения» — хинаяна) и «великая колесница» (или «широкий путь спасения» — махаяна). Первое из них претендует на большую древность как «учение старцев» (*тхеравада*) — еще во времена Ашоки буддизм в этой разновидности утвердился на Ланке, а затем и в Юго-Восточной Азии. Школы «великой колесницы» пользовались более значительным успехом. Под покровительством, в частности, кушанских царей они активно распространялись в Восточном Иране и в Средней Азии, затем в Китае, а позже в Японии, Тибете и Монголии. В каждой из этих стран создавались свои канонические тексты, и в целом буддийская религия обретала весьма своеобразные черты. На Ланке и поныне господствует буддизм тхеравады. На севере Индии еще в древности особое влияние приобрели школы «великой колесницы», а затем буддизм, все более сближаясь с индуизмом, в конце концов был им почти полностью вытеснен.

Основу индуизма составили архаические верования многочисленных народов древней Индии: культы деревьев, гор, водоемов, животных (таких, как змея, корова, обезьяна, слон). И поныне в индуизме огромную роль играет восходящее к глубочайшей древности поклонение богине-матери, распространены весьма примитивные суеверия.

В то же время для индуизма характерна идея Всевышнего, вездесущего Бога-творца, являющегося основой мироздания. Все иные божества и сверхъестественные создания являются лишь его воплощениями или свитой. Культ его не сводится к простому жертвоприношению — кормлению к обоюдной выгоде бога и человека, он состоит в безусловном почитании, самозабвенном служении и преданности.

Для многих индуистов таким верховным божеством является Вишну, который может воплощаться в облике животного (вепря, рыбы, черепахи) или человека (обычно темнокожего царя и пастуха Кришны). Учение о воплощениях Вишну позволило слить в едином образе несколько разных по происхождению культов. Воплощением Вишну признается и Рама — герой популярной эпической поэмы Рамаяна, и Будда (что способствовало ассимиляции буддизма). Изображается Вишну обычно в царской короне, порой возлежащим на мировом змее.

Другие индуисты полагают, что верховным богом является Шива, изображаемый часто в виде аскета, увешанного черепами, или танцора. Часто сопровождает Шиву посвященный ему священный бык. В конце древности (как и в наши дни) индуисты разделяются, таким образом, на почитателей Вишну и почитателей Шивы (вишнуитов и шиваитов), однако принципиальных расхождений между ними не было и нет — основное различие сводится лишь к тому, кого из двух великих богов считать главным.

Священными текстами индуизма продолжают считаться веды, но фактически гораздо большее значение приобретают эпические поэмы и пураны, включающие колоссальное количество мифов. В отличие от вед эти

произведения не содержатся в тайне, они доступны всем, а научный анализ показывает, что мифология пуран часто связана по происхождению с неарийскими народами Индии.

В индуизме развилось храмовое богослужение. Важнейшей частью праздничных церемоний являлись торжественные шествия и процессии, во главе которых несли изображение божества. Кровавые жертвоприношения понемногу заменяются ритуалом «почитания» божества: надеванием на его изображение цветочных гирлянд, курением благовоний, зажиганием светильников и возлиянием воды. Эти действия часто сопровождались танцами, музыкой, пением эпических поэм. Помимо жрецов при храмах жили танцовщицы и музыканты и разного рода обслуживающий персонал. Содержание храмов обеспечивалось не только доброхотными даяниями жителей данной местности и паломников, но и доходами с принадлежавших храмам земель.

Основные черты идеологии индуизма ярко проявляются в Бхагавадгите — поэме, включенной в состав Махабхараты. Бхагавадгита (букв. «Песнь Господа») повествует о том, как собрались войска двух враждующих группировок знати на поле боя и, увидев в стане противников множество родственников и друзей, один из героев устрашился предстоящего кровопролития. И тогда Кришна (который был воплощением Господа-Вишну) произнес пространную речь о значении долга (*дхармы*). Он говорил о том, что лучше встретить смерть в бескорыстном служении долгу, нежели уклоняться от его выполнения, а долгом кшатрия является сражение, и потому героям надлежит сражаться. Идея долга была источником вдохновения для многих индийцев, знавших наизусть знаменитую Гиту. Но Гита важна и с другой точки зрения. Уговаривая собеседника, Кришна заявляет о том, что мораль относительна и определяется происхождением человека. У каждого человека в этой жизни свое предназначение и свой долг, и то, что для одного является добродетелью, для другого — грех.

Для индуистской этики характерна беспредельная терпимость, ибо каждому человеку надлежит следовать тому порядку жизни, который принят в его местности и деревне, в его касте и семье, соблюдать те правила, что диктуют ему обычаи его религии. Однако эта свобода распространяется лишь на отношения между представителями разных общественных групп, внутри же группы, напротив, господствует жесткая дисциплина, определяемая необходимостью исполнять свой общинный или кастовый долг. Пестрота и противоречивость идей индуизма настолько значительна, что некоторые исследователи отказывались считать его единой религией. Однако вопросы вероучения не имели такого большого значения, как соблюдение обрядовых правил и социальных норм. Общие принципы индуизма в области общественных отношений сводились к следующему: общение должно быть ограничено своим социальным кругом — запрещены совместное принятие пищи и браки между членами разных каст, а также смена кастовой профессии. Убиение животных, в особенности коров, считалось страшным грехом. Распространялись обычаи заключения браков в детском возрасте (преимущественно для невесты — порой жених не вел невесту вокруг алтаря, а нес ее, так как она еще не умела ходить). Осуждались браки вдов (даже если девочка овдовела, фактически и не став женой), наиболее благочестивым поступком считалось самосожжение вдовы на погребальном костре мужа.

Семьи и отдельные лица, особенно из высших каст, которые не соблюдали необходимых правил, подвергались самому страшному наказанию —

изгнанию из касты. Так как безопасность человека и место его в обществе зависели от принадлежности к той или иной социальной группе, исключенные из касты либо должны были вымолить и заслужить прощение, либо пасть на самое дно социальной иерархии. Освященная религией индуизма кастовая система обеспечивала устойчивость общества, его способность противостоять любому чуждому влиянию, но она же в конечном счете придавала ему чрезвычайно консервативный характер.

Из того, что уже было сказано, ясно, что центральное место в древнеиндийской культуре принадлежит памятникам религиозной литературы. Древнейшие из них — веды — не только были поздно записаны, но и впоследствии передавались преимущественно от учителя к ученику в устной форме. При этом за многие столетия язык стал настолько отличаться от разговорного, что нередко заучивались наизусть обширные книги практически без всякого понимания их смысла. Сложившаяся среди брахманов сложная система запоминания и точного воспроизведения литературных текстов оказала значительное влияние на весь характер образования и науки в древней Индии.

Огромное внимание, которое уделялось точности передачи и истолкованию священных ведийских текстов, привело в конечном счете к появлению таких специальных дисциплин, как фонетика и этимология. На этой основе впоследствии развивалась древнеиндийская лингвистика. Определение времени для жертвоприношений требовало наблюдений за небесными светилами, а строительство сложных алтарей — познаний в геометрии. Так уже в поздневедийской литературе появились зачатки наук, хотя и весьма своеобразных и не совпадающих с современными не только по своим целям, но и по методам.

Наряду с ведийской оформлялась и эпическая традиция. В своем окончательном виде Махабхарата и Рамаяна стали подлинной энциклопедией индуизма и неисчерпаемой сокровищницей образов для поэтов и художников последующих времен. Эпос, можно сказать, и доныне бытует в устной форме, будучи доступен миллионам неграмотных индийцев и оказывая огромное воздействие на их мировоззрение.

Ко второй половине I тысячелетия до х.э. относится формирование и буддийской литературы — Типитаки школы тхеравады. Сочинения других школ буддизма — «великой колесницы» — сохранились не полностью, иногда на санскрите, а большей частью в китайском, японском, тибетском переводах.

Расцвет древнеиндийской культуры в первые века христианской эры выражается в развитии самых разнообразных светских жанров. Особо надо отметить санскритскую драму, предназначенную как для придворного, так и для городского театра. Огромной популярностью пользовался сборник басен «Панчатантра». Отдельные рассказы его нанизываются один на другой, будучи искусно вставлены в общую рамку. Арабский перевод «Панчатантры» известен под названием «Калила и Димна». Новеллы «Панчатантры» и самый способ построения литературного произведения оказали в средние века влияние на многие национальные литературы («Тысяча и одна ночь», «Декамерон» и др.).

Помимо поэтической лирики, поэм-панегириков и сборников дидактических афоризмов нередко в стихотворной форме составлялись и научные трактаты, чтобы таким образом облегчить их запоминание и устную передачу. Большое количество стихов вошло и в трактат о политике — Артхашастру. Этот трактат ярко рисует придворные интриги, коварные прово-

кации и тайные убийства. Главная цель политического искусства усматривается в подчинении окружающих территорий, и потому все соседние правители считаются потенциальными противниками, а соседи соседей — потенциальными союзниками «государя, стремящегося к завоеваниям».

Из произведений научной и дидактической литературы следует прежде всего упомянуть грамматику санскрита, составленную Панини примерно в IV в. до х.э. Заслуженной славой пользуется древнеиндийская философия, включавшая в себя несколько соперничавших школ. Основные философские тексты могут быть датированы первыми веками христианской эры, но в некоторых случаях можно предполагать длительную традицию развития той или иной школы во второй половине I тысячелетия до х.э. Особенно важны достижения индийцев в области логики и философии языка, заслуживают внимания также их атомистические теории. Впрочем, главной целью философии в древней Индии являлось не обобщение достижений естественных наук и расширение практических познаний, а интерпретация священных текстов и достижение религиозного спасения.

Такой же характер имела и древняя психология, тесно смыкавшаяся отчасти с религией, отчасти с медициной. В древней Индии был накоплен огромный опыт использования лекарственных растений, широко занимались врачеванием буддийские монахи. Врачи-индийцы славились в конце древности и в средние века во всем мире.

Специальные трактаты по естественным наукам датируются рубежом древности и средневековья. Ряд важнейших математических и астрономических идей несомненно навеян общими философскими концепциями. Так, знаменитый Арьябхатта (V в. х.э.), исходя из принципа относительности движения, предполагал вращение Земли вокруг собственной оси и движение ее вокруг Солнца. С понятием «пустоты» в буддийской философии, возможно, связано введение нуля в математике (и соответственно позиционной системы счисления). Так называемые арабские цифры, которые используются доныне, происходят из Индии.

Строительство из кирпича и камня начинается в основном в послемаурийскую эпоху. Сохранившиеся памятники связаны прежде всего с буддизмом (например, пещерные монастыри Западной Индии). Высеченные в скалах залы достигают площади примерно 500 кв.м при высоте около 15 м. Характерно их внутреннее оформление, воспроизводящее традиции деревянного зодчества (перекрытия и прочие элементы, излишние в постройках из камня и тем более в пещерах).

Из наземных построек самые значительные находятся в Санчи. Здесь на вершине большого холма, невдалеке от важного политического центра послемаурийской эпохи, был расположен огромный буддийский монастырь. От самого монастыря и гостиницы для паломников сохранилось немногое. А главной достопримечательностью Санчи является большая ступа, сооруженная во II—I вв. до х.э. С четырех сторон света ее окружают резные каменные ворота с изображением сцен из буддийских легенд. Каменные ступы являются непременной принадлежностью и пещерных храмов, будучи вообще самыми характерными памятниками буддийской архитектуры. Наиболее крупная ступа на Ланке по размерам сопоставима с египетскими пирамидами.

Едва ли не древнейшими памятниками индийской культуры (конечно, если не говорить о периоде Индской цивилизации) являются колонны, на которых высечены надписи Ашоки. Все колонны были изготовлены из камня, добытого в окрестностях Варанаси, тщательно отполированы и до-

ставлены в отдаленные области Маурийской державы. Скульптура, венчающая колонну, например знаменитые львы, обнаруживает известное влияние персидского и, возможно, греческого искусства. Объясняется это, очевидно, тем, что индийские мастера в то время еще не привыкли работать по камню.

В послемаурийскую эпоху сложились местные школы скульптуры. Наиболее известными являются школы Гандхары (северо-запад Индии), региона Матхуры (центральная часть Северной Индии) и одной из областей Декана (школа Амаравати).

Расцвет гандхарской школы, формировавшейся под сильным влиянием эллинистического и римского искусства, относится к первым векам христианской эры. Стиль Гандхары, начиная с эпохи Кушан, оказывал воздействие на буддийское искусство Центральной и Восточной Азии. В большей степени связаны с традициями изобразительного искусства Индии школы Матхуры и Амаравати. Именно на их основе развивалось средневековое искусство не только самой Индии, но в известной мере стран Юго-Восточной Азии. Распространение буддизма «великой колесницы» способствовало появлению обширного пантеона святых-бодхисаттв. Массовые находки терракотовых статуэток говорят о широком спросе на произведения искусства, связанного с буддизмом.

Всемирно известные памятники индийской живописи находятся в Аджанте (Западная Индия). Пещерные храмы и монастыри Аджанты создавались в течение почти тысячи лет, начиная с послемаурийского времени. Стены некоторых залов покрыты яркими изображениями сцен из буддийских преданий. Замечательные фрагменты живописи, сходной с росписями Аджанты, находят и на Шри-Ланке.

Несмотря на отсутствие политического единства, различие языков и верований народов Индии, эта страна в течение средних веков и нового времени сохраняла сложившееся в древности единство культуры. Господствующая в Индии религия — индуизм — освящала традиционность повседневного уклада жизни.

Влияние буддийской религии, литературы, философии и искусства прослеживается у многих народов средневекового Востока. Древнеиндийская медицина и математика славились во всем мире, а замечательные достижения в области лингвистики, логики, психологии лишь сейчас могут быть оценены по достоинству.

Глава XXIII

КИТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э. — ПЕРВЫЕ ВЕКА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ

С середины I тысячелетия до х.э. в истории древнего Китая наступает эпоха, ознаменованная глубокими изменениями в экономике и культуре. Кардинальные сдвиги в развитии производительных сил были связаны с возникновением в VI—V вв. до х.э. производства железа и стали, причем оно началось сразу с освоения техники плавки железа, что создавало условия для быстрого подъема ремесла и земледелия в связи с возможностью налаживания массового производства железных изделий. Распространение железных орудий позволило выйти за пределы речных пойм, значительно расширить площадь обрабатываемых земель. На начало второй половины I тысячелетия до х.э. падает активная деятельность по созданию системных гидротехнических сооружений в бассейнах Хуанхэ, Хуайхэ и верховьев Янцзы. С ирригацией повсюду был связан переход к интенсивной системе земледелия. После осуществления царством Цинь в конце IV — середине III в. до х.э. водохозяйственных мероприятий в бассейнах рек Вэйхэ (притока Хуанхэ) и Миньцзян (притока Янцзы) орошаемое земледелие становится основой экономики циньского государства и залогом его хозяйственного подъема. Большие ирригационные работы производились в этот период и в других «сильнейших» царствах, расширивших свои территории до пределов речных долин. Однако не согласованные между собой локальные гидротехнические предприятия отдельных царств бывали чреваты губительными последствиями. Так, возведение береговых дамб на Хуанхэ шаньдунским царством Ци привело к страшным наводнениям в царстве Вэй, расположенном выше по течению реки. Тем не менее достигнутые в этот период успехи в борьбе с разливами Хуанхэ в нижнем и среднем ее течении привели к быстрому росту населения в этих регионах. Со второй половины I тысячелетия до х.э. ирригация, причем крупномасштабная, становится непременным условием сельского хозяйства в районах исконного земледелия бассейна Хуанхэ, поскольку здесь, с одной стороны, в результате многовекового сведения лесов и засоления произошло истощение почвы, а с другой — в связи с увеличением численности и плотности населения и нарастающими симптомами аграрного перенаселения остро встала проблема массового освоения «высоких» целинных земель, требующих искусственного орошения. Проведение комплекса необходимых ирригационно-мелиоративных работ и строительство многопрофильных оросительных систем наряду с усовершенствованием сельскохозяйственной технологии (введение пахоты на волах, более эффективных методов удобрения, изобретение водоподъемных механизмов) позволило значительно повысить общую продуктивность земледельческого производства, что отвечало насущным потребностям древнекитайской экономики. Именно с этого времени развитие культуры поливного земледелия становится важнейшим фактором прогресса китайской цивилизации.

В сельском хозяйстве основной фигурой остается полноправный земле-

делец-общинник. Государство существует теперь за счет регулярного поземельного налога с каждого общинного двора, обязанного также воинской и рабочей повинностью.

В период «Чжаньго» намечается специализация ремесленного производства по отдельным районам, возникают новые его отрасли. Стремительно развиваются товарно-денежные отношения. Распространяется монетная форма денег. Формируется новый социальный слой «торговых людей» (*шанжэнь*), у которых преимущественно и скапливаются свободные денежные средства. Появляются торгово-ремесленные города с полумиллионным населением. Несмотря на трудности внутренней и внешней торговли, связанные с таможенной политикой царств, товарный рынок сильно вырос повсюду.

Развивающаяся торговля требовала разработки устойчивого денежного эквивалента. Постепенно монеты становились менее громоздкими и приобрели нарицательную стоимость. По археологическим данным известно 96 мест отливки монет. Имело хождение несколько видов монет: бронзовые в форме наконечника мотыги (в царстве Цзинь, в 403 г. до х.э. распалось на царства Вэй, Чжао и Хань), в форме ножа (в царствах Янь и Ци), в виде бронзовых каури (в царстве Чу), круглые с квадратным отверстием посредине (в царстве Цинь); золотые квадратные и круглые с клеймом столицы Чу; лопатовидные серебряные деньги царства Чжэн. С расширением денежного обращения получило развитие ростовщичество. Все это вело к резкому имущественному расслоению общины, в ней появляется категория малоземельных семей, у которых, по образному выражению источников, «нет места, куда воткнуть шило». В царстве Цинь обезземелившихся общинников — как «лодырей, впавших в бедность из-за собственной лени», — обращали в рабство. Впервые общественное мнение, от лица легистов (школы сторонников закона — *фацзя*), выдвигает постулат: «Бедность — это порок». «Нерадивые и ленивые впадают в бедность, трудолюбивые же — богаты», — заявляет философ-легист Хань Фэйцзы.

В эпоху «Чжаньго» создаются крупные частные хозяйства, как сельскохозяйственного профиля, так и ремесленно-промысловые, рассчитанные на рынок. Мощный стимул получает частное рабовладение. Нам поименно известны богачи из разных царств, владевшие сотнями рабов и основывавшие свои предприятия на подневольном труде. Пределом тяжкой участи в источниках выступает в это время «горестный труд раба» («Хань Фэйцзы»). Рабы покупались и продавались на городских рынках. В рабов обращали военнопленных. Рабы приобретались разбойным захватом. Уже упоминалось, что были и рабы, проданные или сами продавшиеся за долги, хотя эта форма частного рабства относилась к числу предосудительных. Знаменательно, что именно в период «Чжаньго» в этико-политических учениях зазвучала «тема народа», и именно с этого времени проблема долгового рабства и кабальных займов стала превращаться в общественную проблему.

Патриархально-рабовладельческая эксплуатация проникает в общину, разъедает ее изнутри. Внутриобщинные земельные отношения претерпевали коренные изменения. Поля обедневших семей из числа неоплатных должников фактически переходили в руки их кредиторов — богатеев, общинной верхушки. В ряде царств официально была разрешена купля-продажа земли и предпринимались другие меры, объективно расчищающие путь частнособственническим и товарно-денежным отношениям. Постепенно община превращалась в самоуправляющееся сообщество зе-

мельных собственников, владевших полями по праву принадлежности к общине.

Наиболее последовательно и прямолинейно мероприятия, отвечающие потребностям политического, социального и экономического развития, были проведены министром Шан Яном в царстве Цинь в середине IV в. до х.э. Они ставили целью политическую централизацию, административно-территориальное переустройство, подрыв могущества аристократических родов, изменение системы налогообложения с учетом трансформации общины. Шан Ян ввел единое законодательство и судопроизводство, узаконил залог и скупку земли, отменил ограничение размера земельных наделов, вторгся в землевладение общинных объединений, требуя раздела хозяйств больших семей: в противном случае с них взимался двойной налог. Отменялись все прежние аристократические наследственные титулы. Новые ранги знатности (двадцати иерархических степеней) жаловались только за личные, в первую очередь военные, заслуги, и только они давали право на занятие административных постов. Их обладатели получали, в соответствии со статусом, права на регламентированное владение землей, рабами и другим имуществом. Вскоре ранги стали продаваться, что открыло доступ в управленческий аппарат имущественной знати. В политике и идеологии царства Цинь уже в это время намечаются контуры будущей Циньской империи, охватившей менее чем через полтора столетия все территории древнего Китая.

Бурная эпоха «Чжаньго» была насыщена драматическими военно-политическими событиями, ознаменована радикальными общественными переменами. Никогда, ни до, ни после, на протяжении древности и средневековья общество Китая не знало такой напряженности интеллектуальной жизни, захватившей все слои свободного населения, такой плодовитости в создании морально-этических, идейно-политических и философских учений, такой активности выражения общественного мнения. На городских площадях, на улицах и в переулках, во дворцах правителей и домах знати открыто происходили многолюдные диспуты идейных соперников. В знаменитой на весь чжаньгоский Китай «академии» Цзися — «у ворот Цзи» в циской столице Линьцзы — одновременно сходилось до тысячи «мужей, искусных в споре», состязавшихся в философском красноречии. В эту эпоху «соперничества ста школ» — как ее называют источники — складываются важнейшие древнекитайские литературно-философские направления, в русле которых создаются художественные произведения, основанные на авторском замысле и отмеченные яркой индивидуальностью, служившие сотням последующих поколений своего рода «недосягаемым образцом» культурного наследия китайской цивилизации. Именно в этот период, как результат длительного процесса преодоления архаических форм общественного сознания, в древнекитайском обществе формируется новый социально-психологический тип личности, вырвавшейся из оков традиционного общинно-религиозного мировосприятия. Вместе с ней возникают критическая философия и теоретическая научная мысль.

Однако на глубинном уровне массового сознания продолжало господствовать нерасчлененное народно-мифологическое мышление. Культы общинных богов продолжали играть огромную роль, что говорило о большой живучести породивших их норм общественной жизни. Кроме повсеместно распространенного культа предков семейной общины, продолжавшего сохранять свое значение в Китае чуть ли не до нового времени, широко практиковались общинно-территориальные культы, связанные с ма-

гией плодородия, в частности весенней обрядностью. Оргиастические игрища вершились в священных рощах шелковицы у слияния рек, где, по народным поверьям, обитали души предков, готовые к перевоплощению. На рубеже V—IV вв. до х.э. в царстве Вэй ежегодно осуществлялся ритуал священного брака избранницы-девушки с Богом Реки, завершавшийся ее жертвоприношением: празднично убранную невесту божества привязывали к деревянному брачному ложу и пускали плыть вниз по реке, пока она не погружалась в ее волны. Общинные старейшины, облеченные жреческими функциями, использовали этот обряд для взимания с общинников весьма обременительных поборов. Принесение девушек в жертву (в жены) общинному Богу Реки существовало в царстве Цинь (на территории Сычуани) вплоть до III в. до х.э. Символическое участие в обряде священного брака было культовой прерогативой чуского правителя, выступавшего в роли «супруга» богини реки Ло. В весенних обрядах плодородия принимал личное участие чжоуский Сын Неба. К числу наидревнейших земледельческих культов относился культ покровителя общины — Божества земли, выступавшего под разными наименованиями: Хоуту, Шэ, Тубо и др. Источники IV—III вв. до х.э. донесли до нас описание Бога (Царя) земли и Хозяина подземного царства Тубо — зооморфного чудовища каннибальского типа: «В стране Тьмы // Царь земли (Тубо), свернувшись в девять колец, // с рогами острыми-преострыми, // Спиной горбатой и кровавыми когтями, людей преследует // он, быстроногий, // Трехглазый, с тигровой головой, и телом он быку подобен» («Призыв души», пер. Э.М.Яншиной). Еще с иньской эпохи существовали культы космических сил природы. Одним из наиболее стойких и популярных оставался сопровождаемый человеческими жертвами культ священных гор. В 530 г. до х.э. в ознаменование военной победы чуский царь принес горе Ган человеческую жертву. Ритуал жертвоприношений пяти священным горным пикам возглавлял чжоуский Сын Неба.

Среди чжоуских верований, которые активно насаждались царской властью, наиважнейшим был утративший связь с духами природы культ Неба как антропоморфного высшего божества. В непосредственной связи с укреплением культа верховного божества Неба стоит сакрализация самого института монархии, выражавшаяся в обоготворении ставленника Неба на земле — носителя священного титула высшей царственности «Тяньцзы» («Сын Неба»). Титулатуру «Сына Неба» в период «Чжаньго» стали присваивать себе не только чжоуские ваны, но и правители других «сильнейших» царств вместе с прерогативой отправления ими культа Неба. Вместе с тем с ослаблением общинных связей шла постепенная перестройка массовой общественной психологии, хотя и очень медленно, но подтачивавшая коллективную веру в традиционных родо-племенных богов. Когда на месте мелких царств стали возникать крупные политические образования, охватывавшие целые регионы и речные бассейны, общинные культы и верования должны были потесниться перед общегосударственными.

Консервация патриархальной семейной общины, в чем немаловажную роль сыграло конфуцианство, сказалась на падении престижа древних богинь (таких, как прародительница, мать-земля Нюйва), низводимых постепенно до роли безличных супруг своих божественных мужей. Вместе с тем общинные культы, которые строились на мифологических представлениях и магических обрядах, особенно связанные с человеческими жертвоприношениями, перестали пользоваться авторитетом и общим признанием.

К тому же материально они становились все более разорительными для основной массы общинников. По некоторым данным, регулярные внутриобщинные сборы на культовые нужды составляли (за вычетом поземельного налога) более одной пятой части бюджета средней земледельческой семьи в царстве Вэй. В этом царстве, так же как и в Цинь, опостылевший народу ненавистный культ Бога Реки, видимо, без всякого противодействия со стороны общинников к концу эпохи «Чжаньго» был уничтожен властями и заменен культом официальных святых. Но там, где местные традиционные верования оказывались устойчивыми и упорно противостояли внедряемым властями, государство стало вмешиваться в отправление местных культов. Так, в 227 г. до х.э. на захваченной царством Цинь чуской территории законом было предписано уездным властям под страхом казни «искоренить местные обычаи», как «наносящие вред государству». Через несколько лет, после подчинения царством Цинь всего древнего Китая, вставший во главе огромной империи циньский правитель продолжал столь же непримиримо уничтожать архаические культы; по преданию, он отправил три тысячи рабов на вырубку священных чуских рощ, где располагались капища местных божеств.

В эпоху «Чжаньго» происходит культурное сближение царств древнего Китая, чему в значительной степени способствовало повсеместное распространение универсальной древнекитайской иероглифической письменности. В лингвистическом отношении население древнего Китая представляло собой конгломерат этнокультурных общностей, говорящих не только на разных диалектах древнекитайского языка, но и на языках, не родственных китайскому; особенно ощутим был языковой барьер между «срединными царствами» Великой Китайской равнины и южным государством Чу, обладавшим своеобразной высокой древней культурой. В этих условиях древнекитайская иероглифическая письменность, которая могла быть использована носителями любого языка благодаря отсутствию в ней прямой связи между чтением и графическим начертанием, оказалась важнейшим фактором, содействующим культурной и политической интеграции разноязычных царств и народов. Стандартизированный язык письменных памятников «Чжаньго» не совпадал ни с одним из разговорных языков того времени, а являлся наддиалектным языком, грамматически и лексически основанным на диалектах центральных государств Среднекитайской равнины, его называют «классическим китайским языком». Грамотность охватывала достаточно широкие слои населения и считалась признаком образованности. Показательно, что царские указы не только оглашались, но и записывались на скрижалях и выставлялись у городских ворот для публичного ознакомления. Перемещения огромных людских масс в ходе непрерывных войн и особенно переселений, вызванных колонизаторской политикой «сильнейших» царств, вели к постепенному смешению и нивелированию диалектных особенностей, в связи с чем в эпоху «Чжаньго» — в ареале формирования древнекитайской этнической общности — начинал складываться общий устный древнекитайский язык. Все это открывало возможности для расширения и интенсификации разносторонних культурных контактов и активного обмена идеями.

Одну из отличительных особенностей культурной и общественно-политической жизни эпохи «Чжаньго» составляет напряженнейшая борьба идеологических школ, которая является отражением резкого обострения социальных и классовых антагонизмов. Страх перед возмущением низов звучит во всех этико-политических учениях этого времени. Знаменательно в этом

отношении объяснение философом Мэнцзы (372—289) причин составления (будто бы Конфуцием) летописи царства Лу «Вёсны и осени»: «Мир пришел в упадок, [прежние] нравы утрачивались... подданные убивали правителей, сыновья — отцов. Поэтому Конфуций [в поучение] и составил летопись». Повстанцы — «пагуба всей Поднебесной» в представлении правящих классов — наводили ужас на господ, но вызывали горячее сочувствие у общественных низов. Главари этой вольницы народной молвой прославлялись как подлинные герои. «Сердце — точно бьющий фонтаном источник, силы хватает, чтобы справиться с любым врагом, глаза сияют, как звезды, волосы стоят дыбом... рост богатырский, от лица исходит блеск, губы — чистая киноварь, зубы — ровный перламутр, голос — словно медный колокол набатный» — таким запечатлен философом Чжуанцзы (369—286) образ защитника обездоленных — Разбойника Чжи. Ожесточенная борьба шла между группировками внутри господствующего класса. Показательно и, конечно, не случайно, что у большинства мыслителей эпохи «Чжаньго» социальная и этико-политическая тематика оттесняет на второй план гносеологию и онтологию, что наложило свой отпечаток на специфику борьбы основных направлений древнекитайской философии.

С общим прогрессом, достигнутым в разделении труда, в частности с высоким уровнем отделения умственного труда от физического, органически связано возникновение в этот период своего рода интеллигенции — переходящих из царства в царство странствующих проповедников и бродячих мудрецов, происходивших из самых различных общественных слоев. Эта «духовная элита», вырвавшаяся за рамки интересов отдельных царств, ознаменовала собой появление в обществе совершенно новых духовных сил, вызванных к жизни развитием индивидуально-личностного начала.

Эпоха «Чжаньго» считается «золотым веком» китайской философии. В это время впервые в Китае возникают философские учения в собственном смысле слова. Наиважнейшие из них — конфуцианство, даосизм, моизм и легизм — оказали огромное влияние на все последующее развитие китайской философской и общественно-политической мысли.

Период «Борющихся царств» был в известном смысле неповторимой эпохой в истории духовной культуры как древнего, так и средневекового Китая — эпохой широкой и свободной борьбы идей, мировоззрений, философских направлений, фактически не стесняемой еще никакой официальной идеологической догмой. В противоположность этому одним из государственных актов древнекитайской империи Цинь, возникшей в конце III в. до х.э., был эдикт 213 г., запрещающий под страхом казни любые дискуссии и споры и повелевающий «изъять песни и предания, изречения всех учителей», чтобы пресечь «рассуждения о древности», направленные на то, чтобы «порочить современность». Вне закона были объявлены все частные школы, кроме фацзя, провозглашенной государственной идеологией.

ИМПЕРИИ ЦИНЬ И ХАНЬ (КОНЕЦ III в. до х.э. — НАЧАЛО III в. х.э.)

С середины IV в. до х.э. среди сильнейших царств резко вырывается вперед окраинное северо-западное царство Цинь. Расположенное в плодородном бассейне р. Вэйхэ, оно отличалось богатством и разнообразием при-

родных ресурсов и выгодным географическим положением. Будучи защищенным естественными рубежами — р. Хуанхэ и горными хребтами — от вторжения соседних царств с востока, Цинь вместе с тем занимало удобную стратегическую позицию для наступления как на царства среднего течения Хуанхэ, так и на пограничные племена. Торговля с северными племенами — посредниками в торговле древнекитайских царств со странами Центральной и Средней Азии — являлась важным источником обогащения царства Цинь. Раскопки последних лет на месте расположения первой долговременной циньской столицы Юнчэн (в Шэньси), просуществовавшей с 771 до 382 г. до х.э., показали высокий уровень развития материальной культуры царства Цинь: найденные здесь железные изделия конца VI в. до х.э. являются самыми ранними из всех найденных на территории Китая и заставляют отнести царство Цинь к одному из ранних (если не самому раннему) центров металлургии железа в древнем Китае. Раскопки выявили окруженный мощными стенами и рвом город с регулярной планировкой, почти квадратный в плане, занимающий площадь 11 кв.км, с дворцовыми и храмовыми комплексами и обширной базарной площадью. Рядом с городом были найдены погребения, среди которых огромная могила циньского правителя Цзин-гуна (577—537), достигающая 24 м глубины, — одна из самых крупных древних могил Китая. До V в. до х.э. Цинь не принимало активного участия в междоусобной борьбе царств и считалось сравнительно слабым среди «семи сильнейших». Причиной его усиления были проведенные Шан Яном политико-административные, финансово-экономические и военные мероприятия, о которых упоминалось выше. Законы Шан Яна ограждали интересы выделившихся из общины зажиточных хозяйств. При нем могущество потомственных знатных родов было подорвано единообразным административным делением государства. Мелкие территориальные единицы — пяти- и десятидворки — были связаны круговой порукой; в случае провинности одного лица все члены взаимоответственной группы дворов становились государственными рабами — тем самым был расширен контингент лиц, порабощаемых государством по уголовному закону. Унификация Шан Яном мер веса, длины и объема, а также монетная реформа стимулировали развитие рыночных отношений. Вместо налога с урожая Шан Ян ввел налог с площади обрабатываемой земли, переложив все убытки от стихийных бедствий с казны на плечи земледельца. Шан Ян опирался на новую знать, не связанную с родовитым происхождением, и на зажиточные слои общины, для которых открылись возможности приобретения полей и рабов. Государство Цинь и само становилось крупным собственником земли и рабовладельцем. Основное внимание правительство Шан Яна уделяло повышению продуктивности сельскохозяйственного производства и развитию военного дела. Разрешение свободной распашки пустошей с освобождением трех поколений заимщиков от налогового гнета привлекло в Цинь потоки переселенцев из соседних царств — резерв будущих призывников. Правом изготовления вооружения пользовалось только государство. Военные — обладатели чиновничьих рангов — составляли самый привилегированный слой циньского общества. Шан Ян был убежденным сторонником всенаправляющей силы юридического закона, одним из основоположников школы фацзя. При этом проблема взаимоотношения права и власти решалась им в пользу самодержавной формы правления. «Как на небе не может быть двух солнц, так и у народа не может быть двух правителей», — заявлял Шан Ян, обращаясь в данном случае к авторитету Конфуция.

Мероприятия, проведенные Шан Яном, придавали царству Цинь черты централизованного военно-бюрократического государства.

Старая потомственная знать была лишена всех привилегий и отторгнута от кормила правления. Это вызвало ее возмущение, и после смерти правителя Шан Ян был казнен. Однако его реформы остались в силе. После проведения реформ Шан Яна, в том числе важнейшей из них — военной, заменившей бронзовое оружие железным, а колесницы — маневренной конницей, царство Цинь, превратившееся по типу государственного строя в военно-бюрократическую монархию, становится наисильнейшим в древнем Китае и сразу же вступает на путь агрессии. Одной из первых была захвачена область Шу-Ба в Сычуани с ее плодородными землями и горными богатствами (в первую очередь — железо); эта область была яблоком раздора между Цинь и Чу. После осуществления здесь крупных оросительных работ Цинь обеспечило себе добавочный, очень важный источник сельскохозяйственной продукции. Приобретение богатств Сычуани облегчило Цинь дальнейшую экспансию. В конце IV в. циньцы захватили верхнее течение р. Ханьшуй (юг Шэньси) и запад Хэнани, вплотную столкнувшись с царствами Чу, Вэй и Хань. Напрасно центральные царства заключали против циньских царей союзы; они постепенно теряли свои территории; наконец, путем подкупа, обмана и интриг циньцам удалось развалить противостоявшую им коалицию и в 278 г. до х.э. захватить столицу Чу — г. Ин. Но оно и после потери древней столицы оставалось сильнейшим соперником Цинь. Вскоре последовала кровопролитнейшая война Цинь с Чжао, стоившая сотни тысяч убитых.

Однако, хотя Цинь и очень расширило свои владения за счет других царств, они еще оставались достаточно сильны. В 241 г. до х.э. царства Вэй, Хань, Чжао и Чу заключили против Цинь новый военный союз, но и их соединенные войска также потерпели поражение. Кроме них циньцам противостояли еще Янь и Ци — т.е. всего шесть царств, все прочие уже погибли в ходе междоусобных войн. В 238 г. до х.э. на циньский престол взошел энергичный молодой правитель Ин Чжэн, и ему удалось разбить всех своих противников поодиночке, захватывая одну территорию за другой в течение семнадцатилетних непрерывных войн. Каждую захваченную столицу он приказывал сровнять с землей. В 221 г. Цинь завоевало последнее самостоятельное царство — Ци на Шаньдунском полуострове. После этого Ин Чжэн принял совершенно новый титул высшей верховной власти — *хуанди* («император»). Первый император древнего Китая вошел в историю как Цинь Шихуанди — «Первый император Цинь». Столица царства Цинь, г. Сяньян на р. Вэйхэ (совр. Сиань), была объявлена столицей империи. Объективно выполняя задачу объединения областей первого и второго подразделений общественного производства, Цинь Шихуанди не ограничился покорением древнекитайских царств, но продолжил экспансию на севере и юге. Завоевания и колонизация стали лейтмотивом всей внешней политики Первого императора. Все частное оружие в стране было конфисковано и перелито в бронзовые колокола и двенадцать гигантских статуй людей. Огромная регулярная армия Цинь Шихуанди была вооружена железным оружием, усилена кавалерией. К этому времени на северной периферии империи складывался с поразительной быстротой мощный племенной союз сюнну (гуннов), их набеги на Китай сопровождались угоном тысяч пленников. Против сюнну выступила 300-тысячная циньская армия, нанесшая им поражение и оттеснившая их кочевья за излучину р. Хуанхэ. Чтобы обезопасить северную границу империи, Цинь Шихуанди

приказал возвести гигантское фортификационное сооружение — так называемую Великую Китайскую стену, соединив и значительно расширив звенья крепостных оборонительных укреплений, ранее сооруженных отдельными царствами вдоль их северных границ для защиты от вторжений кочевников. Одновременно были снесены внутри страны стены между прежними царствами. Цинь Шихуанди предпринял завоевания в Южном Китае и Северо-Восточном Вьетнаме, ценой огромных потерь его армиям удалось добиться подчинения древневьетских государств Намвьет и Аулак. Под властью империи Цинь оказалась огромная территория, охватывавшая разные по этническому составу, хозяйственным занятиям и уровню общественного развития регионы, что не могло не сказаться на результатах крутых мероприятий Цинь Шихуанди, не учитывавших эти различия, и на самой судьбе его династии.

Цинь Шихуанди распространил на всю страну установления Шан Яна, создав сильную централизованную военно-бюрократическую империю во главе с единовластным монархом. Завоеватели-циньцы занимали в ней привилегированное положение, им принадлежали все руководящие чиновничьи должности в государстве. Законы царства Цинь были дополнены жестокими уголовными статьями. Унификация мер и весов, а также монетная реформа, изъявшая все средства обращения, кроме циньских бронзовых денег, привели к быстрому росту товарно-денежных отношений. Унифицирована и упрощена была иероглифическая письменность. Стандартизовано делопроизводство. Империя была разбита на 36 территориально-административных областей, без учета прежних политических и этнических границ. Законом было утверждено единое для всех полноправных свободных гражданское наименование «черноголовые» (*цяньшоу*). Даже для своих сыновей и братьев Цинь Шихуанди не сделал исключения, «низведя их до простолюдинов», как свидетельствуют более поздние источники. Были введены единое писаное законодательство, единая система чиновничества, а также инспекторат, державший под надзором деятельность всего административного аппарата сверху донизу и подчиненный лично самому императору. Легизм с его разработанной теорией централизованного административно-территориального управления, по сути, стал официальной идеологией Циньской империи.

По примеру Шан Яна Цинь Шихуанди ввел карательную систему, предусматривавшую как массовый вид наказания порабощение государством всех членов семьи преступника в трех поколениях, а также семей, связанных между собой системой взаимной ответственности, круг которой расширился настолько, что каре одновременно подвергались целые группы сел. Преступления, которые представлялись властям особо тяжелыми, карались казнью не только виновного, но и всех его родственников в трех поколениях.

Для введения новых порядков применялись самые крутые меры. В стране царил террор, всех, кто высказывал недовольство, казнили со всем родом, по закону круговой поруки «соучастников» обращали в рабство. За счет порабощения массы военнопленных и осужденных судами число государственных рабов в империи оказалось огромным. Их труд широко применялся в многоотраслевом царско-государственном хозяйстве. «Цинь учредила рынки рабов и рабынь, где их содержали в загонах вместе со скотом; управляя подданными, всецело распоряжалась их жизнью», — сообщают древнекитайские авторы, усматривая в этом обстоятельстве, а также в узаконении собственности на землю чуть ли не главную причину

быстрого падения династии Цинь. Колоссальных затрат и огромных человеческих жертв требовали непрекращавшиеся далекие походы, строительство Великой стены, ирригационных сооружений, дорог по всей империи, широкое градостроительство, возведение многочисленных дворцов и храмов, наконец, сооружение грандиозной гробницы для Цинь Шихуанди — недавние раскопки вскрыли огромные масштабы этого подземного мавзолея. Государственных рабов гнали на работы сотнями тысяч, но их не хватало, несмотря на постоянный приток. Тяжелейшие трудовые повинности легли на плечи основной массы «черноголовых». В 216 г. Цинь Шихуанди издал приказ, повелевавший «черноголовым» срочно доложить о наличной земельной собственности, и ввел исключительно тяжелый поземельный налог, достигавший $^2/_3$ дохода земледельцев. Укрывавшихся от налогов и повинностей (бежали общинами во главе с советом старейшин) разыскивали и ссылали на окраины колонизовать новые земли. В 210 г., в возрасте 48 лет, Цинь Шихуанди скоропостижно скончался.

Сразу же после смерти Цинь Шихуанди в империи вспыхнули восстания. Первая повстанческая волна подняла самый обездоленный люд, выдвинув вождей наиболее низкого общественного статуса, таких, как порабощенный бедняк Чэнь Шэн и бездомный батрак У Гуан. Силами имперских войск она была быстро подавлена. Но тотчас же поднялось широкое антициньское движение, в котором участвовали все слои населения империи — от самых низов до аристократических верхов. Наиболее удачливый из вождей повстанцев, родом из бывшего царства Чу, выходец из среды рядовых общинников Лю Бан сумел сплотить силы народного движения и привлечь на свою сторону опытных в военном деле врагов Цинь из числа потомственной аристократии. В 206 г. до х.э. династия Цинь пала, после чего началась борьба за власть повстанческих вождей. Победителем оказался Лю Бан. В 202 г. до х.э. Лю Бан был провозглашен императором и стал основателем новой династии — Хань. Она разделяется на два периода правления: Старшей (или Ранней) Хань (202 г. до х.э. — 8 г. х.э.) и Младшей (или Поздней) Хань (25—220). Столицей империи Лю Бан объявил г. Чанъань (рядом с бывшей циньской столицей).

В результате длительного взаимодействия различных этнических компонентов на территории бассейна Хуанхэ и среднего течения Янцзы примерно с середины I тысячелетия до х.э. активно шел процесс этногенеза древнекитайской народности, в ходе которого складывалась этническая общность «хуася» и на ее базе шло образование культурного комплекса «срединных царств». Однако вплоть до начала III в. до х.э. формирование древнекитайской этнокультурной общности окончательно не завершилось, не сложилось ни общего этнического самосознания, ни общепринятого самоназвания древнекитайской народности. Политическое объединение древнего Китая в рамках централизованной империи Цинь стало мощным катализатором процесса консолидации древнекитайского этноса. Несмотря на кратковременное существование империи Цинь, ее наименование стало основным этническим самоназванием древних китайцев в последующую, ханьскую, эпоху, сохраняясь вплоть до конца эпохи древности. В качестве этнонима древних китайцев «цинь» вошло в язык соседних народов. От него произошли и все западноевропейские названия Китая: латинское Синэ, немецкое Хина, французское Шин, английское Чайна.

Первая древняя империя Китая — Цинь — просуществовала всего около двух десятков лет, но она заложила прочную социально-экономиче-

скую и административно-политическую основу для возникшей на ее развалинах империи Хань.

Политическое объединение страны при Цинь Шихуанди, узаконение в масштабах всей империи частной собственности на землю, последовательное осуществление территориально-административного деления, фактическое разделение населения по имущественному признаку, проведение мероприятий, способствующих развитию торговли и денежного обращения, открывали возможности для подъема производительных сил и утверждения социально-политического строя империи — совершенно нового типа государства, вызванного к жизни всем предшествующим общественно-экономическим и политическим развитием древнего Китая. В этой исторической закономерности смены архаического строя древнекитайских раннегосударственных образований развитым древним обществом коренились в конечном счете причина феноменальных успехов деятельности Цинь Шихуанди и неизбежность восстановления после краха его династии важнейших циньских имперских институтов. Длительное, почти пятивековое существование на территории Восточной Азии огромной Цинь–Ханьской империи опровергает распространенное мнение об эфемерности древних империй. Причины столь длительного и прочного существования державы Хань заключались в способе производства древнего общества Китая, как и древнего Востока в целом, с характерной для его поздних этапов тенденцией к образованию крупных империй.

Придя к власти на гребне широкого антициньского движения, Лю Бан отменил жестокие законы Цинь, облегчил бремя налогов и повинностей. Однако циньское административное деление и бюрократическая система управления, а также большинство установлений империи Цинь в области экономической остались в силе. Правда, политическая ситуация заставила Лю Бана нарушить принцип безусловной централизации и раздать немалую часть земель во владение своим соратникам и родственникам, причем семи сильнейшим из них вместе с титулом *ван*, ставшим отныне высшим аристократическим рангом. Ваны владели территориями в масштабе целых областей, отливали собственную монету, заключали внешние союзы, вступали в заговоры и поднимали внутреннюю смуту. Борьба с их сепаратизмом стала первоочередной внутриполитической задачей преемников Лю Бана. Мятеж ванов был подавлен в 154 г., а окончательно их сила была сломлена при императоре У-ди (140—87 гг. до х.э.).

Централизация и укрепление империи в первые десятилетия правления Старшей династии Хань создавали условия для роста хозяйственного благосостояния страны, способствуя тому прогрессу в земледелии, ремесле и торговле, который единодушно отмечают древнекитайские авторы. Как и в правление Цинь, общинные структуры являлись важнейшей составляющей ханьского имперского строя. Именно на них опирался Лю Бан в антициньской борьбе. С представителями городского самоуправления Сяньяна (*фулао* — отцами-старейшинами) он заключил свой знаменитый договор «о трех статьях» — первое уложение империи Хань. Придя к власти, Лю Бан присвоил всем главам семей общинников статус почетного гражданства *гунши* и предоставил право участия в уездном управлении представителям общинной верхушки. В угоду прежде всего ей Лю Бан узаконил продажу свободных в рабство частным лицам, не предпринимал никаких мер к ограничению сделок с землей, что не замедлило сказаться на росте частного землевладения и рабовладения. Подъем производства был особенно заметным в ремесле, прежде всего в металлургии. Здесь широко приме-

нялся рабский труд. Частные предприниматели использовали в рудниках и мастерских (чугунолитейных, ткацких и др.) до тысячи подневольных работников. После введения при У-ди государственной монополии на соль, железо, вино и отливку монеты возникли крупные государственные мастерские и промыслы, где находил применение труд государственных рабов.

Постепенно страна оправилась от последствий многолетних войн, хозяйственного неустройства и разрушений, вызванных военными действиями и событиями, сопровождавшими падение империи Цинь, проводились восстановительные ирригационные работы, сооружались новые оросительные системы, росла производительность труда.

Увеличилось число торгово-ремесленных центров. Крупнейшие из них, такие, как Чанъань, Линьцзы, насчитывали до полумиллиона жителей. Много городов в то время имели население свыше 50 тыс. человек. Город становится средоточием общественной и хозяйственной жизни страны. В ханьскую эпоху на территории империи было построено более пятисот городов, в том числе в бассейне р. Янцзы. Наиболее густо города располагались в центральной части Великой Китайской равнины (в Хэнани). Однако большинство городов были небольшими, обнесенными земляными валами поселениями, окруженными полями. В них функционировали органы общинного самоуправления. Земледельцы составляли известную часть населения и в больших городах, но преобладали в них ремесленники и торговцы. Ван Фу, живший во II в. х.э., сообщал: «[В Лояне] занимающихся второстепенными промыслами в десять раз больше, чем земледельцев... В Поднебесной сотни областных и тысячи уездных городов... и везде в них дело обстоит так».

В сельскохозяйственном производстве основную массу производителей составляли свободные земледельцы-общинники. Они были обязаны поземельным (от $^1/_{30}$ до $^1/_{15}$ урожая), денежными подушным и подворным налогами. Мужчины несли повинности: трудовую (по месяцу в году в течение трех лет) и воинскую (двухгодичную армейскую и ежегодно трехдневную гарнизонную). По условиям древности это нельзя считать чрезмерными тяготами. К тому же закон предусматривал откуп от обязательных служб деньгами, зерном, а также рабами. Но все это было доступно зажиточным крестьянским хозяйствам и абсолютно неприемлемо для разоряющейся бедноты. При малой товарности мелких хозяйств особенно пагубно сказывались на них денежные виды обложения. Кредиторы изымали у производителя до половины произведенного продукта. «Номинально поземельный налог составляет $^1/_{30}$ урожая, а фактически земледельцы лишаются половины урожая», — сообщает «История Старшей династии Хань». Разоряющиеся земледельцы лишались полей и попадали в долговое рабство. Сановники докладывали: «Казна скудеет, а богачи и торгаши порабощают бедняков за долги и копят добро в амбарах», «Как может простой люд за себя постоять, когда богачи все увеличивают количество своих рабов, расширяют поля, накапливают богатства?», «Земледельцы трудятся без устали целый год, а как наступает время денежных поборов, малоимущие продают зерно за полцены, а неимущие берут в долг, обязанные возвратить вдвое больше, поэтому за долги многие продают поля и жилища, продают своих детей и внуков». Попытки нажимом сверху обуздать ростовщичество и воспрепятствовать разорению земледельцев — основного податного контингента империи — предпринимались правительством неоднократно, но не давали результата. Самопродажа в рабство за долги

становится важным источником частного рабовладения, которое в это время получает особенное развитие.

Сам акт продажи в рабство, совершавшийся с помощью торговых посредников, делал законным порабощение свободного даже в том случае, если он был продан против своей воли. Случаи насильственного захвата и продажи в рабство свободных людей были весьма частыми.

Источники эпохи Ранней Хань свидетельствуют об узаконенной практике купли-продажи рабов и большом развитии работорговли в это время. Сыма Цянь называет рабов в списке обычных рыночных товаров. В стране был постоянный рынок рабов. Рабов можно было купить почти в каждом городе, как любой ходовой товар, их считали по пальцам рук, как рабочий скот — по копытам. Партии закованных рабов переправлялись работорговцами за сотни километров в Чанъань и другие крупные города страны. Подневольный труд составлял основу производства в рудниках и на промыслах, как частных, так и государственных. Рабы, хотя и в меньшей мере, но повсеместно, использовались в сельском хозяйстве. Показательна в этом отношении массовая конфискация частных полей и рабов у нарушителей закона 119 г. до х.э. об обложении имущества. Данный закон, однако, не распространялся на привилегированные круги чиновной и военной знати и, что знаменательно, на общинную верхушку — это еще раз говорит о том, как далеко зашел процесс расслоения общины.

Денежное богатство было в империи Хань важным показателем общественного положения. По этому имущественному признаку все земельные собственники подразделялись на три основные категории: больших, средних и малых семей. За пределами этих категорий существовали в империи сверхбогатые люди, которые могли давать ссуду даже императору, их состояние исчислялось в сто и двести миллионов монет, таких лиц, естественно, было немного. Значительный слой бедняков источники относят к четвертой категории — малоземельных собственников. Имущество больших семей превышало 1 млн. монет. Большинство составляли семьи второй и третьей категорий. Имущество малых семей исчислялось в сумме от 1000 до 100 000 монет, это были мелкие частнособственнические хозяйства, как правило не использующие подневольного труда. Основной контингент, наиболее устойчивый в социально-экономическом отношении, составляла категория средних семей. Их имущество составляло от 100 тыс. до 1 млн. монет. Средние семьи обычно эксплуатировали в своих хозяйствах труд рабов, среди них менее состоятельные имели несколько рабов, более зажиточные — несколько десятков. Это были рабовладельческие поместья, продукция которых в значительной мере была рассчитана на рынок.

Ко времени правления У-ди (140—87) Ханьская держава превратилась в сильное централизованное бюрократическое государство — одно из самых многонаселенных в то время на планете, достигнув своего наивысшего могущества.

Важнейшей и первоочередной внешнеполитической задачей империи Хань с начала ее существования была защита границ от постоянных набегов кочевых племен сюнну.

Великая Китайская стена ослабила опасность вторжений сюнну. Но сплотившийся затем сюннуский племенной союз составил серьезнейшую угрозу ханьскому Китаю. К тому же верховный вождь сюнну — шаньюй Модэ (209—174) наряду с традиционной легковооруженной конницей ввел в войско тяжеловооруженную и усилил таким образом военную мощь сюнну. Модэ завоевал огромную территорию, доходившую до р. Орхон на

севере, р. Ляохэ — на востоке и до бассейна р. Тарим — на западе. После того как в 205 г. до х.э. сюнну овладели Ордосом, их вторжения на территорию Ханьской империи стали регулярными.

В 200 г. до х.э. они окружили под г. Пинчэн войско Лю Бана. Переговоры завершились заключением в 198 г. до х.э. «договора, основанного на мире и родстве», Лю Бан фактически признал себя данником шаньюя. Условия договора были тяжелыми для Китая и считались позорными в последующей традиции. Однако этот договор, по сути, имел благоприятные последствия для молодого ханьского государства, способствовал известной нормализации отношений империи с грозным соседом, превосходившим ее по силе в то время, служил стабилизации обстановки на северных границах страны. По словам историка I в. х.э. Бань Гу, этим договором о мире с сюнну Лю Бан «намеревался обеспечить спокойствие пограничным землям» и на какое-то время, очевидно, преуспел в этом. Однако все же договор 198 г. не остановил вторжений сюнну. Их отряды проникали далеко в глубь ханьского Китая, угрожая даже столице г. Чанъань.

Об активной борьбе с сюнну и необходимых в связи с этим реформах ханьского войска вставал вопрос еще при Вэнь-ди. При Цзин-ди были значительно увеличены императорские табуны и расширены государственные пастбища, необходимые для создания тяжеловооруженной конницы, была начата реорганизация ханьского войска во многом по образцу сюннуского. При У-ди реформа войска была завершена, чему способствовала введенная У-ди монополия на железо. В 133 г. до х.э. мирный договор с сюнну был разорван и У-ди взял курс на решительную борьбу с ними. Ханьские войска в 127 г. до х.э. вытеснили сюнну из Ордоса. По берегам излучины Хуанхэ были возведены укрепления и построены крепости. Затем прославленные ханьские военачальники Вэй Цин и Хо Цюйбин в 124 и 123 г. до х.э. оттеснили сюнну от северных границ империи и заставили шаньюя перенести ставку на север пустыни Гоби.

С этого момента внешняя политика У-ди на северо-западе была направлена на завоевание чужеземных территорий, покорение соседних народов, захват военнопленных, расширение внешних рынков и господство на международных торговых путях.

Еще в 138 г. до х.э., руководствуясь испытанным методом древнекитайской дипломатии — «руками варваров покорять варваров», — У-ди отправил дипломата и стратега Чжан Цяня для заключения военного союза с враждебными сюнну племенами юэчжи, которые под натиском сюнну откочевали из Ганьсу куда-то на запад. По дороге Чжан Цянь попал в плен к сюнну, после десятилетнего пребывания у них он бежал и продолжил свою миссию. Юэчжи находились тогда уже в Средней Азии, покорили Бактрию. Чжан Цянь не склонил их к войне с сюнну. Однако во время своего путешествия он побывал в Давани (Фергана), Канцзюе (или Кангюе — очевидно, среднее и нижнее течение Сырдарьи и примыкающие районы Среднеазиатского Междуречья), прожил около года в Дася (Бактрия). От местных торговцев Чжан Цянь узнал о Шэньду (Индия) и далеких западных странах, в том числе об Аньси (Парфия), а также о том, что этим странам известно о Китае как о «стране шелка», которым чужеземные купцы охотно торговали. По возвращении в Чанъань Чжан Цянь описал все это в своем докладе У-ди.

Сведения Чжан Цяня чрезвычайно расширили географический кругозор древних китайцев: им стало известно о многих странах к западу от империи Хань, их богатствах и заинтересованности в торговле с Китаем. С

этого времени первостепенное значение во внешней политике императорского двора стали придавать захвату торговых путей между империей и этими странами, установлению с ними регулярных связей. В целях осуществления этих планов было изменено направление походов на сюнну, основным центром нападения на них стала Ганьсу, так как здесь пролегала торговая дорога на запад — знаменитый Великий Шелковый путь. Хо Цюйбин в 121 г. до х.э. вытеснил сюнну с пастбищных земель Ганьсу и отрезал от союзных с ними цянов — племен Тибетского нагорья, открыв для Ханьской империи возможность экспансии в Восточный Туркестан. На территории Ганьсу вплоть до Дуньхуана была построена мощная линия укреплений и основаны военные и гражданские поселения. Ганьсу стала плацдармом для дальнейшей борьбы за овладение Великим Шелковым путем, караваны по которому потянулись из Чанъани сразу же после закрепления позиций империи в Ганьсу.

Чтобы обезопасить путь караванам, Ханьская империя использовала дипломатические и военные средства для распространения своего влияния на оазисные города-государства Восточного Туркестана, располагавшиеся вдоль Великого Шелкового пути. В 115 г. до х.э. было отправлено к усуням посольство во главе с Чжан Цянем. Оно сыграло большую роль в развитии торговых и дипломатических связей ханьского Китая с Центральной и Средней Азией. Во время своего пребывания у усуней Чжан Цянь отправил в Давань, Канцзюй, к юэчжам и в Дася, Аньси, Шэньду и другие страны посланцев, которые явились первыми представителями древнего Китая в этих странах. В течение 115—111 гг. до х.э. были установлены торговые связи между Ханьской империей и Бактрией.

Великий Шелковый путь из ханьской столицы Чанъани шел на северо-запад по территории Ганьсу до Дуньхуана, где он разветвлялся на две основные дороги (севернее и южнее оз. Лобнор), ведущие в Кашгар. Из Кашгара торговые караваны следовали в Фергану и Бактрию, а оттуда в Индию и Парфию и далее к Средиземноморью. Из Китая караваны везли железо, считавшееся «лучшим в мире» (Плиний Старший), никель, золото, серебро, лаковые изделия, зеркала и другие предметы ремесла, но прежде всего шелковые ткани и шелк-сырец (*сы* — с этим наименованием, видимо, связывалось название Китая в античном мире, где он был известен как страна «синов» или «серов»). В Китай доставляли редких зверей и птиц, растения, ценные сорта древесины, меха, лекарства, пряности, благовония и косметику, цветное стекло и ювелирные изделия, полудрагоценные и драгоценные камни и другие предметы роскоши, а также рабов (музыкантов, танцоров) и т.п. Особо следует отметить заимствованные в это время Китаем из Средней Азии виноград, фасоль, люцерну, шафран, некоторые бахчевые культуры, гранатовое и ореховое дерево.

При У-ди Ханьская империя установила связи со многими государствами на территории Индии, Ирана и расположенными далее на запад странами вплоть до Средиземноморья (идентифицировать некоторые упоминаемые в китайских источниках географические названия окончательно не удалось). Согласно сообщениям Сыма Цяня, в эти страны ежегодно отправлялось более десяти посольств, которые сопровождали большие торговые караваны; из близких стран послы возвращались через несколько лет, а из далеких — иногда через десять лет. Известно о прибытии к ханьскому двору посольств из ряда западных стран, в том числе дважды из Парфии. Одно из них поднесло китайскому двору яйца больших птиц (страусов) и искусных фокусников из Лисянь (очевидно, из Александрии в Египте).

Великий Шелковый путь играл огромную роль в развитии дипломатических, экономических и культурных связей между Дальним Востоком и странами Среднего и Ближнего Востока, а также Средиземноморья. Однако все, что доставлялось в Чанъань по Великому Шелковому пути, ханьский император и его окружение рассматривали как дань «варваров», прибытие чужеземных посольств с обычными для той эпохи подношениями воспринимались не иначе, как выражение покорности империи Хань. Воинственный император (перевод храмового имени У-ди) был обуреваем глобальным замыслом «расширить пределы империи на десять тысяч ли и распространить власть Сына Неба (т.е. ханьского императора) во всем мире (букв. „до четырех морей")».

Реформированное конфуцианство, признанное государственной религией, провозгласило доктрину абсолютного превосходства «Срединного государства» (т.е. империи Хань) — центра вселенной — над окружающим миром «внешних варваров», неподчинение которых Сыну Неба рассматривалось как преступление. Походы Сына Неба, как мироустроителя вселенной, объявлялись «карательными», внешнеполитические контакты относились к уголовному праву. К «поднесению дани» государства Западного Края (как называли Восточный Туркестан) принуждались подарками ханьского двора и военной силой ханьских гарнизонов, расквартированных в крепостях бассейна р. Тарим. Города Западного Края зачастую отказывались от «даров Сына Неба», трезво расценивая их как попытку грубого вмешательства в свои внутренние дела, скрытое намерение лишить их выгод от транзитной торговли, естественно сложившейся на трассе Великого Шелкового пути. С особым рвением ханьские послы действовали в Фергане, державшей ключевые позиции на важном участке Шелкового пути и владевшей «небесными конями» — статными лошадьми западной породы, представлявшими исключительную важность для тяжеловооруженной конницы У-ди. Даваньцы упорно сопротивлялись домогательствам ханьского двора, «прятали коней и отказывались отдавать их ханьским послам» (Сыма Цянь). В 104 г. в далекий «карательный поход» на г. Эрши (столица Ферганы) выступила огромная армия полководца Ли Гуанли, которому заранее был пожалован титул «Эршиского Победителя». Поход длился два года, но окончился полным провалом. В 102 г. У-ди предпринял новый грандиозный поход в Фергану. На сей раз удалось получить «небесных коней», но покорить Давань империи оказалось не под силу. Походы в Фергану, стоившие империи крайнего напряжения, закончились, по оценке самого У-ди, полным провалом планов ханьской агрессии на Западе. Политическое доминирование ханьского Китая в Восточном Туркестане оказалось нестабильным, носило кратковременный и очень ограниченный характер. Наиболее беспристрастные представители официальной историографии вообще подвергали сомнению необходимость для империи Хань экспансии в Центральную и Среднюю Азию, отмечая ее отрицательные последствия как для этих стран, так и в особенности для Китая. «Династия Хань устремилась в далекий Западный Край и тем самым довела до истощения империю», — писал автор одной из раннесредневековых историй Китая.

Одновременно с активной внешней политикой на северо-западе У-ди предпринял широкую экспансию в южном и северо-восточном направлениях. Юэские государства в Южном Китае и Северном Вьетнаме издавна привлекали древнекитайских торговцев и ремесленников как рынки сбыта товаров и места добычи медных и оловянных руд, драгоценных металлов, жемчуга, приобретения экзотических животных и растений, а также рабов.

Завоеванные при Цинь Шихуанди юэские земли после падения династии Цинь отпали от империи, но торговые связи с ними сохранились.

Древнекитайские источники фиксируют существование во II в. до х.э. трех независимых юэских государств: Наньюэ (в бассейне среднего и нижнего течения р. Сицзян и Северном Вьетнаме), Дунъюэ (на территории провинции Чжэцзян) и Миньюэ (в провинции Фуцзянь). В самом крупном из них — Наньюэ (Намвьет) — захватил власть бывший циньский наместник Чжао То. Он и основал местную вьетскую династию Чиеу, провозгласив себя императором, равнодержавным Ханям. В 196 г. до х.э. между Хань и Наньюэ был заключен договор, по которому Лю Бан признавал Чжао То законным правителем Наньюэ. Но вскоре Чжао То в ответ на запрет императрицы Люйхоу вывозить в Наньюэ железо, скот и другие товары разорвал дипломатические отношения с империей. Обе страны оказались в состоянии войны, однако вести ее у империи не было сил.

С первых же лет своего воцарения У-ди делал ставку на захват южных государств. В 138 г. до х.э., вмешавшись в междоусобную борьбу вьетских государств, Хани покорили Дунюэ, после чего У-ди приступил к подготовке большой войны против Наньюэ.

Активизации внешней политики У-ди на юго-западе способствовало и возвращение в 125 г. до х.э. Чжан Цяня из его поездки к юэчжи, во время которой он узнал о торговом пути на юго-западе Китая, по которому товары из Шу (Сычуань) доставлялись в Индию и Бактрию. Однако посланные в 122 г. до х.э. для отыскания этого пути ханьские экспедиции были задержаны племенами на юго-западе Китая. «Открыть» для империи путь в Индию, проходящий через Бирму, не удалось. Позже У-ди получил возможность установить связи с Индией по морю, но это произошло уже после захвата Наньюэ.

После смерти Чжао То, воспользовавшись внутренней смутой, У-ди ввел в Наньюэ крупные военные силы. Длившаяся с перерывами два года (112—111) война с Наньюэ закончилась победой империи. За этот срок империя покорила и остальные юэские земли, лишь Миньюэ продолжало сохранять независимость. По сведениям Бань Гу, после подчинения Наньюэ Ханьская империя установила связи по морю с Индией и Ланкой (Сычэнбу).

Путь из Южно-Китайского моря в Индийский океан шел, вероятно, через Малаккский пролив. Древние китайцы в то время не были сильны в мореплавании, зато искусными мореходами издревле были народы юэ. Очевидно, юэские суда и доставляли ханьских торговцев в Индию, на Ланку и в другие районы Южной Азии. После завоевания Наньюэ, скорее всего через посредство народов юэ, были завязаны связи Ханьской империи с отдаленными странами Юго-Восточной и Южной Азии.

Разделив Наньюэ на области и уезды, завоеватели эксплуатировали местных жителей, заставляя их работать в рудниках, добывать золото и драгоценные камни, охотиться на слонов и носорогов. Из-за постоянных антиханьских восстаний У-ди был вынужден держать на юэских землях большие военные силы.

Завершив войны на юге, У-ди предпринял решительные действия против государства Чаосянь (кор. Чосон) на территории Северной Кореи. Эта страна задолго до возникновения империи поддерживала связи с северо-восточными древнекитайскими царствами. После образования империи Хань при Лю Бане был заключен договор, устанавливающий границу между обоими государствами по р. Пхесу. Чаосяньские правители стремились про-

водить независимую политику и в противовес империи поддерживали связи с сюнну. Последнее обстоятельство, а также то, что Чаосянь препятствовала сношению империи с народами Южной Кореи, сделало Чаосянь очередным объектом ханьской агрессии. В 109 г. до х.э. У-ди спровоцировал в Чаосяни убийство ханьского посла, после чего направил туда «карательную» экспедицию. После длительной осады с суши и с моря столица Чаосяни Вангомсон пала. На территории Чаосяни были учреждены четыре административных округа, однако три из них пришлось упразднить в связи с непрекращавшейся борьбой древних корейцев за независимость.

Захватнические войны, которые много лет подряд непрерывно вел У-ди, спустошали казну и истощили ресурсы государства. Эти войны, потребовавшие колоссальных расходов и неисчислимых человеческих жертв, уже в конце правления У-ди привели к резкому ухудшению положения основной массы трудового населения страны и взрыву народного недовольства, которое выразилось в открытых выступлениях «озлобленного и измученного люда» в центральных областях империи. Одновременно поднялись антиханьские выступления племен на окраинах империи. «Страна устала от бесконечных войн, люди объяты печалью, запасы истощились» — так характеризует состояние империи в конце правления У-ди его современник историк Сыма Цянь. После смерти У-ди крупные завоевательные походы почти не предпринимались. Сторонники военных захватов не встречали более поддержки при ханьском дворе.

Вплоть до конца I в. до х.э. — начала I в. х.э. внешняя политика Ханьской империи носила в основном пассивный характер. Ханьские войска лишь в 36 г. до х.э. предприняли дальний поход против сюнну, активизировавшихся в Западном Крае. Это на некоторое время укрепило власть Ханьской империи в Западном Крае, но уже через несколько лет сюнну возобновили набеги на северо-западные границы Ханьской империи, и в начале I в. х.э. им удалось подчинить своему влиянию весь Западный Край.

С последней четверти I в. до х.э. по стране прокатилась волна восстаний рабов. На рубеже христианской эры империя оказалась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Многие государственные деятели усматривали его причину в росте крупного землевладения и рабовладения.

Через всю внутреннюю историю империи Ранней Хань красной нитью проходит борьба против концентрации частной земельной собственности, но к концу I в. до х.э. она приобретает исключительную остроту. Как показывают относящиеся к этому времени доклады сановников Ши Даня, Кун Гуана и Хэ У, вопрос о земле тесно связывается с вопросом о рабах. Две эти общественные проблемы выступают как основные во всех проектах реформ и законах начала христианской эры. Наиболее дальновидные представители правящего класса сознавали необходимость проведения реформ с целью ослабления напряжения в обществе.

Попытка проведения подобных мероприятий была предпринята при императоре Ай-ди (6—1 гг. до х.э.): проект указа устанавливал максимальный размер частных земельных владений в 30 цинов (ок. 138 га), а количество рабов у собственников, в зависимости от их общественного положения, ограничивал нормой в 200 рабов у сановной и родовитой знати и 30 рабов у простолюдинов и мелких чиновников (без учета рабов старше 60 и моложе 10 лет). Государственных рабов старше 50 лет предлагалось отпустить на волю. Однако этот проект вызвал такой протест рабовладельцев, что не могло быть и речи о его проведении в жизнь, так же

как и других проектов подобного рода, хотя они касались ограничения рабовладения и землевладения только у простолюдинов и мелких служащих. После провала политики реформ в стране вспыхнули восстания.

Такова была обстановка, при которой выдвинулся Ван Ман — регент при малолетнем наследнике престола, тесть предшествовавшего императора Пин-ди (1—6 гг. х.э.). Человек исключительного честолюбия, Ван Ман, как ловкий демагог, сумел в короткий срок приобрести популярность в народе и вместе с тем поддержку придворных кругов. Воспользовавшись благоприятным моментом, он совершил дворцовый переворот и в 9 г. х.э. провозгласил себя императором — основателем «Обновленной династии» и сразу объявил о своем намерении проводить реформы самым решительным образом. В расчете на поддержку широких масс населения Ван Ман объявил о восстановлении счастливых порядков древности и возрождении чжоуской «колодезной» системы восьмидворок, обрабатывающих девятый участок в пользу правителя. Он обещал восстановить равновеликие наделы, за счет чего выделить землю всем безземельным и малоземельным общинникам. Это обещание, естественно, выполнено быть не могло. Ван Ман запретил куплю-продажу земли и рабов и провозгласил все частновладельческие земли государственными, а частных рабов — «частнозависимыми», т.е., вероятно, тоже подведомственными государству, но остающимися в распоряжении своих хозяев. При этом государственное рабство ограничениям не подвергалось, наоборот, все виновные в нарушении законов Ван Мана обращались в государственных рабов.

Ссылаясь на древние конфуцианские трактаты, Ван Ман даже пытался обосновать исключительное право государства на владение рабами. При нем число государственных рабов снова очень возросло за счет порабощения за преступления. Законы Ван Мана обращали в рабство преступника вместе с его семьей и четырьмя соседними семьями, связанными круговой порукой. Причем у всех этих семей, которые порабощались государством, конфисковалось имущество, в том числе и их частные рабы, переходившие в казну. Такие рабы огромными партиями переправлялись на далекие расстояния для работы в государственных рудниках и мастерских. Так, в 21 г. х.э. «нарушители запрета на отливку монеты в числе пятерок семей, [обязанных круговой порукой], подверглись [аресту], конфискации имущества и были обращены в государственных рабов. Мужчины на телегах, в клетках для преступников, женщины и дети пешком с бряцавшими на шее железными цепями сотнями тысяч переправлялись [в Чанъань], передавались чиновникам, ведавшим отливкой монеты. Пока их [туда] доставляли... погибали шесть-семь из десяти» («История Старшей династии Хань»). Все эти данные говорят о том, что реформы Ван Мана были направлены против роста частного рабовладения, но не рабства, как такового.

Имея целью сосредоточить в руках государства все источники доходов и создать сильную бюрократическую империю, Ван Ман чрезвычайно усилил фискальные и полицейские функции государства и увеличил административный аппарат. Чиновники и откупщики были заинтересованы в осуществлении экономических мероприятий Ван Мана, которые давали им возможность наживаться на спекуляции товарами при регулировании рыночных цен и на других злоупотреблениях. Ван Ман стремился подчинить казне все ссудные операции, издавал указы, касающиеся отливки монеты и нормирования цен на рынках, пытаясь добиться активного вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Реформы Ван Мана привели к крайнему усилению деспотического гнета государства, они не только не

смогли смягчить социальные противоречия, но вызвали еще большее их обострение. Ван Ман пытался спасти положение, объявив об отмене всех своих законов о земле и рабах, однако все было тщетно. По всей стране стали вспыхивать стихийные волнения и голодные бунты. Отряды разорившихся общинников, рабов, батраков действовали по всей стране, принимая разные названия — «Зеленого леса», «Медных коней», «Больших пик», «Железных голеней», «Черных телят» и др. Как правило, они были разрозненны, хотя зачастую действовали бок о бок. Особенный размах имело движение «Красных бровей», развернувшееся в 18 г. х.э. в Шаньдуне, где бедствия населения были умножены катастрофическим разливом Хуанхэ, которая резко изменила свое русло (приняв то направление, которое она имеет сейчас).

Движение «Красных бровей» потрясало страну почти десять лет подряд. Оно было несравненно более широким по масштабу, чем антициньское восстание Чэнь Шэна, и более однородным по составу, чем восстание Лю Бана. Вспыхнуло оно столь же стихийно, как и эти предшествовавшие ему мощные движения. Никаких загодя планируемых и далеко идущих идейных целей повстанцы перед собой не ставили, кроме единственной — свержения «узурпатора» Ван Мана. В движении принимали самое активное участие массы обездоленного и эксплуатируемого люда. О том, что движение не носило узкокрестьянского характера, косвенно может свидетельствовать то обстоятельство, что, хотя в числе мероприятий Ван Мана была широковещательная программа восстановления древней системы *цзинтянь* — уравнительного общинного землепользования, — никакого положительного отклика на нее со стороны тех слоев населения, которые участвовали в восстании, мы не видим. Повстанцы убивали чиновников, отменяли налоги, захватывали имущество богачей, но ни на какой территории не закреплялись, а со всех сторон двигались в одном направлении — к столице империи Чанъани, и еще точнее — к императорскому дворцу Ван Мана. Первым в 23 г. удалось занять столицу отрядам «Зеленого леса». Ван Ман был обезглавлен, тело его разорвано на части. В 25 г. Чанъань захватили «Красные брови». Каждый повстанческий отряд объявлял своего ставленника императором. Одновременно в г. Лоян отрядами представителей правящего класса был провозглашен императором отпрыск ханьского дома Лю Сю, известный в истории под храмовым именем Гуан У-ди (25—57). При несогласованности действий, отсутствии военного и политического опыта у вождей повстанцев, как правило выходцев из низов, все движение на последнем этапе окончательно пошло на поводу у определенных слоев знати, заинтересованных в свержении Ван Мана силами повстанцев, а затем в восстановлении династии Хань и подавлении повстанческого движения. И действительно, Гуан У-ди начал свое правление «карательным походом» против «Красных бровей», которых к 29 г. ему удалось разбить, а затем подавил и все остальные народные движения. С императора Гуан У-ди начинается период «реставрированной» Ханьской династии, называемой Младшей или Поздней; новой столицей империи стал г. Лоян.

Мощнейшее в истории Китая восстание «Краснобровых», явившееся выражением острейшей классовой борьбы, привело к некоторому облегчению положения трудового населения и освобождению массы людей от рабской зависимости, что нашло отражение в указах Гуан У-ди.

Реставрация Ханьской империи сопровождалась значительными изменениями в ее социальном и политическом строе.

После провала реформ и подавления народного движения силами крупнейших землевладельцев стало очевидным, что в обществе появились новые реальные силы, с которыми правящие круги империи должны были считаться.

Размах восстаний 17—25 гг. показал необходимость, с одной стороны, уступок угнетенным массам, а с другой — сплочения всех слоев господствующего класса, передавших функцию подавления низов государству и тем самым санкционировавших реставрацию империи. Если при Ай-ди и Ван Мане любые попытки государства ограничить частное рабство и вторгнуться в права землевладельцев встречали отчаянное сопротивление, то теперь, после того как правительство Гуан У-ди жесточайшим образом расправилось с повстанцами, частные собственники уже не протестовали против таких законов Гуан У-ди, как сохранение свободы тем рабам, которые фактически вернули ее себе во время восстаний, как освобождение продавшихся в рабство из-за голода и насильственно порабощенных в этот период. Если эти указы не всегда и не в полной мере могли быть проведены в жизнь, то реально были освобождены все государственные рабы, порабощенные за нарушение законов Ван Мана, а также некоторые категории частных рабов. Указом 35 г. запрещалось клеймить частных рабов, ограничивалось право хозяина на убийство своих рабов, был отменен закон о позорной казни рабов на базарной площади. Предусматривались правительственные меры по защите некоторых элементарных прав рабов. В указе провозглашалось даже (официально — впервые), что раб по своей природе тоже человек. Законы Гуан У-ди, ограничивавшие самоуправство господ, воспринимались ими как неизбежные меры, необходимые для предотвращения острых классовых конфликтов. Вместе с тем изданный правительством Гуан У-ди в 30—31 гг. «Закон о продаже людей» вводил ограничения, упорядочивавшие работорговлю и практику продажи в рабство свободных, чем способствовал нормализации рабовладельческих отношений. По всей вероятности, Гуан У-ди опирался на мелкие и средние хозяйства; крупные землевладельцы — так называемые сильные дома — этих его мероприятий, очевидно, не поддержали, в 52 г. они подняли мятеж, который Гуан У-ди подавил с присущей ему беспощадностью.

Правительство Гуан У-ди предпринимало решительные меры по ремонту разрушенных плотин на Хуанхэ, эта область Великой Китайской равнины теперь стала непосредственно примыкающей к столичной (в связи с переносом в Лоян столицы империи из разрушенного во время восстаний г. Чанъань), на ее благоустройство Гуан У-ди обращал особое внимание. Было упорядочено денежное обращение. Облегчено податное бремя. Поощрялись земледелие и шелководство. Бедноте были выделены на льготных условиях государственные поля, в том числе земли опальных «сильных домов».

В этот период стал изменяться характер землевладельческих хозяйств, в первую очередь самых крупных. Видимо, в то время многие хозяйства использовали в производстве так называемых гостей (*кэ*). Ханьские авторы так определяли категорию непосредственных производителей, называемую кэ: «Это те, кто своей земли не имеет, но берет у богатых и возделывает ее». Именно ко времени Гуан У-ди относится первое упоминание о большом количестве «гостей» — кэ или *биньке* — у земельных собственников. Так, за участие в мятежах «сильных домов» было казнено несколько тысяч лично-зависимых от них биньке.

Рабовладельческие хозяйства продолжали существовать, хотя рабы при-

менялись теперь больше в специфических видах производства (на плантациях камфорных и лаковых деревьев, в скотоводстве, на рыбных и соляных промыслах). В земледелии, если не считать ирригационных работ, рабский труд становится менее значимым. Жалобы на непроизводительность рабского труда впервые появились еще в I в. до х.э. (в правительственной дискуссии «О соли и железе» 81 г. до х.э. и докладе сановника Гуан Юя, 44 г. до х.э.). Это было связано, в частности, с усовершенствованием навыков труда и хозяйственных методов — показателем подъема производительных сил не менее важным, чем технические достижения.

Развивается новый тип полеводства, требовавший тщательного ухода буквально за каждым растением в поле. В сложных хозяйствах крупнейших собственников земли получает применение труд фактически зависимых (но лично еще свободных) земледельцев. Исследователи отмечают двойственность их положения: с одной стороны, они сохраняли право приобретать землю, но с другой — не могли самовольно покинуть арендуемый ими участок господской земли. Процесс концентрации земли принял огромные, немыслимые до того масштабы. «Сильные дома», никак не связанные с чиновной знатью, обладали имениями, простиравшимися «от области до области». Их влияние распространялось на всю округу, включая и мелкие города. В их распоряжении были тысячи рабов, табуны коней, стада крупного и мелкого скота. Они владели крупными мастерскими, значительную часть рабочего персонала которых составляли закованные рабы, наживались на торговле и ростовщичестве. На полях этих огромных имений было практически невозможно организовать необходимый надзор за работниками. Здесь все шире использовался труд буцюй (посаженная на землю личная стража) и всякого рода кэ, известных под названиями «гостевых полевых работников» (*дянькэ*), «гостей-приживальщиков» (*бинькэ*), «нахлебников» (*ишикэ*: букв. «кэ за еду и одежду») — нечто вроде клиентов или колонов; многие из них постепенно превращались в лично-зависимых работников, среди них были и *тунли* — «отроки-рабы». Часто задолжавшую бедноту нужда заставляла обрабатывать землю «сильных домов» на тяжелых условиях издольщины. В огромных поместьях, имевших по нескольку тысяч «гостевых дворов», наметился переход к новому типу эксплуатации непосредственного производителя, оставлявшей ему некоторую возможность самостоятельного хозяйствования. Экономически эти работники не были собственностью магната и, как таковые, не могли быть лишь объектом права. Однако, оставаясь формально лично-свободными, в административном плане они выпадали из состава собственно гражданского населения, не учитывались переписью населения, и государство скорее уж могло обложить налогом рабов (как чью-то собственность), чем эту категорию тружеников, фактически не входившую в число подданных империи — налогоплательщиков государства.

В государственном секторе получили известное распространение так называемые поля военных поселений (*туньтянь*). Впервые эта форма государственного полеводческого хозяйства возникла на северо-западных границах империи на рубеже II—I вв. до х.э., но затем нашла применение во внутренних областях империи, что, возможно, свидетельствует об усилении значения государственной собственности на землю. Для изучения этих хозяйств имеются крайне редкие для древнего Китая источники — подлинные документы хозяйственной отчетности на бамбуковых планках. Сельскохозяйственные работы в этих поселениях выполняли поселенцы и их семьи, которым начальники раздавали посевной материал,

земледельческие орудия и скот; урожай (целиком или в размере 60%) сдавался в казенные амбары, откуда потом земледельцы получали натуральные выдачи и одежду. Выдачи и выполненные работы строго учитывались. Несмотря на тяжелые условия эксплуатации, эти «военные поселенцы» все же не были рабами в юридическом смысле, ибо известны случаи их последующего порабощения властями. Видимо, они находились на положении государственно-зависимых людей, прикрепленных к земле землепользователей. Это аграрное устройство, возможно связанное и с воссозданием общин, стало в известной мере прообразом государственной надельной системы (*цзюньтянь*), нашедшей широкое применение со второй четверти III в. х.э. — уже после падения Ханьской династии — в китайских государствах периода так называемого Троецарствия и в раннесредневековой империи Цзинь.

На рубеже I в. х.э. все человечество насчитывало 250 млн. человек и одну пятую часть населения Земного шара представляла в это время восточноханьская держава, где проживало более 50 млн. человек. Постепенно империя восстановила военную мощь и вернула себе положение «мировой державы». Были замирены пограничные племена, участвовавшие в повстанческом движении. В Южном Китае ханьские императоры проводили жесткую политику насильственной ассимиляции местного населения, имперские чиновники жестоко притесняли аборигенов, искореняли местные культы и обычаи. В 40 г. вспыхнуло народное восстание против ханьских властей в Северном Вьетнаме под руководством сестер Чынг, которое Гуан У-ди удалось с огромным трудом подавить только к 44 г. Во второй половине I в., умело использовав (а в известной мере и спровоцировав) раскол сюнну на «северных» и «южных» и разрешив подчинившимся Ханям южным сюнну поселиться в ее пределах, империя активно приступила к восстановлению ханьского владычества в Западном Крае, который к концу правления Старшей Хань отпал от Китая и подпал под власть сюнну. Младшей империи Хань удалось к концу I в. на короткое время восстановить свое влияние в Западном Крае и утвердить гегемонию на Великом Шелковом пути. Действовавший в Западном Крае полководец Бань Чао развернул в это время активную дипломатическую деятельность, ставя задачей добиться прямых контактов с Дацинь («Великой страной Цинь», как ханьцы называли Римскую империю). Но отправленное им посольство дошло лишь до римской Сирии, будучи умышленно задержано парфянскими купцами. Однако ханьско-римская торговля через посредников со второй половины I в. х.э. приобрела достаточно регулярный характер. Древние китайцы впервые воочию увидели римлян в 120 г., когда в Лоян прибыла и выступила при дворе Сына Неба труппа бродячих фокусников из Рима. Одновременно Ханьская империя установила связи с Индостаном через Верхнюю Бирму и Ассам и наладила морское сообщение из порта Бакбо в Северном Вьетнаме (известного римлянам под названием Каттигара) до восточного побережья Индии, а через Корею — в Японию. По южному морскому пути в 166 г. в Лоян прибыло первое «посольство» из Рима — как именовала себя частная римская торговая фирма. Со второй половины II в., с утратой гегемонии империи Хань на Шелковом пути, получает развитие внешнеторговая ханьская экспансия в страны Южных морей, на Ланку и в Канчипуру (Канчипурам в Южной Индии). Эти связи в дальнейшем сохраняют свое значение. В страны Южных морей организовываются экспедиции с целью захвата рабов. Младшая империя Хань по все новым направлениям рвется к внешним рынкам, где главными между-

народными товарами были предметы роскоши. Расширению международных связей Ханьской державы сопутствует расцвет науки, литературы, философии, искусства. По отзывам современников, столица империи г. Лоян поражал своим великолепием. Роскошь императорского дворца и пышность дворцов знати не знали предела. Придворные поэты и известные философы воспевали величие и незыблемость правящей династии, прославляя империю как предел совершенства, наступление «золотого века» на земле.

Бурный взлет товарно-денежных отношений шел в основном за счет огромного расширения ханьской внешней торговли. Конец I в. отмечен подъемом экономики и торговли, успехами в ремесле и земледелии. Появляются водяные мельницы, водоподъемные сооружения, совершенствуются кузнечные мехи. Осваиваются грядковая культура и система переменных полей. Однако сколько-нибудь значительного применения эти усовершенствования не находят, как не получает распространения безотвальный тяжелый плуг, рассчитанный на упряжку из двух волов. На практике в него впрягали рабов, и должного эффекта не получалось. Железные сельскохозяйственные орудия, изготовленные государственными рабами, земледельцы отказывались приобретать, так как находили их «непригодными для работы», как сообщают источники. Хотя закон ограничивал произвол господина, там, где рабов использовали в массовом количестве, их содержали в оковах.

Процветание империи Младшей Хань было непрочным и таило в себе глубокие противоречия. В момент наибольших военно-дипломатических успехов Бань Чао в Западном Крае при дворе побеждают сторонники пассивного внешнеполитического курса. Они выражали интересы тех слоев господствующего класса, которые не были заинтересованы в разворачивании внешней торговли и дальнейшем углублении товарно-денежных отношений, поскольку их огромные поместья все более становились самодовлеющим хозяйственным организмом, способным ограничиться своими внутренними рынками. Об этих людях говорили: «Так богат, что может, закрыв ворота, открыть свой рынок». В феноменальном росте фамильных состояний и безудержном мотовстве богатейших домов современники усматривали чуть ли не первопричину оскудения государственной казны и массового разорения земледельцев. Два полюса социальной действительности: скопление несметных сокровищ в руках немногих крупнейших землевладельцев и обнищание массы мелких и средних собственников — обозначились к началу II в. с предельной остротой. Создавшееся положение многие политические деятели рассматривали как катастрофу для государства и прямым образом связывали ее с распространением товарно-денежных отношений.

Борьба двух экономических тенденций — частного землевладения, связанного с рабовладельческим хозяйственным укладом, и зарождающихся новых форм землепользования — косвенно проявилась в придворных дискуссиях II в. х.э., развернувшихся вокруг проблемы денег. В докладах на высочайшее имя появляются советы запретить деньги и изъять металлическую монету из обращения.

Глубинная причина кризиса экономики заключалась в том, что достигнутый уровень товарно-денежных отношений был чрезмерно высок для существовавшей в обществе производительности труда. Поскольку в древности производство в целом носило натуральный характер и не увеличение производства, а самовоспроизводство было целью древнего общества, товарно-денежное обращение затрагивало лишь относительно небольшую

часть производимого продукта; «капитал» в древнем мире оказывался торгово-ростовщическим, т.е. не имел прямого отношения к производству. Таким образом, рост денежных накоплений развития производства, как правило, не стимулировал[1].

Во 2 г. х.э. впервые в Китае была произведена перепись населения по числу хозяйств и душ, давшая соответственно цифры: 12 233 612 дворов и 59 594 978 человек.

В начале правления Младшей Хань перепись зарегистрировала в империи всего 21 млн. человек. Однако к концу I в. эта цифра возросла до 53 млн., что говорит о восстановлении государственной машины и росте числа граждан-налогоплательщиков империи, а следовательно, соответствующем увеличении доходов казны. Но уже через полтора десятка лет перепись показала убыль подданных империи почти на 10% — и это в условиях отсутствия внутренних «смут» и внешних кровопролитных войн. Очевидно, часть податного населения (а только их и фиксирует официальный учет населения Ханьской империи) отдала себя под покровительство крупных земельных собственников. Сокращение количества налогоплательщиков не означало их физической гибели, но знаменовало их «гибель» гражданскую в связи с отдачей себя под покровительство частных лиц. Это положение принципиально отличалось от того, которое вызвало тревогу ханьских политических деятелей примерно за полтора-два столетия до этого. Тогда донесения властей сообщали, что, несмотря на сокращение поземельного налога до $^1/_{30}$ доли урожая, бедняки в действительности лишаются половины урожая в пользу богачей — обычно своих кредиторов, что вынуждает бедный люд закладывать поля и отдавать членов своих семей в рабство. Речь шла об общинниках, попавших в долговую кабалу, но остававшихся в числе граждан — налогоплательщиков империи. Ни о какой личной зависимости бедствующего люда от частных лиц тогда не было речи, во всяком случае как о массовом явлении. И тогда и сейчас государство пеклось о своих доходах, о количестве податного населения империи и болезненно реагировало на его сокращение, но за внешним сходством явлений скрывалось их принципиальное различие. Многие должники и в этот период продавали членов своей семьи и себя в рабство, но общая тенденция развития становилась иной. Заметно возрастало число маломощных семей, которые добровольно передавали себя «в гости», многие за долги отдавали землю «сильным домам» с условием пользования ею на правах лиц, лично-зависимых от земельных магнатов. К концу II в. под покровительством отдельных крупнейших представителей «сильных домов» находилось по нескольку тысяч таких семей, среди них кэ, бинькэ, буцюй, дянькэ и др. Состав работников такого имения оказывался очень разнородным: рабы, полурабы, зависимые земледельцы разных типов, кабальные арендаторы, наемные работники. Но наемный труд не показателен, он использовался в частных крупных землевладельческих хозяйствах (в силу специфики полеводства, нуждающегося в страдную пору в дополнительных рабочих руках) всегда, и находились наемные работники обычно в таком же положении, что и основные производители материальных благ в данном обществе. Видимо, своей специфической социальной окраски наемный труд не имел вплоть до эпохи капитализма.

Практика отдачи под покровительство формально не носила характера

[1] Вероятно, следует подчеркнуть, что «капитал» в древнем мире часто превращался в сокровище и тем самым выпадал из обращения. — *Примеч. ред.*

торговой сделки, не скреплялась актом купли-продажи земли и не означала порабощения должника, фиксируя «крепость» — отношения сугубо личностные, патронажные, но фактически они приводили к отчуждению земли должников в пользу заимодавца или другого «покровителя» обедневшего общинника и в конечном счете к потере последним какой-то доли своей гражданской свободы (которая из-за связанных с ней налогов и служб становилась для него в это время бременем), причем патронаж привязывал отдавшегося под покровительство к земле, что, очевидно, было в интересах обеих сторон.

Отдаваясь под покровительство «сильных домов» и попадая в зависимость от них, земледельцы тем самым сохраняли известные «права» на свои участки. В то же время покровительство патронов, видимо, избавляло их от государственных налогов и повинностей. О том, что в основе этих процессов часто лежали долговые сделки, можно судить по постоянным упоминаниям источников об огромном количестве должников у земельных магнатов.

Из подданных государства, его свободных граждан, попавшие в долговую кабалу превращались в людей лично- и поземельно-зависимых, выпавших из фиска. Для правительства этот процесс означал потерю доходов, для земельных магнатов — их приобретение, причем явно в ущерб государству. Очевидно, к концу описываемого периода «гостевые дворы» получают какой-то официальный статус и начинают учитываться властями на предмет налогообложения, но не как самостоятельные хозяйства, а как податные единицы, приписанные к «сильным домам».

Создалась своеобразная ситуация: общинники — основное податное население империи — могли распоряжаться своей землей, продавать ее на определенных условиях другим физическим или юридическим лицам, в частности «сильным домам», которые, в свою очередь, также имели право распоряжаться своими поместьями, расширяя их до любых мыслимых пределов; государство же, чьими подданными они являлись, не имело реальной возможности помешать этому. Обе категории обладали всеми правами частной собственности на землю — владения, пользования и распоряжения ею, причем вполне независимо от государства. Таким образом, ни лично императору, ни ханьскому государству не принадлежала в это время собственность на землю всей территории империи, на которую распространялся их публично-правовой суверенитет.

С течением времени главы «сильных домов», обзаведшиеся своими вооруженными силами и собственным аппаратом управления, частично присваивали себе публично-правовые функции и почти «естественно» оказывались судебной властью для своих «зависимых», как бы становясь между ними и государством. Новая зависимость могла ассоциироваться в их представлении с патриархальной подчиненностью младших родичей в домашней общине, которые в пределах каждой большой семьи и ранее фактически были лишены индивидуальной собственности на средства производства и известной доли гражданского полноправия. В хозяйствах «сильных домов», по мере их укрупнения, возникали в зачаточном виде те формы отношений власти и собственности, которые делали земельных магнатов в собственных глазах принципиально неотличимыми от правителя, а их поместья — неотличимыми от государства. Постепенное соединение в одном лице публично-правовых функций суверена и частноправовых функций собственника, которые в древнем обществе не совпадали, свидетельствовало о возникновении в недрах позднеханьской империи отдельных элементов

раннефеодальных отношений. Но процесс этот здесь едва только начинался.

Политическим деятелям империи казалось, что можно сдержать концентрацию земли у «сильных домов» и задержать процесс обезземеливания общинников, прижимая торговцев и искусственно сокращая приток в страну богатств, чрезмерно разжигающих страсть к наживе. Это было осознанным основанием для изменения внешнеполитического курса империи. Стремление к личному обогащению противопоставлялось государственным интересам страны. Но действительная причина коренилась в изменении характера хозяйства «сильных домов». Новые формы зависимости и земельных отношений становились доминирующими в поместьях земельных магнатов, свидетельствуя о снижении товарности частных хозяйств, дальнейшей натурализации производства, изменении способов взимания прибавочного продукта.

Сокращение числа налогоплательщиков естественно привело к усилению гнета налогов и повинностей для оставшейся массы гражданского населения империи; по некоторым, правда сильно преувеличенным, данным, налоги будто бы превысили в 10 раз «законные» нормы.

Регистрируемая государством площадь пахотных земель все более сокращалась, число податного населения катастрофически падало (от 49,5 млн. человек в середине II в. до 7,5 млн. в середине III в.), целые общины, видимо, превращались в «держателей» земли у «сильных домов», поскольку за недоимки каждой семьи перед властями отвечала вся община в целом. Цены на продукты непомерно поднялись. Начинался стремительный упадок товарно-денежных отношений. Поместья «сильных домов» все в большей мере становились экономически замкнутыми, самообеспечивающимися хозяйствами. Крестьянство — еще свободное — не имело средств для участия в товарообороте. Городская жизнь замирала. Если на рубеже христианской эры в империи насчитывалось 37 844 города, то в середине II в. — всего 17 303, т.е. за полтора века их количество сократилось больше чем вдвое. Если в начале правления династии самоуправляющиеся города составляли характерную черту имперского строя и именно их поддержка принесла на первых порах успех Лю Бану в его борьбе за власть, то теперь источники о них не упоминают. Чиновники предлагали исчислять все сборы в тканях, и наконец в 204 г. был издан указ о замене всех денежных платежей натурой, в начале 20-х годов III в. в царстве Вэй (возникшем на развалинах Ханьской империи в бассейне Хуанхэ) монета была отменена и введены в оборот шелк и зерно.

Из-за дезорганизации центрального аппарата прекращаются регулярный ремонт плотин и уход за ирригационными сооружениями. Хуанхэ, давно уже превратившаяся в надземную реку, выходит из берегов, ее разливы несут неисчислимые бедствия сотням тысяч семей. Бюрократический аппарат империи, разъедаемый коррупцией и выросший до колоссальных размеров, превратился в самодовлеющую силу, поглощающую основной прибавочный продукт. Малолетние императоры оказывались пешками в руках придворных группировок «евнухов» и «ученых». «Ученые» с позиций так называемых чистых суждений разоблачали злоупотребления «грязных» стяжателей в центральной администрации. Политическая борьба между «евнухами», связанными с «сильными домами», и «учеными», выражавшими интересы профессиональной бюрократии, выливалась в ожесточенные распри, доходившие до кровопролития. Попытки государственного переворота в 166 и 169 гг., имевшие целью смену и оздоровление управлен-

ческого аппарата, провалились. Расправа «евнухов» была беспощадной. «Ученых» казнили, пытали, ссылали, тысячу «чистых» бросили в тюрьму. Их книги публично сжигались на кострах. «Сильные дома» на местах контролировали каналы рекомендации чиновников, домогались в своих поместьях политической самостоятельности и формального признания личной зависимости земледельцев. Усиление влияния в общественно-политической жизни «сильных домов» с середины II в. знаменовало собой дезинтеграцию имперской бюрократической системы и окончательный упадок императорской власти. В обстановке затяжного политического и глубокого социально-экономического кризиса в стране разразилось самое мощное в истории древнего Китая широкое общественное движение, известное под названием восстания «Желтых повязок». Движение «Желтых повязок» подготавливалось планомерно в течение десяти лет религиозной сектой продаосского толка Тайпиндао («Путь Великого благоденствия»). Вероучение под таким названием, имеющее сотериологическую направленность, было создано харизматическим главой этой секты и руководителем восстания, магом и врачевателем Чжан Цзюэ, назвавшим себя Учителем высшей добродетели. В своих проповедях Чжан Цзюэ точно называл день (он падал на 4 апреля 184 г.), когда на земле наступит эра Великого благоденствия. В этот день, как предрекал он, «Синее Небо (т.е. династия Хань) погибнет и воцарится Желтое Небо (т.е. царство справедливости)». Желтым Небом Чжан Цзюэ именовал и самого себя, выступая в роли мессии — спасителя человечества от зла порочного мира Синего Неба. Желтые повязки носили на голове все адепты секты. Проповедники Чжан Цзюэ действовали по всей территории империи, призывая к всеобщему восстанию. В восьми самых многонаселенных провинциях (где было сосредоточено $^3/_4$ населения страны) руководителями секты было создано 36 религиозных центров. Чжан Цзюэ обещал своим адептам покровительство Желтого Неба, спасение и долголетие. Проповедь-воззвание Чжан Цзюэ, обращенная ко всем, без различия пола, возраста, звания и чина, и обещавшая людям избавление от страданий и счастье на земле в самом ближайшем будущем, привлекала к нему толпы угнетенного люда. Члены секты проходили под руководством проповедников Чжан Цзюэ военную подготовку, ее отряды насчитывали 360 000 бойцов. Движение приобрело массовый характер уже на этой стадии деятельности секты и потому не могло остаться тайным, а возможно, этого и не предусматривал ее устав. Задолго до начала вооруженного выступления отрядов Чжан Цзюэ императору докладывали о том, что «вся империя приняла веру Чжан Цзюэ»; однако власти боялись арестовать Чжан Цзюэ, хотя и знали о его деятельности, опасаясь, видимо, массовых выступлений. По некоторым данным, чуть ли не две трети населения оказалось под влиянием учения секты. Несомненны эсхатологические настроения сектантов, верящих в свое предназначение свыше вершить великую карательную миссию во имя Благого Дао (Шэньдао). Насколько это движение было подготовленным и организованным, можно судить по тому, что Чжан Цзюэ удалось в поразительно короткий срок изменить день восстания, когда внезапно выяснилось, что предатель выдал властям план его действий. Через десять дней после приказа Чжан Цзюэ о немедленном выступлении пламя восстания «Желтых повязок» полыхало по всей стране. Повстанцы громили и сжигали правительственные учреждения, уничтожали представителей власти на местах, как носителей вселенского зла. Восстание «Желтых повязок», несомненно, носило характер широкого народного движения, в нем участвовали все слои эксплуатируемого населе-

ния. Официальная историография сделала все, чтобы стереть саму память о движении «Желтых повязок»; достоверных данных о нем сохранилось очень немного, да и те намеренно искажают события. Трудно сказать, насколько крестьянство было движущей силой этого восстания, потому что ни о каких действиях и требованиях повстанцев, которые можно было бы связать с чаяниями крестьян, источники не сообщают. Идея уравнительного наделения землей появляется в учениях даосских сект не ранее IV в. Но несомненно, что движение «Желтых повязок», выступавшее под религиозной оболочкой учения Тайпиндао, было первым в истории Китая массовым народным движением, имеющим свою идеологию. И, как таковое, оно явилось прообразом будущих крестьянских восстаний в средневековом Китае. Социально-религиозное движение «Желтых повязок» стоит на рубеже древности и средневековья, решительно отличаясь от всех предшествующих массовых выступлений эксплуатируемого люда.

Глава XXIV

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Культура древнего Китая заложила основу дальнейшего культурно-исторического развития китайской цивилизации и оказала глубокое влияние на культуру всего дальневосточного региона.

Характерную особенность древнекитайской цивилизации составлял культ образованности и грамотности. Основные направления философско-теоретического мышления древнего Китая придавали исключительную важность гуманитарному фактору, признавали человека венцом природы и ставили его вровень с небом и землей; в этой космической триаде человек, как связующее звено, обусловливал единство мира. Непреходящие ценности общечеловеческой морали заключены в идеях раннего конфуцианства об изначальной доброте человеческой природы. Только сейчас человечество стало осознавать актуальность экологического мышления, которым проникнута вся даосская философия. Высочайшие образцы творческой мысли дал миру древний Китай в области стихийно-диалектического мировоззрения.

Особенности возникновения и развития в древнем Китае государства и классового общества в значительной мере обусловили специфику развития древнекитайской идеологии и культуры. Сильные пережитки первобытно-общинных отношений, неравномерность общественного развития и особенности политического устройства затруднили и задержали вычленение собственно философии из мифологии.

Преодоление мифологизированного сознания было тесно связано с накоплением знаний об оружающем мире и попытками их философского обобщения. Развитию натурфилософских взглядов способствовало возникновение зачатков астрономии, математики, медицины. Уже иньцы знали счет до 30 000. Будучи земледельческим народом, предки древних китайцев на протяжении многих столетий вели наблюдения за движением светил. Особенно раннее развитие в древнем Китае получила астрономия, очевидно в связи с существованием лунного года, который необходимо было согласовать с естественными природными сезонами, связанными с солнечным годом, продолжительность которого была вычислена весьма точно. Регулярно производились записи астрономических наблюдений. В 613 г. до х.э. древнекитайские астрономы впервые отметили появление кометы Галлея. В V в. до х.э. Гань Шэ и Ши Шэн составили звездный каталог, видимые звезды были сведены в созвездия. Астрономы стали предвычислять лунные и солнечные затмения. Развивалась механика, вызванная потребностями ирригации, фортификации, крепостного строительства, о чем, в частности, свидетельствует грандиозное сооружение конца III в. до х.э. — Великая Китайская стена протяженностью 5 тыс. км. С переходом от письма на бамбуковых планках к письму на шелке и от царапающей палочки к писцовой кисти размер писчего материала перестал лимитировать объем текста, что создавало более благоприятные условия для развития собственно письменного творчества. Развитие естественнонаучных знаний способствовало распространению наивно-материалистических и стихийно-диалектиче-

ских взглядов. Установленная древнекитайскими астрономами периодичность движения светил сыграла важную роль в возникновении одного из основных общемировоззренческих понятий древнекитайской философии: Дао — Пути, которым следует мир вещей.

Ранние натурфилософские представления получили отражение в трактате VIII в. до х.э. «Хунфань» («Великий план»), излагающем учение о материальном мире и пяти «элементах», к которым причислялись вода, огонь, дерево, металл и почва. Наивные стихийно-диалектические идеи несет в себе памятник середины I тысячелетия до х.э. «Ицзин» («Книга перемен»). Его основу составляют восемь триграмм (*ба гуа*), каждая из которых представляет собой комбинацию из трех параллельных черт — сплошных и прерывистых. Триграммы, являющиеся символами неба, земли, огня, воды, озера, ветра, горы и грома, в определенном сочетании образуют 64 гексаграммы. Сплошная черта означает космическую силу света ян, прерывистая — силу тьмы инь. Первая триграмма, состоящая только из сплошных черт, представляет «небо», вторая, включающая в себя лишь прерывистые черты, — «землю», они выступают воплощением активного и пассивного, положительного и отрицательного начал, во взаимодействии и взаимопреодолении которых рождается все сущее. Среди ученых есть мнение, что в «Книге перемен» впервые в истории предпринята попытка представить явления мира в двоичной системе. Исходя из основной идеи «Книги перемен» об изменчивости, неизвестные авторы трактата середины I тысячелетия до х.э. «Сицы чжуань», комментируя «Ицзин», развивали мысль о движении как неотъемлемом свойстве объективного мира, истолковывали кардинальное ицзиновское понятие «тайцзи» («великий предел») как первоматерию — некую изначально-двойственную сущность — аналог Дао, порождающую двоицу образов — субстанциальные силы *инь* и *ян*.

Натурфилософские идеи о пяти «элементах», тайцзи, силах инь и ян и дао идут от космогонических мифов. В одном из них природные духи Инь и Ян рождались из бесформенного первозданного хаоса, дух Ян взялся управлять небом, дух Инь — землей, совместно они создали людей и привели мир в состояние гармонии.

Известен миф о первочеловеке Паньгу, вылупившемся из первоначального космического яйца, которое он расколол молотком надвое, в результате все легкое и чистое поднялось и образовало небо, все тяжелое и грязное опустилось и образовало землю. Из тела умершего Паньгу возник мир: из глаз — солнце и луна, из туловища и конечностей — четыре страны света, из крови — реки, из кожи и волос на теле — деревья и травы, из зубов и костей — металлы и камни, из пота — дождь и роса, из блеска глаз — молния, из голоса — гром, из вздоха — ветер и облака, из усов и волос на голове — созвездия. Люди — из паразитов на теле Паньгу. Есть и иные версии о космическом первосуществе Паньгу, так же как территориальные и этнические версии других мифов.

В первых древнекитайских натурфилософских учениях *дао*, *тайцзи*, *инь* и *ян* предстают как демифологизированные образы, приближающиеся к философским категориям. Ранние естественнонаучные представления складывались и развивались в постоянном противоборстве с мифологизированным сознанием, осмысливавшим натурфилософские понятия в религиозно-идеалистическом духе. «Бог (Небо) создал пять первоначал», — постулируется в памятнике середины I тысячелетия до х.э. «Цзо чжуань». Как безличный мировой космический и нравственный закон выступает в позднечжоуских интерпретациях дао.

По мере развития спекулятивного мышления в древнекитайской натурфилософии зародилось и получило разработку одно из самых ранних мировоззренческих представлений, возникшее раньше теории пяти элементов, — понятие *ци*. В качестве первовещества ци противостояло божественному сотворению вещей. По мнению ряда ученых, ци было связано с предметным представлением о воздухе, но уже утратило конкретность единичного явления и превратилось в субстанцию. Ци выступает как единый общемировой субстрат — первоматерия, чистая и легкая часть которой, воспаряя, образует небо, а тяжелая и мутная часть, опускаясь, создает землю. Как сущность вещей, ци содержит в себе противоречие: ее сгущение образует женские частицы *инь-ци*, разряжение — мужские частицы *ян-ци*, взаимодействие этих противоположных начал порождает пять «элементов», а они — все сущее. Уже в «Книге перемен» прослеживается идея органической связи дао с понятием противоположности инь–ян: «Взаимодействие инь и ян и есть дао». Возникновение понятий пяти «элементов» (*у син*), ян, инь, ци и дао заложило основу категориальной системы древнекитайских философских учений.

Как уже говорилось, обострение в середине I тысячелетия общественных противоречий выразилось в напряженнейшей борьбе идеологических школ. В эту переломную эпоху вопросы управления, отношений между государством и различными сословиями, проблемы нравственной природы человека становятся доминирующими в философских учениях. У многих мыслителей эпохи «Чжаньго» социальная, духовно-нравственная и этико-политическая тематика оттесняет на второй план онтологию и гносеологию. Эпоха «Чжаньго» была своего рода «осевым временем» китайской цивилизации. Именно в это время в древнем Китае возникают собственно философские учения, складываются целые идейные системы. Наиважнейшие из них — древнее конфуцианство, ранний даосизм, моизм и легизм — оказали огромное влияние на последующее развитие китайской духовной культуры.

Конфуцианство возникло на рубеже VI—V вв. до х.э. Его основоположником считается странствующий проповедник родом из шаньдунского царства Лу — Учитель Кун, в латинской транскрипции Конфуций (551—479), впоследствии обожествленный. Учитель Кун излагал свою доктрину изустно, в форме диалогического собеседования. Изречения Конфуция были записаны его учениками, а затем сведены в трактат «Луньюй» («Беседы и суждения»), являвшийся на протяжении веков своего рода катехизисом конфуцианства. Официальная традиция связывала с именем Конфуция исключительный пиетет в Китае к грамотности и книжной учености. По преданию, Конфуций впервые в истории Китая открыл частную школу. Он учил чтению и письму, толкованию древних книг, преданий, западночжоуских обрядов, но главным предметом было преподавание норм морали, методов «самоусовершенствования благородного мужа». В школе Конфуция преобладала практическая философия, нацеленная на проблемы нравственности и управления. Основным вопросом философии Конфуций считал проблемы человека и человеческого общества. Его доктрина носила характер этико-философского и социально-политического учения. Впоследствии конфуцианцы создали свою каноническую литературу, в которую включили будто бы отредактированные Конфуцием «Книгу перемен», «Книгу песен» («Шицзин»), «Книгу преданий» («Шуцзин») и лускую летопись «Чуньцю», якобы им написанную.

Со времени Конфуция на протяжении последующей семивековой исто-

рии древнего Китая конфуцианство претерпевало существенные изменения. Из религиозно окрашенного, но преимущественно политико-социально-этического учения оно в условиях империи Хань постепенно трансформировалось в сторону философско-теологической системы и развития в нем черт догматической религии. В 59 г. х.э. был учрежден государственный культ Конфуция с ритуалом жертвоприношений. В самом конце эпохи древности ортодоксальное конфуцианство даже как будто стало претендовать на положение мировой религии, хотя в этой роли ему не суждено было утвердиться.

В целом древнее конфуцианство отличалось архаичностью и огромной ролью в нем культа предков, включавшего в себя и объекты тотемического характера. Чрезвычайно сильными оставались в нем пережитки мифологического и социоантропоморфического сознания с характерной для него связью космоса и социума и неотделенностью физического от морального. Представления о прямой зависимости природных явлений от добродетельного поведения правителя и духовно-нравственного состояния общества пронизывают всю мировоззренческую систему древнего конфуцианства, построенную по модели триады: Небо—Земля—Человек, с присущим ей гомоморфизмом макро- и микрокосма. Конфуцианство восприняло традиционные раннечжоуские теистические представления о Небе (Тянь) как верховном божестве и высшей нравственной силе, Воле Неба (Тяньмин) и правителе как Сыне Неба (Тяньцзы).

По конфуцианскому учению, общественное и государственное устройство, как и структура мира, извечно и неизменно. Небом предопределено деление людей на «управляющих» — «благородных мужей» (*цзюньцзы*), способных к нравственному самоусовершенствованию (к ним Конфуций относил лишь аристократов по рождению), и «управляемых» — «низкий, презренный люд» (*сяоминь*), аморальный и глупый по природе, которому свыше предназначено заниматься физическим трудом, «кормить и обслуживать» правящую элиту. Конфуцианство требовало неукоснительного соблюдения религиозного ритуала и строжайшего социально-иерархического подчинения: низший беспрекословно повинуется высшему, младший — старшему. Кредо Конфуция: «Правитель должен быть правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном».

После смерти Конфуция в конфуцианстве образовалось восемь школ, среди которых выделились две основные: Мэнцзы и Сюньцзы.

Мэнцзы (372—289) — уроженец царства Цзоу (поглощенного затем царством Лу) — разрабатывал религиозно-философские проблемы конфуцианства, теоретически обосновывая постулат о Воле Неба (Тяньмин), осуществляемой через мудрое «гуманное правление» (*жэньчжи*) высоконравственного государя. Основу «гуманного правления» составляло неукоснительное следование традиции, не допускающее ни малейшего отступления от заветов предков — идеальных правителей «золотого века» во главе с мифологическими первопредками Яо и Шунем. Отправление религиозных ритуалов и жертвоприношений Мэнцзы ввел в систему государственного управления. Культу предков он придавал огромное значение, как неотъемлемой части «гуманного правления», видя в нем оплот привилегий и власти наследственной аристократии. Обосновывая ее избранность, учение Конфуция отлучало от культа предков простолюдинов (как оно отлучало их и от основной конфуцианской добродетели жэнь — «человеколюбия»), признавая исключительное право на него лишь за аристократией. Соблюдение конфуцианских заповедей при жизни должно было гарантировать «благо-

родному мужу» достойное место в загробном мире в строгом соответствии с административно фиксируемым социальным статусом покойного. Вместе с тем в доктрине «гуманного правления» важное место отводилось народу. «Народ является главным, за ним следуют духи, и только затем — правитель», — заявлял Мэнцзы, признавая за народом право на свержение правителя, нарушившего Волю Неба. Мэнцзы выдвинул положение об изначальной доброте человеческой природы, которой четыре конфуцианские добродетели (гуманность, справедливость, благопристойность, разумность) присущи столь же природно, как человеку его четыре конечности.

Аристократическая мораль раннего конфуцианства ярко проявилась в разработанном Сюньцзы (313—238), происходившим из царства Чжао, учении о ритуале (*ли*), включавшем в себя этические, политические и правовые нормы и утверждавшем коренное отличие знатных от незнатных. Господство «тех, кто наверху» над «теми, кто внизу» мыслитель объявлял извечным состоянием общества. В отличие от Мэнцзы Сюньцзы утверждал, что природа человека изначально зла. Он заявлял, что неравенство коренится в самой натуре людей, и требовал соблюдения четких сословных различий между знатью и простым народом. Сюньцзы представлял особое направление древнего конфуцианства, впоследствии признанное «неортодоксальным», развивая наивно-материалистические взгляды на природу и общество. В отличие от Конфуция, который был решительным противником введения писаного права, Сюньцзы в принципе признавал необходимость законов в государстве, но отстаивал положение «закон — для народа, ритуал — для аристократии», делая последнюю неподсудной перед законом. Эта апология общественного неравенства была возведена в догму конфуцианской канонической «Книгой обрядов» («Лицзи»), статьей: «Наказания не распространяются на высокопоставленных, ритуал не распространяется на простолюдинов». Конфуцианство оправдывало и освящало жесткую сословно-классовую социальную иерархию, утверждало принцип единодержавной власти как единственно угодной Небу формы правления.

Знаменитая фраза Конфуция «Я передаю, а не создаю» стала основополагающей для теории и практики конфуцианства, противящегося новому, осуждающего свободомыслие. Идеи конфуцианства о независимости знания от практической деятельности стали препятствием для развития естественнонаучных и прикладных знаний. Пренебрежительное отношение Конфуция к негуманитарным наукам, считавшего наиважнейшим долгом «нравственное самоусовершенствование», сводившееся в конечном счете к «следованию древности», освоению ритуала взаимоотношений между высшими и низшими, сыграло не последнюю роль в том, что естествознание не признавалось в Китае достойным общественного внимания.

Конфуцианство с его почитанием древних традиций и заветов предков должно было иметь достаточно широкую социальную базу в позднечжоуском обществе, где религиозно-мифологические представления были еще далеко не изжиты. В условиях, когда древняя религия теряла свой общинный характер, перед правящим классом вставала задача освящения существующего государственного и общественного строя. Выполнение этой задачи взяло на себя раннее конфуцианство, которое с самого начала претендовало на участие в управлении и роль официальной идеологии и при всей критике им различных аспектов социальной несправедливости никогда не затрагивало устоев общественно-политического устройства, занимало кон-

формистскую позицию, отличаясь уникальной способностью приспосабливаться к изменяющимся условиям и формам правления. В период империи Хань оно заняло положение государственной доктрины.

В крайней оппозиции к конфуцианству находился даосизм. Его возникновение традиция связывает с именем полулегендарного мудреца из царства Чу, якобы старшего современника Конфуция, Лаоцзы. По преданию, будто бы имевшая место встреча двух мудрецов запечатлена на ханьском рельефе рубежа христианской эры. Лаоцзы считается автором натурфилософского трактата «Даодэцзин» («Книга о дао и дэ», записана, очевидно, в IV—III вв. до х.э.). В отличие от метафизического в целом конфуцианства философский даосизм проникнут стихийно-диалектическим мышлением. Основная категория этого учения — дао — трактуется как Путь природы, самоестественность, всеобщность и объективность закона, «мать всех вещей». Даосское мировоззрение отмечено яркими чертами экологической мудрости.

Социальным идеалом древнего даосизма был возврат к «естественному», первобытному состоянию и внутриобщинному равенству — «золотому веку» даосской утопии. Даосы решительно выступали против богатства и роскоши знати, непомерных поборов властей, доводящих народ до нищеты, бичевали жестокость правителей, резко осуждали войны. Даосы выдвинули теорию «недеяния» (*увэй*), которая призывала к ненарушению «естественности вещей». «Дао совершенномудрого — деяние без насилия» — постоянный рефрен «Даодэцзина».

Древние даосы признавали объективность мира, выступали против обожествления неба, отрицали Волю Неба, учили, что небо, так же как и земля, — часть природы. Однако вообще существования богов Лаоцзы не отрицал, считая их порождением дао, но полагал, что их влияние на людей устраняется следованием природному ходу вещей. И другие даосские мыслители (Сун Цзянь, Инь Вэнь, Чжуанцзы) низводили богов к природным стихиям, объявляя их одной из форм существования материи. Мир, в представлении даосов, состоит из мельчайших неделимых материальных частиц ци и находится в состоянии постоянного изменения, все переходит в свою противоположность: «Неполное становится полным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое — новым». Человек должен дать возможность вещам развиваться самим по себе, естественным образом. Важнейшее концептуальное понятие *дэ* философский даосизм истолковывал как гносеологическую категорию атрибутов всех вещей — в противовес его конфуцианской трактовке как морально-этической категории. По даосскому учению, дао, будучи непознаваемым до конца, материализуется в дэ — своем обнаружении в мире явлений.

Даосы отвергали культ предков и другие религиозные культы, выступали против жертвоприношений небу, земле, горам, радуге и другим обожествленным явлениям природы.

Философские идеи даосизма получили яркое отражение у философа Лецзы (V—IV вв. до х.э.) и великого писателя древности Чжуанцзы (369—286).

Лецзы, по прозвищу Защита Разбойников, был родом из царства Чжэн. Точных данных о годах его жизни и сколько-нибудь подробных сведений о нем самом не сохранилось. Трактат, названный его именем, — «Лецзы» дошел в записи начала средневековья, однако в нем, несмотря на позднейшие интерполяции, в целом достоверно изложены взгляды философа. Лецзы определял категорию *дао* как «вечное самодвижение материи». Мыслитель

заявлял: «Вещи сами рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить, будто кто-то намеренно порождает, развивает, формирует, окрашивает, дает познание, силу, вызывает истощение и исчезновение». Теория материи Лецзы близка к представлению об атомистическом строении вещества. В качестве материальной субстанции в его учении выступают два первовещества: *ци* (пневма) и *цзин* (семена). «Вся тьма вещей выходит из семян и в них возвращается», — заявляет философ.

В притче «о глупом цисце», опасавшемся, что «небо обрушится», а «земля развалится», Лецзы представлял небо «скоплением воздуха», а землю «скоплением твердого вещества», развивал материалистическую концепцию о вечности и бесконечности вселенной, о множественности миров, одним из которых является земной мир. «Некий цисец не мог ни есть, ни спать, опасался, что небо обрушится, земля развалится и ему негде будет жить» — так начинает эту притчу Лецзы и продолжает: «Знающий человек стал объяснять ему: „Как можно опасаться, что небо обрушится? Ведь небо — скопление воздуха. Нет места без воздуха. Ты зеваешь, дышишь, действуешь все дни в этом небе". Цисец спросил: „Если небо — скопление воздуха, разве не должны упасть солнце, звезды, луна и планеты?" — „Солнце, луна , планеты и звезды — это та часть скопления воздуха, которая блестит. Пускай бы и упали, никому бы не повредили". — „А если земля развалится?" — „Как можно опасаться, что земля развалится? Ведь земля — это скопление твердого вещества, которое заполняет все четыре пустоты. Нет места без твердого вещества. Ты стоишь, ходишь и все дни проводишь на этой земле". Успокоенный цисец обрадовался, и объяснявший ему также успокоился и обрадовался. Услышал об этом Учитель, усмехнулся и сказал: „Радуга двойная и простая, облака и туман, ветер и дождь... — эти скопления воздуха образуют небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево — эти скопления формы образуют землю. Разве познавший, что небо — скопление воздуха, познавший, что земля — скопление твердого вещества, скажет, что они не разрушатся? Ведь в пространстве вселенной небо и земля — вещи очень мелкие... Хотя опасность их разрушения действительно относится к чрезвычайно далекому будущему, нельзя говорить, что они никогда не разрушатся... Когда придет время их разрушения, разве не будет опасности?" Услышал об этом Лецзы и сказал с усмешкой: „Говорящие, что небо и земля разрушатся, ошибаются; говорящие, что небо и земля не разрушатся, также ошибаются. Разрушатся или нет, я не могу знать... Разрушатся или нет, что тревожиться нам об этом?"»[1]. В этой и других притчах Лецзы отвергал саму идею божественного творения, сверхъестественной Воли Неба. В одной из притч философ развенчивает конфуцианскую телеологию:

«Циский царь Тянь угощал при дворе тысячу гостей... Посмотрев на пирующих, он воскликнул: „Как великодушно и щедро Небо к человеку! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц!" Все гости согласились с ним... Но 12-летний сын дубильщика вышел вперед и сказал: „Так ли говоришь, царь? Небо и земля рождают тысячу существ так же, как и нас. Среди их созданий нет ни благородных, ни ничтожных. Одни властвуют

[1] Переводы из «Лецзы» и «Чжуанцзы» даны по книге Л.Д.Позднеевой «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая» (М., 1967) с небольшими уточнениями автора настоящей главы.

над другими лишь потому, что больше, сильнее, умнее их. Одни пожирают других, но не потому, что те рождены, чтобы быть съеденными. Разве небо создает вещи на потребу человеку?.. Комары и москиты, впиваясь, сосут его кровь, тигры и волки его пожирают. Неужели же небо породило человека для того, чтобы комары и москиты сосали его кровь, а тигры и волки его пожирали?"».

Лецзы безоговорочно отвергал идею о предопределенном свыше происхождении и предназначении человека, о загробной жизни и бессмертии души. Заявляя о материальности души, он утверждал, что она состоит из тех же частиц, что и тело, только более легких и теплых. У Лецзы, как и у других даосских мыслителей-материалистов, четко выступает гносеологический аспект критики религии. Он утверждает, что повседневный опыт людей, свидетельства их органов чувств не подтверждают существования потустороннего мира. Если «от душ предков нет чудесных откликов» — значит, они не существуют, говорит он.

Лецзы принадлежит наивно-материалистическое учение о происхождении вселенной и эволюции жизни на земле от простейших организмов до человека. Процесс возникновения тьмы вещей проходит четыре стадии. На первых двух «вещи еще не отделились друг от друга», пребывая в состоянии хаоса (*хуньдунь*). Тончайшие частицы (*ци*) хаоса поднимаются вверх и образуют небо, опускаются вниз и образуют землю. В процессе длительной эволюции в воде возникли мельчайшие семена, «подобные икре лягушки», они у берега превратились в мох — *цинтай*, из которого на суше родилась трава — *линси*, породившая растение — *уцзу*. Его корни превратились в червей, листья — в бабочек. От них произошли насекомые — *цзюйцзюэ*, а от них — птицы. В ходе дальнейших превращений появились животные, из самого совершенного животного, лошади, произошел человек, который после смерти возвращается к исходным семенам.

Крупнейшим представителем древнего философского даосизма являлся блистательный художник слова, занимающий уникальное место в китайской культуре, Чжуанцзы (369—286). Сведения о его жизни крайне скудны. Известно, что родился он в царстве Сун. Философия Чжуанцзы содержит глубокие натурфилософские идеи, гениальные догадки о мироздании. Основой учения мыслителя является концепция дао. Дао («Истинный властелин», «Великий учитель», как образно его называет Чжуанцзы) выступает у него как сущность бытия, субстанциальная основа мира, абсолютное единое начало, от которого происходят все вещи, постоянно изменяющиеся в вечном круговороте мироздания. Жизнь — непрерывное движение. Всеобщность изменений и переход явлений в свою противоположность делают все качества относительными.

Чжуанцзы провозглашал природное равенство людей, отстаивал право человека на индивидуальную мораль. Отрицал деление людей на «благородных» и «ничтожных», соболезновал рабской доле, страстно обличал стяжательство и лицемерие правителей и знати. Среди его героев — труженики, искусные умельцы. Полемизируя с Мэнцзы, Чжуанцзы заявлял, что этические принципы конфуцианства — «гуманность», «справедливость», «долг» — чужды истинной природе человека и не нужны ему так же, как «шестой палец на руке». Устами своего любимого персонажа Разбойника Чжи Чжуанцзы развенчивает и самого Конфуция: «Не ты ли тот Кунцю, искусный лжец из царства Лу? Так слушай: ты сеешь ложь, разносишь клевету... Не пашешь ты, а ешь, не ткешь, а одеваешься. Губами шлепая и языком трепля, по произволу своему решаешь ты, где

правда, а где ложь... Рассудок потеряв, ты в безрассудстве сыновнее почтение и братское повиновение придумал... Ловя удачу, богатств и знатности ты домогаешься у сильных мира. Нет большего разбойника, чем ты! Так почему же в Поднебесной разбойником меня зовут, а не тебя, Конфуций?!»

Исполнены убийственного сарказма притчи, разоблачающие культ предков и его ревнителей конфуцианцев. Так, в одной из них они предстают грабителями могил: «Конфуцианцам нужен похоронный ритуал лишь для того, чтобы могилы разрывать. Учитель их с кургана вопрошает: „Как спорится работа? Уж солнце показалось на востоке!“ Ученики же снизу отвечают: „Еще не сняли нижнюю и теплую одежду, во рту еще жемчужины остались“. — Поют недаром в песне: Зеленая, зеленая пшеница //Покрыла весь курган кругом. //Кто при жизни раздач не делал, //Тот и мертвый зубами жемчуг держит! — Взялись конфуцианцы за волосы на мертвой голове, прижали подбородок, шилом прокололи щеки, вот осторожно челюсти разжали, чтобы не повредить жемчужины во рту».

Не менее решительно Чжуанцзы выступает против похоронной обрядности. Уговаривая учеников не хоронить его по ритуалу, мыслитель заявляет: «К чему мне все это?! Считаю землю гробом, небо — саркофагом, луну и солнце — дисками нефрита, планеты же и звезды — мелким жемчугом, а тьму существ считаю провожатыми своими». Опасения учеников: его-де вороны и коршуны склюют — Чжуанцзы парирует с насмешкой, достойной Лукиана: «На земле стану воронам пищей, под землей муравьев накормлю. Одних лишите, а другим дадите. Только за что такое предпочтение муравьям?!»

Проблема жизни и смерти особенно занимала философа. Решая ее материалистически, философ утверждал: «Со смертью тела исчезает душа человека». Он отвергал конфуцианский постулат о целенаправленной воле Неба. Мировую стихию мыслитель образно уподобил «огромному плавильному котлу», в котором непрестанно переплавляется вся «тьма вещей», приобщаясь к вечному дао.

В знаменитой притче «Вращается ли небо?» опровергаются религиозно-мифологические представления о мироздании: «Вращается ли небо? Покоится ли земля? Борются ли за свое место солнце и луна? Разве кто-то их направил? Кто-то эти связи установил? Кто-то от безделья их толкнул и привел в движение? Значит ли, что их принудила скрытая пружина? Значит ли, что они не могут сами остановить свое движение? Облака ли порождают дождь, дождь ли порождает облака? Разве кто-то посылает эти обильные даяния? Кто-то все это подталкивает, развлекаясь от безделья? Ветер, возникнув на севере, дует то на запад, то на восток, блуждает в вышине. Разве это чье-либо дыхание? Кто-то от нечего делать приводит его в движение? Можно спросить: каковы причины этого?» Далее автор дает и прямой ответ: причина всеобщего движения — в естественности самих вещей. «Небо не рождает, а тьма вещей сама развивается. Земля не выращивает, а тьма вещей сама вскармливается»; «Жизнь вещей подобна стремительному бегу, она развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом». Чжуанцзы сравнивают с Гераклитом, но ему чужда идея гениального грека о борьбе противоположностей.

Размышляя об относительности знаний человека, Чжуанцзы говорил: «Учти, что известное человеку не сравнить с тем, что ему не известно, что краткий срок его жизни не сравнить со временем его небытия. Поэтому тот, кто при помощи крайне малого пытается определить пределы крайне

великого, непременно впадет в заблуждение... Как можно знать, достаточно ли кончика волоска, чтобы определить границу крайне малого; как можно знать, достаточно ли неба и земли, чтобы исчерпать пределы самого великого». С позиций современной физики и научных представлений о бесконечной и постоянно расширяющейся вселенной подобные высказывания мыслителя представляются глубочайшим научным предвидением.

К даосизму примыкали направления древнекитайской военной мысли. Его влияние прослеживается у видных представителей «школы военной философии» (*бинцзя*) — Суньцзы (V—IV вв. до х.э.) и Уцзы (IV в. до х.э.). В трактатах о военном искусстве они исходили из натурфилософских представлений об общекосмических закономерностях, единстве и круговороте взаимопревращений противоположностей. Признавая войну одной из основных функций государства, они акцентировали внимание на человеке, как важнейшем факторе, обеспечивающем победу. Но суть их военной доктрины сводилась к тому, чтобы достигать победы без боя.

Общая идейная и социальная направленность даосизма отвечала настроениям общинных масс, и в этом кроется причина его популярности. В нем находил выражение протест против эксплуатации общественных низов. Вместе с тем натурфилософские идеи и широта этических принципов привлекали к даосизму представителей верхов, в их интерпретации доктрина недеяния нередко приобретала выраженный индивидуалистический характер.

В идеологическую борьбу периода «Чжаньго» активно включилась школа моистов, решительно выступавшая против конфуцианцев. Ее основателем был Мо Ди (ок. 468—376). Место его рождения точно не установлено. По мнению одних, он жил в царстве Лу, по мнению других — в Сун или Чжэн, а возможно, и в Чу, где его учение получило особенно широкое распространение. Моисты восприняли традиционную архаичную веру в духов, признавали всевышнюю Волю Неба, которое выступает в доктрине Мо Ди (так же как в раннем конфуцианстве) антропоморфным высшим божеством, носителем принципов учения этого философа. Однако в отличие от конфуцианцев моисты утверждали, что Воля Неба познаваема, судьба человека не предопределена и зависит от него самого.

Школа моистов придавала большое значение естественнонаучным наблюдениям. «Знания, которые нельзя применить на практике, ложны», учили они. В противоположность учению Конфуция о врожденном доопытном знании моисты считали источником познания лишь ощущения, решая эту проблему гносеологии в духе наивного материализма. Поздние моисты отбросили теистические положения Мо Ди и развивали материалистические идеи в логике и теории познания. Они подошли к выявлению законов формальной логики, в частности закона противоречия. Первыми среди древнекитайских философов они стали изучать сам процесс познания, объявляли предметом познания внешний мир как объективную реальность, считали трудовой коллективный опыт людей источником и критерием достоверности знания. У моистов получили развитие математика, физические знания, инженерное дело.

Мо Ди выдвинул утопическую программу переустройства общества на основе утверждаемого им принципа «всеобщей любви и взаимной пользы». Он проповедовал одинаково гуманное, благожелательное отношение ко всем людям, независимо от их положения в семье и социального статуса, в противоположность конфуцианскому принципу «человеколюбия» (*жэнь*), противопоставлявшему высших низшим, благородных подлым. Мыслитель

предлагал отменить наследование должностей и рангов знатности, требовал лишить власти «ничтожную родню» правителей и придворной знати, «подобную глухим, которых поставили музыкантами», и формировать аппарат государственного управления сверху донизу из мудрых людей, независимо от происхождения и характера их занятий. «Если земледелец, ремесленник или торговец проявил недюжинные таланты, следует поручить ему дела управления соразмерно способностям», — заявлял Мо Ди.

Учение моистов отличалось практической целеустремленностью. В царствах Чу и Цинь они выступали в поддержку реформ, направленных против аристократии.

Учение Мо Ди о социальной справедливости затрагивало чрезвычайно важную в глазах современников религиозно-идеологическую сферу. Как уже отмечалось, конфуцианцы отстаивали абсолютное право аристократии на культ предков. «Добывающие пропитание своим трудом не имеют права на поминальные храмы предков», — заявлял Сюньцзы. Мо Ди проповедовал религиозное равноправие свободных, приобщая простой народ к заупокойному культу предков, признавая и незнатных носителями ритуала. Конфуцианцы считали моистов злейшими врагами, боролись с ними даже более ожесточенно, чем с даосскими «учителями».

Учение моистов во многом было близко интересам основной массы свободных производителей. Заметный контингент в школе Мо Ди составляли представители городских низов, из этой среды вышел и он сам. Моисты одевались в простонародную одежду, были связаны неким подобием устава, требующим железной дисциплины. Школа моистов была более организованной и однородной по составу и более многочисленной, чем другие. Как уже говорилось, учение Мо Ди было нацелено на непримиримую борьбу с правящей потомственной аристократией и конфуцианцами, как ее идеологами. Вместе с тем моистская доктрина не только не ущемляла новую, в основном рабовладельческую, имущественную знать, вышедшую из недр общины и стремившуюся к политической власти, но объективно была в известной мере выражением ее чаяний. В плане социологическом показательно отношение моистов к проблеме богатства и бедности. С одной стороны, их социально-этические взгляды исполнены сочувствия к народным низам. Однако с другой — богатство выступает в учении моистов как безусловная добродетель, а нищета осуждается как явление аморальное. «Богатство проистекает от трудолюбия, а бедность — от нерадивости», — утверждал Мо Ди, перекликаясь в этом с позицией легиста Шан Яна.

Как представляется, общественно-политические идеи моизма близки интересам городской самоуправляющейся общины. Моисты специально и обязательно обучались технике городской самообороны и всегда были самоотверженными защитниками городов, подвергшихся агрессии. Искусству обороны самоуправляющихся городских общин посвящена значительная часть трактата Мо Ди, который прославился как специалист по фортификации. Мо Ди разделил войны на захватнические, которые безоговорочно осуждал, и оборонительные, которые считал справедливыми. В принципе он требовал прекращения междоусобных войн, считая их великим нарушением Воли Неба и самым страшным народным бедствием: «Когда войска вторгаются на чужую территорию, они вытаптывают посевы, разрушают города, засыпают каналы, сжигают храмы предков, забивают скот. Непокорных убивают, а захваченных в плен связывают и уводят с собой... мужчин превращают в рабов, женщин — в рабынь». Мо Ди выдвинул

внешнеполитическую доктрину равенства государств как основу мирных межгосударственных отношений.

Мо Ди принадлежит гениальная догадка о социальной роли труда. Основное отличие людей от животных философ видел в способности человека к целенаправленной деятельности. Защищая положение об огромном значении активного созидательного начала в человеческой деятельности, Мо Ди выступал как против учения Конфуция с его презрением к физическому труду, так и против теории «недеяния» Лаоцзы.

Политико-философское течение *фацзя* (легистов — «сторонников закона») зародилось почти одновременно с даосизмом, с которым оно имело некоторые общие мировоззренческие установки, но решительно расходилось в вопросах общественной практики. В противовес принципиальному отказу даосов от политической деятельности легисты отличались своей причастностью к сфере государственного управления, оказываясь на этом поприще непримиримыми противниками конфуцианцев. Крупнейшими представителями легизма были Шан Ян, родом из царства Вэй, и Хань Фэйцзы, уроженец царства Хань. Философские проблемы в легизме были целиком подчинены конкретным административно-управленческим задачам, став теоретическим обоснованием реформ, осуществленных в ряде царств. Легисты выдвинули теорию государственного управления на основе единого писаного юридического закона *фа*. Провозглашая гласность закона, легисты требовали жестоких наказаний за малейшее его нарушение по принципу: «В строгой семье не бывает строптивых рабов». Легисты выступали против привилегий старой потомственной знати, стояли за политическую централизацию, добивались введения суда царских чиновников. Теоретику легизма Хань Фэйцзы (288—233) принадлежит оригинальная теория социально-культурного развития. Исходя из объективных условий материальной жизни людей, Хань Фэйцзы постулировал неизбежность возникновения государства и права, равно как и необходимость изменения форм и методов правления в ходе человеческой истории. По его описанию, в глубокой древности люди вели стадную жизнь, не имели жилищ, не знали огня, гибли от наводнений. Земли было много, людей мало. Потом люди стали строить жилища на деревьях, добывать огонь трением, одеваться в шкуры зверей. Затем провели каналы, научились строить дома из бревен. Мужчины освоили обработку полей, женщины — ткачество. Народонаселение увеличилось, люди стали жить семьями, «управлялись сами собой». Жизнь людей была столь тяжка, что «ныне даже труд раба не такой горестный». Со временем установилось наследование власти, появились богатство и бедность, люди стали «отчаянно бороться за каждый клочок земли». В таком обществе оказались необходимы законы и наказания. «То, что было приемлемо в древности, теперь стало неприменимым», так как изменились условия жизни, а с ними — и нравы людей. «Если великодушной и мягкой политикой управлять народом в напряженную эпоху, то это все равно что без узды и плети править норовистой лошадью». Свои постулаты Хань Фэйцзы сопровождал образными примерами и притчами, такими, как, например, притча о глупом сунце: «В Сун жил земледелец, на поле которого торчал пень. Бежал заяц, наткнулся на пень, сломал себе шею и околел. Тогда земледелец забросил свою соху и стал ждать у пня, надеясь снова заполучить зайца. Но снова заполучить зайца оказалось невозможно, и сам он стал посмешищем. Те, кто ныне хочет методами древних правителей управлять современным народом, занимаются таким же „ожиданием у пня“».

Судя по Хань Фэйцзы, легистам было свойственно понимание истории как поступательного, но замкнутого процесса, завершающим этапом которого являлось создание централизованной бюрократической монархии в масштабах всей Поднебесной. Идеал политического строя легистов предвосхитил идею будущей имперской государственности. Будучи и теоретиками и практиками, легисты видели свою цель в осуществлении этого идеала. Они отрицали абсолютное значение и ценность древней традиции, отвергали и конфуцианское и моистское этико-политические учения, как взаимоисключающие и ложные, тянущие общество назад, в отжившее свой век прошлое. «Тот, кто опирается на прежних правителей и упорно следует Яо и Шуню, — тот если не глупец, так обманщик», — писал Хань Фэйцзы.

В своей философской концепции легисты толковали дао как естественный путь природного развития, считали реальную действительность единственным достоверным критерием истины, выступали против поклонения богам и духам, для подтверждения существования которых у людей нет никаких доказательств. Хань Фэйцзы считал, что вера в духов несовместима с соблюдением законов и наносит ущерб государству. «Государство приходит в упадок, — писал он, — когда люди служат богам и демонам, верят предсказателям, гадателям и магам, изощряются в жертвоприношениях». Хань Фэйцзы разоблачал бессмысленность культа предков и его вред для жизни людей. Он писал: «Моисты зимой одевают покойника в зимнее платье, летом — в летнее... Конфуцианцы разоряют семью, закладывают сыновей, чтобы возместить расходы на погребение, траурное платье носят три года, наносят великий вред здоровью. Если одобрить умеренность Мо Ди, то следует отвергнуть расточительность Конфуция. Если одобрить сыновнюю почтительность Конфуция, то нужно отвергнуть жестокость Мо Ди. Ныне же правители считают, что и то и другое соответствует ритуалу... Такие правители не годятся даже для решения дел, ясных и понятных простым бабам и мужикам».

С особой непримиримостью Хань Фэйцзы обрушивался на конфуцианцев, развенчивал их идеал «гуманного правления», наделял их самыми уничижительными эпитетами, называя «чучелами», «землей, которая ничего не родит», «ни на что не годным людом». Он заявлял: «Их речи — те же предсказания, здравомыслящий правитель не воспринимает их». Философ активно участвовал в идейно-политической борьбе при дворе циньского правителя Ин Чжэна — будущего императора Цинь Шихуанди — и поплатился жизнью за свои беспощадные филиппики против конфуцианских советников и придворной знати. Этот трагический исход он предрекал себе, написав пророческие строки: «Человек, в совершенстве постигший законы и искусство управления, но возражающий государю, если даже избежит казни, непременно погибнет от тайного удара».

В русле материалистического направления древнекитайской философии сложилось атеистическое мировоззрение философа Ян Чжу (440—334). Мыслитель был родом из царства Вэй, происходил из общинной среды; известно, что у него было небольшое поле и несколько рабов. Ян Чжу не принадлежал ни к одной из школ. Произведения его не сохранились, хотя, по свидетельству Мэнцзы, в его время «слова Ян Чжу заполнили Поднебесную». Учение Ян Чжу вызывало яростные нападки и конфуцианцев и даосов. Его взгляды известны из сочинений других философов, как правило его идейных противников, стремившихся «заткнуть рот Ян Чжу». Основным источником сведений о его учении является произведение «Лецзы», где сохранилась часть, посвященная Ян Чжу.

В центре философии Ян Чжу стоит наивно-материалистическое учение о человеке. Мыслитель считал, что природа и человек как ее составная часть подчинены необходимости, заложенной в самих вещах. В объективно существующем мире «все совершается само собой», поэтому «все следует предоставить естественному течению». Человек должен постичь дао (экологический закон природы) и не действовать вопреки ему. Рассматривая человека как элемент природы, Ян Чжу принципиально не выделяет его из остальных существ. Человек состоит из тех же «пяти элементов», что и вся природа, отличаясь от других живых организмов лишь разумом. Вместе с тем мыслитель высоко оценивает человека и его возможности, когда говорит: «Человек подобен небу и земле и соединяет в себе природу пяти элементов. Человек — самый разумный из всех живых тварей. Но у человека ногти и зубы недостаточно крепки для самообороны, кожа и мускулы недостаточно плотны для самозащиты, бег недостаточно быстр, чтобы избежать опасности. Он не имеет ни шерсти, ни перьев для защиты от холода и жары. Ему же надо добывать себе пищу и пользоваться вещами для поддержания жизни. Поэтому, следуя своей природе, он полагается на разум, а не надеется на силу».

Учением о человеке Ян Чжу, по сути, утверждал материалистический тезис единства мира. Представление древнекитайской философии о мире как единстве неба, земли и человека приобретает у Ян Чжу атеистический характер, у него небо лишено божественной сущности и так же, как земля и человек, будучи частью природы, не подчинено какой-либо надмировой сверхъестественной разумной силе. Небу как управляющему людьми высшему началу философ противопоставляет универсальный принцип естественной необходимости, проявляющийся, в частности, в законе жизни и смерти. Решение проблемы жизни и смерти ставит Ян Чжу в один ряд с величайшими материалистами древнего мира. Философ рассматривал смерть как закономерное природное явление. «По закону природы не существует бессмертия, по закону природы нет вечной жизни», — утверждал он. Признать неизбежность смерти — это и значит следовать естественному закону дао.

Ян Чжу отрицал страх перед богами и страх перед смертью. «Пока живешь, принимай жизнь легко, следуя ее природе, исполняя до конца свои желания, и ожидай спокойно прихода смерти. Придет смерть — и к ней отнесись легко, пусть она исполнит свое до конца, дай полную свободу угасанию. Ко всему относись легко, предоставь все естественному течению. К чему пребывать в вечном страхе, то медля, то поспешая, — ведь жизни отпущен столь краткий срок!» Бессмертия нет, смерть — естественно-необходимое явление, полное уничтожение живого существа, которым уравниваются все. «В жизни все вещи отличны друг от друга, в смерти же все они равны. При жизни различаются умные и глупые, знатные и низкие, в смерти же все одинаковы тем, что разлагаются и смердят, гниют и исчезают». Все существа одинаково рождаются и одинаково уничтожаются. «При жизни это могут быть [высоконравственные правители] Яо и Шунь, а после смерти — лишь сгнившие кости; при жизни это могут быть [аморальные злодеи] Чжоу и Цзе[2], а после смерти — лишь сгнившие ко-

[2] Мифические персонажи. В конфуцианском пантеоне Яо и Шунь — высочайшие образцы добродетельных, мудрых правителей, причисленных к лику святых. Чжоу и Цзе в традиционной конфуцианской историографии предстают как самые порочные и недостойные цари, утратившие Мандат Неба и приведшие к гибели свои династии.

сти, — кто определит различие между ними, ведь сгнившие кости все одинаковы!» — заявлял Ян Чжу, развенчивая тем самым высшие конфуцианские авторитеты. Не пощадил философ и самого Конфуция, заклеймив его как «самого бестолкового из людей», который, несмотря на всю свою посмертную славу, «ныне ничем не отличается от пня или кома земли». Такого поношения конфуцианцы никогда не могли простить Ян Чжу. Мэнцзы требовал «уничтожить школу Ян Чжу», и более страшного обвинения, чем следование «еретическому учению Ян Чжу», конфуцианство не знало.

С беспрецедентной, неслыханной дотоле резкостью философ опровергал возможность загробной жизни, категорически отвергал похоронную обрядность. «Не кладите в рот мертвым жемчуг и драгоценный нефрит, не облачайте их в узорную парчу, не приносите в жертву быка и не выставляйте роскошной утвари, — призывал он и заявлял: — Похоронам я не придаю никакого значения. Когда умру, все будет безразлично для меня. Можете мое тело сжечь, утопить, зарыть или оставить под открытым небом, бросить в любую канаву...»

Категорически отрицая бессмертие души, Ян Чжу учил радоваться земной жизни, не уповать на богов и духов, разумно удовлетворять свои потребности: «Следует наслаждаться при жизни, а не тревожиться о том, что будет после смерти». Смерти не миновать, а при жизни каждый должен позаботиться о своем благополучии.

Философ развивал мысль, что физическое и духовное состояние человека зависит от функционирования в его организме тончайших материальных частиц ци. Лишь познание и соблюдение естественных законов жизни может обеспечить здоровье и хорошее настроение. Напрасны упования на помощь богов, обращения к знахарям и прорицателям, бесполезны жертвоприношения духам. «От этого болезней становится все больше», — утверждал Ян Чжу и заявлял, что никакие сверхъестественные силы не помогут людям обрести долголетие и счастье. Однако жизнь человека зависит не только от него самого, но и от правителя, обязанного заботиться о сохранении «целостности природы человека». «Ныне же, — обличал Ян Чжу, — правители делают все во вред человеку и его природе. Это похоже на то, как войска, первоначально созданные для защиты от разбойников, в наше время используются для нападения друг на друга. Это значит, что истинный смысл создания войск утрачен».

Ян Чжу восстал против традиционных, общепризнанных нравственных норм, против навязанных человеку стереотипов поведения и прежде всего против конфуцианской морали. Иерархическому принципу конфуцианского «человеколюбия», этической и социальной градации людей философ противопоставлял свое учение о человеческой личности, подчиненной лишь собственной природе и следующей своим естественным влечениям.

Ян Чжу считал высшим этическим идеалом наслаждение жизнью. «Нужно осуществлять то, чего желают наши органы чувств, нужно действовать так, как хочет наша душа», — провозглашал Ян Чжу. Неудовлетворение этих желаний есть насилие над природой. «Ушам хочется слушать музыку, и мешать им — значит притуплять слух; глазам хочется созерцать красоту, и мешать им — значит притуплять зрение; носу хочется вдыхать ароматы, и мешать ему — значит притуплять обоняние; устам хочется рассуждать об истинном и ложном, и мешать им — значит притуплять ум; телу хочется наслаждаться, и мешать ему — значит лишать его радости чувств; мысли хочется свободы, и мешать ей — значит подавлять природу». «Дать жизни свободное течение, и больше ничего. Ничему не про-

тиводействовать. Ничего не подавлять», — постулирует свое этическое кредо Ян Чжу. Однако, ратуя за «сохранение жизни во всей ее полноте», философ вместе с тем утверждал, что поощрение чрезмерных желаний, их безудержное удовлетворение вредит природе человека. «Мудрый ограничивает свои желания, не подчиняется вещам, а овладевает ими для сохранения своей природы в целости», — указывал он. Постулат Ян Чжу о «сохранении жизни во всей полноте» имел исходным и непременным условием личную свободу индивидуума, для которого «подчиняться чужой воле и терпеть позор» было «худшим из всех зол».

В эпоху «Чжаньго» появляются произведения письменного индивидуального литературного творчества. Притчи сыграли важную роль в развитии художественной прозы, основанной на авторском замысле. Первые произведения индивидуального творчества появляются в это время и в поэзии. Источниками древнекитайской словесности были устная народная традиция, и прежде всего мифы с их богатейшей сокровищницей сюжетов и образов. В царстве Чу жил и творил первый поэт Китая, великий Цюй Юань (348—278) — лирик и трагик, стихи его отличаются изысканностью формы и глубиной содержания, насыщены красочными мифологическими образами. Цюй Юань считается зачинателем авторской поэзии в Китае. Его знаменитая ода «Скорбь изгнанника» заложила основу песенному жанру *фу* — лирическим и лирико-эпическим одам с прозаическим вступлением. В развитие одической поэзии внес свой вклад и другой чуский поэт — Сун Юй (290—223). В отличие от скорбно-пессимистических стихов изгнанника Цюй Юаня лирика Сун Юя исполнена радости жизни. Он считается первым в Китае певцом любви и женской красоты. Поэзия любовного томления нашла отражение в его одах «Распутный Дэнту», «Горы высокие Тан», «Ода о Бессмертной» и др.

В культурной истории древнего Китая эпоха «Чжаньго» знаменовала собой серьезный перелом как в идеологии, так и в социальной психологии.

Успех или неуспех соперничавших между собой школ, их большая или меньшая жизнеспособность могут объясняться не только, а в конкретных условиях места и времени не столько эффективностью их противостояния традиционной идеологии, сколько возможностью сосуществования и взаимодействия с ней, — учитывая живучесть в коллективном сознании мифологических представлений и их пережитков. Показательна в этом отношении судьба конфуцианства и легизма (*фацзя*). Впечатляющий взлет легизма, добившегося официального признания в империи Цинь, а затем молниеносный крах его карьеры вместе с ее крушением объясняются социально-эмоциональными факторами, пожалуй, не в меньшей мере, чем экономическими и общественно-политическими. Сама по себе установка циньских властей на провозглашение определенного учения (в данном случае легизма) государственной доктриной в принципе отвечала объективной исторической потребности идеологического укрепления имперского бюрократического строя. Однако при этом исторически сложившаяся в стране после свержения Циньской династии социально-психологическая обстановка оказалась чрезвычайно неблагоприятной для легизма, идеология которого в основном носила верхушечный характер и не достигала массового сознания. Катастрофическим для идейно-политической карьеры легизма оказалось морально-психологическое неприятие его на широком житейско-бытовом уровне, где господствовала общинная идеология, — здесь сыграл свою роль принципиальный разрыв легизма с традицией во всех ее проявлениях.

В противоположность этому конфуцианство с самого начала традиции не противостояло и всячески подчеркивало свою неразрывную связь с обычаями и нравами старины, призывало к подражанию древности. «Я передаю, а не создаю. Я люблю древность и опираюсь на нее», — провозглашал Конфуций. Этот принцип лег в основу пропагандируемого Конфуцием института школьного обучения, которое таким образом сводилось к удовлетворению инстинктивных потребностей психики к подражанию, что представлялось важным фактором воздействия идей конфуцианства на эмоциональную сферу. Конфуцианство восприняло культ предков и другие архаические верования и таким образом получало выход к коллективному сознанию. Правда, здесь ему составило серьезную конкуренцию учение Мо Ди, ориентированное в несравненно большей мере, чем любое другое современное ему учение, на религиозную сферу. Однако ни моизм, ни раннее конфуцианство (в какой-то степени и из-за ожесточеннейшей взаимной борьбы) ни в одном из царств чжаньгоского Китая не приобрели политического влияния, так же как не добились они общепризнанного авторитета в народной среде. Но если в дальнейшем моизм, не сумев перестроиться и пойти в ногу со временем, сходит на нет, то реформированное ханьское конфуцианство, используя, в частности, положительный и отрицательный опыт легизма, заимствуя некоторые положения даосского учения, сумело приспособиться и к запросам правящих кругов, и к массовым идейно-эмоциональным и социально-психологическим потребностям низов, причем, чем больше оно становилось догматическим вероучением, т.е. удовлетворяющим эмоциональную потребность масс к подчинению непререкаемым авторитетам, тем скорее могло рассчитывать на широкий отклик. Конфуцианство всегда принимало в расчет общественную психологию. Гарантируя определенную социальную стабильность — хотя и жестко регламентированную в сословно-классовом отношении, исходя из принципа подражательности в системе обучения, проповедуя идею беспрекословного повиновения харизматическим лидерам, конфуцианство своими заповедями воздействовало на общественное сознание, создавая условия для восприятия на массовом уровне своего вероучения. Трансформация конфуцианства, усиление в нем черт религии сделали его пригодным к роли государственной идеологии империи.

С эпохи Хань общество древнего Китая вступает в принципиально новый этап культурного развития. На протяжении четырехвекового существования Ханьской империи происходило осмысление старых и возникновение новых идеалов и культурных ценностей. Ханьский период был своего рода кульминацией достижений древнего Китая в области идеологии и культуры, успехов научной мысли.

На основании многовековых достижений в области астрономии был усовершенствован лунно-солнечный календарь. Количество дней солнечного года удалось определить с точностью до $365\,{}^{385}/_{1539}$, а лунного месяца — до $29\,{}^{43}/_{81}$. В 28 г. до х.э. ханьские астрономы впервые отметили существование солнечных пятен. Достижением мирового значения в области физических знаний явилось изобретение первого в мире компаса, представлявшего собой квадратную железную пластину со свободно вращающейся на ее поверхности магнитной «ложкой», ручка которой неизменно указывала одно направление, но не на север, а на юг, отсюда и название этого прибора — Сынань (Указатель юга). Сначала он применялся лишь для гадания, но с I в. х.э. стал использоваться как навигационный прибор. Тогда же была создана «повозка, указывающая на юг», с механическим

устройством, фиксирующим отклонение ее дышла от заданного направления север–юг. Была установлена уникальная система единиц измерения, основной линейной мерой которой служила длина эталонной трубки бамбуковой свирели, настроенной на определенную ноту. По ее длине умещалось 90 просяных зерен, диаметр которых определял минимальную меру длины, а вес — минимальную меру веса.

Свои естественнонаучные взгляды ханьские мыслители нередко выражали в стихотворной, обычно одической форме. В трактате II в. х.э. в поэтической форме постулировалась необходимость выравнивания весов в соответствии со сжатием и расширением от холода и тепла. Были достигнуты успехи в исследовании законов механики, установлении явлений резонанса и законов гармонии. Знаменитый ученый Чжан Хэн (78—139), известный своим поэтическим творчеством, первым в мире сконструировал прототип сейсмографа, соорудил небесный глобус и солнечные часы, вычислил число π (3,04132), описал 2500 звезд, включив их в 320 созвездий. Им была разработана теория сферичности земли и безграничности вселенной во времени и пространстве. Ханьские математики впервые в истории изобрели отрицательные числа, они знали десятичные дроби. Математические знания были сведены в трактат «Искусство счета в девяти книгах». Появились сочинения по фармакологии и медицине. Медицинский каталог I в. перечисляет 35 трактатов по разным болезням. Чжан Чжунцин (150—219) разработал метод пульсовой диагностики, создал трактат «О тифе», где систематизировал практику лечения эпидемиологических заболеваний. Разработанный в ханьское время план благоустройства и застройки городов стал своего рода эталоном для архитекторов и зодчих последующих веков.

Конец эпохи древности отмечен техническими усовершенствованиями в ремесле и земледелии, в том числе усовершенствованием плуга, изобретением механических двигателей, использующих силу падающей воды, созданием водоподъемного насоса. В ханьских агрономических сочинениях содержатся описания таких нововведений, как грядковая культура полеводства, система переменных полей и чередования посевов, различные способы удобрения почвы и предпосевной пропитки семян, имелись специальные руководства по орошению и мелиорации. Агрономическая наука к I в. х.э. могла классифицировать почвы по девяти разрядам. Достижения в области сельского хозяйства были обобщены в трактатах по агрономии и почвоведению Фань Шэньчжи (I в. х.э.) и Цуй Ши (II в. х.э.).

К числу выдающихся достижений материальной культуры относится древнекитайское лаковое производство, зародившееся в период «Чжаньго». Его успехам способствовало развитие деревообделочного ремесла и особенно горнорудного дела, в частности добычи киновари и других минеральных красителей. Лаконосную смолу добывали из ядовитого сока лакового дерева путем ее сложнейшей переработки, затем многослойно наносили ее на основу-заготовку из дерева, шелка, кожи и других материалов. Лаковые изделия отличались уникальными химическими и физическими качествами — способностью консервировать дерево, противостоять воздействию кислот и высоких температур — до 500°, предохранять металлы от коррозии. Лаком покрывались предметы вооружения, изделия самого различного практического назначения и предметы роскоши. Лак широко использовался в искусстве, в частности фресковой росписи. Лаковые изделия составляли важную статью внешней торговли Ханьской империи.

Со времени открытия Великого Шелкового пути империя Хань стано-

вится всемирно известным поставщиком шелка. Древний Китай — родина шелка, производство его восходит к неолиту: древнейший фрагмент шелковой ткани, найденный в Чжэцзяне, датируется радиокарбоном 2750±100 гг. до х.э. В древнекитайских мифах шелковица выступает как священное дерево, олицетворение солнца, символ плодородия. Разведение шелковичных червей считалось не только делом исключительной хозяйственной важности, но и своего рода священнодействием. Под угрозой жестокого наказания запрещалось раскрывать секреты разведения шелкопрядов. Их вывоз карался смертью. Но такие попытки все же предпринимались. Так, Чжан Цянь во время выполнения своей посольской миссии узнал о вывозе шелкопрядов из Сычуани в Индию в тайнике бамбукового посоха иноземными торговцами. И все же выведать у древних китайцев секреты производства шелка никому так и не удалось. О его происхождении высказывались самые фантастичные предположения: в сочинениях Вергилия и Страбона, например, говорилось, что шелк произрастает на деревьях и с них счесывается. На всем протяжении истории древнего мира Китай оставался единственной страной, по-настоящему освоившей культуру шелкопряда. Шелк являлся главным товаром ханьского экспорта, в Риме он ценился буквально на вес золота. Парфяне, державшие под контролем ханьско-римскую торговлю шелком, взимали за свое посредничество не менее 25% его продажной цены в качестве пошлины. Ханьский шелк, выступавший как товар товаров и нередко в функции денег, сыграл важную роль в развитии международных культурных контактов между древними народами Европы и Азии.

Великим вкладом ханьского Китая в общечеловеческую культуру явилось изобретение бумаги. Ее происхождение связано с шелководством, что, в частности, нашло свое отражение в иероглифе чжи — «бумага», — имеющем ключевым знаком изображение шелкового мотка. И действительно, сначала бумага изготавливалась из отходов коконов шелка, была очень дорогой и доступной лишь избранным — на шелке стали писать еще в период «Чжаньго». Открытием, повлиявшим на развитие мировой духовной культуры, бумага стала тогда, когда она превратилась в дешевый массовый материал для письма. Общедоступный способ изготовления бумаги из древесного волокна был открыт в конце I в. х.э. Изобретение бумаги традиция связывает с именем Цай Луня, бывшего раба, родом из Хэнани. Однако, судя по тому, что древнейшие образцы бумаги, найденные археологами под Чанъанью, датируются II—I вв. до х.э., это открытие было сделано еще до него. Тем не менее Цай Луню принадлежит заслуга усовершенствования бумажного производства. Дешевая бумага тех времен так и называлась — «цайлуньской». Со II в. х.э. в употребление стали входить бумажные свитки, повторяющие форму «шелковых» книг. Изобретение бумаги, а еще раньше туши создало возможности для развития техники эстампа, а затем и возникновения печатной книги. С бумагой и тушью было связано и усовершенствование китайской письменности. Созданный в ханьское время стандартный стиль письма кайшу лег в основу современного начертания китайских иероглифов. Ханьские материалы и средства для письма были вместе с иероглификой восприняты древними народами Вьетнама, Кореи и Японии, а они, в свою очередь, повлияли на культурное развитие древнего Китая.

Ханьская эпоха являлась итоговой и просветительской, обобщающей и распространяющей достижения предшествующего культурно-исторического развития древнекитайского общества. При дворах ханьских императоров и

знатных меценатов создаются обширные библиотеки, производятся отбор, редактирование и комментирование древних памятников. Важнейшие своды — «Книга песен», «Книга преданий», «Книга перемен» — были записаны в это время. По сути, все, что осталось от древнекитайского духовного наследия, дошло до нас благодаря записи, осуществленной в ханьское время. Тогда же зародились филология, поэтика, были составлены первые словари.

В ханьский период появились крупные произведения художественной прозы, прежде всего исторической. Можно говорить о зарождении в это время истории как науки. Кисти «отца китайской истории» Сыма Цяня (146—86) принадлежит сводная история Китая от мифического первопредка Хуанди до конца правления У-ди — «Исторические записки» («Шицзи»). Сыма Цянь, по своему мировоззрению склонявшийся к даосизму, стремился не только проследить события прошлого и настоящего, но и осмыслить их «научно», найти в них внутреннюю закономерность, «проникнуть в суть времен и перемен». Труд Сыма Цяня подводит итог всему предшествующему развитию древнекитайской историографии. Вместе с тем он отступает от традиционного стиля погодного летописания и создает принципиально новый тип исторического повествования. Выдающийся стилист, Сыма Цянь давал описания политической и экономической обстановки, быта и нравов ярко, сжато, со всей доступной ему достоверностью. Впервые в Китае он создал литературный портрет, что ставит его в один ряд с крупнейшими представителями словесности ханьского периода. «Исторические записки» оставались высшим образцом для всей последующей древней и средневековой историографии как в Китае, так и в других странах Дальнего Востока. Метод Сыма Цяня получил развитие в официальной «Истории Старшей династии Хань» («Ханьшу»). Основным автором этого фундаментального труда является придворный историограф Бань Гу (32—92). «Ханьшу» выдержана в духе официальной идеологии — ортодоксального конфуцианства. «История Старшей династии Хань» открыла собой серию так называемых династийных историй. С тех пор по традиции каждая пришедшая к власти новая династия составляла описание царствования своей предшественницы.

Среди блестящей плеяды ханьских литераторов выделяется выдающийся одический поэт Сыма Сянжу (179—118). Высоким, торжественным стилем он воспевал могущество империи и «великого человека» — императора У-ди.

Начиная с Цюй Юаня прослеживается связь индивидуальной лирики с народным песенным творчеством. Не исчезает она и в ханьское время. При У-ди была создана придворная «Музыкальная палата» (Юэфу), где собирались и обрабатывались народные песни, в том числе «песни дальних варваров». Она сыграла важную роль в истории китайской поэзии. Благодаря ей сохранились многие древние произведения песенного творчества. Авторские песни в стиле юэфу близки к фольклору. Среди них выделяется любовная лирика двух поэтесс — Чжо Вэньцзюнь (II в. до х.э.), жены Сыма Сянжу, создавшей знаменитый «Плач о седой голове», где она упрекала в неверности мужа, и Бань Цзеюй (I в. до х.э.) с ее «Песней о моей обиде», где образ брошенного белого веера предстает как символ покинутой возлюбленной. «Золотым веком» китайской поэзии считается эра *цзяньань* (196—220), на которую падают лучшие из литературных юэфу, созданные на основе народных произведений.

Сенсацией стали недавние раскопки могилы Цинь Шихуанди, обнару-

жившие в районе г. Сиань «глиняное войско» императора из трех тысяч пехотинцев и всадников — все в натуральную величину, — по которым можно судить о зарождении в это время элементов портретной скульптуры. О зачатках портретной живописи могут свидетельствовать фрески из ханьских погребений.

В правление У-ди Дун Чжуншу (179—104) разработал онтолого-космологическую доктрину конфуцианства. С этого времени реформированное конфуцианство становится официально признанной идеологией империи и начинает превращаться в своеобразную государственную религию. На рубеже христианской эры конфуцианство раскололось на два толка: религиозно-мистический — школа «новых текстов» и содержащий элементы рационализма — школа «старых текстов». Государство вмешивается в борьбу этих толков, добиваясь по политическим причинам прекращения раскола конфуцианства. Император выступает инициатором религиозно-философских диспутов, своего рода «соборов». «Собор» I в. х.э. формально положил конец разногласиям в конфуцианстве, признал ложной всю апокрифическую литературу и утвердил в качестве официальной ортодоксии доктрину школы «новых текстов». В 195 г. х.э. по повелению императора на камне был высечен «государственный экземпляр» конфуцианского «Пятикнижия» в версии школы «новых текстов». С этого времени нарушение конфуцианских заповедей, включенных в уголовное право, каралось как преступление.

В эпоху поздней древности получают распространение мессианские и эсхатологические учения, усиливается влияние религиозных течений, в которых утверждаются мистицизм и догматизм, распространяются книги чудес и фантастическая литература, содержанием светских стихов все больше становится анакреонтическая и сказочная тематика. Позднеханьское государство поднимает на щит религию как важнейшее орудие духовного принуждения, и вмешательство Сына Неба в борьбу конфуцианских толков в этом отношении весьма показательно. Восторжествовавшая школа «новых текстов» идеей небесного провидения обосновывала предначертанность вручения Небесного Мандата (Тяньмин) позднеханьским императорам, утверждая религиозной санкцией их право на власть (школа «старых текстов» идею повторного вручения Небесного Мандата династии Хань категорически отвергала). Тем самым было положено начало «династийной идее» — новому принципу религиозно-политической идеологии. Школа «новых текстов» выражала определенную тенденцию теократического оформления императорской власти.

Основополагающая идея ортодоксального позднеханьского конфуцианства о целенаправленной воле Неба выступает в специфической этической форме, как извечный принцип незыблемости социальных различий, от соблюдения которых зависит гармония космических стихий инь и ян. Однако в эпоху Позднеханьской империи далеко еще не были исчерпаны импульсы для развития научно-философского мировоззрения. На период кратковременного взлета могущества империи Поздней Хань падает творчество самого выдающегося мыслителя древнего Китая — Ван Чуна (27—97). Ван Чун был страстным просветителем и неутомимым борцом за свои научные убеждения, он отличался воинствующим свободомыслием и высоким гражданским мужеством. При его жизни на конфуцианском диспуте в «Зале белого тигра» произошла канонизация конфуцианского вероисповедания под эгидой самого императора, выступившего высшим авторитетом конфуцианской ортодоксии. В обстановке усиленного идеологического нажима Ван

Чун имел гражданскую смелость бросить открытый вызов конфуцианской догматике, религиозной мистике и суевериям эпохи.

Ван Чуну принадлежит острополемический трактат «Критические рассуждения» («Луньхэн»), в котором гениальный мыслитель аргументированно излагает стройную систему материалистической философии. С научных позиций Ван Чун разоблачал конфуцианскую теологию, доказывая несостоятельность концепции сознательной воли неба и идеи небесного воздаяния. Обожествлению неба философ противопоставлял материалистическое утверждение, что «небо есть тело, подобное земле».

Свои положения Ван Чун обстоятельно обосновывает разумными доводами, подкрепляя их доходчивыми примерами, «понятными каждому». В частности, он рассуждает: «Некоторые полагают, что небо рождает пять злаков и производит на свет шелковицу и коноплю именно для того, чтобы накормить и одеть людей. Но это все равно что уподобить небо рабу или рабыне, которые возделывают землю и кормят шелкопрядов для людей. Такое суждение ложно, оно несовместимо с идеей естественности».

Разоблачая идею небесного воздаяния, Ван Чун пишет: «Стихийные бедствия не предназначены для того, чтобы карать людей. Изменения природных стихий происходят естественно, а человек, не понимая этого, в страхе трепещет перед ними. Если же все как следует объяснить, то можно избавить человека от этого страха». Приводя далее в подтверждение своей мысли многочисленные факты, философ заключает: «Итак, стихийные бедствия вызываются самоестественно мельчайшими материальными частицами (*ци*). Небо не проявляет себя сознательными деяниями, не обладает способностью к познанию».

Отвергая идею бессмертия души, мыслитель учил, что человек, как все твари, после смерти подвергается полному уничтожению. «Мертвые не превращаются в духов и не обладают способностью к познанию», — утверждал философ и приводил в подтверждение своей мысли различные доказательства. Он широко пользуется броскими эпитетами и сравнениями для усиления эмоционального воздействия на воображение читателя, осознавая, как философ и врач, сложнейший механизм восприятия непривычных идей массовым сознанием. Так, постулат о смертности души мыслитель подкрепляет почти фольклорным приемом образного параллелизма: «Как пепел потухший снова не может огнем запылать, так человек умерший снова не может ожить и стать духом», «Когда угасает пламя, то исчезает его свет и остается лишь потухшая свеча; когда умирает человек, то исчезает его дух и остается лишь тело».

Свой постулат о том, что поведение человека, его мораль, определяется не только тем, что заложено в нем от рождения (т.е. «внутренним», природным), но и тем, что воздействует на него извне (т.е. «внешним», судьбоносным), Ван Чун решительно противопоставлял конфуцианской религиозной морали, проповедовавшей теорию культурной исключительности древних китайцев («людей срединного государства» — чжунго жэнь), их нравственного превосходства над якобы этически неполноценными «варварами». На конкретных исторических примерах Ван Чун доказывал, что разные обычаи, нравы и нравственные человеческие качества у «людей срединного государства» и у «варваров четырех стран света» нельзя объяснять какими-либо неизменными врожденными свойствами. В этом он солидаризировался с другими ханьскими мыслителями, отрицавшими принципиальные различия между древними китайцами и «варварами».

Ван Чун был одним из образованнейших людей древнекитайского мира,

обладал совершенно исключительными познаниями, как гуманитарными, так и естественнонаучными. Направляя острие своей полемики против конфуцианской теологии, Ван Чун вместе с тем ставил перед собой широкие просветительские задачи, разоблачая с рационалистических позиций распространенные в народе предрассудки и суеверия. Ван Чун разработал впервые в истории медицины научно обоснованную систему профилактики заболеваний и сохранения здоровья — этого, по его убеждению, «единственного богатства человека», противопоставив свой лечебно-профилактический оздоровительный метод даосским поискам эликсира бессмертия, магической и мантической практике, бесплодным и вредным для здоровья.

Ван Чуну, выходцу из небогатой и незнатной семьи, были близки чаяния народа. Создавая свои произведения, философ придавал особое значение форме изложения, простоте и ясности стиля. «Я стремлюсь быть понятным простым людям», — заявлял мыслитель. Раскрывая идею своего произведения, Ван Чун выражал суть ее словами: «отвращение к вымыслу и лжи».

Догматизм и нетерпимость позднеханьского конфуцианства были связаны с возрастанием общественной роли религии и усилением ее идеологического и эмоционально-психологического воздействия на массы, что было свойственно не столько древним, сколько средневековым религиям. В позднеханьском обществе, раздираемом острейшими внутренними противоречиями, в условиях общей политической и экономической нестабильности конфуцианская ортодоксия призвана была служить задаче консолидации господствующего класса, но при этом жесткой догмой социальных перегородок отгораживала правящую элиту от основной массы производителей, от которых требовала под страхом Кары Неба беспрекословного повиновения, взамен же, по сути, не обещая ничего.

В противовес упорному стремлению официальной власти закрепить в области идеологии монопольное господство догматического конфуцианства, в империи стали распространяться тайные секты религиозно-мистического толка. Несогласных с правящим режимом объединял оппозиционный конфуцианству религиозный даосизм, который отмежевался от философского даосизма, продолжавшего развивать древние материалистические представления (к последнему в известном смысле примыкал и Ван Чун). В начале II в. х.э. — очевидно, не случайно почти одновременно с утверждением конфуцианской ортодоксии в «Зале белого тигра» — окончательно оформилась даосская религия. Лаоцзы был обожествлен и стал высшим даосским божеством, олицетворением дао. В распространившихся в середине II в. житиях Лаоцзы он выступал «великим мудрецом порабощенных». Даосская религия категорически отвергала культ предков, запрещала поклоняться любым богам и духам, кроме даосских. Проповедью равенства всех по признаку веры и безусловным осуждением богатства даосская «ересь» привлекала народные низы. На рубеже III в. х.э. движение религиозного даосизма, возглавляемое сектой «Пяти мер риса», привело к созданию в Сычуани теократического государства. На востоке страны близкое к даосской «ереси» учение тайной секты «Путь Великого благоденствия» (Тайпиндао) с элементами эсхатологических и пророческо-мессианских настроений, отличавшееся демократическим уставом и боевым духом, стало знаменем восстания «Желтых повязок», охватившего в конце II в. всю империю. В дальнейшем даосские народные секты решительно отмежевываются от организованного «придворного» даосизма, продолжавшего трансформиро-

ваться и объявленного в середине V в. х.э. государственной религией в раннесредневековой империи Китая — Северной Вэй.

Тенденция к превращению древних философских учений в религиозные доктрины, проявившаяся в трансформации конфуцианства и даосизма, являлась признаком назревавших в империи Хань глубоких культурных перемен. Однако не этические религии, возникшие на почве древнего Китая, а чужеземный буддизм стал для агонизирующей позднеханьской цивилизации той мировой религией, которая сыграла роль активного идеологического и социально-психологического фактора в процессе феодализации древнего общества Китая и всего региона Восточной Азии и Дальнего Востока. Проникнув в Китай на рубеже христианской эры, буддизм почти сразу нашел отклик в низах и признание у определенных общественных кругов — в верхах. Однако действительно широкое распространение в Китае буддизм получил уже после крушения древнекитайской империи, оказав в дальнейшем существенное влияние на все культурное развитие китайского средневековья.

Глава XXV

КОРЕЯ В ДРЕВНОСТИ

Первым государственным образованием, созданным предками корейцев, предшественником ранних корейских государств первых веков христианской эры был так называемый древний Чосон. Он занимал северную часть Корейского полуострова и, возможно, часть Ляодуна (существует мнение, что центр древнего Чосона находился на территории Ляодуна и Ляоси).

По легендарной версии, древний Чосон был основан в 2333 г. до х.э. Тангуном, сыном небожителя и медведицы, превращенной в красивую женщину. Как бы ни была сомнительна эта дата, в Китае, во всяком случае, название этого государственного объединения было известно еще в VII в. до х.э., из чего можно заключить, что какие-то контакты между древним Чосоном и Китаем имели место уже в то время. Однако нет никаких свидетельств того, что в это время территория древнего Чосона входила в состав китайских владений, или того, что древний Чосон находился в вассальной или еще какой-либо зависимости. Поэтому сообщение «Ши цзи» о том, что Чосон был пожалован около 1121 г. до х.э. в удел Ци Цзы (кор. Киджа) чжоуским ваном, выглядит сомнительно, хотя Киджа — видный сановник последнего вана китайской династии Инь, не пожелавший служить новой династии, Чжоу, — реальное историческое лицо.

До объединения Китая под властью династий Цинь и Хань древний Чосон имел, по существу, отношения только с непосредственно граничившим с ним китайским царством Янь — имеется в виду период с IV в. до х.э. до разгрома царства Янь циньским войском в 222 г. до х.э. С ослаблением Чжоу, когда Янь получило возможность вести самостоятельную политику, первой жертвой его экспансии на востоке должен был оказаться древний Чосон. Чосонский правитель, носивший титул *ху* (кит. *хоу*), понимая это, также решил вести активную внешнюю политику. Он провозгласил себя ваном и собирался начать превентивную войну против Янь под лозунгом «поддержки дома Чжоу». Однако на этот раз до военного столкновения дело не дошло. По совету своего первого министра чосонский ван направил его послом в Янь, в результате чего была достигнута договоренность о взаимном ненападении. Время описанных событий точно неизвестно, но, судя по тому, что правитель Янь объявил себя ваном в 323 г. до х.э., речь может идти о последней трети IV в. до х.э.

Эти события показывают, что древний Чосон, возможно, пытался претендовать на равенство в политическом отношении с китайскими царствами эпохи «Чжаньго» (чему, кстати, должна была служить опорой версия о происхождении чосонских правителей от Киджа), тем более что Янь, входившее в семерку основных китайских царств, было одним из самых слабых среди них. Однако как только происходило сколько-нибудь заметное усиление Янь, оно обращало свой взор на восток. Так, после того как Янь в составе коалиции одержало победу над царством Ци в 283 г. до х.э., яньский полководец Цинь Кай нанес поражение Чосону, в результате чего последний лишился значительных территорий к западу от Манбонхана, на которых были созданы китайские округа. Но в 240 г. до х.э. царство

Янь само оказалось под угрозой гибели, и в это время Чосон, возможно, вернул себе западные земли. В 222 г. до х.э. Янь пало под ударами царства Цинь, и чосонские земли, очевидно, перешли под контроль последнего. Более того, после постройки Великой стены циньские войска, перейдя р. Пхэйшуй (кор. Пхэсу), вновь нанесли поражение древнему Чосону и, очевидно, захватили еще часть его территории. По другим сведениям, чосонский ван Пу под угрозой нашествия сам признал себя вассалом Цинь.

Как только в Китае после смерти Цинь Шихуана началась гражданская война, в 209 г. до х.э. Чосон перешел в наступление и захватил восточные земли Янь (одно из владений, созданных на территории бывшего царства Янь), однако после объединения Китая под властью династии Хань граница между ним и древним Чосоном была установлена по р. Пхэсу.

В 194 г. до х.э. власть в Чосоне захватил выходец из Китая Виман (он прибыл в страну в 195 г. до х.э., и ему было доверено управление западными чосонскими землями, которые были в основном населены китайскими эмигрантами). С этого времени между Китаем и древним Чосоном установились мирные отношения на основе формального вассалитета, причем соглашение об этом сначала было заключено с Чосоном китайским правителем Ляодуна и лишь затем санкционировано императором. Соглашением оговаривалось, что Чосон обязывается охранять пограничные земли Китая от набегов варварских племен, но в то же время не должен препятствовать свободному сношению вождей этих племен с Китаем.

В 128 г. произошел инспирированный китайцами мятеж одного из местных чосонских правителей — Намнё, в результате которого земли Намнё были отделены от Чосона и перешли к Китаю, получив название округа Цанхай (кор. Чханхэ), хотя через три года этот округ пришлось упразднить. В результате попытки китайцев отторгнуть часть чосонских земель отношения Чосона с Китаем резко обострились. Правивший в это время в Чосоне ван Уго (внук Вимана) не только ни разу не являлся ко двору императора, но пресекал всякие попытки связей с Китаем соседних племен, а также принимал много китайских беженцев.

Таким образом, соглашение о вассалитете практически не выполнялось. Китайский император У-ди в 109 г. до х.э. направил в Чосон посла Шэ Хэ с целью восстановить соглашение, однако домогательства китайцев ваном Уго были отвергнуты. Тогда китайцы решили спровоцировать конфликт. На обратном пути, достигнув границы у р. Пхэсу, Шэ Хэ вероломно убил начальника чосонского эскорта Чана (в награду за что был назначен императором наместником на Ляодуне). Возмущенный Уго тут же направил отряд войск в поход на Ляодун и расправился с Шэ Хэ. Таким образом, повод для войны был создан. Осенью того же года У-ди двинул на Чосон большую армию. Однако после ряда поражений он решил направить к Уго посла. Уго принял мирные предложения и в знак доброй воли передал китайцам 5 тыс. лошадей и военное снаряжение, а также отправил наследника к китайскому двору. Но в ходе инцидента на пограничной реке Пхэсу, когда направлявшийся в Китай наследник заподозрил угрозу со стороны китайских полководцев, мирные переговоры были прерваны.

В следующем году (108 г. до х.э.) военные действия возобновились и китайские войска осадили столицу Чосона — Вангомсон. В ходе осады, летом, чосонский ван Уго был убит в результате раскола в среде правящих кругов, возглавившего после него оборону Сонги постигла та же участь, и в конце концов столица пала. На территории древнего Чосона были

образованы четыре китайских округа: Чэньфань (кор. Чинбон), Лолан (кор. Аннан), Сюаньту (кор. Хёнтхо) и Линтунь (кор. Имдун).

После разгрома древнего Чосона корейские племена, лишенные своей государственности, оказались отброшены назад в своем социально-политическом развитии, очутившись на более низкой, по сравнению с временами древнего Чосона, стадии политической организации. В дальнейшем, на рубеже и в первые века христианской эры, на Корейском полуострове начали складываться три ранних корейских государства — Когурё, Пэкчэ и Силла.

С древним Чосоном обычно связывают культуру бронзы, распространенную в начале — середине I тысячелетия до х.э. на территории Маньчжурии, характеризующуюся короткими мечами скрипкообразной формы. Если это действительно так, то следует признать, что технология производства древнего Чосона находилась на весьма высоком уровне, не уступающем китайскому. Изделия, принадлежащие этой культуре, предполагают специализацию ремесла и высокую профессиональную подготовку мастеров. В поздний период истории древнего Чосона получили распространение орудия из железа, изготовленные путем как литья, так и ковки. Основой экономики древнего Чосона было, по-видимому, земледелие — выращивание конопли, проса, ячменя, пшеницы и других культур. Развито было также коневодство, хотя оно и не имело значительного веса в структуре сельского хозяйства.

О социальном строе древнего Чосона сведения практически отсутствуют, и судить о нем можно только по косвенным данным, да и то весьма немногочисленным. Во всяком случае несомненно, что существовала наследственная власть монарха — вана, имевшего постоянную резиденцию в столичном городе Вангомсоне. Существовал ряд других городов и крепостей. О государственном аппарате древнего Чосона судить трудно, скорее всего — по причине его отсутствия. Известны некоторые термины, которые могут быть истолкованы как свидетельство существования госаппарата, но и только. Опыт изучения развития госаппарата в тех государствах, для которых имеется по этому вопросу множество фактов, позволяющих составить полную картину этого процесса (например, Силла), свидетельствует о том, что в данном случае речь идет лишь о зачатках госаппарата, о самых ранних стадиях его формирования.

Обратимся к известным терминам. Во-первых, это *тэбу* и *пакса*. Первый из них означает скорее всего главного министра (подобно тому, чем был тэбо в Силла в I в. х.э., когда никакого госаппарата там еще не существовало) или главного советника. Второй может означать также нечто вроде наставника при ване (вообще должность пакса известна в учебно-научных учреждениях средневековой Кореи, но она имела довольно низкий ранг). Известен также термин *чангун*, но он означает вообще всякого полководца, и им китайские авторы могли называть любых лиц, причастных к руководству сколько-нибудь крупными военными отрядами (в Силла и Корё существовали должности *тэ-чангун*, *сан-чангун* и *ха-чангун*, но там они были строго определенными должностями с регламентированными штатами и чинами). Встречающиеся термины *егун*, *тэсин*, *сан* могут означать, в принципе, что угодно — от аристократических титулов и почетных званий до названий лиц, являющихся главами племен или родов, но менее всего они походят на названия должностей. Таким образом, ни один из встречающихся терминов, обозначающих начальствующих лиц, не может сам по себе свидетельствовать о наличии сколько-нибудь зрелого аппарата управления. Подобные названия характерны для начального этапа скла-

дывания госаппарата, когда уже есть должности (прежде всего — высшие), но нет системы должностей, т.е. госаппарата, и управление является пока как бы нерасчлененным, что находит свое выражение в нерасчлененности функций должностных лиц.

В древнем Чосоне существовал кодекс из восьми так называемых запретительных статей, введение которого приписывается Киджа. Из этих статей до нас дошло содержание лишь трех. Согласно первой из них, убийство каралось смертной казнью, вторая требовала компенсации зерном за причинение телесных повреждений, а третья содержала наказание за воровство. Как явствует из этой статьи, человек, совершивший кражу, должен был стать рабом того дома, где она совершена. Семья его тоже, по-видимому, обращалась в рабство. При этом, однако, за обращенным в рабство за кражу сохранялось право выкупа за значительную сумму.

Существование подобных статей свидетельствует о стремлении правителей защищать безопасность личности и имущества подвластного населения, но вряд ли стоит переоценивать их значение (тем более что ничего не известно о применении всех этих мер ответственности). Кроме того, учитывая, что за изложением содержания статей в китайской летописи («Хань шу») следует фраза о том, что в результате введения этих законов население Чосона стало весьма нравственно, в частности исчезло воровство, можно вообще усомниться в реальном действии кодекса. Возможно, целью автора было прославление цивилизаторской миссии Китая.

О семейных отношениях также ничего не известно. Если принимать всерьез сообщения, о которых говорилось выше, можно предположить, что среди остальных пяти статей была и статья, регулирующая семейные отношения, поскольку после слов об отсутствии воровства говорится о том, что жены были верными и добродетельными.

В целом древний Чосон был, по-видимому, раннегосударственным образованием с зачатками аппарата управления, государственных правовых норм. В нем существовали наследственная монархическая власть, социальное неравенство, возможно — товарные отношения (на предполагаемой территории древнего Чосона найдено несколько кладов с китайскими монетами; возможно, они имели хождение среди населения страны за отсутствием собственных денег), хотя о развитых товарно-денежных отношениях говорить не приходится.

Глава XXVI

ПРЕДЭЛЛИНИЗМ НА ВОСТОКЕ. ПОСЛЕПЛЕННАЯ ИУДЕЯ

1. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ЗАПАДНЫХ САТРАПИЯХ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Путешествуя в середине V в. до х.э. по западным окраинам Ахеменидской державы, «отец истории» Геродот обратил внимание на многоликость этой территории, на разнообразие географических условий и этнического состава населения. Какой резкий контраст между Вавилонией, которая «из всех стран на свете... производит безусловно самые лучшие плоды Деметры (т.е. земли)», и выжженной солнцем Аравийской пустыней, между западным побережьем Малой Азии с «самым благодатным климатом на свете» и гористыми центральными районами, где люди «едят не столько, сколько желают, а сколько у них есть пищи, так как обитают в земле суровой» (Гер. I, 193 и др.).

Накануне включения Ближнего Востока в состав Ахеменидской державы в 546—525 гг. до х.э. там существовали общества с весьма различными типами и уровнями экономики. Имелись общества на разных ступенях разложения первобытнообщинного строя, например арабы к югу от Палестины или таохи, кардухи и другие племена северо-восточной и центральной Малой Азии и Армянского нагорья. В Сирии и в западной Малой Азии преобладали общества без крупномасштабной ирригации и с превосходством общинно-частного сектора над государственным, в Нижней Месопотамии господствовало общество с речной ирригацией, развитым товарным хозяйством и сильным государственным сектором, а на побережьях находились финикийские города и греческие полисы с высокоразвитым частным товарным хозяйством и с интенсивным применением рабского труда.

Включение столь разных по уровню развития и типу экономики обществ в состав «мировой державы» Ахеменидов оказывало на них значительное воздействие. Важнейшим рычагом его в десяти западных сатрапиях был государственный аппарат Ахеменидов.

Некоторые из больших сатрапий, например Заречье, т.е. Сирия и Верхняя Месопотамия, делились на более мелкие провинции, возглавляемые областеначальниками — *пеха*. Такими провинциями в сатрапии Заречье были, например, Аммон и Заиорданье, где в V в. до х.э. должность пеха находилась в руках местного рода Тобиадов, и Самария в Западной Палестине, где должность пеха наследовалась в семье Санбаллата (точнее, Синубаллита[1]). Передача должности пеха местной знати усиливала стремление провинций к автономии, которую многие самоуправляющиеся территории и общности в составе западных сатрапий имели с самого начала. Формы самоуправления автономных образований были определены их историческими традициями, отличались многообразием, но особо важную группу составляли так называемые гражданско-храмовые общины.

---

[1] Это имя — вавилонское. — *Примеч. ред.*

Все подвластное Ахеменидам население платило основной налог в серебре, что способствовало развитию товарно-денежных отношений, углублению имущественной и социальной дифференциации в сатрапиях и провинциях. Лишь немногие сатрапии (Лидия, Киликия и др.) обладали собственными серебряными рудниками, остальные должны были приобретать серебро путем продажи взимаемого с населения в виде десятины со всего производимого натурального налога. Так, например, жители провинции Иудея в Палестине (часть сатрапии Заречье) вносили натуральные налоги, так называемый «хлеб пеха» (Неем. 5, 18), — вино, масло, зерно в сосудах с надписями «Йехуд», «город» (т.е. Иерусалим) или «пеха». «Хлеб пеха», по-видимому, частично расходовался на содержание двора, администрации и войска пеха, но другая часть скапливалась в огромных хранилищах и, превращенная пеха или купцами в серебро, шла на уплату денежного налога в центральную казну.

Развитию товарно-денежных отношений содействовало также интенсивное дорожное строительство Ахеменидов. Через западные сатрапии проходили знаменитая «царская дорога» из Сард в Вавилон и многие другие благоустроенные пути, по которым спешили гонцы «почтовой службы», шло войско, путешествовали купцы, а иногда и жаждущие знаний мудрецы. Эти дороги способствовали принудительным и добровольным миграционным процессам, весьма интенсивным в ахеменидское время. Отказавшись от массовых переселений как постоянной практики по отношению к жителям покоренных стран, Ахемениды тем не менее применяли депортации как крайнюю меру наказания. Большая часть принудительно переселенных стала рабами в хозяйствах Ахеменидов и персидских вельмож: между 509 и 494 гг. до х.э. в 108 населенных пунктах Персиды и Элама находилось более 21 тыс. рабов — мужчин, женщин и детей из представителей самых различных народностей — египтян, вавилонян, лидийцев, эллинов и др.

Большое место в миграционном процессе VI—IV вв. до х.э. занимала индивидуальная и коллективная добровольная форма переселения. К этой группе относимы воины-наемники, которые часто составляли гарнизоны отдаленных пограничных крепостей, например гарнизон в Элефантине (на юге Египта), который состоял из иудеев, арамеев, иранцев, египтян и др. Среди добровольных переселенцев было много купцов и ремесленников, обосновавшихся в наиболее оживленных торгово-ремесленных центрах державы. Так, в Вавилонии проживали саки и индийцы, иудеи и арабы, египтяне, карийцы и др., а вездесущие финикийские купцы осели в Эцион-Гебере на берегу Акабского залива Красного моря.

Переселенцы чаще всего жили бок о бок с местными жителями, заключали с ними сделки и вступали с ними в браки, почитали своих и местных богов, принимали местные имена и т.д. Это хорошо видно по материалам Элефантинского архива VI—IV вв. до х.э.: у воина-наемника древнееврейские, ветхозаветные имя и отчество — Махсейа, сын Йедонийи, но его соседями были египтянин и хорезмиец, а дочь его в первом браке была замужем за египтянином Пиа, сыном Пахи, и одна из внучек Махсейи носила египетское имя Исивери (= «Исида велика») и т.д.; воины-иудеи поклонялись ветхозаветному богу Яхо (Яхве), архаическим палестинским, возможно ханаанейским, божествам Анат-Бейт-эл, Эшем-Бейт-эл и др., но также египетским богам Тоту, Хору, сирийским божествам и иным. В миграционном процессе VI—IV вв. до х.э. наиболее активно участвовали представители различных ближневосточных этнических групп, а участие элли-

нов из материковой Греции и городов Малой Азии носило пока ограниченный характер.

Оживленная миграция совместно с другими факторами — вхождением стран в сравнительно устойчивую державу и относительным миром в ней, дорожным строительством и развитием товарно-денежных отношений и т.д. — способствовала заметным сдвигам во всех сферах хозяйственной жизни. Решающую роль в этом, однако, сыграла металлургия железа и стали, ставшая в середине I тысячелетия до х.э. основой всего производства.

Существенные сдвиги в сторону товарности заметны и в основной отрасли производства — сельском хозяйстве. Так, например, в Иудее своими винами славились долины Шарона и Галилеи, окрестности Гивеона (совр. Эль-Джиб) и Бейт-Хакерема (совр. Рамат Рахел), обширные плантации оливковых деревьев находились в окрестностях Бейт-Шеана (совр. Телль-эль-Хусн), а вокруг Эйнгеди (совр. Телль-эль-Джурн) и Иерихона простирались знаменитые в древнем мире плантации финиковых пальм и бальзамовых деревьев. В городах Иудеи, в Негеве и других районах страны земледелие сочеталось с животноводством, а в приморских районах и в окрестностях больших озер занимались рыбной ловлей. Сельскохозяйственное производство в возросшей степени удовлетворяло потребности населения, поставляло товары для оживленной торговли и сырье для быстро развивающегося ремесленного производства.

Нет надобности говорить о дальнейшем развитии ремесленного производства в таких старых его центрах, как Двуречье, Финикия и т.д. Более показателен подъем ремесленного производства в ранее отсталых областях, например в Иудее, где трудились кузнецы и резчики по камню, гончары и ткачи, красильщики и парфюмеры, а в Эйнгеди сохранилось или возродилось производство прославленного целебного бальзама. На примере керамики из ахеменидской Палестины наглядно прослеживается плодотворное воздействие иноземного влияния на местное ремесленное производство, ибо наилучшими были те изделия, в которых сказывался производственный опыт Вавилонии или Греции.

Необходимым спутником подъема сельскохозяйственного и ремесленного производства была интенсификация торговли. Особенно характерно для VI—IV вв. до х.э. вовлечение во внешнеторговые связи районов, ранее мало участвовавших в них. Существование ассоциации торговцев в Иерусалиме (Неем. 3, 32), включение в «конституцию» гражданско-храмовой общины статей о торговле (Неем. 10, 31), обсуждение в ветхозаветной и апокрифической литературе вопроса об этико-религиозной ценности занятия торговлей, появление до христианской эры монет местного чекана — все это говорит о наличии оживленной торговли. В Иудею теперь ввозили золото и серебро, древесину и драгоценные камни, керамику и ткани, благовония и другие товары, а вывозили бальзам, асфальт, парфюмерию, вино и т.д. Археологические находки греческих, египетских, малоазийских, южноаравийских и других изделий свидетельствуют о разветвленности внешнеторговых связей, сочетавшихся со ставшей более регулярной внутренней торговлей на городских рынках, например в Иерусалиме, куда крестьяне «возят снопы и навьючивают ослов вином, виноградом, смоквами и всяким грузом...» (Неем. 13, 15).

В VI—IV вв. до х.э. торговлей занимались преимущественно частные лица, нередко сочетавшие ее с ростовщичеством. Развитию ростовщичества содействовали налоговая система Ахеменидов и оживленная торговля. Наиболее полные сведения о торговой, ростовщической и предпринимательской

деятельности содержат архивы вавилонских частных торговых домов Эгиби и Мурашу. В провинциальной Иудее размах подобной предпринимательской, ростовщической деятельности был скромнее, но от этого не снисходительнее к его жертвам, которые, опутанные долгами, должны были «отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы... и поля наши и виноградники наши у других» (Неем. 5, 5).

В «мировой державе» Ахеменидов происходила интенсивная урбанизация, порожденная расцветом ремесел и торговли, административными нуждами державы. Правильность сказанного можно лучше показать не на примере старых центров городской жизни в Двуречье, Финикии или запада Малой Азии, где в VI—IV вв. до х.э. продолжался заметный рост городов, а на примере урбанизации в тех районах, где города в предшествовавшие времена были разрушены (Иудея) или вообще не существовали (Колхида, Иверия и др.). Экономическое развитие Колхиды и Иверии в V—III вв. до х.э. обусловливало не столько сознательное строительство городов, сколько их стихийное образование (Уплисцихе, Мцхета и др.). Городами становились лишь те поселения, которые имели оптимальные условия — надежную фортификацию, высокий уровень развития ремесленного производства, местоположение у торговых путей и т.д. Интенсивность процесса урбанизации в Иудее подтверждается следующими данными: если до середины V в. до х.э. на почти 42 тыс. членов гражданско-храмовой общины имелось 18 городов, то позже на 150 тыс. общинников приходилось 48 городов. Городское население состояло из ремесленников и торговцев, а также из земледельцев, обрабатывавших земли в сельскохозяйственной округе в радиусе 5—10 км за городскими стенами.

Эти данные говорят не только о заметном подъеме всей хозяйственной жизни в западных сатрапиях Ахеменидской державы в VI—IV вв. до х.э., но также о происходившем там процессе относительного выравнивания уровней экономического развития, сочетавшемся с параллельным процессом заметного уменьшения типологического разнообразия существовавших там обществ, что подтверждается распространением так называемых гражданско-храмовых общин.

2. ГРАЖДАНСКО-ХРАМОВЫЕ ОБЩИНЫ В ЗАПАДНЫХ САТРАПИЯХ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Своеобразный социально-политический организм, названный в отечественной научной литературе «гражданско-храмовой общиной», был широко распространен во всех западных сатрапиях Ахеменидской державы — в Малой Азии (Комана, Зела, Ольба и др.), Армении (Тордан, Ани и др.), Вавилонии (Вавилон, Ниппур, Урук и др.), Сирии (Бамбика, Эмеса и др.) и Палестине. Тем самым опровергается распространенное в современной библеистике представление о послепленной общине в Палестине VI—IV вв. до х.э. как об уникальном религиозно-политическом феномене. Правомернее считать палестинскую общину одним из проявлений столь сущностной для социальной, политической и религиозно-идеологической жизни западных сатрапий Ахеменидской державы гражданско-храмовой общины, которое в силу лучшей документированности и изученности может послужить своеобразной моделью всего этого явления.

Зарождение гражданско-храмовой общины было обусловлено эволюцией

и взаимосвязью двух секторов экономики — государственного и общинно-частного — в державе Ахеменидов в целом и в западной ее части в отдельности. Установление в Передней Азии господства Ахеменидов повлекло за собой заметное увеличение и до того (со времен Ассирии) обширного царского земельного фонда за счет захвата земель побежденных правителей и знати. В царском хозяйстве работали десятки и сотни рабов и полурабов из чужеземцев — *курташ* или *гарда*, а часть царской земли сдавалась в аренду. На других землях сидели зависимые земледельцы, объединенные во вторичные общины. Много земель Ахемениды раздавали персидским вельможам, крупным чиновникам и лицам, оказавшим царям услуги. Царские хозяйства, поместья знати, поселения зависимых землевладельцев и воинов-наемников в своей совокупности образовывали государственный сектор экономики, которому противостоял общинно-частный сектор. В последний входили территории греческих полисов Малой Азии, многочисленные общины свободных земледельцев, территории племен и т.д. В ахеменидское время в обоих секторах — государственном и общинно-частном — преобладали практически однотипные мелкие и средние семейно-частные хозяйства, что способствовало размыванию различий между обоими секторами. Этому содействовало и то, что оба сектора территориально не были обособлены.

Кроме того, уже в первой половине I тысячелетия до х.э. многие храмы в Двуречье и других ближневосточных районах были освобождены от ряда налогов. При Ахеменидах положение изменилось, однако многие храмы и храмовые города — Вавилон, Борсиппа и др. — сохраняли свое самоуправление, более или менее независимое от царской администрации. Очевидно, что в таких условиях лучше можно было развивать частное ремесленное и земледельческое хозяйство, успешнее заниматься торговлей, чем на царской земле. К этому стремилась не только часть царских людей, но также многие из общинно-частного сектора, все те, кто мог рассчитывать на развитие своего хозяйства, особенно товарного, все те, кто искал избавление и защиту от произвола и гнета царской администрации. Поэтому вполне естественным было желание многих людей обособиться от государственного сектора путем присоединения общин к обладавшим автономией храмам, а срастание общины — сельской или городской — с храмом образовывало новую структуру — гражданско-храмовую общину, которая объединяла в единую организацию бывших общинников, бывших царских людей и персонал храма. Процесс образования гражданско-храмовых общин в западных сатрапиях Ахеменидской державы шел двумя путями: гражданско-храмовая община складывалась в результате слияния уже существовавших сельских или городских общин с уже существовавшими храмами, т.е. имела место трансформация старых образований в новый социально-политический организм; но иногда бывало и так, что гражданско-храмовая община создавалась заново, как бы на пустом месте, и это обеспечивало ей большую «чистоту» сущности. Именно так возникла гражданско-храмовая община в Палестине, что позволяет проследить по ней, как по модели, сложный процесс становления и развития этого своеобразного социально-политического организма.

12 октября 539 г. до х.э. войско персидского царя Кира II взяло г. Вавилон, после чего западные владения Нововавилонской «мировой» державы, включая Палестину, подчинились победителю, организовавшему на этой территории обширную сатрапию «Вавилон и Заречье». Вскоре, в 539/538 г. до х.э., был обнародован эдикт Кира II, содержащий разрешение

желающим из иудеев, переселенных вавилонянами в Двуречье, возвратиться в Иудею и восстановить разрушенный храм в Иерусалиме, а оставшимся в Вавилонии собирать средства для репатриантов (Ездр. 1, 2—4). Эдикт Кира II, целью которого было создание в Палестине, на подступах к еще не завоеванному Египту, зависимой от царя и верной ему опоры, послужил началом для многократных репатриаций в конце VI — первой половине V в. до х.э., в результате которых из Двуречья в Палестину возвратилось около 30 тыс. человек. В Палестине они столкнулись с большими трудностями. После гибели Иудейского государства в 587 г. до х.э. в вавилонскую Иудею хлынули аммонитяне, эдомитяне и др., которым отнюдь не улыбалась перспектива встречи с репатриантами. К возвращению части иудейской знати и жречества с большой настороженностью относились также самаритяне, т.е. смешанное население бывшего Израильского царства, верхушка которого играла ведущую роль в ассирийской и вавилонской провинции Самерина. Но наиболее серьезное противодействие репатриантам исходило от того большинства, около 80%, населения бывшего Иудейского государства, которое вавилоняне не выселили, а оставили в Иудее «как виноградарей и землепашцев», предоставив «им тогда же виноградники и поля» (II Ц. 25, 12; Иер. 39, 10) из конфискованных завоевателями царских и храмовых земель, а также земель депортированной иудейской знати. Поскольку среди репатриантов было немало потомков и наследников бывших собственников или владельцев этих земель, то у местного населения Палестины имелись все основания для опасений и противодействия репатриантам.

Чтобы в таких условиях утвердиться в Палестине и противостоять силам враждебным, репатрианты нуждались в центре притяжения, в объединяющей их организации. Такой, по мнению одной части репатриантов, должна была стать восстанавливаемая монархия Давидидов. Поэтому одну из первых репатриаций возглавил давидид Зоровавель, а пророк Аггей заявил: «В тот день, говорит Яхве Цебаот (Саваоф), Я возьму тебя, Зоровавель, сын Салафиилев... ибо тебя избрал Я...» (Аг. 2, 23). Однако Кир II не хотел восстановления монархии Давидидов в Иудее, чего не желали также многие репатрианты, считавшие династию Давида, иудейских царей, виновниками постигших народ и страну бедствий. После 520 г. до х.э. Зоровавель бесследно исчез, и вместе с ним были похоронены надежды на восстановление царства Давидидов, продолжавшие, однако, будоражить мечтателей и бунтарей на протяжении многих поколений и веков.

В таких условиях естественным центром собирания и организации репатриантов стал восстанавливаемый по приказу персидских царей и опекаемый ими Иерусалимский храм, строительство которого было закончено в 515 г. до х.э., а складывавшаяся община постепенно приобретала очертания гражданско-храмовой. В ее развитии в VI—IV вв. до х.э. можно выделить два периода: ранее середины V в. до х.э. — возникающая гражданско-храмовая община, после середины V в. до х.э. — оформившаяся.

Ранее середины V в. до х.э. община состояла из 42 360 членов, из коих абсолютное большинство были репатрианты, но более 8 тыс. человек принадлежали к «коллективам, названным по местностям», видимо, из местных, недепортированных жителей Иудеи, примкнувших к общине. Последняя объединяла лишь около 20% населения Иудеи, причем члены общины не селились на единой, компактной территории, а проживали в трех обособленных друг от друга округах, между которыми и внутри которых находились обширные территории, населенные людьми, не принадлежавшими к

общине. После середины V в. до х.э. численность членов общины возросла почти до 150 тыс. человек, что составляло уже около 70% населения Иудеи. Община занимала теперь шесть отдельных округов, и наметилась тенденция к постепенному слиянию территорий общины с территорией Иудеи, членов общины — с населением Иудеи, доказательством чего может служить тот факт, что почти четырехкратное увеличение численного состава гражданско-храмовой общины после середины V в. до х.э. происходило главным образом за счет притока в нее местного, недепортированного населения Иудеи, привлеченного предоставляемыми общине льготами и привилегиями.

Члены гражданско-храмовой общины, которые до середины V в. до х.э. обозначали себя различными самоназваниями, что свидетельствовало о неоформленности общины, после середины V в. до х.э. все определеннее называли себя «народ» и «иудеи». Последнее самоназвание, являвшееся этнонимом, предельно отчетливо выражало стремление оформившейся гражданско-храмовой общины к обособлению от других этнополитических образований в Палестине, к этническому самосознанию и самоутверждению.

В составе гражданско-храмовой общины выделялись две четко разграниченные группы — не жрецы и жрецы. Нежреческая часть общинников включала в себя до середины V в. до х.э. 17, а позже — 32 коллектива, названных *бет абот* (= «отцовский дом»). Бет абот отличался большим численным составом (до тысячи мужчин) и сложной внутренней структурой, ибо включал многочисленные, реально или фиктивно родственные между собой большие и малые семьи. У каждого бет абот были своя родословная и свое название, которое входило также в полное наименование члена общины. Принадлежность человека к бет абот выражалось словом «сын» (*бен*), а слово «брат» (*ах*) обозначало всех членов коллектива, связанных обязанностью взаимопомощи, коллективной ответственности и т.д. Жизнью и деятельностью бет абот руководил «глава» (*рош*, *сар*), имевший право контроля над семьями в коллективе, распоряжения их трудом и, возможно, частью их доходов. Аналогичные агнатические[2] коллективы, образование которых в Палестине было обусловлено не только живучестью родо-племенных традиций и институтов первой половины I тысячелетия до х.э., но главным образом жизненной необходимостью сплочения семей в жесткой реальности репатриации, имелись также в других гражданско-храмовых общинах.

Жречество, состоявшее из священников и левитов (храмовых певцов и привратников), на первых порах в силу своей малочисленности играло второстепенную роль в возникающей палестинской гражданско-храмовой общине. Но после середины V в. до х.э. положение жречества в общине коренным образом изменилось: количество в бет абот священников возросло в три раза, левитов — в четыре, а отношение между численностью не жрецов и жрецов, бывшее до середины V в. до х.э. 5,4:1, стало позже 1:1,2. В оформившейся палестинской, как и в других гражданско-храмовых общинах, жречество играло ведущую роль, однако оно в некоторой степени было формальным или фиктивным, поскольку в его состав входили также лица, непосредственно не выполнявшие никаких религиозно-культовых функций.

---

[2] *Агнаты* — лица, происходящие по мужской линии от одного родоначальника или усыновленные. В число агнатов не входили замужние дочери и внучки, но входили жены.

Сообщение о том, что «в городах Иуды жили каждый в своей *ахузза*» (Неем. 11, 3, 20), подкрепленное многими другими данными, говорит о том, что земельный фонд палестинской гражданско-храмовой общины находился в неотчуждаемой собственности бет абот, ибо термин *ахузза* (и *нахала*) обозначал земельную собственность агнатической группы, которая не была отчуждаема или могла быть отчуждаема лишь в пределах этой группы. Земля каждого бет абот была разделена на наделы, в основном средние и мелкие, находившиеся в наследственном владении семей данного коллектива. Однако упоминания, правда редкие, терминов, обозначающих купленные земли, свидетельствуют о появлении частной земельной собственности и концентрации земли в руках разбогатевшей верхушки бет абот. Аналогичными были аграрные порядки и в других гражданско-храмовых общинах, но в отличие от Иерусалимского храма, не имевшего в VI—IV вв. до х.э. собственной земли и хозяйства, храмы в других общинах (Уруке, Сиппаре, Комане и др.) являлись собственниками части общинной земли, которую они сдавали в аренду членам своей общины и частично эксплуатировали сами, организовав на них большие храмовые хозяйства.

Члены иерусалимской гражданско-храмовой общины, объединенные в бет абот, составляли относительно однородную массу свободных и полноправных людей. Однако помимо них на территории общины обитали также «присельники» и «поденщики», которые, по всей вероятности, были людьми свободными, но не принадлежали к общине и поэтому не имели своей земли, а работали в хозяйствах общинников. Там же трудились рабы, составлявшие около 18% числа членов палестинской общины. В других гражданско-храмовых общинах, особенно в тех, где храмы имели свои обширные хозяйства, количество храмовых рабов (*ширку* в Вавилонии, *иеродулы* в Малой Азии), а также зависимых земледельцев (*иккару* в Вавилонии, *иерой* в Малой Азии) было значительно больше.

До середины V в. до х.э. Иудея входила в состав провинции Самария или других провинций сатрапии Заречье. Поэтому и возникающая гражданско-храмовая община в административном отношении подчинялась пеха Самарии, а возглавлявшие общину «предводитель» (*наси*) и «старейшины иудеев» выполняли лишь функции внутриобщинного самоуправления. Но в середине V в. до х.э. гражданско-храмовая община заметно окрепла и стала значительной силой в Палестине. Этим воспользовался персидский царь Артаксеркс I (465—424 гг. до х.э.), при котором усилились центробежные устремления могущественных сатрапов и местных династов. Царь был заинтересован в создании верной ему опоры, какой стала бы в Палестине гражданско-храмовая община, если предоставить ей большие привилегии. Этим объясняется обнародование в 458/457 г. до х.э. царского эдикта, освободившего членов гражданско-храмовой общины от царского налога и предоставившего общине право собственной юрисдикции, что существенно изменило положение общины в стране.

Осуществление эдикта было поручено Эзре (Ездре) из рода иерусалимских первосвященников. Эзра был фанатичным и нетерпимым сторонником строжайшей самоизоляции общины и добился решения о расторжении смешанных браков между членами общины и лицами, не принадлежавшими к ней. Это решение породило острые противоречия в самой общине, что совершенно не соответствовало интересам и намерениям персидского царя, направившего в Иудею своего придворного Неемию.

Потомок знатного иерусалимского нежреческого рода и «виночерпий» царя, гибкий и энергичный государственный деятель, Неемия вполне соот-

вегствовал возложенной на него задаче. Он прибыл в Иерусалим в 445 г. до х.э. в качестве официально назначенного царем предводителя гражданско-храмовой общины в Иудее, которая в это время была выделена в самостоятельную провинцию, возглавляемую собственным пеха.

Образование провинции Иудея, назначение близкого ко двору персидского царя Неемии официально признанным предводителем заметно усилившейся гражданско-храмовой общины вызвали тревогу и опасения пеха соседних провинций. В 445 г. до х.э. образовалась враждебная гражданско-храмовой общине коалиция, в которую входили Санбаллат, наследственный пеха провинции Самария, «Тобия, слуга аммонитян», наследственный пеха провинции Аммон, и «аравитянин Гешем», по всей вероятности — царь Кедара, полунезависимого арабского царства на окраине Палестины.

Перед угрозой вооруженного конфликта Неемия приступил к строительству оборонительной стены в Иерусалиме, организовал вооруженные силы общины. После завершения строительства стены Неемия переселил в Иерусалим каждого десятого члена общины, и этот многолюдный (ок. 15 тыс. жителей), хорошо укрепленный город с храмом Яхве стал центром общинного самоуправления, состоявшего из пеха и должностных лиц, из коих одни были «главы» бет абот, другие — жрецы храма, а в экстренных случаях созывалось собрание членов общины (*кахал*), например для решения острого вопроса о долгах и должниках.

Вызванные размахом ростовщичества долговая кабала обедневших общинников и концентрация земли в руках богатых семей угрожали единству и сплоченности гражданско-храмовой общины. Это могло стать опасным для окруженной врагами общины, и Неемия возродил древний закон о периодической отмене долгов и возвращении имущества должника, прежде всего захваченных земель, коренившийся в принципе неотчуждаемости родовой земли и обязанности взаимопомощи. Это мероприятие, аналогичное реформам Солона (в Афинах), на время приостановило процесс концентрации земли и укрепило относительную сплоченность общины, отраженную в принятой «конституции».

Эта «конституция», введенная путем заключения «праведного договора» с богом Яхве и основанная на законах Пятикнижия, требовала строгого соблюдения субботнего дня, обязательных приношений в храм (десятины, первинок и др.) и обособления членов общины от окружающих народностей, выраженного в формуле об установлении «ограждения (*гадер*) в Иудее и Иерусалиме» (Ездр. 9, 9).

Социально-политический организм, основным стержнем которого был храм Яхве, должен был возглавляться жрецом. Так это было в гражданско-храмовых общинах в Пессинунте, Зеле, Ольбе и др., возглавляемых жрецами. Так это и стало в конце V в. до х.э. в иерусалимской гражданско-храмовой общине, во главе которой стали первосвященники, а в IV в. до х.э., по всей вероятности, им были переданы также полномочия наместника провинции Иудея. Можно говорить о несомненном сближении, объединении в Иудее двух уровней власти — партикулярной власти предводителя гражданско-храмовой общины и центральной государственной власти, осуществляемой пеха провинции, — путем выполнения этих раздельных функций иерусалимскими первосвященниками совместно с советом «знатных иудеев».

Рожденные всем ходом социально-экономического и политического развития, гражданско-храмовые общины были необходимым структурным

компонентом «мировой державы» и важным фактором ближневосточной духовной жизни VI—IV вв. до х.э.

3. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА VI—IV вв. до х.э.

Новые явления в духовной жизни ахеменидской Передней Азии были порождены всей совокупностью социально-экономического, политического и культурного развития, но особенно значительную роль сыграли четыре фактора: вхождение в состав «мировой державы», наличие самоуправляющихся гражданско-храмовых общин, порожденные оживленными миграционными процессами интенсивные этнокультурные контакты и изменения состава «интеллигенции».

Особого внимания заслуживает четвертый фактор, ибо если в предшествовавшие тысячелетия и века в духовной жизни особенно велика была роль писцов, жрецов и пророков, особенно первых двух групп, непосредственно связанных с царско-храмовой администрацией, то в VI—IV вв. до х.э. такое влиятельное течение, как пророчество, шло на убыль, а значительная часть жрецов и писцов вошла в состав автономных гражданско-храмовых общин, что заметно изменило их социально-политические установки. К тому же увеличился удельный вес тех писцов, которые даже не были связаны с общинным самоуправлением, а занимались своей профессиональной деятельностью самостоятельно, в качестве переписчиков и учителей. Также и среди жречества, особенно в Палестине, росло количество тех, кто непосредственно был связан не с Иерусалимским храмом, а с местными домами собрания и богослужения — синагогами. Такие писцы и жрецы были менее «закрыты» по отношению к внешнему миру и более «открыты» для его воздействия, менее консервативны и более восприимчивы к инновациям; для них, находившихся вне замкнутых корпораций, было характерно растущее осознание индивидуальности человека и его личной ответственности.

Большую роль в ближневосточной духовной жизни VI—IV вв. до х.э. играло превращение арамейского языка в lingua franca всего региона. Арамейский язык был не только официальным языком «мировой державы» Ахеменидов, но также разговорным языком, который успешно соперничал с местными языками, а иногда, как в Вавилонии, Сирии, в значительной части Палестины и других странах, постепенно вытеснял их. Это нередко вызывало активное противодействие, например в иерусалимской общине, где подчеркнуто заботились о чистоте древнееврейского языка, или в Вавилонии, где в автономных гражданско-храмовых общинах продолжали читать и переписывать произведения на аккадском языке словесно-слоговым письмом, клинописью. Это тем более показательно в условиях, когда во всей Передней Азии широкое распространение получило более удобное и легче усваиваемое алфавитное письмо, которое содействовало дальнейшему росту грамотности населения.

Все это влекло за собой противостояние и переплетение противоположных тенденций: с одной стороны, усиливалось тяготение к «открытости», общедоступности и демократичности в духовной жизни и духовном творчестве, но, с другой стороны, тяготение к «закрытости», обращенности к узкой аудитории и элитарности в духовной жизни и духовном творчестве

не исчезало, а временами даже усиливалось. Эти противоборствующие тенденции причудливо переплетались с универсализмом — со стремлением ко всеобщности, с обращенностью не только к «своей» общности, к «нам», но также к «чужим» общностям, к «ним», и с партикуляризмом — со стремлением к обособленности, замкнутости, к обращенности только в основном к «нам», сочетавшейся с безразличием или враждебностью к «ним».

Эти тенденции пронизывали всю духовную жизнь ахеменидской Передней Азии, проявляясь особенно отчетливо в религии, где в VI—IV вв. до х.э. заметны активный синкретизм с выраженным тяготением к монотеизму или дуализму, спиритуализация образа божества и представлений о нем, усиление этического начала в религии и признание общечеловеческой значимости разработанных нравственных норм, все более очевидное обращение к отдельному человеку, индивиду, и подчеркивание значимости человеческой активности в отношении «бог–человек, человек–бог». Эти и другие новые явления религиозной жизни повлекли за собой сужение сферы сакрального или по крайней мере более четкое размежевание сферы сакрального и сферы профанного, создание четкого и нормативного учения, сочетавшегося с разработкой своеобразной религиозной «философии» с более или менее развитым категориальным аппаратом. Своеобразным проявлением этих тенденций было упоминание «Бога небесного» в официальных эдиктах персидских властей; но если для составителей этих эдиктов в царских канцеляриях в Персеполе и Сузах это был скорее всего иранский бог света и добра Ахурамазда, то в восприятии членов иерусалимской гражданско-храмовой общины это, несомненно, был их Яхве. Но универсалистская тенденция сосуществовала с партикуляристской, которая была необходимым порождением самой сущности гражданско-храмовой общины, непременным условием ее самоутверждения.

Все эти новые явления в религиозных представлениях ближневосточного человека VI—IV вв. до х.э. неизбежно влияли на его духовное творчество, по-разному проявившееся в различных ближневосточных странах, у разных ближневосточных народов. В Палестине, где уже в первой половине I тысячелетия до х.э., при несомненном наличии некоторой суммы научных знаний, бесспорном развитии изобразительного искусства и музыки, полностью преобладало словесное творчество, преобладание последнего над другими видами духовного творчества стало еще более однозначным в VI—IV вв. до х.э. Тому содействовала также нарастающая спиритуализация представлений о Боге, наступательная антиидольность яхвизма.

Словесное творчество в Палестине VI—IV вв. до х.э., равно как и в других районах обитания иудеев — в Египте, Вавилонии и других странах, осуществлялось на двух качественно разнородных, но тесно взаимосвязанных уровнях — как создание новых произведений и как оформление канона Ветхого завета.

На первом уровне продолжалось интенсивное литературное творчество, в котором, однако, заметны существенные изменения по сравнению с литературным творчеством первой половины I тысячелетия до х.э. С отмиранием пророчества после появления в VI—V вв. до х.э. сборников Иоиля, Аггея, Захарии и Малахии (если судить только по сохранившимся) исчез жанр пророческих речений. Резко снизилась также творческая активность жречества, и лишь немногие из дошедших до нас 150 религиозных гимнов — псалмов (Пс. 126, 137 и др.) — датируются рассматриваемым временем. Сказанное отнюдь не означает, что творческий потенциал жречества был исчерпан, но он интенсивнее проявлялся в составлении канона

Ветхого завета. Зато заметно активизировалось творчество писцов, которыми в VI—IV вв. до х.э. и позже были созданы такие шедевры так называемой литературы мудрости, как «Книга Иова», «Книга Товита», «Книга Притчей Соломоновых», «Книга Екклесиаста», «Книга Премудростей Соломона», и многие другие (если судить только по дошедшим до нас), в которых главным героем, а местами — единственным был человек, ставилась и решалась задача учить человека сложному умению праведно жить, подчеркивалась значимость этически правильных человеческих деяний. Подобные представления пронизывали книги «Ездры» и «Неемии», повествовавшие о создании ценой также человеческих усилий послепленной иерусалимской общины, а в «Книгах Паралипоменон», в которых во многом по-новому излагалась и оценивалась история царства Давидидов, проводилась целенаправленная демифологизация и местами десакрализация событий прошлого. Признание автономности человека и значимости человеческих деяний в этих произведениях, равно как и в исторически-дидактических рассказах-книгах «Руфь», «Эсфирь», «Юдифь» и др., отнюдь не означало отрицания роли воспринимаемого все более отвлеченным, трансцендентным Бога как установителя двух путей — «пути Яхве» и «пути сердца своего», выбор между которыми, однако, надлежит сделать человеку.

Умозрительность и «рационализм», очевидный антропоцентризм и суженность сферы божественного, акцентированная обращенность к настоящему и ориентированность на жизнь посюстороннюю, несомненное превосходство интеллекта над чувствами — все эти и другие особенности «литературы мудрости» отнюдь не удовлетворяли всех. В иерусалимской гражданско-храмовой общине и за ее пределами, в Вавилонии и других местах, родилась литература принципиально иного содержания и направленности. Речь идет о выросшей из пророческих речений эсхатологической[3], апокалиптической[4] литературе, представленной главным образом произведениями III—I вв. до х.э. — некоторыми главами «Книги пророка Даниила» и «Книгой Еноха», «Книгой Юбилеев» и «Завещанием 12 патриархов»[5] и др., оказавшими огромное воздействие на человеческую мысль, на мировую литературу. Такое воздействие эсхатологической, апокалиптической литературы определялось пронизывающей ее произведения неистовой верой во всемогущество и вездесущность всезнающего и всеопределяющего, карающего и спасающего Бога, нередко наделенного выразительной телесностью, образностью (если не сам Бог, то сонмы его помощников — крылатых ангелов и др.). Немалую роль сыграли признание охватывающего всю вселенную и всех людей противостояния и противоборства сил добра и сил зла, надежда и уверенность в окончательном торжестве на Судном дне ведомых Богом сил добра и спасении тогда слабого, ничтожного, раздираемого между добром и злом человека, конечно, только при условии полного упования последнего на Бога и полного послушания ему, отчетливая ориентация на мир потусторонний и порицание мира посюстороннего и т.д. Если к сказанному добавить яркую эмоциональность, красочную образность, обращенность к чувствам читателей многих этих произведений, то не приходится удивляться их популярности, особенно в условиях социально-политической неустойчивости и катаклизмов, потерянности человека

---

[3] Учение о «конце света».

[4] «Откровение».

[5] Последние три книги не вошли в канон Библии и потому именуются «апокрифами», т.е. «отреченными», «отвергнутыми» книгами. — *Примеч. ред.*

в подобных ситуациях, наступивших на Ближнем Востоке после VI—IV вв. до х.э., в эпоху эллинизма и, отчасти, римского владычества.

Появление столь различных, порой взаимоисключающих произведений, как «литература мудрости» и эсхатологические, апокалиптические сочинения, заметные религиозно-мировоззренческие несовпадения, иногда даже расхождения между древнееврейскими произведениями первой и второй половины I тысячелетия до х.э. и между отдельными произведениями в каждой группе — все это придавало особую актуальность продолжению уже раньше начавшегося процесса собирания и отбора произведений, составления и оформления канона Ветхого завета. Ведь в VI—IV вв. до х.э. четкое и окончательное определение сочинений, признаваемых священными, и их противопоставление тем сочинениям, которые не признавались таковыми, было гораздо более необходимым и актуальным, чем в первой половине I тысячелетия до х.э. Тогда общность жизни на одной земле, авторитет храма и жречества, власть царей и огромное влияние пророков содействовали относительной однородности в словесном творчестве; в VI—IV вв. до х.э. все — разъединенное существование в различных странах, отсутствие столь авторитетных объединяющих сил, как царская власть и движение пророков, определенная автономность новой «интеллигенции» — открывало широкие просторы для разнородности в религиозном мышлении и словесном творчестве. Этому можно и надо было противодействовать путем установления «ограждения» не только вокруг членов гражданско-храмовой общины, но также вокруг того, что они, как и все другие, верные Яхве, могли и должны были слушать и читать, т.е. путем оформления канона Ветхого завета.

Решающей вехой в этом сложном, протекавшем в острой религиозно-идеологической и социально-политической борьбе процессе было объединение в VI—IV вв. до х.э., возможно при непосредственном участии Эзры, древних и созданных сравнительно недавно сводов законов и различных повествовательных произведений — «Книги Завета», двух вариантов «Десяти заповедей», «Кодекса святости», «Второзакония», «Жреческого кодекса», яхвистского и элохистского сочинений — в так называемый «Закон» (Тора) или «Пятикнижие» (книги «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие»). «Пятикнижие», содержащее основные своды религиозных и социальных законов и предписаний, обрамленных повествованием о сотворении мира и человека, о рае и Всемирном потопе, о патриархах и пребывании их потомков в Египте, исходе происшедших от них «колен» под предводительством Моисея и их скитании в Синайской пустыне, было признано священным и нормативным сводом для всех верующих в Яхве, стало ядром Верхого завета.

Позже, около 200 г. до х.э., завершилось составление второй части Ветхого завета — «Пророков», — состоявшей из двух подразделов — «Первых пророков» и «Поздних пророков». «Первые пророки» включают уже ранее упомянутый обширный цикл исторических сочинений (книги «Иисуса Навина», «Судей» и «I—IV Царств»), а «Поздние пророки» объединяют созданные в первой половине I тысячелетия до х.э. и в VI—V вв. до х.э. сборники речений пятнадцати пророков. Наибольшие трудности и споры вызывало составление третьей части Ветхого завета — «Писаний», — оформленной только в I в. до х.э. и включающей крайне разновременные и разножанровые сочинения: состоящий из 150 культовых и царских гимнов, индивидуальных и коллективных жалобных и благодарственных песен «Псалтирь» и книгу «Плач Иеремии» из пяти псалмов о гибели государства

и храма в 587 г. до х.э.; сочинения «литературы мудрости», такие, как «Книга Притчей Соломоновых», «Книга Иова» — величественная поэма о страданиях невинного, об испытании праведности праведного, и «Книга Екклесиаста» — размышления о быстротечности человеческой жизни, о благости размеренной, радостной трудовой жизни; историко-дидактические рассказы «Руфь» и «Эсфирь» и исторические сочинения «Книга Ездры», «Книга Неемии» и «Книги Паралипоменон»; но самыми «нестандартными» составными частями «Писаний» являются восходивший, видимо, к старинным свадебным песням чувственно-эротический шедевр любовной лирики «Книга Песни Песней Соломона» и содержащая разновременные пласты и пронизанная, особенно в последних главах, сильной эсхатологической, апокалиптической направленностью «Книга пророка Даниила».

В своем окончательном виде древнееврейский канон Ветхого завета включает 43 произведения, которые представляют лишь осколок, частицу некогда обширной литературы, значительная часть которой утрачена, частично и потому, что не вошла в канон. Но некоторые из не включенных в канон произведений древнееврейской литературы, преимущественно VI—II вв. до х.э., сохранились, главным образом в переводах на греческий, арамейский и другие языки. Поскольку создание канона влечет за собой иерархическую организацию произведений литературы, в соответствии с которой центром, обладавшим высшей авторитетностью, является канон, а все остальные сочинения образуют как бы несколько концентрических кругов, авторитетность которых уменьшается по мере удаления от центра, то эти сочинения, так называемые апокрифы и псевдоэпиграфы[6] — книги «Юдифь» и «Товита», три «Книги Маккавейские» и «Книга Юбилеев», «Книга Еноха» и «Завещание 12 патриархов» и многие другие — составили как бы периферию древнееврейской литературы[7]. Именно в качестве явления маргинального эти сочинения были особенно притягательны для разных оппозиционных, неортодоксальных течений (например, для кумранитов), с неизбежностью появившихся, когда яхвизм приобрел догматическую оформленность и законченность, стал обладающей внутренней цельностью и претендующей на высшую истинность «мировой» религией — иудаизмом, знамением и воплощением которого был Ветхий завет.

Ветхозаветные сочинения, созданные на протяжении целого тысячелетия в изменяющихся исторических условиях, отличаются многогранностью содержания и идей. Вместе с тем в Ветхом завете доминирует одна тема, и эта тема — история. В Ветхом завете развернуто грандиозное полотно — от сотворения мира и человека до времен персидского господства. В центре этого полотна — история «своего» народа, но рассмотренная в общемировом обрамлении, причем историческое повествование здесь — не простое упорядочение событий, а попытка осмысления прошлого как чередования последовательных эпох или кругов, содержание которых обусловлено соответствующим Заветом (договором) между Яхве и общностями людей, причем действенность каждого «завета» зависит не только от воли Бога, но в значительной степени также от активных деяний человека.

Такое внимание к истории и такое понимание роли божества и человека в историческом процессе перекликаются с обращением греческой мысли VII/VI — V вв. до х.э. — логографов, Геродота и др. — к истории,

---

[6] «Ложно надписанные книги».

[7] Часть перечисленных здесь книг в христианских переводах Ветхого завета считаются каноническими. — *Примеч. ред.*

с их пониманием исторического процесса. И эта перекличка — не изолированное явление. Как раз наоборот, на всех уровнях и во всех проявлениях жизни Передней Азии в VI—IV вв. до х.э. обнаруживается «движение навстречу» миру греческой античности. На экономическом уровне это «движение навстречу» проявлялось в развитии на всем Ближнем Востоке товарно-денежного хозяйства и торговли, в усилении частного сектора экономики, в интенсивной урбанизации и т.д.; на уровне социальном — в заметном усложнении структуры ближневосточного общества и в возросшей в нем доле индивидуально-семейного свободного и полусвободного-полузависимого труда и др.; на уровне политическом — в возросшей значимости в системе «мировой державы» автономных, самоуправляющихся городских, гражданско-храмовых и других общин и т.д.; на уровне идеологическом — в крепнущем антропоцентризме и критическом освоении традиций прошлого, во все более четком различении мира сакрального и мира профанного и во многом другом.

Предэллинизм на Ближнем Востоке — два века в истории этого региона, когда его включенность в «мировую державу» Ахеменидов и интенсивная внутриближневосточная миграция, заметный подъем производства и относительное выравнивание уровней социально-экономического развития, расширение товарно-денежного хозяйства и интенсивная урбанизация, сочетание преобладавшего в деревнях государственного сектора экономики с господствовавшим в городах частным сектором, двойственность системы политического управления, сочетавшей центральную монархическую власть с автономией городских общин, внутриближневосточный культурный синтез и взаимо- и противодействие универсализма и партикуляризма во многих сферах духовной жизни, признание автономности и значения человеческих деяний и многие другие явления, в которых обнаруживается «движение навстречу» миру греческой античности, в своей совокупности составляли ближневосточные предпосылки эллинизма.

Глава XXVII

АЛЕКСАНДР И ЕГО ПРЕЕМНИКИ НА ВОСТОКЕ

1. ПОХОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

После подчинения Греции Филипп Македонский обратил взоры на восток, где господству Македонии на Эгейском море угрожали персы. В 336 г. до х.э. он послал в Малую Азию опытного полководца Пармениона. По-видимому, ему была дана задача захватить плацдарм у переправы через Дарданеллы, чтобы обеспечить позже переброску в Малую Азию основных сил греков и македонцев. Но в том же, 336 г. до х.э. Филипп был убит заговорщиками. На македонский престол взошел двадцатилетний сын Филиппа — Александр.

Ученик Аристотеля, получивший хорошее образование, воспитанный в аристократических традициях македонской знати, Александр уже с юных лет показал себя человеком большого государственного ума и недюжинных способностей полководца. В шестнадцать лет он в отсутствие отца управлял Македонией и подавил восстание фракийцев. В восемнадцать лет он командовал левым флангом македонцев в битве при Херонее.

После смерти Филиппа сколоченный им Коринфский союз грозил распасться. Александру пришлось привести в подчинение полисы Греции и отразить нападение племен, надвигавшихся на Македонию с севера (335 г. до х.э.). Только обеспечив себе европейский тыл, он стал готовиться к восточной кампании. Персы не приняли мер для обороны малоазийского побережья. Весной 334 г. до х.э. армия Александра под командованием Пармениона пересекла Дарданеллы, и персы не смогли организовать ей отпор. Александр, высадившийся в Илионе (древней Трое), даровал городу демократические свободы, освободил его от уплаты дани персам и затем двинулся на соединение со своей основной армией.

Армия его была невелика по размерам. Считается, что она состояла примерно из 30 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. Тяжелая и полутяжелая македонская пехота насчитывала 12 тыс. человек, включая личную царскую гвардию. Греческая армия также располагала примерно 12 тыс. гоплитов (союзников и наемников). Остальные части представляли собой легковооруженных пехотинцев и лучников. Конницу составляли восемь отрядов тяжеловооруженных (гетайров — «товарищей» царя из македонской знати) и другие, более мелкие отряды. Кроме того, у Александра было 160 военных кораблей. За войском следовали обозы и осадные отряды со своими таранами, метательными машинами и прочим. Во главе армии стояла группа ближайших соратников царя, среди которых были отличные военачальники. Хорошо была поставлена штабная работа. Существовали специальные группы разведчиков, оценивавших силы противника и топографическую обстановку. В походе велись подневные записи. Помимо этого войска сопровождали историки, философы и естествоиспытатели, работы которых впоследствии чрезвычайно расширили представление греков о мире.

Однако на первом этапе своей деятельности молодой македонский царь вряд ли помышлял о полном уничтожении Персидской державы, а тем более о мировом господстве. Отправляясь в азиатский поход, он ставил перед собой более достижимые задачи: очистить Эгейское море от персидского флота, лишить его малоазийских баз и вовлечь греческие города Малой Азии в сферу своего влияния. Но уже первое серьезное сражение показало слабость Ахеменидского государства и открыло перед Александром возможность дальнейших завоеваний.

Многочисленное войско Дария III состояло из весьма разнородных элементов, неравноценных в военном отношении. Дисциплина в войсках была слаба, у воинов не было той воли к победе, которая была характерна для маленькой, но отлично тренированной армии Александра. Дарий III, не особенно полагаясь на покоренные народы и стараясь приноровиться к греческой тактике, пытался создать регулярную пехоту, однако ему в основном приходилось полагаться на греческих наемников. Общая численность персидской армии была, видимо, значительно больше греко-македонской.

Малоазийские сатрапы Дария, узнав о приближении Александра, стали делать запоздалые приготовления к сражению. Начальник греческих наемников Мемнон советовал персам отступить, уничтожая все на своем пути и заманивая противника в глубь страны, навстречу главным силам Дария. Однако сатрапы решили дать Александру генеральное сражение на берегах р. Граник, впадающей в Мраморное море. Битва была выиграна Александром сравнительно легко. Александр оставил небольшой гарнизон из греков-союзников прикрывать дарданелльские переправы, а сам с основным войском направился на юг, к греческим городам малоазийского побережья. В Малой Азии, где олигархию поддерживал персидский царь, Александр в отличие от своего отца выступил на стороне демократии. Этим он привлек на свою сторону широкие слои населения греческих городов и создал трудности для персидского флота. Он захватил Милет и после тяжелой осады взял Галикарнас; Мемнон спасся бегством.

Александр мог теперь продолжать поход в глубь Малой Азии. Он двигался с основными силами вперед, поручая своим сподвижникам завершать очистку тылов небольшими отрядами. Зимой 334/33 г. до х.э. он провел кампанию против горных племен, не давая горцам возможности уйти в неприступные местности и заставляя держаться долин, свободных от снега. Весной он достиг Гордиона — древней столицы Фригии, где его ожидал Парменион с частью войска и обозом. Здесь Александр дал отдохнуть войску и пополнил его новыми силами, прибывшими из Македонии.

Летом 333 г. до х.э. Александр пришел в Киликию на юго-востоке Малой Азии. Закрепив за собой приморские города и оставив больных и раненых в г. Исс, он устремился через южные, прибрежные перевалы в Сирию — к главным силам персов. Тем временем Дарий продвигался навстречу ему через более северные перевалы. Разминувшись с Александром, Дарий прибыл в Исс, где нашел только оставленных Александром инвалидов и перебил их.

Македонский царь оказался в очень тяжелом положении: противник зашел ему в тыл, притом в чужой, враждебной стране. Спасти Александра могли только решительность и быстрота действий. Он вернулся к Иссу и дал персам бой (ноябрь 333 г. до х.э.). Задача персов сводилась к тому, чтобы не пропустить Александра, в то время как македонскому царю, чтобы спасти войско и судьбу всего восточного похода, необходимо было нанести персам полное поражение.

Поначалу натиск греческих наемников персидской армии в центре имел успех, но затем контратака Александра во главе гетайров смяла центр персидской пехоты. Дарий, решив, что все потеряно, пустился в бегство, хотя его полководец Набарзан заставил отступить левый фланг македонцев. Успех Александра в центре и на правом фланге и бегство Дария решили исход боя. Македонцы потеряли 450 человек, потери персов были значительны. Кроме того, в руки Александра попали мать, жена и дочери Дария и большая добыча.

В результате битвы при Иссе Малая Азия оказалась полностью потерянной для персов. До этого момента Александр, как видно, не думал о разрушении всей державы Ахеменидов, добиваясь лишь решения задач, насущно важных для существования Македонского царства. До битвы при Иссе война, несмотря на наступательный образ действий Александра, воспринималась большинством македонской знати как оборонительная. После этой битвы перед Александром встала дилемма: ограничиться ли завоеванным в Малой Азии и заняться укреплением своих позиций там или продолжить поход в глубь Азии до полного разгрома Ахеменидского царства. Александр выбрал второе.

На продолжение похода его толкали скорее всего соображения экономического порядка. В начале восточного похода состояние финансов Александра было плачевным. В его казне находилось только 70 талантов серебра, в то время как долги составляли 1300, а ежемесячное содержание войска и флота — 300 талантов. Дорогостоящая война должна была принести огромную добычу, иначе она превратилась бы в государственную катастрофу. Персидское царство славилось своим богатством, получить же его было можно, только разрушив державу Ахеменидов до основания.

Однако Александр не стал сразу же преследовать Дария, отходившего к жизненным центрам своего государства, а направился на юг, в Сирию и Финикию, поставив перед собой задачу — уничтожить базы персидского (т.е. финикийского) флота, угрожавшего греческому владычеству на море. Города Арвад и Марат достались ему без боя, так же легко Парменион захватил Дамаск, где в его руки попали обозы и походная казна Дария. Эта добыча существенно поправила финансовое положение македонцев.

В Марате Александр получил письмо от Дария, в котором тот просил вернуть ему семью и заключить договор о союзе и дружбе. Македонец ответил отказом. В своем ответе он изобразил войну как отмщение за все обиды, нанесенные персами грекам, и объявил, что уже является царем Азии и что Дарий, если хочет добиться чего-либо, должен обращаться к нему как низший к высшему. Тон письма исключал всякую мысль о примирении.

Дальнейшее продвижение Александра на юг также было удачным. Крупнейшие порты — Библ и Сидон — подчинились без боя. Однако жители Тира, надеясь на неприступность своего островного города, отвергли условия, предложенные им Александром. Начались военные действия. Осада длилась семь месяцев, и тиряне проявили чудеса мужества, но Александр, насыпав перемычку через пролив, отделявший Тир от материка, взял город (июль 332 г. до х.э.). Население Тира было обращено в рабство и продано — такой исход дела к этому времени уже стал редким на Ближнем Востоке.

Во время осады Тира Александр получил второе письмо от Дария, в котором тот предлагал 10 тыс. талантов серебра в виде выкупа за свою семью и все земли к западу от Евфрата. Александр опять ответил отказом.

После падения Тира Александр двинулся на Египет. Серьезное сопротивление он встретил только в Газе, на юге Палестины, и в ноябре 332 г. вступил в Нильскую долину. Египет никогда не имел органических связей с Ахеменидской державой и со времени первого завоевания персами при Камбизе не раз восставал против них, а с конца V в. до х.э. добился независимости. Только в 342 г. до х.э. персам вновь удалось временно овладеть этой страной.

Ненависть египтян к своим поработителям была велика. Александра ждали как избавителя, шли слухи о его египетском происхождении. Персидский наместник немедленно сдался.

Александр наладил управление страной, основал на побережье новый город — Александрию, который был задуман как противовес Финикии, и затем посетил знаменитый оракул Амона, находившийся в оазисе в глубине пустыни. Жрецы провозгласили Александра сыном Амона, признав тем самым его фараоном.

Уже весной 331 г. до х.э. он снова появляется в Тире. Отсюда, послав вперед Пармениона и приказав ему захватить переправы через Евфрат, Александр выступил навстречу Дарию III.

Персы понимали неизбежность этой схватки и лихорадочно к ней готовились. Они несколько улучшили вооружение конницы, снабдили некоторое количество колесниц лезвиями на осях колес, чтобы наносить больший урон вражеской пехоте. Однако боеспособность персидского сборного войска оставалась низкой.

Соединившись с Парменионом, Александр перешел Евфрат. Персидский авангард отступил, и македонская армия беспрепятственно переправилась и через Тигр, двигаясь к г. Арбела, где, по имевшимся данным, было сосредоточено войско Дария III. Сражение произошло 1 октября 331 г. до х.э. у селения Гавгамелы. Перед боем Александр дал своим воинам необходимый отдых. Дарий же, неуверенный в себе и своих силах, продержал свое войско всю ночь в боевой готовности, без сна.

Александр, видя численное превосходство врага и наличие у него новых мощных родов войск — колесниц и слонов, был озабочен тем, чтобы предотвратить охват своих флангов, так как линия фронта у персов была значительно длиннее, чем у македонцев. Дарий бросал в атаку сначала сакскую, потом бактрийскую конницу, затем колесницы, но сколько-нибудь заметного успеха добиться не смог. Тогда, воспользовавшись тем, что персидская линия растянулась в попытках охватить его фланги, Александр сам предпринял атаку во главе гетайров, которых он до тех пор держал в резерве. Несмотря на то что персидский военачальник Мазей на левом фланге македонцев наносил серьезные удары Пармениону, а бактрийская конница сатрапа Бесса полностью сохраняла боеспособность, Дарий опять бежал. Напрасно конница персов, прорвав македонскую фалангу, пыталась освободить и вооружить военнопленных, напрасно Мазей стремился развить достигнутый им успех — войска Дария дрогнули, и гетайры, во главе с Александром спешившие на выручку к Пармениону, довершили разгром. Отступление превратилось в бегство. Лишь бактрийская конница и греческие наемники отошли в порядке. Македонцы преследовали противника до Арбелы. Дарию и некоторым из сатрапов удалось с небольшой группой войск отойти в столицу Мидии Экбатаны.

Мазей же отступил в Вавилон, и Александр счел более важным преследовать его. Вавилоняне вышли приветствовать нового царя как освободителя. Сатрапом Вавилонии Александр назначил Мазея — первое назначе-

ние перса на такой пост. Из Вавилона Александр прошел в Сузы, а оттуда в Парс (Персиду) — родину Ахеменидов и ядро их царства. Сначала он предпринял зимний поход против местных горцев, затем без особого труда захватил обе столицы персов — Пасаргады и Персеполь. В Персеполе ему достались несметные богатства царской сокровищницы — предание говорит о сумме в 180 тыс. талантов, не считая посуды из золота и серебра и драгоценностей. Дворец Ксеркса был предан огню.

Александр выступил в Мидию; Дарий со своей свитой покинул Экбатаны и бросился в глубь Ирана. Двигаясь с большой скоростью, сопровождаемый небольшим отрядом отборных войск, Александр догнал беглецов на дороге из Мидии в Парфию. Сатрапы закололи Дария, чтобы он живым не достался врагу, а сами бежали дальше. Подоспевший Александр оказал мертвому противнику царские почести и прекратил преследование бежавших сатрапов.

После смерти Дария Александр стал считать себя законным наследником Ахеменидов и царем Азии. Но, чтобы утвердить свою власть на всем пространстве Ахеменидской державы, Александру еще предстояло замирить Восток. При этом он встретился с непредвиденными военными трудностями и с резкой оппозицией в среде своих сподвижников.

Сначала Александр стремился привлечь на свою сторону видных ахеменидских вельмож, раздавая им сатрапии на востоке, но после нескольких измен и восстаний перешел к карательным мерам. Между тем ему стало известно о заговоре, к которому оказался причастен один из главных полководцев Александра — начальник гетайров, сын Пармениона Филота. Участники заговора, как видно, принадлежали к верхушке македонской знати, которую вполне устраивало решение первых насущных задач персидской войны, длившейся без перерыва уже шесть лет. Представители оппозиции были недовольны превращением македонского царя, когда-то лишь первого среди македонской знати, в восточного деспота. При ликвидации заговора Александр впервые прибег к крутым репрессиям по отношению к своим ближайшим сподвижникам, которым в прежнее время он легко прощал многое. Филота был выдан войску, которое приговорило его к смерти и казнило. Александр же решил, что главным источником недовольства является осторожный, служивший еще его отцу Парменион. Он долго был первым помощником царя, но, после того как Александр раз за разом отвергал советы старого военачальника, а сам Парменион, командовавший при Иссе и Гавгамелах левым крылом, оба раза действовал не очень удачно, отношения между царем и полководцем ухудшились. Пускаясь в погоню за Дарием, Александр не взял с собой Пармениона, а оставил его в Мидии, поручив ему обеспечение коммуникаций. После казни Филоты Парменион становился ненадежным, и Александр подослал к нему убийц, прежде чем старик узнал о смерти сына. Такие действия Александра объясняются, как видно, чрезвычайно тяжелой обстановкой, в которую он попал на востоке державы.

Сначала во главе антимакедонского движения здесь встал сатрап Бактрии Бесс, объявивший себя царем под именем Артаксеркса IV. К нему стекались все решившие сопротивляться. Ранней весной 329 г., после серьезной подготовки своего тыла, Александр с основными силами перешел через Гиндукуш и вторгся в Бактрию. Бесс отступил в Согдиану, перейдя через Окс (Амударью). Александр последовал за ним. Здесь антимакедонское движение вступило в новую фазу. Руководителем движения становится согдийский предводитель Спитамен. Бесс отходит на задний план, а вскоре

затем попадает в руки одного из македонских военачальников — знаменитого впоследствии Птолемея Лага. Александр, как наследник Ахеменидов, обошелся с Бессом точно так, как персидские цари обходились с мятежниками: его распяли, предварительно отрезав ему нос и уши.

Бесс, претендовавший на продолжение политики ахеменидских царей, вряд ли мог быть популярен в Восточном Иране и особенно в Средней Азии. Эти области были слабо связаны с западной частью державы и всегда тяготились персидским господством. Характер развернувшейся борьбы, упорство сопротивления, методы партизанской войны, которыми пользовался Спитамен, свидетельствуют о том, что Александру в Согдиане пришлось бороться со свободными людьми, защищавшими дома и родную землю с мужеством, которого македонцы не встречали у разношерстного персидского войска. Согдийцы опирались на «крепости» и «скалы», как называют их источники, т.е. на укрепленные поселения типа центров мидийских городов-государств IX—VII вв. до х.э.; такие укрепления теперь найдены археологами.

Александр метался по Согдиане. Он захватил столицу страны Мараканду (Самарканд) и, оставив там гарнизон, двинулся к р. Яксарт (Сырдарье, которую принимал за... Дон!) с целью разобщить Спитамена и заяксартских кочевников-саков. Он расставил гарнизоны вдоль реки, основал г. Александрию Дальнюю (близ совр. Ходжента) и с большой жестокостью подавил сопротивление местного населения. В это время было получено известие, что Спитамен осаждает гарнизон в Мараканде. Александр послал на выручку осажденным небольшой отряд, а сам переправился через Яксарт и нанес кочевникам серьезный удар. Тем временем Спитамен ловким тактическим приемом заманил в пустыню отряд, шедший на помощь гарнизону Мараканды, и истребил его. Александр во главе нового, отборного отряда поспешил к Мараканде. Неуловимый Спитамен, верный своей тактике, ускользнул от удара и ушел в пустыню. Александр не стал преследовать его, но опустошил плодородную, густонаселенную долину р. Зеравшан, истребив до 120 тыс. согдийцев и многих обратив в рабство. Затем Александр вернулся в Бактрию на зимовку (329/28 г. до х.э.).

Кампания 328 г. до х.э. была целиком посвящена борьбе со Спитаменом. Александру удалось внести раскол в среду бактрийцев и согдийцев, так что в этом году в составе его армии действовали отряды бактрийской и согдийской конницы. Спитамен ушел за Окс к кочевым массагетам (в совр. Туркмению). С их конными отрядами он совершал набеги на Согдиану, однако в конце концов был разбит, снова бежал к массагетам, но был убит ими, а голова его была послана Александру.

Но и гибель Спитамена не означала еще покорения Согдианы. Нашлись новые руководители сопротивления: Оксиарт, Хориен и др. Лишь в 327 г. до х.э. ценой огромных усилий Александру удалось взять горные убежища согдийцев — последний их оплот. Война в Средней Азии отняла три года. Стремясь примириться с верхушкой знати покоренной Согдианы, Александр женился на дочери Оксиарта — Роксане.

Эти три года были для Александра тяжелыми не только из-за трудной войны в Согдиане, но и из-за грозных событий, разыгравшихся в его собственном окружении. В 328 г. до х.э., находясь в Мараканде, Александр во время ссоры на пиру убил одного из своих близких друзей, спасшего ему жизнь при Гранике, — Клита. Это происшествие вряд ли можно объяснить случайностью. Вероятно, Клит, как и многие из окружавших царя, был не-

доволен политикой Александра и затянувшейся, утомительной и, как казалось, бессмысленной войной за тысячи километров от родины. Около того же времени Александр ввел при общении с царем преклонение ниц — *проскинесис*, что вызвало раздражение македонцев и греков, для которых это было выражением рабства. Даже придворный историограф Каллисфен, племянник Аристотеля, в своем описании похода всячески восхвалявший царя, уклонился от выполнения нового обряда. На беду, вскоре был раскрыт заговор юных телохранителей царя, происходивших из знатнейших македонских фамилий и носивших звание «царских детей». Каллисфен был схвачен по подозрению в соучастии с заговорщиками и вскоре умер в заключении.

В такой сложной обстановке Александр предпринял свой последний — индийский поход. Не вызванный никакой необходимостью, он может быть объяснен отчасти желанием завладеть царством Дария I во всем его объеме, отчасти же прямым авантюризмом и желанием дойти до «конца земли», который, по представлениям того времени, должен был находиться где-то сразу за р. Инд.

Поход начался в 327 г. до х.э.; Александр встретился со многими трудностями, однако нанес жестокое поражение индийскому царю Пору и продолжал продвижение за Индом на восток. У р. Биас в 326 г. до х.э. произошло наконец то, чего можно было давно ожидать: измученные воины отказались идти дальше.

Александру пришлось начать обратный путь. По дороге не раз происходили стычки с местным населением. Во время штурма одной из крепостей Александр был тяжело ранен. В авангарде на запад был направлен Кратер, заменивший теперь Пармениона. С ним двинулись часть войска, обозы, раненые и больные. Александр прошел далее на юг до Патталы, где был снаряжен флот, который, по смелой мысли Александра, должен был пройти от устья Инда до устья Евфрата, — идея возникла на основании теоретических построений, так как о существовании этого морского пути никто из окружения Александра ничего толком не знал. Руководство флотом было поручено опытному мореходу Неарху. В октябре 325 г. до х.э. Неарх вышел в океан и направился на запад. Александр с отборными войсками пустился в обратный путь еще в сентябре, двигаясь примерно вдоль берега и держа направление на Персеполь.

Этот путь был исключительно труден. В сожженных солнцем пустынях Александр оставил более половины своего войска. Нелегко пришлось в неизвестных водах и Неарху. Но наконец на подступах к Сузам Александр увидел весь свой флот, подымавшийся навстречу ему вверх по реке (в начале 324 г. до х.э.).

Весну и лето Александр провел в Сузах. Отсутствие царя в центральных областях только еще сколачиваемого государства в течение пяти с лишним лет не могло не сказаться. Назначенные Александром сатрапы вели себя независимо, беззастенчиво грабя население, и даже в центральном аппарате господствовали своеволие и коррупция. Удивительно, что за все эти годы держава вообще не распалась; это указывает на то, что ее существование отвечало реальным потребностям времени. Теперь завоевательные походы были закончены, и Александру предстояло управлять этим огромным и неустроенным государством.

Александру казалось, что решение этой сложной задачи должно состоять в слиянии завоевателей с завоеванными. Сам он женился на Статире, дочери Дария III, и на Парисатиде, дочери Артаксеркса III, и чрезвычайно

поощрял смешанные браки среди своих приближенных и воинов. Так, он роздал свадебные подарки 10 тыс. солдат, женатых на персиянках. Кроме того, царь стал набирать в свое войско иранских юношей и обучать их по македонскому образцу.

Стремясь привлечь на свою сторону определенные круги иранского общества и поощряя смешение македонцев и иранцев, Александр в то же время сурово расправлялся с сатрапами-персами, проявлявшими в его отсутствие чрезмерную самостоятельность. Теперь почти во все области были назначены македоняне. Это как нельзя лучше характеризует двойственность политики Александра в Азии.

Конец лета и осень 324 г. до х.э. царь провел в Экбатанах. В это время он потребовал от греческих городов обожествления своей особы. Хотя такое требование и встретило некоторое противодействие в Элладе, но гораздо большее впечатление произвел другой приказ: вернуть политических эмигрантов. Этот приказ греки рассматривали как незаконный, ибо Александр, будучи военным руководителем Коринфского союза, формально не имел права вмешиваться во внутренние дела греческих полисов. И хотя в начале 323 г. до х.э. представители греческих городов прибыли в Вавилон (который Александр избрал своей новой столицей), чтобы возложить на царя золотые венки, как на божество, возвращение эмигрантов встретило серьезное сопротивление.

Зимой 324/23 г. до х.э. Александр предпринял кампанию против горного племени касситов (античные источники называют их коссеями) для обеспечения безопасности пути из Вавилонии в Иран. Затем он занялся планированием морской экспедиции вокруг Аравии в Египет и проектами колонизации побережья Персидского залива. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В начале июня 323 г. до х.э. Александр заболел и вскоре умер. Войско прощалось с умирающим царем, проходя через царский зал во дворце Навуходоносора II, где на тронном возвышении было поставлено ложе Александра.

В десятилетний срок Александром Македонским было создано грандиозное государство, простиравшееся от Египта до берегов Инда, от Черного моря на севере до Персидского залива на юге. Естественно, личность Александра, его огромные военные успехи привлекали к себе внимание историков как в древности, так и в новое время. Но в оценке его деятельности и сейчас нет единодушия.

Мировая держава Александра Македонского после его смерти распалась, но распалась на довольно большие части, каждая из которых представляла собой не полис и не союз полисов, а обширное монархическое объединение, включавшее многие полисы как органическую составную часть. Эти дочерние государства, хотя границы их были очень неопределенны, в своей основе смогли просуществовать довольно продолжительное время.

Победное шествие Александра на Восток, а также возникновение новых, «эллинистических» государств были подготовлены всем ходом предшествующего развития как самой Греции, так и стран Ближнего Востока. Необходимо было создать общественно-экономическую структуру, где были бы обеспечены частная собственность и частное производство без произвольного вмешательства со стороны царской власти, с определенными, более или менее единообразными гарантированными правами политической автономии, но в то же время где был бы обеспечен свободный доступ к источникам сырья и к межобластному товарному рынку. Такой структурой

и была эллинистическая монархия, опирающаяся на сеть автономных полисов.

Автономия города или храма — создание некоего государства в государстве — всегда имела идеологическое обоснование и облекалась в совершенно определенные идеологические формы. Естественно, что греческий полис должен был нести с собой и греческие формы идеологии и культуры, как обоснование своего существования. Вместе с полисом должна была прийти и эллинизация культурной жизни. И если она не пустила на Востоке по-настоящему глубоких корней, то только потому, что была ограничена миром привилегированных городов.

Обширное градостроительство в странах Азии, проводившееся Александром и его преемниками, не может быть объяснено одной лишь греческой колонизацией — для заселения всех этих городов не хватило бы жителей всей Греции: ранее преуменьшалось значение эллинизации известной части местного населения. Помимо иранских воинов и знати, непосредственно влитых в состав греко-македонского войска, эллинизации подвергались, вероятно, и многочисленные местные жители — примкнувшие к обозам торговцы-поставщики, обслуживающий люд, жители разрушенных городов, дети греко-македонцев от местных женщин. Часто жители захваченных городов насильственно переселялись в основанные царями полисы; иногда переселение «варваров» было добровольным; известны случаи, когда город целиком заселялся путем перемещения части граждан старых городов.

Западная Азия перед завоеванием Александра достигла такой ступени развития, когда ей нужен был новый тип политической организации; конкретно-исторические условия были таковы, что носителями этого нового типа организации оказались завоеватели — греко-македонцы. Процесс был двусторонним: восточный мир, не выработав нужных ему форм рабовладельческого строя, уже создал военно-административное объединение в виде «мировых» держав; греческий мир создал высокоразвитое товарное рабовладение и полис, но в своем прежнем виде система полисов испытывала кризис — нужно было военное объединение. Результатом стали завоевания Александра Македонского и возникновение того конкретно-исторического явления, каким в области культуры явился эллинизм — взаимопроникновение греческих и ближневосточных элементов культуры.

2. НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА

Александр не смог обеспечить создание единого народа «персоэллинов», о котором он мечтал, ни даже обеспечить целостность созданного им государства. Но он содействовал созданию новых, более гибких политических форм на Ближнем Востоке. Первым важным шагом Александра, способствовавшим упрочению центрального правительства, было разделение власти в сатрапиях. Ставя в Иране на первых порах сатрапов-персов, Александр лишал их финансовой и военной власти. Наряду с сатрапом назначался специальный военачальник, а сбор налогов и все другие финансовые вопросы были поручены особому чиновнику, подчинявшемуся не сатрапу, а главному казначею, ответственному только перед царем. Должность главного казначея при Александре занимал Гарпал, не оправдавший царского

доверия и при известии о возвращении Александра из восточного похода бежавший на запад со значительной частью казны.

У сатрапов было отнято право чеканить монету, которым они пользовались при Ахеменидах. Лишь Вавилон да некоторые финикийские и киликийские, а также греческие города продолжали еще чеканить монету самостоятельно. Царь не только взял в свои руки чеканку монеты, но и произвел существенную денежную реформу, перейдя целиком на серебряную основу и объединив аттическую денежную систему с ахеменидской. Введенная Александром серебряная драхма привилась на Востоке и с некоторыми видоизменениями просуществовала много столетий. Эти финансовые меры способствовали объединению государства и упрочению экономических, а следовательно, политических и культурных связей между отдельными частями обширного государства. Росту производства содействовало и то, что огромные сокровища Ахеменидов, лежавшие в казне мертвым капиталом, были при Александре пущены в оборот.

Важной стороной деятельности Александра в покоренных областях было градостроительство. Традиция приписывает ему основание 70 городов, но цифра эта, вероятно, преувеличена (нам сейчас известно об основании им около десятка). Не все основанные Александром «города» были действительно городами — большей частью это были македонские военные поселения, колонии, находившиеся на царской земле, лишь впоследствии получившие полисные права; в ряде случаев мы имеем дело не с основанием нового города, а с расширением старого восточного города и предоставлением ему полисных прав. Во всяком случае, при Александре на Востоке появляется много новых центров городской жизни — от Александрии в Египте до Александрии-Опианы на восточном берегу Инда. Новые города основывались на важных стратегических и торговых путях и служили связующим звеном между сатрапиями. Политически они подчинялись наместникам, назначаемым Александром, и, по-видимому, сатрапам. Градостроительная политика Александра преследовала главным образом военные цели, но значение ее вышло далеко за пределы замыслов завоевателя; эта политика в еще более внушительном масштабе и планомерно проводилась его непосредственными преемниками, так называемыми *диадохами*, и позднейшими эллинистическими царями, являясь важнейшей опорой их государственной системы.

За армией Александра последовали тысячи греческих торговцев и ремесленников в надежде на выгодные предприятия в новых странах. Большинство их осело в создавшихся городах, передавая свой богатый опыт и основывая ранее здесь неизвестные отрасли торгово-промышленной деятельности, а их старые связи с греческими торговыми центрами способствовали расширению товарного обмена между Ближним Востоком и Грецией. Расширению экономических и торговых связей содействовали также географические открытия, сделанные во время походов, и налаживание новых торговых путей. Проникновение греческого языка, образованности, искусства на Восток создало в дальнейшем основу для возникновения синкретичной по форме культуры эллинизма. Держава Александра к моменту его смерти состояла из разнородных областей, мало связанных между собой. Прежде всего это была старая Македония, сохранявшая все эти годы под управлением царского наместника Антипатра свой прежний жизненный уклад. Затем шли зависимые от Македонии полисы европейской Греции, где многие еще мечтали о полной самостоятельности. Малая Азия резко делилась на несколько зон. Греческие полисы западного побережья тя-

готели к Европе и, несмотря на многолетнее господство там персов, мало чем отличались от своих европейских собратьев. Города южного побережья представляли совсем иной тип как в социальном, так и в политическом отношении, вероятно больше походя на финикийские города. Центральные и северо-восточные районы, населенные фригийцами и лувийскими народностями, по существу, не были покорены Александром, равно как армяне, а также различные закавказские и прикаспийские народы и племена. Некоторые из них номинально признавали власть Александра, другие же остались совершенно независимыми. Египет, мало связанный с Ахеменидской державой, и при Александре сохранял почти полную самостоятельность. Финикия и Сирия, несмотря на трагическую судьбу Тира, продолжали, как и при Ахеменидах, играть важную роль посредников между Западом и Востоком и поэтому мирились с македонским завоеванием.

По мысли Александра, Месопотамия должна была стать центром новой державы, а Вавилон — ее столицей. В этом отношении он был прав. Конечно, Месопотамия, старый культурный центр Ближнего Востока, соединенный караванными путями с Ираном, Кавказом и Средиземноморьем и водными — с Персидским заливом, Аравией и Индийским океаном, была естественным экономическим и политическим центром всех больших ближневосточных держав вплоть до средневековья.

Дальше на восток простирались обширные пространства Иранского плато, населенные различными племенами, в большинстве своем стоявшими на более низком по сравнению с завоевателями уровне общественного развития. Многие из этих племен, особенно на востоке Ирана и в Средней Азии, отнюдь еще нельзя было считать покоренными окончательно.

Вкрапленные в эту «варварскую» (по греческой терминологии) стихию малочисленные гарнизоны, состоявшие главным образом из греков, а не македонцев, чувствовали себя очень неуверенно и часто стремились покинуть негостеприимные места. Восстания гарнизонов начались уже после смерти Александра.

Обширные восточные области государства, столь разнородные по населению, уровню общественного развития, экономическим связям, было трудно удержать в составе одного государства. Тем более безнадежна была лелеемая Александром идея создания единого народа смешением этих разнообразных племен и этнических групп с количественно ничтожным греко-македонским элементом.

Александр, умирая, не оставил наследника, да если бы он это и сделал, то вряд ли любому наследнику, кто бы он ни был, удалось удержать в руках такое наследство. Управление Македонией осуществлялось Антипатром, а хозяином в Вавилоне оказался Пердикка, старший из командиров конницы. В его руках находились оба царя, в результате компромиссного решения провозглашенные войском, — Филипп Арридей, слабоумный сын Филиппа Македонского, и новорожденный Александр, сын Александра и Роксаны, дочери Оксиарта. Пердикка командовал большей частью войска и располагал казной. Кратер, ближайший военный помощник Александра, отправился со своими ветеранами в Грецию, где Антипатр терпел поражение в войне против поднявшихся греческих городов. По решению ближайших сподвижников Александра, принятому в Вавилоне, было произведено перераспределение сатрапий. При этом многие сатрапы (Пифон в Мидии, Птолемей Лаг в Египте) уже вынашивали сепаратистские планы. Пердикка, по-видимому, стремился сохранить целостность державы Алек-

сандра и старался сурово подавлять попытки отдельных сатрапов приобрести независимость. Во время такого похода против коалиции сатрапов (Антипатра, Антигона Одноглазого, Птолемея) Пердикка был убит собственными солдатами (321 г. до х.э.).

После гибели Пердикки на совещании в Трипарадейсе (Сирия) верховным правителем был избран Антипатр, а сатрапии были снова перераспределены. Антигон, сатрап Фригии, был назначен главнокомандующим в Азии, Пифон — в «верхних сатрапиях» (т.е. главным образом в Иране), Селевк, один из самых способных военачальников Александра, получил Вавилон. Распределены были и другие восточные сатрапии. Вне этого распределения остался Евмен из Кардии, бывший секретарь Александра, а также брат Пердикки, Алкет, занявший враждебную позицию по отношению к Антипатру.

После совещания в Трипарадейсе Антипатр вернулся в Европу, увозя с собой обоих царей, и, по существу, устранился от азиатских дел. В 319 г. он умер, и после его смерти центробежные силы дали себя знать еще сильнее. Уже никто из бывших сподвижников Александра не думал о том, чтобы сохранить или восстановить державу в ее прежнем объеме, хотя бы по видимости. Каждый старался ухватить для себя кусок побольше и получше, округлив свои владения за счет соседей.

В 317 г. разгорелась борьба между Пифоном, сатрапом Мидии, желавшим подчинить себе весь Иран, и коалицией других восточных сатрапов. Пифон обратился за помощью к Селевку, сатрапу Вавилонии. В это время на Востоке появился Евмен, который действовал от имени обоих царей, находившихся под надзором Полиперхона, заменившего в Македонии Антипатра. Селевк и Пифон выступили против Евмена и призвали на помощь Антигона, самого значительного из всех претендентов на власть в Азии и смертельного врага Евмена. В двух битвах Антигон вынужден был оставить поле боя за Евменом. Но он продолжал борьбу и в третий раз на иранской земле сразился с Евменом. На этот раз неудачу потерпел Евмен. Его погубила измена «серебряных щитов» — так называлась отборная македонская воинская часть, которая вместе с охраняемой ею казной была решением Полиперхона передана в ведение Евмена. «Серебряные щиты» выдали своего начальника Антигону, который казнил его. Антигон оказался самым могущественным человеком в Азии. В 316 г. он произвел новые перетасовки в восточных сатрапиях, убил Пифона, своего бывшего союзника; Селевк бежал в Египет к Птолемею.

Сатрапы не на шутку испугались усиления Антигона и создали против него сильную коалицию, куда вошли не только восточные сатрапы, но и Птолемей, Кассандр, правивший на Балканском полуострове, Лисимах, сидевший в западной Малой Азии. Ни одна из сторон не смогла получить в борьбе решительного превосходства, и в 311 г. был заключен мирный договор. По этому договору Кассандр получил европейские владения, кроме Фракии, которая досталась Лисимаху, Птолемей остался хозяином Египта, а Антигон — Азии.

В прямом выигрыше, не участвуя в договоре, оказался Селевк, который, воспользовавшись трудностями, возникшими у Антигона на Западе, и поражением, нанесенным Птолемеем под Газой (Палестина) сыну Антигона Деметрию Полиоркету, вернулся в свое прежнее владение — Вавилон — и прочно обосновался там (312 г. до х.э.). С этого момента начинается селевкидская эра, летосчисление, употреблявшееся на Востоке в течение более тысячи лет (оно ошибочно называлось здесь «эрой Александра»).

Таким образом, между государством Антигона, центром которого была Малая Азия, и Ираном легла подвластная Селевку Месопотамия. Борьба на Западе не давала Антигону возможности контролировать сатрапов, сидевших восточнее Евфрата. В битве под Ипсом в Малой Азии Антигон был разгромлен и убит (301 г. до х.э.). Реальная власть не только в Месопотамии, но и в Иране все больше переходит к Селевку, что еще раз показывает ведущее значение Месопотамии на Ближнем Востоке в древности. Селевк оказался основателем самой значительной из эллинистических держав — Селевкидского царства. Его власти уже не могла поколебать война между претендентами на гегемонию в Греции, в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, которая продолжалась еще двадцать лет после битвы при Ипсе.

Глава XXVIII

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

К началу III в. до х.э. на территории бывшей Персидской державы сложились новые государства, самым крупным из которых была держава Селевкидов, основанная полководцем Александра Селевком. Мидия, Персида, Месопотамия, Северная Сирия, часть Малой Азии входили в это царство; индийские владения Селевк потерял еще в конце IV в. до х.э.

Селевкиды вели непрерывные войны то с одним, то с другим государством. Сам Селевк I был убит во время военного похода, предпринятого им для овладения Фракией и Македонией. При его преемниках начались длительные войны с Птолемеями за Южную Сирию. В 262 г. до х.э. правитель крепости Пергам (северо-западная Малая Азия) объявил себя царем: возникло Пергамское царство, где правила еще одна македонская династия — Атталиды. Образовались также и небольшие царства, управлявшиеся местными династиями, например Вифиния и Каппадокия в Малой Азии. В первой половине III в. до х.э. в Малую Азию через Балканский полуостров вторглись племена галатов (кельтов), с которыми эллинистическим правителям пришлось вести упорную борьбу. Антиох I оттеснил галатов во внутренние районы Малой Азии. Затем крупную победу над ними одержал пергамский царь Аттал I (241—197 гг. до х.э.); владения галатов были ограничены северными районами Фригии. Около середины III в. до х.э., во время царствования Антиоха II, от державы Селевкидов отделились восточные области — Бактрия и Парфия.

Владения Селевкидов вновь расширились при Антиохе III (223—187 гг. до х.э.), одном из самых талантливых эллинистических правителей. Особенностью его политики была опора не только на греков, но и на древние местные самоуправляющиеся центры, что обеспечило ему поддержку достаточно широких слоев населения в разных областях его царства. В армии Антиоха III сражались кроме греков и македонян представители многочисленных племен и народов, входивших в его державу. Он присоединил новые территории в Малой Азии, завоевал часть Армении, одержал победу над царем Бактрии Евтидемом. Антиох III вел очередную (четвертую) войну с Египтом за Сирию. В этой войне он потерпел поражение в 217 г. до х.э. в битве при Рафии. Но затем, воспользовавшись внутренними смутами в Египте и заключив союз с Македонией, он занял часть Южной Сирии, Финикию и Палестину. В это время в дела Восточного Средиземноморья вмешивается Рим: римляне объявили войну Антиоху III. После его поражения при г. Магнесия (Малая Азия) в 190 г. до х.э. римляне отобрали у Антиоха III часть его владений, которые были поделены между союзниками Рима. В их числе ряд малоазийских областей получил Пергам. Первая половина II в. до х.э. была временем наивысшего расцвета Пергамского царства.

Большинство сведений по экономической истории Западной Азии III—I вв. до х.э., которыми мы располагаем, относится к царству Селевкидов и Пергаму, но ряд общих черт, присущих их экономическому и соци-

альному строю, позволяет характеризовать общественную структуру и других эллинистических государств.

Уже во время походов Александра и борьбы его полководцев наметилось деление на собственно царскую землю и земли городов — самоуправляющихся гражданских коллективов. Преемники Александра продолжали эту политику. В царстве Селевкидов существовал фонд царской земли, созданный прежде всего за счет владений, отобранных у персов, и за счет племенных территорий; значительные земельные владения находились под контролем полисов, гражданско-храмовых общин, местных династов. Из-за разнородности областей, входивших в их державу, Селевкиды не имели возможности создать единую организацию хозяйства и управления, подобную птолемеевской. Хотя их царство делилось на сатрапии (во главе со *стратегами*), внутри сатрапий сохранялись местные организации; свои распоряжения Селевкиды официально адресовали городам, династам, храмам и племенам.

Все население и все земли (за исключением отдельных крупных владений вельмож, полученных ими от царя, и земель ряда городов) были обложены налогами. Земледельцы, обрабатывавшие царскую землю, назывались «царскими людьми» (*лаой*); они жили деревнями, и цари облагали налогом деревни-общины в целом. Мы не знаем, был ли налог однотипен по всей Западной Азии; вероятно, он менялся в зависимости от местных условий; в надписи из района Сард (Малая Азия) упоминается денежный налог, уплачиваемый деревнями в царскую казну. Взносы разных деревень сильно различались — в соответствии с количеством земли и населения (так, три деревни вместе платили ежегодно 50 золотых, а четвертая деревня — одна 57 золотых). В Пергамском царстве существовало денежное подушное обложение жителей деревень. Денежная форма налога приводила к тому, что убытки в случае неурожая падали только на земледельцев. Они продавали сельскохозяйственные продукты на городских рынках, что из-за колебания в ценах, урожае, отдаленности ближайшего рынка вело к расслоению среди земледельцев. «Царские люди» были прикреплены не к своему участку земли, а к общине — в качестве налогоплательщиков; из-за тяжести налогов они иногда бежали из своих деревень. Цари не возвращали земледельцев силой; во всяком случае, об этом нет никаких свидетельств. Переселившиеся земледельцы оставались членами своей общины: по отношению к центральной власти они выступали как «царские люди», а во всех других отношениях — как *кометы*, общинники. Кроме древних общин в эллинистических государствах возникали и новые деревни-общины из переселенцев. Среди жителей одной такой новой деревни — Панну, расположенной на царской земле в Малой Азии, были люди и с местными, и с греческими именами (последние, вероятно, бывшие наемники или беглецы из греческих городов). Объединение их в общины диктовалось как особенностями мелкого хозяйства, так и фискальными соображениями.

Деревни еще с доэллинистических времен имели общинное самоуправление. Но в III—I вв. до х.э. деревенские общины начинают принимать постановления и фиксировать их в надписи на камне. В этом отношении интересно постановление двух деревень из владений Селевкидов в Малой Азии III в. до х.э. Деревни находились на земле крупного царского чиновника, управителя округа; деревни воздают почести ему и его подчиненным за то, что те выкупили из плена жителей деревень. Постановление сформулировано по образцу полисных декретов: в честь «благодетелей» должны

устраиваться празднества, приноситься жертвы; им и их потомкам даруется право сидеть в первых рядах во время общедеревенских торжеств. Таким образом, традиционные общинные организации воспринимали греческие формы самовыражения, конституировались на основе не только обычного права, но и писаных постановлений. Аналогичные постановления (правда, массовыми они станут только в римское время) появляются и в других районах эллинистических государств. Возможность издавать совместные решения от имени общины, возлагавшие определенные обязанности на весь коллектив в настоящем и будущем, должна была привести к росту коллективного самосознания, чувства солидарности, активизировать деятельность общинников.

Значительную часть царской земли Селевкиды передавали своим служащим, приближенным, родственникам. Земли, полученные за службу, не были собственностью их владельцев и могли быть царем отобраны: так, в одной надписи говорится о сирийской деревне Байтокайка, которую царь передает храму и которой раньше обладал некий Деметрий. В ряде случаев владелец участка царской земли собирал денежную подать с деревень и выплачивал ее в царскую казну; земледельцы, кроме того, были обязаны в пользу владельца денежными податями и трудовыми повинностями. Существовали крупные вельможеские владения, которые были фактически независимы от царской администрации, пользуясь определенным иммунитетом. В этом отношении характерна переписка царя Антиоха III со стратегом Южной Сирии Птолемеем (перешедшим на сторону Селевкидов); Антиох оставил за ним все его прежние поместья и добавил новые. Царь дает распоряжение своим чиновникам, чтобы все торговые сделки внутри владений Птолемея производились под контролем агентов вельможи, освобождает его деревни от постоя, запрещает налагать штрафы на имущество его людей и выводить их на работы за пределы его владений.

Среди царских приближенных имелись люди, не занимавшие определенных должностей, но носившие почетный титул «друг царя» или «друг и родственник царя». Иногда они были гражданами городов и через них осуществлялась дополнительная неофициальная связь между царем и полисом. Таких приближенных царь также наделял землей, причем они имели право приписать свою землю к какому-либо полису, т.е. полностью изъять ее из-под контроля царской казны. Этим же способом Антиох II вознаградил свою жену Лаодику, с которой он разошелся для того, чтобы вступить в брак с дочерью Птолемея II. Он продал Лаодике в Малой Азии деревню со всеми угодьями и укрепленным домом; под власть Лаодики перешли также и люди (лаой), происходившие из этой деревни, но переселившиеся ранее в другие места. Лаодика при этом была освобождена от налога в царскую казну и получила право приписать землю к любому полису. Кроме того, Антиох II передал Лаодике и своим сыновьям от нее земли в Вавилонии, которые были приписаны к вавилонским городам. О положении земледельцев на приписанных к городу землях ничего не известно. Термин *лаой* в городских документах не встречается. Вероятно, их положение приближалось к положению других земледельцев-неграждан, а зависимость от владельца земли выражалась в уплате подати.

На землях, переданных частным лицам, кроме земледельцев-общинников работали рабы; они могли жить в тех же деревнях, что и общинники, в отдельных домах. Используя рабов в своих хозяйствах, землевладельцы приспосабливались к господствующей форме организации труда на своих землях. Землевладельцу не было смысла создавать дорогостоящий аппарат

контроля и принуждения (содержать надсмотрщиков, учетчиков и т.п.): живя в деревне, рабы подчинялись общинному распорядку и контролю.

Рабы использовались также в царском хозяйстве, в частности в хозяйстве пергамских царей Атталидов. Владея компактной территорией, Атталиды имели возможность наладить более четкую систему управления, чем Селевкиды, хотя и пергамские цари опирались на греческие полисы и местные храмовые организации. Сплошные массивы царских земель (в Пергамском государстве было меньше, чем у Селевкидов, крупных городов, земли которых вклинивались бы в царские), сосредоточенность ремесла главным образом в одном центре — г. Пергам — позволяли царям осуществлять постоянный контроль над трудом рабов. Вероятно, за долги государству общинников обращали в царских рабов, а не продавали с аукциона частным лицам, как в птолемеевском Египте.

И в царстве Селевкидов, и в Пергаме значительная часть царской земли использовалась для организации военно-земледельческих поселений воинов-катеков. Земля выделялась поселению в целом, а затем уже распределялась между поселенцами в зависимости от их положения в армии. Катеками в царстве Селевкидов были в основном греки и македоняне. С течением времени ряд военных поселений получил статус полиса, при этом иногда происходило их объединение с местными самоуправляющимися коллективами. Так, в Гирканской долине в Лидии жили гирканцы, переселенные туда персами с берегов Каспийского моря; они образовали самоуправляющееся объединение вокруг храма Артемиды. С этим объединением слилось македонское военное поселение: объединенная гражданская община стала называться «полис македонцев-гирканцев».

Из военного поселения, по всей вероятности, вырос и полис на берегу Евфрата, известный под двойным (местным и греческим) названием Дура-Европос. Греко-македонские воины, составившие первоначально основное население Дура-Европос, были наделены землей. Они могли продавать свои наделы, хотя эти участки формально считались собственностью царя: в случае отсутствия наследников *клер* (надел) возвращался в царскую казну. Дура-Европос представлял собой крепость, контролировавшую торговые пути по Евфрату. В крепости находились представители центральной власти: стратег — начальник гарнизона, *эпистат* (чиновник, «надзиравший» за внутренней жизнью города), царские служащие, следившие за торговлей и взимавшие пошлины в пользу царской казны. На земле, приписанной к Дура-Европос, как это видно из более поздних документов, были также и деревни с местным населением. Во II в. до х.э. Дура-Европос перешел под власть Парфии.

Пергамские цари наряду с греками и македонянами в качестве воинов привлекали выходцев из местных народностей (например, мисийцев). Согласно письму одного из пергамских царей, военным колонистам (катекам) за службу давались участки необработанной земли и виноградники. За эту землю катеки платили $^1/_{20}$ с зерна и $^1/_{10}$ с остальных плодов. Взимая часть урожая, а не твердую плату, царь делил с катеками убытки в случае стихийных бедствий. Кроме того, желая поощрить разведение нужных сельскохозяйственных культур, царь жаловал колонистам свободную от налогов землю для разведения оливковых деревьев. Помимо клеров, полученных за военную службу, катеки могли покупать землю у царской казны. Бездетные катеки имели право завещать свои наделы. Впоследствии земли в пергамских катекиях, как и в военных поселениях Селевкидов, стали покупаться и продаваться.

В целом на протяжении III—II вв. происходит постепенное сокращение собственно царского земельного фонда — не только за счет передачи земли в частные руки, но и за счет перехода царской земли к городам.

Город как организация свободных граждан, обладавших определенными экономическими и политическими привилегиями, играл важную роль в общественной структуре стран Передней Азии периода эллинизма.

К старым греческим и восточным городским центрам преемники Александра прибавили много новых. Есть сведения, что Селевк I основал 33 города. Разумеется, большинство городов было выстроено не на пустом месте. Обычно выбиралось какое-либо местное поселение, удобно расположенное в военном и торговом отношении, его расширяли, перестраивали, объявляли полисом и переименовывали в честь царя-основателя или его родственников: так появились Селевкии, Антиохии, Апамея, Стратоникея (две последние названы по имени цариц) и т.п. В этих городах селились македонские ветераны, греческие колонисты, гражданами их становилось местное население — или жившее здесь раньше, или переселенное из окрестных местечек. Наиболее развитые гражданско-храмовые общины (например, в Вавилонии, Палестине) сохраняли свою структуру, а их положение по отношению к царской власти во многом приравнивалось к положению полисов.

Развитие городов не было только результатом государственной политики. Этот процесс начался в доэллинистический период и продолжался в течение ряда последующих веков; царям часто приходилось признавать существующее положение, даруя тому или иному выросшему городу статус полиса. Такие названия полисов, как «Лошадиная деревня», «Священная деревня», показывают, что некоторые города возникали из деревень. Каждый самоуправляющийся гражданский коллектив имел под своим контролем определенную территорию. С подчиненных им городов цари взимали налоги — денежные или натуральные (последние традиционно составляли десятину).

Политические отношения царя и полисов были своеобразны. Монархия Селевкидов не воспринималась греками как территориальное государство в современном смысле. Жители страны, подчинявшейся царскому управлению, считались подданными Селевка, Антиоха и т.д. Царская власть Селевкидов носила, таким образом, по отношению к полисам личный характер; официальным обозначением державы в надписях служило выражение «такой-то царь и его подданные».

Кроме полисов и гражданско-храмовых общин внутри эллинистических монархий существовали территории, находившиеся под управлением наследственного жречества; цари признавали внутреннюю обособленность таких территорий (например, Пессинунта в Малой Азии), но взимали с них налоги в царскую казну и в известной степени контролировали их деятельность. Полисы стремились включить соседние храмовые территории в свою округу, и цари способствовали им в этом. Так, известен длительный спор г. Миласа с жрецом храма в местечке Лабраунда: каждая из сторон претендовала на управление этим местечком. Наконец, Селевкиды (а затем и вторгшийся в эти районы македонский царь Филипп V) утвердили присоединение Лабраунды к Миласе.

Цари — и Селевкиды, и Атталиды, и представители местных династий — увеличивали земельные владения городов путем дарений и продажи царской земли, а также путем присоединения более мелких городов к более крупным. Создание крупных городских центров облегчало взимание

податей, поскольку с городских территорий подать собирали полисные должностные лица, которые затем часть ее передавали в царскую казну. Но поддержка царями городов объясняется не только финансовыми соображениями: традиционная городская гражданская община была наиболее удобной формой организации свободного населения в среде зависимых эксплуатируемых земледельцев. Эти организации в период укрепления эллинистических монархий (III в. до х.э.) служили опорой царя и проводником его воли. Цари стремились поставить внутреннюю жизнь города под свой контроль, методы которого были различны: помещение военных гарнизонов, непосредственный надзор с помощью специальных чиновников-эпистатов, находившихся в городах; письма-распоряжения царей, адресованные городам. Существовали и косвенные методы вмешательства: города даровали (не всегда по собственной воле) права гражданства македонским военачальникам, царским приближенным («друзьям царя»); эти люди оказывали влияние на политическую жизнь городов, проводя царскую волю.

В государстве Селевкидов получает распространение, хотя и в меньшей степени, чем в Египте, царский культ. Цари стремились установить династический культ, заявив о происхождении Селевкидов от бога Аполлона: они основывали святилища царя и цариц, устанавливали особые жреческие должности. Подобный культ должен был подкрепить права династии на власть; кроме того, он объединял людей из македонского окружения царя, потерявших связь со своими «отеческими богами». Иную роль играл царский культ в полисах: там он олицетворял связь города с личностью царя; полисные культы не носили общегосударственного характера: цари, Селевкиды и Атталиды, почитались только в том городе, где их культ был установлен решением народного собрания (как правило, они почитались вместе с божеством-покровителем города). Полисы, таким образом, поклонялись царю-богу, но богом его признавал гражданский коллектив, сохранявший (хотя бы номинально) высший суверенитет — даже по отношению к божеству. Помимо политических мотивов в установлении царских культов играли роль благодарность за благодеяния и вера в сверхъестественные способности правителей (особенно тех, кто одерживал победы над своими противниками), надежда обрести в них богов-покровителей вместо прежних, терявших доверие полисных богов.

В период расцвета державы Селевкидов, длившийся до начала II в. до х.э., сравнительно прочный союз центральной власти с городами, использование катеки для контроля над сельской территорией обеспечивали планомерную эксплуатацию масс сельского населения. В этот период можно проследить известный рост производства на царских и городских землях, внедрение новых сельскохозяйственных культур. Селевкиды пытались культивировать индийский бальзам; в Вавилонии и Сузиане, по свидетельству Страбона, разводили рис и новые сорта винограда.

Эллинистический полис контролировал сельскую территорию, часть которой находилась в собственности граждан, часть составляла общественный фонд города (пастбища, которыми граждане могли пользоваться за плату; земли, сдаваемые в аренду); кроме того, к полису была приписана территория, где располагались деревни и различного типа поселения, жители которых не пользовались гражданскими правами, подчинялись должностным лицам города и уплачивали городу подати деньгами или натурой. Иногда крупный полис главенствовал над более мелкими, сохранявшими внутреннюю автономию, но платившими налоги господствующему городу. В зави-

симых полисах находились должностные лица, направленные туда из полиса господствующего.

Сельские общины на городских территориях пользовались некоторым внутренним самоуправлением (там действовало деревенское народное собрание), имели общинный фонд и общественные земли (как правило, земли вокруг святилищ), которые находились под контролем общин; например, в надписи одной малоазийской деревни, расположенной на территории полиса, говорится о решении деревни засадить священный участок: тот из общинников, который вырастит не меньше трех деревьев и сохранит их в хорошем состоянии в течение пяти лет, будет за это чествоваться в течение последующих пяти лет на ежегодном празднестве. Кроме того, жители деревни делали взносы на общественные нужды (до 100 драхм). Земледельцы были лично-свободны и имели свободу передвижения.

Характерной чертой эллинистического города было существование в нем разных групп населения — принадлежавших к разным народностям, имевших различное правовое положение. В гражданские коллективы полисов входили как греки и македоняне, так и представители местного населения: последних было особенно много во вновь основанных полисах и местных городах, получивших статус полиса. В Селевкии на Тигре отмечено большое количество переселенных туда вавилонян; в Антиохии на Оронте наряду с греками жили сирийцы; Антиохию-Эдессу в Верхней Месопотамии современники называли полуварварской. Граждане негреческого происхождения часто принимали эллинские имена, но это не было правилом: в источниках встречаются упоминания представителей верхушки городского населения (например, послов к царю), которые носили негреческие имена и отчества.

В эллинистический период продолжаются переселения из одних областей и городов в другие. Отдельные переселенцы за особые заслуги перед городом или царем получали полные права гражданства (среди них были и лица негреческого происхождения); другие получали только право владения землей без политических прав (разрешение лицам, не являющимся гражданами города, приобретать землю на его территории — одно из характерных отличий эллинистического полиса от классического); иногда такое право на приобретение земли даровалось взаимно всем гражданам договаривающихся между собой городов. Переселенцы из сельской местности или других городов, не получившие никаких привилегий, составляли более низкую правовую группу — *пареков*, они имели право жить в городе и округе, но не приобретать землю в собственность, принимали участие в городских празднествах. Пареками могли стать вольноотпущенники; земледельцы, переселившиеся в город и внесенные в списки пареков, теряли связь с сельской общиной. Иногда переселенцы одной народности составляли особую самоуправляющуюся организацию внутри города — *политевму*. Такие политевмы образовывали иудеи, возможно, также сирийцы в Антиохии на Оронте.

В эллинистических полисах сосредоточивается большое количество рабов — частных и общественных. Многие рабы были слугами в богатых домах, работали в ремесленных мастерских. Общественные рабы были низшими служащими государственного аппарата, использовались в строительстве. В последнем случае они получали небольшую поденную плату и одежду. Если судить по материалам малоазийского храма в Дидимах, рабы получали меньше свободных рабочих (3 обола в день, в то время как самая низкая плата свободному рабочему была 4,5 обола). В период эллинизма

были достаточно часты случаи перевода рабов на «оброк» — они вели самостоятельное хозяйство и выплачивали своим господам определенные взносы. Широко распространен был отпуск рабов на волю; вольноотпущенники оставались связанными со своими господами определенными обязательствами; иногда они до конца своих дней должны были, как указывалось в документах об отпуске на свободу, выполнять «всю ту работу, что они делали в рабстве». Дети, рожденные рабыней до отпуска на волю, оставались рабами, если их освобождение не было специально оговорено. По законам некоторых полисов следовало особо оговаривать также право вольноотпущенника на свободный выезд из города. Иногда вольноотпущенники откупались от своих обязанностей деньгами. Из своих вольноотпущенников и доверенных рабов богатые люди, как правило, вербовали управителей имений, надзирателей в мастерских и торговых агентов.

Помимо рабов и вольноотпущенников на общественных, прежде всего строительных, работах использовались свободные работники, которых в изобилии поставляла сельская округа, где развитие товарно-денежных отношений вело к разорению земледельцев. Свободные ремесленники могли работать и в частных мастерских, причем трудно определить, чей труд преобладал — рабов или свободных.

Внутреннее самоуправление эллинистического полиса по форме напоминало самоуправление греческого полиса классического периода: существовали народное собрание, *буле* (совет), выборные должностные лица. Однако такой важный демократический орган, как избираемый из числа всех граждан суд, в III—I вв. отмирал. Широко было распространено приглашение судей из других городов для разбора внутренних споров, которые в условиях расслоения гражданского коллектива не всегда можно было решить своими силами. Иногда судьями выступали царские должностные лица. Только незначительное число дел рассматривалось выборными судьями.

В эллинистических полисах постепенно все большую роль начинают играть должностные лица и все меньшую — народное собрание. Ряд должностей, в частности некоторые жреческие должности, продавались. Для периода III—I вв. до х.э. характерно резкое расслоение среди населения города. Существование прямого обложения в большинстве полисов, основанных в Азии, способствовало такому расслоению. Должники городской казны в ряде полисов лишались гражданских прав. Этот процесс несколько смягчался благодаря наличию общественного земельного фонда, который могли арендовать граждане, и раздачам более значительным, чем в предшествующий период. Раздачи производились и негражданскому населению, иногда рабам, как правило, во время общеполисных религиозных празднеств. Таким образом, негра́ждане, которые в большом количестве скапливались в городах, в какой-то мере включались в жизнь гражданской общины.

Смешение населения в полисах, падение политической активности граждан в городах, подчиненных царской власти, приводили к ослаблению связей внутри гражданского коллектива. Естественной реакцией на этот процесс было стремление к созданию частных объединений: различного рода культовых союзов, товариществ, не связанных с политической организацией — ни с полисной, кризис которой остро ощущался в начале эллинистического периода, ни с бюрократически-монархической, чуждой еще греческому сознанию. В городах получают распространение ассоциации, включавшие людей разного этнического происхождения и разного социаль-

ного статуса. Так, например, в одном из небольших городков Малой Азии был союз, куда входили выходцы из четырех разных городов, местные жители и рабы. В другом городе было небольшое религиозное товарищество, куда входили греки, фригиец, фракиец, финикиянин, писидиец (народность в Малой Азии), ливиец. Как правило, подобные союзы состояли из небольшого числа людей, достаточно хорошо знавших друг друга.

Члены союзов совершали совместные жертвоприношения, устраивали обеды и празднества. Частные ассоциации укрепляли связи между жителями городов, в том числе и неграждан, и, безусловно, влияли на общественную жизнь полисов.

В эллинистический период в различных областях Передней Азии продолжали развиваться гражданско-храмовые общины. Примером таких общин могут служить города Вавилонии. В этих городах существовал четко оформленный гражданский коллектив, образовавшийся в результате постепенного слияния зажиточных слоев населения города с храмовым персоналом. В указанное время большинство членов этого коллектива фактически не были храмовыми служителями: среди них отмечено много ремесленников; в клинописных контрактах упоминаются владельцы рабов и земельных участков (как внутри городской черты, так и вне ее). Но все эти люди были связаны с храмом, в частности получением от него довольствия — определенной нормы продуктов питания. Право на получение довольствия было когда-то связано с выполнением обязанностей в пользу храма. Уже и в более древние времена это право свободно продавалось, причем по частям (например, одна шестая или одна двенадцатая часть права на довольствие, положенное в определенные дни каждого месяца); в описываемый период право на довольствие, связанное с мужской должностью, могла покупать и женщина. Таким образом, это право перестало быть связанным с исполнением должности и осталось привилегией членов гражданского коллектива, которую они могли свободно передавать друг другу.

В вавилонских городах существовали собрания, председателем которых был эконом (*шатамму*) храмов; эти собрания решали имущественные вопросы, налагали штрафы, оказывали почести царским должностным лицам. Как и у полисов, у таких городов была обширная сельская округа, земли которой частично принадлежали гражданам, частично обрабатывались зависимым сельским населением, платившим подати этому городу-храму. Частные земли, полученные от царя, могли приписываться к подобным городам так же как и к полисам. В вавилонских городах, как и в ряде полисов, находились царские должностные лица — эпистаты (из местных граждан).

Другим типом гражданско-храмовой общины были малоазийские объединения вокруг святилищ. Мы хорошо осведомлены об одном таком городе — Миласе. Миласа — известный религиозный центр карийцев, о ней писал еще Геродот в V в. до х.э. Жители Миласы были разделены на филы, представлявшие собой объединения вокруг храмов. Филы, в свою очередь, делились на сингении — небольшие общины, имевшие общее святилище. Земля святилища была землей общины, она распределялась между гражданами, которые выбирали должностных лиц, ведавших «священной» казной. В IV в. до х.э. Миласа называется полисом, но сохраняет ряд специфических черт, в частности сравнительную самостоятельность фил и сингений. Храмовые земли фактически были общественной землей; распределение земли приняло здесь форму аренды. Но условия аренды были

сравнительно мягкими, чтобы дать доступ к земле и небогатым гражданам; существовала и коллективная аренда, когда землю арендовала вся община-сингения в целом, а затем уже распределяла участки между гражданами. На примере малоазийских гражданско-храмовых общин особенно ясно видно, что общественный земельный фонд использовался для поддержки малоимущих граждан.

Для эллинистического периода характерно не только развитие полисов и гражданско-храмовых общин, но и стремление всех этих самоуправляющихся городов к образованию более тесных союзов между собой, часто со взаимным гражданством (граждане одного полиса, переселяясь в другой, автоматически получали в нем права гражданства). Существование союзов давало возможность городам противостоять нажиму со стороны эллинистических правителей и более успешно развивать свою экономику. Характерным примером такого союза в восточных районах Средиземноморья был союз городов Ликии. Согласно Страбону, в этот союз входило 23 города. Представители ликийских городов время от времени собирались в каком-нибудь городе на общий совет — *синедрион*. Наиболее крупные города имели в этом синедрионе три голоса, средние — два, прочие — один голос каждый. На синедрионе избирались глава союза — *ликиарх*, начальник конницы и казначей. У городов ликийского союза были общественная казна, общие суды. Фактически важнейшие дела союза решались крупными городами, которые назывались «метрополиями ликийского народа», а общественные должности занимали граждане этих городов. Граждане метрополий получали права гражданства во всех остальных полисах союза и право владения землей в них. Официальными и письменными языками в ликийском союзе наряду с унаследованным из ахеменидских канцелярий арамейским были также ликийский и греческий.

Обмен между западными и восточными областями, возникновение городов как ремесленных центров в экономически отсталых прежде областях приводили к распространению технических достижений и производственных навыков; в особенности это относится к массовому производству, например гончарному. Высококачественную посуду делали в самых различных местах — в городах Греции, Эгейского архипелага, Малой Азии, Южной Италии, Египта. Причем если уникальные золотые и серебряные сосуды, которыми пользовались при дворах эллинистических правителей, изготовлялись специальными мастерами по особым заказам, то керамику для более или менее состоятельных слоев граждан выделывали в разных центрах по одному и тому же шаблону.

Развитие обмена в эллинистических государствах привело к изменению монетного чекана. Уже Александр выпустил помимо мелких монет большое число золотых монет (*статеров*) и серебряные тетрадрахмы. Значительная часть драгоценных металлов, лежавшая в сокровищницах персидских царей, была пущена в оборот. Эллинистические цари чеканили монету тех же номиналов, что и Александр; на лицевой стороне монеты помещалось изображение царя. Монеты царской чеканки использовались для международного обмена: археологи находят их далеко за пределами территорий эллинистических государств. Самоуправляющиеся города чеканили свою монету (часто подражая царскому, особенно александровскому, чекану), но она, как правило, имела хождение лишь на внутренних рынках.

Однако развитию экономики мешали бесконечные военные столкновения между эллинистическими монархиями — борьба Птолемеев и Селевкидов, Селевкидов и Парфии приводила к разорению городов, нарушению

торговых связей. Это было одной из причин того, что начиная со II в. до х.э. верхушка населения ряда эллинистических полисов выступает в поддержку новой великой державы — Рима. Другой причиной проримской позиции части богатых слоев было обострение в эллинистических государствах II—I вв. до х.э. социально-политической борьбы.

Борьба эта в Передней и Малой Азии в последние века до христианской эры носила сложный характер и охватывала различные слои населения. Так, борьба в Иудее против власти Селевкидов, о которой будет сказано дальше, была направлена не только против чужеземного господства, но и против усиления знатных иудейских родов, которые поддерживали политику эллинизации. Ряд крупных полисов выступал против зависимости от центральной власти; в период войн между эллинистическими монархами (Селевкидами и Птолемеями, Филиппом V Македонским и Пергамом), а также во время военных столкновений с Римом города переходили то на одну, то на другую сторону.

Неустойчивость положения державы Селевкидов особенно выявилась после поражения, нанесенного Римом Антиоху III в битве при Магнесии (Малая Азия). По миру, заключенному в г. Апамея, Антиох потерял значительную часть малоазийских владений (они были переданы союзникам Рима в этой войне — Пергаму и Родосу). Армения и Софена объявили себя независимыми; области за Тигром были захвачены парфянами. Сын Антиоха III, Антиох IV, предпринял попытку восстановить державу Селевкидов в ее былых границах. Он вел успешные войны с Птолемеями и дважды вторгался в Египет. В 168 г. до х.э. Антиох IV осадил Александрию. Но вмешались римляне: римский посол прибыл в Египет и предъявил Антиоху требование немедленно уйти из Египта; посол, разговаривая с царем, начертил на песке круг, внутри которого оказался Антиох, и потребовал, чтобы тот дал ответ прежде, чем переступит черту. Антиох не решился на конфликт с римлянами: он вывел войска из Египта. Остаток своего правления Антиох посвятил укреплению власти в тех областях, которые еще оставались в составе его державы. Он отказался от политики Антиоха III, поддерживавшего местные самоуправляющиеся организации, и начал усиленную эллинизацию всех областей царства в целях создания единой политической системы и единой идеологии. Именно тогда Иерусалим был превращен в полис. Но эта политика привела к обратным результатам: вспыхнули народные волнения. Антиох IV погиб во время одного из восточных походов. После смерти царя по требованию Рима был уничтожен военный флот Селевкидов и перебиты боевые слоны. Военная мощь державы Селевкидов была сломлена. С середины II в. до х.э. в Сирии началась длительная борьба за власть. В эту борьбу вмешался и Египет, поддерживая то одного, то другого претендента. В 142 г. до х.э. парфянский царь Митридат I захватил Вавилонию. Антиох VII на время несколько усилил свое царство: снова подчинил Иудею, начал успешное наступление против парфян. Но в 129 г. до х.э. он потерпел поражение и погиб. Государство Селевкидов было ограничено Сирией. Всего за сто лет (со 163 по 63 г. до х.э.) в царстве Селевкидов сменилось 19 царей, причем ни один из них не умер естественной смертью. Наконец, в 63 г. до х.э. Сирия, последняя область, оставшаяся у Селевкидов, была превращена в римскую провинцию.

Социальные движения происходили и на территории полисов: сельское население, не пользовавшееся гражданскими правами, выступало против граждан городов, разоряло их поместья, переходило на сторону врага в случае военных действий (например, жители сельской территории некото-

рых малоазийских городов перешли на сторону галатов, когда последние вторглись на территорию Малой Азии). Одним из самых значительных народных движений II в. было восстание, вспыхнувшее в Пергаме в 133 г. до х.э. («восстание Аристоника») и охватившее всю сельскую территорию страны. Как гласит одна из надписей, относящихся к тому времени, земля Пергама осталась незасеянной и все плоды ее были свезены к врагам. Правивший государством в это время Аттал III — одна из странных и мрачных фигур, характерных для позднего эллинизма. Про него рассказывали, что его любимым занятием было разведение ядовитых растений для изготовления ядов. Желая избавиться от докучливых советников — приближенных своего отца Евмена II, он однажды пригласил их во дворец и приказал своей страже перебить всех. Не имея возможности подавить поднявшееся в стране восстание, везде и всюду подозревая измену, Аттал III под нажимом римлян составил завещание, по которому после его кончины Пергамское царство переходило к Риму. Римляне, вероятно, обещали за это военную помощь, но особенно долго ждать им не пришлось: в 133 г. Аттал умер, по официальной версии, от солнечного удара. Известие о его смерти и завещании вызвало дальнейшее расширение восстания, во главе которого стал претендент на престол — незаконный сын Евмена II Аристоник. Восставшие захватили ряд городов. На юге волнения распространились вплоть до Галикарнаса в Карии. Городские власти Пергама вынуждены были даровать права гражданства катекам из местных племен и освободить царских и общественных рабов. Но это не остановило развитие восстания, так же как и последняя мера — дарование права гражданства рабам, вскормленным в доме своих господ.

Сторонники Аристоника называли себя гелиополитами — гражданами Государства Солнца. Среди местных племен Малой Азии были широко распространены культы солнечных божеств, которые привлекали народные массы в противовес официальной религии эллинских богов и богов-царей. Идеологи восставших, среди которых были и философы (например, некий философ-стоик из Кум, бежавший к Аристонику из Италии), связали стихийную веру народных масс в благодатное Солнце с учением об идеальном государстве, где все будут равны. Движение гелиополитов перешло за границы Пергамского государства. Римским легионам пришлось в тяжелых боях завоевывать завещанное Риму царство; с большим трудом им удалось запереть Аристоника в карийской Стратоникее (уже за пределами Пергама) и голодом принудить к сдаче в 130 г. до х.э. Отдельные отряды восставших еще в течение года оказывали сопротивление римлянам. Пергамское царство было превращено в провинцию Азия — первую малоазийскую провинцию Рима.

Римские завоевания в Восточном Средиземноморье служат определенным хронологическим рубежом, поскольку включение этого района в единое централизованное (со времени установления империи в конце I в. до х.э.) государство оказало существенное влияние на внутреннее развитие покоренных западных областей бывшей державы Селевкидов и областей Пергамского царства.

Присоединение восточных областей Селевкидского царства к Парфии также внесло свою специфику в их историческую судьбу. И хотя эллинистические традиции продолжали существовать во многих сферах общественной и культурной жизни, период собственно эллинизма в Передней Азии заканчивается временем римских и парфянских завоеваний.

Глава XXIX

ЗАКАВКАЗЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ В ПЕРИОД ЭЛЛИНИЗМА

1. НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА IV—III вв. до х.э.

Поражение, нанесенное Александром Македонским Ахеменидской державе, хотя македонские войска и не побывали в Закавказье и на нагорьях к югу от Аракса, естественно, прервало отношения между этими странами и Ираном. Пока был жив Александр, здешние сатрапы и полузависимые цари формально выражали свою приверженность ему, но с его смертью их независимость стала неоспоримой.

Западное протогрузинское объединение Колхида существовало самостоятельно давно; уже в VIII в. до х.э. оно предположительно унаследовало северные земли уничтоженного урартами хурритского государства таохов, расположенные в долине р. Чорох. Здесь, вероятно близ Батуми, находился первоначальный центр Колхиды. Колхская культура была бесписьменной, и установить время начала классового общества и цивилизации трудно. Древнейшая Колхида, видимо, погибла в эпоху киммерийско-скифских вторжений VIII—VII вв. до х.э.; новая Колхида, с центром севернее — в долине р. Риони, возникла, насколько можно судить, в середине I тысячелетия до х.э. Населена она была предками мегрелов и, возможно, отчасти абхазов.

Греческая колонизация побережья Черного моря охватила и берега Колхиды. Так, в V в. до х.э. (возможно, еще в конце VI в.) здесь возникает колония милетян — Фасис (ныне Поти в устье р. Риони) со святилищем Аполлона, а не позже второй половины V в. до х.э. — Диоскурия (ныне Сухуми). Налаживается торговля между греческим миром и внутренними областями Грузии. Колхида славилась своим виноградом и воском, вывозила некоторые гончарные и ювелирные изделия. Но главным объектом колхидского экспорта было полотно; из толстых слоев этой ткани с переплетением туго ссученных пеньковых веревок изготовлялись даже боевые доспехи, бывшие в ходу у ряда племен Южного и Западного Причерноморья. Ввоз в Колхиду соответствовал отмеченному археологами сильному имущественному (и, может быть, уже и классовому) расслоению в этой стране. Импортировались оливковое масло, греческая чернолаковая посуда. Но был и ввоз более массовых товаров. Так, в греческих колониях на побережье имелись соляные промыслы, вероятно добывавшие соль для продажи внутри Закавказья.

Наиболее отдаленные из западных протогрузинских племен (халибы, или мосхи[1], — видимо, предки живущих сейчас в Турции чанов), а также

---

[1] Термин «халибы», видимо, связан с древнейшим названием железа (хаттское *хабалки*), которое первоначально монопольно добывалось ими в области их обитания; термин «мосхи», возможно, связан с восприятием ими фригийской культуры (*мушки* — одно из названий фригийцев). Они же, по-видимому, назывались «халиту» или «халды» — термин, который ранее неправомерно переносили на урартов.

некоторые другие при Ахеменидах входили в 19-ю сатрапию, связь которой с Персидской державой была довольно слабой. Колхи время от времени посылали Ахеменидам символическую дань рабами, возможно захваченными у соседних горских племен, и поставляли вспомогательные отряды, по-видимому, в распоряжение сатрапа Западной (или собственно) Армении (13-й сатрапии Ахеменидов, первоначально называвшейся Мелитеной; Северо-Восточная Армения, продолжавшая называться Урарту, составляла 18-ю сатрапию и в то время, по всей вероятности, еще не вполне армянизировалась по языку; в ее состав входили наряду с армянами, урартами-алародиями и хурритами-матиенами также и восточные протогрузинские племена — саспиры).

Уже характер поставлявшейся дани указывает на известное развитие у них рабовладельческого (в широком смысле) способа производства. Оно было в довольно высокой степени товарным, на что указывает факт чеканки и широкого распространения на территории Колхиды и соседних территорий своеобразных монет, так называемых колхидок. Они известны с V вплоть до III в. до х.э. Часть исследователей приписывает их чеканку колхидским царям, другая же часть — греческим городам колхского побережья. Однако чекан колхидок имеет мало формального сходства с чеканом греческих монет того же времени, также изредка находимых в Колхиде. В то же время следует заметить, что город Фасис позже считался не только греческим городом, но и портом колхов и население его, видимо, было смешанным, а не чисто греческим.

После падения Ахеменидов сын одного из последних персидских сатрапов, Митридат II (300—266 гг. до х.э.), сумел выкроить себе из бывшей 19-й сатрапии особое царство — Понт; население этого царства частично состояло из западных протогрузинских племен; по-видимому, Понт подчинил своей власти или влиянию и Колхиду. Становым хребтом Понтийского царства были, однако, греческие или эллинизированные города. К этому времени относится основание в Колхиде еще одного греческого города — Питиунт (ныне Пицунда). Временами влияние Понта, как можно думать, распространялось и на синдо-меотские племена Западного Кавказа и Прикубанья — предков абхазо-адыгских народностей.

Что касается Восточной Грузии, то местная раннесредневековая довольно смутная традиция связывает возникновение здесь первого царства, Иверии[2] (со столицей в Мцхете у слияния Арагви с Курой, недалеко от нынешнего Тбилиси), с временем падения Ахеменидской державы. Основателем Иверийского царства одно из преданий называет некоего Азо, «сына царя Ариан-Картли», т.е. «арианской» Грузии, якобы приближенного Александра (что исторически совершенно невероятно). Вспомним, что древнеперсидские цари, как и другие индоиранцы, называли себя ариями и что область, населенная ариями, называлась Арианой, Очевидно, Ариан-Картли — это та часть территории грузинских (картвельских) племен, которая входила в состав одной из ахеменидских, а затем селевкидских сатрапий, скорее всего 18-й, ибо известно, что к этой сатрапии принадлежало восточное протогрузинское племя саспиров.

Существовала легенда и о том, что вместе с Азо в Иверию пришла

[2] Нами употребляются здесь более поздние формы названий — Иверия, Алвания вместо более древних — Иберия, Албания с целью избежать смешения с одноименными странами — Иберией на Пиренейском и Албанией на Балканском полуострове. Это случайное созвучие не раз давало повод к самым фантастическим гипотезам.

большая группа переселенцев, от которых вели свое происхождение позднейшие роды иверийской знати; этих поселенцев предание, по-видимому, считало грузинами с ранее ахеменидских территорий.

Однако, согласно другому, пожалуй более достоверному, старинному грузинскому преданию, подлинным основателем Иверийского царства был не Азо, а свергший его Фарнабаз, причем ряд деталей явно указывает на его связь с Селевкидским царством III в. до х.э., Азо же был захватчиком, опиравшимся на греков. Если предание о греческой поддержке Азо имеет какое-то историческое ядро[3], то скорее можно поверить в его связь не с Александром, а с понтийскими Митридатами[4].

Древнейшие надписи из столицы Иверийского государства Мцхеты восходят лишь к I в. х.э. и составлены на арамейском языке ахеменидских канцелярий, только более поздним, курсивным письмом, что указывает на длительное употребление здесь этого языка. Отдельные греческие буквы на колхидках и греческая надпись, сделанная в связи с фортификационными работами, произведенными римскими воинами по просьбе иверийского царя I в. х.э., говорят о некотором распространении здесь греческой грамотности. Более древних надписей в Грузии не найдено, и сведения о первом иверийском царстве (до I в. до х.э.) у нас есть только либо чисто археологические, либо легендарные: исторические сказания о древнейшей Иверии дошли лишь от средневековья.

Ксенофонт в «Киропедии» повествует об армянском царстве VI в. до х.э., подчиненном Мидии (обязанном платить ей дань, помогать войсками, не строить укреплений и т.п.), но стремившемся к независимости. Царь Армении не назван по имени, упомянуты его сыновья — Тигран (товарищ Кира) и Сабарис, военачальник Эмбас; отмечены немалые богатства и военные силы царства. Кир, тогда еще мидийский полководец, приводит Армению к повиновению мирным путем и даже регулирует ее отношения с северо-западными ее соседями — халдами (халибами). В дальнейшем Кир опирается при свержении Мидийского и основании собственного царства также на армянские войска во главе с Тиграном.

Литературное сочинение Ксенофонта, по мнению исследователей, в разделах об Армении (в которой он побывал с 10 тыс. греков и описал в «Анабасисе») обретает историчность. Кроме того, эти его сведения в определенной степени переплетаются с сообщениями Моисея Хоренского о союзе Кира с армянским царем Тиграном, сыном царя Ерванда, направленным против Мидии; возможно, что эти данные опираются на историческую почву. То же царство названо в Библии «Домом Тогармы».

С созданием Ахеменидской державы армянское царство, вероятно, пережило постепенный процесс превращения в ее сатрапию. Во всяком случае, в этом статусе его застает Бехистунская надпись Дария I, где царь говорит об Армении (Армина; в вавилонском тексте — все еще Урарту) как о восставшей провинции. Восстание усмиряется двумя полководцами Дария (один из них, Дадаршиш, был «армянином») в пяти сражениях. Любопытно, что одно из восстаний Вавилонии было возглавлено также армянином

---

[3] Не исключено, что легенда об Азо вообще не более чем отголосок греческих сказаний о Ясоне, предводителе аргонавтов, якобы совершивших поход в Колхиду еще до Троянской войны. Псевдоисторические построения греков V—III вв. до х.э. делали легендарных Ясона и колхидскую царевну Медею предками ряда народов Востока.

[4] Армянский историк Моисей Хоренский упоминает тут Митридата, хотя ошибочно считает его персидским сатрапом.

(урартом?) Арахой, сыном Халдиты. Из сведений Геродота вытекает, что армянские земли были включены в две ахеменидские сатрапии: 13-ю и 18-ю.

Ксенофонт, отступивший в 401 г. до х.э. через Армению вместе с 10 тыс. греков после битвы при Кунаксе, упоминает сатрапа Армении Ерванда (Оронта), женатого на дочери персидского царя, и Тирибаза, гипарха Западной Армении, стремянного персидского царя. Греки останавливались в деревнях, изобиловавших сельскохозяйственными продуктами и состоявших из вырытых в земле жилищ с отдельными входами для людей и скота. Элементы социальных отношений в описании Ксенофонта, по мнению исследователей, указывают на то, что эти деревни представляли собой соседские общины.

Совпадение имени сатрапа Армении на грани V и IV вв. до х.э. Ерванда с именами, с одной стороны, царя Армении VI в. до х.э. (по Моисею Хоренскому), а с другой — сатрапа Армении, сражавшегося в битве при Гавгамелах в войске Дария III, а затем ставшего царем обретшей независимость Армении (конец IV в. до х.э.), а также армянского царя конца III в. до х.э., в совокупности с другими фактами, изложенными в греческих надписях царя Коммагены Антиоха I (первая половина I в. до х.э.), породило мнение о существовании рода Ервандидов (Оронтидов), имевшего в VI—III вв. до х.э. отношение к управлению Арменией в качестве царей, затем сатрапов и вновь царей. При Ерванде, современнике Ксенофонта, Ервандиды породнились, как мы видели, с Ахеменидами и в какое-то время, видимо, с Гидарнидами, потомками Гидарна, одного из семи персов, соратников Дария I в его борьбе за власть, отчего и Страбон, упоминающий последнего Ерванда (конец III в. до х.э.), считает его Гидарнидом.

Наши источники по истории Армении III в. до х.э. чрезвычайно скудны, события и даже политическое деление страны устанавливаются весьма ненадежно. По мнению некоторых исследователей, ахеменидская 13-я сатрапия (в западной части Армянского нагорья) в конце IV в. до х.э. разделилась на Малую Армению и Софену (это Цупа урартов, Цопк средневековых армян). Софена была независимой и даже ненадолго, видимо, присоединила к себе Коммагену или ее часть. Около 240 г. до х.э. софенский царь Аршам построил в Софене г. Аршамашат (ныне Шимшат в Турции), а в Коммагене — два города Арсамеи. Аршам оказывал поддержку брату Селевка II Антиоху Гиераксу — неудачливому претенденту на престол Селевкидов. Малая Армения также временами пользовалась независимостью, ориентируясь на Понт и Селевкидов; позднее она отошла к Понту.

В северо-восточной части нагорья, так называемом царстве Айрарат, правили потомки ахеменидского сатрапа Ерванда. Они развили здесь широкую строительную деятельность, основав на месте слияния рек Аракс и Ахурян новую столицу — Ервандашат (прежняя — Армавир, на месте урартского Аргиштихинели, — продолжала выполнять роль культового центра) и другие поселения, названия которых также включали династическое имя Ерванд.

В 212 г. до х.э. Антиох III начал свой знаменитый восточный поход с осады столицы Софены Аршамашата. Однако софенский царь Ксеркс не только сумел добиться мира (ценой уплаты части задержанной дани), но и получил в жены сестру Антиоха Антиохиду. Все это не помешало Антиоху III в 201 г., имея за спиной удачно завершенный восточный поход и

победоносную войну с Египтом, устранить Ксеркса при посредничестве Антиохиды и обратить Софену в селевкидскую провинцию. Аналогичная судьба постигла в это же время царство Айрарат и его правителя — последнего Ерванда: Антиох III стремился укрепить свой тыл перед запланированным западным походом в Европу.

В момент разгрома Дария III войсками Александра при Гавгамелах на персидской стороне находились не только оба сатрапа двух армянских сатрапий — Ерванд (Оронт) и Михрвахишт, но и сатрап Мидии Атропат. После поражения большинство Дариевых сатрапов явилось к Александру, и некоторых из них тот оставил на прежних должностях. Это произошло и с Атропатом, который участвовал даже в первом совещании полководцев Александра после его смерти, но на второе совещание, в Трипарадейсе (321 г. до х.э.), не явился и объявил себя независимым царем. Всю сатрапию Мидия он, однако, не пытался удержать за собой (через Южную Мидию проходили важнейшие коммуникации греко-македонян, и никто из них не собирался уступать ее местным вельможам). Атропат отделил себе лишь Северную Мидию, включая области вокруг оз. Урмия, к северу от г. Экбатаны и по обе стороны Аракса. Новосозданное царство называлось «Атропатовой Мидией», по-мидийски Мад-и Атурпаткан, а потом его стали именовать Атурпаткан[5] или по-гречески Атропатена.

Что касается Атропата, то есть основания полагать, что он и раньше был наследственным правителем Мидии и имел в пределах будущей Атропатены прочные родственные и политические связи. Особенно следует отметить союз, в котором Атропат еще при Дарии III состоял с алванами и другими племенами Восточного Закавказья. Его дружеские связи простирались и до степей Северного Кавказа, где в то время кочевали савроматы (сарматы). Археологические данные подтверждают тесные культурные связи Алвании с Атропатеной в течение IV—II вв. до х.э.

Дальнейшая история Атропатены вплоть до конца III в. до х.э. неясна. В 222—230 гг. мы застаем царя Атропатены Артабазана владетелем обширной территории не только к югу, но и к северу от Аракса и союзником мятежного сатрапа Мидии в борьбе против селевкидского царя Антиоха III. Столицей Атропатены была в это время Ганзака, город на полпути между Экбатанами и Армавиром на р. Аракс. По словам греческого историка Полибия, владения Артабазана простирались от Каспийского моря до верховьев Риони (древнего Фасиса) и, таким образом, должны были включать Айрарат и Иверию; однако эти сведения Полибия не отличаются достоверностью; они отражают, видимо, лишь факт некоторого продвижения Артабазана в сторону Армении вдоль долины Аракса. Иверия же, напротив, переживала политический подъем и осуществляла натиск на Армению с севера. Война Антиоха с Артабазаном закончилась миром. Когда же Антиох укрепил свою власть над всем Армянским нагорьем, его позиция и по отношению к Атропатене усилилась, хотя полностью уничтожить это царство Селевкидам так и не удалось.

В течение всего III века до х.э. социально-экономическая жизнь Закавказья и примыкающих к нему с юга нагорий находилась в относительном

[5] Возведение термина «Атурпаткан» к сохранившемуся в некоторых из ассирийских надписей VIII—VII вв. до х.э. названию какого-то из мелких округов Центральной Мидии — «Андарпаттиан» — не выдерживает ни лингвистической, ни исторической критики. Также совершенно необоснованно встречающееся утверждение, будто Атропат — не иранское имя собственное, а титул. Заметим, что в Атропатену обычно не входила горная Кордуэна — страна кардухов, предков курдов.

упадке, несмотря на создание некоторых независимых государств. Это объясняется тем, что традиционные связи и торговые пути в Малую Азию, Месопотамию и Иран были нарушены; очевидно, понизилась товарность отдельных хозяйств, уменьшился приток рабов, возможно, ослабел контроль над подневольными работниками других категорий. Денежное обращение развивалось еще слабо: хотя серебряные монеты Александра Македонского и селевкидских царей имели хождение, но собственную монету (помимо колхидок) в III в. до х.э. чеканили, по-видимому, только цари Софены. В пределах ее продолжал функционировать верхнеевфратско-чорохский торговый путь, по которому в Понт вывозились медь, железо и сперское (саспирское) золото[6], а также кермес (багрец — красная краска органического происхождения).

2. АРМЕНИЯ, АТРОПАТЕНА, ИВЕРИЯ И АЛВАНИЯ во II—I вв. до х.э.

Как мы видели, конец III в. до х.э. был периодом могущества Селевкидской державы Антиоха III и подчинения либо его власти, либо, во всяком случае, его влиянию закавказских, армянских и атропатенских областей. Такое положение продолжалось до поражения Антиоха III в битве с римлянами при Магнесии (190 г. до х.э.). Политическая активность в Армении сразу усилилась. В 189 г. здесь, согласно упоминанию Страбона, создал собственное, сначала небольшое царство выдающийся государственный деятель Арташес I[7], ранее селевкидский стратег Армении. Отцом его был Зариатр, возможно, потомок софенских царей. Однако в своих надписях Арташес именует себя Ервандидом, претендуя, таким образом, на родство с поверженной династией. Одновременно было восстановлено самостоятельное царство и в Софене. Здесь правил другой Зариатр (или по-средневековому — Зарех), также бывший селевкидский стратег этой области, возможно, родич Арташеса.

Царство Арташеса включало в первую очередь Араратскую равнину на среднем Араксе. На левом берегу этой реки Арташес построил свою первую столицу, названную в его честь Арташат[8]. Им было основано еще несколько городов, названных в честь отца Зарехаванами или Заришатами.

Как средневековое предание, так и подлинные надписи Арташеса I говорят о проведении им важной земельной реформы. В различных частях Армении найдены каменные стелы, служившие обозначением межей между селами; на них — надписи по-арамейски[9]. Речь шла о более четком разграничении царских (в том числе и выданных частным лицам) и общинных земель, а также, вероятно, земель городов, которых в царстве Арташеса было уже несколько.

---

[6] Оно же, вероятно, и колхидское. Предполагают, что его добывали в долине р. Чорох.

[7] Так его имя звучало в позднейшем древнеармянском языке; в своих собственных надписях он называл себя Артахшаси, что значит «потомок Артаксеркса»; греки называли его Артаксием.

[8] Собственно Артахшасишата, по-гречески Артаксата.

[9] Точнее, вероятно, на иранском языке, «зашифрованном» арамейскими написаниями отдельных слов (т.е. написано арамейское слово, а на его месте надо читать слово иранское). Такая «гетерографическая» письменность, которой монопольно владели специально обученные писцы, была в ходу от Малой Азии до Индии в течение III в. до х.э. — VII в. х.э.

Арташес I расширил свои владения в Армении за счет областей, подчиненных ранее Атропатеной, а также Иверией; кое-где он вышел и за пределы территории с армяноязычным населением. В Иверии был убит Фарнаджом, потомок Фарнабаза, и на престол возведен армянский царевич. Затем Арташес распространил свои владения также на запад — за счет Малой Армении и на юг, где он столкнулся с Селевкидами.

После смерти Арташеса I наступила полоса войн между Арменией и усилившейся Парфянской державой, которые привели к установлению зависимости Армении от Парфии. Армянский царь Тигран I был вынужден отдать своего наследника, тоже Тиграна, в заложники, и тот вырос при парфянском дворе. Однако территория Армянского царства оставалась более или менее такой же, как и при Арташесе I.

В отличие от Армении Атропатена не сумела воспользоваться сокрушительным поражением Антиоха III при Магнесии. Зато им воспользовалась Парфия: несмотря на то что атропатенцы пытались привлечь на свою сторону селевкидского царя Деметрия II Никатора, Атропатена была завоевана парфянским царем Митридатом I Аршакидом к 139 г. до х.э. Но Парфянская держава была довольно рыхлым политическим образованием, и многие подчиненные парфянскому «царю царей» правители сами носили царский титул. Реальная власть подобных царей зависела от общей политической ситуации в Парфии.

Находившийся в плену армянский царевич Тигран уговорил Митридата II вернуть его на престол Армении в обмен на передачу Парфии «70 долин» в Атропатене. В 95 г. до х.э. Тигран II Великий стал царем Армении. Тигран сумел присоединить к себе Софену и часть Восточного Закавказья — Утик. В 94 г. до х.э. он заключил союз с царем Понта Митридатом VI Евпатором, женившись на его дочери. Союзники начали с того, что разделили между собой другое эллинистическое царство, Каппадокию, причем Тиграну досталась Мелитена — когда-то центр образования армянской народности. Затем решено было воспользоваться временным ослаблением как Рима, где бушевала гражданская война, так и Парфии. Митридат нанес удар по римским владениям в Малой Азии, а Тигран занял Атропатену и Верхнюю Месопотамию; он даже дошел до стен г. Экбатаны и сжег летнюю резиденцию парфянских царей около этого города. Тигран принял титул «царя царей», который ранее носили правители Парфии. Победоносно завершив войну с парфянским царем Готарзом, Тигран решил затем разгромить и уменьшившуюся к тому времени до одной лишь Сиро-Финикии Селевкидскую державу. Это ему удалось, и к 83 г. до х.э. он завоевал и Сирию и Финикию.

Огромные завоевания Тиграна II были в значительной мере обусловлены слабостью других великих держав этого времени. Армении приходилось либо перенапрягать свои силы в его войнах, либо привлекать наемников или воинов из покоренных народов, чего раньше армянские цари, по-видимому, не делали. Поэтому, подобно всем прочим военным империям I тысячелетия до х.э. на Ближнем Востоке, держава Тиграна оказалась неустойчивой.

Однако Тигран II отлично сознавал, в чем состояла сила эллинистических монархий: в соединении военной силы царей с богатством и процветанием торгово-ремесленных городов. Каждый сколько-нибудь значительный эллинистический царь старался учреждать или поощрять городские общины, даруя им привилегии и сселяя жителей мелких поселков в более важные городские центры. Селевкиды при этом опирались частью на греко-

македонских переселенцев, частью на самоуправляющиеся общины, унаследованные ими от доэллинистического времени. В Армении существовали только города — царские резиденции и административные центры: Армавир, Арташат, Ервандашат, Аршамашат и т.д. Тигран II в 77 г. заложил новый грандиозный город — Тигранакерт в области Агдзник (древнейшее Алзи), на юго-западе нагорья, ближе к торговым путям как по Евфрату, так и поперек Армянского нагорья с востока на запад: этот путь стал приобретать все большее значение в связи с возникновением торговых отношений с Индией и Китаем через Среднюю Азию и Иран; по нему шли предметы роскоши — шелк, пряности и т.п. Кроме того, Тигранакерт, видимо, казался армянскому царю лучшим центром для его новой обширной державы, чем расположенный далеко на севере Арташат.

В Тигранакерт и другие города Армении Тигран II насильственно переселил сотни тысяч ремесленников и торговцев из ряда завоеванных им городов Малой Азии и Сирии[10]. Доныне торговая и отчасти ремесленная терминология в армянском языке — староарамейского происхождения (напомним, что арамейский был к этому времени уже около 500 лет основным разговорным и письменным языком всей Передней Азии). Хотя в Тигранакерте помещалась и царская резиденция, это был типичный эллинистический торгово-ремесленный город со своим самоуправлением, театром и другими характерными полисными установлениями. Поощрялись проникавшие в Армению эллинистическая образованность, искусство и архитертура, вводились культы греческих богов или с ними отождествлялись божества местные и иранские. Можно сказать, что Тигран II был последним великим эллинистическим монархом.

Помимо предметов транзитной торговли Армения при Тигране, очевидно, вывозила и свои товары: лошадей и мулов, кермес, хлеб, вино и масло, а также многие ремесленные изделия.

Но дальнейшее развитие показало, что, находясь на важнейшем пути между Ираном и Римом, имея огромное стратегическое значение для обеих держав, Армения без помощи надежных союзников едва могла поддерживать лишь собственную независимость в пределах своей коренной территории. Обширные завоевания оказались ей не по силам, и империя Тиграна стала разваливаться еще при его жизни. После разгрома Митридата Понтийского римским полководцем Лукуллом (70 г. до х.э.) тот бежал в Армению. Тигран довольно неохотно дал Митридату убежище. Но Лукулл вторгся и в Армению и разбил Тиграна под Тигранакертом; городом римлянам овладеть не удалось, но его разношерстное население восстало и само сдалось Лукуллу. Казна Тиграна II и другие богатства достались римлянам; Армения потеряла Сиро-Финикию и свои владения в Малой Азии. Однако в 68 г. до х.э., при попытке взять Арташат, Лукулл потерпел поражение, армянам удалось оттеснить римлян в Месопотамию и возвратить Митридата в Понт. Зато в 66 г. новый римский полководец, Помпей, сумел натравить на Тиграна его сына, который предательски вызвал против отца парфянские войска. Митридат же был окончательно разбит римлянами, бежал в Боспорское царство и там покончил самоубийством. По миру в Арташате 66 г. до х.э., Тигран II сохранил собственно армянские земли и

[10] В числе последних было и много иудеев, переселенных до этого в Сирию Селевкидами и, по-видимому, арамееязычных, так как прямых заимствований из древнееврейского в армянский язык нет. Они полностью слились с местным населением, как и остальные депортированные.

часть бывших парфянских, но признал себя зависимым «другом и союзником римского народа» и уплатил огромную денежную контрибуцию. Из Арташата Помпей двинулся на союзную Тиграну Иверию, где ему удалось захватить цитадель Армази при столичном городе Мцхета и нанести поражение иверийскому царю Артоку; затем Помпей через Сурамский перевал вышел в Колхиду, где в г. Фасис встретился с командующим римским флотом.

В связи с походом Помпея мы впервые узнаем о существовании в Восточном Закавказье особого Алванского царства. Когда Помпей двигался через окраинные территории Албании, ее царь Оройс пытался уничтожить его армию по частям, но был вынужден к перемирию. Не увенчалась успехом и попытка брата Оройса поразить Помпея во время боевых действий в Иверии и увлечь римские войска в безводную пустыню. Хорошо обученные римские легионеры разбили алванов, несмотря на то что не только мужчины, но и женщины отважно сражались. Помпей добился того, что иверийский и алванский цари тоже признали свою зависимость от Рима на таких же условиях, как и Тигран. Именно от участников этого похода греческие и римские ученые, видимо, и получили основные из тех немногочисленных сведений об иверийском и алванском обществе, которые дошли до нас.

Помпей произвел передел царств Малой Азии, Армении и Закавказья. Колхиду он отделил от Понта и посадил там некоего Аристарха, монеты которого сохранились, а основную часть Понта и Малую Армению отдал галатскому (кельтскому) вождю Дейотару. В дела Иверии и Албании римляне практически вмешиваться не могли ввиду отдаленности этих стран, и «союз» с Римом пошел им скорее на пользу, так как усилил их политически и укрепил экономические связи с Римом. Возможно, часть торговли Рима с Востоком пошла через Закавказье в обход Армении.

Что же касается Армении, то ее подчинение Риму на этой стадии оказалось номинальным. Сын Тиграна II Артавазд II (55—34 гг. до х.э.), который сочетал управление государством с занятиями историей и даже драматургией (писал он по-гречески), уклонился от поставки Риму военных контингентов против Парфии, обещанных по Арташатскому миру, и выступил в союзе с парфянами. Когда римский полководец Красс погиб в битве с парфянским полководцем Суреном при Каррах (Харране) в Месопотамии (53 г. до х.э.), Сурен прислал его голову царю Парфии, который находился в Арташате на свадьбе своего наследника с дочерью Артавазда. Царь присутствовал на представлении «Вакханок», трагедии Еврипида, и актер вынес вместо бутафорской головы, требовавшейся по ходу действия, голову римлянина.

Гибель Красса позволила Артавазду снова расширить пределы Армении на западе[11], но римляне не прекращали своих нападений. В 36—34 гг. начал войну с Парфией, а затем и с Арменией римский полководец Антоний, который, опираясь на помощь египетской царицы Клеопатры, управлял восточной частью римских владений. Несмотря на начальные поражения, Антоний смог заманить Артавазда в свой лагерь якобы для переговоров и захватить его. Арташат был разграблен. В числе прочего были увезены зо-

[11] Он, по-видимому, участвовал в походе парфянского царевича Пакора (40 г. до х.э.) против средиземноморских провинций Рима и привел по примеру своего отца Тиграна II группу иудейских ремесленников, поселенных им в г. Ван (Тушпа). В отличие от тиграновских переселенцев они сохранили иудейскую веру.

лотая статуя богини Анаит и множество других сокровищ. Артавазд был проведен в триумфальном шествии римского полководца, а затем обезглавлен. Однако оставленные Антонием в Армении римские гарнизоны были позже перебиты войсками Арташеса II, сына Артавазда (30—20 гг. до х.э.). Лишь после убийства Арташеса II римлянам удалось навязать Армении своих ставленников в качестве царей, пользуясь тем, что страна была с трех сторон окружена союзниками Рима — Иверией, Алванией и «Атропатовой Мидией» (в Иверию и Алванию были даже введены небольшие римские отряды). Первый римский император, Август, поставил армянским царем Тиграна III, воспитанного в Риме (20—6 гг. до х.э.). После его смерти армянская знать возвела на престол Тиграна IV и его сестру Эрато. Началась новая война с римлянами и их союзниками, окончившаяся гибелью Тиграна и отречением Эрато; Август отдал Армению царю Атропатены; его преемник Тиберий передал ее было понтийскому царевичу, а когда задумал поставить своего человека также и в саму Парфию, то Армения была обещана иверийскому царевичу. Страна стала на длительное время полем сражения между римлянами, парфянами и иверами, которых поддерживали алваны и сарматы. На некоторое время из этой борьбы наибольшую выгоду извлекла Иверия: создалось положение, когда иверийский царь (сначала Митридат I, потом Фарасман I) мог ставить своих сыновей царями Армении и одновременно, видимо, осуществлять гегемонию и над Алванией. Но непрерывные войны и смена правителей не прекращались. Наконец, восставшая в 52 г. х.э. армянская знать добилась от парфянского царя Вологеса (Валарша) I разрешения поставить его брата Тиридата I независимым царем Армении.

Попытки римских полководцев восстановить утраченное положение (причем один из них, Корбулон, даже сжег Арташат) в конце концов потерпели неудачу, и в 64 г. х.э. в Рандее, на р. Арацани, был заключен мирный договор между Римом и Арменией. Тиридату в сопровождении огромной свиты пришлось отправиться в Рим получать венец независимого царя (правда, из рук римского императора Нерона). Кроме того, Нерон «пожертвовал» большую сумму на восстановление разрушенного Арташата.

Началась новая, Аршакидская эпоха в истории Армении, оставившая в ней глубокие следы.

3. ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА ЗАКАВКАЗЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН В IV—I вв. до х.э.

К сожалению, об обществе Армении, Колхиды, Иверии, Алвании и Атропатены IV—II вв. до х.э. мы не знаем ничего достоверного; сообщения Страбона (I в. до х.э. — I в. х.э.), Плутарха (I—II вв. х.э.), Аппиана (II в. х.э.) и Диона Кассия (II—III вв. х.э.) очень кратки, и, поскольку источник их неясен, неизвестно, к какому времени относятся их сведения — наиболее вероятно, что главным образом к I в. до х.э., хотя возможно, что они пользовались в какой-то мере и более ранними авторами.

Что касается Армении и Атропатены, то, как можно думать, их общество в IV—II вв. до х.э. мало отличалось по своему состоянию от того, в котором оно находилось при Ахеменидах. Реформы Арташеса I в Армении, вероятно, сводились к попытке приблизить социально-экономический строй к тому, который установился в эллинистических государствах, а та госу-

дарственность, которую насаждал Тигран II, как и армянское общество его времени, вероятно, уже мало отличалась по своей структуре от позднеселевкидской.

Во всяком случае, нельзя считать, что Армения совершенно сызнова должна была создавать цивилизацию после гибели Урарту и что только ко II—I вв. до х.э. в ней вновь начинает преобладать рабовладельческий господствующий класс. Хотя на нагорье уже начал складываться новый, армянский народ, но армянское общество было прямым продолжением хуррито-урартского, и даже термины для понятий «раб» и «рабыня» продолжали применяться хуррито-урартские. Отличие заключалось в постепенном — впрочем, очень медленном — создании самоуправляющихся торгово-ремесленных городов типа эллинистических полисов, а с другой стороны, обширных царских и частных рабовладельческих владений (*дастакертов* и *агараков*)[12]. Существовали и сельские общины (*гевлы*), однако неясно, принадлежали ли земледельцы-общинники к частному сектору (на что может указывать сохранение у них большесемейных коллективов) или они являлись «царскими людьми». По сравнению с ахеменидским временем значительно усилились международная торговля и товарно-денежные отношения внутри страны. Если в начале II в. до х.э. монету все еще чеканила одна лишь Софена, то в I в. до х.э. денежное обращение в Армении было распространено не меньше, чем в других частях эллинистического мира.

В отношении обществ Иверии и Албании нам приходится довольствоваться довольно неясными известиями, прежде всего Страбона. Об Иверии он говорит: «Равнину населяют те из иверов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и помидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми находятся в соседстве и родстве[13], впрочем, они занимаются и земледелием... Жители страны делятся на четыре разряда: один из них — тот, из которого ставят [сакральных? — *Ред.*] царей по признаку родства и его первенству в старшинстве; следующий же [по старшинству и родовитости?] творит суд и предводительствует войском; второй разряд составляют жрецы, которые также ведают спорные дела между соседями; к третьему разряду относятся воины и земледельцы, к четвертому — лаой, являющиеся царскими рабами».

Таким образом, категория «царских людей» (лаой) в отличие от Селевкидского государства не поглотила здесь свободных общинников, составлявших массу носивших оружие полноправных земледельцев вне государственного сектора экономики. Говоря об иверах, Страбон прибавляет, что имущество у них — общее по родственным объединениям: «возглавляет каждое и заведует имуществом старейший». Это порядок, хорошо знакомый нам по шумерскому или хурритскому обществу ранней древности Передней Азии. Частные рабы, видимо, большой роли не играли.

В Иверии хотя и медленно, но также развивалась городская жизнь, по-видимому, частично за счет переселенцев с юга. Так, есть основание предполагать, что в Мцхете появились группы евреев еще в середине II в. до х.э., а затем — после разрушения Иерусалима Титом в 70 г. х.э.; по пре-

[12] Разница между дастакертами и агараками пока остается неясной.

[13] Действительно, надписи из Мцхеты доказывают распространенность скифо-сарматских имен в Иверии.

данию, здесь помимо коренного имелось также арамейское, греческое и другое население.

Сходным во многом представляется и общество Алвании. И здесь важную роль наряду с военной знатью играли жречество и храмы, имевшие, вероятно, своих храмовых зависимых людей, сходных с лаой. Однако значительного государственного сектора здесь, очевидно, не было, как не было и значительных городов, кроме резиденции царей — Калабаки. Денежное обращение здесь развивается позже, чем в Армении и Атропатене; со II в. до х.э. отмечены клады селевкидских монет, видимо являвшихся здесь средством накопления сокровищ (античные авторы упоминают о меновой торговле в Алвании); с конца II в. до х.э. встречаются парфянские, а позже и римские монеты.

Отставанию Алвании способствовала ее племенная раздробленность: население говорило на десятках наречий, взаимно мало или вовсе непонятных, хотя возможно, что в части страны один из местных языков был лингва франка.

В Атропатене, Армении и Иверии в рассматриваемый период выработались общенародные языки-койне: среднемидийский, армянский и картвельский. В Западной Грузии и в Алвании койне не было. Ни в одном из государств не было своей письменности: пользовались либо греческой (особенно в городах), либо арамейской (по-видимому, «гетерографической», т.е. обслуживавшей не собственно арамейский, а мидийский или парфянский язык).

В Атропатене, как и в Парфии, были распространены иранские культы, традиционно связывавшиеся с именем Заратуштры (Зороастра), хотя фактически, вероятно, имевшие мало общего с его учением, как оно изложено в Старшей Авесте (Гатах и т.д.). Зороастрийские и мнимозороастрийские учения были занесены при Ахеменидах также в Армению и Малую Азию, но, чем далее на запад, тем более они сочетались с местными культами или преображались под их влиянием. Так, в Армении наряду с зороастрийским Арамаздом и иранскими Анаит (Анахитой) и Вахагном (Веретрагной) почитался бог Торк, по-видимому лувийский, и ряд, вероятно, протоармянских божеств; все они отождествлялись, особенно при Тигране II, и с греческими богами. Обо всех этих культах мы знаем лишь по христианским средневековым малодостоверным известиям, где предки-эпонимы смешаны с богами, эпитеты божеств — с самими божествами, боги зороастрийские — с местными. Во всяком случае, еще до воцарения в Армении Аршакидов зороастризм в одной из его разновидностей прочно вошел в быт армянского народа. Об этом свидетельствуют средневековые предания и зороастрийский или, во всяком случае, иранский характер дохристианских армянских имен собственных. В восточной части Малой Азии и отчасти в Армении более всего, пожалуй, почитался световой бог Митра, называвшийся именем иранского бога, но в формах, совершенно отличных от распространенных в Иране и восходящих к каким-то местным культам (в Армении, по-видимому, Митрой назывался урартский бог Халди). Местный древнейший бог-громовержец, почитавшийся хурритами под именем Тешуб, урартами под именем Тейшеба, хетто-лувийцами — под именем Тархус или Тархунтас, стал протоармянским Торком и, видимо, был отождествлен, с одной стороны, с греческим Зевсом (в Коммагене), с другой — с иранским Вахагном (Веретрагной). В целом можно считать, что для Атропатены была характерна разновидность зороастризма, а для Армении, Малой Азии и Понта — типичный вообще для эллинистического периода

синкретизм, но с преобладанием зороастрийских или по крайней мере признанных позднейшим зороастризмом иранских божеств.

Что касается Иверии и Албании, то здесь существовали собственные древние культы общинных богов. Так, в столице Картли почитался бог Луны Армази: одни исследователи с некоторой вероятностью отождествляют его с зороастрийским Ахура-Маздой, а другие приписывают ему хеттское происхождение. Там же почитались божества Гаци, Га и т.п. Влияние зороастризма было в какой-то мере безусловно ощутимо в Иверии, но характер имен иверийских царей по большей части скорее скифский, чем зороастрийский. В Албанию влияние зороастризма проникло поздно. По Страбону, здесь почитали «Солнце, Зевса и Луну, в особенности же Луну». Он описывает албанский храм божества Луны, находившийся недалеко от границ Иверии, возможно в нынешней Кахетии, и обряд происходивших здесь человеческих жертвоприношений. Есть предположение, что они совершались и в Иверии, да и ахеменидскому Ирану они не совсем были чужды.

Во всех перечисленных странах должность главного жреца была второй в государстве после должности царя. В каждой из них (и в этом — отличие от более древнего царства Урарту) существовали огромные храмовые хозяйства и даже целые области, населенные храмовыми людьми. Такова, например, была, по-видимому, область Анахтакан, принадлежавшая храму богини Анаит в Армении. В Албании храмам отведена была земля (*хора*), по словам Страбона, «обширная и хорошо населенная» храмовыми рабами (*иеродулами*), по крайней мере часть которых имела и культовые обязанности; из них же избирались человеческие жертвы. В отличие от других эллинистических государств в государствах северного горного пояса Ближнего Востока сохранялось значение также и свободных земледельцев, принадлежавших к общинно-частному сектору, хотя они могли не быть гражданами самоуправляющихся городов.

Между тем состояние производительных сил достигло в большинстве случаев примерно того же уровня, что и в более развитых странах Ближнего Востока. Древняя формация подошла на этих территориях к поре своего упадка и гибели при все еще не полностью исчезнувших архаических формах социальных отношений. Таким архаизмом, в частности, было существование (вне храмовых и городских общин) свободного общинного крестьянства.

Глава XXX

ПАРФИЯ И ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

1. ПАРФЯНСКАЯ ДЕРЖАВА

Селевкидское царство, оказавшееся наследником восточных владений Александра, стало уменьшаться в размерах уже через несколько десятилетий после своего возникновения. Особенно ощутимой для Селевкидов была потеря самых дальних восточных областей — Бактрии (современный Северный Афганистан и частично правобережье р. Амударьи) и Парфии (горы Копетдаг и примыкающие к ним долины Юго-Западной Туркмении и Северо-Восточного Ирана). Они были утрачены в середине III в. до х.э. во время междоусобиц двух селевкидских царевичей — Селевка и Антиоха.

Парфянский период длился дольше, чем ахеменидский: на него приходится без малого пять веков — со второй половины III в. до х.э. (отложение Парфии от Селевкидов) по первую четверть III в. х.э. (возвышение и окончательная победа над последними парфянскими царями династии Сасанидов). Но позднейшая иранская историческая традиция (восходившая к Сасанидам) не сохранила об этом периоде почти никаких сведений. «Их корни и ветви были короткими, так что никто не может утверждать, что их прошлое было славным. Я не слышал ничего, кроме их имен, и не видел их в летописях царей». Такая память осталась о парфянах к X в. х.э., когда персидский поэт Фирдоуси писал свою «Книгу царей».

Парфяне вошли в мировую историю прежде всего как могущественные и коварные противники римских легионов, сражавшихся на Востоке. И до самого недавнего времени, не имея других источников, историкам поневоле приходилось смотреть на парфян глазами латинских и греческих авторов. Естественно, что взгляд их был недружелюбным и настороженным, а главное, беглым и весьма поверхностным. Так из-за неполноты и односторонности источников возникло представление о «темных веках» в истории Ирана, когда эллинистическое наследие оказалось в руках варваров-эпигонов, а духовная культура находилась в упадке. Только в XX в. стали появляться новые материалы (в первую очередь археологические находки), позволившие взглянуть на историю Пафянской державы по-новому.

С разной степенью подробности исследованы в настоящее время десятки городов и поселений парфянского времени на всей обширной территории государства. Яркую картину жизни небольшого пограничного римско-парфянского города удалось воссоздать благодаря работам в Дура-Европос на среднем течении Евфрата. В 20—30-е годы проводились раскопки одного из наиболее крупных эллинистических городов в Месопотамии — Селевкии на Тигре. Менее детально исследованы парфянские слои Ктесифона, одной из столиц Парфянской державы (тоже на Тигре). Проводились раскопки и ряда других городов — Ашшура, Хатры и др., начаты исследования одной из столиц — Гекатомпила, большие результаты дает исследование парфянских памятников в Южной Туркмении (т.е. в

Парфии собственно), и в первую очередь многолетние раскопки остатков парфянского города Михрдаткерта (городища Старая и Новая Ниса в 16 км от Ашхабада). Здесь раскопаны несколько храмов, зданий общественного назначения и некрополь. Из наиболее интересных находок в Нисе следует назвать памятники парфянского искусства (глиняная и каменная скульптура, резные роги для вина — ритоны из слоновой кости). Но особое место занимает находка хозяйственного парфянского архива — написанные тушью на остраках (глиняных черепках) документы, учитывающие поступления вина с окрестных виноградников в царские погреба Михрдаткерта, а также его выдачу. Всего архив из Нисы содержит более 2500 таких документов, относящихся к I в. до х.э.

Основателем Парфянского царства считается Аршак — «человек неизвестного происхождения, но большой доблести...» (пишет римский историк Юстин). Его имя дало название династии Аршакидов. Не исключено, что Аршак был выходцем из Бактрии. Но основной силой, на которую он опирался, были северные соседи Парфии — кочевые племена парны (или дахи — название большого племенного союза, в который входили и парны).

Отложение Бактрии и Парфии от Селевкидов относят к середине III в. до х.э., но захват власти Аршаком произошел несколько позже, вероятно в 238 г. до х.э. Первые десятилетия существования Парфянского царства были заполнены напряженной борьбой за расширение владений и отражением попыток Селевкидов вернуть себе власть над метяжной областью. В 228 г. до х.э., когда на парфянском престоле находился уже брат Аршака I Тиридат I, только помощь кочевых среднеазиатских племен спасла парфянского царя от поражения во время похода на Парфию Селевка II. В 209 г. до х.э. сын Тиридата I был вынужден, уступив часть владений, заключить мир с селевкидским царем Антиохом III, совершившим победоносный поход на восток.

К этому времени под властью Аршакидов уже находились богатая прикаспийская область Гиркания и частично Мидия. Но окончательное превращение Аршакидов из скромных владетелей сравнительно небольшой области в могущественных повелителей мировой державы — «Великой Парфии» — произошло только при Митридате I (171—138 гг. до х.э.). К концу его царствования владения Аршакидов простирались от гор Гиндукуш до Евфрата, включая (кроме собственно Парфии и Гиркании) на востоке области, отвоеванные у Греко-Бактрии, а на западе — большинство областей Ирана и Месопотамию. Селевкиды безуспешно пытались противостоять напору Аршакидов: Митридат I взял в плен и поселил в Гиркании Деметрия II Никатора, а сын и преемник Митридата I Фраат II (138—128-27 гг. до х.э.) упрочил завоевания парфян, нанеся в 129 г. до х.э. поражение Антиоху VII. Парфянская экспансия на запад временно приостановилась, когда державе Аршакидов с востока стала угрожать нахлынувшая из степей Центральной Азии волна кочевых племен (в китайских династийных хрониках это племенное объединение, в состав которого входило и племя кушан, носило название «юэчжи»; античные авторы называли их тохарами). В борьбе с этими племенами нашли свою смерть и Фраат II, и правивший после него Артабан I (128-27 — ок. 123 гг. до х.э.). Дальнейшее продвижение этих племен удалось остановить только Митридату II (ок. 123 — ок. 88 гг. до х.э.). Упрочив границы своего царства, Митридат II сумел «присоединить к Парфянскому царству многие страны». Особенно активной была его внешняя политика в Закавказье (в частности, в Армении).

В 92 г. до х.э. Митридат II, отправив посольство к Сулле, открыл совершенно новую страницу во внешней политике Парфянской державы — контакт с Римом. В последующем отношения между двумя государствами имели далеко не мирный характер. Парфия оказалась главной силой, препятствовавшей проникновению Рима на Восток. Борьба, для которой находилось немало поводов, шла с переменным успехом в течение трех веков: закованных в цепи парфян разглядывали на нарядных улицах Рима во время очередного триумфа, а тысячи римских легионеров изведали тяготы плена в глубине Парфянской державы.

Самую яркую победу парфянам в этой борьбе принес 53 год до х.э., когда в битве при Каррах (Харран в Верхней Месопотамии) римское войско потерпело сокрушительное поражение (только убитыми римляне потеряли 20 тыс.).

В 52—50 гг. до х.э. парфянами была оккупирована вся Сирия, в 40 г. до х.э. парфянскую конницу видели у стен Иерусалима. В 39 и 38 гг. до х.э. успех был на стороне римлян, но в 36 г. до х.э. снова полной неудачей окончился большой поход римского войска против парфян. На этот раз римлян возглавлял Марк Антоний. Это произошло уже в царствование Фраата IV (38-37—3-2 гг. до х.э.), использовавшего победу для установления длительных мирных отношений с Римом. В 20 г. до х.э. Фраат IV совершил важный дипломатический шаг, который произвел огромное впечатление в Риме, — возвратил пленных и штандарты римских легионов, захваченные после побед над армиями Красса и Антония. После этого крупных столкновений между Римом и Парфией не было более ста лет.

Но в 115 г. х.э., уже при императоре Траяне, Армения и Месопотамия были объявлены римскими провинциями. В 116 г. х.э. создается новая римская провинция — «Ассирия», а войска Траяна вступают в Селевкию и в парфянскую столицу Ктесифон, где захватывают «золотой трон» Аршакидов. Только смерть Траяна (117 г.) поправила дела парфян. Однако в 164 г. х.э. (при императоре Марке Аврелии) римляне снова вторглись в Месопотамию, сожгли Селевкию и разрушили царский дворец в Ктесифоне. В 198—199 гг. армия императора Септимия Севера нанесла новое сокрушительное поражение парфянам и захватила в Ктесифоне царские сокровищницы и 100 тыс. пленных. Победа последнего парфянского царя, Артабана V (213—227), над римлянами в 218 г. возвратила Аршакидам Месопотамию, но их трон уже сотрясался в это время под ударами внутреннего врага — возвысившейся в провинции Парс династии Сасанидов, которым предстояло не только поставить последнюю точку в истории Аршакидов, но и продолжить их борьбу с Римом.

2. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ПАРФЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Еще недавно социальную структуру Аршакидской державы некоторые исследователи уверенно определяли как феодальную. Представители знатных парфянских родов и царские вельможи (*вазурги*), мелкие владетели и полузависимые князьки, управители областей и другие сановники рассматривались при этом как находившиеся на разных ступенях иерархической лестницы вассалы верховного сюзерена — «царя царей». К числу проявлений «феодализации» парфянского общества относили распространение единообразного костюма воина, сложный ритуал придворных церемоний,

пышную титулатуру и другие чисто внешние признаки. Однако новые материалы (и прежде всего данные хозяйственных документов) не укладываются в эту схему. Общая картина, которая сейчас только смутно вырисовывается, оказывается намного сложнее, и для ее твердого обоснования потребуется еще немало новых фактов. Пока еще можно говорить только об отдельных элементах общественного устройства Парфянского государства и об основных тенденциях в его социальной жизни.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что социальная структура парфянского общества оставалась неизменной на протяжении всех пяти веков его существования. Во-вторых, следует учитывать, насколько принципиально различные по своему общественному и экономическому устройству социальные организмы оказались объединенными в политических рамках «Великой Парфии»: здесь были и эллинистические города, сохранявшие самоуправление, и мелкие арабские княжества с очень сильными традициями патриархально-родового устройства, и полузависимые царства, управлявшиеся где родичами «царя царей», а где местными династиями и сохранявшие право выпускать свою монету. Здесь были и экономически сильные храмовые поместья[1], и частновладельческие поместья — *дастакерты* с прикрепленными к земле рабами, и свободные землевладельцы, жившие по традиционным нормам общинного уклада, и рабы-военнопленные (*аншахрик* — «иноземные»).

Плиний писал, что парфяне владеют восемнадцатью царствами. Позднее их называли «царями племен», и в этом, очевидно, содержится один из ключей к пониманию внутреннего устройства Парфянского государства. Номады-парны, оказавшись в роли создателей одной из самых могущественных мировых держав своего времени, еще долго, видимо, сохраняли пережитки кочевнических родовых традиций. Именно этим, а не «феодализацией» следует объяснять ту особую роль, которую в течение всей истории Парфянской державы играли могущественные роды парфянской знати — Карены, Сурены, Михраны и др., имевшие каждый свое войско. К пережиточным явлениям родо-племенной организации относится и сохранение у парфян общегосударственного совета родовой знати.

Пока можно судить только о военно-политической организации, которую создали Аршакиды, чтобы удержать в своих руках завоеванные страны: она была достаточно гибкой и приспособленной к особенностям и традициям каждой области. Так, в западных областях засвидетельствованы названия должностных лиц, восходящие — через Селевкидов — к греческой номенклатуре чиновников («*стратег* Месопотамии и Парапотамии»[2], «*архос* (глава) арабов» — в долговом контракте из Дура-Европос) или к еще более древним ахеменидским терминам (*аркапат* — «начальник крепости»). Местные титулы и звания иранского происхождения существовали и в Закавказье (*битахш*, или *питиахш*, — «наместник», «занимающий второе место»), и в Восточном Иране (*нахвадар*, *ноходар*, — «держащий первое место»). Более подробно (благодаря хозяйственным документам из Нисы) исследовано административное деление, существовавшее на восточной окраине Аршакидской державы — в собственно Парфии. Здесь оно было трехступенчатым: *дизпат* (правитель селения или небольшой крепо-

[1] В частности, учетные документы, найденные в Михрдаткерте, видимо, относятся к царско-храмовым землям, которые обрабатывали зависимые люди и, возможно, арендаторы. — *Примеч. ред.*

[2] Т.е. Междуречья и Заречья. — *Примеч. ред.*

сти с прилегающими землями) подчинялся сатрапу (*шахрап*), управлявшему в отличие от ахеменидской эпохи сравнительно небольшой областью, а над сатрапами стоял *марзбан* («охраняющий границу»), ведавший более крупной административно-территориальной единицей (все эти термины иранского происхождения). Видимо, по областям различалась и система налогообложения.

Подобная система административного устройства, приспособленная к особенностям каждой области, могла обеспечить управление огромной державой лишь в условиях сильной царской власти, но когда она ослабевала, немедленно проявлялась тенденция к децентрализации. Соперничество между родами парфянской знати усиливало эту тенденцию. Еще одна могущественная внутренняя сила, противостоявшая власти царя в Парфии, — экономически развитые города Месопотамии. Их неоднократные антиаршакидские выступления во II—I вв. до х.э. — косвенное подтверждение того, что Аршакиды пытались нарушить их традиционный статус. Каковы бы ни были процессы, происходившие в социально-экономической жизни месопотамских городов парфянского времени, ко II в. х.э. уже не наблюдается никаких резких проявлений антагонизма между этими городами и царской властью.

Тенденция к децентрализации с последней четверти I в. х.э. заметно усиливается и приобретает обычно форму борьбы за власть между несколькими представителями аршакидской династии, которых поддерживали различные внутриполитические силы. В конце I — начале II в. х.э. у власти в Парфии нередко находятся одновременно два (а иногда и три) враждующих правителя, каждый из которых носит пышную царскую титулатуру, чеканит свою монету и т.д. Однако расстановка сил в этой междоусобной борьбе была, очевидно, непостоянной — мы ничего не знаем о разделах Парфянского царства, которые закрепили бы за разными ветвями аршакидской династии определенные территории: каждый из соперников претендовал на все царство. Ослабление центральной власти не замедлило сказаться во внешнеполитических неудачах (именно междоусобицы облегчили римские завоевания в Месопотамии во II в. х.э.) и в усилении сепаратистских тенденций царств и областей, составлявших Парфянскую державу. Еще в 58 г. х.э., после восстания, стала независимой Гиркания, неоднократно отправлявшая собственных послов в Рим. Многие свои владения аршакидские цари теряют во II в., а к началу III в. из-под их власти окончательно выходит Парс (Персида), где местные династии (сперва с титулом *фратарак* — «князь», «предводитель», затем с титулом *шах*[3] — «царь») сохранялись у власти и чеканили свою монету непрерывно, начиная с III в. до х.э. Здесь правители и жречество считали себя преемниками и хранителями ахеменидского наследия. Их оппозиция Аршакидам привела в первой четверти III в. к тому, что против парфянского царя выступил Арташир, «сын Папака, из семени Сасана», победы и царствование которого открывают новую эпоху в истории Ирана — сасанидскую.

3. КУЛЬТУРА ПАРФИИ

Нельзя рассматривать парфянскую культуру как «арифметическую сумму» культур тех стран и народов, которые составляли аршакидскую

[3] В текстах обозначается арамейским написанием — *малка*.

державу. Не происходило и иранизации покоренных народов, насильственного навязывания им культуры завоевателей или слияния культур с потерей облика каждой из них. Греки в Селевкии на Тигре продолжали приносить жертвы своим богам; в Парсе чтили Армазда (Ахурамазду) и Анахиту (особенно славился ее храм в Стахре), т.е. древние зороастрийские божества, культ которых сохранялся здесь вместе с другими ахеменидскими традициями. В собственно Парфии и в ряде других областей были распространены культы, восходившие к учению Заратуштры, но претерпевшие очень сильные изменения. Несомненно, существовала и Авеста или ее важнейшие части, но неизвестно, в устном ли только исполнении магов или уже записанная (арамейскими буквами или как-нибудь иначе). В арабском княжестве Хатра (среди пустыни между Тигром и Евфратом) поклонялись древним семитским божествам, хотя и изображали их по эллинистическим образцам: ал-Лат — как Афину, Шамса — как бога Солнца Гелиоса и т.д. В кварталах римско-парфянского пограничного города Дура-Европос храм Зевса-Теоса мог соседствовать с синагогой, храм «пальмирских богов» — с римским «Митреумом» (митраизм — религия, очень далекая от первоначального иранского культа светового божества Митры, — распространился в Римской империи через Малую Азию, на первых порах соперничая здесь с ранним христианством).

Только в изобразительном искусстве разных областей Парфии местные черты часто выглядят как бы сглаженными — прежде всего потому, что художники в далеких областях Парфянской державы часто следовали одним и тем же эллинистическим образцам, наполняя их, однако, своим содержанием (как это было, например, с изображениями божеств в Хатре). Широкое распространение определенного набора эллинистических сюжетов и образов (особенно популярна была, например, фигура Геракла), чисто внешних атрибутов нередко переосмысляемых изображений характерно в это время для огромной территории — от Средиземноморья до Индийского океана. Одни области, как, например, Парс, оказались в меньшей степени затронутыми этими веяниями эпохи, другие — в большей.

Очень высокого развития достигла парфянская архитектура: несмотря на явное преобладание в ней эллинистических приемов и традиций, «лицо» парфянской архитектуры определяет их сочетание с древневосточным архитектурным наследием (купольные своды особой конструкции, большое развитие открытых во двор помещений под сводом или на столбах — айванов).

Специфические парфянские черты в искусстве Аршакидского государства полнее всего проявляются в изображениях правителей. Именно в эту эпоху складываются те особенности иранского официального образа царя, которые достигают высшего расцвета в сасанидском искусстве III—IV вв.

Официальных письменных языков в державе Аршакидов было несколько. Широкое распространение имел греческий язык, не только служивший для составления различных документов, но и являвшийся языком монетных легенд. Это был прежде всего язык городов и торговли, но знали его и в собственно парфянской среде, где было распространено увлечение греческим театром. Важную роль в жизни Парфянского государства играли и семитические языки. Созданный на основе арамейского алфавита письменный язык парфянских канцелярий состоял более чем наполовину из

арамейских слов, которые, однако, полагалось читать по-парфянски (таким способом записаны документы архива из Нисы и некоторые другие документы и надписи). Вряд ли у парфян существовала своя письменная литература. Однако к парфянскому времени относятся расцвет искусства иранских певцов-сказителей (гошанов) и, вероятно, сложение восточноиранского эпоса в той его форме, которая была записана позднее, при Сасанидах, а до нас дошла в поэтической передаче Фирдоуси.

4. ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Сведения о странах, лежавших на восточной окраине эллинистического мира (современные Афганистан, Средняя Азия, Пакистан и северо-западные районы Индии), весьма скудны и отрывочны. Далеко расположенные от цивилизаций с развитой письменной исторической традицией, эти страны лишь изредка попадали в поле зрения как греко-латинских историков и географов, так и придворных историографов китайских императоров. Собственная же историческая традиция в этих странах если и была, то нам пока неизвестна. Поэтому особенно велика ценность прямых исторических свидетельств, поставляемых археологией, — будь то хозяйственные документы или монетные находки, памятники искусства или предметы вооружения, остатки ирригационных сооружений или развалины древних зданий. Все это в особенности приходится учитывать, рассматривая историю Греко-Бактрийского царства.

В середине III в. до х.э. (между 256 и 245 гг. до х.э.) одновременно с Парфией от Селевкидов «отложился и Диодот, наместник тысячи городов бактрийских, и приказал, чтобы его величали царем; следуя этому примеру, народы всего Востока отпали от македонян», пишет римский историк Юстин.

Ядро владений Диодота и его преемников составляла территория Северного Афганистана (столица Бактрии находилась около современного города Балх), однако точные границы царства определить трудно. Стремление греко-бактрийских царей распространить свою власть на север, очевидно, наталкивалось на сопротивление обитавших там народов. Насколько грозной силой были эти северные соседи, показывает эпизод, рассказанный историком Полибием и относящийся к 208—206 гг. до х.э., когда селевкидский царь Антиох III осаждал греко-бактрийского царя в его столице. Осада продолжалась два года и была снята только после того, как греко-бактрийский царь передал через посредника Антиоху III, что «положение их обоих становится небезопасным. На границе стоят огромные полчища кочевников, угрожая обоим: если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет завоевана ими».

Экспансия на юг оказалась менее трудным делом: уже в первой четверти II в. до х.э. греко-бактрийский царь Деметрий перешел Гиндукуш и стал «завоевателем Индии». На его монетах впервые наряду с греческими появляются и индийские надписи, а с середины II в. до х.э. такие двуязычные монеты чеканят все последующие правители (по этому признаку их отличают как «греко-индийские» от более ранних, собственно «греко-бактрийских»).

В Греко-Бактрийском царстве поддерживалось четкое обособление гре-

ков[4] от местного населения с сохранением всех эллинистических институтов и традиций в социальной жизни, греческого языка и большинства других элементов культуры. Один из греко-бактрийских городов, раскопанный французскими археологами в Северном Афганистане (городище Айханум у впадения р. Кокча в Амударью), — это типично эллинистический город с характерными для него акрополем и агорой, регулярной планировкой и общественными зданиями, пропилеями и портиками, колоннадами и фортификационными сооружениями, надежно охранявшими обитателей этого островка греческой культуры среди «варварского» окружения. Этот город был основан в последней четверти IV в. до х.э., а прекратил существование в конце II или в I в. до х.э.

Чисто греческий облик столь же характерен и для монетной чеканки греко-бактрийских царей — от титулатуры и имен царей до весовой системы. Именно в Бактрии были отчеканены самые крупные в истории античного мира золотые (достоинством в 20 статеров — около 160 г) и серебряные (достоинством в 20 драхм — более 80 г) монеты. Портреты греко-бактрийских царей на монетах считаются одной из непревзойденных художественных вершин античного медальерного искусства. На оборотной стороне монет изображались греческие божества, покровительствующие царю, прототипом для которых служили лучшие каноны эллинистического времени.

В письменных источниках встречаются упоминания только о семи греко-бактрийских царях. Основателю Греко-Бактрийского царства Диодоту I наследовал (видимо, в 30-х годах III в. до х.э.) его сын Диодот II. В 20-х годах III в. до х.э. у власти уже находился царь Евтидем, выдержавший в 208—206 гг. двухлетнюю осаду Антиоха III. В самом конце III или в начале II в. до х.э. начал царствовать его сын Деметрий, прославившийся как завоеватель Индии. В 70—50-х годах II в. до х.э. Бактрией правит царь Евкратид, именующий себя на монетах «великим». Известно, что он был современником и, возможно, противником парфянского царя Митридата I; доблестно, но не всегда успешно вел многочисленные войны; совершил, как и Деметрий, поход в Индию. Погиб Евкратид от руки собственного сына, бросившего его труп без погребения и проехавшего по крови своего отца в колеснице. Еще два царя — Менандр и Аполлодот — упоминаются в связи с проникновением греко-бактрийских царей в Индию, что находит подтверждение и в их монетном чекане.

Наибольшую известность на Востоке получил Менандр. Рожденный близ эллинистического города Александрии, недалеко от нынешнего Кабула, он распространил свои владения далеко в глубь Индии, по-видимому проникнув в долину Ганга. Если верить индийской традиции, Менандр воспринял учение буддизма.

На этом список греко-бактрийских царей, который можно составить по письменным источникам, оказывается исчерпанным. И здесь обнаруживается, насколько неполны сведения античных авторов о греко-бактрийских и греко-индийских царях: их монетами засвидетельствовано существование еще не менее двадцати (часто, судя по титулам на монетах, тоже «великих») царей. Где они правили и когда — на эти вопросы исследователям пока приходится отвечать только гипотетически, исходя прежде всего из самих монет.

---

[4] Имеются в виду люди, сохранившие греческий образ жизни и греческую культуру; они не обязательно были потомками только греков. — *Примеч. ред.*

5. ТОХАРЫ (ЮЭЧЖИ)

Пришедшие из глубин Центральной Азии кочевники, которые в 20-х годах II в. до х.э. угрожали Парфянскому царству с востока, представляли еще более серьезную опасность для владений греко-бактрийских царей. Китайский историк Сыма Цянь рассказывает, что юэчжи двинулись на запад, потерпев в 70-х годах II в. до х.э. поражение от племен сюн-ну (гуннов). Очевидно, это была борьба за господство в степях Центральной Азии. Гунны помнили об этой победе и гордились ею; их вожди, сделав сосуд из черепа убитого предводителя тохаров, еще долго пользовались им в особо торжественных случаях (например, в 47 г. до х.э. вождь гуннов пил из него «клятвенное вино», заключая мир с послами китайского императора).

Пройдя через Давань (совр. Фергана), юэчжи вторглись в Среднюю Азию и подчинили себе значительную ее часть. В столкновении с Бактрией они, по словам китайского историка, одержали верх (возможно, это была одна из неудачных войн царя Евкратида) и «утвердили свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй» (Амударья). Там их и застал в 128 г. до х.э. китайский дипломат и путешественник Чжан Цянь, оставивший краткое описание Средней Азии и Бактрии. По Чжан Цяню, западный сосед юэчжей — Парфия, южный — Бактрия, а границей между ними служит Амударья, У кочевников юэчжей в это время насчитывается «от 100 до 200 тыс. войска», но, «обитая в привольной стране, редко подверженной неприятельским набегам, они расположились вести мирную жизнь». В Бактрии, по словам Чжан Цяня, «народонаселение простирается до миллиона»: «Там ведут оседлый образ жизни; имеют города и дома; в обыкновениях сходствуют с даваньцами. Не имеют верховного главы, а почти каждый город поставляет своего правителя. Войска их слабы, робки в сражениях. Жители искусны в торговле... столица называется Ланьши (Александрия?). В сем городе есть рынок с различными товарами... купцы их ходят торговать в Индию», где «большая жара» и «люди сражаются, сидя на слонах».

Почти ничего не добавляет к сведениям Чжан Цяня китайская хроника «История Старшей династии Хань» («Цянь Ханьшу»), в которой описываются события до 25 г. х.э. В ней только перечислены пять «домов», на которые разделялись юэчжи, и среди них «дом» кушан (гуйшуан).

Глава XXXI

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ

В период ожесточенной борьбы полководцев за раздел державы Александра в Восточном Средиземноморье складывались элементы новых экономических и политических отношений. Массы греков и македонян — купцов, ремесленников, наемников — оседали в Азии и Египте; они приносили свои обычаи и, в свою очередь, воспринимали местные традиции; вырабатывались формы и методы эксплуатации непосредственных производителей, соответствующие уровню развития товарного хозяйства, складывался новый государственный аппарат. По мнению большинства отечественных исследователей, время от распада державы Александра до римских завоеваний государств Восточного Средиземноморья (III—I вв. до х.э.) было временем взаимодействия местных и греческих обычаев, установлений, правовых норм, результаты которого зависели от уровня и потребностей общественного развития населения данного региона. При этом нужно иметь в виду, что взаимодействовали не только греки и жители восточных областей, но и различные местные народности друг с другом.

Одним из первых эллинистических государств, образовавшихся из владений Александра, был Египет. С 323 г. до х.э. сатрапом Египта стал один из ближайших соратников Александра — Птолемей, сын Лага. В 305 г. он провозгласил себя царем. Владения Птолемея I не ограничивались Египтом: он присоединил Киренаику на западе и начал борьбу с другими полководцами за Южную Сирию. Его сын Птолемей II присоединил Ликию и ряд городов в Карии (Малая Азия), захватил Милет.

В правление первых царей из династии Птолемеев сложилась система хозяйства и управления, характерная в целом для всей истории эллинистического Египта. Новые правители использовали как греческие институты, так и ряд местных установлений для укрепления своей власти. Птолемей I украсил и расширил Александрию, один из немногих полисов в Египте, стремясь превратить ее в крупнейший порт Средиземноморья. Он основал полис Птолемаиду, примерно в 200 км ниже Фив.

Большое количество греко-македонских колонистов получили участки от царя на условиях несения военной службы. Птолемеи сохранили традиционное деление Египта на номы, но во главе номов поставили стратегов. Греки — знатоки права и финансов — занимали высшие посты в государстве. Одновременно тот же Птолемей I стремился показать себя наследником фараонов, привлечь к себе знатных египтян (одним из его военачальников был правнук фараона Нектанеба) и опереться на местное жречество. В одной из надписей («Стела сатрапа») говорится, что Птолемей возвратил египетскому храму земли, отнятые персами. При Птолемеях в Египте продолжали существовать храмы, сохранявшие свои привилегии.

Птолемеи как завоеватели, с одной стороны, и наследники фараонов — с другой, считали себя вправе распоряжаться всей землей Египта. На землях Александрии и Птолемаиды, которые считались переданными полисам, находились владения их граждан. Все остальные земли делились

на собственно царские и уступленные. К последним относились владения храмов, участки воинов, дарственные земли, которыми царь награждал высших чиновников, и так называемые частные земли, находившиеся в наследственном владении отдельных лиц. Несмотря на известную дробность категорий землевладения, в птолемеевском Египте существовала централизация в организации сельского хозяйства. Все земли, за исключением полисных и дарственных, облагались налогами. Цари вмешивались в обработку земли, кому бы она ни принадлежала, предписывая каждому ному определенные планы посевов. Даже первый министр Птолемея II — диойкет Аполлоний, ведавший всеми хозяйственными делами страны, владевший колоссальными дарственными землями, — получал предписания от своего повелителя, что именно он должен сеять.

Вмешательство центральной власти в хозяйственную жизнь и тщательный контроль за ней нарушали традиционные нормы эксплуатации непосредственных производителей. Крестьяне, обрабатывавшие царскую землю, назывались «царскими земледельцами». Юридически они выступали как арендаторы царской земли и заключали особые договоры с представителями царской администрации. В этих договорах детальнейшим образом оговаривались обязательства крестьян по обработке данного участка. Земля по урожайности делилась на разряды, и с каждого разряда следовало платить определенное количество сельскохозяйственных продуктов. Взимание твердой платы натурой приводило к тому, что все убытки падали только на земледельцев. Они не имели права оставлять себе хлеб, прежде чем расплатятся с казной; не могли они оставлять даже семенной фонд. Семена сдавались в государственные хранилища, а затем перед посевом те семена, которые должны были высеваться согласно посевному расписанию, выдавались «царским земледельцам» в качестве ссуды. В ряде случаев им давали также скот для обработки земли, за пользование которым они также должны были платить. Земледельцы жили в деревнях; деревня (*кома*) в целом отвечала за выплату податей земледельцами. Основную массу «царских земледельцев» составляли египтяне, но ими могли стать и переселенцы из других стран (даже бедняки-греки), если им не удавалось найти другого — более прибыльного — занятия. «Царские земледельцы» обладали некоторой правоспособностью: могли совершать сделки друг с другом, сдавать свои участки в аренду (точнее — в субаренду) и арендовать землю у частных лиц. Но по отношению к царской власти они выступали как зависимое население. За неуплату податей их могли продать с аукциона частным лицам или казне в рабство. Земледельцы не были юридически прикреплены к своему наделу: при условии выплаты подати они могли менять место жительства, но уход из деревни без такой уплаты расценивался как бегство (*анахоресис*). У нас нет сведений, что бежавших земледельцев специально разыскивали; но деревня, если местопребывание беглеца становилось известным, могла обратиться к царским чиновникам с просьбой о возвращении налогоплательщика (иначе за него пришлось бы платить).

Должностные лица деревень: старосты (*комархи*), писцы — назначались царской администрацией. Существовали специальные контролеры — инспекторы урожая в каждом селении и *экономы* — в масштабах нома. До нас дошла «Инструкция эконому», относящаяся, по всей вероятности, ко II в. до х.э., где подробно перечисляются его функции. Например, там сказано: «Когда сев закончен, неплохо было бы, если бы ты внимательно его (поле) обследовал; таким образом ты ясно удостоверишься, что выросло, узнаешь точно, что плохо посеяно и что вовсе не засеяно. Отсюда

ты узнаешь, кто небрежно относится к делу, и тебе будет известно, не употребил ли кто семена для других целей, не по назначению. Особенное внимание удели тому, чтобы ном засевался согласно посевному расписанию».

Не имея хозяйственной инициативы, будучи обременены многочисленными обязательствами, «арендаторы» царской земли должны были принимать участие и в государственных работах, прежде всего в строительстве ирригационных сооружений. Как и остальные египтяне, земледельцы платили и подушный налог в денежной форме, и большое количество всяческих пошлин — 5% с аренды дома, 10% продажной цены товара и т.п. Греческая система косвенных поборов, выработанная в условиях классического полиса, не знавшего регулярных прямых налогов на имущество и доходы граждан, и система податей и повинностей, существовавшая в древнем Египте, слились в грандиозную организацию ограбления народных масс, при которой ни одна сторона деятельности трудового населения не должна была ускользнуть от финансового контроля государства.

Методы внеэкономического принуждения применялись в эллинистическом Египте и к работникам царских мастерских. Ряд отраслей производства, в частности маслоделие, был монополизирован. Птолемеи конфисковали все маслодельные прессы. Оборудование мастерских — прессы в маслодельнях, станки в ткацких мастерских (изготовление тканей также было монополией царя) — было на учете. Ремесленники получали сырье из казны и в казну же сдавали готовую продукцию, количество и качество которой определялось особыми предписаниями. «Посещай и ткацкие мастерские... — говорится в „Инструкции экономе", — и приложи все старания, чтобы по возможности большее число станков работало и чтобы ткачи изготовляли падающий на ном ассортимент полностью. Если кто не выполнит предписанное количество штук, пусть с него будет взыскана цена, определенная для каждого сорта (царским) установлением. Особое внимание обрати на то, чтобы полотно было хорошего качества и установленной плотности...»

Аналогичные указания приводятся и в отношении маслоделия. Сырье должно было выдаваться строго по нормам; готовая продукция хранилась в специальных складах, опечатанных печатью эконома. Эта продукция продавалась по установленным казной ценам мелким розничным торговцам, которые уже распродавали ее по всей стране.

«Царские ремесленники» не имели права покидать мастерские в период работ: как и «царские земледельцы», они находились в полной зависимости от царя.

Папирусы упоминают довольно значительное число рабов в частных (даже средних по размерам) хозяйствах. Рабы использовались в основном в качестве обслуживающего персонала: слуг, управителей, торговых агентов; были рабыни-ткачихи, но существенной роли в процессе производства рабы не играли.

Рабами становились люди, захваченные на войне, проданные за долги царской казне. Не все военнопленные обязательно становились рабами, некоторые из них получали наделы на царской земле и должны были возделывать их на положении «царских земледельцев».

Особенно тяжелым было положение работников царских рудников. Подробное описание золотых рудников в Нубии сохранилось у греческого писателя Диодора Сицилийского, заимствовавшего это описание у одного из авторов II в. до х.э. Там сказано, что людям, работавшим в рудниках, не-

чем было прикрыть свою наготу, использовался там и труд детей. Кормили работников настолько плохо, что они долго не выдерживали и погибали. Сильная охрана не давала возможности бежать. Пополнялись ряды работников за счет военнопленных, а также осужденных за преступления и заключенных под стражу (без суда) «из-за несправедливых обвинений или личной вражды», как сказано у Диодора. Иногда на рудники отправляли не только самих осужденных, но и их семьи. Таким образом, работа в рудниках была тяжким наказанием, причем не только для государственных преступников, но и для всех людей, проявивших в той или иной форме недовольство или навлекших на себя гнев власть имущих. Применяя труд осужденных в рудниках, Птолемеи преследовали и экономические и политические цели: они стремились подавить всякую возможность выступления против правительства и, используя жесточайшие методы внеэкономического принуждения, получать наибольшие доходы.

Основной опорой власти Птолемеев в Египте была целая армия чиновников: диойкет, экономы, писцы, инспектора, сборщики налогов, полицейские и т.д. Высшие чиновники получали от царя «дарственные» земли. Диойкет Птолемея II Аполлоний имел земли не только в Египте, но и в Палестине. У него были собственный аппарат управления и полиция. Но государственные земли могли быть отобраны: преемник Птолемея сместил Аполлония и отобрал его владения.

Менее важным должностным лицам царь раздавал земельные участки в вечное пользование. С таких земель уплачивались налоги. Кроме того, чиновники получали за службу денежное вознаграждение: в податном уставе Птолемея II указано, что сборщикам податей необходимо выплачивать 30 драхм ежемесячно каждому, их помощникам — по 20 драхм и т.д. С аппаратом управления была связана большая группа откупщиков, торговцев, получавших товары из царских мастерских. Птолемеи сбор ряда податей сдавали на откуп, но деятельность откупщиков находилась под контролем государства: они должны были гарантировать определенную сумму сбора, и все недоимки покрывали из собственных средств. В качестве вознаграждения, согласно данным III в. до х.э., они получали 5% от собранной суммы (сверх положенного собирать они не имели права). Таким образом, эти люди тоже выступали агентами центральной власти.

Государство стремилось в эту разветвленную бюрократическую систему включить и должностных лиц деревни — старейшин и писцов, сделав их представителями царской власти на местах. Эти люди отвечали за сбор податей. В одном из папирусов из Тебтюниса комарх и старейшины сообщают о том, что, «работая днем и ночью», собрали подать со своих односельчан. Комарх и старейшины (последние были выборными) имели также и судебные функции. В папирусах встречаются указания на конфликты между должностными лицами деревни и земледельцами: в том же документе из Тебтюниса комарх и старейшины жалуются, что жители деревни силой разогнали сборщиков податей. Сельская община в птолемеевском Египте была по существу не организацией свободного крестьянства для защиты его интересов, но организацией зависимых земледельцев, служащей интересам государственной власти.

Опорой Птолемеев в Египте были также воины-*клерухи* (держатели царской земли) и египетское жречество. Среди клерухов преобладали греки и македоняне, но встречались также сирийцы, фракийцы и даже кельты. Египтяне служили только во вспомогательных отрядах и в полиции. Им выдавались значительно меньшие участки земли, чем другим воинам. Кле-

рухи получали помещения для жилья, если они не имели возможности построить собственные дома — обычно часть дома местного земледельца. В одном папирусе рассказывается, как некоторые жители Крокодилополиса, чтобы избавиться от постоев, разобрали крыши домов и поставили перед дверьми алтари богов. Клерухи иногда привлекались к исполнению должностей инспекторов урожая. Все это вызывало резкую вражду местного населения к клерухам, которая подчас выливалась во враждебные выступления против эллинов вообще.

В среде местного населения продолжали сохраняться древние обычаи и правовые нормы. Так, сохранилось правовое руководство (происходившее из храмового архива), составленное в III в. до х.э., но сами установления — значительно более древние. В дошедших частях речь идет об аренде земли, о праве наследования. Характерно, что эти же нормы продолжали действовать и после присоединения Египта к Риму (руководство было переведено на греческий). Хранителем древних традиций было жречество, но при этом жрецы оказывали поддержку Птолемеям: они получали от царской власти привилегии, которые компенсировали неудобства, связанные с вмешательством царской администрации в дела храмов. Храмам передавались участки заброшенной земли, в их пользу шли некоторые подати.

Птолемеи покровительствовали не только местным культам. Важным шагом в религиозной политике Птолемеев было учреждение царских культов. В 269 г. до х.э. Птолемей II учредил культ своей умершей жены-сестры Арсинои Филадельфы (Птолемей женился вторым браком на своей сестре, вдове полководца Лисимаха, женщине энергичной и одаренной; такой брак соответствовал традициям фараонов). Затем он ввел культ своих родителей — Птолемея I и Береники — под именем богов-сотеров (спасителей). Египетские храмы должны были учредить у себя новые культы. После их создания сбор податей в пользу храмов был централизован: чиновники собирали $^1/_6$ урожая с садов и виноградников, которая раньше шла непосредственно храмам. Собранная подать распределялась царской казной по тем храмам, которые ввели у себя культ царей.

С течением времени жречество стало воздавать божеские почести не только умершим, но и живым царям. В знаменитой Розеттской надписи (той самой, изучение которой помогло Ж.Ф.Шампольону дешифровать египетские иероглифы) жрецы восхваляют Птолемея V за то, что тот сумел подавить народные волнения, освободил храмы от недоимок по поставкам продовольствия, денег и льняных тканей казне и оказал храмам почести. За все эти деяния жрецы всех храмов страны постановляют «как можно более умножить почести, оказываемые в настоящее время вечно живому царю Птолемею, возлюбленному (бога) Пта, богу Эпифану Эвхаристу».

Поддержка жречеством царской власти способствовала процветанию многих египетских храмов. На их землях могли работать «царские земледельцы». Существовала и особая группа людей, зависимых от храма, — *иеродулы* («священные рабы»). Иеродулы не были рабами в прямом смысле слова. Они исполняли некоторые работы для храма, могли арендовать храмовую землю. Иеродулы имели семью, имущество, обладали правоспособностью. Они считались как бы состоящими под покровительством храма. Зависимость иеродулов была наследственной; свободные люди могли добровольно посвятить себя божеству и стать таким образом иеродулами: в одном папирусе, например, сказано, что женщина посвящает себя богу-крокодилу Сокнебтюнису; она обещает платить определенные денежные взносы ежегодно, не покидать храмовой округи и просит бога защитить ее

от всяких духов, от пьяного, от мертвеца, от безумного и т.п. Женщина эта была одинока: посвящение в иеродулы включало ее в устойчивую систему связей внутри храмового хозяйства. Стремление получить покровительство храма переплеталось со страхом и суевериями, но и то и другое выражало ощущение неустойчивости, незащищенности, свойственное людям, жившим в изменчивом, полном произвола мире эллинистических государств.

Особое место в общественной структуре эллинистического Египта занимали полисы — Александрия, Птолемаида и старый греческий полис Навкратис. Полисы имели определенную территорию, их граждане пользовались самоуправлением (в Птолемаиде известны народное собрание и совет, в Александрии — народное собрание), у них были собственные правовые установления. Наиболее сложным было устройство Александрии; там существовало несколько групп населения: полноправные граждане, люди, называвшиеся просто «александрийцы» (вероятно, пользовавшиеся ограниченными правами), самоуправляющиеся коллективы переселенцев из других областей Средиземноморья (такие коллективы назывались *политевмы*, в Александрии существовала политевма иудеев). Египтяне — жители города — правами не пользовались и назывались «людьми» (лаой), находясь в положении подданных. Наряду с выборными должностными лицами в полисах находились и царские чиновники, наблюдавшие за внутренней жизнью города. Основными занятиями населения Александрии (как, вероятно, и других полисов) были ремесло и торговля.

Если в самом Египте полисы играли не слишком значительную роль, то во внешних владениях Птолемеи проводили традиционную для эллинистических правителей политику опоры на самоуправляющиеся коллективы. Все население подвластных им территорий делилось на граждан полисов и подданных (*лаой*). Птолемей II расширил и перестроил ликийский город Патару в Малой Азии, назвав его полисом Арсиноя Ликийская. Милет получил от Птолемеев землю. Но городская жизнь проходила под контролем египетских наместников. Следили наместники и за сбором налогов. Египетские вельможи и наместники получали в покоренных областях земельные владения: уже упоминались земли диойкета Аполлония в Палестине; в районе ликийского города Тельмесса существовали обширные земли, принадлежавшие наместнику Ликии Птолемею, сыну Лисимаха; на юге Сирии известны владения стратега Птолемея. На этих землях находились деревни с зависимым населением, которое платило подати владельцам земли. В ряде покоренных областей происходило в широких масштабах превращение местного населения в рабов: Птолемей II издал специальный указ, запрещающий обращение свободных подданных в рабство.

В течение III в. Птолемеи вели активную внешнюю политику. Они стремились расширить свои владения в Малой Азии, вмешивались в дела Греции. Особенно ожесточенной была борьба Птолемеев с эллинистическими правителями из династии Селевкидов за Южную Сирию, через которую проходили важные торговые пути (всего было пять так называемых Сирийских войн). Наибольших успехов добился Птолемей III в период III Сирийской войны: он захватил всю Сирию и Финикию; египетские войска даже вошли в столицу Селевкидов — Антиохию на Оронте. Хотя какие-то внутренние события в Египте заставили Птолемея III отступить, тем не менее значительная часть завоеванных территорий осталась у Египта. Вплоть до начала II в. до х.э. под контролем Египта находился торговый путь из Индии, проходивший через Раббат-Аммон (или Фила-

дельфию — ныне Амман в Иордании) к Акре (Птолемаиде) и финикийскому побережью. Контролируя важные морские и сухопутные пути, Египет ввозил все необходимое: дерево, металлы (центром добычи меди был Кипр, принадлежавший Птолемеям), лошадей, лучшие сорта вин, мрамор, пряности, рабов. Египетские купцы, являвшиеся агентами царской казны, вывозили зерно, масло, ткани, благовония, слоновую кость, полученную из Африки. Монополия внешней торговли приносила царской казне огромные доходы.

В III в. улучшение ирригационной системы по всей стране, контроль над доходностью земель, эксплуатация внешних владений вызвали на некоторое время подъем производительных сил Египта. Благодаря посевным расписаниям в сельское хозяйство внедрялись новые сорта пшеницы и винограда. Из Малой Азии ввозились вместе с пастухами милетские овцы, дававшие высококачественную шерсть. Особое внимание уделялось разведению масличных культур, а также винограда и льна; все это повышало товарность сельского хозяйства. Сосредоточение огромных средств в руках царя давало ему возможность вкладывать эти средства в те отрасли производства, в развитии которых была заинтересована центральная власть.

Для периода эллинизма характерны резкий скачок в развитии техники, улучшения в строительстве и военном деле. При строительстве ирригационных сооружений применялось специальное водоотливное приспособление, изобретение которого приписывалось Архимеду (так называемый Архимедов винт). Одно из «семи чудес света» — Фаросский маяк, величайшее достижение инженерного искусства древности, высотой около 120 м, был воздвигнут у входа в гавань Александрии. Были достигнуты успехи и в области кораблестроения: в составе египетского флота были военные корабли с пятнадцатью и шестнадцатью рядами весел.

Александрия Египетская стала средоточием эллинистической науки и искусства. Там была создана самая большая в то время библиотека. Каждый корабль, прибывавший в Александрию, если на нем имелись какие-либо свитки с литературными или философскими произведениями, должен был или продать их библиотеке, или предоставить для копирования. В I в. до х.э. александрийская библиотека насчитывала до 700 тыс. папирусных свитков. При дворе Птолемеев было создано специальное учреждение, объединявшее ученых, — так называемый Мусейон («Храм муз»). Ученые жили в Мусейоне, проводили там научные исследования: при Мусейоне находились ботанический и зоологический сады, обсерватория. Общение ученых между собой благоприятствовало научному творчеству, но в то же время зависимость от царских милостей не могла не влиять на направление их работ.

Однако расцвет птолемеевской державы был сравнительно недолгим. Содержание огромного бюрократического аппарата требовало слишком больших налогов. Постепенно нарушалось равновесие между ростом производства и ростом податей. Переломным периодом в истории эллинистического Египта стала последняя четверть III в. до х.э.

Воцарение Птолемея IV в 221 г. до х.э. сопровождалось борьбой в придворных кругах: была убита царица-мать Береника. Это было началом многочисленных заговоров, покушений, интриг, характерных для всей последующей истории династии Птолемеев. Обостряется внешнее и внутреннее положение страны. В 219—217 гг. происходила IV Сирийская война между Птолемеем IV и Антиохом III Селевкидом. Только благодаря тому, что Птолемей сформировал фалангу из египтян, ему удалось одержать ре-

шающую победу при Рафии. Но это была его последняя победа. Птолемей поспешил заключить мир, чтобы распустить египетских воинов, которым он имел все основания не доверять. Египетские воины, недовольные своим приниженным положением, начали волноваться. Волнения, а затем и прямые мятежи вспыхнули в Нижнем Египте и перекинулись на остальную страну. В Фиваиде к воинам-египтянам присоединились земледельцы, волнения там не стихали в течение 20 лет. Восставшие нападали на земли клерухов, выступали против представителей местной администрации и жречества. Только к 186 г. до х.э. восстание было подавлено.

В начале II в. резко ухудшается внешнеполитическое положение Египта. Антиох IV Селевкид захватывает сирийские владения Птолемеев и вторгается на территорию Египта, заняв Мемфис. Только вмешательство Рима, не желавшего чрезмерного усиления Антиоха, заставило его уйти из Египта. Военные неудачи Птолемеев, прекращение притока доходов из внешних владений ухудшили и внутреннее положение Египта.

Со II в. Египет испытывает экономический и политический кризис. Этот кризис ранее всего сказывается в сельском хозяйстве, где особенно явно выступает незаинтересованность непосредственных производителей в результатах своего труда. Во II—I вв. до х.э. растет количество бездоходных, т.е. заброшенных, земель. Ухудшается ирригационная система, происходит засоление почв. Правительство пыталось увеличить доходность земель, вводя принудительную аренду: «царских земледельцев» заставляли обрабатывать кроме своих участков еще и брошенные. Но земледельцы отвечали на эти меры бегством. Они переселялись в города, становились арендаторами у частных лиц, скрывались в горах и пустынных местностях.

Для II в. до х.э. характерно, с одной стороны, усиление роли частного землевладения, а с другой — попытка государственной власти ужесточить контроль над экономикой страны путем увеличения бюрократического аппарата. Царская казна продавала частным лицам вымороченные, брошенные, конфискованные за долги земли. Покупатели обязаны были выплачивать налоги. Участки клерухов становятся их наследственными владениями. Встречались случаи перехода в частные руки храмовых земель и земель воинов путем так называемой уступки. Но крупных земледельческих хозяйств не создается: владения отдельных лиц обычно были расположены в разных местах; они сдавались в аренду. В ремесленном производстве также происходило нарушение царских монополий, появлялись частные мастерские. Чтобы в известной мере сдерживать и контролировать эти процессы, Птолемеи увеличивают и «совершенствуют» свой бюрократический аппарат: экономы — хозяйственные чиновники — стали подчиняться полицейскому чиновнику — *архифилакиту*; были созданы две должности экономов — по контролю над сборами денежными и, особо, над сборами натуральными. Но увеличение бюрократического аппарата привело к обратным результатам. Чиновники превратились в самодовлеющую силу в государстве, и злоупотребления на местах приняли такую форму, что центральная власть оказалась не в силах с ними справиться.

Хотя нехватка рабочей силы ощущалась повсюду, все-таки положение на частных землях было лучше, чем на государственных. Получают распространение отношения «покровительства», когда отдельные земледельцы или даже целые деревни переходили под покровительство крупных чиновников, вельмож, чтобы те оградили их от произвола местных властей.

Неустойчивость экономического положения порождала постоянную борьбу за власть, которая принимает порой самые ожесточенные формы:

примером может служить длительная борьба Птолемея VIII со своей сестрой и женой Клеопатрой II, вдовой его брата, на которой он женился, предварительно убив ее сына, своего племянника. По прошествии времени Птолемей VIII отстранил ее от власти и взял в жены ее дочь от первого брака Клеопатру III. Клеопатра Старшая начала упорную борьбу, используя недовольство различных слоев населения, в том числе и торгово-ремесленных слоев Александрии. В конце концов под их давлением произошло примирение, обе Клеопатры были признаны царицами и от имени царя и цариц были изданы так называемые декреты человеколюбия (в 118 г. до х.э.). В них объявлялась амнистия всем участникам политической борьбы и провозглашались репрессии по отношению к чиновникам, допускавшим злоупотребления. Само перечисление этих злоупотреблений наводит на мысль об очень широком их распространении. Прежде всего, запрещалось собирать что-либо с земледельцев, «царских ремесленников» и кого бы то ни было «в пользу стратегов, или начальников филакитов (полицейских), или архифилакитов, или экономов, или их подчиненных, или других чиновников». Затем, запрещалось лицам, занимавшим официальные должности, и их подчиненным (а также любым другим людям) «отнимать обманным образом у земледельцев царскую землю и обрабатывать ее по своему произволу». Запрещалось стратегам и другим служащим «привлекать кого-либо из жителей страны к работе на их собственные нужды... принуждать их работать даром». Итак, те самые люди, которые призваны были охранять интересы верховной власти, захватывали царскую землю и присваивали себе подати с «царских земледельцев». В «декретах человеколюбия» прощались недоимки по податям; утверждалось право владения землями, купленными у казны; воины-эллины, жрецы, «царские земледельцы и ремесленники», у которых был только один дом, освобождались от постоев.

Однако эта попытка наладить нормальную жизнь в стране не увенчалась успехом. Птолемеи боролись с засильем чиновников бюрократическими же методами. Существование громоздкой машины управления приводило к перенапряжению экономики. В I в. до х.э. продолжалось падение сельскохозяйственного производства; почвы заболачивались; земледельцы бросали свои участки; происходило обесценение денег, и, как естественное следствие, усиливались злоупотребления местного аппарата управления. С начала I в. до х.э. снова вспыхнуло восстание в Фиваиде. При Птолемее XII Авлете («Флейтисте») восстания происходили одновременно в трех номах: Гераклеопольском, Арсиноитском, Оксиринхском.

Во внешней политике Египет постепенно теряет свою самостоятельность. Фактически он становится покорным слугой Рима. История последних лет существования Египетского царства связана с именем знаменитой царицы Клеопатры. Клеопатра вела борьбу за престол со своим братом Птолемеем XIII. Ее поддержал римский полководец Юлий Цезарь, находившийся в это время в Египте. Население Александрии, выступавшее против подчинения Риму, подняло восстание; во время него пожар уничтожил часть замечательной александрийской библиотеки. Всю зиму 48/47 г. до х.э. римский отряд во главе с Цезарем выдерживал осаду александрийцев в резиденции египетских царей. Когда прибыли подкрепления, Цезарь разбил восставших и армию Птолемея XIII. Клеопатра была объявлена царицей.

После гибели Цезаря Клеопатра попыталась укрепить положение Египта с помощью одного из сподвижников Цезаря — римского полководца и правителя восточных провинций Марка Антония. Марк Антоний даже

женился на Клеопатре; он раздавал ей и их общим детям земли в римских владениях. Но Антоний потерпел поражение в борьбе за власть в Римской державе с Октавианом — будущим императором Августом — и покончил жизнь самоубийством. Попытка Клеопатры договориться с победителем кончилась неудачей. Тогда она, узнав, что Октавиан хочет провести ее как рабыню в цепях за своей триумфальной колесницей, тоже покончила жизнь самоубийством (в 30 г.). Существует легенда, что по ее распоряжению слуга передал ей во дворец (где она жила под строжайшим надзором римлян) корзину с инжиром. В ней была спрятана маленькая ядовитая змея, и Клеопатра подставила ей руку под укус. Так погибла последняя царица Египта. Египет перешел под власть Рима.

Присоединение Египта к Риму явилось прежде всего следствием внутреннего ослабления этой некогда сильнейшей державы, ослабления, вызванного экономическим кризисом, народными волнениями, междоусобной борьбой за власть.

Глава XXXII

ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. ПАЛЕСТИНА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКИЙ ПЕРИОД

Палестинская гражданско-храмовая община, руководимая иерусалимскими первосвященниками, окончательно сформировалась ко второй половине IV в. до х.э. и получила значительную степень автономии, обособившись от окружающего населения на царской земле. Эта община весьма индифферентно отнеслась к гибели Ахеменидской державы и вполне благожелательно встретила в 332 г. до х.э. Александра Македонского, который разрешил ей сохранять свои старые законы, т.е. полную автономию и «ограждение» себя от внешнего мира. После битвы при Ипсе в 301 г. до х.э., которой завершилась борьба преемников Александра — диадохов, Палестину захватил правитель Египта Птолемей Лаг, однако в 200 г. до х.э. Антиох III включил страну в состав державы Селевкидов.

В период правления Птолемеев и Селевкидов в Палестине, в сатрапии, называвшейся тогда «Келесирия и Финикия» и включавшей Самарию, Иудею, Эдом, Заиорданье и Финикию, происходила интенсивная эллинистическая урбанизация. В основном она развертывалась в прибрежной полосе, Северной Палестине и в Заиорданье. Эллинистические полисы с трех сторон окружали гражданско-храмовую общину в Иудее, не затронутую эллинистическим градостроительством. Хотя надежных данных о количестве жителей эллинистическо-римской Палестины нет, все исследователи признают, что неиудеи составляли от половины до двух третей жителей страны, а среди них беспрерывно возрастал удельный вес эллинов или эллинизированных представителей местного населения. Это значительно усиливало степень воздействия эллинизма на остальное население Палестины, вовлеченной к тому же в эллинистическую систему хозяйства.

Через Палестину проходили важные торговые пути эллинистического мира, что содействовало развитию внешней, особенно транзитной, торговли. Исследователи насчитывают около 240 названий товаров палестинской внешней торговли, из коих около 130 были предметами импорта: благовония, драгоценные камни и золото из Аравии, ткани из Двуречья, хлеб и полотно из Египта, специи из Индии и т.д. Постоянные контакты с эллинистическим миром способствовали внедрению более передовой агротехники, содействовали развитию ремесла и товарно-денежного хозяйства в Палестине. Все эти явления в меньшей степени затрагивали Иудею, однако приобщение всей страны к эллинистическому миру породило сдвиги также в структуре иудейской гражданско-храмовой общины.

Она имела самоуправление, возглавляемое наследственным первосвященником и «*герусией* (советом старейшин) всего народа», на самом деле состоявшей из знати. Первосвященник был не только руководителем общины, но и представителем центральной власти, ответственным за сбор налогов и внесение их в царскую казну. Завоевав Палестину, Антиох III предоставил общине налоговые льготы: члены герусии, священники и хра-

мовые служители были полностью освобождены от всех налогов, а остальные получили освобождение на три года с последуюшим уменьшением налогов на одну треть.

Эдикт Антиоха III подтверждает, что в начале II в. до х.э. сохранялось характерное для гражданско-храмовой общины деление ее на священников, левитов и нежрецов. Но источники также указывают на ряд новых явлений в обществе. Если в VI—IV вв. до х.э. бет-абот был всеобъемлющей структурной единицей, общей для всех членов общины, то ныне возрастает число семей, не принадлежащих к этим широким агнатическим группам. Наряду с сохранившейся земельной собственностью бет-абот, отчуждаемой только внутри его и находящейся во владении семей этой группы, увеличивается удельный вес крупной и мелкой частной земельной собственности.

Уже и раньше шла борьба между сторонниками универсализма и партикуляризма. Несравнимо большей была напряженность в III—II вв. до х.э. перед лицом территориально близкого и наступающего эллинизма. Для иудейской общины — структуры, по своей функции близкой к эллинистическим полисам, — возможны были два «ответа»: сохранить свою замкнутость или открыть себя для восприятия эллинизма. Выбор ответа определялся для каждого социального слоя и группы переплетением не только экономических, социальных и религиозных мотивов и побуждений, но также традиционной ориентацией влиятельных родов (бет-абот), например Тобиадов. Этот знатный род, обитавший в Палестине и Заиорданье по крайней мере с VIII в. до х.э. и при Ахеменидах всячески противившийся созданию автономной гражданско-храмовой общины в Палестине, в конкретной политической ситуации III—II вв. до х.э. возглавил эллинизаторское движение. Тобиадов поддержали не только близкие им группы жреческой и нежреческой верхушки общины, но также представители других слоев, особенно часть торговцев и ремесленников Иерусалима, для которых эллинизация означала бы расширение их хозяйственной деятельности. В 175 г. до х.э. близкий к Тобиадам первосвященник Ясон добился от Антиоха IV Эпифана разрешения на организацию в Иерусалиме полиса с эфебией, гимнасием и прочими полисными институтами. Этот полис включал только сторонников эллинизаторского движения, которые именовали себя «антиохийцами в Иерусалиме». Эллинизаторы не считали свои действия отказом от иудаизма, напротив, по их мнению, отграничение от других народов было не только причиной бедствий, постигших евреев, но и нарушением завета Моисея, учившего, что бога Яхве могут и должны почитать все люди.

Охвативший иудейское общество конфликт, выражая социально-экономические противоречия, развертывался в религиозно-идеологической плоскости. На первых порах разногласия не выходили за рамки общины, вопрос о политической независимости не выдвигался. Однако зависимость «антиохийцев» от поддержки Селевкидов, равно как и действия сирийских правителей, неизбежно подводила к выбору: оставаться или не оставаться Иудее под властью «язычников»?

Эдикт Антиоха IV (167 г. до х.э.) под угрозой смертной казни запретил выполнять предписания яхвизма — соблюдение субботы, обрезание, жертвоприношение Яхве, пищевые установления и др. Иерусалимский храм был превращен в храм Зевса Олимпийского, свитки священного писания сожжены и т.д. Столь непривычная для эллинистических царей практика религиозных гонений вытекает из самой сущности конфликта в Иудее: по-

скольку главным в нем была борьба за и против «ограждения» от внешнего мира, то реакцией Антиоха IV стала попытка уничтожения этого «ограждения».

Характером развернувшейся в Иудее борьбы объясняется также зарождение тогда мученичества за веру: многие погибли, пассивно сопротивляясь проведению в жизнь эдикта Антиоха IV. Другие откликнулись на призыв Маттафии из священнического рода Хасмонеев активно бороться. Это положило начало восстанию (167—142 гг. до х.э.), известному как Маккавейская война (по прозвищу старшего из пяти сынов Маттафии — Иуды Маккавея).

Действия повстанцев, основной базой которых явилась Иудея, были настолько успешными, что в 164 г. до х.э. Антиох IV обратился к ним с посланием, в котором потребовал прекращения вооруженных выступлений, обещав, что «тем, которые вернутся домой», будет гарантирована безнаказанность и что иудеи смогут употреблять свою пищу и хранить свои законы, как и прежде. Послание явилось официальным отказом от религиозных гонений и обещанием восстановить автономию иудейской общины. Однако повстанцы отвергли предложение царя.

Осуществлению цели Хасмонеев — достижению полной независимости — способствовали два обстоятельства. Первое — поддержка повстанцев Римом, заключившим в 161 г. до х.э. договор с Иудой Маккавеем о взаимной помощи в случае войны, что явилось признанием повстанцев самостоятельной политической силой. Второе — начавшаяся после смерти Антиоха IV борьба в державе Селевкидов за престол, в ходе которой претенденты искали у них поддержки, предоставляя им взамен весьма существенные привилегии — в рамках сохранения Иудеи в составе Селевкидской державы. Однако эта держава на глазах распадалась, и Хасмонеи, особенно Симон, возглавивший борьбу после гибели Иуды и его брата Ионатана, все настойчивее добивались полной независимости. В 142 г. до х.э. сирийский царь Деметрий II в послании «первосвященнику Симону и другу царей (т.е. Селевкидов), старейшинам и народу иудейскому» освободил Иудею от уплаты всех налогов и предложил заключить мир с ней — фактически как с равной стороной.

Стремление укрепить свою власть толкнуло первых хасмонейских правителей — Симона (142—134 гг. до х.э.), Иоанна Гиркана I (134—104 гг. до х.э.) и Александра Янная (103—76 гг. до х.э.) — на путь завоеваний. Они включили в состав своего государства Эдом, всю Палестину (включая побережье), части Заиорданья и Южной Финикии. Вследствие этого население Хасмонейского государства становилось в этническом и религиозном отношении все более многообразным. Понимая опасность этого, Хасмонеи пытались разрешить эту проблему при помощи насильственной иудизации страны, что вызывало сопротивление.

Расширявшееся государство Хасмонеев не могло уже быть гражданско-храмовой общиной, непреложными предпосылками существования которой (как и существования эллинистических полисов) являлись относительное социально-экономическое равенство и этнорелигиозная однородность ее полноправных членов, небольшой численный состав и ограниченная территория. Государство же Хасмонеев постепенно превращалось в эллинистическую монархию. Когда в 140 г. до х.э. «Великое собрание» утвердило Симона в наследственном звании первосвященника, стратега и этнарха («главы народа»), а с конца II в. до х.э. его преемники присоединили к сану первосвященника царский титул, это явилось нарушением религи-

озно-политической доктрины иудаизма, согласно которой первосвященниками должны были быть только Садокиды, а царями — только Давидиды, и то лишь в отдаленном будущем.

Эволюция Хасмонейского государства в эллинистическую монархию внешне проявилась в создании разветвленного административно-бюрократического аппарата, замене гражданского ополчения иноземными наемниками, образовании пышного двора, возведении дворцов и крепостей и т.д. Все это требовало больших средств и влекло за собой возрастание налогового бремени, что сводило на нет действенность того хозяйственного подъема, который наступил в стране после завершения Маккавейской войны.

Восторженная поддержка Хасмонеев народными массами постепенно сменялась растущим недовольством, которое при Александре Яннае приняло характер открытой и ожесточенной борьбы. В течение шести лет (90—84 гг. до х.э.) происходило руководимое так называемыми *фарисеями* (ортодоксальное течение в иудаизме) народное восстание, которое царь жестоко подавил. В антихасмонейском движении I в. до х.э. социально-экономические мотивы были неразрывно связаны с религиозными. Это движение по своему характеру было аналогично более раннему антиселевкидскому.

Победоносное завершение Маккавейской войны и создание независимого государства укрепляли веру в действенность Договора с Яхве, в избранность народа Яхве, т.е. партикуляристскую тенденцию. Вместе с тем сдвиги в социально-экономической и политической жизни страны настоятельно требовали обновления и расширения самой религиозной общины, основанной на ветхозаветном законодательстве совсем иной эпохи. Такая универсалистская тенденция была особенно сильна среди евреев диаспоры (изгнания) (в Месопотамии и Египте, Малой Азии, Греции и других странах), непосредственно контактировавших с эллинистическим окружением, которое проявляло растущий интерес к иудаистическому монотеизму. Для осуществления диалога между иудаизмом и эллинистической культурой произведения первого должны были быть не только переведены на греческий язык, но и приближены к системе эллинистических идей и образов. Это отчетливо проявилось в греческом переводе Ветхого завета, так называемом «Переводе 70 толковников», или «Септуагинте». Осуществленный в Александрии в III—II вв. до х.э. перевод и явился адаптацией Ветхого завета к миру эллинистических идей и образов.

2. ПАДЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В ПАЛЕСТИНЕ

В 63 г. до х.э. римский полководец Помпей включил Иудею в состав римской провинции Сирия на правах автономной области, однако сильно урезал ее территорию. Один из последних Хасмонеев, Гиркан II, был назначен первосвященником и этнархом, но фактическая власть находилась в руках иудаизированного эдомитянина Антипатра и его сыновей. Умело использовав сложную обстановку гражданских войн в Риме, самый энергичный и коварный из сыновей Антипатра — Ирод стал правителем Иудеи в качестве «союзника и друга римского народа» (37—4 гг. до х.э.).

Во внешней политике Ирод был ограничен указаниями и контролем

Рима, но во внутренней ему была предоставлена почти полная свобода, которой он воспользовался для превращения граждан в безмолвных и безропотных подданных. Ирод отменил наследственное первосвященство, истребил Хасмонеев и другие знатные роды, а конфискацией их имущества пополнил казну. Эти мероприятия сопровождались перераспределением земли: большую часть земель Ирод сконцентрировал в собственных руках, наделяя ею своих родственников и приближенных, что создавало новую, зависимую от царя и угодливо служившую ему верхушку.

Ирод вошел в историю как один из крупнейших градостроителей. При нем были построены новые города-полисы (Себастия, Кесария и др.), крепости и многочисленные дворцы. Города украшались цирками, термами (античными банями), театрами и иными общественными сооружениями. Особенно прославился Ирод начатой им реставрацией Иерусалимского храма, который по иронии судьбы стал впоследствии важным очагом борьбы против Рима. Ирод часто посылал щедрые дары Афинам, Спарте, другим эллинистическим городам. Постоянно нуждаясь в больших средствах, царь резко увеличил налоговое обложение населения. Даже при преемниках Ирода, правивших значительно урезанной территорией, ежегодные поступления в казну достигали 1000—1200 талантов. Многочисленные налоги и поборы крайне обременяли страну и вызывали массовое недовольство, усиленное несовместимыми с иудаизмом нововведениями царя. Так, например, все подданные должны были присягать римскому императору и лично Ироду. При всем том Ирод продолжал считать себя приверженцем иудейской религии.

На беспрерывные народные выступления и восстания Ирод отвечал массовыми кровавыми репрессиями, не щадя даже членов собственной семьи. Болезненно недоверчивый и мстительный тиран казнил жену, шурина, троих сыновей, что побудило римского императора Августа сказать, что «лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном». Смерть Ирода в 4 г. до х.э. послужила сигналом для новых массовых выступлений, которые нарастали после преобразования Иудеи в 6 г. до х.э. в императорскую провинцию и подводили страну к трагическому взрыву — Иудейской войне с Римом 66—73 гг.

3. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В СОСТАВЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

После присоединения Сирии и Египта практически все Восточное Средиземноморье оказалось под властью Рима. В 74 г. до х.э. Вифиния была сделана римской провинцией: так же как в свое время от Аттала III Пергамского, римляне добились от вифинского царя Никомеда IV завещания в пользу Рима. На южном берегу Черного моря продолжало существовать небольшое полузависимое от Рима государство Понт. В I в. до х.э. его царь Митридат VI начал длительную, ожесточенную и безнадежную борьбу с Римской республикой. Ему удалось подготовить восстание в провинциях Азии и Греции; три войны вел Митридат с римлянами, но в конце концов, разгромленный римскими войсками, он кончил жизнь самоубийством в Пантикапее (совр. Керчь). В 63 г. до х.э. Понт был объявлен провинцией и присоединен к Вифинии. В I в. х.э. другие малоазийские области, зависимые от Рима, также стали провинциями: Ликия и Памфилия; Галатия; Киликия.

На рубеже христианской эры в особом положении находилась Иудея: после смерти Ирода Иудея управлялась императорскими чиновниками — прокураторами, стремившимися полностью подчинить страну римской власти. Окраинные области Палестины римляне оставили в управлении сыновей Ирода. Так, Галилея и Перея находились под властью Ирода Антипы вплоть до 40 г., когда император Калигула сместил его.

II—I века до х.э. были временем, когда положение в провинциях было весьма неустойчивым. Наместники проявляли полный произвол в управлении провинциями. Сбор податей с провинций сдавался на откуп римским откупщикам, и они собирали эти подати во много раз больше положенного, а неплательщиков продавали в рабство. В I в. до х.э. разгорелась борьба за власть в Риме; в этой борьбе особенно пострадали малоазийские провинции: так, убийцы Юлия Цезаря, готовясь к борьбе с его преемниками, взыскали с этих провинций подать за десять лет вперед. Те города, которые отказались выполнить их требования, были сурово наказаны; полностью разрушен был ликийский город Ксанф. Сторонники республики были разбиты, но новый этап борьбы за власть — между бывшими союзниками Антонием и Октавианом — также отразился на восточных провинциях: на этот раз подать вперед с них собирал Антоний. Наконец, в 30 г. до х.э., после гибели Антония и Клеопатры, единоличным правителем огромной державы стал Октавиан, получивший почетное имя Август. Кончился столетний период гражданских войн в Римской республике, стоивший многих тысяч жизней всем слоям населения. Провинции, особенно восточные, были разорены. Начала складываться новая форма правления — империя во главе с единоличным правителем. Императоры стремились опереться на верхи провинциального населения: был отменен откуп податей; в провинциях были созданы налоговые округа, и сами провинциалы собирали подати в римскую казну.

Первые века существования империи были временем экономического развития провинций. Провинциалы постепенно приходили в себя от грабежей и разрушений предшествующего столетия. В I в. х.э. отстраиваются города, устанавливаются общеимперские торговые связи. Второй век был временем расцвета крупных городских центров: Эфеса, Милета, Смирны в Малой Азии, Антиохии Сирийской; снова возросло значение городов финикийского побережья, славившихся своими ремесленными изделиями. Египет стал главным поставщиком хлеба и папируса; египтяне изготовляли тончайшую льняную ткань — виссон, который пользовался спросом по всей империи. Через александрийский порт, крупнейший во всем Средиземноморье, шла торговля с Аравией, Индией и Китаем.

Основой сельского хозяйства восточных провинций продолжал оставаться труд мелких земледельцев, большинство которых жило общинами. В императорских поместьях (доменах), возникших в провинциях благодаря скупке и конфискации земель, существовали многочисленные общины, пользовавшиеся самоуправлением. Общины засвидетельствованы и на городской земле, и в имениях частных лиц (наиболее крупными владельцами были римляне). Никаких правовых различий между земледельцами, работавшими на землях разных категорий, не прослеживается: в отличие от эллинистического времени никакой особой группы «императорских людей» не существовало: основным обозначением сельскохозяйственных работников было кометы (члены деревенской общины или — более общее — земледельцы, сельские жители). Кроме общинников на земле работали арендаторы, переселенцы (пареки), также получавшие участки на условиях

длительной аренды, в отдельных случаях применялся труд наемных работников. Рабы и вольноотпущенники применялись по большей части в аппарате управления имениями, а также наделялись участками земли.

Характерной чертой периода империи было возникновение новых общин, т.е. объединений земледельцев, живших в одном имении (в том числе и переселенцев) или просто соседей, поселившихся рядом на частной или городской земле. Дошли совместные посвящения и постановления «живущих по соседству», «соседей» и т.п. об оказании почестей; в одной малоазийской надписи упоминается «фамилия» (т.е. группа рабов одного владельца) рабов, жившая в деревне, которая тоже приняла «совместное» постановление, копирующее почетные декреты деревень.

Общинные организации играли большую роль в сохранении крестьянства восточных провинций: как ни быстро шел процесс разорения земледельцев в связи с усилением налогового гнета и злоупотреблениями императорских чиновников, община тормозила этот процесс — общинники производили общие работы, способствовавшие улучшению земледелия, в том числе и ирригационные, обрабатывали пустующие земли, совместно выступали на защиту общинников от злоупотреблений чиновников (жалобы деревень из восточных провинций дошли до нашего времени). В ряде провинций сохранялся общинный фонд земель — это были прежде всего земли деревенских святилищ, которые могли сдаваться в аренду.

Для римских властей община была основной податной единицей — поэтому они признавали общинное самоуправление, что, в свою очередь, должно было способствовать укреплению общины.

Однако нельзя представлять идиллической жизнь земледельцев восточных провинций: денежная форма податей приводила к имущественному расслоению среди земледельцев; часть крестьян в I—II вв. бросала свои общины и уходила в город или становилась арендаторами у крупных землевладельцев (они затем и образовывали новые общины). Злоупотребления чиновников, особенно на государственной земле, были постоянны. В постановлениях наместников Египта второй половины I в. х.э. говорится о жалобах земледельцев на незаконно введенные новые налоги, на незаконное заключение в долговые тюрьмы, на обогащение сборщиков налогов. В I в. центральная власть боролась с подобными злоупотреблениями, но при малейшем ослаблении этой власти вымогательства местных представителей аппарата управления возобновлялись с новой силой...

Городское население восточных провинций было достаточно пестрым по этническому и социальному составу. Для первых веков империи характерна мобильность населения, особенно городского; посвятительные и надгробные надписи говорят о таких переселениях: в Македонии могли жить ремесленники и торговцы из Малой Азии, в Эфесе — скульпторы с островов Эгейского моря и из Карфагена; ремесленник из Карфагена оказался похороненным в Лионе. Иногда переселялись целыми семьями и оседали в новом месте надолго; иногда постоянно переезжали из города в город... На дорогах империи можно было встретить разных людей, идущих пешком в одном и в другом направлении: ремесленники, купцы, площадные актеры, прорицатели, бродячие нищие философы-киники, которых особенно много появилось в первые века христианской эры.

В городском ремесле применялся труд рабов, но преобладающим был труд свободных ремесленников. Разоряющиеся земледельцы, ремесленники, переезжавшие из города в город в поисках более благоприятных условий работы, постоянно пополняли число свободных работников в

крупных городских центрах. Начиная с I в. х.э., под влиянием знакомства с римскими коллегиями ремесленников, в городах восточных провинций начинают появляться объединения ремесленников по профессиям. Ремесленные коллегии не занимались регулированием производства: они организовывали совместные празднества, у них были общие места для захоронений; известны случаи, когда ремесленные коллегии организовывали выступления в защиту своих интересов: наиболее известно выступление во II в. пекарей Эфеса, по поводу которого было принято специальное постановление римских властей — хлебопекам запрещалось собираться вместе, но в то же время предписывалось обязательно обеспечивать город хлебом... Беспорядки устраивали и строители Пергама, и обработчики льна в киликийском городе Тарс...

Кроме забастовок ремесленников, которые, по-видимому, выступали с конкретными требованиями, в городах восточных провинций время от времени вспыхивали стихийные бунты, вызванные прежде всего нехваткой в городах хлеба. Эти бунты были направлены против богатых людей, которых обвиняли в утайке зерна в целях спекуляции.

Труд рабов использовался в самых различных отраслях, вплоть до городского аппарата управления, но наиболее массовым было использование рабского труда в рудниках и на каменоломнях. Это была самая тяжелая работа: господа отправляли туда в качестве наказания непокорных рабов, государственные власти — повстанцев и людей, виновных в самых тяжелых преступлениях. Большое число рабов находилось в домах богатых людей в качестве слуг: обилие рабской прислуги было своего рода внешним показателем богатства. Положение рабов зависело от воли господина; восточные провинции дают нам примеры, когда рабы имели семьи, имущество и даже рабов (такие разбогатевшие рабы иногда приобретали семейные склепы для себя, своих потомков и рабов). Но, разумеется, таких рабов было меньшинство.

Для времени империи характерен рост богатства отдельных людей (по большей части связанных с имперским аппаратом управления). Различие между огромным богатством единиц и бедностью многих было еще более резким, чем в период эллинизма. Богатые люди часть своих средств жертвовали на «благодеяния» городу; размеры этих благодеяний позволяют судить о степени богатства того или иного лица. Так, например, житель г. Антиохии в Сирии некий Сосибий в I в. х.э. завещал своему родному городу сумму денег, на которую в течение пяти лет в городе должны были справляться массовые празднества, включавшие театральные представления и различные спортивные состязания. Многие богачи на свои средства устраивали празднества в честь императоров.

Среди богатых людей, выделявшихся из провинциалов, особое положение занимали и особую ненависть вызывали императорские вольноотпущенники, перед которыми трепетали не только бедные, но и богатые провинциалы. В I в. х.э. многие из этих вольноотпущенников составили себе состояние на доносах. Показательна история императорского вольноотпущенника Флавия Архиппа, действовавшего в малоазийском городе Пруса: он составил себе немалое богатство на доносах, а напуганные сограждане воздавали ему официальные почести... Даже когда он совершил подлог и был осужден по суду, то избежал наказания, обратившись к императору, и продолжал благоденствовать. В Египте в I в. доносчиков было так много, что наместник издал постановление об ответственности за ложные доносы, правда, только после третьего недоказанного обвинения.

Таким образом, если в деревне происходило укрепление общинных связей, то в городе в это же время шел процесс разрушения традиционных социальных различий и связей. Рядом жили и работали люди разного этнического происхождения, между бедными и богатыми гражданами одного города пропасть была больше, чем между людьми различных народностей. Свободным беднякам приходилось заниматься трудом, которым раньше занимались только рабы, а некоторые рабы и вольноотпущенники оказывались выше свободных граждан. Однако, невзирая на этот распад, городская общность, прежде всего в форме полиса, продолжала сохраняться в системе империи.

В течение I в. х.э. происходило постепенное включение полисов восточных провинций в систему Римской империи. Римляне не уничтожили полисного строя, наоборот, они опирались на самоуправляющиеся гражданские общины и даровали статус полиса множеству мелких поселений и объединений общин, которые в эллинистический период этого статуса не имели. Так, во II в. ряд малоазийских деревенских поселений был преобразован в полисы, много маленьких городков начало чеканить в I—II вв. свою монету. Разумеется, самоуправление полисов было ограничено — и прямым контролем со стороны римских наместников, и изменениями внутри городского самоуправления. Во многих городах был введен римский принцип пополнения городского совета путем кооптации его членов, которая проводилась особыми должностными лицами. Даже там, где сохранялась демократическая традиция и должностные лица формально выбирались на народном собрании, список кандидатов представлялся советом по одному на каждое место. Должности занимались людьми из ограниченного круга семей. В течение II в. складывается наследственное сословие *булевтов*, т.е. людей, которые могли (или должны были) занимать места в городском совете.

Большую роль в городах восточных провинций играли поселившиеся там римляне. Они не входили в число граждан данного города, но могли иметь землю на его территории, образовывали землячества, которые (если считали нужным) могли принимать участие в полисных постановлениях (в этом случае в надписях сказано, что декреты приняты от имени демоса, совета и живущих в городе римлян). Римляне не считались и *метеками* (поселенцами) — они были просто римлянами, «господами римлянами», как сказано в одной надписи из малоазийского города Стратоникеи. Само существование подобной группы «неграждан», занимавшей по существу более привилегированное положение, чем граждане, наносило удар по правовым различиям среди свободного населения города, сохранявшимся и в классический, и в эллинистический период.

Появление в городах римлян, раздачи римского гражданства полисной верхушке, переселения из города в город способствовали разрушению замкнутости гражданского коллектива. Уже в эллинистическое время практиковалось дарование гражданских прав жителям других городов в индивидуальном или даже общем порядке (когда граждане одного города становились потенциальными гражданами другого). В римский период эта практика была расширена: встречались люди, которые могли быть гражданами одновременно нескольких городов и даже занимать в них должность булевта — члена Совета. В надписях упомянуты люди, которые были одновременно булевтами в трех, четырех и даже шести городах: вряд ли они могли реально выполнять свои обязанности, они были, скорее, своего рода «почетными» членами. Характерно, что такие люди, как правило, являлись

и римскими гражданами (т.е. они, или их предки, получили за особые заслуги от римлян право гражданства).

Ко II в. х.э. большинство представителей городской верхушки имело римское гражданство — например, богатейшая семья Юлия Полемиана, происходившая из Сард, но жившая в Эфесе, главном городе провинции Азия, Луций Эмилий Юнк, «благодетель» и гражданин финикийского города Триполиса, Авидии из сирийского города Карры, Юлии Квадраты из Пергама и многие другие. Во II в. х.э. выходцы из восточных провинций заседают в римском сенате и занимают важные посты в центральном аппарате управления, например Луций Юлий Юлиан из Пальмиры стал префектом претория при императоре Коммоде, а Авидий Кассий даже пытался (правда, неудачно) в конце II в. захватить императорский престол.

Однако получившие римское гражданство провинциалы продолжали быть связанными со своим городом: они занимали там разные почетные должности, жертвовали средства на украшение городов. Даже если они и не жили у себя на родине, то продолжали держать с ней связь через членов семей.

Помощь городам со стороны их граждан, занимавших важные посты в имперском управлении, не только обеспечивала им политическую поддержку на местах, эта помощь была связана с сохранением античной идеологии, все еще ориентированной на мировосприятие гражданина полиса. Даже став римскими сенаторами, эти люди — во всяком случае, в I—II вв. — ощущали связь со своей гражданской общиной, где находились могилы их предков, где жили их родственники и сограждане. Вне общинных корней человек древнего мира не мог чувствовать себя полноценным. Слава родного города придавала авторитет и им самим. Но поле деятельности даже этих влиятельных людей было ограничено. Все сколько-нибудь важные решения, касавшиеся внутригородской жизни, вплоть до разрешения на строительство бани или гимнасия, согласовывались с провинциальными властями, а порой и с самим императором. Практически полностью лишившись независимости, полисы стремились сохранить свою обособленность там, где это было возможно, — в области культуры. На рубеже I—II вв. происходит своеобразное возрождение греческой культуры, а городское население становится почти полностью грекоязычным. Великая эллинская культура, которую почитали и сами властители римляне, позволяла грекоязычным подданным империи сохранять чувство собственного достоинства, ощущение своей общности. Это возрождение проявлялось достаточно широко в культурной жизни городов — в произведениях литературы, в архитектуре отдельных зданий, в культе греческих героев и философов, статуи которых украшали площади городов, в копировании прославленных мастеров прошлого, в использовании сюжетов греческих мифов и трагедий в росписях и мозаиках во всех восточных провинциях, в возрождении местных празднеств. Можно сказать, что ориентация на культурное прошлое стало во II в. основным содержанием полисной идеологии, своего рода духовным противодействием нивелирующему давлению империи.

Однако если вглядеться внимательно в эти формы проявления увлечения греческой культурой, то станет ясна их декоративность. В театрах все реже ставились великие греческие трагедии: их заменяли музыкально-танцевальные представления с использованием мифологических сюжетов. Сцены из греческих трагедий украшали саркофаги, но сюжеты эти часто никакого отношения к смерти и посмертному существованию не имели:

они как бы подчеркивали принадлежность семьи умершего к кругу образованной элиты. Греческая мифология не имела уже для жителей восточных провинций религиозного смысла: сцены из мифов на рельефах и мозаиках в домах Финикии, Сирии, Северной Аравии были лишь декорациями: индивидуальные посвящения с просьбами и благодарениями ставились в этих районах местным восточным божествам.

Стремление сохранить полисные традиции при фактическом их умирании сказалось и в установлении в ряде городов культа персонифицированных органов власти: Демоса, Совета, которые часто чтились наряду с императором и Римским Сенатом, которому тоже ставились персонифицированные статуи. Подобные статуи не изображали конкретное народное собрание или конкретный совет, они являли собой некий символ, за которым уже не стояло реального содержания.

Гораздо более жизненными оказались в восточных провинциях те формы общественной и культурной жизни, которые позволяли воспринимать римское влияние. Во всех городах восточных провинций был установлен культ императора; ко II в. происходит объединение культа императора в большинстве городов с местными культами божеств-покровителей: в Эфесе император почитался вместе с Артемидой, в Милете — вместе с Аполлоном. Большую роль во внутренней жизни городов играли объединения, обслуживавшие культ императора: если императоры настороженно относились к профессиональным коллегиям (так, Траян запретил в одном из малоазийских городов создание коллегии пожарных), то полуофициальные союзы «молодых», «старцев», которые организовывали праздники в честь императоров и одновременно устраивали местные состязания и празднества (обычно у таких союзов были свои гимнасии), властями поощрялись. Центром общественной жизни городов становятся гимнасии, которые, как правило, включали в себя бани римского типа и зал императорского культа.

Для всех городов римских провинций характерно включение римских элементов в их архитектурный облик: римская арка появляется и в финикийском Тире, и в сирийской Антиохии, и в греческом Коринфе. Распространяются многоквартирные дома римского типа (они засвидетельствованы и в Малой Азии, и в Сирии, и в Палестине).

Римское влияние на уровне массовой культуры проявилось и в организации зрелищ. Как некогда после завоеваний Александра Македонского в городах Востока возводились театры (вплоть до Вавилона), так теперь повсюду строятся амфитеатры, распространяется увлечение гладиаторскими боями, травлей зверей, конными состязаниями. Чаще всего бои гладиаторов и травли зверей организовывали жрецы императорского культа, которые тем самым являлись как бы проводниками римского образа жизни, но для строительства амфитеатров привлекались и частные средства: известно, например, что в конце I в. богач Никерат дал средства на строительство амфитеатра в Лаодикее Фригийской.

Под римским влиянием менялось положение женщин в семье и обществе; распад коллективных полисных связей сопровождался распадом связей семейных. Знатные женщины стремятся занять почетные должности (например, руководителей гимнасиев) и даже административные посты в городе. Увеличивается число разводов; в некрополях римского времени появляется много могильных памятников, поставленных «самому себе при жизни» (или «самой себе»), — по-видимому, эти люди потеряли связь со всеми родственниками. А в надписи на надгробии из малоазийского города

Афродисий, поставленном при жизни владельца склепа, сказано, что в склепе может быть похоронена и его жена, если только она останется его женой... Женщины из низших слоев населения вынуждены были кормиться трудом своих рук: появляются упоминания одиноких женщин, занимающихся различной торговлей.

Итак, ни гражданская, ни семейная жизнь уже не соответствовала древним полисным традициям. Стремление восполнить разрушающуюся гражданскую солидарность, общность по родству приводило к распространению различных религиозных сообществ. В восточных провинциях возрождаются древние местные культы малоазийских и финикийских божеств, огромной популярностью пользуются различные маги, знахари, почитатели подземных божеств, связанных с колдовством. Среди архаических храмов и статуй греческих философов, рядом с людьми, проводившими время в банях и амфитеатрах, жили люди, искавшие иных богов, иную мораль, иные формы объединений.

Если в провинциях с древними городскими центрами процесс включения в имперскую систему означал постепенное сведение на нет городского самоуправления, то в Египте дело обстояло несколько иначе. Разрушение централизованного бюрократического аппарата Птолемеев римлянами привело к развитию местного самоуправления деревень и центров округов — *метрокомий*. Уже в I в. х.э. в отдельных деревнях возникают объединения, корпорации со своими выборными должностными лицами. Правда, процесс этот был достаточно медленным. Чтобы египтянину в начале II в. можно было получить римское гражданство, он сначала должен был стать гражданином Александрии, притом что в этот период среди высших римских сановников были уже выходцы из Малой Азии, Сирии, Мавритании (один из крупных военачальников императора Траяна был темнокожим). Только в 202 г. все метрокомии Египта получили права муниципиев — самоуправляющихся городов, а через десять лет свободным жителям Египта, как и всей империи, было предоставлено право римского гражданства, т.е. все они были уравнены в правах по отношению к государству.

Однако муниципализация Египта шла параллельно с ростом нового бюрократического аппарата — имперского — и не могла не оказать решающее влияние на социальную жизнь этой провинции, хотя, безусловно, способствовала изживанию изоляции Египта.

Процесс включения восточных областей в общеимперскую систему далеко не всегда был мирным. Наиболее остро реагировала на него Иудея.

Злоупотребления императорских наместников, пренебрежение местными религиозными традициями вызывали в Палестине постоянное недовольство. В 66 г. х.э. вспыхнуло восстание в Иерусалиме, руководителями которого были *зелоты*, т.е. «ревнители» — наиболее радикальная группировка, выступавшая против эллинизации и социальной несправедливости. Восставшие перебили римский гарнизон Иерусалима, восстание распространилось по стране. Борьба с восставшими стоила римлянам огромных усилий. Римскую армию возглавил опытный полководец, впоследствии ставший императором, Веспасиан, а затем его сын Тит. В 70 г. римская армия начала осаду Иерусалима, которая длилась шесть месяцев. Невзирая на голод, население героически сопротивлялось. Римлянам приходилось брать штурмом каждую линию укреплений. В августе был взят храм, а через месяц — последние укрепления Иерусалима. Храм и город были разрушены, масса народа захвачена в плен и продана в рабство. На террито-

рии Иерусалима разместился римский гарнизон. Во время этой войны попал в плен к римлянам и перешел на их сторону иудейский писатель Иосиф Флавий, написавший затем — в Риме — целый ряд произведений, среди них — «Иудейскую войну» и «Иудейские древности», которые служат для нас важнейшим источником по истории Палестины...

Полвека спустя римский император Адриан, стремившийся к насаждению по всей империи единой — античной — культуры, решил покончить с обособленностью иудеев. Им было запрещено совершать обрезание, а на месте Иерусалима император решил возвести римский город Элию Капитолину. В ответ на это решение вспыхнула Вторая Иудейская война. Во главе восстания встал Симон бен Косеба, который объявил себя мессией и принял имя Бар-Кохба — «Сын звезды». Бар-Кохбу в основном поддерживала палестинская беднота. Восставшие развернули настоящую партизанскую борьбу; ими был захвачен Иерусалим. Отборные римские легионы, стянутые из разных провинций, были брошены на подавление восстания. Сам император приезжал наблюдать за военными действиями. В 135 г. римляне взяли Иерусалим, Бар-Кохба был убит. По приказу римлян иудеи были выселены из Иерусалима и его окрестностей. Им было запрещено приближаться к городу под страхом смерти чаще чем один раз в год. В Иерусалиме была основана римская колония — Элиа Капитолина, а на месте разрушенного еще Титом храма был воздвигнут храм Юпитеру Капитолийскому. Фактически это означало довершение рассеяния еврейского народа по всей империи; в течение нескольких лет продолжалось преследование иудеев: им не разрешалось совершать их религиозные обряды. Только в IV в., после официального признания императором Константином христианства, Элиа Капитолина была снова переименована в Иерусалим, который был священным городом не только для иудеев, но и для христиан.

С конца II в. империя вступает в полосу затяжного кризиса, который охватывает и восточные провинции. К этому времени сложился разветвленный бюрократический аппарат, местные чиновники занимались вымогательством. Особенно страдали от их произвола жители деревень восточных провинций, находившиеся на государственных землях. Земледельцы страдали от постоев, от выполнения извозных повинностей, от того, что чиновники по всякому поводу отрывали крестьян от работ и заставляли служить им проводниками и сопровождающими. До нас дошли жалобы общин, направленные императорам, в которых перечисляются все злоупотребления чиновников: они вымогали деньги, тех, кто отказывался платить, бросали в тюрьмы; земледельцев облагали дополнительными повинностями. Жаловаться вышестоящим чиновникам, как явствует из этих писем, было бесполезно: все служащие поддерживали друг друга. В одной из жалоб земледельцы из императорского домена в Лидии в отчаянии заявляли: «...если от Вашей небесной руки не будет наказания за столь дерзкие поступки и помощи в будущем, неизбежно для нас, оставшихся, которые не в состоянии переносить алчности сборщиков налогов... оставить отчие дома и могилы предков и для спасения нашего переселиться на частную землю — ибо злодеи больше склонны щадить живущих там, чем Ваших земледельцев, — и стать беглецами из господских имений, в которых мы родились и вскормились».

Кризис императорского землевладения был естественным следствием расширения императорских земель и роста аппарата управления. Аппарат этот в конце концов стал поглощать весь прибавочный продукт, произво-

димый земледельцами, и даже часть необходимого, особенно в условиях ослабления центральной власти, когда контроль за сборщиками налогов отсутствовал. Именно это и происходило в III в., в период междоусобной борьбы претендентов на императорский престол. Чиновники, ставшие самодовлеющей силой, просто грабили земледельцев: они не были заинтересованы в увеличении урожаев и сохранении платежеспособности крестьян. Как писал христианский писатель Лактанций, «число получающих настолько превзошло число платящих, что разоренные колоны покидают землю и обработанные поля зарастают лесом». Коллективная форма зависимости, основанная на существовании общин и унаследованная империей от эллинистических государств, уже не могла обеспечить нормального функционирования мелкого хозяйства крестьянина-общинника. В этот период только частные собственники, достаточно сильные, чтобы защитить своих работников от вымогательств представителей власти, и в то же время недостаточно «крупные», чтобы передоверить управление своими имениями армии чиновников, могли в известной степени спасти земледельцев. При этом, разумеется, они прежде всего заботились о доходности своих имений, стремились сохранить их неразоренными для своих наследников.

Угроза лидийских земледельцев уйти на частные земли была не пустыми словами. Характерной особенностью в землевладении восточных провинций III—IV вв. был переход отдельных крестьян и целых деревень под покровительство частных лиц. Такими людьми могли стать крупные местные вельможи, командиры расквартированных в провинциях военных частей. Систему покровительства (патроната) деревень в Сирии ярко обрисовал ритор IV в. Либаний. Он говорил в своей речи «О патронатах», что большие деревни прибегают к покровительству воинов: платой за такое покровительство служат земледельческие продукты или деньги. Когда в такие деревни, укрепленные военачальниками, являются сборщики податей, земледельцы отказываются их платить. В ответ на требования и угрозы сборщиков земледельцы «показывают, что у них есть и камни. И вот сборщики возвращаются в город, получив вместо подати натурой раны...» Таким образом, патроны деревень защищали своих земледельцев от государственной власти. Патронат деревень особенно был распространен в Египте: дошло несколько указов императоров, адресованных наместникам Египта, которыми запрещался патронат: в одном из указов IV в. предписывалось частным землевладельцам, взявшим под покровительство селян из общин, уплатить за них подать, а самим земледельцам — выйти из-под покровительства. Однако этот указ не помог — и в конце IV в. новым указом, также адресованным наместнику Египта, предписывалось наказывать и тех, кто стал патроном деревень, и села, перешедшие под покровительство; наказание последним не определено, сказано лишь: «Пусть будут подвергнуты наказанию, которое подскажет разум». Борьба с переходом деревень под покровительство крупных землевладельцев и военачальников кончилась неудачей; в конце концов государство вынуждено было признать права патронов на землю, с которой им платили подати.

В связи с уходом земледельцев с государственных земель было проведено в IV в. прикрепление работников-колонов и рабов, посаженных на землю, к их участкам. В 332 г. император Константин общим указом по империи предписал возвращать ушедших колонов к месту их происхождения, но этот указ соблюдался не во всех провинциях — в некоторых из них продолжали действовать древние традиции, разрешавшие переход с места на место. В конце IV в. был издан специальный указ «О палестин-

ских колонах», по которому земледельцы этой провинции лишались права свободного передвижения; им запрещалось уходить со своих наделов, и они объявлялись «привязанными» к господину имения.

Свободные производители перестали существовать и в городе. Для периода поздней империи характерно прикрепление всех жителей города к своим профессиям. Ремесленники не могли покидать мастерские; люди, исполнявшие городские должности, также оказались прикрепленными к ним, отвечая за поступление налогов в казну своим имуществом. Тот же Либаний рисует впечатляющую картину распродажи своего имущества декурионами (членами городских советов) для того, чтобы иметь возможность расплатиться с казной...

Прикрепление горожан к месту жительства и занятию было проявлением общей тенденции экономического развития империи, но в восточных провинциях оно было обусловлено и начавшимся в III в. процессом ухода горожан из города: крупные землевладельцы все необходимое, вплоть до ремесленных мастерских, старались завести у себя в имениях, они расширяли свои владения за счет покупки или даже просто захвата городских общественных земель, размеры которых неуклонно сокращались. Средние и мелкие собственники из горожан в связи с падением экономической и общественной роли города переселялись в деревни: приобретали там участки земли и даже занимали должности в деревенском самоуправлении. Надписи из малоазийских провинций III—IV вв. упоминают довольно много граждан различных городов, живших в деревнях, причем не всегда в окрестностях своего родного города (так, надгробие эфесца сохранилось в деревне недалеко от г. Гипайпы). В одной из надписей указано, что переселенец из Гипайп уплатил за *комархию* (должность старосты) 500 денариев согласно постановлению деревни. Горожане переселялись и на императорские домены, чтобы только избавиться от городских повинностей. В IV в. был издан указ, адресованный правителю восточных провинций (342 г.) и предписывающий, чтобы люди, владеющие вне императорской земли участками более 25 югеров (1 га) и обрабатывающие дополнительно участки на императорской земле, были включены в сословие *куриалов* (или *декурионов* — тех, кто занимал городские должности и отвечал за сбор налогов), «любые ложные ссылки на привилегии, либо на происхождение, либо на какое-либо другое оправдывающее обстоятельство не должны иметь силы».

Города — основа экономической и общественной жизни древних обществ — играют все меньшую и меньшую роль. Происходит полный упадок муниципальной жизни: по сравнению с I—II вв. число постановлений, принятых городами, очень невелико. IV—V века были переломным временем в истории города в восточных провинциях: утрачивая самоуправление, они переходят под контроль крупных землевладельцев. Сохраняют значение те города, которые становятся резиденцией епископов (такие, например, как Антиохия, Александрия и др.). Но это был уже другой город, с иной — средневековой — социальной структурой.

Кризис империи сказался и в местных сепаратистских движениях, в восстаниях и выступлениях народных масс. В III в. центром независимого государства становится крупнейший торговый центр Востока — сирийская Пальмира. К 270 г. войска правительницы Пальмиры Зенобии завоевали Египет; Пальмира подчинила себе Малую Азию и всю Сирию. С огромным трудом римлянам удалось взять Пальмиру, но население восточных провинций не желало подчиняться Риму: вспыхнуло восстание в Сирии, в ре-

зультате подавления которого Пальмира была разрушена; затем началось восстание в Египте: антиримскую армию на свои средства вооружил богатейший купец Александрии Фирм (факт этот показывает, что не только низы населения, но и торговые слои провинций выступали против центральной власти). Это восстание также потерпело поражение, несмотря на упорное сопротивление александрийцев. Стены мятежного города были разрушены. Но недовольство распространялось по всей империи. Объявили себя независимыми горные племена Малой Азии исаврийцы, на юге Египта египтяне объединились с одним из ливийских племен в борьбе с римлянами; сепаратистские движения возникают в Мавритании. Империя вела борьбу со всеми этими движениями с переменным успехом. Трудности усугублялись нападениями персов. Восток больше не был заинтересован в связях с разоренным варварскими вторжениями Западом. В конце концов это поняли и императоры: в 395 г. империя была разделена, восточные провинции вошли в состав Восточной Римской империи (Византии). История древности для них завершилась.

Глава XXXIII

КОРЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ («ОСЕВОЕ ВРЕМЯ»)

1. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МИРООЩУЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ДРЕВНОСТИ

Понятие «осевое время» было впервые введено известным философом К.Ясперсом для обозначения периода (примерно с I тысячелетия до х.э.), когда произошли коренные изменения во взглядах человека на самого себя и на окружающий его мир. «Осевое время» — это период возникновения новых религий («мировых религий») и философских учений, в центре которых стоит проблема смысла индивидуального существования, взаимоотношений человека и мира, человека и божества, человека и социума, наконец, человека и других людей. Все эти проблемы по существу являются проблемами этическими, и, следовательно, мировоззрение и мироощущение человека начинают концентрироваться вокруг этики и определяться ею. «Осевое время» — время образования человека современного типа. Но, в отличие от прежних изменений человека, носивших биологический характер и приведших к образованию вида Homo sapiens sapiens, эти изменения происходили только в духовной области. Homo sapiens sapiens превратился в Homo sapiens ethicus. Соответствующие вопросы и предлагаемые ответы на них были впервые эксплицитно сформулированы в священных писаниях новых религий (вот почему они именуются также «религиями спасения») и философских учениях, многие из которых тоже имели (или приобрели позднее) полурелигиозный, а затем и вполне религиозный характер, обзаведясь собственной мифологией (например, буддизм). По словам К.Ясперса, «в осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью». Осознающая себя личность — это прежде всего личность этическая. Однако начало этических поисков относится к гораздо более раннему времени — к эпохе возникновения классовых обществ, а может быть, и к еще более древним временам, когда человек начинает осознавать себя не как неотделимую часть рода и племени, не имеющую никакой самостоятельной ценности, а как нечто самоценное, как неповторимую индивидуальность. Вслед за этим неизбежно возникает вопрос о смысле жизни и о посмертной участи индивидуума (вообразить себе такую абстракцию, как «небытие», было тогда невозможно и до сих пор для большинства людей эмоционально неприемлемо).

По-видимому, древнейшим (т.е. стадиально древнейшим) ответом на указанный вопрос было возникновение сознания, которое следует именовать эпическим. Оно формирует идеал героической жизни и славной смерти, обеспечивающих вечную память в преданиях и песнях. Этот идеал нашел свое выражение во всех дошедших до нас стадиально ранних героических эпосах — в шумерских былинах о Гильгамеше и в их аккадской переработке (поэма «О все видавшем...»), в «Илиаде» и «Одиссее», в «Махабхарате», «Эдде», «Беовульфе». Герои этих эпосов в почти одинаковых выражениях говорят о своей твердости перед лицом Судьбы и о принятии славной гибели как об исполнении своего земного предназначения. Вместе

с тем сохранение памяти о человеке сообщало ему некую частицу бессмертия. Это было связано с широко распространенным в архаических культурах представлением об имени как носителе сущности поименованного: пока человека называют по имени, он не вполне мертв.

Однако недостаточность эпического идеала начала, видимо, ощущаться очень рано. Прежде всего, предписываемый им образ жизни и смерти был «по определению» не для всех, а лишь для особо отмеченных судьбой и, как правило, имеющих чудесную природу, происходящих непосредственно или по прямой линии от богов. Во-вторых, посмертная участь всех оказалась тем не менее одинаковой — унылое существование в виде теней загробного мира взамен полнокровной жизни на земле. Неприятие такой участи можно увидеть очень давно. В аккадской поэме ее главный герой Гильгамеш сначала, в полном соответствии с эпическим идеалом, готов сражаться и даже погибнуть, чтобы «создать себе имя». Но, увидев воочию смерть своего друга Энкиду, понимает, что такова «судьба человеков», а следовательно, и его собственная. Он пускается на поиски бессмертия, но терпит неудачу. В «Одиссее» тень Ахилла, вызванная из преисподней Одиссеем, говорит, что лучше быть последним поденщиком на Земле, чем царем над тенями в Подземном царстве. Выход из такой эмоционально неприемлемой ситуации мог быть разным — то в виде многих разновидностей представления о переселении душ после смерти в новые тела, то в виде существенной модификации представлений о потусторонней жизни, которая теперь мыслится как некое продолжение жизни земной. Впервые такие развернутые представления о загробной жизни, продолжающей земную, возникли, видимо, в древнем Египте на рубеже Древнего и Среднего царств. Возникают учения, которые отказываются обсуждать вопрос о посмертной участи человека, концентрируясь на прижизненном неуклонном исполнении долга, каковы бы ни были последствия (стоицизм, соединивший таким образом древнее эпическое мироощущение с этической философией; идеал «незаинтересованного деяния», проповедуемый в «Бхагаватгите» и учении даосов).

Но упомянутые выше два вида представлений о посмертной участи индивидуума в дальнейшем заняли господствующее место в религиозных учениях человечества. Дополнения и изменения, которые вносились в них с течением времени, имели в основном этический характер: возникла идея посмертного воздаяния за то, каким человек был при жизни. Для верующих в переселение душ воздаяние имеет вид возрождения в лучшем или худшем (даже в виде животного) состоянии. Для верующих в загробную жизнь — рай и ад в различных формах и под различными названиями. Возникали также и представления смешанного характера — о переселении душ с промежуточным пребыванием в различных видах рая или ада — соответственно тому, как была прожита очередная земная жизнь. Идея загробного суда, видимо, впервые сформулирована в древнеегипетской «Книге мертвых» (ок. 1600 г. до х.э.).

Проблема происхождения зла и его отношений со справедливостью занимала человеческие умы уже со времен глубокой древности и породила столь своеобразный жанр древневосточной литературы, как *теодицея*. К нему относятся древнеегипетские «Песнь арфиста» и «Спор Разочарованного со своим двойником», древневавилонские «Невинный страдалец» и «Теодицея», ветхозаветная «Книга Иова». Человек хочет верить и верит, что миропорядок включает в себя также и справедливость, что высшие силы стоят на страже этой справедливости. Но суровая реальность состоит

в том, что злодеи нередко остаются безнаказанными, а праведники страдают безвинно. На вопрос, почему это так, все «теодицеи» отвечают одинаково: человеку не дано постичь замыслы и деяния богов, и он не смеет даже задавать вопрос о смысле происходящего. Вопрос о природе и роли зла решается различными религиозными и философскими учениями поразному, но представление о «грехе» как о нарушении неких табу (прежде всего ритуальных), вольном или невольном, даже случайном, но навлекающем любую кару, сменяется представлением об индивидуальной вине или заслуге и соответствующем воздаянии. Эти новые этические принципы нашли свое выражение первоначально в праве, в вошедшем во все законодательства ранней древности принципе талиона, т.е. воздаянии равным за равное. При этом учитывается также и степень «злой воли», т.е. намеренность преступления. Господствовавший в первобытном обществе принцип кровной мести, основанный на представлении о коллективной вине и коллективной ответственности, сменяется наказанием по закону, основанным на принципе индивидуальной вины и индивидуальной ответственности. На практике, разумеется, этот переход занял целую эпоху, а пережитки прежних представлений в виде, например, коллективных наказаний известны и в XX в. Тем не менее можно говорить о настоящей революции в мировоззрении и самоощущении человека древности. Другим проявлением этих перемен было возникновение частной собственности. Позднее новая этика составила основу новых религий «осевого времени». Для всех этих религий (и в этом их главное отличие от «естественных» религий ранней древности) характерно представление о том, что прижизненная и посмертная участь человека определяется прежде всего его добрыми и злыми деяниями, а не ритуальными действиями. Как и вопрос о природе зла, вопрос о личной ответственности создает значительные затруднения онтологического и даже гносеологического характера, так как связан с проблемой свободы воли, а эта последняя — с проблемой причинности.

Хотя строго логическим может быть лишь вывод о тотальной и неизменяемой причинности, такой вывод неприемлем эмоционально и противоречит многим устоявшимся представлениям. Поэтому, хотя в некоторых современных религиозных течениях (кальвинизм, некоторые секты ислама) и принят принцип предопределения, большинство новых религий и философских учений в той или иной формулировке предполагает свободу воли и, следовательно, личную ответственность человека за его поступки. Что же касается проблемы зла, то она в различных религиозно-философских учениях решается на первый взгляд весьма различно. Иногда предполагается существование конкретного, имманентного или трансцендентного, носителя зла, почти равномощного благому божеству и ведущего с ним борьбу за власть над миром (зороастризм, манихейство). Иногда этот носитель зла — низшая по сравнению с Божеством, хотя и могучая сила, искушающая человека (иудаизм, христианство, ислам). Иногда носителем зла оказываются самый мир (буддизм, гностицизм, отчасти христианство) и даже сама человеческая индивидуальность (отрицательные стороны индивидуализма стали осознаваться, видимо, почти сразу же). Однако для всех этих учений общим являются уверенность (не хочется называть ее догматом) в конечной победе добра и обязанность каждого человека этой победе содействовать. Формы такого содействия вновь многоразличны — от активного противодействия злу и следования деятельному добру до отказа от эгоистических желаний, отречения от мира и даже от индивидуальности.

Это последнее должно осуществляться через слияние с абсолютом, понимаемым метафизически (буддизм, стоицизм) либо вполне реально (конфуцианство). Так или иначе, именно участие в борьбе зла и добра и связанная с этим необходимость преодолевать свои природные или приобретенные несовершенства придают человеческой жизни, согласно всем этим учениям, смысл и цель. Вот почему почти все они понимают индивидуальное человеческое существование и саму историю как движение к некой цели, предназначенной свыше или избираемой добровольно: метафора «пути» занимает важное место в их системе представлений. Вот почему многим из них присущи и эсхатологические представления, опять-таки связанные с неизбежной победой добра «в конце времен». Эти же самые причины привели к повсеместному распространению взгляда на человеческую жизнь как на своего рода «ловушку», поскольку она неразрывно связана со злом. Различные религиозные и философские учения «осевого времени» предлагают в этой связи различные типы индивидуального поведения. Из «ловушки» можно, например, убежать (буддизм, джайнизм, отчасти христианство и другие учения, связанные с аскезой). «Ловушку» можно игнорировать (стоицизм). Наконец, в «ловушке» можно постараться устроиться с максимальными удобствами для себя и для товарищей по несчастью (конфуцианство).

Таковы, в очень кратком очерке, основные причины появления религиозно-философских учений «осевого времени» и основные этапы их сложения. Такие учения составляют необходимый и неизбежный этап в развитии человеческой культуры, человеческой духовности (точно так же как и возникшие в поздней древности атеизм и материализм). Как уже отмечалось, «религии спасения» и соответствующие философские учения исходят из примерно одинаковых духовных запросов. Они не имеют сколько-нибудь существенных этических преимуществ друг перед другом и различаются лишь по тому, преобладает ли в них религиозное (мифологическое) или философское начало. Любопытно и, возможно, не случайно, что наименее мифологичными были учения, возникшие на двух противоположных концах древней ойкумены — в Китае и в Греции.

Представления, легшие в основу этических религиозно-философских учений, были громадными достижениями человеческого духа. В процессе развития этих учений ставились и решались все важнейшие проблемы философии: проблема бытия (онтология), проблема познания (гносеология) и проблема ценностей (аксиология). Заняв центральное место в человеческом менталитете, они и создали человека современного типа, хотя до сих пор такие люди не составили большинства (менталитет многих людей остается в значительной степени на уровне первобытнообщинного строя, что, к сожалению, не всегда осознается идеологами, политиками и экономистами).

Следует заметить, что в формировании этого нового человеческого типа приняли участие не только религиозно-философские движения, но и ряд других духовных движений. О роли словесности, создавшей «теодицеи», было уже сказано выше. Однако есть еще одно явление, роль которого не замечается и недооценивается, а именно право. Частично о нем уже говорилось выше в связи с этикой. Но есть еще и другая очень важная сторона права — формулирование представления о собственности. Все древнейшие правовые системы представляли собственность как продолжение личности собственника или коллектива собственников, и лишь римское право четко сформулировало понятие собственности как самостоятельной сущности, а также и другие важнейшие правовые понятия (категории). Рим, таким

образом, сыграл очень важную роль в становлении «осевого времени», хотя К.Ясперс Рим практически игнорирует: для него античность и вообще Запад — это почти исключительно Греция.

Возвращаясь к затронутому выше вопросу о соотношении этики и права, следует заметить, что соотношение это было и остается довольно сложным. С одной стороны, право эксплицитно формулирует и подкрепляет санкцией некий минимальный набор правил поведения, без которых существование усложнившегося человеческого общества было бы невозможно. С другой стороны, оно неизбежно приходит в противоречие с нормами морали, ибо мораль ригористична, а право прагматично. Это противоречие беспокоило людей с самого начала, и предпринимались многочисленные попытки его ликвидировать или хотя бы сгладить, особенно хорошо заметные в древнеиндийских правовых памятниках, но также и в исламском праве (ислам, впрочем, вообще не знает разделения на право и мораль: понятие *фикх* охватывает и то и другое). Впервые, пожалуй, это противоречие спокойно воспринято как данность в Библии. Многие отмечают очевидное противоречие между ветхозаветными 10 заповедями (частично повторенными и в Новом завете) и ветхозаветным же правилом «око за око, зуб за зуб» и основанными на этом правиле другими нормами Ветхого завета. Однако противоречие это — лишь кажущееся, 10 заповедей — это заповеди морали, а остальные нормы суть нормы права. Включение тех и других в единый текст показывает, что противоречие между ними, при всей его очевидности, воспринимается как необходимое и неизбежное. Точно так же и в Новом завете положение «не противься злому» представляется его авторам вполне сочетаемым с положением о начальнике, который не зря носит меч и обязан карать зло (Римл. 13, 4), т.е. Новый завет осуждает самоуправную месть, но признает правосудие. Такое «разделение функций» права и морали характерно для европейской культуры, хотя заявления о недопустимости противоречий между ними приходится слышать и сегодня. В действительности же недопустимы лишь существенные противоречия, а их возникновение указывает на глубокий кризис данного общества.

2. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Необходимо хотя бы вкратце рассмотреть вопрос о причинах возникновения, характере распространения и степени усвоения идей, связанных с «осевым временем» в различных обществах древности.

Ш.Н.Айзенштадт в своей статье «„Осевая эпоха“: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий» (рус. пер. в сб. «Ориентация и поиск. Восток в теориях и гипотезах». М., 1992, с. 42—62) пишет, что в основе «осевого времени» лежит ощущение разрыва и даже несовместимости между трансцендентным и мирским порядками. Эта работа содержит очень интересный и оригинальный очерк новой роли духовной элиты в «осевое время», но предлагаемый здесь ответ на вопрос о движущих силах этого времени представляется неточным.

Отметим прежде всего, что само понятие трансцендентности появилось сравнительно поздно, а такая важная цивилизация, как, например, китайская, сохраняла свой по преимуществу мирской характер. Кроме того, важно учитывать следующее: что бы ни думала духовная элита, идея становится действенной лишь тогда, когда она получает распространение в

массах, т.е. превращается в идеологию. При этом она неизбежно упрощается и, так сказать, «уплощается». Так что для огромного большинства это был скорее разрыв между должным и сущим.

Само же представление о должном гораздо старше «осевого времени». Так, в месопотамских текстах уже с начала II тысячелетия до х.э. появляются термины *киттум* и *мишарум*, которые обычно переводят как «правда» и «справедливость». В действительности же первый из этих терминов означает надлежащий миропорядок, а второй — действия, устраняющие его нарушения. Киттум и Мишарум персонифицировались как божества и считались дочерьми Шамаша — бога Солнца и блюстителя правосудия. Примерно такой же смысл имеют египетский термин *маат*, а также индоевропейские корни *арт-*, *йевс-* и *рег-* (от последних двух происходят слова со значением «право», «суд» и «правитель»). Столь же древним, как это видно из многочисленных текстов, является и осознание вышеупомянутого разрыва. Но именно с началом I тысячелетия до х.э. это осознание стало все больше переходить в план эмоциональный. Это была уже не столько идея о том, что должно быть, сколько ощущение, что то, что есть, не должно быть. Именно отсюда проистекают свойственные «осевому времени» экзальтация и фанатизм, не только готовность пострадать за идею, но поиск страдания. И эта социально-психологическая ситуация распространяется на все тогдашние цивилизации.

На первый взгляд это событие или, вернее, комплекс событий противоречит историко-материалистическому подходу, согласно которому общественное сознание определяется общественным бытием, особенно если учесть, что идеи, легшие в основу «осевого времени», возникали в обществах, стоящих на разных ступенях общественного развития. Так, общество, в котором проповедовал Заратуштра, было, видимо (или, во всяком случае, считается), в лучшем случае раннеклассовым. Общество же, где проповедовал Будда, считается развитым классовым обществом, как и общество, где протекала деятельность Конфуция или ветхозаветных пророков. Наконец, в отличие от К.Ясперса, завершением «осевого времени» следует, видимо, считать возникновение и утверждение христианства и ислама, ознаменовавших собой конец древнего общества.

В действительности, однако, все обстоит не так просто. Изобретения и открытия делались и делаются не только в области материального производства, но и в духовной области. Впрочем, непреодолимой границы между ними не существует. Так, изобретение письменности было прежде всего колоссальным духовным переворотом — осознанием того факта, что такие нематериальные явления, как речь и даже мысль, могут быть зафиксированы на практически любом материальном носителе. Распространение письменности было не столько заимствованием систем письма, сколько заимствованием самой идеи письма, а системы если и заимствовались, то лишь ради простоты. Существует, как известно, и представляется весьма правдоподобной точка зрения, согласно которой важнейшие изобретения (огонь, лук, ткацкий станок, колесо, одомашнивание растений и животных) были «однократными» и очень быстро распространялись по всему миру. Готовность к их восприятию у подавляющего большинства народов оказывалась достаточной. В последнее время для обозначения этого явления применяется термин «диффузия стимулов». Готовность же и способность к восприятию этих новых идей возникают, видимо, достаточно рано, но могут быть парализованы в тех или иных конкретных случаях именно общественным бытием, понимаемым, естественно, не просто как социальная система, но

как целостная культура. Иначе говоря, некоторые культуры оказываются невосприимчивыми к идеям «осевого времени». Такими культурами, как отметил К.Ясперс, являются древнейшие цивилизации человечества — Месопотамская и Египетская. Сам К.Ясперс отказывается объяснить этот феномен, но объяснение, видимо, все же возможно. Напомним еще раз, что именно здесь возникли первые в истории человечества или, во всяком случае, первые дошедшие до нас сочинения, посвященные проблеме смысла человеческой жизни и проблеме «должного и сущего». Там же возникли и первые, самые ранние представления о загробном суде. Они, как уже сказано, нашли свое выражение в египетской «Книге мертвых», но также и в превращении Гильгамеша в обожествленного судию над мертвыми в преисподней. Наконец, именно в Египте была совершена первая в истории человечества попытка перехода к единобожию — знаменитый солнцепоклоннический переворот Аменхетепа IV. Такая же тенденция к единобожию наблюдалась позднее и в Месопотамии, где была сделана попытка представить всех главных богов как ипостаси бога Мардука, превращаемого таким образом в единого и единственного бога. Тенденции «осевого прорыва» (термин К.Ясперса) здесь, таким образом, имелись, и даже ранее, чем у других цивилизаций. Однако именно глубокая древность Египетской и Месопотамской цивилизаций была, видимо, тем камнем преткновения, который помешал развитию и завершению этой тенденции. Именно гигантский объем высокоавторитетных культурных ценностей, уже «наработанный» ко времени возникновения «осевых» тенденций, сделал упомянутые цивилизации столь невосприимчивыми к коренным переменам. Традиция здесь оказалась сильнее новаторства. Но когда эти цивилизации оказались в состоянии глубокого кризиса, когда авторитет традиции сильно упал, здесь очень быстро распространились этизированные варианты местных религий, а позднее — христианство и ислам. Вообще кризис общества, подрывающий древнюю и высокоавторитетную традицию, или просто отсутствие таковой являются, видимо, необходимым условием победы новых учений. Они оказываются, таким образом, если употреблять терминологию Тойнби, новым «ответом» на «вызов» исторических обстоятельств. Особенно хорошо это видно на примере христианства, возникшего и распространившегося в условиях кризиса древнего общества, кризиса столь сильного, что он представал глазам современников как видение рушащегося мира. На этот «вызов» было предложено два «ответа» — мирской и духовный. Мирской «ответ» можно сформулировать примерно так: «Если мир рушится, надлежит подпереть его железными столбами» — так возникла и укрепилась империя. Духовный «ответ» звучал примерно так: «Если мир рушится — туда ему и дорога, надлежит же спасать душу» — так возникло христианство. Поначалу эти два ответа казались абсолютно несовместимыми, исключающими друг друга. Вот чем объясняется яростная ненависть христиан к империи — она вряд ли была бы меньшей, даже если бы первые императоры и не были чудовищами. Этим же объясняются и гонения на первых христиан. И лишь гораздо позднее выяснилось, что эти «ответы» вовсе не исключают друг друга. Вероятно, примерно такой же была и судьба зороастризма. Сначала Заратуштра и его сторонники подвергались гонениям, но впоследствии зороастризм стал государственной религией. Не случайно также, что основатели этих учений были, как правило, провинциалами, т.е. людьми, принадлежащими к данной культуре, но не обремененными чрезмерной канонической ученостью.

Возвращаясь к Месопотамии и Египту, заметим, что здесь проблема зла и личной ответственности за пределами права была поначалу решена традиционными способами — при помощи молитвы и магии. Именно магическим обрядом является знаменитая «Отрицательная исповедь» из «Книги мертвых» — вложенная в уста усопшего речь, в которой он перед лицом загробного суда отрицает какую бы то ни было свою причастность к злым делам. Эта «исповедь» коренным образом отличается от христианской исповеди, в которой человек, напротив, заявляет о своей греховности и одновременно о глубоком и искреннем раскаянии. И дело не только в невозможности обмануть всеведущего Бога, но прежде всего — в обязательности покаяния. «Отрицательная» же исповедь древних египтян вообще является не исповедью, но способом при помощи магии обмануть загробных судей — ведь абсолютно безгрешных людей не бывает. Неудовлетворительность такого решения вопроса становилась все более очевидной по мере распространения новой этики.

Впрочем, имела место также и неудовлетворенность самой этикой и предлагавшимися ответами на вопрос о смысле жизни. Эта неудовлетворенность получила многообразное выражение практически во всех культурах древности. Таким выражением были, например, «Диалог господина с рабом», созданный в Вавилонии, философия киников в Греции и даосская философия «недеяния». Все они провозглашают одинаковую бессмысленность любых поступков, а следовательно, также добрых и злых дел.

С другой стороны, следует отметить также и своеобразную «практическую эсхатологию», т.е. попытки создать Царство Справедливости и Добра «здесь и сейчас». Такие устремления порождали чрезвычайно взрывчатую смесь из религиозных учений и повстанческих движений едва ли не по всей тогдашней ойкумене. Можно перечислить восстание «Желтых повязок» в Китае, манихейство и движение Маздака в Иране, иудейские войны, восстание Аристоника и движение циркумцелионов в африканских провинциях Римской империи. Последним из таких движений был ислам, который, таким образом, и завершает собой, по нашему мнению, «осевое время».

3. ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЙ МИРООЩУЩЕНИЯ В ИСТОРИИ

В настоящее время известный тезис К.Маркса о том, что «философы до сих пор лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его», стал предметом насмешек. Предполагается, что такая задача не под силу философам и вообще не под силу никому, кроме времени. Однако следует иметь в виду, что именно эта задача была вполне осознанно поставлена и успешно решена пророками, проповедниками и философами «осевого времени» и народными массами, овладев которыми идея стала материальной силой. Новый мир не только возник, но и устоял. Разумеется, этот новый мир (так и хочется сказать, цитируя О.Хаксли, «этот славный новый мир») получился мало похожим на тот, который представал в видениях пророков и выкладках мудрецов. К.Ясперс писал, что «осевое время» было временем борьбы логоса против мифа, трансцендентного Бога против выдуманных демонов, а также борьбы за истинный образ Бога против ложного, противоречащего этике. Так оно, разумеется, и было, но возникший новый мир очень быстро обзавелся собственной мифо-

логией и демонологией и начал вести кровопролитные войны по поводу того, какой именно образ Бога является истинным. Несомненный шаг человечества вперед был сделан, но он был дорого оплачен, в частности возникновением таких явлений, как религиозный фанатизм и ханжество, совершенно неизвестных ранней древности. Все это, однако, не есть довод в пользу исторического пессимизма. Человечество все так же, как и в древности, как и во все другие эпохи, живет методом проб и ошибок. Вот только цена ошибки, как уже сказано в Предисловии к этому тому, становится все более высокой. Люди, жившие в «осевое время», разумеется, не воспринимали его как этап исторического процесса. Это видно только нам, из нашей дали. В свою очередь, нам очень трудно понять, в чем состоит смысл нашей эпохи. Но вполне возможно, что мы живем в некое новое «осевое время», начавшееся, возможно, около XV в. Никому из нас не дано узнать, верно ли это предположение. Можно лишь сказать, что, в связи с ускорением хода истории, новое «осевое время» будет, видимо, более коротким, чем первое, которое, впрочем, возможно, не было первым.

К.Ясперс полагает, что «чистота и ясность, непосредственность и свежесть первого осевого времени... не повторяются». Кроме того, нынешние сдвиги в мироощущении, науке и технике суть «чисто европейское явление и уже по одному тому не могут считаться второй осью». Оба эти положения по меньшей мере спорны. Ведь и сама идея «осевого времени» (первого, конечно) есть продукт философских построений, основанных на общем впечатлении, на взгляде издали, при котором не видны отталкивающие подробности. Но они, разумеется, хорошо известны историкам. Напротив, современникам, конечно, бросаются в глаза прежде всего именно отталкивающие подробности. Да и стало этих подробностей значительно больше, ибо возросли технические возможности для тирании и массовых убийств (Герцен говорил, что Чингис-хан с телеграфом куда страшнее, чем Чингис-хан без телеграфа). Реальная действительность во все времена изобиловала поводами для пессимизма. Но может быть, через один-два века (если, конечно, человечество уцелеет и не одичает) мы тоже будем смотреться из той дали как персонажи античной трагедии или, по меньшей мере, как ее хор, а кровь и грязь сольются в неразличимый и, чего доброго, даже красивый фон. Кроме того, историки и социологи, разумеется, возразят К.Ясперсу, что хотя это нынешнее движение действительно началось в Европе, оно охватило ныне все человечество. Да и первое «осевое время» началось в Передней Азии (Заратуштра и Исаия были, вероятно, современниками) и лишь через несколько веков охватило почти весь мир.

Что же касается возможного «предпервого осевого времени», то им вполне может быть время возникновения первых цивилизаций, переход от родо-племенного к древнему гражданскому обществу. О нем мы можем судить лишь по археологическим данным, но не приходится сомневаться в том, что это была эпоха напряженнейшей духовной работы, радикальной смены ценностей. То же самое можно, вероятно, сказать и об эпохе неолитической революции. При таком взгляде на историю она предстает в виде относительно коротких периодов бурного и напряженного взаимосвязанного развития и коренных перемен, перемежающихся гораздо более длительными периодами медленной эволюции и относительного разобщения, своего рода накопления сил для нового общего рывка. Можно, таким образом, говорить о «макроистории» как едином и имеющем своеобразную волновую природу историческом процессе, охватывающем все человечест-

во, и о «микроистории» как о конкретных проявлениях этого процесса в пространстве и времени.

4. ПРОПОВЕДЬ ЗАРАТУШТРЫ

Как бы ни датировать откровение Заратуштры — от середины II до середины I тысячелетия до х.э. (а наиболее вероятной датой следует считать, видимо, рубеж II—I тысячелетий), — в двух вещах сомневаться не приходится: Заратуштра реально жил, а его проповедь дошла до нас именно так, как он произносил ее перед своими первыми приверженцами. Непреодолимая сложность заключается, однако, в том, что слова древнеиранского пророка могут толковаться и переводиться по-разному. Арии считали письмо непригодным для записи священных изречений, все богослужебные тексты читались наизусть и передавались из уст в уста по памяти. Все высказывания пророка, благоговейно сохраненные его последователями и зафиксированные на бумаге впервые по крайнем мере через тысячу лет после их произнесения, принадлежат, по мнению одного из основоположников иранской филологии, Хр.Бартоломэ, к труднейшим текстам на индоевропейских языках.

Изречения Заратуштры, так называемые Гаты («Песни, песнопения»), общим числом 17 (всего около 900 строк), входят в зороастрийскую литургию — Ясну («Поклонение, моление») и составляют самую почитаемую часть священной книги зороастризма[1] — Авесты. Знать Ясну наизусть обязан каждый священнослужитель. По своей поэтической форме Гаты изощренны и восходят к древнейшим традициям. Сочинять и понимать Гаты могли, очевидно, лишь прошедшие обучение жрецы. Предполагается, что Заратуштра, веривший в то, что его откровение относится ко всем людям, проповедовал и более понятным языком для народа, а Гаты были кратким изложением его более пространных проповедей. Ритмически организованные Гаты легче было запоминать, они и расположены так, чтобы облегчить их механическое заучивание и запоминание (подобно сурам Корана).

По самым осторожным оценкам, в Гатах более или менее понятно около половины всего текста, а треть просто темна, поэтому их и трактуют то как заклинания шамана, то как изложение возвышенных философских доктрин. Исходя из содержания Гат, большинство ученых все же склоняются к тому мнению, что Заратуштра призывал в своих проповедях не к соблюдению традиционных ритуалов, а к следованию нравственным и духовным идеалам, важнейшим из последних считается замена множества божеств одним Верховным Богом — Ахура-Маздой (примерный дословный перевод «Господь Мудрость»). Ахура-Мазде с присущим ему Святым Духом противостоит Анхра-Манью («Злой Дух»), как это провозглашает пророк: «Есть два духа первичных, два близнеца враждою славных. Мыслью, словом и делом — лучший и злой. Из двух благодатный правильно выбирает, но не злодей. Когда эти два духа впервые сошлись, то создали бытие и небытие, и в самом конце худшее бытие будет для лживых, а праведному — лучшая обитель. Из двух этих духов выбрал лживый худшие дела, но Истину, одетую в крепчайшую твердь, выбрал Дух Святейший и

[1] В европейской науке утвердилось обозначение вероучения Заратуштры, образованное от греческой передачи имени пророка — Зороастр.

те, кто ублаготворяет Ахура-Мазду истинными поступками...» (Ясна 30. 3—5).

Этот многократно различно переводившийся пассаж, в котором, безусловно, упоминаются два духа-близнеца, и послужил, как предполагается, источником для процветавшей при Сасанидах зурванитской ереси, постулировавшей для «близнецов» общего отца — Зурвана (бога Времени, напоминающего орфического Хроноса).

Зороастрийцы в «Символе веры» именуют себя «почитающими Мазду», а иноверцев — поклоняющимися демонам (*даэва* — ложным богам). В отличие от Будды, который порывает с миром, и Христа, отделявшего «кесарево» от «Божьего», Заратуштра верит в справедливую власть, обращается к справедливым правителям: «Пусть благие правители правят нами, а не злые правители...» (Ясна 48. 5).

На протяжении своей трехтысячелетней истории зороастризм претерпевал серьезные изменения, отражавшиеся и в его доктринах, и на обрядовой практике. Сформировавшись на основе верований пастушеских кочевых племен, он не знал поначалу ни храмов, ни каких-либо вообще культовых сооружений. Молились под открытым небом, на вершинах холмов и гор, перед огнем домашнего очага, на берегу ближайшего водоема. Став официальной господствующей религией громадных государственных образований, зороастризм обзавелся и грандиозными храмами с великолепными статуями, и многочисленным духовенством.

Призыв Заратуштры к своим последователям жить в согласии с тремя принципами зороастрийской этики — благой мыслью, благим словом и благим делом, — распространяясь на священнослужителей, требовал от них благих намерений при совершении молитв, правильного произнесения священных слов и верного следования обрядам служения. Благо-мыслие, благо-словие и благо-деяние и соответственно зло-мыслие, зло-словие и зло-деяние пронизывают жизнь каждого верующего, от постоянного накопления добрых мыслей, слов и поступков зависит посмертная судьба души — соединится ли душа покойного в райской обители (Доме Хвалы) с душами других праведников и благими божествами перед лицом Ахура-Мазды, вкушая сплошное блаженство в ожидании грядущего воскресения, или же душа сгинет в аду вместе со злыми демонами-даэва и Анхра-Манью, ожидая в жестоких мучениях Последнего Суда и уничтожения.

Нравственные понятия воплотились в шести Амэша-Спэнта («Бессмертных Святых»), которых Ахура-Мазда создал первыми из всего благого творения. Определение *спэнта*, переводимое как 'святой', — важнейшее понятие в учении Заратуштры. По своему происхождению это слово означало первоначально полезную (благодетельную) силу. Шесть Бессмертных Святых такие: Воху-Мана («Благая Мысль»), Аша-Вахишта («Лучшая Истина»), Спэнта-Армати («Святое Благочестие»), Хшатра-Варья («Власть избранная»), Харватат («Целостность») и Амэрэтат («Бессмертие»). Во главе с Ахура-Маздой они образуют «семерку единосущных», покровительствующих всем семи благим творениям соответственно: человеку, скоту, огню, земле, небу, воде и растениям.

Согласно учению Заратуштры, правильный и добровольный выбор между благом и злом каждый верующий должен сделать не только для собственного благополучия, но и для решения судьбы всего мира. История делится на три периода, относительно продолжительности которых высказываются разные точки зрения.

Первый период — это «Творение», когда Ахура-Мазда творил, а Анхра-

Манью все портил. Нападение Злого Духа ознаменовало начало второго периода, именуемого «Смешение», в котором мы и живем в настоящее время, когда мир — место смешения добра и зла. Человек, сделав свой выбор, обязан помочь благим силам одержать победу над злом — для этого нужно поклоняться Ахура-Мазде, Бессмертным Святым и заботиться обо всех благих творениях. Заратуштра призывал к прекращению разбоя и угона скота, к заботе о скоте: «Молитву и хвалу Ахура-Мазде считаем лучшим для вас, а корове — корм» (Ясна 35. 7). Наказывать злых так же важно, как благотворить добрым.

Достижению третьего периода — «Разделения», в конце которого наступит обновление мира и воскрешение, — будут способствовать три поочередно грядущие Спасителя-саошьянта, сыновья Заратуштры.

Особое место в откровении Заратуштры занимает божество Сраоша (букв. «Послушание»). Сраоша упоминается в Гатах чаще прочих и сопровождается эпитетом «Все-величайший». Сраоша — покровитель молитв, которые служат самым действенным средством борьбы с силами зла и преобразования мира.

Идеи о суде над каждым человеком, о рае и аде, о посмертном воздаянии и наказании, о будущем воскрешении, о пришествии Спасителей, о Последнем Суде над всеми и о вечной жизни вновь соединившихся души и тела, высказанные Заратуштрой, оказали большое влияние на религиозные искания человечества, были усвоены другими религиями. В периоды своего владычества зороастризм воздействовал на религии, приверженцы которых подпадали под власть господствовавшей зороастрийской церкви или просто общались с зороастрийцами, и исследователи находят и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе, и в буддизме многие элементы, восходящие к древнеиранским верованиям или учению Заратуштры. Достаточно отметить тот факт, что слово для обозначения рая, например, во многих языках восходит (через греческое посредство) к иранскому «пара-дайза» (букв. «огороженный [сад]»).

Благодаря возможностям различных, иногда прямо противоположных интерпретаций первоначальное учение пророка истолковывалось то как откровенное единобожие без особой обрядности в духе современного «просвещенного христианства», то как последовательный дуализм, резко отграничивающий Добро от Зла, то как многобожие языческого типа. Историки религии замечают, однако, что только в зороастризме идеи о суде, рае или аде и о воскрешении находятся будто бы в логическом соответствии друг с другом. В других религиях, будучи заимствованными, они вступают в противоречия. Ведь по Заратуштре, спасение каждого человека зависит от всех его мыслей, слов и дел. В этом случае День Суда имеет особый смысл: человек сам несет ответственность не только за свою душу, но и за весь мир.

Зороастрийское влияние на христианство осуществлялось двояким образом. Во-первых, это было наследование зороастрийских элементов через иудаизм, а во-вторых — прямое воздействие зороастризма на раннее христианство. Иудеи подпали под влияние древнеиранской религии после освобождения их Киром из Вавилонского плена (VI в. до х.э.). Те, которые оказались более приверженными иранским представлениям и обычаям, получили наименование *фарисеи* (букв. примерно что-то вроде «персизаторы»)[2].

[2] Ученые предлагают и другие истолкования этого наименования. — *Примеч. ред.*

В Евангелии от Матфея рассказывается о трех волхвах (в европейской традиции — царях-магах), принесших дары новорожденному Христу. Помимо определения их как «магов с востока» еще две детали могут свидетельствовать в пользу того, что они были зороастрийскими священнослужителями. Во-первых, принесенные ими дары, если толковать «золото» как название благовония животного происхождения (возможно и такое понимание этого «золота»), — по своему составу типично зороастрийские приношения: они включают два предмета из царства растений (ладан и смирну) и одно — от животных. Принятые зороастрийские приношения воде также состоят из трех частей — это возлияния молока и сока листьев двух растений. Приношения огню совершаются аналогично из жира (или масла — животного происхождения) и двух веществ растительного мира — дров и благовоний. Во-вторых, согласно распространенному преданию, в живописной традиции эти волхвы-маги изображаются, как правило, принадлежащими к трем возрастным категориям: безбородый юноша, зрелый муж и старик, — что, видимо, напоминает о вере в трех поочередно являющихся Спасителей — сыновей Заратуштры. Излюбленное в зороастрийских ритуалах число «три» тоже, вероятно, подтверждает такое предположение.

Как бы то ни было, но долгое путешествие исповедников зороастризма к яслям Христа говорит и о том, как непрост путь к Богу для людей, искушенных в познании древних таинств. Простодушным пастухам для того, чтобы поклониться Христу, понадобилось лишь сойти с близлежащего пастбища.

5. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯХВИЗМЕ-ИУДАИЗМЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до х.э.

Одним из сдвигов в религиозной мысли I тысячелетия до х.э. было распространение того, что условно можно назвать представлением о «созданности» и о «создателе» религии. На смену архаичному представлению о дарованности религии Богом или богами в «начале времен» приходит мысль о «создании» данного учения во времена не столь отдаленные, во всяком случае исторически обозримые, «создателем», который, хотя и избран и призван богом и в силу своей богоизбранности приобщен к сфере божественного, тем не менее есть и остается человеком, принадлежит к роду человеческому.

Так, в ветхозаветном яхвизме все большее значение приобретает образ законоучителя Моисея, о котором в пророчестве первой половины V в. до х.э. сказано: «Помните Учение Моисея, слуги Моего, которое Я (Бог) заповедал ему на [горе] Хорев...» (Мал. 4, 4), а несколько веков спустя в сочинении кумранитов «Слова светильные» заслуги Моисея признаются столь великими, что искупают грехи всего народа. Еще показательнее для понимания значимости образа Моисея постепенная разработка его «биографии». Не касаясь спорного и на уровне современных данных вряд ли разрешимого вопроса об историчности Моисея, отметим основные параметры его «биографии»: чисто человеческое рождение, но чудесное спасение от смертельной опасности; безоблачное детство в «чужой» среде и возможность приобщения к ней, но возвращение в «свою» среду и приобщение к ее страданиям; призванность Богом, но сомнения в своем соответствии

этой призванности; наделенность обычными человеческими свойствами и чертами, но способность совершать над- и сверхчеловеческие чудеса; авторитет призванного богом предводителя, но также горечь людского непонимания и неповиновения; жизнь, отданная одной цели — привести народ в «страну обетованную», и трагизм смерти у порога этой недоступной для него цели.

«Биография» Моисея в дальнейшем служила образцом для моделирования биографий ряда вполне реальных пророков, например Иеремии (рубеж VII—VI вв. до х.э.), сыгравшего значительную роль в формировании яхвизма. Но особенно примечательны точки соприкосновения между «биографией» Моисея и «биографией» Учителя праведности — основателя и вероучителя «общины нищих», общины «Нового завета», «сынов света» и т.д., как себя именовали кумраниты во II в. до х.э. — I в. х.э. Учитель праведности (как и Моисей) был священником по происхождению; он (как и Моисей) был призван Богом, в силу своей богоизбранности Учитель праведности (как и Моисей) был одарован особой близостью к Богу и ему была ведома истина непосредственно из уст Бога; поэтому вера в Учителя праведности и верность ему (как и верность Моисею) суть залог спасения верных и верующих, которых «Бог спасет от Дома суда за их горести (или страдания) и веру в Учителя праведности». Далеко не все последователи Учителя праведности сохранили ему верность (что имело место также по отношению к Моисею), когда он подвергся преследованиям со стороны Нечестивого священника; Учитель праведности (как и Моисей) умер или погиб, но его последователи верили, что нечестие и беззаконие не исчезнут, «пока не встанет Учитель праведности в конце дней». Поскольку в кумранских рукописях засвидетельствовано верование во всеобщее воскресение мертвых, то не исключено, что последнее речение есть свидетельство ожидавшегося воскресения Учителя, в контексте эсхатологических и мессианских описаний кумранитов.

Эсхатологические представления о «конце времен», о «последних днях» царства зла и несправедливости занимали большое место в учении и жизни кумранитов, которые считали, что «Дом суда» или «День суда» явится не только днем крушения старого, неправедного мира, но также, и главным образом, днем рождения мира нового и праведного, ибо «в День суда Бог искоренит всех идолослужителей и нечестивцев с лица земли», а спасение будет «людям истины, исполняющим закон, руки которых неустанно будут служить делу». Важным новшеством в эсхатологии кумранитов было признание, что мир уже на пороге эсхатологического времени, а наступление «Дома суда» или «Дня суда» мыслилось в близком будущем в итоге мучительной, сорокалетней войны «сынов света» против «сынов тьмы» с непременным участием в ней космическо-божественных сил.

С эсхатологическими представлениями кумранитов неразрывно связаны их мессианские воззрения, т.е. ожидание ими прихода божественного помазанника — мессии, который «[познает тайны] человека, его мудрость снизойдет на все народы... [его] власть [над] всеми живущими будет могущественной... так как избранник Бога он, порождение Его и дух Его дыхания».

В ветхозаветном яхвизме эсхатологические представления и ожидания утверждались лишь постепенно, как ответ на углубляющееся несоответствие между обещаниями Яхве своему народу благополучия и процветания, справедливости и спокойствия внутри, величия и могущества вовне и действительностью VIII—VI вв. до х.э., которая характеризовалась нарас-

танием социальной напряженности внутри, но особенно катастрофическим падением безопасности вовне. Именно в этой полной драматизма ситуации пророки обращаются к архаическому представлению о «Дне Яхве» как о дне победы Яхве над врагами, избавления от внешней угрозы и поэтому дне радости. Но оно больше не удовлетворяло, ибо не объясняло причины столь вопиющего несоответствия между обещанным Яхве и осуществившимся. Поскольку в случившемся мог быть повинен только один из партнеров двусторонних «заветов» между Яхве и «нами», а именно «мы», отступившие от «пути Яхве» и нарушившие заветы, то в интерпретации пророков «День Яхве» предстает днем божественного гнева и наказания виновных: «Ибо грядет день Яхве Саваофа на все гордое и высокомерное и на все превознесенное и оно будет уничтожено» (Ис. 2, 112 и др.); днем всеобщей катастрофы общечеловеческих и глобальных, даже космических масштабов: «...день скорби и гнева, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы» (Соф. 1, 15 и др.). Однако «День Яхве» не мыслился как тотальный конец всего существующего; как раз наоборот, яхвизм признавал этот день днем надежды и спасения для верного Яхве «остатка», днем возрождения или, точнее, рождения нового мира и нового человека (Иер. 31, 30—33 и др.). Пророки не уточняли время «Дня Яхве», но заявляли, что близость или отдаленность его во многом зависит от человека и его поведения. Более того, именно от человека — от упорствования его в отступничестве или от его покаяния — зависит, обернется ли этот день днем гибели и горя или днем возрождения и радости. Однако пророки нередко сомневались в способности человека исправляться: «Может ли кушит изменить свою кожу и леопард — пятна свои? Так и вы можете ли делать доброе, приученные делать злое?» (Иер. 13, 23) — и поэтому связывали свои надежды с приходом божественного помазанника — мессии.

Представления о нем в Ветхом завете неоднородны, ибо в одних текстах (Иер. 23, 5 и др.) он предстает могучим и могущественным воителем и правителем из «дома Давида», а в других (Зах. 9, 9 и др.) — «нищий Он и восседающий на ослице...» в знак своей незначительности[3]. Но показательно, что в яхвизме утверждается, вобрав в себя некоторые черты царя из дома Давида, именно образ смиренного и страждущего мессии, наиболее полно воплощенного в так называемых «Песнях раба Яхве» неизвестного пророка конца VI в. до х.э., условно называемого Второисаией. Наиболее характерные черты этого образа — его божественная избранность — «Вот раб Мой, которого Я поддерживаю, избранник Мой, которому благоволит душа Моя» (Ис. 42, 1 и др.), его униженность, смиренность и страдания — «Он истязуем был, и Он страдал и не открывал уст своих, как овца веден был Он на заклание...» (Ис. 53, 7 и др.), чем «Он взял на себя наши болезни и понес наши боли, и мы считали Его тем, кто был мучим, избит и истязуем Богом» (Ис. 53, 4). Но показательно, что если с представлением о мессии как о могущественном царе-давидиде чаще всего связана партикуляристская ориентация на спасение им только «своей» общности, то образ смиренного и страждущего «раба Яхве» сопряжен с универсалистской ориентацией, ибо «Он (мессия) возвестит мир народам и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли» (Зах. 9, 10 и др.).

---

[3] Лошадь в древности не использовалась для хозяйственных нужд, являясь атрибутом воинов и аристократов. — *Примеч. ред.*

Дихотомия «партикуляризм–универсализм» не ограничивается сферой эсхатологически-мессианских ожиданий, а пронизывает весь яхвизм и иудаизм. Партикуляристская ориентация, вполне органичная для политеизма, размывается по мере утверждения монотеизма, что хорошо видно на примере трех ступеней в процессе монотеизации Яхве. На первой, отраженной в Десяти заповедях, признается наличие чужих богов у чужих народов, но для своего народа: «Я, Яхве, Бог твой... Да не будет у тебя других богов перед Мной» (Исх. 20, 2—3; Втор. 5, 6—7); на второй ступени наличие других, чужих богов замалчивается и провозглашается, что «Яхве наш Бог, один Яхве» (Втор. 6, 4), и лишь на последней ступени утверждается единственность Яхве: «Прежде Меня не было бога, и после Меня не будет... Я первый, и Я последний, и, кроме Меня, нет бога» (Ис. 43, 10; 44, 6 и др.).

Утверждение единственности своего бога с неизбежностью сопровождается усилением универсалистской ориентации, ибо, если нет бога и/или богов, кроме этого единственного, то он по необходимости должен быть творцом всех людей и всей вселенной. И действительно, таковым Яхве изображен в ветхозаветном описании творения, но универсалистская ориентация не ограничивается далекими начальными и конечными временами. Она властно вторгается в повседневную жизнь последователя Яхве, от которого требуется проявление действенной заботы, милосердия и т.д. к «чужаку», признание чужеземцев — моавитянки Руфи (кн. Руфь), персидского царя Кира II (Ис. 45, 1—3) и др. — благодетелями своего народа и т.д. Однако в яхвизме и иудаизме универсалистская ориентация не была единственной, ибо ей постоянно противостояла и противодействовала ориентация партикуляристская, настойчиво требовавшая по возможности более полного обособления «нас» от «них».

Одним из существенных критериев организации древним человеком мира богов была дихотомия «далекий бог — близкий бог», возникновение которой связано с различением бога-демиурга одноразового и единовременного действия в «начале времен», и поэтому «бога далекого», и бога-демиурга многократного, постоянного действования, и поэтому «бога близкого». В ветхозаветном Яхве в процессе его монотеизации слились воедино черты и функции не только «далекого» и «близкого» бога, но также архаических «личных» богов, так называемых богов-отцов, отличавшихся постоянной и тесной связанностью со «своим» индивидом или со «своей» человеческой общностью. Это дву- или триединство Яхве проявляется в том, что он предстает одновременно демиургом одноразового и единовременного действа, сотворившим мир и людей в шесть дней, и демиургом перманентного воздействия на этот мир и на этих людей. Объединение в образе Яхве черт «далекого», «близкого» и «личного» бога соответствовало запросам эпохи, когда ощущение приобщенности к мировым державам породило потребность в «далеком–близком» боге, а чувство собственной ничтожности индивида и социальных групп перед громадностью этих мировых держав усиливало потребность в боге «личном». Сочетание в одном божестве черт «далекого–близкого–личного» бога создавало яхвизму и иудаизму возможности для активной прозелитической деятельности, поскольку к такому богу могли обращаться «я», «мы» и «они», но сказывалось оно и в восприятии и осмыслении антиномии «божественное предначертание — свобода человеческой воли».

«Прежде нежели Я (Яхве) образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде чем ты вышел из утробы, Я посвятил тебя...» — сказано в проро-

честве Иеремии (1, 5), а в кумранском «Благодарственном гимне» говорится: «И прежде чем Ты создал их (людей), Ты знал все их деяния во веки веков, [ибо без Тебя ничто] не делается, и ничто не назначается без Твоей воли». Эти и сотни подобных высказываний подтверждают признание яхвизмом и иудаизмом божественного промысла силой, определяющей и направляющей человеческую жизнь и деяния. Однако в силу «авторитарности» Яхве, являющегося богом «далеким–близким–личным», он не нуждается в агенте своих предначертаний, в судьбе. Яхве достаточно лишь намечать «пути», и поэтому ключевым термином яхвистского и иудаистского представления о божественном предначертании стало слово *дерех* (= дорога, путешествие; начинание; поведение, обычай; положение, состояние, могущество; действие бога, требуемое богом поведение человека, образ действия человека).

В самом представлении «дорога, путь» заложена определенная двойственность, ибо, с одной стороны, дорога, кем-то проложенная, направляет стопы идущего, но, с другой стороны, самому путнику выбирать, ступить ли ему на этот путь или нет, идти по нему до конца или свернуть. Ветхий завет полон сетований на тех, которые «не знают пути мира и нет закона на их стезях, пути их искривлены и всяк идущий по нему не знает мира» (Ис. 59, 8), а «Устав» кумранитов упоминает «избравших путь, каждого сообразно его духу».

Именно в этом, в выборе следования по праведному «пути Яхве» или блуждания по неправедному «пути сердца своего», состоит свобода человеческой воли, которая есть важнейший показатель крепнущего антропоцентризма в яхвизме и иудаизме. Хотя антиномия «божественное предначертание — свобода человеческой воли» не была (и не могла быть) решена яхвизмом и иудаизмом, она обострила дилемму: ритуал или этика.

Речь, конечно, не о том, что ранее I тысячелетия до х.э. восточные религии были только ритуальными, а позже становились только этическими, ибо в религии в отношении «бог/боги–человек, человек–бог/боги» всегда и обязательно присутствуют оба начала — ритуальное и этическое. Речь идет о том, какое начало доминирует, а признание выбора «пути» человеком неизбежно ослабляет ритуальное начало и усиливает этическое. Восклицание пророка Амоса: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю [жертвоприношений] на торжественных собраниях ваших» (5, 21), призыв Исаии: «Научитесь делать добро, ищите правды, помогите угнетенному... Тогда придите, и рассудим, говорит Яхве» (1, 17—18) — и другие содержат не отрицание ритуального начала, но лишь требование гармоничного сочетания обрядности с соблюдением и выполнением моральных ценностей и норм при преобладании последних, которые признаются важнейшим, но не единственным условием следования по «пути Яхве».

Нарастающая этизация яхвизма и иудаизма воплотилась в создании системы ценностей и норм, в которой могут быть выделены три уровня: первый уровень — положительных и отрицательных свойств индивида, второй уровень — положительных и отрицательных отношений индивида и людских общностей и третий уровень — положительных и отрицательных отношений человека с Богом.

На первом уровне яхвистская и иудаистская система моральных ценностей и норм характеризуется преобладающей «посюсторонней» ориентацией, когда смерть признается безусловным злом, а жизнь, долголетие и здоровье — важными положительными ценностями. Необходимыми допол-

нениями к ним являются материальные блага — достаток, благополучие и т.д., но они ценности не безусловные, ибо «Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота» (Пр. 22, 1), а бедность отнюдь не безусловное зло, ибо «Лучше бедный, ходящий в своей смиренности, нежели [богатый] со лживыми устами, и притом глупый» (Пр. 19, 1). Высоко ценится трудолюбие, и осуждается лень, прославляются скромность, кротость и смирение, и порицаются высокомерие, гордыня и строптивость, но самый худший из недостатков — глупость, и поэтому: «Глупый сын — досада отцу своему и огорчение для матери своей» (Пр. 17, 25), а мудрость есть не только благо для человека, но и сила вне- и надчеловеческая, приобщенная к сфере божественного, ибо «Она (мудрость) сохраняла первозданного Отца мира, который сотворен был один, и спасала Его от собственного Его падения. Она дала Ему силу владычествовать над всем» (Прем. 10, 1—2).

Однако даже при наличии всех этих и иных позитивных свойств жизнь ветхозаветного человека не считалась полной и совершенной, ибо хороший, праведный человек может состояться только в хорошем, праведном сообществе людей, принадлежность к которому обеспечивается милосердием, состраданием и справедливостью, которые приносят пользу не только тому, кому они оказываются, но главным образом тому, кто их оказывает: «Он всякий день милует и взаймы дает, и потомство его в благословении будет» (Пс. 36, 26).

Решающим и определяющим в системе моральных ценностей и норм яхвизм и иудаизм признавали третий уровень — отношение человека с Богом, в котором главное — послушание Яхве, признаваемое высшей добродетелью и залогом благополучия и процветания «мы» и «я». Требование послушания и славословие ему пронизывают весь Ветхий завет, но с особой силой они звучат в книге Иова: «И отвечал Иов Яхве и сказал: „Теперь знаю: Ты можешь все, И невозможно противиться Тебе“» (42, 1—2) — и в гимне, завершающем «Устав» кумранитов: «Прежде чем двинуть рукой или ногой, я благословляю Его имя, в начале выхода и входа, садясь и вставая и ложась на мою постель, я воспеваю Его...»

Поэтому тем показательнее, что в Ветхом завете многие персонажи, в том числе образцовые для ветхозаветного человека, проявляют порой непослушание, которое, однако, изображается органическим и необходимым компонентом их поведения: смиренный Авраам сомневается в обещании Яхве дать ему сына, послушный Моисей спорит с Яхве и возражает ему, исполнительный Давид неоднократно нарушает предписания Яхве и т.д. Не правомерно ли предположить, что яхвизм и иудаизм признавали временное и частичное непослушание необходимой предпосылкой истинного послушания, путем к его осознанию и средством его проверки?

Рассмотренными явлениями — крепнущим осознанием своей созданности и роли Создателя, усиливающейся эсхатологией и мессианством, растущим напряжением между универсалистской и партикуляристской тенденциями, дихотомией «божественное предначертание — свобода человеческой воли», крепнущим антропоцентризмом, сложной взаимосвязанностью ритуальных и этических начал — не исчерпывается многогранность и даже противоречивость процессов в яхвизме и иудаизме I тысячелетия до х.э. Они включали все более ригористическую антиидольность, но также растущую ангелологию; разработку единой догмы яхвизма, но и зарождение в нем многочисленных течений; формирование ветхозаветного канона, но и образование обширной апокрифической литературы и т.д. Однако эти

последние явления носили в основном локальный характер, были свойственны только данной религии, в отличие от рассмотренных выше, которые в той или иной форме имели место также в других восточных религиях, и содействовали преодолению яхвизмом и иудаизмом его локально-этнической замкнутости, его эволюции в сторону мировой религии.

6. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ ИНДИИ

В течение нескольких столетий, начиная с VII в. до х.э., в Индии наблюдался взрывоподобный по интенсивности культуро-творческий процесс, суммарным итогом которого было создание богатейшей и неповторимой цивилизации, сравнимой по своей мощности только со средиземноморской и дальневосточной. Само культурно-историческое понятие Индии, в отличие от простого географического обозначения, имеет полную приложимость к действительности лишь начиная с этой эпохи. Всемирно-исторический смысл этого периода, во время которого сходные по значимости процессы происходили и в других частях ойкумены, подытожен К.Ясперсом в понятии «осевого времени», породившего вычленившуюся из коллектива личность, носительницу самосознания, идеи общечеловеческой общности, а также и нового типа культуру — не всецело синкретическую, но обладающую расчлененной морфологией. Тогда же, по мысли этого философа, явились и «мерополагающие личности», в том числе индиец Будда Шакьямуни. Однако и К.Ясперс, и многие другие современные философы и исследователи единодушны до сих пор в утверждении уникальности европейского «осевого времени», т.е. «греческого чуда», превзошедшего своим значением иные культуры, в том числе и индийскую. Отказавшись от изначальной установки на греческое превосходство, мы получаем возможность сравнивать Грецию и Индию как, по нашему предположению, равномощные целостности, а если опираться на бóльшую известность и познанность греческой культуры, то индийская в противопоставлении ей окажется понятнее. На архаическом временном слое, представленном в Греции критомикенской цивилизацией, а в будущей Индии — цивилизацией Мохенджо-Даро и ранней ведийской культурой, различие между ними настолько менее заметно сравнительно с будущими развитыми культурными комплексами, что его можно считать для наших целей несущественным. Личности в строгом смысле еще нет, культура синкретична, ядро ее образует мифоритуальное единство, а индивидуум определяется лишь природными и внешнесоциальными особенностями существования. Но далее направление разложения архаического единства пошло в Индии и Греции по противоположным и несоединимым путям. Мифо-ритуальный комплекс характеризуется, как известно, триединством «мысль–слово–дело»: «дело» есть прежде всего ритуал, «слово» — миф, «мысль» же — акт отношения и индивидуальное, коллективное и вообще субъективное осуществление ритуала и воспроизведение смысла мифа. Мы очень хорошо знаем греческие мифы и гораздо хуже — ритуал и религиозную практику. Направление развития удачно названо К.Ясперсом движением от мифа к логосу. В основополагающем понятии логоса соединились весьма специфическим и необщеобязательным образом значения, связанные с двумя компонентами триединства. Логос есть мысль, смысл, рассуждение и также слово, предложение, речь. Он противопоставляется «делу» или «действительности». Основной пробле-

мой оказывается установление связи полученной пары — обнаружение логоса во внешней действительности. В Индии же, хотя триединство помнилось лучше, чем у греков, оно стало распадаться и анализироваться иначе. «Мысль», отвлеченная от актов воспроизведения ритуала, стала одним из главных предметов культуры; ей противостоял «предмет» ее, в котором первично не различаются моменты: а) противостоящее внешнее, объективное (мир, материальное и проч.) и б) семиотическая структура смыслов. Эта пара выражается на санскрите словом *артха* — «предмет, объект, смысл и значение языковых выражений, выгода, польза, цель деятельности». Отсюда ясно направление развития: от ритуала к йоге, т.е. к практике и теории мысли, психической деятельности вообще как акта, направленного на безразлично какой объект; и от нерефлективного пользования семиотическими органами культуры — к осознанной семиотике. Неразличение в объективности артха идеального и материального, притом что для сознания первично задано, конечно, идеальное, а материальное (предельно объективное) познается лишь в окончательном итоге мышления и практики, проявляется в наблюдаемом равнодушии индийской культуры к исследованию независимого от человека внешнего мира. Отсутствуют естествознание и эксперимент. Названная основная пара выделенных в индийской культуре предметных сфер освоения должна учитываться при рассмотрении развития идеи личности в Индии, ибо личность неотделима от поля культурно заданной ей деятельности.

Следующая важная стилевая черта индийской культуры — ее партикуляризм. Социальную основу его составляют сословно-кастовый строй и этническая пестрота. Из-за партикуляризма приходится удвоить понятие общезначимости и явно выделять общезначимость содержания и общезначимость наличного существования. В Индии все имеет право быть и воспроизводить себя, развитие культуры ближе и нагляднее сравнивать не с эволюционным древом (как у Гегеля или в теории формаций), а с экосистемой, где сосуществуют примитивные микроорганизмы и млекопитающие. Глубокая мысль и развитая личность соседствуют с архаическим примитивом и глупостями до новейшего времени, они нередко представлены в одних и тех же письменных памятниках. Поэтому выявление логической, содержательной последовательности в филиации форм культуры и стадий освоения понятия личности составляет особо трудную задачу.

Ранний этап выделения личности усматривается в брахманских легендах о подвижниках-риши, которые сохранены «Махабхаратой» и пураническими литературой (середина I тысячелетия до х.э. — первые века христианской эры). Сквозь наведенную позднее религиозно-морализаторскую ретушь проглядывают фигуры демонических индивидуалистов. Риши уходят в леса из конкретного общества и настроены часто в принципе противообщественно. Они предаются неслыханному аскетизму, подавляя последовательно все природные побуждения — от влечения к женщинам до тяги воспринимать окружающий мир органами чувств, потребности шевелиться и дышать. Этот аскетизм не имеет ничего общего с «несчастным сознанием», ибо имеет целью возвысить совершенно абстрактный и формальный принцип своеволия и противопоставить свое случайное желание всему миру, обществу и богам. Подвиги надругательства над собственной природой приводят подвижников к великому могуществу: они делаются способны требовать от богов исполнения любых условий и обычно стремятся к безмерной власти. Подвижники неуживчивы, гневливы, взбалмошны. Итак, здесь мы видим начальное и чисто отрицательное представление о лично-

сти как формальной и надприродной. Впоследствии образы развиваются в двух противоположных направлениях: демонический аспект выделяется в легендах о злобных титанах-честолюбцах (Равана в «Рамаяне»; Сунда и Упасунда в «Махабхарате»), а образы провидцев облагораживаются и наделяются нравственным смыслом.

В «Махабхарате», по не опубликованным пока исследованиям Я.В.Василькова, выделяется определяющий центральный слой эпической героики с присущим ему представлением о личности. Личность здесь постигается в объективном смысле, как индивидуальная судьба, противостоящая самосознанию. Она во многом определена с рождения неким установлением не то бога или богов, не то неясными и неперсонифицируемыми факторами. Как правило, судьба безлична, но направлена на личность и соотносима с нею; она слепа, непостижима и трудна, часто жестока.

В целом Индия дала все мыслимые ответы на вопрос о том, чем определяется индивидуальная человеческая жизнь. Были предложены варианты: а) ничем, т.е. существование случайно, целенаправленная деятельность в конечном счете неэффективна, и нет также объективных закономерностей бытия; б) безличной и всеобщей необходимостью, понимаемой обобщенно-натурфилософски; в) безличной силой, проявляющейся в личном существовании, — судьбой; г) Господом Богом; представление о таком боге развивается отчасти независимо от старого ведического политеизма, иногда Господь в отдельных направлениях индуизма отождествляется с известной фигурой бога (Вишну, Шивой). Но наибольшее распространение получила идея *кармы* (этимологически — «деятельности»). Карма сама по себе есть объективно-сущий и безличный закон причинности в сфере поступков, который проявляется в индивидуальном бытии. Понятие кармы получено предельным обобщением наблюдения. Поскольку известно, что по крайней мере некоторые поступки приводят к последствиям во внешнем мире и вместе с тем изменяют личность и условия жизни самого деятеля, естественно было предположить, что и все прочее, переживаемое в этой жизни, есть последствия неких поступков. Было развито учение о круговороте существований (*сансаре*); считалось, что начальные условия данной жизни индивидуума определены суммарным итогом нравственно значимых (т.е. связанных с воздействием на других существ) его деяний в предшествующих существованиях. Идея кармы, проведенная последовательно, несовместима с теизмом, в сущности нерелигиозна и высокоморальна, постулируя полную ответственность за свои действия. Боги старого политеизма оказываются не менее людей подверженными этому закону, поэтому упование на них должно быть признано иллюзорным. Однако впоследствии предпринимались попытки эклектического соединения кармы с идеей Господа. Несмотря на теоретическую несостоятельность, они охотно развивались идеологами, не говоря уж о большой привлекательности для массового сознания, ибо полнота моральной ответственности — слишком тяжкое бремя и соблазнительно облегчить его, прибегнув к божественному заступнику.

Все решения вопроса об индивидуальном существовании сходились, однако, в одном: жить в общем тяжело, и плохого в жизни больше, чем хорошего. Отсюда появляется стремление к избавлению от существования в сансаре. Начатки учения о нем есть уже в старших «Упанишадах», начиная с VII в. до х.э. Избавление достижимо познанием собственной индивидуальной сущности (*атмана*) и самоотождествлением с вселенской сущностью, *брахманом*. «Упанишады» оставались эзотерическим возвышенным

учением, доступным лишь для интеллектуалов и ограниченным кругами брахманского сословия. Впервые же путь избавления от сансары, адресованный в принципе ко всем, был предложен неортодоксальными (не признающими авторитетности ведической традиции) учениями — джайнизмом и буддизмом. В них же выдвигается и учение о личности, превосходящей как сословные, так и этнические рамки. Традиционно в науке джайнизм и буддизм считают религиями, что не вполне верно. В Европе религия резко противостоит философии, вероятно, из-за разнокультурного происхождения, так как философия есть наследие Греции, а христианская религия пришла из Палестины. Поэтому они отличаются не только формой отношения к предмету, но и предметно; категориальный аппарат греческой философии плохо приспособлен к обработке монотеистических и креационистских идей, и возникают ценностные и логические непоследовательности и трения; развитая философия нередко с теологической точки зрения вызывает подозрение в ереси[4]. В Индии религиозное и философское могут быть противопоставлены скорее лишь по отношению к одному и тому же содержанию. Поскольку рассмотрение ведется в терминах артха, а не раздельно материального и идеального, невозможно однозначно решить, является ли данное содержание реальным или иллюзорным либо же истинным или ошибочным. Если с наивной точки зрения имеется некоторая мифологическая конструкция, будто бы представляющая мир как он есть, то в рамках развитого учения она рассматривается не в соотношении со своим объектом, а отвлеченно, как некая содержательная система, данная сознанию. Оторвав таким образом смыслы от внеположной им объективной реальности, можно перетолковывать и сами смыслы, использовать их для целей преобразования сознания — для йоги. При этом развитой интеллектуально адепт учения понимает (и это прямо утверждается в текстах), что религиозно-мифологическая с виду конструкция есть не описание реальности, а эффективный прием, к которому следует отнестись серьезно, но не гипостазировать его. Неразвитой же человек относится к содержанию с наивным онтологизмом и тогда оказывается в пределах религиозной формы сознания. Но в сами учения входят методы перестройки сознания и избавления его от такого онтологизма. В особенности описанный подход характерен для буддизма.

Итак, первично всеобщая идея личного спасения, для которой иррелевантно противоположение религии и философии, была порождена в буддизме и джайнизме; было предложено и некоторое, но довольно ограниченное разнообразие средств его достижения. Этими средствами не учитывалось индивидуальное, личностное начало, не сводимое к психологической типизации. Тем самым решения внутренне противоречивы: личное спасение предлагается осуществить способом, не учитывающим личность, но тогда спасается не личность, не то, что отличает одного духовного индивидуума от другого, а то, что является для всех или многих общим. По-видимому, это общее противоречие большинства учений о спасении, в том числе и христианства. Отрицательно понимался и результат, состояние спасенности. В раннем буддизме это негативно описываемая *нирвана*, по-

[4] Это объяснение представляется спорным или, во всяком случае, недостаточным. Ведь само христианство возникло и развивалось не как прямое продолжение иудаизма, но как синтез иудаизма с философскими течениями эпохи эллинизма — прежде всего со стоицизмом, гностицизмом и неоплатонизмом. В дальнейшем христианство породило уже собственных философов — от Фомы Аквинского до современности. Но проблема, разумеется, существовала и существует — общая проблема взаимоотношения знания и веры. — *Примеч. ред.*

нимаемая только как затухание сансарного бытия: спасение не личности, а от личности. В некоторых школах оно интерпретировалось почти как уничтожение, что явно противоречило учению самого Будды, отвергавшего «крайности исчезновения индивида и его вечного существования». Сформулированное Буддой понятие «срединного пути» указывало, как на односторонние и неистинные определения, на чисто природный способ бытия, «потакание всем вожделениям», и формально-абстрактное подавление природности, практиковавшееся древними подвижниками. О состоянии же освобожденности и переживании нирваны он последовательно отказывался говорить. Крен к отрицательной интерпретации обнаружился у его последователей, составивших хинаянское направление. Личным идеалом в нем стала святость (архатство). Но канонические буддийские тексты свидетельствуют, что реально достижение святости вовсе не сопровождалось утратой индивидуальных особенностей. О многих сподвижниках Будды, ставших святыми, известным осталось немало личного: любимые психические упражнения, индивидуализированные элементы биографии, выдающиеся качества (философское дарование, йогические способности, отличная память, проницательность и проч.). Таким образом, осознанное мышление теоретиков раннего буддизма не сделало еще своим предметом индивидуальное как таковое, оно отставало от практики развития личности, ибо в практике индивидуальное вовсе не устранялось. Преодолевались лишь отрицательные личностные особенности. В теории же оставалось вряд ли полностью осознанное убеждение в том, что стихия индивидуализации есть в большей степени нечто отрицательное (в том числе моральное несовершенство), положительное же мыслилось как абстрактно-всеобщее.

В других учениях о спасении существовали воззрения на состояние освобожденности и как на тупое (*джада*) бытие, подобное деревяшке, — т.е. чисто негативное и внутри личности, и в ее отношении к миру, — и как на самодовление (*кайвалья*) — вечную и равнодушную к остальному миру блаженную самозамкнутость и неподверженность изменениям. По сравнению с ними хинаянское представление о нирване обладало по крайней мере достоинством меньшей определенности, что позволяло толковать его и более содержательно.

Важно отметить, что йогические методы позволяли всех этих идеалов действительно достигать, они не были чисто теоретическими и осуществлялись не столь редко. Так, обретение святости, согласно ранней буддийской традиции, удалось многим сотням людей еще при жизни Будды. Поэтому споры учений были не только умозрительным делом, но и столкновением личностей, осуществивших искомые цели.

Решительный шаг вперед был сделан в другом направлении буддизма, махаяне. Идеалом в ней стало достижение не нирваны, но просветления (*ануттара самъяксамбодхи* — непревосходимое истинное пробуждение). В школе мадхъямики, развивавшейся в пределах махаяны, было философски обосновано методами негативной диалектики, что сансара и нирвана суть рефлексивные определения, в равной мере неистинные и пустые, принадлежащие сфере кажимости. На практике предлагалось снять их. Просветление — последний и самый развитой из выработанных индийской культурой личностных идеалов. Образцом признавался основатель буддизма Гаутама Шакьямуни, он стал, по справедливому мнению К.Г.Юнга, величайшим из имеющихся у человечества символов духовной зрелости. Путь к просветлению, согласно махаяне, не уводит от реального мира — признается, что мир и деятельность, направленная вовне, суть поле осущест-

вления личности и ее потенций. Просветление мыслится общезначимым в двух смыслах. В процессе достижения его обретается содержательно всеобщая способность к познанию и решению любых возникающих задач; цель его также всеобща — благо всех живых существ, умение и силы помогать всем желающим в обретении счастья, знания, совершенств и в конечном счете — тоже достижении просветления. Провозглашаемое единство мудрости и милосердия, как кардинально важная пара категорий, характеризующих просветление, тождественно с обоснованными Кантом «целями, которые одновременно суть долги, — собственное совершенство и чужое блаженство». Но вместе с тем махаянские идеи вели и к массовому снижению требований к личности. Понятно, что позыв достичь просветления и деятельно к этому стремиться мог возникнуть лишь у небольшого меньшинства буддистов. Прочие же отныне получили возможность обнадеживающего обывательского существования и уповали, что *бодхисаттвы* (будущие просветленные) в ходе своей практики помогут им и сделают за них большую часть дела. Онтологизм массового сознания привел к буквальному толкованию мифов, просвещенно толковавшихся как образы для йогической работы. Различие между буддизмом и индуизмом стало размываться. После вымирания буддизма в Индии индуистские направления, опиравшиеся на ведийскую традицию, выдвинули идеалом «освобожденность» (*мокша*). В некоторых вариантах философии она содержательно была близка к махаянскому просветлению, но заметно уступала ему изначальным признанием важности половых и сословных различий — вселенская идея была утрачена. В более популярных изложениях мокша смыкалась с чисто религиозным пониманием райского блаженства.

Понятие духовной свободы есть несомненное достижение индийской культуры. Строго говоря, оно лишь напоминает западное понятие религиозного спасения. Методы и обоснования его, и теории его, и способов обретения были научными, опирались на разработанную феноменологическую доктрину человеческой психики и доказали свою эффективность. В массовом же варианте, конечно, оно лишь типологически разнится с христианским спасением.

Свобода же в политическом смысле имелась лишь в ограниченных формах. Так, устав буддийской общины последовательно демократичен и представляется развитым позитивным правом с уровнем строгости, не уступающим римскому. Но сфера применимости его узка, имущественное право априори исключается из него из-за запрещения на личную собственность монахов.

7. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ КИТАЯ

В VI—V вв. до х.э. в Китае, как и в других странах древнего мира, начинается процесс формирования религиозных и религиозно-философских учений, ориентированных на человеческую личность, учений «личного спасения», пришедших на смену архаичным общинным формам религии с их безразличием к личностному началу и этической проблематике. Разумеется, применение слова «спасение» к религиям древнего Китая достаточно условно, поскольку конфуцианство вообще не создало какой-либо сотериологии, принципиально ограничиваясь проблемой самосовершенствования человека как общественного существа.

В даосизме идея спасения как достижения некоего особого «внемирского» существования получила ограниченное распространение, и только в буддизме, индийской религии, распространившейся в Китае начиная с первых веков христианской эры, проблема спасения (освобождения) заняла центральное место, причем буддизм принес с собой неизвестную для собственно китайской традиции идею всеобщего спасения, освобождения всех живых существ.

Несмотря на всю специфику, духовное развитие древнего Китая шло в целом в том же направлении, что и у других народов древности. Это позволяет рассматривать историю древнекитайской идеологии в аспекте перехода от общинных к личностным ее формам. Такой переход, однако, не носил окончательного и полного характера, поскольку элементы коллективистско-общинной ориентации оказались чрезвычайно жизнеспособными в условиях традиционного китайского общества, что накладывало особый отпечаток на развитые религии Китая. Кроме того, следует отметить, что религии личностного типа продолжали на протяжении всей истории Китая сосуществовать со стадиально более ранними, архаическими формами религии, образовавшими пласт так называемой народной религии.

Первым из триады утвердившихся в Китае религиозно-философских учений возникло конфуцианство, появление которого связывается с деятельностью знаменитого мыслителя Кун Цю, или Кун Чжунни, известного в Европе под латинизированным именем Конфуций (551—479 гг. до х.э.). По-китайски название этого учения не связывается с именем основателя и означает «учение образованных людей», «религия ученых» в переводе первых европейских синологов (*жуцзя*, *жу цзяо*). Подобное самоназвание раскрывает претензию конфуцианства на положение единственного учения, воплощающего в себе традицию высокой культуры совершенной древности.

Не останавливаясь на сложном и дискуссионном вопросе о том, является ли конфуцианство религией, представляется необходимым отметить наличие в нем как минимум развитого религиозного пласта, что позволило конфуцианству в течение более двух тысячелетий (со II в. до х.э. до свержения монархии в 1911 г.) выполнять функции, близкие к функциям государственной религии. Принципиальная установка Конфуция на связь его учения с наследием архаической эпохи выражена в знаменитом высказывании «передаю, а не создаю». Мысля себя лишь восстановителями переживающей кризис древней традиции, ее знатоками и приверженцами, конфуцианцы, однако, в действительности произвели грандиозный идеологический переворот, связанный со своеобразным переложением древнего магико-религиозного ритуализма в контекст философского учения сугубо этического характера.

Глобальная этизация уже уходящей в прошлое архаической религиозности под видом ее реставрации и стала главным результатом деятельности последователей Конфуция.

Ярче всего этот аспект конфуцианства проявился в одной из центральных категорий данного учения — в понятии *ли*, означавшем этизированный ритуал.

Первоначально слово *ли* (этимологически восходящее к графеме «культовое действие с сосудом») обозначало особый тип обрядов, дающих возможность преодолеть различные конфликты и отражающих поэтому единство мира. В конфуцианстве категория *ли* стала одним из важнейших понятий, наиболее существенным признаком должного устройства общества и нормативного поведения человека.

Конфуцианство включало в себя два основных аспекта: учение об «упорядочении государства» (*чжи го*) и о самосовершенствовании (*сюшэнь, сю цзи*). Первый аспект предполагал установку на связь с управленческим аппаратом и превращение в официальную идеологию. Второй — преобладание этико-политической проблематики. Оба эти аспекта были сбалансированы и взаимообусловлены, что хорошо видно из канонического текста «Да сюэ» («Великое учение»). В нем говорится о том, что высшей целью деятельности является «высветление светлой добродетели» в мире. Однако эта цель недостижима без самосовершенствования, в свою очередь предполагающего «выпрямление сердца», «искренность помыслов», «доведение знания до конца» и «выверение сущего». Только выполнение этих условий приведет к «выравниванию семьи», «упорядочению государства» и, наконец, к конечной цели — «высветлению светлой добродетели» в мире. Достаточно показательно введение в понятие «самосовершенствование» в качестве первого его основания «выверения сущего», что указывает на изначально существовавшее в конфуцианстве стремление к осмыслению мира как этического космоса, нашедшего свое завершение в средневековом неоконфуцианстве.

В ходе полемики о природе человека (*син*) было высказано две основные точки зрения на мораль. Первая, ставшая позднее ортодоксальной, принадлежала Мэн-цзы (372? — 289? гг. до х.э.), утверждавшему, что нравственное совершенство является внутренним свойством человеческой природы, которое только остается реализовать.

Вторая была высказана Сюнь-цзы (330 или 313 — 238 или 227 гг. до х.э.), считавшим, что природа человека зла и нравственные нормы налагаются на нее извне для ее исправления и обуздания.

При этом цель совершенствования оставалась одной и той же — достижение состояния «благородного человека» (*цзюнь-цзы*), нравственно совершенной и социально деятельной личности. «Благородный человек» конфуцианства как идеальный образ служилого интеллигента на многие столетия становится, таким образом, нормативной личностью традиционного Китая.

Конфуцианство, как уже говорилось, стало первым учением личного нравственного совершенствования, хотя свои этические идеалы оно зачастую черпало из собрания старых общинных ценностей, переосмысляя и индивидуализируя их. Самым ярким примером здесь является, пожалуй, принцип «сыновней почтительности» (*сяо*), взятый конфуцианцами из числа архаических норм поведения. Однако и этот принцип, став объектом философской рефлексии, превратился в один из краеугольных оснований индивидуальной нравственности, будучи интерпретирован в духе конфуцианского учения о «гуманности» (*жэнь*).

Таким образом, конфуцианцы, создавая свою этику, вливали в старые мехи общинных норм новое вино индивидуальной нравственности личного совершенствования.

В иной перспективе проблему поставили даосы, заменившие социоцентристский антропологизм конфуцианцев натуроцентристским антропологизмом.

Согласно традиции, первый даосский философ — Лао-цзы был старшим современником Конфуция, однако в настоящее время может считаться доказанным, что все основные даосские тексты древности (включая и приписываемый Лао-цзы «Дао-дэ цзин») написаны значительно позднее, в IV—III вв. до х.э.

Даосизм с самого начала оказался тесно и вместе с тем противоречиво связан со стихией архаических религиозных верований: с одной стороны, он был генетически связан с древнейшими религиозными представлениями шаманского типа, с другой — будучи продуктом их кризиса, отталкивался от них, как от своеобразного «язычества». Поэтому, с одной стороны, даосизм внешне выглядит архаичнее конфуцианства, но, с другой стороны, это архаика совершенно особого типа. Дорефлективно бытовавшие в древности верования и представления в нем пропущены сквозь призму философского мышления и существенно преобразованы, лишившись своей исходной непосредственности. Даосская архаика — это не пережиток древних верований, а их радикальная «переплавка», трансформация в духе новой идеологической ситуации.

В отличие от конфуцианства даосизм исходит из принципа «следования естественности» (*цзы жань*, букв. «само таково» — в смысле самодостаточной независимости от чего-либо иного). Это понятие тесно связано с другим ключевым термином — «недеянием» (*у вэй*), обозначающим непротиводействие естественному течению событий, природе сущего. «Недеяние» можно также определить как отсутствие предумышленной целеполагающей активности. Следование идеалам «естественности» и «недеяния» должно привести мудреца к совершенному единению с миром и его онтологической сутью — *дао* (букв. «путь»), субстантивированной закономерностью универсума. Это единение с природой описывается также как опрощение, уподобление безыскусной простоте вещей в их истинном бытии, которая уподобляется необработанному куску дерева (*пу*) и шелку-сырцу (*су*). Тема опрощения приводит также к появлению образа младенца как идеального прототипа совершенного мудреца. Младенец полностью един с природой, предельно целостен и преисполнен жизненной силы. Распространенная по всему миру метафора младенца-мудреца находит, таким образом, свое место и в даосизме.

Не игнорирует даосизм и социальную проблематику. Общественный идеал даосов — возвращение к первобытному состоянию слитности с природой, причем отдельные даосские мыслители (в частности, Бао Цзинъянь, IV в.) даже призывали к упразднению государства и предполагаемого им общественного неравенства, поскольку ничего подобного в природе нет, а следовательно, государство и сословное неравенство — лишь плод извращенного сознания людей — мудрых, использующих свой ум для обмана глупых, и сильных, подчинивших себе слабых.

В III—II вв. до х.э. в даосизме четко определилось направление становления и развития сотериологии в виде учения о «бессмертных» (*сянь*, *шэнь сянь*) и возможности обретения бессмертия. Даосизм, как и другие китайские учения, не знает доктрины бессмертия души. Дух гибнет со смертью тела и растворяется в утонченном мировом эфире, или пневме (*ци*). Поэтому бессмертие мыслилось даосами как бесконечная жизнь целостного человеческого организма — микрокосма, неделимого на дух и материю. Тело адепта, «достигшего» бессмертия, согласно даосизму, приобретает ряд сверхъестественных качеств и «одухотворяется». Достигается бессмертие, по даосскому учению, благодаря обретению единства с дао через серию сложных психофизических упражнений, аскезу и алхимию (о последней в текстах упоминается со II—I вв. до х.э.).

Во II в. х.э. появляется первое направление организованного даосизма, знаменующее превращение даосизма в институциализированную религию. Это направление, основанное полумифическим магом Чжан Даолином око-

ло 145 г., получило название «Путь Небесных наставников» (*тянь ши дао*), а позднее стало известно как «Путь истинного единства» (*чжэн и дао*)[5]. С этого периода начинается формирование даосской церковной организации. В IV—V вв. появляются новые направления даосской религии и формируется Даоцзан («Сокровищница дао») — компендиум даосской религиозной литературы.

Наличие в даосизме сотериологии в виде учения о бессмертии свидетельствует о его безусловной ориентации на индивидуальное спасение. Однако в даосизме осталось и много элементов общинной религиозности. Так, преобладающее число даосских религиозных обрядов направлено на достижение благоденствия всем приходом, сельской общиной, на обновление мировых стихий и т.п. Не обладает даосизм и разработанной этикой, довольствуясь самыми общими моральными предписаниями, хотя нравственное самоусовершенствование, по даосскому учению, должно предшествовать всем другим средствам «обретения бессмертия». Вместе с тем даосская сотериология не создала учения о возможности всеобщего спасения, что значительно ослабило позиции даосизма в его последующей конкуренции с буддизмом — мировой религией, начавшей проникать в Китай в I в. х.э.

Распространение буддизма в Китае явилось уникальным вплоть до нового времени примером знакомства Китая с другой высокоразвитой цивилизацией, именно — индийской. Буддизм в Китае по существу представлял всю индийскую духовную культуру, неся в себе явно или скрыто всю ее ценностную шкалу и систему мировоззренческих подходов и установок.

Утверждение в Китае буддизма (что заняло около пятисот лет) по существу представляло собой процесс «китаизации» буддизма, в ходе которого индийская религия, неравномощная потенциалу всего комплекса традиционной китайской культуры, претерпела существенные изменения, а в Китае появились направления буддизма, не имевшие индийских аналогов.

Как мировая религия, буддизм обладал как развитым этическим учением, так и четко определенной сотериологической доктриной, заданной еще в «четырех благородных истинах» раннего буддизма. Буддизм провозглашал неудовлетворительность (страдание) любого уровня профанического существования рождений-смертей (*сансара*, кит. *лунь хуэй*), определяемого для каждой отдельной жизни поступками индивида (*карма*, кит. *е*). Выходом из этой ситуации является религиозное спасение, освобождение (*нирвана*), важнейшим шагом на пути к которому оказывается отказ от веры в существование некой неделимой и вечной духовной субстанции — «я» (*атман*, кит. *во*).

Существенно, что в Китай буддизм пришел в форме махаяны (кит. *да чэн*, «Великая колесница»), противопоставившей хинаянскому идеалу *архата* (святого, достигшего личного спасения) более альтруистический идеал *бодхисаттвы* (кит. *пуса*) — святого, способного вступить в нирвану, но отказывающегося от этого во имя спасения всех живых существ. Махаянская доктрина обесценивала поиск сугубо индивидуального спасения, заявляя в соответствии со своей интерпретацией доктрины отсутствия индивидуального «я», что только спасение всех и есть спасение каждого в отдельности. А следовательно, надо стремиться не к хинаянской нирване, а к просветлению (*бодхи*, кит. *пути*) и к выполнению миссии бодхисаттвы,

[5] В позднеханьских текстах оно также часто называется «Путем пяти мер риса» (Удоу ми дао) по существовавшему в нем ритуальному налогу.

наделенного совершенной премудростью и великим состраданием. И именно доктрина всеобщего, универсального спасения явилась принципиально новым вкладом буддизма в религиозную жизнь не только древнего, но и средневекового Китая.

Другой важнейшей доктриной буддизма, прочно укрепившейся в религиозном сознании китайца и воспринятой даже народными верованиями (причем в качестве существенно важной составляющей), стало учение о карме. Это учение, во-первых, укрепляло идею личной ответственности за свое посмертное существование, заменяя безличную судьбу или предопределенность (*мин*) собственно китайских учений, а это способствовало дальнейшему движению по пути от общинной к индивидуальной религиозности.

Во-вторых, именно доктрина кармы предполагала учение о бесконечной цепи существований и смертей, прерываемой в момент освобождения и окончательно упраздняемой учением о всеобщем спасении. А всех этих важнейших положений не было в добуддийских религиозных представлениях Китая. И не влиянием ли установки на «великое сострадание» бодхисаттвы объясняется та активность буддийских миссионеров, с которой они уже в средневековье распространяли буддизм за пределами Китая по всей Восточной Азии, через посредство буддизма оказавшейся включенной в сферу культурного влияния китайской цивилизации?

Окончательное утверждение буддизма в Китае завершило формирование традиционного для этой страны религиозного комплекса — так называемых трех религий (*сань цзяо*), взаимодействие которых определило всю последующую историю религий Китая.

Специфической чертой развития религиозных форм идеологии в древнем (а также и средневековом) Китае является сосуществование в этой стране развитых форм институциализированных религий (даосизм, буддизм) и религиозно-философских учений (конфуцианство) со всевозможными неорганизованными народными верованиями и культами, представлявшими типологически значительно более ранний стадиальный тип религиозных представлений. Эти верования названы выше народными в сугубо социологическом смысле, как противостоящие организованным, этически и индивидуально ориентированным религиям, а не как «простонародные» или «крестьянские», поскольку они были широко распространены во всех слоях общества, включая императорский двор. При этом они могли играть существенную роль даже на уровне государственного культа (культы Неба, Земли и т.д.), чему способствовала и установка конфуцианства не на отбрасывание, а на этически ориентированное перетолковывание их архаического содержания.

Вследствие этого картина религиозной жизни древнего Китая являла собой сочетание и переплетение стадиально различных представлений, что усугублялось тенденцией к синкретизации религиозных течений, основанной на отсутствии установки на догматическую исключительность у всех религий традиционного Китая.

8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Во второй половине I тысячелетия до х.э. и в первые века христианской эры во всем ареале Восточного Средиземноморья происходили изменения в

традиционном мировоззрении основных масс населения, которые подготовили появление и распространение новой мировой религии — христианства. В период господства мифологического мышления люди по традиции, перешедшей от длинного ряда предков, полагались на заданность миропорядка и своего места в коллективе как его органической части. Неизбежность событий, связанных с таким миропорядком, не вызывала сомнений. Теперь же традиционные устои повсеместно рушились, греко-македонские, римские, парфянские завоевания приводили к падению и возвышению государств на территориях, огромных по масштабу и втянутым в эти процессы человеческим массам. Происходило насильственное и добровольное переселение, терялись родственные и общинные связи, успех или поражение казались часто случайными и непредвиденными. В этих условиях все ощутимее становится потребность в вере в могущественного бога-покровителя, который мог бы спасти не племя, не общину, не город, а данного конкретного человека, лишенного прежних гарантий привычного существования.

Одним из проявлений поисков новых божеств было создание синкретических образов богов, объединивших функции и атрибуты божеств разных народов. Эти явления в религиозном мышлении проявились еще в рамках Персидской державы. Частично они были связаны с массовыми переселениями, особенно характерными для эпохи эллинизма: на новом месте люди стремились заручиться поддержкой местных богов, не отказываясь и от почитания своих прежних, «отеческих». Но в слиянии образов различных богов можно видеть и выражение тенденции к универсализации и абстрагизации божества, к формированию представления о едином божестве. Большую популярность на древнем Ближнем Востоке (вплоть до Ирана) получил культ Сераписа (Осирис, Апис, Зевс, Аид, Асклепий), выступавшего как владыка неба и царства мертвых. Не меньшее распространение получили культы древнего женского божества — Великой Матери (как начала всего сущего), которая отождествлялась с Астартой, Кибелой, Исидой, Гекатой, Артемидой, Афродитой Уранией и другими женскими божествами, ставшими по существу ее ипостасями. В произведении, приписываемом Лукиану, — «О сирийской богине» — описано изображение такого синкретического божества в храме сирийского Гиерополя; автор называет богиню Герой, хотя ее несут львы (атрибут Кибелы), а на голове — башня и повязка, которая, по словам автора, «украшает только Афродиту Уранию». Культ богини-Матери, присутствовавший в большинстве религиозных верований того времени, объединял людей самого разного этнического и социального происхождения, а сама богиня в представлении ее почитателей была управительницей мироздания. Герой «Метаморфоз» Апулея Луций, обращаясь к Исиде, говорит: «...Ты кружишь мир, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, пожираешь тартар... мановением твоим огонь разжигается, тучи сгущаются, поля осеменяются, посевы подымаются».

Универсализация образа божества заметна даже в локальных божествах-покровителях отдельных городов, культ которых привлекает самых разных людей: так, в надписи из небольшого карийского города Панамары (I в. х.э.) принимать участие в празднествах в честь Зевса Панамария приглашаются все граждане, живущие в городе чужестранцы, рабы, женщины и «все люди населенного мира». В данном случае местный Зевс, вероятно, воспринимался уже как ипостась единого могущественного божества, которое выступает как покровитель всех жителей ойкумены; таким образом, формирование представления об универсальном божестве было связано и с представлением о человеческой общности, естественном равенстве людей,

представлением, которое уже не ограничивается философскими учениями, но начинает проникать в массовое сознание.

Универсальное божество мыслилось не только как всемогущее, но и как справедливое и милостивое к людям. В этом сказался возросший антропоцентризм религиозного мышления: не только человек служит богу — божество заботится прежде всего о человеке. В той же молитве Исиде Луций называет ее «охранительницей смертных», «заступницей рода человеческого». А в надписи из Нубии содержится призыв чтить Исиду и Сераписа, «величайших из богов, спасителей», «благих, благосклонных», «благодетелей». Благое божество в представлении людей первых веков христианской эры помогает людям и само является высшим носителем нравственного начала. Многочисленные посвящения из Малой Азии, Сирии, Финикии сделаны «богам внемлющим» (или — в единственном числе). К божеству применяются также эпитеты «чистый и справедливый» («чистые и справедливые»). Характерно, что «чистый и справедливый» бог безымянен — он един, и справедливость стала его основным атрибутом.

Вероятно, под влиянием представлений о едином божестве в позднеэллинистический период за пределами Палестины проявляется интерес к иудаизму. Наряду с фантастическими, явно тенденциозными описаниями иудейских обрядов различными античными авторами можно обнаружить и позитивное отношение к иудейским верованиям. Так, Страбон с симпатией пишет о Моисее и его учении о едином божестве, которое управляет Космосом и природой сущего; он выделяет и нравственные требования к верующим: только живущие благоразумно, согласно справедливости могут получить вознаграждение от бога. Появляются частные религиозные союзы, в которых видно влияние иудаизма: так, из Киликии дошла надпись в честь руководителя синагоги, поставленная от имени коллегии почитателей «Бога-саббатиста», т.е. Бога субботы (помимо полноправных членов коллегии упомянуты и люди, названные «саббатистами»). «Бог высочайший», вокруг культа которого также объединялись разные люди в Малой Азии, во Фракии, на Боспоре, связан был, по всей вероятности, с образом иудейского Яхве, хотя в состав его почитателей входили и неиудеи.

Обращение человека к божеству справедливому, «внемлющему» предполагало представление о личной связи с этим божеством вне официальных церемоний общины или города. Таким образом, в эллинистических государствах, а затем в восточных провинциях Римской империи появляется большое количество частных религиозных объединений вокруг культов того или иного божества, большей частью — восточного происхождения. Совершались особые таинства, мистерии, чтобы приобщить каждого члена сообщества к божеству-спасителю. В этих таинствах сочетались древние магические обряды с нравственным искусом, через который должен был пройти посвящаемый. Тертуллиан писал, что в таинства Исиды и Митры посвящались посредством омовения, т.е. очищения (не только физического, но и нравственного). Мистериальные действа как бы давали возможность каждому участнику соединиться с божеством. Правда, по-прежнему в этих действах магия оставалась главным способом личного общения с ним. В магических заклинаниях, связанных с культом Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего), особенно распространенным в Египте, содержатся формулы, обеспечивающие слияние с божеством, в том числе утверждение: «Я знаю имя твое, воссиявшее в небе, я знаю и все образы твои, я знаю, какое твое растение...» Знание тайных образов и имен давало, по представлению верующих, магическую власть над божеством.

Вера в возможность непосредственного контакта с божеством — без посредства традиционного жречества — привела к появлению в первые века христианской эры в восточных провинциях множества пророков и проповедников. Характерным примером может служить Александр, действовавший в Вифинии и Понте во II в. х.э. Он был высмеян Лукианом — и пользовался огромной популярностью среди самых разных слоев населения. Александр объявил о рождении нового божества в образе змеи (воплощение Асклепия) и от имени ее давал прорицания. Жажда чуда, надежда на общение с живым богом обеспечивала успех людям, подобным Александру.

Однако на рубеже эр появлялись и такие сообщества, которые не признавали магии и ставили перед своими членами только требования нравственные. В этом отношении интересен религиозный союз, основанный каким-то философом в малоазийском городе Филадельфии в I в. до х.э. Члены союза почитали Зевса и Великую Матерь (Атаргатис). Вступать в него могли женщины и мужчины, как свободные, так и рабы. Они должны были принести клятву не злоумышлять ни против кого, не пользоваться наговорами, не использовать средства, препятствующие деторождению, не помогать в этом другим; мужчины не должны были сожительствовать с замужними женщинами, будь то свободная или рабыня, совращать девушек и мальчиков; жены не должны были изменять своим мужьям. Характерно, что все осуждаемые проступки направлены только против личности, никаких норм общественного, официального поведения не устанавливалось; интересно также, что члены этого союза выступают против магии, хотя и верят в нее (запрет наговоров и приворотных зелий). Этот союз отражает высокую степень самоопределения личности и потребность в моральных нормах, которые бы эту личность защищали.

Все описанные выше особенности культов Восточного Средиземноморья проявлялись в виде тенденций — они присутствовали в разной форме и с разной степенью интенсивности в различных верованиях. Эти тенденции подготовили почву для распространения христианства, как иудейское сектантство — для его возникновения. Именно в христианстве они нашли свое наиболее полное воплощение. В нем — как и в буддизме — были преодолены партикуляризм, этническая или сословная ограниченность древних культов, были сформулированы нормативные нравственные требования к верующим. Раннее христианство призывало к единению в любви, которая не должна делить людей на чужих и своих. При этом христианство обожествляло страдание — именно страдающим должна была открыться Божья благодать. Христиане воспринимали себя не членами какого-либо определенного традиционного коллектива, а всего лишь временными странниками на земле. И в то же время человек как личность находился в центре всего христианского вероучения: он нес ответственность не только за свои личные поступки, но и за всю мировую несправедливость, однако при этом он обладал возможностью выбрать путь, который привел бы его к спасению в Царстве Божием на земле или в ином мире. Универсализм христианской проповеди обусловил превращение христианства в мировую религию, но путь этот был достаточно длительным.

Первоначально последователи галилейского проповедника Иошуа (Иисуса) составляли небольшую группу, одну из многих, существовавших в Палестине в I в. х.э. Непосредственными их предшественниками были кумранские ессеи и Иоанн Креститель, о котором кроме евангелий рассказывается и в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия. Иоанн был связан с Кумранской общиной; он призывал в ожидании прихода мессии покаяться

и очиститься от всех грехов. В этих призывах ясно видно ожидание конца мира — эсхатологические представления, свойственные учению кумранитов. Выражением очищения служило крещение — омовение в водах реки Иордан. Иоанн и его ученики проповедовали аскетизм. Участь Иоанна была печальной: он выступал против ставленника римлян правителя Галилеи Ирода Антипы и был казнен по его приказанию, поскольку, по словам Иосифа Флавия, Ирод опасался, что влияние Иоанна на народ может привести к мятежу.

Одним из принявших крещение от Иоанна в водах Иордана был Иисус из Назарета. С точки зрения первых почитателей Иисуса, именно во время акта крещения Иисус стал «пророком из пророков»; на него сошел «Дух Святой» — как об этом повествуется в ранних евангелиях, созданных в среде христиан из иудеев (эбионитов и назареев). Учение об Иисусе — Сыне Божием в прямом смысле слова, непорочно зачатом Девой Марией, возникло примерно в середине I в. х.э. Итак, в начале своей проповеди Иисус выступал как пророк, продолжая более раннее пророческое движение (недаром в приписываемых ему высказываниях столько цитат из ветхозаветных пророков). Начальное ядро его проповеди восстановить трудно; судя по древнейшей традиции, сохраненной в новозаветных и иудео-христианских писаниях, главным ее содержанием были призывы к духовному очищению через «живую воду» веры в ожидании скорого конца мира и установления Царства Божия на земле. В самом раннем из канонических евангелий — Евангелии от Марка — Иисус говорит своим ученикам: «...нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в грядущем веке жизни вечной» (10. 29—30). Эсхатологические чаяния составляли важнейшую часть мировоззрения первых последователей Иисуса. Путь в Царство Божие означал отказ от всех ценностей окружающего мира; во фрагменте апокрифического Евангелия Евреев Иисус гневно упрекает богатого юношу за то, что у того дом полон добра, а «сыны Авраама» гибнут с голоду: чтобы стать совершенным, нужно все имущество раздать нищим и только после этого следовать за Иисусом (более краткий вариант этого рассказа приведен в Евангелии от Матфея — 19. 21). Не только отказ от богатства, но и разрыв всех прежних традиционных связей (оставить дом, братьев, сестер, родителей — как явствует из приведенного выше речения из Евангелия от Марка), уход от традиционного образа жизни (жить, как птицы небесные) — все это входило в представление о духовном очищении. Судя по евангельской традиции, первые ученики Иисуса так и поступали: бросив дома и семьи, ходили вместе с ним по Галилее, а затем пошли в Иерусалим (Петр, в частности, был женат; есть упоминание о его теще, которую исцелил Иисус). Очень важным для дальнейшего распространения христианства было выступление Иисуса против формальной обрядности, ритуальной регламентации, которая была свойственна фарисеям. В разных евангелиях настойчиво звучит протест против субботних ограничений: «...Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы!..» (Матф. 12. 11—12); столь же резок протест против внешнего соблюдения ритуала: в отрывке из неизвестного апокрифического евангелия, найденного в Египте (первая треть II в.), рассказан эпизод встречи Иисуса с фарисеем, который упрекал его в том, что тот вошел в

храм вместе с учениками, даже не вымывши ног. В ответ Иисус «сказал ему: Ты омылся в стоячей воде, где собаки и свиньи лежат день и ночь, и ты омылся и натер снаружи свою кожу, как блудницы и флейтистки душатся, моются, натираются благовониями и краской, чтобы возбудить желание, а внутри они полны скорпионов и пороков. Но Я и Мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, Мы омылись в живой воде, нисходящей [с небес]...»

Отрицательное отношение к формальным требованиям фарисеев не означало при жизни Иисуса отрицания всех ритуальных норм. Так, в евангелиях можно увидеть намеки на то, что какие-то обряды и жертвоприношения соблюдались учениками Иисуса: в Евангелии от Марка Иисус говорит, чтобы исцеленный им человек принес за очищение свое «что повелел Моисей» (1. 44). Однако затем, уже после казни Иисуса, когда его смерть стала осмысляться как искупительная жертва за все человечество, его последователи, в том числе и иудео-христиане, стали отвергать любые жертвоприношения [см., например, Послание к Евреям: «Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне» (10. 5); эти слова, представляющие перефразировку из Септуагинты (Пс. 39. 7—9), вложены автором послания в уста Иисуса].

Также постепенно менялось отношение первых христиан к неиудеям. С одной стороны, может создаться впечатление, что первоначальная проповедь была рассчитана только на иудеев. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», — говорит Иисус в Евангелии от Матфея, но с другой — согласно евангельской традиции, он привлекал к себе, излечивал людей и неиудейского происхождения — всех, кто уверовал в него: он помог римскому центуриону, женщине сиро-финикийского рода и т.д. Для того чтобы спастись, достаточно было веры. В этом проявилось то преодоление партикуляризма, деления на «своих» и «чужих», которое прослеживалось уже в отдельных религиозных учениях предшествующего времени. «Открытость» христианской проповеди с самого начала определила возможность широкого распространения нового учения. В этой открытости — одно из существенных отличий христианства от учения кумранитов при всем сходстве многих элементов в мировоззрении той и другой секты. Отдельные места новозаветных сочинений звучат как прямая полемика с кумранскими правилами замкнутого существования: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Матф. 5. 14—15).

Первые христиане обращали свои призывы и к мужчинам, и к женщинам в равной степени; среди учеников Иисуса, согласно традиции, были женщины, сопровождавшие его из Галилеи в Иерусалим и присутствовавшие при его казни. И в дальнейшем женщины играли значительную роль в христианских общинах восточных провинций, причем, по-видимому, прежде всего женщины, потерявшие общественные и семейные связи. Христиане — и это проходит через всю раннехристианскую литературу — призывали к себе нищих, вдов, сирот, калек, блудниц, т.е. всех отверженных по нормам общинной морали древних обществ. Идея христианского милосердия означала помощь всем страдающим, независимо от причин страдания; милосердие было направлено на отдельную личность, и в этом отношении христианская благотворительность отличалась от коллективных раздач и общественных пиршеств древнего мира.

Милосердие — один из компонентов христианской нравственности. Со-

гласно евангельской традиции, Иисус учил религии бескорыстия, самопожертвования, прощения. Первые христиане провозглашали нормативную нравственность, включавшую любовь к врагам, воздаяние добром не только за добро, но и за зло. Возмездие целиком передавалось Богу, который сам был воплощением добра и справедливости. Нормы эти были трудно осуществимы в реальной жизни (как это ясно показала вся дальнейшая история христианства), но они, с одной стороны, впитали в себя надежды и нравственные поиски, характерные для разных религиозных групп, а с другой — противостояли традиционным представлениям древности с делением на «своих» и «чужих», принципом возмездия на основе талиона и т.п., что привлекало всех, кого не устраивали подобные представления.

Все эти принципы и идеи, заложенные уже в проповеди Иисуса, нашли свое развитие в учении Павла из киликийского города Тарс. Павел, первоначально ортодоксальный иудей и гонитель христианства, стал затем не менее ревностным его защитником. Ко времени выступления Павла (середина I в.) основную массу христиан составляли иудеи, жившие за пределами Палестины (в Палестине также были небольшие группы христиан, сохранивших старые названия эбионитов — «нищих» и назареев — «посвященных»). Они справляли субботу, признавали Иерусалимский храм, считая себя как бы «истинными» иудеями; число неиудеев-христиан было, по-видимому, относительно невелико.

Проповедь Павла открыла дорогу в христианские общины самым широким слоям неиудеев. Он выступил против соблюдения Закона — всеохватывающей системы заповедей и запретов: абсолютная благость Божества несравнима с человеческими деяниями, и людям остается лишь надеяться на прощение божье. Благодать, ниспосланная Богом, выводит человека из мира зла. Все человечество спасено добровольным страданием абсолютно невинного Иисуса: каждого отдельного человека спасает сам акт веры, дающий прощение через смерть Христа. Тем самым все люди были сопричастны вине за зло окружающего мира и каждый мог спастись через веру: христианство давало не только надежду на спасение, но и ощущение духовного очищения, в котором самые страшные грешники, раскаявшись, могли сравняться с праведниками. Акт веры, согласно учению Павла, был доступен всем, независимо от этнического происхождения и соблюдения требований Закона: «...нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос» (Посл. к Колоссянам 3. 11). Это положение помогло христианству завоевать души людей и способствовало превращению его в мировую религию.

Что же касается иудео-христиан, пытавшихся сочетать новые идеи с традиционными требованиями Закона, то они вплоть до средневековья продолжали существовать в Палестине и Сирии; их учение, отрицавшее непорочное зачатие, оказало влияние на ряд еретических учений, в том числе опосредованно и на арианство, а традиция, отраженная в их священных книгах, может быть прослежена в новозаветных сочинениях, признанных церковью священными (например, в Апокалипсисе Иоанна). Но широкого распространения учение этих групп не получило. Только развитие идеи универсализма, обращение к отдельному человеку вне его социальных и племенных связей привели к тому, что христианство, как и другие мировые религии, пережило породившее его древнее общество и распространилось за его географические и хронологические границы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первом томе мы рассказали читателю историю Востока примерно до походов Александра Македонского и распространения эллинизма (включительно) — первой синкретической цивилизации, возникшей из слияния начал, внешне совершенно противоположных и даже, по мнению носителей этих начал, исключающих друг друга. Тот факт, что города Востока легко и без малейших трений вошли в политическую и экономическую структуру эллинизма наряду с античными полисами, доказывает, что различие между этими городскими организмами было, в сущности, небольшим. Еще менее существенными оказались различия в деревне, теперь повсеместно заселенной зависимыми и полузависимыми крестьянами, как бы они ни назывались. Трудно подобрать более убедительное доказательство единства мирового исторического процесса. Вторая стадия древности близится теперь к завершению: древнее общинно-гражданское общество окончательно изживает себя: в мировых державах происходит нивелировка людей. И хотя сословия сохраняются и закрепляются законом (и даже появляются новые), сословные различия перед лицом всемогущего государства утрачивают свое значение. Все становятся подданными или все — гражданами, либо (как в Китае при Лю Бане) все получают низшую степень знатности, но это и означает, что все теперь — подданные.

Подробности этого процесса будут показаны во втором томе нашей «Истории», а пока следует подвести некоторые итоги. Основное внимание мы обратим на те проблемы, которым обычно уделяется очень мало внимания, хотя проблемы эти живы и жизненны.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДОВ И ЯЗЫКОВ

Вопрос о том, «какой народ, когда, от кого и как произошел», занимает многих. К сожалению, интерес этот не всегда питается чистой любознательностью или естественным уважением к предкам. Иной раз ложно понимаемый патриотизм, или, если называть вещи своими именами, просто шовинизм, побуждает некоторых историков (особенно дилетантов) искусственно «удревнять» историю своего народа, наивно полагая, что этим они его «возвышают». Представление о том, что достоинство человека или народа зависит от древности рода, — феодальный предрассудок, который в XX в., конечно, смешон, но отнюдь не безобиден. Ведь за ним (часто неосознанно) стоит расистский и абсолютно антинаучный постулат, согласно которому тот народ, который раньше других создал государство и вообще высокую культуру, «талантливее» тех, которые достигли всего этого позднее. Материалы, содержащиеся в нашем томе, убедительно показывают, что древнейшие цивилизации были созданы народами самой различной расовой и языковой принадлежности. Эти народы в силу различных случайных обстоятельств оказались «в нужное время в нужном месте», т.е. поселились на плодородных землях умеренного субтропического пояса (главным образом в аллювиальных и лёссовых долинах великих рек) именно

тогда, когда были уже освоены и распространились основные приемы производящего хозяйства — земледелие, животноводство, производство керамики, ткачество, металлургия. Из материалов этого тома видно, что ни один народ не упустил представившихся возможностей, сумев создать ирригационное земледелие, разделение труда и политические структуры. «Право первородства» в истории, следовательно, не существует. То же самое следует сказать и по поводу «исторических прав» на ту или иную территорию: такого рода претензии не раз уже приводили к кровопролитиям, да и сейчас из-за них льется кровь, например на Ближнем Востоке, в Закавказье и в Европе.

Ни по одному вопросу истории не высказано столько безосновательных утверждений, как по вопросу о «происхождении». Уже одно это заставляет разобраться в нем повнимательнее, но вопрос этот интересен и сам по себе. Содержание нашего тома предоставляет обильный материал по этому вопросу, и теперь остается лишь его обобщить и изложить в удобообозримом виде. Мы видели, что не существует и не существовало народов, которые могли бы претендовать на автохтонность, т.е. таких, которые бы жили на одном и том же месте, никуда не перемещаясь и ни с кем не смешиваясь, «всегда», т.е., скажем, со времен палеолита или хотя бы неолита. Именно поэтому споры об «исторических правах» бессмысленны, но проблема исторической преемственности, конечно же, существует, и ее надлежит осветить.

Вообще говоря, историческая преемственность между народами может быть трех видов: биологическая (антропологическая), языковая и культурная. Возможно, разумеется, и соединение двух или трех видов преемственности (особенно часто — языка и культуры).

Касаясь первого вида преемственности, следует подчеркнуть (и читатель нашего и последующих томов может сам в этом убедиться), что любой из современных и древних народов (за исключением немногочисленных географически изолированных групп) есть результат смешения нескольких (чаще всего — многих) племен и этносов. Поэтому можно говорить (да и то с большой осторожностью и не всегда) лишь о преобладающих этнических компонентах, слияние которых образовало данный народ.

С языками дело обстоит иначе. При слиянии разноязычных этносов и образовании нового этноса слияния языков не происходит. Один из языков вытесняет все остальные. Впрочем, это может происходить и без физического слияния: иногда бывает достаточно продолжительного контакта, и языки могут распространяться как бы «по эстафете», без или почти без реального перемещения первоначальных носителей языка. Причины, по которым один из языков берет верх, могут быть весьма различными: численное, культурное или политическое преобладание носителей данного языка, религиозные мотивы, соображения удобства (легкость усвоения, расширение возможностей общения), наконец, те или иные случайные обстоятельства. Вытесненные языки, однако, не исчезают бесследно. Отдельные слова таких языков, а иногда и некоторые их грамматические и произносительные особенности входят в состав языка-победителя. В каждом языке можно проследить несколько временны́х слоев, определяемых элементами из языков-предшественников (субстрат) и более поздними заимствованиями (адстрат). Лингвистические исследования, таким образом, служат важнейшим подспорьем при изучении истории народа, особенно если другие источники скудны или вообще отсутствуют. Эта «лингвистическая археология» позволяет заглянуть в такие глубины времени, куда невозможно про-

никнуть никаким другим способом, в частности выявить доисторические связи между языками и народами. Из сказанного следует, что языковое родство не обязательно связано с родством по крови. Этим и объясняется тот факт, что народы, говорящие на языках, принадлежащих к одной языковой семье, антропологически могут принадлежать к разным расам. Так, на индоевропейских языках говорят светлокожие, светловолосые и светлоглазые норвежцы и темнокожие, темноглазые и темноволосые жители Шри-Ланки (Цейлон). На афразийских (по устаревшей терминологии — семитохамитских) языках говорят европеоидные арабы, берберы, евреи и негроидные жители Эфиопии, Судана, Кении. На тюркских языках говорят монголоидные киргизы и европеоидные турки. Примеры можно было бы умножить, но и их достаточно. Они показывают, что недопустимо смешивать антропологические и лингвистические обозначения народов.

Еще сложнее обстоит дело с преемственностью культурной. Любая культура, как легко увидеть по материалам нашего тома, есть результат сложного взаимодействия культур-предшественниц, саморазвития и непрерывного культурного обмена с культурами-современницами: «чистых» культур, как и «чистых» рас, не бывает. Культурная же изоляция, подобно изоляции биологической, но в гораздо более короткие сроки, ведет к вырождению культуры. Упоминавшаяся в Предисловии к нашему тому чисто умозрительная и исходящая отнюдь не из научных соображений теория «несовместимости» культур была выдвинута еще в начале XIX в. (О.Шпенглер), а затем подхвачена идеологами фашизма. Но исторические факты свидетельствуют об обратном. Чем многочисленнее и разнообразнее компоненты, из которых сложилась данная культура, чем активнее она взаимодействует с другими культурами, тем жизнеспособнее и интереснее она становится, тем выше ее достижения. И напротив, возникшая по тем или иным причинам или с самого начала существовавшая изоляция делает развитие культуры ущербным, односторонним. Наиболее ярким примером здесь могут послужить цивилизации древней Америки. Их географическая изоляция от других культурных центров привела к тому, что развитие этих обществ шло как бы по кругу: одна культура сменяла другую на протяжении тысячелетий, но все они походили друг на друга и ни одна из них так и не достигла стадии развитого классового общества. Эллинистическая цивилизация была сплавом античных и древневосточных элементов. Еще более сложным сплавом была во времена средневековья (см. следующие тома) блистательная культура мусульманского Востока. Примеры и тут можно умножать до бесконечности, но в этом нет нужды. Зато необходимо еще раз отметить, что процесс слияния разнообразных культурных элементов, конечно, очень сложен, но в древности идет, как правило, довольно быстро и без особых трений. В большинстве случаев ему не препятствуют даже политические и религиозные разногласия. Так, библейское единобожие и античное язычество, равно как и оба соответствующих культурных комплекса в целом, относились друг к другу не просто отрицательно, но и резко враждебно. Тем не менее два этих источника слились в единый могучий поток христианской европейской культуры. Разумеется, в наше время она носит в основном светский характер, но забывать о ее истоках нельзя. Поэтому история древней Палестины, древней Греции и древней Италии есть неотъемлемая составная часть истории любого народа, принадлежащего к европейской культуре.

Заметим, наконец, что тезис о многокомпонентности любой культуры относится и к древнейшим «первичным» цивилизациям, возникшим в меж-

дуречье Тигра и Евфрата и в долине Нила, а позднее — в долинах Инда и Хуанхэ. Все эти цивилизации вобрали в себя все важнейшие достижения времен палеолита и неолита, в том числе основные приемы сельского хозяйства и ремесла. От других народов они переняли искусство обработки металлов — сначала меди, бронзы, золота, серебра, а затем и железа, а также коневодство и многое другое. Разумеется, и их вклад в общечеловеческую культуру был громаден. Мы говорили уже о нем в Предисловии, и повторяться нет надобности. Напомним лишь, что именно они создали материальные, духовные и организационные основы жизни современного человечества. Их достижения и заблуждения — не просто «давняя история». Они во многом определяют и нашу сегодняшнюю жизнь.

Что же касается естественного вопроса о том, какое родство важнее — физическое, языковое или культурное, то на него следует ответить так: в отличие от людей, взятых в отдельности, для народов наиболее важным является культурное и языковое родство, которые обычно, хотя и не обязательно, связаны между собой. Впрочем, и национальная принадлежность индивидуума определяется гораздо больше его языковой и культурной принадлежностью, чем его физическим происхождением, и следует полагать, что в будущем этот перевес еще возрастет, так что в конце концов физическое происхождение будет определять лишь связи между поколениями внутри семьи.

2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Чтобы правильно представить себе условия, в которых происходили в древности межэтнические и культурные контакты, необходимо уяснить, как относились ко всему этому сами древние. Межэтническая и религиозная рознь уже причинили человечеству колоссальные бедствия и, если их не удастся обуздать, причинят еще новые. Существует, как известно, точка зрения, согласно которой национальная и религиозная вражда столь же древни, как и человечество, присущи, так сказать, самой человеческой природе. Однако эта точка зрения не основана на фактах истории и служит лишь для оправдания националистической пропаганды. Факты же говорят о том, что ранняя древность не знала национальной и религиозной вражды.

Заметим прежде всего, что религии первобытного общества и общества ранней древности (т.е. «естественные религии») не были средством идеологического давления на эксплуатируемых. Человек этого времени принимал мир таким, каков он есть, со всем его добром и злом. Лишь очень немногие осмеливались выразить сомнение в правильности общественного устройства. А рабов принуждали к труду прямым насилием. Так что для подавляющего большинства людей ни утешения, ни уговоров не требовалось, а этическое начало в религиях ранней древности практически отсутствовало. В представлении древнего человека боги были могущественны (хотя и не всемогущи), жестоки и капризны. Они могли наслать на человека тяжкие бедствия за неведомую ему самому провинность, а то и просто так. Единственной защитой были строгое соблюдение ритуалов, жертвоприношения, молитвы, заклинания. Человек древности, разумеется, был религиозен, т.е. не сомневался в существовании богов. Должны были пройти тысячелетия, прежде чем человек накопил достаточно знаний (и смелости), чтобы возникли первые нерелигиозные объяснения мира, а случилось это

лишь в поздней древности. До тех пор исходный пункт у науки и у религии был, в сущности, один: и та и другая исходили из постулата, что видимый мир представляет собой не хаос случайных явлений, но подчиняется некоему порядку. Расхождение начинается дальше — в объяснении, откуда возник и как поддерживается этот порядок. Религия утверждает, что миром управляет сознательная воля неких могущественных существ (не «сверхъестественных», ибо человек древности не различал «естественное» и «сверхъестественное»), чьи намерения и конечные цели непостижимы. Наука же опирается (поначалу неосознанно) на представление о порядке, внутренне присущем миру, о законах природы, которые можно обнаружить, понять и использовать. Еще не скоро должна была появиться догадка, что эти две точки зрения вряд ли совместимы. Наука и религия долгое время широко сосуществуют, и лишь в поздней древности начинают «ссориться». Поэтому, хотя, например, древнегреческий философ Сократ не отрицал существования богов, его судьи были по-своему правы, обвинив его в безбожии: дух свободного, непредвзятого и бесстрашного исследования, носителем которого был Сократ, не уживается с принимаемым на веру мифом. Но настоящих безбожников даже в поздней древности было очень немного.

Отличительными чертами всех религий ранней древности являются, во-первых, многобожие и, во-вторых, полное отсутствие религиозной вражды. Эта вторая особенность логически вытекает из первой. В представлении древних, каждая страна, каждый город, каждое племя имеют местного бога — хозяина, а сверх того — еще великое множество богов, от самых важных, до самых незначительных. Верховный бог у каждого народа считался также творцом и владыкой всего мира. Это, однако, не приводило к распрям. Дело в том, что «функция» богов у различных народов более или менее совпадала, ибо боги были олицетворением космических и стихийных сил — Земли, Неба, Солнца, Луны, грозы, моря и т.п., а также и частных явлений природы и факторов жизни общества — растительности, рек, плодородия, любви, войны, ремесла, имущества и т.п. В сущности, это были одни и те же боги, только называемые разными именами. Так их в древности и воспринимали. Каждый человек поклонялся своим богам, но, приехав в чужую страну, приносил жертвы в местных храмах, в первую очередь — богу-«хозяину» этих мест. Это правило нередко соблюдалось даже при военных походах. Так, вторгшиеся в Грецию персы (см. гл. XVII) совершили жертвоприношение местным богам. При этом и обряды оказывались нередко сходными или даже одинаковыми. Если же где-либо обнаруживался бог, не похожий ни на одного из известных приезжему, это тоже его ничуть не смущало: да, существует великое множество богов, нет ничего удивительного в том, что данного бога он встречает впервые. Надо и ему помолиться — вдруг да поможет!

Отождествление богов принимало все более широкие масштабы по мере увеличения контактов между народами. Так, античный Аполлон отождествляется с иранским Митрой, финикийский Эл — с античным Кроном и хеттским Кумарби, античный Уран — с месопотамским Ану, библейский Яхве — с зороастрийским Ахура-Маздой и т.п. В то же время многие народы усваивают чужих богов, чья «функция» представляется почему-либо особенно важной (если, разумеется, нет своего соответствующего бога). Например, хетты поклонялись хурритским богам (например, Тешубу, позднее отождествленному с античным Зевсом) и богу Элкунирсе, позаимствованному у ханаанеев (его имя — Эл-коне-эрец — означает по-

финикийски «Эл творец Земли»). Многие исследователи считают, что античный культ Диониса позаимствован с Востока. У античного писателя Лукиана мы находим подробное описание распространившегося в Греции культа сирийской богини Атаргатис. В Риме был построен храм египетской богини Исиды, а ее культ описан в романе Апулея «Золотой осел». Примеры и здесь можно умножать до бесконечности.

Взаимопроникновение религий путем отождествления и заимствований сопровождалось, разумеется, унификацией соответствующих обрядов и мифов. Все это облегчалось еще одним важным обстоятельством: религии ранней древности не знают «священного писания», т.е. какого-то обязательного канона религиозных текстов, исключающего все чужеродное. А противоречия и логические несообразности в мифах никого не смущали. Полное слияние религий носит в науке название религиозного синкретизма. Оно особенно характерно для поздней древности, но, учитывая сказанное выше, можно сделать вывод, что синкретизм существовал уже с самого начала древности. В известном смысле можно даже говорить о единой политеистической религии древности

Отсюда вытекают очень важные следствия. Ранняя древность не знала попыток обращения других народов «в свою веру» — ни посредством религиозной проповеди, ни тем более посредством насилия. Если два человека поклонялись разным богам, то они не считали друг друга нечестивцами, нечестивцем мог считаться лишь тот, кто не поклоняется никакому богу. Завоеватели никогда не пытались навязывать побежденным своих богов или подавлять местные культы. Они либо полностью усваивали эти культы, забыв или почти забыв свои собственные, либо по меньшей мере относились к культам покоренных народов с полным уважением.

Религиозная нетерпимость возникает лишь с появлением догматических религий — позднего иудаизма, христианства, позднего зороастризма, ислама. Произошло это на исходе древности. Теперь вопрос «како веруеши?» выдвигается в человеческих взаимоотношениях на одно из первых мест. Приверженцы каждой из этих религий полагают, что есть только один «истинный» Бог (т.е. их собственный), а приверженцы иных богов поклоняются «идолам» и являются приспешниками зла или, в лучшем случае, заблудшими. Их надлежит обращать на путь истинный — добром или силой. Мало того, еретик, т.е. человек, в целом принимающий данную религию, но в деталях отклоняющийся от предписаний догмы, считается теперь более опасным, чем иноверец: последнего до известной степени извиняет его «невежество». Войны во имя «истинной веры» заливали мир кровью более тысячи лет. Религиозная рознь, это печальное наследие средневековья, напоминает о себе иногда и сегодня. Возникновение этических религий было, как показано в нашем томе, громадным достижением человеческого духа, настоящим переворотом в мировоззрении и мироощущении древнего человека, переворотом необходимым и неизбежным. Но этические религии не зря называются также и догматическими. Новая этика, к сожалению, принесла с собой таких спутников, как ханжество, фанатизм, нетерпимость — черты, религиям ранней древности не присущие.

Интересно, что в наше время предпринимаются попытки создать своего рода новый религиозный синкретизм. Так называемые экуменические движения пытаются объединить в своих рядах приверженцев всех религий, призывают забыть взаимные распри перед лицом общих врагов — атеизма и материализма. Возможно, мы и в самом деле присутствуем при новой фазе развития религий.

Что касается национальной розни, то ее «извечность» — излюбленный тезис националистической и расистской пропаганды. Как и все прочие тезисы этой пропаганды, он не имеет ничего общего с реальными фактами истории. Материалы нашего тома ясно показывают, что у человека ранней древности осознание своей национальной или, вернее, этнической принадлежности либо вообще отсутствовало, либо было очень смутным. Решающей для него была принадлежность к определенной общине, во вторую очередь — к определенному племени. Группа племен, наконец, могла иметь предания о происхождении от общего предка в неопределенно «давние» времена. Но на первом месте, как уже сказано, был общинно-гражданский коллектив только что возникшего государства. Только на общину распространялся патриотизм древнего человека. Для ранней древности характерно превращение войн, ранее вспыхивавших лишь от случая к случаю, в постоянный фактор жизни общества: каждая община стремилась увеличить свое благополучие за счет захвата земель, имущества и рабов у своих соседей. Поэтому естественным врагом был сосед, а естественным союзником — сосед соседа, независимо от их этнической принадлежности. Шумеры, например, вместе с этнически неродственными им аккадцами в древней Месопотамии имели общее самоназвание «черноголовые», общую культуру, общий пантеон и общий культовый центр в Ниппуре. Но месопотамские города-государства тоже беспрерывно воевали между собой, а объединяясь в союзы, делали это отнюдь не по этническому признаку. С другой стороны, все греки осознавали себя «эллинами» и имели общие культовые центры в Дельфах и Олимпии. Это ничуть не мешало греческим полисам (т.е. общинам) вести между собой почти непрерывные кровопролитные войны. Лишь угроза персидского завоевания сплотила ненадолго таких непримиримых врагов, как Афины и Спарта, вместе с их союзниками. Но и тогда ряд греческих общин держал сторону персов (например, Фивы).

Для древнего общинника каждый чужак был, разумеется, потенциальным врагом, но не в силу принадлежности к иному этносу, а в силу принадлежности к иной общине. Зато ранняя древность не знает чувства национального превосходства, отношения к чужим народам как к «худшим», «низшим», пренебрежения или враждебности к чужой культуре. Это обстоятельство имело важное значение: все народы с легкостью и готовностью перенимали друг у друга культурные достижения, чем ускорялся прогресс человечества в целом. Именно так распространялись по всему свету лук и колесо, гончарный круг и ткацкий станок, приемы добычи, выплавки и обработки металлов и т.п. Клинопись, изобретенная шумерами, была перенята и приспособлена для неродственных шумерскому эламского, аккадского, эблского, хеттского, протохеттского, хурритского, урартского и других языков. Культурный синкретизм, т.е. образование «надэтнических» культур, — характерная черта этого периода. Так, вспомним, что в создании культуры древней Месопотамии — одной из колыбелей человеческой цивилизации — приняли участие по меньшей мере четыре разных неродственных этноса — прототигрийцы (древнейшее население долины Тигра), шумеры, аккадцы и, позднее, хурриты — и в дальнейшем еще два этноса, родственных аккадцам, — амореи и арамеи. А влияние этой культуры распространилось на всю Переднюю Азию. Античная культура в VI—IV вв. до х.э. охватывала Балканский и Апеннинский полуострова, но влияние ее (еще до похода Александра Македонского) простиралось на запад до Испании, а на востоке — в Малую Азию. Возникшая же после походов Алек-

сандра культура эллинизма достигла Северной Индии и Средней Азии и впитала в себя множество местных культур.

Все это, разумеется, было возможно только при отсутствии ксенофобии, при готовности воспринимать культурные достижения, откуда бы они ни пришли.

И действительно, хотя древность была временем почти непрерывных войн, это не порождало взаимной ненависти. Так, в огромной месопотамской литературе практически нет (за редчайшим исключением) брани по адресу того или иного народа, даже исключительно враждебного и опасного, например эламитов. Единственное, что можно в ней обнаружить, — это некоторое чувство превосходства городских жителей по отношению к кочевникам и горцам, т.е. «варварам». Впрочем, и в устах греков это слово поначалу не имело обидного смысла: так обозначались народы, говорившие на непонятных грекам языках. Уважительное отношение к чужим обычаям, религиям, культуре хорошо заметно в книге знаменитого греческого историка Геродота, посетившего множество стран Востока вскоре после окончания греко-персидских войн. В ходе этих войн Греция понесла значительный урон, но и по отношению к персам мы находим у Геродота все ту же доброжелательную объективность.

Национальная рознь, подобно розни религиозной, возникает лишь в поздней древности, когда создаются первые империи. Если до этого существовало и повсеместно признавалось лишь различие между свободными и рабами, то теперь возникает различие между самими свободными в пределах одного государства, различие между полноправным гражданином и подданным, т.е. различие между привилегированным меньшинством (завоеватели) и более или менее бесправным большинством (завоеванные). Разумеется, это находит свое отражение и в социальной психологии: на одном полюсе возникают национальное чванство, имперская психология, на другом — чувство национальной ущемленности, горечи, обиды. Бывало, разумеется, и так, что роли менялись. Именно в такую эпоху жил другой знаменитый греческий историк — Плутарх. Греция, как и Ближний Восток, в это время была насильственно включена в состав Римской империи, чем, разумеется, самолюбие греков было глубоко задето. Плутарх и написал свой главный труд «Сравнительные жизнеописания», пытаясь доказать, что греки ничем не хуже римлян. А во времена Геродота свободным и независимым грекам «самоутверждаться» было незачем. Неудивительно, что Плутарх оказался не в состоянии понять объективность Геродота по отношению к персам, вернее, подняться до такой объективности: он обругал Геродота «персолюбом» и даже сочинил специальный трактат «О злонравии Геродота». Эти новые представления о «неодинаковости» народов вызвали своего рода цепную реакцию и охватили народы, не входящие в империи. Войны и имперские амбиции получают теперь новое идеологическое обоснование. Возникают идеи об особой мироустроительной или культурной миссии, возлагаемой богами или богом (провидением) на тот или иной народ, к сожалению, дожившие до нашего времени в виде проявляющегося то тут, то там «национального мессианизма» — самого распространенного прикрытия для шовинизма.

Все сказанное выше о раннеклассовом обществе тем более справедливо для общества доклассового, т.е. первобытного. Это необходимо подчеркнуть, ибо в последнее время стали появляться в научно-популярной литературе рассказы (вернее, россказни) о грандиозных межплеменных войнах, якобы имевших место в доисторическую эпоху. Дело не только в том, что

эти истории не подтверждаются никакими прямыми или косвенными данными, но они еще и находятся в вопиющем противоречии со всем, что нам известно о человечестве во времена безраздельного господства первобытно-общинного строя. Прежде всего войны возникают одновременно с классовым обществом, до этого для них просто нет причин. Передвижение скотоводческо-земледельческих племен (тогда еще скотоводство не отделилось от земледелия) было очень медленным, растягиваясь на многие века (домашняя лошадь получила более или менее широкое распространение лишь во II тысячелетии до х.э., а верблюд — еще на 7—8 веков позже). Население же Земли тогда было еще очень редким, межплеменные контакты в тех нечастых случаях, когда они имели место, либо ограничивались мелкими стычками, либо, чаще всего, были мирными и завершались взаимной ассимиляцией, а не, как иногда думают, истреблением или вытеснением одной из сторон. Если бы дело обстояло иначе, невозможно было бы то, о чем рассказано выше: принадлежность носителей родственных языков к различным расам.

Итак, национальная рознь, как и рознь религиозная, вызвана к жизни определенными историческими обстоятельствами. Ликвидация этих обстоятельств устраняет почву для национальной розни, и тогда она может сохраняться лишь в виде пережитка — чрезвычайно вредного и, к сожалению, довольно живучего, а иногда — сознательно культивируемого.

3. КОНЕЦ ДРЕВНОСТИ

Этот переходный период от древности к средневековью сам по себе составляет целую эпоху, длившуюся несколько веков. Как уже отмечалось, наиболее характерной его чертой являются «мировые державы» — империи, объединяющие в своем составе самые разнообразные и находящиеся на различных уровнях социального развития этносы и экономические регионы. «В идеале» эти регионы дополняют друг друга, и основные экономические связи проходят внутри империи. «Варварская» периферия оттесняется все дальше от жизненных центров империи и одновременно все больше втягивается в культурные и экономические сношения с ней. Империя, следовательно, держится не только силой: в ее существовании заинтересованы верхние слои всех входящих в империю народов и даже ее соседей. Реальная действительность, конечно, всегда в той или иной степени отличалась от идеала. Набор составных частей империи был случайным и поэтому далеко не всегда удачным. Вследствие этого центробежные силы могли оказаться более значительными, чем центростремительные. При достаточно долгом существовании империи ее составные части выравнивались в экономическом отношении и из партнеров превращались в соперников, что опять-таки вело к распаду империи (до такого естественного конца дожила лишь Римская империя). «Варварская» периферия время от времени выплескивала из себя орды завоевателей, разрушавших или потрясавших до основания старые империи. Но эта же угроза со стороны «варваров» могла послужить и к укреплению имперской идеологии с резким противопоставлением империи остальному миру, особенно при отсутствии рядом соперничающей империи (так было в Китае). Империи (Римская, Китайская) испытывали на себе удары мощных народных восстаний, вносивших свой вклад в последний кризис древнего общества. Этому же

способствовало и соперничество империй, породившее ряд интересных явлений в области идеологии.

Остановимся на одном из них, уходящем корнями в древний Восток и дожившем почти до наших дней.

Еще в Шумере была создана теория, согласно которой в Месопотамии всегда существовала единая «царственность», царская власть, лишь перемещавшаяся из одного города в другой. В «Прологе» к своим знаменитым Законам Хаммурапи объявил Вавилон «вечным» обиталищем царственности. Как известно, именно в Месопотамии возникли в I тысячелетии до х.э. первые империи (Ассирийская, а затем Вавилонская), но притязания на вселенскую власть можно задолго до этого обнаружить в титулатуре месопотамских царей. Эта идеология вселенской власти была затем усвоена Персидской империей, а в последних веках до христианской эры уже существует несколько империй. Библейская «Книга Даниила» зафиксировала, видимо, новый этап в развитии имперской идеологии. Согласно этой книге, власть над миром последовательно принадлежит вавилонянам, персам, грекам (т.е. Александру) и римлянам. В дальнейшем эта идея была перенесена на европейскую почву, где теория translatio imperii, т.е. переноса власти, господствовала в течение всего средневековья и оказывала чрезвычайно сильное влияние на исторические и политические концепции вплоть до нового и новейшего времени (для примера вспомним упорные попытки сохранить фикцию «Римской империи» вплоть до начала XIX в., а также обозначение Москвы как Третьего Рима).

Что же касается социально-экономической характеристики рассматриваемого периода, то для него характерны, с одной стороны, упадок старинных городов и вообще городской жизни, а с другой — возникновение слоя служилой (в том числе военной) знати, обладающей (при самом разнообразном юридическом оформлении) крупными земельными владениями. Под ее властью оказывается все большая часть земледельческого населения, ранее зависевшего непосредственно от государства. Опираясь на свое богатство, могущество и административную власть, эта новая знать постепенно узурпирует также и часть прерогатив государства, прежде всего судебную власть. Новые религиозно-философские учения, к которым власти прежде относились подозрительно или прямо враждебно, оказываются, при ближайшем рассмотрении и сами претерпев значительную трансформацию, удобным и важным орудием для закрепления существующего порядка. Но подробности и результаты этого процесса будут рассмотрены уже в следующем томе.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА*

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1975.

Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.

Вейнберг И.П. Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока. IV тысячелетие — IV в. до н.э. М., 1993.

Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989.

Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., 1963.

Древние цивилизации. Под общей ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989.

Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1995.

Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности (От первых поселений до персидского завоевания). М., 1989.

Искусство древнего Востока. — Малая история искусств. М., 1976.

История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983.

История древнего Востока. Под ред. В.И.Кузищина. 2-е изд. М., 1988.

История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983; ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988.

История древнего мира. Т. 1—3. Под ред. И.М.Дьяконова, И.С.Свенцицкой, В.Д.Нероновой. М., 1989.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации: Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.

Лирическая поэзия древнего Востока. Сост. И.М.Дьяконов. М., 1984.

Литература древнего Востока. М., 1971.

Литература древнего Востока. Тексты. М., 1984.

Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989.

Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.

Мелаарт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976, 1995.

Мифологии древнего мира. Пер. с англ. М., 1977.

Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968.

Очерки истории естествознания в древности. М., 1982.

Первобытная периферия классовых обществ. М., 1978.

Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973 (Библиотека всемирной литературы. Т. 1).

Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.

Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки. М., 1976.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.

---

* Данный список не носит исчерпывающего характера и включает в себя лишь более или менее доступную для широкого читателя литературу. — *Примеч. ред.*

Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984.
Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.
Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1–2. М., 1980.
Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991.
Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
Adams R.McC. The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966.
Adams R.McC., Nissen H.J. The Natural Setting of the Urban Societies. Chicago, 1972.
Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Ed. by J.B.Pritchard. Princeton, 1955.
The Ancient Near East: Supplementary texts and pictures relating to the Old Testament. Ed. by J.B.Pritchard. Princeton, 1969.
Burney Ch. From Village to Empire: An Introduction to Near Eastern Archaeology. Oxf., 1977.
Cambridge Ancient History. 2-nd ed. Vol. I–III. Cambridge, 1989–1995.
Childe G. The Urban Revolution. — Town Planning Review. Liverpool, 1950, vol. 21, № 1.
Daniel G. The First Civilizations. L., 1968.
Fischer Weltgeschichte. Bd. 2–4. Frankfurt a. M., 1965–1967.
Gelb I.J. Study of Writing: The Foundation of Grammatology. L., 1952.
Hallo W., Simpson W.K. The Ancient Near East: A History. New York–Chicago–San Francisco, Atlanta, 1971.
Kulturgeschichte des alten Vorderasien. B., 1989.
Liverani M. Antico Oriente: Storia societa economia. Laterza, 1988.
Production and Consumption in the Ancient Near East. Budapest, 1989.
Redman Ch.L. The Rise of Civilization. San Francisco, 1978.
Ringgren H. Die Religionen des alten Orients. Göttingen, 1979.
Schretter M.K. Alter Orient und Hellas. Insbruck, 1974.
Woolley L. The Beginnings of Civilization. L., 1963.

МЕСОПОТАМИЯ

Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду: Эпические образы в искусстве. М., 1979.
Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика III–I тыс. до н.э. М., 1961.
Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.
Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.). М., 1974.
Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983.
Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Сост. П.Маттиэ. М., 1985.
Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. М., 1949.
Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья: Шумер. М., 1959.
Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990.
Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979.
Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: Человек, Судьба, Время. М., 1983.
Козырева Н.В. Древняя Ларса. М., 1988.
Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965.
Кьера Э. Они писали на глине. М., 1984.
Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984.
Оппенхейм А.Л. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.–Л., 1956.
Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.–Л., 1958.
Хинц В. Государство Элам. М., 1977.

Шарашенидзе Дж.М. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера: II пол. III тыс. до н.э. Тб., 1986.

Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. Пер. с англ. С.Л.Сухарева. М., 1995.

Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии. Пер. с аккад. В.К.Афанасьевой и др. М., 1981.

Adams R.McC. Land behind Baghdad. Chicago–London, 1965.

Adams R.McC. Heartland of Cities. Chicago–London, 1981.

Bottero J. Mythes et rites de Babylonie. P., 1985.

Bottero J. Mesopotamie: L'écriture, la raison et les dieux. P., 1987.

Bottero J., Kramer S.N. Lorsque les dieux faisaient l'homme: Mythologie mesopotamienne. P., 1989.

Brinkman J.A. Prelude to Empire: Babylonian Society and Politics, 747–626 B.C. Philadelphia, 1984.

Carter E., Stolper W. Elam: Survey of Political History and Archaeology. Berkeley–Los Angeles–London, 1984.

Driver G.R., Miles J.C. The Assyrian Laws. Oxf., 1935.

Driver G.R., Miles J.C. The Babylonian Laws. Vol. 1–2. Oxf., 1952–1955.

Edzard D.O. Die «Zweite Zwischenzeit» Babyloniens. Wiesbaden, 1957.

Fine A. Le code de Hammurapi. P., 1973.

Finley M.I. Die Sklaverei in der Antike. München, 1980.

Glassner J.-J. La chute d'Akkade: L'événement et sa mémoire. B., 1986.

Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles. N.Y., 1975.

Haase R. Einfuhrung in das Studium keilschriftlicher Rechtsquellen. Wiesbaden, 1965.

Jacobsen Th. Sumerian King List. Chicago, 1939 (AS 11).

Jacobsen Th. Towards the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture. Cambridge, Mass., 1970.

Klengel H. Hammurapi von Babylon und seine Zeit. B., 1976.

Klengel H. Handel und Handler im alten Orient. Lpz., 1979.

Kraus F.R. Staatliche Viehhaltung im Altbabylonischen Lande Larsa. Amsterdam, 1966.

Kraus F.R. Königliche Verfugungen in Altbabylonischer Zeit. Leiden, 1984.

Lambert W.G. Babylonian Wisdom Literature. Oxf., 1960.

Larsen M.T. Old Assyrian Caravan Procedures. Istanbul, 1967.

Larsen M.T. The Old Assyrian City-state and Its Colonies. Copenhagen, 1976.

Lautner J.G. Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeitvertrage. Leiden, 1936.

Leemans W.F. The Old Babylonian Merchant, his Business and his Social Position. Leiden, 1950.

Malbran-Labat F. L'armée et l'organisation militaire de l'Assyrie d'après les lettres des Sargonides trouvées à Ninive. P., 1982.

Oppenheim A.L. Letters from Mesopotamia. Chicago, 1967.

The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East. Ed. by Gibson McG., Biggs B.D. Chicago, 1987.

Pettinato G. Untersuchungen zur neusumerischen Landwirtschaft. T. 1–2. Napoli, 1967.

Postgate J.N. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. L.–N.Y., 1992.

Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire: The Murasu Archive, the Murasu Firm and Persian Rule in Babylonia. Istanbul, 1985.

Thureau-Dangin F. Rituels Accadiens. P., 1921.

Wiseman D.J. The Vassal-Treaties of Esarhaddon. L., 1958.

Yaron R. The Laws of Esnunna. Jerusalem–Leiden, 1988.

Zawadski S. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle. Poznan–Ebnron–Delft, 1988.

МАЛАЯ АЗИЯ И ХЕТТЫ

Аветисян Г.М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII–XIII вв. до н.э.). Ер., 1984.
Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
Герни О.Р. Хетты. М., 1987.
Гиоргадзе Г.Г. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства (О непосредственных производителях в хеттском обществе). Тб., 1973.
Гиоргадзе Г.Г. Вопросы общественного строя хеттов. Тб., 1991.
Гиндин Л.А. Население гомеровской Трои: Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993.
Довгяло Г.И. К истории возникновения государства: На материале хеттских клинописных текстов. Минск, 1968.
Довгяло Г.И. Становление идеологии раннеклассового общества (на материале клинописных текстов). Минск, 1980.
Древние языки Малой Азии. М., 1980.
Древняя Анатолия. М., 1985.
Замаровский Д. Тайны хеттов. М., 1968.
Клинописные тексты из Кюль-тепе. Пер., ввод. ст., коммент. Н.Б.Янковской. М., 1978.
Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
Менабде Э.А. Хеттское общество: Экономика, собственность, семья и наследование. Тб., 1965.
Akurgal E., Hirmer M. Die Kunst der Hethiter. Munchen, 1961.
Daddi F.P. Mestieri, professioni e dignità nell'Anatolia ittita. Roma, 1982.
Goetze A. Kleinasien. Munchen, 1957.
Hagenbuchner A. Die Korrespondenz der Hethiter. T. 1–2. Heidelberg, 1989.
Kammenhuber A. Orakelpraxis, Traume und Vorzeichenschem bei den Hethitern. Heidelberg, 1976.
Klengel E., Klengel H. Die Hethiter und ihre Nachbarn: Eine Kulturgeschichte Kleinasiens von Čatal Huyuk bis zu Alexander dem Grossen. Lpz., 1968.
Otten H. Die hethitischen historischen Quellen und die altorientalische Chronologie. Mainz, 1968.
Sturtevant E.H., Bechtel G. A Hittite Chrestomaty. Philadelphia, 1935.

СИРИЯ, ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА

Амусин И.Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983.
Амусин И.Д. Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тыс. до н.э.) по библейским источникам. М., 1993.
Бернхардт К.-Х. Древний Ливан. М., 1982.
Вейнберг И.П. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы. Тб., 1973.
Донини А. У истоков христианства. М., 1979.
Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Т. 1. М., 1976.
Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1–2. М., 1994.
Иосиф Флавий. О древности иудейского народа. М., 1994.
Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1976.
Коростовцев М.А. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960.
Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М., 1979.
Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1989.

Тураев Б.А. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903.
Угаритский эпос. Пер. И.Ш.Шифмана. М., 1993.
Циркин Ю.Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976.
Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986.
Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.–Л., 1963.
Шифман И.Ш. Финикийские мореходы. М., 1965.
Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977.
Шифман И.Ш. Угаритское общество XIV–XIII вв. до н.э. М., 1982.
Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987.
Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н.э.). М., 1987.
Albright W.F. The Archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960.
Bentzen A. King and Messiah. Oxf., 1970.
Blazquez J.M. Tartessos y los origenes de colonizacion fenicia. Salamanca, 1975.
Bossert H.T. Altsyrien. Tübingen, 1951.
Bucullati G. Cities and Nations of Ancient Syria. Roma, 1967.
Bunnens G. L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles–Rome, 1979.
Chadwick H. The Early Church. L., 1967.
Charles-Picard G., Charles-Picard C. La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal. P., 1958.
Clements R.E. Prophecy and Tradition. Oxf., 1975.
Contenau G. La civilisation phénicienne. P., 1948.
Cross F.M. Canaanite Myth and Hebrew Epic. Cambridge, Mass., 1973.
Dunan M. Byblos, son histoire, ses ruines, ses légendes. P., 1968.
Dussoud R. L'art phénicien du IIe millénaire. P., 1949.
Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tubingen, 1964.
Los Fenicios en la Peninsula Iberica. Barcelona, 1986.
Friedman R.E. The Exile and Biblical Narrative. Chicago, 1981.
Garelli P. Le Proche-Orient asiatique dès origines aux invasions des peuples de la mer. P., 1969.
Geus C.H.J., de. The Tribes of Israel. Assen–Amsterdam, 1976.
Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1980.
Herrmann G. Geschichte Israels in alttestamentlicher Zeit. B., 1981.
Kaiser O. Einleitung in das Alte Testament. B., 1982.
Katzenstein H.J. History of Tyre. Jerusalem, 1973.
Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.z. Bd. 1–2. B., 1965–1969.
Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Lpz., 1979.
Mazar B. Biblical Israel: State and People. Jerusalem, 1992.
Meltzer O., Kahstedt U. Geschichte der Carthagen. Bd. 1–3. B., 1879–1913.
Mettinger T.N.D. King and Messiah. Gleerup, 1976.
Moscati S. Die Phoniker. Eissen, 1975.
Mowinckel S. He That Comes: The Messianic Hope in the Old Testament and in the Time of Jesus. Oxf., 1959.
Notscher F. Gotteswege und Menschenwege in der Bibel und in Qumran. Bonn, 1958.
Parrot F., Chehab M.H., Moscati S. Les Phéniciens. P., 1975.
Phonizier im Westen. Mainz a. Rh., 1982.
Ringgren H. Israelite Religion. L., 1966.
Sznycer M. Carthage et la civilisation punique. Rome et conquête du Monde Mediterranéen. P., 1978.
Tartessos y sas problemas. Barcelona, 1969.
Tradition and Interpretation. Oxf., 1979.
Vaux R., de. Ancient Israel. 1–2. New York–Toronto, 1965.
Vries S.J., de. Yesterday, Today and Tomorrow: Time and History in the Old Testament. Grand Rapids, 1975.
Vriezen Th.C. The Religion of Ancient Israel. L., 1969.

Wein E.J., Opificius R. 7000 Jahre Byblos. Nürnberg, 1963.
Westermann Cl. Theologie des Alten Testaments in Grundzugen. Gottingen, 1978.
Wolff H.W. Anthropologie des Alten Testaments. Munchen, 1984.
Zobel H.-J., Beyse K.-M. Das Alte Testament und seine Botschaft. B., 1984.

ЕГИПЕТ

Белова Г.А. Египтяне в Нубии. М., 1988.
Берлев О.Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М., 1972.
Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.
Богословский Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.). М., 1979.
Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера: По материалам из Дер эль-Медина. М., 1983.
Жак К. Египет великих фараонов: История и легенда. М., 1992.
Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.
Кинк Х.А. Как строились египетские пирамиды. М., 1967.
Кинк Х.А. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М., 1976.
Кинк Х.А. Древнеегипетский храм. М., 1979.
Коростовцев М.А. Писцы древнего Египта. М., 1962.
Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976.
Кормышева Э.Е. Религия Куша. М., 1984.
Лирика древнего Египта. М., 1965.
Лурье И.М. Очерки египетского права XVI–X вв. до н.э. Л., 1960.
Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. М.–Л., 1956.
Матье М.Э. Искусство древнего Египта. М.–Л., 1961.
Монте П. Египет Рамсесов: Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. М., 1989.
Павлов В.В. Скульптурный портрет древнего Египта. Л.–М., 1957.
Павлова О. Амон Фиванский. М., 1984.
Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.–Л., 1966 (ПС, 16[79]).
Перепелкин Ю.Я. Тайна золотого гроба. М., 1968.
Перепелкин Ю.Я. Кейе и Семнех-ке-рэ: К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.
Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 1. М., 1967; ч. 2. М., 1984.
Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.
Петровский Н.С. Египетский язык. Л., 1958.
Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства. М., 1992.
Стучевский И.А. Рамсес II и Херихор. М., 1984.
Фараон Хуфу и чародеи: Сказки, повести и поучения древнего Египта. М., 1958.
Франкфорт Г. и др. В преддверии философии. М., 1984.
Шампольон Ж.Ф. О египетском иероглифическом алфавите. М., 1950.
Badawy A. A History of Egyptian Architecture. Vol. 1–3. Berkley–Los Angeles, 1954–1968.
Ball J. Contributions to the Geography of Egypt. Cairo, 1932.
Baumgartel E. The Cultures of Prehistoric Egypt. Vol. 1. L., 1947; vol. 2. L., 1960.
Butzer K. Early Hydraulic Civilization in Egypt. Chicago–London, 1974.
Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1948; 2nd ed. Chicago, 1978.
Gardiner A.H. Egypt of the Pharaohs. Oxf., 1961.
Grapow H. u.a. Grundriss der Medizin der alten Agypten. Bd. 1–9. B., 1954–1973.
Kees H. Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Agypter. 4. Aufl. B., 1980.

Kees H. Der Götterglaube im alten Agypten. 4. Aufl. B., 1980.
Klebs L. Die Reliefs des alten Reiches. Heidelberg, 1915.
Klebs L. Die Reliefs und Malereien des Mittleren Reiches. Heidelberg, 1922.
Klebs L. Die Reliefs und Malereien des Neuen Reiches. Heidelberg, 1934.
Lexikon der Agyptologie. Hrsg. von W.Helck und E.Otto. Bd. 1–6. Wiesbaden, 1975–1986.
Michalowski K. Art of Ancient Egypt. N.Y., 1968.
Morenz S. Die Ägyptische Religion. Stuttgart, 1960.
Neugebauer O., Parker K. Egyptian Astronomical Texts. Vol. 1–2. L., 1960–1964.
Trigger B.G. a.o. Ancient Egypt: A Social History. Cambridge–New York–New Rochelle–Melbourne–Sydney, 1983 (repr. 1984, 1985, 1986, 1989).

ИРАН

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — Древний Восток и античный мир. М., 1972.
Авеста. Избранные гимны. Пер. и коммент. И.М.Стеблина-Каменского. Душ., 1990.
Алиев, Играр. История Мидии. Баку, 1960.
Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. Пер. с англ. И.М.Стеблина-Каменского под ред. и с послесл. Э.А.Грантовского. М., 1987.
Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. М., 1983.
Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тб., 1984.
Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов. — Вестник древней истории. М., 1980, № 4.
Грантовский Э.А. Происхождение мидийского государства. — Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. М., 1988.
Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.–Л., 1956.
Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских языков. — Вестник древней истории. М., 1982, № 3, 4.
Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.
История Афганистана. М., 1982.
История Ирана. М., 1977, гл. 1–2.
Кашкай С.М. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977.
Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1–2. СПб., 1893–1906.
Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.
Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
Раевский Д.С., Погребова М.Н. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
Фрай Р. Наследие Ирана. Пер. с англ. В.А.Лившица и Е.В.Зеймаля под ред. и с предисл. М.А.Дандамаева. М., 1972.
Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
Хинц В. Государство Элам. Пер. с нем. под ред. и с послесл. Ю.Б.Юсифова. М., 1977.
Avesta. Ubersetzt von Fr.Wolff. Strassburg, 1910.
Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. 1–2. Leiden–Koln, 1975–1982.
The Cambridge History of Iran. Vol. 2. The Median and Achaemenian Periods. Ed. by I.Gershevitch. Cambridge, 1985.
Culican W. The Medes and Persians. L., 1965.
Dandamayev M., Grantovskii E. Assyria: The Kingdom of Assyria and its Relations with Iran. — Encyclopaedia Iranica. Vol. 2. Fasc. 8. L.–N.Y., 1987.
Drews R. The Greek Accounts of the Eastern History. Cambridge, Mass., 1973.
Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. P., 1962.
Dumézil G. L'idéologie tripartite des Indo-Européens. Bruxelles, 1958.
Frye R.N. The History of Ancient Iran. Munchen, 1984.
Gershevitch J. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
Ghirshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great. L., 1964.
Ghirshman R. Tombe princière de Ziwiye et le début de l'art animalier Scythe. P., 1979.
Gnoli Gh. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980.
Humbach H. The Gathas of Zarathushtra and other old Avestan texts. Heidelberg, 1991.
Medvedskaya I.N. Iran: Iron Age I. Oxf., 1982.
Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965.

ЛИДИЯ, ФРИГИЯ И УРАРТУ

Арутюнян Н.В. Земледелие и скотоводство Урарту. Ер., 1985.
Арутюнян Н.В. Биайнили (Урарту): Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ер., 1970.
Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ер., 1985.
Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992.
Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А.Стратановского. Кн. 1. Л., 1972.
Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.–Л., 1963.
Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ер., 1968.
Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ер., 1964.
Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тб., 1954.
Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (УКН). М., 1960.
Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
Пиотровский Б.Б. Царство Урарту VIII–VI вв. до н.э. Л., 1962.
Azarpay G. Urartian Art and Artifacts, a Chronological Study. Berkeley–Los Angeles, 1968.
Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paleo-phrygiennes. 1. Textes; 2. Planches. P., 1984.
Diakonoff I.M., Neroznak V.P. Phrygian. Delmar – New York, 1985.
Lang D.M. Armenia, Cradle of Civilization. L., 1970.
Loon M.N., van. Urartian Art. Istanbul, 1966.

ИНДИЯ

Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М., 1994.
Арриан. Поход Александра. М.–Л., 1962.

Артхашастра. Пер. А.И.Вострикова и др. М.–Л., 1959.
Асвагоша. Жизнь Будды. Пер. К.Бальмонта. Со вступ. ст. С.Леви. М., 1913.
Атхарваведа. Избранное. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М., 1976, 1996.
Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.
Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. М., 1983.
Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.
Буддизм. Словарь. М., 1992.
Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
Вопросы Милинды. Пер. А.В.Парибка. М., 1989.
Джатаки. Пер. Б.А.Захарьина. М., 1976.
Дхаммапада. Пер. В.Н.Топорова. М., 1960.
Законы Ману. Пер. С.Д.Эльмановича, пров. и испр. Г.Ф.Ильиным. М., 1960.
Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. М., 1996.
История и культура древней Индии: Тексты. Пер. А.А.Вигасина и др. М., 1990.
Калидаса. Драмы. Пер. К.Д.Бальмонта. М., 1990.
Камасутра. Пер. А.Я.Сыркина. М., 1993.
Курций Руф. История Александра Македонского (с приложением Плутарха, Диодора, Юстина). М., 1993.
Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия, философия джайнизма. М., 1994.
Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1952.
Махабхарата. Пер. В.И.Кальянова и др. Т. I–V, VII–VIII. М.–Л.(СПб.), 1950–1992.
Махабхарата (стихотворный перевод Б.Л.Смирнова). Вып. I–VIII. Аш., 1982–1986.
Панчатантра. Пер. А.Я.Сыркина. М., 1958.
Повести о мудрости истинной и мнимой. Пер. А.В.Парибка и др. Л., 1982.
Повести, сказки, притчи древней Индии. Пер. В.В.Вертоградовой и др. М., 1964.
Ригведа: Избранные гимны. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М., 1977.
Ригведа: Мандалы I–IV. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М., 1989.
Ригведа: Мандалы V–VIII. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М., 1994.
Самозванцев А.М. Теория собственности в древней Индии. М., 1978.
Самозванцев А.М. Правовой текст дхармашастры. М., 1991.
Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М., 1994.
Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Три великие сказания Древней Индии (Махабхарата, Рамаяна, Бхагавата-пурана). Литературное изложение. М., 1978.
Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М., 1982.
Упанишады. Пер. А.Я.Сыркина. Т. 1–3. М., 1993.
Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.
Шохин В.К. Брахманистская философия: Начальный и раннеклассический периоды. М., 1994.
Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.
Bareau A. u.a. Die Religionen Indiens. Bd.3. Stuttgart, 1964.
Berchert H., Simson G. von. Einfuhrung in die Indologie. Darmstadt, 1979.
Fairservis W.A. The Roots of Ancient India. L., 1972.
Gonda J. Die Religionen Indiens. Vol. 1–2. Stuttgart, 1960–1963.
Hultzsch E. Inscriptions of Asoka. Oxf., 1925.
Jataka, or Stories of the Buddha's Former Births. Vol. 1–6. L., 1957.
Kane P.V. History of Dharmaśastra. Vol. 1–5. Poona, 1968–1977.
Lamotte E. Histoire du bouddhisme indien. Louvain, 1958.
Macdonnell A.A., Keith A.B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. I–II. L., 1967.

Nagaswamy R. Roman Karur: A Peep into Tamil's Past. Madras, 1995.
Ritschl E., Schetelich M. Studien zum Kautiliya Arthaśāstra. B., 1973.
Thapar R. Ancient Indian Social History. Delhi, 1978.
Walker B. Hindu World: An Encyclopaedic Survey of Hinduism. Vol. 1–2. L., 1962.

КИТАЙ

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Пер. с кит., вступит. ст. и коммент. Л.Д.Позднеевой. М., 1967.
Березкина Э.И. Древнекитайская математика. М., 1987.
Бичурин Н.Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М.—Л., 1950; т. 3. М.—Л., 1953.
Васильев В.П. Религии Востока: Конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873.
Васильев К.В. Планы сражающихся царств. М., 1968.
Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961.
Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1. М., 1995.
Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
Го Мо-жо. Бронзовый век. М., 1959.
Го юй (Речи царств). Пер. с кит., вступит. ст. и примеч. В.С.Таскина. М., 1987.
Древнекитайская философия. Т. 1—2. М., 1972—1973.
Древнекитайская философия: Эпоха Хань. М., 1990.
Иванов А.И. Материалы по китайской философии. Введение. Школа фа. Хань Фэй-цзы. СПб., 1912.
Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисл., пер. и коммент. Э.М.Яншиной. М., 1977.
Книга правителя области Шан. Пер. с кит., вступит. ст. и примеч. Л.С.Переломова. М., 1968.
Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и исслед. М.—Л., 1950.
Конрад Н.И. У-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и коммент. М., 1958.
Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1977.
Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.
Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М., 1996.
Кучера С. Китайская археология. М., 1977.
Лисевич И.С. Древнекитайская поэзия и народная песня. М., 1969.
Лукьянов А.Е. Лаоцзы. М., 1991.
Малявин В.В. Чжуан-цзы. М., 1985.
Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.
Материалы по истории сюнну. Предисл., пер. и примеч. В.С.Таскина. Вып. 1—2. М., 1968—1973.
Переломов Л.С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае. М., 1962.
Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
Петров А.А. Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954.
Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. Перевод с китайского, снабженный комментариями. СПб., 1904.
Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910.
Померанцева Л.Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве (Хуайнаньцзы. II в. до н.э.). М., 1979.
Рубин В.А. Идеология и культура древнего Китая. М., 1970.

Семененко И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.
Серкина А.А. Символы рабства в древнем Китае. М., 1982.
Синицын Е.П. Бань Гу — историк древнего Китая. М., 1975.
Смолин Г.Л. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987.
Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. Т. 1—7. М., 1972—1996.
Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди и его учение. М., 1985.
Ткаченко Г.А. Космос, музыка и ритуал: миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М., 1990.
Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976.
Шицзин. Изд. подгот. А.А.Штукин и Н.Т.Федоренко. М., 1957.
Штейн В.М. Гуань-цзы. М., 1959.
Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960, 1993, 1997.
Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.—Л., 1950.
Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984.
Bodde D. China's First Unifier. Leiden, 1938.
The Cambridge History of China. Vol. 1. The Ch'in und Han Empires 221 B.C. — A.D. 220. Ed. by D.Twitchett and M.Loewe. L.—N.Y., 1986.
Chang K.Ch. Shang Civilization. New Haven–London, 1980.
Chavannes Ed. Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. Vol. 1—6. P., 1895—1905, 1969.
Ch'eng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. 1—3. Cambridge, 1959—1963.
Ch'u T'ung-tsu. Han Social Structure. Seattle–London, 1972.
Creel H.G. The Origin of Statecraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago–London, 1970.
Dubs H.H. The History of the Former Han Dynasty of Pan Ku. Vol. 1—3. Baltimore, 1938—1955.
Eichhorn W. Heldensagen aus dem Unteren Jangtse-tal (Wu-yüeh Ch'un-Chiu). Wiesbaden, 1969.
Forke A. Lun-heng. N.Y., 1962.
Gernet J. Ancient China. From the Beginnings to the Empire. L., 1968.
Hsu Cho-yun, Linduff K. Western Chou Civilization. New Haven–London, 1988.
Hu Shih. Development of the Logical Method in Ancient China. N.Y., 1963.
Hulsewé A.F.P. Remnants of Ch'in Law. Leiden, 1985.
Legge J. The Chinese Classics. Vol. 1—8. Hong Kong, 1972.
Li Hueqin. Eastern Zhou and Qin Civilisations. New Haven–London, 1985.
Loewe M. Every Day Life in Early Imperial China (202 BC – AD 220). N.Y., 1988.
Maspero H. La Chine antique. P., 1927.
Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1—4. Cambridge, 1954—1962.
The Origin of Chinese Civilization. Ed. D.Keightley. Berkeley–Los Angeles–London, 1983.
Pirazzoli-t'Serstevens. La Chine de Han. Fribourg, 1982.
Rawson J. Ancient China: Art and Archaeology. L., 1980.
Vandermeersch L. La formation du légisme. P., 1965.
Walker R.L. The Multi-State System of Ancient China. Hamsden, Conn., 1953.
Wang Zhongshu. Han Civilization. New Haven–London, 1982.
Wheatley P. The Pivot of the Four Quarters. Chicago, 1971.
Wilbur M. Slavery in China during the Former Han Dynasty. Chicago, 1943.
Wilhelm R. Frühling und Herbst der Lu Bu We. Jena, 1928.

КОРЕЯ

Бичурин Н.Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950.
Бутин Ю.М. Древний Чосон. М., 1982.

Воробьев М.В. Древняя Корея. М., 1961.
Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.
Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. Т. 2. М., 1975.

АЛЕКСАНДР И ДИАДОХИ. ЭЛЛИНИЗМ

Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах III–I вв. до н.э. М., 1969.
Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии (III в. до н.э. — III в. н.э.). М., 1972.
Зельин К.К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте. М., 1960.
Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1972.
Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988.
Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
Кравчук А. Закат Птолемеев. М., 1973.
Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.
Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. — III в. н.э.). М., 1959.
Пикус Н.И. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н.э. М., 1962.
Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи. М.–Л., 1949.
Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
Шахермайер Ф. Александр Македонский. М., 1986.
Шифман И.Ш. Александр Македонский. Л., 1988.
Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
Danielou J., Marrou H. Nouvelle histoire d'Eglise. T. 1. P., 1963.
Laumonier A. Les cultes indigènes en Carie. P., 1958.
Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. 2. Munchen, 1950.
Pines Sh. The Jewish Christians of Early Centuries of Christianity according to New Source. Jerusalem, 1966.
Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxf., 1941.
Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 1–2. Cambridge, 1954.
Teixidor J. The Popular Religion in Greco-Roman Near East. Princeton, 1977.
Umwelt des Urchristentums. Bd. 1–2. Hrsg. J. von Leipoldt J., W.Grundmann. B., 1966–1967.

Аба 59
Абдастарт 333, 336
Абдастарт II 339
Абди-Аширта 136
Аброком 306
Аввакум 364
Август 539, 561, 566, 567
Августин 351
Авдий 364
Авессалом 355
Авидий 571
Авидий Кассий 571
Авимелех 352
Авраам 140, 595, 610
Агта 50, 57
Аггей 364, 495, 500
Агни 402, 423, 424
Агум II 100
Адад-нерари I 108
Адад-нерари II 231, 233
Адад-нерари III 233, 334
Адад-шум-уцур 101
Адам 139
Адда-гуппи 248
Адриан 574
Азария 358
Азиру 136, 137
Азо 531, 532
Аид 607
Ай-ди 450, 453
Айзенштадт Ш.Н. 582
Александр Македонский 152, 279, 300, 307, 308, 324, 339, 412, 415, 416, 505—516, 518, 519, 522, 530—535, 543, 552, 562, 572, 609, 613, 619, 622
Александр Яннай 564, 565
Алиатт 330
Алиян-Ба'л 145
Алкей 255
Алкет 516
Амарта Спанта (Амеша Спента, Амэша-Спэнта, «Бессмертные святые») 280—282, 588
Амасис 291
Аменемхет I (Амени) 166, 167, 174, 189
Аменемхет II 174
Аменемхет III 174, 372
Аменхетеп, архитектор 184
Аменхетеп, строитель Луксора 184
Аменхетеп (Аменофис) 374
Аменхетеп II 377, 383
Аменхетеп III 118, 136, 181, 377, 378
Аменхетеп IV (Эхнатон) 119, 135, 137, 186, 377—382, 384, 584
Амиртей 306
Амон 176—178, 184, 309, 371, 374, 375, 380, 381, 385, 387, 508
Амон-Ра 177, 178, 374, 375, 377—379, 387
Амос 364—366, 594
Амэрэтат 588
Амэша-Спэнта см. Амарта Спанта
Ан (Ану) 69
Анаит см. Анахита
Анат 142, 144
Анат-Бейт-эл 491
Анахита 281, 283, 309, 311, 418, 539, 541, 542, 548
Андхра 419
Анитта 115, 116
Антигон Одноглазый 516, 517
Антименид 255
Антиох I 518, 533
Антиох I, царь Коммагены 533
Антиох II 518, 520, 543
Антиох III 518, 520, 528, 533—536, 544, 549, 550, 558, 562, 563
Антиох IV Эпифан 528, 559, 563
Антиох VII 544
Антиох Гиеракс 533
Антиохида 533, 534
Антипатр 514—516, 565
Антоний 538, 539, 561, 567
Ану 617
Анхра-Манью см. Ахра-Манйу
Апеп 177
Апепи 175, 189
Апиль-Син 85
Апис 176, 177, 607

Аполлодот 550
Аполлон 523, 530, 572, 617
Аполлоний 553, 555, 557
Аппиан 539
Априй 248
Апулей 607, 618
Арамазд см. Ахура-Мазда
Араха см. Навуходоносор IV
Аргишти I 320, 323
Аргишти II 269, 327
Ардис 329
Аристагор 302
Аристарх 538
Аристоник 529, 585
Аристотель 505, 511
Армазд (Ахурамазда) см. Ахура-Мазда
Армази 542
Арсак см. Артаксеркс II
Арсиноя Филадельфа 556
Арта 280
Артабазан 534
Артабан I 544
Артабан V 545
Артавазд II 538, 539
Арта Вахишта 280
Артадама I 135
Артаксеркс I 305, 335, 497
Артаксеркс II (Арсак) 282, 283, 306
Артаксеркс III (Ох) 306, 336, 511
Артаксеркс IV см. Бесс
Артафен 302
Арташес I (Артахшаси, Артаксий) 535, 536, 539
Арташес II 539
Арташир 547
Артемида 521, 572, 607
Арток 538
Архимед 558
Аршак 544
Аршакиды 262, 541, 544—548
Аршам 533
Аршама 297
Арьябхатта 431
Асак 74
Асархаддон 237—239, 270—272, 327, 328, 342
Асклепий 182, 607, 609
Ассина 295
Астарта 362, 607
Астиаг 248, 286, 287, 290
Атаргатис (Великая Матерь) 607, 609, 618
Атон 181, 378—381
Атропат 534
Аттал I 518
Аттал III 529, 566
Атталиды 518, 521—523
Аттис 326
Атум 177, 180
Атум-Ра 180, 190
Афина 548
Афродита Урания 607
Ахав 334, 360
Ахемен 274, 290
Ахемениды 261, 275, 279, 282, 286, 290, 296, 298, 300—302, 311, 335, 336, 388, 412, 415, 490—494, 499, 504, 507, 509, 510, 514, 515, 531, 533, 539, 541, 563
Ахерб 333
Ахикар 245
Ахилл 579
Ахра-Манйу (Анхра-Манью, Ариман, Ахриман) 280, 587, 588
Ахтой (Хети) I 167
Ахура-Мазда (Ахурамазда, Арамазд, Армазд, Охрмазд, Ормузд) 279—282, 286, 311, 418, 500—542, 548, 587—589, 617
Ахшери 272
Аша-Вахишта 588
Ашока 391, 411, 412, 416, 417, 419, 428, 431
Ашторет 365
Ашшур 110, 237, 244
Ашшур-бан-апли (Ашшурбанапал) 238—240, 245, 272—274, 329
Ашшур-надин-шуми 237
Ашшур-нацир-апал (Ашшурнасирапал) II 231, 232, 268, 318, 334
Ашшур-убаллит I 107, 108
Ашшур-убаллит II 241, 247

Баал 365
Баба 53, 55
Ба'лат Губли 144
Балеазар 334
Банебджед 177
Бань Гу 446, 449, 481
Бань Цзеюй 481
Бань Чао 455, 456
Бао Цзинъянь 604
Барак 142
Бардия 294
Баркиды 348, 349
Бар-Кохба (Симон бен Косеба) 574
Бартоломэ Хр. 587
Баури 265

Белибни 236, 237
Бел-шар-уцур (Валтасар) 249, 292
Береника 556, 558
Бесс 308, 508—510
«Бессмертные святые» см. Амарта Спанта
Бокхорис 387
Бомилькар 348
Брюсов В. 238
Будда 411—413, 417, 418, 425—428, 583, 588, 596, 600
Бузи 364
Бурна-Бурариаш I 100
Бухис 176, 177

Ванея 355
Ван Ман 451—453
Ван Фу 444
Ван Чун 204, 482—484
Варад-Син 85, 87
Васильков Я.В. 598
Вахагн (Веретрагна) 541
Ваху Манах (Воху-Мана) 280, 588
Вахьяздата 294, 295
Ваю 423
Великая Матерь см. Атаргатис
Вергилий 480
Веспасиан 573
Видевдат 281
Виман 487
Вишну 428, 429, 598
Виштаспа 278, 279, 295
Вологес (Валарш) I 539
Вохор 355
Воху-Мана см. Ваху Манах
Вритра 400
Вэй Цин 446
Вэнь-ди 446

Га 542
Гаддйо 359
Галлей 462
Гамилькар 344, 348, 349
Ганнибал 347, 349, 350
Ганнон 345, 348
Ганнониды 348
Гань Шэ 462
Гарпаг 292
Гарпал 513
Гасдрубал 348—350
Гаумата 294
Гаутама Шакьямуни см. Будда
Гаци 542
Геб 180
Гегель Г.Л. 597
Геката 607
Гелиос 418, 548
Гелон 344
Гера 607
Геракл 418, 548
Гераклит 470
Гермес Трисмегист 608
Геродот 161, 285—287, 314, 330, 335, 413, 490, 503, 526, 533, 620
Герцен А.И. 586
Гесиод 106, 126
Гешем 498
Гештинана 74
Гигес 329
Гидарн 533
Гидарниды 533
Гидеон 352
Гильгамеш 50, 57, 74, 105, 126, 244, 578, 579, 584
Гимилькон 345
Гиркан II 565
Гисгон 348
Гоготун 180
Гомер 119
Гондофар 418
Гордий 324, 325
Гори 184
Готарз 536
Гуан У-ди 452, 453, 455
Гуан Юй 454
Гудеа 62
Гунгунум 84, 86

Давид 332, 353—357, 360, 362, 365, 592, 595
Давидиды 356, 362, 365, 495, 501, 565
Дагон 362
Дадаршиш 294, 532
Дадбанайя 88
Дадуш 85
Дамикилишу 85
Данте 245
Дарий I 294—297, 300—304, 309, 310, 415, 511, 532, 533
Дарий II (Ох) 305, 306
Дарий III (Кодоман) 307, 308, 339, 506—509, 511, 533, 534
Даса 400
Дебора 142, 367
Дева Мария 610
Дейок (Дахьюка) 285

Дейотар 538
Деметра 490
Деметрий 520
Деметрий, греко-бактрийский царь 549, 550
Деметрий II Никатор 536, 544, 564
Деметрий Полиоркет 516
Джедефра 163
Джер 153
Джесер 163, 182
Джехутимесу 186, 381
Джехутия 189
Диодор Сицилийский 554, 555
Диодот I 549, 550
Диодот II 550
Дионис 618
Дион Кассий 539
Дориэй 344
Драуга (Друдж) 280
Думузи 73—75
Дун Чжуншу 482
Дурга 399
Дусани 285
Душратта 104
Дьяконов И.М. 94

Евкратид 550, 551
Евмен 516
Евмен II 529
Еврипид 538
Евсевий 351
Евтидем 518, 550
Езекия 362, 367
Ерванд (Оронт) 532, 533
Ерванд (конец III в. до х.э.) 533, 534
Ервандиды (Оронтиды) 533

Забайя 86
Заратуштра (Зороастр) 277—280, 541, 548, 583, 584, 586, 587, 589
Зариатр (Зарех) 535
Захария 364, 500
Зевс 126, 541, 542, 563, 607, 609, 617
Зевс Панамарий 607
Зевс-Теос 548
Зенобия 576
Зимрилим 89
Зороастр см. Заратуштра
Зоровавель 495
Зурван 588
Зуэн (Суэн) см. Нанна

Иаиль 142
Иаков (Израиль) 140, 141, 352
Ибби-Зикир 132
Ибби-Суэн 65, 66, 84
Ибни-Иштар 249
Идри-Ми 133, 145
Иезавель 334
Иезекииль 275, 325
Иеремия 273, 274, 364, 502, 594
Иессей 353
Иеффай 143
Израиль см. Иаков
Иисус Христос 588, 590, 609—612
Илахкабкабуху 84
Иллуянка 126
Ильшуилия 85
Имхетеп 161, 182
Инана см. Иннин
Инар 305
Индра 280, 400, 408, 424
Инени 184
Иннин (Инана) 48, 51, 73—75; см. также Иштар
Ин Чжэн 440, 474
Инь 486
Инь Вэнь 467
Иоаким 247
Иоанн Гиркан I 564
Иоанн Креститель 609, 610
Иов 501, 503, 595
Иоиль 364, 500
Иона 364
Ионатан 564
Иосиф Флавий 351, 574, 609, 610
Иосия 363
Иошуа см. Иисус
Ипувер 165—167, 189
Иранзу 270
Ирод 565—567
Ирод Антипа 567, 610
Ирсу 385
Исаия 364, 366, 586, 594
Исивери 491
Исида 178—180, 607, 608, 618
Итобаал 333, 334, 337, 338
Итурия 85
Иуда Маккавей 564
Ишби-Эрра 66, 84
Ишме-Даган 84
Ишпакай 271
Иштар 73, 106, 111; см. также Иннин
Иштар Арбельская 111
Иштар Ниневийская 111

Йедонийа 491

Каа 153
Калигула 567
Каллисфен 511
Камбиз I 290
Камбиз II 293, 294—296, 300, 309, 310, 335, 508
Камес 175, 372
Кандалану 240
Канишка 418, 419
Кант И. 601
Кан-хоу 207
Каракалла 23
Карены 546
Картер Г. 380
Кассандр 516
Кауравы 398
Каштарити 285
Каштилиаш 92, 101
Кеяниды 279
Киаксар 247, 285—287, 295, 330
Кибела (Кубаба) 326, 607
Киджа 489
Киккули 121
Кир I 275, 290
Кир II 249, 275, 287, 290—297, 300, 309, 331, 335, 364, 494, 495, 532, 589, 593
Кир Младший 305, 306
Киш 353
Клеопатра 538, 560, 561, 567
Клеопатра II 560
Клеопатра III 560
Клит 510
Кодоман см. Дарий III
Коммод 571
Константин 574, 575
Конфуций 438, 439, 464—467, 469—471, 473, 474, 476, 478, 583, 602
Корбулон 539
Красс 538, 545
Кратер 511, 515
Крез 291, 292, 331
Кришна 428, 429
Кронос (Крон) 126, 617
Ксенофонт 306, 532, 533
Ксеркс 302, 304, 305, 310, 335, 344, 509
Ксеркс, царь Софены 533, 534
Кудурмабуг 87, 88, 90
Кумарве (Кумарби) 106, 126, 617
Кун Гуан 450
Кун Цю (Кунцю, Кун Чжунни) см. Конфуций
Куригальзу Младший 101
Куригальзу Старший 101
Куртис 325
Кушаны 418, 419, 432
Кушар-ва-Хусас 144
Кушук 106

Лабарна II см. Хаттусили I
Лаг 552
Лактанций 575
Лаодика 520
Лаоцзы (Лао-цзы) 467, 473, 484, 603
ал-Лат 548
Ленин В.И. 12
Леонид 304
Лецзы 467—469
Либаний 575, 576
Ли Гуанли 448
Липит-Иштар 84, 93
Лисандр 305
Лисимах 516, 556, 557
Лия 141
Ло 436
Лугальанда 55
Лугальбанда 74
Лугальзагеси 55—58, 73
Лукиан 470, 607, 609, 618
Лукулл 537
Луций 607, 608
Луций Эмилий Юнк 571
Луций Юлий Юлиан 571
Лю Бан 442, 443, 446, 449, 452, 459, 613
Люйхоу 449
Лю Сю 452

Мавсол 309
Магон 344
Магониды 344—346, 348, 349
Мадий 329
Мазар 292
Маздак 585
Маздей 336
Мазей 508
Малахия 364, 500
Малх 343, 346
Мамитиарши 285
Манефон 152, 153, 174, 373
Маништушу 59—61
Ману 391
Мардоний 304

Мардук (Бел) 109, 237, 238, 246, 248, 309, 584
Мардук-апла-иддин II 235—237
Мардук-надин-аххе 246
Марк Аврелий 545
Марк Антоний 545, 560
Маркс К. 11, 21, 585
Мартия 295
Маттафия 564
Маттен 335
Маурьи 391, 412, 416—418
Махсейа 491
Мегабиз 305
Мегасфен 412, 413
Медея 532
Мелькарт 337
Мемнон 377, 506
Менандр 550
Менес (Мина) 152, 153, 155
Менту 176
Менту-Ра 177
Ментухетеп I 167, 173
Ментухетеп III 182
Мербал 335
Меренра 162
Мерикара 167, 189
Мер-не-Птах (Мернептах) 142, 143, 384
Месанепада 51
Метен 337
Меша 362
Мидас 324—328
Микерин (Менкаура) 161, 182
Мин 178
Минуа 319, 320
Мирабо В. 17
Митра 280—283, 309, 311, 423, 541, 548, 608, 617
Митридат I 528, 536, 539, 544, 550
Митридат II 531, 536, 544, 545
Митридат VI Евпатор 536, 537, 566
Митридаты 532
Михей 364
Михраны 546
Михрвахишт 534
Мневис 176
Мо Ди 471—474, 478
Модэ 445
Моисей 140, 141, 502, 590, 608, 611
Моисей Хоренский 532
Молох 144
Морган Л.Г. 19
Муваталли 383
Мурашу 298, 493
Мурсили I 92, 116, 117
Мурсили II 118, 124
Мут 178
Мэнцзы (Мэн-цзы) 206, 438, 465, 466, 469, 474, 476, 603

Наб 248
Набарзан 507
Набонид 248, 255, 260, 291, 292, 294, 295
Набопаласар 240, 246, 247, 274
Навуфей 360
Навуходоносор I 102, 246
Навуходоносор II 247, 248, 254, 255, 259, 274, 335, 342, 363, 388, 512
Навуходоносор III (Нидинту-Бел) 294
Навуходоносор IV (Араха) 295, 533
Наки'а 238
Намнё 487
Нандин 418
Нанды 415—417, 419
Нанна (Зуэн, Суэн) 52, 59, 65
Напланум 86
Нарам-Суэн 61, 62, 72, 109, 113, 132
Нармер 153
Наум 364
Неарх 511
Неемия 497, 498
Нейт 293, 309
Нектанеб II 307, 552
Нергал 248
Нерон 539
Несубанебджед 387
Неферти 166, 167
Нефертити 186, 381
Нефрусебек 174
Нефтис 180
Неффиркара 158
Нехо I 247, 301, 363, 388
Нидинту-Бел см. Навуходоносор III
Никерат 572
Николай Дамасский 351
Никомед IV 566
Нингаль 52
Нингирсу 55, 62
Нинурта 74
Нитетида 293
Нур-Адад 86
Нут 177, 180
Нюйва 436

Одиссей 579
Озия 359
Оксиарт 510, 515
Октавиан 561, 567
Ормузд см. Ахура-Мазда
Оройс 538
Осирис 153, 176, 178—180, 189, 293, 607
Осия 364
Осоркон 334
Осоркон III 387
Ох см. Артаксеркс III
Ох см. Дарий II
Охрмазд см. Ахура-Мазда

Павел 612
Пакор 538
Пактий 292
Пандавы 398, 399
Панду 398
Панини 391, 431
Паньгу 463
Папак 547
Парджанья 423
Парисатида 511
Парменион 505—509, 511
Парраттарна 104, 133
Партатуа 285
Пахи 491
Пенра 183
Пердикка 515, 516
Перун 423
Петр 610
Пиа 491
Пианхи 387
Пигмалион 333, 337
Пин-ван 208
Пин-ди 451
Пиопи I 132, 162
Пиопи II 163, 384
Пирр 348
Питхана 115, 116
Пифон 515, 516
Пиххуния 118
Пияссили 119
Плиний Старший 419, 420, 447, 546
Плутарх 539, 620
Позднеева Л.Д. 468
Полибий 534, 549
Полиперхон 516
Помпей 537, 538, 565
Пор 511
Псамметих I 329, 388
Псамметих III 294
Пта см. Птах
Птах 156, 176, 180, 556
Птолемеи 518, 527, 528, 552, 554—559, 573
Птолемей 278
Птолемей I 510, 515, 516, 552, 556, 562
Птолемей II 520, 552, 553, 555—557
Птолемей III 557
Птолемей IV 558, 559
Птолемей V 556
Птолемей VIII 560
Птолемей XII Авлет 560
Птолемей XIII 560
Птолемей, стратег 520, 557
Птолемей, сын Лисимаха 557
Пу 487
Пуаби (Шуб-ад) 52
Пулу см. Тиглатпаласар III
Пушан 406

Ра 163, 176—179, 293, 374
Равана 398, 598
Разбойник Чжи 438, 469
Рама 398, 428
Раматейя 270
Рамессиды 386
Рамсес I 383
Рамсес II 137—140, 181, 183, 184, 383, 384
Рамсес III 143, 181, 183, 384, 385
Рамсес VI 385
Рамсес IX 385
Рамсес XI 385
Рамсес XII 387
Рахиль 141
Рим-Син I 85, 87—90, 225
Рим-Син II 88
Римуш 59, 60
Ровоам 356
Роксана 510, 515
Руса I 235, 236, 323, 324, 326, 327
Руса II 269, 327, 328
Руфь 593

Сабарис 532
Сабиум 87
Савей 355
Савская царица 358
Садок 355
Садокиды 565
Салафиил 495
Салманасар I 108
Салманасар III 232, 233, 268, 290, 318, 334

Салманасар V 235
Самсон 143
Самсудитана 92, 116
Самсуилуна 87, 88
Санбаллат (Син-убаллит) 490, 498
Сандрокотт см. Чандрагупта
Саргон (Шаррум-кен) Аккадский, Древний, Великий 57—62, 72, 83, 113, 132, 214
Саргон II 235, 236, 244, 270, 271, 324, 326, 327, 362
Сардури I 319
Сардури II 323, 327
Сардури III 329
Сасан 547
Сасаниды 262, 277, 279, 281, 288, 311, 543, 545, 549, 588
Сатаваханы 419
Сатит 176
Саул 353
Сауссадаттар 104
Сахура 162
Себек-Ра 177
Седекия 247
Секененра 175, 189
Селевк I 516—518, 522
Селевк II 533, 544
Селевкиды 518—523, 527—529, 533, 534, 536, 537, 543, 544, 549, 557, 562—564
Семерхет 153
Семнехка-Ра 380
Сенмут 183, 375
Сенусерт I 174, 189
Сенусерт II 180
Сенусерт III 173, 174
Септимий Север 545
Серапис 607, 608
Сесострис 174
Сети I 137, 138, 382, 383
Сетх 155, 178, 180
Сетхнехт 385
Сиддхартха см. Будда
Симон 564
Симон бен Косеба см. Бар-Кохба
Син 248
Синаххериб 236—238, 245, 274, 342
Син-кашид 86
Синмубалит (Синмубаллит) 85, 88
Синухет 174, 188, 189
Син-шарри-ишкун 240
Сисара 142
Сита 398
Сиф (Шет) 139
Сканда 399
Скилак 301
Снефру 162, 166, 182
Сокнебтюнис 556
Соломон 332, 355—358, 362, 365, 367, 501, 503
Солон 498
Сосибий 569
Софония 364
Спанта-Манйу 280
Спитамен 509, 510
Спэнта-Армати 588
Сраоша 589
Статира 511
Страбон 480, 523, 527, 533, 535, 539, 540, 542, 608
Стратон (Абдастарт) 339
Сулла 545
Сумуабум 85, 88
Сумуэль 86
Сунда 598
Сун Цзянь 467
Суньцзы 471
Сун Юй 477
Суппилулиума I 104, 118—120, 136, 137
Сурен 538, 546
Сурены 546
Сути 184
Суту (Шуту) 139
Сыма Сянжу 481
Сыма Цянь 445, 447, 448, 450, 481, 551
Сюньцзы (Сюнь-цзы) 465, 466, 472, 603
Ся 193

Табал 292
Тангун 486
Тахарка 238, 388
Телепину 117, 119, 126
Теннес 306
Тертуллиан 608
Тетиан 374
Тетрамнест 335
Те-Умман 239
Теушпа 327
Тефнахт 387
Тефнут 180
Тешуб (Тейшеба, Тархус, Тархунтас) 106, 541, 617; см. также Торк
Тиберий 539
Тиглатпаласар I 109, 110, 232, 246, 334
Тиглатпаласар (Тиглат-паласар) III (Пулу)

233—235, 246, 266, 269, 270, 323, 327, 334
Тигран 532
Тигран I 536
Тигран II Великий 536—538, 540, 541
Тигран III 539
Тигран IV 539
Тии 377
Тимолеонт 348
Тирибаз 533
Тиридат I, царь армянский 539
Тиридат I, царь парфянский 544
Тит 540, 573, 574
Тобиады 490, 563
Тобия 498
Товит 501
Тойнби А. 19, 584
Томирис 293
Торк 541
Тот 491
Траян 545, 572, 573
Тубо 436
Тукульти-Нинурта I 101, 108, 109
Тутанхамен 380—382
Тутмос (Тутмосис) I 134, 374
Тутмос (Тутмосис) III 134, 187, 374—377, 382—384
Тутмос (Тутмосис) IV 135, 377
Тутмосис II 374
Тутхалия III 118
Тэйлор Э.Б. 19
Тянь 468

Уалли 272
У-ван 203, 207
Уго 487
У Гуан 442
Уджагорресент 293
У-ди 443—448, 450, 481, 482, 487
Улам-Бурариаш 100, 101
Улликумми 126
Унис 162
Унуамон 387
Упасунда 598
Уран 126, 617
Урия 360
Ур-Намму 63, 92, 93
Уруинимгина (Урукагина) 55—58, 62, 92
Усеркаф 163
Уту 74
Утухенгаль 62, 63
Уцзы 471

Фань Шэньчжи 479
Фарасман I 539
Фарнабаз 532, 536
Фарнаджом 536
Фелет 333
Фемистокл 304
Фергюсон А. 17
Филипп Арридей 515
Филипп Македонский 307, 505, 515
Филипп V 522, 528
Филота 509
Фирдоуси 543, 549
Фирм 577
Флавий Архипп 569
Фома 418
Фома Аквинский 599
Фраат II 544
Фраат IV 545
Фравартиш 295
Фраорт 285
Фрэзер Д.Д. 19
Фэн 207

Хаксли О. 585
Халди 318, 319, 322, 327, 328, 541
Халдита 533
Хаммурапи 84—92, 94—96, 102, 111, 116, 139, 225, 226, 253, 366, 622
Хантили 117
Хануну 259
Хань 442, 443, 445, 448, 449, 452, 455—457, 482, 486, 487, 551
Хань Фэйцзы 434, 473, 474
Хапу 184
Хапусенеб 184
Харватат 588
Харемхеб 381, 382
Харрис 384
Хасехемуи 155
Хасмонеи 564—566
Хаттусили I (Лабарна II) 116, 117
Хаттусили II 139
Хаттусили III 124, 126, 137, 384
Хатхор 176, 177
Хатшепсут 134, 183, 374, 375
Хебат 106
Хенсу 178
Хеопс (Хуфу) 161, 163, 182, 189
Хепри 177
Херихор 385, 387
Херишаф 176
Хефрен (Хафра) 132, 161, 162, 182

Хиан 175
Хилкия 364
Хирам 332, 333, 338, 355
Хнум 176
Хор (Гор) 153, 155, 163, 176—178, 491
Хор-Аха 153
Хориен 510
Хоуту 436
Хоуцзи 205
Хо Цюйбин 446, 447
Хронос 588
Хуанди 481
Хуккана 119
Хумпанникаш 273
Хумпаннимена 274
Хшатра Варйа (Хшатра-Варья) 280, 588
Хшатрита 295
Хэ У 450

Цай Лунь 480
Цзе 475
Цзин-гун 439
Ци 205
Цилли-Адад 86, 87
Цинь 442, 449, 486
Цинь Кай 486
Цинь Шихуанди (Цинь Шихуан) 440—443, 449, 474, 481, 487
Ци Цзы (Киджа) 486
Цуй Ши 479
Цюй Юань 477, 481

Чан 487
Чандрагупта (Сандрокотт) 412, 415, 416
Чекер-Баал 334, 338
Чжан Даолин 604
Чжан Хэн 479
Чжан Цзюэ 460
Чжан Цянь 446, 447, 449, 480, 551
Чжан Чжунцин 479
Чжао То 449
Чжо Вэньцзюнь 481
Чжоу 208, 486
Чжоу, мифический персонаж 475
Чжоу-гун 207
Чжуанцзы 438, 467, 469, 470
Чиеу 449
Чингис-хан 7, 586
Чишпиш 274, 275
Чынг 455
Чэн-ван 207
Чэнь Шэн 442, 452

Шабака 387, 388
Шавушка 106
Шамаш 248, 583
Шамаш-шум-укин 238, 240, 245
Шамбара 400
Шамгар 142
Шаммурамат 233
Шампольон Ж.Ф. 556
Шамс 548
Шамши Адад I 84, 106, 132, 139
Шамши Адад V 233
Шан Ян 435, 439—441, 472, 473
Шаррум-кен см. Саргон Аккадский
Шаттивазза 119
Шемарйо 359
Шешонк I 334, 387
Шива 418, 428, 598
Шивини 318
Ши Дань 450
Шимике 106
Ши Шэн 462
Шпенглер О. 18, 615
Шу 180
Шула 254
Шульги 63, 65, 92—94, 109
Шунь 465, 474, 475
Шутрук-Наххунте 101
Шутрук-Наххунте II 273
Шуттарна I 104
Шэ 436
Шэ Хэ 487

Эанатум 55, 56
Эбер 140
Эгиби 254, 258, 259, 493
Эзра (Ездра) 497, 502
Эйе 380, 381
Эл 365, 617
Элисса 333, 342, 343
Элкунирса (Эл-коне-эрец) 617
Эллиль-надин-апли 246
Эллиль-надин-аххе 246
Элохим 367
Эмбас 532
Энентарзи 55
Энки (Эйя) 69, 75
Энкиду 74, 579
Энлиль (Эллиль) 48, 58, 59, 64, 65, 69, 73, 75, 110
Эн-Менбарагеси 49, 50
Энмеркар 74
Энметена 92

Эос 377
Эпифан Эвхарист 556
Эрато 539
Эхнатон см. Аменхетеп IV
Эшем-Бейт-эл 491
Эшмуназар 337

Ю-ван 208
Юлии Квадраты 571
Юлий Полемиан 571
Юлий Цезарь 560, 567
Юнг К.Г. 600
Юпитер Капитолийский 574
Юстин 544, 549

Ябин 142
Янковская Н.Б. 103
Ян Чжу 474—477
Яншина Э.М. 436
Яо 465, 474, 475
Ясон 532
Ясон, первосвященник 563
Ясперс К. 578, 582—586, 596
Яхве 140, 141, 143—145, 309, 364—367, 491, 495, 498, 500—503, 591—595, 608, 617
Яхмес (Амасис) I 134, 175, 374
Яхо см. Яхве

Абарсаль 132
Абидос 153, 178, 384
Абиэ[зер] 359
Абу Салабих 50
Абу-Симбел 184, 384
Абу-Сир 158, 162
Аванти 415
Аварис 133, 175, 374
Австралия 40
Агдзник (Алзи) 537
Аджанта 432
Азербайджан 104, 267, 269, 273, 278, 288, 328
Азия 6, 7, 12, 13, 27, 30, 40, 113, 207, 324, 389—391, 394, 432, 480, 507, 509, 512, 513, 516, 529, 552, 566, 571
Айгюптос см. Египет
Айрарат 533, 534
Айханум 550
Акабский залив 333, 355, 491
Акайваша см. Аххиява
Акес 298
Акесин см. Асикни
Аккаде (Аккад) 57—59, 61—63, 66, 72, 73, 83—85, 87, 93, 100, 109, 113, 130, 132, 228, 233, 246, 395
Аккадское государство 392
Аккарон 143
Акра (Птолемаида) 558
Аллабрия 265—268, 272, 276
Аладжа-Хююк 113, 122
Алалах (Телль-Атшана) 116, 119, 132, 133, 145
Алалия 344
Аламгирпур 393
Аласия 120
Алвания (Албания) 531, 534, 535, 538—542
Алванское царство 538
Александрия (Египетская) 399, 447, 508, 514, 528, 550, 552, 557, 558, 560, 573, 576, 577
Александрия Дальняя 510
Александрия-Опиана 514
Алзи (Агдзник) 313, 317, 319
Алишар-Хююк (Амкува) 113, 114
Алтын-Тепе 395
Амаравати 432
Эль-Амарна см. Ахет-Атон
Америка 6, 12, 615
Амкува 114
Амман см. Раббат-Аммон
Аммон 490, 498
Амударья (Гуй-шуй, Окс) 31, 278, 509, 543, 550, 551
Амурру 136, 137, 143
Анатолия 113—115, 119, 121, 122, 127, 301
Анахтакан 542
Англия 6
Андарпаттиан 534
Андия 271
Андхра-Прадеш 419
Ани 493
Антиливан 128
Антиохия 399, 522, 524, 557, 567, 569, 572, 576
Антиохия-Эдесса 524
Аншан 60, 66, 274
Аньси 446, 447; см. также Парфия
Аньян 196—201
Апамея 522, 528
Апеннинский полуостров 619
Аравийская пустыня 490
Аравийский полуостров 355
Аравийское море 393
Аравия 27, 29, 129, 175, 230, 248, 301, 390, 420, 512, 515, 567, 572
Арагви 531
Арад 308
Аракс 31, 316, 318—320, 324, 331, 530, 533—535
Арарат 319
Араратская равнина 535
Арахосия 278, 292, 294
Арацани (Мурад-су, Мурат) 313, 317, 539
Арбела 106, 308, 508
Арвад 334—336, 338, 507
Аргиштихинели 320, 533
Ардебиль 269

Арейа 278, 279, 292
Арикамеду 420
Аринна 127
Арйанам вайджа 278
Армавир 533, 534, 537
Армази 538
Армения (Армина) 101, 291, 295, 296, 306, 493, 518, 528, 531—542, 544, 545
Армянское нагорье 104, 106, 109, 117, 222, 231, 232, 265, 266, 269, 275, 287, 288, 315, 317, 318, 330, 490, 533, 534, 537
Арпад 235, 326
Аррапха 103—105, 132, 231, 247, 286
Арсамея 533
Арсиноя Ликийская см. Патару
Артахшасишата (Артаксата) 535
Арташат 535, 537—539
Артемисий 344
Арцава 118, 120
Аршакидское государство 545, 546
Аршамашат (Шимшат) 533
Арьяварта 389
Арьян см. Иран
Асикни (Чинаб, Акесин) 399
Аскалон 143
Ассам 455
Ассирия (Ассирийская империя, Среднеассирийская держава) 39, 100—102, 104—111, 115, 118, 119, 137, 213, 217, 221, 222, 230—234, 239, 240, 242, 243, 245—247, 262, 268—274, 276, 284—288, 296, 319—321, 323, 324, 326—330, 334—337, 354, 363, 388, 494, 622
Ассирия, пров. 545
Асуан 147
Асьют (Сиут) 186
Атлантический океан 47
Атропатена (Атропатова Мидия, Атурпаткан, Мад-и Атурпаткан) 534—536, 539, 541
Аттика 303, 304
Атурпаткан (Азербайджан) 279
Ауза 333
Аулак 441
Аутиара 295
Афганистан 52, 61, 106, 114, 132, 264, 276—279, 286, 543, 549, 550
Афины 9, 226, 303, 305, 498, 566, 619
Афонский мыс 303
Афродисий 573
Африка 12, 28—30, 40, 147, 334, 339—341, 343—345, 348, 558
Африканский рог 355
Ахейская держава 39, 221
Ахеменидское государство 273, 275, 276, 287, 290, 297, 299—301, 490, 506—509, 515, 530—532, 562; см. также Персидская империя
Ахет-Атон (Эль-Амарна) 181, 379—382
Ахзиб 335
Ахурян 533
Аххиява (Акайваша) 119, 120
Ацци-Хайаса см. Хайаса
Ашдод 143
Ашхабад 544
Ашшур 84, 88, 92, 100, 101, 104, 106, 107, 109, 112—114, 119, 219, 231, 238, 247, 286, 377, 543

Багдад 273
Бадахшан 52
Бадра см. Дер
Байтокайка 520
Бакбо 455
Бактрия (Бахтри, Бахди, Дася) 278, 279, 283, 292, 294, 301, 446, 447, 449, 509, 510, 518, 543, 544, 549—551
Балеарские острова 345
Балканский полуостров 7, 113, 120, 302, 303, 307, 516, 531, 619
Балканы 28, 29, 115, 313
Балх (Бахл) 278, 279, 549
Бамбика 493
Бангладеш 29
Барка 293
Баруата (Бит-Баруа) 266
Батуми 110, 530
Бахл см. Балх
Бахрейн см. Дильмун
Бахрейнские острова 395
Бейт-Хакерем (Рамат Рахел) 492
Бейт-Шеан (Телль-эль-Хусн) 362, 492
Бека'а (Келесирия) 128
Белуджистан 393
Белый Нил 147
Бенгалия 416
Бенгальский залив 29
Беотия 307
Бетин см. Вефиль
Бетис (Гвадалквивир) 341
Бетэл 141
Биайнели (Ван) 319; см. также Урарту
Биас 416, 511
Библ 129—132, 135—137, 144, 145, 169, 222, 308, 334—336, 376, 387, 507

Бикни (Демавенд) 270
Бирма 449
Бит-Баруа см. Баруата
Бития 341
Бит-Хамбан 265, 266, 269, 285
Ближний Восток 29, 50, 113, 116, 117, 122, 126, 145, 214, 245, 247, 275, 319, 333, 334, 351, 354, 355, 368, 490, 502, 504, 507, 513, 514, 536, 542, 607, 620
Ближний и Средний Восток 28, 29, 213, 215, 448
Богазкёй (Хаттуса) 114, 122, 135
Болгария 313
Большой Заб 327
Бомбей 277
Боспор 608
Боспорское царство 537
Босфор 313
Ботрис 333
Бохайвань 196
Бубастис 387
Бурушхатум 113—115
Бусирис 178
Буто 151

Вават 173
Вавилон 78, 84—92, 100, 101, 109, 110, 116, 117, 236—238, 246—251, 254, 274, 293, 294, 297, 301, 304, 329, 330, 335, 337, 364, 491, 493, 494, 508, 509, 512, 514—516, 572, 622
Вавилония 84, 89, 91, 92, 96, 99—103, 106—110, 118, 146, 223, 224, 230, 231, 233—237, 240, 245—250, 258, 259, 265, 267, 273—275, 290—292, 294, 296, 297, 299, 300, 304, 306, 308, 309, 323, 330, 377, 490, 491—493, 495, 497, 499—501, 508, 512, 516, 520, 522, 523, 526, 528, 532
Вавилонское государство 85, 87, 92, 109, 622
Вади-Хаммамат 162
Вакатаки 419
Ван см. Урарту
Ван, г. 319, 538; см. также Тушпа
Ван, оз. 110, 130, 318, 322
Вангомсон 450, 487, 488
Варанаси 418, 420, 431
Варка см. Урук
Ватса 411, 415
Вахшушана 114
Вашхания 114
Вашшукканни 119
Великая Китайская равнина 208, 437, 444, 453
Верхнее море см. Средиземное море
Верхний Египет 38, 147, 155, 157, 161, 163, 169, 173, 175—177, 182
Верхняя Бирма 455
Верхняя Месопотамия 48, 58, 61, 63, 65, 66, 69, 78, 92, 100, 103 104, 106, 108—110, 129, 130, 133, 217, 222, 230, 316, 319, 524, 536, 545; см. также Северная Месопотамия
Вефиль (Бетин) 352
Вилуса 118
Виндхья 389, 400
Вифиния 518, 566, 609
Вишпаузатиш 295
Волга [Ра(х)] 278, 279
Восточная Азия 194, 196, 211, 419, 485
Восточная Анатолия 113
Восточная Европа 6
Восточная Римская империя (Византия) 577
Восточный Туркестан 447, 448
Вркана (Гиркания, Горган) 278
Вьетнам 480
Вэй 207, 210, 212, 433, 434, 436, 437, 440, 459, 473, 474, 485
Вэйхэ 197, 203, 208, 433, 438, 440

Гавгамелы 308, 508, 533, 534
Гавлос (Гоцо) 341
Гадир (Гадес) 340, 344, 345
Газа 133, 143, 235, 248, 333, 375, 508, 516
Газни 278
Газру (Гезер) 135
Галатия 566
Галикарнас 308, 506, 529
Галилея 492, 567, 610, 611
Галис (Кызылырмак) 286, 291, 305, 324, 330
Галлия 341, 343
Ган 436
Ганг 389, 397, 399, 400, 411, 412, 415, 416, 418, 550
Гандутава 294
Гандхара 292, 415, 418, 432
Ганзака 534
Ганьсу 195, 447
Гасур 132
Гат 143
Гвадалквивир см. Бетис
Гедиз 325
Гедросия 292
Гекатомпил 543

Гелиополь 151, 176, 177
Геллеспонт 308
Гераклеополь 176
Герат 278
Герируд 278
Гермонтис 176, 177
Геф 353
Гивеа (Телль-эль-Фуль) 353
Гивеон (Эль-Джиб) 357, 358, 492
Гиерополь 607
Гиза 182
Гилгал (Хирбет-Мефджир) 352
Гильзан 266, 268, 276
Гималаи 228, 389, 400
Гимера 344
Гиндукуш 278, 292, 509, 544, 549
Гипайпы 576
Гиркания (Горган) 278, 291, 292, 295, 544, 547; см. также Вркана
Гирканская долина 521
Гирсу 53
Голландия 6
Голубой Нил 147
Горган см. Гиркания
Гордион 324, 506
Гошен (Гесем) 140
Граник 308, 506
Греко-Бактрийское царство 543, 544, 549, 550
Греция 21, 27, 40, 44, 217, 225, 226, 301, 303—305, 307, 316, 325, 326, 332, 336, 344, 413, 492, 505, 513—515, 517, 527, 557, 565, 566, 582, 596, 599, 617, 620
Грузия 316, 324, 530, 531, 541
Гу 211
Гуаба 54
Гуджарат 277
Гуй-шуй см. Амударья
Гхаггар см. Сарасвати

Да и Шан 197
Давань см. Фергана
Дакшина см. Декан
Дальний Восток 448, 485
Дамаск 128, 232, 235, 319, 323, 507
Дарданеллы 313, 505
Дася см. Бактрия
Дацинь 455
Двуречье 78, 82, 85, 86, 91, 246, 261, 263, 273, 274, 358, 362, 363, 492—495; см. также Месопотамия
Дебир (Телль-эд-Дувейр) 358
Дейр-эль-Бахри 173, 375
Декан (Дакшина) 389, 390, 416, 419, 432
Дельта 38, 140, 147, 148, 151, 154, 155, 166, 173, 175, 306, 372, 383—388
Дельфы 325, 619
Демавенд 235
Дер (Бадра) 246, 273
Джагату 265, 268
Джамна см. Ямуна
Джемдет-Наср 48
Джесер 161
Эль-Джиб см. Гивеон
Дидимы 524
Дильмун (Бахрейн) 52, 109
Диоскурия (Сухуми) 530
Дияла 45, 57, 65, 84, 85, 94, 100, 101, 233, 237, 265, 268, 273, 276, 292
Днепр 276
«Долина царей» 380
«Дом Тогармы» (Торгом) 329, 330; см. также Мелитена
Дон 510
Дор 335
Дрангиана 278, 279, 292; см. также Систан
Дунай 28, 29
Дунтинху (Хунань) 195
Дуньхуан 447
Дунъюэ 449
Дура-Европос 521, 543, 548
Дур-Куригальзу 101, 110, 231
Дур-Шаррукин 236

Европа 6, 7, 9, 18, 19, 21, 27, 113, 148, 213, 214, 272, 275, 276, 345, 515, 534, 599
Евфрат 30, 31, 35, 38, 45, 47, 48, 53, 57, 65, 66, 78, 84, 86—88, 100, 104, 108, 110, 116, 119, 120, 128, 131, 133—135, 137, 139, 140, 195, 222, 225, 230, 231, 233, 234, 238, 246—248, 259, 261, 273, 294, 306, 312, 313, 316, 317, 319, 320, 323, 324, 326, 330, 335, 374, 376, 507, 508, 511, 517, 521, 537, 543, 544, 548, 616
Египет 16, 17, 21, 24, 28, 31, 34, 38, 39, 71, 100, 101, 104, 107, 109, 118, 119, 128, 129, 131—137, 140, 142, 143, 147—156, 161—167, 171, 172, 175, 186, 189, 213, 217, 218, 220, 221, 223—228, 235, 238—241, 245, 247—249, 259, 263, 272, 286, 290—294, 296—309, 330, 334—337, 344, 354, 356, 358, 363, 370—375, 377, 381—388, 390, 392, 394, 420, 447, 491, 495, 500, 508, 512, 514—516, 518, 521,

523, 527, 528, 534, 552—562, 565—569, 573, 575—577, 579, 584, 585, 608
Ервандашат 533, 537
Ереван 320, 321, 328

Загрос 92, 106, 108, 234, 262, 273, 287, 288, 290
Зазана 294
Заиорданье 128, 130, 139—141, 354, 358, 359, 490, 562—564
Закавказье 104, 130, 213, 272, 277, 314, 315, 319, 320, 323, 324, 328—330, 530, 534, 538, 539, 544, 546
Замуа 265, 268, 270
Западный Край 450, 455, 456
Заречье 335, 490, 491, 494, 497
Зела 493, 498
Зеравшан 278, 510
Зибия 271
Зивие 271, 273
Зикирту 271
Зузахия 295

Иверия (Иберия) 493, 531, 534—536, 538—542
Иверийское царство 532
Ида 265, 268
Иераконполь 150, 151, 153
Иерихон 28, 129, 141, 357, 492
Иерусалим 135, 142, 236, 247, 248, 309, 332, 354, 359, 361, 363, 387, 492, 495, 498, 540, 545, 563, 573, 574, 610, 611
Изала 295
Изирту 272
Израиль 128, 142, 333, 351, 354—357, 367
Израильское царство 235, 351, 357, 359, 361, 362
Израильско-Иудейское царство 332
Илион 118, 505; см. также Троя
Ин 440
Инд 30, 53, 195, 225, 296, 389, 392—394, 396, 399, 415, 511, 512, 514, 616
Индийский океан 52, 332, 355, 420, 449, 515, 548
Индия 17, 24, 40, 52, 54, 55, 59, 62, 109, 213, 220, 223, 264, 275, 277, 279, 292, 295, 297, 301, 304, 306, 389—394, 395, 397, 399, 401—404, 406, 410—413, 415—420, 423, 428—432, 446, 447, 449, 455, 480, 535, 537, 549—551, 557, 567, 596, 597—599, 601
Индо-Гангская равнина 389, 412, 419
Индокитай 27, 194
Индонезия 5, 420
Индостан 40, 52, 278, 390, 397, 416, 419, 455
И-Нина-гена 45, 53, 54
Иония 259, 260
Иордан 128, 140, 141, 610
Иордания 128, 558
Ипс 517, 562
Ирак 30, 45, 241, 265, 270, 286
Иран (Эран, Арьяна) 28, 58, 60, 61, 85, 88, 100, 130, 213, 229, 231, 261—270, 272, 273, 275—279, 282, 283, 286—288, 299, 302, 308, 310, 311, 317, 318, 321, 395, 423, 428, 447, 509, 510, 512, 513, 515—517, 530, 535, 537, 543, 544, 546, 547, 585, 607
Иранское нагорье 45, 132, 133, 222, 261—263, 278, 327
Испания 6, 7, 315, 332, 336, 340, 341, 343—345, 347—349, 619
Исс 308, 506, 507
Иссин 65, 66, 72, 74, 78, 84—88, 93, 102, 395
Италия 27, 40, 336, 341, 344, 349, 527, 529
Ит-Тауи 173, 174
Итурунгаль 45, 54
Иудейское нагорье 359
Иудейское царство 351, 357, 359, 362, 367
Иудея 236, 247, 299, 309, 351, 358, 361, 363, 367, 491—493, 495—498, 528, 562—567, 573

Йезд 277

Каблин 273
Кабул 416, 550
Кавказ 235, 272, 276, 314, 330, 515, 531
Кадар 265
Кадеш 375, 376, 383; см. также Кинза
Кадеш-Барнеа 141
Казаллу 86
Казахстан 214
Каир 161
Кайсери 113
Калабака 541
Каларис 341
Калибанган 393
Калинга 416, 417, 419
Кальху 231, 233
Камбейский залив 393
Кандагар 278

Каниш (Неса) 106, 113—115, 131
Кансуйа (Хамун) 279
Канцзюй (Кангюй) 446
Канчипура (Канчипурам) 455
Капишаканиш 294
Каппадокия 330, 518, 536
Кардия 516
Кар-Дуниаш (Вавилония) 100, 109
Кария 306, 309, 529, 552
Кар-Кашши 270, 285
Каркемиш 108, 119, 137, 138, 143, 231, 241, 247, 312, 316, 326, 327, 376
Кармель 359
Кармир-Блур 321
Карнак 184, 381
Карры см. Харран
Картли 542
Кар-Тукульти-Нинурта 109
Карун 30, 38, 39, 50, 61
Карфаген 222, 333, 335, 337, 341—350, 568
Карфаген (на о-ве Кипр) 342
Карфагенская держава 345—347
Каспийское море 292—293, 521, 534
Касситское царство 100, 103
Катна 131, 132
Каттигара см. Бакбо
Катхиявар 393, 396
Каушамби 411, 413
Кахетия 542
Кашгар 447
Кедар 498
Келесирия 128, 562; см. также Бека'а
Кения 615
Керасунт 316
Керман 276, 277
Керманшах 265, 269
Керхе 30, 38, 39, 50, 61, 233
Кесария 566
Киликия 232, 260, 308, 329, 330, 335, 336, 491, 506, 566, 608
Кинза (Кудшу, Кадеш) 135, 139, 383
Кипр 119, 129, 259, 301, 305, 306, 336, 340, 342, 371, 558
Кирена 344
Киренаика 293, 345, 417, 552
Киркук 286
Китай 17, 21, 24, 40, 192—196, 199, 201, 202, 205—212, 223, 390, 420, 428, 433, 435, 437—443, 445—449, 452—455, 457, 460—466, 468, 477, 478, 480—482, 485—487, 489, 537, 567, 601—603, 605, 606, 613
Кифера 340
Киццуватна 117
Киш 49, 50, 53, 55—57, 59, 61, 71, 78, 132, 236, 395
Кишессу 265, 266, 270, 285
Клазомены 329
Клухор 324
Когурё 488
Кокча 550
Колхида 316, 320, 331, 493, 530—532, 538, 539
Комана 493, 497
Коммагена 533, 541
Копетдаг 543
Коптос 162
Кордуэна 534
Корейский полуостров 486
Корея 455, 480, 486, 488
Корё 488
Коринф 226, 347, 572
Коринфский союз 512
Корсика 341, 344
Коссура 345
Котиора 316
Кошала 415
Красное море 162, 163, 169, 301, 332, 371, 491
Крит 119, 169
Крокодилополис 556
Ксанф 567
Ктесифон 543, 545
Кубха (Кабул) 399
Кумы 529
Кунакса 306, 533
Кундуруш 295
Кура 31, 320, 531
Курдистан 267, 288, 289
Куру-Панчала 400
Куссар 114, 116
Куссарское царство 115
Куш (Нильская Эфиопия) 152, 154, 169, 173, 374, 386, 387
Кушанская держава 389, 418, 420
Кызылырмак см. Галис
Кюль-тепе 113

Лабраунда 522
Лагаш 53—59, 61—63, 73, 86, 92
Ланка (Сычэнбу) 419, 428, 431, 449, 455
Ланьши 551
Лаодикея Фригийская 572
Ларса 78, 84—90, 92

Латинская Америка 7
Лахиш 135
Эль-Лахун 180
Ливан 110, 128, 154, 231, 260, 301, 371
Ливанские горы 119
Ливийское плоскогорье 147
Ливия 162, 174, 330
Лидия 249, 272, 286, 290—292, 301, 312, 325, 328—331, 491, 521, 574
Ликия 527, 552, 557, 566
Ликс 340, 341
Линтунь (Имдун) 488
Линьцзы 435, 444
Лион 568
Лисянь (Александрия?) 447
Литани 128
Лобнор 447
Лои 208
Лолан (Аннан) 488
Лондон 332
Лотхал 393
Лоян 192, 199, 444, 452, 453, 455, 456
Лу 208, 209, 210, 438,464, 465, 469, 471
Лувия 115, 118
Луксор 184
Луристан 262, 265, 267, 273, 274, 287, 289
Ляодун 486, 487
Ляоси 486
Ляохэ 446

Мавритания 573, 577
Магадха 411, 415—418, 425
Магнесия 518, 528, 535, 536
Мадай см. Мидия
Мад-и Атурпаткан см. Атропатена
Мадхьядеша 399, 400
Македония 295, 303, 305, 505, 506, 514—516, 518, 568
Македонское царство 507
Малака 341
Малаккский пролив 449
Малая Азия 27, 28, 39, 56, 58, 60, 84, 101, 106, 113—116, 118—120, 122, 125, 127, 129, 131, 132, 213, 219, 224, 231, 233, 235, 237, 259, 272, 286, 288, 291, 292, 296, 297, 300, 301—309, 312—318, 324, 327—330, 335, 336, 339, 490, 492—494, 505—507, 514, 516—520, 522, 526—529, 535—538, 541, 548, 552, 557, 558, 565, 567, 568, 572, 573, 576, 577, 608, 619
Малгиум 87
Малый Заб 233, 265
Мальян 274
Мамисон 324
Манбонхан 486
Манна (Страна маннев) 238, 265, 266, 268—273, 276, 284, 286, 288, 317, 320, 323, 327, 329—331
Маннейское царство 262
Маньчжурия 488
Мараканда (Самарканд) 510
Марат 507
Марафон (Марафонская равнина) 303
Маргиана (Маргу) 278, 279, 286, 292, 294
Мари 84, 88, 89, 92, 131, 132
Матхура 420, 432
Маурьев государство 390, 412, 432
Мегиддо (Телль-эль-Мутеселлим) 135, 355, 375, 376, 383
Мединет-Абу 183
Мелаха (Мелухха) 53, 59, 62, 109
Мелид (Мелитена, Малатья) 312, 316, 330, 331
Мелита (Мальта) 341
Мелитена 238, 312, 316, 317, 319, 320, 326, 328—330, 531, 536; см. также «Дом Тогармы»
Мелос 340
Мемфис (Мен-нефер, Хет-ка-Птах) 151, 155, 156, 164, 167, 177, 238, 293, 294, 297, 302, 305, 307, 340, 381, 387, 559
Мендес 176—177
Мерв 278, 286
Меренд 269
Меридово озеро 298
Мертвое море 128, 140, 141
Месопотамия 8, 21, 24, 29, 34, 46, 49, 57, 62, 65, 69, 78, 79, 81—86, 88—93, 95, 99—101, 106, 110, 116, 129, 131, 139, 140, 149, 220, 230, 233, 235, 237, 239, 240, 244—247, 249, 251, 259, 261, 272, 335, 392, 394—397, 490, 515, 517, 518, 535, 537, 543—547, 565, 584, 585, 619, 622; см. также Двуречье
Мецамор 101
Миандоаб 268
Мидийское царство 261, 262, 263, 276, 286, 287, 290—291, 296
Мидия 213, 238, 240, 247—250, 264—268, 270, 272, 273, 275, 276, 278, 282, 285—287, 290, 291, 294, 295, 330, 331, 508, 509, 515, 518, 532, 534, 544
Микале 305
Милаванда 120; см. также Милет

Миласа 522, *526*
Милет 292, 302, 303, 329, 506, *552*, *557*, *567*, *572*
Миньцзян 433
Миньюэ 449
Миси 271
Митанни (Ханигальбат, Нахарина, Нахрайна) 39, 84, 100, 103—108, 117, 119, 125, 133, 135—137, 217, 221, 376, 377
Михрдаткерт 544, *546*; см. также Ниса
Моав 362
Монголия 428
Москва 622
Мотия 341, 347
Мохенджо-Даро 392—394, *596*
Мраморное море 324, *506*
Муй 203
Мурат см. Арацани
Мургаб 278
Муцацир 236, 237, 318, 319, 323—324, 327
Мцхета 493, *531*, *532*, *538*, *540*

Навкратис *557*
Нагорный Карабах 324
Назарет 610
Наири 109, 110, 318, 319
Накш-и Рустам 309
Намвьет (Наньюэ) 441, 449
Напата 387
Натуф 129
Нахрайна (Митанни) 374
Негев 492
Непал 412
Неса см. Каниш
Нигерия 47
Нижнее Двуречье см. Нижняя Месопотамия
Нижний Египет 38, 150, *155*, 157, 161, 173, *559*
Нижняя Месопотамия 38, 39, 45—49, *53—55*, *57*, *58*, 60, 62, 63, 65, 66, 69—72, 76, 78, 83, 87, 90, 100, 101, 131, 134, 217, 220, 221, *225*, 316, 371
Нил 8, 30, 38, 147—151, 154, 162, 169, 173, 174, 178, 181, 183, 184, 190, 195, 238, 301, 371, 374, 377, 380, 616
Нильская долина 148, 149, 154, 159, *508*
Нильская Эфиопия см. Куш
Ниневия 72, 106, 236—238, 240, 247, *275*, 286, 363
Ниппур 48, 51, *58*, 61, 64, 66, 69, 73, 74, 78, 84, *85*, 87, 93, 101, 247, 250, 253, 298, 493, 619
Ниса 544, 546, *549*; см. также Михрдаткерт
Новоассирийская империя 221, 230, 362
Нововавилонское государство 249, 262, 286, *335*, 362, 363
Новохеттское царство 124, 127
Нора 341
Нубия 152, *155*, 163, 169, 173, 294, 302, 371, 373, 374, 376, 383, 384, *554*, 608
Нумидия 349

Окс см. Амударья
Олимпия 619
Ольба 493, 498
Опис 292
Ордос 446
Орисса 418, 419
Оронт (аль-Аси) 104, 128, 132, 135, 231, *375*, *524*, *557*
Орхон 445
Офир 332, 333, *355*

Пакистан 61, 392, *549*
Пактол 316, *325*
Пала 115
Палестина 28, 104, 127—130, 132—136, 138—142, 174, 217, 229, *235*, 236, 247, 332, 337, 351—354, 357, 358—360, 363, 364, 367, 368, 371, 373—375, 382—384, 387, 388, 490—500, 508, 516, 518, 522, *555*, *557*, *562—564*, *567*, *572*, *573*, *599*, 608, 609, 612
Пальмира 110, 128, *571*, *576*, *577*
Памфилия *566*
Панамары 607
Панну 519
Панорм 341
Пантикапей (Керчь) *566*
Паньлунчэн 195
Парапотамия 546
Парга 295
Парсуа (Парсу[м]аш, Парсава, Парс, Персида, Персия) 265, 266, 268, 269, 273, 284, 290, 509, *545*, *548*
Парсу[м]аш (Парсамаш, Парсава) (элам.) 265, 273
Парфия (Партава) 264, 278, 279, 291, 294, 295, 447, 509, 518, 521, *527*, *529*, *538*, *539*, *541*, *543*, *544—549*, *551*
Парфянское государство *536*, *543—548*, *551*
Пасаргады 274, 290, 301, 308, 309, 509
Паталипутра 413, 418, 425
Патару (Арсиноя Ликийская) *557*

Патиграбан 295
Паттала 511
Патуш'ара (Патишхвар) 270
Паххува 120
Пекин 196, 208
Пелопоннес 340
Пелусий 293, 307
Пенджаб 399, 415, 416
Пергам 518, 521, 569, 571
Пергамское царство 518, 519, 521, 528, 529
Передняя Азия 39, 45, 62, 103, 104, 109, 115, 128, 133, 134, 136, 213, 222, 225, 230, 232, 248, 262, 266, 270—273, 277, 287, 288, 315, 321, 326, 333, 354, 370, 371, 373—377, 382, 383, 385, 386, 388, 494, 499, 500, 504, 518, 522, 526, 528, 537, 586, 619
Перея 567
Пер-Рамсес 384
Персеполь 274, 290, 298, 299, 301, 304, 308, 309, 500, 509, 511
Персида 275, 491, 518, 547; см. также Парсуа
Персидская империя 6, 293, 296, 298, 302, 306, 308, 388, 518, 531, 622; см. также Ахеменидское государство
Персидский залив 45, 52, 56, 58, 92, 109, 231, 234, 237, 246, 249, 395, 512, 515
Персия 248, 249, 290, 291, 294, 295, 299—301, 305—307, 309, 335, 337; см. также Парсуа
Пессинунт 498, 522
Пинчэн 446
Пиренейский полуостров 341, 342, 344, 349
Пиринд 330
Питиунт (Пицунда) 531
Платеи 304, 305
Поволжье 214
Поднебесная (Тянься) 208, 209, 212, 438, 444, 470, 474; см. также Китай
Полинезия 40
Понт 316, 317, 327, 330, 531, 533, 535—538, 541, 566, 609
Порт-Саид 293
Португалия 6
Поти см. Фасис
Поянху 195
Приаралье 278
Приена 329
Прикаспий 278, 288
Прикубанье 531
Приморье 100, 236, 238, 240
Причерноморье 276, 316, 324, 530
Пруса 569
Птолемаида 552, 557
Пулуади 269
Пунт 162, 163, 169, 371, 375
Пурусханда см. Бурушхатум
Пхэйшуй (Пхэсу, Пхесу) 449, 487
Пэкчэ 488

Раббат-Аммон (Филадельфия, Амман) 557—558
Рага (Рага, Раги, Рей) 278, 282, 295
Раджагриха 411
Рамат Рахел см. Бейт-Хакерем
Рандея 539
Рафия 518, 559
Ретену 174
Рим (Римская империя) 24, 223, 344, 348—350, 399, 418—420, 455, 480, 518, 528, 529, 536—539, 545, 547, 548, 556, 559—562, 564, 566, 567, 570, 574, 581, 582, 585, 620—622
Риони 316, 530, 534
Родос 119, 339, 528
Рупар 393

Саис 293, 309, 387, 388
Саккара 161, 162
Саламин 304, 305, 335
Самария 235, 359, 360
Самария, пров. 490, 497, 498, 562
Самарра 274
Самерина 362, 495
Сангарий (Сакарья) 324
Санкт-Петербург 377
Санчи 431
Сапарда 270, 285
Сарасвати (Гхаггар) 400
Сардиния 334, 340, 341, 343—345, 348, 371
Сарды 291, 292, 302, 306, 329, 491, 519, 571
Саттагидия 292, 294
Сахара 143, 148
Себастия 566
Севан 320, 324
Северная Америка 7
Северная Африка 6, 7, 27—29, 47, 143, 148
Северная Индия 21, 395, 620
Северная Корея 449
Северная Месопотамия 84, 100, 104, 110, 113, 115, 116, 119, 125, 132; см. также Верхняя Месопотамия
Северный Вьетнам 448, 449, 455

Северный Кавказ 214, *534*
Северный Китай 28, 192, 195, 196
Северо-Восточная Индия 412
Северо-Восточный Вьетнам 441
Северо-Западная Индия 392, 393, 395, 399
Северо-Западная Месопотамия 130
Секкез 271
Секси 341
Селевкидская держава *532*, *535*, *536*, *543*, *564*
Селевкия *524*, *543*, *545*, *548*
Сенаар см. Вавилония
Сенендедж *265*
Сераб 269
Сиань 195, 482
Сибирь 104, 199
Сидон 110, 137, 222, 238, 248, 306, 308, 332—338, 342, *507*
Силла 488
Силом (Телль-Сайлун) 352, 354
Синайская пустыня *502*
Синайский полуостров (Синай) 129, 133, 141, 146, 154, *155*, 162, 163, 169, *175*, 383, *385*
Синд 393
Синдху см. Инд
Синопа 316
Синьцзян 199
Сиппар 78, 101, 109, 231, 248, 250, 251, 292, 497
Сиракузы 344, 347
Сирийская степь (Сирийская полупустыня, Сирийско-Аравийская полупустыня *45*, *65*, 128, *235*
Сирия 28, 29, 39, *56*, 60, 61, 103, 104, 106, 113, 116, 117, 119, 125, 127—139, 143, 146, 174, *175*, 189, 213, 217, 230—236, 243, 247, 259, 260, 268, 270, 296—298, 300, 301, *305*, 306, 308, 316, 323, 326, 363, 371, 374, 376, 382, 383, 388, *455*, 490, 493, 499, *506*, *507*, *515*, *516*, *518*, *520*, *528*, *536*, *537*, *545*, *552*, *557*, *565*, *566*, *569*, *572*, *573*, *575*, *576*, 608, 612
Систан 278, 279; см. также Дрангиана
Сиут см. Асьют
Сихем (Телль-Балата) 352, 356, 357
Сицзян 194, 449
Сицилия 334, 339—341, 343—345, 347, 348
Скифское царство 272, 273, 330
Смирна *567*
Согдиана 278, 292, 301, *509*, *510*
Соленое озеро 113
Солунт 341
Сомали 162
Сонги 487
Софена (Цупа, Цопк) *528*, *533*—*536*, *540*
Спарта 9, *225*—227, 291, 292, 303—305, *566*, *619*
Средиземное море *56*, *58*, 109, 116, 117, 128, 132, 135, 137, *224*, 231, 232, 235, 300, 327, 332, 376
Средиземноморье *5*, 39, 128—130, 133—136, 145, 166, 169, 174, 219, 332, 334, 336, 339, 342—347, 412, 420, 447, 448, *515*, *517*, *518*, *527*, *529*, *548*, *552*, *566*, *567*, 606, 609
Срединное государство см. Хань
Среднеазиатское Междуречье 446
Среднекитайская равнина см. Центральная равнина
Средний Восток 448
Средняя Азия 213, 229, 261—263, *275*—279, 286, 294, 298, 428, 439, 446, 447, *510*, *515*, *537*, *549*, *551*, 620
Средняя Месопотамия 129
Стахр *548*
Столпы Геракла (Гибралтарский пролив) 340, 341, 344, 345
Страна маннеев см. Манна
Стратоникея *522*, *529*, *570*
Сугда см. Согдиана
Судан 147, *152*, *615*
Сузиана *275*, *523*
Сузы 101, 102, 240, 274, 297, 301, 304, *305*, 308—310, *500*, *509*, *511*
Сулдуз *265*
Сулеймания *265*
Сульх 341
Сун 210, 469, 471, 473
Сурамский перевал *538*
Суэц 301
Сырдарья (Яксарт, Ахшарта) 31, 278, 279, 292, 446, *510*
Сычуань 194, 436, 440, 449, 480, 484
Сюаньту (Хёнтхо) 488
Сяньян (Сиань) 440
Сяотунь 196

Табал *235*, *237*, *325*, 330
Тавр Малоазийский 128, 313, 315, 324—326
Тавр Понтийский 316, 327, 329
Тадмор см. Пальмира
Таксила 413, 415, 416, 418, 420
Тана 147

Танганьика 47
Танис 385, 387
Тарим 446, 448
Таррос 341
Тарс 569, 612
Тартесс (Таршиш, Тартесийская держава) 315, 332—334, 341, 344
Таш-тепе 268
Тбилиси 531
Тебриз 269
Тебтюнис 555
Тегеран 278
Тейма 248, 249
Тейшебаини 321, 328
Телль-Аграб 395
Телль-Амарна 135
Телль-Асмар 395
Телль-Балата см. Сихем
Телль-Брак 113
Телль-эль-Джурн см. Эйнгеди
Телль-эд-Дувейр см. Дебир
Телль-эль-Кеда см. Хацор
Телль-Мардих 131
Телль-эль-Мутеселлим см. Мегиддо
Телль-Сайлун см. Силом
Телль-эль-Фуль см. Гивеа
Телль-Халейфа см. Эцион-Гебер
Телль-эль-Хусн см. Бейт-Шеан
Тельмесса 557
Тепе-Яхья 395
Терка 92
Тибет 390, 428
Тибетское нагорье 447
Тигр 31, 38, 45, 47, 48, 53, 57, 63, 65, 69, 74, 78, 88, 92, 100, 101, 104, 108, 129, 132, 195, 222, 230, 246, 292, 294, 295, 301, 313, 328, 508, 524, 528, 543, 548, 616, 619
Тигранакерт 537
Тинис 153
Типия 118
Тир 222, 248, 308, 332—339, 342, 345, 507, 508, 515, 572
Тиро-Сидонское государство 333, 334
Тирская держава 332, 337, 342, 355
Томбос 374
Тордан 493
Тосканос 341
Трапезунт 316
Трипарадейс 516, 534
Триполис 336, 571
Тропическая Африка 6, 7, 147
Троя 118, 120, 143, 505; см. также Илион
Туркмения 28, 276, 395, 510, 543
Турхумит 114
Турция 104, 113, 128, 130, 316, 321
Тушпа (Ван) 235, 318, 319, 323, 327

У 209, 210, 211
Угарит 120, 130—132, 135, 137, 138, 143, 145, 146, 332
Уджаяни 413, 415, 416, 420
Уишдиш 271
Украина 214
Улху 269
Умма 54, 55, 73, 86
Уплисцихе 493
Ур 49, 52—55, 59, 62—66, 72—74, 78, 82—86, 88—93, 130, 225, 249, 251, 395
Ураказабарна 270
Урал 276
Урарту (Урартское царство) 213, 232—238, 262, 268—273, 276, 284, 286, 288, 312, 316—331, 531, 532, 540, 542
Урмия 104, 130, 233, 265—269, 272, 276, 317, 319—321, 329, 534
Урук (Варка) 48—51, 54, 62, 70, 73, 74, 78, 84, 87, 88, 92, 247—251, 255, 260, 493, 497
Урша (Варсува) 116
Утик 536
Утика 340—342, 344, 345
Ухань 195
Учэн 202
Уяма 295

Файюм (Файюмский оазис) 168, 173, 174, 177
Фарс 274, 276, 289, 290; см. также Парсуа
Фасис (Поти) 316, 530, 531, 538
Фасос 339, 340
Фергана (Давань) 446—448, 551
Фермопилы 304
Фиваида 559, 560
Фивы (Уасет) 151, 173, 178, 184, 186, 302, 373, 375, 377, 379—382, 384, 387, 552, 619
Филадельфия см. Раббат-Аммон
Филадельфия 609
Финикия 103, 110, 128, 130, 131, 133—137, 141, 145, 146, 169, 217, 232, 238, 243, 248, 270, 296, 300, 316, 332—339, 342, 343, 347, 358, 492, 493, 507, 508, 515, 518, 536, 557, 562, 564, 572, 608

Фракия 295, 303, 305, 307, 330, 516, 518, 608
Франция 6
Фригия (Фригийское царство) 213, 312, 324—330, 506, 516, 518
Фуцзянь 449
Фэй 211

Хабур 92, 100, 231
Хайаса 118, 119, 312, 317
Хайтумант (Гильменд) 278, 279
Халеб 116, 117, 119, 132
Халкидский полуостров 303
Халуле 237, 274
Хамадан см. Экбатаны
Хамун см. Кансуйа
Ханаан 142, 367
Ханейское царство 100
«Дом Ханунии» (Хыныс) 330
Хань 192, 212, 418, 434, 438, 440, 443, 445—450, 452, 455—457, 459, 465, 467, 473, 478, 479, 482, 485
Ханьшуй 440
Хао 203
Харайва см. Арейа
Хараппа 392—397
Харахвати см. Арахосия
Харран 240, 241, 248, 538, 545, 571
Харран, обл. 247
Хартум 147
Хархар 265, 266, 270
Хасанлу 265, 266, 268, 321
Хасмонейское государство 565
Хатра 543, 548
Хаттуса 114—117, 120, 312; см. также Богазкёй
Хацар Асам 359
Хацор (Телль-эль-Кеда) 130, 131, 135, 142, 355
Хашшу (Хассува) 116
Хеврон 353, 354
Херонея 307, 505
Хет-ка-Птах см. Мемфис
Хеттское государство (Хатти) 39, 84, 101, 104, 107—109, 113, 115—122, 124, 127, 136, 137, 143, 213, 217, 221, 225, 312, 314—316, 377, 382, 383
Хинду 415
Хирбет Бейт-Леи 360
Хирбет-Мефджир см. Гилгал
Ходжент 510
Хорасан 264, 276, 279
Хорезм (Хваризам, Хорасмия) 278, 279, 292, 301
Хороз-тепе 113
Хуайхэ 195, 433
Хуанпи 195
Хуанхэ 192—198, 203, 208, 211, 433, 439, 440, 446, 452, 453, 459, 616
Хубэй 195
Хузистан 275
Хунань см. Дунтинху
Хурри см. Палестина
Хыныс см. «Дом Ханунии»
Хэбэй 192, 195, 211
Хэнань 192, 193, 195, 196, 198, 203, 440, 444, 480

Цальпа 114, 115
Цанхай (Чханхэ) 487
Цейлон см. Шри-Ланка
Центральная Азия 418, 419, 439, 447, 551
Центральная Африка 147, 154
Центральная равнина (Среднекитайская равнина) 193, 195, 198
Цере 344
Цзинь 210, 434, 455
Цзоу 465
Цзюй 210
Цзянси 195, 199, 202
Ци 210, 212, 433, 434, 440, 486
Цинцзян 199
Цинь 211, 212, 433—444, 472, 477, 487
Цумур (Симир) 334

Чанху-Даро 393
Чанъань 442, 444—448, 451—453, 480
Чаосянь (Чосон) 449, 450
Чару (Цилу) 375, 381, 383
Чатал-Хююк 28, 129
Черное море 110, 116, 118, 512, 530, 566
Чжао 212, 434, 440, 466
Чжоу Восточное 207, 208
Чжоу Западное 203, 205, 207
Чжуншань 211
Чжэн 210, 434, 467, 471
Чжэнчжоу 193, 196, 198, 199
Чжэцзян 449, 480
Чинаб см. Асикни
Чорох 312, 316, 317, 320, 530, 535
Чоррера 341
Чосон 486—489
Чу 209—212, 434, 437, 440, 442, 467, 471, 472, 477

Чэньфань (Чинбон) 488
Чэнду 194
Чэнчжоу 207
Чэнь 210

Шалахшува 114
Шан 197, 198, 201, 202, 207
Шаньдун (Шаньдунский полуостров) 195, 208, 440, 452
Шаньси 192
Шарон 492
Шаронская долина 335
Шарухен 374
Шатт-эль-Араб 45
Шефель 359
Шираз 60, 274
Шмуну 178
Шри-Ланка (Цейлон) 389—391, 411, 417, 427, 432, 615
Шу (Шу-Ба) 440, 449
Шубрия 328
Шумер 16, 31, 33, 34, 38, 45, 50, 55, 57, 63, 66, 70, 72—74, 84, 85, 87, 91, 93, 100, 109, 130, 132, 147, 217, 228, 246, 392, 622
Шуруппак 50
Шэньду см. Индия
Шэньси 203, 439, 440

Эбес 343
Эбла 14, 61, 129, 131, 132
Эгеида 332
Эгейский архипелаг 339, 527
Эгейское море 39, 292, 296, 306, 315, 326, 332, 340, 358, 505, 506, 568
Эгейское побережье 272
Эдом 562, 564
Эйнгеди (Эйн-Геди, Телль-эль-Джурн) 358, 492
Экбатаны (Хагматана, Хамадан) 262, 285, 286, 290, 292, 295, 297, 301, 308, 508, 512, 534, 536
Экрон 236
Элам 38, 49, 54, 58, 60—63, 65, 84, 85, 88, 100—102, 217, 223, 235—240, 246, 250, 259, 261, 263, 273—276, 288, 291, 294—297, 299, 301, 309, 393, 491
Элефантина 173, 176, 245, 491
Элиа Капитолина 574
Эллада 512
Эллипи 265, 266, 273, 274, 276
Эмеса 493
Эмпорик 341
Эран см. Иран
Эраншахр (государство Сасанидов) 264
Эребуни 320
Эрзурум 330
Эрлитоу 192, 193
Эрши 448
Эсна 176
Этрурия 40, 336, 343
Эфес 302, 567—569, 571, 572
Эфиопия 147, 152, 162, 238, 296, 330, 371, 376, 377, 386, 615
Эцион-Гебер (Телль-Халейфа) 332, 355, 358, 491
Эшнунна 84, 85, 87—89, 94, 95

Юго-Восточная Азия 194, 390, 420, 428
Южная Азия 389, 392, 400, 412, 449
Южная Аравия 146, 336, 358
Южная Индия 60, 455
Южная Корея 450
Южная Месопотамия 79, 100, 102, 129; см. также Нижняя Месопотамия
Южное Двуречье 87; см. также Южная Месопотамия, Нижняя Месопотамия
Южно-Китайское море 449
Южный Китай 27, 441, 448, 455
Юнчэн 439
Юэ 209, 210, 211

Яван см. Иония
Язылыкая 127
Яксарт см. Сырдарья
Ямуна (Джамна) 400, 415
Ямхад 117, 132, 133
Янцзы 194, 195, 199, 202, 206, 209, 210, 433, 444
Янь 211, 212, 434, 440, 486, 487
Япония 428, 455, 480
Японские острова 5
Яффа 189, 335

абешлайцы 110
авилум 81, 96
агарак 540
агора 550
адонай 144
айваны 548
аккадцы 129, 619
акрополь 550
алародии 531
алваны 534, 538, 539
алу 105
амелуту 103
аммонитяне 140, 351, 353, 362, 495
Амнанум 85,86, 88
амореи 65, 66, 81, 86, 87, 92, 101, 130, 136, 139, 141, 230, 619
амфиктионии 352
анахоресис 553
ануттара самъяксамбодхи 600
ануштубх 406
аншахрик 546
ападана 310
апастак (абаста[г]) 277
арамеи 101, 108, 110, 140, 230, 246, 248, 250, 302, 316, 332, 491, 619
аранья 403
араньяки 398, 425
арии 264, 275—277, 279, 281, 389, 390, 399, 401—403, 405, 406, 423, 424, 587
аркапат 546
арнувала см. нам-ра
Арта 280, 281, 283
артештаран 284
артха 597, 599
архат 605
архатство 600
архифилакит 559, 560
архос 546
арья 404
ассирийцы 101, 102, 108, 110, 215, 247, 253, 265, 268, 270, 273, 275, 290, 316, 319, 327—329, 342, 386
асура (ахура) 279, 280
атман (кит. во) 598, 605
атраван (асраван) 284
афиняне 302, 305
ах 496
ахейцы 119, 120, 143, 214
ахузза 360, 497
ашаг-эн (ниг-эн) 49, 53
ашвамедха 409, 417
аяс 402

ба (егип.) 179
ба (кит.) 211
ба'ал 144
ба гуа 463
бак (мн.ч. баку) 159, 170, 386
бактрийцы 264, 418
бали 404
бахтиары 264, 289
белуджи 264
белые ди 211
бен 496
берит 354
бет'аб 352
бет абот (бет-абот) 496—498, 563
бинцзя 471
биньюэ 453, 454, 457
битахш (питиахш) 546
бо 201
бодхи (кит. пути) 605
бодхисаттва (кит. пуса) 427, 428, 601, 605, 606
брахма 404
брахман 398, 400, 401, 404—409, 411, 413, 417, 421, 425, 426, 598
буддизм 281, 417, 418
буле 525
булевты 570
буцюй 454, 457
бхикшу 426

вабартум 114
вавилоняне 102, 237, 241, 243, 246, 247, 286, 294, 330, 363, 491, 495, 508, 524, 622
вазург 545

вайра 402
вайшья 404—406, 415, 421
ван 197, 200, 201, 203—209, 443, 486, 488
ванак 326
вангуны 199
вар 280
вардум 81, 96
варна 406, 415, 421
вастрьо-фшуйант 284
вастрьошан 284
вачах 281
веданта 398
Вениамин 141, 353
вифины 314
виш 405
во см. атман

гадер 498
галаты (кельты) 518, 529
гарда 494
Гаты 277, 278, 280—283, 587, 589
гевлы 540
гелиополиты 529
гелы 264
гер 360
герусия 562
гетайры 505, 508, 509
гибборим 354
гиксосы 133, 134, 372—374
гилянцы 264
гирканцы 521
го 204
гожэнь 210
гошаны 549
грама 403
грамани 403
греки 151, 216, 259, 277, 292, 302, 304, 307, 314, 325, 326, 335, 338, 343, 344, 347, 399, 505—507, 515, 521, 524, 526, 548, 549, 552, 553, 555, 597, 619, 622
гуйшуан см. кушаны
гунны 399, 551; см. также сюнну
гунтянь 206
гунчэнь 199, 201
гунши 443
гуру 408
гуруш 63—65, 72
гутии см. кутии

дакшина 408
дао 463, 467, 469, 470, 474, 475, 604
даса см. дасью
даса 403, 405
дастакерт 540, 546
дасью 400
дахи 544
дахью 284, 285
да чэн 605
даэва 588
дваждырожденные 407, 408
девара 402
декурион 576
дерех 594
джада 600
джатака 411
джет 159, 170
ди 208
диадохи 514, 562
диданы 140
дизпат 546
димту 105
дин 193
диойкет 553, 555, 557
дичэнь 199
догун 199
дочэнь 200
дулос 227
дулосюнэ 227
дунну 107
дхарма 425, 426, 429
дэ 467
дэва (дайва, див) 279, 280, 424
дэвата 424
дянькэ 454, 457

египтяне 130, 131, 142, 155, 216, 294, 307, 371, 375, 376, 386, 491, 552, 553, 555, 557, 558, 573, 577
егун 488
ессеи 609

жун 208
жуцзя 602
жу цзяо 602
жэнь 465, 471, 603
жэньчжи 465

закку 242
заку 242
занд (зенд) 277
зелоты 573
зиккурат 71, 78
зороастризм 277, 281, 282, 309

и 197, 208, 209
ибри (иври) 140
иверы 539
иврит 142
Идамарац 88, 92
иевуситы 142
иеродулы 497, *542*, *556*, *557*
иерой 497
иккару 497
илоты 24, 37, 227
ильку 138
индоарии см. арии
индоиранцы 214, 261, 317, 491, *512*
индуизм 428
инь 463, 482
инь-ци 464
ионийцы 250
исаврийцы *577*
итихаса 398
Иуда 141, 353—356, 361, 362, *365*, 497
иудеи 250, 302, 491, *495*, *500*, *524*, *537*, *557*, *574*, *589*, *612*
'иш 361
ишикэ 454
ишшиакку (энси) 106, 109

йога *597*, *599*

ка 156, 179
кайвалья 600
кайшу 480
калебиты (кеназиты) 141
кардухи 490, *534*
карийцы 302, 491, *526*
карма (кит. е) *425*, *426*, *598*, *605*, *606*
кармании (керманцы) 264, 276
карум 97, 114
карфагеняне 344, 348—350
каски 118
касситы 78, 89, 92, 100, 101, 104, 139, 267, *512*
каста 407
катеки *521*, *529*
кахал 498
кашкайцы 264
кельты 277, *555*
кена'анит 142
киликийцы 250
киммерийцы *235*, 238, 272, 285, 288, 314, 324, 326—328, 330
киприоты 302
киртии (кюртии) 264, 288, 289
китайцы 446, *455*, 483
киттум 583
клер 521
клерухи *555*, *556*, *559*
колено (матте, шебет) 352—354, 356, 357, 361, 362, *365*, 367
колоны *575*, *576*
колхи 300, *531*
кома *553*
комарх *553*, *555*, *576*
комархия *576*
кометы 519, *567*
композиция 99
корейцы 450, 486
Красные брови 452
красные ди 210
критяне 216
кудурру 102
Куру 398—400
куриал (декурион) *576*
курташ 299, 494
кутии (гутии) 61, 109, 267
кушаны (гуйшуан) *544*, *551*
кшатра 404
кшатрап см. сатрап
кшатрий 399, 404—406, 411, 417, 421, 429
кэ см. бинькэ
кюртии см. киртии

лавагет 326
лаой 519, *540*, *541*, *557*
Леви 361
левиты 143
ли 209, 210, 466, 602
ливийцы 143, 293, *345*, 347, 371, 383—385, 387, *526*
лидийцы (лидяне) 292, 314, 491
ликиарх *527*
ликийцы 120
лимму 106, 108, 231
линси 469
литургия *225*
личжэн 209
логос *585*, *596*
лувийцы *115*, 118, 312, 316, 322, *515*
лугаль 49—*51*, *54*, *55*, *57*; см. также шаррум
лугаль-гегемон 51
лу-кар 132
лулубеи 267
луры 264, 289
луцци 123

маат 583
маги 282, 284, 286, 287, 548
магониды 345
маджаями 161
мазандеранцы 264
маздеизм 279
маиттанне (матианы, матиены) 104, 317
македоняне (македонцы) 307, 308, 415, 505, 507, 508, 512, 515, 521, 524, 549, 552, 555
маликум 131
Манассия 141, 142
манах 281
манихейство 281
маннеи (маннейцы) 233, 271, 285, 320
мань 208
марды 288, 289, 291
марзбан 547
мари 322
марианна 138
массагеты 292, 293, 510
мастаба 182
матар 402
матианы см. маиттанне
матиены 317, 531; см. также маиттанне
матте см. колено
махаврата 406
махаяна 428
мегрелы 530
мелитеняне 330
мессия 592
метеки 570
метрокомии 573
мидианитяне 140
мидийцы (мидяне) 233, 235, 240, 241, 244, 248, 264, 272, 273, 275, 277, 282, 285—287, 292, 301, 302, 330
мин 606
мисийцы 521
мисы 313, 314
митаннийцы 108, 111, 119, 214
митраизм 548
мишарум 583
мишпаха 352
моавитяне 140, 351, 353, 362
мокша 601
молк (молх) 144
мосхи 314, 530; см. также халды
мунда 390
Мусейон 558
Мутиябаль 86—87
мушкенум 81, 96
мушки 530
мяо 209

наби 143
назареи 610
найяалу 138
нам-ра (арнувала) 124
«народы моря» 120, 139, 142, 213, 314, 337, 384, 385
наси 352, 497
нахала 360, 497
нахвадар (ноходар) 546
нгеме 63, 64
немху 378, 381, 382, 386
неприкасаемые 407
неситы 115
ниг-эн см. ашаг-эн
нирвана 425—427, 599, 600, 605
нисутиу 160
ном 16, 34, 150, 155, 553
номарх 372, 373
ну 210
нучаньцзы 210

оугэн 201

пакса 488
палайцы 115
панку 117
Панчала 399, 400
папа 404
папияс 404
пара-дайза 589
пареки 524, 567
парны (дахи) 544, 546
парсы 277, 281
парфяне 264, 276, 418, 480, 528, 539, 543
пасаргады 290
пеласги 143, 314; см. также филистимляне
пер джет 156
пер-'о 160
персы 237, 250, 264, 265, 274, 275, 277, 282, 285, 290, 291, 295, 299—303, 305, 307, 335, 336, 338, 388, 505—509, 512, 515, 518, 521, 552, 577, 617, 619, 620, 622
пеха 490, 491, 497, 498
пильку 138
писидиец 526
питар 402
полис 24, 225, 226, 347, 350
политевма 524, 557

праджа 405
прокуратор 567
проскинесис 511
протоармяне 110, 143, 314, 316, 322
протогрузинские племена 314, 319, 322
прототигрийцы 619
протохетты 115
пу 210, 604
пураны 399, 419, 428, 429
пурохита 408, 409

раджа 403, 408—410
ратайштар 284
ратнины 409
римляне 277, 350, 518, 539, 567, 570, 571, 573, 574, 577, 622
риши 407, 597
рош 496
рубату 114
рубау 114

сабха 403
савроматы (сарматы) 534, 539
сагартии 288
саки 279, 292, 294, 301, 418, 419, 491, 510
сакину 138
сакия 214
самаритяне 495
самхиты 397, 399—401
сан 488
сангха 410, 425—427
сансара (кит. лунь хуэй) 425, 598—600, 605
сан-чангун 488
саньлао 209
сань цзяо 606
саошьянт 589
сар 354, 496
сарматы см. савроматы
саспиры 531
сатрап (кшатрап) 296, 418
сатрапия 418
саххан 123
семдет 172
сиканы 347
сикулы 120
син 603
сингения 526, 527
синедрион 527
скифы 214, 215, 271, 272, 275, 279, 285, 288, 296, 314, 324, 328, 329, 612
согдийцы 510
сома 405, 423
сотер 556
спартанцы 303, 306
статеры 527
стратег 519, 521, 546, 560, 564
ступа 426
су 604
сутии 136, 139, 246
суфет 346, 350
сы 447
сы и 210
Сынань 478
сытянь 206
сюнну (сюн-ну) 440, 445—447, 450, 455, 551; см. также гунны
сю цзи 603
сюшэнь 603
сянь 604
сяо 603
сяоминь 465
сяочэни 200

табарна 117, 125
тавананна 125
Тайпиндао 460, 461, 484
тайцзи 463
талион 94, 98, 99, 580
тамкар 46, 54, 64, 97, 259
таохи 317, 490, 530
тартессии 342
теодицея 579, 580
терафим 144
тетрадрахма 527
тирийцы 338
тохары см. юэчжи
треры 314, 326, 328, 330
тунли 454
туньтянь 454
тхеравада (хинаяна) 411, 428, 430
тэбу 488
тэсин 488
тэ-чангун 488
Тянь 465
Тяньмин 208, 465, 482
Тяньцзы 436, 465
тянь ши дао 605

увэй (у вэй) 467, 604
угаритяне 138, 143
укуллу 106
унушше 138
упанишады 398

урарты 104, 108, 235, 268, 269, 295, 313, 314, 316, 318—320, 322, 530, 531, 541
уруатри 108
уру-бар 131
урурда 322
у син 464
усуни 447
уцзу 469

фа 473
фан 197, 201
фарисеи 565, 589, 610
фацзя 434, 438, 439, 473, 477
фикх 582
фила 526
филакиты 560
филистимляне (пеласги) 120, 143, 213, 332, 353, 385
финикийцы (финикияне) 130, 131, 134, 216, 302, 316, 334, 336, 342, 526
фракийцы 314, 505, 526, 555
фратарак 547
фригийцы 313, 314, 325, 515, 526, 530
фу 477
фулао 209, 443

хабалки 530
хазанну 107
хазарапат 297
халдеи 102, 109, 110, 230, 234—238, 246, 250, 254, 273, 274
халды (халибы, мосхи) 213, 314, 316, 328, 530, 532
ханаанеи 141, 142, 144, 145, 352, 356, 617
ханеи 92
хапиру 103, 133, 136, 137, 226, 382
хассу 125
хатты (протохетты) 115, 116
хацер 358
ха-чангун 488
хеб-сед 181
хемуу нисут 169
хетто-лувийцы 127, 314
хетты 92, 100, 108, 111, 116—119, 121, 122, 124, 125, 127, 136, 137, 141, 214, 217, 227, 314, 322, 371, 382
хинаяна 428; см. также тхеравада
хора 344, 345, 542
хорезмийцы 302, 491
хоу 201, 204
христианство 281
ху (кит. хоу) 486
хуай-и 206
хуанди 440
хуася 210, 211, 442
Худин 207
хуньдунь 469
хурриты 100, 104, 105, 108, 116, 117, 119, 132—134, 139, 141, 230, 267, 312, 314, 317, 318, 322, 531, 541, 619
хути (хутухшан) 284

церетане 344
цзин 468
цзинтянь 206, 452
цзичжу 206
цзу 205
цзы жань 604
цзюйцзюэ 469
цзюньтянь 455
цзюньцзы (цзюнь-цзы) 465, 603
цзюэ 192
цзяньань 481
ци 464, 468, 469, 483, 604
цинтай 469
цяны 201, 202, 447
цяньшоу (черноголовые) 441

чангун 488
чаны 530
чати 160, 385
черд 214
чжи го 603
чжоусцы 203, 208
чжуан 209
чжуйцзы 210
чжунго 208
чжунго жэнь 210, 483
чжунжэнь 200
чжухоу 204, 207
чжэн и дао 605
чэнь 200, 201

шадуф 214, 370
шакьи 412
шамаллу 97
шанжэнь 434
шанцы 202, 207, 208
шаньюй 445, 446
шаррум 131; см. также лугаль
шатамму 526
шах 547
шахрап 547
швашру 402

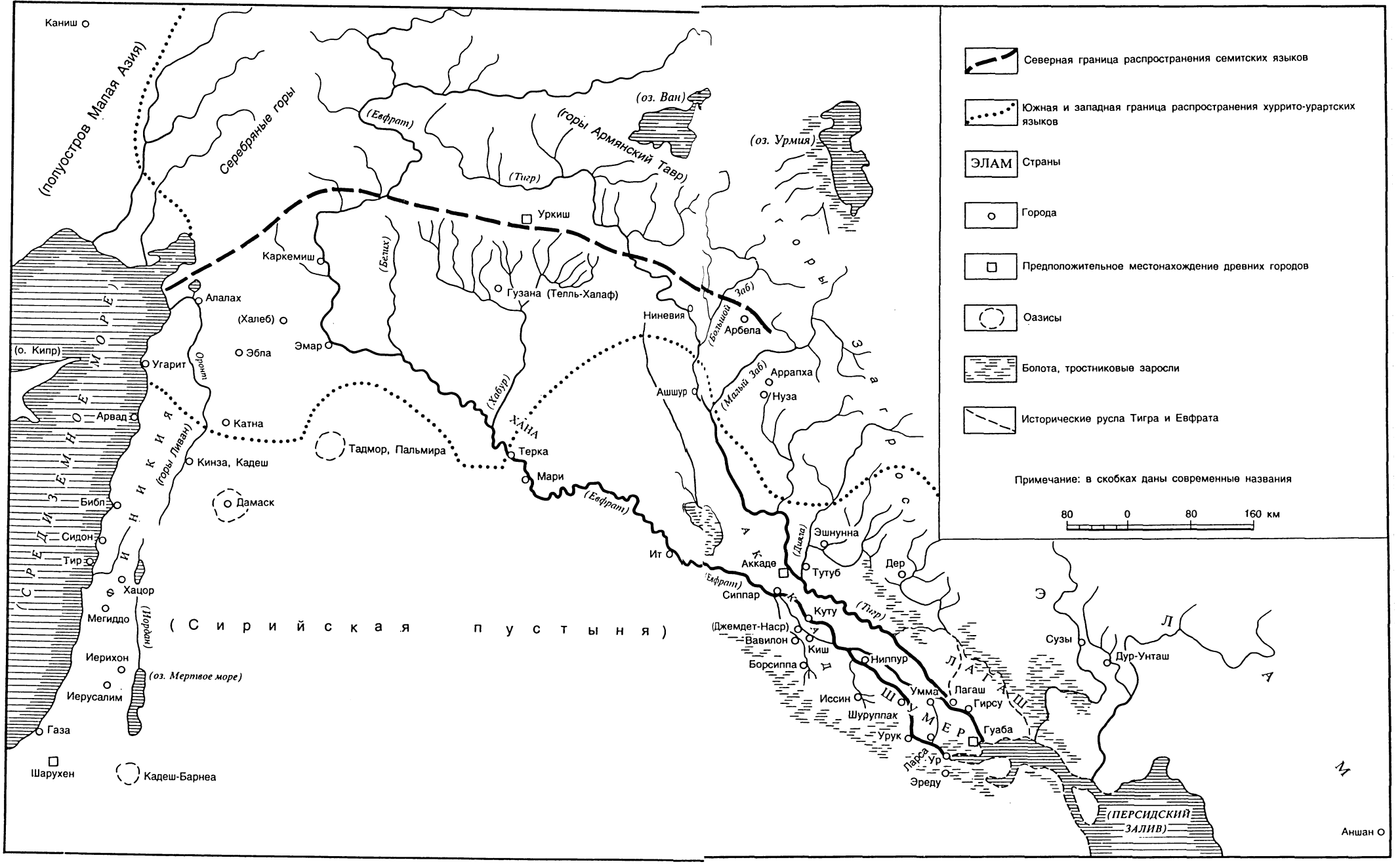
швашура 402
шебет см. колено
шекель 358
шерданы 371, 385
ши 205
ширку 497
шйаотна 281
шнау 169, 171
шофет (шопет) 143, 352
шреяс 404
шри 404
шубарейцы (хурриты) 109
шудра 405, 406, 421
шужэнь 209
шумеры 82, 216, 619
шурели 322
шэнь сянь 604

эбиониты 610
эври 105
эдомитяне (идумеи) 140, 351, 353, 362, 495
э-дуба 73—75
'эзрах 361
эконом 553, 555, 560
эламиты 101, 237, 246, 250, 267, 274, 299, 302, 620
элевтерия 227
элимы 347
эллинизм 21
эллины 292, 491, 562, 612
элохим 144
эль 144
эн (энту) 49, 51, 52, 59, 131
энси 49—51, 54, 55, 58, 59, 61, 64, 65, 106
эпистат 521, 523, 526
эретрийцы 302
эрребу 126
этнарх 564
этруски 120
эфиопы 300, 371, 386, 387

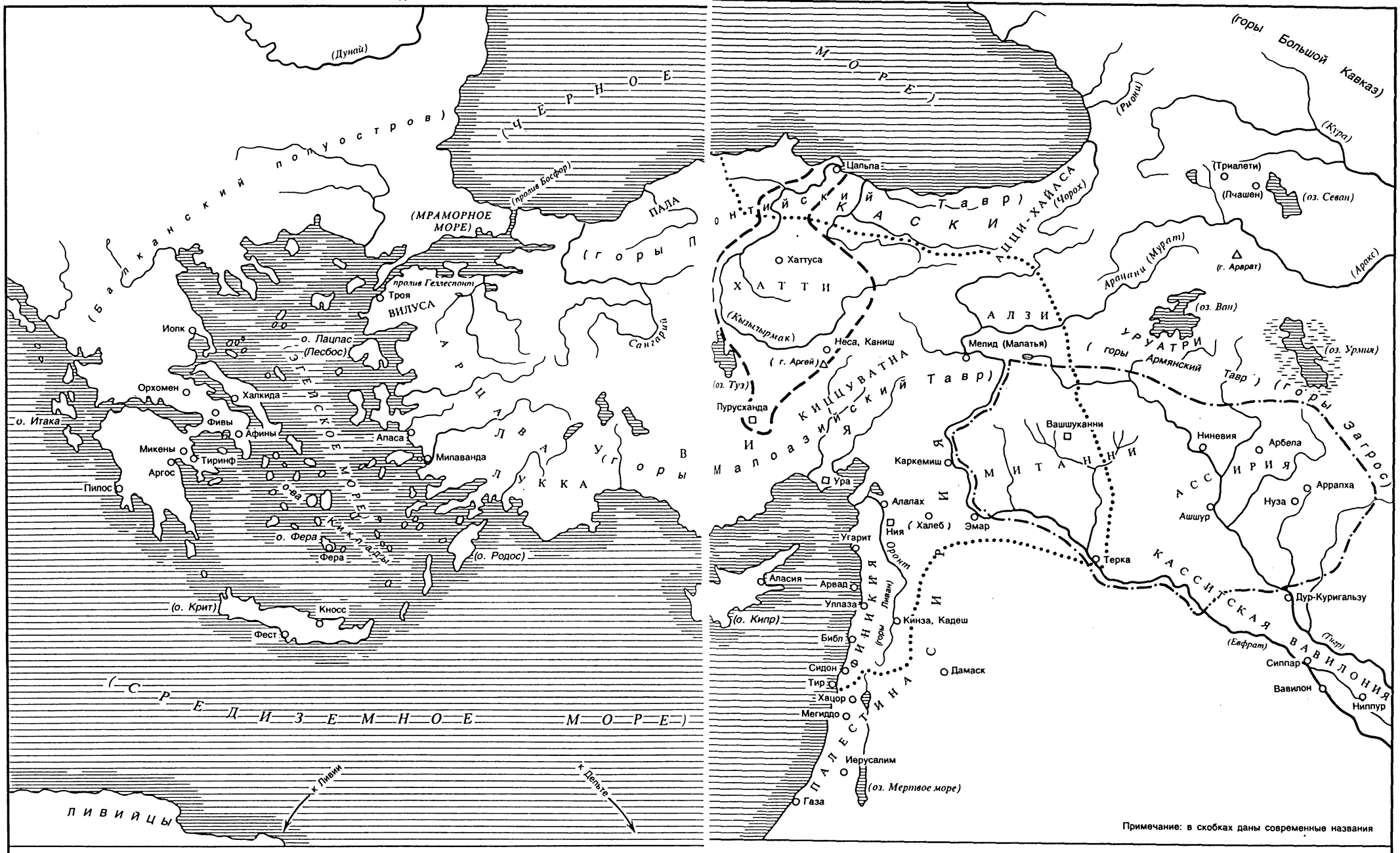
Юйгуй 207
юэ 449
Юэфу 481
юэчжи 446, 447, 449, 544, 551

я 200
ява 401
Ямутбала 87, 88, 92
ян 463, 482
ян-ци 464
яо 209

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ (III-II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э.)

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЭГЕЙСКИЙ МИР ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до х.э.

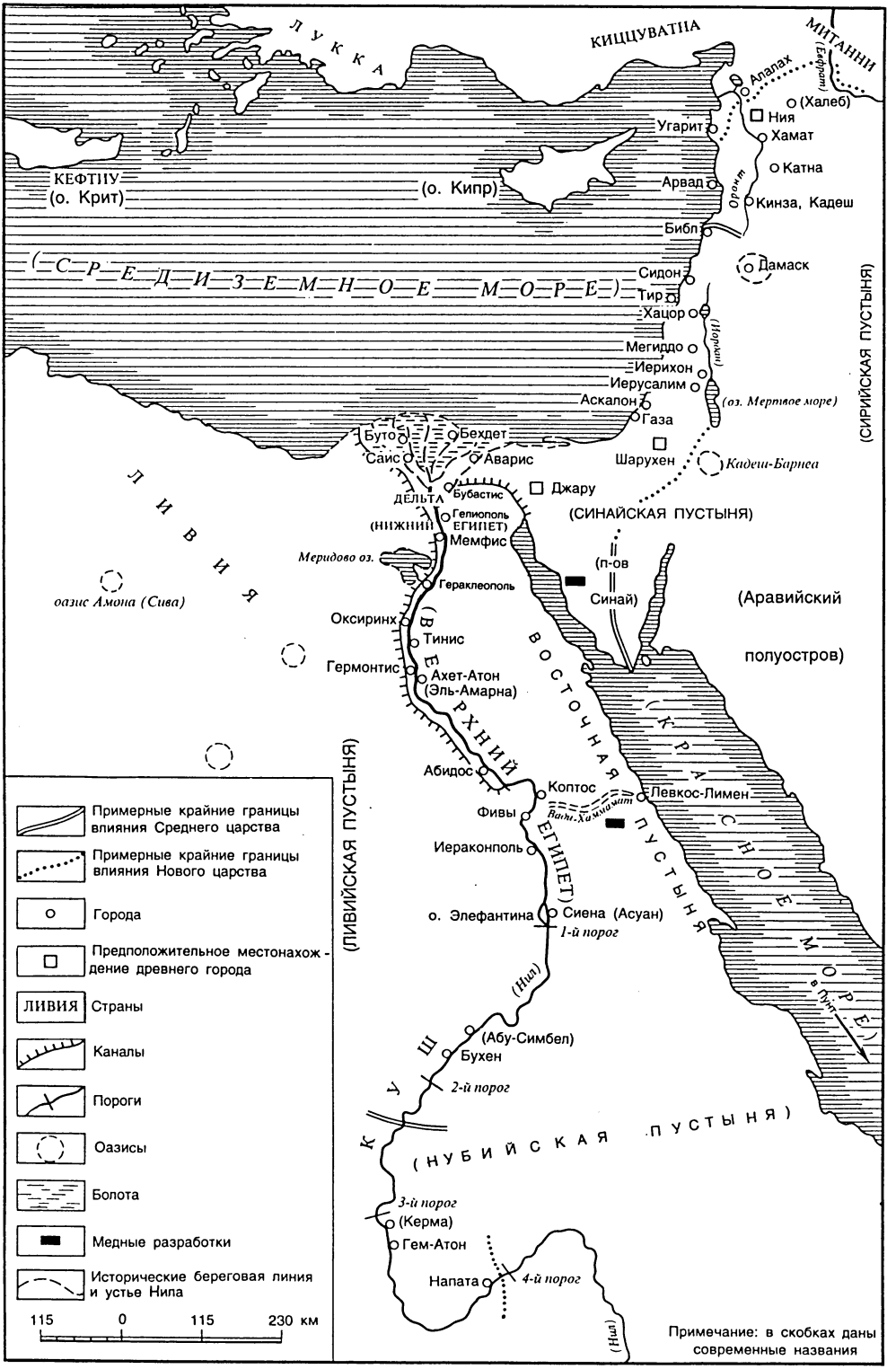

Примечание: в скобках даны современные названия

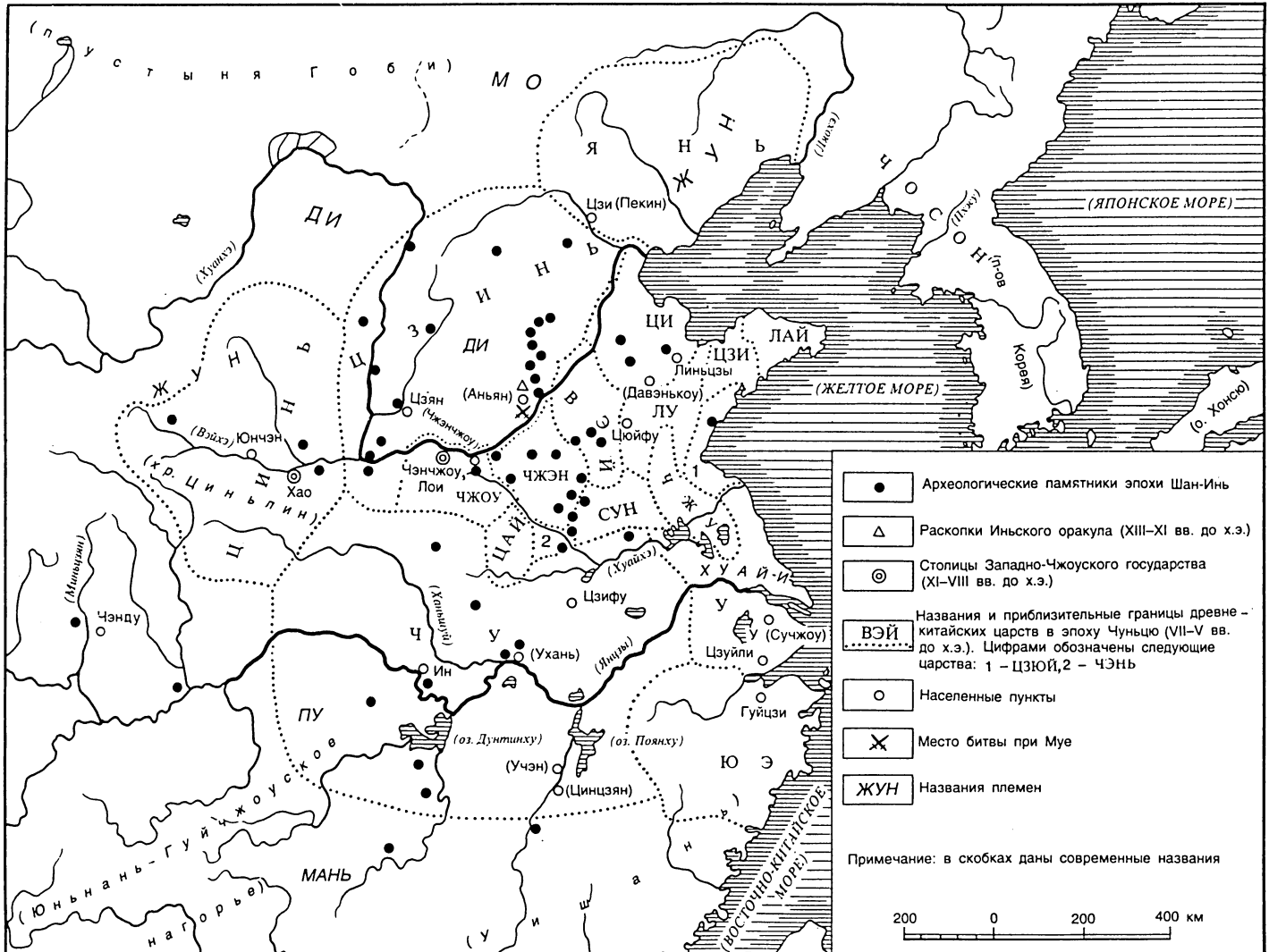
- Города
- Предположительное местонахождение древних городов
- СИРИЯ — Страны
- КАСКИ — Племена
- Примерные границы первоначального Царства хеттов
- Примерные границы наибольшего распространения на запад влияния хеттов к началу XIII в. до х.э.
- Ассирия в XIII в. до х.э.
- Вершины гор
- Болота и тростниковые заросли

95 0 95 190 км

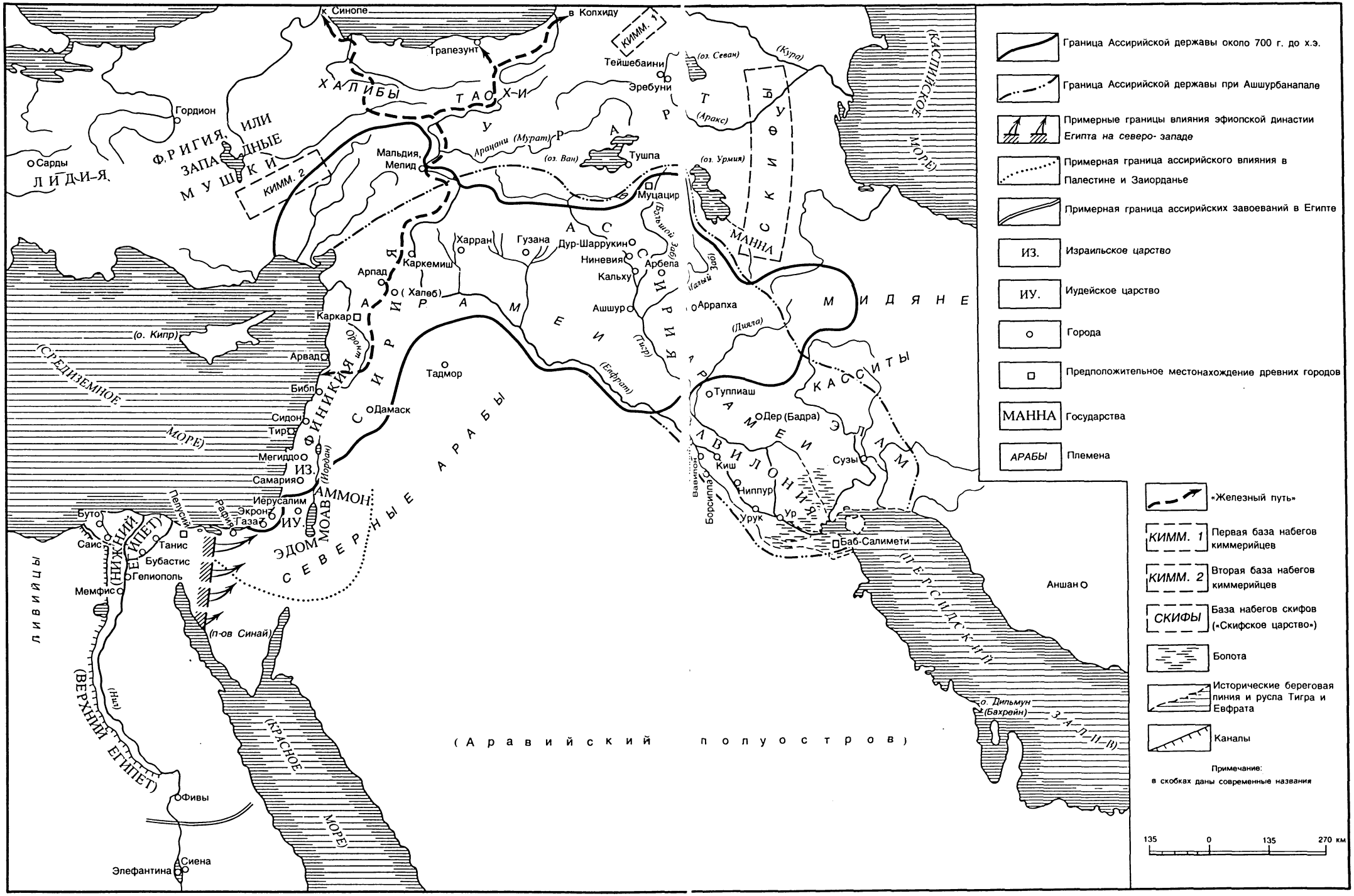
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

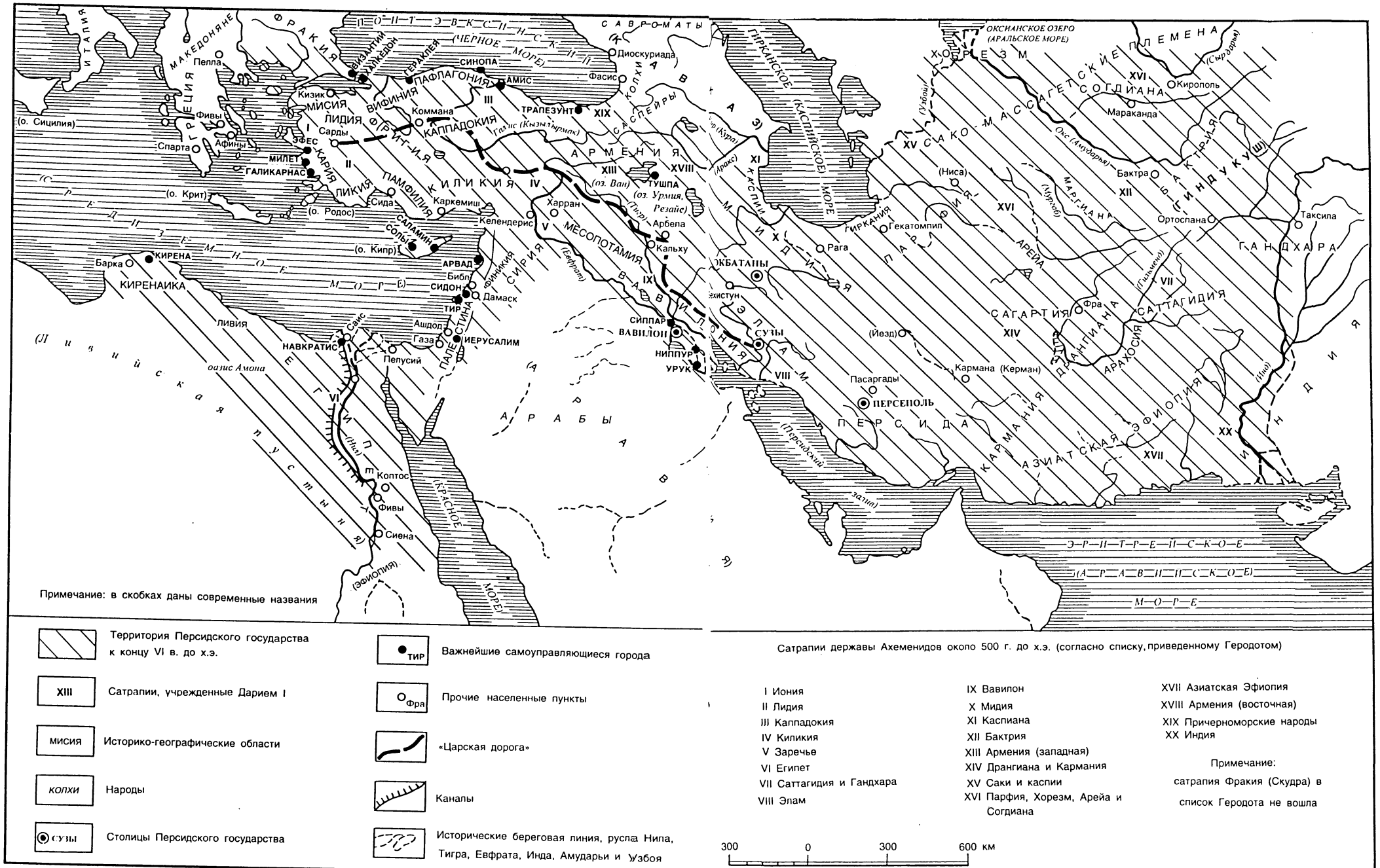
ДРЕВНИЙ КИТАЙ ВО II — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до х.э.

АССИРИЙСКАЯ ДЕРЖАВА В VIII–VII вв. до х.э.

ДЕРЖАВА АХЕМЕНИДОВ

Примечание: в скобках даны современные названия

Территория Персидского государства к концу VI в. до х.э.

XIII Сатрапии, учрежденные Дарием I

мисия Историко-географические области

колхи Народы

Сузы Столицы Персидского государства

ТИР Важнейшие самоуправляющиеся города

Фра Прочие населенные пункты

«Царская дорога»

Каналы

Исторические береговая линия, русла Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Амударьи и Узбоя

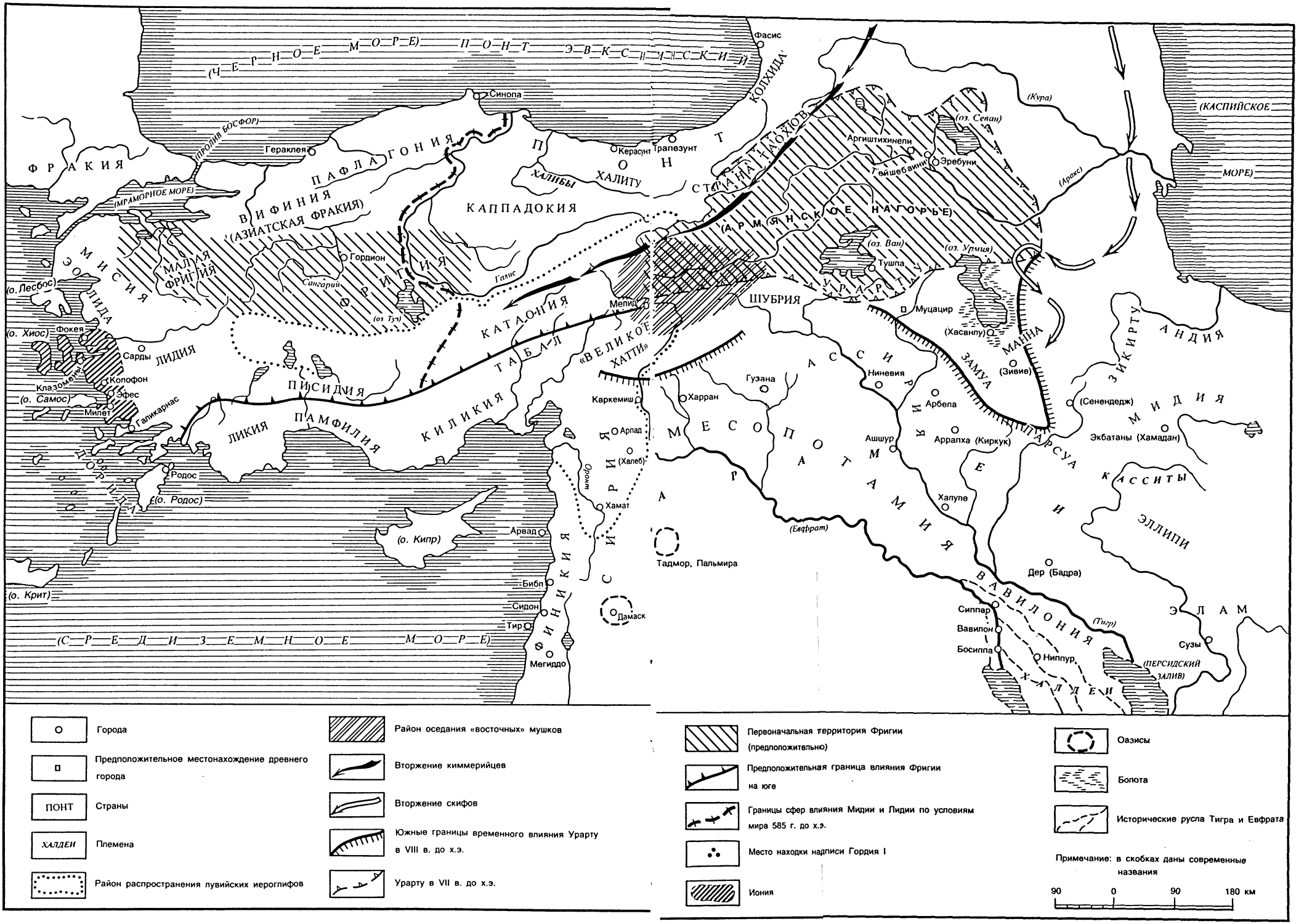
Сатрапии державы Ахеменидов около 500 г. до х.э. (согласно списку, приведенному Геродотом)

I Иония
II Лидия
III Каппадокия
IV Киликия
V Заречье
VI Египет
VII Саттагидия и Гандхара
VIII Элам
IX Вавилон
X Мидия
XI Каспиана
XII Бактрия
XIII Армения (западная)
XIV Дрангиана и Кармания
XV Саки и каспии
XVI Парфия, Хорезм, Арейа и Согдиана
XVII Азиатская Эфиопия
XVIII Армения (восточная)
XIX Причерноморские народы
XX Индия

Примечание:
сатрапия Фракия (Скудра) в список Геродота не вошла

300 0 300 600 км

УРАРТУ, ФРИГИЯ, ЛИДИЯ

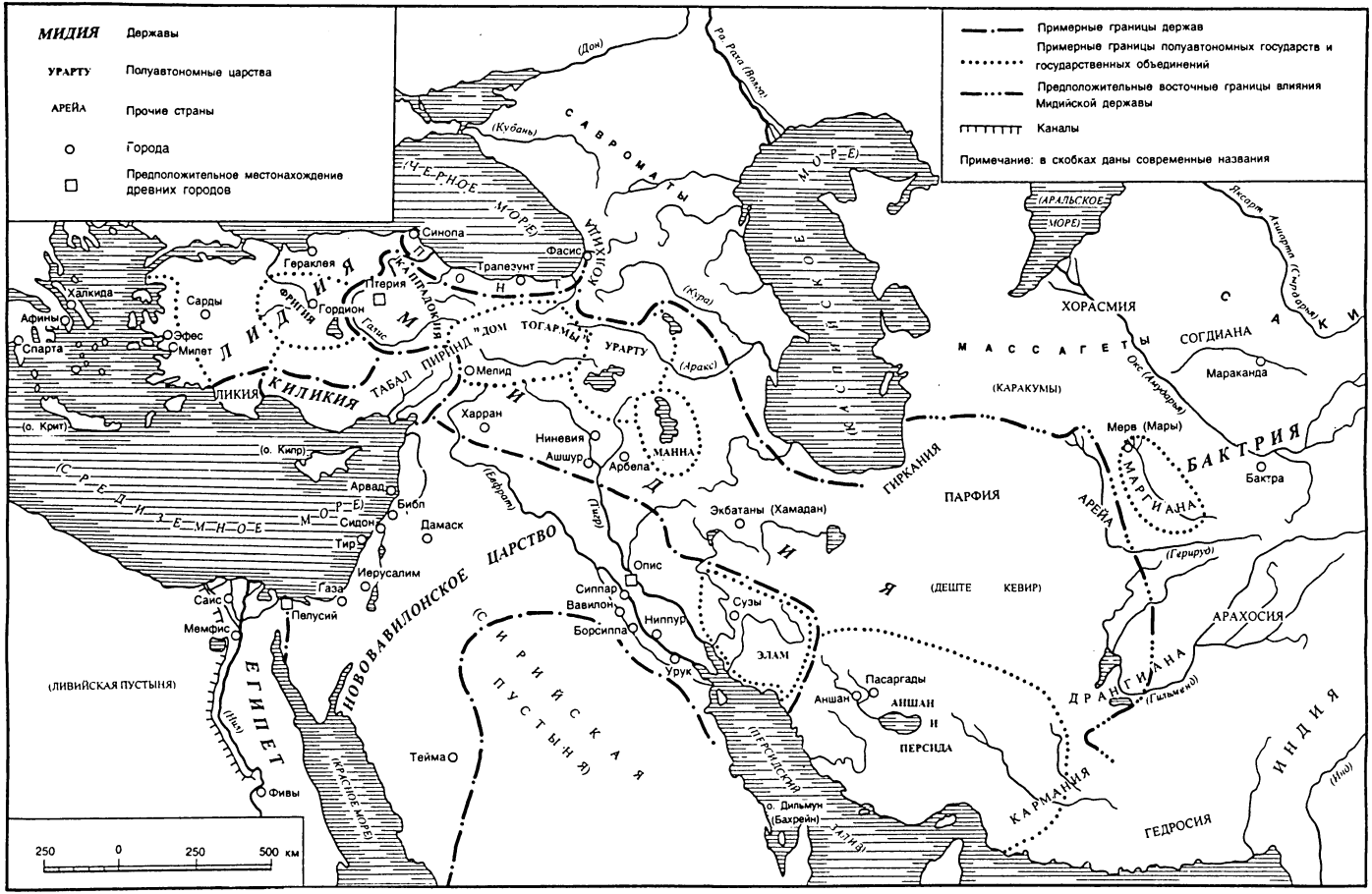

- Города
- Предположительное местонахождение древнего города
- ПОНТ — Страны
- *ХАЛДЕИ* — Племена
- Район распространения лувийских иероглифов
- Район оседания «восточных» мушков
- Вторжение киммерийцев
- Вторжение скифов
- Южные границы временного влияния Урарту в VIII в. до х.э.
- Урарту в VII в. до х.э.
- Первоначальная территория Фригии (предположительно)
- Предположительная граница влияния Фригии на юге
- Границы сфер влияния Мидии и Лидии по условиям мира 585 г. до х.э.
- Место находки надписи Гордия I
- Иония
- Оазисы
- Болота
- Исторические русла Тигра и Евфрата

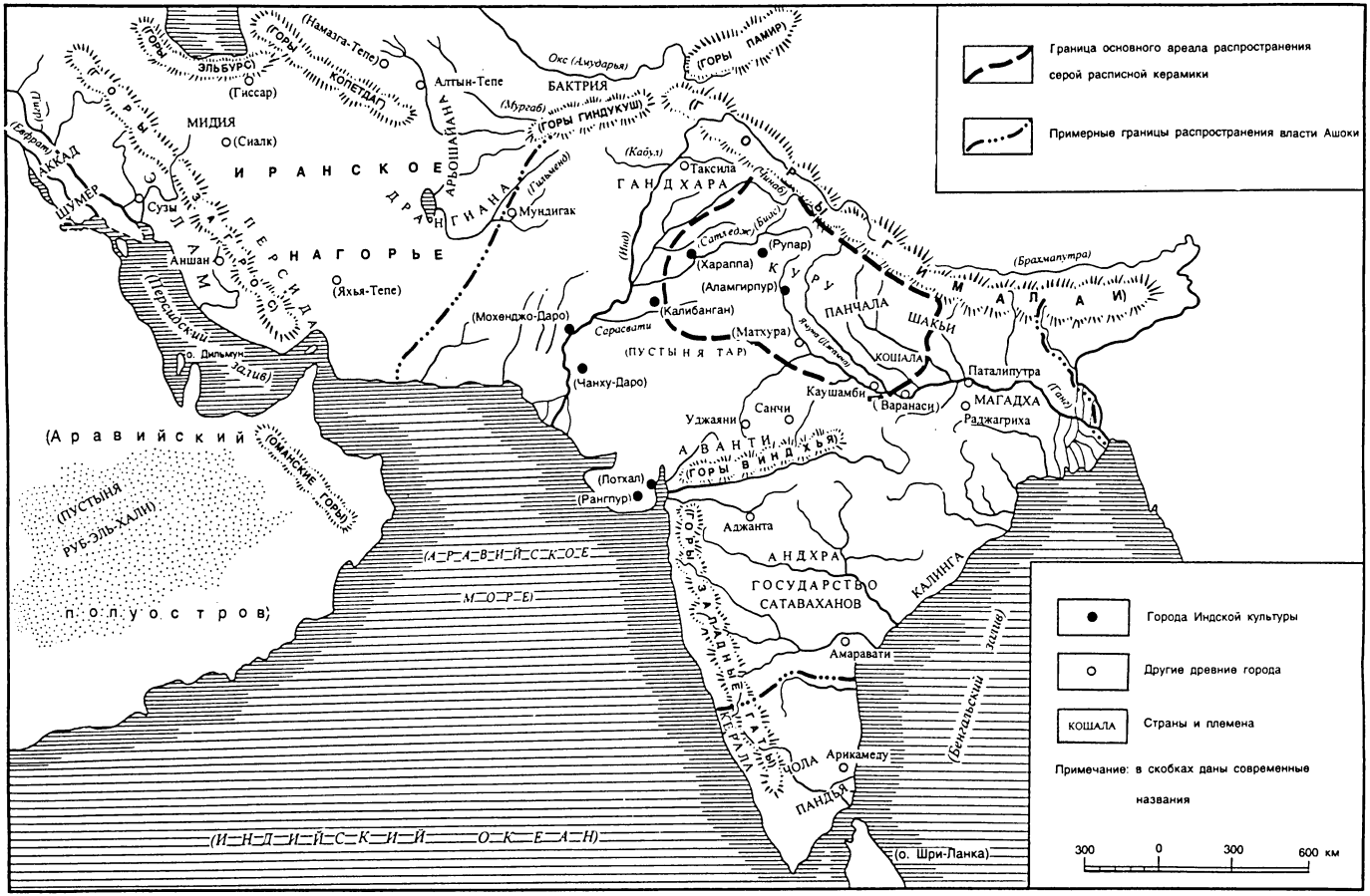
Примечание: в скобках даны современные названия

90 0 90 180 км

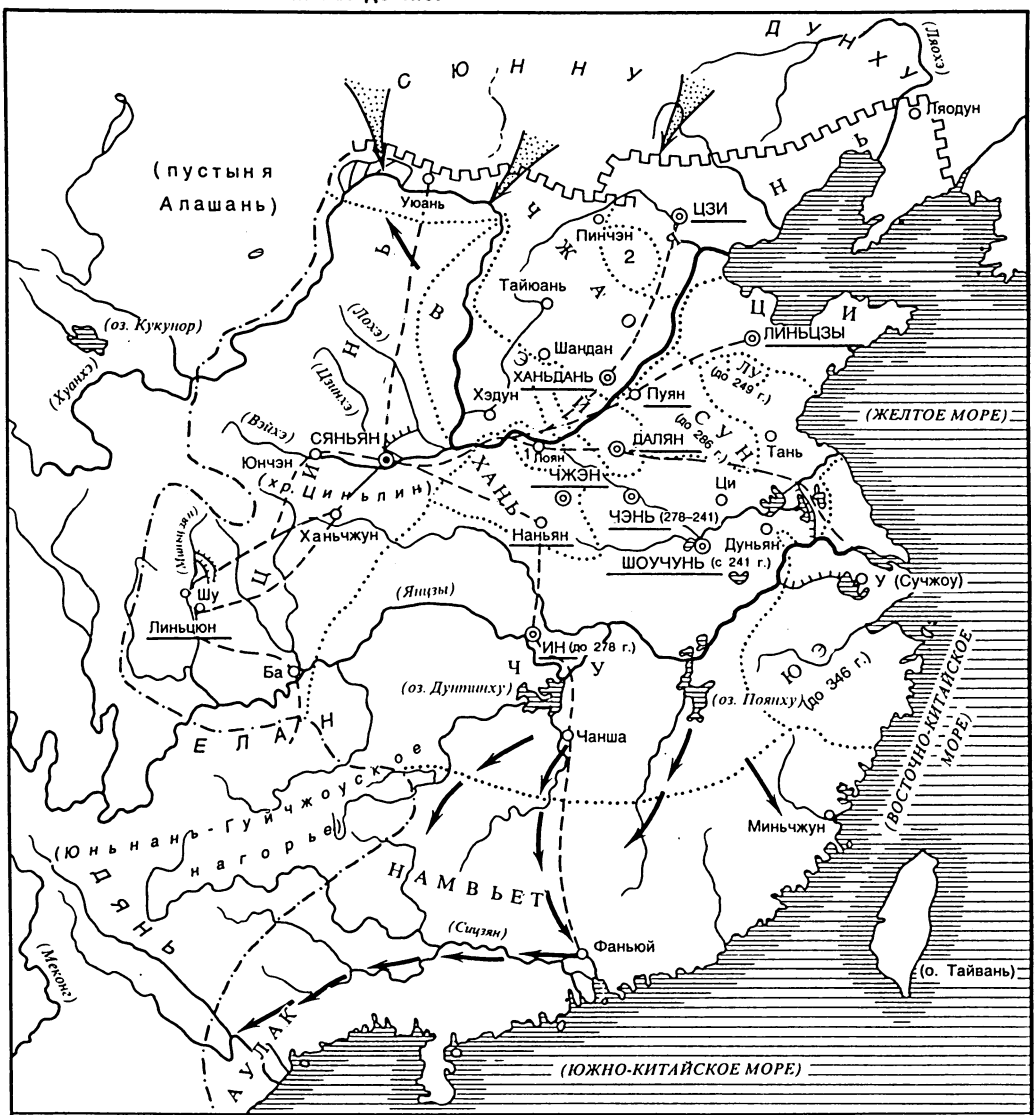
ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI в. до х.э.

ИНДИЯ И ИРАН В ДРЕВНОСТИ (ДО КОНЦА III в. до х.э)

ДРЕВНИЙ КИТАЙ В IV—III вв. до х.э.

ЛУ — Названия и приблизительные границы древнекитайских царств в эпоху Чжаньго. Цифрами обозначены следующие царства: 1 – ЧЖОУ (до 256 г.), 2 – ЧЖУНШАНЬ (до 301 г.)

ЧЖЭН — Столицы семи сильнейших царств

Прочие населенные пункты

Наньян — Крупные торгово-ремесленные центры

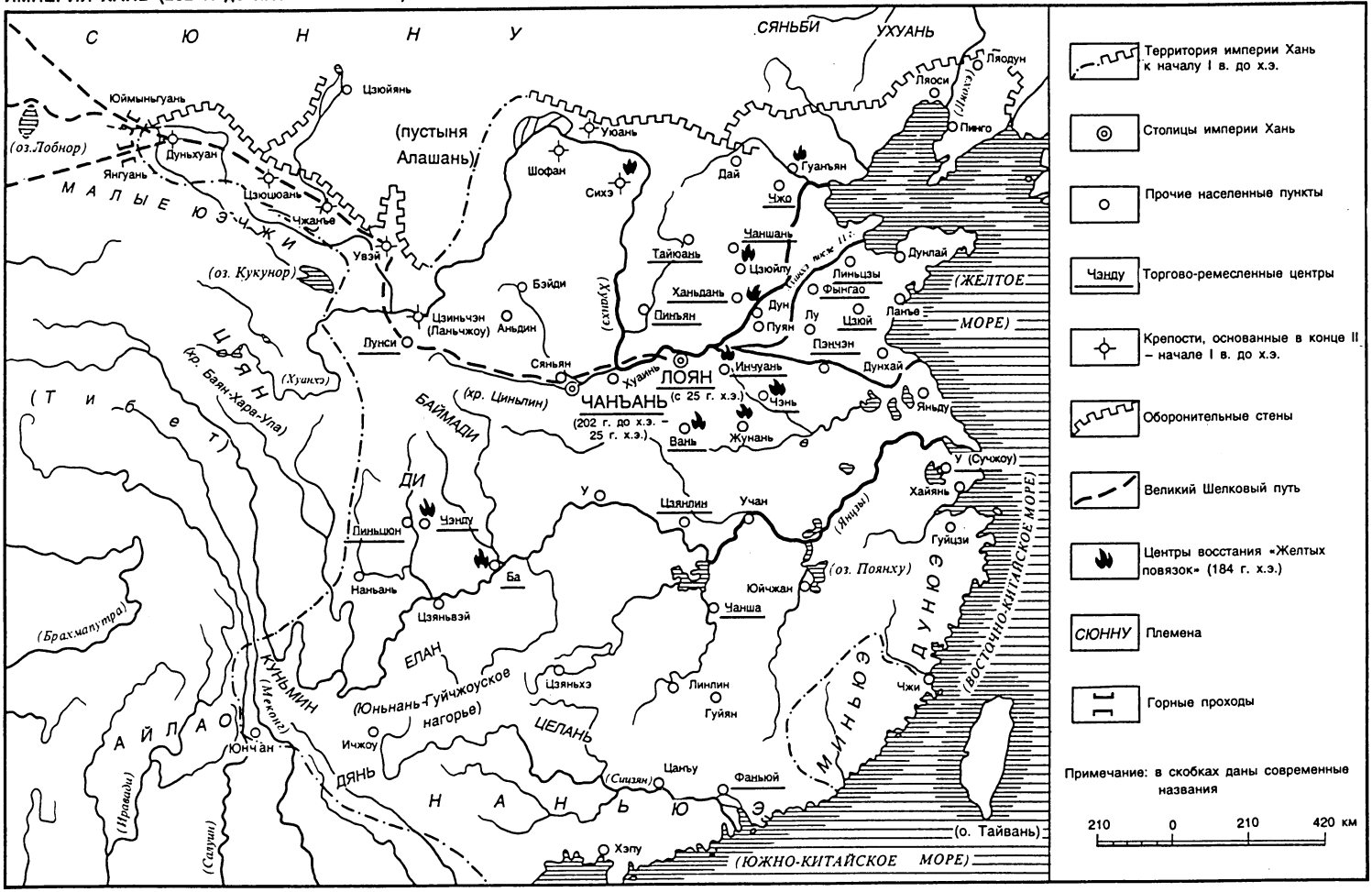
Важнейшие каналы и ирригационные системы

СЮННУ — Племена

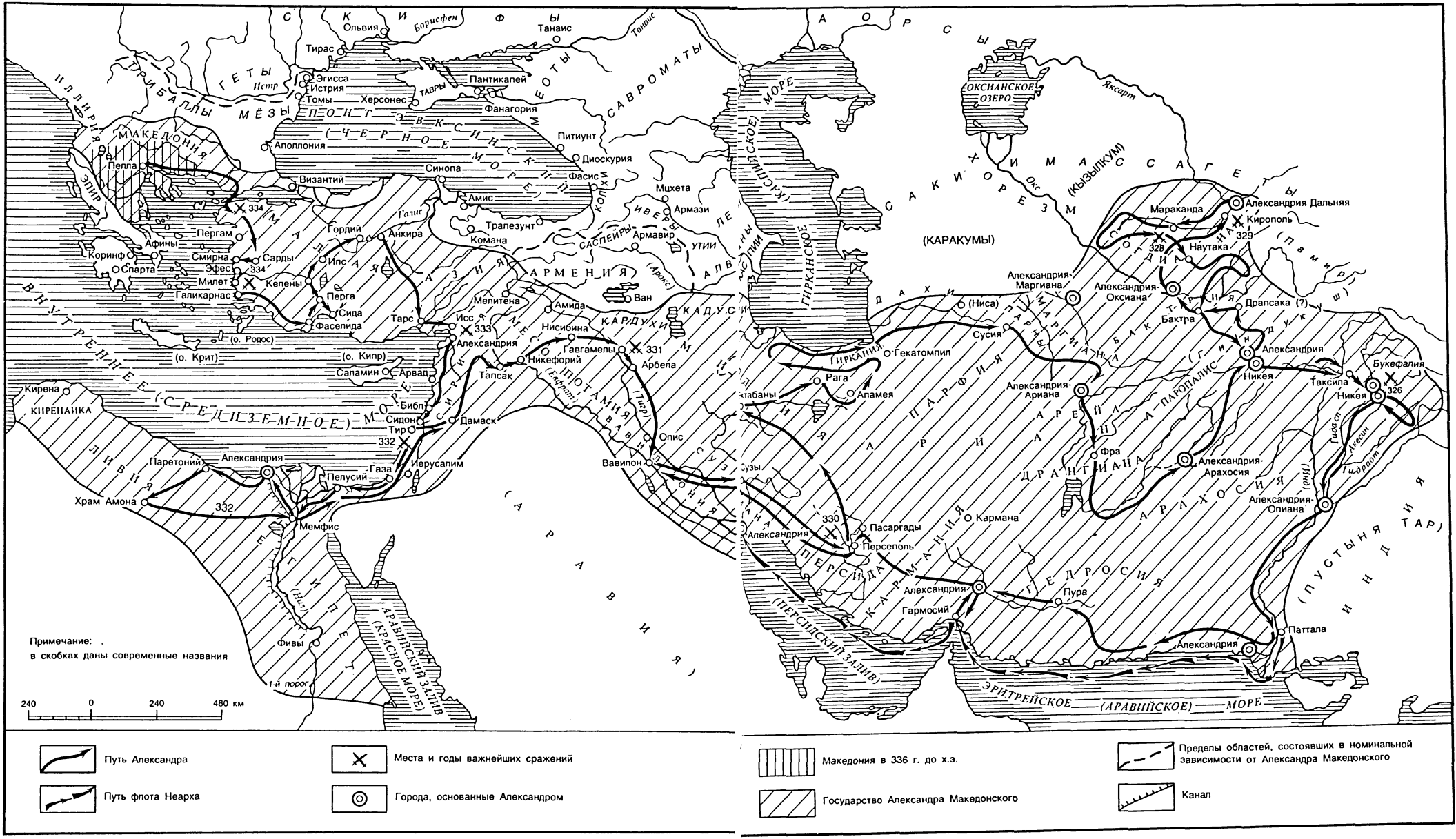
Направление вторжений сюнну

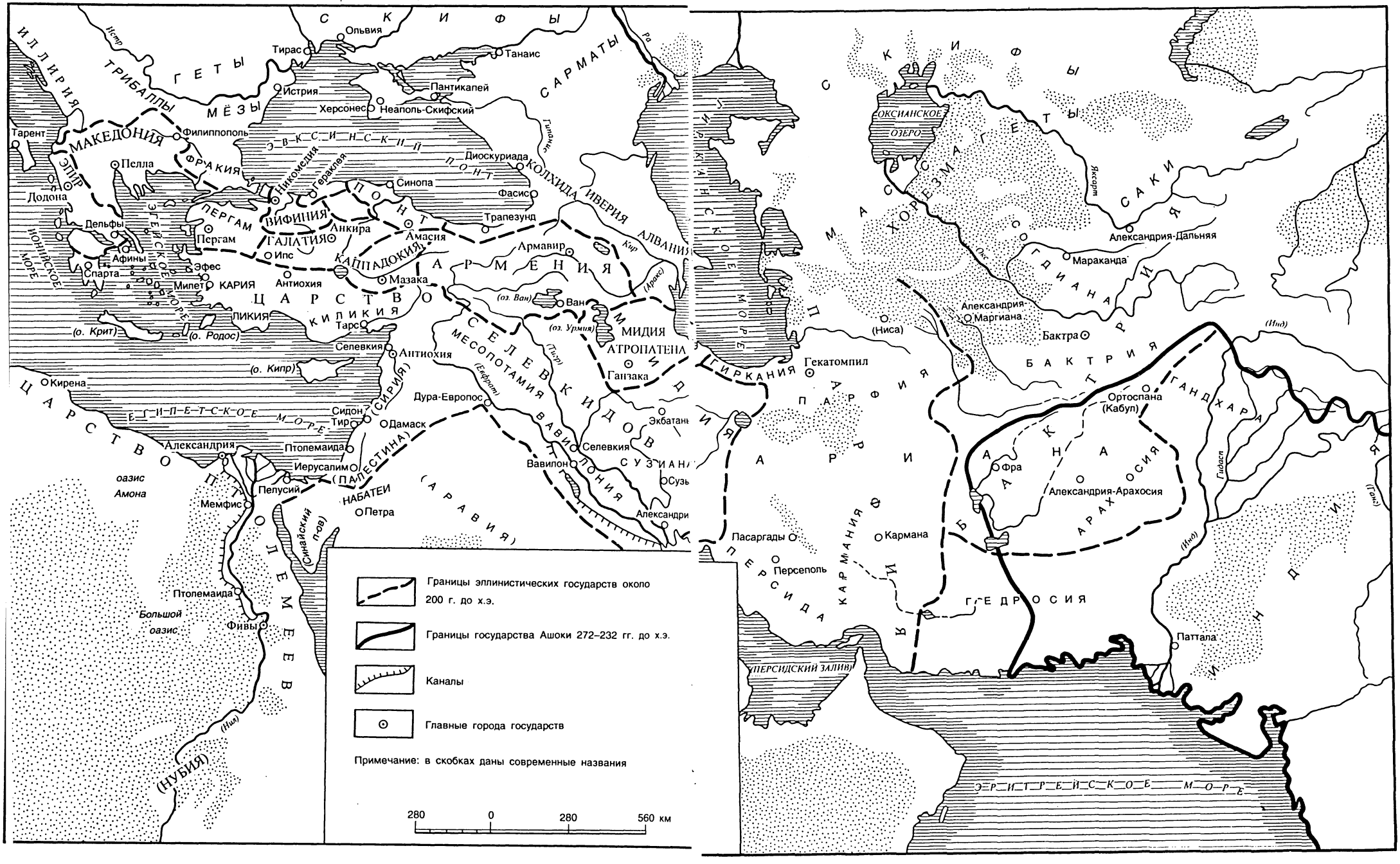
Столица империи Цинь (221–206)

ИМПЕРИЯ ХАНЬ (202 г. до х.э. – 220 г. х.э.)

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА
СКИФЫ
ИЛЛИРИЯ
ТРИБАЛЛЫ
ГЕТЫ
МЕЗЫ
САРМАТЫ
Истр
Ольвия
Тирас
Танаис
Истрия
Пантикапей
Херсонес
Неаполь-Скифский
Тарент
МАКЕДОНИЯ
Филиппополь
ЭПИР
ФРАКИЯ
Пелла
Никомедия
Гераклея
Синопа
Диоскуриада
КОЛХИДА
ИБЕРИЯ
АЛБАНИЯ
Фасис
Додона
ПОНТ
ВИФИНИЯ
Трапезунд
Дельфы
ПЕРГАМ
Анкара
Амасия
Пергам
ГАЛАТИЯ
Армавир
Ипс
КАППАДОКИЯ
АРМЕНИЯ
Афины
Эфес
Мазака
Спарта
Милет
КАРИЯ
Антиохия
(оз. Ван)
Ван
МИДИЯ АТРОПАТЕНА
ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ
КИЛИКИЯ
ЛИКИЯ
Тарс
(оз. Урмия)
(о. Крит)
(о. Родос)
Селевкия
Антиохия
МЕСОПОТАМИЯ
Ганзака
(о. Кипр)
Кирена
Дура-Европос
Экбатана
Сидон
Тир
Дамаск
Селевкия
Александрия
Птолемаида
Иерусалим
(ПАЛЕСТИНА)
Вавилон
СУЗИАНА
Пелусий
НАБАТЕИ
Петра
Мемфис
оазис Амона
Александри
Синайский п-ов
(АРАВИЯ)
Птолемаида
Большой оазис
Фивы
(НУБИЯ)
Границы эллинистических государств около 200 г. до х.э.
Границы государства Ашоки 272–232 гг. до х.э.
Каналы
Главные города государств
Примечание: в скобках даны современные названия
280 0 280 560 км
ОКСИАНСКОЕ ОЗЕРО
Яксарт
Александрия-Дальняя
Мараканда
Александрия-Маргиана
Бактра
(Ниса)
Гекатомпил
ГИРКАНИЯ
ПАРФИЯ
БАКТРИЯ
Ортоспана (Кабул)
ГАНДХАРА
Фра
Александрия-Арахосия
Гидасп
Пасаргады
Кармана
Персеполь
ПЕРСИДА
КАРМАНИЯ
ГЕДРОСИЯ
(ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ)
Паттала
ИНД
ЭРИТРЕЙСКОЕ МОРЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редколлегии серии 5
Предисловие к первому тому 14
Глава I. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла.
Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития . . 27
1. Предпосылки образования первого классового общества (27) 2. Первый путь развития обществ ранней древности (29) 3. Второй путь развития обществ ранней древности (38) 4. Третий путь развития обществ ранней древности (39) 5. Миропонимание на грани первобытного и древнего обществ (40)
Глава II. Города-государства Шумера 45
1. Создание упорядоченной ирригации в низовье Евфрата (45) 2. Изобретение письменности. Протописьменный период (46) 3. Раннединастический период (49)
Глава III. Переход к территориальному государству в Месопотамии 57
1. Государство Саргонидов (57) 2. Гудеа (62) 3. III династия Ура (62) 4. Падение Ура и возвышение Иссина (65)
Глава IV. Шумерская культура 67
1. Религиозное мировоззрение и искусство населения Нижней Месопотамии (67) 2. Шумерская литература (73)
Глава V. Старовавилонский период истории Месопотамии 78
1. Старовавилонское общество (78) 2. Политическая история (82) *Иссин* (84) *Эшнунна* (85) *Ларса* (85) *Вавилон* (88) 3. Новые черты общественного развития. Конец старовавилонского периода (89) 4. Законы (92)
Глава VI. Месопотамия в XVI—XI вв. до х.э. 100
1. Средневавилонский период в Нижней Месопотамии. Касситское царство и Элам (100) 2. Средневавилонское общество (102) 3. Митанни и Аррапха (103) 4. Город-государство Ашшур и возникновение Ассирийского царства (106) 5. Культура и общество Ассирии (110)
Глава VII. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство 113
1. Дохеттский период в Малой Азии (113) 2. Древнехеттское царство (ок. 1650 — 1500 гг. до х.э.) (116) 3. Новохеттское царство (ок. 1400 — 1200 гг. до х.э.) (118) 4. Социально-экономические отношения в Хатти (120) 5. Право и закон (125) 6. Хеттская культура (126)
Глава VIII. Сирия, Финикия и Палестина в III—II тысячелетиях до х.э. 128
1. Возникновение цивилизации (128) 2. Митанни и фараоновский Египет (133) 3. Народное движение хапиру (136) 4. Хетты и фараоновский Египет (137) 5. Переселение «заречных племен» и «народов моря» (139) 6. Культура. Алфавит (144)
Глава IX. Раннее и древнее царства Египта 147
1. Возникновение государства (147) 2. Раннее царство (153) 3. Древнее царство (156)
Глава X. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов 165
1. Переходный период (165) 2. Среднее царство (167) 3. II Переходный период и гиксосское завоевание (175)
Глава XI. Культура древнего Египта 176
1. Религия (176) 2. Архитектура (180) 3. Скульптура (184) 4. Рельеф (186) 5. Письменность (188) 6. Литература (188) 7. Наука (190)
Глава XII. Древнейший Китай 192
1. Период Шань-Инь (195) 2. Период Западного Чжоу (202) 3. Период Восточного Чжоу (207)
Глава XIII. Общие черты второго периода древней истории 213
1. Производительные силы и средства насилия (213) 2. Вопросы увеличения прибавочного продукта и обеспечения расширенного воспроизводства (216) 3. Древние

«мировые» державы (221) 4. Пути развития древнего общества. Полис и возникновение античного пути развития (223) 5. Рабство и свобода. Рабы и «царские» люди (227)

Глава XIV. Новоассирийская держава 230
1. Политическая история (230) 2. Структура ассирийского общества (241) 3. Культура Ассирии (243)

Глава XV. Нововавилонская держава 246
1. Политическая история (246) 2. Социальная структура общества и право (249) 3. Царская власть и положение храмов (254) 4. Хозяйственная жизнь (255) 5. Торговля (258)

Глава XVI. Страны Иранского нагорья и юга Средней Азии в первой половине I тысячелетия до х.э. Мидийское царство. Авеста. Зороастризм 261
1. Области Иранского плато к началу исторической эпохи. Место Ирана в истории древнего Востока. «Иран» и «иранцы» (261) 2. Западный Иран в начале I тысячелетия до х.э. (264) 3. Ассирийские и урартские завоевания в Иране (268) 4. Маннейское царство (270) 5. Элам в первой половине I тысячелетия до х.э. (273) 6. Происхождение иранских племен и их распространение по территории Ирана (275) 7. Авеста и ранний зороастризм (277) 8. Социально-экономический строй древнеиранских племен (283) 9. Возникновение независимой Мидии. Мидийская держава (285) 10. Возникновение кочевого скотоводства и распространение кочевых племен в горных районах Ирана (287)

Глава XVII. Ахеменидская держава 290
1. Возникновение мировой Персидской державы (290) 2. Экономика и социальные институты Персидской державы (296) 3. Иран в V в. до х.э. (302) 4. Падение Персидской державы (306) 5. Идеология и культура древнего Ирана (308)

Глава XVIII. Урарту, Фригия, Лидия 312
1. Малая Азия и смежные области после гибели Хеттского царства (312) 2. Возвышение Урарту (317) 3. Общество Урарту (320) 4. Урарту времени расцвета (323) 5. Урарту и Фригия (324) 6. Скифы. Упадок Урарту и возвышение Лидии. Первое Армянское государство (328)

Глава XIX. Финикия и финикийцы в конце II — I тысячелетии до х.э. 332
1. Финикия (332) 2. Финикийская колонизация (339) 3. Карфаген (343)

Глава XX. Палестина в первой половине I тысячелетия до х.э. Царства Израиля и Иудеи 351
1. Палестина в XII—X вв. до х.э. и образование Иудейско-Израильского государства (352) 2. Хозяйство, общество и государство в Палестине первой половины I тысячелетия до х.э. (357) 3. Пророческое движение и становление Ветхого завета (363)

Глава XXI. Новое царство в Египте и поздний Египет 370
1. Общие черты периода (370) 2. Египетская военная держава времени XVIII династии (372) 3. Религиозная реформа Аменхетепа IV и конец XVIII династии (377) 4. Египет при XIX династии (382) 5. Египет в период XX династии и конец Нового царства (384) 6. Поздний Египет (386)

Глава XXII. Древняя Индия 389
1. Индская цивилизация (XXIII—XVIII вв. до х.э.) (392) 2. «Ведийский период» (397) 3. «Буддийский период». Образование общеиндийской державы (410) 4. «Классическая эпоха» (II в. до х.э. — V в. х.э.) (418) 5. Религия и культура (423)

Глава XXIII. Китай во второй половине I тысячелетия до х.э. — первые века христианской эры 433
Империи Цинь и Хань (конец III в. до х.э. — начало III в. х.э.) (438)

Глава XXIV. Культура древнего Китая 462

Глава XXV. Корея в древности 486

Глава XXVI. Предэллинизм на Востоке. Послепленная Иудея 490

1. Новые явления хозяйственной жизни в западных сатрапиях Ахеменидской державы (490) 2. Гражданско-храмовые общины в западных сатрапиях Ахеменидской державы (493) 3. Новые явления в духовной жизни Ближнего Востока VI—IV вв. до х.э. (499)

Глава XXVII. Александр и его преемники на Востоке 505

1. Поход Александра Македонского (505) 2. Наследие Александра (513)

Глава XXVIII. Эллинистические государства в Передней Азии 518

Глава XXIX. Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма 530

1. Независимые государства IV—III вв. до х.э. (530) 2. Армения, Атропатена, Иверия и Албания во II—I вв. до х.э. (535) 3. Общество и культура Закавказья и сопредельных стран в IV—I вв. до х.э. (539)

Глава XXX. Парфия и Греко-Бактрийское царство 543

1. Парфянская держава (543) 2. Внутреннее устройство Парфянского государства (545) 3. Культура Парфии (547) 4. Греко-Бактрийское царство (549) 5. Тохары (юэчжи) (551)

Глава XXXI. Эллинистический Египет 552

Глава XXXII. Восточные провинции Римской империи 562

1. Палестина в эллинистическо-римский период (562) 2. Падение независимых государств в Палестине (565) 3. Восточное Средиземноморье в составе Римской империи (566)

Глава XXXIII. Коренные перемены в мировоззрении («осевое время») 578

1. Мировоззрение и мироощущение человека в древности (578) 2. Идеологические перемены (582) 3. Проблема изменений мироощущения в истории (585) 4. Проповедь Заратуштры (587) 5. Новые явления в яхвизме-иудаизме в I тысячелетии до х.э. (590) 6. Религиозно-философские учения Индии (596) 7. Религиозно-философские учения Китая (601) 8. Возникновение христианства (606)

Заключение 613

1. Происхождение народов и языков (613) 2. Социальная психология (616) 3. Конец древности (621)

Рекомендуемая литература 623

Указатель имен 635

Указатель географических названий 646

Указатель терминов и названий народов древности 659

Карты 666

Древняя Месопотамия (III—II тысячелетия до х.э.) (666) Передняя Азия и Эгейский мир во II тысячелетии до х.э. (668) Древний Египет (670) Древний Китай во II — первой половине I тысячелетия до х.э. (671) Ассирийская держава в VIII—VII вв. до х.э. (672) Держава Ахеменидов (674) Урарту, Фригия, Лидия (676) Передняя Азия в первой половине VI в. до х.э. (678) Индия и Иран в древности до конца III в. до х.э. (679) Древний Китай в IV—III вв. до х.э. (680) Империя Хань (202 г. до х.э. — 220 г. х.э.) (681) Походы Александра Македонского (682) Эллинистические государства (684)

ISBN 978-5-02-036402-8

